ІЮЛЬ. 1904.

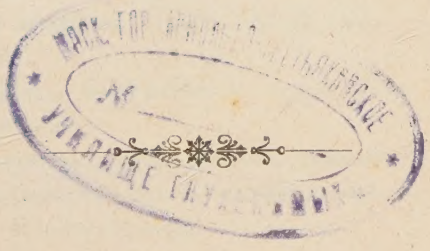
1687

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.



DUPLICATE
5885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюля 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	**Телеграфистка.** Разсказъ. *Мих. Немоловскаго.* . .	3— 28
2.	**Изъ записокъ декабриста.** Окончаніе. *Н. И. Лорера.*	29— 53
3.	**За счастьемъ и правдой** (Очерки и наблюденія русскаго путешественника). Продолженіе. *П. Владычeнко*	54— 75
4.	*** Стихотвореніе *Г. Галиной.*	76
5.	**Нашла коса на камень.** Романъ *Роды Броутонъ.* Перев. съ англійскаго К. И. Саблиной. Продолженіе.	77—112
6.	**Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ.** *І. Кулишера.*	113—144
7.	**Край мой родимый!** Стихотвореніе *Г. Галиной.* . .	144
8.	**Вожделѣнное преуспѣяніе.** Разсказъ *С. Елеонскаго.* .	145—184
9.	**Диллетанты.** Романъ *Клары Фибигъ.* Переводъ съ нѣмецкаго В. С. (Въ приложеніи).	1— 48
10.	**Экспериментальное искусство.** *А. Г. Горнфельда.* .	1— 18
11.	**Изъ Англіи.** *Діонео.*	19—39
12.	**Галлерея французскихъ знаменитостей.** Анри Рошфоръ. *Н. Е. Кудрина.*	40— 84
13.	**Крестьянское малоземелье, какъ проблема экономической политики.** (По работамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ). *А. В. Пѣшехонова.*	84—122
14.	**Новыя книги:** Иванъ Новиковъ. Исканія. — В. Я. Свѣтловъ. Всѣ цвѣта радуги. — Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. — Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ.—Книга мудрости. Составилъ М. Л. Бинштокъ.—Ив. Ивановъ. Вопросы молодости.—Генрихъ Дюмо-	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

ларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. — П. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой.—Изданія Товарищества „Донская Рѣчь“: Б. С. Трудъ и Капиталъ. В. Строевъ. Очерки государства Московскаго передъ реформами. — Эсперовъ П. Е. Какъ надо корреспондировать.—Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ. — Справочникъ по устройству медицинскихъ чтеній. — Новый способъ леченія. Сочиненіе М. Платена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . 123—146

15. **Политика:** Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—На сушѣ.—У Портъ-Артура.—На морѣ.—Захватъ нейтральныхъ судовъ. *С. Н. Южакова.* . . . . 147—173

16. **Къ вопросу объ оздоровленіи деревни.** *М. С. Каменева.* . . . . . 173—183

17. **Вокругъ да около.** *Л. Л—о.* . . . . . 183—202

18. **Случайныя замѣтки:** Нѣсколько итоговъ оффиціальнаго попеченія трезвости. *М. К.* — Курскій проектъ устраненія желтой опасности *О. Б. А.* — Теодоръ Герцль. *А. Г.* . . . . . 202—211

19. **Памяти Антона Павловича Чехова.** *Вл. Короленко.* . 212—223

20. **Отчетъ конторы редакціи.**

21. **Извѣщеніе.**

22. **Объявленія.**

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Подписчики „Русскаго Богатства", обращающіеся за книгами непосредственно въ контору журнала письменно,— пользуются даровой пересылкой, лично — уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Д. Айзманъ. ЧЕРНЫЕ ДНИ. Очерки и разсказы. Изд. 1904 г.— 261 стр. Ц. 1 р.

На чужбинѣ.—Рабъ.—Земляки.—Объ одномъ злодѣяніи.—Немножечко въ сторону.—Саванъ.

А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.— 150 стр. Ц. 80 к.

Предисловіе.—Народный читатель.—Лубочная литература.—Практическая дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы.— Печать о народной литературѣ.—Литерат. общества для народа.—Прогрессивная спеціально-крестьянская литература. — „Что читать народу?"—Духовно-нравственная книга.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Предисловіе.—I. Смѣна теченій.—II. Новый фазисъ. Имперіализмъ. Два промышленныхъ міра. Энциклопедія съ ключемъ. Капище мамоны. Герой биржи.—III. Политическая жизнь и общественные дѣятели. Палата общинъ. Палата лордовъ. Королева Викторія. Выборы.—IV. Литература и печать. Reviews. Левіаѳаны. Народная печать и уличныя газеты. Грэнтъ Алленъ. Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитманъ.—V. Народъ. Секты. Жизнь бѣдняковъ въ городахъ. Рабочій кварталъ. Уайтчепель. Фрэнки.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Десятое* изд. 1903 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга II. *Шестое* изд. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.— Ночью.—Тѣни (фантазія).—Судный день (Іомъ-Купиръ).—Малорусская сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗКАЗЫ. Книга III. *Второе* изд. 1903 г.— 349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.— Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд.—383 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. — 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Второе* изд. 1903 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора.—I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р

Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Шепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изд. 1900 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ.—„Гласный судъ", „Современ обозрѣніе" „Отеч. записки".—Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій. Некрасовъ какъ человѣкъ —Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы А. М. Скабичевскаго.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. запискамъ —Въ одной изъ толстовскихъ колоній Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова —Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г Мечниковъ как гигіенисты О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки о будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса Кающіеся дворяне Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изд. 1900 г.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова.—Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ. — Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычкѣ вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина“ г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.— О Литературномъ обществѣ“ и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ“.

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р 50 к.

„ Томъ II (печатается). Ц. 1. р 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ.—Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ.—Современные аргонавты.—Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить.—Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.— Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ.—Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина“. Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.* — Современная Миньона. *Н. Съверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*—Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*— А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Кудрина.* Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.*—Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ» Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г. — 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ.—На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878 — 1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Продолжается подписка на 1904 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(XII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. Г. КОРОЛЕНКО.**

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . . . **9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и въ Москвѣ . . **8** »
За границу . . . . . **12** »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Гагарина.*

Желающіе воспользоваться разсрочкой подписной платы (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и др. коммиссіонеровъ по пріему подписки, отъ которыхъ подписка въ разсрочку не принимается) должны обращаться **непосредственно** въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

При подпискѣ. . . . . **5** р. и къ 1-му іюля . . . . . **4** » — или — при подпискѣ . . . . . **6** р. и къ 1-му іюля . . . . . **3** »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписна въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ТЕЛЕГРАФИСТКА.

Разсказъ.

I.

— Тикъ-тикъ, тукъ-тукъ-тукъ, тикъ! — выстукиваетъ Тамочка депешу.

— Вамъ скучно?—спрашиваетъ она сосѣднюю станцію.

— Скучно,—отвѣчаютъ оттуда.

— Тикъ-тикъ-тикъ-тикъ, — стучитъ Тамочка безъ толку клавишей и смѣется.

Такъ Тамочка всегда дѣлаетъ. Спроситъ: скучно?—телеграфныя проволоки принесутъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: скучно,—и она начинаетъ усиленно барабанить клавишей и смѣяться, предполагая, что „тамъ“ тоже станетъ весело. Тамочка даже не знаетъ, кто оттуда присылаетъ это постоянное, противное „скучно“. Но, должно быть, тамъ телеграфистъ съ большой бородой, угрюмый и ужасно, ужасно скучный. Онъ, вѣроятно, безъ передышки тянетъ вонючія папиросы, ходитъ изъ угла въ уголъ и вѣчно свиститъ, а можетъ быть, и читаетъ очень умныя, толстыя-претолстыя книги. И ни одного слова, кромѣ „скучно“. Глупый! На станціи съ другой стороны сидитъ веселый... такой веселый, такой симпатичный молодой человѣкъ. Душка! Тамочка часто передаетъ ему по телеграфу: душка! И онъ нисколько не обижается. Называется онъ: Василій Петровичъ. Совсѣмъ еще мальчикъ... хорошенькій, маленькій-маленькій мальчикъ. Совсѣмъ ребенокъ! Когда онъ черезчуръ веселъ, аппаратъ говоритъ: „я васъ люблю“. И Тамочка тогда посылаетъ ему: „какъ вамъ не стыдно! Гадкій!“ Василій Петровичъ пишетъ стихи и посвящаетъ ихъ своей симпатіи, а одно посвятилъ Тамочкѣ. Красиво переписанное на розовой бумажкѣ стихотвореніе, въ скоромъ времени послѣ пріѣзда телеграфистки, было прислано ей. Вверху со всевозможными завитушками, хвостиками и лапками красовалось: „Къ телегра-

фисткѣ". А дальше шло произведеніе молодого поэта; при чемъ каждая строфа стихотворенія была написана иными чернилами. Поэтъ говорилъ о томъ, что „въ мертвомъ полѣ раздался голосъ, который звалъ меня куда-то въ даль", что „какъ быстрый вѣтеръ, родясь на волѣ, промчались вы передо мной", что... Однимъ словомъ... розовая бумажка хранилась то за корсажемъ, то подъ аппаратомъ, то подъ подушкой, какъ святыня.

Она сама познакомилась съ Василіемъ Петровичемъ еще въ то время, когда ѣхала на эту „глупую" станцію.

Тамочкѣ было очень... чрезвычайно весело, когда ее назначили, наконецъ-таки, телеграфисткой. Она впродолженіи всего своего путешествія смѣялась, разспрашивала молчаливыхъ пассажировъ, куда они ѣдутъ и зачѣмъ ѣдутъ, а если кто-нибудь любопытствовалъ, куда она держитъ путь, Тамочка сдвигала брови, сжимала губки и пресерьезно отвѣчала:

— Служить.

— Чѣмъ?

— Телеграфисткой,— еще серьезнѣе сообщала она.

— Куда?

— А далеко-далеко. Отсюда не видно!—и смѣялась звонко-звонко, такъ что присутствующіе оглядывались и хмурили лица.

Тутъ Тамочка начинала рисовать пассажиру свою теперешнюю „самостоятельную" жизнь: какъ она будетъ ходить по полямъ, въ лѣсъ (вѣдь она никогда еще не жила въ деревнѣ!) какъ будетъ удить рыбу (а она очень любитъ удить рыбу!). Тамочка не знала даже, есть ли тамъ рѣка, но она не могла представить себѣ деревню безъ рѣки и лѣса. Это было бы такъ скверно! Совсѣмъ, совсѣмъ гадко! „Глупый" пассажиръ (Тамочка всѣхъ скучныхъ называла глупыми) любезно выслушивалъ ея болтовню и не задавалъ больше ни одного вопроса,—и это злило телеграфистку.

А когда поѣздъ подошелъ къ какой-то станціи, и кондукторъ объявилъ ей, что это послѣдняя остановка, Тамочка стала еще веселѣе.

Она быстро выбѣжала изъ вагона, спросила, сколько стоитъ поѣздъ, и, узнавъ, что остановка продолжится 15 минутъ, вошла въ вокзалъ. Тутъ Тамочка чувствовала себя, какъ дома. Да и всю желѣзную дорогу она считала теперь своей, и потому съ кондукторами и другими служащими говорила, какъ съ давно знакомыми, своими людьми. Она сейчасъ же отправилась въ комнату, гдѣ помѣщался телеграфъ, и просто обратилась къ молоденькому телеграфисту:

— Здравствуйте!—и протянула свою маленькую ручку.

Телеграфистъ нѣсколько смутился.

— Здравствуйте, — не то промычалъ, не то прошепталъ онъ.

— А я ваша сосѣдка,—бойко отрекомендовалась Тамочка.

— Въ какомъ... смыслѣ?

— Въ простомъ. Вы здѣсь, а я тамъ,—и она указала по направленію предполагаемой станціи.

— Такъ вы телеграфистка?! Ну-да, знаю, знаю. Какъ же! Мнѣ говорилъ начальникъ... Ну-да. Садитесь... садитесь, пожалуйста.

Телеграфистъ снова подалъ руку, подвинулъ стулъ, засуетился, спросилъ, не хочетъ ли Тамочка чаю, и когда она отказалась, усѣлся противъ нея, — и они стали болтать.

Тамочка сыпала вопросы: большая тамъ рѣка? Сердитый начальникъ станціи? Много рыбы въ рѣкѣ? Старый начальникъ или молодой? Женатый или нѣтъ?..

Телеграфистъ тоже задавалъ одинъ вопросъ за другимъ.

— А вамъ скучно здѣсь?—спрашивала телеграфистка.

— Не то, чтобы очень, но...

Пятнадцать минутъ пробѣжали, какъ одна. Ударилъ второй звонокъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, — суетился Василій Петровичъ, вырывая у нея изъ рукъ узелокъ.

— Какой вы смѣшной, право! — говорила Тамочка, отдавая ему узелокъ и бросая на его плечо пледъ. Она хохотала.—Вы ужасно, ужасно смѣшной!

— Мы будемъ разговаривать по телеграфу, — спѣшила договорить телеграфистка, крѣпко пожимая руку Василія Петровича и хватая свой узелокъ.

— Хорошо, хорошо!—говорилъ Василій Петровичъ, радостно улыбаясь.

Съ тѣхъ поръ они ежедневно „перестукивались“, хотя это и запрещали имъ начальники станцій.

Веселый телеграфистъ иногда даже шутилъ.

— Вамъ скучно?—спроситъ Тамочка.

— Ѣмъ рѣдьку,—отвѣчаетъ аппаратъ.

— Тикъ, тикъ, тикъ, тикъ,—барабанитъ Тамочка.

— Тикъ, тикъ, тикъ, тикъ,—стучитъ тоже безъ толку Василій Петровичъ и, вѣроятно, тоже смѣется.

А вотъ та другая, „глупая“, станція—вѣчно одно и то же: скучно и скучно. Какъ будто на свѣтѣ нѣтъ другихъ словъ! Тамочка даже боится съ нимъ заговаривать, а въ особенности стучать безъ толку. Его должно злить... Но ничего; пускай позлится... противный! Должно быть, онъ всегда со злостью выбиваетъ свое отвратительное „скучно“. Пусть сер-

дится! И Тамочка черезъ нѣсколько минутъ опять спрашиваетъ:

— Вамъ скучно?

И тогда ей очень хочется передать по телеграфу свой смѣхъ.

„Глупая“ станція не отвѣчаетъ.

— У, противный, гадкій!—говоритъ телеграфистка вслухъ и смѣется, а послѣ начинаетъ долго стучать клавишей и смѣется еще больше, воображая „злую рожу глупаго господина“.

Только однажды „глупая“ станція была разговорчивѣе обыкновеннаго. Когда Тамочка спросила: „что вы теперь дѣлаете?“—оттуда отвѣтили: „ничего“; а на вопросъ: „устали?“—аппаратъ сказалъ: „нѣтъ“. Но когда телеграфистка полюбопытствовала: „какъ ваше имя-отчество?“—„глупый господинъ“ выбилъ первую букву, а потомъ точно спохватился и совсѣмъ не откликался.

II.

И такъ прошло цѣлыхъ полгода.

Въ первые дни Тамочка уходила въ поле—погулять, посмотрѣть, какъ крестьяне косятъ, жнутъ, или же шла на рѣку удить рыбу. Ее, какъ ребенка, забавляла всякая рыбешка, поймапная ею собственноручно. А главное—ей нравилось одно хорошенькое мѣстечко, недалеко отъ деревни, около моста, гдѣ она обыкновенно усаживалась съ удочкой. Рѣка протекала межъ густой травы подъ самой деревней, вдали отъ станціи, которая стояла на голомъ полѣ совершенно одинокой. Кругомъ вокзала было пусто, тоскливо. Ни лѣса, ни сада, только вдали на холмикѣ виднѣлись три дикихъ груши. Какъ-то весной сторожъ Савелій посадилъ шесть березокъ и два клена около флигеля, но и тѣ, распустившись до половины, засохли. Одинъ кустъ жасмина принялся по срединѣ самой большой клумбы, да подъ окномъ начальника вытянулась чахлая, точно обглоданная, сливка. Три зданія—вокзалъ, флигель, гдѣ помѣщались квартиры начальника, Тамочки и служителей, да еще сарай, накренившійся на одинъ бокъ,—вотъ и вся станція. А вокругъ вокзала кольцомъ обвилась безкрайная, безжалостно-однообразная пустыня. Тамочкѣ сначала и нравилась степь только потому, что напоминала знойную, съ сыпучими песками, пустыню. Широко, просторно, не во что глазу упереться... Такъ бы бѣжать, бѣжать, бѣжать, безъ конца бѣжать до самаго горизонта... и дальше, за горизонтъ. Но вскорѣ ей до того надоѣла степь съ ея просторомъ, безконечностью, что она забросила удочку и совсѣмъ перестала ходить въ поле.

Принялась было за книги, но быстро перечитала всѣ, какія имѣлись у начальника.

И каждый день ей приходилось много думать, какъ убить день. Утромъ, въ 12 часовъ, приходилъ первый товарный поѣздъ,—и Тамочка спитъ почти до 12. А когда отъ вокзала отползетъ „эта гадкая черепаха“—товарный поѣздъ, она ходитъ безцѣльно по двору, или же идетъ къ начальнику. Но у него скучища страшная!

Обыкновенно старикъ проводилъ свободное время въ холодной комнатѣ, которая была запасена, кажется, на случай, еслибы начальникъ вздумалъ жениться и обзавестись семейкой. Но онъ никогда не помышлялъ сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, и комната оставалась никѣмъ не занятой. Сюда сваливалось все, что оказывалось лишнимъ въ квартирахъ или на вокзалѣ. Тутъ валялись старыя олеографіи, поломанные стулья, скамейки, шкафы и даже лопнувшая кадка изъ-подъ соленыхъ огурцовъ. Впечатлѣніе получалось такое, какъ-будто хозяева собрались куда-то уѣхать,—и вотъ домашняя рухлядь ждетъ своей судьбы. Среди всего этого хлама старичокъ начальникъ любилъ коротать свои скучные дни, которые были тяжелы, какъ печальныя думы. Усѣвшись поудобнѣе въ старинномъ креслѣ, онъ разворачивалъ „Биржевыя Вѣдомости“ и съ большимъ вниманіемъ просматривалъ иностранную политику, пока... не засыпалъ. Иногда старикъ снималъ со стѣны свою скрипку и тихонько, точно мурлыча, наигрывалъ какой-нибудь вальсъ или малорусскую пѣсенку. Особенно онъ старался надъ одной мазуркой, которая выходила у него похоронным маршемъ.

А когда надоѣдало и то, и другое—и чтеніе, и музыка, начальникъ сидѣлъ, сложа руки, безъ дѣла и упорно глядѣлъ въ одну точку. И въ такомъ положеніи проводилъ цѣлые часы. Задумавшись, онъ, тяжело кряхтя, поднимался съ кресла, подходилъ къ окну и долго смотрѣлъ въ даль, смотрѣлъ туда, гдѣ небо сливалось съ землей, закрывая отъ него, какъ будто умышленно, весь свѣтъ. Потомъ вниманіе его обращали на себя мухи и пауки, которыхъ здѣсь было въ достаточномъ количествѣ. Старичокъ бережно ловилъ мухъ, стараясь не попортить имъ крылышки и ножки,—и бросалъ пойманную жертву въ сѣти паука. И когда большой крестовикъ извивался и такъ, и сякъ, чтобы завладѣть мухой, а та билась и жужжала,—на женоподобномъ лицѣ начальника расплывалась еле уловимая улыбка.

Такую картинку иногда заставала Тамочка. Она весело взвизгивала отъ смѣха.

— Какъ вамъ не стыдно! У, маленькій... дѣточка! Баю-баю-бай, агу-гу-гу...

Начальникъ конфузился, но, чтобы не показать этого, продолжалъ свое дѣло, не оборачиваясь къ телеграфисткѣ.

Постоявъ немного сзади, Тамочка увлекалась, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ раздавались сдержанныя восклицанія обоихъ.

— Такъ ее! Такъ!—подгонялъ начальникъ паука.—Крылышко ей, мерзавкѣ!

— Ой, оборвется!—взвизгивала телеграфистка.

Если же старикъ въ то время, какъ она появлялась въ дверяхъ холодной комнаты, вывозилъ тоскливыя ноты на скрипкѣ, Тамочка усаживалась противъ него, подпирала ладонью голову и слушала музыку.

Но въ послѣднее время ей до безобразія надоѣли всѣ пьесы, исполняемыя начальникомъ. А въ особенности эта глупая мазурка!.. Тянетъ, тянетъ, точно онъ три дня не ѣлъ... Фи, гадость!..

И Тамочка совсѣмъ почти перестала бывать въ холодной комнатѣ. Она любила старика, какъ отца, но что подѣлаешь, если онъ ужасно, ужасно „вяленый“ (такъ говорила Тамочка вмѣсто „вялый“). Онъ очень добрый, очень симпатичный, умный, очень... ну, словомъ, славный старикашка, но нельзя же глядѣть, какъ онъ цѣлый день пьетъ чай! Ей-Богу, у него самоваръ не снимаютъ со стола! А потомъ... развѣ люди такъ говорятъ, какъ онъ: тянетъ, тянетъ, тянетъ... фи, гадость!.. точно разжевываетъ каждое слово. И при этомъ обязательно старается уколоть чѣмъ-нибудь Тамочку. Не было еще дня, чтобы онъ не сказалъ:

— Н-н-да! Во-отъ оно. Зна-читъ, по но-вой парижской модѣ, у ло-ша-дей шляпки точь-въ-точь, какъ у всѣхъ нашихъ ба-рышенъ. Нн-да. Шляпки на-а головахъ. Кто кого.. со временемъ перещеголяетъ, пока неизвѣстно. Дѣло-о.. н-да... будущаго. Прогрессъ покажетъ. А одну шляпку я видѣлъ... Совершенно похожа на... вашу. Нда а. Такъ-то-съ.

И все это говоритъ самымъ серьезнымъ образомъ. Даже не улыбается.

Или:

— Между про-очимъ, ходятъ слухи, что должность те-леграфистки въ скоромъ времени будетъ упразднена, за неспособностью жен-щинъ къ такому труду. Нн-да.

И больше ни слова. Флегматично, спокойно, будто онъ даже и не обращается къ ней и вовсе не желаетъ ее уколоть. Тамочка кусаетъ губки, но молчитъ, а то иногда скажетъ въ тонъ ему, разжевывая, какъ и онъ, каждое слово и пуская звукъ въ носъ:

— Между про...чимъ, ходятъ слухи, что старымъ холостякамъ въ скоромъ времени будутъ отказывать отъ должности

на-чальни-ковъ станцій, за неспособностью ихъ къ такому труду.

Когда Тамочкѣ весело, то на уколы старика она не обращаетъ рѣшительно никакого вниманія, но если не въ духѣ, сердито бросаетъ:

— Я съ вами больше не разговариваю!—и уходитъ, хлопнувши со злостью дверью.

Такимъ маневромъ Тамочка кончаетъ большую часть разговоровъ съ начальникомъ. Иногда ей даже приходится отказаться отъ обѣда... Противный старикашка! Гадкій! Она всѣми силами старается вкусно приготовить галушки—любимое его кушанье, а онъ... Тамочка сама замѣшиваетъ тѣсто, сама варитъ галушки, поджариваетъ, обсыпаетъ сыромъ, а онъ... будто и не знаетъ, кто ихъ готовилъ...

— Такъ и видно,— говоритъ,— что галушки сегодня ку-харка го-то-вила. Го... раздо вкуснѣе.

Ну, конечно, Тамочка краснѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ, надуваетъ губки, бросаетъ вилку и заявляетъ:

— Я больше не буду готовить, если такъ.

— А кто васъ проситъ? — вдругъ спрашиваетъ старикъ самымъ серьезнымъ тономъ.—Не нужно. Н-да.

— И не буду!

— И не нужно.

— И не буду!

— И не нужно.

— Нѣтъ, вы себѣ не думайте... Ей-Богу, не буду!

— Я ничего и не ду-маю. Знаю только, что будетъ гораздо вкуснѣе, если возьмется Ульяна варить галушки.

— Ну, и пускай ваша Ульяна готовитъ. На здоровье!

— Конечно, будетъ вкуснѣе.

— Я съ вами больше не разговариваю.

Тамочка вскакиваетъ. Дверь хлопаетъ. И начальникъ одинъ доѣдаетъ галушки. Ни на какія просьбы старика Тамочка не сдается. Она предпочитаетъ остаться безъ обѣда... У, противный!

— Я съ вами не разговариваю! — это обычная фраза, какою кончаются ихъ разговоры, если только эти разговоры не серьезнаго содержанія. Глупый старикашка вѣдь ужасно любитъ серьезныя темы, отъ которыхъ Тамочка не знаетъ, куда убѣжать.

— А вы зна..ете,—сообщаетъ онъ,—новую желѣзную дорогу проложатъ.

Ну, скажите, пожалуйста, какое ей дѣло, что гдѣ-то когда-то кто-то проложитъ новую дорогу! А онъ непремѣнно достанетъ десять газетъ и заставитъ Тамочку вслухъ прочесть десять глупѣйшихъ статей. Она читаетъ, нисколько

не вникая въ суть проекта и зная одно: проведутъ новую желѣзную дорогу, по которой въ разныхъ мѣстахъ раскинутъ множество „глупыхъ“ станцій.

— А зна...[illegible] что? — сказалъ онъ, напримѣръ, сегодня,— предполагается война съ Турціей. Такъ по всему видно.

Онъ досталъ нѣсколько нумеровъ газеты, прочиталъ оттуда разныя телеграммы, статьи и сталъ доказывать неизбѣжность войны. Долго доказывалъ. И Тамочкѣ пришлось слушать всю эту „ерунду“. Ей неловко было уйти, чтобы не обидѣть старичка.

И похоронная мазурка, и постоянные уколы и серьезные разговоры сдѣлали въ концѣ концовъ то, что телеграфистка возненавидѣла квартиру начальника. Она не могла равнодушно переступить порогъ опротивѣвшей комнаты и ходила къ начальнику только при крайней необходимости. Времени же свободнаго былъ цѣлый ворохъ, и куда дѣвать его—Тамочка рѣшительно не могла себѣ представить. Чаще всего она поймаетъ какого-нибудь мужичка и полчаса допрашиваетъ: сколько у него дѣтей, есть ли жена и кто красивѣе— его жена, или она; потомъ спроситъ, что̀ ему больше нравится — городъ или деревня, сколько собралъ „пудовъ“ ржи и скучаетъ онъ въ деревнѣ или нѣтъ. Мужичокъ, улыбаясь въ бороду, даетъ неопредѣленные отвѣты, которые чрезвычайно смѣшатъ ее. Въ особенности она весело хохочетъ, когда мужикъ насчетъ красоты жены, вздернувъ плечами, говоритъ:

— А намъ що, абы баба!

Иногда Тамочка найдетъ какое-нибудь случайное дѣло. То цвѣты разсадитъ въ клумбахъ, то возьмется въ кухнѣ начальника вмѣстѣ съ кухаркой Ульяной испечь пирогъ или что-нибудь сладкое по новому рецепту, который она нашла въ отрывномъ календарѣ, а то приходится вымыть запачканную рожицу Митьки, черноглазаго сынка Ульяны... О, это презабавный мальчуганъ! Тамочка влюблена въ него. Замѣчательный.. то-есть, удивительный ребенокъ! А какой смышленый!.. Она, вообще, любитъ ребятъ, — да развѣ ихъ можно не любить! — а въ особенности маленькихъ, которые умѣютъ говорить только: папа и мама. Дѣти ужасно смѣшно выговариваютъ слова: „мамоцка, куписъ лёсадку?“ Хи-хи-хи! Тамочка стѣсняется признаваться другимъ въ любви къ дѣтямъ. Она и сама не знаетъ, почему бы не говорить объ этомъ — вѣдь ихъ всѣ обожаютъ! — но ей, право, какъ-то стыдно... Митькѣ она теперь вышиваетъ рубашку... красивую-красивую. А когда окончитъ эту работу, то вышьетъ рубаху брату, который служитъ гдѣ-то въ Петербургѣ важнымъ

чиновникомъ. Тамочка много вышиваетъ; иной разъ съ утра до вечера.

III.

Такъ тянутся дни. Такъ прошелъ день вчера, позавчера... Такъ прошелъ онъ и сегодня, и наступилъ вечеръ.

Девятый часъ.

Подошелъ товарный поѣздъ, постоялъ десять минутъ и поползъ дальше, къ новой станціи, чтобы и тамъ постоять десять минутъ. На небо надвинулись тучи; оно прихмурилось, словно раздосадованное чѣмъ-то, и осунулось книзу. За первой жиденькой тучей, которая кисеей задернула небо, показалась грузная черная волна тумановъ. Катясь неровнымъ валомъ, она зловѣще подвигалась къ станціи. Все притихло, попряталось... Что-то тяжелое, гнетущее придавило степь. Она затаила дыханіе, какъ осужденный на смертную казнь, ожидая, что вотъ-вотъ размахнется палачъ, зазвенитъ мечъ—и всему конецъ... Не шелохнется, только тяжело-тяжело бьется сердце,—то пыхтитъ отошедшій отъ станціи паровозъ.

Тамочка два раза уже спрашивала объ станціи, скучно ли имъ. Потомъ выходила на перронъ погулять. Но громыхнулъ громъ, пошелъ ливень, — и Тамочка должна была войти въ вокзалъ. Ни одного пассажира. Въ маленькой залѣ III класса ни одного мужичка. Телеграфистка опять сѣла за вышиваніе, нетерпѣливо поглядывая на часы. Стрѣлка, какъ нарочно, задерживается на каждой минутѣ... Долго еще ждать... Ужасно долго... Первый пассажирскій поѣздъ приходитъ ровно въ часъ ночи, а второй въ три съ минутами. Слѣдовательно, до перваго поѣзда осталось четыре часа, а до второго... Ахъ, какъ долго!

— Тикъ, тукъ-тукъ, тикъ-тикъ... Мнѣ очень скучно, — телеграфируетъ Тамочка „веселой“ станціи. Но „веселая“ станція почему-то не отвѣчаетъ.

— Тикъ, тукъ-тукъ, тикъ-тикъ...—несутъ проволоки „глупому господину“. И тамъ молчатъ.

Тамочка уже не смѣется и не барабанитъ безъ толку клавишей, а, молча, принимается вышивать.

Во флигелѣ потушили огни,—значитъ, начальникъ легъ уже спать. Подъ окномъ прошелъ стрѣлочникъ Никита, мурлыча угрюмую пѣсню:

«Да й немае гиршъ никому,
Якъ тій сиротыні».

Тамочка хорошо знаетъ эту пѣсню и особенно любитъ слушать, когда Никита поетъ ее, безъ словъ. Нахлобучивъ шапку и вовсе не обращая вниманія на дождь, онъ теперь тихонько напѣваетъ:

— Ой, да, да... ге-ге... э-э...
— Гей, да... гей, да, да-а.

Это онъ выводилъ свое любимое мѣсто:

«Сколотыли воду
Въ тыхому Дунаю».

Можетъ быть, онъ любитъ какую-нибудь дѣвушку, а его не любятъ? Тамъ, за рѣкой, въ деревнѣ... съ другими парнями... Какая она гадкая!

По стѣнѣ ползетъ тараканъ. Онъ спустился на столъ, лѣзетъ по бумагамъ... взобрался на лампу, потомъ опять на бумаги... остановился и шевелитъ усиками. Тамочка сбросила его щелчкомъ на полъ, и тараканъ быстро побѣжалъ.

Дождь, то усиливаясь, то затихая, барабанитъ по желѣзной крышѣ и по стекламъ. Капли шуршатъ, точно перешептываются о чемъ-то. Громъ то съ трескомъ разрываетъ тяжелыя тучи, бросая и туда, и сюда разъяренныя молніи, то тихо ворчитъ, свирѣпѣя, вѣроятно, на небо, которое никакъ нельзя прорвать, раскрошить, разнести... И когда молніи кидаются на землю, степь вспыхиваетъ и потомъ, какъ бы испугавшись, быстро закутывается въ тьму. Вѣтеръ, забравшись за ставню, взвизгиваетъ, точно его тамъ придавили... Онъ никакъ не можетъ выбраться изъ-подъ ставни и стонетъ, и плачетъ отъ боли.

«Сколоты-ыли во-о-оду
Въ ты-ыхо-о-му Дуна-а-аю»,—

жужжитъ въ ушахъ Тамочки неотвязчивый мотивъ.

— Кисъ, кисъ, кисъ,—позвала Тамочка своего любимца.

Бѣленькій котенокъ вылѣзъ изъ-за перегородки, гдѣ обыкновенно спалъ сторожъ, и сталъ вытягивать спину и лапки; потомъ, пожимаясь, медленно подошелъ къ ней.

— Киценька, киця!

Котенокъ прыгнулъ на колѣни Тамочки, помурлыкалъ, потерся и взобрался на столъ. Она выдвинула изъ стола яцикъ и вынула оттуда клочекъ бумаги, привязанный къ ниткѣ. Это — кискина игрушка. Тамочка слегка пошевелила сверточекъ, и котенокъ насторожился. Потомъ лѣниво потрогалъ лапкой. Она быстро отдернула къ себѣ бумажку... Котенокъ бросился, но свертокъ очутился на полу.

Онъ спрыгнулъ со стола, но бумажка поднялась на колѣни къ Тамочкѣ. Котенокъ на колѣни, а свертокъ на полъ... Киска на столъ, а бумажка на полъ... Весело!

Вошелъ старичокъ Савелій — сторожъ. Онъ стряхнулъ дождевыя капли съ шапки и засмѣялся, увидѣвъ Тамочкину забаву.

— Хе-хе-хе! Ишь ты! А ну-ка, прыгай, прыгай. Эхъ ты, расканалія! Нутка!—и самъ отдернулъ нитку.

Котенокъ долго примѣривался, прижимался къ полу, поводилъ хвостомъ и, наконецъ, вскочилъ на столъ.

Оба захохотали, когда ему не удалось поймать бумажку.

— Ахъ ты, мистеръ-плутъ!—ворчалъ сторожъ, сдвигая брови.—Бестія ты бѣлая. Что взялъ? Хо-хо-хо! Нѣ-ѣтъ; ты ужъ постарайся, поста-райся, мер-за-вецъ. Ну-ка!

Котенокъ снова прыгнулъ, поймалъ свертокъ и сталъ грызть. Тамочка отдернула нитку, но противная киска не хотѣла больше играть,—и игрушка была спрятана въ ящикъ.

Савелій снялъ мокрую поддевку, повѣсилъ на гвоздикъ и остался въ длинноломъ рыжеватомъ пиджачкѣ.

— Дожжъ, какъ изъ ведра,—сообщилъ онъ, встряхнувъ поддевку, и почему-то вздохнулъ.

— Да-а, дождь,—протянула Тамочка, взявъ со стола работу, и тоже вздохнула.

— Въ нонѣшнее лѣто первой изъ такихъ.

— Да-а... первый.

— Сѣмушекъ не желаете?—и насыпаетъ передъ телеграфисткой кучу подсолнуховъ.

Молчаніе. Тихо такъ, что слышны въ сосѣдней комнатѣ чьи-то шаги. Если прислушаться, то кажется, что кто-то ходитъ по потолку. За окнами шипитъ дождь. Откуда-то появившаяся ночная бабочка кружится около лампы. Мѣдь телеграфнаго аппарата улыбается. Часы захрипѣли, принатужились и стали выбивать.

— Разъ... два, три, четыре...—считаетъ Савелій.—Десять,—заявляетъ онъ.

— Десять,—повторяетъ Тамочка, приподнявъ красивую головку и взглянувъ на часы, точно не довѣряя имъ.—Цѣлыхъ три часа еще!

И опять она, опустивъ низко голову, принялась за вышиваніе. Клавиша аппарата, какъ будто сама собой, стукнула одинъ разъ и умолкла. За дверью въ первомъ классѣ кто-то похрапываетъ. Должно быть, Никита. Сторожъ ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, и громко стучитъ сапогами. Время отъ времени онъ звучно позѣваетъ, при

чемъ раскрываетъ широко ротъ, закрываетъ его шершавой ладонью и говоритъ:

— О, Господи!

На бѣлой стѣнѣ ясно отпечатываются двѣ тѣни: одна граціозная, немножко согнувшись, сидитъ неподвижно, и только дергается ея рука; другая низенькая, толстенькая, медленно, какъ маятникъ, движется изъ одного конца въ другой. Часы непрерывно отбиваютъ свое поющее, однообразное: тикъ-та-акъ, тикъ-та-акъ. Щелкаютъ сѣмячки, да гдѣ-то въ углу назойливо скребетъ мышь.

«Сколоты-ыли во-о-оду
Въ ты-ыхо о-му-у Дуна-а-аю»,—

надоѣдливо лѣзетъ въ уши мотивъ пѣсни.

— Савелій, война будетъ, — говоритъ со вздохомъ Тамочка.

— Ишь ты! Война? Съ которыми?..

— Съ турками,—тянетъ телеграфистка, откусывая нитку.

— Съ туркой?! Ого! Турка эта — па-рядычная бестія, — говоритъ Савелій, почесывая стриженный подбородокъ.— Хмъ. Ишь ты!

И больше ни слова. Опять Савелій ходитъ по комнатѣ, а Тамочка, наклонившись, быстро перехватываетъ иголку.

— Тикъ-та-акъ, тикъ-та-акъ,—выбиваютъ часы. Вдругъ молнія змѣйкой разрѣзаетъ черное небо, желтымъ снопомъ свѣта бросается къ станціи и прячется гдѣ-то тутъ, недалеко. Тогда вдогонку ей бросается разъяренный громъ; онъ ищетъ ее въ темнотѣ и, не найдя, трясетъ со злости станціонныя зданія... Стекла дребезжатъ.

— Ишь ты!—восклицаетъ Савелій.—Здорово!

Дождевые капли хлюпаютъ въ лужахъ за окномъ. Гдѣ-то поодаль, падая съ крыши, тихо журчитъ струя воды; она журчитъ такъ же, какъ маленькій ручеекъ въ глухомъ лѣсу. И чудится, будто по верхушкамъ деревьевъ побѣжалъ рѣзвый вѣтеръ, зашумѣлъ, заигралъ,—и слабый ручеекъ призатихъ, робко вслушиваясь въ шопотъ листьевъ. Дождь шипитъ, словно трется о стекла мохнатое чудовище.

— А что, правда тому, какъ эта война съ Китаемъ зачалась?—спрашиваетъ старикъ.

— Ну?

Тамочка очень любитъ слушать Савелія. Во-первыхъ, онъ иногда разсказываетъ смѣшныя небылицы; во-вторыхъ, у него чистый великорусскій выговоръ. Савелій самъ великороссъ. Онъ сначала служилъ стрѣлочникомъ въ разныхъ мѣстахъ, а потомъ попалъ сюда сторожемъ. Съ молоду женился, обѣднѣлъ и поступилъ стрѣлочникомъ на станцію,

которая находилась недалеко отъ его деревни. Вскорѣ ему предложили перейти въ другое мѣсто на повышенное жалованье; онъ оставилъ жену у родныхъ и поѣхалъ, надѣясь скопить деньжонку и вернуться. Но черезъ полгода получилъ письмо, въ которомъ сообщали: „супруга ваша мѣсяцъ тому назадъ отдала Богу душу, о чемъ спѣшимъ извѣстить тебя, любезный сынъ нашъ“. Такъ онъ и остался стрѣлочникомъ.

— Про китайску войну, значитъ... про ту, что наши-то съ Китаемъ воевали... Такъ вотъ, какъ это она зачалась... война, стало быть. Китай да сказалъ нашему царю: ты, молъ, своими церквами да иконами сдѣлалъ то, что у насъ дожжю, стало быть, нѣтъ. Та-акъ. А царь-то нашъ и разсерчалъ... да и говоритъ Синоду: отобрать отъ него, поганаго, землю за такое слово. Да-а. Синодъ туда, а Китай не пущаетъ. Куда, грытъ, лѣзешь! Не дадимъ, да и баста! И все! Ну вотъ, сейчасъ тутъ тебѣ и война. Коли гляди,—и Англичанка пронюхала, что нашъ царь съ Китаемъ войну завязалъ. Ну, и себѣ давай тоже.. спорить, напримѣръ, за кусокъ моря. И Турку чортъ приперъ. Потому Туркѣ только покажь, сейчасъ тебѣ и претъ... такъ и претъ. Да наши робята скоро Китаю зубы посчитали. Потому онъ сроду и ружжа-то въ рукахъ не держалъ-отъ. И Англичанкѣ тоже, сказываютъ, хвостъ скипидаромъ смазали. Ага!—вдругъ воскликнулъ онъ, раздавивъ на стѣнѣ большого таракана.—Вотъ тебѣ!

— Зачѣмъ ты это?—спрашиваетъ Тамочка нехотя.

— А что съ нимъ... разговаривать?

— Грѣшно.

— Ишь ты! Гадину такую?

Опять молчатъ. Савелій убилъ еще одного таракана, за что Тамочка снова побранила его. Вообще, Савелій чувствовалъ непримиримую вражду къ „пруссакамъ“ и избивалъ ихъ каждый вечеръ въ огромномъ количествѣ, для чего не прибѣгалъ ни къ какому оружію, а пускалъ въ ходъ только большой палецъ.

— Ну-ка, барышенька, прочитай вотъ ту... „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“,—проситъ черезъ нѣкоторое время Савелій.

— Тебѣ не надоѣло? Который разъ...

— Ничаго. Ужъ больно хорошо.

— Да надоѣло,—тянетъ недовольнымъ голосомъ телеграфистка.

— Ничаго! А ты чита-ай!

— Погоди, я другую...

Тамочка достала „Много ли человѣку земли нужно“ и принялась было читать. Но Савелій остановилъ ее.

— Погодь. Цыгарку докурю.

Онъ потянулъ разъ, другой свою носогрѣйку, плюнулъ съ чувствомъ и усѣлся на табуретъ

Тамочка начала:

— „Пріѣхала изъ города старшая сестра съ меньшей въ деревню. Старшая за купцомъ была“...

Ея голосокъ переливался колокольчиками. Сторожъ облокотился на столъ и, не спуская глазъ съ телеграфистки, застылъ. Только по временамъ онъ нетерпѣливо почесывалъ подбородокъ. Тамочка читала медленно и монотонно. И когда голосъ ея повышался, въ стѣнѣ или въ полу что-то звенѣло.

— Ишь ты его!—воскликнулъ Савелій, когда телеграфистка кончила.—А? Бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ... И все ему больше, все ему больше... Прибѣжалъ и померъ. Вотъ она штука-то въ чемъ! Тутъ тебѣ столько-то въ длину, да столько-то въ ширину,—и крышка тебѣ. А! Скажи, пожалыста. Здорово. Читай еще разъ.

— Завтра,—тянетъ недовольнымъ тономъ телеграфистка.

— Ну, ладно. Завтра—такъ завтра.

Потомъ Савелій поднялся и принялся вымѣривать комнату. Тамочка взяла было со стола работу, но въ это время въ аппаратѣ застучала клавиша. „Веселая“ станція телеграфировала, что ей очень скучно. Тамочка обрадовалась, точно въ комнату вошелъ самъ Василій Петровичъ, и, подбѣжавъ къ аппарату, моментально послала туда:

— Душка!

И вслѣдъ за этимъ проволоки поспѣшили сказать:

— Я васъ люблю.

Тамочка захохотала, сказала: „глупый!“ и забарабанила:

— И я васъ тоже.

Клавиша запрыгала, какъ сумасшедшая, словно желая сообщить, какъ весело смѣется Василій Петровичъ.

Тамочка еще что-то сказала, но „веселая“ станція не отвѣчала.

— Кто ее написалъ!—спросилъ вдругъ Савелій.

— Кого?

— Да книжку эту самую.

— Левъ Николаевичъ Толстой,—весело бросила телеграфистка, потомъ закружилась по комнатѣ, захлопала въ ладоши и быстро опустилась на стулъ.

— Тотъ самый?

— Тотъ самый!

— Ишь ты его!

Сторожъ подошелъ къ столу, выложилъ бумажку, махорку, спички и свернулъ „цыгарку“.

Глухо раздаются въ комнатѣ шаги Савелія Въ залѣ III класса взвизгнула дверь, хлопнула и, опять все стихло. Жутко. Тамочка въ первые дни боялась этой тишины, но теперь ничего... привыкла.

— Савелій, разскажи что-нибудь.

— Да что говорить-то?

— Смѣшное.

— Эка. Такъ вотъ ей и придумаешь сейчасъ смѣшное.

Дождь утихъ. Подъ печкой нѣсколько разъ чиркнулъ сверчокъ и замолкъ. Сторожъ и телеграфистка опять принялись за сѣмячки. Вышивать Тамочкѣ почему-то не хочется, и она уставила глаза въ окно. О чемъ думаетъ Тамочка? О своемъ братѣ, который служитъ въ Петербургѣ? О начальникѣ... такомъ гадкомъ, противномъ?.. Вотъ теперь онъ спитъ, зная, что къ поѣзду его разбудятъ, а она сидитъ тутъ... Или, быть можетъ, она вспоминаетъ того гимназиста, который три года назадъ ухаживалъ за ней, а потомъ увлекся ея подругой? А можетъ быть, Тамочка ни о чемъ не думаетъ, и глазки ея безцѣльно глядятъ въ темноту? Да, вѣрнѣе всего: никакихъ тяжелыхъ вопросовъ не задаетъ она темнотѣ!

— Хлюпъ, хлюпъ, хлюпъ,—падаютъ съ крыши дождевыя капли.

— Хлюпъ, хлюпъ. хлюпъ,—шепчутъ губы Тамочки, и она никакъ не можетъ отвязаться отъ этого звука.

— Вотъ я себѣ такъ думаю,—говоритъ Савелій, насыпая передъ телеграфисткой новую кучу подсолнуховъ.—Хе! Что, ежели бы я да не родился мужикомъ? Должонъ же я чѣмъ-нибудь родиться-то? А? Такой-то вотъ человѣкъ, какъ вотъ я, примѣрно, гдѣ-нибудь да должонъ быть.

— Хлюпъ, хлюпъ, хлюпъ,—вяжется на языкѣ.

— И чѣмъ бы я тогда, примѣрно, родился? Ну, и что, кабы...

— Савелій, въ дурачки,—вдругъ прерываетъ его Тамочка.

— Въ дурачки? Хе-хе! Добро! Только того... не шахраить!—говоритъ, улыбаясь и потирая руки, Савелій.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я честно... ей-Богу! Только смотри и ты,—заявляетъ телеграфистка и вынимаетъ изъ ящика колоду захватанныхъ, засаленныхъ картъ.

Тамочка раздала карты. Въ первый разъ дурачкомъ остался Савелій. Она долго смѣялась и хлопала въ ладоши.

— Ага! ага! дурачокъ, дурачокъ!.. И второй разъ будешь дурачкомъ!

— Нѣ-этъ, ты ужъ погоди. Ужъ ты не больно... того... Хе-хе-хе.

Дѣйствительно, во второй разъ снова остался Савелій. А

дальше—какъ отрѣзало. Что ни игра, то приходится остаться Тамочкѣ. Она злится, а сторожъ посмѣивается.

— Хо-хо-хо! Вотъ оно! Шестой дуракъ! Хе-хе-хе...

Тамочка, наконецъ, не выдержала. Когда въ слѣдующей игрѣ у нея остались три карты, она, незамѣтно для Савелія, положила на стулъ двѣ карты и сѣла на нихъ, а третью подала. Сторожъ не могъ убить.

— Нѣ-этъ! Погоди, тутъ что-то... не того...

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ!—взвизгивала телеграфистка и хлопала въ ладоши.—Ха-ха-ха! Вотъ и дурень, вотъ и дурень!

— Эге-ге! А двѣ карты гдѣ? — спрашивалъ Савелій, пересчитавъ карты.—Гдѣ двѣ карты?

— Ну, нечего, нечего тамъ!—восклицала Тамочка, вырывая у него карты и быстро перемѣшивая ихъ. — Не досчитался... Ха-ха-ха! Дурень, дурень! Ужъ нечего! Раздавай.

— Нѣтъ; ты погоди.

Савелій нагнулся подъ столъ. Картъ не оказалось. Тамочка заливалась смѣхомъ, сильно боясь открытія.

— А ну-ка, встань-ка.

— Да нѣтъ! Ей-Богу, нѣтъ!..

— Да ты вста-ань,—и сторожъ безцеремонно отвелъ телеграфистку за руку.

Карты были обнаружены. И Савелій, радующійся открытію, и Тамочка, довольная веселой сценкой,—оба отъ души хохотали.

Въ слѣдующій разъ уже сторожъ „сшахраилъ“. Онъ спаровалъ семерку съ восьмеркой, но Тамочка открыла обманъ, и опять оба смѣялись веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

IV.

— Будыть, чи що?—раздался за окномъ голосъ Никиты. Тамочка посмотрѣла на часы. Было уже двѣнадцать.

— Да, буди.

Стрѣлочникъ направился къ флигелю. Нѣсколько минутъ спустя, застучала клавиша, извѣщая о выходѣ со станціи поѣзда. Потомъ Тамочка увидѣла, какъ изъ флигеля вышелъ стрѣлочникъ и пошелъ по полотну. Вотъ уже стрѣлочника не видно; одинъ фонарь мелькаетъ. Во флигелѣ зажгли огни, и изъ двери выползъ фонарь. То идетъ начальникъ. Сейчасъ онъ постучится къ ней въ дверь. Непремѣнно постучится! Онъ безъ этого не можетъ.

— Можно войти?—послышался старческій голосъ.

Смѣшной! Онъ никогда не войдетъ безъ спроса.

Тамочка молчитъ, давя смѣхъ.

— Можно войти?—и начальникъ постучался въ дверь.

— Нельзя! Хи-хи-хи-хи!—вдругъ прорвалась Тамочка.

— Э, шутница.

Онъ лѣниво подошелъ къ столу, сказалъ, какъ говорилъ каждый день, „добрый вечеръ“ и началъ перелистывать толстую книгу.

— Та-акъ-то, Та-ма-ра Эра-змовна...—цѣдитъ сквозь зубы старичокъ.

— Никакой тутъ Тамары Эразмовны нѣтъ, а есть Тамочка.

— Нн-да, Тамара Эразмовна, дѣло такого сорта...

— Вовсе не Тамара Эразмовна! И я съ вами больше не разговариваю, если вы будете называть меня Тамарой Эразмовной.

— Хорошо, хо-ро-шо. Нда, въ слѣдующій разъ.

Тамочку всегда злило, если кто нибудь называлъ ее Тамарой Эразмовной. Она совсѣмъ еще дѣвочка, а тутъ Тамара Эразмовна. Скажите, пожалуйста!

— Да-а-съ, Та-ма-ра Эраз-мов-на...

— Опять! Ну, что это такое, ей-Богу! — плаксиво протянула телеграфистка.— Безобразіе!—и топнула ножкой.

— Безо-бра-зіе? А стучать на свое начальство ножкой не безо-бра-зіе? Нн-да-а. Я возьму, да и настрочу рапортъ: прошу, молъ, госпожу таку-ую-то уволить отъ службы за топанье ножкой на свое на-чаль-ство, — тянетъ серьезно старичокъ, записывая что-то въ книгу.

— Можете!

— И донесу.

— Доносите! На здоровье!

— И до-не-су.

— Можете!

— Ко-не-чно, мо-гу.

— Я съ вами больше не разговариваю.

— Тикъ, тикъ, тикъ, — барабанитъ сердито Тамочка клавишей.

— Такъ вотъ, — говоритъ начальникъ, отложивъ книгу и снявши очки,—дѣло-то выхо-дитъ такое, что если будетъ война съ Турціей, то васъ пер-вую убьютъ. Вы знаете, какой это народъ—турки? Очень страшный. Почти звѣри. И на-шей Та-ма-рѣ Эраз-мов-нѣ...

Вдали глухо зарычалъ паровозъ. Начальникъ пошелъ встрѣчать поѣздъ, а Тамочка открыла окно и высунулась изъ него. Освѣженный дождемъ воздухъ ударилъ въ лицо. Туча медленно сползала съ неба, постепенно открывая сводъ, усыпанный маленькими мигающими звѣздочками. Звѣздочки, точно умытыя дождемъ, ярче блестятъ. Прохладно, пахнетъ сѣномъ... И такъ хорошо!..

— По-ѣздъ стоитъ пять минутъ. Пять минутъ стоитъ!— выкрикиваетъ въ носъ жирный кондукторъ.

Будто совсѣмъ изъ другого міра, появилось передъ вокзаломъ живое существо. Вытянувшись вдоль платформы, поѣздъ какъ бы привѣтствовалъ забытую всѣми станцію. Такъ и слышалось: „Привѣтъ отъ людей! Они все таки васъ еще помнятъ... А въ городѣ какъ много новаго!“

Изъ крайняго вагона вышелъ пассажиръ. Онъ потянулся, крякнулъ и подошелъ къ Тамочкѣ.

— Позвольте узнать, который часъ?— обратился онъ заспаннымъ голосомъ къ телеграфисткѣ.

— Первый. Куда ѣдете?—спросила быстро Тамочка.

— О-охъ, далеко.

— Далеко? А сколько дней уже?

— Два.

— Два-а?- протянула Тамочка, точно удивленная.—Какъ много! И вамъ не надоѣло?

— Ничего. Сплю все время.

— Спите? Развѣ не надоѣло спать?

— Надоѣло, даже очень.

— Да?

— Да.

— А сны веселые?

— Очень даже веселые.

— Ну?.. Одни ѣдете?

— Одинъ.

— Такъ вамъ скучно? Бѣдненькій!

Ударилъ третій звонокъ, и пассажиръ побѣжалъ къ поѣзду. Паровозъ прокричалъ: „проща-айте!“ — и вагоны медленно задвигались. Тяжело громыхая и пыхтя, поѣздъ отошелъ. Долго Тамочка слѣдила, какъ удалялась свѣтящаяся точка—фонарь сзади поѣзда. Точка какъ-будто стояла на одномъ мѣстѣ, но все тускнѣла и тускнѣла. Потомъ сразу потухла и больше не показывалась. „Проща-ай!“—крикнулъ гдѣ-то вдали паровозъ, а потомъ загудѣлъ часто-часто, какъ будто засмѣялся, злорадствуя. Станція опять осталась одинокой. Сверху глядѣла на нее луна, а вокругъ — безконечная степь...

— Пакетецъ получилъ,—заявляетъ начальникъ, подойдя къ окну.

Онъ вынулъ изъ конверта бумагу и, оборотивши ее къ свѣту, сталъ читать.

— Вона! Новое роспи-са-ніе... Четы-ре пассажир-скихъ съ перваго числа.

— Ну-у!—воскликнула радостно Тамочка.

— И вамъ помощника на-зна-чили.

— Что?! Телеграфиста?!
— Нѣтъ. Те-ле-гра-фистку.
— Ну-у!
— Нѣтъ. Шучу. Теле-графиста.
— Телеграфиста? Да ну!..
— Да-а.
— Телеграфиста? Ну... что жъ онъ?.. Ну... какъ же? какой-же онъ?
— Кто?
— Да онъ... телеграфистъ!
— А я почемъ зна-ю. Дол-жно быть, ста-рикъ.
— Что жъ онъ?.. Какъ же онъ?
— Что онъ? Ничего онъ!.. А мо-жетъ быть, и мо-ло-дой.
— Ну!! Какъ же!.. Ха-ха-ха!

Тамочка захохотала неудержимо. Она сама не знала, почему ей вдругъ захотѣлось смѣяться. Но такъ смѣшно!.. Ха-ха-ха!

V.

Долго ходила Тамочка по комнатѣ, улыбаясь, сама не зная чему. А если назначатъ такого скучнаго старика, какъ на той... глупой станціи? Это будетъ ужасно-ужасно скверно! А если веселаго?..

Вошелъ Савелій и направился безъ словъ за перегородку.

— Савелій, — окликнула его Тамочка, — ты знаешь? Къ намъ новый телеграфистъ назначенъ.

— А ты-то какъ-же?

— И я останусь... И онъ будетъ, и я буду. Онъ совсѣмъ еще молоденькій и... очень, очень веселый.

— Ишь ты!

Немного спустя, она говорила:

— Савелій, значитъ, теперь мы втроемъ будемъ играть въ дурачки.

Но сторожъ уже спалъ.

Незамѣтно пробѣжали два часа до прихода второго поѣзда. Такъ же незамѣтно пробѣгали дни за днями. Старичокъ-начальникъ не давалъ проходу Тамочкѣ.

— Я получилъ, — говорилъ онъ, — письмо отъ те-ле-графиста. Оказывается, онъ сов-сѣмъ старикъ. Такъ что будетъ ком-панія не вамъ, а мнѣ. Нн-да-а.

Тамочка не вѣрила ему. Она была глубоко убѣждена, что пришлютъ... такого молоденькаго, совсѣмъ молоденькаго и веселаго, какъ Василій Петровичъ. Теперь она всѣмъ колкостямъ начальника не придавала ровно никакого значенія. Самъ старичокъ сталъ такимъ хорошимъ, такимъ доб-

рымъ... такимъ славнымъ старикашкой! Уже не слышно было: „я съ вами больше не разговариваю“—и Тамочка только смѣялась, когда начальникъ пытался разозлить ее.

Но въ одинъ день старикъ не на шутку напугалъ Тамочку: приноситъ бумагу и даетъ читать. Извѣщали, что остается старое росписаніе и... телеграфиста, значитъ, не назначатъ. Тамочка пришла въ уныніе, но за обѣдомъ начальникъ сообщилъ, что бумага эта была поддѣльная... не настоящая... За такую продѣлку Тамочка ущипнула старичка за руку, будто бы сильно разозлившись,—на самомъ же дѣлѣ, она была очень обрадована.

Съ нетерпѣніемъ ожидала телеграфистка перваго числа. Она успѣла уже сообщить „веселой“ станціи, что въ скоромъ времени къ нимъ пришлютъ молоденькаго телеграфиста.

Оставалось еще пять дней. Тамочка сидѣла за аппаратомъ, приготовляясь дать „глупой“ станціи повѣстку о выходѣ поѣзда. Какъ вдругъ отворилась дверь и... въ комнату вошелъ новый телеграфистъ — горбатый и совсѣмъ некрасивый молодой человѣкъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 17—18. Тамочка прежде всего замѣтила его грустные-грустные глаза,—и она сейчасъ же рѣшила, что новый телеграфистъ ужасно, ужасно добрый, хорошій, симпатичный... ну, однимъ словомъ, славненькій! Подкупала еще застѣнчивость, съ какой молодой человѣкъ вошелъ въ комнату. Увидѣвъ Тамочку, онъ сконфузился страшнымъ образомъ, замялся, поставилъ свой чемоданъ возлѣ печки и сказалъ робко:

— Здравствуйте.

— А! здравствуйте!—почти прокричала она, сначала поблѣднѣвъ, а потомъ покраснѣвъ.—Я васъ знаю.

— Какъ знаете?

— То-есть, знаю... знаю, что вы назначены сюда, — пробормотала Тамочка, смутившись.

Тутъ пошли разспросы: давно ли онъ служитъ?—и оказалось: новичокъ. Любитъ ли удить рыбу?—и телеграфистъ сообщилъ, что еще ни разу не удилъ. Жилъ ли когда-нибудь въ деревнѣ?—и оказалось: никогда.

Въ четверть часа они такъ сошлись, какъ будто были знакомы давнымъ-давно. Тамочка потащила новаго телеграфиста во флигель, въ свою комнату, пить чай. Они вдвоемъ раздули самоваръ, и за чаемъ Тамочка узнала, что у телеграфиста есть мать, которую онъ очень любитъ, и сестра, которую онъ тоже очень любитъ; что обѣ онѣ сильно плакали, когда провожали его; что онѣ просили писать имъ каждый день... и потому онъ долженъ сейчасъ пойти въ свою комнату, чтобы написать имъ длинное, на нѣсколькихъ листахъ, письмо и отправить съ обратнымъ поѣздомъ.

— Хорошо, хорошо, — говорила Тамочка, провожая телеграфиста на крылечко,—пишите много... много пишите... что здѣсь очень весело, что есть рѣка, и мы будемъ удить рыбу... Я васъ научу, непремѣнно научу! Это легко. И мы будемъ ходить... Не попадите въ грязь. Тамъ лѣвѣе доска. Еще лѣвѣе! У насъ такой хорошій сторожъ Савелій. А какъ ваше имя?

— Александръ Семеновичъ.

— Фи! Александръ Семеновичъ? Даже выговорить трудно! А-ле-ксандръ Се-ме-но-вичъ. Ха-ха-ха. Некрасиво, совсѣмъ некрасиво. Я васъ буду называть Сашей. Хорошо? У меня есть братъ, тоже Саша... Онъ въ Петербургѣ важнымъ господиномъ, — говорила Тамочка, высоко поднявъ надъ головой свѣчу.

— А ваше имя?—спрашивалъ молодой человѣкъ, не останавливаясь. Онъ перебирался по узенькой доскѣ и, боясь попасть въ лужу, упирался одной рукой о стѣну флигеля, а другой болталъ въ воздухѣ, поддерживая равновѣсіе.

— Тамочка. Непремѣнно Тамочка! Слышите! Непремѣнно. Меня здѣсь всѣ называютъ Тамочкой... и начальникъ, и... и всѣ.

Въ эту ночь телеграфистка почти не спала. Ей нужно было обязательно проснуться въ семь часовъ, чтобы пойти съ телеграфистомъ на рѣку. Тамочка вспомнила, что въ дѣтствѣ бабушка научила ее слѣдующему правилу: если хочешь проснуться въ семь часовъ, то должна постучать лѣвой ногой въ спинку кровати семь разъ, потомъ повернуться на лѣвый бокъ и сказать семь разъ: семь часовъ, семь часовъ, семь часовъ... Вспомнила и засмѣялась. На душѣ у нея было такъ хорошо, такъ хорошо...

И проснулась Тамочка даже раньше семи. Быстро одѣвшись, она побѣжала къ окну телеграфиста.

— Вставайте, вставайте,—будила она его, неистово стуча въ окно.—У, соня какая! Какъ вамъ не стыдно! Такъ долго спать! Вставайте!

Телеграфистъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ вынырнулъ изъ-подъ занавѣски и сейчасъ-же спрятался.

— Вставайте... противный! Рыбу удить!

— Да я не умѣю,—послышался заспанный голосъ телеграфиста.

— Ничего, ничего! Научу. Вставайте. Фи, стыдитесь! Столько спать! Ну, скорѣе! Чай готовъ.

Черезъ полчаса телеграфистъ сидѣлъ въ комнатѣ Тамочки, наливалъ изъ стакана на блюдце чай, дулъ и съ шипѣніемъ тянулъ въ себя. Онъ спѣшилъ. Тамочка суетилась. Она то бѣжала къ Савелію, который подъ сараемъ вы-

капывалъ червяковъ, то спѣшила на кухню, гдѣ Ульяна укладывала въ корзинку: хлѣбъ, яйца, сало, вчерашніе вареники съ сыромъ, свѣжіе огурцы и пр.,—то неслась еще куда-то, мимоходомъ отпивая глотокъ чаю... По ея раскраснѣвшемуся личику, по суетливымъ движеніямъ можно было подумать, что предстоитъ имъ дорога не въ 3 версты, а въ цѣлыхъ 25. Она хватала какую-то бичевку, долго вертѣла ее въ рукахъ, а потомъ бросала; брала перочинный ножикъ и тоже бросала; вспоминала, что еще не захвачено ведерко для рыбы и быстро неслась черезъ дворъ къ Савелію. Она подняла такой шумъ и гвалтъ, что даже сонливый начальникъ проснулся и выглянулъ изъ окна.

— Скорѣе, скорѣе!—торопила она телеграфиста, появляясь опять въ комнатѣ.

И когда молодой человѣкъ, хватая горячее блюдечко съ чаемъ, обжигалъ языкъ, Тамочка говорила:

— Да вы не спѣшите. Еще успѣемъ. Берите масло. Какой вы хлѣбъ ѣдите! Вотъ вамъ свѣжій.

Наконецъ, двинулись. Савелій поздравилъ телеграфиста съ пріѣздомъ, сообщилъ, что „у насъ жисть широкая, глядь, ширь-то какая кругомъ... море“, и проводилъ до тропинки. Тамочка въ легонькомъ платьицѣ и безъ шляпы шла впереди съ удочками и жестянкой для червяковъ, срывала цвѣты и просила молодого человѣка:

— Подержите, пожалуйста.

Телеграфистъ бралъ осторожно изъ рукъ Тамочки цвѣтокъ, улыбался сконфуженно и говорилъ:

— Моя сестра тоже любитъ цвѣты. Очень любитъ.

— А ваша сестра любитъ смѣяться?

— О, она всегда смѣется. И такъ весело-весело... совсѣмъ какъ вы.

Тамочка краснѣла, срывала новый цвѣтокъ и просила:

— Подержите, пожайлуста.

И оба улыбались. Тамочка чувствовала себя то облачкомъ, то перышкомъ и... ей такъ бы хотѣлось побѣжать по степи... далеко-далеко.

А когда пришли къ рѣкѣ, можно было подумать, что они вмѣстѣ были уже годъ, два, десять... Телеграфистъ такъ нѣжно говорилъ,

— Тамочка, дайте мнѣ, пожалуйста, червячка.

А Тамочка:

— Вы, Саша, не хотите кушать?

И оба слѣдили за колеблющимися поплавками и взвизгивали, когда на крючкѣ трепеталась крупная плотичка.

Рыбки было поймано мало, но за то наговорились они вдоволь. Телеграфистъ опять вспоминалъ свою мать, сестру...

какъ онѣ плакали,—и все торопилъ Тамочку вернуться домой, чтобы написать имъ письмо.

На другой день они опять ходили на рѣку, а оттуда отправились въ деревушку и много смѣялись надъ деревенскими ребятишками. Телеграфистъ одному карапузу далъ спичечную коробочку, отъ которой тотъ пришелъ въ неописуемый восторгъ, а Тамочка отдала свою голубую ленточку и очень жалѣла, что негдѣ достать конфектъ.

Когда возвращались домой, то были сильно напуганы ужомъ, который, свернувшись калачикомъ, лежалъ неподвижно на мосту. Замѣтивъ ихъ, ужъ нырнулъ куда-то въ щель, но они боялись пройти по мосту. Въ это время подъѣхалъ мужичокъ, предложилъ имъ сѣсть на возъ,—и они были рады. Смѣялись, шутили, разговаривали съ крестьяниномъ. Въ особенности много хохотала Тамочка, когда телеграфистъ вздумалъ объясняться съ мужичкомъ на малорусскомъ языкѣ. „Много еще осталось сношивъ?“ Ха-ха-ха! Въ общемъ, и сегодняшній день сошелъ прекрасно.

VI.

Проходили дни за днями. Тамочка уже перестала выстукивать на сосѣднія станціи противное „скучно“ и даже разъ, когда „веселая“ станція спросила: „вамъ скучно?“—ничего не отвѣтила... Нарочно не отвѣтила...

Тамочкѣ, дѣйствительно, было весело, но телеграфистъ скучалъ. Онъ все вспоминалъ мать, сестру и въ иной день писалъ имъ по два письма.

Какъ-то послѣ обѣда Тамочка увидѣла въ раскрытомъ окнѣ „холодной“ комнаты телеграфиста. Онъ сидѣлъ съ соломенной трубочкой во рту и пускалъ мыльные пузыри.

Тамочка съежилась, пригнулась и стала подкрадываться вдоль стѣны.

— Вы что! — крикнула она, когда была уже совсѣмъ близко.

Молодой человѣкъ сконфузился.

— Да вотъ... пузыри... Очень красиво,—пробормоталъ онъ.

Минуту спустя, оба сидѣли на ступенькахъ крылечка. Въ зубахъ у нихъ торчали соломенныя трубочки. Пузыри, переливаясь на солнцѣ радужными цвѣтами, носились по двору.

— Смотрите, смотрите, какой большой!—вскрикивала Тамочка, слѣдя за полетомъ пузыря.

— А вотъ я сейчасъ какой... пущу,—обѣщалъ телеграфистъ, принимаясь втягивать въ трубочку мыльную воду.

Прошло цѣлыхъ двѣ недѣли—двѣ длинныхъ недѣли. Те-

леграфистъ сталъ даже отказываться играть въ дурачки. Этого мало. Когда Тамочка попросила его стереть сыръ для галушекъ, что прежде выполнялось имъ съ большимъ успѣхомъ, телеграфистъ отказался.

— Мнѣ нездоровится,—сказалъ онъ.

— У, гадкій!

По цѣлымъ днямъ онъ ходилъ изъ угла въ уголъ. Иногда Тамочка слышала въ его комнатѣ какое-то странное хлопаніе—какъ будто ударяли по стѣнѣ ладонью. То телеграфистъ съ ожесточеніемъ избивалъ надоѣвшихъ ему мухъ. Иной разъ она заставала его на крылечкѣ, рядомъ съ начальникомъ. Старичокъ монотонно читалъ вслухъ газету, а телеграфистъ слушалъ, глядя на безконечную степь...

И вотъ разъ когда Тамочка дежурила, онъ съ чемоданомъ въ рукахъ вошелъ въ телеграфную комнату. Тамочка уже приготовлялась дать сосѣдней станціи знать, что поѣздъ вышелъ. Вдругъ сзади послышалось робкое:

— Прощайте!

— Какъ... прощайте?—Тамочка даже вскочила со стула.

— Ѣду.

— Ку... куда?—задрожалъ голосъ Тамочки.

— Домой... совсѣмъ.

Телеграфистъ опустилъ голову, точно конфузясь, что не могъ выдержать.

— Я не могу больше,—говорилъ онъ, кусая губы.—Я поѣду. Пускай они меня совсѣмъ лишаютъ мѣста или пусть даютъ другое, а я... я не могу. Прощайте!—и его голосъ дрогнулъ.

— Ну... что жъ... Можете... Поѣзжайте... Можете...—и головка Тамочки какъ-то особенно вскинулась

Телеграфистъ вышелъ.

— Свинья!—могла только прошептать Тамочка сквозь слезы, когда хлопнула за нимъ дверь.

— Проща-а-ай! Ха-ха-ха-ха, а-а! крикнулъ паровозъ.

Что-то оборвалось... Вагоны застучали...

— Проща-ай!—взвизгнулъ опять паровозъ, какъ будто ему показалось мало одного раза.

Къ раскрытому окну подошелъ начальникъ.

— Ну, что? Уѣхалъ? Уѣхалъ-съ? Хе-хе-хе. Ничего не подѣлаеге! Ни да-а. Молодость. Ничего не подѣлаете. Это мы ужъ съ вами—старички... хе-хе-хе. Чайку не желаете?

Долго ходила она изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за голову и крѣпко сжавъ губы. Въ комнату вошелъ Савелій и, не говоря ни слова, отправился за перегородку спать. Слышно, какъ онъ, кряхтя, взбирается на постель... Кровать скрипитъ...

Тамочка легла на столъ и высунула голову въ окно. Ей хочется найти одну маленькую точку... ту свѣтящуюся точку, которая стоитъ на одномъ мѣстѣ, не зная: идти дальше, или вернуться...

Но точки ужъ нѣтъ... Передъ Тамочкой растянулась глухая, ноющая степь. Какъ змѣя, обвилась мертвая степь безконечнымъ кольцомъ вокругъ одинокой, всѣми забытой, станціи. Тихо. Слышно, какъ тикаетъ дровосѣкъ въ косякѣ окна. Вдругъ налетѣвшій откуда-то вѣтеръ сразу бросился на станцію, словно желая сорвать ее съ мѣста, къ которому она такъ крѣпко приклеилась, но, разочаровавшись въ своемъ желаніи, онъ со злобнымъ свистомъ пронесся мимо телеграфистки, захлопнувъ по дорогѣ ея окно. Тамочка сердито отшвырнула окно назадъ... И опять все стихло.

— Барышенька,—послышался изъ-за перегородки голосъ Савелія,—а ну-ка, скажи... чѣмъ кусается красный муравей?

— Зубами,—отвѣчаетъ безразлично Тамочка.

— Э-э, вре-ошь! Хе-хе-хе. Какими зубами! У него-то и зубовъ нѣтъ. Вре-ошь. Жаломъ... какъ пчела. Я, братъ, сегодня смотрѣлъ—такъ жаломъ. Тѣ, вотъ, другіе... черные... вѣрно! Все норовятъ зубами ущемить, да больно тупые. А тѣ... красные—нѣтъ! Я это, братъ, люблю... смотрѣть. Споймаю эдакъ жучка и гляжу, чѣмъ онъ, значитъ, ѣстъ, чѣмъ кусаетъ... гдѣ у него уши... чѣмъ глядитъ. Забавно, право! Вотъ, оводъ... чѣмъ бы ты думала, онъ глядитъ? Ну-ка, чѣмъ?

— Глазами,—такъ же безразлично отвѣчаетъ Тамочка.

— Глаза-амъ! Да я то и самъ знаю, что глазамъ. А ты скажи, гдѣ у него глаза эти.

— На лбу.

— На лбу! Хо-хо-хо! Вотъ и опять врешь! Тѣ буркалы-то, что на головѣ у него—это такъ только... одинъ обманъ. А есть у него другіе глаза... подъ крыльями. Ими-то онъ и глядитъ. Вотъ... попробуй-ка оторвать глаза-то эти, сейчасъ, братъ, и падаетъ, потому не видать, куда летѣть-отъ. Во какъ!

Савелій помолчалъ. Слышно, какъ онъ чешетъ свой подбородокъ. Прошелъ стрѣлочникъ и потушилъ фонари.

— А ты скажи... кузнечикъ, напримѣръ... знаешь кузнечика? Что онъ, танцовать умѣетъ?

— Не знаю,—тянетъ неохотно Тамочка.

— Умѣетъ, проклятый! Тоже видѣлъ. Поетъ и эдакъ ножками задними перебираетъ, каналія, точно бы камаринскаго откалываетъ. Да-а! Забавно.

Кровать заскрипѣла, Савелій закряхтѣлъ, поворачиваясь, должно быть, на бокъ. Во флигелѣ заиграла скрипка. Опять мазурка, которая выходитъ похороннымъ маршемъ! Звуки поютъ, плачутъ...

— Барышенька,—раздался снова за перегородкой голосъ старика.

Савелій бормоталъ уже во снѣ.

Вдали изъ земли выползла луна, вся красная, какъ будто ей пришлось употребить на вылазку невѣроятныя усилія, и стала карабкаться по маленькимъ облачкамъ и тучкамъ вверхъ на небо. Благополучно выбравшись изъ толпы тучекъ, которыя копошились на небосклонѣ, она поплыла спокойно и увѣренно, кокетничая съ маленькими здѣздочками, которыя мигаютъ не то отъ счастья, не то отъ страха. Гдѣ-то далеко-далеко обрисовались три дерева. Тамочка знаетъ, что это дикія груши. Жалкія деревья, кажется, вотъ-вотъ сорвутся съ насиженнаго мѣстечка, со своего бугорка, и уйдутъ навсегда изъ степи... куда-нибудь въ Полѣсье, или даже въ сибирскую тайгу... А тамъ, немного дальше за грушами, въ долинѣ протекаетъ рѣка. Вправо отъ грушъ — деревенька, тоже въ долинѣ, надъ рѣкой. Деревушки не видно... Однѣ трубы бѣлѣютъ, да два-три тополя упираются верхушками въ небо... По полю бѣжитъ собака... Сѣла на холмикѣ и, поворотивши морду къ лунѣ, стала выть. Злой, назойливый вой... Точно собакѣ люди сдѣлали больно,—и она хочетъ въ стонахъ вылить все свое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ стонахъ слышится и месть...

— Тикъ-тикъ, тукъ-тукъ-тукъ, тикъ... Вамъ скучно? — спрашиваетъ Тамочка „веселую“ станцію.

Но оттуда не отвѣчаютъ,—видно, спятъ.

Мих. Немоловскій.

Изъ записокъ декабриста.

Вовсе неожиданно лишились мы одного изъ нашихъ товарищей, и вотъ какъ это случилось. Зимою дамы наши что-то засуетились и однажды, прибѣжавъ къ частоколу, обыкновенному мѣсту свиданія, объявили, что прибылъ въ Читу фельдъегерь и сидитъ взаперти chez le vieux, такъ называли онѣ нашего добраго коменданта. Что бы это значило? Каждая изъ нихъ тревожилась за своего мужа... Давай разузнавать черезъ своихъ горничныхъ, имѣвшихъ связи съ домомъ коменданта. Узнали, наконецъ, что фельдъегерь пріѣхалъ за кѣмъ-то. Дамы поторопились извѣстить насъ о бѣдѣ, грозившей одному изъ насъ, и просили, въ случаѣ, еслибы этому должно было осуществиться, дать имъ знать, чтобы онѣ могли выслать несчастному теплую одежду и прочее необходимое на путешествіе. Просили также передать несчастному, что въ письмахъ своихъ онѣ всегда будутъ заботиться о немъ въ Петербургѣ, называя его кузиной. Эту уловку онѣ обыкновенно употребляли во всей своей перепискѣ съ цѣлой Россіей, говоря о насъ. Вечеромъ того же дня, мы все еще не знали ничего вѣрнаго, какъ вдругъ въ тюрьму нашу вошелъ дежурный офицеръ и, отыскавъ глазами Корниловича, игравшаго въ шахматы, подошелъ къ нему и пригласилъ его одѣться и слѣдовать за собою къ коменданту. Тутъ мы догадались, что не видать намъ нашего Корниловича. Я бросился къ частоколу объявить нашимъ благодѣтельницамъ о злосчастной судьбѣ его. Товарищи уложили его вещи въ чемоданъ и послали за нимъ, дамы сдѣлали все, что могли, и ночью Корниловича увезли, въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургъ. Что за причина? Мы всѣ терялись въ догадкахъ, а Николай Бестужевъ полагалъ, что, будто бы, это было за то, что Корниловичъ по изданію своей „Русской Старины“ слишкомъ хорошо знакомъ былъ со всею подноготной, роясь въ архивахъ, тогда ему открытыхъ. Черезъ нѣсколько времени, графиня Чернышева (сестра Муравьевой) писала изъ Петербурга, что кузину привезли и докторъ держитъ ее взаперти, но позволилъ ей имѣть книги и письменныя принадлежности. Итакъ, нашъ бѣдный Корниловичъ по-

палъ опять въ казематъ Петропавловской крѣпости. Всѣ письма нашихъ дамъ шли черезъ комендантскую цензуру, потомъ ихъ читали въ Тобольскѣ и, наконецъ, распечатывали въ третьемъ отдѣленіи два особыхъ чиновника, къ этому приставленныхъ. Къ намъ письма доставлялись такимъ же порядкомъ. Газеты, книги, журналы—все тщательно осматривалось; и третье отдѣленіе, въ это время подъ управленіемъ Леонтія Васильевича Дубельта, совершенно заслуживало названіе русской инквизиціи.

Взамѣнъ славнаго товарища Корниловича, котораго мы лишились такъ неожиданно, мы скоро обрадованы были переводомъ къ намъ изъ Нерчинска перваго разряда нашихъ товарищей. Тамъ все это время они проработали въ рудникахъ и ежедневно спускались въ шахты для добыванія презрѣннаго металла. Главный начальникъ Нерчинска Бурнашевъ съ ними и съ другими каторжниками обращался грубо и жестоко; а самъ по себѣ былъ воръ и мошенникъ. Волконскій и прочіе разсказывали, что онъ зачастую засѣкалъ бѣдныхъ ссыльныхъ, морилъ ихъ голодомъ и не давалъ имъ необходимой одежды. Трубецкая, Волконская, прожившія все это ужасное время со своими мужьями, были свидѣтельницами этого варварскаго управленія и своими руками, на свои деньги, нашили болѣе 500 рубахъ и роздали несчастнымъ. Не знаю, какимъ способомъ Лепарскій вытребовалъ изъ Нерчинска нашихъ товарищей и помѣстилъ съ нами, и дамы наши радушно пріютили на время ихъ женъ. Все наше дружное общество старалось своими руками усладить существованіе нашихъ утѣшительницъ, взамѣнъ ихъ благодѣяній. Между нами появились мастеровые всякаго рода: слесаря, столяры, башмачники, которыхъ издѣлія, по правдѣ, соперничали съ петербургскими. Главою и двигателемъ всего этого былъ, безспорно, Николай Бестужевъ. У него были золотыя руки, и все, къ чему онъ ихъ ни прикладывалъ, ему удавалось. Онъ былъ отличный писатель, астрономъ, повѣрялъ и чинилъ наши часы, устроилъ на нашемъ дворѣ солнечные часы, по которымъ и Лепарскій повѣрялъ свои карманные. Вскорѣ товарищи воздѣлали свой собственный огородъ на отведенномъ полѣ, и тутъ безъ Бестужева не обошлось: онъ придумалъ и устроилъ поливальную машину. Въ свободное время, онъ снялъ всѣ наши портреты и даже самого Лепарскаго, который ему и подарилъ.

Въ Сибири, какъ извѣстно, морозы бываютъ ранніе, въ октябрѣ земля до того замерзаетъ, что земляныя работы поневолѣ прекращаются и Лепарскій, слѣдуя буквально инструкціи, придумалъ намъ другія. Онъ устроилъ въ особенномъ сараѣ 20 ручныхъ жернововъ, и насъ посылали молоть муку по одному пуду утромъ и по одному вечеромъ. Такъ какъ многіе изъ насъ и этой простой работы не понимали, то Лепарскій приставилъ къ намъ ссыльныхъ мужиковъ изъ каторжниковъ, которые почти одни и справлялись

съ этимъ дѣломъ, а съ насъ получали плату. Это были два поселенца, клейменные и кончившіе свой терминъ наказанія. На наши деньги они выкупились изъ каторжной работы, заплативъ доктору, который далъ имъ свидѣтельство въ неспособности къ работѣ. Сдѣлавшись поселянами, они приходили насъ благодарить и часто просили: „нельзя ли уничтожить какъ-нибудь позорныя клейма“, но Вольфъ нашелъ это невозможнымъ.

Дамы наши чрезвычайно полюбили старика Лепарскаго и уважали его глубоко, хотя часто тревожили его и мучили неисполнимыми просьбами. Уже если бывало пригласятъ онѣ коменданта къ себѣ, то, навѣрное, для того, чтобы просить что-нибудь для мужа, а Лепарскій, между тѣмъ, ни разу не позволилъ себѣ преступить законовъ тонкой вѣжливости и постоянно являлся къ нимъ въ мундирѣ, такъ что однажды Муравьева замѣтила ему это, а онъ простодушно отвѣчалъ: „Сударыня, развѣ я могъ бы явиться къ вамъ въ сюртукѣ, въ вашу гостиную въ Петербургѣ?“ Лепарскій всѣхъ нашихъ дамъ уважалъ, какъ благовоспитанный человѣкъ, но кромѣ того постоянно старался не обижать щекотливаго положенія ихъ и часто въ шутку говаривалъ, что лучше желаетъ имѣть дѣло съ 300 государственными преступниками, чѣмъ съ десятью ихъ женами. „Для нихъ у меня нѣтъ законовъ, и я часто поступаю противъ инструкціи“, прибавлялъ онъ.

Однажды насъ собрали всѣхъ въ нашу столовую, то есть въ одинъ изъ большихъ номеровъ, и Лепарскій пришелъ въ мундирѣ и при оружіи, значитъ, не по домашнему. „Господа!“ обратился онъ къ намъ. Я съ радостью поспѣшилъ сюда, чтобы объявить вамъ, что получилъ высочайшее повелѣніе снять съ васъ оковы“.. И обратившись къ плацъ-маіору, приказалъ собрать желѣза и доставить въ казенный цейхгаузъ. Инвалиды принялись исполнять приказаніе, а каждый изъ насъ оставилъ себѣ на память кольцо, изъ которыхъ со временемъ искусный Бестужевъ понадѣлалъ крестиковъ въ память грустнаго времени. Послѣ мы узнали, что приказъ снять съ насъ желѣза былъ данъ полгода тому назадъ, но съ ограниченіемъ. Велѣно было снять съ тѣхъ только, кого Лепарскій найдетъ достойнымъ этого облегченія. Конечно, благородный Лепарскій тотчасъ же отвѣчалъ въ Петербургъ, что считаетъ насъ всѣхъ достойными этого облегченія и не видитъ побудительной причины, при явно одинаковой винѣ нашей, съ однихъ снимать, а съ другихъ не снимать. Но покуда эта переписка длилась, мы проходили лишнихъ мѣсяцевъ шесть въ цѣпяхъ. Впрочемъ, мы привыкли уже къ нашимъ оковамъ.

Наконецъ-то, пріѣхали изъ Петербурга съ планами и смѣтами инженеры для устройства, сообща съ Лепарскимъ, государственной тюрьмы для насъ. Странное стеченіе обстоятельствъ. Планы и смѣты утверждены въ Петербургѣ въ одинъ и тотъ же день, какъ подписанъ миръ съ Турціей въ Адріанополѣ. Итакъ, по

всему видно, намъ рѣшительно приходится кончать вѣкъ нашъ въ заключеніи и переходить изъ одной тюрьмы въ другую, а многимъ изъ насъ еще нужно доживать свои длинные годы ссылки въ Сибири. Кому 20 лѣтъ, кому 18, кому 15, а мнѣ 4, ибо я прожилъ въ Читѣ уже 4 года, да намъ сбавлено по году при рожденіи в. к. Михаила Николаевича. Такъ, молодому Захару Чернышеву, по этому случаю, удалось сократить свою каторжную работу на срокъ менѣе года, и онъ сосланъ былъ на поселеніе въ Якутскъ. Тутъ, видимо, дѣйствовало Провидѣніе, потому что З. Чернышевъ и сосланъ-то былъ только по происканъ родственника своего Александра Ивановича, разсчитывавшаго на его двадцатитысячное наслѣдство. Но предсѣдатель государственнаго совѣта Николай Семеновичъ Мордвиновъ отстоялъ законныхъ, прямыхъ, ближайшихъ родственниковъ и присудилъ состояніе старшей сестрѣ Захара Чернышева, бывшей замужемъ за Кругликовымъ. Тогда же она получила указъ именоваться впредь графиней Чернышевой-Кругликовой. Извѣстная своимъ вліяніемъ въ то время на петербургское общество, старуха Наталья Кирилловна Загряжская не приняла генерала Чернышева къ себѣ и закрыла для него навсегда свои двери; да и весь Петербургъ радовался справедливому рѣшенію. Они были такъ рѣдки, да и ихъ могъ произносить только такой человѣкъ, какимъ былъ Мордвиновъ. Скоро комендантъ нашъ съ инженерами поѣхалъ въ Петровскій заводъ, для выбора мѣста для нашей тюрьмы. Петровскій заводъ ближе къ Иркутску 700 верстами и дальше отъ Нерчинска и варвара Бурнашева. И за то благодареніе Богу. Скоро мѣсто было избрано, постройки начались, и я въ своемъ мѣстѣ опишу нашу тюрьму. У меня хранится планъ этого заведенія, снятый Бестужевымъ, а фотографія общаго вида, снятая впослѣдствіи, конечно, украшаетъ стѣну моего кабинета... Говорили, что цѣлый лѣсъ былъ вырубленъ въ продолженіе полутора года для постройки нашей тюрьмы и 100 работниковъ приложили къ нему свои искусныя руки... Все это дѣлалось втайнѣ отъ насъ, но дамы наши успѣли уже все узнать, а гр. Муравьева, пригласивъ къ себѣ главнаго инженера - строителя, даже вручила ему сумму, кажется, до 10,000 рублей, для одновременнаго построенія и для нея удобнаго помѣщенія возлѣ тюрьмы, съ библіотекой, биллiардной и дѣтской, потому что Богъ далъ ей въ это время дочь. Дочь Муравьева теперь за Бибиковымъ, имѣетъ трехъ сыновей и проживаетъ въ Москвѣ. Такъ или иначе, дождались мы, наконецъ, до вожделѣннаго дня, когда полученъ былъ намъ маршрутъ на слѣдованіе въ Петровскій заводъ. Переходы были разсчитаны съ дневками, но намъ запрещено было останавливаться въ деревняхъ. Правительство боялось, вѣрно, что мы заразимъ жителей либерализмомъ...

20 августа было днемъ нашего переселенія, и когда мы

пустились въ путь, намъ стало жаль нашей Читы, гдѣ мы уже попривыкли и обошлись. Наши поселенки должны были побросать свои жилища, свое хозяйство, а Е. П. Нарышкина продала свой домикъ за 2 головы сахару. Онѣ поѣхали въ Петровскій заводъ прежде насъ, чтобы приготовить для своихъ мужей все необходимое. Нарышкина уѣхала въ четырехмѣстной каретѣ въ 10 лошадей, Муравьева и прочія за ней послѣдовали, и только бѣдная Волконская, бывъ на сносѣ, волей-неволей, должна была на нѣкоторое время оставаться въ Читѣ, безъ мужа и безъ доктора, которыхъ комендантъ не могъ ей оставить. На рукахъ у попадьи, у которой нанимала квартиру, эта мужественная женщина осталась одна и имѣла столько характера, что до послѣдней минуты утѣшала еще своего мужа

День нашего выступленія былъ пасмуренъ и дождливъ. Жители провожали насъ до плота, устроеннаго на р. Стрѣлкѣ, бывшей въ то время въ разливѣ. Наша колонна раздѣлена была на двѣ партіи, первую сопровождалъ Лепарскій въ тарантасѣ съ Вольфомъ, вторую, въ которой и я находился, велъ племянникъ его, плацъ-маіоръ Лепарскій. Шествіе наше было радостно, почти торжественно, дорогой восхищались мы свободой, природой, рвали полевые цвѣты, могущіе украшать любую петербургскую оранжерею. На ночлегахъ намъ заранѣе выставлялось нѣсколько бурятскихъ юртъ; кухня съ почтеннымъ хозяиномъ нашимъ Розеномъ всегда была впереди. Погода сдѣлалась прекрасною, и Лепарскій всегда умѣлъ располагать нашу стоянку на привлекательнѣйшихъ мѣстахъ: на берегу рѣки или ручья. Цѣлые полки бурятъ сопровождали Лепарскаго, какъ дивизіоннаго начальника, а потому шумъ, суета насъ не оставляли ни на минуту. На одномъ переходѣ мы встрѣтили отличную коляску, запряженную шестерикомъ, съ бурятомъ въ лисьей шапкѣ на козлахъ, и съ двумя такими же бурятами на запяткахъ. Въ коляскѣ сидѣлъ мальчикъ въ шелковой зеленой шубѣ, въ шапочкѣ, отороченной бобровымъ мѣхомъ и украшенной на верху голубыми шариками изъ стекляруса, въ родѣ короны, на боку у него болталась сабля съ серебрянымъ темлякомъ, а на шеѣ золотая медаль на аннинской лентѣ. Намъ сказали, что это сынъ хана, его прямой наслѣдникъ и начальникъ бурятъ, которыхъ считается до 60.000 человѣкъ. Онъ сопровождалъ насъ верхомъ на небольшой сѣрепькой лошадкѣ. На одной дневкѣ онъ далъ намъ презанимательное представленіе, приказавъ выпустить на равнинѣ оленя и пустившись съ своими за нимъ въ догонку. Искусно пущенныя стрѣлы свалили прекрасное животное, и оно попало къ намъ на кухню. Разныя упражненія довершили праздникъ, а юноша подъѣхалъ къ нашей толпѣ, какъ бы выжидая награды, и мы отблагодарили его нѣколь-

кими фунтами табаку, которыми онъ, кажется, очень остался доволенъ. На дневкахъ дикіе бурята постоянно были съ нами и напряженно слѣдили за игрою въ шахматы. Разъ одинъ изъ нашихъ игроковъ уступилъ буряту свое мѣсто, и тотъ сталъ играть съ Трубецкимъ, къ удивленію нашему, отлично. Извѣстно, что игра эта перенесена въ Европу изъ Китая и Монголіи и ведется также какъ и у насъ, съ тою разницей, что королева ходитъ, какъ нашъ конь, и вмѣсто нашей туры у нихъ слонъ. Буряту, сильно нападавшему на Трубецкого, который началъ рокировать, очень не понравилась эта манера игры, и онъ въ знакъ неудовольствія качалъ головою, однако выигралъ партію. На другой день я искалъ этого славнаго игрока, чтобы снова съ нимъ сразиться, и съ огорченіемъ узналъ, что онъ лежитъ больной, получивъ за какой-то важный проступокъ отъ своего хана 50 плетей.

Не помню, гдѣ то дорогою, насъ встрѣтилъ фельдъегерь изъ Петербурга. Для насъ, отверженныхъ, всякое малѣйшее происшествіе, случай—эпоха. Пошли догадки. Зачѣмъ, за кѣмъ, облегченіе ли нашей участи привезъ онъ, а можетъ быть, кого нибудь изъ насъ схватятъ и увезутъ такъ, что и слѣда не останется. На этотъ разъ этотъ посланный былъ вѣстникомъ мира, ибо хотя и взялъ изъ среды нашей Волконскаго по высочайшему повелѣнію, но съ тѣмъ, чтобы отвезти его обратно въ Читу, къ женѣ въ родахъ. Причиной такой внимательности царской было вотъ что, какъ мы узнали впослѣдствіи: мать Волконскаго, первая штатсъ-дама при дворѣ, жила въ самомъ дворцѣ и пользовалась постоянно особеннымъ вниманіемъ всей царской фамиліи. Узнавъ однажды, что при переселеніи нашемъ изъ Читы, невѣстка ея, супруга ея сына, беременная, оставлена одна на произволъ случайностей и разлучена съ мужемъ, старуха такъ возмущена была этой неумѣстной строгостью, что не вышла къ столу царскому. Государь замѣтилъ, само собою разумѣется, ея отсутствіе, спросилъ о причинѣ неудовольствія княгини и, узнавъ, въ ту же минуту отправилъ нарочнаго въ Сибирь съ приказаніемъ оставить Волконскаго при больной женѣ. Фельдъегерь сдѣлалъ это путешествіе въ 16 сутокъ, и бѣдная княгиня успокоилась.

Такъ подвигались мы къ мѣсту нашего вѣчнаго заключенія. Хотя на дворѣ былъ августъ мѣсяцъ, но богатая сибирская флора щедро разсыпала свои дары, и мы, какъ бы прогуливаясь въ роскошномъ саду, собирали дорогой превосходные букеты, а ученый Вольфъ ботанизировалъ. На ночлегахъ тѣшились мы окружающими насъ бурятами и кормили ихъ нашей европейской кухней, отъ которой они были въ восторгѣ, а въ особенности съ жадностью ѣли всякій жиръ.

Однажды кто-то спросилъ одного изъ этихъ дикарей, знаетъ ли онъ, за что мы сосланы, и онъ отвѣчалъ: „Знай, султанъ такъ“... и провелъ ладонью по шеѣ. „Совсѣмъ не такъ,—отвѣчалъ ему

вопрошатель,—мы хотѣли, чтобы всякій бурятъ былъ равный съ ханомъ и генералъ-губернаторомъ передъ закономъ". Бурятъ ничего не понялъ, конечно, и безсмысленно улыбнулся только... На послѣдней станціи къ Петровскому заводу насъ встрѣтили, смѣшались съ нами и проходили въ нашей толпѣ богато одѣтые крестьяне.

— Бывали вы въ Петровскомъ заводѣ, ребята?

— Какъ не бывать, мы тамъ плотничали...

— Хорошо ли намъ тамъ будетъ?

— Охъ господа, худо! строеніе Сбезъ оконъ!

— Какъ безъ оконъ?

— Казематы, что мы строили, безъ оконъ. Мы и сами удивлялись, когда строили... Что, молъ, это за порядки, но намъ сказали, что такъ плантъ присланъ изъ Питера!

Разсказъ этотъ насъ сильно опечалилъ, и мы въ раздумьи сдѣлали послѣднія версты нашего длиннаго пути. Съ небольшого возвышенія намъ открылся, наконецъ, Петровскій заводъ съ казармами и огромное длинное строеніе съ красной крышей и многими бѣлыми трубами. Зданіе походило на конюшню для жеребцовъ и было нашею Prison d'Etat. У воротъ зданія мы сошлись съ первой партіей подъ начальствомъ Лепарскаго... Ворота тяжело скрипѣли на петляхъ, когда одинъ изъ нашихъ товарищей, держа листъ иностранной газеты, громко объявилъ намъ, что во Франціи революція, что Карлъ бѣжалъ въ Англію, и мы, какъ бы сговорившись, толпой двинулись въ нашу темницу съ пѣснею La Marseillaise. Каждый искалъ себѣ удобнаго номера и хорошаго сосѣда по вкусу и наклонностямъ. Я вошелъ въ 12-ый номеръ и рѣшилъ тамъ оставаться... Лучъ свѣта едва прокрадывался изъ окна въ корридоръ противъ моей кельи... Жилище мое—совершенный чуланъ, ни кровати, ни стула, ни стола... Недолго думая, я собралъ свой скарбъ, сложилъ въ углу и по-солдатски легъ спать съ мыслью, что утро вечера мудренѣе, и оно, можетъ быть, научитъ меня, какъ лучше устроиться здѣсь еще на 5 лѣтъ. Какая перспектива...

А. Г. Муравьева нашла свой домикъ готовымъ и ночевала уже въ немъ. Трубецкая, Нырышкина, Волконская, Давыдова и проч. также понастроили себѣ хорошенькихъ домиковъ, и опять обзавелась европейская колонія. Между сосланными не нашей категоріи нашлись мастеровые разнаго рода и за хорошую плату скоро снабдили насъ всѣмъ необходимымъ. Помню, что изъ нихъ много было дворовыхъ людей Аракчеевскихъ, за убійство его любовницы... Эти люди разсказывали намъ такіе ужасы про своего прежняго господина, что сердце, бывало, содрогается... На другой день мы осмотрѣлись, и вотъ описаніе нашего острога. Онъ былъ построенъ четырехугольникомъ и внутри былъ раздѣленъ на четыре отдѣла высокимъ частоколомъ съ воротами, такъ что мы

могли внутри сообщаться. Одно изъ сихъ отдѣленій предназначалось для женатыхъ; жены, однакожъ, какъ я сказалъ, не жили въ острогѣ, имѣя свои дома, но приходили на цѣлые дни, чтобы проводить ихъ съ мужьями и зачастую приглашали кого-либо изъ насъ къ своимъ обѣдамъ. Прислугу не впускали въ ограду нашей тюрьмы, и дамы наши, съ помощью насъ, сами приносили все нужное для трапезы, а мы имъ помогали. Кельи ихъ были убраны коврами и роялями, на которыхъ часто раздавались звуки Россини или романсы Бланчини и потрясали длинные, мрачные корридоры наши. Говорятъ, что когда въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ, узнали, что мы живемъ въ темныхъ тюрьмахъ, то общее мнѣніе громко обвиняло правительство за безчеловѣчное съ нами обращеніе, и, будто бы, государь, увѣдомленный объ этомъ Бенкендорфомъ, тотчасъ же разрѣшилъ прорубить для насъ окна, что̀ вскорѣ, въ самомъ дѣлѣ, и было сдѣлано... но какъ? Окна, по повелѣнію изъ Петербурга и по тамошнимъ планамъ, были сдѣланы узкія и подъ самымъ почти потолкомъ, а рѣшетки все же много отнимали свѣта, особенно у людей, занимающихся рисованіемъ. Помню, что Бестужевъ срисовалъ во многихъ экземплярахъ наше печальное жилище, и рисунки его разсѣялись по всей Россіи и даже попали къ императрицѣ, которая просила черезъ третье отдѣленіе доставить ей виды жилищъ нашихъ дамъ и вклеила ихъ въ свой альбомъ...

Однообразно текло время нашего заключенія, и приближался срокъ для нѣкоторыхъ, окончившихъ его... Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые изъ первыхъ оставили Петровскій заводъ. Въ самый день конца „каторги“ нашего разряда, курьеръ привезъ повелѣніе къ тайному совѣтнику Ловинскому отправить насъ въ Иркутскъ и оттуда на поселеніе по распоряженію губернатора Цейдлера. Намъ дали двѣ недѣли сроку на отдыхъ и сборы. Признаюсь, что радость наша была велика и совершенно неожиданна, такъ какъ мы ожидали нашего поселенія только черезъ годъ и не знали, что намъ срокъ сокращенъ, по случаю рожденія в. кн. Михаила Николаевича. Я былъ въ тотъ день съ визитомъ у товарища своего Лунина и тамъ узналъ объ ожидающей меня перемѣнѣ. За нѣсколько времени передъ симъ маленькое общество наше было поражено смертью общей нашей благодѣтельницы А. Г. Муравьевой... Она была первой жертвой, выхваченной неумолимымъ рокомъ изъ среды насъ... Нѣжная женщина эта съ воспріимчивымъ характеромъ во все продолженіе исполненія своего супружескаго долга постоянно тревожилась за мужа, за брата его и за дѣтей своихъ, оставленныхъ въ Россіи и даже за всѣхъ насъ... Не вынесло слабое тѣло, и, не смотря на попеченія Вольфа, послѣ 20 дней страданія, сильная волею Муравьева скончалась... Чувствуя приближеніе смерти своей, она просила священника, и когда тотъ немного громко сталъ говорить съ ней,

она просила его говорить тише, чтобы не разбудить малютки, которую она не въ силахъ уже была приласкать...

Въ послѣднія минуты она просила Трубецкую написать ея желаніе быть похороненной подлѣ отца въ фамильномъ склепѣ и твердою рукой подписала свое завѣщаніе... Черезъ нѣсколько минутъ, держа руки мужа и брата его въ своихъ слабѣющихъ рукахъ, она закрыла глаза со словами: „Боже, какъ тамъ хорошо“... и оставила насъ на вѣки.

Кончина добродѣтельной женщины этой сильно насъ всѣхъ поразила, и въ эту печальную ночь никто изъ насъ не сомкнулъ глазъ, мы бродили изъ угла въ уголъ, какъ отуманенные...

Бестужевъ, золотой человѣкъ, занялся устройствомъ гроба, обилъ его бѣлой тафтой и, по желанію мужа, въ надеждѣ, что позволятъ перевезти прахъ его жены въ Россію, даже отправлялся съ позволенія коменданта на заводъ и тамъ своими руками отлилъ свинцовый гробъ... Между тѣмъ, плацъ-маіоръ разбудилъ каторжныхъ простого званія и пригласилъ ихъ заняться оттаиваніемъ земли (въ Сибири въ ноябрѣ это необходимо) и устройствомъ могилы, обѣщая имъ хорошую плату. Рабочіе единогласно вскричали: „Не возьмемъ ничего, эта была мать наша, она насъ кормила, одѣвала... а теперь мы осиротѣли... Идемъ безъ платы“. Комендантъ позволилъ намъ ходить по очереди на панихиды, и когда я пришелъ на послѣднее отпѣваніе, то помню, что мужъ ея и братъ стояли въ головахъ, и первый до того убитъ былъ горемъ, что посѣдѣлъ въ эти дни страшно. А. Г. лежала въ гробу съ тою же ангельскою улыбкой, которой встрѣчала насъ ежедневно. Дамы наши въ черномъ (впрочемъ, онѣ другихъ платьевъ и не носили) окружали гробъ покойной, своей достойной подруги. На рукахъ нашихъ понесли мы останки на Петровское кладбище, за 2 версты отъ острога. Когда печальная процессія поровнялась съ домомъ Лепарскаго, онъ вышелъ и искренно отдалъ земной поклонъ усопшей... общей благодѣтельницѣ. У могилы деревянный гробъ поставили въ свинцовый и опустили въ замерзшую землю... Предсмертнаго желанія ея не исполнили: изъ Петербурга отказано, и прахъ добродѣтельной женщины покоится и до днесь въ снѣгахъ Сибири.

Скоро Бестужевъ же сдѣлалъ сначала модель, а потомъ поставилъ памятникъ изъ камня, который и донынѣ стоитъ на Петровскомъ заводѣ. Подъ симъ же памятникомъ похоронены и двое дѣтей ея. Никита Муравьевъ скончался на поселеніи въ деревушкѣ Иркутской губерніи; и такимъ образомъ, проведя всю жизнь свою съ женою, разрозненъ съ нею только по смерти... Да и то тѣлесно. Души ихъ, вѣроятно витаютъ въ селеніяхъ горнихъ. При немъ въ послѣднее время оставалась одна дочь, которую мать называла Нонушкой (Nonne). Бѣдную сироту взяли къ себѣ родные въ Петербургѣ, и правительство опредѣлило въ Ека-

терининскій институтъ, подъ именемъ Никитиной. Она теперь замужемъ за Бибиковымъ и проживаетъ въ Петербургѣ.

Когда наступилъ день нашего отправленія на поселеніе, мы пошли проститься съ Лепарскимъ, который былъ чрезвычайно растроганъ и, прощаясь съ нами, отчаявался когда-либо съ нами увидѣться и много извинялся, что не могъ болѣе облегчить нашей судьбы. Добрый старикъ. Въ нѣсколькихъ саняхъ отъѣзжали мы отъ стѣнъ нашего заточенія, провожаемые остающимися товарищами. Невыразимая тоска сосала мою душу. На первомъ ночлегѣ, передъ отправленіемъ нашимъ въ дальній путь, утромъ, я вышелъ изъ дому, который мы занимали, и увидалъ толпу крестьянъ въ праздничной одеждѣ. Я подошелъ къ толпѣ, и мужички поздравили меня съ какимъ-то праздникомъ и съ счастливымъ окончаніемъ моей каторги, а также освѣдомились: скоро ли проѣдутъ Трубечиха и Нарыщиха, коверкая имена Трубецкой и Нарышкиной. Въ этой-то толпѣ здоровыхъ лицъ съ окладистыми бородами меня поразило длинное, худое лицо человѣка въ нанковомъ сюртучкѣ. Я подошелъ къ нему съ вопросомъ, кто онъ такой и, къ удивленію своему получилъ отвѣтъ на чистомъ французскомъя зыкѣ: „Je s uis français, monsieur!“—„Votre nom?“—„Champagne de Normandie, monsieur, il y a 32 ans, que l'Empereur Paul m'a envoyé içi... Soyez bon, monsieur, donnez moi quelques sous!“ Съ помощью товарищей своихъ, я собралъ небольшую сумму и вручилъ ее несчастному иностранцу. Но помощь моя не пошла въ прокъ, потому что крестьяне мнѣ тогда же объявили, что онъ ее пропьетъ; а при нашемъ отправленіи я, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ уже этого господина съ заложенными въ пальто руками, бѣжавшаго куда, то и на вопросъ мой: „Comment ça va, monsieur Champagne?“—отвѣчавшаго мнѣ: „Je m'en vais au cabaret, кабачекъ!“ — „Adieu, monsieur Champagne de Normandie!“ Несчастный человѣкъ, оставленный на произволъ судьбы.

Скоро проскакали мы разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ Иркутска, переѣхали окованный льдомъ Байкалъ, миновали заставу и очутились уже не въ острогѣ, а въ теплой квартирѣ, для насъ приготовленной. Городничій объявилъ намъ, что скоро насъ посѣтитъ генералъ-губернаторъ Ловинскій, а мы въ ожиданіи его привели немного въ порядокъ нашу наружность и стали походить немного на джентельменовъ. Г. Ловинскій, котораго я тутъ въ первый разъ увидѣлъ, былъ мужчина видный, большого роста, съ открытой физіономіей, внушающей довѣріе. „Господа, сказалъ онъ намъ послѣ перваго съ нами знакомства, я долженъ былъ бросить жребій между вами, чтобы назначить, кому гдѣ жить... Еслибы правительство предоставило мнѣ это распоряженіе, я, конечно, помѣстилъ бы васъ по городамъ ъи мѣстечкамъ; но пове-

лѣніемъ изъ Петербурга мнѣ указываютъ мѣста... Тамъ совсѣмъ не знаютъ Сибири и довольствуются тѣмъ, что раскладываютъ карту, отыщутъ точку, при которой написано: заштатный городъ, и думаютъ, что это въ самомъ дѣлѣ городъ, а онъ вовсе и не существуетъ. Пустошь и снѣга. Кромѣ того, мнѣ запрещено селить васъ вмѣстѣ, даже двоихъ, и братья должны быть разрознены. Гдѣ же набрать въ Сибири такъ много удобныхъ мѣстъ для поселенія Кто изъ васъ, господа, Лореръ?" Я выступилъ впередъ. „Вамъ досталось по жребію нехорошее мѣстечко—Мертвый Култукъ за Байкаломъ. Тамъ живутъ одни тунгузы и самоѣды, и если вы найдете тамъ рубленую избу, то можете считать себя счастливымъ. Впрочемъ, въ утѣшеніе ваше скажу, ежели вы любитель природы, то мѣстоположеніе тамъ очаровательное и самое романическое".—„Ваше превосходительство, отвѣчалъ я, устрашенный ожидавшей меня участью, красоты природы могутъ занимать и утѣшать свободнаго путешественника, туриста, но мнѣ приходится кончать тамъ свой вѣкъ безвыѣздно". Ловинскій увѣрилъ меня, что уже писалъ въ Петербургъ и просилъ разрѣшенія помѣстить меня въ другомъ мѣстѣ, а покуда совѣтовалъ не хмуриться, не отчаяваться и ѣхать... Такъ какъ иначе нельзя было сдѣлать, то мы и покорились нашей участи и только просили у генералъ губернатора разрѣшенія остаться подолѣе въ городѣ и осмотрѣть его достопримѣчательности, на что онъ и согласился. Нигдѣ не случалось мнѣ слышать такого чистаго звона колоколовъ, какъ въ Иркутскѣ, и я думаю, что это отъ того, что воздухъ при 39 градусахъ мороза былъ очень чистъ и твердь небесная яркаго голубого цвѣта... Мы побывали въ церквахъ и позапаслись необходимыми вещами; скоро настало время разставанія съ товарищами ссылки... Въ особенности жалко было двухъ братьевъ Бѣляевыхъ, которые росли, служили вмѣстѣ и, никогда не разставаясь другъ съ другомъ, были связаны тѣснѣйшей дружбой. Гдѣ, бывало, встрѣтитесь съ Александромъ, тамъ, навѣрное, увидите и Петра. Эти братья-друзья должны были разстаться: одного ссылали за 1000 верстъ въ одну сторону, другого за 600 въ другую. Я провожалъ ихъ до заставы, гдѣ братья, обнявшись, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ семъ мірѣ, повалились отдѣльно каждый въ сани и были увезены неумолимыми казаками.

На другой день я былъ у гражданскаго губернатора Цейдлера съ просьбою не отправлять въ Мертвый Култукъ до пріѣзда Нарышкина съ супругой, которыхъ ожидали; мнѣ позволили это, и я остался одинъ одинешенекъ. Отъ скуки я бродилъ по городу безъ цѣли, ходилъ смотрѣть Ангару, которая очень быстра, но такъ чиста, что на днѣ можно видѣть каждый камешекъ. Однажды наткнулся я на старика въ нагольномъ тулупѣ, предлагавшаго мнѣ купить нюхательнаго табаку Я зазвалъ его къ себѣ на квартиру и, дѣлая пріобрѣтеніе, спросилъ его: не отставной ли онъ

солдатъ. „Нѣтъ, батюшка, я не солдатъ, я графъ Каховскій, игрывалъ часто съ матушкой Екатериной въ ломбертъ, и по милости свѣтлѣйшаго Потемкина сюда сосланъ давненько... И вотъ шатаюсь съ табачкомъ для своего прокормленія“...

Впослѣдствіи я узналъ, что все разсказанное мнѣ старикомъ была правда, но что онъ изрѣдка заговаривается, и вотъ причина, по которой его не возвратили въ Россію ни по одному всемилостивѣйшему манифесту, которыхъ было довольно съ тѣхъ поръ. Наконецъ, пріѣхали Нарышкины и усладили нѣсколько мое одиночество, хотя не надолго, ибо имъ лежалъ другой путь, нежели мнѣ. Имъ назначенъ для поселенія Селенгинскъ въ 1000 верстахъ отъ меня. Ловинскій сдѣлалъ имъ визитъ, ибо былъ знакомъ съ П. П. Коновницынымъ въ 1812 году, когда самъ Ловинскій исправлялъ должность виленскаго губернатора. Наступилъ и мой день отправленія. По совѣту губернатора, я сдѣлалъ необходимыя закупки и обзавелся чаемъ, сахаромъ, мукой, свѣчами, горшками, топоромъ, веревками, такъ что обзаведеніе мое стоило мнѣ болѣе 200 рублей ассигнаціями. Друзья мои Нарышкины снабдили меня даже предметами роскоши, и я помню, что мнѣ подарили пару серебряныхъ подсвѣчниковъ и даже коробочку курительныхъ свѣчей, не забыли снабдить меня и книгами.

Бродивши по городу, я опять сдѣлалъ счастливую встрѣчу. Въ одной изъ лавокъ ко мнѣ подошелъ человѣкъ, по выговору, должно быть, нѣмецъ, и, узнавъ, что я собираюсь въ дорогу, предложилъ наняться ко мнѣ въ услуженіе. Я узналъ, что онъ былъ рижскій уроженецъ, кистеръ по ремеслу и, бывъ давно сосланъ на поселеніе за какое-то пустяшное дѣло, остался навсегда въ Сибири. Обрадовавшись этой находкѣ, я просилъ у Ловинскаго позволенія взять его къ себѣ, на что губернаторъ мнѣ отвѣчалъ, что хотя намъ всѣмъ запрещено имѣть при себѣ прислугу, но что онъ для меня дѣлаетъ исключеніе и позволяетъ держать нѣмца при себѣ въ видѣ дворника и велитъ выдать ему билетъ... Мы условились съ нѣмцемъ, и я пошелъ проститься съ моими друзьями Нарышкиными, можетъ быть, навѣчно. Елизавета Петровна благословила меня образкомъ, который надѣла мнѣ на шею... Въ слезахъ расцѣловалъ я ихъ, усѣлся въ сани съ молодымъ казакомъ, который долженъ былъ доставить меня до Мертваго Култука, взгромоздилъ моего нѣмца съ моими вещами на другія сани и поскакалъ въ дикій пустынный край... Мой провожатый казакъ былъ добрый малый и очень разговорчивъ. На первыхъ же порахъ онъ высказалъ мнѣ, что очень радуется, что ему удалось дѣлать этотъ путь зимой, потому что лѣтомъ дорога дѣлается невыносимою или, лучше сказать, невозможною: будто бы, часто случается, что медвѣди ложатся поперекъ дороги... Говорилъ онъ мнѣ, что даже однажды подобные незванные, не-

прошенные гости заставили кяхтинскую почту вернуться въ Иркутскъ и проч. басни. „Бывалъ ли ты въ Култукѣ?“ спросилъ я. „Нѣтъ, я не бывалъ, а товарищи бывали и разсказывали, что тамъ только одна рубленная избенка звѣролова-промышленника; не знаю, есть ли теперь, а прежде была“... Скоро проѣхали мы бѣдную деревушку, гдѣ перемѣнили лошадей, и мой казакъ сказалъ мнѣ, что и она назначена кому-то на жительство изъ нашихъ. Вѣдь есть же счастливцы, которымъ достаются подобныя мѣстечки, подумалъ я, представляя себѣ страшный свой Култукъ. Мѣста, по которымъ мы проѣзжали, представляли почти всюду сплошной вѣковой лѣсъ съ узенькой тропинкой, едва примѣтной... На одномъ совершенно неожиданномъ поворотѣ я увидалъ бѣленькій домикъ, обнесенный обвалившимся частоколомъ, съ выбитыми рамами и стеклами, явно европейской конструкціи, и узналъ, что тутъ поселенъ былъ когда-то какой-то ссыльный, но что въ одну ночь его схватили и увезли, и съ тѣхъ поръ домикъ разваливается безъ присмотра...

Все тѣмъ же лѣсомъ стали мы подыматься въ гору, морозъ былъ страшный, и я побаивался за моего новаго слугу, нѣмца. На разсвѣтѣ, на одномъ изъ переваловъ, я увидалъ впереди высокій хребетъ горъ и узналъ, что горы эти называются Хамаръ-Дабанъ и составляютъ границу нашу съ Китаемъ. Мы стали спускаться, лѣсъ рѣдѣлъ, вправо блестѣлъ замерзшій Байкалъ, и въ ногахъ нашихъ, далеко внизу, открылся Мертвый Култукъ, т. е. десятокъ шалашей, служащихъ жилищемъ тунгусамъ, самоѣдамъ и поселенцамъ. Съ шумомъ подъѣхали мы къ единственной избѣ Мертваго Култука, и хозяинъ ея вышелъ намъ навстрѣчу на крылечко. Бодрый старикъ, заложивъ руки за поясъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ на новоприбывшихъ. Поздоровавшись съ нимъ, я спросилъ у него позволенія нанять у него помѣщеніе.—„Изволь баринъ, могу уступить тебѣ половину, въ другой я самъ мѣщусь со своею старухою.“—„Что возьмешь въ мѣсяцъ?“—„5 рублевъ.“ Я такъ прозябъ, что радъ былъ такой добросовѣстной цѣнѣ. Сговорились, и я вошелъ въ теплую избушку, благодаря судьбу, что не проведу ни одной ночи подъ открытымъ небомъ или, что еще хуже, въ грязной юртѣ. Комнатка, мнѣ отведенная, была очень чистенькая, хотя чрезвычайно мала. Столикъ покрытъ былъ чистымъ полотенцемъ, кругомъ красныя лавки, въ углу образа. Окна маленькія и вмѣсто стекла—слюда и пузырь, какъ и во всемъ почти здѣшнемъ краѣ, потому что хрупкое стекло не выдерживаетъ 40 градусовъ мороза.

Когда мой скарбъ былъ внесенъ, то комнатка такъ загромоздилась, что въ ней повернуться трудно было. Я началъ раскладываться, устраиваться... На столикѣ появились серебряные подсвѣчники со свѣчами, чернильница, бумага, книги. Походный самоваръ скоро закипѣлъ, нарубили сахару, и мы съ хозяиномъ

моимъ, казакомъ и нѣмцемъ отогрѣли нѣсколько наши кости... Я завернулся въ свою шинель и предался мечтамъ... И такъ придется доживать мнѣ весь мой вѣкъ въ этомъ медвѣжьемъ углу, одному, отдѣленному 7000 верстъ отъ родины, друзей, знакомыхъ. Я отчаявался, а мой Личарда—Карлъ возился съ моими пожитками и приводилъ ихъ въ порядокъ. Вѣдь и онъ отдѣленъ отъ своей семьи, родины, а вотъ не унываетъ, подумалъ я, и тотчасъ же спросилъ его:—„Скажи мнѣ, пожалуйста, любезный Карлъ, отчего ты работаешь, а я лежу, тогда какъ мы равны, и ты, и я оба сосланные".—„Ja, Herr, ich weis nicht".—„А я тебѣ скажу нѣмецкую пословицу: Ich hab das Geld und du hast den Beutel —вотъ отчего я думаю." Карлъ смѣялся моей пословицѣ и, вѣроятно, соглашался съ ней, думая: да, будь у меня деньги, а у тебя кошелекъ, то мы перемѣнились бы ролями, и г. бывшій маіоръ чистилъ бы мнѣ сапоги и наставлялъ самоваръ, а я бы лежалъ.

Усталость скоро взяла свое, и мы всѣ очень крѣпко уснули... На утро мрачныя мысли стали снова мною овладѣвать, не смотря на то, что я, сравнивая себя съ Робинзономъ Крузо, находилъ себя счастливѣе его, потому что, по крайней мѣрѣ, имѣлъ при себѣ нѣмца, живое существо, съ которымъ могъ дѣлить время, тогда какъ обитатель пустыннаго острова, долженъ былъ довольствоваться одной козой. Утромъ я выползъ изъ моего уголка и съ крыльца хотѣлъ дать себѣ отчетъ о той точкѣ земли, куда меня забросила судьба моя. Култукъ окруженъ горами и скалами. Колосальный Хамаръ-Дабанъ угрюмо высится надъ высотами, у подножія которыхъ на берегу Байкала пріютился скромный уголокъ нашъ. Ни въ какомъ календарѣ, ни на одной картѣ Азіи, ни въ Annales des Voyages вы не ищите Мертваго Култука: это брошенный, забытый кусокъ земли. Одни тунгусы, Богъ знаетъ какъ, его обрѣли, и зато, Богъ знаетъ какъ, въ немъ прозябаютъ безъ хлѣба. Не знаю отчего, можетъ быть, отъ угара, у меня сильно разболѣлась голова, и я весь былъ въ жару. Возвратившись на свою скамью, я вскорѣ обрадованъ былъ приходомъ моего словоохотливаго хозяина, который присѣлъ ко мнѣ, видимо желая со мною побесѣдовать.—„Что скажешь, старикъ?" началъ я.—„Да что, баринъ, старуха моя сильно по тебѣ сокрушается, жалѣетъ тебя, говоритъ: такой, молъ, ласковый, добрый баринъ, за какія вины могли его сослать сюда. Мы живемъ здѣсь 44 года, императоръ Павелъ былъ строгій царь, многихъ ссылалъ въ Сибирь, а въ Култукъ ни одного не сослалъ... Старуха моя вѣрить не хочетъ, чтобы ты былъ какой-нибудь важный преступникъ Ну, да не въ этомъ дѣло; старуха моя заботится о тебѣ, какъ ты проведешь здѣсь лѣто одинъ-то. Вѣдь мы уходимъ въ лѣса по соболей и завсегда оставляемъ избу свою пустой, развѣ для варнаковъ (такъ въ Сибири называютъ каторжниковъ)

оставишь муки, хлѣбушка; они весною, какъ хищные звѣри, идутъ толпами изъ Яблоноваго хребта, жгутъ деревни, грабятъ и убиваютъ людей. Правительство высылаетъ противъ нихъ бурятъ и платитъ за каждую голову по 10 рублей, да всѣхъ ихъ не изведешь! Ну, какъ же ты останешься здѣсь одинъ со своимъ нѣмцемъ? Вѣдь они тебя убьютъ, когда узнаютъ, что ты богатъ!“ —„Зачѣмъ же вы оставляете этимъ разбойникамъ хлѣбъ въ вашихъ домахъ?“—„А для того, чтобы умилостивить, и за то они не жгутъ нашихъ домовъ, баринъ.“—„Ну въ такомъ случаѣ, любезный хозяинъ, и я пойду съ тобой соболей ловить, тебѣ помогать, все же лучше, чѣмъ быть зарѣзаннымъ, какъ баранъ.“—„Мы думали объ этомъ со старухой, только тамъ тебѣ будетъ больно нехорошо, еще хуже, чѣмъ здѣсь... Тамъ въ болотахъ такая мошка муха, оводъ, мы люди привычные, а и то надѣваемъ личину, безъ нея заѣдятъ. Такъ проходитъ лѣто и осень, а къ зимѣ мы опять домой... Изба цѣла, и старуха скоро опять ее вычиститъ, вымоетъ, выскоблитъ. Эти разбойники завсегда ее запакостятъ. За зиму, покуда я съѣзжу въ Иркутскъ съ мѣхами, заплачу подать царю, запасусь на зиму припасами, а избенка-то и готова. Такъ вотъ, изъ году въ годъ, вотъ уже 40 лѣтъ живемъ мы здѣсь.“ Этотъ простой разсказъ показалъ мнѣ во всей страшной наготѣ мою будущую жизнь. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, я буду защищаться, когда у меня никакого оружія при себѣ нѣтъ, за исключеніемъ перочиннаго ножа, да и возможно ли защищаться одному противъ толпы? Буряты, правда, ведутъ съ шайками варнаковъ правильную войну, дѣлаютъ на нихъ облаву и стрѣлами убиваютъ многихъ, но у меня и этого нѣтъ. Я крѣпко занятъ былъ моею будущностью. На другое утро, казакъ мой долженъ былъ возвратиться въ Иркутскъ. Я далъ ему письмо къ Нарышкину и подарилъ 10 рублей, въ знакъ благодарности за труды его при мнѣ. Съ отъѣздомъ его, я остался еще болѣе сиротою. Скоро я потерялъ аппетитъ, ни одна книга меня не занимала, и шепотъ и урчаніе кипящаго самовара одно развлекало меня. Такъ длилось длинныхъ трое сутокъ. Однажды, сидѣлъ я вечеромъ передъ своимъ маленькимъ столикомъ, грустный, задумчивый по обыкновенію. На дворѣ было морозно, но тихо, и только изрѣдка лаяли собаки моего хозяина, чуя звѣря. На моихъ часахъ было 9, какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ звукомъ заливающагося колокольчика и крикомъ ямщика, погонявшаго лошадей. Хозяинъ мой вошелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ, что съ горы катитъ кто-то. Ужъ не засѣдатель ли ѣдетъ удостовѣриться, тутъ ли я, чтобы донести начальству, подумалъ я. Но вотъ сани остановились у нашей избы, я слышу стукъ сабли, двери отворяются, и вбѣгаетъ ко мнѣ мой провожатый молодой казакъ, недавно меня оставившій.—„Николай Ивановичъ, собирайтесь, вотъ вамъ письмо, ѣдемъ въ Иркутскъ.“

—„Что? Какъ?“ Я обезумѣлъ отъ радости, отъ неожиданности! Дрожащей рукой распечаталъ записку, карандашемъ написанную, она была отъ Елизаветы Петровны Нарышкиной я сохранилъ ее.

Хотя была ночь, но я приказалъ сію минуту же укладываться, и на радостяхъ всѣ мои припасы, посуду, утварь подарилъ своимъ хозяевамъ и сказалъ старухѣ, что, видно, Богъ услыхалъ ея молитвы и изводитъ меня изъ этого плѣна. „Вотъ тебѣ мои остальныя двѣ свѣчи, прибавилъ я, пусть они догорятъ у тебя передъ образомъ во славу нашего Спасителя!“ Я заплатилъ хозяину за мѣсяцъ впередъ 5 рублей, обнялъ старуху и, простившись съ этими добрыми людьми, въ ту же ночь оставилъ Мертвый Култукъ. Дай Богъ, чтобы я былъ послѣднимъ сосланнымъ въ него! Всю дорогу я недоумѣвалъ, кто былъ моимъ избавителемъ, ходатаемъ. Кто устроилъ такъ, чтобы соединить меня съ лучшими моими друзьями Нарышкиными. Я этого не зналъ тогда. Но всю дорогу молилъ Бога о здравіи моего незнакомаго благодѣтеля. Въ 9 часовъ утра я обнималъ уже своихъ друзей въ теплой комфортабельной комнатѣ ихъ и тутъ же узналъ кому обязанъ я своимъ счастьемъ. Мать Е. П., Анна Ивановна, писала изъ Петербурга, что племянница моя, А. О. Россети, бывшая тогда любимой фрейлиной императрицы Александры Федоровны, рѣшилась во время своего дежурства, воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа императора и облегчить мою судьбу поселеніемъ меня вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, съ которымъ, какъ я говорилъ, мы были въ родствѣ. Придворные куртизаны крѣпко боялись даже говорить, о насъ но племянница моя, обладая прелестною наружностью, умомъ, бойкостью, пренебрегла придворнымъ этикетомъ и добилась своего. Государь тутъ же спросилъ у Бенкендорфа, гдѣ я поселенъ, но графъ, не зная мѣста, замялся и тогда государь сказалъ:—„Все равно. Гдѣ поселенъ Нарышкинъ?“

— „Въ Тобольской губерніи, ваше величество!“

— „Такъ пошлите эстафету къ Ловинскому съ приказаніемъ поселить дядю фрейлины Россети въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ поселенъ Нарышкинъ.“

Этими короткими словами рѣшилась моя судьба, и я избавился отъ Култука и смерти отъ разбойниковъ-варнаковъ. Я скоро оправился и повеселѣлъ.

Въ одно утро, Ловинскій пріѣхалъ къ Нарышкиной звать ее на вечеръ и пригласилъ меня. Въ назначенный часъ онъ прислалъ даже за нами карету. Помню, что было очень холодно, такъ что я, взявшись за ручку каретной дверцы, такъ обжегъ себѣ пальцы, что кожа осталась на замкѣ.

Генералъ-губернаторскій домъ былъ ярко освѣщенъ, въ залахъ толпились чиновники, и мы торжественно вступили въ гостинную, гдѣ и представили намъ дочь хозяина дома, которая одна, безъ матери, проживавшей въ Парижѣ, раздѣляла скуку

отца въ Сибири и вела все хозяйство. Скоро началась музыка, пѣнье, и Е. П. Нарышкина восхитила своимъ голосомъ все собраніе, а мнѣ живо напомнила счастливые годы моей петербургской жизни. За ужиномъ губернаторъ пилъ ея здоровье и пожелалъ намъ всѣмъ счастливаго пути. Обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ:—„Думали ли вы третьяго дня сидѣть въ кругу вашихъ друзей и пить шампанское?“—„Конечно, нѣтъ!“

Черезъ нѣсколько дней мы оставили Иркутскъ и пустились въ г. Курганъ Тобольской губерніи за 4000 верстъ. Въ Красноярскѣ мы посѣтили нашего товарища по ссылкѣ Краснокутскаго, который лежалъ тамъ больной, безъ ногъ. Онъ былъ оберъ-прокуроромъ сената и сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Онъ приходился племянникомъ графа В. П. Кочубея, который, не смотря на близкое родство свое съ нимъ, не замолвилъ, однакожъ, словечка за человѣка, котораго всѣ любили и уважали. Мы нашли нашего товарища, уже нѣсколько лѣтъ лежавшаго безъ ногъ на кровати; ноги его походили на палки, и по нимъ можно было ходить. Грустно было смотрѣть на этого мученика...

Къ стыду родного дяди этого несчастнаго, къ стыду гордаго Кочубея, скажу, что нашелся между посторонними людьми человѣкъ съ лучшимъ сердцемъ, съ свѣтлою душой... Въ Красноярскѣ служилъ городничимъ бѣдный молодой человѣкъ. Оцѣнивъ Краснокутскаго и подружившись съ нимъ, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ всѣ минуты своей жизни на заботы и попеченіе о своемъ другѣ. Этотъ добрый человѣкъ часто замѣнялъ ему даже прислугу, которая, по безпечности, иногда оставляла своего барина, и на его рукахъ Краснокутскій умеръ.

Душевное спасибо и сердечная признательность тебѣ, благородный человѣкъ, отъ всѣхъ насъ за мученика—товарища (жаль очень, что фамилія не извѣстна)!

Въ Тобольскѣ мы нашли уже одного изъ нашихъ товарищей, основателя тайнаго общества А. Н. Муравьева, но не въ ссылкѣ и не на поселеніи, а на очень видномъ мѣстѣ губернатора. Уголовный судъ приговорилъ Муравьева въ каторжныя работы, не помню на сколько лѣтъ, но государь отправилъ его на жительство въ Якутскъ и не снялъ съ него ни чина полковника, ни орденовъ; вскорѣ Муравьева назначили полиціймейстеромъ въ Иркутскъ и, наконецъ, губернаторомъ въ Тобольскъ. Но тутъ онъ не поладилъ съ генералъ-губернаторомъ Вельяминовымъ и былъ переведенъ въ Архангельскъ. Мы радовались въ душѣ, что достойный Муравьевъ счастливымъ случаемъ избавился каторги, хотя въ нравственномъ смыслѣ ему было бы болѣе чести, ежели-бъ онъ искупилъ свое заблужденіе (если это было заблужденіе) одинаковымъ съ товарищами наказаніемъ. Вотъ что говоритъ Шнитплеръ про него въ своей книгѣ „De la Russie“: „Le colonel Alexandre Mouravieff en considération de la sincerité de son

repentir devait être simplement deporter, on ne dit pas pour combien d'années, en Siberie sans être degradé, ni privé de la noblesse" *). Послѣ Архангельска, Муравьевъ назначенъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія въ Симферополѣ, и когда государь Николай Павловичъ былъ тамъ, то при представленіи чиновниковъ, спросилъ у губернатора про Муравьева, какъ онъ служитъ.

На другой день мы явились къ генералъ-губернатору Вельяминову, который принялъ насъ очень любезно, объявивъ намъ, что поселены мы будемъ въ Курганѣ, что мѣсто—это Италія Сибири, что тамъ зрѣетъ виноградъ и цвѣтутъ вишни и проч. Вельяминовъ былъ добрый старикъ, занимался много литературой, читалъ много, былъ въ перепискѣ съ Гумбольдтомъ, но дурно управлялъ огромнымъ краемъ, ему ввѣреннымъ. Впослѣдствіи, какъ я сказалъ, онъ не ужился съ Муравьевымъ, и ихъ обоихъ перевели въ Россію, Вельяминова въ военный совѣтъ, а Муравьева въ Архангельскъ. Наконецъ, мы отправились въ наше постоянное жилище, Курганъ.

Курганъ—хорошенькій, небольшой уѣздный городокъ, съ каменною церковью и 3000 жителей, на лѣвомъ, нѣсколько возвышенномъ берегу Тобола. Кругомъ плоская равнина, напоминающая мнѣ мою родину Украйну, но не Италію, какъ простодушно сказалъ намъ Вельяминовъ.

Курганъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что въ немъ жилъ сосланный Павломъ Коцебу. Говорятъ, что сей послѣдній любилъ прохаживаться по берегу р. Тобола, не знаю, имѣлъ ли онъ тогда при себѣ „Уединеніе" Циммермана. Я нашелъ еще цѣлымъ его домъ и отыскалъ старика, его современника, посылавшаго Коцебу свѣжее масло, до котораго, какъ говорятъ, онъ былъ большой охотникъ. Добрый Розенъ, также нашъ товарищъ, присланный сюда годомъ раньше, встрѣтилъ насъ, какъ родныхъ, въ своемъ собственномъ домѣ, который ему обошелся въ четыре тысячи рублей. Нарышкины пока помѣстились въ спокойной и удобной квартирѣ, которую намѣревались, вмѣстѣ съ садомъ и пустопорожнимъ мѣстомъ, пріобрѣсти покупкой; а я нанялъ невдалекѣ отъ нихъ двѣ горенки. Хозяйка моя—сварливая, толстая купчиха, вдова подмастерья часового мастера. Въ Сибири, какъ и въ Германіи, всѣ заботы домашняго хозяйства лежатъ на женскомъ полѣ, и моя хозяйка постоянно управлялась у себя и у меня одна. Скоро стали прибывать къ намъ и другіе наши товарищи, и образовался кружокъ. Чиновный же людъ Кургана насъ чуждался, и мы зна-

*) Полковникъ Александръ Муравьевъ, во вниманіе къ искренности его раскаянія, былъ подвергнутъ простой ссылкѣ, безъ обозначенія срока, въ Сибирь, безъ разжалованія и лишенія дворянства.

лись съ однимъ нашимъ непосредственнымъ начальникомъ, городничимъ, который оказался, къ счастью, прекраснымъ человѣкомъ, облегчавшимъ по возможности наше исключительное положеніе. Черезъ него шла вся наша переписка съ образованнымъ міромъ, но не миновала, однако, рукъ третьяго отдѣленія и сибирскаго генералъ-губернатора. Не смотря на это, мы стали, однако, дышать свободнѣе, могли уже ходить и ѣздить, куда намъ вздумается, не далѣе, однако, 25 верстъ отъ Кургана, и должны были постоянно ночевать у себя дома. Но и этого было для насъ довольно послѣ 12-ти-лѣтняго тягостнаго затворничества.

Въ это время я былъ въ перепискѣ съ хорошимъ пріятелемъ моимъ А. Ф. Бригеномъ, поселеннымъ въ Пелымѣ, и постоянно уговаривалъ его проситься къ намъ въ Курганъ, что наконецъ Бригену, послѣ двухлѣтняго жительства въ Пелымѣ, и удалось. Мы чрезвычайно рады были его пріѣзду, пріобрѣтя въ немъ новаго, любезнаго, умнаго товарища и собесѣдника. Бригенъ служилъ прежде въ Измайловскомъ полку и, женившись на Миклашевской, сестрѣ извѣстнаго кавказскаго героя, убитаго тамъ, вышелъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ своего свекра въ Черниговской губерніи. Въ уединеніи Бригенъ занимался переводомъ съ латинскаго „Жизни Юлія Цезаря“, которую и посвятилъ другу своему В. А. Жуковскому.

Арестованіе Бригена въ1825 году особенно замѣчательно. Проживая въ своей деревнѣ, какъ я сказалъ, Бригенъ собирался въ концѣ 25-го года заграницу, получилъ уже паспортъ и послалъ къ банкиру кредитивъ въ 15.000 рублей. Карета была приготовлена къ дорогѣ, вещи уложены... Въ 20 верстахъ отъ дома у него поломался экипажъ и Бригенъ возвратился домой. Черезъ сутки опять все было исправлено, и Бригенъ съ женою и дѣтьми снова прощается съ остающимися родными. Вдругъ влетаетъ на дворъ исправникъ съ фельдъ-егеремъ, хватаютъ Бригена и везутъ въ Петропавловскую крѣпость. Нѣсколькими днями раньше бы собраться ему, или не ломайся его экипажъ, и Бригенъ избѣжалъ бы своего заточенія.

Во время коронаціи 1856 года Бригена простили по высочайшему манифесту, и жена и сынъ, уже офицеръ, и прочіе родные, ждали его въ томъ же самомъ домѣ, той же деревнѣ, откуда онъ 30 лѣтъ тому назадъ былъ такъ неожиданно исторгнутъ. Всѣ ждали его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и думали встрѣтить больного, дряхлаго старика, какъ вдругъ вошелъ бодрый, веселый человѣкъ, съ румянцемъ во всю щеку, со словами: „Господа, позвольте узнать, кто изъ васъ моя жена. Я Бригенъ“. Старушка и сынъ его бросились ему на шею, а Бригенъ, обнимая свою бывшую подругу, бывшую спутницу жизни, въ шутку предложилъ ей перевѣнчаться снова. Любя людей и общество, которыхъ такъ долго былъ лишенъ въ ссылкѣ, и кромѣ того желая раньше

узнавать что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и быть ближе къ источнику всѣхъ новостей, Бригенъ поселился у родной сестры своей, въ Петергофѣ. Я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, въ которыхъ онъ благословляетъ свою настоящую жизнь, и въ письмахъ этихъ виденъ весь умъ его, вся незлобивая душа его. Къ сожалѣнію, къ душевному прискорбію, онъ недолго наслаждался своимъ мирнымъ пріютомъ и скончался отъ холеры.

Скоро послѣ нашего водворенія въ Курганѣ были присланы туда же нѣсколько поляковъ, большая часть изъ дворянъ и помѣщиковъ. Мы съ ними познакомились и сошлись. Въ числѣ ихъ былъ князь Воронецкій, 70-ти-лѣтній старикъ, бѣднякъ, достойный жалости. Е. П. Нарышкина, чтобы хоть нѣсколько облегчить жизнь этого бѣдняка, пригласила старика разъ навсегда раздѣлять съ нами свою трапезу, а Воронецкій вызвался, въ знакъ благодарности, ходить ежедневно на базаръ для закупокъ къ ихъ общему столу. Онъ самъ разсказывалъ намъ, что, служа въ послѣднюю польскую кампанію, въ одномъ сраженіи онъ былъ раненъ и въ суматохѣ оставленъ на полѣ битвы. На него наскочилъ какой-то офицеръ и сталъ его рубить. Воронецкій, обезсиленный своими ранами, умолялъ своего мучителя взять его въ плѣнъ, но молодой герой не внималъ голосу раненаго. Тогда Воронецкій пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ своего жестокого врага. Черезъ нѣсколько времени Воронецкаго, еще живого, взяли въ плѣнъ и принесли къ г. Роту. Когда сей послѣдній узналъ, что Воронецкій убилъ русскаго офицера, который оказался племянникомъ генерала, то пришелъ въ такую ярость, что приказалъ повѣсить плѣнника, лежавшаго въ безпамятствѣ, въ крови, у крыльца генерала, подъ единственнымъ деревомъ — грушею. Бѣднаго Воронецкаго привели кое-какъ въ чувство, приподняли, поддерживали, уже сняли платокъ съ шеи, наложили роковую петлю, какъ прискакалъ какой-то ординарецъ и подалъ Роту какую-то бумагу. Казнь была отмѣнена, и генералъ приказалъ позвать фельдшера и перевязать раны плѣннаго. Непонятна казалась тогда всѣмъ приближеннымъ генерала такая быстрая перемѣна. Послѣ дѣло разъяснилось. Въ бумагѣ, которую получилъ Ротъ, говорилось, что до государя доходятъ слухи, что, будто-бы, главные военноначальники жестоко обходятся съ плѣнными, разстрѣливаютъ ихъ, вѣшаютъ и проч., и что впредь подобныя самоуправства строго воспрещаются. Приказано всѣхъ плѣныхъ отсылать въ депо, откуда ихъ отправятъ въ дальнѣйшій путь. Такъ судьба спасла отъ смерти старика Воронецкаго. Еще нѣсколько минутъ, и его бы не стало.

Между поляками, товарищами изгнанія, былъ еще одинъ замѣчательный человѣкъ, помѣщикъ Савицкій, бывшій адвокатъ. Постоянно грустный, задумчивый, ходилъ онъ ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ по одному и тому же направленію, за

городъ, по большой дорогѣ, которая вела въ Россію, въ милую Польшу его, гдѣ онъ оставилъ жену и девятерыхъ дѣтей. Однажды, не зная его затаенной мысли, я посовѣтовалъ ему избрать противуположный путь, какъ болѣе живописный и удобный, и старикъ мнѣ признался, зачѣмъ именно избралъ первую дорогу, прибавивъ: „Всякій разъ, что я гуляю по этой дорогѣ, меня утѣшаетъ мысль, что я двумя верстами ближе къ своимъ... Мнѣ кажется, что они бѣгутъ ко мнѣ навстрѣчу, и мы сейчасъ обнимемъ другъ друга“!..

Савицкій судимъ былъ въ Гроднѣ судомъ, коего предсѣдатель былъ губернаторъ Михаилъ Муравьевъ. Савицкій разсказывалъ, что часто Муравьевъ забывался до того, что билъ подсудимыхъ помѣщиковъ чубукомъ и употреблялъ разныя истязанія. Преступленіе Савицкаго состояло въ слѣдующемъ. Въ одну бурную ночь къ нему постучался неизвѣстный человѣкъ и просилъ ночлега. Когда Савицкій узналъ что незнакомецъ эмиссаръ польскихъ мятежниковъ, то, не желая впутываться въ дѣла, просилъ незнакомца оставить его домъ и указалъ ему даже дорогу, но, конечно, не донесъ на своего соотечественника. Этого было довольно для Муравьева: онъ узналъ о невинныхъ сношеніяхъ Савицкаго, арестовалъ его, судилъ уже Богъ знаетъ какъ, и сослалъ на жительство въ Сибирь... Былъ еще одинъ полякъ, служившій въ войскахъ Наполеона въ Испаніи и бывшій при осадѣ Сарагоссы, подъ начальствомъ знаменитаго Хлопицкаго.

Наступилъ 1837-й годъ, пятый, что мы живемъ мирно на поселеніи. Семейство Нарышкиныхъ было истинными благодѣтелями цѣлаго края. Оба они, и мужъ и жена, помогали бѣднымъ, лѣчили и давали больнымъ лѣкарства на свои деньги и зачастую, не смотря ни на какую погоду, Нарышкинъ бралъ съ собой священника и ѣздилъ подавать послѣднее христіанское утѣшеніе умирающимъ. Дворъ ихъ по воскресеньямъ былъ обыкновенно полонъ народа, которому раздавали пищу, одежду и деньги; многіе изъ поселенцевъ до нихъ не вѣдали евангелія, и М. М. часто читалъ имъ слово Божіе и толковалъ то, что могло казаться имъ непонятнымъ... Часто облагодѣтельствованные Нарышкиными въ простотѣ своей говорили: „За что такіе славные люди сосланы въ Сибирь? Вѣдь они святые, и такихъ мы еще не видали!“

Пребываніе наше въ Курганѣ имѣло на край отчасти и моральную пользу, ибо сибирскіе чиновники, хваставшіе до насъ своимъ лихоимствомъ и умѣніемъ побольше содрать съ просителя, стали снисходительнѣе, осторожнѣе и передъ нами, по крайней мѣрѣ, уже объ этомъ не говорили. Вскорѣ, какъ всѣмъ поселенцамъ, и намъ отвели верстахъ въ трехъ отъ города по 15-ти десятинъ въ вѣчное потомственное владѣніе. Исправникъ вызвалъ насъ на мѣста, прочелъ указъ и отрѣзалъ землю. Розенъ, большой агрономъ, очень радовался своему пріобрѣтенію

и, зная, что я не намѣренъ заниматься земледѣліемъ, просилъ продать ему и мой участокъ, и я уступилъ ему его, за 2 фунта чаю. Нарышкинъ выхлопоталъ себѣ пастбищное мѣсто луга для лошадей или, лучше сказать, для коннаго завода, который онъ намѣренъ былъ развести, выписавъ для улучшенія породы лошадей жеребцовъ и кобылъ изъ Россіи. Не забуду никогда вечера сочельника наканунѣ Рождества Христова. Всѣ ссыльные и поляки были приглашены къ Нарышкинымъ. Былъ ужинъ персонъ на 20; послѣ ужина Нарышкина сѣла къ роялю, и восхитительные звуки національныхъ польскихъ гимновъ и пѣсенъ полились по залѣ. Поляки были тронуты до слезъ, а бѣдный Савицкій болѣе всѣхъ, такъ какъ одинъ изъ послѣднихъ оставилъ свое счастіе въ деревнѣ, съ женой и дѣтьми... Нарышкина перешла къ веселымъ мотивамъ, заиграла мазурки, краковяки; мало по малу горесть этихъ патріотовъ дала мѣсто разгулу, и мы весело провели этотъ вечеръ и поздно разошлись по квартирамъ.

Для Сибири наступила важная эпоха: пронесся слухъ, что наслѣдникъ русскаго престола предпринимаетъ путешествіе по Россіи и намѣренъ посѣтить Тобольскую губернію, край, гдѣ такъ много страждущаго народа. Какія сладкія надежды возлагалъ каждый сосланный на этого царственнаго отрока! Многіе чаяли облегченія въ своихъ нуждахъ, въ своихъ страданіяхъ и лишеніяхъ. Многіе надѣялись получить прощеніе и увидать свою родину. Курганское начальство получило оффиціальное извѣстіе, маршрутъ и предписаніе къ встрѣчѣ его высочества. Приказано было звонить во всѣ колокола, ночью велѣно зажигать плошки, смоляныя бочки. Городничіе верхомъ должны были съ рапортомъ встрѣчать наслѣдника у заставъ городовъ. Начальство курганское суетилось, а на всѣхъ лицахъ видна была забота и радость. Да и было отчего. Такого высокаго путешественника со дня покоренія Сибири еще въ ней не видали! Начальники наши, не понимая хорошо своей обязанности, да и опасаясь за старые грѣшки, были въ какомъ-то страхѣ. Исправникъ и засѣдатель разъѣзжали по уѣзду, боясь жалобъ и прошеній со стороны крестьянъ.

Наканунѣ праздника Троицына дня, въ 11 часовъ вечера, возвѣстили народу о прибытіи наслѣдника. Толпы хлынули на большую дорогу. Людъ поважнѣе, купцы, чиновники съ женами, тѣснились у воротъ дома, отведеннаго для его высочества. Товарищъ мой Фохтъ приготовилъ 500 плошекъ и освѣтилъ улицу, по которой долженъ ѣхать именитый гость. Ночь была тихая и прекрасная. Наконецъ, показались жандармы. Я и многіе изъ моихъ товарищей, по ихъ совѣтамъ, при приближеніи экипажа наслѣдника, считая присутствіе наше въ такую минуту у его дома неприличнымъ, удалились къ Нарышкинымъ, жившимъ насупротивъ дома, въ которомъ остановился его высочество, а потому и не видали момента пріѣзда и только по крикамъ единодушнаго

ура узнали, что путешествіе царскаго сына совершилось благополучно. Послѣ намъ говорили, что, войдя въ комнаты, наслѣдникъ справлялся у городничаго, есть ли въ городѣ сосланные въ 25-мъ году, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, удивился, что ни одного изъ нихъ не видалъ. На что городничій ему отвѣчалъ, что при встрѣчѣ его высочества имъ велѣно было удалиться, чтобы не произвести на него дурного впечатлѣнія. Тогда наслѣдникъ сказалъ: „Какъ можно!“

Василій Андреевичъ Жуковскій обѣщалъ своему державному воспитаннику, когда онъ ляжетъ почивать, пойти навѣдать своихъ старыхъ знакомыхъ, но его высочество пожелалъ, чтобы онъ немедленно исполнилъ это, и Жуковскій тотчасъ же прибѣжалъ къ Нарышкинымъ. Съ какимъ неизъяснимымъ удовольствіемъ встрѣтили мы этого благороднаго, добрѣйшаго человѣка. Онъ жалъ намъ руки, мы обнимались. „Гдѣ Бригенъ?“ спросилъ Василій Андреевичъ и хотѣлъ бѣжать къ нему, но мы не пустили и послали за Бригеномъ. Когда онъ входилъ, Жуковскій со словами: „Другъ мой Бригенъ!“ кинулся къ нему на шею. Цѣлая ночь пролетѣла незамѣтно для насъ. Жуковскій смотрѣлъ на насъ, какъ отецъ смотритъ на своихъ дѣтей. Онъ радовался, видя, что мы остались тѣми же людьми, какими были, что не упали духомъ и сохранили человѣческое достоинство. Между прочимъ, онъ удивлялся Сибири, не предполагая ее никогда въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и довольствѣ. Онъ сказалъ намъ, что наслѣдникъ еще въ Тобольскѣ справлялся у князя Горчакова, гдѣ онъ можетъ видѣть сосланныхъ за 14 декабря, и, получивъ отъ генералъ-губернатора свѣдѣніе, что въ Курганѣ насъ поселено 7 человѣкъ, приказалъ подать себѣ списокъ поименный. Еще одинъ лучъ надежды озарилъ наши сердца. Наступило утро, стали благовѣстить къ обѣднѣ; Жуковскій ушелъ будить наслѣдника. Только что онъ ушелъ, какъ прибѣгаетъ къ намъ опять объявить, что его высочество желаетъ, чтобы и мы были въ церкви. Мы не заставили повторить себѣ этого приказанія и, исправивъ немного наши туалеты, отправились. Елизавета Петровна для такого праздника сняла свое обычное черное платье и облеклась въ свѣтлое. Тутъ, въ храмѣ Божіемъ, имѣли мы счастіе въ первый разъ видѣть нашего любезнаго наслѣдника. Онъ стоялъ на коврѣ одинъ, скромно и усердно молился. Ему едва минуло 18 лѣтъ, и онъ былъ прекрасенъ! Жуковскій собралъ насъ въ кучу и поставилъ поближе къ наслѣднику. Вотъ, надежда Россіи! Вотъ, наша надежда! Мы искренно желали ему счастія, благополучія и благословенія Божія. По окончаніи обѣдни, наслѣдникъ пристально посмотрѣлъ на насъ, поклонился и вышелъ изъ церкви. Экипажи были готовы, онъ сѣлъ въ коляску съ генералъ-губернаторомъ Кавелинымъ, перекрестился и уѣхалъ въ дальній путь—въ Россію.

Наслѣдникъ далѣе Тобольска не ѣздилъ и не посѣтилъ другой

половины Сибири и Иркутска. Александръ I доѣзжалъ только до Екатеринбурга и хотѣлъ даже продолжать путь свой до Иркутска, но нѣмцу Дибичу не захотѣлось, и онъ представилъ большія затрудненія государю, которыхъ не было, впрочемъ,—и поѣздка не состоялась.

Два совершенно различные человѣка сопутствовали наслѣднику въ качествѣ руководителей и наставниковъ: Жуковскій и Кавелинъ. Сравненію ихъ посвящаю нѣсколько строкъ. Бригенъ, о которомъ я нѣсколько разъ уже говорилъ, служилъ съ Кавелинымъ въ Измайловскомъ полку, они были товарищами, друзьями, оба капитанами и ротными командирами, и Бригенъ принялъ даже роту отъ Кавелина, когда сей послѣдній былъ назначенъ адъютантомъ къ в. кн. Николаю Павловичу. При этомъ случаѣ Кавелинъ сознался Бригену, что въ ротномъ ящикѣ недостаетъ 6.000 рублей, имъ промотанныхъ, но Бригенъ внесъ свои собственные и далъ товарищу квитанцію въ принятіи роты. Къ тому же надобно прибавить, что самъ Кавелинъ принялъ Бригена въ члены тайнаго общества. Послѣ такихъ дружескихъ, близкихъ отношеній, такъ ли должны были встрѣтиться старые друзья, изъ которыхъ одинъ возвысился, а другой палъ. Кавелинъ даже не спросилъ о Бригенѣ, и когда узналъ его въ церкви, то только кивнулъ ему головой, на что, конечно, Бригенъ отвѣчалъ тѣмъ же. Какая разница съ Жуковскимъ! И этотъ достойнѣйшій человѣкъ дѣлитъ свои заботы о сердцѣ наслѣдника русскаго престола съ бездушнѣйшимъ человѣкомъ! Не знаю, за какія заслуги Кавелинъ былъ сдѣланъ с.-петербургскимъ губернаторомъ; къ счастью, вскорѣ сошелъ съума и умеръ.

Въ разговорѣ нашемъ съ Жуковскимъ, Нарышкинъ сказалъ ему, что ни онъ самъ, ни товарищи его не просятъ, да и не смѣютъ просить для себя никакой милости, но ходатайствуютъ, ежели имъ это позволено, за изгнанника чужой земли 72-ти-лѣтняго Воронецкаго, котораго одно желаніе: умереть на родинѣ, въ Волыни.

— „Ежели возможно, Василій Андреевичъ, представьте это дѣло наслѣднику и сдѣлайте еще одно добро, къ которому вы всегда готовы“, прибавилъ Нарышкинъ. Жуковскій пожелалъ видѣть Воронецкаго; я за нимъ сбѣгалъ, и Жуковскій, выслушавъ всю исторію бѣднаго старика, обѣщалъ доложить наслѣднику. Жуковскій сдержалъ свое обѣщаніе: вскорѣ Воронецкому возвратили свободу, и онъ вернулся въ Волынскую губернію.

Проводивъ именитаго гостя своего, Курганъ зажилъ по прежнему, и мы предались своимъ обычнымъ занятіямъ. Я сторговалъ себѣ хорошенькій небольшой домикъ, задумывалъ и о женитьбѣ, чтобы не кончить своего вѣка одинокимъ бобылемъ, даже назначилъ день и созвалъ пріятелей, чтобы отпраздновать новоселье, какъ однажды, городничій нашъ Бурценкевичъ, навѣщавшій меня

обыкновенно довольно часто, но всегда пѣшкомъ, подъѣзжаетъ ко мнѣ на дрожкахъ, въ мундирѣ и съ довольно озабоченнымъ лицомъ.

„Скажу вамъ новость довольно непріятную, Николай Ивановичъ,—началъ онъ и замялся:—Вы назначены солдатомъ на Кавказъ!“—„Шутите!“—„Ей-Богу, нѣтъ“.—„А прочіе?“—„Всѣ, кромѣ Бригена!“ — „Были вы у Нарышкиныхъ?“ — „Былъ... Елизавета Петровна слегла въ постель отъ этой новости“.

Я крѣпко призадумался и самъ,—такъ казалась мнѣ странна эта мысль. 12-й, 13-й, 14-й годъ дѣлалъ я офицеромъ и молодымъ человѣкомъ, а теперь, послѣ 12-ти-лѣтней жизни въ Сибири, съ расклеившимся здоровьемъ, я снова долженъ навьючить на себя ранецъ, взять ружье и въ 48 лѣтъ служить на Кавказѣ. Непостижимо играетъ нами судьба наша. Голова моя горѣла, я ходилъ въ раздумьи по комнатѣ и, волнуемый неожиданностью, спросилъ тогда же городничаго: „Если это новое наказаніе, то должны мнѣ объявить мое преступленіе; ежели же милость, то я могу отъ нея отказаться, что и намѣренъ сдѣлать“. Городничій мнѣ сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, но что получилъ депешу, по которой насъ требуютъ въ Тобольскъ для отправленія оттуда на Кавказъ солдатами. Мы съ городничимъ поѣхали къ Нарышкинымъ и тамъ застали уже Розена, и всѣ вмѣстѣ разбирали и обдумывали будущую нашу судьбу. Нарышкинъ былъ спокойнѣе всѣхъ и даже радовался случаю, который давалъ ему возможность вывести жену свою изъ Сибири и могъ доставить ей свиданье съ ея матерью и братьями. Нечего дѣлать, надобно было намъ перешагнуть и этотъ Рубиконъ! Стали собираться въ дорогу. *)

Н. И. Лореръ.

*) Остальная часть записокъ покойнаго Н. И. Лорера († въ маѣ 1873) разсказывающая о службѣ его на Кавказѣ, напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“, 1874, кн. I. и II.—Помѣщаемая въ „Русскомъ Богатствѣ“ часть записокъ печатается, съ нѣкоторыми сокращеніями, съ переписанной рукописи, исправленной авторомъ и доставленной редакціи г-жею Константиновой.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

Раннимъ пасмурнымъ утромъ „Статтэндамъ“ двинулся дальше. По лѣвую руку отъ насъ, все приближаясь и мягкими контурами все возвышаясь вглубь страны, шелъ холмистый берегъ острова Стэйтенъ Айланда. На немъ, говорятъ, еще уцѣлѣли, болѣе похожіе на блокгаузы, нежели на мирныя жилища, дома первыхъ засельниковъ края, распахивавшихъ свои пашни и пасшихъ свои стада съ карабиномъ за плечами, въ постоянномъ тревожномъ ожиданіи нападенія дикихъ индѣйцевъ. У берега этого острова съ мая по сентябрь стоитъ на якорѣ заштатное военное судно „Иллинойсъ“—своеобразный карантинный пунктъ, совершающій предварительный опросъ судовъ и, если они идутъ изъ неблагополучныхъ мѣстъ, направляющій ихъ къ виднѣющимся мили на три выше двумъ маленькимъ островкамъ, гдѣ помѣщается такъ называемый Верхній Карантинъ. Островки эти, „Свинбэрнъ Айландъ“ и „Гофманъ Айландъ“, также искусственно возведены на фундаментѣ изъ подводныхъ камней. На первомъ изъ нихъ находится отлично устроенный госпиталь для контагіозныхъ больныхъ; на второмъ—выдерживаютъ установленную обсерваціо всѣ прочіе пассажиры неблагополучнаго судна.

Невдалекѣ отъ этихъ островковъ, къ „Статтендаму“ подошелъ небольшой пароходъ, съ золоченными орлами надъ капитанской площадкой.

Операція пересмотра судовыхъ документовъ, со стороны прибывшихъ на этомъ пароходѣ властей, не заняла и десяти минутъ, послѣ чего мы тотчасъ же двинулись дальше.

Теперь уже и по правую руку тянулся берегъ Лонгъ-Айланда, большого (120 верстъ въ длину и до 50 въ ширину) острова, протянувшагося у самаго материка и отдѣляющаго отъ океана такъ называемую Верхнюю Бухту Нью-Іорка.

По мѣрѣ того, какъ пароходъ подвигался впередъ, свободное водное пространство предъ нимъ становилось все уже, цвѣтъ воды—темнѣй: очевидно, мы входили въ проливъ. Вотъ ужъ и правый берегъ становится выше и живописнѣе; ландшафтъ разно-

образится небольшими пологими долинками, позволяющими бросить взглядъ въ синѣющую глубь страны. Слѣва, на небольшомъ, но рѣзко очерченномъ холмѣ, зачернѣли странныя сооруженія,—цѣлая система каменныхъ и земляныхъ укрѣпленій нѣсколько устарѣлаго форта Уодсвортъ.

На противоположномъ—лонгъ-айландскомъ—берегу, въ разстояніи двухъ трехъ верстъ,—фортъ Гамильтонъ. Между ними, почти посрединѣ пролива—фортъ Лафайетъ, въ войну за освобожденіе негровъ служившій тюрьмой для государственныхъ преступниковъ, то есть предательски скрывавшихся въ рядахъ сѣверянъ сторонниковъ рабства...

Небольшое измѣненіе направленія приближаетъ „Статтендамъ“ къ Лонгъ-Айланду, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ разглядѣть слѣва и впереди обширное водное пространство зеленовато-стальнаго цвѣта, дальнія очертанія котораго тонутъ въ сѣроватомъ туманѣ. Да, мы—въ проливѣ.

Проливъ этотъ, соединяющій Верхнюю и Нижнюю нью-іоркскія бухты, носитъ нѣсколько странное названіе „Тѣснины“ (Narrows), хотя берега его нигдѣ не сближаются и до двухъ верстъ. Проливъ очень глубокъ, совершенно безопасенъ отъ бурь, удобенъ для судоходства и разомъ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ Стэйтенъ-Айланда круто сворачиваетъ влѣво—открывается въ Верхнюю бухту или круглую гавань, почти со всѣхъ сторонъ охваченную землей.

Предъ нами чуть-чуть зарябившаяся отъ свѣжаго встрѣчнаго вѣтерка громадная лагуна; по лѣвую руку потянулся длинный рядъ поселеній нью-джерзейскаго берега, по правую—предмѣстья дымнаго Бруклина, а впереди...

А впереди долженъ находиться величайшій городъ Америки. Но гдѣ же онъ?...

Неужели эта неуклюжая куча прячущихся другъ за друга зданій, съ узкими темноватыми щелями между ними, зданій, не импонирующихъ даже своей численностью,—и есть горделивая столица (Metropolis) Америки, какъ она сама себя величаетъ, не взирая на оффиціальную гегемонію Вашингтона?.. Гдѣ же ея пристани и заслоняющій ихъ лѣсъ корабельныхъ мачтъ?.. Гдѣ облака фабричнаго дыма—черная мантія мануфактуры?..

Ни лѣса мачтъ, ни фабричныхъ трубъ,—ничего, что говорило бы о шумной торговой жизни могучаго многолюднаго города.—Развѣ, вотъ, маленькіе пароходики-ревуны, взадъ и впередъ снующіе, точно водяные паучки, вдоль и поперекъ лагуны.

И всетаки, это Нью-Іоркъ,—Нью-Іоркъ уже потому, что къ нему все ближе и ближе подходитъ нашъ „Статтендамъ“, готовясь пристать...

Да, чрезвычайно, чрезвычайно неказистъ съ моря этотъ великій городъ, и еще больше теряетъ онъ отъ того, что крайне

невыгодно расположенъ на длинномъ (верстъ 25) и сравнительно узкомъ (нигдѣ не шире $4^1/_2$ в.) Менхетэнѣ, островѣ, протянувшемся почти совершенно плоской и низменной полосой съ сѣвера на югъ, откуда именно и подходитъ къ городу всякій приходящій изъ Европы пароходъ.

Увлекшись разглядываніемъ береговъ, я едва было не прозѣвалъ чудо современнаго ваянія—Статую Свободы; когда мнѣ на нее указали, пароходъ успѣлъ уже миновать ее: тяжелой, угрюмою массой, точно кому-то грозя высоко поднятымъ надъ головою факеломъ, чернѣла статуя позади насъ, по лѣвую сторону борта.

— Смотрите,—сказалъ я, шутя, своему баварцу,—свобода еще только шествуетъ по водамъ. На вашъ материкъ она еще не ступила?

— Да,—серьезно отвѣтилъ онъ: - она, пожалуй, еще въ пути. Но близко. А сколько есть странъ, которыя еще не видятъ ея даже и на своемъ горизонтѣ!

Какъ и городъ, статуя много теряетъ отъ положенія: находясь на маленькомъ островкѣ, среди обширной лагуны, она, естественно, должна казаться неизмѣримо меньше своей дѣйствительной величины; благодаря отсутствію надлежащей перспективы и по отдаленности отъ зрителя, памятникъ въ значительной мѣрѣ лишается своей выразительности. Между тѣмъ, это знаменитое произведеніе французскаго художника-скульптора Огюста Бартольди является крупнѣйшимъ сооруженіемъ этого рода всѣхъ временъ и народовъ. Высота самой фигуры—151 ф., высота гранитнаго пьедестала—155 футовъ; стало быть, общая высота всего памятника—306 ф., тогда какъ высочайшая статуя древности, воздвигнутая въ честь Нерона, достигала едва 118 ф., а знаменитый Колоссъ Родосскій—всего 105 ф. Стоимость бронзовой фигуры, изображающей величавую женщину съ факеломъ въ правой рукѣ—около 365 т. р., сумма, покрытая французскимъ народомъ, приславшимъ эту статую въ даръ великой заатлантической республикѣ; пьедесталъ обошелся въ 545 т. рублей, собранныхъ въ Америкѣ путемъ всенародной подписки; считая расходы по открытію памятника въ круглой суммѣ до 90 т. рублей, получимъ стоимость всего сооруженія, равную почти милліону.

Нѣкоторое представленіе о „Свободѣ, освѣщающей міръ", могутъ дать слѣдующія цифры: длина указательнаго пальца—8 ф.; голова—17 ф. вышины и 10 ф. ширины; носъ—4 ф. длины, ротъ 3 ф.; правая рука 9 ф. длины; ноготь на указательномъ пальцѣ—1 ф. Внутри статуи проходитъ винтомъ стальная лѣстница, ведущая къ огражденному высокими перилами балкону, скрывающемуся за верхней окраиной ручки факела, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются складки и изгибы пламени. Изъ города на островокъ нѣсколько разъ въ день ходитъ особый пароходъ—паромъ, такъ называемый ферри-ботъ;

доступъ для осмотра памятника до самой площадки на головѣ статуи открытъ для всѣхъ, для того же, чтобы имѣть право взобраться на балконъ, окаймляющій пламя факела, требуется спеціальное разрѣшеніе губернатора штата. Разрѣшеніе это не трудно достать, но требуется лично явиться за нимъ къ губернатору.

Статуя принадлежитъ къ системѣ американскихъ маяковъ: въ ея факелѣ—цѣлыхъ девять дуговыхъ электрическихъ лампъ, свѣтъ которыхъ надъ равнинами Лонгъ-Айланда и прибрежными холмами Стэйтенъ Айланда проникаетъ далеко въ океанъ и становится виденъ еще верстъ за 25 отъ берега. Маякъ этотъ, однакоже, въ настоящее время не дѣйствуетъ: съ одной стороны, безопасности мореплаванія успѣшно служатъ огни Санди Гука, съ другой—свѣтъ „Свободы“ оказывается чрезмѣрно чувствительнымъ даже для американскаго, изобилующаго серебромъ, казначейства... Для иллюстраціи силы дѣйствующаго въ маякѣ тока достаточно отмѣтить, что въ первую же ночь, когда зажгли факелъ „Свободы“, вокругъ гордой статуи и на ея площадкахъ было подобрано свыше 1600 птичьихъ труповъ: свобода караетъ тѣхъ, кого влечетъ къ ней одно пустое любопытство...

Первое знакомство со столицей Новаго Свѣта готовило намъ еще разочарованіе: пройдя какой-то мысокъ съ раскинувшимся на немъ круглымъ цирковиднымъ зданіемъ *), пароходъ пододошелъ къ берегу. Это не была пристань въ европейскомъ смыслѣ слова, а какой-то морской дворъ, огороженный по бокамъ высокими деревянными стѣнами, съ такимъ же двухъ-этажнымъ мрачнымъ амбаромъ впереди, отдѣленнымъ отъ набережной высокою, деревянной же, рѣшеткой.

Нечего и говорить, что пока „Станттендамъ“ причаливалъ, вся многосотенная междупалубная публика, съ разнымъ багажемъ у борта, нетерпѣливо толклась и суетилась по палубѣ, сгорая желаніемъ поскорѣй ощутить подъ ногами твердую землю. Вотъ, наконецъ, „Статтендамъ“ неподвижно замеръ у набережной, открыли и дверь въ стѣнѣ борта, но... не у насъ, а въ отдѣленіи классныхъ пассажировъ, которыхъ тотчасъ же и выпустили на берегъ, подъ грохотъ многочисленныхъ лебедокъ, торопливо выгружавшихъ изъ трюма на набережную „классный“ багажъ. Насъ же, во избѣжаніе всякаго соблазна, отдѣлили отъ классовъ высокимъ рѣшетчатымъ барьеромъ. Толкамъ, негодованію не было границъ,—тѣмъ болѣе, что обѣденная пора давно прошла, а объ насъ и не думали, оставляя всякія требованія и и заявленія эмигрантовъ, по обыкновенію, безъ отвѣта.

Добрыхъ два часа въ томленіи и скукѣ стояли мы тутъ.

*) Такъ наз. Кастль-Гарденъ, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ производилась пріемка и регистрація иммигрантовъ.

тщетно добиваясь объясненія задержки. Наконецъ, „Статтендамъ“ снова отчалилъ вглубь бухты; къ нему подошелъ какой-то, на диво широкій, съ палубой овальной формы, пароходъ, также съ золочеными орлами на шестахъ по угламъ, на который насъ тотчасъ же и перегрузили, попрежнему, безъ всякихъ объясненій. Правда, отъ сотоварищей, уже бывавшихъ въ Америкѣ, мы за время стоянки у набережной успѣли узнать, что всѣ прибывающіе сюда междупалубные (кромѣ гражданъ Америки) подлежатъ обязательной поголовной перепискѣ; но почему нельзя было этого сдѣлать по пароходнымъ или хоть по консульскимъ спискамъ на борту „Статтендама“—объ этомъ мы никакъ не могли догадаться, и настроеніе публики, попрежнему, оставалось негодующее, раздраженное...

Широкопалубный пароходъ, безцеремонно стуча и звеня заслонами, получасомъ спустя, понесъ насъ... вдаль отъ нью-іоркскихъ береговъ. Вотъ и статуя Свободы, на фонѣ далекихъ туманныхъ береговъ Новаго Джерсея; до ея подножія доходитъ сейчасъ довольно крупный пароходъ каботажнаго плаванія—онъ кажется предъ нею игрушечнымъ. Вотъ и берега съ этой стороны очень гористаго и романтическаго Стэйтенъ-Айланда стали вырисовываться изъ окутавшей ихъ нѣжной фіолетово-голубой мглы, а мы все плывемъ. Въ сущности, проходятъ минуты, но нетерпѣніе выйти, наконецъ, на берегъ минуты обращаетъ въ часы, и рокотъ удовольствія пробѣгаетъ въ толпѣ, когда пароходъ круто поворачиваетъ, наконецъ, къ громадному синевато-сѣрому зданію, точно выдвигающемуся прямо изъ воды.

— Элисъ-Айландъ! — вскользь замѣчаетъ баварецъ, почему-то тревожно всматриваясь въ проходящій мимо насъ странный безносый пароходъ.—Въ этомъ сѣромъ зданіи и пріемка.

— Ну, а вы зачѣмъ сюда?—спрашиваю я его.

Какъ американскій гражданинъ, онъ могъ высадиться вмѣстѣ съ классными пассажирами.

— Боюсь, не опоздалъ ли и такъ,—бормочетъ онъ вмѣсто отвѣта... — Тутъ одинъ мой давній пріятель заарестованъ... Неудачный иммигрантъ...

— Заарестованъ?—переспрашиваю я.—Какимъ это образомъ, и при чемъ тутъ неудачный иммигрантъ?

— Погодите, увидите сами... Это проще показать, чѣмъ разсказать... Вотъ, мы и прибыли.

Пароходъ причалилъ.

Небольшая, сажени двѣ шириной и футовъ десять надъ водой, деревянная набережная на сваяхъ, на которую выходитъ нѣсколько широкихъ, по морскому обычаю, за стѣну задвигающихся дверей. У одного изъ входовъ—деревянная же, пологая лѣстница, достаточно широкая, чтобы четверымъ или пятерымъ пройти рядомъ; за нею—небольшая площадка и коридоръ, мрачный и непри-

вѣтливый, какъ это бываетъ только въ обширныхъ зданіяхъ, не предназначенныхъ для жилья. На площадкѣ, на лѣстничкѣ и въ корридорѣ — нѣсколько чопорно-опрятныхъ господъ въ синихъ курткахъ, очень открытыхъ жилетахъ и круглыхъ кепи. Частью по-англійски, частью же неопредѣленными возгласами въ родѣ: „оуэ... уэ... ійй... уійй...“ подбадриваютъ и торопятъ они усталыхъ, проголодавшихся пришельцевъ, широкой, плотной волной заливающихъ уже и набережную, и лѣстницу, и площадку. Кажется, и конца имъ не будетъ, этимъ людямъ, идущимъ нетвердой, валкою походкой, не успѣвшимъ еще свыкнуться съ твердою почвой.

Изъ корридора дверь открывается въ громадную освѣщенную сверху залу, гдѣ смѣло можно бы помѣстить тысячъ пять человѣкъ. Потолка надъ ней нѣтъ, — видны перекладины и стропила крыши, подбитой выкрашенными, какъ и вся зала, въ сизоватый цвѣтъ досками. Въ залѣ масса воздуха: отъ пола до переплета стропилъ—футовъ 25, если не больше.

Отъ входныхъ дверей идетъ по залу огражденный высокими перилами проходъ, на нѣкоторомъ разстояніи круто поворачивающій влѣво; у поворота, за высокой конторкой, стоитъ какое-то оффиціальное лицо, хотя и въ штатскомъ платьи, опрашивающее каждаго вновь прибывающаго по англійски. Саженъ десять дальше проходъ дѣлаетъ двойной поворотъ вправо и направляется въ сторону, прямо противоположную первоначальному направленію. У этого двойного поворота за двумя, сажени на двѣ отстоящими одна отъ другой, конторками — опять два оффиціальныхъ лица, опрашивающихъ публику на французскомъ и итальянскомъ языкахъ; далѣе—снова двойной поворотъ, уже влѣво, въ направленіи, параллельномъ первоначальному, и снова два господина,—предлагающіе вопросы на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ. На полпути до новаго двойного поворота—добавочная конторка: опросъ на польскомъ и чешскомъ; далѣе—новыя конторки, опросы на армянскомъ, греческомъ, турецкомъ и еще не знаю на какихъ языкахъ...

О чемъ спрашиваютъ?..

Во-первыхъ, разумѣется, имя, фамилія, національность, вѣроисповѣданіе, лѣта, семейное положеніе, есть ли дѣти и сколько именно; есть ли собственныя средства къ существованію — требуется подтвердить это предъявленіемъ суммы, не меньше тридцати долларовъ на человѣка; профессія, ремесло, грамотность, знаніе иностранныхъ языковъ и какихъ именно; имѣются ли родные и друзья въ Америкѣ и гдѣ именно; ихъ занятія; нѣтъ ли въ числѣ друзей фабрикантовъ, и не прибылъ ли опрашиваемый по приглашенію кого-либо изъ фабрикантовъ и на какую именно плату?..

Этотъ послѣдній вопросъ, варьируясь на разные лады, чуть

не на десяти языкахъ, въ особенности донималъ насъ. Я не могъ постичь его скрытой цѣли, пока не пришелъ на помощь баварецъ.

— Видите, вотъ тамъ, въ правомъ углу, широкую рѣшетку?— обратился онъ ко мнѣ, когда мы на минутку пріостановились:—за этой-то рѣшеткой—и мой бѣдный Генрихъ. Его обокрали въ Роттердамѣ, и онъ не могъ предъявить установленныхъ 30-ти долларовъ. Съ нимъ сидятъ тамъ такіе же бѣдняки, или прибывшіе по вызову кого-либо изъ фабрикантовъ...

Итакъ, вотъ главная цѣль многократныхъ вопросовъ: они должны обнаружить нарушителей коренного закона о наемномъ трудѣ. Кара за нарушеніе его положена суровая: лицо, прибывшее въ Штаты по вызову предпринимателя, немедленно же задерживается на островѣ, а затѣмъ, съ первымъ обратнымъ пароходомъ того же общества и за счетъ послѣдняго, отправляется обратно, а предприниматель штрафуется двумя стами долларовъ за каждаго вызваннаго рабочаго.

Законъ этотъ—крупное завоеваніе американской рабочей партіи, до извѣстной степени защищающее трудъ отъ произвольнаго пониженія заработной платы: голоднаго люда въ Европѣ громадная масса, и онъ совершенно запрудилъ бы собою американскій рынокъ труда, будь фабрикантамъ дозволено выписывать рабочихъ изъ другихъ государствъ, что, ко вреду не только рабочихъ, но и самой промышленности, часто практиковалось здѣсь раньше.

Поэтому-то, на долгомъ пути регистраціи, прибывающаго не только многократно опрашиваютъ объ одномъ и томъ же, но еще стараются сбить всякими намеками, неожиданной похвалой предполагаемому искусству ремесленника, предательски-хитрыми выводами и заключеніями изъ его отвѣтовъ. Иной разъ допрашиваемому объявляютъ, что опросъ его оконченъ, но у выхода изъ бюро, какъ бы частнымъ образомъ, опять увлекаютъ въ живой разговоръ, среди котораго незамѣтно разставляютъ гостю западню... Меня, напримѣръ, допрашивали самымъ обстоятельнымъ образомъ на двухъ языкахъ, а затѣмъ почему-то направили къ господину, повторившему всю процедуру съ новыми варіантами еще по-польски и продолжавшему неистово пытать меня, не смотря на то, что на всѣ его вопросы, почти совсѣмъ не владѣя польскимъ языкомъ, я отвѣчалъ по французски. Тутъ къ моему инквизитору подошелъ еще какой-то помощникъ—черный, точно закопченный, брюнетъ, оказавшійся редакторомъ издающейся въ Нью-Іоркѣ сирійской газеты. Купно съ полякомъ, онъ тотчасъ же подвергъ меня новому замаскированному допросу на англійскомъ языкѣ. Со стороны можно было подумать, что оба они чрезвычайно озабочены моимъ будущимъ и хотѣли бы помочь мнѣ намѣтить планъ пріисканія занятій. Въ особенности старался сиріецъ: онъ усердно напиралъ на то, будто

русскіе оказываютъ выдающіеся успѣхи и способности въ кропотливомъ часовомъ мастерствѣ, гдѣ такъ много требуется усидчивости и терпѣнія. Русскіе,—по словамъ сирійца,—сущій кладъ для американскихъ фабрикантовъ часовъ, и мудрено ли, что предприниматели расходуютъ большія суммы, чтобы только имѣть рабочихъ этой національности.

Полякъ при этой рацеѣ подавалъ сирійцу реплики и, наконецъ, совсѣмъ неожиданно спросилъ:

— А вы на чей же счетъ пожаловали къ намъ?

— Господа!—взмолился я, теряя терпѣніе:—вѣдь это не регистрація, а рогатки какія то у входа въ страну Свободы!.. Попасть къ вамъ труднѣе, чѣмъ вырваться изъ тюрьмы, право!

Допросчики переглянулись и разсмѣялись; потомъ сухо-дѣловитый полякъ уткнулся въ лежавшую передъ нимъ книгу, а курчавый сангвиническій сиріецъ, повидимому, обладавшій артистическими наклонностями, патетически взглянулъ вверхъ и, сдѣлавъ плавный жестъ правой рукой, восторженно произнесъ, растягивая слова:

— Тутъ вы свободны, какъ этотъ воздухъ, которымъ мы дышемъ!.. Республика—это возрожденіе, это—обновленіе. Но... новая жизнь требуетъ и новой, болѣе строгой нравственности... Итакъ, сэръ, вы свободны. Будьте любезны,—проходите! Черезъ часъ придетъ сюда ферри-боотъ, на которомъ вы съѣдете на берегъ; проходите, пожалуйста!

Я недоумѣвалъ, куда именно направить теперь свои стопы: большинство моихъ сотоварищей раньше меня прошли всѣ мытарства регистраціи и съѣхали на материкъ на пароходѣ, густой ревъ котораго я слышалъ еще во время препирательствъ съ сирійцемъ. Вмѣстѣ съ другими куда-то запропастился и мой баварецъ, не успѣвшій даже проститься со мной...

Я вышелъ изъ-за перилъ, ограждавшихъ регистратуру и остановился среди площадки, отдѣленной высокой аркой отъ другой залы, поменьше, назначеніе которой мнѣ было неизвѣстно.

Чистота вокругъ была замѣчательная: карнизы, арки такъ и сіяли; даже на полу, несмотря на то, что по немъ только что прошли сотни ногъ, не обнаруживалось ни пылинки, ни соринки. Остерегаясь исцарапать его, я перенесъ свой тяжелый, окованный желѣзомъ чемоданъ и узелъ съ постелью, держа все это на вѣсу, напрягаясь до красноты въ лицѣ и пыхтя, какъ волъ.

— Эй, другъ!—откуда-то изъ середины залы окликнулъ меня чей-то насмѣшливый голосъ:—все ли забралъ? Не забылъ ли еще чего на старой родинѣ?

Хохотъ огласилъ „присутственное мѣсто“... Я опѣшилъ: влѣво отъ меня, худой какъ щепка, съ длинной жилистой шеей и большимъ кадыкомъ, рыжій клеркъ, вопросительно улыбаясь, ждалъ отвѣта.

— А что, пріятель,—такимъ же безцеремоннымъ тономъ отвѣтилъ я,—не желаете ли помочь мнѣ стащить остальное?..

Хохотъ сталъ еще раскатистѣе: господа американскіе чиновники такъ и закачались надъ конторками.

— Ха-ха-ха-ха!.. Ступайте, Боуди, въ Европу!

— Пѣшкомъ, Боуди, пѣшкомъ!

— Ай да Грингорнъ!.. Ай да Грингорнъ!

— Добро пожаловать, мистеръ Гринеръ*)!..

Видно было, что официальное значеніе этого мѣста не препятствуетъ почтеннымъ джентльменамъ предаваться невиннымъ развлеченіямъ, и я удивлялся только, откуда берется столько рѣзвости въ такихъ на видъ сухихъ и холодныхъ фигурахъ...

Я хотѣлъ уже попросить соотвѣтствующихъ разъясненій, но тутъ въ залъ хлынула новая группа задержавшихся съ пожитками на набережной переселенцевъ, и представители власти разомъ вернулись къ своимъ служебнымъ обязанностямъ: наклоненныя къ бумагамъ лица получили сухое дѣловое выраженіе, въ перебѣгающихъ зоркихъ взглядахъ заблестѣлъ улавливающій полицейскій огонекъ, словомъ, веселые насмѣшники снова превратились въ лицъ оффиціальныхъ...

Вскорѣ я опять остался одинъ. Предстоялъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія. Голодъ я успѣлъ наскоро утолить плиткою шоколада да двумя-тремя сухарями, купленными еще въ Голландіи... Но ничѣмъ нельзя было утолить чувство досады! А тутъ еще эта рѣшетка—наглый вызовъ самому элементарному представленію о дѣйствительной свободѣ!.. Мнѣ казалось теперь, что тамъ, за частою сѣткой блестящихъ, гладко отполированныхъ прутьевъ въ тоскѣ и грустномъ раздумьи стоитъ сама „Декларація правъ человѣка“, недоумѣвая, какимъ образомъ оппортунистскому блеску чистоты и опрятности удалось подмѣнить собою величавое радушіе ея простой человѣчности?..

Правда, рѣшетка эта до извѣстной степени ограждаетъ „интересы американскаго труда“... Но она же отталкиваетъ отъ порога свободной страны жалкаго бѣдняка, рвавшагося сюда, быть можетъ, годами съ золотой мечтой о трудѣ и счастьи въ свободной странѣ! И вотъ, его отбрасываютъ назадъ, внизъ, къ нищетѣ и страданію, когда ему казалось, что онъ достигаетъ желанной вершины...

Рѣшетка была теперь всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Мнѣ отлично видна была большая, съ высокимъ потолкомъ, и также отмѣнно чистая, свѣтлая комната съ полдюжиной желѣзныхъ кроватей, покрытыхъ теплыми одѣялами, изъ-за закраинъ которыхъ виднѣлось яркой бѣлизны постельное бѣлье. По ком-

*) Greenhorn, „greener“—клички, которыми честятъ американцы всякаго вновь прибывшаго европейца. „Greenhorn—„зеленый рогъ“.

натѣ взадъ и впередъ шагало нѣсколько человѣкъ ея невольныхъ обитателей, изъ которыхъ одинъ—очень высокаго роста, тощій, блѣдный, съ рыжеватою жидкой бородкой и меланхолически свисавшими льняного цвѣта усами,—показался мнѣ особенно удрученнымъ. По нѣкоторымъ признакамъ, я принялъ его за соотечественника.

— Вы—русскій?—негромко опросилъ я этого узника, когда, проходя мимо рѣшетки, онъ остановился у нея, обводя безнадежно скучающимъ взглядомъ жужжавшую и шуршавшую особеннымъ, торопливо-безпорядочнымъ шорохомъ толпу.

— Нѣтъ, но я понимаю по-русски. Я изъ колоніи въ Галиціи.

— За что васъ тутъ держатъ?

— Долларовъ не показалъ... Хотѣли отправить назадъ, но я слегъ, сказался больнымъ...

— Хотите, я передамъ вамъ денегъ для предъявленія?

— Нѣтъ, нѣтъ! Замѣтятъ—конфискуютъ!.. Спасибо за ласку!..

— Ну, я пришлю завтра свой адресъ и назовусь вашимъ братомъ?

— Спасибо, спасибо... Не надо: завтра изъ Спрингфильда за мною пріѣдетъ двоюродный братъ: сегодня я получилъ отъ него письмо... А вотъ, есть тутъ словакъ, такъ у того—никого ни здѣсь, ни дома...

— А какъ его зовутъ, вашего словака?.. Скажите ему, что...

— Нельзя тутъ разговаривать!—властнымъ тономъ звучно отчеканилъ по-англійски какой то плотный субъектъ въ синей курткѣ и кругломъ кепи и негодующе уставился на меня умными, интеллигентными глазами.

Очевидно,—стражъ...

— Почему нельзя?—спросилъ я.

— Потому что для этого требуется особое разрѣшеніе. Уходите, сэръ, отсюда: вы свое дѣло здѣсь уже кончили, и тутъ не мѣсто для прогулокъ. Сношенія съ государственными преступниками не допускаются, я думаю, и въ Европѣ...

Я невольно пожалъ плечами, неожиданно услыхавъ этотъ громкій титулъ. Но дѣлать было нечего: взгляды стража были очень выразительны, и я съ вещами перешелъ по ту сторону арки. Но я всетаки рѣшилъ такъ или иначе проникнуть за эту рѣшетку, ограждающую сытыхъ отъ нашествія голодныхъ, и помочь хоть этому невѣдомому злополучному словаку. Но какъ устроить это?.. Стражъ торчалъ въ залѣ, прохаживаясь между аркой и входными дверьми...

Въ углу, прямо насупротивъ рѣшетки, виднѣлся красивый, темно-коричневый полированный кіоскъ; на изящномъ фронтонѣ его стояла надпись крупными буквами: „Телеграфъ“, а на стѣнѣ висѣло объявленіе на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, гласившее, что лица, не обладающіе уста-

новленной суммой для предъявленія, могутъ съ помощью этой станціи снестись съ проживающими въ штатахъ Союза родственниками; послѣднимъ предоставляется право, если они пожелаютъ, взять неимущаго иммигранта на свое попеченіе, подъ личнымъ ручательствомъ, что онъ не станетъ въ тягость общественной или государственной благотворительности...

Прочитавъ это объявленіе, я обратился къ сидѣвшему у окошечка кассиру, уже пожилому господину, съ безмолвно двигавшимися, какъ у кролика, синими отъ постояннаго бритья, губами,—съ вопросомъ, сколько стоитъ депеша въ 10 словъ въ Бостонъ.

— Двадцать центовъ, сэръ, двадцать центовъ!—отвѣтилъ онъ, усиленно пожевавъ губами.—Ну, гдѣ же вашъ текстъ?

— Сейчасъ подамъ: надо кое-что прибавить.

Вынувъ изъ кармана клочокъ бумажки и карандашъ, я отошелъ къ периламъ позади кіоска. Я видѣлъ, что стражъ только-что торопливо удалился за входныя двери...

Я быстро подошелъ къ рѣшеткѣ, энергичными знаками привлекъ вниманіе заключенныхъ и осторожно спросилъ имя одинокаго словака. На бѣду, лица, съ которыми я имѣлъ теперь дѣло, оказались не изъ догадливыхъ: не разслышавъ хорошенько вопроса, они не нашли ничего умнѣе, какъ заговорить цѣлымъ квартетомъ:

— Петько Вуичъ...

— Иванъ Козогрій...

— Янъ Кубейко...

— Чего панъ хце?..

Оказалось, что это цѣлая группа представителей славянства за американской рѣшеткой.

— Словака, словака позовите!—торопливо бросилъ я имъ,—каждая секунда была дорога.

Къ рѣшеткѣ быстро подошелъ жалкій, испитой субъектъ маленькаго роста, но съ длинными и до нельзя худыми руками, узкоглазый, въ безпорядочной куафюрѣ, съ сильно заросшимъ костистымъ лицомъ.

— Отвѣчайте поскорѣе, какъ васъ зовутъ?

Но едва успѣлъ я высказать этотъ вопросъ, какъ гдѣ-то совсѣмъ близко скрипнула дверь, и звучный, уже знакомый мнѣ голосъ не на шутку грознымъ тономъ произнесъ:

— Эй, мистеръ!.. Вамъ вѣдь уже было объявлено, что это—государственные преступники Соединенныхъ Штатовъ?.. Что вы, такъ плохо понимаете по-англійски, или страдаете глухотой, э?..

Одновременно съ этимъ грознымъ стражемъ, вышелъ изъ своего кіоска кассиръ и еще какой-то молодой, элегантный господинъ, брюнетъ, въ свѣтло-сѣромъ клѣтчатомъ костюмѣ.

— Можетъ быть, этотъ джентльменъ не знаетъ, что съ за-

ключенными запрещено разговаривать? —обратился онъ вполголоса къ кассиру.

— Я хочу помочь своему земляку! — преувеличенно-громко заговорилъ я, превозмогая охватившее меня смущеніе.

— До этого намъ мало дѣла. Двукратное нарушеніе закона— вы подлежите аресту... Ваше имя?—вопросилъ стражъ.

— Прошу, въ такомъ случаѣ, объяснить, гдѣ я могу видѣть губернатора. Я не вѣрю, чтобы въ Америкѣ, въ публичномъ мѣстѣ, не разрѣшалось разговаривать: объявленія объ этомъ въ залѣ нѣтъ, а васъ я совсѣмъ не знаю... Позвольте спросить: кто вы такой?

Нѣсколько секундъ стражъ внимательно всматривался въ мое лицо, потомъ улыбнулся.

— Хромаетъ на обѣ ноги,—кивнулъ онъ на меня безстрастно глядѣвшему передъ собой кассиру, — а могъ бы пледировать за себя, право!.. Кто я, сэръ?—обратился онъ снова ко мнѣ.—Зовутъ меня Робертъ Клифтонъ, и состою я агентомъ вотъ этой самой Станціи Иммигрантовъ и непремѣнно васъ арестую, если еще разъ замѣчу въ попыткѣ завязать сношенія „съ отдѣленіемъ“. Прощайте, сэръ, не говорю: до свиданья!

Иронически кивнувъ мнѣ на прощанье, онъ удалился вглубь залы.

Пораженіе мое было полное. Такъ, должно быть, поняли положеніе дѣлъ и заключенные, замахавшіе мнѣ шляпами и платками на прощанье. Испытующе-сочувственнымъ взглядомъ провожалъ меня къ багажу и третій членъ, вышедшій изъ кіоска компаніи. Только кассиръ, успѣвшій уже снова усѣсться у своего окошечка, сохранялъ все время безусловное равнодушіе и, казалось, ожидалъ только, чтобы маленькое происшествіе улеглось безъ особыхъ послѣдствій.

— Гдѣ же вашъ текстъ? — спросилъ онъ, когда я случайно остановилъ на немъ взглядъ:—Хорошо ли вы знаете адресъ? Не нуждаетесь ли въ какихъ-нибудь указаніяхъ?..

Я молчалъ, недоумѣвая, иронизируетъ этотъ образцово-корректный господинъ, или проявляетъ дѣйствительное участіе къ „невѣжественному европейцу“, какъ тутъ чуть не оффиціально именуютъ нашего брата-иммигранта.

— Поспѣшите,—безстрастно продолжалъ онъ:—пріемъ денегъ черезъ полчаса будетъ прекращенъ!

— Мой текстъ будетъ готовъ черезъ двадцать восемь минутъ!—отвѣчалъ я раздраженно.

— Отлично, это ваше право.

Въ это время ко мнѣ подошелъ съ любезной улыбкой помянутый выше господинъ въ сѣромъ костюмѣ. Признаюсь, я встрѣтилъ его съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ...

— Вашъ первый дебютъ въ нашей странѣ немного неудаченъ,—

началъ онъ мягкимъ сочувственнымъ тономъ,—но я совершенно понимаю ваши побужденія...

— И потому-то ограждаетесь отъ нихъ запрещеніями?

— Мнѣ очень жаль, что цивилизованный гость нашъ не хочетъ признавать и нашихъ побужденій,— серьезно замѣтилъ онъ, оставляя мой сарказмъ безъ отвѣта. — Вѣдь и при настоящихъ стѣсненіяхъ въ нашу страну ежегодно приливаетъ до 600 т. человѣкъ? Вѣдь это, если хотите, цѣлая народность... И такъ — каждый годъ...

— Но вѣдь многіе несутъ въ вашу страну порядочныя деньги, въ общемъ составляющія милліоны, — подхватилъ я, — этихъ вы, конечно, не гоните?

— Америка должна защитить себя отъ наплыва нищихъ; развѣ это не ясно?

— Вы говорите такъ, какъ будто дѣло идетъ о крысахъ, нападающихъ на жилище человѣка... Наконецъ, если это уже такъ нужно, то, кажется, не трудно было бы предохранительныя мѣры принять еще въ порту отправленія, гдѣ нашего брата съ такой надоѣдливой тщательностью осматриваетъ вашъ консулъ...

— Да, это—несомнѣнное упущеніе, — конфузливо согласился молодой человѣкъ.—Но, всетаки, не судите насъ слишкомъ строго: мы—еще только слагающаяся нація, и намъ приходится безпрерывно всасывать сотни тысячъ грубыхъ, некультурныхъ людей, цивилизовать и ассимилировать ихъ... Легко ли справиться съ этимъ? Мудрено ли, что въ нашей общественности попадаются диссонансы?.. За то свобода, повѣрьте, лучшій учитель: она не даетъ закрывать глаза на темныя стороны жизни, она указываетъ неправильности и приводитъ къ установленію болѣе широкой справедливости... Поживете среди насъ, и я увѣренъ,—вы станете нашимъ другомъ...

Искренній, радушный тонъ моего собесѣдника невольно располагалъ къ нему. Отъ моего предубѣжденія вскорѣ не осталось и слѣда, и я съ признательностью принималъ его разъясненія: вѣдь ничто не обязывало его къ этой предупредительности въ отношеніи совершенно незнакомаго человѣка.

Какъ выяснилось изъ дальнѣйшей бесѣды, подкараулившій меня сержантъ Клифтонъ полагалъ, что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ агентовъ-нанимателей, которые не разъ уже пытались улавливать здѣсь для мѣстныхъ фабрикъ рабочихъ изъ среды „неудачныхъ иммигрантовъ“, разумѣется, за очень пониженную плату. Для этой цѣли съ иммигрантовъ, въ благодарность за освобожденіе, берутъ обязательство въ формѣ заемныхъ писемъ на крупныя суммы, датированныхъ днемъ ожидаемаго освобожденія изъ Станціи (заемныя обязательства иммигранта получаютъ съ этого момента безспорную силу), а контракты, разумѣется, заключаются уже на берегу, куда импровизированный братъ, дядя, пле-

мянникъ сопровождаетъ освобожденнаго, не отступая отъ него ни на шагъ.

Мой новый знакомый сообщилъ мнѣ также, что неправильное задержаніе „неудачнаго иммигранта“ можетъ быть оспариваемо послѣднимъ предъ Совѣтомъ бюро, — лично или черезъ защитника-атторнея, при чемъ, если у иммигранта нѣтъ собственныхъ средствъ на приглашеніе адвоката, таковой назначается Совѣтомъ изъ числа состоящихъ при бюро безплатныхъ защитниковъ.

Разъясненія эти до нѣкоторой степени смягчали чувство, вызванное во мнѣ порядками Станціи; но все же основное впечатлѣніе не исчезло: сытый, счастливый туземецъ опасается, какъ бы его не обезпокоилъ голодный, обездоленный пришелецъ. И я не скрылъ этого отъ своего собесѣдника.

— Ничего, ничего!—весело улыбаясь, возразилъ онъ:—вы получили нѣсколько рѣзкое, но одностороннее впечатлѣніе, и оно въ васъ еще очень живо, вотъ и все. Но жизнь не замедлитъ уравновѣсить его другими.

Этотъ привѣтливый молодой человѣкъ, какъ оказалось, служилъ врачемъ при госпиталѣ Станціи иммигрантовъ.

Признаться, я никакъ не ожидалъ этого: молодой человѣкъ имѣлъ такой скромно-застѣнчивый видъ, такъ юношески неловко и часто брался за свои маленькіе черные усики, свѣтло-каріе глаза его, подъ женски-красивыми тонкими темными бровями, глядѣли съ такой наивной довѣрчивостью, что все это въ пору было развѣ воспитаннику старшихъ классовъ какого-нибудь закрытаго учебнаго заведенія. Но ему было уже двадцать семь лѣтъ, и онъ четыре года состоялъ штатнымъ врачемъ при госпиталѣ, въ которомъ ежемѣсячно числилось до 500 больныхъ, представителей видавшаго всякіе виды европейскаго пролетаріата. Не смотря на это, въ симпатичномъ цѣлителѣ ихъ сохранилась чисто юношеская конфузливость, заставлявшая смуглыя щеки его покрываться замѣтнымъ румянцемъ всякій разъ, какъ онъ чувствовалъ себя въ сколько нибудь неловкомъ положеніи, а онъ былъ видимо очень чутокъ на этотъ счетъ. Такъ, замѣтивъ, что мнѣ трудно понимать бѣглую англійскую рѣчь, онъ перевелъ разговоръ на французскій. Тутъ я, въ свою очередь, увидѣвъ, что ему еще труднѣе говорить по-французски, чѣмъ мнѣ по англійски, попытался снова перевести разговоръ на его родную рѣчь. Нужно было видѣть, какъ мило краснѣлъ онъ, утверждая, что это противорѣчило бы долгу гостепріимства!.. Читатель пойметъ, какъ ободрила меня эта встрѣча послѣ первыхъ суровыхъ впечатлѣній...

Въ данную минуту меня больше всего заботила мысль о недорогомъ, но спокойномъ ночлегѣ, и въ то же время очень хотѣлось добыть матеріалъ объ иммиграціи въ С. Штаты. Любезный американецъ обѣщалъ содѣйствіе въ томъ и другомъ.

— Черезъ четверть часа, если вамъ угодно подождать,—сказалъ онъ,—я сдамъ дежурство и буду въ вашемъ распоряженіи.

Въ ожиданіи его возвращенія, я вышелъ дверью малой залы на „набережную отправленія“ — такую же, какъ и „набережная прибытія“, но находившуюся по другую сторону дома.

Теплый осенній день тихо склонялся къ вечеру. На востокѣ уже замѣтно потемнѣло; дальніе берега совершенно слились съ горизонтомъ, вызывая иллюзію безбрежнаго океанскаго простора. На сѣверо-востокѣ берега выступали неясно и смутно съ чернѣвшими на нихъ складами; мѣстами уже блестѣли огни. Море было пустынно, и только на юго - востокѣ, направляясь къ проливу, медленно - медленно, устало скользили по дремлющей глади нѣсколько небольшихъ парусныхъ судовъ, точно стая гигантскихъ птицъ, только что спустившихся на ночлегъ и не успѣвшихъ еще сложить свои мощныя крылья...

Въ углу, образованномъ набережною и примыкающей къ ней небольшимъ выступомъ пристани, шагахъ въ десяти отъ выходныхъ дверей дома, сидѣло спиною ко мнѣ двое мужчинъ въ теплыхъ пальто и въ котелкахъ и—въ полъ-оборота ко мнѣ—молодая дѣвушка семитическаго типа, въ синей простенькой юбкѣ и такой же, съ широчайшими буфами на рукавахъ, кофтѣ, — вѣроятно, мѣстнаго фасона. На шумъ моихъ шаговъ, дѣвушка мелькомъ оглянулась и снова перевела скорбно-участливый взглядъ на меньшаго изъ своихъ спутниковъ. Мужчины не пошевелились.

— Нѣтъ, Лиза, не укоряй меня—заговорилъ по-русски одинъ изъ нихъ, юноша съ болѣзненнымъ лицомъ. — Ты помнишь меня: таковъ ли я былъ, какъ теперь... Я не слабѣе другихъ, но жизнь взвалила на меня слишкомъ тяжелую ношу... Здѣсь мы можемъ говорить свободно, и я тебѣ скажу... Мнѣ все чудится, что я еще въ якутскомъ улусѣ...

Онъ говорилъ громко, а мнѣ приходилось ждать м-ра Гревса именно здѣсь. Поэтому я подошелъ ближе и сказалъ:

— Господа,—долженъ предупредить васъ, что я—русскій, и все, что вы говорите, понимаю.

Молодой человѣкъ рѣзко повернулся. Лицо его было блѣдно, и по взгляду, который онъ кинулъ на меня, посторонній едва ли догадался бы, что мы—два соотечественника, нечаянно встрѣтившіеся на чужой сторонѣ.

— А вы давно уже здѣсь... въ роли невольнаго свидѣтеля?— спросилъ юноша грубо и задорно.

— Я просто слышалъ начало вашего разговора и хотѣлъ предупредить...

— Начало... гмъ, — все такъ-же задорно сказалъ юноша, — что же особеннаго въ этомъ началѣ?..

— Яша, Яша, какъ тебѣ не стыдно?—умоляющимъ тономъ

сказала дѣвушка: —ты задираешь совершенно незнакомаго человѣка... И навѣрное, навѣрное ты ошибаешься!

Не знаю, чѣмъ бы закончилась эта встрѣча земляковъ на чужомъ берегу, еслибы въ это время не появился между нами докторъ Гревсъ.

— Что тутъ такое?.. Въ чемъ дѣло?—торопливо спросилъ онъ.

Довольно-таки безсвязно, я объяснилъ ему мое незавидное приключеніе.

— Простите, пожалуйста,—тотчасъ же проговорилъ онъ, краснѣя и увлекая меня прочь отъ моихъ соотечественниковъ:—Эти джентльмены вамъ знакомы?.

— Въ первый разъ вижу...

— Да, да... Молодой джентльменъ двѣ недѣли пролежалъ въ госпиталѣ: высокая степень нервнаго изнуренія при общемъ малокровіи... А знаете,—мнѣ кажется, вы недостаточно... недостаточно любите себя... Мы американцы, никогда не вступимъ въ подобную ссору; мы предоставляемъ каждому думать о насъ, что угодно: хорошій человѣкъ безъ достаточныхъ причинъ дурного не подумаетъ, а изъ-за мнѣній глупаго или злого,—стоитъ ли волноваться?.. Однако, вотъ и феррибоотъ. Позвольте, я помогу вамъ снести багажъ...

И, не дожидаясь моего согласія, милый американецъ подхватилъ мой тяжелый чемоданъ и потащилъ его на палубу того самаго страннаго безносаго парохода, который мы видѣли, подъѣзжая къ зданію „Станціи Иммигрантовъ“.

Дорогою разговоръ не вязался, хотя въ матеріалѣ недостатка не было; докторъ передалъ мнѣ печатную страничку изъ какого-то отчета, заключавшую данныя объ иммиграціи въ Соединеные Штаты за послѣднія десять лѣтъ; затѣмъ подарилъ мнѣ голубой фотографическій снимокъ фасада „Станціи Иммигрантовъ“ и ея набережной: оказалось, онъ былъ большой любитель фотографіи; онъ работалъ теперь надъ изысканіемъ способовъ фотографическаго воспроизведенія естественной окраски предметовъ, и помянутый голубой снимокъ былъ результатомъ его собственнаго открытія.

На мой вопросъ, чѣмъ, какъ и когда я могъ бы отблагодарить его за предупредительное участіе, онъ отвѣтилъ, что „неблагодарность“ признаетъ въ числѣ пороковъ, но „благодарности“, какъ какого-то обязательства, не понимаетъ... Если я пожелаю проявить дружескія къ нему чувства, то наилучшимъ ихъ выраженіемъ онъ сочтетъ, если, встрѣтивъ нужду въ чьемъ-либо содѣйствіи, я снова обращусь къ нему, почтой, въ госпиталь Элисъ Айланда. Личнаго адреса онъ не даетъ потому, что, во первыхъ, „знакомство домами“ здѣсь имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ Европѣ, и является правомъ лишь родственниковъ и ближайшихъ друзей, а во-вторыхъ, потому, что живетъ онъ не

въ Нью-Іоркѣ, а въ Гаррисонѣ, возлѣ Ньюарка, въ штатѣ Нью-Джерза—по ту сторону Хедзона, откуда каждый день по желѣзной дорогѣ и ѣздитъ на службу; въ-третьихъ, онъ очень занятъ, такъ какъ, кромѣ должности субъ-ординатора госпиталя на Элисъ Айландѣ, состоитъ еще ассистентомъ при Нью-Іоркскомъ госпиталѣ и врачемъ одной изъ фабрикъ Нью-арка; независимо отъ всего этого, онъ усердный членъ мѣстной секціи общества естествоиспытателей фотографическаго общества, всѣ очередныя и чрезвычайныя собранія которыхъ посѣщаетъ аккуратно.

Я, улыбаясь, замѣтилъ на это, что еслибы, при такомъ многообразіи занятій, всѣ кліенты его вздумали проявлять указаннымъ имъ же способомъ „дружескія къ нему чувства“, то его, пожалуй, вскорѣ бы и въ живыхъ не стало. Онъ разсмѣялся и возразилъ, что, во-первыхъ, все зависитъ отъ умѣлаго распредѣленія времени и занятій, а во-вторыхъ, если-бы люди, вообще, держались системы взаимныхъ услугъ и солидарности, то никто никому не былъ бы въ тягость...

Пароходъ нашъ, тѣмъ временемъ, сталъ подходить къ мысу, на которомъ помѣщалось уже упомянутое мною круглое цирковидное зданіе. Неподалеку отъ него стоялъ длинный узкій пароходъ съ трехъ-этажнымъ бѣлымъ зданіемъ вдоль всей палубы, каждый этажъ котораго опоясывалъ легкій балконъ, а на крышѣ была площадка, огражденная сѣтчатыми желѣзными перилами. Это былъ пассажирскій пароходъ каботажнаго плаванія, представлявшій, надо признаться, довольно неуклюжую посудину. Обогнувъ эту трехъ-этажную махину, нашъ ферри-ботъ наглядно выказалъ секретъ своей странной, но очень, оказывается, удобной формы: сразу же, безъ всякихъ церемоній и маневровъ, присталъ онъ полукруглой выпуклостью своего носа къ соотвѣтственно полукругло-вогнутой окраинѣ отведенной для него части набережной, сейчасъ же позади какого-то гранитнаго гигантскаго зданія съ высокой четвероугольной башней. Это — корабельная контора Нью-Іоркскаго порта; тутъ же помѣщается особое бюро, гдѣ тщательно регистрируются всѣ поступающія сюда изъ страны требованія на рабочія руки. Ищущіе занятій, помощью этого учрежденія нерѣдко пристраиваются къ дѣлу.

— Галлоу, *) мистеръ, оуэ!.. вотъ вамъ здоровыя руки! Позвольте вашъ прекрасный вэлисъ (чемоданъ)!

— Дайте мнѣ, ваша свѣтлость: снесу хоть на край свѣта!

— Милордъ, пожалуйте, укажу отмѣнный бо̀рдингъ-гаусъ!.. Пожалуйте!

---

*) Непереводимое привѣтствіе, съ которымъ обращаются другъ къ другу при встрѣчѣ.

Десятокъ болѣе или менѣе подозрительнаго вида субъектовъ тотчасъ же съ криками и зазываніями окружили меня, какъ только, пройдя узкимъ проходомъ вдоль стѣны корабельной конторы, я выбрался съ своимъ багажемъ на какую-то обширную прибрежную, усаженную деревьями, площадь. Крикуны наперерывъ предлагали свои услуги, чуть не выхватывая багажъ изъ рукъ.

Докторъ бѣгло оглянулъ ихъ и поманилъ пальцемъ стоявшаго безучастно въ сторонѣ рослаго, сухощаваго дѣтину въ коротенькомъ лѣтнемъ пиджакѣ и короткополой круглой шляпѣ.

— Десять центовъ! — сказалъ м-ръ Гревсъ, указывая на чемоданъ. — Гринвичъ, уголъ Седаръ Стритъ, — далъ онъ ему адресъ и прибавилъ мнѣ въ поясненіе: — Тутъ десять-двѣнадцать минутъ ходу: вамъ незачѣмъ отдавать другому свой узелъ.

Бѣдно одѣтый субъектъ, подъ градомъ дикихъ возгласовъ и насмѣшекъ всей оравы, подхватилъ чемоданъ на плечи, и мы пошли.

Изъ толпы въ особенности усердствовалъ одинъ, почему-то старавшійся непремѣнно пройтись на мой счетъ. Козлинымъ, рѣзкимъ голосомъ онъ сыпалъ обидными эпитетами, почти ругательствами: называлъ меня лордомъ Собачьей Шкуры, принцемъ живодерни, предлагалъ отправиться въ отель Уэрдъ *), гостинницу Блекуэль **) и еще куда-то, — не помню.

— Что это за сумасшедшій, и отчего онъ ругается?—спросилъ я м-ра Гревса.

— Акула злится не на васъ, а на меня... У него очень подозрительный притонъ на Моттъ-Стритъ,—отвѣчалъ докторъ на ходу.

— И прозвище же у него! Или это—фамилія?

— Нѣтъ, кличка!—разсмѣялся докторъ.—Въ Нью Іоркѣ цѣлая армія профессіональныхъ охотниковъ за иммигрантами; тѣхъ изъ нихъ, которые промышляютъ близъ гавани, мы называемъ акулами. Общее ихъ прозвище—„скороходы“.

Мы шли по окраинѣ площади. Влѣво отъ насъ тянулись устилавшія всю площадь клумбы съ потерявшими уже листья деревьями, направо—высокая эстокада, сдѣланная изъ стали. По ней, стуча и гремя, быстро промчался поѣздъ изъ шести небольшихъ вагоновъ. Непривычный грохотъ заставилъ меня инстинктивно пригнуть голову.

— О, не безпокойтесь,—съ улыбкой замѣтилъ на это мистеръ Гревсъ,—не безпокойтесь: хотя поѣзда проходятъ здѣсь каждые четыре-пять минутъ, но несчастные случаи очень рѣдки.

По обѣ стороны улицы шли двухъ и трехъ-этажные кирпичные,

*) Рабочій домъ для бродягъ и вообще лишенныхъ крова.

**) Тюрьма.

желтые, сѣрые и грязно-коричневые дома, очень невзрачной архитектуры. Ихъ сравнительно маленькія, лишенныя наличниковъ окна сонно, холодно и непривѣтливо глядѣли на малолюдную темную улицу, походившую, благодаря рѣшетчатымъ мостамъ, эстокады, скорѣй на незаконченный постройкой крытый дворъ, чѣмъ на артеріи большого шумнаго города. Улица подъ эстокадой въ этотъ часъ поражала пустынностью.

Меблированныя комнаты съ рестораномъ, довольно помѣстительнымъ, но полутемнымъ, куда вскорѣ привелъ меня м-ръ Гревсъ, содержалъ натурализованный французъ изъ Канады, высокій, красивый малый съ черными усами, державшійся прямо и гордо, съ такимъ видомъ, точно все вокругъ него — пустяки, и онъ ко всему этому только снисходитъ. Отрекомендовавъ ему меня, какъ пріѣзжаго, нуждающагося въ недорогомъ, но покойномъ ночлегѣ (на что французъ отвѣтилъ лишь легкимъ жестомъ кисти правой руки—не о чемъ, молъ, тутъ толковать), мистеръ Гревсъ удалился, пожелавъ мнѣ всякихъ благъ...

Комнату мнѣ отвели небольшую, съ однимъ окномъ во второмъ этажѣ, цѣною (вмѣстѣ со столомъ—завтракъ, обѣдъ и ужинъ) въ одинъ долларъ и двадцать пять центовъ.

— Угодно, мосье, провести часокъ въ ресторанѣ, или я долженъ принести чай сюда?—спросилъ меня курчавый брюнетъ, внесшій за мной чемоданъ.

— Благодарю.. Чаю не нужно... Вотъ возьмите это за услугу.

— Но это моя обязанность, сударь,—не безъ достоинства замѣтилъ онъ, отказываясь отъ предложеннаго мною вознагражденія.

Курьезно, что этотъ джентльменъ отказался также отъ лишнихъ пяти центовъ, которые я давалъ ему сверхъ уговора.

— Вы ошиблись, сэръ,—сказалъ онъ, отдавая мнѣ обратно монету,—мнѣ слѣдуетъ только десять центовъ.

— Возьмите, возьмите! Это я прибавляю вамъ за труды.

— Мнѣ слѣдуетъ десять центовъ, сэръ,—холодно настаивалъ онъ на своемъ,—и у меня нѣтъ сдачи.

Пришлось доставать кошелекъ и давать упрямцу по уговору.

Матеріалъ объ иммиграціи, переданный мнѣ докторомъ Гревсомъ, касался не десятилѣтія, а цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ, начиная съ 1880 и кончая 1893 годомъ, но только за десять лѣтъ (по 1890 г.) я нашелъ матеріалъ, разработанный всесторонне.

Вотъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя цифры, — характеризующіе размѣры переселенческаго прилива, наводняющаго счастливую страну.

Итакъ, за 17 лѣтъ, съ 1880 по 1896 годы, при неполномъ подсчетѣ за 1894, 1895, 1896 г.г. (изъ которыхъ въ 1896 г. масса иммигрантовъ прослѣдовала въ Клондайкъ, направляясь

изъ Европы непосредственно черезъ Канаду), въ Соед. Штаты прибыло 8.327.872 чел., что составляетъ въ среднемъ 489.875 чел. ежегоднаго прилива иммигрантовъ. Въ послѣдующіе годы движеніе возрастало...

Изъ какихъ слоевъ населенія Европы составляется эта масса лишенныхъ родины?.. Быть можетъ, все это отбросы, человѣческій хламъ, избавляясь отъ котораго, старой Европѣ остается только радоваться?

Статистика говоритъ, что изъ 343,267 чел., зарегистрованныхъ Станціей Иммигрантовъ въ 1896 г., лишь 123.028 чел., (стариковъ, женщинъ и дѣтей) не указали опредѣленныхъ занятій, а изъ остальныхъ лишь 168 чел. показали, что будутъ проживать на готовыя средства. Остальные 220.172 чел. были рабочіе: поденные, чернорабочіе, земледѣльцы, плотники, рудокопы, башмачники, сапожники, портные, слесаря, кузнецы, слуги, и только 2.186 чел. показали себя принадлежащими къ числу лицъ, живущихъ письменными занятіями и счетоводствомъ.

И этому по-истинѣ великому переселенію народовъ, быть можетъ, ярче характеризующему нашу культуру, нежели всѣ чудесныя открытія и изобрѣтенія въ области техники, и конца пока не предвидится. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ великій мудрецъ и провидецъ нашего времени—промышленный капиталъ: въ неусыпныхъ заботахъ о меньшемъ братѣ, покидающемъ родину, онъ уже основалъ цѣлыхъ двадцать пароходныхъ обществъ, располагающихъ для этой цѣли болѣе чѣмъ сотней громадныхъ, спеціально устроенныхъ, кораблей... Цѣлая флотилія, общею стоимостью не въ одну сотню милліоновъ рублей!.. Будь при этомъ хоть самая малая доля вѣроятія, что эта „горя рѣченька глубокая“ грозитъ изсякнуть,—не рискнули бы бережливые собственники такою массой денегъ.

Конечно, какъ и всякое народное движеніе, волна переселенія имѣетъ свои колебанія; всякое сколько нибудь ощутительное улучшеніе въ жизни европейской массы непремѣнно отражается и на отливѣ населенія, отмѣчаясь то ослабленіемъ эмиграціи, то—наоборотъ; но, въ общемъ, эти колебанія настолько незначительны (имѣя въ среднемъ наклонность къ увеличенію въ положительную сторону), что сказанныя общества боятся ихъ меньше, нежели случайностей моря; страхованія на случай убытковъ отъ ослабленія эмиграціи все еще не заведено. Они знаютъ, что ежегодно, такъ или иначе, около полумилліона людей, и почти все рабочихъ людей, будутъ признаны лишними, ненужными культурной Европѣ и обращены въ живой грузъ, за провозъ котораго этимъ обществамъ придется получить пріятную сумму около 40 милліоновъ рублей, не считая тутъ еще платы за многія тысячи пудовъ багажа...

Неподвижныя мертвыя цифры, а всмотритесь—сколько въ нихъ

движенія, яркихъ отзвуковъ мятущейся жизни, какъ много и какъ краснорѣчиво говорятъ онѣ о будущемъ. Возьмемъ цифры, касающіяся ирландскихъ иммигрантовъ.

Съ 1861 по 1880 г. изъ Ирландіи эмигрировали въ С. Штаты около 900.000 чел.,—цифра весьма внушительная! Между тѣмъ, за все это время прибывало въ Штаты не больше 47 тыс. чел. въ годъ.

Возникаетъ земельная борьба: лэндлорды жестокими средствами утверждаютъ свои права собственности, выдворяютъ фермеровъ; возникаетъ ирландская лига, бойкотъ, смуты, волненія аграрныя,— и эмиграція разрастается: съ 1881 по 1890 г. выселяется изъ Ирландіи уже до 660 тыс. чел., при чемъ за послѣдніе годы этого десятилѣтія число эмигрантовъ подымается до 78 тыс., не считая почти 14 тыс., выѣхавшихъ изъ Шотландіи и собственно Англіи...

Возьмемъ Россію.

За десятилѣтіе 1871—1880 г. изъ нашего отечества переѣхало въ Америку всего 54.606 ч., причемъ число иммигрировавшихъ не поднималось ни разу выше 6 тыс. за годъ. Но вотъ, наступаетъ эпоха ограничительныхъ законовъ о нѣмцахъ, полякахъ и евреяхъ, и съ 1881 по 1900 г. пріѣзжаетъ изъ Россіи въ С. Америку уже 265.064 ч., не считая нѣсколькихъ десятковъ тысячъ прибывшихъ въ Канаду, а по годамъ все возрастающее количество иммигрующихъ достигаетъ до 68 тыс., т. е. увеличивается больше нежели въ 11 разъ, сравнительно съ максимальнымъ числомъ предыдущаго десятилѣтія, глубоко удивляя даже американцевъ.

Въ этомъ отношеніи мы уступаемъ только Италіи: рядъ голодныхъ годовъ и непосильное для этой бѣдной страны развитіе милитаризма подняли число эмигрировавшихъ за десятилѣтіе съ 1871 по 1880 г.—60.830 ч.– до колосальной цифры 307.095, за десятилѣтіе 1881—1890 г., съ постоянной быстро развивающейся тенденціей къ нарастанію.

Есть, впрочемъ, еще одинъ разительный примѣръ роста эмиграціи, въ которомъ экономическія причины играютъ главную роль. Я имѣю въ виду Венгрію и славянскія провинціи Австріи. За десятилѣтіе 1861—1870 г. отсюда въ Америку выѣхало только 9.846 чел. Съ 1871—1880 г. эмигрировало уже 73.023 чел., а за слѣдующее десятилѣтіе цифра поднялась до 363.698 чел. Объясняется это тѣмъ, что въ С. Америкѣ въ послѣднія десятилѣтія коневодство и горное дѣло двинулись сильно впередъ. Спросъ на горнорабочихъ и пастуховъ страшно поднялся, и вѣсти о сказочныхъ цифрахъ заработка стали проникать въ глухія деревушки Венгріи и Австріи, гдѣ населеніе состоитъ въ значительной степени изъ привычныхъ коневодовъ и горнорабочихъ.

Вскорѣ эмиграція приняла такіе грозные размѣры, что начальство обезпокоилось и стало принимать косвенно запретитель-

выя мѣры, затрудняя выдачу паспортовъ (не выдавали таковыхъ имѣвшимъ отбывать „лагерные сборы"), и даже, по всякимъ пустымъ предлогамъ, прибѣгая къ арестамъ. Ни одна изъ этихъ мѣръ не помогла; эмиграція росла изъ года въ годъ, хотя многіе вѣрноподданные Габсбурговъ могли выбраться изъ этой страны лишь путемъ бѣгства и, порой, трудной борьбы.

Интересны и нѣкоторыя общія цифры: за полустолѣтіе съ 1841 по 1890 гг. этотъ приливъ эмигрантовъ непосредственно въ Соед. Штаты, все возрастая, достигъ 14.961,640 чел.... Почти 15 милліоновъ...

15 милліоновъ человѣкъ, невѣдомо кѣмъ и за что лишенныхъ родины!..

П. Владыченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Я все чего-то жду, какъ-будто жизнь моя,
Жизнь настоящая, еще не начиналась,
Какъ-будто прошлое не было, а казалось,—
И, свѣтлую мечту о счастьи затая,
Душа моя нетронутой осталась...

Безцвѣтной полосой проходитъ день за днемъ;
Чужихъ холодныхъ лицъ черты передо мною...
А тамъ, вдали,—вдали, за темною стѣною,
За этимъ тягостнымъ и непрерывнымъ сномъ,—
Быть можетъ, солнце ждетъ съ зарею золотою!..

Быть можетъ, я иду туда, къ моимъ мечтамъ,
Къ инымъ, невѣдомымъ чарующимъ мгновеньямъ,
И, навсегда простясь съ тяжелымъ сновидѣньемъ,
Быть можетъ, жизнь мою начну я только тамъ,
За этимъ радостнымъ и свѣтлымъ пробужденьемъ!

Г. Галина.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Романъ Роды Броутонъ.

Переводъ съ англійскаго *К. И. Саблиной.*

VII.

Хоть Летиція и отказалась видѣть Эсмеральду, но не слышать ея не можетъ: никакія стѣны, никакія двери не въ силахъ заглушить ея голосъ.

Вскорѣ послѣ ухода гостьи изъ гостинной, уши даютъ ей понять, что украшеніе театра „Популярность“ вернулось въ лоно своей семьи; голосъ актрисы сильно напоминаетъ голосъ Мери, но попронзительнѣе, и покрываетъ собою общій гвалтъ.

Эсмеральда, повидимому, накопила немало разсказовъ и, слушая ее, прочіе члены семьи на время удерживаются отъ бурныхъ взрывовъ веселья. Затѣмъ наступаетъ шумный ужинъ, причемъ, кажется, всѣ разомъ говорятъ, и слушать уже некому; ужинъ тянется ужасно долго, чуть не до разсвѣта, и все это время голосъ актрисы не находитъ себѣ соперника, не смотря на старанія Сибиллы, тоже обладающей могучими легкими. Когда, наконецъ, они рѣшаются разойтись, то устраиваютъ прощальный пунктъ какъ разъ противъ дверей Летиціи, пока кто-то (не особенно трудно догадаться кто именно) насильно не водворяетъ ихъ по разнымъ комнатамъ. Слышатся протесты, даже ударъ ногой въ чью-то дверь, очевидно, насильно припертую; содомъ продолжается еще нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ все-таки водворяется тишина.

На другое утро камеристка, оправившаяся отъ мигрени, является къ Летиціи и, съ презрительной миной, извиняется, что приноситъ чай такъ поздно.

— Не могла добиться раньше! Никто до сихъ поръ не

вставалъ. Отъ роду не видывала такого дома,—ничего достать нельзя, и у кого спросить—не знаешь!

— Это пустяки. Не важно...

— Спрашиваю: въ которомъ часу здѣсь завтракаютъ? Смѣются, словно я шутки шучу! Здѣсь, говорятъ, ни для чего часовъ нѣтъ: каждый завтракай—когда, гдѣ и что ему вздумается! Вотъ и поймите!

— Это все равно...

— Барышни и кавалеры бѣгаютъ по корридорамъ неодѣтыя, почитай что въ бѣльѣ. У самой вашей двери встрѣтила ту барышню, что вчера ночью пріѣхала... Актриса, что ли...

Тонъ горничной презрительный; Летиція чувствуетъ, что надо прекратить ея болтовню.

— Должно быть, всегда свадьба вноситъ въ домъ безпорядокъ, — нехотя говоритъ она и притворяется задремавшей.

Когда, часа черезъ полтора, она выходитъ изъ своей комнаты, все приблизительно обстоитъ еще такъ, какъ разсказывала негодующая горничная. Семейство все еще мыкается по корридорамъ, только „ночное бѣлье“, представившееся возмущенному воображенію камеристки, сводится къ болѣе или менѣе помятымъ капотамъ.

Въ оживленномъ обществѣ недостаетъ только двоихъ, — отца и старшаго сына.

Одной изъ первыхъ встрѣчаетъ гостью Эсмеральда и, не смущаясь ни папильотками, ни жалкимъ капотикомъ, живо и ласково ее привѣтствуетъ:

— Намъ приходится знакомиться самимъ!—весело восклицаетъ она:—Я—Эсмеральда! А вы...—очевидно, слово „Летиція“ готово слетѣть съ ея губъ, но холодные, голубые глаза обдаютъ ее такимъ морозомъ, что она, поперхнувшись, поспѣшно заканчиваетъ:—вы сестра Джима, которою онъ постоянно бредитъ?..

Комичное обвиненіе, взводимое на мало экспансивнаго Джима, вызываетъ на губахъ Летиціи тѣнь улыбки; Эсмеральда ободряется и продолжаетъ:

— Такъ жаль, такъ жаль, что я не видѣла васъ вчера вечеромъ. Но мнѣ сказали, будто вы устали. Надѣюсь, мы не слишкомъ васъ безпокоили? Мы старались по возможности не шумѣть.

Миссъ Трентъ въ душѣ изумляется, какое странное понятіе о шумѣ имѣютъ всѣ Кергуэты,— и лицо ея слегка проясняется.

— Боюсь, что дѣти слишкомъ оживленно вели себя... А

впрочемъ, и мы, старшіе, немногимъ были лучше. Не каждый день бываетъ такая удача.

Летиція старается припомнить добрыя намѣренія, которыми она запаслась, одѣваясь,—неужели ей не удастся сдержать себя при видѣ явнаго торжества актрисы? Понятно, ликованіе происходитъ по поводу удачно „пойманнаго“ зятя!..

— Я рада, что вы довольны...—съ трудомъ выговариваетъ она.

Выразительное, крайне подвижное лицо Эсмеральды (она похожа на Мери, какъ заурядная копія смахиваетъ на Мадонну великаго художника) слегка омрачается.

— Ахъ, такъ вы, значитъ, ужъ объ этомъ слышали?

— „Уже слышала“??

— Да, крупную новость, съ которой я явилась вчера, и благодаря которой мы всѣ потеряли головы?..

А! такъ значитъ радостные вопли семьи Кергуэтовъ вызваны вовсе не перспективой породниться съ Летиціей!

— Нѣтъ, не слыхала.

— Кроулей, мой антрепренеръ, обѣщалъ дать мнѣ роль субретки въ новой комедіи, въ случаѣ если заболѣетъ Тини Вилье!

Она съ торжествомъ умолкаетъ, чтобы усилить эффектъ сенсаціонной новости.

— Ахъ, въ случаѣ!..

— Да, но это дѣло можно считать въ шляпѣ. У Тини Вилье каждую зиму повторяется жестокая инфлуэнца.

Эсмеральда, повидимому, вполнѣ увѣрена, что слушательница обрадована вѣстью,—и Летиціи самой съ минуту кажется, будто инфлуэнца Тини Вилье можетъ интересовать и ее.

— Онъ сказалъ мнѣ это только вчера вечеромъ,—продолжаетъ изливаться Эсмеральда: —такое счастье! Именно въ тотъ моментъ, когда мы всѣми силами стараемся, чтобы Мери не впала въ уныніе!

— Развѣ вы находите, что она достойна сожалѣнія?

— О, нѣтъ. Надо-жъ когда-нибудь замужъ выходить. А Джимъ славный малый. Но все-таки дѣвушкѣ тяжело покидать родное гнѣздо!

Летиція не знаетъ, что отвѣтить на эту истину. Черезчуръ очевидно, что вся орда Кергуэтовъ и не думаетъ о блестящей партіи сестры, а ликуетъ лишь по поводу своихъ „жалкихъ“ интересовъ, какой-то роли субретки и тому подобной чепухѣ.

Въ эту минуту появляется сама невѣста, тоже въ капотѣ.

Прекрасные, темные волосы ея закручены узломъ и слегка вьются на лбу.

— Такъ вы уже познакомились?—непринужденно освѣ-

домляется она:—Ну, и отлично. Находите вы, что Эсмеральда на меня похожа?

— Д...а...

Сестры, повидимому, обѣ очень довольны, какъ это ни странно.

Онѣ затѣваютъ легкую возню съ младшими сестрами и братьями, которые успѣли уже къ нимъ присоединиться; Летиція, типичное олицетвореніе англичанки, высокой, свѣжей, чопорной, съ достоинствомъ смотритъ на нихъ, не безъ иронія вспоминая слова актрисы, что „не надо допускать Мери до унынія“.

— Вы, вѣроятно, не будете въ претензіи, если я сегодня предоставлю васъ самой себѣ?—спрашиваетъ Мери, возвращаясь къ ней и съ трудомъ переводя дыханіе:—я буду страшно занята. Дѣвушки изъ моего клуба придутъ смотрѣть свадебные подарки, а я еще не разложила ихъ.

— Дѣвушки изъ вашего клуба?

— Да, у меня клубъ балеринъ. Покойная мама основала.

— Вотъ какъ!..

— Къ тому же, платья мнѣ еще не прислали! Къ обѣду будутъ гости, а вышла какая-то путаница съ нанятыми лакеями... Но какъ нибудь, авось, все обойдется!..

Говоритъ она все это невозмутимо; одна только Летиція поражается такимъ порядкомъ вещей.

— Затѣмъ, въ три часа намъ предстоитъ репетиція въ церкви,—продолжаетъ невѣста:—страшная скука два раза кряду вѣнчаться, но иначе невозможно! Если Джима не подготовить заранѣе, то мой милѣйшій дурачокъ, навѣрно, станетъ не съ той стороны, надѣнетъ мнѣ кольцо не на ту руку и такъ далѣе... Да и другіе будутъ путать...

„Обидныя прозвища“ Джима коробятъ слухъ Летиціи. Какая вульгарная фамильярность относительно такого серьезнаго, уважаемаго человѣка! „Чудакъ!“ „Дурачокъ!“—возмутительно!

Право, къ лучшему, что Летиціи, въ теперешнемъ ея настроеніи, мало приходилось въ этотъ день сталкиваться съ будущей родственницей. Та носилась по дому, звоня въ колокольчикъ, отдавая приказанія рѣзкимъ голосомъ и повторяя ихъ еще оглушительнѣе, когда они не исполнялись, раздавая затрещины направо и налѣво (наполовину, правда, дружескія), отправляя телеграммы. Около полудня, десятка три-четыре корифеекъ наводняютъ весь домъ, съ цѣлью осмотрѣть подарки.

Ихъ громкіе, веселые голоса и развязная фамильярность манеръ заставляютъ Летицію обратиться въ бѣгство. Молодыя,

безпечныя гостьи буквально накидываются на невѣсту, душатъ ее въ объятіяхъ, цѣлуютъ, трогаютъ ея платье, волосы, даже лицо. Джима также не оставляютъ въ покоѣ,—иныя дружески цѣлуютъ его, высказываютъ въ глаза наивныя и откровенныя сужденія по поводу его наружности и соціальнаго положенія.

При осмотрѣ свадебныхъ подарковъ обнаруживается изумительная вещь: невѣста гораздо больше цѣнитъ жалкія приношенія какого-нибудь „стараго друга покойной мамы“ или неизвѣстнаго актера, чѣмъ цѣнные и изящные подарки со стороны Трентовъ!

Будь она въ данное время безпристрастна, Летиція должна была бы сознаться, что особа, которую она мысленно окрестила „искательницей приключеній“, во всякомъ случаѣ, не проявляетъ ни малѣйшей жадности; но предубѣжденіе затуманиваетъ ей глаза, и она предпочитаетъ обвинить невѣсту въ отсутствіи вкуса.

Выставка подарковъ и сопряженный съ нею веселый гвалтъ отняли такъ много времени, что всѣ успѣваютъ лишь второпяхъ закусить, и пора уже идти на репетицію,—въ церковь.

Миссъ Трентъ, съ холоднымъ достоинствомъ, принуждена занять мѣсто въ процессіи и стать въ парѣ съ миссъ Эсмеральдой... Послѣдняя одѣта въ какую-то невозможную мѣховую кофточку и въ шапочкѣ на головѣ. Невѣста,—въ такомъ же нарядѣ,—дѣлаетъ громкіе выговоры своимъ братьямъ-шаферамъ, которые слишкомъ близко толпятся, забывая, что у невѣсты *будетъ* длинный шлейфъ. Мюріель и Сибилла препираются, гдѣ имъ стать—съ лѣвой или съ правой стороны. Эсмеральда, сіяя оживленіемъ (контрастъ съ Летиціей, словно ведомой на пытку), восторженно шепчетъ ей: „Неправда ли, каждая свадьба напоминаетъ сцену изъ пьесы: Много шуму изъ пустяковъ?“ Летиція немедленно даетъ отрицательный отвѣтъ; она еще не знаетъ, что артистъ, въ концѣ концовъ, вездѣ видитъ рампу и публику.

Но вотъ и женихъ выслушиваетъ инструкціи невѣсты; она укоряетъ его въ неповоротливости; „милый медвѣдь“ ея не долженъ устремляться впередъ, не обнаруживать слишкомъ явнаго удовольствія и т. п. Только съ отцомъ Мери обращается неизмѣнно ласково, нѣжно глядитъ на него, прося стать вотъ тутъ, пройти вонъ тамъ, сдѣлать то или другое.

— Тебѣ-то ужъ, милый папа, нѣтъ надобности говорить, чтобъ ты не сіялъ отъ радости!—слышитъ Летиція ласковый шопотъ Мери, и съ изумленіемъ видитъ навернувшіяся на прекрасныхъ глазахъ слезы.

Но раздраженная Летиція и слезы несимпатичной ей особы относитъ къ театральнымъ эффектамъ...

Обсужденіе подробностей, легкіе споры, непреодолимое желаніе „младшихъ“ смѣяться, комичная фигура ея брата, напоминающаго дрессированнаго медвѣдя, старательно угождающаго вожаку—все это такъ удручаетъ Летицію, такъ разстраиваетъ ей нервы, что по возвращеніи въ домъ она проситъ разрѣшенія напиться чаю у себя въ комнатѣ.

Эсмеральда съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей участи, остается „посидѣть“ съ гостьей около получаса, боясь, чтобы она не „соскучилась въ одиночествѣ“...

Слѣдить за ея разговоромъ—дѣло не совсѣмъ легкое; она упоминаетъ о множествѣ лицъ обоего пола, о которыхъ миссъ Трентъ понятія не имѣетъ; называетъ она ихъ даже не по фамиліямъ, а по именамъ, въ наивной увѣренности, что слушательницѣ они знакомы, какъ свои пять пальцевъ. Черезъ полчаса въ головѣ Летиціи звучитъ цѣлый водоворотъ именъ: тутъ и Реджи, и Вилли, и Феллисъ, и Флоренсъ... Не успѣваетъ ея мозгъ освободиться отъ незваныхъ гостей, какъ уже пора идти къ столу.

Комната полна народу; гостей гораздо больше, чѣмъ разсчитывала сама хозяйка, и обѣдъ пришлось отложить на довольно продолжительный срокъ, пока въ углу столовой не воздвигли дополнительнаго стола. И всѣмъ кажется это ни почемъ! Только хозяинъ дома разсыпается передъ Летиціей въ почтительныхъ извиненіяхъ. За обѣдомъ она оказывается между двумя незнакомцами, которые, благодаря тѣснотѣ, поминутно задѣваютъ ее локтями и извиняются. Оффиціантовъ нѣтъ (вышла какая-то ошибка), а потому обѣдъ подается какъ попало, и кушаній, того и гляди, не хватитъ. Но опять-таки никто не возмущается... Даже Габріель веселъ и оживленъ; неужели онъ не понимаетъ, что все идетъ навыворотъ? Летиція мысленно осуждаетъ и его; но когда послѣ обѣда онъ подходитъ къ ней, она ему рада; онъ выручаетъ ее изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ Эсмеральдѣ, во что бы ни стало, хотѣлось заставить Летицію порадоваться ея радостью: вѣдь Ронни Говардъ привезъ прекрасную вѣсть, что Флори Кавендишъ снова приглашенъ антрепренеромъ!

— А знаетъ ли миссъ Трентъ, кто такой Кавендишъ?

— Кажется, не знаю...—говоритъ Летиція.

— Да неужели?—восклицаетъ Эсмеральда, сильно удивленная,—а я думала, что всѣ знаютъ Флори!—и она убѣгаетъ, чтобъ подѣлиться радостной вѣстью съ болѣе подходящими людьми.

—Эсмеральда отличается трогательной увѣренностью, что всѣ люди знаютъ и любятъ другъ друга!—съ снисходительной ироніей произноситъ вслѣдъ ей Габріель.

— Какая завидная способность!—отзывается Летиція на иронію: — А у васъ она есть?

— Нѣтъ.

— А... у Мери?

Она выговариваетъ уменьшительное имя съ трудомъ, но всетаки отчетливо.

— Вы хотите спросить, всѣхъ ли она любитъ? Нѣтъ, не всѣхъ; но ужъ если любитъ, то отъ всей души.

Послѣ небольшой паузы, Летиція съ разстановкой повторяетъ:

— Но ужъ если любитъ, то отъ всей души... Отца вашего, напримѣръ?..

— Еще бы!—быстро и съ вызывающимъ взглядомъ отвѣчаетъ Габріель.

Летиція невольно опускаетъ глаза, словно виноватая.

— И миссъ Эсмеральду?

— И миссъ Эсмеральду.

— И васъ?

— И меня.

— И этихъ двухъ... большихъ дѣвочекъ?

Въ ея нежеланіи запомнить имена Мюріели и Сибиллы сказывается нѣчто презрительное, что́ Габріель съ умысломъ подчеркиваетъ, повторяя точно эхо:

— И этихъ двухъ большихъ дѣвочекъ.

При слѣдующихъ вопросахъ, память ея оказывается уже много лучше:

— И Луиса, и Фрэнка?

— Конечно.

— И... Джима?

— Развѣ она бы за него вышла въ противномъ случаѣ?!

Онъ спокойно отвергаетъ всякую возможность корыстныхъ мотивовъ со стороны сестры, но отъ Летиціи не укрылся тотъ фактъ, что онъ угадалъ ея подозрѣнія.

— Такъ зачѣмъ же она даетъ ему бранныя прозвища?

— Какія бранныя прозвища?

— „Чудакъ“, „дурачокъ“, „медвѣдь“... Что тутъ остроумнаго?

— Шутка, больше ничего.

Легкое движеніе ноздрей молодой дѣвушки даетъ понять, что она такихъ шутокъ не понимаетъ. Затѣмъ ей приходитъ въ голову, что, вѣдь, Габріель въ сущности не виноватъ.

— Вы имѣете на сестру большое вліяніе,—начинаетъ она

значительно мягче:—вы могли бы убѣдить ее не насмѣхаться надъ нимъ, когда они поѣдутъ домой... Хоть на первое время.. У насъ всѣ очень уважаютъ Джима, и такія шутки покажутся... странными.

Габріель безнадежно вздыхаетъ.

— Постараюсь... А взамѣнъ, не попробуете ли вы... не попробуете ли вы не такъ сильно ее ненавидѣть?..

VIII.

Въ эту ночь миссъ Трентъ засыпаетъ въ слезахъ.

Двадцать два года кряду, въ ограниченномъ кружкѣ ея знакомыхъ, существовало убѣжденіе, что она милая и добрая дѣвушка; она этимъ убѣжденіемъ прониклась и сама. Просьба Габріеля вдругъ открыла ей глаза, и она постигла всю бездну своего самомнѣнія. Онъ не хотѣлъ оскорбить ее, только счелъ настолько злой, что она способна возненавидѣть человѣка послѣ двухдневнаго знакомства! Онъ попытался оградить любимую сестру отъ ея притѣсненій!

Стыдъ, негодованіе и (не совѣстно ли признаться?) нѣкоторое облегченіе отъ сознанія, что все же онъ не считаетъ ее безповоротно жестокой, если обратился къ ней съ просьбой пожалѣть Мери,—все это не даетъ Летиціи спать. А подъ утро, какой ужъ сонъ въ этомъ домѣ?

Свадьба будетъ вечеромъ; кажется, можно бы одѣть невѣсту безъ особенной спѣшки и возни, а выходитъ наоборотъ.

Главная непріятность выясняется въ послѣднюю минуту: лакеевъ, оказывается, никто и не нанималъ! Забыли. А самая суть заключается, вѣроятно, въ томъ, что возня вообще присуща этому дому. Одѣваніе подругъ невѣсты, натягиваніе бѣлыхъ атласныхъ брюкъ на ноги младшихъ братьевъ, даже прикалываніе вуаля невѣсты совершаются кажется, болѣе или менѣе въ корридорѣ. Здѣсь малолѣтній Фрэнкъ жуетъ шоколадъ; сюда Луи, съ сильнымъ французскимъ акцентомъ, изливаетъ жалобу старшему брату: сестры обозвали его свиньей и идіотомъ.

Габріель тоже въ корридорѣ, хотя туалетъ свой совершаетъ не тутъ.

Глава семьи періодически показывается здѣсь же, и его каждый разъ встрѣчаютъ съ такими бурными проявленіями восторга, что у Летиціи не остается больше сомнѣнія въ любви къ нему всѣхъ дѣтей. Встрѣтивъ Летицію, старикъ снова извиняется за упущенія въ ихъ хозяйствѣ и, запинаясь, выражаетъ надежду, что въ слѣдующій разъ, когда

она окажетъ имъ честь своимъ посѣщеніемъ, они будутъ въ состояніи доставить ей большій комфортъ.

Габріель, присутствующій при этомъ разговорѣ, съ нѣмой мольбой, равносильной приказанію, смотритъ на Летицію, и— странное дѣло! — этотъ взглядъ сына заставляетъ ее почти ласково обойтись съ отцомъ, который ей безусловно антипатиченъ. Вслѣдъ затѣмъ, Габріель подвигаетъ ей кресло къ камину и, съ оттѣнкомъ наивности, словно желая сказать ей нѣчто утѣшительное, говоритъ:

— Теперь ужъ скоро конецъ. И весьма невѣроятно, что вы когда-либо опять увидите всѣхъ насъ вмѣстѣ!

Но она не садится на предложенное ей кресло, а только кладетъ руку на его спинку.

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите это?

— Хотѣлъ успокоить васъ.

— Вы избрали для этого странный способъ.

Видя, что она обидѣлась, Габріель уже жалѣетъ о сказанномъ.

— Я хотѣлъ сказать, что каждый изъ насъ, порознь, имѣетъ нѣкоторые шансы произвести пріятное впечатлѣніе; когда мы всѣ вмѣстѣ, эти шансы значительно уменьшаются.

— Не оправдывайтесь... Вы хотѣли уколоть меня.

Габріель потупляетъ глаза.

— Да, вы правы! — сознается онъ,—я хотѣлъ сказать вамъ непріятность. Беру свои слова назадъ.

— Сказанное нельзя взять назадъ. Это пустая игра словъ. Такъ и вчера... вы обратились ко мнѣ съ просьбой, которая заставила меня ночью плакать.

— Вы, разумѣется, шутите?

— И не думаю!

Онъ смущенъ; она немножко торжествуетъ и продолжаетъ:

— До сихъ поръ меня никто не называлъ ни злой, ни жестокой. Но когда я узнала, что это было заблужденіемъ, то, разумѣется, огорчилась.

— Вы меня ошеломили. Я и въ мысляхъ не имѣлъ довести васъ до слезъ.

— Вѣрю. Защищая своихъ, вы просто не подумали о томъ, что обижаете меня...

Послѣдняя фраза ему ужасно непріятна. Обидѣть ее онъ не желалъ; напротивъ, становился на ея точку зрѣнія и жалѣлъ ее.

— Вы просили „поменьше ненавидѣть“ жену Джима. Конечно это оскорбленіе! Я не могу ее ненавидѣть!

— Сознаюсь, что я виноватъ...

Сознается онъ едва ли по убѣжденію, а скорѣе потому, что

ему нравится ея блѣдное, красивое лицо, изящная, строгая фигура и самый звукъ ея голоса...

Одержавъ побѣду, она съ достоинствомъ направляется къ двери и чуть не сталкивается съ невѣстой, туалетъ которой еще далеко не оконченъ. Она прибѣжала за позабытыми гдѣ-то шелковыми чулками, но, взглянувъ на брата, тревожно спрашиваетъ:

— Что у васъ произошло? Почему она ушла отсюда, красная, какъ піонъ?

— Ничего не произошло.

Мери бросается брату на шею.

— О, Гэбби! Неужели у тебя завелись съ ней секреты? Мнѣ послѣ этого жить не стоитъ!

— Секретовъ никакихъ нѣтъ, Мери.

Она держитъ его за плечи и инквизиторски глядитъ ему въ лицо.

— Неужели она тебѣ нравится? Неужели этотъ ледяной столбъ произвелъ на тебя впечатлѣніе? Ты находишь ее хорошенькой??

— Я нахожу... что она изящна и благовоспитанна!—отвѣчаетъ онъ уклончиво, ласково поправляя непокорный завитокъ на лбу сестры.

Мери съ негодованіемъ отталкиваетъ его отъ себя.

— Она напоминаетъ французскій садъ! Искаженіе природы!..

До конца дня царитъ полнѣйшая суматоха.

Никогда потомъ Летиція не могла припомнить болѣе или менѣе послѣдовательнаго хода событій. Въ какой именно моментъ выяснилось, что вышла ошибка не только съ офиціантами, но и съ экипажами? Кто предложилъ было отложить свадьбу до слѣдующаго дня? Кажется, сама Мери. Наемныя коляски несутся бѣшенымъ галопомъ, чтобъ успѣть вернуться за другой партіей... Церковь биткомъ набита, и на всѣхъ лицахъ написано живѣйшее любопытство; посреди церкви спины двухъ фигуръ; плечи той, которая поменьше, судорожно вздрагиваютъ, наводя на подозрѣніе, что она плачетъ; масса духовенства; звонъ колоколовъ, возвѣщающій Летиціи, что совершился „чудовищный“ и непоправимый фактъ: Мери Кергуэтъ превратилась въ Мери Трентъ. Эсмеральда шопотомъ рекомендуетъ ей взглянуть въ пятый рядъ: черезъ два мѣста отъ Сузи Гартонъ (изъ театра „Шутка“) и рядомъ съ Мирандой Толботъ (изъ „Сферы“) — сидитъ самъ антрепренеръ Кроулей. Затѣмъ всѣ возвращаются изъ церкви въ домъ, и друзья жениха и невѣсты, сталкиваясь одинъ съ другимъ, толпятся въ переполненныхъ народомъ комнатахъ. Эсмераль-

да не виновата, если чуждые элементы не сливаются: она выбивается изъ силъ, занимая всѣхъ, безъ разбору, порхаетъ тутъ и тамъ, знакомитъ гостей другъ съ другомъ, насколько ей это позволяетъ знаніе именъ и титуловъ половины общества, и счастлива въ своемъ заблужденіи, что они чрезвычайно цѣнятъ ея усердіе и рады сойтись другъ съ другомъ покороче.

Летиція должна сознаться, что семья Кергуэтъ не стыдится друзей своихъ и обращается совершенно одинаково, какъ со своими знакомыми, такъ и съ чопорными родственниками Трентовъ. Некрасивая, широкая физіономія Джима сіяетъ отъ восторга; всѣ хвалятъ его вкусъ. На долю Летиціи тоже перепадаетъ малая толика этихъ свѣтскихъ похвалъ, но онѣ не находятъ въ ней отклика.

— Она удивительно хороша собой!—говоритъ ей нарядная кузина, смотря на молодую въ лорнетъ:—необычайно хороша! Но кто же всѣ эти люди? Я ихъ нигдѣ прежде не встрѣчала.

Летицію кидаетъ въ жаръ.

— Насколько я поняла, они по преимуществу изъ театральнаго міра. Старшая миссъ Кергуэтъ — артистка...

— Изъ театральнаго міра? Ахъ, какъ интересно, душечка, какъ занимательно! Но странно, что я не узнаю никого изъ нихъ. Виндгэмъ здѣсь? А Ирина Ванбрухъ? Элленъ Терри?

— Не знаю. Не замѣтила.

Наступаетъ отъѣздъ новобрачныхъ; Мери всѣхъ цѣлуетъ, и ее всѣ цѣлуютъ, т. е. приглашенные со стороны невѣсты. Съ золовкой она прощается не безъ холодной насмѣшки:

— Теперь ужъ вамъ никогда больше не придется называть меня „миссъ Кергуэтъ!“—и тутъ же шепчетъ на ухо отцу и Габріелю послѣднее „прости“, видимо еле удерживаясь отъ слезъ.

Затѣмъ съ Летиціей прощается Джимъ.

— Прощай, душка моя! Береги себя. Можетъ быть, ты вернешься домой раньше насъ!

Она на мгновеніе умиляется разлукой и бормочетъ, обнимая его:

— Надѣюсь, милый, ты будешь счастливъ!

Но онъ разсѣянно и второпяхъ цѣлуетъ ее, отвѣчая:

— Спасибо, милочка. Я въ этомъ ничуть не сомнѣваюсь. Ну, намъ пора!

Толпа гостей, кидавшая молодымъ вслѣдъ, на счастье, горсти рису, съ громкими пожеланіями, возвращается въ комнаты, какъ только коляска съ новобрачными скрывается

изъ виду. Летиція слѣдуетъ за другими и слышитъ восклицаніе Эсмеральды:

— Счастливые! Цѣлая недѣля въ Парижѣ! Мери побываетъ во всѣхъ театрахъ!

— Развѣ они ѣдутъ въ Парижъ?—спрашиваетъ кто-то:—говорили, что лордъ Блэнкъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе свой замокъ въ Горфортшайрѣ?...

— Мери запротестовала. Деревня и такъ успѣетъ ей надоѣсть, за цѣлую-то жизнь! Ахъ, миссъ Трентъ! Я васъ и не замѣтила! Не правда ли, какъ все хорошо сошло?

— Да развѣ бываютъ свадьбы, которыя сходятъ плохо?—поспѣшно вмѣшался Габріель:—По крайней мѣрѣ, въ глазахъ родственниковъ-устроителей?!

— Они обѣщали вернуться къ представленію новой комедіи. Вамъ тоже слѣдовало бы пріѣхать, миссъ Трентъ!—добавляетъ Эсмеральда, съ неисправимой увѣренностью въ сочувствіи ближнихъ:—Тини Вилье, навѣрно, схватитъ инфлуэнцу къ концу января... Роль небольшая, но благодарная.

И она летитъ съ радостными сообщеніями къ другимъ, приглашая ихъ полюбоваться ея торжествомъ.

— Надо пойти переодѣться!—говоритъ Летиція Габріелю.

Онъ грустно оглядываетъ ея нарядный костюмъ „подруги невѣсты“ и спрашиваетъ:

— Вы когда-нибудь надѣнете еще это платье?

Летиція изумляется его проницательности: она въ умѣ рѣшила сжечь ненавистный ей туалетъ.

— Не все ли вамъ равно?...

Онъ не настаиваетъ.

— Знаете, что я вамъ скажу на прощанье?...—тихо говоритъ ему Летиція:—Вы были правы... Я чуть не возненавидѣла Мери. И должна васъ благодарить, что вы мнѣ открыли глаза.

— Вы иронизируете?

— Нѣтъ. Я не умѣю иронизировать. Должно быть, слишкомъ разсудительна для этого. Мнѣ говорили... человѣкъ, который меня хорошо знаетъ... что у меня нѣтъ воображенія.

— Человѣкъ этотъ... мужчина?

— Мужчина...—тутъ она быстро мѣняетъ разговоръ:—Я стараюсь быть справедливой, и у меня было бы неспокойно на сердцѣ, если бы я не высказалась. Не печальтесь о судьбѣ вашей сестры: даже если я не сумѣю полюбить ее, то жизнь ей всетаки не отравлю, такъ какъ жить съ ними не буду.

— А себѣ вы этимъ жизнь не испортите?

— Если и испорчу... ей до этого дѣла нѣтъ.

Какъ бы то ни было, она дала ему заглянуть въ новый міръ ея чувствъ, и онъ глубоко тронутъ ея искреннимъ порывомъ.

— У васъ есть планы на будущее?

— Но... не окончательно... Они зависятъ отъ другого... отъ другихъ.

— Отъ человѣка, который находитъ, что у васъ нѣтъ воображенія?

Она вспыхиваетъ и глядитъ на часы, которые висятъ на стѣнѣ; но они, по обыкновенію, стоятъ.

— Мнѣ пора... Если я васъ больше не увижу, то прощайте.—Она протягиваетъ ему руку.—Благодарю васъ... за ваши добрыя намѣренія! Даже за то, что вы заставили меня плакать!

Печальная улыбка ея нѣсколько смягчается шутливо-задорнымъ взглядомъ.

— Прощайте!—говоритъ Габріель, пожимая протянутую ему руку:—при другихъ условіяхъ, мы были бы друзьями!

IX.

Рождество молодые провели въ Парижѣ; первое представленіе комедіи, въ которой должна была участвовать Эсмеральда, задержало ихъ на нѣсколько дней въ Лондонѣ; въ первыхъ числахъ января они должны быть въ Трентѣ. Летиція гоститъ у тетки въ Лондонѣ. Двоюродные братья и сестры ея—народъ милый, ласковый, но они дѣйствуютъ ей на нервы, увѣряя, что Джимъ хорошо сдѣлалъ, что женился (да еще на такой красавицѣ!), и что Летиціи будетъ самой лучше и веселѣе жить съ невѣсткой!

Насмѣшливая улыбка появляется у нея на губахъ, когда она читаетъ рецензію о новой комедіи въ театрѣ „Популярность“, изъ которой явствуетъ, что миссъ Тини Вилье пока еще не пала жертвой инфлуэнцы, а благополучно играла роль субретки. Но по поводу бѣдной Эсмеральды немыслимо долго злорадствовать!

Тетка Летиціи, особа мудрая и опытная въ житейскихъ дѣлахъ, тоже выражаетъ мнѣніе, что Джимъ отлично сдѣлалъ, что женился.

— Онъ становился тяжеловатымъ и апатичнымъ, бѣдняга!—говоритъ она, трудясь надъ какимъ-то безконечнымъ и безполезнымъ вязаньемъ:—Да и ты, Летти, теперь свободна.

Джимъ прислалъ сестрѣ къ Рождеству подарокъ и ласковое письмо. Оно заканчивается вычеркнутымъ постъ-скриптумомъ. Сильное подозрѣніе, что приписка сдѣлана невѣст-

кой и ею старательно зачеркнута, придаетъ Летиціи умѣнье разобрать нижеслѣдующее:

„Мы разсчитываемъ, что вы встрѣтите насъ на порогѣ вашего родного дома“.

Первымъ послѣдствіемъ является пламенное желаніе никогда больше не переступать упомянутаго порога; но время и здоровое размышленіе умѣряютъ пылъ. Летиціи слѣдуетъ вернуться въ Трентъ, чтобы лично передать бразды правленія милаго царства въ недостойныя руки; попытаться заинтересовать жену Джима дѣлами хозяйскими, деревенскими, приходскими, школьными и другими. Тамъ будетъ уже не вина золовки, если новая хозяйка окажется ни на что неспособной.

— Теперь я бы, на твоемъ мѣстѣ, вернулась!—сказала мудрая тетка:—но время отъ времени необходимо оставлять ихъ вдвоемъ. Разъѣзжай по гостямъ, но продолжай считать родной домъ своимъ. Если же ты окончательно не поладишь съ невѣсткой—выходи замужъ.

— Единственный исходъ бездомныхъ дѣвъ?—иронически улыбнулась Летиція, но въ отвѣтъ получила строгій взглядъ тетки за неумѣстную шутку.

Значитъ, выходить? Вотъ вопросъ, который еще болѣе осложняетъ ея возвращеніе въ родной домъ.

Есть, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ, который поджидаетъ ее тамъ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Писалъ ли когда-либо мужчина, и получала ли женщина такое письмо, какое получила она отъ Ранделя изъ Трента, когда онъ узналъ о помолвкѣ ея брата! То былъ цѣлый потокъ пылкихъ торжествующихъ рѣчей, напоминающій Ніагарскій водопадъ. Письмо дышало и горѣло такой страстью, что она быстро заперла его въ сундукъ... И вотъ, опять въ ней борется страхъ съ мучительнымъ любопытствомъ, какъ и тогда, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе; она и боится, и недоумѣваетъ, и ей пріятно думать, что онъ дѣйствительно способенъ (вѣдь онъ не даромъ же утверждалъ это!) внушить ей такую же бурную страсть, какую и самъ ощущаетъ. Только теперь, кажется, страхъ беретъ верхъ надъ всѣми прочими чувствами. А если такъ, то почему?

Мысли ея путаются, а въ ушахъ звучитъ все одна и та же фраза: „при другихъ условіяхъ, мы были бы друзьями!“

На письмо Чевенинга она не отвѣтила. Какая-нибудь холодная фраза могла довести его до полнаго отчаянія, до самоубійства... Но къ чему бы ей писать холодно?

Нѣтъ, не то... Она должна его видѣть, слышать, дотронуться до него, какъ слѣпой патріархъ въ священной исторіи, а затѣмъ уже рѣшить его и свою участь...

Итакъ, въ первыхъ числахъ января она въѣзжаетъ въ ворота стараго дома, надъ которымъ красуются еще гирлянды и вѣнки съ привѣтствіями молодымъ.

Впрочемъ, Летицію по старому встрѣчаетъ братъ на порогѣ дома, ведетъ ее въ пустую столовую и предлагаетъ ей чаю.

— Мери въ дальней гостинной. Ей, вѣрно, еще не доложили. Пойду, скажу ей...

— Погоди минутку, Джимъ. Дай мнѣ поглядѣть на тебя.

Она кладетъ ему руки на плечи и глядитъ прямо въ глаза; онъ отвѣчаетъ ей взглядомъ, полнымъ счастья.

— А теперь можно идти?

— Иди!—со вздохомъ говоритъ она.

Оставшись одна, она озирается вокругъ, отыскивая нововведенія и перемѣны. Ихъ мало, если не считать такихъ пустяковъ, какъ нѣсколько портретовъ Эсмеральды въ различныхъ роляхъ. Но Летиція вдругъ подмѣтила такую перемѣну, которая заставила ее вздрогнуть.

Въ чемъ заключается перемѣна, выясняется въ моментъ возвращенія Джима (онъ вернулся безъ жены).

— О, Джимъ, какъ могъ ты это позволить?

— Что позволить?

— Кресла!!

Она трагически показываетъ на два удобныхъ, но некрасивыхъ кресла. То были кресла ихъ покойныхъ родителей: ни разу не сдвигались они съ обычныхъ своихъ мѣстъ у камина, а теперь, поруганныя и изгнанныя, стояли спинками къ стѣнѣ.

Джимъ отвѣчаетъ виноватымъ голосомъ:

— Она не знала... Не имѣла ни малѣйшаго понятія!...

— И ты не сказалъ ей?!

— Не хотѣлось сначала... въ первую минуту...

— Удивляюсь, какъ она не догадалась инстинктивно!

— О чемъ должна была я догадаться инстинктивно?— спрашиваетъ веселый, звонкій голосъ, и преступница сама стоитъ между ними.

Наступаетъ молчаніе, во время котораго Летиція успѣваетъ убѣдиться, что Мери въ нарядномъ сѣромъ платьѣ, зябко кутая шею въ бѣлый боа изъ перьевъ, стала еще красивѣе и свѣжѣе, чѣмъ была.

— О чемъ не догадалась? — настойчиво повторяетъ она, смотря поочередно то на мужа, то на золовку.

— Да ничего... такъ... пустяки!..—начинаетъ поспѣшно и испуганно Джимъ; но Летиція вовсе не желаетъ замять дѣло.

— Мы говорили о креслахъ.

— О какихъ креслахъ?

— Я замѣтила Джиму, что они сдвинуты со своихъ мѣстъ.

— А почему-жъ бы ихъ не сдвинуть?

Миссъ Трентъ выпрямляется и ледянымъ тономъ поясняетъ:

— Потому что они принадлежали нашимъ родителямъ, и съ самаго дня ихъ кончины до креселъ никто не дотрогивался.

Яркій румянецъ заливаетъ все лицо и даже шейку Мери.

— Вашихъ родителей? О, Джимъ, какъ могъ ты мнѣ этого не сказать? Какъ позволилъ отставить ихъ? Вы правы, я должна была инстинктомъ понять это!

Она подбѣгаетъ къ стѣнѣ и, изо всѣхъ силъ, начинаетъ тащить и толкать изгнанныхъ ветерановъ на прежнія мѣста.

Джимъ спѣшитъ ей на помощь, со свойственными ему проворствомъ и ловкостью медвѣдя.

— Оставь, Мери! Я самъ... Ты надорвешься!

Но она отталкиваетъ его помощь.

— Ты долженъ былъ сказать мнѣ!—восклицаетъ она, подкатывая на старое мѣсто сначала одно, затѣмъ другое кресло а потомъ сама, какъ ураганъ, вылетаетъ изъ комнаты.

— Конечно, ей нужно было только намекнуть!—говоритъ Летиція, нѣсколько озадаченная. Вмѣсто отвѣта, братъ кидаетъ на нее взглядъ, какого она еще никогда отъ него не видѣла, и, вслѣдъ за женой, выходитъ изъ комнаты.

Память покойныхъ мистера и миссисъ Трентъ отомщена на славу; но еще неизвѣстно, не нашли ли бы они сами, что мщеніе куплено слишкомъ дорогой цѣной...

Возвращеніе домой ознаменовалось не особенно блестящимъ образомъ.

Впрочемъ, обѣдъ прошелъ довольно благополучно. Не слишкомъ было замѣтно, что Мери плакала, а Джимъ долго сердиться не умѣлъ. Появленіе Керсти въ намордникѣ произвело лишь незначительное замѣшательство. Хозяинъ дома поспѣшилъ объяснить сестрѣ, что это лишь временная мѣра, въ виду того, что Керсти злобно относится къ старой, дряхлой Лулу, принадлежавшей покойной матери Мери. Летиціи приходится смолчать: не ей въ данную минуту возставать противъ дочернихъ воспоминаній!

Мало по малу отношенія укладываются въ извѣстныя рамки и, повидимому, удовлетворяютъ всѣхъ.

Въ слѣдующее воскресенье день выдается солнечный, радостный. Джимъ съ сестрой миролюбиво разговариваютъ за утреннимъ чаемъ (Мери рано вставать не любитъ и, вообще, продолжаетъ враждовать съ опредѣленными часами). Джимъ говоритъ, что Мери хочетъ познакомиться со всѣми сосѣдями и разсчитываетъ на содѣйствіе Летиціи...

Много позже, въ столовой появляется молодая хозяйка; оказывается, что она слегка простудилась, ее ночью лихорадило; мужъ нѣжно и настойчиво проситъ ее поберечься и не ходить въ церковь. Она отвѣчаетъ шуткой на всѣ его увѣщанія.

— Съ чего это ты взялъ, чудакъ, что я не пойду въ церковь въ самое первое воскресенье? Не посижу въ первомъ ряду, въ первый разъ въ жизни? Должна же я видѣть викарія и послушать его помощника!

Въ глазахъ ея свѣтится плутовское веселье; Летиція въ ужасѣ: Джимъ все ей разсказалъ! Мужчины неспособны не выболтать чужихъ тайнъ своимъ женамъ!

Но Джимъ, конечно, понимаетъ слова жены буквально и отвѣчаетъ.

— Помощника ты не услышишь: онъ не говоритъ проповѣдей по утрамъ, кромѣ экстраординарныхъ случаевъ.

— Ну, такъ послушаю викарія и погляжу на его помощника. Это для меня безразлично.

Степенная съ виду, идетъ Летиція, по знакомой дорожкѣ черезъ паркъ, въ церковь, нѣсколько впереди молодыхъ. Сердце ея, однако, трепетно бьется. Хорошо еще, что виновникъ ея волненія не будетъ сегодня торчать надъ ея головой, на каѳедрѣ! У викарія не можетъ быть второй умирающей тещи, и онъ, Богъ дастъ, самъ скажетъ проповѣдь, то есть, вѣрнѣе, въ теченіе получаса будетъ изрекать безспорныя общія мѣста, взятыя изъ прописей. Милый, старый Тэйлоръ! Онъ самъ въ нихъ искренно вѣритъ! По крайней мѣрѣ, никого изъ прихожанъ не поставитъ въ неловкое положеніе. Вниманіе же публики несомнѣнно остановится сегодня на новинкѣ, на молодой миссисъ Трентъ, а Летицію оставятъ въ покоѣ.

Такъ успокоивала себя Летиція, въ то время какъ Мери донимаетъ мужа вопросами и догадками, которыя ясно доказываютъ, что она съ деревней совсѣмъ незнакома. Супругъ занятъ отвѣтами, тщетными заботами о длинномъ шлейфѣ жены, подметающемъ аллею, объ ея увѣсистомъ молитвенникѣ.

Мери до сихъ поръ, гдѣ бы ни появлялась, всегда производила впечатлѣніе; теперь же, въ качествѣ молодой, она произвела просто сенсацію. Прошла она по церкви легкой поступью, въ восхитительной шляпкѣ, улыбаясь, бросая направо и налѣво, если не совсѣмъ подходящіе къ случаю, то всетаки милые, любопытные взгляды.

Служба началась. Летиція благодаритъ Бога, — мистеръ Тэйлоръ тутъ; даже жена его, стряхнувъ мигрень, присутствуетъ.

Во время богослуженія Летиція не поднимаетъ глазъ съ

молитвенника. Но Мери не такихъ строгихъ правилъ; она поминутно, шопотомъ, переговаривается съ мужемъ.

По окончаніи службы, Мери бѣжитъ изъ церкви, и въ одинъ моментъ оказывается среди густой толпы; Джимъ, задыхаясь, спѣшитъ за нею, еле поспѣвая представлять ее знакомымъ. Она, разумѣется, творитъ массу ошибокъ: подаетъ руку тѣмъ, кто до сихъ поръ довольствовался поклонами; обмѣнивается веселыми шутками съ тѣми, кому до того времени лишь сухо кивали головой. Да полно, ошибки ли это? Она пренебрегаетъ обычаями, смѣется надъ традиціями и безмятежно радуется.

Наконецъ семейство Трентъ пускается въ обратный путь.

Джимъ обращается къ женѣ, точно съ извиненіемъ:

— Надѣюсь, ты ничего не будешь имѣть противъ... Чэвнингъ, тотъ молодой священникъ, знаешь? Обыкновенно онъ завтракалъ у насъ по воскресеньямъ... Вѣрно, зайдетъ и сегодня. Что ты на это скажешь?

— Что скажу? Буду страшно огорчена, если онъ этого не сдѣлаетъ!

Летиція по-прежнему идетъ впереди; уши ея горятъ; она чувствуетъ въ словахъ золовки скрытую насмѣшку.

— Ну, и прекрасно!—говоритъ Джимъ благодушно и прибавляетъ съ тяжеловѣсной игривостью:—ты влюбилась въ него, что ли?

Мери хохочетъ.

— Развѣ можно въ чемъ-либо отказать мужчинѣ съ такимъ профилемъ!

Джимъ тоже смѣется, а особа, идущая впереди, думаетъ:

„Какія отвратительныя шутки! Какая неблаговоспитанность! Она имѣетъ развращающее вліяніе на Джима! Онъ становится циникомъ...“

Ужасная боязнь, что лицо ея можетъ выдать или ожиданіе, или разочарованіе (смотря по обстоятельствамъ) заставляетъ Летицію засѣсть въ гостиной. Когда, послѣ звонка, она входитъ въ столовую, Чэвнингъ уже тамъ и привѣтствуетъ ее пожатіемъ руки.

Разговоръ, прерванный ея приходомъ, тотчасъ же возобновляется. Мери, безъ устали, сыплетъ вопросами относительно именъ и біографій прихожанъ; Рандель едва успѣваетъ отвѣчать.

— А кто такая миніатюрная дама, сидѣвшая у колонны? Манеры такія скромныя, личико хорошенькое, но застѣнчивое?..

Рандель замялся.

— Вы, должно быть говорите о миссисъ Ферфаксъ.

— Мнѣ она понравилась. Почему насъ не познакомили?

— Она, по всей вѣроятности, вышла изъ церкви раньше васъ,—уклончиво отвѣчаетъ Рандель.

— Жаль!

— Даже еслибъ и не вышла, — раздражительно вмѣшивается Летиція,—васъ всетаки не познакомили бы.

— Это почему?

Молчаніе. Наконецъ, Джимъ неувѣренно бормочетъ, что эта дама не принята въ высшемъ кругу. „Прошлое ея... нѣсколько того...“

X.

„Прошлое ея нѣсколько... того“... Не таковская Мери, чтобы удовлетвориться подобной фразой! Послѣ завтрака, оставшись съ Летиціей на нѣсколько минутъ вдвоемъ въ гостинной, она возвращается къ той же темѣ.

— Что такое въ прошломъ бѣдной маленькой дамы? — задорно спрашиваетъ она.

— Обычная исторія.

— Обычныхъ исторій много.

— Какая польза копаться въ старой грязи?

— А можетъ быть, я никакой грязи не усмотрю! Я имѣю храбрость имѣть и отстаивать свои мнѣнія.

Это раззадориваетъ Летицію.

— Она жила до свадьбы съ мистеромъ Ферфаксомъ.

— Можетъ быть, нельзя было выйти за него? Не былъ ли онъ женатъ?

— Вотъ именно.

— Какъ же могла она выйти за него?

Летиція, мысленно укоряя золовку въ шаткой нравственности, холодно изрекаетъ:

— Разумѣется, жена развелась съ нимъ, узнавъ объ измѣнѣ. А особа, которою вы интересуетесь, сдѣлалась миссисъ Ферфаксъ.

— Какъ же ведетъ она себя съ тѣхъ поръ?

— Да, кажется... хорошо. Живетъ замкнуто и скромно,— нехотя отвѣчаетъ Летиція, и врожденная порядочность заставляетъ ее добавить:—и много добра дѣлаетъ бѣднымъ.

— Какъ давно это случилось?

— Лѣтъ восемь—десять тому назадъ.

Мери вынимаетъ изъ портсигара папироски и съ яростью зажигаетъ спичку.

— И никто изъ васъ не рѣшается къ ней приблизиться?— тихо спрашиваетъ она, и ноздри ея гнѣвно раздуваются:—О, люди! о, христіане!..

— Не вижу ничего удивительнаго въ томъ, что она внѣ общества.

Мери откидываетъ голову на спинку кресла (не священнаго, простого) и, раскачивая маленькой ножкой, даетъ пинка кому-то невидимому. Затѣмъ она выпрямляется, и глаза ея сверкаютъ воинственнымъ пыломъ.

— Надо полагать, что она лучше всѣхъ фарисеевъ, побивающихъ ее каменьями! Завтра же поѣду къ ней!

Крыша дома Трентовъ, по счастью, не валится на ея голову. Въ ту же минуту входятъ мужчины.

— А мы тутъ ссоримся! — вскакиваетъ Мери: — Пойдемъ, Джимъ, въ оранжерею, я объясню тебѣ мой взглядъ на дѣло. Когда мы успѣли, спрашиваешь ты? О, мы времени не теряли! Какъ только пришли сюда, такъ и начали.

И она увлекла мужа въ оранжерею.

Летиція осталась съ глазу на глазъ съ Чэвнингомъ. Онъ рѣшительно подходитъ къ ней (она, въ смущеньи трогаетъ уголья въ каминѣ маленькими щипцами) и, при его приближеніи, роняетъ щипцы. Рандель властно беретъ ее за руку.

— Кто былъ правъ?

Она теряется, но оказываетъ сопротивленіе и высвобождаетъ свою руку.

— А вы думаете, много пользы отъ вашего пророчества?

— Я чуть съ ума не сошелъ, Летиція! Сначала отъ горя, а потомъ, узнавъ объ его женитьбѣ,—отъ радости!

— Для меня это не радость!

— Свобода—не радость? Не морочьте меня! Во всякомъ случаѣ, не ищите сочувствія!..—и, бросая значительный взглядъ на дверь, онъ добавляетъ: — Надо согласиться, преступникъ имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримыя смягчающія обстоятельства!

— Вы хотите сказать, что невѣстка моя красива?

— Да... У кого глаза не заняты другимъ предметомъ, тѣ найдутъ ее чрезвычайно хорошенькой.

Миссъ Трентъ смягчается, и великодушно говоритъ:

— Она красавица. Это вѣрно... въ своемъ родѣ...

Добавленіе умаляетъ великодушный порывъ.

— Но я пришелъ сюда не для того, чтобы разсуждать о ней. Почему вы не отвѣтили на мое письмо?

Въ отвѣтъ—ни звука.

— Почему не отвѣтили?

Молчаніе.

— Летиція, почему вы не отвѣтили? Предпочли объясниться со мною лично?

Она не говоритъ ни да, ни нѣтъ,—и онъ съ торжествомъ продолжаетъ:

— Я такъ и думалъ.

„Еслибъ я была увѣрена, что люблю его, какое было бы блаженство!"—думаетъ Летиція, и тутъ же вспоминается ей „возмутительная" шутка золовки: „кто могъ бы въ чемъ-либо отказать человѣку съ такимъ профилемъ?"

— Смѣю ли я надѣяться? — пылко шепчетъ ей на ухо Рандель и—вотъ-вотъ самъ дастъ благопріятный для себя отвѣтъ, если она не приметъ надлежащихъ мѣръ, чтобы остановить его.

Она отступаетъ на шагъ, по направленію къ Керсти, которая всѣми силами старается освободиться отъ намордника, съ помощью лапокъ и каминной рѣшетки.

— Постойте...—произноситъ она, въ видѣ протеста.

Но, при видѣ гнѣвнаго, выразительно-прекраснаго лица своего поклонника, она думаетъ: „а вдругъ я, дѣйствительно, люблю его и отталкиваю свое счастье?"

— Говорите!—разрѣшаетъ она и въ ту же минуту происходитъ нѣчто неожиданное и, по мнѣнію Летиціи, непоправимое. Рандель страстно поцѣловалъ ее, и она отвѣтила на его поцѣлуй тѣмъ же! Должно быть, она, дѣйствительно, любитъ, если это вышло такъ внезапно и необдуманно съ ея стороны! Въ противномъ случаѣ, она была бы недостойнымъ созданіемъ, безнравственной кокеткой!..

Невинная Керсти, высвободившая, между тѣмъ, мордочку изъ намордника, встревожена тѣмъ, что Летиція пугливо отшатнулась отъ Ранделя послѣ обмѣна поцѣлуями; бѣдная собака слишкомъ прямолинейна, чтобъ постичь, въ чемъ суть, и рѣшаетъ, должно быть, что передъ ней происходитъ сраженіе; возможно ли ей не принять въ немъ участія и не заступиться за свою госпожу? Она порывисто кидается къ Ранделю и впивается ему въ ногу. На шумъ спѣшатъ изъ оранжереи хозяинъ и хозяйка.

— Что случилось? Чертенокъ этотъ скинулъ намордникъ!—кричитъ Мери: — Джимъ, ради Бога, возьми Лулу на руки!

Джимъ хватаетъ престарѣлую Лулу, всѣ суетятся; Керсти воинственно лаетъ, и, наконецъ, ее выбрасываютъ за дверь гостинной.

Вся эта возня даетъ дѣйствующимъ лицамъ предыдущей сцены возможность нѣсколько оправиться.

— Эту злючку положительно нельзя оставлять безъ намордника! — кричитъ Мери, со сверкающими глазами: — попробуйте только, мистеръ Чэвнингъ, приложите руку, какъ у моей бѣдной старушки бьется сердце! А васъ, она не укусила?

О, навѣрно, Чэвнингъ деликатно заступится за Керсти и не выдастъ ея головой непріятелю. Но, о ужасъ! Летиція не

вѣритъ ушамъ, когда раздается злобный смѣхъ ея поклонника.

— Отвратительная тварь!—говоритъ онъ:—Еще немного, и она прокусила бы мнѣ кожу!

— Неужели она ни съ того, ни съ сего бросилась на васъ?—допрашиваетъ Мери:—Или вы ее дразнили?

Вопросъ, какъ будто и естественный, но онъ застаетъ Ранделя врасплохъ...

Летиція съ мучительнымъ безпокойствомъ взглядываетъ на своего сообщника—и... въ ужасѣ, отводитъ глаза: ея собственный волосъ лежитъ на плечѣ его сюртука... У Мери глаза блестятъ насмѣшкой; но это и безъ того часто случается. Джимъ произноситъ своимъ обычнымъ, монотоннымъ голосомъ:

— Эбердинскіе терьеры извѣстны своей строптивостью.

Онъ пролилъ масло на бушующія волны, и сестра съ облегченіемъ переводитъ духъ. Рандель тактично обратилъ все свое вниманіе на Мери и Лулу: освѣдомляется, сколько собачкѣ лѣтъ, какой она породы, и любезно восторгается ея прекраснымъ воспитаніемъ.

Наконецъ, гость уходитъ, и Джимъ идетъ немного проводить его; Мери съ Летиціей остались однѣ, и тутъ-то надъ головой послѣдней разражается неожиданный громовой ударъ.

— Профиль у него удивительный! — развязно говоритъ Мери:—Еслибъ не простуда, пошли бы послушать вечеромъ его проповѣдь. Только вотъ прислуга у него изъ рукъ вонъ плохая: не умѣетъ чистить одежду! По всему сюртуку у него длинные волосы! — высказавъ это пресерьезно, она уходитъ изъ комнаты.

. . . . . .

Ночью Летиціи спалось не особенно хорошо. Но утромъ она всетаки рѣшаетъ, что все обстоитъ великолѣпно, и что она вполнѣ счастлива и въ отличномъ расположеніи духа.

Утренній чай пьютъ, по обыкновенію, только двое: Джимъ да сестра его. Керсти наслаждается запретнымъ развлеченіемъ, сквозь закрытое окно оглушительно лая на птицъ, ожидающихъ подачки; снисходительная пара за столомъ ласково укоряетъ собаку за дурное поведеніе... Все, какъ будто, попрежнему... Но не совсѣмъ то же! Прежде братъ и сестра никогда не заботились о поддержаніи разговора, будучи увѣрены, что и безъ словъ поймутъ другъ друга. Теперь они обнаруживаютъ легкое стараніе вести между собой бесѣду. Въ манерахъ Джима не видно ни малѣйшихъ признаковъ того, что Мери подѣлилаоь съ нимъ

открытіемъ, сдѣланнымъ ея „ужасными“ глазами, а кормленіе птицъ служитъ прекрасной замѣной разговоровъ. Приходится поминутно удерживать Керсти, которая, разъ открыто окно, такъ и рвется напасть на птичекъ. Братъ и сестра любовно считаютъ новыхъ синичекъ, зябликовъ и дроздовъ, прилетѣвшихъ на пиръ, вѣроятно, прослышавъ о гостепріимствѣ дома черезъ товарищей.

Однако, подъ конецъ Летиція кладетъ начало небольшой размолвкѣ, вѣжливо освѣдомясь о здоровьи невѣстки.

— Ей много лучше. Почему ты не поднимешься наверхъ и не заглянешь къ ней?

— Развѣ ты не считаешь спальню каждой англичанки ея неприступнымъ замкомъ? Кромѣ того... вдругъ мы съ ранняго утра начнемъ ссориться (она неестественно смѣется). Кстати, она изобразила тебѣ вчерашнее наше столкновеніе съ своей точки зрѣнія... Такъ, пожалуй, мнѣ не мѣшало бы объяснить и свою...

— Она не затрогивала ничьей точки зрѣнія, — съ усталымъ вздохомъ произноситъ Джимъ,—она ни слова не сказала ни о столкновеніи, ни о тебѣ.

Неумышленная небрежность настолько задѣваетъ Летицію, что сдержанность ея мигомъ улетучивается.

— Мери изъявляла желаніе познакомиться съ миссисъ Ферфаксъ!

— Ну? Дальше что-жъ?

Она видитъ, что въ добродушныхъ глазахъ Джима загорается недобрый огонекъ, и отвѣчаетъ:

— Разумѣется, ей неизвѣстны мѣстные нравы, она не знаетъ, что здѣсь можно, и что невозможно. Подумай, что сказала бы наша мать, при одномъ предположеніи!

Къ удивленію Летиціи, Джимъ разражается слѣдующей тирадой:

— Если бы мы всегда и во всемъ только слѣдовали волѣ родителей, недалеко бы уѣхали впередъ!

Высказываетъ онъ самую избитую вещь, и умѣреннымъ тономъ, но сестрѣ кажется, что передъ ней взвилось кровавое знамя революціи и анархіи.

Однако, она подавляетъ желаніе доказать брату, какъ ужасна и преступна высказанная имъ мысль; благодаря этому инциденту, она откладываетъ только объясненіе о своемъ личномъ дѣлѣ до болѣе удобной минуты.

Послѣ чаю она идетъ въ свою собственную гостиную; обстановка комнаты осталась неприкосновенной, какъ была при жизни ея покойной матери. Бюро стоитъ то же самое; ящики биткомъ набиты росписками, счетами, записками и документами, по части дѣлъ мѣстной благотворительности, па-

тронессой которой состояла покойная миссисъ Трентъ. Летиція унаслѣдовала эти обязанности, и надо правду сказать—выполняла ихъ аккуратно и съ любовью.

Надо въ послѣдній разъ провѣрить росписки, чековыя книжки и т. п., раньше, чѣмъ сдать ихъ на руки, увы! чрезвычайно ненадежной замѣстительницѣ. Она добросовѣстно продѣлываетъ задуманное, хотя мысли ея невольно отвлекаются отъ благотворительныхъ клубовъ, обществъ и убѣжищъ, и она, съ тревожно-бьющимся сердцемъ, прислушивается къ воображаемымъ звонкамъ.

Какъ хорошо, что она въ такомъ методическомъ порядкѣ сдастъ эти дѣла, и какой хорошей женой будетъ она для священника!..

XI.

Къ завтраку настроеніе Летиціи портится: она не можетъ объяснить себѣ, почему не является до сихъ поръ Рандель! Ужъ не просилъ ли онъ руки ея у Джима, и тотъ не отказалъ ли наотрѣзъ?

Колоколъ возвѣщаетъ завтракъ; Джимъ уже въ столовой и встрѣчаетъ сестру обычной фразой:

— Мери проситъ не ждать ея.

Впослѣдствіи они такъ привыкаютъ къ этой формулѣ, что считаютъ лишнимъ ежедневно повторять ее.

Завтракъ уже близится къ концу, когда молодая хозяйка лѣнивой поступью входитъ въ столовую, но и тутъ не садится на свое мѣсто, а бродитъ вокругъ стола, то пощипывая вѣточку винограда, то отрѣзая себѣ кусочекъ торта. Въ концѣ концовъ, она придумываетъ себѣ развлеченіе: ставитъ на столъ Лулу и велитъ ей идти къ Джиму.

Старая собачонка, бывшая въ свое время красавицей японской породы, не спѣша, продѣлываетъ предписанный ей подвигъ: по дорогѣ всего только опрокидываетъ графинъ и разбиваетъ вазу для цвѣтовъ.

Керсти, сидя на высокомъ стулѣ (ей даже лапой запрещено прикасаться къ столу), наблюдаетъ за движеніями соперницы съ нескрываемымъ негодованіемъ и выражаетъ протестъ глухимъ рычаніемъ.

Мери принимаетъ живѣйшее участіе въ ссорѣ собачонокъ, укоряетъ Керсти въ злобѣ, дурачится не въ мѣру, даже лаетъ по собачьи. Но, при взглядѣ на тревожное лицо мужа, она перестаетъ отстаивать интересы Лулу и обращается къ золовкѣ съ учтивымъ вопросомъ, выходила ли она сегодня утромъ?

Нѣтъ, та не выходила.

Мери выражаетъ вѣжливое изумленіе.

— Со словъ Джима я заключила, что вы, не взирая на погоду, никогда не сидите дома. Онъ всегда ставилъ мнѣ васъ въ примѣръ въ этомъ отношеніи.

Летицію коробитъ. За ненавистнымъ блескомъ въ глазахъ, выражающихъ, повидимому, пустое любопытство, не скрывается ли ехидный намекъ на что-нибудь?

— Я была занята! — говоритъ она равнодушнымъ тономъ и прибавляетъ, съ смутной надеждой сказать непріятность:— Я просматривала отчетъ обществъ, которыми завѣдывала, раньше, чѣмъ передать ихъ вамъ.

Надежда ея только на половину оправдалась: въ первый моментъ Мери, дѣйствительно, смущена, но тутъ же наноситъ блистательный ударъ. Она обращается съ улыбкой къ Джиму:

— Ты скрылъ отъ меня существованіе „обществъ“, зная, что я указала бы тебѣ дверь! Ловко перехитрилъ меня, чудакъ!

Лицо ея дѣлается невозмутимымъ. Она уже успѣла изучить лучшее средство привести золовку въ ярость.

Летиція, очевидно, не переноситъ намека на то, что брату ея могло быть отказано въ рукѣ миссъ Кергуэтъ! Какой-то миссъ Кергуэтъ!!

Послѣ завтрака Летиція, безпокойно шагая изъ угла въ уголъ по маленькой гостинной, нечаянно слышитъ разговоръ между супругами въ передней.

— Письма твои готовы?

— Да.

— У! Какая куча!

— Я бы жить не могла, не переписываясь съ ними!— просто отвѣчаетъ Мери.

— Сильно тебѣ ихъ недостаетъ, крошка моя? Скоро и лѣто!

— Ахъ, не скоро еще!

— До тѣхъ поръ мы съѣздимъ въ Лондонъ, недѣльки на три; ты каждый день будешь ѣздить въ театръ, съ Габріелемъ, любоваться Эсмеральдой!

— И ты будешь съ нами, милый медвѣдь! Ты мнѣ никогда не мѣшаешь, чудакъ!

Обычное, бойкое веселье снова овладѣваетъ ею.

— А теперь не прокатить ли мнѣ тебя на нашихъ пони, въ деревню?

— Хорошо. Завезешь меня къ миссисъ Ферфаксъ?

— Разумѣется. Все, что хочешь!

— А что скажетъ городовой, бляха № 0?

Они со смѣхомъ удалились, раньше, чѣмъ Летиція успѣла догадаться, что миленькое прозвище относится именно къ

ней... Очевидно, супруги часто употребляютъ его между собой!

Недоумѣвающая, разобиженная, несчастная, глядитъ Летиція изъ окна, какъ застоявшіеся пони быстро мчатъ ихъ по дорогѣ; новая сбруя блеститъ на солнцѣ; Мери, въ яркой, какъ тропическая птица, шляпѣ, прекрасная, хоть и не корректная, оглашаетъ тихій морозный воздухъ своимъ звонкимъ смѣхомъ.

Часы идутъ, а Чэвнинга все нѣтъ, какъ нѣтъ. Не заболѣлъ ли онъ? Можетъ быть, разстроенный предыдущими страданіями, онъ не вынесъ чрезмѣрнаго счастья и захворалъ?

Отъ безпокойства Летиціи не сидится на мѣстѣ, и она выходитъ изъ дому. Маленькій сынъ садовника повредилъ себѣ ногу, и она идетъ навѣстить его, хотя въ сущности ей просто хочется услышать отъ его матери, къ которой она всегда была добра, какую-нибудь жалобу на перемѣну въ трентовскомъ домашнемъ правленіи. Но жена садовника, не давъ ей времени раскрыть рта, начинаетъ разсыпаться въ похвалахъ красотѣ и привѣтливости молодой; Джимъ, оказывается, уже заходилъ къ нимъ съ женой, и привѣтливость послѣдней, какъ заключаетъ Летиція, выразилась, главнымъ образомъ, въ томъ, что она буквально потрепала по плечу всѣхъ членовъ семьи.

Миссъ Трентъ прощается, не испытывая никакого подъема духа, скорѣе наоборотъ.

Жена кучера схватила воспаленіе легкихъ, и Летиція направляетъ къ ней свои стопы; та въ постели, съ трудомъ можетъ говорить, но всетаки высказываетъ свое мнѣніе, что молодая супруга сквайра—добрая фея, и что самъ сквайръ послѣ свадьбы замѣчательно помолодѣлъ. „Точно его под. мѣнили!“—бормочетъ она одобрительно.

Летиція выслушиваетъ ее въ молчаніи и спѣшитъ прочь Къ чаю Джимъ возвращается одинъ.

— Я оставилъ Мери въ церкви. Пошлю за ней экипажъ въ половинѣ седьмого.

— Въ церкви??

— Да. Она увлеклась игрой на органѣ. Вѣдь ты знаешь, какъ она музыкальна.

Летиція этого не знаетъ. Воспоминаніе о бренчаньи на фортепіано и объ оглушительныхъ хорахъ въ Уимбльдонской залѣ не привело ее къ такому заключенію.

— Ты оставилъ ее тамъ одну?

— Съ Чэвнингомъ. Онъ показалъ ей церковь, а затѣмъ любезно предложилъ раздувать за нее мѣхи.

— А!!.

— Мери пригласила его сегодня обѣдать. Надѣюсь... для тебя это безразлично.

— Конечно.

— Ну, значитъ, и прекрасно.

Сестра его врядъ ли раздѣляетъ это мнѣніе и уходитъ въ свою комнату, чтобы обдумать положеніе дѣла наединѣ.

Молодая миссисъ Трентъ возвращается въ самомъ веселомъ расположеніи духа, что́ слышно много раньше, чѣмъ она входитъ въ переднюю; она съ обычнымъ невниманіемъ относится къ звону колокола, намекающему, что пора одѣваться къ обѣду, и упорно остается въ гостинной; одну, вымазанную глиной, ногу она ставитъ на рѣшетку камина; пестрая шляпа ея откинута назадъ, а сама она оживленно описываетъ Джиму свое, повидимому, тріумфальное шествіе по деревнѣ.

За обѣдомъ она еще больше сіяетъ и болтаетъ безъ умолку, забрасывая Чэвнинга вопросами объ его паствѣ, и если онъ не сразу узнаётъ прихожанъ по ея описанію, она преуморительно передразниваетъ ихъ особенности, не взирая на безмолвное неодобреніе слушателей въ ливреѣ, торжественно подающихъ блюда.

Летиція слушаетъ ее съ мучительнымъ удивленіемъ, убѣждаясь, что деревенскіе жители въ одинъ часъ успѣли лучше ознакомиться съ новой своей благодѣтельницей, чѣмъ съ нею за цѣлую жизнь, во время которой она оказывала имъ снисходительное покровительство. Почтенныя старушки, живущія на микроскопическую пенсію на окраинѣ деревни (миссъ Смитъ, миссъ Бутлеръ и миссъ Ламотъ), повидимому, сообщили Мери немало мрачныхъ взглядовъ относительно высшихъ міра сего, да кстати нажаловались и другъ на друга, на что никогда не дерзали съ нею; даже миссисъ Тэйлоръ (обожавшая Летицію) шепнула женѣ Джима свою жалобу на Провидѣніе за отсутствіе дѣтей и за частыя мигрени. Но все это были цвѣтики,—ягодки оказались впереди.

— А „Рэчель-Голль“, какъ вы называете, откуда беретъ свое названіе?

— „Рэчель-Голль“ выстроенъ по иниціативѣ покойной миссисъ Трентъ и названъ въ честь ея. Имя ея было вѣдь—Рэчель!—поясняетъ Рандель, понижая голосъ и украдкой взглядывая на Летицію.

Глаза послѣдней упорно опущены внизъ. Она одѣта со строгой простотой, блѣднѣе обыкновеннаго и поразительно изящна; маленькій букетикъ подснѣжниковъ дополняетъ типъ почти устрашающаго цѣломудрія, который она безспорно воплощаетъ. Священникъ глядитъ и мысленно задаетъ себѣ вопросъ: неужели эта неприступная весталка—та самая молодая

дѣвушка, которая наканунѣ отвѣчала страстнымъ поцѣлуемъ на его ласки?...

— Ахъ, вотъ что!—отзывается Мери, понижая голосъ, и, послѣ паузы, спрашиваетъ снова:—У васъ тамъ, вѣрно, шли спектакли и всевозможныя увеселенія съ благотворительной цѣлью?

— О, нѣ-ѣ-ѣтъ! Тамъ происходили собранія общества трезвости, а иногда туманныя картины для народа.

Лицо Мери вытягивается, но только на секунду.

— Надо бы что-нибудь поставить, къ пріѣзду сестры. Вѣдь вамъ извѣстно, что она на сценѣ, счастливица! Я бы тоже послѣдовала ея примѣру, если бы Джимъ не убѣдилъ меня выйти за него замужъ.

Она громко вздыхаетъ, а вѣки Летиціи вздрагиваютъ. „При людяхъ!“... въ ужасѣ думаетъ она.

Мери положила локти на столъ (ея излюбленная поза) и усиленно жестикулируетъ.

— Я бы хотѣла поставить балетъ; миссисъ Тэйлоръ, вообразите, ни разу не видѣла балета! У меня клубъ корифеекъ въ Лондонѣ, и я могу пригласить нѣкоторыхъ изъ нихъ. Имъ будетъ и отдыхъ, и развлеченіе, а зрителямъ—удовольствіе!

Она вопросительно смотритъ черезъ столъ на Джима; а тотъ добродушно киваетъ и улыбается, словно желая сказать: „вотъ и прекрасно! За чѣмъ же дѣло стало?“

Молодая снова обращается къ Чэвнингу.

— Приходилось вамъ играть?

— Да, случалось, раньше, чѣмъ я принялъ на себя духовный санъ.

— А съ тѣхъ поръ? Ни разу?

Личико ея дышетъ задоромъ. Летиція негодуетъ и рада, что въ его сухомъ отвѣтѣ звучитъ та самая „апостольская“ нотка, которая нерѣдко на нее самое нагоняла священный трепетъ.

— Сознательно, надѣюсь,—ни разу.

Но Мери такъ наивно (надо думать) не понимаетъ, какой упрекъ заключается въ его словахъ, такъ усердно предлагаетъ быть его учительницей для любой роли, такъ подробно разспрашиваетъ, какія амплуа ему наиболѣе удавались въ былыя времена, до принятія духовнаго сана, что онъ больше не въ силахъ неодобрительно отвѣчать ей.

Затѣмъ на столѣ снова появляется Лулу, волоча свои дряхлыя ноги между графинами; Керсти не сидитъ больше на своемъ стулѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она злючка и обижаетъ „старушку“.

Неужели Мери никогда не перестанетъ болтать, не сни-

метъ локтей со стола, не докуритъ ужасной папироски, которая давно уже дымится въ ея пальцахъ? Наконецъ, она все это совершаетъ, и золовка, въ самомъ раздраженномъ состояніи, потупивъ глаза, выходитъ изъ комнаты.

Мери идетъ за нею въ гостинную, закуриваетъ новую папиросу и бросается въ кресло.

— Оранжерея не освѣщена, а потому я не могу увести туда Джима!—развязно говоритъ она.—Не могу понять, почему этотъ господинъ, съ неподражаемымъ профилемъ, пошелъ въ священники! Я убѣждена, что призванія у него нѣтъ. А изъ него вышелъ бы прекрасный кавалеръ.

Это ужъ черезчуръ, и миссъ Трентъ не выдерживаетъ

— Пожайлуйста, если это для васъ безразлично, прекратимъ этотъ разговоръ.

Мери не возражаетъ, а при входѣ двухъ мужчинъ побѣдоносно надѣваетъ сброшенныя было туфли.

— Хоть на этотъ разъ и не въ оранжерею, а пойдемъ ко мнѣ, покурить!—говоритъ она мужу и уводитъ его.

Чэвнингъ обращается къ своей возлюбленной съ вопросомъ:

— Ей извѣстно?

Послѣ минутнаго колебанія, Летиція отвѣчаетъ·

— Не знаю.

Въ ту же минуту Рандель, безъ дальнѣйшихъ предисловій, заключаетъ ее въ свои объятія.

Въ первое мгновеніе она инстинктивно пытается освободиться, но затѣмъ вспоминаетъ, что любовь ея не подлежитъ сомнѣнію, а потому на его страстное восклицаніе:

— Наконецъ-то!

отвѣчаетъ настолько бурно, что удивляетъ и его, и самое себя. Послѣ вчерашняго отвѣтнаго поцѣлуя, не должны ли ея сердце и ея губы быть одинаково къ его услугамъ?... рѣшаетъ она.

— Я ждала васъ цѣлый день!

Обмѣнявшись пылкими ласками, какъ и подобаетъ жениху и невѣстѣ, они садятся, держась за руки.

— Я самъ измучился за день, дорогая. Цѣлое утро провелъ съ викаріемъ, стараясь вразумить его.

— Насчетъ чего?

Чэвнингъ нетерпѣливымъ жестомъ проводитъ бѣлой, выхоленной рукой по своимъ шелковистымъ волосамъ.

— Меня приглашаютъ сказать проповѣдь въ Свиндордѣ, у герцога, въ пользу „Убѣжища для падшихъ матерей“, состоящаго подъ патронатомъ герцогини.

— Вотъ какъ! И викарій не отпускаетъ васъ?

— Къ несчастью, въ тотъ же день Степнэйскій епископъ

собирается проповѣдывать въ Бредлингѣ, а нашъ мистеръ Тэйлоръ всю жизнь только и спитъ, и видитъ, какъ бы его послушать... Быть можетъ, хотя онъ этого и не сознаетъ, въ дѣло замѣшана легкая доля... зависти!

— О, нѣтъ! Въ этомъ я увѣрена! — горячо оспариваетъ Летиція:—Значитъ, вамъ пришлось отказаться?

— Нѣтъ. Викарій обладаетъ здравымъ смысломъ. Онъ понялъ, что не имѣетъ права портить мнѣ карьеру. Начало для меня прекрасное. Герцогъ располагаетъ выгодными мѣстами, которыя герцогиня и раздаетъ по заслугамъ. Надо надѣяться, что я быстро пойду въ гору.

Соколиный взоръ Ранделя сверкаетъ, грудь выпрямляется.

Она съ сомнѣніемъ его слушаетъ, борясь между двумя противуположными чувствами: съ одной стороны, она до нѣкоторой степени раздѣляетъ его честолюбіе, съ другой — ей не нравится направленіе, которое оно принимаетъ; кромѣ того, она отъ души огорчена, что викарію, въ награду за полное отсутствіе эгоизма, приходится отказаться отъ завѣтной мечты.

— Вы довольны? О, дорогая, еслибъ вы знали, какъ я счастливъ, что отнынѣ мнѣ будетъ съ кѣмъ дѣлить и радость, и горе!

Съ минуту, какъ это ни странно, она не чувствуетъ внутренняго отклика на его слова; но затѣмъ пожимаетъ ему руку.

— Что вы дѣлали утромъ, выяснилось. Но почему не пришли послѣ завтрака?

— Ахъ, и не говорите! Сначала явился мальчишка изъ типографіи за корректурными оттисками моихъ проповѣдей. Вамъ извѣстно, что меня просили ихъ напечатать?

— Нѣтъ, я этого не знала.

— Я собирался уже сѣсть на велосипедъ, какъ подъѣхалъ вашъ братъ съ женой, и мнѣ пришлось показывать ей всю церковь, а затѣмъ она пристала ко мнѣ съ просьбой попробовать органъ, и я принужденъ былъ раздувать для нея мѣхи.

— Жестокая судьба!

— Безъ сомнѣнія! А пока она отбарабанила всѣ пѣсни и мотивы, было уже поздно.

Онъ говоритъ съ такимъ искреннимъ утомленіемъ и досадой, что тяжесть, лежавшая у нея на душѣ, отчасти спадаетъ.

— Не находите ли вы, Рандель, что пора сообщить новость Джиму? Теперь онъ, по всей вѣроятности, возражать не будетъ.

Но Чэвнингъ не выказываетъ сочувствія къ этому плану.

— Къ чему спѣшить? Онъ, пожалуй, скажетъ мнѣ: „смѣю спросить, на какія средства намѣрены вы содержать мою сестру?“

— А вы отвѣтите: „она гордится и счастлива тѣмъ, что можетъ оказать мнѣ нравственную поддержку“.

— Ахъ, это все не то. Какъ я могу внушить ему увѣренность, что у меня есть будущее? Я-то знаю это, знаю, со вчерашняго дня. Но заставить его проникнуться этимъ убѣжденіемъ я не имѣю средствъ. Милѣйшій Джимъ мелко плаваетъ и вѣритъ только свершившимся фактамъ.

Легкая, неумышленная, впрочемъ, и безобидная презрительность его тона задѣваетъ за живое любящую сестру.

— Мы съ нимъ на одинъ покрой. Не даромъ Мери сказала, что я „тотъ же бѣдняга Джимъ, только въ юбкѣ“.

— Неужели она подразумѣвала наружность?! На этотъ разъ любовь, вѣроятно, сдѣлала ее слѣпой!

Онъ такъ близко нагнулся къ ея лицу, глаза его сверкаютъ такой страстной нѣжностью, что тайный трепетъ охватываетъ и ее. Она снова вѣритъ въ искренность собственной любви.

— Къ чему спѣшить съ сообщеніемъ? Не спрашивать же вамъ его позволенія?—немного погодя, продолжаетъ Рандель, и въ тонѣ его слышится возмущенная гордость:—Онъ вѣдь вашего не спрашивалъ?

XII.

Честолюбіе Чэвнинга для Летиціи не новость. Неоднократно и въ прежнее время она и сочувствовала ему, и подбодряла, когда онъ, даровитый проповѣдникъ, возмущался тѣсными рамками, въ которыя заключила его судьба, и рвался на просторъ, чтобы побѣдить весь міръ своимъ краснорѣчіемъ. Она радовалась вмѣстѣ съ нимъ малѣйшему указанію, что слава его начинаетъ проникать за предѣлы ихъ захолустья, поддерживала его въ минуты отчаянія, когда онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и въ изступленіи кричалъ:

— Неужели же я такъ и сойду въ могилу, не дождавшись иныхъ слушателей, кромѣ миссъ Смитъ, миссъ Бутлеръ и миссъ Ламотъ?

Тонъ этихъ жалобъ на Провидѣніе и рѣзкіе возгласы, бывало, неизмѣнно дѣйствовали на нервы попугая, и онъ принимался вторить; приходилось усовѣщевать впечатлительную птицу и закрывать клѣтку чернымъ платкомъ. Эта возня каждый разъ нѣсколько развлекала и страждущаго

апостола, и его слушательницу. Но тогда она слѣпо вѣрила въ необходимость его проповѣдей, а слѣдовательно, искренно желала ему повышенія, для расширенія его плодотворной дѣятельности.

Сегодня о „призваніи“ не было и рѣчи, но за то въ торжествующемъ тонѣ ея избранника сказалось много суетнаго тщеславія. Летиціи вовсе не понравилось, что добрякъ викарій долженъ былъ отойти на задній планъ, а „падшія матери“ послужить первой ступенью къ повышенію ея жениха.

Его нежеланіе сообщить Джиму объ ихъ помолвкѣ, весьма возможно, имѣетъ свою благородную сторону... по крайней мѣрѣ, она старается въ этомъ себя увѣрить. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы просить у брата ея руки, не имѣя средствъ... Вотъ онъ и стремится поскорѣе выдвинуться, сдѣлать карьеру!

А всетаки... Жаль, если онъ сдѣлается матеріалистомъ, начнетъ придавать слишкомъ большое значеніе хлѣбу насущному, а не духовной пищѣ!

На слѣдующее утро Летиція постучалась въ дверь будуара своей невѣстки.

— Кто это?

— Я.

— Не знаю, кто. Впрочемъ, все равно, войдите.

Туалетъ Мери находится еще въ зачаточномъ состояніи. Она занята промываньемъ глазъ Лулу какой-то примочкой, а на колѣняхъ у нея лежитъ бюваръ съ недоконченнымъ письмомъ. Продолжительность туалета зависитъ вовсе не отъ тщательнаго ухода за наружностью, но отъ того, что на каждомъ шагу Мери чувствуетъ потребность (которую тотчасъ же удовлетворяетъ) заняться какимъ-нибудь другимъ, болѣе для нея интереснымъ дѣломъ: то ей надо вычистить птичью клѣтку, то попробовать съ гитарой новый романсъ, то пробѣжать въ газетѣ театральныя рецензіи, — что-нибудь всегда найдется, а потому она вѣчно опаздываетъ.

Впрочемъ, никогда въ этомъ не раскаивается.

Хотя она во всякое время ожидаетъ неодобренія со стороны золовки, но въ данную минуту и не воображаетъ, какое негодованіе, какую непріязнь вызываютъ въ гостьѣ ея халатикъ, туфли на босую ногу, растрепанные, вьющіеся волосы!

Летиція всегда дѣлаетъ свой туалетъ живо, безъ промедленія; неаккуратность, распущенность и лѣнь — не находятъ извиненія въ ея глазахъ; а чѣмъ инымъ можно объяснить безалаберное утро невѣстки?

— Я пришла слишкомъ рано,—говоритъ она строго, глядя на каминные часы,—вы еще не одѣвались.

— Я еще долго не буду одѣваться! — невозмутимо поясняетъ Мери:—А впрочемъ... видно будетъ!

— Вы, можетъ быть, забыли,—съ утонченной вѣжливостью продолжаетъ Летиція,—что я просила васъ заблаговременно просмотрѣть со мной отчеты обществъ, которыя теперь перейдутъ подъ ваше покровительство.

Мери всплескиваетъ руками и закрываетъ лицо, подобно балованному ребенку, отказывающемуся отъ лекарства. Затѣмъ руки ея снова отпускаются.

— Къ чему мнѣ брать ихъ подъ свое покровительство?

— Это ваша прямая обязанность. Таковы традиціи.

— Не люблю обязанностей и не признаю традицій.

— О!!.

— Къ чему вамъ-то отказываться отъ этихъ обязанностей? Вы здѣсь! И останетесь здѣсь... до замужества. А можетъ быть, вы и потомъ поселитесь не такъ далеко, и будете имѣть возможность присматривать за этими „обществами“... и за нами!

Это ужъ изъ рукъ вонъ! Летиціи припоминается фраза относительно „городового, бляха № 0“ и смѣхъ Джима. Она берется за ручку двери, чтобъ выйти, но невѣстка останавливаетъ ее.

— Не уходите. Давайте—столкуемтесь разъ навсегда. Все равно этого не избѣжать.

Летиція неохотно, съ достоинствомъ оборачивается.

— Я васъ не понимаю.

— Скоро поймете. Я хочу заявить вамъ, что никогда не возьму на себя никакой роли въ вашихъ филантропическихъ обществахъ и прочихъ затѣяхъ.

— Вы такъ и сказали Джиму?

— Джимъ будетъ со мной согласенъ. То есть, мнѣ кажется, ему рѣшительно все равно.

Съ тайной радостью наблюдаетъ она за опѣшившей филантропкой, смѣется, затѣмъ становится серьезной, насколько это ей доступно.

— Во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ я, навѣрно, только напутаю, равно какъ вы—въ моихъ. По обязанности и принужденію я ничего не могу и не хочу дѣлать. Если же меня предоставить самой себѣ, все пойдетъ отлично. Я вижу, что придусь здѣсь ко двору. Я вовсе не ожидаю, что вы этому повѣрите, но вездѣ, гдѣ я до сихъ поръ ни жила, меня любили.

Грустная нотка звучитъ въ этой рѣчи, и Летиціи чудится, что нижняя губа хорошенькаго ротика дрожитъ предательски.

На мгновеніе сердце золовки смягчается, но тотчасъ же застываетъ при слѣдующемъ бойкомъ и развязномъ замѣчаніи:

— Ваши „собранія матерей“, „домашнія вечеринки“, „общество во имя единаго пастыря“—кажутся мнѣ ходульными—вотъ и весь сказъ!—восклицаетъ она, снова объявляя противницѣ войну.

— Значитъ, мнѣ незачѣмъ васъ дольше безпокоить?

Летиція снова дѣлаетъ шагъ къ двери.

— Нѣтъ, подождите! Мы еще далеко не кончили. Ягодки впереди!—останавливаетъ ее опять Мери.

Въ своемъ волненіи, она вскакиваетъ съ кресла и, отчаянно жестикулируя, приближается къ золовкѣ, причемъ бюваръ летитъ на полъ.

— Вы любите весь этотъ шикъ, всю эту торжественность? кричитъ она, неопредѣленно указывая на убранство комнаты и на деревья парка.

— Я не знаю, что вы называете шикомъ и торжественностью. Это весьма обыкновенный помѣщичій домъ.

Говоритъ Летиція эту скромную фразу гордо, сама этого мнѣнія, конечно, не раздѣляя.

— Ну, какъ бы тамъ ни было, вы здѣсь, какъ рыба въ водѣ. Вы любите оффиціальный строй жизни, распредѣленіе времени по часамъ, удручающую аккуратность... Я же цыганка по натурѣ, дѣлаю то, что мнѣ пріятно, обязанностей не признаю, люблю свободу и ломать себя ни для кого не стану.

— Не понимаю, для чего вы все это мнѣ говорите.

— Сейчасъ поймете. Вамъ было бы очень тяжело отказаться отъ всего этого парада, который ведется тутъ съ незапамятныхъ временъ, по вашимъ излюбленнымъ традиціямъ... Вотъ, я и хочу спросить васъ: почему вы отсюда уходите?

— Почему?

— Да, почему? Отчего бы вамъ по прежнему не вести хозяйства, не отдавать никому верховную власть, не распоряжаться по прежнему и не сидѣть во главѣ стола, какъ до... женитьбы Джима?

Видя, что слушательница онѣмѣла и лишь презрительно смотритъ на нее, Мери продолжаетъ:

— Если вы полагаете, что я стану обижаться или ревновать, вы сильно ошибаетесь. Я буду вамъ только благодарна. Я ненавижу всю эту процедуру, и только ради Джима нѣсколько смиряюсь.

На сей разъ намекъ на жертву, принесенную мистеру Тренту, сдѣланъ вовсе не съ цѣлью изводить золовку; тѣмъ не менѣе, онъ производитъ обычное дѣйствіе.

— Боюсь, вы слишкомъ поздно спохватились.

— О, нѣтъ, ничуть. Оставьте меня въ покоѣ, и все будетъ прекрасно. Со временемъ—какъ знать?—мнѣ, можетъ быть, и полюбится эта тропиночка, пролегающая по мертвому бѣлому полю (она уныло глядитъ въ паркъ)... Я въ первый разъ провожу зиму въ Англіи... и хорошо, еслибъ это было въ послѣдній!

Она съ минуту молчитъ; безпокойные пальчики играютъ кистями атласнаго халатика; затѣмъ она продолжаетъ:

— Я уже сказала вамъ, что питаю отвращеніе къ точности и порядку и ко всѣмъ добродѣтелямъ, необходимымъ для образцовой хозяйки дома. Люблю ѣсть, когда голодна, а не тогда, когда колоколъ велитъ мнѣ чувствовать аппетитъ. Колоколъ въ Уимбльдонѣ служилъ намъ только для потѣхи!

Она смѣется. Но Летиція даже не улыбается.

Мери беретъ свой портсигаръ, закуриваетъ, подымаетъ съ полу бювaръ и садится въ кресло, снова принимаясь за глаза престарѣлой Лулу.

— Итакъ рѣшено! — говоритъ она: — Мы, каждая, будемъ наслаждаться жизнью по своему. Въ вашихъ рукахъ останутся: скипетръ, бичъ, колоколъ и всевозможныя филантропіи. А у меня—Джимъ и Лулу!—она нѣжно цѣлуетъ посѣдѣвшую голову собачонки:—мы будемъ опаздывать, бить баклуши и дурачиться, сколько влѣзетъ!

— Джимъ никогда не опаздывалъ, не билъ баклушъ и не дурачился!—гнѣвно возражаетъ Летиція, необдуманно откликаясь на обидныя и намѣренно-вульгарныя рѣчи невѣстки.

— Неужели?—не въ мѣру удивляется Мери.—Въ такомъ случаѣ начнетъ это дѣлать, вотъ и все.

. . . . . .

Сначала Летиція не вѣрила въ искренность отреченія невѣстки отъ верховной власти, пока Джимъ не подтвердилъ этого самъ.

— Мери тебѣ, вѣрно, говорила, — началъ онъ однажды утромъ, когда они пили чай вдвоемъ, — что ни въ чемъ не желаетъ мѣшать тебѣ?

Летиція поднимаетъ голову. Оставаясь теперь съ глазу на глазъ съ Джимомъ, она каждый разъ испытываетъ легкій страхъ, такъ какъ кое-что отъ него скрываетъ; а тревожное выраженіе его лица, когда онъ заговариваетъ съ ней о женѣ (куда дѣвались его былыя добродушныя и наивныя изліянія!), огорчаетъ ее до глубины души.

— Она желаетъ, чтобы все шло по старому, — продолжаетъ онъ,—не хочетъ мѣшаться въ дѣла благотворительности, которыя ты съ такимъ умѣньемъ ведешь послѣ по-

койной нашей матушки. Она увѣрена, что ты справишься съ этой задачей гораздо лучше, чѣмъ она.

— Она такъ и сказала?

— Я, кажется, не имѣю склонности фантазировать! — коротко и ясно отвѣчаетъ братъ:—Еслибъ она этого не говорила, не сталъ бы и я говорить.

— Быть можетъ, она права... Разумѣется, вся моя опытность была бы къ ея услугамъ, еслибъ она пожелала... Но неужели ты находишь, что она поступаетъ вполнѣ правильно, сваливая всю отвѣтственность на чужія плечи?

Мистеръ Трентъ отъ природы хладнокровенъ, но на этотъ разъ онъ отвѣчаетъ, нервно играя ножомъ.

— Мнѣ думается, что было бы лучше, еслибы она въ самомъ началѣ поменьше слышала о своихъ „отвѣтственностяхъ“ и „обязанностяхъ“.

При этомъ упрекѣ, щеки Летиціи начинаютъ горѣть; тѣмъ не менѣе, она старается не горячиться.

— Трудовъ мнѣ не жалко; ты самъ знаешь, я не люблю сидѣть, сложа руки. Но оставимъ пока этотъ вопросъ. Знаешь, что она еще мнѣ предложила? Она предложила мнѣ завѣдывать хозяйствомъ и сидѣть во главѣ стола! Ты раздѣляешь ея желаніе?

Мистеръ Трентъ прибѣгаетъ къ любимому за послѣднее время методу защиты: онъ уже взялся за ручку двери. Послѣдній вопросъ сестры заставляетъ его обернуться:

— Пойми разъ навсегда, Летти, — твердо и не безъ достоинства говоритъ онъ, — что я, прежде всего, желаю сдѣлать пребываніе жены въ моемъ домѣ менѣе тягостнымъ и непріятнымъ. Она черезчуръ многимъ пожертвовала, выйдя за меня замужъ, — почти всѣмъ, чѣмъ дорожила на свѣтѣ! Долженъ же я помнить это и стараться хоть чѣмъ нибудь скрасить ея существованіе!

Онъ ушелъ. Сестра, пораженная, широко раскрывъ глаза, глядитъ ему вслѣдъ. Такъ вотъ до чего дошло его ослѣпленіе! Онъ считаетъ себя облагодѣтельствованнымъ женой!! Никогда еше такой длинной тирады и съ такимъ убѣжденіемъ онъ не произносилъ!

Немного позже она сталкивается съ нимъ въ конюшнѣ, куда пошла угостить любимыхъ лошадей сахаромъ; съ мучительной болью въ сердцѣ подмѣчаетъ она, что братъ,— впрочемъ, весьма неискусно, — пытается скрыться отъ нея въ пустомъ денникѣ.

— Не прячься,—говоритъ она, силясь улыбнуться,—я не скажу тебѣ ничего непріятнаго.

Онъ останавливается.

— Ты такъ поторопился утромъ уйти, что не далъ мнѣ времени объясниться.

— Я не люблю объясненій.

— Мнѣ необходимо договорить! — печально настаиваетъ она:—Я потому желала, чтобъ Мери заняла подобающее мѣсто хозяйки, что сама не долго останусь.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Я считаю себя здѣсь только гостьей, и, понятно, не намѣрена поселиться у васъ навсегда.

— Гдѣ же ты намѣрена поселиться?

Она колеблется. Не сказать ли ему? Но нежеланіе Ранделя беретъ верхъ, и она уклончиво отвѣчаетъ:

— На свѣтѣ мѣста довольно!

Привычная добродушная улыбка появляется на лицѣ Джима.

— Не дури, дѣвочка моя! — говоритъ онъ, дружески похлопывая сестру по плечу:—не говори пустяковъ! Ты будешь жить здѣсь, дома... и мы всѣ заживемъ на славу... Только не забывай евангельской истины: „живи и жить давай другимъ“.

Смѣхъ ея звучитъ не совсѣмъ естественно, когда она начинаетъ увѣрять брата, что подобнаго изреченія въ Евангеліи не существуетъ; но тутъ Керсти выручаетъ ее изъ неловкаго положенія: злая собачонка забралась въ стойло и пытается укусить пони за ногу; а пони норовитъ размозжить ей голову копытомъ. Джимъ извлекаетъ собачонку, даетъ ей для назиданія нѣсколько шлепковъ и выбрасываетъ изъ конюшни вонъ.

Такимъ образомъ, между братомъ и сестрой заключено нѣчто вродѣ молчаливаго перемирія.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ.

Въ политической экономіи Рикардо считается наиболѣе крупнымъ представителемъ чисто-дедуктивнаго метода. Его положенія не были результатомъ изученія дѣйствительности—гласитъ communis opinio doctorum,—а получены путемъ ряда послѣдовательныхъ выводовъ изъ немногихъ основныхъ посылокъ. Въ логичности, въ умѣніи упрощать и уяснять самыя сложныя явленія, доводить всякую мысль до конца, какъ бы ни были неожиданны окончательные выводы—въ этомъ никто не можетъ сравниться съ Рикардо; но никто не превзошелъ его и въ абстрактности, и безжизненности логическихъ построеній, въ чрезмѣрномъ обобщеніи выводовъ, въ произвольности исходныхъ точекъ зрѣнія, взятыхъ изъ собственныхъ представленій, а не изъ реальной дѣйствительности. Такимъ путемъ добыты всѣ положенія Рикардо: его желѣзный законъ заработной платы, его теорія трудовой цѣнности, его ученіе о распредѣленіи богатства. Но едва ли не наиболѣе абстрактной и безжизненной считается его теорія поземельной ренты. Дифференціальная рента Рикардо выведена—говорятъ обыкновенно—не на основаніи знакомства съ явленіями экономической жизни, а изъ сложившагося въ умѣ Рикардо представленія о томъ, что земля не можетъ быть повсюду одинаково плодородна и равно удобно расположена по отношенію къ рынку сбыта, почему при равенствѣ уровня прибыли и долженъ образоваться излишній доходъ на лучшихъ и наиболѣе удобно расположенныхъ участкахъ; столь же произвольной считается и его конструкція перехода отъ земель лучшаго качества къ почвѣ худшаго качества, а не наоборотъ, ибо и она выведена изъ посылокъ, ничѣмъ не доказанныхъ и не провѣрена фактическимъ матеріаломъ.

На самомъ дѣлѣ, однако, это общераспространенное мнѣніе далеко отъ истины, и, наоборотъ, именно въ этой части своего ученія, въ своей теоріи земельной ренты, Рикардо болѣе чѣмъ гдѣ-

либо пользуется фактами дѣйствительности. Его выводы являются результатомъ наблюденій надъ англійской жизнью конца XVIII и первыхъ двухъ десятилѣтій XIX вѣка. Если это упускаютъ изъ виду, то объясняется это обстоятельство прежде всего тѣмъ, что экономисты догматики недостаточно знакомы съ экономическимъ бытомъ Англіи эпохи Рикардо; они довольствуются установленіемъ того факта, что Англія въ это время перестала быть чисто-аграрной страной и перешла къ фабрично-машинному производству и свою потребность въ пищѣ стала въ значительной степени покрывать ввозомъ хлѣба съ континета Европы; но они не проникаютъ глубже въ тѣ измѣненія въ области хлѣбныхъ цѣнъ, воздѣлыванія почвы и примѣненія капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя произошли въ Англіи въ эту эпоху. Экономисты-догматики, изучающіе и комментирующіе Рикардо, не интересуются и тѣми общественными движеніями, которыя происходили въ эту эпоху, въ видѣ борьбы изъ-за хлѣбныхъ законовъ, изъ-за сѣсненія или облегченія ввоза иностраннаго хлѣба въ Англію. Наконецъ, обыкновенно при изученіи Рикардо ограничиваются его главнымъ сочиненіемъ „О началахъ политической экономіи и о налогахъ“, тогда какъ тѣ же вопросы заработной платы, прибыли, обложенія и т. д. и, прежде всего, вопросы о природѣ поземельной ренты, трактуются имъ еще въ двухъ другихъ сочиненіяхъ: „Опытъ о вліяніи цѣнъ на хлѣбъ на прибыль съ капитала“ и „О покровительствѣ земледѣлію“, изъ которыхъ выясняются многіе спорные пункты его главнаго труда и, прежде всего, тотъ путь, какимъ онъ пришелъ къ взглядамъ, изложеннымъ имъ въ „Началахъ политической экономіи“.

Полустолѣтіе, обнимающее 1770 — 1820 годы, является въ Англіи періодомъ необыкновенно быстраго возрастанія населенія: тогда какъ въ предыдущія до 1751 г. десятилѣтія высшій приростъ населенія Англіи равняется 3%, а въ 1751 — 1781 гг. 6%, въ слѣдующія три десятилѣтія онъ увеличивается до 9, 11 и 14%, а въ послѣднее десятилѣтіе, 1811—1821 г., даже до 18%. Это—говоритъ Тойнби—высшая цифра прироста когда-либо достигнутая Англіей *). Одновременно съ этимъ происходитъ и сильное возвышеніе цѣны на хлѣбъ и арендной платы. Цѣна на пшеницу въ Англіи составляла, по Туку, 29 шилл. за квартеръ въ 1742—1751 гг. и 37½ шилл. въ 1755—1764 гг., въ 1765—1791 г. цѣна эта повысилась до 50 шилл., затѣмъ возрасла до 70 шилл. въ 1791—1800 гг. и до 90 шилл. въ 1801—1814 гг. и вновь упала на 64 шилл. въ 1815—1824 гг. **) Арендная плата, по свидѣтельству Портера, увеличилась въ періодъ 1780—1812 гг.

*) Tooke-Newmarch. History of Prices. Изд. Ahser'a. T. I. p. 23 и сл., p. 800.

**) Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи. Пер. съ англ., съ пред. А. И Чупрова. Москва. 1898. Стр. 127.

вдвое, втрое и вчетверо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже впятеро. Въ Шотландіи земельная рента, сумма которой составляла въ 1795 г. 2 милліона ф. стерл., поднялась въ 1825 до 5^1 милл. ф. ст. *) Изъ таблицы, составленной Истономъ (Iosiah Easton) видно, что въ Сомерсетширѣ арендная плата съ акра земли по десятилѣтіямъ равнялась: въ 1773—1782 гг. $19^1/_2$ шилл., въ 1783—1792 гг. $20^1/_2$ шилл., въ 1793—1802 гг. $31^1/_2$ шилл. и въ 1803—1812 гг. 41 шилл., т. е. за тридцатилѣтній періодъ она увеличилась вдвое; между тѣмъ прибыль арендатора (въ процентахъ съ капитала) по этой таблицѣ почти вовсе не измѣнилась **).

Возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ и арендной платы сопровождалось расширеніемъ площади пахотной земли. Въ періодъ 1727—1760 гг. было огорожено 319 тыс. акровъ, т. е. ежегодно огораживалось въ среднемъ по 9 тыс. акровъ, въ періодъ 1760—1797 гг. около 3 милл. акр., или 78 тыс. акр. ежегодно, наконецъ въ періодъ 1797 — 1820 гг. 3,3 милл. акр., т. е. въ среднемъ каждый годъ по 143 тыс. акр. ***). Распаханы были большею частью земли худшаго качества: песчаныя, глинистыя и болотистыя почвы, которыя ранѣе шли подъ пастбища, были теперь засѣяны пшеницей ****). На болѣе плодородныхъ, уже ранѣе воздѣланныхъ, земляхъ затрачивались значительные капиталы для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ. Впрочемъ, улучшенія вродѣ плодосмѣнной системы, дренажа, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, вводились лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; въ общемъ же сельско-хозяйственная культура оставалась на прежнемъ уровнѣ. Успѣхи, сдѣланные въ этотъ періодъ, заключались, главнымъ образомъ, въ расширеніи площади посѣвовъ, а не въ улучшеніи способовъ производства.

Прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ продолжался, однако, лишь до 1812—1813 гг., пока цѣна на хлѣбъ и арендная плата повышалась; когда цѣна и рента стала падать, а это началось уже въ 1813 году, когда цѣна пшеницы сразу понизилась съ 116 шилл. въ іюлѣ до 75 шилл. въ декабрѣ и равнялась въ 1814 г. 74 шилл. (въ среднемъ 108 шилл. за весь годъ *****)—успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ пріостановились. Стали прекращать производство на менѣе плодородныхъ участкахъ, ибо обработка ихъ при столь низкихъ цѣнахъ оказывалась убыточной; убытокъ доставляли и вложенные ранѣе въ землю капиталы на лучшихъ участкахъ.

*) Porter. Progress of Nation. London. 1851. p. 153 и сл. Toynbee, стр. 136.
**) Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. Leipzig. 1894. p. 184.
***) Levy. Die Not der englischen Landwirte zur Zeit der hohen Getreidezölle. Stuttgart und Berlin. 1902. Anh. II.
***) Levy. p. 8 и слѣд.
*****) Tooke-Newmarch. I. 800.

Арендную плату пришлось понизить, но такъ какъ это пониженіе далеко не соотвѣтствовало паденію цѣнъ, то арендаторы очутились въ критическомъ положеніи и не въ состояніи были исполнить своихъ обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцамъ.

Парламентъ учредилъ комитетъ для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства. Былъ допрошенъ цѣлый рядъ лицъ, изъ числа арендаторовъ, сельско-хозяйственныхъ таксаторовъ и хлѣбныхъ торговцевъ. Комитетъ пришелъ къ тому выводу, что необходимо повышеніе пошлинъ на ввозъ хлѣба, такъ какъ иначе, при существующихъ цѣнахъ, придется бросить худшіе участки, а равно оставить неиспользованными капиталы, вложенные въ другіе участки. Закономъ 1815 года было установлено, что отнынѣ ввозъ иностраннаго хлѣба допускается лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна достигаетъ 80 шилл. съ квартера пшеницы. Вопросъ о желательности стѣсненія ввоза иностраннаго хлѣба вызвалъ обширную литературу. Писались десятки брошюръ и памфлетовъ. Въ 1815 году выступилъ и Мальтусъ со своей брошюрой „О взглядѣ на политику, стѣсняющую ввозъ иностраннаго хлѣба“; онъ находилъ, что Англія должна покровительствовать земледѣлію путемъ высокихъ пошлинъ на ввозъ хлѣба, такъ какъ для нея было бы крайне опасно оказаться въ зависимости отъ другихъ странъ въ отношеніи хлѣба: при всякомъ недородѣ на континентѣ, равно какъ и въ случаѣ войны, Англія останется безъ хлѣба. На это и отвѣчалъ ему Рикардо въ изданной въ томъ же 1815 году брошюрѣ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала. Онъ доказывалъ, что опасаться зависимости въ снабженіи хлѣбомъ отъ другихъ странъ нечего, такъ какъ, когда установится постоянный спросъ на хлѣбъ со стороны Англіи, и хлѣбная торговля не будетъ стѣснена ничѣмъ, земледѣльческія страны будутъ производить гораздо болѣе продукта, предназначая часть его спеціально для Англіи; въ случаѣ войны они сами будутъ заинтересованы въ возможности сохранить свой рынокъ сбыта. „Разсматривая вопросъ о прибыли съ капитала, — говоритъ Рикардо, — необходимо принимать во вниманіе начала, регулирующія возвышеніе и упадокъ ренты, такъ какъ рента и прибыль, какъ это будетъ показано, находятся между собою въ тѣснѣйшей внутренней связи“ *). Поэтому онъ и „устанавливаетъ начала, регулирующія ренту“. Лишь два года спустя, въ 1817 году, вышли „Начала политической экономіи“; такъ что впервые свою теорію Рикардо изложилъ не въ этомъ трудѣ, а въ „Опытѣ вліянія низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала“.

Надежды, возлагаемыя на законъ 1815 г., не оправдались. Только въ ближайшіе два года цѣна на хлѣбъ стояла высоко,

*) Сочиненія Давида Рикардо. Пер. Зибера. Спб. 1882 г., стр. 403—404.

равняясь въ среднемъ 75½ шилл. въ 1816 году и 94 шилл. въ 1817 г. и достигая временно даже 103 ш. (декабрь 1816 г.) и 112 ш. (іюнь 1817 г.); въ 1819 г. цѣна пшеницы составляла уже только 74 шилл., а затѣмъ упала на 66 шилл. въ 1820 г. и еще сильнѣе въ послѣдующіе 2 года, спустившись до 54 шилл. въ 1821 г. и даже до 43 шилл. въ 1822 г. *). Жалобы сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ снова усилились, землевладѣльцы принуждены были еще понизить ренту, и всетаки арендаторы оказывались несостоятельными; худшія песчаныя земли не давали вовсе дохода, ихъ приходилось опять превращать въ пастбища. Въ 1820, 1821 и 1822 гг. вновь засѣдали три парламентскіе комитета и вновь допрашивались арендаторы, таксаторы и торговцы хлѣбомъ. Было рѣшено измѣнить таможенное законодательство относительно хлѣба, уничтоживъ безусловное запрещеніе ввоза и замѣнивъ его высокой пошлиной. Этой мѣрой была вызвана другая брошюра Рикардо: „О покровительствѣ земледѣлію", вышедшая въ 1822 г. и посвященная критикѣ новаго закона и положеній, выставленныхъ парламентскими комитетами, въ особенности комитетомъ 1821 г.

Рикардо доказываетъ, что ввозъ хлѣба долженъ быть свободенъ, ибо стѣснять ввозъ болѣе дешеваго иностраннаго хлѣба— значитъ заставлять англійское населеніе переходить къ обработкѣ худшихъ земельныхъ участковъ у себя дома, вмѣсто того, чтобы питаться хлѣбомъ, произведеннымъ заграницей на болѣе плодородной почвѣ; ради доставленія немногимъ землевладѣльцамъ высокой ренты приходится всему населенію напрасно терять часть труда и капитала, ибо съ помощью того же количества труда и капитала, которое затрачивается въ производствѣ хлѣба, можно было бы производить фабрикаты и обмѣнивать на нихъ гораздо большее количество иностраннаго хлѣба. Для теоріи ренты наиболѣе интересенъ первый отдѣлъ этого сочиненія, гдѣ доказывается, что издержки производства на худшихъ земляхъ регулируютъ цѣну всего производимаго въ странѣ хлѣба.

Особенностью ученія Рикардо о рентѣ является его дифференціальная рента. У Адама Смита, у Сея, у Сисмонди мы находимъ уже, правда, зачатки теоріи дифференціальной ренты, но только зачатки, совершенно теряющіеся въ ученіи объ абсолютной рентѣ. Они указываютъ, что величина ренты зависитъ отъ различія земельныхъ участковъ въ плодородіи и мѣстоположеніи, т. е. признаютъ дифференціальную ренту, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что каждый земельный участокъ, какъ таковой, независимо отъ преимуществъ его передъ другими участками, уже въ силу принадлежности его человѣку долженъ доставлять ренту, которая есть результатъ дѣйствія силъ природы. Такимъ обра-

*) Tooke-Newmarch. T. I, p. 800.

зомъ, уже одно существованіе частной собственности на землю вызываетъ существованіе ренты, почему ренту и приноситъ каждый участокъ, а не только болѣе плодородный и лучше расположенный, чѣмъ другіе. Только у Рикардо впервые мы находимъ послѣдовательно проведенное ученіе о дифференціальной рентѣ въ чистомъ ея видѣ.

Но какимъ образомъ возникло это ученіе? Получилось ли оно послѣ тщательныхъ наблюденій и изслѣдованій дѣйствительности или просто явилось результатомъ абстрактныхъ спекуляцій ума? Господствующее мнѣніе придерживается послѣдняго взгляда, и надо сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ ученіе о дифференціальной рентѣ изложено въ „Началахъ политической экономіи", оно не даетъ права думать, чтобы всѣ эти вымышленные и не соотвѣтствующіе дѣйствительности примѣры и числа имѣли какую либо фактическую подкладку. „Когда люди впервые населяютъ страну—говоритъ Рикардо—гдѣ находится много богатой и плодородной земли, небольшого количества которой достаточно для прокормленія существующаго народонаселенія, или гдѣ обработка требуетъ не бо̀льшаго капитала, чѣмъ тотъ, которымъ владѣетъ населеніе, ренты не существуетъ, ибо никто не сталъ бы платить за право пользованія землей, когда есть много земли, никому не принадлежащей и, слѣдовательно, такой, которую можетъ обрабатывать всякій желающій... Ренту начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограничено, а качество разнообразно, и что съ увеличеніемъ населенія становится неизбѣжна обработка участковъ худшаго сорта или расположенныхъ менѣе удобно. Когда, при возрастаніи населенія, принимаются за обработку земли второстепеннаго плодородія, немедленно возникаетъ рента для земель первостепеннаго плодородія, и размѣръ ея зависитъ отъ различія въ качествѣ земли этихъ двухъ категорій." Подобнымъ же образомъ возникаетъ рента на земляхъ „второго сорта" и возрастаетъ соотвѣтственно на наиболѣе плодородныхъ земляхъ, когда приходится переходить къ обработкѣ земель третьяго сорта. „При всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приниматься за земли меньшаго плодородія, рента на всѣ болѣе плодородныя земли возрастетъ" *). Посмотримъ, какъ эти основныя положенія изложены въ двухъ другихъ сочиненіяхъ Рикардо.

„При первоначальномъ заселеніи страны, богатой плодородной землею (читаемъ въ „Опытѣ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала"), которая можетъ быть занимаема всякимъ по собственному его усмотрѣнію, весь продуктъ, за вычетомъ расходовъ на обработку, составляетъ прибыль на капиталъ и принадлежитъ владѣльцу такого капитала, безъ всякаго

*) Рикардо. Сочиненія. Стр. 30—32.

вычета на ренту... Въ теченіе довольно продолжительнаго періода прибыль съ земледѣльческаго капитала можетъ держаться на одномъ и томъ же уровнѣ, такъ какъ одинаково плодородной и одинаково хорошо расположенной земли можетъ быть обильное количество, и слѣдовательно, земля эта можетъ обрабатываться по мѣрѣ увеличенія капитала первоначальныхъ и послѣдующихъ поселенцевъ, на столь же выгодныхъ условіяхъ... Послѣ того, какъ вся плодородная земля въ непосредственномъ сосѣдствѣ первоначальныхъ поселенцевъ была бы подвергнута обработкѣ,—при условіи возрастанія населенія и капитала, стало бы требоваться болѣе пищи, а ее можно было бы доставать только на землѣ, расположенной не столь выгодно. Итакъ, предполагая, что почва одинаково плодородна, потребность въ употребленіи большаго числа рабочихъ, лошадей и пр., въ перевозкѣ продукта изъ той мѣстности, гдѣ онъ растетъ, въ ту мѣстность, гдѣ предстоитъ ему идти на потребленіе, сдѣлала бы необходимою большую постоянную затрату капитала для полученія того же продукта, хотя бы въ заработной платѣ не происходило никакого измѣненія. Предположимъ, что эта прибавка составляетъ цѣнность 10 квартеровъ пшеницы; тогда весь капиталъ, затраченный на новую землю, простирался бы до 210 для полученія прежняго продукта (на почвѣ перваго рода, лучше расположенной — 200), и, слѣдовательно, прибыль съ капитала упала бы съ 50 до 43% или до 90 на 210... Итакъ, благодаря послѣдовательному переходу къ землѣ худшаго качества или менѣе выгодно расположенной, — на землѣ, обработанной предварительно, рента возрасла бы, и совершенно въ той же пропорціи падала бы прибыль"... *). Между изложеніемъ въ „Началахъ" и „Опытѣ" разницы почти нѣтъ; Рикардо перенесъ почти цѣликомъ въ свой главный трудъ то, что уже ранѣе излагалъ по поводу спора о хлѣбныхъ законахъ. Только въ „Опытѣ" онъ, согласно заглавію, изслѣдуетъ вліяніе ренты на прибыль и, поэтому, каждый разъ указываетъ на то, что съ переходомъ на худшіе участки рента возрастетъ, а прибыль понизится, между тѣмъ какъ въ „Началахъ политической экономіи" только вскользь упоминается о томъ, что количество продукта, остающееся для прибыли и заработной платы, понизится, и этотъ продуктъ онъ разсматриваетъ тамъ, какъ нѣчто цѣльное, не разбивая его на прибыль и заработную плату. Нѣкоторая разница между обѣими приведенными цитатами заключается и въ томъ, что въ первой наибольшее значеніе придается различію въ плодородіи а во второй—различію въ мѣстоположеніи, въ разстояніи отъ рынка; въ „Началахъ политической экономіи" о различіи въ расположеніи участковъ упоминается лишь вскользь что подало даже поводъ утверждать, будто Рикардо на этотъ

*) Сочиненія. Стр. 404—407.

признакъ, вызывающій различіе въ выгодности земельныхъ участковъ, не обратилъ никакого вниманія. Наконецъ, въ „Опытѣ“ Рикардо говоритъ о поселенцахъ и колонистахъ, которые заселяютъ землю, и далѣе упоминаетъ о „знаніяхъ и капиталѣ стараго общества, примѣняемыхъ къ свѣжей и плодородной почвѣ новой страны“, и о томъ, что „европейскія колоніи были учреждены на капиталъ метрополій и тѣмъ замедлили накопленіе“ *). Очевидно, изображая переходъ отъ лучшихъ земель, имѣвшихся первоначально въ изобиліи и никому не принадлежавшихъ, къ худшимъ, менѣе удобно расположеннымъ, онъ имѣетъ въ виду заселеніе Америки англійскими колонистами, которые принесли съ собой знанія и капиталъ изъ Англіи и поселились первоначально у морского берега, гдѣ и основали города и распахали близлежащія земли, а затѣмъ, съ увеличеніемъ населенія, принуждены были воздѣлывать и другія, хотя и не менѣе плодородныя, но дальше отъ селеній расположенныя земли, уходя въ глубь материка: часть пищи имъ приходилось, слѣдовательно, подвозить изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

Въ сочиненіи „О покровительствѣ земледѣлію“ Рикардо снова разсматриваетъ вліяніе различнаго плодородія земли на возникновеніе ренты, причемъ здѣсь онъ уже не слѣдитъ за постепеннымъ переходомъ населенія съ лучшихъ земель къ худшимъ, а изображаетъ, въ неподвижномъ состояніи, ренту въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, когда одновременно обрабатываются земли различныхъ категорій. И примѣры, на которыхъ онъ демонстрируетъ свое ученіе, здѣсь уже не вымышленные, а прямо взяты изъ жизни, цифры—дѣйствительныя, а не фиктивныя. Это показанія различныхъ таксаторовъ, сдѣланныя въ Committee on Agriculture 1821 года. Въ виду того, что цитируемые имъ здѣсь факты въ высшей степени важны для характеристики метода изслѣдованій Рикардо и для лучшаго уясненія его теоріи ренты, мы приведемъ ихъ цѣликомъ. „Я знаю въ странѣ округа,—говоритъ Ивесонъ,—въ которыхъ самые лучшіе участки производятъ отъ 4 до 5 квартеровъ съ акра. Я знаю здѣсь такія фермы, которыя даютъ среднимъ числомъ по 4 квартера пшеницы или 32 бушеля съ акра“. „Въ какой части королевства?“ „Въ Уильтширѣ“. „А во сколько вы оцѣните выручку съ земли второстепеннаго качества въ этомъ графствѣ?“ „Я полагаю, что землю второстепеннаго, или, какъ я называю, средняго качества, можно принять при хорошей обработкѣ въ $2^1/_2$ квартера (20 бушелей)“. „А худшія земли?“ „Отъ 12 до 15 бушелей съ акра“. Гарвея спросили: „Какая извѣстна вамъ самая низшая рента, выплачиваемая за худшую почву на которой растетъ хлѣбъ“? „18 пенсовъ съ акра.“ Затѣмъ Гарвей подтвердилъ, что онъ получалъ съ своей земли въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ,

*) Сочиненія. Стр. 408—409.

среднимъ числомъ, по 30 бушелей пшеницы съ акра. Показаніе Уэкфильда клонилось къ тому же самому результату, какъ и показаніе Ивесона; но, по его мнѣнію, разница между выручкой хлѣба съ одного акра самой лучшей и самой худшей земли, состоящей въ обработкѣ, равнялась, по меньшей мѣрѣ, 30 бушелямъ. ибо, говоритъ онъ, „на морскомъ берегу Норфолька, Суффолька, Эссекса и Кента жатва считается дурною, когда она не достигаетъ 40 бушелей съ акра“, и прибавляетъ: „я сомнѣваюсь, чтобы бѣдныя земли производили болѣе 8 бушелей съ акра.“ Изъ этого Рикардо и дѣлаетъ выводъ, что рента на лучшихъ земляхъ равняется 17 бушелямъ по Ивесону или 30 бушелямъ, если вѣрить Уэкфильду, а на участкахъ средняго качества составляетъ 5 бушелей съ акра. „Развѣ несправедливо, — прибавляетъ онъ,—что рента съ лучшей земли регулируется меньшимъ количествомъ— 15 бушелями (по Ивесону), которыми мы принуждены въ настоящее время довольствоваться на нашихъ болѣе бѣдныхъ почвахъ? Рента, которая въ настоящее время составляетъ тягость при обработкѣ земли, приносящей 32 бушеля (Ивесонъ), и которая равняется цѣнности 17 бушелей, т. е. разности между 32 и 15 бушелями, не существовала бы вовсе, если бы не подвергали воздѣлыванію никакой другой земли, кромѣ приносящей по 32 бушеля“ *).

Теорія ренты, изложенная въ брошюрѣ о покровительствѣ земледѣлію, построена, слѣдовательно, на фактическихъ данныхъ изъ жизни этой эпохи, почерпнутыхъ изъ отчета парламентскаго комитета. Комитетомъ было установлено, что въ Англіи существуютъ три различныя по плодородію категоріи почвъ; слѣдовательно, на участкахъ перваго и втораго по качеству разряда остается избытокъ продукта, который и составляетъ особый видъ дохода—ренту. Мы видимъ, что для доказательства существованія дифференціальной ренты, какъ особеннаго, отличнаго отъ заработной платы и прибыли дохода, не нужно никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ того только, что существуютъ земельные участки различнаго плодородія и мѣстоположенія. Нѣтъ необходимости переводить продукты на деньги и доказывать, что цѣна должна устанавливаться соотвѣтственно издержкамъ производства на худшей землѣ, а можно довольствоваться продуктами, вычисленіемъ количества въ натуральной формѣ, ибо, разъ на одномъ участкѣ получается 30—40 бушелей съ акра, на второмъ 20 и на третьемъ 8—15 бушелей, то рента уже существуетъ. Но точно также ничто не вынуждаетъ сразу же доказывать, что излишекъ, доставляемый лучшимъ участкомъ въ размѣрѣ 15 бушелей, необходимо долженъ поступить въ пользу землевладѣльца, а не можетъ остаться арендатору, ибо когда землевладѣлецъ самъ же и обра-

*) Рикардо. Сочиненія. Стр. 486—387.

бтываетъ землю, то онъ получаетъ и этотъ избытокъ, а между тѣмъ, эти 15 бушелей всетаки представляютъ собою и въ его рукахъ особый видъ дохода, возникающій совершенно инымъ образомъ, чѣмъ прибыль и заработная плата, и подчиняющійся совсѣмъ инымъ законамъ. Конечно, далѣе Рикардо переводитъ продукты на деньги и ренту передаетъ землевладѣльцу—ему приходится считаться съ тѣмъ, что въ Англіи хозяйство денежное, а не натуральное и земля обработывается не самими землевладѣльцами, а ихъ арендаторами. Но важно то, что, изложивъ показанія Ивесона, Гарвея и Уэкфильда и объяснивъ ихъ, Рикардо далъ уже все существенное, весь остовъ своего ученія о рентѣ.

Эта брошюра написана въ 1822 г. Ни въ первой брошюрѣ 1815 года, ни въ „Началахъ политической экономіи“, вышедшихъ въ 1817 году, Рикардо не ссылается на фактическій матеріалъ въ подтвержденіе своей теоріи. Но потому ли, что онъ не зналъ этихъ фактовъ и только въ 1821 году познакомился съ ними изъ отчета парламентскаго комитета? Нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ воспользовался бы ими при печатаніи второго изданія „Началъ“, выпущеннаго въ 1821 году, и въ послѣдующихъ изданіяхъ своего труда. Ни въ „Опытѣ“, ни въ „Началахъ“ Рикардо вообще не приводитъ никакихъ фактическихъ данныхъ на протяженіи всего изслѣдованія, а лишь поясняетъ свои разсужденія немногими выдуманными примѣрами; онъ не считаетъ необходимымъ подкрѣплять свои выводы фактами, такъ какъ находитъ, что въ теоретическомъ сочиненіи подобныя доказательства излишни: послѣдовательно проведенная дедукція вполнѣ достаточна для раскрытія „истинныхъ законовъ“ экономической жизни. Наоборотъ, сочиненіе о покровительствѣ земледѣлію—чисто практическое: здѣсь не трактуется ни о вліяніи цѣнъ на хлѣбъ на прибыль капитала, какъ въ первомъ, ни о „законахъ распредѣленія продукта между тремя классами общества: землевладѣльцемъ, владѣльцемъ капитала и рабочимъ“. Цѣль третьяго сочиненія—показать, что покровительство земледѣлію путемъ высокихъ пошлинъ приноситъ всему населенію и самимъ сельскимъ хозяевамъ въ частности только вредъ, а не пользу, доказать несостоятельность положеній, принятыхъ перламентскимъ комитетомъ 1821 года. Критикуя взглядъ комитета, Рикардо ссылается на собранныя имъ же показанія, онъ строитъ свои возраженія на свѣдѣніяхъ, обнародованныхъ самимъ же комитетомъ. Поэтому-то онъ даже при теоретическихъ разсужденіяхъ „о достаточной цѣнѣ“ опирается на показанія Ивесона и Уэкфильда.

Подобныя же показанія, какія цитируетъ Рикардо изъ отчета 1821 г., встрѣчаются въ большомъ количествѣ и въ отчетахъ парламентскихъ комитетовъ, собиравшихся раньше, въ 1814 и 1815 гг. Рикардо, живо интересовавшійся вопросомъ о хлѣбныхъ зако-

нахъ и самъ писавшій противъ нихъ, не могъ не знать данныхъ о различныхъ качествахъ земель, сообщенныхъ въ этихъ комитетахъ и напечатанныхъ въ ихъ отчетахъ. Эти показанія допрошенныхъ лицъ прямо наводили на дифференціальную теорію ренты: не даромъ въ томъ же 1815 году цѣлый рядъ писателей—Торренсъ, Уэстъ, Мальтусъ, Бухананъ, Рикардо—обратили вниманіе на различіе въ качествахъ земельныхъ участковъ, какъ на важную причину существованія ренты *); но у Торренса, Уэста, Буханана и Мальтуса это была одна изъ причинъ, рядомъ со многими другими; подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій они присоединили ее къ другимъ причинамъ возникновенія ренты, на которыя указывали ихъ предшественники. У Рикардо же это была одна, единственная причина. На него объясненія лицъ, допрошенныхъ въ комитетахъ, произвели особенное впечатлѣніе—онъ рѣшилъ сразу бросить эклектическія теоріи Адама Смита и Сэя и построить свое ученіе на совершенно иныхъ основаніяхъ.

— Какова средняя величина ренты въ той мѣстности, гдѣ вы живете?—спросили Биркбека въ комитетѣ 1814 года.

— Я думаю,—отвѣчалъ онъ,—что нѣтъ никакой возможности опредѣлить ее, ибо качество земли крайне разнообразно.

На глинистыхъ и песчаныхъ почвахъ,—говоритъ Драйверъ,—издержки производства гораздо болѣе значительны, чѣмъ на другихъ, тогда какъ продуктъ гораздо меньше, чѣмъ на другихъ земляхъ **). Изъ этого Драйверъ дѣлаетъ выводъ, что земля подобнаго качества, при имѣвшемъ мѣсто въ 1814 году рѣзкомъ паденіи цѣнъ, будетъ оставлена, ибо цѣна не покрываетъ болѣе издержекъ производства.

Въ матеріалахъ, собранныхъ парламентскимъ комитетомъ 1814 года, указывается, такимъ образомъ, и на другое обстоятельство, имѣющее важное значеніе для правильнаго пониманія сущности земельной ренты — на то, что цѣна на хлѣбъ не можетъ стоять ниже издержекъ производства при обработкѣ худшихъ участковъ земли. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ допросъ Джона Бенетта. „Не находите ли вы, что нынѣшнія (низкія) цѣны должны имѣть гораздо большее значеніе для земель худшаго качества, чѣмъ для болѣе плодородныхъ почвъ“? — „Безъ всякаго сомнѣнія, ибо на худшихъ участкахъ издержки производства болѣе значительны“. — “Не будетъ ли результатомъ подобныхъ цѣнъ то, что фермеры станутъ извлекать свои капиталы изъ земель худшаго качества“? — „Несомнѣнно“. — Составили ли

*) См. Jeser. Untersuchungen zur Geschichte der Natonaloekonomie tena 1881. S. 86—87.

**) Repots from the Committee appointed inquire into the state of the growsh, commerce and consumption of grain. 1814. p. 60. Leser. p. 87

вы себѣ какое нибудь мнѣніе относительно того, какое это будетъ имѣть вліяніе на сокращеніе производимаго страной количества хлѣба"?—„Нѣтъ, это установить невозможно; это будетъ зависѣть отъ цѣнъ на хлѣбъ: чѣмъ болѣе понизятся цѣны на пшеницу, тѣмъ менѣе будутъ обрабатываться бѣдные участки земли" *). Отсюда-то и получились извѣстныя слова Рикардо въ его „Началахъ": „Когда поступаетъ въ обработку земля низшаго качества, мѣновая цѣнность сырого продукта возвышается, потому что требуется болѣе труда на производство его... Цѣнность опредѣляется наибольшимъ количествомъ труда, какое вынуждены употреблять тѣ,... кто для производства товара долженъ бороться съ самыми неблагопріятными обстоятельствами; подъ неблагопріятными обстоятельствами мы подразумѣваемъ самыя неблагопріятныя изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ добывается необходимое количество продукта" **). Въ первомъ сочиненіи о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на прибыль Рикардо признаетъ возможность двоякихъ послѣдствій въ случаѣ обработки участковъ худшаго достоинства: либо цѣна на хлѣбъ остается неизмѣнной, тогда прибыль должна падать по мѣрѣ перехода къ менѣе выгодно расположеннымъ участкамъ, и вслѣдствіе этого на болѣе удобныхъ земляхъ возникаетъ рента, либо цѣна возрастаетъ при заселеніи худшихъ земель, въ этомъ случаѣ прибыль остается неизмѣнной и рента образуется вслѣдствіе того, что цѣна возрастаетъ и для продуктовъ лучшихъ участковъ, между тѣмъ какъ издержки производства на нихъ не измѣняются. Правда, Рикардо находитъ, что вліяніе на прибыль рента оказываетъ въ обоихъ случаяхъ одинаковое; только въ первомъ случаѣ, при неизмѣнной цѣнѣ на хлѣбъ, происходитъ непосредственное паденіе прибыли одновременно съ возрастаніемъ ренты, такъ какъ заработная плата не измѣняется, а продуктъ получается съ менѣе выгодныхъ участковъ меньшій; во второмъ же случаѣ, когда цѣна возвышается, она приводитъ косвеннымъ образомъ къ паденію прибыли черезъ посредство возрастанія заработной платы. Рикардо, какъ извѣстно, исходитъ изъ того, что заработная плата соотвѣтствуетъ необходимымъ для рабочаго и его семьи средствамъ существованія, поэтому при возрастаніи цѣнъ на хлѣбъ должно произойти и соотвѣтственное увеличеніе заработной платы, а слѣдовательно, при одинаковой производительности труда,—паденіе прибыли. Хотя, такимъ образомъ, возрастаніе ренты и въ томъ, и другомъ случаѣ равно пагубно для прибыли, но Рикардо и въ первомъ сочиненіи придаетъ второму случаю гораздо большее значеніе, чѣмъ первому. „Если денежная цѣна хлѣба и заработная плата не будутъ сильно колебаться въ теченіе того періода, когда населеніе и богатство страны возрастаютъ, то прибыль все же бу-

*) Reports p. 63—64. 87. (Leser. Ibid.).
**) Сочиненія, стр. 32—33.

детъ падать, а рента возрастать, потому что для полученія того же количества сырого продукта будетъ употребляться болѣе рабочихъ на менѣе плодородныхъ и болѣе отдаленныхъ участкахъ, и, слѣдовательно, издержки производства увеличатся, между тѣмъ какъ цѣнность продукта останется прежняя. Но — продолжаетъ онъ—всегда было замѣчаемо, что цѣна хлѣба и всѣхъ другихъ сырыхъ произведеній возвышалась по мѣрѣ увеличенія богатства даннаго народа и по мѣрѣ необходимости для него обращаться къ землямъ болѣе бѣднымъ для производства части его пищи; и самаго незначительнаго вниманія съ нашей стороны будетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что именно такихъ послѣдствій и слѣдуетъ, естественно, ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ" *). И въ дальнѣйшемъ онъ уже повсюду исходитъ изъ того, что съ переходомъ къ менѣе выгодной почвѣ, цѣна продукта возрастаетъ. Такимъ образомъ, дѣйствительность и въ данномъ случаѣ одержала верхъ и заставила Рикардо отказаться отъ предположенія, хотя и возможнаго, но не находившаго себѣ подтвержденія въ фактахъ современной ему жизни: одновременно съ расширеніемъ площади пахотной земли путемъ распашки худшихъ, менѣе плодородныхъ земель, въ періодъ 1770—1820 гг., цѣна на хлѣбъ возрасла съ 50 до 90 шилл. и болѣе. Поэтому-то въ „Началахъ" Рикардо уже прямо говоритъ, что возрастающая трудность добыванія прибавочнаго количества пищи влечетъ за собой возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Но этимъ онъ не ограничивается: онъ не только утверждаетъ, что съ поступленіемъ въ обработку земель худшаго качества должна возрастать цѣна на хлѣбъ, но прибавляетъ къ этому, что цѣна будетъ именно равняться издержкамъ производства на вновь занятыхъ, менѣе выгодныхъ, земляхъ и не можетъ стоять выше издержекъ производства на худшихъ участкахъ. Рикардо, въ противоположность предшественникамъ, особенно настаиваетъ на томъ, что худшія земли ренты приносить не могутъ, что въ Англіи существуютъ воздѣланныя земли, не приносящія никакой ренты. Дѣйствительно, парламентскія анкеты 1814 и 1821 гг. исходятъ изъ того, что земля можетъ доставлять прибыль арендатору, но не давать при этомъ никакой ренты. Если фермеръ выручаетъ 75 шилл. за квартеръ пшеницы, то въ состояніи ли онъ уплачивать какую-либо ренту? Этотъ вопросъ былъ предложенъ въ комитетѣ 1814 г. Джону Бенетту, показанія котораго мы уже цитировали выше. „Нѣтъ—отвѣчалъ онъ—въ этомъ случаѣ фермеръ не въ состояніи платить ренту." „Когда цѣна пшеницы—продолжаетъ Бенеттъ—равняется 8 шилл. съ бушеля (64 шилл. съ квартера), а расходы столь значительны, какъ въ настоящее время, тогда фермеръ при среднемъ урожаѣ, я полагаю, не въ состояніи уплачивать ренту

*) Сочиненія, стр. 411.

землевладѣльцу." Драйвера спросили: „Какъ вы думаете, если бы мало-плодороднымъ землямъ пришлось конкуррировать съ иностраннымъ хлѣбомъ, въ состояніи ли были бы фермеры продолжать воздѣлываніе этихъ участковъ по-прежнему, даже еслибы имъ не пришлось платить никакой ренты?"—„Безъ сомнѣнія, нѣтъ: они бы не получили никакого дохода, ибо они выручали бы не болѣе 30 шилл., а затрачивали бы на рабочихъ почти столько же" *). Бѣдственное положеніе, въ которомъ очутились арендаторы и которое вызвало парламентскія анкеты и цѣлую массу брошюръ и памфлетовъ—между прочимъ и „Опытъ" Рикардо,—объяснялось именно тѣмъ, что арендаторы принуждены были уплачивать ренту съ такихъ земель, которыя по своему качеству не въ состояніи были приносить ренту, а между тѣмъ, они заключали контракты, которыми обязывались платить ренту землевладѣльцу. Въ эпоху сильнаго возрастанія цѣнъ на хлѣбъ, огромное пространство общинныхъ земель было огорожено землевладѣльцами, и эти земли, съ почвой большею частью болотистой и песчаной, были сданы въ аренду, такъ какъ при искусственно повышенныхъ цѣнахъ того времени и онѣ доставляли ренту; когда же послѣ окончанія войны цѣны вновь вернулись къ своему прежнему уровню, арендаторы этихъ худшихъ земель не были въ состояніи болѣе уплачивать ренту, такъ какъ на этихъ участкахъ цѣна хлѣба покрывала лишь заработную плату и прибыль, но ренты никакой не давала; ее приходилось выплачивать изъ капитала, и прибыли фермеру не оставалось вовсе Въ парламентскомъ комитетѣ 1821 года одинъ фермеръ изъ Беркшира прямо указывалъ на то, что убытки, понесенные арендаторами въ 1819 году, равняются ихъ арендной платѣ, слѣдовательно, при отсутствіи необходимости уплачивать ренту землевладѣльцу, цѣна хлѣба покрывала бы издержки производства **). „Въ Эссексѣ—говорится въ отчетѣ того же комитета—есть участки съ бѣдной глинистой почвой, которые были воздѣланы землевладѣльцами въ эпоху высокихъ цѣнъ на хлѣбъ во время войны; въ настоящее время ихъ чрезвычайно трудно сдать въ аренду за какую бы то ни было плату." На тяжелой (heavy) почвѣ—говорится въ другомъ мѣстѣ—нѣтъ никакой возможности при нынѣшнихъ цѣнахъ уплачивать ренту. За участки, дающіе всего 10—12 бушелей съ акра, арендаторы отказываются уплачивать ренту и бросаютъ ихъ ***). Это и есть тѣ самые участки, которые Ивесонъ, какъ мы видѣли, называлъ самыми худшими. „Цѣнность 32 бушелей, получаемыхъ на лучшихъ участкахъ,—говоритъ Рикардо въ сочиненіи о покровительствѣ земледѣлію, — регулируется издержками

*) Reports. p. 64. 86—88. Leser. 88—89.
**) Report 1821 г. p. 135. Levy. p. 23.
***) Report 1821 г. p. 211. 51. (Levy. 23—24).

производства 12 или 15 бушелей на той худшей землѣ, о которой говоритъ Ивесонъ" *). И эта-то именно земля, какъ оказывается, дѣйствительно даетъ только прибыль арендатору, но не доставляетъ ренты землевладѣльцу. Ее Рикардо и имѣетъ въ виду, когда утверждаетъ, что цѣна хлѣба равняется издержкамъ производства на худшихъ участкахъ.

Положеніе, что наименѣе плодородныя или наименѣе удобно расположенныя земли вовсе не даютъ ренты, составляетъ краеугольный камень дифференціальной теоріи ренты. Дифференціальная теорія ренты всецѣло основана на томъ, что лишь различіе въ качествѣ или мѣстоположеніи земельнаго участка вызываетъ ренту; въ такомъ случаѣ рента—послѣдствіе, а не причина цѣны, она не представляетъ собой необходимой составной части цѣны. Если же оказывается, что ренту приноситъ и самый худшій обрабатываемый въ данное время участокъ, т. е. всякій участокъ, независимо отъ его плодородія и расположенія, то рента вызывается уже не однимъ различіемъ въ плодородіи и мѣстоположеніи участка, но и еще чѣмъ-то другимъ, ничего общаго съ этими признаками не имѣющимъ, однимъ владѣніемъ землей; въ этомъ случаѣ рента въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она получается на худшемъ участкѣ, уже становится необходимой составной частью цѣны, является причиной, а не послѣдствіемъ повышенной цѣны. Иначе говоря, разъ и худшій участокъ даетъ ренту, то къ дифференціальной рентѣ присоединяется еще и абсолютная. И предшественники Рикардо, и Адамъ Смитъ, и Сэй, и Сисмонди, дѣйствительно не могли себѣ представить, какимъ образомъ земельный участокъ не даетъ ренты; исходя изъ того, что земля производитъ больше, чѣмъ нужно на оплату труда, и прибыль, они и приходили къ тому выводу, что всякій участокъ долженъ давать ренту. Хотя они и признавали, что лучшіе участки даютъ болѣе высокую ренту, но выводили это лишь отчасти изъ сравнительныхъ преимуществъ этихъ участковъ передъ другими, а въ гораздо большей мѣрѣ изъ ихъ абсолютной способности производить большее количество продуктовъ. Рикардо, наоборотъ, указываетъ неоднократно, что рента объясняется не изобиліемъ благъ, а рѣдкостью ихъ, что не благодаря большей плодородности лучшихъ участковъ образуется рента, а благодаря меньшей плодородности худшихъ земель. Конечно, то обстоятельство, что временно и худшіе участки даютъ ренту, до истеченія прежнихъ контрактовъ, или что въ нѣкоторыхъ случаяхъ арендаторъ соглашается платить ренту по какимъ-либо инымъ, не экономическимъ соображеніямъ, нисколько не противорѣчитъ ученію о дифференціальной рентѣ; наконецъ, отсутствіе ренты на худшихъ земляхъ только подтверждается, когда Гарвей оцѣниваетъ низшую ренту,

*) Сочиненія, стр. 487.

уплачиваемую на худшей почвѣ, въ 18 пенсовъ съ акра, ибо это обозначаетъ, что ренты въ тѣсномъ смыслѣ слова здѣсь не получается никакой, а есть только арендная плата, уплачиваемая за пользованіе капиталомъ, вложеннымъ землевладѣльцемъ въ видѣ удобренія почвы, земледѣльческихъ построекъ и т. д. Между тѣмъ, Рикардо называетъ рентой только вознагражденіе „за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы, а не за пользованіе капиталомъ, который былъ употребленъ на улучшеніе качества земли и на сооруженіе построекъ, необходимыхъ для сохраненія продукта“ *). Въ его время существовали въ большемъ количествѣ такія фермы, въ которыя землевладѣльцы во время возвышенія цѣнъ на хлѣбъ успѣли вложить капиталъ (довольно, впрочемъ, незначительный) для осушенія ихъ и для превращенія изъ пастбищъ, въ пашни и за которыя послѣ рѣзкаго паденія цѣнъ они получали арендную плату лишь въ размѣрѣ процента съ затраченнаго ими капитала, но не болѣе; въ такомъ положеніи находились владѣльцы всѣхъ вновь распаханныхъ песчаныхъ и болотистыхъ земель.

Другой причиной, вызывающей ренту, является, по ученію Рикардо, различіе въ производительности двухъ или нѣсколькихъ капиталовъ, затрачиваемыхъ на одинъ и тотъ же участокъ. Если при удвоеніи первоначальнаго капитала не получается двойного продукта, то и въ этомъ случаѣ должна возникнуть рента, такъ какъ при одинаковыхъ затратахъ, но различной выручкѣ первый капиталъ сверхъ прибыли приноситъ еще избытокъ, который и является рентой. Это такая же дифференціальная рента, какая получается при обработкѣ участковъ различнаго качества, съ той только разницей, что здѣсь дѣло происходитъ не на различныхъ участкахъ, а на одномъ и томъ же; одна и та же земля какъ бы превращается послѣдовательно въ нѣсколько участковъ все болѣе уменьшающагося плодородія; вмѣсто различія въ плодородіи по мѣсту получается различіе по времени. На этотъ второй способъ возникновенія ренты, отличный отъ перваго лишь по формѣ, Рикардо указываетъ еще въ „Опытѣ“. „Если бы, вмѣсто того, чтобы затрачивать капиталъ на новые участки, лежащіе въ отдаленіи, на землю, обработанную первоначально, былъ израсходованъ капиталъ цѣнностью въ 210 кварт. хлѣба, и выручка съ него равнялась бы также 43% или 90 на 210 (какъ на второмъ, въ отдаленіи расположенномъ участкѣ), то продуктъ 50% съ первоначальнаго участка подраздѣлился бы точно такъ же, какъ и при переходѣ ко второму участку, а именно 43% или 84 квартера составили бы прибыль, а 14 квартеровъ ренту“ **). При этомъ онъ прибавляетъ, что „причины, дѣлающія пріобрѣтеніе добавоч-

*) Сочиненія, стр. 29.
**) Сочиненія, стр. 407—408.

наго количества хлѣба болѣе затруднительнымъ въ странахъ съ поступательнымъ движеніемъ, находятся въ постоянномъ дѣйствіи, между тѣмъ какъ замѣтныя улучшенія въ земледѣліи или въ хозяйственныхъ орудіяхъ встрѣчаются гораздо рѣже" *). И въ другомъ мѣстѣ той же брошюры онъ говоритъ: „Я не пытаюсь отрицать, что въ нашемъ земледѣліи были произведены большія улучшенія, и что въ почву затрачено было много капитала; но при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ мы не превзошли естественныхъ затрудненій, порождаемыхъ возрастаніемъ нашего богатства и благосостоянія, которое принуждаетъ насъ обрабатывать въ убытокъ себѣ наши бѣдные участки почвы, когда ввозъ хлѣба стѣсняется или воспрещается" **). Рикардо, такимъ образомъ, уже въ этомъ сочиненіи различаетъ два способа затраты капиталовъ: въ первомъ случаѣ, когда производятся улучшенія въ видѣ дренажа, искусственнаго удобренія и т. д. или примѣненія болѣе усовершенствованныхъ орудій, двойной капиталъ даетъ не только двойной продуктъ, но гораздо большій; наоборотъ, когда рѣчь идетъ лишь о большей интенсивности производства, о затратѣ новаго капитала при прежнемъ способѣ обработки, тогда при двойномъ количествѣ капитала не получается двойного продукта. Въ „Началахъ" онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ подробнѣе и выясняетъ, что лишь въ послѣднемъ случаѣ получается возрастаніе ренты, между тѣмъ какъ при производствѣ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ въ видѣ примѣненія болѣе выгоднаго сѣвооборота или удобренія лучшаго качества, или въ видѣ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій рента не возрастаетъ, а, наоборотъ, падаетъ, ибо „все, что уменьшаетъ неравенство между продуктами, полученными посредствомъ употребленія послѣдовательныхъ частей капитала на одномъ и томъ же или на новыхъ участкахъ земли, стремится понизить ренту, между тѣмъ какъ все, что увеличиваетъ это неравенство, необходимо производитъ противоположное дѣйствіе и стремится повысить ее" ***). Онъ очень хорошо объясняетъ, что улучшенія должны понизить цѣну продукта, а слѣдовательно, и ренту, и „только послѣ увеличенія населенія рента можетъ достигнуть своего прежняго уровня: до этого пройдетъ значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго рента будетъ низка" ****). Но въ общемъ Рикардо и въ „Началахъ политической экономіи", какъ и въ предыдущемъ сочиненіи, придаетъ улучшеніямъ очень мало значенія, находя, что значительныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ—явленіе временное и случайное, такъ что съ возрастаніемъ населенія происходитъ по-

*) Тамъ-же, стр. 412 прим. 1.
**) Сочиненія, стр. 421.
***) Сочиненія, стр. 40.
****) Тамъ же, стр. 38.

стоянное возвышеніе ренты. Подобное отношеніе Рикардо къ меліораціямъ, вызывающимъ обратное движеніе ренты, отношеніе, которое ставилось ему въ вину, объясняется тѣмъ, что въ его эпоху значительныя улучшенія производились лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства, главнымъ образомъ въ Шотландіи, въ Норфолькѣ, Нортумберландѣ и Линкольнѣ, гдѣ вводилась плодосмѣнная система и искусственное удобреніе *). Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ двойной капиталъ не давалъ двойного дохода. Хотя доходность участковъ возрасла въ то время вслѣдствіе затраты новыхъ капиталовъ, но она далеко не соотвѣтствовала возрастанію издержекъ производства. По свидѣтельству разныхъ лицъ, допрошенныхъ парламентскимъ комитетомъ 1814 года, эти затраты оказывались выгодными лишь при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, между тѣмъ какъ при томъ паденіи цѣнъ, какое произошло въ 1813—1814 гг., онѣ приносили лишь убытокъ. Бекстонъ указывалъ, напр,, что даже въ томъ случаѣ, если валовой доходъ увеличился на одну треть, арендаторъ все-таки въ состояніи покрыть издержки лишь при цѣнѣ на пшеницу въ 90 шилл. съ квартера **). Здѣсь мы имѣемъ именно такой случай, когда двойной капиталъ не даетъ двойного дохода и вызываетъ ренту на первый капиталъ, ибо здѣсь затраты окупаются лишь при прежней высокой цѣнѣ въ 90 шилл., при которой добавочный капиталъ вложенъ въ землю; между тѣмъ, если бы это была меліорація, она и при пониженной цѣнѣ оказалась бы выгодной. Въ окончательномъ выводѣ, къ которому пришелъ парламентскій комитетъ, также указывается на то, что „за послѣдніе двадцать лѣтъ затрачены значительные капиталы, какъ на превращеніе пастбищъ въ посѣвы, такъ и на болѣе интенсивную обработку уже распаханныхъ ранѣе участковъ, и что эти капиталы должны погибнуть, если фермеры не въ состояніи будутъ продолжать въ томъ же направленіи и принуждены будутъ остановиться на полдорогѣ. Необходимо оказать сельскимъ хозяевамъ поддержку путемъ стѣсненія ввоза иностраннаго хлѣба, такъ какъ иначе не только прекратится расширеніе площади пахотной земли посредствомъ распашки новыхъ участковъ, но и остановится начавшійся переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству, и замѣна примитивной культуры болѣе раціональной на распаханныхъ уже земляхъ окажется невозможной " И здѣсь указывается, слѣдовательно, на то, что и распашка новыхъ, мало плодородныхъ земель и затрата новыхъ капиталовъ для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ на участкахъ уже ранѣе обработанныхъ были вызваны прежними высокими цѣнами, при которыхъ еще покрывались издержки производства, тогда какъ при послѣдую-

*) Porter I p. 149. 160 и сл. 170 и слѣд.
**) Report 1814 г. p. 56 Levy. p. 12.

щемъ паденіи цѣнъ послѣдняя въ то время еще выгодная затрата капитала *) должна была уже приносить убытокъ.

II.

Теорія поземельной ренты, установленная Рикардо, не есть, такимъ образомъ, фантазія, какъ ее называютъ иногда **), а вполнѣ вѣрное воспроизведеніе и обобщеніе явленій современной Рикардо жизни. Она построена на основаніи изученія экономическаго быта Англіи во второй половинѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка и свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко Рикардо понималъ совершавшійся на его глазахъ процессъ развитія въ области сельскаго хозяйства. Методъ, при помощи котораго онъ вывелъ теорію ренты, не есть, слѣдовательно, чисто дедуктивный, а представляетъ соединеніе индукціи съ дедукціей. Индуктивнымъ путемъ онъ пришелъ къ тому положенію, что качество земель и ихъ мѣстоположеніе различны, и что каждый послѣдующій капиталъ, затрачиваемый въ земледѣліи, даетъ значительно меньшій доходъ; что съ возрастаніемъ населенія совершается переходъ къ худшимъ участкамъ, и цѣны на хлѣбъ возрастаютъ, и только окончательные выводы изъ этого,—что цѣна должна соотвѣтствовать издержкамъ на худшемъ участкѣ, что рента есть послѣдствіе, а не причина цѣны и не является необходимой составной частью ея—только эти выводы сдѣланы дедуктивнымъ путемъ Конечно, свои дедукціи Рикардо не провѣрялъ съ помощью фактовъ, а довольствовался тѣмъ, что вывелъ ихъ послѣ предварительной индукціи, и несомнѣнно, что у всякаго другого, не обладающаго столь рѣдкой наблюдательностью и умѣньемъ отдѣлять важное и необходимое отъ второстепеннаго и случайнаго, какимъ отличался Рикардо, получились бы болѣе или менѣе значительныя противорѣчія между полученными дедуктивнымъ путемъ выводами и дѣйствительностью. Только у Рикардо одна дедукція безъ послѣдующей фактической провѣрки могла дать теорію, ни на шагъ не расходившуюся съ практикой. Но, во всякомъ случаѣ, господствующее мнѣніе, будто бы Рикардо строилъ свое ученіе на одномъ или двухъ простыхъ положеніяхъ, вродѣ стремленія каждаго къ личной выгодѣ, къ его теоріи земельной ренты совершенно не примѣнимо. Въ своихъ дедукціяхъ Рикардо исходитъ въ данномъ случаѣ изъ цѣлаго ряда посылокъ—онъ исходитъ изъ того, что существуютъ земли различнаго плодородія, и что капиталы въ сельскомъ хозяйствѣ не одинаково производительны; изъ того, что при увеличеніи издержекъ производства пищевыхъ продук-

*) Common's Report 1814, p. 2—4.

**) См. напр. Flatow. Kritic de Ricardo-Thuenen'schen Grundrentenlehre. Zeitschrift für gesamte Staatswissenschafr. 1895. B. 21. S. 191 ff.

товъ не прибыль съ капитала падаетъ, а цѣна возрастаетъ; онъ исходитъ изъ того, что значительныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ явленіе временное и случайное, и изъ того, что земля обрабатывается арендаторомъ, а не землевладѣльцемъ, и, слѣдовательно, послѣдній получаетъ заранѣе условленную денежную ренту, а не извѣстную часть ежегодной жатвы. Все это самостоятельныя положенія, установленныя путемъ наблюденій надъ современной дѣйствительностью, а не выведенныя изъ идеи о господствѣ личнаго интереса и ничего общаго съ ней не имѣющія. Да иначе и быть не могло: рента представляетъ слишкомъ сложную категорію экономической жизни, чтобы ее можно было вывести изъ одной-двухъ посылокъ; она поддается анализу лишь послѣ продолжительнаго и тщательнаго изученія жизненныхъ явленій.

Итакъ, теорія поземельной ренты Рикардо построена на наблюденіи экономической дѣйствительности современной ему эпохи; это есть теорія той ренты, какая существовала въ Англіи во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, ни больше, ни меньше. Для пониманія ренты въ средневѣковый періодъ она такъ же мало пригодна, какъ и для уразумѣнія современной ренты. Дифференціальная рента, установленная Рикардо, составляетъ лишь одинъ изъ періодовъ въ развитіи поземельной ренты; ей предшествовала рента совершенно иного характера, ее смѣнила рента, обладающая совсѣмъ другими особенностями. Исторіи Рикардо не зналъ и будущаго развитія предвидѣть не могъ, да и не желалъ: онъ имѣлъ въ виду только современную ему эпоху, да ближайшія десятилѣтія, когда высказывалъ какія-либо предположенія относительно будущаго. По крайней мѣрѣ, его ученіе о рентѣ было вызвано случайными событіями и изложено по поводу практическихъ вопросовъ: оно должно было подкрѣплять мнѣніе Рикардо о необходимости отмѣны хлѣбныхъ законовъ; онъ дѣлалъ изъ него тотъ выводъ, что возрастаніе ренты идетъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ прочихъ классовъ населенія, а это возрастаніе можетъ быть пріостановлено лишь посредствомъ допущенія свободнаго ввоза хлѣба, ибо при свободномъ ввозѣ цѣна упадетъ, а рента есть послѣдствіе, а не причина цѣны. Могъ ли Рикардо, излагая свою теорію ренты въ 1815 году, когда онъ еще не думалъ объ изданіи своихъ „Началъ политической экономіи“, имѣть въ виду что-либо иное, кромѣ объясненія современныхъ ему условій, на основаніи которыхъ вѣдь только и рѣшался вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ? Не его, конечно, вина, если его преемники хотѣли придать его ученію абсолютное значеніе, сдѣлать изъ ренты, характерной для извѣстнаго періода экономической жизни, всеобъемлющую ренту, типичную для всѣхъ временъ и народовъ.

А между тѣмъ этимъ-то недоразумѣніемъ и объясняются всѣ нападки на Рикардо, ибо если теорія ренты Рикардо должна обоб-

щать въ себѣ ренту вообще, а не ренту извѣстнаго періода, то она, дѣйствительно, слишкомъ конкретна, слишкомъ отражаетъ въ себѣ признаки одной, именно современной ея автору, эпохи, не охватываетъ всѣхъ отличительныхъ признаковъ, какими обладала рента за свыше чѣмъ тысячелѣтній періодъ своего развитія.

Возраженія противъ Рикардо направлены прежде всего на начертанную имъ схему заселенія земного шара.

Не на болѣе плодородныхъ участкахъ селились первоначально— говоритъ Кэри *),—такъ какъ они были покрыты болотами и лѣсами, а на менѣе плодородныхъ, на сухихъ, поросшихъ травою склонахъ горъ, распашка которыхъ, несмотря на ихъ меньшее плодородіе, являлась всетаки болѣе выгодной, чѣмъ расчистка лѣсовъ и осушеніе болотъ, ибо стоила несравненно меньшихъ трудовъ. Это не есть, конечно, возраженіе противъ Рикардо, ибо разъ Кэри признаетъ, что земли, поступившія позже въ обработку, менѣе выгодны, вслѣдствіе огромнаго труда, сопряженнаго съ ихъ воздѣлываніемъ и съ превращеніемъ ихъ въ плодородныя поля, то этимъ онъ только подтверждаетъ теорію Рикардо. Но къ этому онъ прибавляетъ: только въ тѣ времена, когда впервые заселялась страна, освобожденіе низменностей отъ болотъ и лѣсовъ представляло столь огромныя трудности, что, несмотря на ихъ большее плодородіе, являлось невыгоднымъ, впослѣдствіи же, съ пріобрѣтеніемъ техническихъ знаній, съ изобрѣтеніемъ различныхъ приспособленій, воздѣлываніе этихъ земель оказалось уже дѣломъ гораздо болѣе легкимъ и поэтому эти земли при ихъ несравненно большемъ плодородіи сравнительно съ распаханными ранѣе склонами горъ стали гораздо болѣе доходными, чѣмъ старыя земли. Такимъ образомъ переходъ совершился отъ менѣе выгодныхъ земель къ болѣе выгоднымъ. Вслѣдствіе успѣховъ техники и возрастанія производительности труда капиталы, затраченные на расчистку и распашку новыхъ земель, приносятъ не меньшій, а, наоборотъ, болѣе значительный доходъ, чѣмъ капиталы, употребленные на старыхъ земляхъ. Этому возраженію, выставляемому Кэри, обыкновенно не придаютъ большого значенія; находятъ, что оно лишь переворачиваетъ ходъ развитія ренты, но вовсе не устраняетъ теорію дифференціальной ренты. Въ дѣйствительности, однако, это указаніе Кэри имѣетъ принципіальное значеніе.

Уже въ томъ случаѣ, если переходъ совершается отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ, а не наоборотъ, характеръ дохода, получаемаго съ лучшихъ земель, значительно измѣняется. Правда, насколько и худшіе участки попрежнему обрабатываются, лучшія почвы доставляютъ избытокъ сверхъ издержекъ производства и прибыли съ капитала, и по мѣрѣ постепеннаго занятія все болѣе

*) Henry W. Carey. Social Science. 1859.

плодородныхъ земель этотъ избытокъ постоянно возрастаетъ. Но въ этомъ случаѣ, если придерживаться ученія Рикардо, лучшія участки даютъ уже не ренту, а прибыль съ капитала, затраченнаго въ нихъ, такъ какъ рента составляетъ первоначальный продуктъ почвы, являющійся результатомъ ея естественныхъ свойствъ, а не капиталовъ, затраченныхъ на расчистку лѣсовъ, на осушеніе болотъ, удобреніе почвъ и т. п. Только въ томъ случаѣ, если бы вновь занимаемые участки давали болѣе значительный доходъ, чѣмъ старые, помимо всякой затраты на нихъ постояннаго капитала, если бы это были не песчаныя и болотистыя низменности, а такія же поля, какъ и старыя земли, только тогда доставляемый ими избыточный продуктъ сохранялъ бы характеръ ренты. И дѣйствительно, отрицая историческій ходъ заселенія земель въ томъ видѣ, какъ его изобразилъ Рикардо, Кэри вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что земля представляетъ собою капиталъ, и доходъ, доставляемый ею, есть прибыль съ затраченныхъ капиталовъ. Расчистка почвы, вырубка лѣса, осушеніе болотъ, все это, по мнѣнію Кэри, стоило огромныхъ трудовъ, и собственность, пріобрѣтенная такимъ путемъ, не досталась людямъ даромъ, а лишь послѣ продолжительной и упорной работы. Сравнивая Англію временъ Юлія Цезаря,—говоритъ онъ,—покрытую дремучими лѣсами, болотами, песчаными степями, съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ она находится въ 19-мъ вѣкѣ, приходится признать, что успѣхи, сдѣланные за это время, явились результатомъ затраты огромнаго количества труда и капитала. Пиль опредѣляетъ сумму поземельной ренты Англіи въ 48 милл. фунт. стерл., что составляетъ процентъ съ капитала въ 1200 милл. (считая по 4%); принимая годовую плату рабочаго въ 50 фунт. стерл., получается, что цѣнность земли въ Англіи равняется цѣнности труда милліона рабочихъ въ теченіе 24 лѣтъ. Это, по мнѣнію Кэри, сравнительно со вложеннымъ въ почву трудомъ, вовсе немного: при первобытной техникѣ прежняго времени превращеніе почвы въ тѣ плодородныя поля, которыми покрыта Англія въ 19-мъ вѣкѣ, стоило гораздо большаго труда, чѣмъ трудъ милліона рабочихъ въ 24 года или 24 милліоновъ людей въ одинъ годъ. Очевидно,—говоритъ онъ,—въ данномъ случаѣ цѣнность земли, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ, опредѣляется не количествомъ вложеннаго въ нее въ прежнія времена труда, а соотвѣтствуетъ тому количеству его, которое было бы необходимо въ настоящее время, при современной производительности труда.

Такимъ образомъ, по ученію Кэри, доходъ землевладѣльца есть ничто иное, какъ прибыль на капиталъ, который въ теченіе многихъ столѣтій затраченъ на земельный участокъ. Возникаетъ, конечно, вопросъ, какимъ же образомъ при такихъ обстоятельствахъ можетъ продолжаться воздѣлываніе худшихъ участковъ, разъ

цѣна падаетъ до уровня издержекъ производства на лучшихъ земляхъ? На это Кэри отвѣчаетъ, что производство на старыхъ участкахъ, съ переходомъ къ болѣе плодороднымъ, прекращается, и пищевые продукты производятся исключительно на лучшихъ, вновь распаханныхъ, земляхъ, такъ какъ послѣднія даютъ гораздо большее количество продуктовъ и, поэтому, несмотря на возрастаніе населенія, удовлетворяютъ всему существующему спросу. Благодаря этому, дифференціальный доходъ, проистекающій изъ одновременнаго существованія воздѣлываемыхъ земель различнаго качества, уже вовсе исчезаетъ.

Противъ изложенной теоріи Кэри, которая должна совершенно уничтожить ученіе Рикардо, слѣдуетъ прежде всего возразить, что прекращеніе производства на худшихъ участкахъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если послѣ 1812 года въ Англіи и были заброшены нѣкоторыя земли, то это являлось результатомъ не одного только паденія цѣнъ, но въ равной мѣрѣ и непомѣрно высокой арендной платы, на которую фермеры соглашались въ надеждѣ на возрастаніе цѣнъ; поэтому-то, когда эти надежды не оправдались, имъ приходилось покинуть неплодородные участки. Когда цѣны нѣсколько возросли, эти участки вновь поступили подъ пашню; правда, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ не было, распахано новыхъ земель, но Англія нуждалась всетаки въ хлѣбѣ, и болѣе или менѣе значительная часть его ввозилась изъ заграницы. Мало того: новые участки, впервые воздѣланные во второй половинѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка, оказались не болѣе, а менѣе выгодными, чѣмъ ранѣе обработанныя земли. Это были песчаныя, глинистыя и болотистыя почвы, служившія ранѣе для выпаса скота. Конечно, если бы на ихъ улучшеніе, на удобреніе и дренажъ были затрачиваемы значительные капиталы, то эти земли оказались бы болѣе плодородными и болѣе выгодными, чѣмъ старыя земли. Однако, и на послѣднихъ могли бы быть произведены меліораціи, а при затратѣ капитала такой же величины, какъ и на новыхъ земляхъ, старыя оказались бы болѣе плодородными, чѣмъ новыя, и разница между доходомъ, доставляемымъ первыми и вторыми, осталась бы такая же, какая была ранѣе, до затраты капиталовъ на меліораціи. Такимъ образомъ, ошибка, дѣлаемая Кэри, заключается въ томъ, что онъ допускаетъ меліораціи лишь на вновь заселяемыхъ земляхъ — въ этомъ случаѣ онѣ должны, конечно, оказаться выгоднѣе старыхъ земель; если же меліораціи производятся равномѣрно повсюду, то естественныя преимущества лучшихъ участковъ сохраняются, и они попрежнему даютъ ренту, какъ результатъ „первоначальныхъ“ свойствъ земли.

Но дѣло въ томъ, что въ Англіи вплоть до 40-хъ годовъ значительныхъ улучшеній въ земледѣліи почти не было: какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ Tooke'омъ, дренажъ, который былъ необходимъ для земель значительной части королевства, до этого

времени почти не производился. До 1855 года было дренировано всего 6 проц. всѣхъ болотистыхъ земель и затрачено 3 милл. ф. ст., требовалось еще 107 милл. ф. ст. *). Искусственное удобреніе, какъ указываетъ Портеръ, только съ 30-хъ и 40-хъ годовъ стало дѣлать успѣхи, средства для удобренія ввозились съ континента **). Раціональное хозяйство введено было лишь въ немногихъ мѣстностяхъ страны ***). Только въ тѣхъ графствахъ, гдѣ были примѣнены новые методы производства и произведены значительныя техническія улучшенія, количество вырабатываемаго продукта значительно возросло. Во всѣхъ же другихъ частяхъ королевства велось по прежнему примитивное, хищническое хозяйство, ибо земля не получала обратно того, что отдавала въ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ указываетъ Роджерсъ ****), въ это время дѣлалось много попытокъ улучшенія хозяйства, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ приводили къ успѣшнымъ результатамъ. Брентано *****) справедливо различаетъ эпоху начала 18-го вѣка и эпоху, обнимающую вторую половину 18-го и начало 19-го вѣка: въ первый періодъ, дѣйствительно, введены были нѣкоторыя усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ, во второмъ періодѣ ихъ почти не было: увеличеніе количества продуктовъ объяснялось лишь тѣмъ, что площадь пахотной земли была значительно расширена.

Кэри поэтому совершенно неправъ, говоря о тѣхъ огромныхъ затратахъ, которыя вложены были въ землю. Все, что было сдѣлано въ Англіи до начала 19-го вѣка, заключалось въ расчисткѣ лѣсовъ и въ осушеніи болотъ, притомъ лишь настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы засѣять поле хлѣбомъ. Коль скоро это становилось возможнымъ, приступали къ посѣву, и никакихъ новыхъ работъ для улучшенія земли и увеличенія плодородія почвы не предпринималось. Изъ года въ годъ земля обрабатывалась однимъ и тѣмъ же способомъ—о затратѣ новыхъ капиталовъ никто и не думалъ, да ихъ и не было. Кэри совершенно неосновательно усматривалъ въ земельныхъ участкахъ Англіи капиталы, прибыль съ которыхъ и получалъ землевладѣлецъ; капитала въ землю вложено было очень мало, и тотъ доходъ, который получалъ землевладѣлецъ на лучшихъ участкахъ, проистекалъ вовсе не изъ вложенныхъ въ землю капиталовъ, а изъ естественнаго плодородія почвы.

Родбертусъ-Ягецовъ также утверждаетъ, что переходъ совер-

*) Tooke-Newmarch. II. p. 75 и сл.

**) Porter. p. 179 и сл. Gülich. Geschichtliche Darstellung des Ackerbaues, der Gewerbe und des Handels. B. III. Iena. 1842. p. 89 и сл.

***) Levy. p. 68 и сл. Gülich. l. c.

****) Rogers. Chap. XVII.

*****) Brentano. Предисловіе къ изд. Anderson'a.

шается далеко не всегда отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ *); и въ прежнія времена столь же часто переходили къ болѣе плодороднымъ, какъ и къ менѣе выгоднымъ землямъ, и въ будущемъ будутъ занимать въ равной мѣрѣ почвы и высокаго, и низкаго качества. При этомъ Родбертусъ, въ отличіе отъ Кэри, прибавляетъ, что и капиталы, затрачиваемые вновь на прежнихъ менѣе плодородныхъ участкахъ, приносятъ большій доходъ, чѣмъ ранѣе вложенные капиталы, что неплодородныя земли становятся со-временемъ столь же выгодными, какъ и самые плодородные участки. Но главное различіе между Родбертусомъ и Кэри заключается въ томъ, что для Родбертуса доходъ землевладѣльца представляетъ не прибыль съ капитала, затраченнаго въ землю, какъ утверждаетъ Кэри, а дѣйствительно ренту, хотя и абсолютную, а не дифференціальную. То обстоятельство, что земля ничего не стоитъ, является одной изъ предпосылокъ его теоріи ренты: рента, по ученію Родбертуса есть продуктъ труда рабочаго. Разница между цѣнностью товара, изготовляемаго рабочимъ и платой, имъ получаемой, поступаетъ въ пользу фабриканта и землевладѣльца. Сырье и фабрикаты взаимно обмѣниваются соразмѣрно количеству труда, воплощеннаго въ нихъ, этому же соотвѣтствуетъ и величина дохода, получаемаго каждымъ изъ предпринимателей. Но сельское хозяйство нуждается въ меньшемъ капиталѣ, чѣмъ промышленность, такъ какъ въ послѣдней отрасли производства необходимо покупать матеріалы, въ которыхъ земледѣліе не нуждается: въ немъ матеріаломъ для обработки служитъ сама почва. Благодаря этому, отношеніе чистаго дохода къ общей суммѣ капитала въ земледѣліи больше, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, а такъ какъ прибыль во всѣхъ предпріятіяхъ должна быть приблизительно одинакова, то излишекъ и будетъ представлять поземельную ренту.

Такимъ образомъ, у Родбертуса переходъ къ лучшимъ участкамъ и возможность получать большій продуктъ съ прежнихъ участковъ не можетъ быть результатомъ улучшеній, сопряженныхъ со значительными затратами капиталовъ, ибо, по его теоріи ренты, земля не представляетъ собою капитала: все, что она даетъ, получается даромъ. Новыя плодородныя земли появляются не искусственно, путемъ затраты большихъ трудовъ, а совершенно естественно, безъ всякаго приложенія рукъ человѣческихъ, по той простой причинѣ, что вновь занимаются плодородные участки, воздѣлываніе которыхъ было ранѣе либо физически, либо экономически невозможно. Съ одной стороны, пониженіе уровня рѣкъ и озеръ, осушеніе почвъ и отступленіе моря прибавило тысячи новыхъ моргеновъ земли, и земли очень плодородной. Съ другой сто-

*) Rodbertus-Jagetsow. Zur Beleuchtung der Socialen Frage. I. Berlin. 1875 Dritter Socialer Brief an v. Kirchmann.

роны, уничтоженіе чересполосности сдѣлало возможнымъ обработку многихъ земель, воздѣлываніе которыхъ являлось прежде невыгоднымъ. Первоначальное заселеніе страны производилось не по экономическимъ соображеніямъ, а по принципу ut fons ut nemus placuit, говоря словами Тацита. Вслѣдствіе этого болѣе плодородныя земли оказывались нерѣдко въ значительномъ отдаленіи отъ двора крестьянина, и поэтому (какъ показываетъ Тюненъ) должны были оставаться необработанными, а крѣпостное право, Flurzwang, установленный порядокъ сѣвооборота, отсутствіе капитала и кредита препятствовали постройкѣ новаго двора усадьбы, ближе къ плодороднымъ землямъ. Это измѣнилось лишь впослѣдствіи. Если, такимъ образомъ, прибавилось значительное пространство земель, то вмѣстѣ съ тѣмъ и ранѣе воздѣланные участки стали болѣе плодородными вслѣдствіе примѣненія машинъ, вслѣдствіе производства меліорацій, которыя во многихъ случаяхъ ничего не стоятъ, такъ какъ издержки (при осушеніи земель) часто меньше чѣмъ цѣнность новаго пространства земли, пріобрѣтаемаго благодаря этимъ затратамъ, наконецъ, путемъ измѣненій сѣвооборота, введенія болѣе выгодныхъ системъ хозяйства. Посредствомъ всѣхъ этихъ мѣръ земли становятся гораздо болѣе плодородными, и цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ не повышаются, а падаютъ; дифференціальной ренты не существуетъ. Спеціально по отношенію къ Англіи, Родбертутъ ссылается на Маколея, который указываетъ на то, что въ теченіе 18-го вѣка въ Англіи четвертая часть всѣхъ земель распахана вновь, превращена изъ лѣсовъ и болотъ въ хлѣбныя поля и луга, что площадь земли, огороженной въ теченіе 18-го вѣка, превышаетъ 10 тысячъ квадратныхъ миль. „Вы видите,—говоритъ Родбертусъ,—какую роль и здѣсь играли топи и болота, т. е. излишнее количество воды въ почвѣ. Но вы не думайте, что эти успѣхи культуры явились лишь послѣдствіемъ соотвѣтствующаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Если бы такое возрастаніе цѣнъ дѣйствительно произошло, то въ сдѣланныхъ въ эту эпоху успѣхахъ можно было бы видѣть только подтвержденіе теоріи Рикардо. Однако, въ семидесятилѣтній періодъ, съ 1727 по 1797 г., во время котораго было издано 1758 изъ 4000 актовъ объ огораживаніяхъ и было вновь воздѣлано болѣе 3 милл. акровъ, средняя цѣна на хлѣбъ стояла на 2 шиллинга ниже, чѣмъ въ теченіе 70 лѣтъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Георга II, которыя описываетъ Маколей“ *). Цифры, приводимыя Родбертусомъ, совершенно правильны, и всетаки нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, который онъ дѣлаетъ. Онъ беретъ 70-лѣтніе періоды и, сравнивая ихъ, дѣйствительно получаетъ, что новыя земли поступили подъ пашню въ эпоху паденія цѣнъ на хлѣбъ. При этомъ онъ, однако, не указываетъ на то, что изъ 1758 актовъ объ

*) Rodbertus, p. 174.

огораживаній, изданныхъ въ періодъ 1727—1797 гг., около 1500 приходится на 1760 – 1797 гг., тогда какъ въ царствованіе Георга II, 1727—1760 гг., было издано менѣе 250 биллей, т. е. на 1760—1797 гг. ежегодно приходится 30 биллей объ огораживаніи, а въ 1727 — 1760 гг. всего 4 акта. Изъ 3 милліоновъ съ лишнимъ акровъ, огороженныхъ въ семидесятилѣтіе 1727 — 1797 гг., почти 3 милліона акровъ относятся къ періоду 1760 –1797 гг. и лишь 300 тысячъ акровъ къ періоду 1727—1760 гг., т. е. въ первый періодъ царствованія Георга III огораживалось ежегодно 70 тысячъ акровъ, въ царствованіе же Георга II всего 10 тысячъ акровъ *). Такимъ образомъ о значительномъ расширеніи площади распашки можетъ быть рѣчь лишь по отношенію къ періоду 1760 –1797 гг. А этотъ періодъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и періодъ возрастанія хлѣбныхъ цѣнъ. Цѣна квартера пшеницы въ 1663—1692 гг. равнялась, по Роджерсу, $37^1/_2$ шиллингамъ, а въ 1693—1715 гг., по Туку, $45^3/_4$ шилл. Затѣмъ произошло сильное паденіе цѣнъ: въ періодъ 1715—1765 гг. цѣна хлѣба составляетъ всего 34 шилл., а въ 1742—1756 гг. даже 24—28 шилл. Но съ 1765 г. она снова значительно возрастаетъ. По вычисленіямъ Портера, она равняется $45^1/_2$ шилл. въ 1760—1790 гг. и 56 шилл. въ 1790—1799 гг. По Туку, она составляла въ 1760—1790 гг. около 50 шилл. **). Получаемъ, слѣдовательно: 1663—1715 около 40 шилл., 1715—1765—34 шилл. и 1760—1799 около 50 шилл., т. е. въ послѣдній періодъ, когда происходило значительное расширеніе площади пахотной земли, цѣна стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ предыдущіе періоды, въ которые площадь посѣвовъ возрастала очень мало.

Такимъ образомъ, приводимыми Маколеемъ данными вполнѣ подтверждается правильность ученія Рикардо — воздѣлываніе новыхъ земель было результатомъ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Родбертусъ ошибается, полагая, что „новыя плодородныя земли пріобрѣтаются, или уже обработанныя участки становятся болѣе плодородными вслѣдствіе того, что земля, страдающая отъ избытка влаги, становится менѣе влажной“ — влажность не уничтожается сама собою, а исчезаетъ лишь при содѣйствіи человѣка; природа не даритъ человѣку плодородныхъ земель путемъ уменьшенія влаги, а требуетъ отъ него большихъ трудовъ по осушенію почвы. Вновь воздѣланныя земли, о которыхъ говоритъ Маколей, были превращены человѣческой рукой изъ болотъ и песковъ въ хлѣбныя поля; но даже послѣ этихъ трудовъ новыя земли оказывались менѣе плодородными, чѣмъ старыя; только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были затрачены огромные капиталы и былъ произве-

*) Levy. p. 127.

**) Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Chap. XV, Tooke-Newmarch. T. I. p. 21—27, 38—41. Porter. p. 148 и сл.

день дренажъ раціональнымъ способомъ, только тамъ были вновь пріобрѣтены очень плодородныя земли. Но эти послѣдніе случаи составляютъ, какъ мы уже указывали, исключеніе.

Къ уменьшенію влажности почвы сводятся у Родбертуса, собственно говоря, всѣ случаи, когда вновь появляются земли, обработка которыхъ была ранѣе физически невозможной. Благодаря же уничтоженію черезполосности, т. е. измѣненію экономическихъ условій, становится возможнымъ воздѣлываніе земель, которое ранѣе было невыгодно вслѣдствіе отдаленности этихъ земель отъ усадьбы. Къ сожалѣнію, разсматривая этотъ второй случай, Родбертусъ не указываетъ, какое отношеніе онъ имѣетъ къ Англіи вообще и въ частности къ тому періоду, который имѣлъ въ виду Рикардо; находились-ли и тамъ плодородныя земли на столь значительномъ разстояніи отъ двора, что распашка ихъ не приносила дохода; одна изъ тѣхъ причинъ, которыя, по его мнѣнію не позволяли строить новыхъ усадьбъ по близости отъ этихъ, земель, крѣпостное право, уже давно не существовало въ Англіи, такъ какъ съ конца средневѣковаго періода крѣпостничество было упразднено. Что же касается тѣхъ моментовъ, благодаря которымъ уже распаханныя земли становятся болѣе плодородными безъ всякой затраты капиталовъ, то ихъ и Рикардо имѣетъ въ виду, говоря, что болѣе выгодный сѣвооборотъ или лучшаго качества удобреніе, а также усовершенствованія въ земледѣльческихъ орудіяхъ являются важными улучшеніями, вызывающими пониженіе земельной ренты. Но Рикардо не придаетъ имъ того рѣшающаго значенія, какое они имѣютъ у Родбертуса, и для своего времени онъ былъ совершенно правъ: тѣ незначительныя улучшенія, которыя дѣлались и примѣнялись въ Англіи въ 18-мъ и въ началѣ 19-го вѣка, не могли остановить возрастанія поземельной ренты и перехода къ менѣе плодороднымъ участкамъ земли.

Родбертусъ дѣлаетъ еще одно любопытное замѣчаніе: „Можно ли предполагать,—говоритъ онъ,—что до возникновенія земледѣлія уже существовали капиталисты, получавшіе доходъ и вкладывавшіе свои капиталы въ производство, сообразуясь съ закономъ нивеллированія прибылей въ различныхъ отрасляхъ производства? Вѣрно ли, что въ обществѣ существуетъ понятіе прибыли съ капитала, и что уровнемъ прибыли руководствуются не только до появленія ренты, но даже до перехода къ земледѣлію?“ Родбертусъ прибавляетъ, что при объясненіи возникновенія ренты въ колоніяхъ можно исходить изъ подобныхъ предположеній, что тамъ дѣйствительно можетъ существовать прибыль съ капитала уже тогда, когда только приступаютъ къ обработкѣ земли; но что для возникновенія ренты къ Европѣ эти посылки совсѣмъ непригодны: мы совершенно не можемъ себѣ представить, чтобы прибыль существовала еще до перехода народовъ къ земледѣлію.

Но Рикардо вовсе и не желалъ объяснять возникновенія ренты въ Европѣ. Онъ имѣлъ въ виду образованіе ренты въ Америкѣ, при переселеніи туда англичанъ-колонистовъ, съ одной стороны, и возрастаніе ея въ Англіи въ XVIII вѣкѣ, съ другой стороны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ прибыль, очевидно, существовала до появленія ренты.

То же слѣдуетъ отвѣтить и на нижеслѣдующее возраженіе Бутрона. „Первые земледѣльцы,—говоритъ онъ,—выбирали лучшія земли лишь на ограниченномъ пространствѣ, такъ какъ не могли же они разыскивать эти земли по всему земному шару: они бы раньше умерли съ голоду. Съ другой стороны, они руководствовались не только качествомъ земли, но и другими условіями, какъ, напр., политическими и религіозными" *). Рикардо не зналъ исторіи заселенія земного шара, да и въ настоящее время она слишкомъ мало изслѣдована для того, чтобы можно было съ увѣренностью сказать, какъ происходило это заселеніе, чѣмъ руководствовались люди, первоначально занимая тѣ или другія земли. Но по отношенію къ послѣдующему періоду, къ періоду занятія новыхъ участковъ, когда большая часть страны уже воздѣлана, теорія Рикардо правильна: фактическими данными изъ исторіи Англіи подтверждается, что огораживались не лучшіе, а менѣе выгодные участки.

Въ остальномъ возраженія Бутрона сходятся съ возраженіями Кэри и Родбертуса. И онъ находитъ, что цѣны на хлѣбъ не повысились, а понизились вслѣдствіе увеличенія количества лучшей земли: были распаханы земли, покрытыя ранѣе озерами и болотами, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ оказались выгодными земли, обработка которыхъ первоначально не могла быть доходной, наконецъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, тѣ же земли стали болѣе плодородными: техника произвела тѣ же результаты, какъ если бы увеличилось количество лучшей земли и даже больше, такъ какъ если бы увеличилась поверхность земли, сношенія людей стали бы болѣе трудными. Онъ указываетъ далѣе, какимъ образомъ человѣкъ измѣняетъ условія природныя для усиленія доходности земли. Условія климата измѣняются осушеніемъ болотъ и озеръ, орошеніемъ и ирригаціей (въ особенности въ сухомъ и жаркомъ климатѣ), состояніе почвы и подпочвы—удобреніемъ, мѣстоположеніе и условія сбыта—проведеніемъ дорогъ. Однако, эти измѣненія привели бы не къ возрастанію ренты, какъ полагаетъ Бутронъ, а къ увеличенію прибыли съ затраченныхъ на землю капиталовъ, но въ эпоху Рикардо эти затраты не производились, точно также какъ и упоминаемое Бутрономъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ относится къ болѣе позднему времени, а появленіе хлѣба съ участковъ, воздѣлываніе которыхъ стало выгоднымъ, благодаря сооруженію желѣзныхъ до-

*) Boutron. Théorie de la rente foncière. Paris. 1867.

рогъ, произошло лишь въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX-го вѣка. Въ Западной Европѣ уже въ XVIII вѣкѣ лучшія земли были заняты, оставались лишь менѣе плодородныя, къ которымъ и приходилось прибѣгать. При большей затратѣ капиталовъ на ранѣе воздѣланныхъ земляхъ также не получалось соотвѣтственнаго увеличенія продукта; послѣднее могло бы произойти лишь при раціональныхъ способахъ въ хозяйствѣ, при томъ условіи, еслибы землѣ возвращалось путемъ искусственнаго удобренія все то, что она отдавала въ производствѣ.

Противъ теоріи уменьшающейся производительности почвы возстаетъ Онкенъ въ своей книгѣ „Was sagt die Nationalöckonomie als Wisseuschaft über die Bedeutung hoher und niedriger Getreidepreise?“ Онъ находитъ, что до извѣстныхъ предѣловъ каждая новая затрата труда и капитала приводитъ къ соотвѣтственному увеличенію продукта. Онкенъ ссылается на Либиха, который утверждаетъ, что земля есть то же, что реторта на фабрикѣ: что въ нее вложено, то и получается обратно. Поскольку, слѣдовательно, почвѣ возвращается все то, что у нея отнято, постольку количество продуктовъ при каждомъ новомъ производствѣ не уменьшается. Онкенъ, можетъ быть, правъ, дѣлая изъ этого тотъ выводъ, что по отношенію къ настоящему времени теорія уменьшающейся производительности почвы не выдерживаетъ критики, ибо въ настоящее время „мѣсто эмпирики и рутины“ заняла наука и искусство, всѣ естественныя науки стали работать на пользу сельскаго хозяйства, на достиженіе возможно большаго дохода путемъ веденія раціональнаго хозяйства. Но вопросъ заключается въ томъ, примѣнимо ли это къ предыдущимъ періодамъ, въ частности къ эпохѣ Рикардо? Онкенъ даетъ положительный отвѣтъ, находя, что въ то время, когда Рикардо „выставилъ теорію уменьшающейся производительности почвы, сельское хозяйство Англіи уже далеко оставило за собой примитивные способы производства. Какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи господствовалъ взглядъ, по которому при усовершенствованной земледѣльческой культурѣ происходило прогрессивное возрастаніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ“. Въ подтвержденіе этого Онкенъ указываетъ на книгу англичанина Тулла (Tull), вышедшую въ 1713 г., который совѣтуетъ улучшать производство путемъ примѣненія лошадиной силы и машинъ и на сочиненіе шотландца Патулло, изданное въ 1758 г., гдѣ указывается на необходимость лучшаго унавоживанія полей. Патулло говоритъ, что по мѣрѣ перехода къ воздѣлыванію кормовыхъ травъ, а слѣдовательно, и къ разведенію скота, почва даетъ прогрессивно все возрастающее количество продуктовъ. „Въ его описаніи англійскаго хозяйства, по словамъ Онкена, излагаются основы той системы хозяйства, которую Альбрехтъ Таеръ впослѣдствіи назвалъ

плодосмѣнной, а также основы ученія о растеніяхъ, обогащающихъ почву, и о растеніяхъ, истощающихъ ее, ученія впослѣдствіи развитаго Шверпомъ" *). Но и Туллъ, и Патулло даютъ только совѣты; насколько послѣдніе примѣнялись на практикѣ, изъ этого еще не видно. „Хотя рядовой посѣвъ—говоритъ Тойнби—практиковался Iethro Tull'емъ, „джентльменомъ изъ Беркшира", еще въ 1701 г., и книга его была опубликована въ 1731 году, однако, онъ въ теченіе 30-ти съ лишнимъ лѣтъ имѣлъ, повидимому, въ Англіи немногихъ послѣдователей"; въ 1770 г. Юнгъ говоритъ о новой системѣ земледѣлія, какъ погибшей вмѣстѣ съ Тулломъ и вновь пущенной въ ходъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но, что всего важнѣе, и предлагаемая этими агрономами система еще вовсе не можетъ быть названа раціональной. Либихъ высмѣиваетъ такъ называемую теорію гумуса, которой придерживались до него и которую особенно развилъ Таеръ. „Люди думали, что поле есть машина, которая сама въ себѣ вновь создастъ затраченныя въ производствѣ силы, если ей возвращается часть продукта". Если до примѣненія теоріи Thaer'a сельское хозяйство велось хищническимъ способомъ, то то же хищничество продолжалось и впослѣдствіи, хотя и въ замаскированномъ видѣ: это былъ „Raub mit Umständen" **). Современный крестьянинъ (писано въ 1840 г.), который постоянно продаетъ продукты, но удобряетъ свои поля лишь тѣмъ навозомъ, который получается въ его собственномъ хозяйствѣ, хозяйничаетъ совершенно неправильно: „его образъ дѣйствій самообманъ, его представленія о почвѣ унаслѣдованная отъ предковъ ложь" „Для того, чтобы привести почву въ то состояніе, въ которомъ она находилась 50 лѣтъ тому назадъ, надо ей возвратить все отнятое у нея за весь пятидесятилѣтній періодъ". До Либиха этого, очевидно, не дѣлалось, и поэтому производительная способность почвы должна была уменьшаться. Въ Англіи эпохи Рикардо практиковался именно тотъ самый „Raub mit Umständen", о которомъ говоритъ Либихъ, если не простое хищничество, ибо и ученіе Thaer'a было мало кому извѣстно. Уменьшеніе производительности почвы является, такимъ образомъ, одной изъ характерныхъ особенностей той эпохи, которую имѣлъ въ виду Рикардо, конструируя свою теорію ренты.

Теорія дифференціальной ренты Рикардо примѣнима лишь къ извѣстной эпохѣ экономической жизни. Необходимыми посылками для примѣненія ея является, съ одной стороны, существованіе свободнаго класса земледѣльцевъ и денежной ренты, заранѣе точно установленной, а съ другой стороны, низкій уровень сельско-

*) Oncken, p. 83—84.

**) Liebig. Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaues.

хозяйственной техники и незначительный капиталъ, затрачиваемый на улучшеніе почвы. При отсутствіи одного изъ этихъ условій рента пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, она перестаетъ быть дифференціальной или, по крайней мѣрѣ, исключительно дифференціальной рентой.

І. Кулишеръ.

* * *

Край мой родимый! Мой край дорогой!
Я такъ безсильна помочь...
Только лишь плакать могу надъ тобой
Въ темную-темную ночь.

Только могу я слезой провожать
Гибнущихъ въ трудной борьбѣ,
Только съ негаснущей вѣрой желать
Свѣтлаго утра тебѣ!

Только могу я надеждою жить,
Сердцемъ усталымъ скорбя,
Только съ глубокой тоскою любить,
Край мой родимый, тебя!

Г. Галина.

ВОЖДЕЛѢННОЕ ПРЕУСПѢЯНІЕ.

Разсказъ.

I.

Смуглая дѣвушка лѣтъ двадцати-пяти, просто одѣтая, подошла къ двухъ-этажному большому зданію, на которомъ, подъ сдавленнымъ куполомъ домовой церкви, красовалась вывѣска славянскою золотою вязью: „Лишаевское духовное училище“. Въ „малой семинаріи“ не было ни одного ученика,—шелъ ремонтъ; кругомъ пахло варенымъ масломъ и клеемъ, скипидаромъ и другими строительными ароматами; по оконнымъ стекламъ расплывались полосы отъ побѣлки. Сверху, изъ пустыхъ широкихъ комнатъ верхняго этажа, уныло тянулась пѣсня балахнинскихъ штукатуровъ:

А ты, моя милая,
Астанешься вдовой...
И вдовушкой-вдовицей,
Несчастной си-ра-то-ой...

Во дворѣ Никодимъ Петровичъ Сидонскій, смотритель училища, шумѣлъ и ругался, „пробирая“ рабочихъ.

— Бездѣльники! До чего дворъ запустили, весь травой заросъ!

— Баринъ, да вѣдь она кажный Божій день растетъ,— оправдывался дворникъ.

— Каждый день и скреби! На то и поставленъ. На дворѣ долженъ быть песокъ, галька, все должно быть выметено, утрамбовано... Вообще, порядокъ—какъ въ домѣ. За вами не догляди только,—и въ классахъ крапива выростетъ!

Дворникъ суетился съ желѣзной лопатой, отдирая лужокъ, а сѣдой, сутулый, но кряжистый баринъ невысокаго роста, въ старомъ „банномъ“ пальто съ приподнятымъ воротникомъ, наивно силившимся закрыть ночную сорочку на жилистой шеѣ, и въ форменной фуражкѣ съ кокардою, шлепалъ стоптанными туфлями по тротуарамъ, тянувшимся отъ главнаго корпуса въ глубину двора къ деревянному фли-

гелю, съ надписью на доскѣ подъ карнизомъ: „Больница“. Старикъ все ворчалъ, извлекая изъ своего сиповатаго горла скрипучіе звуки коростеля:

— Дармоѣды! Разжирѣли отъ бездѣлья, какъ свиньи... Не ткни носомъ, никогда не догадаются.

И усерднѣе скребъ дворникъ, и сильнѣе молотили скалками по тиковымъ тюфякамъ, сѣрымъ одѣяламъ, развѣшаннымъ на веревкѣ, вдали, другіе три сторожа около больницы, и пыль съ шерстью и пухомъ изъ подушекъ летѣла по направленію къ саду на густые зеленые листья сирени, навалившейся сплошной купой на высокій заборъ, который сверху отороченъ былъ остріями ржавыхъ гвоздей для полной неприступности, какъ острогъ.

— Чортъ бы васъ побралъ, лежебоки!.. А вамъ что угодно?—не мѣняя тона, обратился старикъ къ дѣвушкѣ, робко подошедшей сбоку.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать объ ученикѣ Бабушкинѣ, Емельянѣ... Какъ онъ учится?

— Неважно, — отвѣтилъ смотритель и сошелъ съ тротуаровъ.

— Но у него въ табели къ Пасхѣ были четверки и пятерки,—робко возразила дѣвушка.

— Пятерки!? На пять знаетъ только Богъ, на четыре — учитель, да и то не всякій, а ученикъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, больше какъ на тройку не знаетъ, и знать не можетъ.

Эта фраза была любимою у Сидонскаго, рука котораго во всю его долгую службу не провела ни разу въ классномъ журналѣ по своему предмету балла пять. За то и носъ къ смотрительской тройкѣ цѣнился учениками выше дешевыхъ пятерокъ толстяка Ивана Макаровича Фіалова, добродушнаго преподавателя русскаго языка съ церковнославянскимъ.

— Если смотритель скажетъ „ничего“, значитъ — лучше нечего и желать,—говорили родственники учениковъ.

На языкѣ Никодима Петровича было много отрицательныхъ оттѣнковъ. Его „плохо“ относилось даже къ очень хорошимъ ученикамъ; словами „совсѣмъ дрянь парнишка“ назывались средніе, заурядные ученики, а „никуда не годится, даже въ архіерейскіе пѣвчіе“—значило, что ученикъ колеблется, и ему грозитъ переэкзаменовка. Для совсѣмъ слабыхъ учениковъ языкъ Никодима Петровича обладалъ еще болѣе сильными выраженіями, которыя, впрочемъ, произносились только зловѣщимъ шепотомъ сквозь зубы.

Дѣвушка не знала всѣхъ этихъ этажей смотрительской словесности и, видимо, была огорчена неодобрительнымъ отзывомъ о Бабушкинѣ.

— А какъ великолѣпно учился въ моей школѣ!—не удержалась она отъ грустнаго восклицанія.

— Значитъ, здѣсь испортился?—строго поставилъ вопросъ смотритель и пріостановилъ шаги.

— Я совсѣмъ не то хочу сказать,—поправилась учительница.—Я только... вотъ шесть лѣтъ учу въ народной школѣ, а такого, какъ Бабушкинъ, вижу—перваго...

— А я, вотъ, тридцать лѣтъ учу... и видалъ многихъ получше!

Сидонскій подался въ садъ и сѣлъ на скамейку, пригласивъ гостью движеніемъ руки сѣсть напротивъ. Онъ закурилъ папиросу и заговорилъ насмѣшливо:

— Даровитыми ребятами хоть прудъ пруди... Только съ возрастомъ происходитъ превращеніе: вмѣсто необыкновенныхъ умниковъ получается преобыкновенная дрянь. И куда только все дѣвается?

— Можетъ быть... школа забиваетъ... Мальчика не поймутъ, и...

— Ну, нѣтъ!—съ жаромъ перебилъ Сидонскій.—Умъ не забьешь... Настоящій, дѣйствительный умъ въ глупость не передѣлаешь. Онъ, какъ шило изъ мѣшка, покажетъ себя—не тѣмъ, такъ другимъ концомъ. Красоту—вотъ въ одинъ часъ можно отдѣлать въ безобразіе, а умъ—это сталь!—Сидонскій выпустилъ струю дыма и продолжалъ:

— Да-съ, кто долго съ ребятами возится, тотъ знаетъ, что это за перцы... Я вотъ съ ними всю жизнь воюю, и скажу откровенно:—шельмы полосатыя, лѣнтяи, продувной народъ, дрянь!.. Смѣшно и слышать восторги передъ какимъ-нибудь геніемъ въ десять лѣтъ...

— Такъ Бабушкинъ... по вашему мнѣнію, ничего изъ себя не представляетъ?

— То есть, какъ это—позвольте спросить: ничего? Не отмѣченъ особымъ божіимъ перстомъ? Да-съ, не отмѣченъ... И особымъ муромъ не мазанъ, и печати этакой особенной на лбу нѣтъ. Мальчикъ, какъ всѣ...

— А я такъ надѣялась... Мечтала даже въ реальное училище... хотя мои средства...

— Онъ вамъ сродни, что-ли?

— Нѣтъ .. Но мать его сторожиха въ моемъ училищѣ въ селѣ Галчихѣ, женщина бѣдная...

— Тогда кто же его содержитъ? Вѣдь плата всетаки не маленькая—сто рублей въ годъ.

— Я помогаю...—скромно замѣтила учительница и потупилась.

— А вы сколько получаете?

— Тридцать рублей въ мѣсяцъ...—И, сильно покраснѣвъ,

дѣвушка съ искусственнымъ воодушевленіемъ торопливо договорила:—Земство у насъ прекрасное, черезъ каждые пять лѣтъ прибавляетъ по пяти рублей!

— Гм... земство... конечно... похвально... Значитъ, черезъ пять лѣтъ, мы будемъ имѣть счастье видѣть второго генія изъ Галчихи?

Дѣвушка закусила губы, какъ отъ боли, и отвела свой страдальческій взоръ куда-то вдаль, а смотритель прибавилъ:

— Ничего! Противъ геніевъ идти грѣшно. Очень рады и впредь служить во славу вашей Галчихи.—И его взглядъ упалъ внизъ на башмаки учительницы, довольно поношенные и съ дырочкой. Она порозовѣла и стыдливо поджала ноги подъ скамейку. Смотритель сдѣлался серьезенъ, всталъ и заговорилъ мягче:

— Да-съ, я понялъ, чего, собственно, желаете вы отъ Бабушкина. Стремленіе ваше почтенно... Но если уже приносить такія жертвы, то надо, чтобы онѣ шли впрокъ. А какъ это сдѣлать?

Учительница молчала, и Никодимъ Петровичъ самъ рѣшилъ вопросъ:

— Стругать надо... да... А потомъ полировать!.. И сильно стругать! Перевести-то мы его, положимъ, перевели во второй классъ...

— Которымъ?

— Не помню... Но, кажется, не въ числѣ лучшихъ... Да это, впрочемъ, и неважно... Если бы даже и въ числѣ лучшихъ, то... Всякій человѣкъ можетъ быть еще лучше того, что онъ есть. Эта возможность дѣтямъ дана въ большей степени, чѣмъ взрослымъ. Не такъ-ли?

— Конечно...

— Ну, вотъ! И вашъ Бабушкинъ по успѣхамъ все-таки ниже, чѣмъ могъ бы быть. Есть и получше его, хотя въ общемъ тоже порядочная дрянь. Подъ конецъ года замѣчалась въ немъ наклонность къ лѣни... ротозѣйство...

— Неужели? Какъ это непріятно...

— Еще бы! А намъ-то каково? Онъ, вѣдь, *чужестранецъ*, не изъ духовныхъ, а иносословный. Своему мы подчасъ и простимъ, а чужому — нѣ-ѣтъ-съ. Чужой и веди себя, какъ гость, не дури, не зазнавайся, помни, что не находишься подъ покровительствомъ законовъ. Вотъ, въ послѣднее время безпорядки пошли... не то, что въ семинаріяхъ, а даже въ училищахъ.

— Неужели и въ училищахъ?

— Да, къ сожалѣнію... То каша имъ недостаточно промаслена, то инспекторъ въ городъ шляться не пускаетъ,—ну,

и готово безобразіе: сейчасъ, конечно, окна бить, стучать, ломать, рвать... Ну-съ, такъ вотъ, начальство обслѣдовало причины и пришло къ заключенію, что вся суть тутъ въ разночинцахъ... Дѣти мѣщанъ, торговцевъ, крестьянъ вносятъ вредный духъ... И тогда, на манеръ университетскаго закона о евреяхъ, послѣдовало у насъ распоряженіе, чтобы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ иносословныхъ было не болѣе 10%. Понятно? Иносословный элементъ не желательный, а только терпимый. Это долженъ зарубить себѣ на носу всякій иносословный ученикъ. Чуть что—и за бортъ, туда, откуда пришли... Нынѣшній годъ мы хотѣли многихъ иносословныхъ исключить...

— И Бабушкина тоже?

— Ну, что: Бабушкина, Бабушкина! Я говорю вообще, чтобы вы поняли, что требуется отъ иносословнаго, если онъ хочетъ превратиться изъ пасынка въ родного сына нашего заведенія. Ему надо быть въ десять разъ лучше духовныхъ... Ухо держать востро. Ничего такого! Ни-ни! Во всѣхъ отношеніяхъ! При всѣхъ обстоятельствахъ! А то—увольненіе по пятому параграфу циркуляра Учебнаго Комитета 1871 съ распубликованіемъ...

— Вы такъ говорите, г. смотритель, что я готова взять Бабушкина изъ училища.

— Гм... Пока подождите, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь изъ него выйдетъ. Только надо—пострашать хорошенько... Для будущаго... Сами знаете: начало премудрости—страхъ...

Учительница жадно ждала, что вотъ-вотъ сорвутся съ устъ Никодима Петровича слова кротости и ободренія, но лицо его оставалось непреклонно-суровымъ, даже зловѣщимъ.

— У Бабушкина, помнится, было поведеніе хорошее? — робко сказала учительница.

— Гм... Всѣ жулики ведутъ себя на пять съ плюсомъ, когда чуютъ за спиной полицейскаго... Важны внутреннія основы поведенія. А есть ли онѣ у вашего?

— Вамъ виднѣе...

— Подите вы!—воскликнулъ смотритель.—Ихъ вѣдь на моей шеѣ полтораста человѣкъ,—съ ума сойдешь знать обо всѣхъ! И ни за кого нельзя поручиться. Иной съ виду тише воды, ниже травы, ну, ангелъ во плоти, а потомъ, глядь, отольетъ такую пулю, что руками разведешь... Въ тихихъ омутахъ, сударыня, черти-то и водятся.

— Такъ что же надо?—воскликнула учительница, теряя терпѣніе.

— Много надо... Такъ много требуется отъ ученика, а отъ

иносословнаго особенно, что и представить вы себѣ не можете... Все надо! - выкрикнулъ смотритель и пошелъ изъ сада. Дѣвушка боялась наступить на длинную, бѣлую тесемочку, которая вилась за туфлей строгаго начальника. У нея былъ въ запасѣ еще вопросъ, но она смущалась предложить и непредѣленно мялась, не удаляясь къ отворенным воротамъ, куда взоромъ какъ бы приглашали ее выходить. Спутникъ замѣтилъ это и спросилъ отрывисто:

— Еще что?

— Сирота онъ... Нельзя ли на казенное принять?

— На ка-зе-н-ное?—протянулъ Сидонскій; глаза его выпятились, губы, сжавшись въ трубку, чмокнули, и вся фигура изобразила вопросъ изумленія.—Иносословнаго на казенное?.. О чемъ вы просите, сударыня?.. Для этого Бабушкину надо было родиться, на плохой конецъ, хоть отъ пономарицы...

— Можетъ быть, у васъ есть стипендіи?

— Для духовныхъ.

— А общество вспомоществованія?

— Для духовныхъ.

— Тогда нельзя ли освободить отъ платы за обученіе?

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Прежде освобождали...

— Рѣдко, а теперь совсѣмъ не въ модѣ. Прежде иносословныхъ у насъ много училось, и они были для училища выгодной статьей: одной платы за обученіе взималось ежегодно до двухъ тысячъ рублей, не считая излишковъ за ихъ содержаніе въ общежитіи сравнительно съ духовными. Мы на эти деньги весь домъ содержали. Но законъ о 10% лишилъ всего этого, и теперь духовенству приходится возвышать налогъ на церкви, чтобы отоплять, освѣщать эту—видите?—громадину. Съ иносословныхъ идутъ теперь самые пустяки, и духовенство тѣмъ болѣе къ нимъ ревниво.

— Значитъ, не посовѣтуете и хлопотать?

— Совершенно безнадежно...

Анна Павловна Турутина ушла изъ училища съ головною болью и въ какомъ-то туманѣ. Ея первоначальныя предположенія относительно Бабушкина не сбылись: лучшій мальчикъ, рѣдкій въ ея глазахъ, оказался на дѣлѣ обыкновенною, жалкою посредственностью, не обратившею на себя въ теченіе цѣлаго года никакого вниманія... Стоило тогда тянуться, разоряться, внушать и ему, и матери несбыточныя надежды! „Въ реальное еще хотѣла, - язвила она себя.—Куда ужъ? Въ духовномъ-то еле-еле“...

II

А смотритель, оставшись одинъ, ворчалъ:

— Знаемъ мы, что вамъ нужно! Бабушкинъ, ахъ, геній! А вы это передадите матери, да и самому генію... А онъ и возмечтаетъ. Нѣтъ-съ. Извините-съ... У меня этого нѣтъ. Одобрить можно въ педагогическомъ отчетѣ, передъ ревизоромъ, передъ архіереемъ, а отцамъ, матерямъ отзывъ одинъ: „Плохо! очень плохо!“ Пусть подтягиваются! Хорошіе станутъ лучшими, лучшіе отличными... Только такъ и можно вести дѣло. Пожалуй, высунь языкъ до галстуха: „Прекрасно, братіе, лучше не надо!“ Нѣтъ-съ, у меня хоть лобъ разбей за дѣломъ, все мало. Да, я требователенъ, я строгъ.. Ну, а гдѣ надо,—и заступлюсь.. Уволить, напримѣръ, никого не дамъ.

И Сидонскій самодовольно улыбнулся. Почему-то Бабушкинъ, о которомъ только что шла рѣчь, напомнилъ ему другого ученика изъ той же Галчихи, священническаго сына, Ягодинскаго Петра, слывшаго въ училищѣ подъ кличкой „Петрякъ“. Въ приготовительномъ классѣ онъ сидѣлъ два года, въ первомъ тоже два, при чемъ послѣ переэкзаменовки, на которой Фіаловъ поставилъ ему двойку, Ягодинскаго надлежало уволить „за малоуспѣшіе“. Но Никодимъ Петровичъ умолилъ учителя:

— Иванъ Макарычъ, поставьте ужъ ему, подлецу, троечку.

— Не могу, Никодимъ Петровичъ! Вѣдь рѣшительно ни въ зубъ толкнуть...

— Знаю, знаю... но ужъ какъ нибудь... пожалуйста... Для меня!

— Развѣ для васъ...

И Ягодинскаго перевели во 2-й классъ. Впрочемъ, не одного Ягодинскаго тащилъ подобнымъ образомъ смотритель. Но за то ужъ и пилилъ потомъ этихъ учениковъ. Какъ коршунъ надъ цыплятами, не спускалъ съ нихъ глазъ. Вѣчно они были у него подъ особымъ надзоромъ. Сиротѣ онъ грозилъ лишеніемъ казеннаго содержанія, рисуя такую картину горя, нищеты и всяческихъ несчастій, что мальчишка дрожалъ отъ испуга. Учениковъ изъ богатыхъ семей язвилъ и за суконную блузу, и за шагреневый ремень, и за новыя резиновыя калоши, и доказывалъ, что всѣхъ этихъ благъ лѣнтяй рано или поздно лишится и станетъ нищимъ-босякомъ. Иносословнымъ прямо говорилъ:

— Вашего брата велѣно выгонять, какъ паршивыхъ овецъ изъ стада.

Дальше шло — „безъ обѣда“, „безъ чаю“, „безъ ужина“,

„безъ кушанья“, столбостояніе въ столовой, въ залѣ, въ коридорѣ, голодный столъ и карцеръ. И все это сыпалось на ребятъ, какъ изъ рога изобилія. Кричалъ онъ на нихъ рѣшительно всегда, былъ ли къ тому поводъ или нѣтъ. „Тише вы, галманы!“ — бросалъ онъ въ комнату, гдѣ была идеальная тишина. — „Мы и такъ тихо, Никодимъ Петровичъ!..“ — „Тише! Всегда тише!..“ Словесныхъ поощреній у Сидонскаго было множество, и всѣ они звучали униженіемъ. „Болванъ, дуракъ, мерзавецъ, подлецъ, чучело гороховое, свинья, безтолочь, оселъ, идіотъ“—были самыми обыденными и, сравнительно, безобидными. А когда обстоятельства поднимали температуру начальственнаго сердца, Никодимъ Петровичъ сыпалъ библейскимъ матеріаломъ: къ „свиньѣ“ прибавлялъ „гадаринская“, къ безтолочи — „вавилонская“; оселъ превращался въ „ослицу валаамскую“, „тьма“ въ „египетскую“, „дура“ въ „истуканскую“, „лѣнища“ въ „идольскую“... Однако, иной разъ онъ терялъ терпѣніе.

— Ягодинскій совсѣмъ отъ рукъ отбился...—вырывалось у него.—Надоѣлъ мнѣ, какъ каланча пожарному. Исключить негодяя!

Учителя радовались: „слава Богу, наконецъ-то!..“ Но, подписывая черезъ недѣлю педагогическій журналъ, изумлялись:

— А гдѣ же увольнительная статья объ Ягодинскомъ?... Неудобно, Никодимъ Петровичъ, отмѣнять единогласное постановленіе безъ всякой причины. Мы не подпишемся...

Никодимъ Петровичъ смущался и упрашивалъ:

— Господа!.. Стоитъ ли изъ-за такого негодяя журналъ переписывать? У письмоводителя и безъ того пропасть работы: вѣдомости, отчеты... едва успѣваетъ... Въ слѣдующій разъ ужъ не забуду.

Но въ слѣдующемъ собраніи смотритель заявлялъ не безъ воодушевленія:

— А у Ягодинскаго-то... тройки появились!

— При тринадцати единицахъ и двадцати восьми двойкахъ—двѣ тройки... Помилуйте, какой это успѣхъ?

— Всетаки есть еще надежда.

Учителя пожимали плечами и отходили въ обидѣ, а Сидонскій круче принимался за Ягодинскаго: разъ по пяти въ сутки вызывалъ его для внушенія, запиралъ въ отдѣльную комнату, оставлялъ безъ обѣда и праздничныхъ прогулокъ. Съ утра до вечера жужжало надъ ухомъ Ягодинскаго:

— Учи, дубина стоеросовая! Учи, арясина!

Ягодинскій совѣлъ, видя, что его со всѣхъ сторонъ приперли. Но... преуспѣянія не выходило. Сидонскій вздыхалъ объ „одномъ вѣрномъ средствѣ“ („эхъ, всыпать бы!“) и пи-

салъ отцу „мерзавца“ тревожное письмо. Родитель пріѣзжалъ, растерянный и испуганный, и сразу предлагалъ:

— Никодимъ Петровичъ! Давайте, выдеремъ его, какъ сидорову козу... тамъ гдѣ-нибудь, за стѣнкой, у сторожа?. Никто не узнаетъ.

— Здѣсь нельзя.

— Такъ отпустите ко мнѣ на взъѣзжую... и сына, и сторожа.. Ужъ мы тамъ съ Афанасіемъ...

Никодимъ Петровичъ подавалъ видъ, что это ему не нравится:

— Въ ваше дѣло не вмѣшиваюсь... Вы, какъ отецъ, конечно, лучше всѣхъ можете знать, что помогаетъ вашему сыну.

Ягодинскіе — отецъ, сынъ и, въ нѣкоторомъ отдаленіи, сторожъ Афонька, — уходили вмѣстѣ. Что бывало на взъѣзжей, того никто не знаетъ... Только ученикъ все таки вмѣстѣ съ отцомъ и Афонькой пилъ чай, а придя въ училище, не садился за парту, и на урокахъ, если слышалъ: „садись!“— уже не мгновенно бухался на скамью, а медленно, осторожно и бочкомъ опускался, скрипя зубами, точно боясь крикнуть отъ боли: „а-а-хъ, черти!..“

Однако, и „вѣрное средство“ не помогало..

Прежде Сидонскій позволялъ себѣ иной разъ драть учениковъ за ухо, но однажды рука какъ-то слишкомъ потянула за ушную раковину, и ухо оказалось до половины надорваннымъ. Кое-какъ дѣло тогда замяли, и съ тѣхъ поръ Сидонскій удерживалъ руки отъ грѣха.

Пріѣзжали и уѣзжали ревизоры, вынося выгодное впечатлѣніе о знаніяхъ учениковъ и училищныхъ порядкахъ. Ягодинскихъ на это время убирали въ больницу. По отъѣздѣ ревизора они возвращались въ классы, гдѣ товарищи устраивали имъ овацiи, какъ героямъ.

— Эти Ягодинскіе у насъ—чистые помѣщики,—возмущались учителя.—Все бросили, шумятъ, дурятъ, смѣются надо всѣмъ. Никодимъ Петровичъ, доколѣ же?

— Нельзя же всѣхъ... Архіерей подумаетъ, что въ училищѣ и Богъ вѣсть, что вышло, если сразу потребовалось увольнять такую массу; да и тяпнетъ резолюцію: „обревизовать!“

— Послѣ синодской-то ревизіи? Ни-ко-гда!

— Ну, тоже! Надѣйтесь на нихъ...

Сидонскому не вѣрятъ, да и онъ себѣ не вѣритъ, но всетаки продолжаетъ:

— А то напишетъ владыка: „учителя на то и учителя, чтобы глупыхъ учениковъ дѣлать умными, а не исключать“.

— Станетъ архіерей ввязываться во всякую мелочь...

Сидонскій въ душѣ раздѣляетъ это мнѣніе, но упирается:

— А вдругъ?.. Тогда что запоемъ? Курамъ на смѣхъ. Тогда ужъ наши Ягодинскіе, подъ сѣнью владычнаго милосердія, прямо въ лицо намъ захохочутъ: „Что, скажутъ, много съѣли? Мы еще васъ помучимъ!“

— Увольте хоть Петряка, Никодимъ Петровичъ... Для острастки...

— Понимаю .. Такъ... Помню, какъ мой покойный батька стращалъ воронъ, которыя выклевывали изъ посѣянныхъ грядокъ горохъ... Бывало, возьметъ и подстрѣлитъ ворону, да на колъ ее за крыло, и виситъ воровка... Помогало, другія ужъ не шалили...

— Ну, вотъ?! Чего же?

— Такъ вѣдь та ворона на грядкѣ висѣла, ну, и устрашала. А тутъ какъ вы Петрякомъ застращаете, если его совсѣмъ не будетъ на глазахъ?

Учителя изумленно поднимали брови, переглядывались, стремясь найти смыслъ въ нелѣпомъ сравненіи, а смотритель вдругъ переходилъ къ новому соображенію:

— И то сказать: чѣмъ Петрякъ хуже другихъ? И прочіе такая же невыносимая рвань.

Выходило, что ни всѣхъ, ни одного нельзя было уволить, и всѣ должны были оставаться на своихъ мѣстахъ.

Кому какъ, а духовенству нравились такіе порядки. По мнѣнію поповъ,—что хочешь дѣлай съ дѣтьми: кричи, ругай, пили, жучь, мучь, только не исключай и въ люди выводи. Исключеніе—вредъ, а все прочее—на пользу! Корень ученія всегда горекъ. Кажется, если бы Никодимъ Петровичъ вздумалъ собственноручно выпоротъ иного ученика, отцы сказали бы: „Такъ и надо... по-отечески“. Поэтому, не смотря на всю строгость, лишаевскій смотритель считался, въ сущности, очень добрымъ, начальникомъ-отцомъ, „зѣло пекущимся о чадѣхъ“, ввѣренныхъ его смотрительству и руководству. Ученики иногда выкидывали прямо таки возмутительныя штуки, а онъ, накричавшись до хрипоты и засадивъ дня на три въ карцеръ, удовлетворялся, и если ему замѣчали, что такихъ учениковъ не слѣдовало бы совсѣмъ держать въ училищѣ, отвѣчалъ:

— И хуже бываетъ. Мѣрѣ беззаконія и глупости человѣческой предѣла не положено...

Попы иной разъ говорили:

— По-истинѣ, милосердіе ваше, Никодимъ Петровичъ, границъ не имѣетъ... Какъ у Господа...

Черта долготерпѣнія была свѣтлымъ пятномъ на общемъ мрачномъ фонѣ лишаевской системы; впрочемъ, она вытекала отчасти изъ „политическихъ соображеній“. Долгимъ

опытомъ службы смотритель пришелъ къ убѣжденію, что съ учителями ссориться можно и нужно, но съ попами — никогда! Духовенство, въ лицѣ своихъ съѣздовъ, имѣетъ очень близкое отношеніе къ училищу и къ смотрителю, который является главнымъ и почти единственно отвѣтственнымъ за все лицомъ. Съѣздъ контролируетъ хозяйственную сторону училища, провѣряетъ приходъ, расходъ, счета, и можетъ, если захочетъ, ко всему придраться. Почему, напримѣръ, куплено капусты четыре тысячи вилковъ, когда смѣтою разрѣшено только три тысячи? Почему мяса держалось на каждаго воспитанника по фунту въ сутки, а ассигновано по фунту съ четвертью? Значитъ, не докармливали? А вотъ тутъ—арбузы покупали, яблоки,—это ужъ лишнее, на это ничего не ассигновано. Не было ассигновано и на джутовыя варежки для мытья въ банѣ и на эмалированные тазы. „Эка роскошь какую завели! Почему не обыкновенныя мочалки и обыкновенныя шайки, вотъ-какъ мы, бывало, мылись и доселѣ моемся?“—осуждали отцы... И такъ во всемъ: и перевернешься, и недовернешься,—все могутъ бить. Могутъ такую безтолковую смѣту составить, что самъ Соломонъ ея не осуществитъ: поставятъ картофеля 27 пудовъ на человѣка, а цѣну на весь картофель восемь гривенъ, — какъ хочешь, такъ и понимай. А не поймешь, придерутся... И сдѣлаютъ это не случайно, а намѣренно, по злобѣ, чтобы затруднить исполненіе смѣты, а потомъ упрекнуть исполнителя.

Жить въ ладахъ съ попами—было основнымъ правиломъ Никодима Петровича. А нелады съ ними происходятъ единственно изъ-за дѣтей. И попа нельзя одного обидѣть, потому что всѣ они между собою переродились, перекумились до того, что представляютъ одну сплошную семью. Они—какъ осиное гнѣздо: обидь одну осу, весь рой на тебя полетитъ и будетъ жалить. Поэтому, чтобы не раздражать отцовъ и показать, что никто не властенъ надъ ихъ дѣтьми, если смотритель не захочетъ, Никодимъ Петровичъ унижался до просьбъ за „двоечниковъ“ предъ учителями на экзаменѣ и хитрилъ; и только когда уже всѣ уловки оказывались безполезными, просилъ родителя подать прошеніе объ увольненіи сына „для представленія въ другое учебное заведеніе“, и при этомъ сокрушался:

— Ужъ не посѣтуйте... Все дѣлалъ... Оборвалось! Ничего больше не могу!

И на него въ этихъ случаяхъ не обижались. Ужъ если Никодимъ Петровичъ отступился, значитъ—самъ Богъ отступился.

Къ старости черта долготерпѣнія еще болѣе развилась

въ немъ. Личная жизнь ему не удалась. Онъ рано потерялъ жену, которая умерла, родивъ перваго и единственнаго сына. Сынъ выросъ, окончилъ духовную академію, сталъ учителемъ семинаріи въ другомъ городѣ, женился; дѣтей не было. Однажды молодымъ Сидонскимъ подкинули корзинку съ запиской: „Младенецъ Боря“. Они охотно усыновили подкидыша, но черезъ четыре года сами померли одинъ за другимъ, на одномъ мѣсяцѣ, отъ холеры. Борю взяла къ себѣ сестра покойной, учительница Маргарита Арсеньевна Приклонская, за отсутствіемъ средствъ пріѣхавшая къ Никодиму Петровичу посовѣтоваться, какъ ей быть. Вмѣсто всякаго отвѣта одинокій старикъ сказалъ только:

— Живите у меня... — И сталъ смотрѣть на Борю, какъ на внука, а на его „маму Риту“, какъ на дочь свою.

Вообще, жизнь Сидонскаго сложилась такъ, что ему, въ сущности, больше ничего и не оставалось, какъ отдать всего себя на пользу другимъ.

Постоянная, настойчивая, ничѣмъ не удовлетворяемая требовательность отъ учениковъ и учителей держала уровень знаній на извѣстной высотѣ. Лишаевскіе ученики славились въ семинаріи, какъ наиболѣе подготовленные и знающіе. Только бросалась въ глаза одна черта: лишаевцы были черезчуръ неувѣренны въ себѣ, заячій страхъ сквозилъ въ ихъ глазахъ, въ стѣсненной походкѣ, — они чувствовали себя всегда виноватыми, всегда въ опасности, словно вотъ-вотъ потолокъ обрушится. Къ концу семинарскаго курса эти лишаевскія особенности сглаживались, но внимательный наблюдатель могъ отгадать лишаевскую закваску даже и въ попѣ: ученикъ Сидонскаго лишенъ былъ дара творчества и въ добрѣ, и въ злѣ, не смотря на знанія, иногда даже большія.

Во мнѣніи семинаріи, ректора, инспектора, архіерея имя Сидонскаго стояло высоко:

— Вотъ это — педагогъ! Основательный и энергичный, умѣетъ муштровать; всякій духъ своеволія и упрямства вытравитъ въ корнѣ. И чего только не идетъ въ монахи? Какой бы ректоръ былъ!

Однако, самъ Никодимъ Петровичъ думалъ о себѣ гораздо скромнѣе, и въ душу его прокрадывалось сомнѣніе.

Воспитаніе представлялось ему бочкой Данаидъ... Каждый день начинай сначала, заводи все, какъ часы. Какъ будто усилія прошлаго дня безвозвратно погибаютъ во тьмѣ минувшей ночи, и люди просыпаются по утру безъ памяти о вчерашнемъ! Снова лѣзетъ безпорядокъ, какъ трава на дворѣ... Неужели нельзя устроить такую педагогическую машину, которая обезпечивала бы порядокъ и преуспѣяніе на долгое время?

Эти мысли очень безпокоили Никодима Петровича, и поприще педагогіи казалось ему сухимъ, безплодно волнующимъ душу. Тогда вмѣстѣ съ глубокимъ раздумьемъ навалывалась злая русская тоска, которая выкуривается изъ души только русскимъ способомъ. Квартира запиралась на-глухо, и никто, кромѣ сторожа Афоньки, не имѣлъ доступа къ смотрителю. Онъ оставался въ одномъ бѣльѣ, никого не желалъ видѣть—ни Маргариты Арсеньевны, ни Бори; обѣдъ, ужинъ, чай въ это время ему были не нужны. Онъ только пилъ небольшими глотками водку изъ четверти и закусывалъ „тебекой“ (тыквой—въ особомъ приготовленіи). Въ ней вырѣзывалось отверстіе, какъ въ боченкѣ, для пробки; слизистая внутренность съ зернами выбрасывалась и, взамѣнъ, начинялась маленькими огурчиками, райскими яблоками, рыжиками, потомъ все это пересыпалось „окаянскимъ“ (кайенскимъ) перцемъ, чеснокомъ, корицей, гвоздикой, лавровымъ листомъ, и, наглухо закупоренная тыквенной же пробкой, тыква опускалась въ кадушку съ солеными огурцами на самое дно, гдѣ и кисла. Огуречный разсолъ, проходя сквозь стѣнки тыквы, сообщалъ находившимся внутри ея яблокамъ, огурцамъ, грибамъ свой вкусъ. Кушанье получалось любопытное: ѣшь съ виду огурцы, а отдаетъ яблоками, ѣшь яблоки—кажутся грибами, и все это въ остромъ вкусѣ всевозможныхъ спецій, гдѣ, кажется, только одного сургуча недоставало...

Тебека вносила въ однообразную и строгую жизнь училища свой праздникъ—„тебечный“. Ученики писали на классныхъ доскахъ аршинными буквами: „Тебека“. Учителя, проходя передъ уроками мимо классовъ, молча улыбались такимъ пріятнымъ объявленіямъ, весело болтали въ учительской комнатѣ и сокращали самые уроки иногда до пяти минутъ, чтобы только ткнуть пальцемъ два раза въ учебникъ и сказать: „отъ сихъ и до сихъ“... Всѣмъ дышалось легко, свободно, и всѣ желали, чтобы тебека попалась возможно объемистѣе: кончалась тебека—прекращалась и „смотрительская болѣзнь“.

Такъ проходилъ день, другой и третій, и всѣ начинали поглядывать въ окно на дворъ, гдѣ, по установившемуся издавна порядку, показывался первый вѣстникъ выздоровленія начальства—сторожъ Афонька съ опроставшейся тебекой. Онъ несъ ее неторопливо, торжественно, печально понуривъ голову, и спускалъ въ помойную яму, слѣдя, какъ она тамъ захлебывается и тонетъ. Ученики зорко наблюдали эту процедуру и садились за книжки, учителя спѣшили въ классы...

— Миновали славные дни Аранжуэца!

Афонька же съ кучеромъ топилъ баню, и утромъ, чѣмъ

свѣтъ, задолго до пробужденія учениковъ, отхлестывалъ вѣники на спинѣ своего барина.

Никодимъ Петровичъ, приведя себя въ полный порядокъ, т. е. одѣвшись въ служебный вицмундиръ съ серебряными пуговицами, съ орденомъ, и въ предшествіи Афоньки, державшаго, какъ заправскій курьеръ столичной канцеляріи, портфель съ бумагами и ученическими тетрадями, быстро ставилъ всѣхъ и все на свое мѣсто.

Двѣ-три встряски давалъ себѣ въ годъ Никодимъ Петровичъ, за то въ остальное время совсѣмъ не пилъ, не смотря на приступы горькихъ мыслей:

— Цѣпятъ ли ученики мои заботы и старанія? Нѣтъ, шельмецы,—боятся,—только!.. Потомъ и спасиба не скажутъ... Увидишь иногда попа молодого: какъ школьникъ, норовитъ ускользнуть отъ твоихъ глазъ и не поклониться... А то—твой же бывшій ученикъ-балбесъ вдругъ депутатомъ на съѣздѣ объявится,—отвергаетъ твои проекты. И, конечно, все вспомнитъ, всѣ обиды, и отомститъ... по ослиному. Вотъ, и учи дураковъ себѣ на шею... Эхъ, жизнь! Вытянутъ изъ тебя всѣ жилы и скажутъ со смѣхомъ:—„Жилъ-былъ Тебека“...

III.

У Галчихинской учительницы лѣто выпало безпокойное. Въ началѣ мая опасно захворалъ отецъ, волостной писарь, и она поѣхала на родину верстъ за полтораста, не повидавъ Бабушкина, который прибылъ въ Галчиху позднѣе. Лишь поправился отецъ,—мужъ сестры, дьяконъ изъ Лапшихи, запилъ. Ребятъ было много, а запой всегда бывалъ долгій, мѣсяца по полтора... Пришлось ѣхать въ Лапшиху. И такъ какъ дорога къ сестрѣ лежала черезъ Лишаи, то Турутина на перепутьи запла справиться о Бабушкинѣ въ самомъ училищѣ. Недобрыя вѣсти о питомцѣ заставили ее сдѣлать небольшой крюкъ въ Галчиху.

— Ты это что?—строго заговорила она, увидавъ Емелю.

— Ничего, Анна Павловна. За ягодами бѣгалъ... Вотъ!—И онъ весело поставилъ передъ нею блюдо свѣжей крупной и сочной земляники.

— Это, братъ, пустяки... Покажи-ка лучше табель.

— Потерялъ,—жалобно отозвался ученикъ.

— Скрываешь?.. Ахъ, Емельянъ... Какъ тебѣ не стыдно?

— Отмѣтки у меня хорошія...

— А ведешь себя плохо. Смотритель говорилъ.

Мальчикъ задумался и переминался босыми ногами.

— Ну-ка, припомни свои грѣхи?

— Было разъ... родительный падежъ смѣшалъ съ винительнымъ, позабылъ частицу не... Потомъ съ славянскаго не перевелъ „второ-первую субботу“...

Голосъ Емели, тоненькій и ровный, звучалъ на одной нотѣ, какъ пчела въ паутинѣ:

— По ариѳметикѣ спуталъ признаки дѣлимости... не рѣшилъ задачку про гусей... По священной исторіи пророчества на славянскомъ языкѣ не вызубрилъ. Да больно трудно, Анна Павловна!

— Двойки получалъ?

— Была одна... за диктовку. Другая за примѣры... Задано было написать десять духовныхъ предметовъ. „Богъ“, „душа“, „ангелъ“ — это я взялъ изъ грамматики, три—у товарища списалъ, три самъ придумалъ, а десятаго никакъ не могъ найти...

— И что же?

— Я, Анна Павловна, и написалъ: „попъ“. Меня за это безъ обѣда.

Подавивъ улыбку, Анна Павловна сказала:

— До чего довелъ себя! Значитъ, правда... А поведеніе? Шалилъ?

— Не часто, Анна Павловна... Только вотъ мячикъ у насъ залетѣлъ на чужую крышу, я полѣзъ и—только спускаюсь оттуда, — Никодимъ Петровичъ тутъ, какъ тутъ. „Какъ говоритъ, ты осмѣлился ходить по генеральской крышѣ?“ И прямо меня въ карцеръ... Потомъ пробку отъ квасного графина нечаянно разбилъ... А Никодимъ Петровичъ подумалъ, что нарочно...

— Не курятъ у васъ?

— Курятъ, да я этимъ дѣломъ не занимаюсь, Анна Павловна... Разъ даже въ ротъ мнѣ четвертоклассники папиросу засунули...

— Жаловался?

— Нѣтъ, какъ можно! Я, вѣдь, не ябедникъ...

— Ну, то-то.. Ахъ, Емеля... Можешь отлично учиться, а не учишься. Смотри, какъ мать убивается,—каждый день на поденщину ходитъ. Исключатъ,—куда дѣнешься? Землю у васъ съ матерью отобрали въ міръ, надѣла не дадутъ. Что тогда—свинопасомъ весь вѣкъ?

Мальчикъ утиралъ слезы рукавомъ. Это тронуло дѣвушку, и она заговорила, борясь съ прорвавшейся въ словахъ лаской:

— Ну, не реви... А лучше повтори пройденное. Занимай мою комнату, все къ твоимъ услугамъ—и бумага, и перья. Учись... Да непремѣнно! Анисья!—приказывала учительница

сторожихъ,—смотри за нимъ, бѣгать много не давай, пусть повторяетъ, а то исключатъ... Смотритель у нихъ строгій.

— Слушаю, барышня... На замокъ запру.

— Я не убѣгу!—воскликнулъ мальчикъ. — Повторю все, все! — И въ его голубыхъ, широко раскрытыхъ, глазахъ сквозь слезы билась глубокая преданность, а прижатый къ груди кулачекъ доказывалъ твердую рѣшимость быть вѣрнымъ своему обѣщанію. Материнскій карцеръ, еще болѣе тяжкій, чѣмъ школьный, былъ отвергнутъ, и Анна Павловна уѣхала.

Въ первые дни послѣ того Емеля, поборовъ въ себѣ любовь къ шумной дубровѣ, къ глубокому оврагу, гдѣ столько малины, къ рѣчкѣ Воробьинѣ, гдѣ рѣшетомъ ловятъ пискарей и гольцовъ, засѣлъ за учебники. Они не были ему противны. Напротивъ, ему казалось, что онъ дѣйствительно виноватъ передъ наукой, и ему хотѣлось оправдаться. Однако, онъ скоро убѣдился, что каяться не въ чемъ. Откроетъ книжку, взглянетъ, закроетъ глаза, станетъ слѣдить за собой и чувствуетъ, какъ знакомыя слова, строки, статья за статьей бѣгутъ плавной вереницей, какъ волна за волной, въ его головѣ. Онъ можетъ сказать, какое слово на какой страницѣ—справа или слѣва, вверху, внизу или въ серединѣ. И всетаки Емеля не довѣрялъ себѣ и читалъ наизусть вслухъ, и опять ясно видѣлъ, что знаетъ все отъ корки до корки, какъ „Отче нашъ“. Чего же отъ него хотятъ?.. И почему Никодимъ Петровичъ нажаловался Аннѣ Павловнѣ?

Временами вливалась въ его душу какая-то полнота, удовлетворенность отъ сознанія, что учебники не содержатъ въ себѣ больше того, что имѣется въ его памяти.

И въ Емелѣ поднималось глухое раздраженіе на книги. Солнце сіяло и грѣло. Съ улицы и съ рѣчки неслись голоса и крики его бывшихъ товарищей, которые иногда подходили къ окну и смущенно звали съ собой въ оврагъ на горячій бѣлый песокъ, къ тальнику, дышавшему прохладой, къ водѣ, такой теплой у плотины и такой холодной въ глубинѣ у ледорѣзовъ. Голуби ворковали подъ церковной крышей у карнизовъ, вспархивали и улетали вслѣдъ за ребятами... На старостиномъ гумнѣ Васька Пиликинъ нашелъ шмелиный медъ,—сладкій! Кузяка Пшеничкинъ сову поймалъ и рѣшетомъ накрылъ, а сверху камень наложилъ, — она ему руки поцарапала... Сильный ливень сперъ запруду съ Кирюшкиной мельницы, вода ушла, и всѣ ловятъ золотистыхъ карасей прямо руками—страсть сколько! Въ ночевую парни верхами помчались, костеръ разведутъ тамъ и сказки будутъ сказывать, духъ запретъ... А роща?.. А эта развѣсистая береза на бугорочкѣ въ долу противъ Чортова Лога? Тамъ

родникъ, такая холодная, такая вкусная вода, и пьютъ е изъ лопушнаго черпачка... Лопухъ, когда съ него пьешь, исподней чешуйчатой стороной вцѣпляется въ губы и царапаетъ слегка едва замѣтными колючками, какъ негладкое сукно ворсинками.

И сухо становилось во рту Емели, онъ подходилъ къ ведру у печки, глоталъ застоявшуюся воду и выплевывалъ, оцѣнивая всю прелесть той живой далекой воды. съ которой разлучили его эти противныя книжки.

— Въ лѣсъ бы, мама...

— Чего тамъ не видалъ? Полно! А ты учи, учи.

Эти же слова говорилъ Никодимъ Петровичъ лѣнтяямъ, и хотя въ голосѣ матери не было смотрительскаго раздраженія, но значеніе ихъ было одинаковое. Мальчикъ томился, изнемогалъ.

— Какая мука!—метался онъ.—Но, можетъ быть, меня ужъ исключили? Тогда къ чему все это?.. Сиди, не сиди—толкъ одинъ... Новыя правила у нихъ въ училищѣ: мужицкихъ дѣтей выгонять... О, Господи!

И Емелѣ захотѣлось узнать всю правду.

Онъ взялъ большой разграфленый листъ бумаги и началъ:

„Здравствуйте, Никодимъ Петровичъ! Вотъ о чемъ я хочу спросить васъ, будто меня исключили. Неужели правда? За что? Я все знаю и все повторилъ, даже пѣніе съ дьячкомъ по обиходу между заутреней и обѣдней. И даю вамъ вѣрное обѣщаніе учить каждый урокъ, спрашивали меня или нѣтъ, и въ больницу съ зубами или голова болитъ отъ лѣни, не пойду. Весь годъ не выйду изъ корпуса, даже на прогулку, все дѣломъ буду заниматься, а въ свободное время рисовать послѣ уроковъ до чаю и въ переплетной книги переплетать, какъ требуетъ 128 § нашей инструкціи, или цвѣты поливать въ вашемъ палисадникѣ. А въ городъ отпрашиваться и не подумаю“.

Покончивъ съ учебной стороной, Емеля перешелъ къ „поведенію“.

„Можетъ, я и шалилъ когда, Никодимъ Петровичъ, но я еще былъ не образуменъ, а теперь сказали мнѣ добрые люди, какъ это нехорошо, я и не стану. Ей-Богу! Ни на чью крышу не полѣзу,—ни на генеральскую, ни на свою казенную... У приготовишекъ домашники *) я не выклянчивалъ, а просилъ въ постные дни, когда несытная похлебка изъ картошки, или вотъ въ карцерѣ насидишься, да и то дадутъ своей охотой—спасибо, а нѣтъ — иду съ Богомъ, и

*) Дома испеченныя матерями лепешки, присылаемыя дѣтямъ въ училище.

не воровалъ. А если я далъ тогда разъ Богоявленскому по мордѣ, такъ вѣдь онъ обзывалъ меня мужикомъ и другихъ иносословныхъ и хвалился архимандричьей родней, будто лучше ихъ и людей нѣтъ на свѣтѣ. Трудно стерпѣть такую обиду, Никодимъ Петровичъ. Но если надо, и это ничего, только не исключайте. Это вы тогда допрашивали насъ насчетъ арбуза, кто уволокъ его у татарина на базарѣ. Не мы, духовники, а уѣздники, или реалисты, только на насъ свалили. Они большіе озорники, даромъ что въ формѣ и съ кокардой на лбу, а дурить гораздо, напримѣръ изъ рогатокъ черезъ резину камешки пущаютъ въ магазинскія окна и насквозь ихъ какъ доску пулей. А мы никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, по тротуарамъ ходимъ чинно-благородно по внушенію надзирателя Семена Ивановича, они же въ насъ гальками. Въ банѣ холодной водой я не брызгаюсь никогда и въ спальной подушками тоже само. А тараканъ на каѳедру заползъ къ Ивану Макарычу самовольно изъ пекарни, и никто тутъ не виноватъ. „Алеута“ по фисгармоніи гвоздемъ я не чертилъ и за вашей спиной ежа не корчилъ. И Тебеку нигдѣ не писалъ и не рисовалъ ни на Николу, ни въ Благовѣщенье... Господи! ни въ чемъ то, ни въ чемъ я не виноватъ передъ вами, Никодимъ Петровичъ. Развѣ только вотъ дразнилъ вашего курана, но отъ того ему вреда никакого, только чванился, и, можетъ, это ему даже пріятно. Конечно, и то нехорошо, но четвертоклассники плохо младшихъ унимали, а слѣдовало бы. Вотъ я, когда дойду до старшихъ классовъ, ужъ такъ безсовѣстно не поступлю, шалуновъ всегда буду останавливать“.

Допустивъ въ себѣ возможность шалостей, Емеля разсуждалъ: „Если я сшалѣю, можите меня не только въ карцеръ на три дня на хлѣбъ, на воду, а даже выпороть, слова не скажу. Только не исключайте меня, Никодимъ Петровичъ, будьте милостивы, пожалѣйте, учиться хочу и достигнуть священнаго сана. И напишите мнѣ всю какъ есть истинную правду. Если ужъ исключили, уйду къ Пиманычу овецъ пасти. Видно, такая судьба несчастная, доля сиротская—терпѣть весь вѣкъ... Что же, и Господь терпѣлъ на крестѣ за враговъ своихъ... А я изъ милости прошу, Никодимъ Петровичъ, побезпокойтесь пожалуйста, провѣрьте мое изъявленіе и напишите мнѣ письмо и пошлите чрезъ наше волостное правленіе. А то всего надумаюсь и въ тоску ударюсь.

Прощайте, Никодимъ Петровичъ! Остаюсь живъ и здоровъ, Никодимъ Петровичъ, чего и вамъ желаю“.

Емеля перечиталъ свое письмо; мѣстами ему показалось, что надо бы дополнить, напримѣръ: слѣдовало бы объяснить, какъ подшибли ногу экономову поросенку во время игры

въ чушки; почему разъ одному ученику въ лѣкарство на пустили толченаго мѣлу, и лѣкарство пришлось перемѣнить; для чего въ классъ къ потолку бросали жеваную бумагу, и она тамъ висѣла до тѣхъ поръ, пока не шлепнулась на лысину Ивана Макарыча; кому досталась въ лотерею шкатулка; много ли единицъ на четверки переправили и пятерокъ сами себѣ наставили въ случайно попавшемся классномъ журналѣ; какъ затащили старую плетюху на вязъ и устроили изъ нея себѣ качалку; почему такъ вышло, что георгины въ смотрительской клумбѣ оказались срѣзанными и тутъ же рядомъ на лучинки воткнуты; какіе таинственные шифры существуютъ между учениками; гдѣ покупаютъ пѣсенники и тетради для альбомовъ и акростиховъ; и многое-многое другое, что случилось въ училищѣ. Емелѣ хотѣлось завѣрить смотрителя, что онъ, Бабушкинъ, во всемъ этомъ не виноватъ и не виноваты вообще иносословные, которыхъ смотритель особенно ругалъ. Но, вдумавшись хорошенько, Емеля сообразилъ, что тогда бы пришлось назвать фамиліи виноватыхъ,—а это было бы уже доносомъ.

— „Нѣтъ, объ этомъ не буду. Хорошо ли и то, что написалъ про четвертоклассниковъ? Не зачеркнуть ли?“

Но такъ какъ они, перейдя въ семинарію, являются неподвластными смотрителю, то Емеля оставилъ письмо безъ поправокъ. А сообщеніе объ уѣздникахъ даже удовлетворяло его: —„Эти—не наши, чужіе, изъ-за нихъ, чертей, терпѣть приходится разные поклепы“.

— Чего бы еще написать въ концѣ на пустомъ мѣстѣ?

И Емелѣ припомнился смотрительскій внукъ, шестилѣтній Боря, съ которымъ онъ игралъ, которому копалъ ямки, дѣлалъ изъ кирпичей и глины печки въ саду, шалашики изъ досокъ, отломанныхъ отъ старыхъ партъ и проч. Боря любилъ играть съ Бабушкинымъ. Емелѣ теперь стало горько, что онъ больше не увидитъ маленькаго дружка, вздохнулъ и написалъ: „Поклонъ Борѣ“. И вдругъ скатилась слеза на письмо и развела въ себѣ не засохшее имя смотрительскаго внука.

Трудъ письма облегчилъ Емелю и разрядилъ тягостное уныніе, которое начинало завладѣвать его душой. Послалъ письмо, онъ спокойно закрылъ книги и сталъ ждать.

Однако, о своемъ письмѣ къ смотрителю онъ не сказалъ никому, а играя съ ребятишками, вдругъ задумывался:

— Неужели это вѣрно? Значитъ, дѣйствительно, придется быть пастушенкомъ?

И онъ подходилъ къ стаду, къ пастухамъ, слушалъ, разспрашивалъ и видѣлъ, какъ они озлоблены, какъ ругаютъ непослушную скотину, жадныхъ сварливыхъ бабъ, барскаго караульщика луговъ, бранятся между собой какъ зябнутъ

подъ дождемъ или жарятся на солнцѣ, какъ ихъ бьютъ иногда ихъ же кнутомъ, и какъ вообще нѣтъ жизни хуже жизни пастуха, послѣдняго изъ послѣднихъ человѣка... Емеля вздрагивалъ и ни въ какую игру не могъ погрузиться до самозабвенія.

— А что, какъ Никодимъ Петровичъ возьметъ да осердится на письмо, и за это одно уволитъ?

И ужъ казалось Емелѣ, что онъ испортилъ свое дѣло,— лучше бы не писалъ и не посылалъ...

— Скорѣе бы конецъ, что ли... Тошно очень и нудно это жданье.

— А какъ совсѣмъ не отвѣтитъ? Какъ тогда понимать? Что тогда?—И вертѣлся мальчикъ со своими думами, какъ бѣлка въ колесѣ, пока не набрелъ на мысль побывать самому въ Лишаяхъ:

— Возьму хлѣба каравай и тайкомъ... Все узнаю!

Онъ рисовалъ себѣ, какъ пойдетъ, какъ приметъ его смотритель, какъ онъ будетъ умолять Никодима Петровича („Въ ноги упаду!"), какъ въ случаѣ неуспѣха попроситъ Борю заступиться...

Потомъ будетъ возвращаться, а хлѣба нѣтъ... „Стану подъ окнами и затяну: милостинку Христа-ради!.. И пойду-пойду темнымъ лѣсомъ ночью. Волкъ оскалитъ зубы, на сосну залѣзу и буду кричать: „Спасите!" А можетъ, и медвѣдь встрѣтится, разорветъ... И никто не будетъ знать: ни мать, ни Анна Павловна, гдѣ онъ и что съ нимъ... Будутъ искать, урядникъ станетъ рыскать на кобылѣ по оврагамъ, а меня ужъ нѣтъ и нѣтъ... И всѣмъ будетъ жалко"... А потомъ Емеля вдругъ явится въ Галчиху или въ Лишаи; ужъ большимъ ѣдетъ, стоя на лошади, въ циркѣ и кричитъ сидящимъ въ первомъ ряду: „Здравствуйте, Никодимъ Петровичъ! Здравствуйте, Анна Павловна!"

Такъ воооображеніе мальчика отыскивало путь къ выходу изъ западни тупоумія... Не богатство и слава были предметомъ его задушевныхъ мечтаній, а скромный, въ поларшина, уголокъ за печкой на задней, изрѣзанной ножемъ и измазанной чернилами, партѣ, во второмъ классѣ духовнаго училища.

IV.

— Подѣйствовало! — вотъ первое впечатлѣніе, которое вынесъ смотритель изъ письма Бабушкина. — Должно быть, съ пескомъ пробрала его учительница, размякъ, какъ воскъ, лѣпи изъ него теперь любую фигуру. Только вотъ про тебеку... По наивности, конечно, но всетаки нехорошо. Охъ, и ребята же пошли!.. Да намъ, бывало, развѣ могло придти въ голову написать письмо смотрителю, который былъ для насъ

недосягаемымъ существомъ, какъ божество. Да, времена!.. Вотъ я хоть и придерживаюсь старинки, а главнаго-то стариннаго начала не достигаю: — страха-то и нѣтъ... Прошлое, видно, не возвращается... Въ воздухѣ понеслось что-то особенное, всѣ невольно дышутъ чѣмъ-то новымъ, хотя и не понимаютъ — откуда... Этотъ Бабушкинъ смутно чуетъ, что онъ имѣетъ право спросить, и увѣренъ, что обязаны ему отвѣтить, иначе—„въ тоску ударюсь“. Не отвѣть-ка, недолго и до грѣха. Вонъ одна гимназистка взяла да и отравилась, когда услышала, что ей за отличный отвѣтъ плохую отмѣтку поставили. Учитель, на самомъ дѣлѣ, пятерку ей поставилъ, только вздумалъ пошутить легонечко, а дѣло вышло дрянь... Какъ бы съ дуру и Бабушкинъ чего не наквасилъ?.. Ну, отвѣчу, уважу васъ, господинъ Бабушкинъ, а потомъ вашу милость въ первый же день за голодный столъ...

— Хм — и Борискѣ кланяется. Скажите, какія нѣжности. Политикъ... съ задняго крыльца... Какъ же, знакомство солидное—смотрительскій внукъ!.. Каково съ этихъ поръ пониманіе жизни!..

Тѣмъ не менѣе, смотритель Сидонскій написалъ письмо ученику Бабушкину: „Бабушкинъ! Тебя перевели во второй классъ безъ переэкзаменовки. Но ты повтори отдѣлъ правописанія, потому что въ твоемъ письмѣ встрѣчаются возмутительнѣйшія ошибки. А потомъ пройди, сколько успѣешь, латинскую и греческую грамматики, которыя придется учить. Эти книги я тебѣ высылаю. Когда выучишься читать, то старайся заучить какъ можно больше словъ, и всѣ предметы, которые тебя окружаютъ, называй по-латыни. Послѣ того выучи склоненія и спряженія. Я тебя потомъ, какъ явишься въ училище, спрошу. Боря тебѣ кланяется“.

Подписывая адресъ, Никодимъ Петровичъ брюзжалъ:

— Книги за училищной печатью дойдутъ, а письмо?.. По казенному, за номеромъ, не пошлешь. Приходится зориться на марку... для шельмеца.

Отъ письма Никодима Петровича Емеля пришелъ въ неописуемый восторгъ:—закружился, какъ волчокъ, запрыгалъ, заплясалъ, захлопалъ въ ладоши, крестился, поцѣловалъ даже письмо. Всего больше обрадовалъ его поклонъ Бори:

— Значитъ, самъ Никодимъ Петровичъ не осерчалъ!

И онъ побѣжалъ на поповъ дворъ къ матери. Та полола картофель за баней въ конопляхъ. Тамъ встрѣтился и Петрякъ, который шелъ съ ружьемъ за спиной, какъ заправскій охотникъ. Онъ прочелъ смотрительское письмо и съ пренебреженіемъ бросилъ въ крапиву.

— Велика штука... Его заставляютъ зубрить латынь, а онъ, какъ теленокъ на лугу, ротъ разинулъ, хвостъ откинулъ, хоть насквозь гляди. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, будешь готовиться

— Буду.

— Ну, оселъ и выходишь!.. Мнѣ, вотъ, переэкзаменовку дали, а я не больно.. Ничего! Еще годъ посижу. Раньше двухъ лѣтъ Тебека не исключаетъ.

— А отецъ что?..

— Всего было... Пойдемъ-ка лучше за утками на моховое болото. У меня ружье на сорокъ шаговъ такъ садитъ, что только ну! Грудно... врозь не разсыпаетъ. Пойдемъ! Ты будешь гнать отъ Чортова Лога дичь на меня, а я сяду на Кирюшкиной мельницѣ у осокоря... За это я тебѣ дамъ разокъ выстрѣлить по голубямъ... Только плечомъ крѣпче налегай на ложе, а то двинетъ такъ, какъ лошадь запрягомъ.

Анисья прислушалась къ сговору и опасливо, предостерегающе и властно протянула:

— Е-ме-ля!?!

Петрякъ понялъ смыслъ материнскаго восклицанія и замѣтилъ съ пренебреженіемъ:

— Стоитъ съ тобой связываться, рабъ иносословный! Одинъ уйду.—И онъ горделиво зашагалъ по направленію къ Чортову Логу и Кирюшкинской мельницѣ.

А Емеля вернулся домой и въ тотъ же день постигъ сразу весь латинскій алфавитъ. Въ двѣ-три недѣли онъ потомъ одолѣлъ и первыя склоненія, и фразы. Анисья, усѣвшись на порогѣ въ комнатѣ учительницы, прислушивалась, какъ воодушевлялся Емеля надъ непонятными словами:

— „Deus creavit mundm. Italia habet insulas“,—отчеканивалъ сынъ, и въ душу матери вливалась новая жизнь, словно она стояла у чародѣя-волшебника и чувствовала надъ головой таинственныя заклинанія, которыя снимаютъ съ ея души тяжесть, освобождаютъ отъ ржавыхъ оковъ бѣдности, горя, нищеты, даютъ ей силу, богатство, счастье. Ей было иногда жаль сына, она готова была ему сказать: „Поди, побѣгай съ поповичемъ“, но въ то же время, помня наказъ Анны Павловны и считая смотрительскій совѣтъ за прямое приказаніе, боялась отрывать сына отъ дѣла, которымъ тотъ увлекся со всѣмъ жаромъ.

— „Amicus amico carus est“,—гудѣло въ комнатѣ учительницы, и сторожиха, еще молодая, но съ печатью горя на поблекшемъ лицѣ, восторженно глядѣла на разгоравшіеся глаза сына, на его курчавую рыжеватую головку, на его прямой острый носикъ, тонкія-тонкія губы, которыя сливались съ чуть-чуть очерченнымъ подбородкомъ. И она представляла себѣ, какъ Емеля превратится въ о. Емиліана, въ „батюшку“, какъ всѣ будутъ подходить къ нему подъ благословеніе, подойдетъ и она, его мать, и онъ благословитъ и поцѣлуетъ

и... „Тутъ бы и умереть!..“ Сладостная дрожь пробѣгала по спинѣ, лицо дѣлалось молодымъ, и слезы радости катились градомъ изъ глазъ женщины-матери, сосредоточившей весь смыслъ жизни на родномъ сынѣ, который—она вѣрила Аннѣ Павловнѣ—можетъ далеко пойти. Она больше не могла сдерживать рыданій отъ того счастья, которое представлялось ей такъ ясно, опредѣленно, такъ почти близко.

— Ты что, мама?—обращался къ ней Емеля.

— Ничего, родименькій... А ты учи, учи.

— „О человѣкъ, ты не знаешь опасностей жизни!“ — рубилъ мальчикъ по-русски и, закрывъ глаза и книгу, бойко переводилъ.

Вакатъ истекалъ. На Преображенье пріѣхала въ Галчиху Анна Павловна и, узнавъ, что Бабушкинъ выучилъ болѣе половины курса второго класса по языкамъ, крѣпко и счастливо расцѣловала его.

V.

День Флора-Лавра, праздникъ безсловесныхъ, когда кропятъ лошадей святою водой около церкви, былъ послѣднимъ днемъ ваката для Галчихинскихъ духовниковъ. Тогда послѣ обѣдни шла на поповомъ дворѣ возня. Работникъ Аверкій, онъ же Аверьяшка, или — еще короче — Веряшка, парень лѣтъ двадцати, мазалъ дегтемъ сбрую, подмазывалъ тарантасъ, угощалъ мерешьевъ — чалаго и буланаго — овсомъ и дружески хлопалъ ихъ по спинѣ, отчего тѣ взмахивали хвостами и фыркали.

Веряшка былъ настроенъ чрезвычайно весело. Онъ зналъ, что ни попъ, ни попадья не поѣдутъ и не могутъ поѣхать, еслибы даже захотѣли, потому что батюшка о. Александръ вчера далъ слово учительницѣ отправить сторожихина сына вмѣстѣ съ своимъ въ Лишаи. Тарантасъ больше двоихъ не умѣститъ, козлы не просторныя, и тутъ, какъ ни старайся, четвертому сѣсть негдѣ. А съ ребятами ѣхать—одно наслажденіе. Никто тобой не помыкаетъ, напротивъ—самъ можешь командовать:

— „Хочу — шибко везу, хочу — шагомъ, и гдѣ захочу, тамъ и остановлюсь. Встрѣтится рѣчка, стой—купаться! Встрѣтится лѣсъ,—тпру, кормить! Ребята не поперечутъ, имъ любо. А больше всего любятъ они частыя остановки. Насчетъ ружья, вотъ, надо оборудовать.“—И работникъ крался въ конопляникъ, сгибаясь, и тамъ что-то пряталъ. Въ его отсутствіе пришли на поповъ дворъ учительница, сторожиха и ея сынъ. У Емели былъ узелокъ съ книжками и промасленный мѣшокъ. Попова кухарка имъ сказала:

— Дообѣдаютъ минутой и въ дорогу.

Лошади стояли запряженныя и привязанныя у крыльца; на него вышелъ сначала Петрякъ, а за нимъ мать и отецъ, который заканчивалъ, очевидно, начатую еще въ комнатѣ рацею:

— И смотри, Петръ, только посмѣй не сдержать переэкзаменовку, пріѣду, такую задамъ выволочку, что...

— Выдержу,—перебилъ спокойно и не безъ загадочности сынъ, вѣрившій въ свои способности не только духовныя, но и тѣлесныя, которыя позволяли ему „выдерживать“ даже полсотни розогъ. Надвинувъ на лобъ картузъ, онъ залѣзъ въ тарантасъ, расправилъ подъ собой сидѣнье и отвернулся отъ заплаканнаго лица матери.

Емеля не зналъ, куда ему садиться, и переводилъ глаза съ облучка на пустое мѣсто около Петра.

— Садись рядомъ,—сказалъ о. Александръ.—А ты, Фуфлыга Роговна, подвинься... Ишь распространился, пень дубовый!

Подъ Емелей не было подушки, и онъ, безъ того невысокій ростомъ, казался рядомъ съ Ягодинскимъ почти ребенкомъ, притомъ не блиставшимъ здоровьемъ. Ежась и стѣсняясь, онъ стремился занять какъ можно меньше мѣста. А скуластое, загорѣлое лицо Ягодинскаго дышало здоровьемъ, силою, нетерпѣніемъ...

— Въ Узявѣ не останавливаться, слышите? — говорилъ о. Александръ.—Остановитесь въ Рождественѣ... Ружье не съ вами?—И батюшка шарилъ въ тарантасѣ, подозрѣвая контрабанду.—Жестяной-то чайникъ на что взяли?

— А парнишки пить въ дорогѣ захотятъ? — сказалъ Веряшка.

— Можно бы и водицы горстью... Ну, да съ Богомъ!— миролюбиво уже напутствовалъ батюшка и сталъ отворять ворота. Женщины еще разъ звонко перецѣловали дѣтей и перекрестили на воздухъ, при чемъ Анисья, дотолѣ молчавшая, горько заплакала, утираясь концомъ головного платка. У Емели беззвучно брызнули слезы, но учительница сдержалась.

— Эй вы, кропленыя!—ударилъ Веряшка кнутомъ по лошадямъ и ухарски завернулъ въ длинный проулокъ, съ обѣихъ сторонъ котораго кланялись отъ легкаго вѣтерка сѣрѣвшія, съ желтыми усами, толстыя головки высокихъ коноплей, испарявшихъ подъ знойнымъ солнцемъ острую маслянистость. Домашніе выстроились въ рядъ около шалаша и долго смотрѣли прощальными взорами вслѣдъ дѣтямъ.

Въ оврагѣ пріостановили лошадей, и Веряшка сбѣгалъ задами въ конопли... Ружье благополучно водворили въ тарантасъ.

— Кормить будемъ?—весело спросилъ Аверьянъ, поворачиваясь съ козелъ къ Ягодинскому.

— Конечно, — важно, по-хозяйски, рѣшилъ вопросъ Петрякъ.—Сѣно у насъ есть, овесъ тоже... рожонъ ли намъ въ постояломъ дворѣ? Чаю напьемся изъ охотничьяго чайника, въ Узявкѣ рыбы наловимъ, уху сварганимъ! И за постой не платить! Деньги цѣлѣе...

Работникъ крякнулъ, какъ бы ставя вопросъ, въ чью пользу должно поступить это сбереженіе...

— На табакъ тебѣ пойдутъ, Веряшка! — сказалъ Петрякъ великодушно и самъ закурилъ папиросу.

— Спасибо,—отозвался работникъ и прибавилъ:

— Въ Узявѣ еще и насчетъ сѣна выгодно. Стога-те рядомъ... Оставь, Петръ Лександрычъ, покурить-то... Эхъ, и табачокъ батюшкинъ... хорошъ!

VI.

— Вонъ она! Обозначилась! — показывалъ Веряшка кнутомъ на горизонтъ, гдѣ чья-то властная рука, чертя красивую дугообразную линію, отдѣляющую голубое небо отъ зеленаго лѣса, точно дрогнула въ точкѣ наибольшаго подъема и провела внизъ зигзагъ, отъ котораго образовалась глубокая расщелина, дѣлившая гористую лѣсную дачу на двѣ громадныхъ половины.

Путники въѣхали въ Узяву по дорогѣ, устланной сѣтками перепутанныхъ въ узлы корней, и остановились на бугоркѣ въ глубинѣ рощи, неподалеку отъ широкой, заполненной водою, котловины, густо обросшей камышемъ. Въ этомъ мѣстѣ ручей, питаясь отвѣсными крутизнами балокъ, какъ будто когда то замышлялъ раскинуться по всей низинѣ и сдѣлаться большой рѣкой, но, спертый съ боковъ двумя каменными глыбами, только цѣдилъ съ террасы чистую, какъ слезу, воду чрезъ длинную дудку изъ двухъ старыхъ, сомкнутыхъ ребрами, колодъ, обросшихъ мохомъ, и, журча, свергался въ омутокъ, оплакивая неумолчной пѣсенкой стонавшія вѣковыя сосны.

— Наловить бы пискарей,—соображалъ Петрякъ.

— Голыми-то руками?! Хитеръ больно.

— А штанами?

— Буде твоими—давай. Своихъ не дамъ.

На гору взбирался заяцъ, Петрякъ выстрѣлилъ.

— Недостало,—пожалѣлъ Веряшка:—Посмотри-ка лучше, нѣтъ ли куликовъ вдоль Узявки.

Черные большіе кулики, залетая съ мохового болота, садились на опаловый гладкій песокъ и начинали послѣполуденную игру. Вотъ одинъ, нахохлившись и сдѣлавъ, подобно человѣку, жестъ изумленія и презрѣнія къ окружающей его неподходящей обстановкѣ, засеменилъ тонкими, дол-

гими ножками и стрѣлой подбѣжалъ къ ручью, оставивъ за собой рѣдкую по прямотѣ линію, всю на-диво исписанную легкими художественными, почти воздушными, штрихами. Бойко подпрыгнувъ на сухой, торчавшій изъ воды камешекъ, онъ полюбовался видомъ изящно изгибавшагося въ длинномъ своемъ хвостѣ остраго, какъ часовая стрѣлка, пера, призывно крикнулъ серебрянымъ голосомъ: „Лечу!“ и ровно, и плавно, невысоко отъ воды трепеща крыльями, пронесся надъ ручьемъ до слѣдующаго такого же камешка. Оттуда, невидимый, онъ отчетливо прозвучалъ, предлагая товарищамъ догонять его, а самъ летѣлъ дальше. За нимъ полетѣлъ другой, за другимъ третій и такъ нѣсколько,—всѣ они садились на тѣ же мѣста и кричали, подражая первому. И такъ тянигой, другъ за другомъ, кулики тянули вдоль береговъ ручья, отмѣчая мокрыми лапками излюбленныя стоянки, съ которыхъ оглашали долъ нетерпѣливымъ крикомъ до тѣхъ поръ, пока нападали на большую сырую, зеленую по краямъ, кочку съ липкой грязью и червяками въ углубленной серединѣ. Тогда они всѣ слетались сюда, начинали съ высокихъ, звенящихъ неудержимой радостью звуковъ, совмѣстную воодушевленную руладу и заканчивали ее захлебывающейся трескотней, наподобіе развертывающейся металлической пружины: „Х-р-р-ш-ш-о!“

Петрякъ сдѣлалъ два неудачныхъ выстрѣла...

— Шустрѣе насъ, видно, кулики-то, Петръ Лександрычъ,— насмѣшливо сказалъ Веряшка.

— Дай срокъ... Вотъ только закусимъ.

Вынули провизію. У Емели тоже оказались домашники, которые ему напекла на дорогу Анна Павловна.

— Эка, Емелька, дери тебя горой, чисто поповичъ живешь! — заговорилъ Веряшка, развалившись животомъ по травѣ и смотря въ ротъ ребятамъ.—И домашники у тебя, и все. А отчего? Отецъ померъ, — отъ этого. Вотъ и сгадай судьбу. Всѣ по началу, какъ Ивана хоронили, баяли въ Галчихѣ: „несчастье, петля Бабушкинымъ“.. Анъ, вотъ оно, какъ дѣло-то невзначай обернулось. Даже удивительно!

Наступило молчаніе: всѣ жевали, жевали и лошади, а подъ общій легкій хрустъ кипѣлъ вблизи чайникъ на кострѣ.

— Не сытно это кушанье!—сказалъ Веряшка, переваливаясь на спину и закрывая картузомъ глаза.—Только дразниться... До сытости надо ихъ штукъ сорокъ.

— Заврался, Веряшка,—возразилъ Петрякъ.

— Съѣмъ!.. Ну, не сорокъ, а тридцать—какъ пить дамъ.

— И тридцать не осилишь... На споръ?

— Проспорите, ребята,—лѣниво зѣвнулъ Веряшка.—Жаль мнѣ васъ.

— Ладно, заговаривай зубы... Похвалился, а теперь — на попятный?

— А вы дома про споръ не разболтаете?

— Ну, вотъ еще!

— Такъ на четвертакъ? Идетъ!—Веряшка и Петякъ подали руки другъ другу, а Емеля рознялъ.

Роли перемѣнились: теперь работникъ сѣлъ, а ребята легли на животы, подперли лица руками и внимательно смотрѣли на Веряшку, побалтывая ногами въ воздухѣ. Тотъ ѣлъ, не торопясь, методично, словно вилъ веревку, изрѣдка вставляя слово. Всякій разъ, принимаясь за новую лепешку, онъ произносилъ односложно: „что?“ и металъ изъ прищуренныхъ сѣрыхъ глазъ искру лукавства. Послѣ пятнадцатой, однако, онъ сталъ что-то прокашливаться...

— Масла больно много, першитъ. Чаю бы глотокъ.

— Нѣтъ, такого уговору не было. Съ чаемъ-то, пожалуй, выспоришь.

Веряшка жевалъ медленнѣе, скулы пріостанавливались.

— Застряваетъ... Разсыпчатая попалась. Сушитъ... — медленно говорилъ онъ.

— Ага! Сушитъ? Еще десять осталось.

— Ну, что же... Главное-то ушло.

Когда Веряшка взялся за двадцать шестую, онъ спросилъ Петряка:

— Водицы, я думаю, можно?

— Э, нѣтъ! Подъ сухую старайся!—отвѣтилъ тотъ.

— Притѣсняешь, Петръ Лександрычъ. Нехорошо, грѣхъ.

— Ладно!!

— Богъ съ тобой, обидчикъ...—И Веряшка доканчивалъ работу уже стоя, при чемъ не безъ раздраженія выплевывалъ скорлупки. Въ глазахъ уже не свѣтилось прежняго животнаго удовольствія, а жесткое упрямство, словно онъ съ кѣмъ-нибудь боролся и жаждалъ побѣды.

— Штё? -вскричалъ онъ, когда выспорилъ:—Вотъ вамъ и тридцать кокурокъ, въ полчаса сроку!..—И, показавъ ребятамъ фигу, онъ побѣжалъ къ ручью пить.

— Ну, теперь давайте чаю...—сказалъ онъ, вернувшись.—Ловко я васъ устряпалъ? Ха-ха-ха!—И лѣсъ огласился раскатистымъ смѣхомъ Аверьяна.—Пить, вотъ, только хочется—бѣды!

— Ну, и утроба же у тебя!—пришелъ въ восхищеніе Петякъ, и ткнулъ работника кулакомъ въ брюхо.

— Не трожь, а то ударю...—сказалъ тотъ серьезно.—Давайте-ка лучше выспимся, ребята.

— Была охота,—возразилъ Петръ и пошелъ въ лѣсъ съ съ ружьемъ:—Не увижу ли гдѣ глухаря на соснѣ?

— Увидь, увидь... А ты, Емельянъ, что будешь дѣлать?— спросилъ Веряшка.

— Посижу.

— И то дѣло. Покарауль лошадей.

Лошади хрустѣли овсомъ, Веряшка храпѣлъ на зипунѣ подъ березой, а Емеля, ничѣмъ не развлекаемый, предался съ наслажденіемъ привычкамъ, укоренившимся въ немъ со времени полученія смотрительскаго письма. Онъ обозрѣвалъ вокругъ себя предметы и могъ называть по-латыни и по-гречески—„лѣсъ“, „рѣка“, „земля“, „небо“, „лошадь“, „вода“, „птица“, „солнце“, „дерево“, и это радовало его. Но въ то же время его окружало множество другихъ предметовъ, древнихъ названій которыхъ онъ не зналъ: „сосна“, „кленъ“, „береза“... Онъ досталъ грамматику, но не всѣ попадавшіеся на глаза предметы были записаны въ словарикѣ краткаго учебника.

Вотъ закружились надъ Узявой, сѣли въ камышѣ и опять снялись утки; Емеля послалъ имъ вдогонку изреченіе „Aves avolant“. Буланый меринъ отвязался и подошелъ къ водѣ раньше времени,—это не заставило Емелю взять буланаго за поводъ или разбудить Веряшку. Онъ оставилъ мерина въ покоѣ и лишь облекъ это явленіе въ латинскую фразу: „Equus aquam bibit“. Предметы и явленія теряли для него прямое значеніе. Сіяло небо, солнце грѣло своими лучами, облачка перегонялись, зной въ долинѣ колебался, какъ въ зыбкѣ, летѣлъ рой пчелъ, шмели жужжали, каркалъ грачъ, вдали ржалъ жеребенокъ, выпь тосковала, гудѣло въ лѣсу, роща вздыхала надъ ручьемъ, — все это не радовало его, не задѣвало струнъ души, которыя словно покрылись старой-старой ржавчиной. Надъ его головой витали древнія слова древнихъ людей, жившихъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ; рѣяли и крутились въ воздухѣ чужіе, странные звуки; и ветхія слова были для ребенка новыми, таинственно завладѣвая его раскрытымъ для знанія крохотнымъ, но горячимъ сердцемъ. Его воображеніе занято было красотой не самихъ предметовъ съ ихъ дивными въ своемъ разнообразіи красками, звуками, формами и движеніями, со всѣмъ тѣмъ, что невольно вызываетъ въ живомъ человѣкѣ тотъ или иной волевой откликъ, а красотою звуковъ-названій, своеобразная жизнь которой становилась заманчивѣе въ своей отвлеченности и влекла къ себѣ, какъ сладкоголосая сирена незримой музыкой.

— Что лучше: вода или „aqua“? „Aqua“ лучше... Крѣпче. Лягушки *квакаютъ*, — безъ воды жить не могутъ... „Aqua“ лучше воды... „Солнце“—„Sol“,—ну, это почти одно и тоже... „Богъ“ — „Deus“ — опять крѣпче, сильнѣе по-латыни. Тоже самое и „Qéos“.

И мальчикъ вырабатывалъ въ себѣ склонность къ мертвымъ, исчезнувшимъ изъ міра словамъ, находя ихъ болѣе

выразительными и правильными, чѣмъ въ живомъ, родномъ языкѣ. Онъ уже стоялъ на грани тѣхъ путей, гдѣ, съ одной стороны, кончается живая связь живого человѣка съ живой природой и начинается, съ другой, странная жизнь надъ жизнью — иллюзія: обозначеніе одного предмета и понятія множествомъ словъ, не увеличивающихъ суммы дѣйствительнаго знанія,—та невозможная игра, которая могла бы случиться только у художника, еслибы онъ вздумалъ всю сотню своихъ картинъ писать на одномъ и томъ же полотнѣ:—холстъ отъ нагроможденныхъ другъ на друга красокъ выросъ бы въ толщу брони, но всѣ оцѣнили бы этотъ сложный трудъ только по послѣднему пейзажу, упразднившему девяносто девять предыдущихъ.

— Ты что же?—вдругъ вскричалъ проснувшійся Веряшка.—Видишь, а не зовешь?

— Что?—задрожалъ замечтавшійся Емеля.

— Меринъ пошелъ къ водѣ, а тебѣ и горя мало? Лошадь, потная, напьется, тогда что?

— А что?—робѣлъ мальчикъ.

— Опоеная будетъ... истуканъ!—Веряшка пошелъ за лошадью. — Ладно, что буланый... безъ того давно опоенъ... А за чалаго я бы тебѣ задалъ... Чего смотришь? Все только въ книжку? Не надоѣла, знать, въ училищѣ... Какъ я погляжу на тебя, Емелька, совсѣмъ ты не человѣкомъ сталъ... Зеленый весь, тонкій, какъ глиста... Аль матери нечѣмъ было кормить тебя? Ходилъ бы и ты съ ней на поденщину: у насъ щи, каша каждый день... свѣжина...

Въ это время грянулъ надъ камышами выстрѣлъ, сопровождаемый радостнымъ крикомъ:

— Убилъ! Кряковую!

И Веряшка пустился на мѣсто выстрѣла, второпяхъ увлекая за собою въ поводу и опоенную лошадь.

Емеля сначала обрадовался за Петрякa, потомъ пожалѣлъ утку, истекавшую кровью въ смертельныхъ судорогахъ. Но вскорѣ и эти чувства застыли въ равнодушной фразѣ: „Avis a puero perdita est“, доставившей заучившемуся латынью мальчику новый предлогъ къ сознанію, что его голова все легче и легче справляется съ римской рѣчью, и что онъ, Богъ дастъ, не сконфузится предъ Никодимомъ Петровичемъ. Между тѣмъ, Петрякъ воодушевлялся:

— Жаримъ утку, Веряшка?! На шомполѣ, да въ жаръ! А ты, Емелька, что губы поджалъ?

— Въ книжку все читать, чуть чалаго не сгубилъ,—доложилъ Веряшка.

Петрякъ, увидѣвъ за спиной Емели знакомый переплетъ, съ укоромъ покачалъ головой и со словами: „Пакость! Вигѣть не могу!“ выхватилъ и бросилъ книжку въ костеръ.

— Что ты, что ты, Петя?—взмолился Емеля и потянулся спасать. Но Петрякъ держалъ его за ноги. Емеля ползъ и огребался руками, какъ на водѣ, стремясь доплыть до огня. Веряшка хохоталъ надъ тѣмъ, какъ Петрякъ двигалъ товарища взадъ и впередъ, какъ тачку. Книжки горѣли... Емелѣ хотѣлось плакать, но когда работникъ дунулъ въ костеръ и, при видѣ полетѣвшаго вверхъ пепла, произнесъ равнодушно: „Вотъ-те и наука!“—онъ улыбнулся. Когда же потомъ Петрякъ увѣрилъ, что отдастъ взамѣнъ исчезнувшихъ свои книжки, и Емелѣ не придется отвѣчать за утрату предъ Тебекой, Емеля даже разсмѣялся, и на душѣ у него стало легко и какъ то просторно. Тогда Петрякъ, довольный шуткой и внутренно польщенный тѣмъ, что въ его власти и огорчить, и утѣшить товарища, заговорилъ не безъ ироніи:

— Ну-ка, вотъ теперь, безъ книжки переведи: „Слава губитъ многихъ мужей“. Посмотримъ, много-ли знаешь?

— Да! въ самъ-дѣлѣ! Съ книжкой-то всякій можетъ,—вмѣшался и Веряшка.

Бабушкинъ отвѣтилъ безъ запинки. Петръ еще задалъ знакомую фразу изъ перваго параграфа учебника, изображая экзаменатора, и Бабушкинъ опять отвѣтилъ. Веряшка, сохраняя на лицѣ профессорскую печать вдумчивости и полнѣйшаго вниманія къ отвѣтамъ, попробовалъ было усумниться:

— А не вретъ?

— Нѣтъ, все вѣрно,—свысока отвѣтилъ Ягодинскій. Емеля былъ польщенъ.

— А ну-ка, и я задамъ тебѣ, Ягодинскій, фразу,—сказалъ онъ:—„Тарантасъ наполненъ вещами“. Переведи.

— Этого нѣтъ въ учебникѣ.

— А я знаю.

— А мнѣ, съ позволенья сказать... наплевать!

— Тарантасъ пора снаряжать—вотъ что я вамъ скажу,—произнесъ Веряшка, вставая и радуясь своему участію въ ученомъ разговорѣ.

— „Tempus запряганди“,—весело перевелъ Петрякъ.

Ночевать путники заѣхали въ большое торговое село Маресево, на лучшій постоялый дворъ, гдѣ къ услугамъ проѣзжающихъ была особая комната съ открытымъ балкономъ, обращеннымъ въ палисадникъ.

Устроивъ себѣ постели на балконѣ, мальчики улеглись рядомъ подъ овчиннымъ тулупомъ и не замѣтили, какъ уснули, глотая раскрытымъ ртомъ чистый воздухъ августовской ночи. Полный мѣсяцъ лилъ свой серебряный ровный свѣтъ на довольныя лица сладко бредившихъ дѣтей и выманивалъ у нихъ улыбку, которая летѣла къ мерцавшимъ крупнымъ звѣздамъ.

На второй день къ вечеру Галчихинцы пріѣхали въ Лишаи.

— Гудетъ... ишь, какъ гудетъ домъ-отъ вашъ, ровно пчельникъ. Знать, всѣ съѣхались,—говорилъ Веряшка, боязливо прислушиваясь къ шуму изъ раскрытыхъ оконъ училища. Прощаясь съ ребятами, онъ долго удерживалъ руку Ягодинскаго въ своей, говоря:

— Ружье-то гдѣ спрятать? На банѣ—что ль? Ладно... Дай ты мнѣ оставшіе заряды на счастье,—можетъ, лиса встрѣтится, жалко будетъ пропустить.

— Всѣ-то не дамъ. Могутъ самому пригодиться.

— Безъ ружья-то?

— Ну! А фейерверки пущать? Бенгальскій огонь...

— Смотри, парень, кабы за эфто отсюда тебя не пыхнули!. А между прочимъ, и табачекъ... — тише напоминалъ работникъ.

— Папиросы возьми.—И оглядѣвшись кругомъ, Петрякъ сунулъ Веряшкѣ портсигаръ.

— Спасибо! Прощайте, Петръ Лександрычъ! Прощай, Емеля. Ежели осенью меня не забрѣютъ въ солдаты, пріѣду за вами къ Рожеству. Молите Бога, чтобы мнѣ вышелъ дальній жеребій. Въ святки по зайцамъ ходить будемъ...

И Веряшка поѣхалъ обратно одинъ. Погода перемѣнилась и хмурилась. По небу прошли тучи. Солнце израсходовало въ предыдущіе жаркіе дни послѣднюю свою ласку, свой горячій прощальный привѣтъ, и земля, завертываясь въ туманный покровъ, перестала дышать прежнимъ теплом. Одиночество заставило Веряшку на обратной дорогѣ часто заѣзжать въ кабаки, и съ тоски онъ пропилъ не только сбереженья отъ постоялыхъ дворовъ, но и самое Петряково ружье. Въ село онъ вернулся одинъ, похмѣльный и скучный...

VII.

Когда Ягодинскаго „подвергали переэкзаменовкѣ“, смотритель Сидонскій позвалъ въ канцелярію Емелю Бабушкина и началъ:

— Дурацкихъ писемъ начальству писать не смѣй, а индюка оставь въ покоѣ. Пшелъ!..

Емеля повернулся къ выходу.

— Стой!

Емеля обернулся.

— Переведи: „Солнце всходитъ и заходитъ“...

Емеля отвѣтилъ.

— Гм... А какъ зовутъ твою учительницу?—И когда Емеля назвалъ, Никодимъ Петровичъ прибавилъ сурово, но благосклонно:

— Кланяйся ей.

Черезъ двѣ недѣли Сидонскій замѣтилъ, что Емеля читаетъ большую книгу съ картинками,—это былъ томъ Брэма.

— Любишь?.. О чемъ?

— О кенгуру... сумчатыя животныя...

— Читай, читай... Вотъ о муравьяхъ еще прочти и о пчелахъ... У меня своя есть книга, я тебѣ дамъ. А будешь писать Аннѣ Павловнѣ, увѣдомь, чтобы она денегъ за тебя больше не высылала... Я выхлопочу тебѣ изъ благотворительнаго общества...

Голосъ Сидонскаго оборвался. Емелѣ показалось, что Никодимъ Петровичъ, какъ будто, конфузится, отворачивается... И что-то новое, радостное заблистало въ глазахъ мальчика, когда онъ смотрѣлъ въ согнутую спину быстро удалявшагося грознаго человѣка. Емеля даже остолбенѣлъ, чувствуя, какъ неудержимо бьется его сердце, какъ кровь стучитъ въ выпуклые виски и духъ захватываетъ.

— Что ты какой блѣдный?—спросилъ надзиратель, котораго ученики звали „Алеутомъ".—Въ карцеръ, что ли, тебя послалъ Никодимъ Петровичъ?

— Нѣтъ... пособіе... пособіе!..

И слезы радости хлынули ручьемъ...

Прошелъ сентябрь. Ученье въ „малой семинаріи" было въ полномъ ходу, и учителя въ учительской комнатѣ выставляли въ вѣдомостяхъ баллы за первый мѣсяцъ. Вскользь говорили о томъ, о другомъ ученикѣ, упомянули и Галчихинцевъ. Ягодинскій переэкзаменовки не выдержалъ и претерпѣлъ новое родительское внушеніе.

— Читать разучился за вакатъ, остолопъ!—говорили учителя.—Хуже новенькихъ.

— Да, новенькіе пока ничего. А Бабушкинъ такъ совсѣмъ хорошо,—отозвался грекъ Анировъ.

— Этотъ идетъ великолѣпно!—восторженно отозвался латинистъ.—У меня первымъ. Но отчего онъ такой худой, блѣдный, вялый?.. Полный контрастъ Ягодинскому... Кашляетъ...

— Совсѣмъ не выходитъ изъ корпуса,—объяснялъ „Алеутъ",—выгонять приходится.

— Кабы голову Бабушкина да на туловище Ягодинскаго!..—мечталъ Фіаловъ.—Былъ бы тогда у насъ „сверхъученикъ".

Никодимъ Петровичъ молчалъ. Онъ отвернулся къ окну и смотрѣлъ въ тарелку, гдѣ присохъ забытый отъ лѣта и пока не убранный грязный бумажный листокъ для мора мухъ, на которомъ было напечатано: — „Смерть мухамъ!!! Сія бумажка употребляется, промачивая ее въ тарелкѣ 2 ложками водою и не давая ей просыхать".

Онъ вышелъ изъ учительской, повторяя на ходу:

— Гм... „Не давая просыхать“... Штука обоюдоострая...

Въ актовомъ залѣ онъ встрѣтилъ Бабушкина, по обыкновенію, углубившагося въ чтеніе. Бросивъ тревожный взглядъ на зеленое лицо ученика, ставшаго самымъ первымъ и вмѣстѣ самымъ зеленымъ въ классѣ, вслѣдствіе особыхъ мѣръ вожделѣннаго преуспѣянія, педагогъ ощутилъ въ себѣ присутствіе сложной, острой и мучительной загадки. Онъ спустился въ свою квартиру и еще разъ спросилъ себя:

— А хорошо ли это? Можетъ быть, надо „давать просыхать“, хоть за лѣто?

И, рѣшивъ вопросъ утвердительно, онъ сказалъ сторожу Афанасію:

— Принеси-ка изъ погреба тебеку, которая побольше...

Потомъ Никодимъ Петровичъ сталъ точно собираться куда-то въ отъѣздъ: сложилъ всѣ дѣловыя бумаги, пересчиталъ деньги, часть—рублей двадцать—отложилъ, а конторку заперъ, и вручая ключи и деньги Афанасію, прибавилъ:

— Блюди и бодрствуй, дондеже... Понимаешь?

Афонька сдвинулъ брови, угрюмо мотнулъ головой въ знакъ согласія и придалъ лицу строго-вдумчивое, озабоченное выраженіе,—слова начальника возлагали на него много обязанностей по части спасенія чести и добраго имени заведенія и открывали временныя полномочія. Полагая, что порядокъ только до тѣхъ поръ и порядокъ, пока сторожа ведутъ исправно свое дѣло, Афанасій зорко слѣдилъ за ними, требуя чистоты и исполнительности, а для большаго вѣса надѣвалъ на себя фельдфебельскую форму съ нашивками и медалью, гладко выбривалъ щеки и фабрилъ усы чѣмъ-то клейкимъ, вслѣдствіе чего они торчали въ стороны, какъ тупыя шилья. Такимъ бравымъ видомъ первый сторожъ училища думалъ нагнать страху на низшую братію, которая, для отвлеченія фельдфебельскаго гнѣва, величала его „вашимъ благородіемъ“. Учителя, проходя мимо, едва сдерживали улыбку, а Фіаловъ прямо восторгался:

— Кабы булаву тебѣ въ руки, Афанасій, что было бы!

— Еще бы!—увѣренно соглашался Афанасій.

Надзиратель „Алеутъ“ иной разъ обращался даже къ Афанасію за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ вопросовъ:

— А что, Афанасій Трифонычъ, можно учениковъ отпускать въ городъ погулять?

— Какъ обнаковенно, въ протчее время...

— Ты бы спросилъ у Никодима Петровича

Трифонычъ удалялся въ смотрительскую квартиру, выстаивалъ для видимости въ прихожей минуту и объявлялъ потомъ:

— Можно.

— А какъ насчетъ двоечниковъ—въ карцеръ ихъ, или безъ обѣда?—И на это Афанасій приносилъ отвѣтъ:

— Пущай отдóхнутъ!

Надзиратель хорошо зналъ, что въ этихъ распоряженіяхъ Никодимъ Петровичъ нисколько не участвовалъ, но такъ какъ распоряженія были чрезвычайно разумны и благовременны, то всѣмъ нравились и исполнялись. Самъ Афанасій понималъ, что строгостью теперь мало возьмешь, а только испортишь дѣло, и любимымъ его выраженіемъ было: „Полегче".

— Полегче!—говорилъ онъ и ученикамъ, когда тѣ слишкомъ шумно бѣжали въ столовую обѣдать.

Въ сущности, поддержаніе порядка лежало теперь на помощникѣ смотрителя Евсевіи Препоновѣ; но, такъ какъ Никодимъ Петровичъ прямо не уполномочивалъ его на это, сохраняя за собою право нѣкоторыхъ заочныхъ распоряженій чрезъ Афанасія, то и Препоновъ увлекался общимъ настроеніемъ тебечнаго праздника и не противился ходу событій.

Въ то время, какъ оживленіе охватило весь корпусъ, въ квартирѣ смотрителя наступила тишина. Маргарита Арсеньевна старалась, какъ можно меньше, находиться дома, уводя Борю гулять.

Въ прихожей, у дверей кабинета, Афанасій расположился съ самоваромъ и пилъ свой безконечный чай, являясь изрѣдка на зовъ хозяина, который шагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, выпивая рюмку за рюмкой. Съ каждымъ часомъ въ кабинетѣ учащались вздохи, сопровождавшіеся отрывочными словами:

— Да. Такъ вотъ оно и выходитъ: гадко... подло... мерзко... ерунда.

Ночь прошла безъ сна; шаги становились быстрѣе, и къ вечеру слѣдующаго дня слышалось громче:

— Неправда!.. Знаю и безъ тебя! Уйди! Провались въ преисподнюю!.

Только Афанасій понималъ настроеніе своего барина, думая про себя:

— Начинается... Теперь пробокъ припасти.

И убравъ изъ кабинета чернильницу, книги, счеты и прочіе лишніе предметы, онъ положилъ на столъ кучку пробокъ, которыя Никодимъ Петровичъ, по обычному ходу болѣзни, на четвертый день начиналъ бросать по разнымъ направленіямъ, поражая невидимаго врага съ зелеными глазами, хвостомъ и рогами. Для Афанасія „врагъ" оставался невидимымъ, но онъ питалъ глубокую увѣренность, что незримый собесѣдникъ Никодима Петровича, дѣйствительно, мечется по угламъ, избѣгая мѣткихъ пуль, потому что на великіе Христовы праздники и съ Афанасіемъ Трифонычемъ приключалось то же самое.

— Ну, ну, подойди... Ничего, подходи и объяснись... Прежде всего: какъ тебя звать?—спрашивалъ Никодимъ Петровичъ.—Вельзевулъ? Врешь! Не можетъ быть. Этотъ господинъ такъ сразу не объявится,—пошлетъ сначала подручнаго. Ты, собственно, мелкій бѣсенокъ, незаслуженный и неопытный... Мелюзга... Ну, что скажешь, малышка?

Наступала пауза. Никодимъ Петровичъ наклонялъ ухо и какъ бы прислушивался, а потомъ возражалъ:

— Ну, это ты вре-ошь!.. Ты говоришь—я ихъ калѣчу? Неправда. Я ихъ люблю. Это слово тебѣ непонятно, а я люблю... И потому закаляю... Гуманность?.. Хорошо!.. Нѣжныя чувства? Отлично. А что будетъ съ нѣжными чувствами послѣ, когда они войдутъ въ жизнь?.. А! ты не знаешь? Нѣтъ братъ, врешь!.. Хорошо знаешь... Изъ теплицы, да на морозъ. Нѣтъ, шалишь! Спартанцы были умные люди... И я знаю, что дѣлаю... Я ихъ дублю, какъ кожу... Шкуру сначала мочатъ, она киснетъ въ чану въ необычайномъ зловоніи, потомъ ее стругаютъ, вытягиваютъ, затѣмъ дубятъ, и чѣмъ больше ее трутъ и мнутъ, тѣмъ она тверже... Такъ и я дублю души, чтобы онѣ были носкія... Понимаешь ты это: имъ придется быть ничѣмъ инымъ, какъ подметками общей жизни. Жизни надо бояться, къ ней надо готовиться... Начало премудрости—страхъ... И блаженны трепещущіе...

— А Бабушкинъ?.. А?.. Ну, что-жъ Бабушкинъ... Способный мальчикъ, пытливая голова... Преуспѣваетъ... Да, преуспѣлъ: совсѣмъ зеленый... и кашляетъ... И—уже ощутилъ трепетъ... А, ну! Уходи, сокройся съ глазъ...

Пробка летѣла черезъ комнату и стукалась въ стѣнку... Но, видимо, собесѣдникъ не унимался. Голосъ Никодима Петровича мѣнялся, въ немъ появлялись то торжествующія, то жалкія ноты...

— Да, конечно... Письмо—это дерзость... И хотя, всетаки, ощущается трепетъ, но самый, такъ сказать, фактъ... Кто посмѣлъ бы въ наше время?.. Да, да... это правда... И если это терпимо... И если это трогаетъ... И если за это я теперь люблю его и... до нѣкоторой степени поощряю... А, бѣсовское отродье! Вотъ ты куда гнешь?..

Новая частая канонада заставила даже Афанасія насторожиться. Но черезъ минуту канонада стихла. Никодимъ Петровичъ говорилъ растроганно и тихо.

— А была и молодость... Были и мечты... Были... Куда ушло?.. Смято все... Сначала мучился, все ждалъ чего-то: вотъ перемѣнится что-то, и жизнь потребуетъ уже не трепета... Еще немного—и заблещетъ заря, взойдетъ солнце, заликуетъ земля, „и вѣтеръ, лаская листочки древесъ“, прогонитъ всѣ эти грозныя тучи... А на повѣрку выходило, что за тучами шли только новыя тучи. Голова серебри-

лась, потомъ стала совсѣмъ бѣлой, глаза слабѣли... А тамъ уже время уходило незамѣтно... годъ за годомъ, одинъ, какъ другой... Забывались мечты, смолкали ожиданія, и въ концѣ концовъ... Кто такой Никодимъ Петровичъ Сидонскій?.. Честный приказчикъ предпріятія, въ которомъ не участвуетъ душой... И за это... одобренія, благодарности, отличія... За что? За страхъ, но не за совѣсть...

Въ комнатѣ царило долгое молчаніе... Но собесѣдникъ не уходилъ. Напротивъ, приходили еще другіе, много другихъ, и дразнили и упрекали, и говорили о томъ, что въ Никодимѣ Петровичѣ поздно проснулась старая закваска, и что она судитъ всю его жизнь,—и насажденіе трепета, и все вожделѣнное преуспѣяніе... И что все это, можетъ быть, одна сплошная ошибка, которую вскрылъ иносословный Емеля Бабушкинъ... А сколько ихъ, такихъ Емелей, тамъ... назади... въ этой жизни, на встрѣчу которой они шли съ однимъ только трепетомъ.

. . . . . .

Тебека оказалась такая огромная, какихъ раньше, должно быть, не попадалось. Никодимъ Петровичъ не показывался цѣлую недѣлю. За это время ученики успѣли не разъ устроить въ саду торжественныя военныя маршировки. Предводительствовалъ Петръ Ягодинскій, который купилъ на базарѣ тыкву и насадилъ ее на длинный шестъ. Впрочемъ „Алеутъ“ изловилъ его, и онъ отсидѣлъ въ карцерѣ такъ же легко и беззаботно, какъ ѣлъ обыкновенно свой супъ.

Наконецъ, „послѣдній день большой Тебеки“ завершился, и притомъ завершился необычайно. Поздно вечеромъ Никодимъ Петровичъ позвалъ къ себѣ Бабушкина съ латинской и греческой грамматиками.

— Положи ихъ вонъ туда...—показалъ онъ на каминъ и сталъ держать надъ лампой расщепленную лучину. Лучина занялась не со стороны, обращенной къ огню, а съ противоположной: огонь сверху, какъ будто съ потолка, спустился длиннымъ, утолщеннымъ книзу языкомъ и потомъ уже схватилъ всю лучину. Никодимъ Петровичъ поднесъ огонь къ книжкамъ и онѣ запылали на глазахъ удивленнаго мальчика, смотрѣвшаго на эту неожиданность съ недоумѣніемъ и испугомъ. А суровый голосъ Никодима Петровича, мѣшаясь со слезами, произносилъ странныя, небывалыя рѣчи:

— Не надо *такъ* учиться, дурачокъ... Брось!.. Гуляй съ утра и до вечера.. И пока зелень не сойдетъ съ лица, не показывайся мнѣ на глаза...

Но еще болѣе удивился Емеля, когда Никодимъ Петровичъ поцѣловалъ его въ голову и сказалъ со вздохомъ:

— Больше ничего... Иди, мальчикъ...

И душа мальчика выросла въ эту одну краткую минуту больше, чѣмъ за цѣлые годы „вожделѣннаго преуспѣянія“...

VIII.

Въ прежнія времена увлеченіе „тебекой“ оканчивалось у Никодима Петровича безъ особой тревоги. Пройдетъ день-другой въ нѣкоторомъ смущеніи и неловкости предъ учителями, и онъ овладѣетъ собою и своимъ положеніемъ... На этотъ разъ—вышло иначе.

Самый праздникъ, чрезмѣрно затянувшійся, сталъ надоѣдать, и всѣ понемногу вернулись къ обычнымъ занятіямъ и чувствамъ. Послѣ строгаго допроса, учиненнаго помощникомъ Препоновымъ Бабушкину относительно происходившаго въ кабинетѣ у смотрителя, сожженіе учебниковъ ни для кого не осталось тайной. Учителя заговорили, что смотритель „чудитъ“ и, должно быть, подъ старость выжилъ изъ ума... Пора старику на покой, къ тихой пристани, тѣмъ болѣе, что послужилъ вѣдь, „дай Богъ всякому“, имѣетъ всѣ чины и ордена, похвальные отзывы ревизоровъ, много благодарностей отъ начальства и духовенства. Впереди—полная пенсія обезпечивающая приличный кусокъ хлѣба...

Ставили также вопросъ: можетъ ли начальникъ, выразившій такое соблазнительное пренебреженіе къ наукѣ, стоять на высотѣ преслѣдуемыхъ заведеніемъ задачъ и вести съ надлежащимъ успѣхомъ святое дѣло воспитанія? Вспоминали даже евангельскій „жерновъ осельный“...

Вліяніе соблазнительнаго случая съ учебниками замѣчали теперь повсюду,—въ каждой двойкѣ лѣниваго ученика, во всякой шалости. Говорили объ ослабленіи дисциплины, и по тону жалобщиковъ, а иногда и по прямымъ намекамъ помощника выходило, что ребята распустились, „главнымъ образомъ“ и „особенно“, съ 11-го октября („день сожженія“)... Никодимъ Петровичъ выслушивалъ все это угрюмо и напоминалъ Самсона съ обрѣзанными волосами. Его выговоры и внушенія потеряли прежнюю силу и убѣжденность, а самыя усилія вернуться къ строгимъ нагоняямъ какъ-то странно выгибали и кривили лѣвый уголъ верхней губы.

— Словно кто подмѣнилъ меня,—думалъ Никодимъ Петровичъ, и самъ онъ и всѣ чувствовали, что сломалось что-то рѣшительно и непоправимо, такъ что нельзя уже найти рычага, который бы все поставилъ на старое мѣсто.

Изъ пепла сожженныхъ учебниковъ возникла преграда, которая съ каждымъ днемъ выростала выше и отдѣляла смотрителя отъ училища. Никодимъ Петровичъ съ волненіемъ и страхомъ видѣлъ, что онъ становится чуждымъ всему

въ училищѣ—учителямъ, ученикамъ, начальству. Стало понятно многое: и необычайная серьезность и молчаливость учителей, и самоуглубленность, драматическіе вздохи и холодность Евсевія Препонова, соединявшаго съ изысканною сухою деликатностью внѣшняго обращенія особенное, невидимое дотолѣ, напряженіе инспекторскихъ силъ, какъ будто говорившее: „Теперь все на мнѣ одномъ“. Понятны стали и тѣ выразительные взгляды, которые кидалъ на помощника грекъ Аниpовъ, и таинственный шепотъ въ темныхъ, покрытыхъ паутиною, углахъ между этими двумя господами, прежде такъ не терпѣвшими другъ друга, а теперь сдружившимися—на радостяхъ чужого паденія. Было ясно, что давно лелѣемая мечта Препонова — стать во главѣ училища — близится къ осуществленію, а нетерпѣливый Аниpовъ весь уже свѣтился радостной надеждой стать помощникомъ, вмѣсто Препонова. Сидонскій все это чувствовалъ и покорно ждалъ послѣдствій, которыя не замедлили выразиться въ пространномъ письмѣ „оттуда“. Сквозь множество запутанныхъ любезностями выраженій по адресу Никодима Петровича въ конфиденціальномъ письмѣ слышался явный совѣтъ:

— Не благовременно ли почить отъ дѣлъ...

Никодимъ Петровичъ съ полнымъ равнодушіемъ отнесся къ предложенію выйти въ отставку, даже и не подумавъ — путемъ личныхъ объясненій удержаться на мѣстѣ.

И хорошо сдѣлалъ: иначе ему пришлось бы узнать, что онъ, Сидонскій, не только въ пьяномъ видѣ истреблялъ огнемъ учебники, стоющіе „рубль шесть гривенъ“, но еще и въ трезвомъ состояніи подавалъ примѣръ соблазнительной жизни, держа у себя „безъ законныхъ основаній“ сестру умершей жены...

Сдавъ должность Препонову, Сидонскій сталъ собираться къ отъѣзду въ губернскій городъ... Лишаи и любимое дотолѣ лишаевское училище стали ему противны, почти ненавистны. Ягодинскій въ первый же день исправленія Евсевіемъ Препоновымъ смотрительской должности былъ исключенъ съ плохой отмѣткой за поведеніе, и Никодимъ Петровичъ, не безъ основанія предполагая, что теперь и Бабушкину нечего мечтать о пособіи, рѣшилъ взять его съ собою...

Въ одно зимнее раннее утро, лишь забрезжилъ разсвѣтъ, Сидонскій сидѣлъ въ саняхъ рядомъ съ Емелей. Въ другихъ саняхъ помѣщался Боря съ мамой Ритой, а на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ возсѣдалъ Афанасій, упросившій взять и его съ собою... Къ общему удивленію, не смотря на ранній часъ, ученики гурьбой высыпали на дворъ... Кое-гдѣ слышались всхлипыванія...

Никодиму Петровичу пришлось вылѣзть изъ саней... Онъ

подошелъ къ толпѣ и поцѣловалъ перваго попавшагося ученика, съ трудомъ выговаривая отъ волненія:

— Прощайте, ребята! Прощайте... Не... поминайте лихомъ!

Сани тронулись, провожаемыя трогательнымъ плачемъ дѣтворы, все простившей и все забывшей, кромѣ крупицы добра и любви.

IX.

Года полтора спустя, учитель Фіаловъ, воротившись изъ лѣтняго путешествія, разсказывалъ сослуживцамъ:

— А вѣдь я, господа, побывалъ у Сидонскаго. Хоть онъ тогда съ нами и не простился, но мнѣ все таки хотѣлось его повидать. Знаете, любопытно посмотрѣть, какъ живетъ наша братія въ отставкѣ, заглянуть этакъ въ свое будущее, черезъ чужую жизнь...

— Ну, и что же?

— Живетъ нашъ Никодимъ Петровичъ на окраинѣ города въ собственномъ голубомъ домикѣ подъ зеленой крышей съ мезониномъ. Признаюсь, сердце у меня стучало, когда я взбирался къ нему по скрипучей лѣстницѣ; думаю — скажетъ: „Пшелъ!“ Но нѣтъ... обрадовался! Ну, конечно, воспоминанія, угощенія...

— И, разумѣется, тебека на сцену?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ... Самъ, говоритъ, не пью и другихъ не угощаю! Цѣлыя сутки провелъ я у него: хорошо! Прямо съ балкончика садъ съ двумя рядами яблонь, по скату между молодыми осинками, вплоть до рѣки, широкая лужайка съ яркой зеленью...

— Скажите, какая поэзія!..—насмѣшливо отозвался новый смотритель, но на препоновскую шутку улыбнулся только Анировъ. Фіаловъ продолжалъ:

— Да, поэзія... И чудеса, если хотите... Я не узналъ Никодима Петровича: веселый, добродушный, точно моложе сталъ... Живутъ всѣ вмѣстѣ.

— Кто всѣ?

— Да все наши знаменитые лишаевцы и галчихинцы. Маргарита Арсеньевна Приклонская, Анна Павловна Турутина, Емельянъ Бабушкинъ, Борисъ, котораго зовутъ почему-то Дѣдушкинымъ... Анисья-кухарка, мать Емельяна... На ней женился нашъ Афонька и состоитъ дворникомъ тамъ же.

— Всѣ семеро на шеѣ Сидонскаго?—изумлялась корпорація.

— Не совсѣмъ. Приклонская и Турутина взялись за учительство, и имъ удалось обѣимъ устроиться въ школѣ... Емельянъ учится въ гимназіи, и учится великолѣпно, первымъ идетъ... Никодимъ Петровичъ сдѣлался ярымъ собирателемъ

архивныхъ матеріаловъ, всюду копается, въ канцеляріяхъ, въ церквахъ,—самый дѣятельный докладчикъ и секретарь въ археологической коммиссіи... И характеръ измѣнился до неузнаваемости: мягкость какая-то появилась,—просто невѣроятно! А что всего интереснѣе, господа,—я встрѣтилъ тамъ, въ голубомъ домикѣ, всѣмъ намъ хорошо извѣстнаго пріятеля.

— Кого же?

— Представьте—входитъ дюжій и юркій дѣтина съ веселой гримасой на лицѣ, подаетъ руку и говоритъ: „Здравствуйте, Иванъ Макарычъ!“ Смотрю въ недоумѣніи...—„Не узнаете?“—спрашиваетъ Никодимъ Петровичъ и рекомендуетъ:—„глаголемый Петрякъ, а нынѣ Петръ Александровичъ Ягодинскій, первый помощникъ второго режиссера мѣстнаго театра... Глотаетъ драму за драмой — Шекспира, Ибсена, Гауптмана... Тоже, вотъ, сжегъ книги Узявѣ“...

— Кается, значитъ, Сидонскій?

— Нисколько! Смѣется... „Это, говоритъ, пресловутое аутодафе единственный свѣтлый лучъ въ моей тусклой жизни“... И вѣдь вотъ, господа, удивительно,—продолжалъ Фіаловъ:—Петръ Ягодинскій, котораго всѣ мы рѣшительно терпѣть не могли, показался мнѣ теперь симпатичнѣйшимъ юношей. Думалось—дуракъ форменный и негодяй, а теперь смотрю: милый малый, пріятный, остроумный.

Учителя утомились слушать разглагольствованія „любителя Ницше“ и стали расходиться по классамъ. Фіалову не оставалось ничего, какъ послѣдовать примѣру товарищей, и, пройдя по гулкимъ корридорамъ съ запертыми дверьми, изъза которыхъ неясно доносились голоса преподавателей, онъ вошелъ въ свой классъ, сѣлъ на каѳедру и открылъ первый урокъ новаго курса.

— Диктовка... Пишите: „Снѣгъ бываетъ бѣлый“.

Онъ раздраженно сцѣпилъ зубы при мысли, что даетъ эту фразу ежегодно въ первый урокъ, вотъ уже двадцать второй годъ, еще дастъ за свою службу три раза, а потомъ... выйдетъ на пенсію...

С. Елеонскій.

Экспериментальное искусство.

Четверть вѣка назадъ талантливый французскій романистъ, пытаясь дать теоретическое оправданіе тому, что онъ считалъ новымъ въ своемъ творчествѣ, выступилъ передъ русской публикой съ теоріей, отъ которой теперь осталось, какъ извѣстно, одно лишь названіе. Теорія „экспериментальнаго романа“ удивляла слабостью логической мысли въ выдающемся художникѣ и вызывала въ средѣ поклонниковъ его изобразительнаго дара одно недоумѣніе.

Пріемы построенія теоріи были очень просты. Взявъ въ руки „Введеніе въ изученіе экспериментальной медицины“ Клода Бернара, Эмиль Зола рѣшилъ, что здѣсь именно нашелъ то, что ему надо. Почему? Потому что „медицина, въ глазахъ очень многихъ, остается еще на степени искусства, подобно роману“. Разницы въ психологіи созданія и логикѣ построенія между медицинской теоріей и романомъ нѣтъ никакой; это облегчаетъ задачу теоріи романа. „Это будетъ только компиляція текстовъ, такъ какъ я намѣренъ во всѣмъ пунктамъ держаться Клода Бернара. Чаще всего мнѣ будетъ достаточно замѣнить слово „экспериментаторъ“ или „медикъ“ словомъ—„романистъ“, чтобы придать своей мысли ясность и силу научной истины“.

Такъ Зола и сдѣлалъ. Онъ замѣнилъ слова и думалъ, что преобразуетъ мысли; ему казалось, будто онъ посредствомъ этой перестановки придаетъ своей теоріи ясность и силу научной истины. Нигдѣ онъ не позволилъ себѣ сказать о различіи между творчествомъ художественнымъ и теоретическимъ: онъ перенесъ „Введеніе“ Клода Бернара цѣликомъ въ теорію литературы. Клодъ Бернаръ разсуждаетъ о возможности примѣненія медицинскаго эксперимента къ живымъ тѣламъ,—Зола переноситъ этотъ вопросъ туда, гдѣ его нѣтъ: „если экспериментальный методъ могъ быть перенесенъ изъ химіи и физики въ физіологію и медицину, онъ можетъ быть примѣненъ къ натуралистическому роману“. Клодъ Бернаръ проводилъ разницу между наблюдателемъ и экспериментаторомъ въ естественныхъ наукахъ; Зола находитъ это различіе безъ всякихъ оговорокъ въ романѣ. Трудно представить себѣ путаницу ясныхъ и опредѣленныхъ терминовъ, получающихся отъ

этого преднамѣреннаго смѣшенія. „Имя *наблюдателя* даютъ тому—говоритъ Клодъ Бернаръ,—кто употребляетъ простые и сложные процессы изслѣдованія при изученіи явленій, не заставляя ихъ измѣняться и, слѣдовательно, принимая ихъ такими, какими предлагаетъ природа; имя *экспериментатора* даютъ тому, кто употребляетъ простые и сложные процессы изслѣдованія, чтобы разнообразить или измѣнять, съ извѣстною цѣлью, явленія природы и заставлять ихъ появляться въ такихъ обстоятельствахъ или условіяхъ, въ какихъ природа ихъ не представляетъ". „Напримѣръ,—пояснялъ Зола отъ себя —астрономія есть наука наблюдательная, такъ какъ нельзя себѣ представить астронома, дѣйствующаго на звѣзды, между тѣмъ какъ химія наука экспериментальная, такъ какъ химикъ дѣйствуетъ на природу и измѣняетъ ее". Такимъ образомъ художникъ-романистъ сходенъ не съ астрономомъ, который наблюдаетъ извѣстныя явленія и обобщаетъ, сводитъ къ законамъ ихъ отношенія, но съ химикомъ, который для этой наблюдательной и обобщающей работы продѣлываетъ извѣстныя манипуляціи надъ изучаемыми веществами, измѣняя ихъ и ставя въ извѣстныя условія. Романистъ не только наблюдаетъ живыя явленія и воспроизводитъ ихъ въ конкретно-обобщенныхъ образахъ: нѣтъ, онъ еще продѣлываетъ для этого опыты надъ живыми людьми. Аббатъ Мурэ или Нана Эмиля Зола суть результаты не только наблюденія, но и опыта. Баронъ Гюло въ „Cousine Bette" Бальзака—тоже. Это дѣлается очень просто—совсѣмъ какъ въ химіи. „Общій фактъ, наблюденный Бальзакомъ, это вредъ, который страстный темпераментъ человѣка приноситъ ему самому, семейству и обществу. Разъ выбравъ сюжетъ, онъ отправился отъ наблюденныхъ фактовъ, потомъ произвелъ свой опытъ, подчиняя Гюло цѣлой серіи испытаній, заставляя его дѣйствовать въ различной средѣ, чтобы показать функціонированіе механизма его страсти. Итакъ, очевидно, что здѣсь не только наблюденіе, но и опытъ, потому что Бальзакъ не является строгимъ фотографомъ собранныхъ имъ фактовъ, потому что онъ прямо вмѣшивается, ставя своего героя въ условія, которыхъ самъ остается хозяиномъ. Задача въ томъ, чтобы узнать, какія будутъ послѣдствія извѣстной страсти, дѣйствующей въ извѣстной обстановкѣ и условіяхъ, съ точки зрѣнія индивидума и общества; и экспериментальный романъ, напримѣръ, „Cousine Bette", есть только протоколъ опыта, который романистъ повторяетъ передъ глазами публики. Въ результатѣ вся операція состоитъ въ томъ, чтобы взять факты въ природѣ, затѣмъ изучать ихъ механизмъ, дѣйствуя на явленія посредствомъ измѣненія обстоятельствъ и среды, не удаляясь никогда отъ законовъ природы. Въ концѣ концовъ является знаніе человѣка, научное знаніе, въ его индивидуальныхъ и соціальныхъ дѣйствіяхъ".

„Безъ сомнѣнія,—прибавлялъ Зола,—мы далеки здѣсь отъ химической и даже физіологической точности". Только степень точности смущала его. Въ остальномъ „нельзя отрицать, что натуралистическій романъ есть настоящій опытъ, производимый романистомъ надъ человѣкомъ, при помощи наблюденій".

Едва ли есть необходимость останавливаться на множествѣ наглядныхъ несообразностей, вмѣщенныхъ неудачнымъ и несвѣдущимъ теоретикомъ въ его теорію. Она нашумѣла, была встрѣчена по заслугамъ и по заслугамъ забыта.

Тѣмъ страннѣе встрѣтиться въ наши дни съ попыткой—хотя бы и болѣе серьезной—вновь создать въ теоріи искусства категорію экспериментальнаго творчества; еще болѣе удивительно то, что на этотъ разъ этимъ безнадежнымъ дѣломъ занялся ученый, который по научной подготовкѣ, воспитанію мысли, по всѣмъ умственнымъ привычкамъ представляетъ, можно сказать, прямую противоположность создателю теоріи экспериментальнаго романа. Между тѣмъ въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ критическихъ работъ проф. Овсянико-Куликовскаго *) мы находимъ подробно развитую теорію особаго вида художественнаго творчества—творчества экспериментальнаго.

I.

Эта теорія экспериментальнаго искусства въ изображеніи проф. Овсянико-Куликовскаго покоится на различеніи двухъ типовъ художественнаго творчества: наблюдательнаго и опытнаго. Есть художники по преимуществу наблюдатели; другіе—по преимуществу экспериментаторы. „Художникъ либо *наблюдаетъ* дѣйствительность и въ своемъ произведеніи подводитъ итогъ этимъ наблюденіямъ, либо дѣлаетъ своего рода *опыты* надъ дѣйствительностью, выдѣляя извѣстныя, его интересующія черты или стороны ея, которыя вовсе въ ней не выдѣляются, а всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ даны въ соединеніи съ другими чертами или сторонами, ихъ заслоняющими".

Уже это предварительное и общее различеніе рождаетъ вопросы, на которые мы не находимъ здѣсь достаточнаго отвѣта. Прежде всего, какъ можно одной только категоріи художниковъ приписывать выдѣленіе извѣстныхъ чертъ, въ дѣйствительности соединенныхъ съ другими чертами? Вѣдь это выдѣленіе есть характернѣйшее свойство всякаго творчества. Еслибы дѣйствительность представляла намъ свои существенныя черты въ отобранномъ и подчеркнутомъ видѣ, то какое мѣсто могла бы имѣть

*) „Вопросы психологіи творчества". (Спб. 1902). „Н. В. Гоголь" (Москва, 1903). „Наблюдательный и экспериментальный методы въ искусствѣ". („Вѣстн. Восп." 1903 г., 2—5).

дѣятельность творца и мыслителя, заключающаяся именно въ улавливаніи этихъ чертъ и созданіи изъ нихъ образовъ, воспроизводящихъ хаотическій міръ дѣйствительности въ преображенномъ, упорядоченномъ видѣ. Неужто какой нибудь методъ творчества не подлежитъ этому общему опредѣленію?

Присмотримся еще ближе къ различенію, предложенному проф. Овсянико-Куликовскимъ, и для этой цѣли вспомнимъ предварительно, что въ концѣ концовъ, какъ напоминаетъ и авторъ, „опытъ есть разновидность наблюденія“: разница только въ томъ, что иногда явленіе наблюдается въ дѣйствительности, иногда—для удобства или самой возможности наблюденія воспроизводится искусственно. Итакъ творчество одного художника заключается въ томъ, что онъ „подводитъ итогъ наблюденіямъ“; творчество другого состоитъ въ томъ, что онъ „выдѣляетъ изъ дѣйствительности извѣстныя черты, въ ней не выдѣленныя“. Позволительно спросить: что такое это „подведеніе итоговъ“? Механическое соединеніе? Случайный подборъ? Едва ли. И до тѣхъ поръ, пока не раскрыто содержаніе этого неопредѣленнаго понятія, вполнѣ законно недоумѣніе: какая же, собственно, разница между „подведеніемъ итога“ и „выдѣленіемъ чертъ“; между творчествомъ наблюдательнымъ и экспериментальнымъ?

Въ дальнѣйшемъ различеніе двухъ намѣченныхъ типовъ художественнаго творчества получаетъ развитіе, которое однако не даетъ имъ достаточной степени отчетливости: почти все, что авторъ относитъ, какъ отличающую черту, къ одному типу, можетъ быть безъ натяжки отнесено къ другому; то же, что, дѣйствительно, указываетъ на нѣкоторую разницу, указываетъ не на небывалые и немыслимые въ искусствѣ эксперименты, а *на нѣчто иное.*

Итакъ, художникъ-наблюдатель, изучая людей и жизнь, стремится дать по возможности *правдивое* воспроизведеніе дѣйствительности, освѣтить картину такъ, какъ освѣщена сама дѣйствительность. Онъ не склоненъ очень сгущать краски или затушевывать извѣстныя явленія жизни; онъ не придаетъ особливаго развитія одной сторонѣ дѣйствительности въ ущербъ другой; онъ старается „соблюдать пропорціи“. Наоборотъ „въ произведеніяхъ художниковъ-экспериментаторовъ мы имѣемъ не широкую и разностороннюю картину жизни, а *нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ*, въ силу котораго изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко, такъ отчетливо, что ея смыслъ, ея роль становятся понятны всѣмъ. Въ нашей жизни вообще не мало сторонъ, ускользающихъ отъ сознанія или отъ правильной оцѣнки: мы плохо сознаемъ, напр., ту массу пошлости, глупости, умственной и нравственной темноты, какая разлита въ насъ и вокругъ насъ. Этого-то рода „стороны жизни“ рѣзко выдѣляются въ художественныхъ опытахъ и выставляются, какъ говорилъ Гоголь,

„на всенародныя очи“ въ созданіяхъ художниковъ-экспериментаторовъ“.

И здѣсь мы, конечно, не найдемъ ничего, говорящаго о художественномъ экспериментѣ. Всѣ художники именно потому художники, то есть мыслители, что въ ихъ произведеніяхъ „рѣзко выдѣляются“ посредствомъ „парочитаго подбора“ извѣстныя черты. Если намъ кажется, что эти черты выдѣлены слишкомъ рѣзко, мы отмѣчаемъ это несогласіе съ нашимъ представленіемъ о дѣйствительности, говоримъ, что это неправда, тенденція, шаржъ и т. п. Называя „экспериментаторами“ художниковъ, односторонне изображающихъ дѣйствительность и противополагая имъ художниковъ, „совершающихъ разносторонній подборъ чертъ“, проф. Овсянико-Куликовскій дѣйствительно признаетъ тенденцію однимъ изъ видовъ художественнаго эксперимента. Его характерныя черты односторонность и—источникъ этой односторонности—предвзятость. Художникъ-наблюдатель не направляется въ своей творческой работѣ ничѣмъ, предрѣшающимъ ея результаты. Душа его—какъ безразличное зеркало—„отражаетъ самую жизнь, которая есть равновѣсіе, хотя и неустойчивое, разнообразныхъ психическихъ факторовъ—чувствъ, страстей, мыслей, идей, идеаловъ. И въ творческой работѣ художника ни одно изъ этихъ предварительныхъ чувствъ, ни одна изъ этимъ интуитивныхъ мыслей не получаетъ рѣшительнаго преобладанія надъ другими и не является направляющимъ и предрѣшающимъ моментомъ художественныхъ изысканій, которыя такимъ образомъ сохраняютъ характеръ строго индуктивной работы мышленія“. Наоборотъ, въ дѣятельности художника-экспериментатора все предрѣшается извѣстной предварительной интуиціей. Это—„предпосылка и пружина“ его творчества. У него „всегда наготовѣ данный порядокъ чувствъ и мыслей, являющійся свойственною данному художнику формою апперцепціи впечатлѣній жизни, и *иногда* эта форма получаетъ характеръ „большой посылки“ „художественнаго силлогизма“, такъ что процессъ творчества перестаетъ быть строго индуктивнымъ и становится *въ нѣкоторой мѣрѣ дедуктивнымъ*“. Запомнимъ это словечко о дедукціи въ творчествѣ—оно понадобится намъ впослѣдствіи—и пойдемъ далѣе въ характеристикѣ предварительной интуиціи. Она „даетъ творческому процессу опредѣленное направленіе и рѣдко выраженную „окраску“, и явленія жизни, образы людей выходятъ изъ этой лабораторіи въ коренной переработкѣ, въ особомъ освѣщеніи“. Да, это бываетъ и очень часто. Такъ часто, что немного найдется художниковъ, о которыхъ этого не скажешь; очевидно, слѣдовало оттѣнить что разница въ типахъ вышла изъ разницы въ степеняхъ. Но такъ или иначе: почему предварительная интуиція есть характерный признакъ эксперимента? Развѣ она не свойственна въ такой же степени наблюденію?

Припомнивъ наши общія понятія о роли эксперимента въ научной работѣ, мы непремѣнно найдемъ, что и эту роль проф. Овсянико-Куликовскій изображаетъ не вполнѣ обычно. „Ученые для произведенія опыта — говоритъ онъ въ статьѣ о Чеховѣ— имѣютъ инструменты, аппараты, приборы, которые для посторонняго зрителя заслоняютъ истинную лабораторію опыта — *творческую* мысль ученаго. Художникъ никакихъ инструментовъ и приборовъ для художественнаго *опыта* не имѣетъ — и для постороннаго зрителя *творческая мысль* его, истинная лабораторія опыта, ничѣмъ не заслонена". Здѣсь нельзя не видѣть нѣкоторой неясности. Истинная лабораторія для произведенія опыта есть всетаки та матеріальная лабораторія, которая даетъ ученому возможность реально видоизмѣнять условія наблюденія: лабораторія съ инструментами, аппаратами и приборами. Въ творческой мысли ученаго нѣтъ никакой „лабораторіи опыта", ибо надо помнить, что „между двумя (этими) процессами изслѣдованія (экспериментомъ и наблюденіемъ) нѣтъ никакой разницы въ родѣ, *никакого логическаго различія*" (Милль), не говоря ужъ о различіи психологическомъ, единственномъ здѣсь для насъ важномъ. Различеніе — исключительно *практическое*; въ сферѣ изученія художественнаго творчества оно не имѣетъ никакого примѣненія. И характернымъ признакомъ того, въ какой степени насильственно и искусственно притянуто къ теоріи искусства понятіе эксперимента можетъ служить такая мелочь: только что, мы видѣли, лабораторіей художественнаго опыта была „творческая мысль" писателя. Въ книгѣ о Гоголѣ оказывается, что „лабораторіей, гдѣ совершались художественные эксперименты Гоголя" была— „дорога". Дорожное уединеніе, дававшее Гоголю творческій подъемъ, было, дѣйствительно, обстановкой, въ которой подготовлено было много образовъ и настроеній великаго писателя. Проф. Овсянико-Куликовскій сумѣлъ показать, что предварительная, интуитивная работа Гоголя падаетъ на его пребываніе „въ дорогѣ", когда онъ удалялся отъ непосредственныхъ наблюденій надъ русской дѣйствительностью и среди мимо бѣгущихъ, не раздражающихъ, не застаивающихся впечатлѣній путника созерцалъ творческимъ воображеніемъ картины русской жизни, вперяя задумчивый взоръ въ ея суть, въ ея характерную складку, въ смыслъ ея явленій, въ психологію русскихъ характеровъ, въ своеобразную поэзію русской природы и жизни. Много, много „родилось" тутъ „чудныхъ замысловъ" и „поэтическихъ грезъ", которые кристаллизовались потомъ въ монументальные типы художественныя картины „Мертвыхъ Душъ". Но почему изъ этого слѣдуетъ, что дорога была необходима Гоголю, какъ художнику-*экспериментатору*, не явствуетъ ни изъ чего. Это была подходящая обстановка для размышленій, о наблюденіяхъ, не больше.

II.

Конечно, требовать исчерпывающихъ доказательствъ въ этой области трудно. Извѣстно вѣдь какъ разительно отличается процессъ художественнаго творчества отъ теоретической мысли тѣмъ именно, что по результатамъ его невозможно судить о его пріемахъ. Въ противоположность научному работнику художникъ не разсказываетъ намъ, какъ работалъ, какъ додумался, не приводитъ доказательствъ. Онъ убѣдителенъ правдой и силой своихъ образовъ, но какимъ путемъ онъ дошелъ до нихъ, онъ не скажетъ, да и не убѣдитъ насъ этимъ разсказомъ. Онъ говоритъ намъ: вотъ Отелло, вотъ Плюшкинъ, вотъ Донъ-Карлосъ; жизнь *такая*. И мы вѣримъ ему или не вѣримъ — сообразно тому, съ какимъ запасомъ знаній о жизни пришли къ нему. И лишь въ постороннихъ обстоятельствахъ, въ его письмахъ, сообщеніяхъ, лирическихъ признаніяхъ, въ послѣдовательныхъ текстахъ его сочиненій мы иногда находимъ драгоцѣнныя крупицы указаній на то, какъ онъ творилъ, какъ изъ мимолетныхъ и разсѣянныхъ впечатлѣній создавалъ божественное зданіе художественнаго образа, какъ возводилъ грубую массу дѣйствительности въ перлъ созданія.

Проф. Овсянико-Куликовскому кажется, что въ одной изъ такихъ сокровищницъ — въ письмахъ Гоголя и его близкихъ— онъ нашелъ вполнѣ убѣдительныя указанія на то, что творецъ „Мертвыхъ Душъ“ и въ самомъ дѣлѣ былъ экспериментаторомъ.

Гоголь, какъ извѣстно, для избавленія отъ своихъ недостатковъ употреблялъ способъ, который изобразилъ съ несравненной силой и ясностью. „Не думай,—писалъ онъ пріятелю — чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои... Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться“. Процессъ художественнаго творчества, охарактеризованный въ этихъ словахъ Гоголемъ, представляется проф. Овсянико-Куликовскому образцомъ экспериментальнаго искусства; онъ видитъ здѣсь „выдѣленіе, въ художественномъ опытѣ, извѣстныхъ — отрицательныхъ — сторонъ жизни и души человѣческой, изученіе ихъ въ себѣ путемъ самоанализа, преувеличеніе ихъ значенія, болѣзненное реагированіе на нихъ, переходъ отъ самоанализа къ самобичеванію, жажду освободиться отъ нихъ, взглядъ на художественное творчество, какъ на путь къ этому освобожденію“...

Все это такъ, но мало говоритъ намъ о томъ практическомъ

пріемѣ при индуктивной работѣ мысли, который называется экспериментомъ. Художественное творчество, какъ путь къ самоочищенію, объективированіе своего душевнаго содержанія въ образѣ, какъ средство къ его разрѣшенію—какому художнику чуждъ этотъ мотивъ творчества? И будемъ помнить: это мотивъ, а не пріемъ. Допустимъ, онъ отражается на пріемахъ; но чѣмъ эти пріемы сходны съ экспериментомъ?

Но Гоголь не довольствовался самоанализомъ: онъ конструировалъ свои образы по даннымъ наблюденія—посредственнаго и непосредственнаго—надъ другими людьми; не съ себя же—или хоть не только съ себя—писалъ онъ Коробочку. Мы знаемъ, какъ для ничтожествъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ онъ „отбиралъ отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно и возвращалъ ихъ законнымъ владѣльцамъ“. Проф. Овсянико-Куликовскому представляется несомнѣннымъ, что и эта, объективная сторона творчества Гоголя „имѣла психологическій смыслъ опыта, а не чистаго наблюденія“. Подтверждается это тѣмъ, что Гоголь и здѣсь не просто наблюдалъ и созерцалъ, а *мучительно реагировалъ*, *болѣзненно отзывался*, преувеличивалъ, переработывалъ изучаемыя стороны души человѣческой“. Пусть такъ; примемъ эти особыя категоріи „чистаго“, „простого“ наблюденія, якобы равнаго пассивному „созерцанію“ и однако въ результатѣ всетаки дающаго познаніе. Почему же всякое иное наблюденіе, не столь „чистое“ и „простое“ есть уже экспериментъ?

Чтобы выйти за заколдованные предѣлы художественнаго мышленія, съ его неопредѣленностью и ирраціональностью, обратимся къ области, нѣсколько болѣе доступной намъ со стороны логической и психологической: къ изученію общественныхъ явленій. И здѣсь, конечно, возможно, что какой нибудь статистикъ „не просто наблюдаетъ и созерцаетъ“, а „мучительно реагируетъ, болѣзненно отзывается“, быть можетъ, въ своихъ выводахъ даже „преувеличиваетъ“ и ужъ навѣрное „переработываетъ“ изучаемыя стороны общественнаго строя. Но развѣ *это* мы назовемъ соціальнымъ экспериментомъ? И если назовемъ, то что изъ этого получится кромѣ путаницы въ ясныхъ понятіяхъ?

Но эти разнообразныя признанія Гоголя заканчиваются новымъ ихъ рядомъ, дающимъ, наконецъ, автору доводы весьма любопытные и значительные. Гоголь неоднократно и самъ указываетъ на то, что продѣлывалъ надъ людьми опыты. Цитаты изъ писемъ Гоголя, превосходно подобранныя проф. Овсянико-Куликовскимъ, представляютъ собою поистинѣ драгоцѣнную находку и даютъ ему полное право утверждать, что „экспериментированіе надъ человѣкомъ было у Гоголя коренною, органическою чертой ума и натуры“. Дѣйствительно, „нарочито сказать то или другое или поступить такъ или иначе—съ цѣлью посмотрѣть, какъ это

отразится, что ответитъ или сдѣлаетъ экспериментируемый субъектъ,—это было, можно сказать, любимымъ занятіемъ Гоголя, и самъ онъ порою склоненъ былъ смотрѣть, какъ на „опытъ", даже на тѣ поступки свои, которые, по первоначальному замыслу, могли и не быть таковыми". Онъ сознавался, что еще въ школѣ нарочно старался завести ссору съ товарищемъ, чтобы тотъ въ сердцахъ высказалъ ему, что онъ о немъ думаетъ; тоже самое онъ продѣлалъ позже съ Погодинымъ. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" казались ему средствомъ для той же цѣли. „Замѣтили ли вы необыкновенное свойство моей книги—писалъ онъ Смирновой: -служить *пробнымъ камнемъ* для узнанія нынѣшняго человѣка? Въ сужденіяхъ своихъ о ней обнаружится предъ вами весь человѣкъ, даже позабывши свою осторожность. Это весьма не бездѣлица для писателя, а особливо такого, для котораго предметомъ сталъ не шутя человѣкъ и душа человѣка". Наконецъ, онъ прямо указалъ на то, что „Выбранныя мѣста" были опытомъ для созданія второй части „Мертвыхъ Душъ". „Эта разность, дикость и заносчивость многаго въ моей книгѣ раскевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что-же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, покуда не выведешь его изъ терпѣнія, зацѣпя за самую живую струну. Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои „Мертвыя души" вышли то, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть".

Болѣе, чѣмъ къ чему либо, относится, намъ кажется, къ „Выбраннымъ мѣстамъ" удачное замѣчаніе проф. Овсянико-Куликовскаго о томъ, что Гоголь порою склоненъ былъ смотрѣть, какъ на „опытъ", даже на тѣ поступки свои, которые, по первоначальному замыслу, могли и не быть таковыми. Увлеченный идеей о своемъ назначеніи, Гоголь говорилъ въ письмахъ съ близкими людьми о томъ, что считалъ самымъ существеннымъ и нужнымъ въ ихъ жизни и дѣятельности; онъ могъ заблуждаться или сознательно, съ учительными цѣлями, преувеличивать или ослаблять значеніе тѣхъ или иныхъ жизненныхъ элементовъ, но въ общемъ онъ говорилъ то, что думалъ и что считалъ нужнымъ внушить другимъ безъ всякихъ сторонннихъ цѣлей. Едва ли, излагая Смирновой, какою должна быть въ Россіи жена губернатора, онъ продѣлывалъ надъ нею опытъ; едва ли, собирая изъ этихъ писемъ къ близкимъ въ отдѣльную книгу то, что ему казалось пригоднымъ для болѣе широкаго круга читателей, онъ готовилъ себѣ матеріалъ для наблюденій: у него были болѣе важныя цѣли. Но согласимся съ нимъ; повѣримъ, что цѣлью „Выбранныхъ мѣстъ" было въ самомъ дѣлѣ не поученіе, а подготовительный шагъ къ „Мертвымъ душамъ": экспериментъ надъ русскимъ обывателемъ, особая уловка, чтобы поставить его въ особыя условія и въ

этихъ особыхъ условіяхъ наблюдать надъ нимъ. Какое отношеніе имѣетъ это къ экспериментальному творчеству? Вѣдь предполагалось доказать, что самыя „Мертвыя души“ суть образецъ художественнаго эксперимента, а не только результатъ экспериментальнаго изслѣдованія, гдѣ экспериментомъ была уже не поэзія, а публицистика. Вѣдь предполагалось доказать, что самый образъ Плюшкина съ его „нарочито подобранными“, „подчеркнутыми“ свойствами есть нѣчто „правдивое и въ тоже время не правдивое“, существующее и не существующее—явленіе созданное художникомъ, какъ создается явленіе въ экспериментѣ. А здѣсь намъ представлено доказательство того, что Гоголь, создавая свои образы и наблюдая для этого живыхъ людей, искусственно ставилъ ихъ для этого въ особыя условія. Вѣдь это совсѣмъ иное—и съ художественной работой имѣетъ такую же связь, какъ и со всякими иными процессами мысли, хотя бы и весьма прозаическими. Вѣдь такіе опыты надъ живыми людьми—опыты съ цѣлью узнать, „что онъ на это скажетъ“, „какъ онъ къ этому отнесется“,—продѣлываются сплошь и рядомъ. Ихъ продѣлываетъ спекулянтъ, который выпытываетъ у собесѣдника торговую тайну, ихъ продѣлываетъ кокетка, дразня влюбленнаго мнимой измѣной, ихъ продѣлываетъ дипломатъ, обманывающій другаго разсчитанной откровенностью, ихъ продѣлываетъ опытный слѣдователь, неожиданно оглушающій преступника страшными для того знаніями, чтобы видѣть, какъ это на него подѣйствуетъ: во всей этой сложной игрѣ разсчета есть конечно элементы психологическаго возсозданія, но нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ опредѣленіяхъ проф. Овсянико-Куликовскаго было названо художественнымъ экспериментомъ.

Этотъ терминъ кажется намъ обреченнымъ на вторичное забвеніе. Нѣтъ и не можетъ быть ни художественныхъ опытовъ, ни экспериментальнаго искусства: это неудачные и опасные термины; опасные, потому что наводятъ на ложныя ассоціаціи, неудачные, потому что основаны на внѣшней аналогіи процессовъ художественнаго творчества съ практическими категоріями логики. Они создаютъ преувеличенное представленіе о роли раціональныхъ элементовъ въ искусствѣ и порождаютъ ошибку, не существенную въ началѣ, но чреватую чрезвычайными заблужденіями: ибо отчетливое различеніе формъ художественнаго творчества есть, быть можетъ, важнѣйшій шагъ въ изученіи его сущности. Эксперимента въ искусствѣ нѣтъ, потому что экспериментъ есть матеріальное воспроизведеніе дѣйствительности, а искусство имѣетъ дѣло лишь съ ея символами. Припомнимъ, что научная мысль пользуется опытомъ для построенія и провѣрки своихъ обобщеній; здѣсь же намъ предлагаютъ называть опытомъ именно эти самыя обобщенія.

III.

Собственно, отношеніе „правдивыхъ“ изображеній Гоголя къ живой дѣйствительности настолько сложно и представляетъ собою величину настолько условную, что указанія на его особенный „ирреализмъ“ даже не новы. Отмѣтимъ два указанія, особенно любопытныя. Мэкензи Уоллесъ, который съ хорошимъ знаніемъ русской жизни соединяетъ выгодную для наблюденія позицію иноземца, сопоставляя Гоголя съ Диккенсомъ прямо говоритъ: „Оба они обладали неисчерпаемымъ запасомъ здороваго юмора, какъ и воображенія, изумительно сильнаго, и оба имѣли даръ замѣчать смѣшныя стороны обыкновенныхъ вещей и воспроизводить карикатуры, представлявшія удивительное сходство съ дѣйствительностью. Но небольшого спокойнаго обдумыванія достаточно, чтобы показать, что характеры представляютъ по большей части *психологическія невозможности*“ *). Съ преувеличеніями, но зато и съ доводами выразилъ ту же мысль г. Розановъ. „Вовсе не отразилъ онъ (Гоголь) дѣйствительность въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мужествомъ нарисовалъ рядъ карикатуръ на нее: отъ этого-то и запоминаются онѣ такъ, какъ не могутъ запомниться никакіе живые образы. Разсмотрите рядъ лучшихъ портретовъ съ людей, дѣйствительныхъ въ жизни, одѣтыхъ плотью и кровью,—и вы рѣдкій изъ нихъ запомните; взгляните на очень хорошую карикатуру, и еще много времени спустя, даже проснувшись ночью, вы вспомните ее и разсмѣетесь. Въ первыхъ есть смѣшеніе чертъ различныхъ, и добрыхъ и злыхъ наклонностей, и пересѣкаясь другъ съ другомъ, онѣ взаимно смягчаютъ одна другую,—ничего яркаго и рѣзкаго не поражаетъ васъ въ нихъ; въ карикатурѣ взята одна черта характера, и вся фигура отражаетъ только ее—и гримасою лица, и неестественными конвульсіями тѣла. Она ложна и навѣки запоминается. Таковъ и Гоголь“. И дѣйствительно, на исторіи образа Акакія Акакіевича, какъ она вырисовывается послѣдовательными текстами повѣсти, г. Розанову удалось показать, что „сущность художественной рисовки у Гоголя заключалась въ подборѣ къ одной избранной, какъ бы *тематической* чертѣ создаваемаго образа другихъ все подобныхъ же, ее только продолжающихъ и усиливающихъ чертъ, съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы среди ихъ не замѣчалась хоть одна, дисгармонирующая имъ, или просто несвязанная черта (въ лицѣ и фигурѣ Акакія Акакіевича нѣтъ ничего не безобразнаго, въ характерѣ—ничего не забитаго). Совокупность этихъ подобранныхъ

*) Лугаковскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Спб. 1903.

черть, какъ хорошо собранный вогнутымъ зеркаломъ пукъ однородно направленныхъ лучей, и бьетъ ярко, незабываемо въ память читателя; но, конечно, это не свѣтъ естественный, разсѣянный, какой мы знаемъ въ природѣ, а искусственно полученный въ лабораторіи, и видѣть какую нибудь фигуру, точнѣе—одну въ ней черту, подъ лучомъ этого свѣта, когда всѣ прочія черты оставлены въ совершенной темнотѣ, значитъ узнать о ней менѣе, какъ еслибы въ обыкновенномъ свѣтѣ (*позднѣйшее наше художество*) мы видѣли всю ее въ полнотѣ ея неразъединенныхъ чертъ".

Въ словахъ о „позднѣйшемъ нашемъ художествѣ", подчеркнутыхъ нами, г. Розановъ намекаетъ на свою теорію, по которой вся наша послѣ-гоголевская литература явилась какъ бы отрицаніемъ Гоголя, борьбою противъ его творческихъ пріемовъ. Къ нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ писателей, чуждыхъ тенденціи, шаржа, сатиры—это противоположеніе, пожалуй, примѣнимо; въ творчествѣ Тургенева и Гончарова, дѣйствительно, гораздо труднѣе отыскать эту неподвижность отрицательныхъ образовъ, чѣмъ у Гоголя. Но г. Розановъ относитъ къ этому широкому, непредвзятому, объективному „позднѣйшему художеству" также Достоевскаго: ослѣпленіе удивительное даже въ такомъ поклонникѣ Достоевскаго, какимъ былъ десять лѣтъ назадъ г. Розановъ. Едва ли надо теперь доказывать, что громадное большинство образовъ Достоевскаго—такія же „психологическія невозможности", какъ образы Гоголя: фигуры фантастическія, ирреальныя, поразительныя въ своей внутренней законченности, но весьма далекія отъ „дѣйствительности". Свѣтъ „не естественный, а искусственно полученный въ лабораторіи": къ чьему же творчеству относится это удачное опредѣленіе больше, чѣмъ къ литературному творчеству больной души, которая изъ своего подполья на все направляла этотъ странный свѣтъ, все искажая на свой образецъ, все пересоздавая по образу своему и подобію. „Предварительная интуиція", опредѣлявшая творчество такого художника, владѣла созданіями Достоевскаго всецѣло; и г. Овсянико-Куликовскій съ полнымъ правомъ напоминаетъ о заслугѣ Н. К. Михайловскаго, который въ статьѣ „Жестокій талантъ", „принадлежащій къ числу самыхъ лучшихъ произведеній русской литературной критики", впервые раскрылъ и опредѣлилъ „тотъ порядокъ мыслей и чувствъ, *подъ властью* котораго творилъ Достоевскій". Это, конечно, не „экспериментъ", но вѣдь это и не тотъ простой, „всесторонній", наблюдательный реализмъ, который ему противополагается. Что же это такое?

„Когда я—говоритъ Гоголь въ одномъ письмѣ,—читалъ Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ" въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣ-

лался совсѣмъ мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что *все это карикатура и моя собственная выдумка*!“

Проф. Овсянико-Куликовскій считаетъ это свидѣтельство весьма характернымъ для художественнаго метода Гоголя и доказательствомъ того, въ какой степени неясны были для великаго художника пріемы его собственнаго творчества. По его мнѣнію страшные образы „Мертвыхъ душъ“, ужаснувшіе своей трагической пошлостью жизнерадостнаго Пушкина, были, конечно, не карикатура и не выдумка.—„Еслибы это была именно „карикатура и выдумка“, Пушкинъ продолжалъ бы смѣяться. Но великому художнику-наблюдателю было не до смѣха, — онъ, съ его изумительнымъ даромъ пониманія, хорошо понялъ всю глубину захвата, всю *обнаженную правду* того, что читалъ ему великій художникъ-экспериментаторъ“. Если „обнаженная правда“, то, конечно, не „выдумка“. И, однако, страницей раньше авторъ нашелъ возможнымъ не противополагать правду выдумкѣ, а прямо указать на ихъ любопытное совмѣщеніе въ томъ, чему онъ далъ названіе экспериментальнаго искусства. „Интуиція художника-экспериментатора—говоритъ онъ—даетъ творческому процессу опредѣленное направленіе и рѣзко выраженную „окраску“, и явленія жизни, образы людей выходятъ изъ этой лабораторіи въ коренной переработкѣ, въ особомъ освѣщеніи. Тогда то и получается столь извѣстный художественный эффектъ: образы и картины, строго говоря, *не правдивы* въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности, но они по своему говорятъ намъ о дѣйствительности, о человѣкѣ, о человѣчествѣ ту грустную или страшную *правду*, которую не скажетъ самое точное изображеніе ихъ“.

Думается, именно на это свойство своего творчества хотѣлъ указать Гоголь, говоря о выдумкѣ и карикатурѣ. Карикатура—вотъ слово, которое стоитъ здѣсь десятка теоретическихъ страницъ и которое показываетъ, какъ вѣрно оцѣнивалъ Гоголь формы своего творчества. Выдумка и карикатура—эти слова, конечно, грубы и неточны, въ примѣненіи къ творчеству великаго юмориста, но они указываютъ на ту область, къ которой относятся его художественные пріемы. Образы Гоголя не карикатура, но пріемы ихъ созданія даютъ намъ право отнести ихъ къ одной чрезвычайно обширной категоріи искусства, къ которой принадлежитъ и карикатура. „Выдумка“, созвательная „и правда, и неправда“—характерный признакъ произведеній этого рода.

Вспомнимъ еще разъ указаніе Гоголя на источникъ, изъ котораго онъ бралъ матеріалъ для созданія своихъ уродцевъ. Не уродцевъ онъ искалъ въ жизни и не ихъ очевидныя уродства

изображалъ въ преувеличенномъ видѣ. „Для первой части поэмы—говоритъ онъ—требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди однако же ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Мнѣ необходимо было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возвратить ихъ законнымъ владѣльцамъ".

Карикатура считается невысокимъ родомъ искусства и назвать великаго писателя карикатуристомъ значитъ быть заподозрѣннымъ въ неуваженіи къ нему. Но не воспроизводятъ ли въ точности приведенныя строки процессъ карикирующаго творчества.

Что такое карикатура? Правдива ли она и если нѣтъ, то поскольку? Совпадаетъ ли съ нею что нибудь въ дѣйствительности? И да, и нѣтъ.

Когда карикатуристъ, изображая человѣка, въ дѣйствительности имѣющаго нѣсколько загнутый внизъ носъ, снабжаетъ его вмѣсто носа гигантскимъ крючкомъ, упирающимся въ подбородокъ, онъ употребляетъ обычный въ художественномъ творчествѣ пріемъ: онъ преувеличиваетъ одну черту, чтобы выдѣлить ее насчетъ другихъ, подчеркнуть, сдѣлать замѣтной. Почему именно ее? Потому что она слегка преувеличена насчетъ другихъ въ живой дѣйствительности и потому характерна для этой физіономіи. Но въ чемъ отличіе карикатуриста отъ иного, уравновѣшеннаго художника? Въ томъ, прежде всего, что его преувеличеніе переходитъ границы возможнаго, и при томъ такъ, что зритель ничего противъ этого не имѣетъ. Карикатура есть, конечно, не только вѣрное изображеніе, но также извращеніе дѣйствительности. Но въ этомъ извращеніи есть цѣлесообразность. „въ этомъ безуміи есть система". И законъ этого извращенія настолько ясенъ для зрителя, что мысль его приводитъ извращеніе къ нормѣ.

Когда карикатуристъ рисуетъ человѣка съ громаднымъ туловищемъ и маленькими ножками, онъ ни на мгновеніе не думаетъ обмануть зрителя насчетъ дѣйствительнаго существованія такого уродца, и зритель тоже не считаетъ себя жертвой обмана; зритель понимаетъ, что это только особый способъ, *особый стиль* изображенія дѣйствительности—способъ столь же законный, какъ и всякій иной, „правдивый" и „разносторонній". Художникъ и зритель какъ бы заключаютъ молчаливое соглашеніе, по которому художникъ получаетъ право создать особую, новую дѣйствительность, въ чемъ-то совпадающую съ нашей дѣйствительностью, въ чемъ-то уклонившуюся отъ нея, но всегда строго подчиненную своимъ законамъ.

Въ области литературы карикатурѣ соотвѣтствуетъ такъ называемый *шаржъ*. Оба слова близки и по происхожденію: французское charger тожественно по значенію и по корню съ итальянскими caricare. Шаржъ, конечно, прежде всего воспроизводитъ дѣйствительность; подобно всякому художественному изображенію, онъ отбираетъ характерныя черты дѣйствительнаго явленія и заставляетъ эти черты выступать съ большей отчетливостью, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ жизни; этого мало: онъ преувеличиваетъ характерныя черты не въ той только степени, въ какой это необходимо для того, чтобы отгѣнить ихъ: онъ преувеличиваетъ ихъ до полнаго неправдоподобія, онъ доводитъ ихъ до абсурда. Когда разсказываютъ, что извѣстный французскій слесарь X. такъ хорошо и быстро открывалъ секретные замки, что они открывались отъ одного его взгляда, или когда разсказываютъ, что парижская пожарная команда пріѣзжаетъ на мѣсто пожара черезъ пять минутъ послѣ его начала, лондонская—черезъ двѣ минуты, а нью-іоркская—за пять минутъ до пожара, то смѣющійся слушатель также хорошо знаетъ, что это „и правда, и неправда“, какъ когда смотритъ на карикатурнаго Бисмарка съ тремя волосами: непремѣнно тремя, не больше и не меньше.

IV.

Такова то намѣренное уклоненіе отъ элементарной правды дѣйствительности, которое дѣлается съ виду для комическихъ цѣлей, но по существу для болѣе глубокаго проникновенія въ суть и правду этой дѣйствительности и которое мы называемъ карикатурой, шаржемъ. Было бы ошибочно думать, что въ искусствѣ нѣтъ иныхъ видовъ такого преднамѣреннаго, сознательнаго, для обѣихъ сторонъ—творящей и воспринимающей—очевиднаго уклоненія отъ „правды“ механическаго воспроизведенія ради правды проникновенія, одухотворенія—ради того, что кажется большей, а иногда единственной доступной правдой. Разумѣемъ такъ называемую стилизацію. Взявъ ея простѣйшую форму—естественный орнаментъ *), разсмотримъ, какимъ образомъ поль

*) Орнаменту естественному, воспроизводящему явленія живой природы, противополагается геометрическій, состоящій изъ комбинацій прямыхъ и кривыхъ линій, не соотвѣтствующихъ—для художника—ничему въ дѣйствительности. Умѣстно напомнить, что Гроссе (Die Anfänge der Kunst) считаетъ первобытный геометрическій орнаментъ производнымъ отъ естественнаго. Онъ указываетъ—вслѣдъ за Эренрейхомъ, на мѣстѣ изучавшимъ орнаментику австралійскихъ дикарей, что и въ этой орнаментикѣ „всѣ, повидимому, геометрическія фигуры на самомъ дѣлѣ предствавляютъ сокращенныя, отчасти стилизированныя изображенія опредѣленныхъ матеріальныхъ предметовъ,—по большей части животныхъ“. Такъ, напримѣръ, простѣйшій крестъ есть у американскихъ дикарей ни что иное, какъ изображеніе особаго вида ящерицы.

зуется онъ формами органическаго міра? Какая разница между обработкой одного и того же сюжета въ растительномъ орнаментѣ и въ свободномъ рисункѣ? Орнаментъ прежде всего отказывается отъ намѣренія произвести впечатлѣніе живой дѣйствительности. Онъ не реаленъ, онъ полонъ грифовъ и тритоновъ, женщинъ, выростающихъ изъ цвѣтка, и ребятишекъ, переходящихъ въ завитушки; онъ изображаетъ четыреугольныя деревья и симметрическое пламя костра; онъ очерчиваетъ толстыми контурами профиль, который въ дѣйствительности очерченъ чуть не математической линіей, не имѣющей второго измѣренія, и заполняетъ этотъ профиль краской одного тона, тогда какъ для нашего глаза здѣсь играютъ недоступныя изображенію миріады оттѣнковъ. Здѣсь нѣтъ той иллюзіи дѣйствительности, которую мы привыкли видѣть въ живописи. Но никто здѣсь ея не ищетъ, никто не скажетъ: „этого не бываетъ“, никому не придетъ въ голову упрекнуть художника-орнаменталиста въ томъ, что онъ изобразилъ небывалое: это ему лучше извѣстно, чѣмъ зрителю; онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Изображеніе дѣйствительности есть для него не цѣль, а средство, и оно подчиняется особымъ законамъ. Это тоже реализмъ, но реализъ менѣе элементарный. Орнаментъ переливаетъ формы дѣйствительности въ формы не существующія. Онъ изображаетъ природу не свободными средствами подражанія, но опредѣленными условными знаками, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемый стиль. Стилизовать растеніе значитъ изобразить его, пользуясь предустановленными, готовыми формами, имѣющими извѣстное значеніе въ извѣстномъ стилѣ. Одно и тоже растеніе, изображенное въ разныхъ стиляхъ, получаетъ разныя формы, которыя могутъ въ большей или меньшей степени уклониться отъ дѣйствительныхъ; и однако мы всегда узнаемъ это растеніе. Размахи этихъ уклоненій тоже ограничены, но они во всякомъ случаѣ достаточно велики, чтобы, напримѣръ, листья аканѳа на греческой вазѣ и въ узорѣ нѣмецкаго ренессанса были весьма мало схожи между собою: уже изъ этого видно, что здѣсь изображеніемъ дѣйствительности руководитъ не стремленіе изобразить ее только „похоже“, а нѣчто иное. Никто, взглянувъ на стилизованную розу, не скажетъ: „какъ настоящая!“—а между тѣмъ всякій скажетъ, что это именно роза. Ибо, какъ бы далеко не отклонялся стилизованный орнаментъ отъ формъ природы, слѣдуя формамъ своего стиля, онъ никогда не противорѣчитъ ни существу природной формы, ни законамъ природы. Наоборотъ: онъ выясняетъ это существо. Прежде всего онъ отвлекается отъ индивидуальныхъ особенностей, закрывающихъ родовыя черты. Онъ абстрактнѣе и схематичнѣе, но онъ законосообразнѣе. Стилизирующій художникъ исправитъ случайные недостатки отдѣльнаго растенія; онъ восполнитъ недостающія части и сведетъ непомѣрно разросшіяся къ ихъ нормѣ. Въ ихъ расположеніи онъ

также устранитъ все случайное, съ виду не вытекающее изъ природы и положенія растенія, хотя весьма возможное. Какъ и всякій истинный художникъ, онъ предпочитаетъ „невозможное“ возможному, не существующее существующему, но не типичному.

Если мы теперь обратимся къ теоріи проф. Овсянико-Куликовскаго и вспомнимъ, въ чемъ собственно онъ видитъ экспериментированіе въ искусствѣ, для насъ станетъ ясно, что онъ имѣлъ въ виду обширныя области стилизаціи. „Не широкая и разносторонняя картина жизни, а нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ“: это, вѣдь, то самое, что мы имѣемъ въ стилизованномъ рисункѣ, въ которомъ устраненіе индивидуальныхъ чертъ, „широты и разносторонности“ доходитъ до того, что онъ смѣшивается съ научной схемой. „Предрѣшающая дѣятельность извѣстныхъ чувствъ и мыслей“: это предустановленныя формы, въ которыя складывается для стилизующаго художника разнообразіе наблюдаемой жизни. „Образы и картины *не правдивы* въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности, но они по своему говорятъ намъ о дѣйствительности“: это вѣдь то самое, что мы имѣемъ въ карикатурѣ, извращающей лицо и въ то же время разительно его выражающей, въ орнаментальномъ гиппогрифѣ, небываломъ, но не имѣющемъ ни одной черточки, не списанной съ дѣйствительности, въ Мефистофелѣ, чертяхъ и вѣдьмахъ „Фауста“. „Правдивы“ они или не „правдивы?“ Кажется, вопроса нѣтъ; его нѣтъ, потому что его никто себѣ и не задаетъ. Они правдивы, если они не противорѣчатъ *себѣ*; они противоестественны, если въ нихъ есть внутреннее противорѣчіе. Они соотвѣтствуютъ жизни, если соотвѣтствуютъ законамъ, по которымъ построены. Въ искусствѣ, какъ въ геометріи: всякая система законна, лишь бы между ея теоремами не было противорѣчія. Для насъ болѣе удобна Евклидова геометрія, но есть и другія— и онѣ также законны; „если же мы обратимся къ вопросу, является ли Евклидова геометрія истинной, то найдемъ, что онъ не имѣетъ смысла. Это было бы все равно, что спрашивать, правильна ли метрическая система въ сравненіи со старинными вѣсами“ *). Искусство также создаетъ свои системы, о реальности которыхъ нѣтъ—и ненужно рѣчи. Въ мірѣ „Фауста“ дьяволъ Мефистофель также правдивъ, какъ толстый Зибель, и ночь на Брокенѣ также реальна, какъ погребокъ Ауэрбаха, который и теперь показываютъ туристамъ.

И всякое искусство — самое реальное и самое идеалистическое—запечатлѣно тѣмъ же характеромъ; гиппогрифы также сочинены, какъ Коробочка; Базарова также никогда не было, какъ вѣдьмъ въ „Макбетѣ“; разница въ степени, разница въ стилѣ.

---

*) *Пуанкаре. Наука и гипотеза.* Москва. 1904.

Вопросъ о правдѣ въ искусствѣ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было считать рѣшеннымъ; есть, однако, его рѣшенія, которыя, надо думать, отвергнуты безповоротно; они были основаны на недоразумѣніи. Нѣтъ нужды повторять доводы, по которымъ они отвергнуты. Еще недавно они были превосходно объединены и сформулированы Фолькельтомъ. Цѣлью искусства никогда не было и не могло быть изображеніе дѣйствительности; достаточно напомнить, что мы имѣемъ искусства, въ которыхъ нѣтъ этого изображенія: музыку, архитектуру. Искусство есть мышленіе о дѣйствительности; изображеніе—реалистическое или идеалистическое—это средство. Копированіе само по себѣ даже самой рѣзкой теоріи реализма никогда не представлялось цѣлью искусства; было бы безцѣльно и безсмысленно создавать искусственно обрывки міра, совершенно тожественнаго съ существующимъ. Искусство создаетъ систему образовъ—условныхъ знаковъ, символизирующихъ міръ; эти образы связаны между собою общимъ закономъ—и эта законосообразность есть символъ той гармоніи, которою художникъ осмысляетъ доступную ему дѣйствительность. „Въ этомъ смыслѣ — превосходно формулируетъ Александръ Веселовскій—дантовскій символизмъ также условенъ и вмѣстѣ реаленъ, какъ описанія bric-à-brac реалистическаго романа. Символизмъ и реализмъ въ отношеніи къ художественной правдѣ, лишь различныя выраженія одной и той же условности; не направленія, а пріемы, видимыя противорѣчія которыхъ ощущаются лишь въ переходныя эпохи, въ смѣнѣ литературныхъ школъ, пока они не сгладятся, и что ощущалось, какъ реализмъ, не войдетъ въ ряды условностей и символовъ“.

Экспериментъ или стилизація, пріемы или направленія,—не все ли равно, скажетъ кто нибудь: вѣдь это споръ о словахъ. И да, и нѣтъ. Это споръ о словахъ, потому что это споръ о терминологіи; это споръ о сущности предмета, потому что за разницей въ терминахъ здѣсь стоитъ разница въ распредѣленіи явленій, разница въ категоріяхъ: а вѣдь это распредѣленіе есть единственная задача науки.

А. Горнфельдъ.

Изъ Англіи.

I.

Въ прошломъ письмѣ, знакомя читателей съ автобіографіей Спенсера, я приводилъ уже то мѣсто, гдѣ философъ говоритъ, что способность къ анализу усиленно культивировалась въ молодомъ Гербертѣ отцомъ. „Я съ ранняго дѣтства привыкъ добираться до причинъ явленій, — говоритъ Спенсеръ. Отецъ часто задавалъ мнѣ вопросъ: „можешь ли мнѣ сказать причину такого-то явленія?“ Если я самъ не могъ добраться, онъ помогалъ мнѣ. Религіозныя воззрѣнія отца не дозволяли ему отрицать чудесное, но онъ такъ ясно истолковывалъ мнѣ естественныя причины явленій, что мало по малу во мнѣ наростало глубокое убѣжденіе, что иныхъ причинъ и не можетъ быть“. Эта ранняя привычка относиться ко всему критически часто раздражала въ школѣ учителей. Спенсеръ, напр., разсказываетъ, какъ въ тринадцать лѣтъ его критическое отношеніе къ неточному опредѣленію инерціи въ учебникѣ физики повело за собою большую сцену въ классѣ. Учитель заступился за авторитетъ учебника, но на сторонѣ мальчика была истина. Побѣдителемъ вышелъ Спенсеръ *).

Та же способность къ анализу и стремленіе схватить причину явленія породила впослѣдствіи *Систему синтетической философіи*. Стремленія къ отысканію причинности явленій заставили Спенсера рано отказаться отъ догматизированныхъ традицій, въ которыхъ воспитали его.

Мы видѣли уже въ прошломъ письмѣ, какъ въ раннихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ Спенсеръ смутно нащупывалъ идею эволюціи. Болѣе опредѣленно оформлена она была въ *Соціальной статикѣ*, вышедшей въ 1850 г. Въ этой книгѣ устанавливается, что всѣ явленія, какъ въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ, такъ и въ сферѣ идей, обусловливаются однородными причинами. Одинъ изъ основныхъ законовъ—непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Въ первой книгѣ Спенсера мы находимъ уже набросокъ закона эволюціи. Мы находимъ также здѣсь выраженіе „общественный организмъ“. Аггрегатъ гражданъ, составляющихъ націю, сравнивается съ аггрегатомъ клѣточекъ, составляющихъ живое тѣло. Спенсеръ показывалъ, что прогрессъ отъ цѣлаго, составленнаго изъ однородныхъ частицъ, имѣющихъ слабую взаимную связь, къ цѣлому, составленному изъ разнородныхъ, зависящихъ другъ отъ

*) см. „An Autobiography“, v. I, p. 103.

друга частицъ—наблюдается одинаково, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ соціальномъ организмѣ. Въ 1851 г. по книгѣ Карпентера „Основы физіологіи“ Спенсеръ познакомился съ взглядомъ фонъ-Бэра, что развитіе каждаго организма есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Сущность этого положенія была не нова для Спенсера, но его поразила формулировка. Бэръ примѣнялъ свое положеніе только къ развитію организмовъ; но Спенсеръ находилъ что законъ объясняетъ каждую группу явленій. Черезъ годъ мы находимъ въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи* статью, въ которой Спенсеръ примѣняетъ законъ Бэра для объясненія „философіи стиля“. Въ 1853 г. появляется статья „Генезисъ наукъ“, въ которой Спенсеръ показываетъ, какъ постепенно складывались основныя научныя идеи по мѣрѣ того, какъ накоплялся опытъ. Тогда же у автора зародилась мысль написать *Основы психологіи*, чтобы прослѣдить генезисъ разума во всѣхъ проявленіяхъ его. По мѣрѣ того, какъ Спенсеръ знакомился съ новыми группами фактовъ, ему все больше и больше выяснялся основной законъ эволюціи. „Постепенное овладѣваніе закономъ эволюціи,—говоритъ Спенсеръ,—было тоже процессомъ эволюціи“. И вотъ мало по малу въ головѣ философа сталъ складываться планъ грандіознаго труда, на осуществленіе котораго понадобилось потомъ тридцать шесть лѣтъ. Въ 1858 г. набросанъ былъ общій планъ стройной системы *Синтетической философіи*. Трудъ долженъ былъ состоять изъ семи томовъ. Для выполненія работы приходилось подумать о средствахъ. У Спенсера былъ маленькій капиталъ въ 500 ф., оставленный ему по наслѣдству дядей. Но въ 1858 г. значительная часть этихъ денегъ была израсходована. Спенсеръ не нашелъ издателя для „Соціальной статики“ и для „Опытовъ“, поэтому напечаталъ книги на свой счетъ. Книги лежали на полкахъ, такъ какъ покупатели не находились. Эти книги поглотили часть 500 ф. Затѣмъ Спенсеръ заболѣлъ нервнымъ переутомленіемъ и долженъ былъ совершенно оставить работу на нѣкоторое время. Это тоже отозвалось на маленькомъ капиталѣ. „Ко всему этому нужно прибавить еще слѣдующее. Мои статьи, которыя я помѣщалъ иногда въ журналахъ, требовали большой подготовки. Я не могъ писать ихъ быстро, между тѣмъ получалъ за нихъ очень скромный гонораръ. За статьи въ Medico-Chirurgical Review мнѣ платили по шести гиней съ листа, а въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*—по 10 гиней *). При такомъ скромномъ заработкѣ и, при томъ, съ такимъ разстроеннымъ здоровьемъ я не могъ приступить къ осуществленію моего грандіознаго труда“.

*) Эти гонорары въ Англіи отошли теперь въ область преданій, какъ у насъ тридцатирублевая полистная плата, которую, говорятъ, получалъ Бѣлинскій. Теперь средній гонораръ въ англійскихъ журналахъ, не за беллетристику, 2—4 гинеи за страницу, т. е. 320—640 руб. съ листа.

Спенсеръ сталъ подумывать о какой нибудь легкой государственной службѣ и обратился съ письмомъ къ Миллю, который занималъ крупный постъ. „Въ моихъ статьяхъ „Законы и причины прогресса“ и „Трансцендентальная психологія“, — писалъ Спенсеръ,—намѣчены нѣкоторыя положенія, которыя... теперь я желалъ бы развить въ стройную систему. Я желалъ бы посвятить все мое время нѣкоторымъ книгамъ, въ которыхъ намѣреваюсь обобщить данныя біологіи, психологіи и соціологіи... Къ несчастью для меня, тѣ книги, которыя я издалъ до сихъ поръ, — не продаются. Я почти истратилъ все маленькое состояніе, которое имѣлъ. Печатать книги на собственный счетъ я больше не могу. Мое здоровье такъ слабо, что я не могу заниматься умственнымъ трудомъ послѣ дня, отданнаго хлѣбной работѣ... Не найдете ли возможнымъ дать мнѣ въ департаментѣ по индійскимъ дѣламъ какую нибудь легкую службу съ маленькимъ жалованьемъ, такъ какъ мои потребности холостяка очень скромны. Такое мѣсто дало бы мнѣ возможность осуществить планъ работы. Боюсь, что такихъ мѣстъ не существуетъ или ихъ очень мало. Если они даже имѣются, то боюсь, что, въ силу моихъ политическихъ взглядовъ, мнѣ откажутъ“. Милль отвѣтилъ отказомъ. Въ поискахъ „маленькаго мѣста“ Спенсеръ подумывалъ, не стать ли ему тюремнымъ инспекторомъ. Онъ не прочь былъ бы взять мѣсто продавщика марокъ на почтѣ роднаго Дерби; но этотъ скромный постъ предложили редактору провинціальной газеты, оказавшему услуги министерству.

Наконецъ, одинъ изъ друзей Спенсера посовѣтовалъ ему издавать свой трудъ выпусками, по подпискѣ.

II

Въ концѣ марта 1860 г. Спенсеръ выпустилъ программу задуманнаго труда, озаглавленную „Синтетическая философія“ *).

*) Чтобы показать читателямъ, до какой степени тщательно продумалъ Спенсеръ свой колоссальный трудъ, на осуществленіе котораго потребовалось тридцать шесть лѣтъ, я приведу выдержку изъ этой программы.

Основныя начала. Часть первая.—Непознаваемое.—Дальнѣйшее развитіе доктринъ, установленныхъ Гамильтономъ (представитель англійской школы „здраваго смысла“. Д—о).—Выясненіе различныхъ путей, которыми наука ведетъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Доказательство, что единственное примиреніе вѣры и науки заключается въ допущеніи абсолютнаго, которое не только превышаетъ нашу науку, но вообще нашу способность познанія.

Часть вторая.—Законы познаваемаго.—Изложеніе основныхъ принциповъ, наблюдаемыхъ во всѣхъ явленіяхъ за рубежомъ абсолютнаго.—Доказательство, что эти принципы примѣнимы не къ одной только группѣ явленій, но ко всѣмъ явленіямъ вообще и составляютъ ключъ къ пониманію ихъ. [Въ первоначальномъ проектѣ, набросанномъ въ 1858 г., Спенсеръ перечисляетъ и шесть основныхъ законовъ: непостоянство однороднаго, каждая сила слѣ-

Въ программѣ говорилось, что трудъ будетъ печататься отдѣльными выпусками, въ пять-шесть листовъ въ каждомъ, выходящими разъ въ три мѣсяца. Цѣна назначалась въ полкроны (1 р. 20 к.) за выпускъ. Другими словами, подписчики на „Систему синтетической философіи“ приглашались вносить по 10 шил. въ годъ.

„Очень много времени потребовалось на распространеніе программы,—пишетъ Спенсеръ.—Необходимо было собрать хоть нѣсколько подписчиковъ съ извѣстными именами, чтобы зарекомендовать, такимъ образомъ, изданіе. На помощь мнѣ явился Гексли, который заручился обѣщаніемъ видныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей“. Въ числѣ подписчиковъ, значущихся на программѣ, мы находимъ имена Милля, историка Грота, Дарвина, Гексли, Джорджъ Эліотъ, Моргана, романиста Кингсли, Лайеля, Тиндаля, Бокля, Льюиса, психолога Александра Бэна и др „Всего набралось,—продолжаетъ Спенсеръ,—отъ 300 до 400 подписчиковъ. Въ концѣ концовъ у меня ихъ было 440. Предполагая, что всѣ подписчики будутъ платить аккуратно (чего большинство въ подобныхъ случаяхъ не дѣлаетъ), я могъ разсчитывать на 200 ф. въ годъ. Изъ этой суммы нужно было высчитать 70—80 ф. на печатаніе, брошюровку, почтовые расходы и пр. Такимъ образомъ, мнѣ оставалось бы 120—130 ф. въ годъ“. Разсчеты оказались не совсѣмъ точными, такъ какъ явилась масса неаккуратныхъ подписчиковъ. Философъ очутился въ критическомъ положеніи. Ему предложилъ помощь американскій почитатель *), но Спенсеръ по принципу не допускалъ благотворительности въ какой бы ни было формѣ.

дуетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, каждая причина производитъ больше одного послѣдствія, соотношеніе силъ, сохраненіе силы и равновѣсіе силъ“].

Основы біологіи. Томъ I.—*Часть I.*—Начала біологіи.—Физическія и химическія истины, отъ которыхъ должна отправляться раціональная біологія.—(Спенсеръ доказывалъ, что въ опредѣленный моментъ при остываніи земной поверхности образовалась изъ химическихъ элементовъ органическая, безформенная масса, не имѣвшая опредѣленнаго строенія).—*Часть II.*—Выводъ біологіи.—Изложеніе обобщеній, сдѣланныхъ зоологіей, ботаникой, физіологіей и сравнительной анатоміей.—*Часть II.*—Эволюція жизни.—Изложеніе гипотезы послѣдовательнаго развитія.—Доказательства *a priori* и *a posteriori*, и т. д.

*) Вообще Спенсеръ имѣлъ въ Америкѣ восторженныхъ поклонниковъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на кумира, какъ на существо, которому чуждо все земное. Къ числу такихъ поклонниковъ принадлежалъ и извѣстный милліонеръ Карнеги. Спенсеръ разсказываетъ такой случай. „Въ августѣ 1882 г. мы возвращались вмѣстѣ изъ Америки на кораблѣ *Servia*. Карнеги имѣлъ ко мнѣ рекомендательное письмо, но не рѣшался представить его. Впослѣдствіи онъ мнѣ передавалъ, какъ былъ изумленъ, когда я за обѣдомъ въ каютъ-кампаніи сказалъ лакею: „я просилъ честерскій сыръ, а вы мнѣ дали чеддаръ“. Карнеги былъ пораженъ, что философъ находитъ время думать о сортѣ сыра“.

„Когда я приступилъ къ осуществленію моего труда, — пишетъ Спенсеръ,—мнѣ минуло сорокъ лѣтъ. Я разсчитывалъ, что „Систему“ закончу къ шестидесятилѣтнему возрасту. Надежда дожить до такого возраста была бы смѣлостью даже со стороны человѣка болѣе крѣпкаго здоровья, чѣмъ я. Мои же разсчеты были прямо абсурдомъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я припоминаю теперь все это; когда вспомню, что тогда могъ работать только три часа въ день, а иногда и меньше; когда подумаю о припадкахъ болѣзни, заставлявшей меня откладывать всякій умственный трудъ на нѣсколько недѣль,—я прихожу къ заключенію, что посторонній наблюдатель долженъ былъ считать тогда мой проектъ безумiемъ. Громадный трудъ для осуществленія котораго и вполнѣ здоровый человѣкъ долженъ былъ бы потратить всю энергію, былъ задуманъ очень не богатымъ, нервно переутомленнымъ писателемъ, не знавшимъ, не оставятъ ли его завтра всѣ силы“. *). Седьмого мая 1860 г. Спенсеръ приступилъ къ своему грандіозному труду и не успѣлъ закончить первую главу, какъ снова заболѣлъ и долженъ былъ совершенно покинуть заботу на нѣсколько недѣль; но философъ былъ настойчивъ и пользовался каждымъ моментомъ. Въ это время умеръ дядя Спенсера и оставилъ племяннику наслѣдство. Оно пришлось удивительно кстати. „Я предвидѣлъ,—говоритъ Спенсеръ,—что нѣкоторые подписчики не будутъ платить. Я не принадлежу и никогда не принадлежалъ къ числу людей, предполагающихъ почему-то, что умственное развитіе ведетъ за собою и повышеніе морали. Поэтому, я и не разсчитывалъ, что мои подписчики будутъ непремѣнно болѣе честны, чѣмъ необразованные люди. Но неплательщиковъ явилось гораздо больше, чѣмъ я разсчитывалъ. И вышло слѣдующее. Половина подписчиковъ платила аккуратно. Нѣкоторые вносили деньги послѣ напоминанія со стороны книжнаго магазина, завѣдывавшаго выпусками. Иные задерживали платежи, были должны за нѣсколько выпусковъ и присылали деньги только послѣ многократныхъ напоминаній. Значительная же часть подписчиковъ ничего не вносила. Изъ года въ годъ эти подписчики отмалчивались на всѣ напоминанія, такъ что, въ концѣ концовъ, ихъ пришлось вычеркнуть изъ списковъ... Я совершенно не подготовился къ тому, что потеряю такъ много. Неплательщиковъ явилось столько, что у меня не хватило бы средствъ закончить первый томъ“. Но сперва помощь подоспѣла въ лицѣ американскихъ поклонниковъ, доставшихъ подписчиковъ, а за тѣмъ пришло наслѣдство. Въ два года Спенсеръ закончилъ *Основныя начала.* Книгу почти совершенно не замѣтили въ Англіи. „Такъ какъ я выпустилъ не отчетъ о путешествіи,—говоритъ Спенсеръ,—не біографію, наполненную болтовней, не сборникъ придворныхъ

*) An Autobiography, v. II, p. 53.

анекдотовъ, не новый переводъ классическаго сочиненія и не разсказъ о кровавомъ сраженіи, или о возлюбленныхъ Маріи Стюартъ,—то мой трудъ не представлялъ никакого интереса для критиковъ и рецензентовъ. Мою книгу почти не замѣтили. Одни журналы совершенно замолчали ее. Другіе—дали о ней коротенькія замѣтки; такъ, напр., *Spectator* далъ о ней замѣтку въ двѣ-три строки, набранную петитомъ и помѣщенную въ отдѣлѣ о случайныхъ книгахъ. Меня удивило не то, что журналы замолчали книгу, а то, что въ замѣткахъ говорилось о второстепенныхъ вещахъ, тогда какъ на основныя положенія мои рецензенты совершенно не обратили вниманія". Книгу замѣтили не въ Англіи, а въ Россіи, затѣмъ—во Франціи. Спенсеръ отмѣчаетъ, что его переводили въ Россіи, когда въ Англіи его никто почти не зналъ. „What a go-a-head people they are!" (Какой передовой народъ русскіе!) восклицаетъ Спенсеръ въ письмѣ, относящемся къ 1865 г.

Въ 1864 г. вышелъ первый томъ „Основъ біологіи". „Съ моей стороны,—говоритъ Спенсеръ,—требуется нѣкоторая апологія по поводу того, что я рѣшилъ приступить къ такому большому и сложному вопросу. Сложному до такой степени, что даже часть его могла бы послужить темой для изслѣдованія, которое заняло бы у спеціалиста всю жизнь. Хотя въ юности я и занимался естественной исторіей, въ особенности энтомологіей; хотя я впослѣдствіи много и внимательно читалъ спеціальныя книги и журналы, изъ которыхъ почерпнулъ нѣкоторыя познанія по анатоміи и физіологіи; хотя я для книги нѣкоторое время внимательно изучалъ біологію и хотя я надѣленъ способностью схватывать существенные факты, что дало мнѣ возможность путемъ чтенія лучше, чѣмъ многіе спеціалисты, уяснить себѣ основы біологіи,—все же я не былъ достаточно подготовленъ къ колоссальному труду (т. е. къ „Основамъ біологіи"). Но я задумалъ изложить общую теорію эволюціи, какъ она проявляется всюду. Человѣку, въ такихъ случаяхъ, или необходимо быть спеціалистомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, что невозможно, или ему приходится иногда говорить о наукахъ, лишь поверхностно извѣстныхъ ему. Такимъ образомъ, мнѣ оставалось или совсѣмъ не браться за *Систему синтетической философіи*, или выполнить ее, какъ я сдѣлалъ. Мои затрудненія были, кромѣ того, облегчены помощью друзей, авторитетъ которыхъ въ области біологіи внѣ сомнѣнія. Гексли, напр., читалъ корректуры съ цѣлью исправить всѣ факты, касающіеся зоологіи. То же самое относительно ботаники сдѣлалъ Гукеръ".

„Изучая явленія органической жизни, какъ явленія эволюціи вообще, я имѣлъ нѣкоторое преимущество надъ спеціалистами, изслѣдующими отдѣльно жизнь животныхъ или растеній. Ученый, ограничивающійся одною только отраслью знанія, рискуетъ про-

смотрѣть или не въ достаточной степени оцѣнить общія истины, свойственныя различнымъ группамъ явленій. Спеціалистъ въ одной только отрасли знанія не такъ быстро замѣтитъ общій законъ, какъ энциклопедистъ". Ни одна часть грандіознаго труда Спенсера не подверглась такой переработкѣ, какъ *Основы біологіи*. Въ первомъ изданіи Спенсеръ сводилъ всѣ явленія жизни къ физико-химическимъ процессамъ. „Позднѣе, въ 90-хъ годахъ, онъ измѣняетъ свой первоначальный взглядъ, полагая, что въ явленіяхъ жизни имѣется на лицо нѣкоторый динамическій элементъ, не сводимый къ физико-химическимъ процессамъ... У Спенсера замѣчается въ послѣдній періодъ его дѣятельности поворотъ къ витализму. Первоначальное опредѣленіе жизни, какъ „непрерывнаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ", онъ признаетъ теперь недостаточнымъ" (И. Лапшинъ).

Въ началѣ девяностыхъ годовъ, какъ результатъ диспута съ Вейсманомъ, Спенсеръ переработалъ свою „Біологію". Первый томъ прошелъ совершенно не замѣченнымъ. „Въ 1864 г.,—говоритъ Спенсеръ,—изъ десяти образованныхъ людей врядъ ли хоть одинъ зналъ, что такое значитъ „біологія". А тѣ, которые понимали слово, не интересовались наукой. Если и появились коротенькія замѣтки о моей книгѣ, то къ нимъ вполнѣ подходило опредѣленіе, которое какой-то острякъ придумалъ для рецензій вообще. „Рецензентъ,—по словамъ остряка,—такъ знакомится съ книгами: онъ разрѣзываетъ ихъ и потомъ нюхаетъ, чѣмъ пахнетъ ножъ". Въ *Athenaeum* объ *Основахъ біологіи* было сказано слѣдующее. „Это—первый томъ двухтомнаго сочиненія, которое, въ свою очередь, составляетъ часть большого труда. Вотъ почему намъ остается только отмѣтить книгу". Если критику,—продолжаетъ Спенсеръ,—черезъ тридцать лѣтъ послѣ того пришлось бы дать отчетъ о *Системѣ философіи*, онъ могъ бы сказать такъ: „Предъ нами десять томовъ о пяти различныхъ предметахъ; такъ какъ мы не въ состояніи всего этого разобрать, то просто отмѣчаемъ книги". Второй томъ „Біологіи" вышелъ черезъ два года, т. е. въ 1866 г. По словамъ Спенсера, работа надъ этимъ томомъ доставила автору величайшее наслажденіе. Въ первой части, озаглавленной *Морфологическое развитіе*, были высказаны взгляды, которые давно уже ждали опредѣленія... Представилась возможность указать, что двудольныя (exogenes) и однодольныя (endogenes) растенія развились изъ одного общаго низшаго типа растенія. Въ главѣ „Законы размноженія" Спенсеръ развивалъ взгляды, изложенные имъ въ общихъ чертахъ пятнадцать лѣтъ раньше въ статьѣ „Теорія развитія народонаселенія". Автору было отрадно убѣдиться, что накопленные за много лѣтъ факты только подтверждаютъ его основные взгляды. „Нужно ли сказать о томъ, какъ былъ встрѣченъ второй томъ въ печати? спрашиваетъ Спенсеръ.—Нѣтъ. И причина очень

проста. Книга не встрѣтила никакого пріема. Другими словами, я ее совсѣмъ не разослалъ въ редакціи. Сдѣлалъ я это потому, что получилъ неопровержимыя доказательства, что читатели по рецензіямъ получаютъ совершенно невѣрное представленіе о моихъ книгахъ. Сказалъ мнѣ это, между прочимъ, проф. Бэнъ. Милль очень удивился, когда услышалъ отъ Бэна, что тотъ не читалъ моихъ книгъ и полюбопытствовалъ узнать причину. Бэнъ сказалъ, что по рецензіямъ получилъ невыгодное представленіе о нихъ. Милль посовѣтовалъ, однако, Бэну познакомиться съ моими произведеніями, и психологъ сказалъ мнѣ потомъ, какъ было велико его изумленіе, когда онъ убѣдился, что рецензіи не дали ему даже отдаленнаго представленія о книгахъ. Я, по этому, отдалъ распоряженіе не разсылать въ редакціи *Основъ біологіи*".

III.

По Спенсеру—„элементами органическаго вещества являются физіологическія единицы, нѣчто гораздо болѣе простое, чѣмъ клѣточка, но гораздо болѣе сложное, чѣмъ химическая молекула. Изъ органическаго вещества органическія формы возникали постепенно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій согласно общимъ законамъ развитія. Эти воздѣйствія, различно вліяя на наружную поверхность органической массы и ея внутреннія части, повели за собою дифференцировку частей и создали опредѣленное строеніе—организацію вещества. Образованіе опредѣленнаго строенія обусловлено было двумя противоположными свойствами органической ткани — *пластичностью и полярностью*" (Лапшинъ). „Чѣмъ больше мы изучаемъ физіологію,—говоритъ Фастеръ,—тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что законы, съ которыми считается физика, примѣнимы и тутъ". Органическая эволюція начинается съ протоплазмы въ ея наиболѣе элементарной формѣ. Вслѣдствіе молекулярнаго движенія вещество измѣняется, становится болѣе сложнымъ, дифференцируется. Другими словами, результатомъ является умноженіе органовъ съ ихъ разнородными функціями. Отъ амебы, все тѣло которой состоитъ только изъ одного органа-желудка, до человѣка разстояніе колоссальное. А между тѣмъ,—показываетъ Спенсеръ въ *Основахъ біологіи*,—процессъ развитія идетъ постепенно, безъ скачковъ. Каждая стадія развитія является отдѣльнымъ звеномъ громадной эволюціонной цѣпи. Процессы интеграціи, дифференціаціи и аггрегаціи происходятъ одновременно. Различныя части организма координируютъ постепенно. Результатомъ является движущаяся уравновѣшенная система, т. е. индивидуумъ... По опредѣленію Спенсера жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Не нужно забывать, что эволюція органической жизни является только спе-

ціализированной формой космической эволюціи, поэтому тѣсное соотношеніе существуетъ между организмомъ и окружающей средой. Если окружающія условія усложняются, то организмъ тоже, чтобы не погибнуть, долженъ приспособиться и стать болѣе сложнымъ. Части организмовъ ограничиваются отдѣльными, опредѣленными процессами. Такимъ образомъ, путемъ спеціализаціи,—говоритъ Спенсеръ,—происходитъ своего рода раздѣленіе труда, обусловливающее усложненіе въ структурѣ и функціи органовъ. Процессъ этотъ, называемый прямымъ равновѣсіемъ (direct equilibration) былъ бы безсильнымъ при отсутствіи косвеннаго равновѣсія (indirect equilibration), болѣе извѣстнаго подъ названіемъ, даннымъ Дарвиномъ,—*естественный подборъ*. Вслѣдствіе борьбы за существованіе между организмами погибаютъ не приспособленные. Выдерживаютъ наиболѣе сильные, передающіе по наслѣдству потомству тѣ особенности, которыя помогли выйти побѣдителями. *) Палеонтологія,—говоритъ Спенсеръ,—показываетъ намъ, что каждая геологическая эпоха имѣетъ свой собственный классъ животныхъ, приспособленныхъ къ окружающимъ условіямъ. Это свидѣтельствуетъ, что эволюція организмовъ идетъ параллельно съ эволюціей неорганическаго міра. Эмбріологія даетъ намъ новыя доказательства. Она показываетъ, что зародышъ человѣка проходитъ многочисленные фазисы отъ клѣточки. Другими словами, мы имѣемъ картину эволюціи человѣка отъ однородной протоплазмы до сложнаго организма путемъ интеграціи и дифференціаціи.

„Спенсеръ не только пересоздалъ біологію,—говоритъ восторженный поклонникъ его Гекторъ Макферсонъ, авторъ упомянутой уже книги „Herbert Spencer the man and his Work“;—онъ, путемъ смѣлыхъ обобщеній, связалъ эту науку съ соціологіей“... Энциклопедисты были убѣждены, что вѣкъ господства разума непремѣнно наступитъ тогда, когда человѣчество покончитъ съ главными врагами прогресса: съ тираніей и съ догматизированной традиціей. Когда удастся освободиться отъ этихъ враговъ, учили энциклопедисты, наступитъ золотой вѣкъ братства и равенства. Такъ училъ, между прочимъ, Кондорсэ. Мальтусъ со своими мрачными предсказаніями,—по выраженію Макферсона,—явился какъ тѣнь Банко на пиру. Въ своей книгѣ „On the Principle of Population“ Мальтусъ какъ будто бы доказывалъ, что политическія и соціальныя революціи не уничтожаютъ человѣческихъ бѣдствій, потому что послѣднія, такъ сказать, въ природѣ вещей. „Путемъ, какъ тогда казалось, неопро-

*) Года два тому назадъ я познакомилъ читателей *Русскаго Богатства* съ крайне оригинальной, остроумной книгой, въ которой доказывается, что въ органическомъ мірѣ дѣйствуетъ еще, помимо борьбы за существованіе, законъ взаимной помощи (Mutual Aid). И этотъ законъ для совершенствованія вида болѣе важенъ, чѣмъ взаимная борьба особей.

вержимыхъ статистическихъ данныхъ, англійскій священникъ доказывалъ, что открылъ законъ, съ которымъ борьба немыслима. Никакіе оптимисты и никакіе революціонеры, доказывалъ Мальтусъ, ничего не подѣлаютъ съ фатальнымъ закономъ, въ силу котораго населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію—въ ариѳметической. Нищета и страданія, поэтому,—доказывалъ Мальтусъ,—законныя, неизбѣжныя послѣдствія развитія каждой страны. На жизненномъ пиру для бѣдняковъ не поставленъ приборъ и не можетъ быть поставленъ". Напрасно Годвинъ и его товарищи пытались бороться съ пессимистической теоріей Мальтуса. Вліяніе ея чувствуется до настоящаго времени въ англійской соціологіи и политической экономіи.

„Спенсеру принадлежитъ честь,—говоритъ Макферсонъ — изложенія біологической теоріи, которая, отдавая должное Мальтусу, снимаетъ пессимистическую тѣнь съ цивилизаціи. Спенсеръ открылъ, что способность организмовъ къ размноженію находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ индивидуальнымъ размноженіемъ. (Individuation and Genesis are in necessary antogonism)". Чѣмъ развитѣе данный организмъ, тѣмъ онъ менѣе способенъ къ размноженію. Поэтому, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію падаетъ и въ будущемъ можетъ установиться полное равновѣсіе между ростомъ населенія и средствами къ существованію, помимо всякихъ предупредительныхъ или задерживающихъ мѣръ. „Такимъ образомъ, — продолжаетъ Макферсонъ, — Спенсеръ дѣйствуетъ, какъ примиритель между оптимизмомъ и пессимизмомъ, точно такъ же какъ въ психологіи онъ положилъ конецъ враждѣ между интуиціоналистами и экспериментализтами". Я попытаюсь привести нѣсколько иллюстрацій къ положенію Спенсера, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію падаетъ. Вотъ маленькая таблица, показывающая число рожденій на тысячу человѣкъ населенія, заимствованная изъ книги австралійскаго соціолога Чэпля—„The Fertility of the Unfit". Авторъ—горячій поклонникъ Спенсера и понимаетъ законъ борьбы за существованіе такъ же прямолинейно, какъ и Гексли. Договаривается онъ до невѣроятныхъ жестокостей. Общество, по его мнѣнію, должно охранять себя отъ размноженія не приспособленныхъ къ соціальной жизни. Когда-то мальтузіанцы требовали „безболѣзненнаго удушенія" и „кастраціи". Австралійскій соціологъ (докторъ по профессіи) доказываетъ, что послѣдняя операція должна быть продѣлана надъ преступницами и надъ женами „не приспособленныхъ", т. е. идіотовъ, слабоумныхъ, преступниковъ, безумныхъ, глухонѣмыхъ, *нищихъ*, эпилептиковъ и алкоголиковъ. Авторъ великодушно предлагаетъ женамъ „не приспособленныхъ" требовать развода, иначе ихъ слѣдуетъ арестовать, продѣлать надъ

ними операцію и выпустить. Преступницы подлежатъ операціи послѣ третьяго осужденія.

	Число рожденій на 1000 Въ 1875 г.	1899 г.	Пониженіе:	
Въ Германіи	40	35,9	4,1	за 25 лѣтъ.
„ Англіи и Уэльсѣ . .	35	29,3	5,7	
„ Ирландіи	26	22,9	3,1	
„ Франціи	26	21,9	4,1	
	1880 г.	1890 г.		
Въ Соединенныхъ Шт. .	36	30	6	за 10 лѣтъ.
	1880 г.	1900 г.		
Въ Новой Зеландіи . .	40,8	25,6	14,4	за 20 лѣтъ.
	1860 г.	1902 г.		
Въ Квисландѣ	47,8	27,7	20,1	за 42 года.
	1888 г.	1903 г.		
Въ Аделаидѣ	27,72	22,28	5,44	за 5 лѣтъ.

По офиціальному отчету предсѣдателя статистическаго департамента (Registrar-General) въ Лондонѣ въ 1903 г. число рожденій на 1000 было 28,4. Показатель этотъ постепенно падаетъ съ каждымъ годомъ. Но обусловливается ли это явленіе повышеніемъ культуры и прогрессомъ цивилизаціи? Видимъ ли мы тутъ подтвержденіе закона Спенсера, что съ развитіемъ цивилизаціи способность человѣчества къ размноженію падаетъ? Факты доказываютъ, что нѣтъ. Пониженіе числа рожденій объясняется не дѣйствіемъ естественнаго закона, а волей индивидуумовъ. Число рожденій въ Англіи, напр., сразу падаетъ послѣ 1877 г., послѣ того, какъ „неомальтузіанское“ движеніе, съ Брэдло и Эни Безантъ во главѣ, восторжествовало *). Вожди движенія отстояли тогда въ судѣ тезисъ: „Въ цивилизованномъ обществѣ законъ не имѣетъ права заставить женщину быть матерью помимо ея желанія; родители поступаютъ несправедливо, когда приживаютъ дѣтей, которыхъ не въ силахъ содержать и воспитывать“.

Побѣду этого тезиса немедленно отмѣтили статистическія таблицы. По выраженію епископа Рипонскаго, господство тезиса сократило въ Англіи число рожденій на пятьсотъ въ день. Тоже самое явленіе, хотя, быть можетъ, еще въ болѣе сильной формѣ, мы наблюдаемъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австралазіи. Въ Англіи очень много говорятъ о „вырожденіи“ Франціи; но статистика показываетъ, что если число рожденій покуда въ Англіи еще абсолютно выше, чѣмъ, въ сосѣдней странѣ, за то относительно пониженіе идетъ болѣе стремительно. Явленіе приняло такой угрожающій характеръ, что епископъ Рипонскій нашелъ необходимымъ открыто заговорить о немъ.

*) Объ этомъ я писалъ подробно въ статьѣ „Человѣкъ съ причудой“.

IV.

Спенсеръ неутомимо печаталъ томъ за томомъ, не смотря на крайне слабое здоровье, которое заставляло его дѣлать частые перерывы и не смотря на то, что публика не покупала его книги. Наконецъ, въ 1866 г., подведя итогъ, Спенсеръ убѣдился, что израсходовалъ значительную часть своего небольшаго состоянія. Подписчики упорно не платили. Вмѣсто 430, ихъ было теперь только 350. „Первый выпускъ *Біологіи* показался до такой степени не интереснымъ большинству подписчиковъ, что многіе изъ нихъ отказались. Многихъ пришлось вычеркнуть также, потому что они не платили". Спенсеръ высчиталъ, что изъ своихъ денегъ затратилъ на печатаніе книгъ 1100 ф. ст. И вотъ онъ пришелъ къ заключенію, что такъ дѣло не можетъ продолжаться и извѣстилъ подписчиковъ о прекращеніи труда. Милль немедленно предложилъ Спенсеру средства на продолженіе изданія, но философъ не признавалъ благотворительности и отказался. Тогда поклонники Спенсера придумали другой планъ и разослали слѣдующій циркуляръ:

„Подписчики на *Систему синтетической философіи* получили увѣдомленіе, что изданіе прекращается за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ. Спенсеръ категорически отказался отъ предложенныхъ ему денегъ на изданіе его великаго труда. Единственнымъ выходомъ является слѣдующее. Пусть тѣ, которые приняли бы вѣсть о прекращеніи изданія съ великимъ сожалѣніемъ,—подпишутся на нѣсколько экземпляровъ, чтобы, такимъ образомъ, гарантировать автора отъ убытковъ. По разсчетамъ, печатаніе „Системы" будетъ возможно, если явятся еще 250 подписчиковъ". Циркуляръ подписали Джонъ Лэббокъ, Милль, Гексли, Тиндаль и Джорджъ Бёскъ. Американскіе поклонники, узнавъ о затруднительномъ положеніи Спенсера, прислали ему чекъ на двѣ тысячи долларовъ, который онъ тотчасъ же возвратилъ, и стали собирать подписчиковъ.

Но въ это время умеръ отецъ Спенсера, оставивъ сыну небольшое состояніе. Спенсеръ немедленно же извѣстилъ Гексли, что будетъ продолжать на свой счетъ изданіе „Системы" и, по этому, отказывается отъ помощи въ какой бы не было формѣ. Книги Спенсера черезъ нѣсколько лѣтъ стали расходиться (главнымъ образомъ, въ Америкѣ). Сперва стали покрываться издержки, а потомъ книги начали приносить порядочный доходъ, такъ что Спенсеръ оставилъ нѣсколько тысячъ фунтовъ ст., которые завѣщалъ англійскому Обществу позитивистовъ.

Въ концѣ 1867 г. Спенсеръ приступилъ къ *Психологіи*, первый томъ который былъ готовъ въ 1870 г. „Замедленіе обусло-

вливалось только крайнимъ переутомленіемъ, — говоритъ Спенсеръ.—Я писалъ такъ долго первый томъ отнюдь не потому, что работа перестала интересовать меня. Напротивъ, она доставляла мнѣ величайшее наслажденіе. Я съ удовольствіемъ убѣждался, что положенія, набросанныя мною въ 1854—55 г.г., теперь подтверждаются научными данными. Въ пятидесятыхъ годахъ, за пять лѣтъ до появленія *Происхожденія видовъ*, я издалъ книгу „Основы психологіи", въ которой примѣнилъ теорію эволюціи къ душевной дѣятельности. Мой взглядъ сочли тогда нелѣпостью. Книга вызвала многочисленныя нареканія. Она „сѣла" и я потерялъ много на ней. Появленіе *Происхожденія видовъ* создало переворотъ во взглядахъ на эволюцію. Я работалъ опять надъ *Основами психологіи*, дополнялъ мою теорію и заполнялъ пробѣлы оказавшіеся въ книгѣ, изданной пятнадцать лѣтъ до того. Въ *Основахъ психологіи*, какъ и въ другихъ трудахъ, признаніе факта, что начала и основы должны быть изложены раньше приступа къ конструктивной работѣ, — привело къ интереснымъ результатамъ. Я никогда не дошелъ бы до общихъ выводовъ, изложенныхъ въ первой и во второй части, еслибы съ самаго начала не поставилъ вопросы: каковы главные факты относительно структуры и дѣятельности, которыми біологія снабжаетъ психологію? Каковы основныя истины, которыя намъ представляетъ умственная дѣятельность, безъ отношенія къ происхожденію ихъ? Въ концѣ тома въ главѣ „Физическій синтезъ" я развиваю теорію, которую изложилъ въ предисловіи къ моей первой книгѣ о психологіи, вышедшей въ 1855 г. Мнѣ доказывали потомъ, что моя теорія не выдерживаетъ критики, но я, тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что основные принципы неопровержимы". *Основы психологіи* были приняты публикой лучше, чѣмъ *Основы біологіи*. Спенсеръ объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что не разослалъ книгу критикамъ. Въ слѣдующіе два года Спенсеръ закончилъ второй томъ *Психологіи*. „Первый томъ моего труда это—синтезъ, второй—анализъ. Я разбираю, такъ сказать, по частямъ нашъ умственный аппаратъ, чтобы выяснить его дѣятельность". Спенсеръ показываетъ, что—„сознаніе возникло на нѣкоторой ступени эволюціи живого міра изъ сферы безсознательнаго: глухое чувство сопротивленія, сопровождающее воздѣйствіе окружающей среды на простѣйшій организмъ представляетъ простѣйшій атомъ душевной жизни, нервный толчокъ. Съ дальнѣйшимъ ростомъ и осложненіемъ нервной системы на высшихъ ступеняхъ животнаго міра связано и осложненіе психическаго состава: атомы душевной жизни образуютъ сложныя группы, которыя прочно ассоціируются между собою и путемъ наслѣдственной передачи ведутъ къ постепенному осложненію содержанія душевной жизни у высшихъ формъ".

Макферсонъ ставитъ высоко психологію Спенсера. „Уничто-

женіемъ того абсолютнаго различія, которое устанавливаютъ метафизики между душевной дѣятельностью и внѣшнимъ міромъ, между субъектомъ и объектомъ,—говоритъ Макферсонъ,—Спенсеръ революціонизировалъ психологію. Онъ развѣнчалъ сущности и абстракціи. представивъ духъ и матерію не какъ противоположныя субстанціи, но какъ два фазиса одного и того же космическаго процесса. Послѣ Спенсера стало невозможно говорить, что умственная жизнь человѣка контролируется принципомъ разума или таинственной сущностью, которая создаетъ и направляетъ мысль. Въ спенсеровской философіи психологія находится въ тѣсной и необходимой зависимости отъ біологіи. Въ обѣихъ сферахъ мы наблюдаемъ одно и то же явленіе: зависимость организма отъ окружающей среды, непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній ко внѣшнимъ. Если нѣтъ абсолютнаго различія между живой и не живой матеріей, то отсюда вытекаетъ, что нельзя провести абсолютную демаркаціонную линію между низшими и высшими формами психической жизни. Разница между проявленіемъ умственной жизни у низшихъ животныхъ и у человѣка только въ степени. Спенсеровская психологія основана не на взглядѣ, господствовавшемъ до установленія закона эволюціи и утверждавшемъ, что духъ—сущность, сверхъестественнымъ путемъ надѣленная способностями. которыя должны изучаться совершенно независимо отъ матеріи. Психологія нашего философа доказываетъ, что умственная дѣятельность развивалась постепенно и незамѣтно по мѣрѣ того, какъ развивался живой механизмъ въ зависимости отъ окружающихъ внѣшнихъ условій. Организмъ, какъ бы онъ ни былъ простъ, можетъ существовать только до тѣхъ поръ, покуда находится въ гармоніи съ окружающими условіями. Гдѣ среда не сложна, тамъ не сложенъ также и организмъ. Жизненный процессъ растенія проявляется только въ непрерывномъ приспособленіи корней и листьевъ къ условіямъ, созданнымъ дѣйствіемъ немногихъ силъ. Жизнь червя состоитъ тоже изъ очень немногихъ дѣйствій. Прогрессъ къ высшей жизни подразумѣваетъ способность организма отвѣчать на болѣе сложныя измѣненія въ окружающей средѣ. Въ низшихъ организмахъ внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ несложны, что одинъ и тотъ же органъ исполняетъ нѣсколько функцій. Но изученіе біологіи показываетъ, что въ организмѣ мы замѣчаемъ распредѣленіе труда по мѣрѣ того, какъ усложняются внѣшнія отношенія. Съ точки зрѣнія біологіи степень жизни измѣняется съ степенью лучшаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ. На извѣстной ступени развитія жизни внѣшнія условія такъ осложняются, что отношеніе не можетъ уже больше поддерживаться автоматически, какъ бы ни была велика дифференціація въ структурѣ и въ функціяхъ организма. Тогда наступаетъ предѣлъ отношенія. На этомъ предѣлѣ чисто физическая жизнь переходитъ въ пси-

хическую. У высшихъ животныхъ способность приспособляться къ сложнымъ внѣшнимъ условіямъ соединена съ спеціализированной формой матеріи, называемой нервнымъ веществомъ. Въ высшей формѣ развитія оно надѣлено сознаніемъ. Такимъ образомъ, психологія начинается, въ строгомъ смыслѣ слова, тамъ, гдѣ начинается сознаніе. Общіе законы душевной жизни, то есть тѣ всеобщія и необходимыя свойства ощущеній и чувствованій, которыя Спенсеръ называетъ *отношеніями* и которыя у нѣмецкихъ философовъ называются *формами познанія* и *категоріями*, представляютъ также продуктъ эволюціи.

V.

Надъ первыми своими книгами Спенсеръ работалъ безъ помощи секретаря „При помощи накопленнаго въ моей памяти матеріала и прибѣгая еще къ дополнительнымъ, не требующимъ большого труда справкамъ, я написалъ *Основныя начала*,—говоритъ Спенсеръ.—Хотя для *Основъ біологіи* потребовался большій запасъ свѣдѣній, чѣмъ тотъ, которымъ я располагалъ, но я легко пополнялъ во время работы мои свѣдѣнія". Приступая къ соціологіи, Спенсеръ убѣдился, что ему надобенъ громадный запасъ фактовъ, классифицированныхъ такимъ образомъ, чтобы облегчить выводъ. Спенсеръ увидалъ, что самъ не успѣетъ читать всего и пришелъ къ заключенію, что ему необходимъ секретарь, который собиралъ бы факты по намѣченному плану. „Времени нельзя было терять,—говоритъ Спенсеръ,—мнѣ оставалось два года. Я увидалъ, что если у меня не будетъ секретаря, то я приступлю къ постройкѣ зданія (къ *Основамъ соціологіи*), не имѣя кирпичей".

Спенсеръ досталъ научно-образованнаго секретаря Дэвида Денкана (Dunkan), рекомендованнаго Бэномъ. Секретаря пришлось дисциплинировать. „Мое пониманіе важности фактовъ было другое, чѣмъ у Денкана. Мнѣ нужны были данныя относительно климата, контура, почвы, естественныхъ богатствъ области, населенной извѣстнымъ племенемъ. Мнѣ необходимо было также знать флору и фауну во всякомъ случаѣ настолько, насколько онѣ имѣютъ вліяніе на человѣка. Внѣшнія условія это—крайне важный факторъ при изученіи народа. Дальше мнѣ нужны были факты, касающіеся характера различныхъ народовъ и рисующіе нравственность и умственное развитіе ихъ. Кромѣ государственныхъ, церковныхъ и промышленныхъ организацій каждаго народа, кромѣ суевѣрій, обрядовъ и привычекъ его,—мнѣ нужно было знать и во что онъ одѣвается, чѣмъ питается, каково его искусство и пр. Для всего этого требовалось, чтобы мы съ Денканомъ внимательно изучили цѣлый рядъ путешествій. Изъ этихъ книгъ я

могъ бы вынести свѣдѣнія, необходимыя для моей соціологіи". Но совмѣстное чтеніе оказалось не по силамъ Спенсеру. Онъ могъ работать, самое большее, три часа въ день. Въ это время онъ писалъ. Когда же онъ попробовалъ прибавить еще полчаса чтенія, то опять появились бурные признаки переутомленія: головныя боли, безсонница, не поддававшаяся даже морфію и пр. Переутомленіе было такъ сильно, что „чтеніе статьи въ половину газетнаго столбца вызывало такую же головную боль, какъ и три страницы труда по метафизикѣ". Какую настойчивость и какую волю нужно было имѣть, чтобы, не смотря на все это, кончить колоссальный трудъ, составляющій эпоху въ исторіи человѣческой мысли!

Спенсеръ составилъ планъ работы и выработалъ таблицы для собиранія фактовъ. По этому плану сталъ работать секретарь Скомпилированный такимъ образомъ матеріалъ долженъ былъ служить „кирпичами" для дальнѣйшей работы Спенсера; но философъ убѣдился, что сгруппированный матеріалъ и безъ обобщеній представляетъ большую цѣнность для изучающихъ соціологію. Такимъ образомъ явилась мысль издать собранный матеріалъ отдѣльными книгами („Описательная соціологія"). Первый секретарь, между тѣмъ, пересталъ работать у Спенсера, такъ какъ получилъ каѳедру въ одномъ изъ шотландскихъ университетовъ. Спенсеру отрекомендовали другого помощника, только что окончившаго не безъ отличія университетъ. Выборъ на этотъ разъ былъ сдѣланъ неудачно. По этому поводу мы находимъ въ *Автобіографіи* очень любопытныя строки.

„Я убѣжденъ, что современная система образованія не только не усиливаетъ способности самостоятельнаго мышленія въ тѣхъ, которые слабо надѣлены этимъ, но, наоборотъ, притупляетъ ее. Наглядный примѣръ представлялъ мой новый секретарь. Рядомъ съ знаніемъ, вынесеннымъ изъ университета, въ головѣ его уживалось поразительное невѣжество. Онъ спросилъ, напр., меня, почему корабль исчезаетъ изъ нашихъ глазъ въ открытомъ морѣ: потому ли, что зрѣніе имѣетъ предѣлъ, или же потому,— какъ увѣряютъ,—что земля кругла? Когда зашла рѣчь о приростѣ населенія, мой секретарь удивился, что число населенія въ Англіи увеличивается. Секретарь говорилъ о „собачьемъ зобѣ" и изумился, когда ему сказали, что млекопитающія не имѣютъ зобовъ. Но самый поразительный фактъ выяснился, когда мой секретарь сталъ писать подъ диктовку. Онъ не зналъ, что такое абзацъ и писалъ безъ красныхъ строкъ. Человѣкъ этотъ много лѣтъ зубрилъ по книгамъ въ школѣ и въ университетѣ и не замѣчалъ, что существуютъ абзацы." Съ этимъ секретаремъ Спенсеръ скоро покончилъ. Ему удалось найти такого же научно-образованнаго секретаря, какъ Денканъ,—Колльера.

Собираніе матеріаловъ по намѣченному плану снова быстро

двинулось впередъ. Въ 1871 г. Спенсеръ рѣшилъ издать первый томъ *Описательной соціологіи*. „Сгруппированные соціологическіе факты относительно различныхъ племенъ и народовъ облегчатъ ученымъ найти общіе законы, — думалъ Спенсеръ. — Собраніе фактовъ, показывающихъ соотношеніе, существующее всюду между усиленной военной дѣятельностью даннаго племени и приниженнымъ положеніемъ женщины; между деспотической формой правленія и выработаннымъ соціальнымъ церемоніаломъ; между мирной общественной жизнью и распаденіемъ институтовъ, порожденныхъ насиліемъ, — неизмѣримо болѣе важно для человѣчества, чѣмъ „историческія“ изслѣдованія въ родѣ того, вѣрна ли исторія про то, что короля Альфреда бранили за недопеченныя лепешки, интриговала ли королева Елизавета съ Эссексомъ или нѣтъ, гдѣ прятался принцъ Карлъ и каковы подробности такой-то битвы. Соотношеніе между соціологическими фактами въ то время не было такъ очевидно, какъ теперь. Вотъ почему я находилъ изданіе „Описательной соціологіи“ полезнымъ дѣломъ“.

Нужно знать, что въ Англіи очень распространенъ обычай работать съ секретарями, обычай, котораго мы, русскіе, какъ мнѣ кажется, къ чести нашей, совершенно не понимаемъ. Значительная часть книгъ, появляющихся ежегодно на рынкѣ, составлены безвѣстными секретарями, работающими за гроши въ Британскомъ музеѣ. Я знаю случай, гдѣ автору „историческаго“ изслѣдованія принадлежитъ только заглавный листъ. А между тѣмъ книга не только обратила на себя вниманіе, но переведена даже на французскій языкъ. Спенсеръ совершенно иначе относился къ секретарямъ. Во-первыхъ, они работали по тщательно составленному Спенсеромъ плану; во-вторыхъ, участіе ихъ обозначено на обложкѣ книги. Такъ, напр., матеріалы относительно не цивилизованныхъ расъ собраны, какъ значится, проф. Денкаромъ. Д-ръ Шепингъ сгруппировалъ факты относительно евреевъ и финикіянъ и т. д. Затѣмъ, Спенсеръ не только платилъ своимъ секретарямъ полистную плату, но дѣлилъ съ ними и прибыль. Я уже не говорю о томъ, что имена добросовѣстныхъ, умныхъ, но обыкновенныхъ работниковъ присоединены къ имени великаго человѣка.

„*Описательная соціологія* подготовлялась семь лѣтъ,—говоритъ Спенсеръ,—и познакомила меня съ многочисленными фактами, которые дали мнѣ возможность приступить къ *Основамъ соціологіи*. Кромѣ того я предварительно написалъ книгу „Изученіе соціологіи“. Сдѣлалъ я это, главнымъ образомъ, для самого себя, чтобы разобраться въ накопленныхъ фактахъ... Фактовъ набралось такъ много, они были такъ разнообразны, что почти подавляли. Я чувствовалъ себя въ положеніи дивизіоннаго генерала, котораго назначили главнокомандующимъ всей арміи. Или, еще лучше, я чувствовалъ себя, какъ главнокомандующій, которому въ то же время нужно быть еще дивизіоннымъ, бригаднымъ и

корпуснымъ командиромъ. Необходимо было работать крайне осмотрительно и методично, чтобы не запутаться въ массѣ фактовъ". Здѣсь будетъ умѣстно словами Спенсера сказать, какъ онъ работалъ надъ собранными матеріалами. „За двадцать пять лѣтъ я накопилъ много фактовъ и замѣтокъ, сдѣланныхъ время отъ времени. Хотя читалъ я и не слишкомъ много, но я наталкивался на соціологическіе факты, которые собиралъ вмѣстѣ съ моими замѣчаніями по ихъ поводу. Такимъ образомъ за четверть вѣка накопились груды не систематизированнаго матеріала. Раза два въ годъ я вынималъ изъ ящиковъ замѣтки и приводилъ ихъ въ нѣкоторую систему, т. е. сортировалъ факты относительно религіи, государства, промышленности и проч. Такимъ образомъ, когда я приступилъ къ работѣ, у меня подъ рукой были, такъ сказать, громадныя кучи необтесанныхъ камней. Затѣмъ у меня былъ еще большой матеріалъ, собранный въ *Описательной соціологіи*. Для экономіи труда приходилось систематизировать и этотъ матеріалъ. Во избѣжаніе ошибокъ при перепискѣ я отмѣчалъ по печатному тексту, что вырѣзать. Предположимъ, мнѣ нужно было подготовить часть „Первобытныя идеи". Для этого я прочитывалъ всѣ мои выдержки относительно не культурныхъ и полукультурныхъ племенъ, разбитыя на группы: „Суевѣрія", „Обряды" и т. д. При чтеніи я отмѣчалъ факты, имѣющія значеніе для меня, и мой секретарь вырѣзывалъ ихъ. Затѣмъ вырѣзки прибавлялись къ кучѣ заранѣе накопленныхъ фактовъ, послѣ чего вся масса сортировалась. Детали части „Первобытныя идеи" обдумывались долго. Намѣчались главы: „Идеи о снахъ", „Идеи о смерти и воскресеніи", „Идеи о загробной жизни", „Идеи о загробномъ мірѣ" и пр. За тѣмъ я бралъ большіе листы бумаги и раскладывалъ ихъ по полукругамъ на полу предъ собою. На каждомъ листѣ я подписывалъ названіе главы. Потомъ я бралъ кучу вырѣзокъ и раскладывалъ ихъ сообразно содержанію между листами бумаги. При этомъ процессѣ мнѣ иногда попадался фактъ, для объясненія котораго требовалась отдѣльная глава. Я сейчасъ же прибавлялъ новый листъ бумаги, куда собиралъ изъ другихъ главъ подходящіе факты. Въ нѣсколько пріемовъ, такимъ образомъ, я разбиралъ цѣлую кучу фактовъ. Я перекладывалъ много разъ, покуда устанавливалась извѣстная связь между главами. Приступая къ каждой отдѣльной главѣ, я опять группировалъ факты. Для этого у меня на особомъ столѣ былъ родъ пюпитра, покрытый зеленымъ сукномъ. При помощи особой подпорки пюпитръ можно было поставить подъ любымъ угломъ. На этомъ пюпитрѣ я раскладывалъ факты въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были слѣдовать въ главѣ. Затѣмъ, глядя на вырѣзки, я диктовалъ секретарю мою книгу, т. е. связь между фактами и давалъ ему ихъ, чтобы онъ вставилъ въ текстъ".

Въ 1874 г. Спенсеръ окончательно приступилъ къ *Основамъ соціологіи*.

„Первый томъ могъ бы быть выпущенъ въ свѣтъ въ іюнѣ 1876 г.,—говоритъ Спенснеръ,—еслибы не обнаруженный пробѣлъ въ моемъ первоначальномъ планѣ. До этого времени я строго держался „Программы синтетической философіи“, которую я выпустилъ въ 1860 г.; но вотъ я убѣдился, что необходимо отступленіе. Я, какъ и многіе другіе, трактовалъ соціологію съ политической стороны, хотя уже при группировкѣ матеріала я обратилъ, конечно, вниманіе на религіозные и промышленные институты. Соціологія, какъ ее обыкновенно понимаютъ, разсматриваетъ исключительно явленія, проистекающія отъ общей работы всѣхъ гражданъ. Но вотъ, разсматривая институты подобнаго рода, я пришелъ къ заключенію, что нужно изучить и семейныя отношенія. Рѣшилъ такъ я не потому, что принялъ всецѣло выводы Моргана. Изученіе первобытныхъ обществъ давно уже навело меня на мысль, что патріархальная форма семьи—не самая древняя и что отношенія родственниковъ другъ къ другу и къ нисходящимъ поколѣніямъ имѣютъ различныя болѣе архаическія формы. Я пришелъ къ заключенію, что эти архаическія формы, равно какъ и болѣе современныя, типы которыхъ Морганъ признаетъ тождественными для всѣхъ народовъ,—имѣли важное вліяніе на соціологическія организаціи. Дальнѣйшія размышленія привели меня къ заключенію, что форма семьи составляетъ характерную черту каждаго общества. Въ моей первоначальной программѣ, такимъ образомъ, былъ крупный пробѣлъ. И весной 1876 г. я приступилъ къ заполненію его. Такимъ образомъ, выпускъ въ свѣтъ перваго тома *Основъ соціологіи* замедлился. Я измѣнилъ планъ и пожалѣлъ потомъ: первый томъ долженъ былъ бы содержать только данныя и введеніе.“

Спенсеръ усиленно работалъ надъ „Семейными отношеніями“; но послѣ двухъ мѣсяцевъ такой форсированной работы опять заболѣлъ. Пришлось снова оставить все и ѣхать на отдыхъ въ деревню. Философъ детально описываетъ, какъ удилъ тамъ пеструшекъ, при чемъ дѣлаетъ остроумныя наблюденія надъ нравами форелей и надъ характеромъ озера. Находитъ онъ также мѣсто и для анекдотовъ. Спенсеръ, напр., разсказываетъ, какъ хозяева у которыхъ гостилъ онъ, познакомили его съ епископомъ.

Въ билліардной (Спенсеръ очень любилъ игру въ билліардъ) епископъ узналъ, что философъ пріѣхалъ въ деревню, такъ какъ не можетъ больше работать.

— А, это хорошо,—замѣтилъ епископъ,—болѣзнь помѣшаетъ вамъ развить какую нибудь вредную мысль.

— Если вы считаете мои доктрины вредными и заблужденіемъ,—отвѣтилъ Спенсеръ,—то готовы ли вы защищать противоположные взгляды?

Епископъ отвѣтилъ утвердительно.

— Ну, такъ вотъ что. Я работаю теперь надъ главой, въ которой доказываю преимущества моногаміи. Будете ли вы доказывать, что многоженство болѣе желательно?

Епископъ разсмѣялся и сказалъ, что готовъ привести многочисленные примѣры изъ библіи.

Спенсеръ возвратился въ Лондонъ въ январѣ 1877 г., но все еще не могъ работать. Досугомъ онъ воспользовался для того, чтобы посѣщать вагнеровскіе концерты. „Музыка будущаго“ Спенсеру не понравилась. „Когда я выходилъ съ знакомыми дамами изъ зала,—говоритъ Спенсеръ,—мою спутницу спросили, какъ ей понравилась музыка.

— Ничего, я довольно хорошо выношу ее.

„Этимъ отвѣтомъ могъ бы я формулировать и мои впечатлѣнія. Теперь мода восхищаться Вагнеромъ,—продолжаетъ Спенсеръ,—и потому люди дѣлающіе это, не рѣшаются сказать ничего противъ. Какъ читатель могъ убѣдиться, я всегда говорю, что думаю и не страшусь очутиться въ меньшинствѣ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не восхищающихся Вагнеромъ немало. Я обсуждалъ вопросъ съ Джорджъ Эліотъ, которая была отличной музыкантшей и тонко понимала искусство. Джорджъ Эліотъ сказала мнѣ, что Вагнеръ ей понравился, но что въ его музыкѣ нѣтъ драматизма, т. е. какъ разъ того, что составляетъ главную задачу ея. Вагнеръ не даетъ музыкальной формы тѣмъ страстямъ, которыя выражены въ словахъ. Джорджъ Эліотъ указала на двѣ аріи, выражающія различныя чувства, между тѣмъ музыку ихъ свободно можно было бы обмѣнять. Я замѣтилъ, что музыкальныя фразы у Вагнера можно иногда предугадать. Онѣ не напоминаютъ тѣ фразы, порожденныя внезапнымъ вдохновеніемъ, раскрывающія сразу прекрасную и неожиданную комбинацію звуковъ. По моему мнѣнію, Вагнеръ скорѣе великій артистъ, чѣмъ великій музыкантъ: онъ лучше всѣхъ композиторовъ понимаетъ, какимъ образомъ добиться желаемыхъ эффектовъ“...

VI.

Въ іюнѣ 1877 г. Спенсеръ наконецъ закончилъ первый томъ *Основъ Соціологіи*, надъ которымъ работалъ больше трехъ лѣтъ. Правда, въ 1873 г. появился первый набросокъ, но очень неполный. Первый томъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ восемьсотъ страницъ и, какъ извѣстно читателямъ, очень богатъ фактами. Одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ Спенсера сосчиталъ даже, сколько сочиненій цитировано философомъ, именно—379. Для Бокля, оперировавшаго въ своей „Исторіи цивилизаціи“ надъ фактами, добытыми изъ двадцати тысячъ книгъ, 379, ко-

нечно, скромная цифра; но для Спенсера—это очень много. За первымъ томомъ послѣдовалъ продолжительный перерывъ въ работѣ. Переутомленіе, преслѣдовавшее Спенсера много лѣтъ, сказалось въ особенно бурной формѣ. И вотъ въ это время, разъ, въ октябрѣ 1879 г., Спенсеръ получилъ записку отъ знакомой молодой дамы, уѣзжавшей въ Египетъ и приглашавшей философа прійти проститься. У философа тотчасъ мелькнула мысль, почему бы и ему не отправиться на отдыхъ въ Египетъ? „Туда слѣдовало съѣздить, а такъ какъ мнѣ уже было пятьдесятъ девять лѣтъ, то времени терять нельзя было". Спенсеръ дѣйствительно поѣхалъ. „Зависѣло ли это отъ мрачнаго настроенія, обусловленнаго переутомленіемъ или отчего другого,—говоритъ Спенсеръ,—но Египетъ произвелъ на меня крайне печальное впечатлѣніе. Одна книга, посвященная Египту, озаглавлена „Страна разсвѣта". Авторъ, конечно, подразумѣвалъ, что въ Египтѣ развивается новая цивилизація. У меня осталось впечатлѣніе, что это страна упадка и смерти. Египетъ — страна мертвыхъ людей, мертвыхъ расъ и мертвыхъ вѣрованій".

Въ первой статьѣ объ автобіографіи Спенсера я приводилъ уже, какъ Спенсеръ суммируетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Египта.

Колоссальный трудъ, потребовавшій 36 лѣтъ жизни, подвигался впередъ, не смотря на болѣзнь, не смотря на глубокую старость, когда люди думаютъ только объ отдыхѣ. Наконецъ въ 1896 г. гигантская работа была закончена. Къ этому времени Спенсеръ пользовался уже міровой славой. Ученыя общества и университеты присылали ему почетные дипломы; ему предлагали титулы и ордена; но Спенсеръ отказывался отъ всего этого, какъ когда-то уклонился отъ помощи, предложенной ему Миллемъ. Какъ я сказалъ въ первомъ письмѣ, критика системы Спенсера не входитъ въ мою программу, поэтому, я ограничусь еще однимъ фактомъ. Въ преклонномъ возрастѣ Спенсеръ не только внимательно слѣдилъ за жизнью, кипѣвшею вокругъ, но отзывался на нее. Восьмидесятилѣтній старикъ выступилъ съ протестомъ противъ войны въ Южной Африкѣ и въ числѣ первыхъ присоединился къ комитету, организованному протестантами.

Діонео.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

Анри Рошфоръ.

Вотъ человѣкъ, который дѣйствительно можетъ считаться „знаменитостью“, если хотите, даже „достопримѣчательностью“ Парижа. И я не особенно былъ удивленъ, когда въ одномъ изъ своеобразныхъ путеводителей для свѣтскихъ снобовъ туманнаго Альбіона,—переплывающихъ Ла-маншъ, чтобы имѣть право выдавать себя потомъ дома за знатоковъ французской жизни,—прочиталъ въ рубрикѣ „что надо видѣть въ Парижѣ“ (what is to be seen in Paris): Лувръ, тріумфальную арку, Пантеонъ, катакомбы и—„маркиза Рошфора“, при чемъ указывалось, какъ и гдѣ можно было всего легче лицезрѣть эту „любопытную вещь“ (curiosity) великаго города,—напр., весною на скачкахъ и открытіи художественныхъ выставокъ, зимою въ такомъ-то театрѣ и въ такой-то часъ, и т. д. Дѣйствительно, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ Анри Рошфоръ, не смотря на довольно продолжительныя вольныя и невольныя отсутствія (въ изгнаніи и т. п.) изъ Франціи, играетъ роль какъ бы ходячаго историческаго монумента, котораго нельзя пропустить, говоря о Парижѣ. Онъ какъ бы составляетъ неотъемлемую принадлежность „современнаго Вавилона“ и своею популярностью (положительною или отрицательною) затмеваетъ, говоря въ общемъ, всѣхъ своихъ современниковъ,—лишь въ послѣднія пять-шесть лѣтъ рѣшительно теряя своихъ поклонниковъ въ демократическомъ лагерѣ, но за то пріобрѣтая ихъ среди шовинистовъ и клерикаловъ.

Парижъ неоднократно уже оказывалъ царскія встрѣчи своему любимцу,—напр., когда Рошфоръ возвращался послѣ первой амнистіи изъ Швейцаріи (въ 1880 г.) или послѣ второй изъ Лондона (въ 1895 г.) и безчисленное множество разъ устраивалъ ему овація на публичныхъ манифестаціяхъ, гдѣ приходилось показываться знаменитому памфлетисту. Мнѣ врѣзался въ память особенно одинъ изъ такихъ рошфоровскихъ тріумфовъ, не потому что бы онъ былъ исключительно грандіозенъ, наоборотъ, размѣрами онъ уступалъ многимъ и многимъ демонстраціямъ въ честь бывшаго издателя „Фонаря“,—а потому, что онъ представляетъ особенно поразительный контрастъ своею обстановкою и значеніемъ съ клерикально-шовинистскими манифестаціями въ честь Рошфора за послѣдніе годы, напр., во время процесса Золя.

Дѣло было на похоронахъ коммунара Жюля Валлэса, парадоксальнаго, но сильнаго и оригинальнаго писателя крайняго на-

правленія (одна изъ раннихъ книжекъ котораго, „Les Réfractaires“, была почти буквально воспроизведена нынѣ забытымъ русскимъ литераторомъ, Н. Соколовымъ, въ его „Отщепенцахъ“). На дворѣ стояла средина февраля, - Валлэсъ умеръ 14-го февраля 1885 г.—но какъ часто бываетъ въ Парижѣ, гдѣ февраль сплошь и рядомъ погожѣе капризнаго марта, солнце грѣло совсѣмъ по вешнему, и было почти жарко. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ тѣснилась на верху Сэнъ-Мишельскаго бульвара противъ квартиры Валлэса, дожидаясь, пока вынесутъ гробъ и положатъ на катафалкъ, а тѣмъ временемъ обмѣниваясь впечатлѣніями и встрѣчая восклицаніями собиравшихся на похороны Валлэса знаменитостей изъ лагеря единомышленниковъ покойнаго. Вотъ и Вайльянъ и „генералъ“ Эдъ (Eudes), и Шовьеръ, Гуллэ, Демэ, Лефрансэ. Вотъ и тогдашняя редакція „Le Cri du Peuple“, газеты, которую издавалъ Валлэсъ: Гэдъ, Габріэль Дэвилль, Массаръ, и въ особенности близкая пріятельница Валлэса, г-жа Сэвэринъ, вся въ черномъ, съ густымъ вуалемъ на лицѣ, ставшая у только что вынесеннаго гроба. Почти въ тотъ же моментъ тѣсные ряды товарищей покойнаго раздвинулись и къ заплаканной писательницѣ подошелъ и крѣпко пожалъ руку высокій мужчина среднихъ лѣтъ, въ которомъ я сейчасъ же узналъ столь извѣстную публикѣ по карточкамъ и рисункамъ фигуру Рошфора. „Рошфоръ! Рошфоръ! Браво, Рошфоръ! Да здравствуетъ Рошфоръ! Ура l'Intransigeant!“ раздались восторженные крики многотысячной толпы.—„Merci, merci, citoyens! Спасибо граждане! спасибо, товарищи“,—взволнованной скороговоркой отвѣчалъ на привѣтствія Рошфоръ, кланяясь на обѣ стороны своей обнаженной столь типичной головой.

Своей манерой говорить, своей легкой, граціозной, слегка подпрыгивающей походкой и мефистофелевскимъ выраженіемъ лица онъ мнѣ сильно напомнилъ Н. В. Шелгунова, съ которымъ я хорошо былъ знакомъ въ Россіи между 1879 и 1882 г. Но онъ былъ выше, плотнѣе; и если саркастическая улыбка Мефистофеля и небольшая эспаньолка заключали въ себѣ нѣчто шелгуновское, то всѣ остальныя черты принадлежали ему, Рошфору, этому классическому демону памфлета, и навсегда запечатлѣвались въ памяти того, кто хоть разъ видѣлъ его. Высокій, необыкновенно выпуклый лобъ, который „карнизомъ“—выраженіе самого Рошфора, его родныхъ и пріятелей—нависалъ впередъ и оставлялъ въ тѣни живые, голубые, но глубоко сидящіе глаза; необыкновенно густая, курчавая, начинавшая въ то время не столько сѣдѣть, сколько сѣрѣть шевелюра, съ лѣваго бока которой эффектно поднимался однимъ взмахомъ знаменитый непокорный кокъ или чубъ (toupet) Рошфора; энергичный, словно сразу обрубленный носъ и тонкія губы, сверху оттѣненныя подстриженными усами, а снизу „запятою“ козлиной бородки; худощавое крайне выразительное лицо, все въ угряхъ, бугрѣхъ и углубленіяхъ, съ сильно

развитыми скулами и изжелта сѣрымъ оттѣнкомъ кожи; высокая, гибкая, начинавшая къ тому времени полнѣть фигура на длинныхъ ногахъ, которыя шагали легко, какъ у юноши, и своими быстрыми движеніями заставляли покачиваться эту крайне эффектную. словно нарисованную Рембрандтомъ, всю состоявшую изъ свѣта и тѣней голову съ гордо развѣвающимся чубомъ...

Шествіе тронулось, и надъ густой толпой взвились красныя знамена. Въ эту пору министерство внутреннихъ дѣлъ находилось въ авторитарныхъ рукахъ Вальдэка-Руссо, который уже съ годъ передъ этимъ провелъ черезъ парламентъ законъ о „возмутительныхъ крикахъ и эмблемахъ“. Но гордившійся своею флегматичною энергіею, министръ словно нарочно не прибѣгалъ къ вотированнымъ по его же настоянію мѣрамъ. И на сей разъ онъ рѣшилъ оставить въ покоѣ красныя знамена, иронически поджидая, что выйдетъ изъ этого, и какъ парижская буржуазія приметъ похоронную процессію съ „возмутительными эмблемами“. Онъ лишь наканунѣ извѣстилъ, что заготовилъ достаточное количество войскъ и полиціи, чтобы подавить всякій серьезный безпорядокъ на улицѣ, но двинетъ ихъ только въ случаѣ необходимости. И организаторы похоронъ сами старались избѣгать по возможности столкновенія съ враждебной публикой, довольные тѣмъ, что, за исключеніемъ очень немногихъ муниципальныхъ городовыхъ, полиціи совсѣмъ не было видно, хотя въ ближнихъ улицахъ и въ казармахъ, расположенныхъ по сосѣдству процессіи, стояли цѣлые отряды полицейскихъ и эскадроны кирасировъ.

Почти сейчасъ же за гробомъ и какъ разъ въ той группѣ, гдѣ шелъ Рошфоръ, выступала делегація изъ трехъ-четырехъ нѣмцевъ съ высоко поднятымъ на древкѣ большимъ вѣнкомъ изъ красныхъ иммортелей на которомъ, ярко горѣла надпись: „Жюлю Баллэсу—германская рабочая партія“. Не успѣла процессія, спускаясь по Сэнъ-Мишельскому бульвару, пересѣчь улицу Суффло, какъ изъ большой пивной, находившейся тогда по правую сторону „Бульмиша“—я забылъ ея названіе—раздались неистовые свистки, крики: „Долой Германію! ура Франція! долой измѣнниковъ! да здравствуетъ Деруледъ“, и въ вѣнокъ нѣмцевъ полетѣли тухлыя яйца, гнилой картофель и яблоки. А когда похоронное шествіе на минуту пріостановилось отъ этого не совсѣмъ неожиданнаго, но болѣе серьезнаго, чѣмъ то думали организаторы похоронъ, нападенія „патріотовъ“, изъ пивной бросилась на нѣмецкую делегацію сотня студентовъ и вообще фешіонэбельныхъ господъ съ палками, зонтиками и тутъ же сопровождавшими ихъ погибшими, но милыми созданіями съ Сэнъ-Мишельскаго бульвара. И вся эта безумно кричавшая и жестикулировавшая орава устремилась къ нѣмецкому вѣнку, стараясь выбить его изъ рукъ несшихъ. Германская делегація ускорила шагъ, но это ей не помогало; и изъ ближнихъ рядовъ можно было видѣть, какъ странно

прыгалъ въ воздухѣ забрасываемый всякою дрянью вѣнокъ изъ иммортелей: „патріоты“, очевидно, тузили „мерзкихъ пруссаковъ“, (sales prussiens),—крикъ, который всего чаще раздавался среди этой свалки. Мефистофельская фізіономія Рошфора сардонически улыбалась, и онъ бросилъ звучнымъ баритономъ двѣ три фразы въ сторону нападавшихъ... Раздался хохотъ, и могучій крикъ толпы, шедшей за гробомъ, заглушилъ на минуту кошачью серенаду дэруледистовъ (враждебные манифестанты принадлежали къ секціи Латинскаго квартала дэруледовской „Лиги патріотовъ“): „браво, браво! да здравствуетъ Рошфоръ!“

— Что, что онъ сказалъ? спрашивали въ заднихъ рядахъ похоронной процессіи.

— Рошфоръ, граждане, всегда найдетъ, что отвѣтить: онъ крикнулъ дэруледистамъ, что, молъ, вы вотъ вопите „долой Германію“, а покамѣстъ воюете лишь съ нѣмецкимъ пивомъ, да и то, кажется, нашли новый Седанъ на днѣ пивной кружки.

„Патріоты“ не переставали идти на приступъ нѣмецкаго вѣнка. Но терпѣніе участвовавшихъ въ похоронной процессіи лопнуло: по знаку нѣсколькихъ вожаковъ бланкистской партіи—бланкисты всегда отличались прочной организаціей и почти военной дисциплиной—пять-шесть рядовъ рабочихъ ловкимъ маневромъ окружили и сдавили, какъ въ тискахъ, толпу дерулэдистовъ и оттѣснили ее на тротуаръ. И началась трагикомическая баталія. Тросточки и зонтики „патріотовъ“ ломались, какъ спички, дюжими руками манифестантовъ; нѣсколько великолѣпныхъ цилиндровъ были смяты и брошены на мостовую; раздался пронзительный визгъ подругъ патріотическихъ студентовъ... И черезъ какія нибудь пять минутъ, не смотря на кружки и стулья, бросавшіеся изъ пивной дэруледистами Латинскаго квартала на нападавшихъ, контръ-манифестанты были отброшены въ улицу Суффло и бѣжали въ безпорядкѣ, преслѣдуемые демократическими пинками поношенныхъ пиджаковъ и синихъ блузъ. Отнынѣ шествіе безпрепятственно стало спускаться по Сэнъ-Мишельскому бульвару, и порядокъ нарушался только свистомъ фешіонэбельной публики, которая стояла на балконахъ своихъ апартаментовъ, выходившихъ на улицу, демонстративно не снимая шляпъ, вопреки обычному почтенію французовъ къ покойникамъ, и въ свою очередь привѣтствовалась угрожающими криками и энергичнымъ показываніемъ кулаковъ со стороны проходившихъ манифестантовъ.

На слѣдующій день въ благонамѣренныхъ газетахъ появилось до смѣшного напыщенное письмо „патріотовъ“ къ Дэруледу, возвѣщавшее городу и міру героическое сопротивленіе „истинныхъ французовъ“ „звѣрскимъ полчищамъ интернаціоналистовъ“ и заканчивавшееся своеобразной Аннибаловой клятвой: „Да, дорогой вождь, мы обѣщаемъ стоять всегда вокругъ патріотическихъ складокъ трехцвѣтнаго знамени и всегда бороться съ внѣшними и

внутренними врагами дорогого отечества! Мы не могли вынести возмутительнаго зрѣлища красныхъ знаменъ мятежа и вражескаго вѣнка, и наша кровь лилась въ самомъ центрѣ Латинскаго квартала, какъ она будетъ литься на поляхъ грядущихъ битвъ съ тевтонами, осмѣлившимися бросить намъ вчера вызовъ своимъ святотатственнымъ вѣнкомъ".

А еще на слѣдующій день появилась въ L'Intransigeant'ѣ исполненная колючаго юмора и остроумія статья Рошфора, который описывалъ въ качествѣ очевидца всѣ перипетіи „великой битвы народовъ", не уступавшей лейпцигской, и зло подтрунивалъ надъ манифестомъ „патріотовъ", которые, молъ, если что и пролили въ „самомъ центрѣ Латинскаго квартала", то невѣроятное количество баварскаго пива, и если съ честью поддержали чье знамя, то вывѣску короля Гамбринуса, и т. д.

Что сказалъ бы тогдашній Рошфоръ, еслибы ему показали тѣ статьи, какія онъ писалъ всего какіе нибудь два года спустя во славу „браваго генерала", а въ особенности еслибы развернули передъ его глазами его же поистинѣ постыдную компанію послѣднихъ семи лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ все время шелъ рука объ руку съ злѣйшими врагами республики и демократіи, сжигая то, чему поклонялся, поклоняясь тому, что сжигалъ, и создавая настоящій апоѳеозъ когда-то столь бичуемымъ имъ рыцарямъ милитаризма и реакціи? Уже начиная съ его увлеченія буланжизмомъ, Рошфоръ растерялъ много своихъ прежнихъ идейныхъ товарищей. Но это отклоненіе въ сторону было почти совсѣмъ прощено ему въ половинѣ 90-хъ годовъ; и его старые единомышленники смотрѣли сквозь пальцы на нѣкоторыя антидемократическія ереси во взглядахъ Рошфора, прилипшія къ нему, если можно такъ выразиться, за время пребыванія его въ лагерѣ новоиспеченныхъ цезаристовъ. За то гораздо рѣзче и повидимому безповоротнѣе продѣланъ Рошфоромъ зигзагъ въ направленіи къ военщинѣ и вообще всѣмъ темнымъ силамъ реакціи со времени дрейфусовскаго дѣла. Тутъ рѣчь уже идетъ не только объ отклоненіи, хотя бы и важномъ, отъ общаго характера прежней дѣятельности. Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ такимъ кореннымъ поворотомъ, который носитъ названіе идейнаго ренегатства и отличается его обычными чертами: преувеличенной нѣжностью къ новымъ товарищамъ по убѣжденію и преувеличенной же ненавистью къ старымъ друзьямъ. Передъ біографомъ Рошфора, не желающимъ оставаться на чисто моральной точкѣ зрѣнія, а ищущимъ психологическаго обоснованія такихъ существенныхъ измѣненій въ міровоззрѣніи и симпатіяхъ человѣка, стоитъ поэтому довольно сложная задача, какъ, какими особенностями индивидуальнаго типа, объяснить эту не простую эволюцію, а почти нравственную революцію, поражающую въ человѣкѣ очень пожиломъ и, повидимому, окончательно сложившемся.

Эта особенность въ жизни Рошфора является отчасти причиной, почему первая, гораздо большая, часть его существованія служитъ предметомъ не только безчисленнаго множества хвалебныхъ или ругательныхъ характеристикъ, но и нѣсколькихъ интересныхъ біографій, тогда какъ послѣдніе годы жизни Рошфора, вызывая, какъ и всегда, ожесточенную полемику за и противъ, остаются безъ біографа. Дѣйствительно, такое внезапное и позднее превращеніе Рошфора въ человѣка противоположныхъ взглядовъ бросаетъ подозрѣніе на общую серьезность и искренность его длинной литературно-политической дѣятельности. И въ то время, какъ прежніе его друзья не испытываютъ ни малѣйшаго желанія заниматься жизнеописаніемъ ренегата, его новые единомышленники тоже не питаютъ къ тому особой склонности, ибо недостаточно убѣждены, съ своей стороны, въ глубинѣ и прочности настоящихъ взглядовъ ихъ теперешняго союзника. Эта точка зрѣнія энергично была развита въ разговорѣ со мною однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и отчасти идейныхъ книгопродавцевъ Парижа. Въ отвѣтъ на мое удивленіе, почему нѣтъ недавнихъ біографій Рошфора, обнимающихъ всю его жизнь вплоть до послѣдняго времени, онъ сейчасъ же сказалъ: „Не забывайте, что Рошфоръ „первой манеры“ былъ крупною историческою личностью, но Рошфоръ „второй манеры“ лишь выдающійся публицистъ, поддѣлывающійся ко вкусамъ улицы. И понятно, что именно у идейныхъ и убѣжденныхъ людей, которые были друзьями прежняго Рошфора, нѣтъ достаточно побудительной причины работать надъ біографіею этой странно надломившейся личности; тогда какъ новымъ пріятелемъ Рошфора ужъ, конечно, не придетъ въ голову сочинять жизнеописаніе этого союзника послѣднихъ лѣтъ, вся первая и гораздо большая половина жизни котораго возбуждаетъ въ нихъ лишь чувства ненависти и отвращенія“.

Какъ бы то ни было, изъ біографій Рошфора можно цитировать прежде всего интересно составленную книгу его близкаго, исчезнувшаго безъ вѣсти въ 80-хъ годахъ, пріятеля Оливье Пэна *), который доводитъ жизнеописаніе знаменитаго памфлетиста до его пребыванія въ Женевѣ въ ожиданіи общей амнистіи. Краткая біографія Рошфора, написанная его сотрудникомъ Эдмономъ Базиромъ **) въ серіи брошюрокъ, носящей общее названіе „Современныхъ знаменитостей“, не прибавляетъ къ предшествующей ничего новаго, кромѣ одной-двухъ страничекъ, описывающихъ пріѣздъ Рошфора въ Парижъ послѣ амнистіи и характеризующихъ его роль въ только что основанной имъ газетѣ „L'Intransigeant“. Очень много матеріала находится въ длинной автобіографіи, вы-

*) Olivier Pain, *Henri Rochefort*; Парижъ (1879), 2-е изданіе.

**) Edmond Bazire, *Rochefort*; Парижъ, 1883 (составляетъ № 19 „Célébrités contemporaines“, издававшейся A. Quantin'омъ).

пущенной Рошфоромъ подъ заглавіемъ „Приключенія моей жизни“ *) и мѣстами представляющей распространенное повтореніе книги Оливье Тэна, что вѣроятно, объясняется близкимъ участіемъ самого Рошфора въ работѣ пріятеля. Умная и тонкая, но злобная характеристика Рошфора „первой манеры“ была дана въ половинѣ 80-хъ годовъ Леметромъ, который, благодаря ироническому капризу исторіи, теперь является однимъ изъ ближайшихъ союзниковъ Рошфора „второй манеры“ **). Но лучшимъ біографическимъ источникомъ являются, можетъ быть, безчисленныя хвалебныя и хулительныя статьи о Рошфорѣ, разсѣянныя въ періодической прессѣ послѣднихъ трехъ-четырехъ десятковъ лѣтъ. Къ этимъ статьямъ въ особенности приходится прибѣгать, когда дѣло идетъ о самой недавней полосѣ въ жизни Рошфора. Немаловажнымъ подспорьемъ служатъ также свѣдѣнія, не разъ сообщавшіяся пишущему эти строки многочисленными знакомыми „маркиза-демократа“, который кого только не зналъ на своемъ долгомъ литературно-политическомъ вѣку и которому съ кѣмъ только не приходилось сталкиваться въ теченіе всей своей исполненной, дѣйствительно, всевозможныхъ приключеній жизни.

Памфлетистъ подписывается на всѣхъ своихъ вещахъ сокращеннымъ, столь популярнымъ до сихъ поръ именемъ „Анри Рошфора“. Но онъ могъ бы, въ противоположность многимъ фальшивымъ аристократамъ, проставлять по праву подъ своими статьями громкое генеалогическое имя „маркиза Виктора-Анри де-Рошфора-Люсэ“ (Rochefort Luçay). По отцу онъ принадлежитъ, дѣйствительно, къ старинной очень знатной фамиліи феодаловъ, которые наканунѣ революціи владѣли еще громадными помѣстьями въ Берри и потеряли ихъ во время великаго французскаго переворота. По матери онъ—плебей, и его дѣдъ съ материнской стороны, капитанъ Морэль, умеръ отъ плохо зажившихъ ранъ, полученныхъ во время безчисленныхъ кампаній республики и имперіи, въ то время, какъ его дѣдъ съ отцовской стороны сражался въ рядахъ арміи Кондэ, противъ революціоннаго правительства Франціи. Отецъ Анри Рошфора, Клодъ-Людовикъ Мари, жилъ съ самаго дѣтства въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и рано сталъ помогать личнымъ трудомъ своей матери, которая оставалась съ крайне скудными рессурсами въ Парижѣ, пока ея мужъ и большинство родныхъ были за-границей, среди знатныхъ эмигрантовъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ, Клодъ-Людовикъ посту-

---

*) Henri Rochefort, *Les Aventures de ma vie*; Парижъ, безъ даты (1895—1896), 5 т.

**) См. Jules Lemaître, *Les Contemporains. Etudes et portraits littéraires* III-e série; Парижъ 1891, 9-е изд.

пилъ въ приказчики къ одному изъ книгопродавцевъ столицы и на этомъ скромномъ мѣстѣ пробылъ до возвращенія Бурбоновъ, когда одинъ изъ крупныхъ легитимистовъ, нѣкто де-Милліюсъ, назначенный губернаторомъ африканскаго острова Бурбонъ (нынѣ Ile de la Réunion) не сдѣлалъ его генеральнымъ секретаремъ этой колоніи.

На этой должности двадцатилѣтній юноша оставался не болѣе трехъ лѣтъ; и хотя его покровитель, никогда почти не жившій по болѣзни въ ввѣреной ему колоніи, сдѣлалъ его фактически господиномъ острова, административная карьера настолько мало привлекала Клода-Людовика, что онъ не смотря на всѣ просьбы де-Милліюса, возвратился во Францію и снова сталъ искать скромнаго хлѣбнаго заработка. Еще подросткомъ, служа въ книжномъ магазинѣ, онъ почувствовалъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, и теперь онъ направилъ свои розыски на эту область. Его легитимистскія знакомства позволили ему войти постояннымъ сотрудникомъ въ ультра-роялистскую газету „Le Drapeau blanc“. Но его тянуло не столько къ политической, сколько къ чисто литературной дѣятельности. И онъ, отчасти изъ за матеріальныхъ соображеній, отчасти въ силу упомянутыхъ чисто литературныхъ вкусовъ, принялся, и одинъ, и въ сотрудничествѣ съ другими лицами, писать водевили, пользовавшіеся въ свое время большою извѣстностью.

Посѣщая литературные и артистическіе кружки, онъ познакомился въ семействѣ извѣстнаго въ то время живописца Гэрэна съ дѣвицею Николью Морэль, которая и стала вскорѣ его женою. Отъ этого брака и родился 31-го января 1831 г. знаменитый памфлетистъ, четвертымъ по счету изъ дѣтей маркиза де-Рошфора, у котораго къ тому времени уже были три дочери. Легитимистъ по связямъ и убѣжденіямъ, отецъ Рошфора былъ веселый, остроумный и очень терпимый человѣкъ, который сильно любилъ свою жену, унаслѣдовавшую отъ капитана Морэля горячія республиканскія идеи и нисколько не препятствовалъ ей воспитывать въ духѣ демократическихъ же началъ своихъ дѣтей. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на тотъ фактъ, что сынъ этой оригинальной четы, отца-роялиста и матери республиканки, былъ крещенъ лишь на 13-мъ году своей жизни, когда ему надо было поступать въ гимназію, гдѣ въ то время дѣти не принимались безъ этой формальности.

Молодой Рошфоръ былъ живымъ, но страшно худымъ и на видъ болѣзненнымъ ребенкомъ съ громаднымъ лбомъ на манеръ уже извѣстнаго читателю „карниза“, первое время такъ пугавшаго родителей мальчика, своимъ необыкновеннымъ видомъ, что мать сочла даже нужнымъ посовѣтоваться съ докторомъ, боясь, не признакъ ли то водянки. Но подвижной темпераментъ и быстрое развитіе ребенка скоро успокоили родныхъ будущаго пам-

флетиста. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Рошфоръ не поражалъ, однако, какою либо особою геніальностью: то былъ просто на просто страстно любившій свободу ребенокъ, который всячески избѣгалъ посѣщенія пансіона, куда его отдали, и сочинялъ очень остроумные предлоги для того, чтобы не ходить въ школу. Скоропѣлость, особенно въ литературномъ отношеніи, стала проявляться у Рошфора лишь въ гимназіи, гдѣ учителя были въ такой степени довольны его успѣхами, что когда стѣсненное положеніе родителей Рошфора не позволяло имъ больше взносить деньги за ученіе, то директоръ заведенія предложилъ воспитывать Рошфора на казенный счетъ и далъ ему стипендію. Пансіонеръ счелъ долгомъ удвоить свое усердіе, и скоро слава о его литературныхъ подвигахъ проникла за стѣны гимназіи Св. Людовика (St. Louis). Онъ неоднократно писалъ свои сочиненія въ стихахъ вмѣсто прозы и получалъ неоднократно же призы за свои поэтическія произведенія. Къ этому времени относятся его длиннѣйшая трагедія „Везалій“, его гимнъ Мадоннѣ, написанный для одного конкурса и послужившій впослѣдствіи поводомъ его врагамъ обвинять его въ клерикализмѣ; его ода на бракъ герцога Монпансье, за которую онъ получилъ отъ Орлеановъ золотой карандашъ и которая тоже послужила предметомъ позднѣйшихъ нападокъ на него, какъ на потайнаго орлеаниста. Само собою разумѣется, что всѣ эти творенія 16-ти-лѣтняго мальчика на самомъ то дѣлѣ не имѣли никакого значенія, и странно принимать ихъ въ серьезъ: они показывали лишь рано пробуждавшійся литературный талантъ.

Первымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ, поступкомъ Рошфора было его трагикомическое бѣгство изъ гимназическаго пансіона во время февральской революціи, съ цѣлью примкнуть къ инсургентамъ. Рошфору и тридцати увлеченнымъ имъ товарищамъ грозило въ первые дни гражданской войны, пока сила оставалась на сторонѣ іюльской монархіи, очень строгое наказаніе. Но побѣда революціонеровъ и образованіе временнаго правительства заставили педагоговъ не только перемѣнить гнѣвъ на милость по отношенію къ юнымъ мятежникамъ, но даже привѣтствовать оффиціальнымъ письмомъ къ родителямъ Рошфора гивическія доблести юнаго конкуррента Брутовъ и Кассіевъ.

На рубежѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ Рошфоръ выдержалъ баккалаврскій экзаменъ, хотя вслѣдствіе прирожденной робости, отъ которой онъ никогда не могъ отдѣлаться, когда дѣло заходило о малѣйшемъ публичномъ проявленіи личности, его успѣхи при окончаніи гимназическаго курса были гораздо менѣе ярки, чѣмъ можно было того ожидать отъ его памяти и способностей. Крайне нервный и впечатлительный, онъ смущается общества, толпы, собранія, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи; и, отличаясь большимъ нравственнымъ мужествомъ, онъ принужденъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы подавлять чувство чисто физическаго недо-

моганія при малѣйшемъ непріятномъ зрѣлищѣ. Эта физическая чувствительность помѣшала ему, между прочимъ, слушать лекціи на медицинскомъ факультетѣ, куда онъ поступилъ по просьбѣ родныхъ, указывавшихъ ему на каррьеру доктора, какъ на болѣе или менѣе вѣрный источникъ существованія. Пока Рошфору приходилось работать надъ теоретическими предметами, дѣло шло довольно недурно. Но какъ только молодой студентъ въ первый же годъ своихъ медицинскихъ занятій, посѣтилъ госпиталь и наткнулся какъ разъ на ампутацію ноги у мальчика-рабочаго, у него потемнѣло въ глазахъ и онъ грохнулся на каменныя плиты анатомическаго театра. Его едва-едва привели въ чувство, и, придя домой, Рошфоръ заявилъ отцу о готовности помогать семьѣ какимъ угодно трудомъ, лишь бы только не изученіемъ медицины.

Въ 1851 г. онъ поступилъ, дѣйствительно, на очень маленькое мѣсто въ парижской ратушѣ съ жалованьемъ въ 100 франковъ въ мѣсяцъ, которое было увеличено до 125 франковъ, когда Рошфора изъ отдѣленія патентовъ перевели въ отдѣленіе городской архитектуры. Онъ чувствовалъ, что его призваніе быть литераторомъ, но пока упражнялъ свои писательскіе таланты надъ составленіемъ плохо оплачиваемыхъ статеекъ для одной изъ тогдашнихъ энциклопедій и фабрикаціей романовъ для авторовъ-промышленниковъ, которые платили гроши за этотъ трудъ и проставляли свое имя на обложкѣ. Пробовалъ было онъ издавать съ Жюлемъ Валлэсомъ (въ 1858 г.) оригинальный—писанный—журнальчикъ подъ названіемъ „Парижской хроники". Но этотъ листокъ, имѣвшій цѣлью сообщать провинціальнымъ органамъ артистическія и литературныя новости, погибъ на пятомъ номерѣ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Писалъ онъ театральныя критики въ мелкихъ газетахъ, пока, наконецъ, ему не удалось войти въ качествѣ фельетониста въ сравнительно читавшееся тогда „Шаривари". Здѣсь его общественныя хроники своимъ остроуміемъ, злымъ юморомъ и неожиданными, но всегда забавными сближеніями стали обращать вниманіе публики: каламбуръ, и зачастую идейный каламбуръ, набѣгалъ каждую минуту на кончикъ пера фельетониста, и онъ стряхивалъ его, если можно такъ выразиться, съ такою же непринужденностью, какъ еслибы то была лишняя чернильная капля. Въ „Шаривари" трудъ Рошфора сталъ оплачиваться нѣсколько лучше, а вмѣстѣ съ тѣмъ тогдашній префектъ города Парижа, пресловутый Гауссманнъ, назначилъ его субъ-инспекторомъ изящныхъ искусствъ съ годовымъ жалованьемъ въ 3000 фр. Надо сказать, что уже съ дѣтства Рошфоръ обнаруживалъ тонкій эстетическій вкусъ, въ особенности при оцѣнкѣ живописи, вкусъ, развившійся подъ вліяніемъ знакомства мальчика съ однимъ старымъ знатнымъ роялистомъ, котораго нужда заставила добывать себѣ пропитаніе

экспертизою, собираніемъ и продажею картинъ. Именно услуги, оказанныя Рошфоромъ при покупкѣ коллекціи одному изъ лицъ, близко стоявшихъ къ редакціи „Шаривари“, помогли ему войти въ этотъ журналъ, равно какъ его же спеціальныя свѣдѣнія по части изящныхъ искусствъ внушили уже упомянутому Гауссманну мысль дать Рошфору соотвѣтствующій постъ при городской администраціи. Но скоро начальство было скандализировано литературной дѣятельностью Рошфора въ „Шаривари“, и будущій славный памфлетистъ, охраняя свое личное достоинство, рѣшилъ выйти въ отставку и посвятить себя исключительно литературѣ.

Ему теперь въ особенности приходилось усердно работать, такъ какъ въ половинѣ 50-хъ онъ полюбилъ молоденькую и, повидимому, симпатичную дѣвушку,—о которой біографы говорятъ, впрочемъ, очень мало,—и у него довольно скоро родились отъ нея одинъ за другимъ дочь и два сына. Кстати сказать, подруга Рошфора была искренняя католичка. И такъ какъ они сошлись не вѣнчаясь, то послѣ коммуны, когда Рошфоръ находился уже въ заключеніи, его гражданская жена, чувствуя приближеніе смерти, просила Рошфора перевѣнчаться съ нею по обряду католической церкви. Это и было исполнено въ тюрьмѣ и дало поводъ врагамъ Рошфора упрекать его въ непослѣдовательности и измѣнѣ свободомыслящимъ убѣжденіямъ, которыя онъ всегда высказывалъ съ такою энергіею. Безпристрастный біографъ, разумѣется, не долженъ совсѣмъ пройти молчаніемъ этотъ фактъ, но при оцѣнкѣ его принять во вниманіе, что до сихъ поръ во Франціи мужъ зачастую не исповѣдуетъ никакой религіи, тогда какъ жена традиціонная, а подчасъ и ревностная католичка. Узелъ психологической трагедіи лежалъ не столько въ фактѣ церковнаго вѣнчанія Рошфора по желанію умирающей, ибо этимъ поступкомъ Рошфоръ показывалъ только, что искренно любилъ мать своихъ дѣтей, сколько въ продолжительной совмѣстной жизни крайняго демократа и свободнаго мыслителя съ женщиной, не раздѣлявшей его основныхъ взглядовъ. Но мы, впрочемъ, нѣсколько забѣжали впередъ.

Сотрудничество Рошфора въ „Шаривари“, а также въ „Желтомъ Карликѣ“, издававшемся остроумнымъ хроникеромъ Орельеномъ Шоллемъ, создавало будущему автору „Фонаря“ все болѣе и болѣе широкую извѣстность между читателями и вмѣстѣ съ тѣмъ окружало Рошфора далеко небезразличнымъ во Франціи ореоломъ человѣка, который не только не боится прямо высказывать свои взгляды, но готовъ поддержать достоинство писателя съ оружіемъ въ рукахъ. Къ этому времени, дѣйствительно, относятся первыя дуэли Рошфора, который впослѣдствіи выдержитъ нѣсколько очень опасныхъ встрѣчъ и обнаружитъ въ нихъ обычныя черты своего характера: рѣдкую нравственную неустрашимость, побѣждающую чисто физіологическій недостатокъ черезчуръ чувствительной

нервной системы и дѣлающую изъ него серьезнаго противника, который, презирая ухищренія искусства и не любя даже особенно упражняться въ фехтовкѣ или стрѣльбѣ, будетъ отчаянно нападать на гораздо болѣе опытныхъ дуэлистовъ и смѣло подставлять лобъ подъ дуло пистолета или грудь подъ ударъ шпаги. Эта черта моральнаго мужества, странно соединяющагося съ физической, нельзя сказать трусостью, но излишней нервностью, объясняетъ, кстати сказать, почему друзья Рошфора считаютъ его очень храбрымъ человѣкомъ, готовымъ сейчасъ же пожертвовать жизнію за убѣжденія, въ то время, какъ противники видятъ въ немъ холоднаго и трусливаго подстрекателя другихъ, который блѣднѣетъ при видѣ настоящей опасности и снова принимается за дерзкое бравированіе своихъ враговъ лишь тогда, когда можетъ сдѣлать это безнаказано. Мы, впрочемъ, постепенно выяснимъ эти противорѣчивыя, повидимому, черты въ теченіе самой біографіи Рошфора.

Настоящая извѣстность Рошфора начинается съ 1865 г., когда литературный промышленникъ, извѣстный подъ именемъ де-Вилльмессана, съ свойственнымъ ему нюхомъ, оцѣнилъ громадный публицистическій талантъ Рошфора и пригласилъ его писать въ „Фигаро“ съ ежемѣсячнымъ гонораромъ въ 500 франковъ. Согласно дѣйствовавшимъ тогда законамъ о печати, газета Вилльмессана, выходившая въ то время разъ въ недѣлю и не вносившая залога, не имѣла права касаться ни политики, ни „соціальной экономіи“. И вотъ на долю Рошфора выпала нелегкая задача писать исключительно на тему о текущихъ городскихъ новостяхъ и въ то же время заинтересовать этими, повидимому, невинными сюжетами тогдашнихъ читателей, искавшихъ пикантныхъ намековъ между строкъ. Рошфоръ блистательно справился съ задачей. И тотъ самый грубый барышникъ, который не стѣснялся прогонять своихъ лучшихъ фельетонистовъ немедленно послѣ того, какъ онъ замѣчалъ охлажденіе къ нимъ публики, старался всячески удержать при себѣ блистательнаго хроникера и руки потиралъ отъ удовольствія, видя, какъ продажа „Фигаро“ замѣтно поднималась всякій разъ, какъ былъ фельетонъ Рошфора.

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какъ хроникеръ „Фигаро“ писалъ для своей консервативной и фешіонэбельной публики, проскакивая между кавдинскими ущельями цензуры и въ то же время щекоча пресыщенные нервы этихъ читателей комочками запретнаго литературнаго плода, я приведу для образца отрывки изъ его фельетона отъ 16-го апрѣля 1865 г., появившагося на страстной недѣлѣ:

Страстная недѣля, влекущая за собой столько послѣдствій, не считая традиціонной ярмарки, гдѣ продаются окорока, должна была бы разсматриваться какъ рѣшительный аргументъ въ пользу отмѣны смертной казни, о чемъ снова говорилось эти послѣдніе дни...

Отмѣна смертной казни имѣла бы, между прочимъ, еще ту выгоду, что отмѣнила бы и мученичество. „Умирать—пустяки, это значитъ—лишь переживать послѣдній часъ", сказалъ Седэнъ въ одинъ изъ дней, когда его душу наполняла печаль. А вотъ что не пустяки, такъ это позволять себѣ вливать въ жилы расплавленный свинецъ для защиты идеи, позволять сдирать съ себя живьемъ кожу или прокипячивать себя въ заново вылуженномъ котлѣ, и когда умрешь, и нѣтъ больше возврата, вдругъ замѣтить, что ты ошибался, и что идейное дѣло, изъ за котораго ты подвергался гидротерапическому лѣченію кипяткомъ, представляетъ собою просто на просто абсурдъ.

Какъ ты долженъ тогда сожалѣть, что не попросилъ слугу, которому было поручено вливать тебѣ расплавленный свинецъ, замѣнить этотъ напитокъ вульгарнѣйшимъ грогомъ и какъ ты долженъ кричать изъ глубины могилы тѣмъ, ради кого былъ ободранъ живьемъ:

„Вы злоупотребили моею невинностью, отдайте мнѣ мою шкуру, или я начинаю противъ васъ процессъ".

Вилльмессанъ, крайне довольный, съ одной стороны, тѣмъ, что благодаря Рошфору тиражъ „Фигаро" поднялся до небывалыхъ раньше размѣровъ, съ другой стороны, очень смущался тѣмъ, что статьи блестящаго хроникера вызывали всевозможныя преслѣдованія администраціи, которая часто призывала шустраго издателя, отечески распекала его, давала предостереженія, а порою грозила ему закрытіемъ органа. Рошфоръ иронически защищался противъ обвиненій цензуры, упрекавшей его въ томъ, что онъ переступаетъ предѣлы чисто литературной программы „Фигаро" и пользовался этими объясненіями для дальнѣйшихъ нападокъ. Такъ, въ статьѣ отъ 15-го октября 1865 г. „Я избѣгаю политики" онъ слѣдующимъ образомъ жаловался читателямъ на преслѣдующія его строгости:

Я спѣшу, впрочемъ, перемѣнить тему разговора, дабы снова войти въ область городскихъ происшествій; ибо вы, вѣроятно, едва ли знаете, что на прошлой недѣлѣ меня обвинили, будто бы я касался политики. Это касаніе крайне удивило меня. До сихъ поръ я думалъ вмѣстѣ съ Монтескьё, что политика заключается въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ данной страны. Оказывается, что это совсѣмъ не такъ, и что Монтескьё злоупотребилъ моей неопытностью. Я всегда думалъ, что мнѣ слѣдовало остерегаться этого человѣка.

Но въ чемъ же состоитъ она, эта политика, въ касаніи которой упрекаютъ меня? Если я не могу сказать, не подрывая общества въ самыхъ основаніяхъ его, что папа отлучилъ отъ церкви масоновъ, то я равнымъ образомъ подрываю общество, разсказывая о томъ, что видѣлъ вчера омнибусъ, лошадь котораго упала на мостовую: тутъ я занимаюсь не только политикой, но прямо оппозиціей. Ибо нѣтъ человѣка, который бы не зналъ, что омнибусная компанія состоитъ изъ очень высокопоставленныхъ акціонеровъ; и инсинуировать, будто ея лошадямъ не хватаетъ устойчивости въ ногахъ, значитъ ни больше ни меньше, какъ обвинять совѣтъ администраціи въ безпечности, что затрогиваетъ нѣсколькихъ нашихъ государственныхъ людей.

Въ 1866 г. популярность Рошфора достигла такихъ размѣровъ, что Милло, издатель тогдашней газеты „Le Soleil", предложилъ хроникеру „Фигаро" перейти въ его органъ на условіяхъ,

которыя въ то время казались литераторамъ неимовѣрно выгодными: 1,500 фр. мѣсячнаго гонорара и „премію“ въ 3,000 фр. сейчасъ же по вступленіи въ газету. Фельетонистъ выговаривалъ для себя у редактора полную свободу писать о чемъ и какъ вздумаетъ. Хроники въ „Le Soleil“ еще больше раздражали столповъ второй имперіи, чѣмъ фельетоны въ „Фигаро“. И немудрено. Вотъ что Рошфоръ писалъ, напр., по поводу сочиненій Ренана и отношеній къ нимъ оффиціальныхъ, — духовныхъ и свѣтскихъ, — сферъ:

„На дняхъ появятся „Апостолы“ г. Ренана. Это значитъ, что люди, любящіе спокойствіе, укладываютъ свои чемоданы и собираются въ Версаль. Всѣмъ еще памятенъ шумъ, поднятый „Жизнью Іисуса“. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ опроверженія сыпались со всѣхъ сторонъ, словно хлопья снѣга. Ихъ насчитали всего тысячу двѣсти девяносто шесть. Я говорю „насчитали“, потому что читать не прочли, я думаю, и одного. Марсельскій епископъ рѣшилъ, что въ искупленіе грѣха, произведеннаго выходомъ въ свѣтъ этой книги,—кстати сказать великолѣпно распродавшейся,—соборные колокола будутъ звонить въ набатъ всякую пятницу между часомъ и тремя.

Къ несчастью, эта противозаразная мѣра въ теченіе долгаго времени не могла надлежащимъ образомъ выполняться, потому что неграмотные жители постоянно думали, что гдѣ нибудь горитъ, и вмѣсто того, чтобы молиться за душу проклятаго церковью еретика, пускались бѣгомъ по улицамъ съ ведрами, наполненными по края водой, и кричали „пожаръ! пожаръ!“, что вносило легко понятное замѣшательство въ теченіе общественной жизни.

Всякій разъ, какъ авторъ „Жизни Іисуса“ схватывалъ насморкъ на сквозномъ вѣтру или обжигалъ себѣ языкъ черезчуръ горячимъ чаемъ, двадцать пять газетъ упоминали о столь важномъ событіи, прибавляя, что то— слѣдствіе небеснаго гнѣва.

Къ эпохѣ сотрудничества Рошфора въ „Le Soleil“ относится его отчаянная дуэль съ Полемъ-де-Касаньякомъ, оскорбившимъ памфлетиста въ газетѣ „Le Pays“, издававшейся его отцомъ, Гранье-де-Кассаньякомъ. Рошфоръ въ качествѣ оскорбленнаго предложилъ такія условія,—дуэль на десяти шагахъ и нарѣзными пистолетами,—что даже пресловутый въ свое время бреттеръ молодой Кассаньякъ отказался сначала при посредствѣ секундантовъ отъ предложенія. И дуэль состоялась лишь позже, а именно 1-го января 1867 г. въ равнинѣ Сэнъ-Дени, подъ Парижемъ, среди снѣжной мятели, но уже на новыхъ условіяхъ: обмѣнъ четырьмя пулями на разстояніи двадцати шаговъ. Рошфоръ былъ раненъ въ бокъ, но рана оказалась легкой благодаря тому, что пуля Кассаньяка ударилась, одни говорятъ въ пуговицу на поясѣ штановъ, другіе въ маленькій образокъ мадонны, зашитый въ поясъ Рошфора любящей рукой жены-католички. Какъ бы то ни было, когда противникъ Рошфора, по обычаю дуэлистовъ, подошелъ къ раненому, чтобы пожать ему руку, памфлетистъ не подалъ ея и ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ:

— Я не зналъ васъ лично, м. г., до дуэли; и не затѣмъ дрался, чтобы познакомиться съ вами послѣ.

Рошфоръ собралъ статьи, напечатанныя въ „Le Soleil“, и въ 1867 г. издалъ ихъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Великая богема“ (La Grande Bohême) и съ предисловіемъ, которое поразило своею смѣлостью и горячностью тона и сторонниковъ, и враговъ имперіи. Императорскій режимъ подвергался въ немъ жесточайшей критикѣ, о силѣ и рѣзкости которой можно судить по слѣдующимъ начальнымъ строкамъ:

Я долго обдумывалъ планъ пятиактной комедіи, которую я назвалъ бы „Великой богемой“. О, это была бы не совсѣмъ обыкновенная пьеса! Хотя дѣйствующія лица ея выставляли бы на показъ цѣлыя коллекціи титуловъ и частицъ „де“, указывающихъ якобы на знатное ихъ происхожденіе, въ дѣйствительности они всѣ были бы рождены неизвѣстными и лишь подозрѣваемыми отцами. Въ цѣлой драмѣ было бы невозможно найти хоть одного законнаго родителя, и еслибы Гюгъ Капетъ обратился къ одному изъ моихъ героевъ съ знаменитымъ вопросомъ:

— Кто тебя сдѣлалъ графомъ?—то этотъ принужденъ былъ бы признаться, что не знаетъ даже, кто сдѣлалъ его просто человѣкомъ.

Публика могла бы подумать, что согласно закону о неправильномъ присвоеніи титуловъ, всѣ эти Гузманы д'Альфаши, подписывавшіе оффиціальные акты не принадлежащими имъ званіями, попадутъ подъ судъ исправительной полиціи. И что же? Вовсе нѣтъ, и въ этомъ-то и вся неожиданность положенія. Въ третьемъ актѣ всѣ эти фальшивые графы уже подѣлались бы настоящими герцогами, точь-въ-точь какъ у Виктора Гюго Жанъ Вальжанъ, который начиналъ съ того, что воровалъ столовые приборы и которому дарили послѣ подсвѣчники.

Любовь играла бы очень ограниченную роль въ моей пьесѣ, хотя женщины имѣли бы большое денежное значеніе въ жизни этихъ рыцарей св. Альфонса (такъ приходится приблизительно передать непереводимой каламбуръ ces gentilshommes sousmarins Н. К.). Налюбовавшись сначала на ихъ жизнь въ мансардахъ, гдѣ свѣтъ, какъ и дурной примѣръ, шелъ бы *сверху*, зрители встрѣчали бы ихъ затѣмъ во главѣ важныхъ дѣловыхъ предпріятій въ дворцахъ, выстроенныхъ не на ихъ собственныя, а на чужія сбереженія; и они парадировали бы въ пьесѣ въ качествѣ генеральнаго штаба одного изъ самыхъ фантасмогорическихъ правительствъ, какое только могли бы сочинить поэты, представляя собою лицъ, которыхъ надо было бы окружать ихъ не государственными, а опекунскими совѣтами... И никто бы не зналъ, сколько времени будутъ длиться подобныя династіи; но что касается до промышленныхъ предпріятій, основанныхъ ими, то они лопались бы отъ одного антракта до другого и т. д.

Первое изданіе „Великой богемы“, заключавшей въ себѣ едва-едва прикрытыя прямыя нападенія на вторую имперію, было расхватано въ нѣсколько часовъ удивлявшейся смѣльчаку публикой. И знаменитый представитель изящной орлеанистской оппозиціи, Прэво-Парадоль, не безъ меланхоліи писалъ одному изъ друзей по поводу рошфоровской книги: „Подготовляются новыя времена съ политической точки зрѣнія: прежде публика довольствовалась нападеніями, не исключавшими извѣстнаго чувства мѣры; нынѣ, чтобы достигнуть цѣли, надо поражать дерево грубыми ударами топора во весь духъ. Булавочные уколы уже не достаточны; теперь необходимо пускать въ ходъ противъ общаго врага, противъ

имперіи, оружіе, которымъ, мы должны признаться, Рошфоръ потрясаетъ съ большою ловкостью и мужествомъ, но которымъ мы не можемъ пользоваться, а именно палицей или стилетомъ".

Чтобы судить о томъ, въ какой степени была вѣрна оцѣнка Прэво-Парадолемъ тогдашняго положенія вещей, когда публикѣ, дѣйствительно, стала пріѣдаться война съ цезаризмомъ при помощи булавокъ, и въ обществѣ стала чувствоваться потребность именно въ палицѣ или стилетѣ, чтобы судить, говоримъ мы, объ этомъ новомъ фазисѣ политической эволюціи въ концѣ второй имперіи, достаточно припомнить, что такіе торгаши печатнымъ словомъ, какъ поддѣлывавшійся къ деспотическому режиму Вилльмессанъ придавали громадное значеніе литературной популярности Рошфора и наперерывъ старались отбивать другъ у друга знаменитаго хроникера. Въ 1867 г. Вилльмессанъ заключилъ съ Рошфоромъ контрактъ, согласно которому памфлетистъ переходилъ снова цѣликомъ въ „Фигаро", которое, ради доставленія большаго простора перу Рошфора, превращалось въ ежедневный политическій органъ; и гонораръ на расхватъ читавшагося писателя, по новому условію, достигалъ 2,000 франковъ въ мѣсяцъ. Быстрый ростъ подписчиковъ на преобразованную газету и страшно поднимавшаяся розничная продажа ея въ тотъ день, когда Рошфоръ помѣщалъ въ ней свою еженедѣльную статью, ясно показывали, что нюхъ не обманывалъ Вилльмессана, и что сотрудничество Рошфора было прежде всего крайне выгодно для процвѣтанія самого органа. Но, не смотря на то, что на этотъ разъ хроники Рошфора сдѣлались еще интереснѣе, благодаря возможности касаться политическихъ вопросовъ, Вилльмессанъ принужденъ былъ разстаться съ своимъ столь драгоцѣннымъ для газеты сотрудникомъ, ибо администрація прямо поставила передъ издателемъ „Фигаро" оба рога непріятной дилеммы: или выходить безпрепятственно безъ Рошфора, или быть закрытымъ съ Рошфоромъ. Вилльмессанъ, хотя съ болью въ сердцѣ или, вѣрнѣе, въ кошелькѣ, принужденъ былъ разойтись съ Рошфоромъ, къ тому времени выдержавшимъ за свои хроники уже чуть не съ полдюжины дуэлей, но обѣщалъ достать ему денегъ для новаго литературнаго предпріятія, которое Рошфоръ задумалъ въ видѣ еженедѣльной, имъ однимъ составляемой, газеты-брошюры, по совѣту одного изъ своихъ сотоварищей по „Шаривари". Мы подошли къ самому блистательному и исторически важному періоду въ жизни Рошфора: изданію знаменитаго „Фонаря".

Когда Рошфоръ впервые остановился на планѣ издавать единолично небольшой періодическій журналъ, старое законодательство о печати, характеризовавшее первую наиболѣе продолжительную и реакціонную половину имперіи, было въ полной силѣ.

И министръ внутреннихъ дѣлъ, нѣкій Пинаръ, съ явнымъ чувствомъ удовлетворенія отказалъ въ разрѣшеніи публицисту, ставшему ненавистнымъ всѣмъ и каждому изъ сторонниковъ имперіи. Вскорѣ однако обнаружились первые явственные симптомы переходнаго порядка вещей, послѣ того какъ декретъ 19-го января 1867 г. возвратилъ право интерпелляціи законодательному корпусу и далъ нѣкоторую свободу печати, избавивъ, между прочимъ, издателей отъ необходимости испрашивать предварительное разрѣшеніе министра. Воспользовавшись этими послабленіями и получивъ матеріальную поддержку отъ Вилльмессана и его товарища по издательству, Дюмона, обязавшихся внести 30,000 фр. залога и 20,000 фр. на первыя издержки по печатанію, рекламѣ и т. д., Рошфоръ выпустилъ первый номеръ „Фонаря“ 1-го іюня 1868 г.

Успѣхъ еженедѣльнаго памфлета былъ колоссальный и оставлялъ далеко за собою ожиданія поддерживавшихъ его опытныхъ газетчиковъ и самого Рошфора. Названіе „Фонарь“,—придуманное, кстати сказать, Вилльмессаномъ,—стало крайне популярнымъ во всей Франціи, а вскорѣ и за предѣлами ея, и безчисленные переводы, подражанія и прямыя поддѣлки разнесли далеко по всему читающемуся міру славу новаго органа Рошфора. Въ одинъ моментъ 10,000 напечатанныхъ экземпляровъ были расхватаны продавцами газетъ, несмотря на сравнительно высокую цѣну номера въ 40 сантимовъ; и въ первый же день пришлось оттиснуть, чтобы удовлетворить новымъ требованіямъ, всего 90,000 экземпляровъ, которые дали 14,000 фр. чистаго барыша. Второй номеръ былъ распроданъ въ количествѣ 110,000, четвертый въ количествѣ 125,000; и повсюду, на улицѣ, въ кафе, на желѣзныхъ дорогахъ, можно было видѣть въ рукахъ или карманахъ парижанъ эту небольшую красную брошюрку. Какъ всегда бываетъ съ моднымъ теченіемъ, дѣло доходило до комичныхъ преувеличеній. Были люди, которые выставляли на показъ номера „Фонаря“, сами никогда не прочитавъ ни строчки. Были и такіе оригиналы, которые, узнавъ, что плохая окраска обложки памфлета оставляла ярко кирпичные слѣды на пальцахъ обычныхъ читателей „Фонаря“, нарочно раскрашивали себѣ руки и съ гордостью прогуливались по улицѣ съ этими несомнѣнными признаками увлеченія публицистическимъ талантомъ Рошфора.

Теперь, когда на разстояніи почти четырехъ десятковъ лѣтъ, хочешь составить себѣ понятіе о томъ, чѣмъ былъ для тогдашнихъ французовъ „Фонарь“, приходится гораздо болѣе полагаться на свидѣтельства современниковъ, чѣмъ на собственныя впечатлѣнія. Надо имѣть не только умственную, но аффективную ассоціацію идей той эпохи, чтобы отдать себѣ отчетъ въ значеніи рошфоровскаго памфлета. То, что жгло тогда сердца людей и выражало ихъ наболѣвшія чувства, ихъ надежду, ихъ вѣру въ идеалъ, ихъ

негодованіе на столь долго длившійся режимъ цезаризма, теперь въ значительной мѣрѣ утеряло и свой идейный, и отчасти даже литературный интересъ. Читая теперь „Фонарь“, вы конечно, не можете не поддаться, говоря вообще, впечатлѣнію громаднаго публицистическаго таланта Рошфора. Но въ то же время вы замѣчаете и отрицательныя стороны этого таланта: его излишнюю рѣзкость, переходящую границы печатнаго негодованія и превращающуюся порою въ грубую ругань; его крикливую монотонность, еле-еле прикрываемую поистинѣ неистощимымъ разнообразіемъ внѣшнихъ литературныхъ формъ, богатствомъ каламбуровъ и блестящимъ языкомъ, странно соединяющимъ классическую конструкцію фразы и самыя вульгарныя выраженія парижскаго арго; наконецъ, рѣшительную бѣдность положительнаго міровоззрѣнія, тѣхъ общественно-политическихъ идеаловъ, во имя которыхъ памфлетистъ ведетъ неумолимую борьбу съ режимомъ гнета и насилія.

Вы начинаете понимать, что, какъ бы ни былъ великъ въ то время талантъ Рошфора, сила его вліянія, его разрушительныхъ ударовъ увеличивалась во много разъ спеціальными обстоятельствами эпохи. И вы приходите къ тому заключенію, что вѣрно оцѣнить значеніе и характеръ „Фонаря“ можно лишь переносясь въ умственную атмосферу конца второй имперіи. Лассаль сказалъ глубокую истину, настаивая на важности громкаго выраженія того, что есть, т. е. того, что чувствуется всѣми и что нуждается лишь въ яркомъ внѣшнемъ проявленіи. Вторая имперія, сама понявъ, что дальше цезаристскій режимъ не можетъ продолжаться безъ ослабленія и окончательнаго упадка цѣлой страны, искала пути для ликвидаціи ненормальнаго положенія вещей. Нужно было, чтобы нашелся смѣлый и безпощадный глашатай, который всѣмъ и каждому, въ самыя тугія уши прокричалъ бы вѣсть объ этомъ банкротствѣ цѣлаго строя и убѣдилъ бы самыхъ равнодушныхъ въ томъ, что теперь дѣло идетъ не о реформированіи режима, выросшаго изъ переворота 2-го декабря, а о его радикальномъ устраненіи. Этимъ глашатаемъ былъ Рошфоръ, и для этой роли были словно нарочно созданы исторической Немезидой тѣ особенности его крупнѣйшаго публицистическаго таланта, которыя намъ кажутся теперь недостатками: и рѣзкость, и монотонность, и исключительно отрицательный характеръ нападеній. Эти недостатки, между прочимъ, ярче проявлялись въ номерахъ „Фонаря“, которые Рошфоръ издавалъ за границей (въ Бельгіи), на полной свободѣ, тогда какъ первые номера памфлета, печатавшіеся во Франціи и вынуждавшіе Рошфора не переступать извѣстныхъ границъ въ нападкахъ, выше въ литературномъ отношеніи именно потому, что необходимость на половину скрывать мысль заставляла блестящаго публициста тщательнѣе оттачивать жало своей безпощадной іроніи и съ большимъ разборомъ

отыскивать больное мѣсто противника. Но весь „Фонарь“ вообще для того времени отличался удивительною смѣлостью, невольно внушавшею читателямъ мысль о томъ, что еще недавно гордившаяся своею мощью имперія была осуждена на скорую смерть и сама чувствовала приближеніе роковой минуты.

Когда перечитываешь цѣлую коллекцію „Фонаря“, то обычные пріемы Рошфора, составляющіе его оригинальность и превращающіеся, если можно такъ выразиться, въ своеобразный литературный „тикъ“, бросаются въ глаза. Этихъ пріемовъ или особенностей приблизительно три: остроумная, но чисто каламбурная игра словъ, основанная на тонкомъ знаніи родного языка и потому по большей части непереводимая ни на какой другой языкъ; очень живо и интересно разсказанный анекдотъ, подающій поводъ къ самымъ неожиданнымъ порою сближеніямъ съ сюжетомъ статьи; и виртуозность въ оперированіи безпощадной, поистинѣ свирѣпой „блягой“, которую авторъ строитъ постоянно такимъ образомъ, что беретъ какой нибудь дѣйствительный фактъ или распространенный слухъ, вставляетъ его въ массу придуманныхъ обстоятельствъ и развиваетъ и преувеличиваетъ его съ своеобразной неустрашимой логикой сатиры до столь колоссальныхъ размѣровъ, что, наконецъ, вы останавливаетесь въ недоумѣніи и спрашиваете себя, серьезно ли говоритъ авторъ или зло издѣвается надъ вами. И въ этомъ страшная сила Рошфора, ибо если понимающій читатель съ интересомъ пробѣгаетъ остроумно написанныя статьи Рошфора, даже и не вѣря его гипертрофированнымъ обличеніямъ, то читатель наивный смотритъ на самую очевидную иронію памфлетиста какъ на выраженіе глубокой истины.

Желая дать читателю понятіе о „Фонарѣ“ непосредственными цитатами, испытываешь немалое затрудненіе: памфлеты Рошфора очень теряютъ въ переводѣ, какъ это ясно показываетъ между прочимъ попытка англійскаго изданія „Фонаря“, предпринятая въ половинѣ 70-хъ годовъ и прекращенная за невозможностью передать эти летучія и сверкающія фразы, наполовину состоящія изъ каламбуровъ и галлицизмовъ. Кромѣ того, зачастую статьи Рошфора производятъ впечатлѣніе всѣмъ своимъ волнующимся ансамблемъ, и отдѣльныя мѣста, даже и удачно переведенныя, даютъ столь же слабое представленіе о жанрѣ Рошфора, какъ изолированныя ракеты о цѣломъ фейерверкѣ, заключающемъ снопы перекрещивающихся огней. Я, однако, попробую дать хоть приблизительное понятіе о пріемахъ памфлетиста.

Относительно собственно словесныхъ каламбуровъ говорить много не приходится: они остаются въ чернильницѣ переводчика, и, конечно, не перифразами, по необходимости длинными и по необходимости расхолаживающими непосредственное впечатлѣніе, можно выразить блескъ и бряцанье рошфоровской прозы. Во что

превращается хотя бы знаменитая, столько разъ цитировавшаяся, первая фраза перваго номера „Фонаря“: „La France contient, dit *l'Almanach impérial*, trente six millions de sujets, sans „compter les sujets de mécontentement“ и т. д? Конечно, вы стараетесь передать смыслъ ея, и что же выходитъ: „Франція, по словамъ *Императорскаго Альманаха*, содержитъ тридцать шесть милліоновъ подданныхъ, не считая предметовъ недовольства“. Вы пытаетесь объяснить читателю, въ чемъ по французски соль этой фразы, и принуждены пространно объяснять, что „sujet“ значитъ и „подданный“, и „предметъ“, „сюжетъ“, „поводъ“; и что Рошфоръ, пуская въ ходъ забавный, но непереводимый каламбуръ, хотѣлъ сказать, что поводы къ недовольству считаются во Франціи цѣлыми милліонами, какъ и подданные императора. Но увы! во что превращается остроумная бутада Рошфора! И не напоминаютъ ли эти ваши комментаріи комментаріевъ средневѣковыхъ схоластиковъ, портившихъ своими педантическими примѣчаніями грандіозный и одухотворенный текстъ Платона или остроумнаго добряка Горація? Всю эту сторону каламбуровъ и словесныхъ qui pro quo, которыми пестрѣютъ памфлеты Рошфора, приходится совершенно оставить безъ передачи.

На второмъ мѣстѣ у Рошфора стоитъ анекдотъ, въ дни его литературнаго расцвѣта не только остроумный, но и идейный, и, конечно, поддающійся болѣе или менѣе удачной передачѣ. Надо замѣтить, что Рошфоръ брызжетъ остроуміемъ, не тонкимъ, не аттическимъ, но рѣзкимъ и, однако, зачастую увлекающимъ читателя. Не забывайте, что въ первыя десять лѣтъ своей литературной карьеры, между 1856 и 1866 гг., Рошфоръ кромѣ массы фельетоновъ и хроникъ, написалъ, одинъ или въ сотрудничествѣ съ другими, чуть не два десятка водевилей и небольшихъ комедій, и нѣкоторыя изъ этихъ вещей имѣли большой успѣхъ именно благодаря остроумію діалоговъ и живости дѣйствія. Слѣдуетъ прибавить, что, постоянно сверкая остроуміемъ, Рошфоръ не стѣсняется при случаѣ заряжать свою митральезу бонмо и анекдотовъ чужими снарядами, лишь слегка накладывая на нихъ штемпель своей фабрикаціи. Не дѣлая никакихъ особыхъ изысканій по этой части, что было бы, кстати сказать, и смѣшно, и педантично,—я наткнулся однако, на нѣсколько заимствованій изъ Гейне. Такова возбудившая въ свое время страшный шумъ, смѣхъ и вмѣстѣ негодованіе фраза Рошфора насчетъ герцогини де-Ламбалль, которая выходила во время террора гулять по улицамъ съ собственной головой на пикѣ. Таковъ его отвѣтъ Эмилю де-Жирардэну, съ которымъ его поссорила довольно зрѣлая актриса, бывшая на содержаніи у редактора „Прессы“: „Я не подражаю ему и не сплю, какъ Маріи, на развалинахъ Карѳагена“. Но Рошфоръ неистощимъ и на подлинные, и на придуманные имъ анекдоты. Вотъ, напримѣръ, остроумно разсказанный памфлетистомъ

анекдотъ о Викторѣ Гюго: „Однажды, какая-то императрица, названіе которой я забылъ, читала книгу, названіе которой я, наоборотъ, очень хорошо помню и которая носитъ заглавіе „Les Châtiments“ (знаменитый стихотворный памфлетъ Виктора Гюго противъ Наполеона III и его приверженцевъ. Н. К.). Вдругъ она изо всѣхъ силъ бросаетъ томъ на столъ и вскрикиваетъ голосомъ, полнымъ гнѣва, смѣшаннаго съ очень искреннимъ удивленіемъ:

— Да, что же мы, наконецъ, сдѣлали г. Виктору Гюго?

— Скажите имъ, что они сдѣлали мнѣ переворотъ 2-го декабря,—отвѣтилъ славный поэтъ другу, разсказавшему ему эту сцену“.

Зачастую Рошфоръ, благодаря неожиданнымъ сближеніямъ, превращаетъ простой фактъ въ анекдотъ. Для этого ему стоитъ только прибавить нѣсколько строкъ оцѣнки. Беру на удачу изъ коллекціи „Фонаря“:

„Читатели! я долженъ сообщить вамъ грустную новость о состояніи здоровья императора: газеты сообщаютъ, что ему лучше!“

Или (въ номерѣ отъ 10-го августа 1868 г.):

„Ровно семьдесятъ восемь лѣтъ, часъ въ часъ, народъ разграблялъ Тюильрійскій дворецъ. Теперь дѣло какъ разъ наоборотъ“.

Или: „Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ циркулярѣ къ префектамъ по поводу празднованія 15-го августа, пишетъ, что этотъ національный праздникъ есть прежде всего праздникъ бѣдныхъ. Наконецъ-то правительство признается, что у насъ не осталось ни гроша“.

Или: „Четырнадцать осужденныхъ на смерть по поводу убійства князя Михаила Сербскаго были казнены въ одинъ и тотъ же день. Ихъ разстрѣляли одного за другимъ, предварительно завязавъ имъ глаза. Тотъ же самый платокъ служилъ, по словамъ „La Correspondance du Nord-Est“, повязкою всѣмъ четырнадцати осужденнымъ на казнь. Четырнадцать казней за одно убійство и единственный платокъ на четырнадцать казненныхъ: вотъ правительство, которое врядъ ли понимаетъ милосердіе, но за то очень сильно по части экономіи!“

Наконецъ Рошфоръ прибѣгаетъ къ своей свирѣпой „блягѣ“, отправляясь отъ какого нибудь повидимому пустого самого по себѣ факта или слуха, но на этотъ разъ уже вплотную берясь за него все болѣе развивая его и логически выводя изъ него всевозможныя послѣдствія, пока эти болѣе или менѣе длинные комментаріи не превращаются въ цѣлый памфлетъ. И такъ какъ даже очень умѣренные писатели согласны въ томъ, что режимъ второй имперіи былъ пропитанъ насиліемъ и ложью и потому доставлялъ богатый матеріалъ самой жестокой, самой преувеличенной критикѣ, то этимъ пріемомъ Рошфоръ достигалъ высотъ политической, почти пророчески прозорливой сатиры. Вотъ, напри-

мѣръ, какія выливаются изъ подъ его пера строки, предвосхищающія за два года седанскія и прочія катастрофы и надвигавшійся окончательный разгромъ имперіи:

„Въ случаѣ войны, Наполеонъ III будетъ генералиссимусомъ арміи".

Такова фраза, которую повторяютъ безъ малѣйшаго смѣха наши самыя распространенныя газеты.

Но мнѣ было бы любопытно знать, подъ начальствомъ какого это Тюрэння виновникъ страсбургскаго фарса выучился профессіи генералиссимуса, требующей въ одно и то же время столько опытности и столько инициативы.

Можетъ быть, онъ воображаетъ, что война на Рейнѣ это все равно, что переворотъ 2-го декабря въ Парижѣ, и что стоитъ лишь подстрѣлить нѣсколько мирныхъ гражданъ за конторками ихъ же лавокъ, какъ Франція снова займетъ свои „естественныя границы".

Зналъ же я одного сапожника, который никогда не упускалъ случая сказать:

— Пусть мнѣ дадутъ только четыреста смѣльчаковъ, и я, вотъ тотъ самый человѣкъ, что говоритъ съ вами, я берусь произвесть дессантъ на берега Англіи.

Ему не давали этихъ четырехъ сотенъ и онъ, конечно, не производилъ дессанта.

Наполеонъ III отчасти напоминаетъ этого сапожника, съ тою, впрочемъ разницею, что вмѣсто четырехсотъ человѣкъ онъ требуетъ милліонъ двѣсти тысячъ, и что Франція дошла до такой степени паденія, что способна дать ему ихъ *).

Мы видимъ, что въ примѣненіи къ цезаристскому режиму сами недостатки безпощадной „бляги" становились пророческими достоинствами; и что манера гипертрофированныхъ комментаріевъ была какъ нельзя болѣе цѣлесообразна, когда дѣло шло о правительствѣ, которое прибѣгало для охраны своего существованія къ гипертрофированному же произволу. Вотъ почему самые недружелюбные критики Рошфора изъ лагеря умѣренныхъ республиканцевъ, которые жестоко порицаютъ его за вѣчный пріемъ издѣвательства и умышленныхъ преувеличеній, когда рѣчь заходитъ о его полемикѣ противъ главъ оппортунизма, съ симпатіей относятся къ его разрушительной дѣятельности въ роли безпощаднаго памфлетиста второй имперіи.

Сами столпы бонапартистскаго режима чувствовали, что „Фонарь" дискредитируетъ престижъ имперіи и дѣйствуетъ на внѣшній благообразно лицемѣрный фасадъ цезаристскаго зданія какъ жгучая и разъѣдающая сѣрная кислота. Отсюда неимовѣрныя усилія администраціи парализовать удары „палицы или стилета" Рошфора,— чтобы употребить выраженіе Прэво-Парадоля,—и отсюда же, въ виду невозможности побѣдить такого противника, рядъ тактическихъ колебаній, перемѣнъ фронта и крупныхъ ошибокъ въ борьбѣ съ безпощаднымъ памфлетистомъ. Сначала Наполеонъ III

*) Цитирую по отдѣльному изданію: *La Lanterne. Collection des numéros parus à l'étranger ou interdits en France*; 1870, стр. 75 (№ 18-ый отъ 25-го сентября 1868 г.).

и его приближенные дѣлаютъ видъ, что презираютъ „жалкаго писаку“ (ce vil folliculaire), и по всей оффиціальной линіи раздается приказъ: дѣлать видъ, что правительство не принимаетъ въ серьезъ Рошфора и отвѣчаетъ на всѣ его дерзости пренебрежительнымъ пожатіемъ плечъ. Къ этому времени относится показное равнодушіе самого императора, который являлся въ публикѣ съ небрежно засунутымъ въ карманъ послѣднимъ номеромъ „Фонаря“: читаю, молъ, какъ и вы, эту новинку, и удивляюсь только, какъ вы можете находить что нибудь интересное въ твореніяхъ этого пасквилянта. Но затѣмъ, когда Рошфоръ успѣлъ довести Фіалэна-де-Персильи до бѣшенства, а Наполеона III до слезъ ярости (ядовитыми намеками на мать цезаря, королеву Гортензію), то администрація рѣшила преслѣдовать памфлетиста всѣми способами, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Противъ Рошфора, какъ контрмина противъ минъ, была пущена диффамаціонная газета „L'Inflexible“ нанятыхъ строчилъ Стамиро и Бюси, при которыхъ секретаремъ редакціи состоялъ нынѣшній союзникъ Рошфора, преловутый Эдуардъ Дрюмонъ. Малолѣтней дочери Рошфора посылались грязныя письма на отца. Его всячески хотѣли толкнуть на дуэль съ какимъ нибудь образцовымъ бреттеромъ, который бы ловкимъ ударомъ шпаги навсегда заставилъ замолкнуть памфлетиста. Наконецъ, когда Рошфоръ выходилъ изъ терпѣнія и прибѣгалъ къ расправѣ съ клеветниками (дѣло о пощечинѣ, данной Рошфоромъ типографщику), раболѣпные судьи, по настоянію администраціи, надѣляли его максимумомъ наказанія. Въ то же время правительство принималось конфисковать номера „Фонаря“ и, путемъ судебныхъ преслѣдованій, разсчитывало раздавить смѣльчака подъ бременемъ штрафовъ и тюремнаго заключенія. Такова была въ особенности судьба 11-го номера, который былъ захваченъ полиціей черезъ четыре часа послѣ выхода въ свѣтъ и стоилъ Рошфору по заочному процессу 10,000 франковъ и года тюрьмы, съ лишеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ въ теченіе года же: заранѣе предупрежденный вліятельными друзьями о готовящемся преслѣдованіи, издатель „Фонаря“ успѣлъ укрыться въ Брюссель и оттуда рѣшилъ продолжать борьбу перомъ съ правительствомъ, не стѣсняясь законами о печати второй имперіи.

Слава „Фонаря“ продолжала рости и росло его распространеніе. Но теперь приходилось ввозить его во Францію контрабандой; и ухищренія людей, занимавшихся выгоднымъ для нихъ провозомъ, — такъ какъ иные номера „Фонаря“ продавались за 100 франковъ,—послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ были исчерпаны. Наметавшійся глазъ полицейскихъ находилъ красныя брошюрки и въ музыкальныхъ нотахъ, и въ обложкахъ книгъ, и въ шоколадныхъ бонбоньеркахъ, и въ корзинкахъ спеціально дрессированныхъ для того собакъ, которыя перебѣгали границу подъ выстрѣлами таможенныхъ, и даже— о иронія судьбы!—во внутрен-

ности пустыхъ бюстовъ императора, пересылавшихся изъ Бельгіи во Францію въ количествахъ, которыя французская администрація не могла объяснить лишь усиленнымъ ростомъ лояльныхъ чувствъ населенія къ Наполеону III. Рошфору приходилось позаботиться о томъ, чтобы бесѣдовать съ читателемъ въ прессѣ Франціи, переставъ быть исключительно запретнымъ экзотическимъ плодомъ. Это намѣреніе было приведено въ исполненіе благодаря основанію въ Парижѣ (въ 1869 г.) существующей до сихъ поръ газеты „Le Rappel", главными руководителями которой были Рошфоръ, два близкіе друга Виктора Гюго, Огюстъ Вакри и Поль Мёрисъ, и два сына поэта же, Франсуа-Викторъ и Шарль Гюго. Самъ знаменитый глава романтической школы, близко сошедшійся въ Брюсселѣ съ Рошфоромъ и полюбившій его, по собственному же выраженію, какъ „своего третьяго сына", привѣтствовалъ письмомъ въ редакцію откровенно республиканскій органъ, который долженъ былъ бить „сборъ" (что заключалось уже въ его названіи) для всѣхъ непримиримыхъ враговъ имперіи. Рошфоръ условился поставлять въ газету три статьи въ недѣлю (за ежемѣсячный гонораръ въ 2,500 фр.) и во второмъ же номерѣ, въ своей „Хроникѣ отовсюду", написалъ ядовитую оцѣнку „золотого вѣка" наступавшей либеральной имперіи: „надо имѣть мужество сказать, что объятія съ правительствомъ еще преждевременны. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ умѣренная оппозиція заливаетъ нашу жажду своимъ краснорѣчіемъ, а мы все еще переживаемъ второй день послѣ декабрьскаго переворота".

Скоро Рошфору было суждено самому стать въ ряды политической оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ. Его друзья и горячіе поклонники настаивали на томъ, чтобы онъ поставилъ свою кандидатуру на майскихъ выборахъ 1869 г. въ 7-мъ парижскомъ округѣ и, когда Рошфоръ согласился, ревностно защищали эту кандидатуру, говоря за изгнанника на избирательныхъ собраніяхъ. Не смотря на усилія этихъ сторонниковъ и соглашеніе съ другимъ (соціалистическимъ) кандидатомъ, Кантагрэлемъ, Рошфоръ получилъ, однако, лишь 14,780 голосовъ противъ 18,267 поданныхъ за извѣстнаго адвоката, умѣреннаго республиканца Жюля Фавра, котораго принуждена была поддерживать даже бонапартистская администрація, лишь бы не прошелъ Рошфоръ: такъ вторая имперія боялась въ то время тяжелаго нравственнаго пораженія, которое оно непремѣнно испытывала бы въ случаѣ торжества своего безпощаднаго врага. Этого пораженія она, впрочемъ, не избѣгла, потому что, какъ увидимъ, Рошфоръ былъ все-таки выбранъ осенью того же 1869 г.

Теперь умѣстно будетъ остановиться и охарактеризовать общія политическія и соціальныя идеи, съ которыми Рошфоръ выступалъ на арену собственно общественной дѣятельности. Можно сказать, что за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ Рошфоръ

сохранялъ свое общее міровоззрѣніе въ теченіе всей своей жизни, начиная съ того времени, какъ самой логикой событій былъ приведенъ отъ просто фрондирующаго остроумія начала 60-хъ годовъ къ политической непримиримости конца этого же десятилѣтія. Въ политическомъ отношеніи Рошфоръ является крайнимъ демократомъ и республиканцемъ, почти всегда находящимся въ оппозиціи во имя возможно большей личной и общественной свободы: здѣсь его идеалъ—народное правительство съ властью, доведенной до минимума. Но въ соціальномъ отношеніи Рошфоръ, называющій себя соціалистомъ, можетъ считаться таковымъ развѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляли крайніе демократы 48-го года, хотя бы Ледрю Роллэнъ, находившіе даже Луи Блана крайнимъ коммунистомъ.

Всего лучше это читатель можетъ видѣть хотя бы изъ избирательнаго манифеста, который Рошфоръ выпустилъ на упомянутыхъ уже майскихъ выборахъ и въ которомъ ему пришлось даже, какъ говорятъ, сильнѣе подчеркнуть соціалистическій характеръ своей программы, чѣмъ онъ хотѣлъ этого сначала, по совѣту друзей, совѣтовавшихъ ему опираться на соціалистическихъ избирателей Кантагрэля. Но посмотрите хотя бы на эти подчеркиванія, и вы убѣдитесь, какъ скроменъ соціальный идеалъ Рошфора. Вотъ какъ онъ заканчиваетъ свое тогдашнее profession de foi:

... Кромѣ политическихъ измѣненій соціальныя реформы требуютъ своего осуществленія еще съ большею настоятельностію. Демократъ и соціалистъ, я буду энергично поддерживать всѣхъ тѣхъ, чьи усилія будутъ имѣть своею цѣлью увеличеніе благосостоянія трудящихся, уменьшая въ то же время тяжелую иногда (! Н. К.) продолжительность постояннаго труда.

Трудъ долженъ быть установленъ такимъ образомъ, чтобы онъ развивалъ умъ, а не затемнялъ его. Я требую простой вещи, которой до сихъ поръ никто однако не могъ добиться, а именно чтобы рабочій,—а въ особенности работница,—не былъ вынужденъ убивать себя ради поддержанія существованія *).

Въ pendant къ этой очень умѣренной въ соціальномъ смыслѣ программѣ, которую найдетъ недостаточно опредѣленной и широкой любой радикалъ, я напомню читателямъ то обстоятельство, что Рошфоръ и гораздо позже, приблизительно въ половинѣ 80-хъ годовъ, оставался на этой же смутной и отнюдь не „соціалистической“ точкѣ зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, вздумавъ какъ-то въ „L'Intransigeant'ѣ критиковать коллективизмъ, Рошфоръ, очевидно и не подозрѣвая до какой степени онъ былъ на этотъ разъ смѣшонъ, доказывалъ необходимость и благодѣтельность частной конкурренціи тѣмъ, что если онъ, Рошфоръ, захочетъ заказать себѣ безукоризненные брюки, то можетъ выбирать теперь между массою соперничающихъ портныхъ, а при коллективномъ произ-

*) Дѣлаю эту выдержку по книгѣ Оливье Пэна: *Henri Rochefort*, стр. 180.

водствѣ этого, молъ, не будетъ, а при томъ брюки будутъ шиться очень скверные. Вотъ вамъ и „соціалистъ"!..

Слѣдуетъ кстати сказать, что и въ женскомъ вопросѣ Рошфоръ навсегда остался при міровоззрѣніи, которое не только не имѣетъ ничего общаго съ „соціализмомъ", но полно предразсудковъ, характеризующихъ средняго французскаго буржуа. Опять таки въ 80-хъ годахъ Рошфоръ помѣстилъ удивительно курьезную статью по поводу полемики, возбужденной въ газетахъ вотированіемъ закона о разводѣ, статью, въ которой нашъ „непримиримый" демократъ доказывалъ громадную разницу между прелюбодѣяніемъ мужчины и прелюбодѣяніемъ женщины и видѣлъ эту разницу въ томъ, что прелюбодѣйка-жена вводитъ, видите ли, чужихъ дѣтей въ свою семью, тогда какъ прелюбодѣй-мужъ вводитъ ихъ не въ свою, а въ чужую. И это разсужденіе бушмэна („добро, когда я краду жену у другого, и зло, когда другіе крадутъ мою жену") кажется нашему памфлетисту столь остроумнымъ и неотразимымъ, что онъ почти буквально воспроизводитъ эту свою статью, даже не ставя кавычекъ, въ своей автобіографіи *).

Но возвратимся къ „приключеніямъ жизни" Рошфора. Майскіе выборы, на которыхъ провалился издатель „Фонаря", провели, однако, въ законодательный корпусъ четырехъ „непримиримыхъ", въ томъ числѣ Гамбетту, выбраннаго двоекратно: въ 1-мъ парижскомъ округѣ и въ Марсели. Гамбетта, какъ это практиковалось въ то время радикалами, высказался за депутатство отъ Марсели, чтобы дать возможность кому нибудь другому изъ крайнихъ республиканцевъ попытать избирательнаго счастія, поставивъ кандидатуру на вакантное мѣсто въ Парижѣ, гдѣ стали проходить почти всегда враги имперіи. Этимъ тактическимъ пріемомъ Гамбетты воспользовались избиратели 1-го округа и предложили кандидатуру Рошфору, который принялъ предложеніе. Испуганная имперія рѣшилась на крайнія мѣры. Новый процессъ противъ Рошфора былъ пущенъ въ ходъ администраціей, которая, опираясь на показанія шпіона-провокатора и благодаря услужливости судей, добилась отъ трибунала исправительной полиціи новаго осужденія памфлетиста на три года тюрьмы, 10,000 фр. штрафа и лишеніе гражданскихъ правъ на „все время наказанія". Но ловкіе юридическіе комментаріи одного изъ парижскихъ юристовъ опрокинули эту махинацію, показавъ, что, и будучи осужденнымъ, Рошфоръ сохраняетъ право на избраніе, если только не началъ отбывать наказанія. Тѣмъ временемъ сторонники памфлетиста усердно агитировали за своего кандидата на всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ, говорили въ его пользу, защищали принятую

*) См. *Les aventures de ma vie*; т. IV, стр. 336—337 и слѣд.

имъ программу „непримиримыхъ“ и побѣдоносно отражали нападенія конкуррентовъ. Кстати сказать, и на сей разъ противъ Рошфора рѣшились выдвинуть кандидатуру лишь умѣренные республиканцы, и ихъ кандидатомъ былъ Ипполитъ Карно, бывшій министръ народнаго просвѣщенія послѣ февральской революціи и отецъ будущаго президента третьей республики.

Правительство вздумало было, наконецъ, задержать Рошфора на границѣ, когда узнало о его твердомъ намѣреніи явиться самому въ Парижъ въ послѣдніе дни передъ выборами; но, боясь неумѣстными преслѣдованіями только увеличить шансы своего безпощаднаго врага, выпустило его, продержавъ полдня подъ арестомъ. И такимъ образомъ Рошфоръ благополучно прибылъ въ оставленный имъ больше года тому назадъ Парижъ, возбуждая всеобщій энтузіазмъ, доходившій до того, что ему избиратели не давали даже времени раскрыть рта, а заглушали его слова неистовыми рукоплесканіями и тутъ же вотировали рѣшенія подавать единодушно голоса за Рошфора.

По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчательный полемистъ не только не ораторъ, но, боясь, какъ мы уже видѣли, шумной толпы, еще болѣе боится произносить публично рѣчи. Остроумный разсказчикъ, блестящій собесѣдникъ, онъ, по собственному признанію, путается въ трехъ словахъ, когда ему надо говорить въ обществѣ, особенно съ эстрады и въ обычной обстановкѣ публичныхъ собраній.

Дѣйствительно,—исповѣдуется Рошфоръ,—хотя я очень люблю говорить и даже порою злоупотребляю болтовней въ частномъ разговорѣ и хотя слова легко приходятъ мнѣ на языкъ,—уже одинъ тотъ фактъ, что я принужденъ встать, чтобы развивать свои теоріи толпѣ людей, сокращаетъ мнѣ грудь и горло столь невыразимымъ страхомъ, что почти всегда мѣшаетъ мнѣ высказаться.

Въ этомъ почти патологическомъ случаѣ есть, конечно, много природной робости, но сюда привходитъ также и отвращеніе, которое я всегда испытывалъ ко всему тому, что походитъ на комедіантство. Пока я сижу за столомъ, говорю обычнымъ языкомъ и сохраняя простой тонъ, я буду выпускать одну за другой фразы хоть цѣлый вечеръ. Но какъ только я встаю, какъ только наступаетъ молчаніе въ ожиданіи моей рѣчи и я нахожусь вынужденнымъ насиловать свою естественную простоту, чтобы подыскивать болѣе или менѣе трибунскія выраженія, я являюсь въ своихъ собственныхъ глазахъ ни больше, ни меньше, какъ актеромъ, который выходитъ на сцену, не зная своей роли и не располагая суфлеромъ, чтобы направить себя на надлежащій путь *).

Мы уже видѣли, что нервность Рошфора препятствовала ему учиться медицинѣ, какъ она же создавала ему среди враговъ репутацію трусливаго человѣка, хотя исторіи его многочисленныхъ дуэлей показываютъ, въ какой степени онъ обладалъ нравственнымъ мужествомъ, чтобы побѣждать эту чисто физіологи-

*) *Les aventures de ma vie*, т. II, стр. 105.

ческую слабость нервной системы. Его боязнь публичнаго слова, хотя чаще встрѣчающаяся съ непривычки у нервныхъ людей, чѣмъ неспособность выдержать просто видъ большой толпы, тоже должна быть отнесена къ проявленію чрезмѣрной органической чувствительности. И это болѣзненное чувство доходитъ у него до такихъ размѣровъ, что его можно было бы назвать одной изъ формъ агорафобіи, даже не особенно насилуя этимологію, ибо греческое ἀγορά значитъ не только площадь, но и собраніе, не только пустое мѣсто, но и пространство, заполненное мятущейся толпой...

Какъ бы то ни было, и не смотря на свою агорафобію и свои способности быть, если и не совсѣмъ безгласнымъ, то полугласнымъ ораторомъ, Рошфоръ прошелъ на этотъ разъ въ законодательный корпусъ, ошеломивъ фактомъ этихъ выборовъ правительство второй имперіи. Опять началась колеблющаяся тактика власти, и опять администрація ставила себѣ дилемму: дѣлать видъ, что игнорируетъ появленіе „непримиримаго“ на политической аренѣ или же сразу вступить съ нимъ борьбу? Въ началѣ попробовали было держаться первой тактики. И примѣръ былъ поданъ опять таки самимъ Наполеономъ III, который при открытіи законодательнаго корпуса счелъ нужнымъ демонстративно улыбнуться при произнесеніи имени Рошфора, не явившагося передъ императоромъ для произнесенія формулы присяги, между тѣмъ какъ придворные, а затѣмъ вскорѣ и громадное большинство депутатовъ, льстя остроумію цезаря, принялись громко хохотать и кричать: „да здравствуетъ императоръ“.

Эти пріемы показнаго пренебреженія, впрочемъ, столь же мало были выдержаны имперіей до конца, какъ и прежнія попытки Наполеона III умышленно показывать торчащій изъ кармана пальто „Фонарь“. Рошфоръ тутъ же положилъ конецъ этой системѣ, побѣдивъ свою агорафобію въ достаточной степени, чтобы бросить въ короткой рѣчи язвительный намекъ на поведеніе императора и его приближенныхъ и преданныхъ ему депутатовъ. Онъ придрался къ тому, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Форкадъ-де-ла-Рокеттъ, назвалъ „смѣшнымъ и ребяческимъ“ предложеніе „непримиримыхъ“ Паскаля и Рошфора замѣнить прежнюю систему рекрутскаго набора всеобщей воинской повинностью. И вотъ какъ ripостировалъ Рошфоръ министру, вступивъ въ слѣдующій діалогъ съ прерывавшими его сторонниками правительства.

Рошфоръ. Г. министръ попытался поднять на смѣхъ нашъ проектъ закона; я считаю должнымъ констатировать, что эта тактика иронiи и смѣха...

Ролль (правительственный депутатъ). Да у васъ нѣтъ другой!..

Рошфоръ... что эта тактика является простымъ продолженіемъ системы, которую угодно было ввести на открытіи сессіи самому главѣ государства. Глава государства счелъ нужнымъ презрительно засмѣяться... (*Прерывающія восклицанія*).

Президентъ. Вы не должны вмѣшивать въ пренія императора (*Очень хорошо!*)

Рошфоръ. Я былъ оскорбленъ имъ (*Крики несогласія*). Да, это значитъ оскорблять всеобщую подачу голосовъ, если смѣются при произнесеніи имени того, кто является избранникомъ перваго парижскаго округа. Какъ бы я ни былъ смѣшенъ, я все же никогда не прогуливался по морскому берегу съ орломъ на плечѣ и кускомъ сала въ шляпѣ...

Этотъ рѣзкій намекъ на популярный въ то время слухъ, что, будучи претендентомъ на французскій престолъ, Людовикъ Бонапартъ приручалъ орла, чтобы прослыть въ глазахъ суевѣрнаго населенія человѣкомъ, предназначеннымъ самой судьбой воскресить славу первой имперіи и ея побѣдоносныхъ орловъ,—этотъ намекъ, выраженный Рошфоромъ въ такой забавной и неожиданной формѣ, вывелъ изъ себя правительство, и тактика пренебреженія уступила мѣсто тактикѣ преслѣдованій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, подавшій поводъ скандалу, два дня спустя былъ принужденъ выйти въ отставку. И въ городѣ стали ходить упорные слухи, что придворная партія рѣшила во что бы то ни стало раздѣлаться съ Рошфоромъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Извѣстное основаніе этимъ слухамъ давало происшедшее вскорѣ послѣ того убійство одного изъ друзей Рошфора, молодого журналиста Виктора Нуара, пресловутымъ Пьеромъ Бонапартомъ, этимъ enfant terrible царствующей фамиліи, который славился своимъ дикимъ характеромъ и бѣжалъ даже изъ Италіи, спасаясь отъ преслѣдованія за убійство. Суть этого страшно нашумѣвшаго въ свое время дѣла заключалась въ томъ, что Пьеръ, вызвавъ на дуэль Рошфора за статью противъ него, появившуюся въ недавно основанной славнымъ памфлетистомъ газетѣ „La Marseillaise“, назначалъ ему разсчитанно вызывающимъ письмомъ свиданіе у себя и устроилъ настоящую западню, вооружившись десятипульнымъ револьверомъ. А когда къ нему явились какъ разъ въ этотъ день секунданты по оскорбленію другого журналиста, застрѣлилъ одного изъ нихъ (10-го января 1870 г.).

Слѣдствія этого трагическаго происшествія достаточно извѣстны даже мало-мальски знакомымъ съ исторіей второй имперіи. И намъ нечего останавливаться на нихъ. Достаточно сказать, что это убійство вызвало страшное негодованіе въ обществѣ и среди массъ: и въ день похоронъ злополучнаго Виктора Нуара, убитаго, какъ говорили всѣ пулей, предназначавшейся для Рошфора, двухъ-тысячная толпа чуть было не двинулась изъ Отёйля, гдѣ стояло тѣло убитаго, на Парижъ подъ предлогомъ похоронить его на Пэръ-Лашезскомъ кладбищѣ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы попытаться произвести революцію. Рошфоръ уговорилъ, однако, толпу отправиться на кладбище Нейльи подъ Парижемъ и не рисковать въ столицѣ столкновеніемъ съ войсками, которыя были заготовлены на этотъ случай въ большомъ количествѣ министромъ

Эмилемъ Олливье, ренегатомъ республиканскаго лагеря, примкнувшимъ къ „либеральной имперіи“. Но самъ знаменитый пафлетистъ былъ по обычаю охваченъ своей оригинальной агорафобіей при видѣ громадной волнующейся толпы; къ тому же страшно утомленный нервной безсонницей и нервною невозможностью проглотить хоть кусокъ пищи въ теченіе двухъ дней, слѣдовавшихъ за убійствомъ Виктора Нуара, онъ упалъ въ обморокъ у самаго катафалка, — обстоятельство, которое подало еще лишній поводъ врагамъ Рошфора упрекать его въ трусости.

Рошфоръ очнулся, когда похороны были уже кончены, но не избѣжалъ преслѣдованій правительства за нѣсколько короткихъ, но энергичныхъ фразъ, написанныхъ имъ въ „La Marseillaise“ въ день убійства Виктора Нуара. Его товарищи по корпусу вотировали отмѣну депутатской неприкосновенности человѣка, который осмѣлился закончить свою негодующую статью въ двадцать строкъ слѣдующими словами, брошенными въ лицо имперіи: „Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ Франція въ рукахъ этихъ бандитовъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что разстрѣливаютъ картечью республиканцевъ на улицахъ, завлекаютъ ихъ въ безстыдныя ловушки, чтобы убивать ихъ у себя на дому. Французскій народъ! не находишь ли, ты, наконецъ, что довольно этого?“

Судъ исправительной полиціи приговариваетъ Рошфора къ шести-мѣсячному заключенію и тремъ тысячамъ штрафу. Но „непримиримый“, издѣваясь надъ правительствомъ, печатно заявляетъ, что не пойдетъ въ тюрьму, и вызываетъ этимъ цѣлое возстаніе демократическихъ слоевъ населенія, которые хотятъ силою отстоять его отъ полицейскихъ, пока ловкая западня, устроенная послѣдними, не даетъ возможности администраціи захватить Рошфора и заключить его въ тюрьму для политическихъ, такъ называемую „Св. Пелагею“. Дѣло происходило 7-го февраля и объявленіе войны Германіи лѣтомъ того же года застало памфлетиста еще въ тюрьмѣ. Но революція 4-го сентября, вспыхнувшая въ Парижѣ послѣ сэданской катастрофы, возвратила Рошфору свободу. Популярность его въ то время была такъ велика, что правительство національной защиты, поставленное переворотомъ у власти и заключавшее, кромѣ генерала Трошю, по большей части умѣренныхъ республиканцевъ въ родѣ Жюля Симона, Ферри, Фавра, Пикара, принуждено было призвать въ свои ряды и Рошфора. Но уже движеніе 31-го октября, вызванное извѣстіями о капитуляціи Базэна и имѣвшее цѣлью провозгласить коммуну и низвергнуть правительство, казавшееся патріотамъ изъ крайняго лагеря, преступно бездѣятельнымъ, уже это движеніе, говоримъ мы, поставило Рошфора въ неловкое положеніе по отношенію къ прочимъ членамъ правительства и побудило его подать въ отставку. Онъ, впрочемъ, оставался президентомъ коммиссіи баррикадъ, за-

дачей которой было организовать сопротивленіе въ домахъ и улицахъ въ случаѣ, еслибы пруссаки ворвались въ столицу.

Извѣстна дальнѣйшая судьба Франціи и Парижа. Въ то время какъ горячіе патріоты вродѣ Гамбетты хотѣли во чтобы то ни стало продолжать борьбу съ завоевателемъ, большинство населенія страны быстро утратило свой воинственный, наполовину фиктивный жаръ и только и думало, что о заключеніи мира. Національное собраніе, выбранное для переговоровъ съ непріятелемъ и санкціи мирнаго договора, оказалось состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ представителей монархическихъ партій. Парижъ рѣзко отклонялся своимъ настроеніемъ отъ Франціи и обнаруживалъ яркія патріотическія и республиканскія тенденціи. Движеніе 18-го марта 1871 г., которое было повтореніемъ,—но въ гораздо большемъ масштабѣ и съ временнымъ успѣхомъ,—движенія 31-го октября 1870 г. и выразилось въ провозглашеніи коммуны, было прежде всего равнодѣйствующей упомянутыхъ двухъ тенденцій. Теперь безпристрастные историки все болѣе и болѣе приходятъ къ заключенію, что то была прежде всего инсуррекція мелкой буржуазіи противъ крупной буржуазіи и противъ аристократически-реакціонныхъ элементовъ; и что если собственно рабочее населеніе уже самою численностью своею играло въ коммунѣ важную роль, то такъ называемый „соціализмъ“ составлялъ лишь міровоззрѣніе меньшинства.

Рошфоръ во время коммуны остался въ Парижѣ, издавая газету „Le Mot d'ordre“ и жестоко нападая въ ней на дѣйствія версальскаго правительства, но не становясь рѣшительно и на сторону инсургентовъ. Мало того, когда въ послѣдніе дни своего существованія коммуна сочла нужнымъ пріостановить изданіе газетъ, кромѣ своихъ оффиціальныхъ, считая эту мѣру необходимой въ виду исключительныхъ обстоятельствъ войны съ версальцами, Рошфоръ ревностно защищалъ свободу печати и съ такою энергіею нападалъ на распоряженія инсуррекціонныхъ властей, что ими былъ даже отданъ приказъ арестовать Рошфора, какъ „подозрительнаго“. Спасаясь отъ коммунаровъ, памфлетистъ попался въ городѣ Мо (на востокъ отъ Парижа) въ руки полицейскихъ властей и, отвергнувъ предложеніе прусскаго генерала, знавшаго его дѣда, выпустить его, былъ перевезенъ въ Версаль. Нѣтъ сомнѣнія, что въ желаніи версальскаго правительства представить Рошфора опаснымъ коммунаромъ и по возможности строго осудить его играла важную роль старая ненависть къ нему бонапартистовъ, которые если не прямо, то косвенно, при помощи высшихъ чиновъ арміи, пользовались сильнымъ вліяніемъ,—также какъ и враждебныя чувства умѣренныхъ республиканцевъ, питавшихъ сильное нерасположеніе къ Рошфору еще при концѣ имперіи.

Роль бонапартистовъ въ осужденіи Рошфора особенно ярко

обрисовывается, когда припоминаешь, что хотя памфлетистъ судился еще въ сентябрѣ 1871 г. и былъ приговоренъ къ ссылкѣ съ заключеніемъ въ крѣпости, онъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ перебывалъ въ разныхъ тюрьмахъ Франціи (особенно въ морскихъ казематахъ западнаго побережья и острововъ Атлантическаго океана) и былъ отправленъ въ Новую Каледонію лишь послѣ паденія Тьера, замѣненнаго въ качествѣ президента республики пресловутымъ генераломъ имперіи Макъ-Магономъ. Но и консервативные и умѣренные республиканцы слишкомъ были враждебно настроены противъ Рошфора, чтобы отказать себѣ въ удовольствіи видѣть „непримиримаго" отправленнымъ въ ссылку, къ антиподамъ. Ко времени блужданія Рошфора по тюрьмамъ отечества относится уже упомянутый нами его церковный бракъ съ матерью его дѣтей, которая, впрочемъ, почти сейчасъ же умерла. И, отправляясь въ Новую Каледонію, Рошфоръ оставлялъ своихъ дѣтей на попеченіе своего друга, радикальнаго депутата Эдмона Адана.

Казалось, литературная и тѣмъ болѣе политическая каррьера была кончена для Рошфора. О какой-нибудь амнистіи въ эту реакціонную эпоху нельзя было и думать. Съ другой стороны, макъ-магоновское правительство пускало въ ходъ всевозможныя строгости по отношенію къ ссыльнымъ, жалобы которыхъ на злоупотребленія администраціи стали находить эхо въ печати лишь позже. И вдругъ не прошло и семи мѣсяцевъ со дня отъѣзда Рошфора въ Новую-Каледонію, какъ во Франціи, а скоро и во всемъ мірѣ разнесся на основаніи полученныхъ телеграммъ слухъ, что Рошфоръ, поселенный на полуостровѣ Дюко, успѣлъ (въ мартѣ 1874 г.) убѣжать оттуда съ пятью другими товарищами и благополучно прибылъ въ Австралію. Сначала французское правительство не хотѣло вѣрить этому; разсказываютъ, что одинъ изъ важныхъ лицъ административнаго персонала побился даже на пари съ однимъ знакомымъ, что сенсаціонный слухъ не больше, какъ газетная утка. Но скоро пришлось убѣдиться въ достовѣрности извѣстія. И австралійскія, а затѣмъ американскія газеты постепенно сообщили драматическія подробности этого знаменитаго бѣгства: какъ Рошфоръ и его товарищи, постепенно упражняясь въ плаваніи, дошли до того, что свободно могли сдѣлать вплавь два километра; и какъ, благодаря этому, они успѣли добраться до челнока, который былъ пригнанъ другими заговорщиками изъ сосѣдняго города; и какъ они причалили къ поджидавшему ихъ заранѣе англійскому кораблю, капитанъ котораго принужденъ былъ скрывать бѣглецовъ въ трюмѣ, пока французскіе таможенные производили осмотръ.

Изъ Австраліи Рошфоръ съ спутниками направился въ Санъ-Франциско, затѣмъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ Гордонъ Бенэттъ, извѣстный издатель *New-York Herald*'а, упросилъ славнаго памфле-

тиста за очень большую сумму дать ему описаніе ихъ одиссеи. Статья эта появилась на столбцахъ газеты сразу во французскомъ оригиналѣ и англійскомъ переводѣ, произведя страшный шумъ въ прессѣ обоихъ полушарій и впервые обративъ вниманіе на притѣсненія коммунаровъ тюремной администраціей Новой-Каледоніи. Но Рошфоръ рвался въ Европу и черезъ Ливерпуль прибылъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ организовалъ снова изданіе „Фонаря“, и новая серія памфлета стала выходить съ іюля 1874 г. Но положеніе столицы Англіи нѣсколько въ сторонѣ отъ центровъ интеллектуальной жизни на континентѣ Европы и неудобство распространенія „Фонаря“ при этихъ условіяхъ скоро заставили Рошфора поселиться въ Швейцаріи, гдѣ онъ выбралъ Женеву, какъ ближайшій къ Франціи центръ умственной и политической дѣятельности различныхъ эмиграцій.

Отнынѣ начинается новый періодъ въ жизни Рошфора. И какъ бы нѣкоторые изъ его приверженцевъ ни ставили высоко и послѣдующую дѣятельность памфлетиста, безпристрастный біографъ долженъ сказать, что отнынѣ лучшая, героическая полоса въ существованіи Рошфора останется позади; что его историческое значеніе будетъ падать все болѣе и болѣе, пока послѣдній вольтъ-фасъ этого замѣчательнаго политическаго публициста Франціи не приведетъ его въ лагерь его прежнихъ идейныхъ враговъ и такимъ образомъ не отниметъ половину серьезнаго смысла въ этой долгой литературно-общественной карьерѣ. Непосредственно слѣдующій за бѣгствомъ періодъ жизни Рошфора, такъ, приблизительно, до второй половины 80-хъ годовъ и переходя за нее, словомъ до его увлеченія буланжизмомъ, представляетъ еще прямое продолженіе его предшествующей наиболѣе блистательной фазы существованія. Живя среди французскихъ эмигрантовъ, участвовавшихъ въ движеніи 18-го марта, и часто сталкиваясь съ лучшими представителями республиканскихъ и демократическихъ партій Европы, Рошфоръ испытывалъ наибольшее вліяніе послѣдовательныхъ людей въ этотъ періодъ и въ смыслѣ опредѣленности міровоззрѣнія касался, можетъ быть, наивысшей точки своей идейной эволюціи.

Талантъ издателя „Фонаря“ оставался почти попрежнему могучимъ и свѣжимъ. Мѣнялась лишь мишень для его зазубренныхъ и ядовитыхъ стрѣлъ. Прежде дѣло шло о борьбѣ съ грубымъ произволомъ имперіи: теперь приходилось изобличать тактику умѣренныхъ республиканцевъ, которые, слѣдуя за эволюціей Гамбетты, переходили отъ прежняго радикализма къ пресловутому оппортунизму, осуждавшему всякую энергичную политическую дѣятельность и вѣчно тащившемуся въ хвостѣ событій, доставляя лишь дешевый успѣхъ ловкимъ политиканамъ „свое-

временности". Кстати сказать, самое слово „оппортунизмъ" было повидимому изобрѣтено Рошфоромъ, который въ первомъ же номерѣ (отъ 11-го февраля 1876 г.) начавшей тогда выходить очень радикальной и почти соціалистической газеты „Les Droits de l'homme" написалъ статью подъ заглавіемъ „Оппортунисты". Въ ней колючій памфлетистъ принимается вплотную за фразу де-Прессансэ (отца теперешняго соціалистическаго депутата), насчетъ того, что амнистія коммунаровъ будетъ вотирована своевременно, „въ удобное время" (en temps opportun) и кончаетъ свою негодующую и остроумную отповѣдь словами: „Итакъ, избиратели предупреждены. Въ *удобное время* значитъ на парламентарномъ арго *никогда*".

Борьба Рошфора съ оппортунистами и главнымъ образомъ съ Гамбеттой, а затѣмъ съ Ферри имѣла дѣйствительное историческое значеніе и велась на почвѣ искренняго республиканства и демократизма. Оставляя въ сторонѣ преувеличенія крайнихъ приверженцевъ Рошфора, мы должны всетаки признать, что въ политической и общественной оппозиціи крайнихъ радикаловъ противъ оппортунистовъ памфлетисту принадлежитъ очень выдающееся мѣсто. Въ особенности это можно сказать о первыхъ годахъ существованія l'Intransigeants, газеты, основанной Рошфоромъ сейчасъ же послѣ возвращенія его во Францію по амнистіи 1880 г. Этотъ органъ замѣнилъ прежній „Фонарь" (La Lanterne), право на изданіе котораго было пріобрѣтено еще въ 1877 г. у Рошфора нѣкіими Дюваномъ и Баллэ, заплатившими памфлетисту 20,000 фр. единовременно и обезпечившими себѣ его исключительное сотрудничество ежемѣсячнымъ гонораромъ въ 2,000 франковъ. L'Intransigeant сразу пріобрѣлъ большое вліяніе среди крайнихъ радикаловъ и демократовъ, особенно среди мелкихъ ремесленниковъ и мелкой буржуазіи, не отличавшейся большою ясностью міровоззрѣнія, но тяготѣвшей къ „непримиримой", какъ указывало само названіе газеты, оппозиціи Рошфора. Что касается до соціалистовъ, то нашъ памфлетистъ, всегда очень плохо понимавшій это ученіе, старался лишь установить дружеское отношеніе къ нимъ, отказываясь принимать участіе въ ихъ междуфракціонной борьбѣ, но зачастую невпопадъ нападалъ на нихъ и встрѣчалъ отъ нихъ рѣзкій отпоръ всякій разъ, какъ пускался въ довольно комичную временами критику идеаловъ труда. Во всякомъ случаѣ у l'Intransigent'а была всегда своя публика, которая мѣнялась извѣстными своими частями, то слѣдуя за эволюціями Рошфора, то, еще чаще, вызывая ихъ, но всегда оставаясь вѣрною ему.

Въ какой степени Рошфоръ былъ любимцемъ большинства парижанъ при своемъ возвращеніи показываетъ, между прочимъ, невѣроятно грандіозная манифестація, которая была ему устроена по крайней мѣрѣ двухсоттысячной толпой въ день его прибытія

въ Парижъ. Сочувствующіе манифестанты чуть не задавили его въ своихъ объятіяхъ, опрокинули экипажъ вмѣстѣ съ лошадью на мостовую, и Рошфоръ принужденъ былъ спастись отъ энтузіазма своихъ почитателей въ одномъ изъ домовъ по дорогѣ. Дѣло происходило 12-го іюля 1880 г., а 14 го, въ день національнаго праздника появился l'Intransigeant, который былъ раскупленъ въ количествѣ 199,000 экземпляровъ въ одномъ Парижѣ и въ общемъ сохранилъ это число читателей, порою повышаясь, какъ въ дни буланжизма или Панамы, и нѣсколько упавъ лишь въ послѣдніе годы.

Внимательно всматриваясь въ физіономію Рошфора, какъ она обрисовывалась даже въ эту первую, лучшую пору существованія l'Intransigeant'a, вы можете разсмотрѣть въ ней отрицательныя черты, которыя позволяютъ вамъ понять, по крайней мѣрѣ отчасти, тотъ несимпатичный, диффамаціонно-демагогическій и шовинистскій аватаръ, въ который воплотится Рошфоръ въ дни буланжизма, а особенно въ послѣдніе годы, со времени дѣла Дрейфуса. И эти печальныя стороны индивидуальности Рошфора вы принуждены констатировать, даже съ искреннимъ уваженіемъ относясь къ общему направленію оппозиціонной борьбы, которую Рошфоръ велъ съ оппортунизмомъ.

Возьмемъ прежде всего его отношеніе къ Гамбеттѣ. Что „Цезарь изъ города Кагора“,—какъ его называлъ Рошфоръ,—продѣлалъ несомнѣнную политическую эволюцію, подливъ въ вино своего прежняго радикализма воды оппортунистической политики, это несомнѣнно. Что онъ подъ конецъ своей довольно кратковременной общественной дѣятельности черезчуръ проявилъ стороны бонвиванства и эпикурейства, и оставшись самъ чуждъ низкой подкупности, снисходительно смотрѣлъ на двусмысленныя стяжательныя операціи своихъ друзей, сторонниковъ и кліентовъ, это также приходится признать изъ уваженія къ исторической правдѣ. Но Рошфоръ, съ успѣхомъ ведя компанію противъ политики Гамбетты и дѣйствительныхъ недостатковъ его общественной карьеры, допустилъ умышленно такія преувеличенія, которыя относятся къ области недобросовѣстной полемики и которыя принимаясь на вѣру слѣпыми поклонниками памфлетиста, возбуждали наоборотъ чувство раздраженія въ серьезныхъ идейныхъ врагахъ оппортунизма. Не разсказалъ ли l'Intransigeant по поводу дѣйствительно темной исторіи тунисскаго банка, въ который былъ замѣшанъ генеральный консулъ Рустанъ, что дѣло это было затѣяно для того, чтобы дать возможность Гамбеттѣ (и Ферри) схватить кучу милліоновъ, каковые, молъ, надобны были, чтобы позволить главѣ оппортунизма роскошествовать на пропалую? И рошфоровская газета серьезно увѣряла своихъ читателей, что на самомъ дѣлѣ скромная вилла Гамбетты въ Вилль-д'Аврэ блистала поразительнымъ убранствомъ, и

что Гамбетта купался не иначе, какъ въ серебряной ваннѣ. Оппортунистское правительство вынудило Рустана подать на Рошфора жалобу въ судъ за диффамацію. Но присяжные засѣдатели вынесли Рошфору оправдательный приговоръ; и читатели „L'Intransigeant'a" серьезно были увѣрены, что дѣло шло въ сущности о томъ, дѣйствительно-ли Гамбетта такъ нажился грязными финансовыми операціями, что заказывалъ себѣ даже самую грубую домашнюю утварь изъ серебра,—каковое, молъ, обстоятельство и было „доказано" на судѣ.

Подобные же пріемы были пущены въ ходъ Рошфоромъ по отношенію къ Ферри и его колоніальной политикѣ. И опять-таки эта жаркая кампанія Рошфора противъ завоевательныхъ тенденцій оппортунизма имѣетъ сама по себѣ очень серьезный смыслъ, во-первыхъ, какъ протестъ противъ хищническихъ инстинктовъ буржуазіи, во-вторыхъ, какъ осужденіе глубоко безнравственной теоріи „низшихъ расъ", освящающей въ глазахъ имущихъ и правящихъ классовъ звѣрское обращеніе съ туземцами въ колоніяхъ. Но зачѣмъ опять-таки Рошфору понадобилось въ этой идейной полемикѣ кромѣ дѣйствительно серьезныхъ аргументовъ прибѣгать къ аргументамъ, основаннымъ на завѣдомыхъ преувеличеніяхъ? Такъ, l'Intransigeant увѣрялъ своихъ читателей, что колоніальная политика Ферри была результатомъ сознательной измѣны послѣдняго отечеству, такъ какъ, молъ, „тонкинецъ" заранѣе уговорился съ Бисмаркомъ чуть ли не раскрыть ему настежъ двери Франціи, угоняя солдатъ съ нѣмецкой границы въ Индо-Китай. Я долженъ, впрочемъ, отдать справедливость Рошфору въ томъ отношеніи, что радикальная оппозиція того времени, даже въ лицѣ такихъ выдающихся и серьезныхъ вожаковъ, каковы Клемансо и Пелльтанъ, черезчуръ охотно прибѣгала къ аргументамъ почти такого же рода, осуждая колоніальную политику зачастую лишь какъ мѣшающую скорѣйшему осуществленію реванша. Какъ бы то ни было, Рошфоръ усердно угощалъ Ферри названіемъ „измѣнника отечеству" и „агента Бисмарка" и, пользуясь нѣмецкой фамиліей Спюллера, одного изъ самыхъ видныхъ представителей оппортунизма, представлялъ своимъ читателямъ этого государственнаго дѣятеля, какъ постояннаго посредника между оппортунистскимъ правительствомъ Франціи и германскимъ канцлеромъ.

Эта гипертрофія обвиненій, которыя клеймили вождей оппортунизма исключительно или какъ продажныхъ людей, или какъ измѣнниковъ отечеству, логически привела Рошфора къ той тактикѣ, которой онъ слѣдовалъ въ періодъ увлеченія буланжизмомъ. Перипетіи новой политической борьбы привели памфлетиста къ перемѣнѣ фронта по отношенію къ прежнимъ друзьямъ и прежнимъ врагамъ. Но самые пріемы остались тѣ же: передъ каждымъ изъ своихъ теперешнихъ противниковъ Рошфоръ ставилъ по

стоянную дилемму „мошенникъ“ или „измѣнникъ отечеству“. Только мошенниками и измѣнниками оказались на сей разъ не одни оппортунисты, но также радикалы и даже соціалисты, не послѣдовавшіе за бравымъ генераломъ Буланже. Здѣсь не мѣсто подробно изучать причины буланжизма, тѣмъ болѣе, что я нѣсколько разъ, то по тому, то по другому поводу, касался этого вопроса. Ограничиваясь въ данномъ случаѣ лишь эволюціей Рошфора, мы должны объяснить ее прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Рошфоръ, будучи типичнымъ представителемъ радикализма мелкой буржуазіи, плохо разбирающейся въ соціальномъ вопросѣ, могъ вмѣстѣ съ нею до извѣстной степени искренно раздѣлять иллюзіи „національнаго соціализма“. А затѣмъ, для этой области его идей и чувствованій, которая не можетъ быть объяснена точнымъ совпаденіемъ съ наивными представленіями массъ, мы должны допустить, что при каждомъ политическомъ кризисѣ Рошфоръ, страстно любящій популярность, считаетъ нужнымъ улавливать настроеніе обширныхъ слоевъ публики и вобще „улицы“ и не столько руководить ими, сколько слѣдовать ихъ импульсу. Не забудемъ, что первое время, когда буланжизмъ не достаточно ярко прокинулся, Рошфоръ порою очень критически относился къ „бравому генералу“. У всѣхъ еще на памяти статья „Законное подозрѣніе“, въ которой Рошфоръ рѣзко осуждалъ Буланже, въ то время военнаго министра, за странное предпочтеніе, которое онъ сталъ оказывать въ извѣстный моментъ реакціоннымъ элементамъ въ арміи.

Что бонапартисты примыкаютъ къ генералу, пусть такъ, — писалъ Рошфоръ,—но чтобы онъ позволялъ имъ обходить себя, вотъ что заставляетъ васъ очень сильно задумываться. А въ этомъ отношеніи странные симптомы обнаруживаются въ высшихъ сферахъ военнаго министерства. Теперь тамъ отстраняютъ республиканскихъ офицеровъ и открыто покровительствуютъ офицерамъ реакціоннымъ... Пусть подумаетъ объ этомъ генералъ: не одержавъ до сихъ поръ никакой серьезной побѣды, онъ можетъ имѣть какое либо значеніе въ глазахъ народа лишь постольку, поскольку внушаетъ послѣднему довѣріе. Въ тотъ день, когда нація сочтетъ себя вынужденной смотрѣть въ оба и держаться на сторожѣ, энтузіазмъ немедленно же упадетъ ниже нуля. Ибо тогда положеніе дѣлъ будетъ грозить уже не только палатѣ, сенату и г. Греви въ ихъ дворцахъ, но свободѣ и праву, которыя Франція,— мы желаемъ вѣрить этому,—не позволитъ снова вырвать у себя *).

И той самой ироніи исторіи, о которой мы говоримъ всякій разъ, когда происходитъ нѣчто неожиданное, угодно было, чтобы защитникомъ генерала Буланже передъ Рошфоромъ явился Клемансо, и чтобы Рошфоръ прекратилъ свои нападенія на военнаго министра послѣ дружескаго завтрака съ Клемансо и Буланже. Но Клемансо немедленно же перемѣнилъ тактику по отношенію къ Буланже, лишь только замѣтилъ двуличность браваго генерала

*) См. перепечатку этой статьи въ *Les aventures de ma vie*, т. V, стр. 1—32.

и его стремленіе опираться на реакціонные элементы, тогда какъ Рошфоръ тѣмъ усерднѣе защищалъ Буланже, чѣмъ болѣе росла демагогическая популярность владѣльца чернаго коня и великолѣпной бѣлокурой бороды. Эта склонность, это постоянное стремленіе Рошфора къ успѣху, навстрѣчу къ восходящему солнцу, лишь бы популярность этого свѣтила не мѣшала его собственной, объясняетъ въ значительной степени его увлеченіе буланжизмомъ. Прибавьте къ этому, что по крайней мѣрѣ двѣ струны обличительной лиры Рошфора могли звучать попрежнему и при новой эволюціи въ рукахъ этого виртуоза-памфлетиста, страстно любящаго свирѣпую полемику: это, съ одной стороны, его рѣзкая критика парламентаризма, не рѣшавшагося въ лицѣ своихъ оппортунистическихъ элементовъ на пересмотръ конституціи; это, съ другой—его аггресивный патріотизмъ, который опять таки не могъ простить оппортунистамъ ихъ недостаточно рѣзкую тактику по отношенію къ германской имперіи и бисмаркіанской политикѣ. Наконецъ, надо считаться еще съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Рошфоръ, ища популярности и гораздо больше слѣдуя „улицѣ“, чѣмъ руководя ею, въ то же время очень логиченъ въ разъ принятомъ направленіи и поставляетъ своеобразное литературное самолюбіе въ томъ, чтобы не признаться громко въ самой крупной тактической ошибкѣ. Этимъ объясняется, почему Рошфоръ съ такимъ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, продолжалъ заявлять себя буланжистомъ, когда бравый генералъ кончилъ жизнь á la Вертеръ на могилѣ своей Маргариты, и его корыстные и безкорыстные сторонники стали одинъ за другимъ отрекаться отъ своего недавняго политическаго прошлаго.

Бѣжавъ вмѣстѣ съ Буланже и графомъ Диллономъ весной 1889 г., Рошфоръ былъ заочно осужденъ верховнымъ судомъ сената на пожизненное заключеніе въ крѣпости и жилъ въ Бельгіи и Англіи, энергично борясь съ безцеремоннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Констаномъ. Рошфоръ искалъ, однако, случая, чтобы освободиться отъ своихъ союзниковъ клерикальнаго и реакціоннаго лагеря, которые достались ему по наслѣдству отъ времени буланжизма, и снова сблизиться съ крайними элементами республиканскаго лагеря. Перетасовка старыхъ политическихъ партій, которая ярко обнаружилась послѣ Панамы, такъ сильно зацѣпившей и умѣренныхъ и радикаловъ, и нашла наглядное выраженіе въ небывалыхъ дотолѣ успѣхахъ соціализма на выборахъ 1893 г., создала благопріятную почву для этой операціи. Она дала возможность Рошфору бороться вмѣстѣ съ крайними радикалами и соціалистами противъ реакціи, овладѣвшей правительственными сферами въ 90-хъ годахъ. И громадный публицистическій талантъ ветерана памфлета вызывалъ среди лѣваго крыла демократовъ все большее и большее желаніе даровать ему нравственную амнистію, позабывъ его двусмысленную роль

во время буланжизма. Отчасти и самъ Рошфоръ былъ враждебно настроенъ къ значительной части тогдашнихъ націоналистовъ, которые совершили въ трагикомичномъ дѣлѣ съ бумагами негра Нортона колоссальную ошибку, бросивъ на основаніи фальшиваго документа обвиненіе Рошфору въ корыстной измѣнѣ отечеству: онъ, якобы, наравнѣ съ Клемансо, Бюрбо и т. д., продался Англіи и получилъ за то 80,000 франковъ изъ рукъ британскаго посольства. Рошфоръ, который чрезвычайно охотно обвиняетъ въ продажности другихъ, не допускаетъ однако, чтобы другіе платили ему тѣмъ же легкомысленнымъ отношеніемъ къ обстоятельствамъ, позорящимъ личную честь. И въ результатѣ нортоновской исторіи получился полный разрывъ Рошфора съ Деруледомъ и его сторонниками, при чемъ памфлетистъ сдѣлалъ по обыкновенію крайне забавную и злую отповѣдь патріотическимъ претензіямъ Деруледа, назвавъ его „бардомъ нескладицы“ и уморительно изобразивъ его невѣроятное политическое самомнѣніе.

На рубежѣ 1894—1895 г. борьба искреннихъ республиканцевъ и прежде всего соціалистовъ съ реакціей приняла такіе размѣры, что въ воздухѣ чувствовалось приближеніе кризиса. Выборы въ депутаты Жиро Ришара, оскорбившаго президента республики Казиміра Перье и за то сидѣвшаго въ тюрьмѣ, ускорили наступленіе этой минуты. Во время выборной агитаціи Рошфоръ, встрѣтившись въ Брюсселѣ съ нарочно пріѣхавшимъ туда Жорэсомъ, условился съ вожакомъ соціалистовъ насчетъ кампаніи противъ президента республики и въ защиту Жиро-Ришара, съ которымъ прежде онъ жестоко полемизировалъ. Естественно поэтому, что торжество Жиро-Ришара, нанеся тяжелый ударъ Казиміру Перье, который вскорѣ рѣшилъ подать въ отставку, поставило на очередь вопросъ объ амнистіи Рошфора, оставшагося (съ графомъ Диллономъ) единственнымъ буланжистомъ, подвергшимся тяжелому наказанію. Амнистія была вотирована въ январѣ 1895 г. (при президентствѣ Феликса Фора), и 2-го февраля Рошфоръ прибылъ въ Парижъ, устроившій ему такую встрѣчу, что по обыкновенію памфлетисту пришлось употребить цѣлый маневръ, чтобы отъ загроможденной народомъ станціи по переполненнымъ сотнями тысячъ зрителей улицамъ добраться до редакціи своей газеты.

Въ теченіе почти трехъ лѣтъ, до конца 1897 г., когда возникла агитація по дѣлу Дрейфуса, Рошфоръ въ рядахъ оппозиціи оперировалъ далеко не утратившимъ своей силы орудіемъ памфлета, защищая иден, которыя, не смотря на рѣзкость формы, можно назвать просто на просто радикально-соціалистическими. Людямъ, интересовавшимся французской политикой, пришлось даже видѣть въ продолженіе почти шести мѣсяцевъ довольно интересное зрѣлище памфлетиста, стоявшаго не въ оппозиціи, а въ рядахъ сторонниковъ радикальнаго министерства Буржуа, про-

существовавшаго съ 1-го ноября 1895 г. по 29 апрѣля 1896 г. Добровольный уходъ Буржуа, уступившаго давленію сената, заставилъ Рошфора охарактеризовать положеніе дѣлъ забавной фразой: „вотъ тутъ и прекращай систематическую оппозицію! единственный разъ въ жизни я было принялся поддерживать министерство—и вотъ вамъ награда“!

Но съ ноября 1897 г. начинается новый и, повидимому, окончательный періодъ въ жизни Рошфора. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ шефъ кабинета генерала Буадеффра явился къ Рошфору и заявилъ якобы по своей иниціативѣ (а на самомъ дѣлѣ по соглашенію съ начальникомъ генеральнаго штаба), что въ рукахъ высшей военной администраціи находятся документы, окончательно доказывающіе виновность Дрейфуса и невинность Эстергази, съ тѣхъ самыхъ поръ Рошфоръ борется рука объ руку съ злѣйшими врагами республики, клерикалами и милитаристами, противъ демократическаго движенія въ парламентѣ и странѣ. И всякія средства представляются ему годными для этой цѣли. Было бы, дѣйствительно, интересно сравнить тѣ ругательства, которыми онъ осыпалъ въ теченіе всей своей жизни „идіотовъ въ лосинныхъ штанахъ“—такъ онъ называлъ военныхъ—съ тѣми „патріотическими“ гирляндами, которыя онъ ежедневно сплетаетъ во славу „благородныхъ“ генераловъ и офицеровъ, занимавшихся и продолжающихъ заниматься подлогами. Онъ оставляетъ брань только для тѣхъ военныхъ, которые хотятъ стать на почву закона и защищать республику. Вотъ, напр., что онъ пишетъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своей газеты по поводу ареста офицеровъ, работавшихъ надъ подчисткою документовъ, которые показываютъ, какъ подкупались высшей администраціей свидѣтели на реннскомъ процессѣ:

Чтобы избѣжать каторги, которая зоветъ его къ себѣ, Андрэ долженъ стереть съ лица земли страшнаго обвинителя, майора Кюинье. Знаете ли вы, на какую ужасную махинацію пошелъ этотъ омерзительный негодяй, уже бросившій въ тюремныя подземелья офицеровъ Дотриша, Роляжа, Франсуа и Марэшаля? Онъ отдалъ приказъ полковнику гарнизона въ Бержеракѣ, гдѣ находится Кюинье, подвергнуть послѣдняго экспертизѣ двухъ альенистовъ... Да, таковъ планъ, придуманный вчера съ глазу на глазъ Андрэ и Комбомъ. Эти сволочи рѣшили и т. д. *).

Мы можемъ здѣсь остановиться, такъ какъ дальше идетъ лишь простой пересказъ уже разъ пущенныхъ въ ходъ ругательствъ, и подробное воспроизведеніе этой энциклопедіи брани врядъ ли представитъ интересъ въ глазахъ читателя. Болѣе любопытенъ вопросъ, чѣмъ же всетаки можно объяснить послѣдній вольтъфасъ Рошфора? Я думаю, кромѣ уже указанныхъ выше отрицательныхъ свойствъ памфлетиста, проявившихся во время буланжизма, на

*) См. „L'Intransigeant“ отъ 2-го іюля 1904 г.

этотъ усугубленный шовинистскій рецидивъ имѣлъ вліяніе тотъ образъ жизни, какой велъ Рошфоръ въ послѣдніе годы. Замѣтьте, уже издавна его колоссальный публицистическій талантъ давалъ ему возможность зарабатывать совершенно исключительныя въ литературной сферѣ средства. Читатель могъ видѣть въ теченіе этой статьи, что условія, заключавшіяся съ Рошфоромъ различными издателями, пестрятъ десятками тысячъ гонорара въ годъ. Добавлю, что „Фонарь“ давалъ ему тоже очень крупныя суммы; и что, съ другой стороны, совсѣмъ недавно его доходъ отъ „L'Intransigeant'a исчислялся въ 200,000 (sic!) франковъ въ годъ. Эти колоссальные куши, напоминающіе доходы большихъ милліонеровъ, и издерживаются Рошфоромъ совершенно на манеръ этихъ лицъ, занимающихъ верхи общественной пирамиды. Рошфоръ ведетъ крупную игру на скачкахъ, тратитъ очень много денегъ на картины и другія произведенія искусства, занимаетъ прекрасный отель, посѣщаетъ театры, выставки, словомъ живетъ жизнью исключительныхъ баловней судьбы. „Весь Парижъ“ знаетъ его и онъ знаетъ „весь Парижъ“. Но прежде эта свѣтская сутолока, опутывающая человѣка тысячами вздорныхъ, но тираническихъ обязанностей, портящая мысль и изсушающая чувство, находила свой коррективъ въ общеніи съ идейными товарищами крайняго демократическаго лагеря. Увы! уже со второй половины 80-хъ годовъ, т. е., приблизительно со времени буланжизма, Рошфоръ сталъ почти исключительно вращаться среди свѣтскихъ и привилегированныхъ людей и постепенно привыкать къ ихъ воззрѣніямъ, а потомъ и раздѣлять ихъ. Уже давно въ отвѣтъ на выраженіе моего удивленія, почему же товарищи Рошфора не успѣютъ повліять на него надлежащимъ образомъ и парализовать вліяніе „всего Парижа“, нѣкоторые изъ наиболѣе симпатичныхъ сотрудниковъ l'Intransigeant'a прямо жаловались на то, что они и не видятъ почти Рошфора въ редакціи, а у себя онъ окруженъ людьми, съ которыми у нихъ ничего не можетъ быть общаго. И это положеніе дѣлъ еще ухудшилось послѣ возвращенія его изъ Лондона. Въ тотъ моментъ, напр., когда начиналось дѣло Дрейфуса, Рошфоръ исключительно жилъ въ кругу спортсмэновъ, букмэкеровъ, продавцевъ картинъ, коллекціонеровъ, безъидейныхъ артистовъ и вообще праздныхъ людей или живущихъ паразитами при праздныхъ людяхъ. Напр., тотъ высшій офицеръ, который посвятилъ Рошфора въ „страшныя тайны“ военнаго министерства, познакомился съ памфлетистомъ на скачкахъ; и свой конфиденціальный разговоръ велъ какъ „джентльмэнъ съ глазу на глазъ съ джентльмэномъ“.

Съ другой стороны, спеціально въ дѣлѣ Дрейфуса Рошфоръ былъ склоненъ идти навстрѣчу традиціямъ привилегированной среды уже потому, что въ его міровоззрѣніи,—если можно говорить о міровоззрѣніи Рошфора,—были, какъ мы видѣли, нѣкото-

рые сомнительные элементы, проникнувшіеся уже во время буланжизма. Присоедините къ этому давнишній антисемитизмъ Рошфора, антисемитизмъ, повидимому воспринятый имъ еще съ дѣтства отъ аристократическихъ родныхъ отца и подавлявшійся въ лучшую пору дѣятельности Рошфора вліяніемъ идейныхъ друзей изъ демократическаго лагеря, но затѣмъ возродившійся съ удвоенною силою къ старости, когда оживаютъ раннія ассоціаціи представленій *). Наконецъ, обратите вниманіе на крайнее литературное самомнѣніе, которое мѣшаетъ Рошфору раскаяться въ ошибочномъ шагѣ, а, наоборотъ, заставляетъ его тѣмъ съ большимъ упрямствомъ настаивать на своемъ, чѣмъ очевиднѣе становится ошибка. Всего этого вполнѣ достаточно, чтобы объяснить послѣднее воплощеніе Рошфора, который, вѣроятно, на этомъ уже и кончитъ.

Въ теченіе этой біографіи, обнимающей чуть не полвѣка, мы старались по мѣрѣ того, какъ развертывалась общественно-литературная дѣятельность Рошфора, обрисовывать различныя стороны этой личности, сравнительно дольше останавливаясь на наиболѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи періодахъ его жизни и, наоборотъ, скользя по такимъ моментамъ, которые не могли имѣть такого значенія. Теперь, можетъ быть, будетъ умѣстно соединить въ одно цѣлое нѣсколько разрозненно вырисовывавшіяся черты этой сложной индивидуальности и дать краткую характеристику этого типичнаго француза и еще болѣе типичнаго парижанина.

Прежде всего бросается въ глаза большая смѣшанность психологіи Рошфора. Онъ и отваженъ, и если не трусливъ, то страшно нервенъ. Онъ какъ будто является искреннимъ демократомъ не только въ теоріи, но и на практикѣ, и въ то же время живетъ жизнью, недостойною человѣка идеи. Одни восхищаются его щедростью, другіе видятъ въ этой чертѣ лишь аристократическую привычку сорить деньгами и, наоборотъ, упрекаютъ его въ скупости, когда рѣчь заходитъ о затратѣ денегъ не на традиціонные пустяки, а на какое нибудь серьезное идейное предпріятіе. Его друзья рисуютъ его нѣжнымъ отцомъ и вѣрнымъ товарищемъ; его враги фактами доказываютъ черствость его натуры и его ужасающій эгоизмъ даже по отношенію къ своимъ. И тутъ источникъ противорѣчій лежитъ не только въ пристрастной—благопріятной или неблагопріятной—оцѣнкѣ, но и въ пестротѣ проявленій самой личности. Можно прямо подумать, что его легитимистъ-отецъ и его демократка-мать отразили въ немъ каждый свои

*) См. фигуру евреевъ Матюссема и его дочери въ романѣ Рошфора „Les Dépravés“, вышедшемъ, однако, еще въ 1875 г. Напомнимъ кстати, что Рошфоръ написалъ нѣсколько другихъ романовъ, представляющихъ собственно скорѣе остроумные шаржи, чѣмъ романы: *Les Naufrageurs* (1876), *L'Aurore boreale* (1878), le *Palefreinier* (1879), *Mademoiselle Bismarck* (1880). и т. д.

особенности, оставшіяся безъ всякой связи одна съ другой, не говоря уже о гармоническомъ слитіи.

Въ литературно-общественномъ „темпераментѣ“ Рошфора, въ его характерѣ писателя встрѣчаются тѣ же противорѣчія. Въ сущности онъ лишенъ идейной иниціативы и всегда долженъ получить сначала толчокъ отъ какого нибудь уже сильно обозначившагося теченія, чтобы занять опредѣленное положеніе въ вопросѣ. И онъ же, разъ ставъ на извѣстную дорогу, будетъ поистинѣ съ ужасающею прямолинейностью идти по ней, доходя въ данномъ направленіи до чудовищныхъ преувеличеній, какъ онъ дѣлаетъ это не только въ политическомъ, но и въ чисто литературномъ отношеніи, развивая свою свирѣпую „блягу“ до крайнихъ предѣловъ, гдѣ она превращается въ гигантскую фантасмагорію, предъ которой, какъ мы сказали уже, читатель задается вопросомъ, серьезно ли говоритъ авторъ или издѣвается надъ своей публикой. Въ этомъ смыслѣ онъ остается вѣренъ себѣ, каковы бы ни были тѣ эволюціи, какія онъ продѣлываетъ въ теченіе своей литературной карьеры. И онъ поэтому искренно сознаетъ и искренно увѣряетъ другихъ, что остается тѣмъ же „неподкупнымъ“ Рошфоромъ, въ то время какъ другіе мѣняются и становятся „ренегатами“. Пріемъ гипертрофированныхъ обвиненій, „тикъ“ страстнаго обличителя остается у него при всякихъ обстоятельствахъ; мѣняются лишь предметы его нападеній и отношеніе къ тѣмъ же явленіямъ.

Рошфоръ бываетъ поистинѣ незамѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о распространеніи извѣстныхъ идей въ массахъ. Къ сожалѣнію, онъ черезчуръ прислушивается къ массамъ же или, лучше сказать, къ полубезсознательной „улицѣ“, чтобы схватить данный лозунгъ теченія. Когда дѣло сравнительно просто, какъ напр., при концѣ имперіи, или въ борьбѣ съ оппортунизмомъ, онъ занимаетъ вѣрную позицію и мастерски пользуется ею для нападенія на врага. Но—увы!—когда обстоятельства принимаютъ сложный характеръ, его ошибки такъ же многочисленны, какъ ошибки самой „улицы“, которая столь же ведетъ демагога за собой, сколько, повидимому, онъ властвуетъ надъ ней: ибо, ища популярности, онъ зачастую раздѣляетъ предразсудки толпы, не умѣющей отнестись сознательно къ данной сложной комбинаціи условій и выбирающей наугадъ тотъ или другой путь. Вспомните тактику Рошфора при буланжизмѣ, въ которомъ онъ не успѣлъ отдѣлить элементъ законнаго разочарованія массъ въ традиціонномъ парламентаризмѣ и чисто политическомъ радикализмѣ отъ карикатурной формы исканія „спасителя“, чья помощь была, по мнѣнію „улицы“, необходима для рѣшенія соціальнаго вопроса. Вспомните также поведеніе Рошфора въ дрейфусовскомъ дѣлѣ, гдѣ онъ искалъ популярности въ антисемитствующихъ наклон-

ностяхъ толпы, уже достаточно подготовленной въ этомъ смыслѣ присяжными юдофобами въ родѣ Дрюмона.

О міровоззрѣніи Рошфора много говорить не приходится. Уже изъ самой біографіи его и собранныхъ нами въ ней чертъ читатель могъ видѣть, что въ сущности это не міровоззрѣніе, а извѣстный кругъ идей, которыя принято называть во Франціи радикально-соціалистическими и которыя если и цементированы чѣмъ у Рошфора, то предразсудками улицы. Попрошу читателя вспомнить лишь объ отношеніи Рошфора къ коллективизму. Я думаю, что Рошфоръ искренній антиклерикалъ, но самая грубость его прежней борьбы съ религіозной идеей свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ антиклерикализмъ есть лишь отраженіе обычныхъ взглядовъ антиклерикальной „улицы“. Съ другой стороны, продолжая прибѣгать порою къ невѣроятно низкой формѣ антиклерикальной полемики, Рошфоръ нисколько не стѣсняется идти въ послѣднее время рука объ руку съ клерикалами противъ защитниковъ свѣтской цивилизаціи. Рошфоръ считаетъ себя искреннимъ республиканцемъ, но тотъ же характеръ амальгамы идей, замѣняющій ему міровоззрѣніе, позволяетъ Рошфору дѣйствовать въ послѣднее время опять таки въ союзѣ съ злѣйшими врагами демократіи. Надо, по правдѣ сказать, обладать механическою смѣсью идей, а не цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, чтобы совмѣщать, какъ то дѣлаетъ нынѣ Рошфоръ, исповѣданіе республиканскаго символа вѣры и курьезное обожествленіе имъ же самимъ когда-то бичуемаго милитаризма.

Пройдутъ однако года, и съ ними утратится страстность политической борьбы изъ за жгучихъ вопросовъ современности. Общественная роль Рошфора, можетъ быть, будетъ въ значительной степени забыта. Но его чисто писательская физіономія навсегда останется въ исторіи французской литературы. Трудно, дѣйствительно, найти писателя, который бы, не смотря на всѣ свои преувеличенія слога, обладалъ большимъ чувствомъ мѣры въ отношеніи къ національному языку, чѣмъ Рошфоръ. Его грубыя ругательства и курьезно вкрапливаемыя во фразу выраженія „арго“ не мѣшаютъ видѣть, съ какимъ мастерствомъ онъ владѣетъ гибкой и ясной французской прозой. Если Рошфору будетъ суждено остаться навсегда въ ряду великихъ французскихъ памфлетистовъ, то онъ будетъ обязанъ этимъ прежде всего своему неподражаемому языку, который находится въ близкой роднѣ, не смотря на умышленно высокій процентъ шлаковъ, съ живой и прозрачной прозой Вольтера. Одинъ изъ бывшихъ друзей Рошфора выразился однажды о немъ во время идейной борьбы по дѣлу Дрейфуса: „Рошфоръ — глупецъ, обладающій большимъ остроуміемъ“ (c'est un imbécile ayant beaucoup d'esprit). Мы можемъ оставить теперь въ сторонѣ вопросъ объ умѣ Рошфора, замѣтивъ, что этотъ умъ обладаетъ свойствами живого практическаго ума средняго фран-

цуза, не любящаго абстракцій. Но остроуміе Рошфора тѣмъ болѣе велико, что оно не основывается, какъ думаютъ многіе, лишь на легкости сочиненія каламбуровъ, но прежде всего на необыкновенной ясности и живости литературной формы, которая однимъ естественнымъ теченіемъ своимъ уже порождаетъ массу неожиданныхъ сближеній и блистательныхъ поворотовъ мысли. И будущему историку литературы принадлежитъ задача, отрѣшившись отъ страстныхъ полемикъ дня, показать, какъ литературныя гримасы клоуна и грубыя восклицанія парижскаго гамэна не мѣшаютъ Рошфору быть классикомъ языка. Что касается до современника, обрисовывающаго личность Рошфора съ разныхъ сторонъ, то ему остается только желать, чтобы читатель нынѣ предлагаемаго этюда могъ составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе объ этой гораздо болѣе сложной, чѣмъ то думаютъ обыкновенно, индивидуальности, анализъ которой врядъ ли можетъ считаться окончательнымъ.

Н. Е. Кудринъ.

Крестьянское малоземелье, какъ проблема экономической политики.

(По работамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

I.

Съ теоретической точки зрѣнія вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ допускаетъ не одно, а нѣсколько рѣшеній. При той же численности земледѣльческаго населенія и при тѣхъ же размѣрахъ его земельной площади можно углубить послѣднюю, сдѣлавъ ведущееся на ней хозяйство болѣе интенсивнымъ и прилагаемый къ ней трудъ болѣе продуктивнымъ. Можно, далѣе, сократить численность сельско-хозяйственнаго населенія. Можно, наконецъ, увеличить размѣры находящейся въ его распоряженіи земельной площади. Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, какъ мы видѣли *), были принципіальные сторонники каждаго изъ этихъ рѣшеній. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ представляется,

*) Настоящая статья является непосредственнымъ продолженіемъ другой моей статьи: „Земельныя нужды деревни“, напечатанной въ 10—12 кн. „Русскаго Богатства“ за минувшій годъ. Возвращаясь теперь къ темѣ, далеко еще мною не исчерпанной, и къ матеріаламъ, лишь отчасти мною использованнымъ, я позволяю себѣ ссылаться на ту статью, не повторяя по возможности здѣсь тѣхъ данныхъ и тѣхъ соображеній, какія въ ней были изложены.

что въ ряду практическихъ мѣръ, предложенныхъ мѣстными дѣятелями, рѣшительное преобладаніе получили тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ цѣлью расширить размѣры и облегчить условія крестьянскаго землепользованія. С. Н. Прокоповичъ, подсчитавшій постановленія комитетовъ по семи губерніямъ, представлявшимися ему типическими, нашелъ, что комитеты, высказавшіеся по данному вопросу положительно, относятся къ комитетамъ, высказавшимся отрицательно, какъ 38 къ 1 *). Я не сомнѣваюсь, что то же приблизительно отношеніе получилось бы, если такой же подсчетъ произвести относительно всей Россіи. Поставленные лицомъ къ лицу съ практической задачей, мѣстные дѣятели должны были считаться прежде всего съ потребностями, которыя имъ казались наиболѣе неотложными, и съ возможностями, которыя представлялись имъ наиболѣе осуществимыми. Вопросъ же о крестьянскомъ малоземельѣ является въ настоящее время настолько острымъ, а возможности какого бы то ни было разрѣшенія его настолько ограниченными, что люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій должны были нерѣдко сходиться на „прирѣзкѣ новыхъ пространствъ къ надѣльнымъ землямъ“. Сколько нибудь серьезный споръ, если и могъ быть, то не о томъ, нужна ли такая мобилизація, а лишь о формахъ и размѣрахъ, въ какихъ она должна быть выполнена.

Въ своемъ обзорѣ предложенныхъ комитетами въ этомъ направленіи мѣръ я постараюсь, не вдаваясь въ частности, прослѣдить лишь основныя теченія общественной мысли, какія сказались въ комитетскихъ проектахъ.

Важнѣйшимъ и наиболѣе доступнымъ ресурсомъ въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ мѣстнымъ дѣятелямъ представлялись казенныя земли. Даже убѣжденные сторонники помѣстной формы землевладѣнія соглашались поступиться ими въ пользу крестьянъ **), лишь бы отстоять по возможности цѣлость „благоустроенныхъ имѣній“. „Совершенно ясно, — говоритъ въ своемъ докладѣ Н. А. Хвостовъ, — что гораздо удобнѣе отвести крестьянамъ пустопорожнюю, не имѣющую никакой стоимости казенную землю въ Сибири и нѣтъ никакого разсчета прикупать имъ по дорогой цѣнѣ землю на мѣстѣ, ту землю, которая имъ

*) Докладъ, прочитанный 3 января 1904 г. въ крестьянской коммиссіи Вольнаго Экономическаго Общества.

**) За предоставленіе свободныхъ государственныхъ земель крупнымъ предпринимателямъ высказались единичные комитеты: хорольскій, напримѣръ, комитетъ, рекомендуя для землеустроительныхъ работъ американскую систему, полагалъ, что „пространства, отводимыя переселенцамъ должны чередоваться приблизительно въ шахматномъ порядкѣ съ землями крупнаго частнаго владѣнія и свободными незаселенными мѣстами, оставляемыми за казною“. Только въ такомъ „шахматномъ“ порядкѣ и рѣшались обыкновенно говорить объ этомъ мѣстные дѣятели.

нужна исключительно для того, чтобы сѣять рожь для собственнаго пропитанія". Г. Юматовъ, полагавшій главную задачу земельной реформы въ томъ, чтобы „отучить" крестьянина отъ мысли, что ему „всегда будетъ отводиться новая земля, какъ только старой у него будетъ мало", тѣмъ не менѣе признавалъ необходимымъ предоставить казенныя земли крестьянамъ, видя въ этомъ средство „для окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса разъ навсегда". Само собой понятно, что принципіальные сторонники трудового хозяйства высказывались по этому предмету еще энергичнѣе. Извѣстныя попытки упрочить за счетъ государственныхъ земель предпринимательское хозяйство встрѣтили съ ихъ стороны самое рѣзкое осужденіе.

Жизнь съ достаточною уже опредѣленностью намѣтила ту форму, въ которой шире и лучше всего могутъ быть использованы государственныя земли, расположенныя, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, на окраинахъ. Такою формою издавна являлось и надолго еще, вѣроятно, останется переселеніе. Послѣднее и было выдвинуто въ комитетахъ въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ средствъ въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ. Противъ переселеній высказались въ сущности очень немногіе комитеты и дѣятели.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причины отрицательнаго отношенія къ переселеніямъ представляются для насъ не вполнѣ ясными. Предсѣдатель ярославской уѣздной земской управы, напримѣръ, указывая на необходимость пріобрѣтенія для крестьянъ земли на мѣстахъ, глухо и какъ бы между прочимъ упоминаетъ, что „выселеніе по многимъ причинамъ нежелательно". Въ другихъ случаяхъ мы находимъ болѣе опредѣленную мотивировку. Предсѣдатель херсонскаго губернскаго комитета, напримѣръ, полагалъ, что „если правительство найдетъ нужнымъ переселеніе—другое дѣло; намъ же врядъ ли слѣдуетъ возбуждать такое ходатайство... Правильное хозяйство будетъ тогда, когда будетъ достаточное число рабочихъ рукъ". „Поощрять крестьянъ къ выселенію,— читаемъ мы въ журналѣ брестскаго комитета, — безусловно не слѣдуетъ, такъ какъ... и теперь землевладѣльцамъ приходится испытывать значительныя затрудненія съ рабочими"... Въ томъ же смыслѣ высказались нѣкоторые комитеты Подольской, т. е. одной изъ самыхъ малоземельныхъ губерній. Желаніе обезпечить „свекловичныя плантаціи" „достаточнымъ" числомъ рабочихъ рукъ сказалось между прочимъ въ винницкомъ, гайсинскомъ и подольскомъ губернскомъ комитетахъ.

Иначе посмотрѣли на переселенческій вопросъ другіе комитеты и дѣятели. „Желательно, — говорилъ г. Богдановскій въ пермскомъ губернскомъ комитетѣ, — чтобы на переселенческое дѣло былъ установленъ взглядъ, какъ на одинъ изъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ использованія бездоходныхъ государ-

ственныхъ земель и предоставленія населенію, страдающему отъ недостатка работы или полной безработицы, возможности примѣненія своихъ рабочихъ рукъ. Иначе говоря, нужно, чтобы переселенческое дѣло пріобрѣло характеръ государственно-хозяйственнаго дѣла". „Переселеніе,—читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской земской управы г. Измайлова,—освобождая переполненную жителями мѣстность отъ избытка населенія и тѣмъ избавляя ее отъ нуждающихся и безполезныхъ людей и давая имъ возможность устроиться съ пользою для себя и государства въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, открываетъ остающимся на старыхъ мѣстахъ возможность расположиться просторнѣе"... Еще послѣдовательнѣе и опредѣленнѣе та же мысль была развита г. Олифаномъ. Въ докладѣ, внесенномъ въ гайсинскій комитетъ, большинство котораго, какъ мы уже упомянули, было не въ мѣру озабочено интересами свекловичныхъ плантаторовъ, онъ счелъ необходимымъ поставить точки надъ і и „утверждалъ, что при теперешнемъ малоземельѣ крестьянинъ является у насъ рабочимъ, прикрѣпленнымъ къ данному району своимъ клочкомъ земли и принужденнымъ продавать за безцѣнокъ свой трудъ, чѣмъ пользуются крупныя хозяйства, платя крестьянамъ ничтожное вознагражденіе и выручая большіе барыши за счетъ дешевой рабочей платы. Единственнымъ средствомъ вывести крестьянина изъ такого положенія, докладчикъ считалъ выселеніе избытка крестьянъ въ другія части имперіи. Тогда оставшимся будетъ хватать земли для пропитанія, рента крупныхъ хозяйствъ понизится и многія изъ крупныхъ хозяйствъ должны будутъ прекратить свое существованіе, а земля ихъ перейдетъ въ руки крестьянъ".

Выдвигая переселенія въ качествѣ основной мѣры въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные дѣятели, какъ и слѣдовало ожидать, подвергли рѣзкой критикѣ переселенческую политику пореформеннаго времени. Устраненіе формальностей, ограниченій и стѣсненій, какими обставлены до послѣдняго времени переселенія, — это одно изъ основныхъ требованій, какое мы находимъ по переселенческому вопросу въ комитетскихъ трудахъ. „Предоставить полную свободу переселенческому движенію, при которой каждый желающій выселиться заявлялъ бы только о своемъ желаніи ближайшей мѣстной власти" — вотъ формула, въ которую облекъ это требованіе кобелякскій комитетъ. Нужно сказать, однако, что не вездѣ это пожеланіе проходило безъ возраженій.

Въ лохвицкомъ комитетѣ основной тезисъ доклада М. И. Туганъ-Барановскаго о „предоставленіи полной свободы переселенческому движенію" вызвалъ довольно оживленныя пренія. Ген. А. Е. Илляшевичъ находилъ, что „простого заявленія недостаточно, такъ какъ у намѣревающихся переселиться могутъ быть

мѣстныя обязательства; необходимо поэтому хотя бы разрѣшеніе земскаго начальника". Князь А. М. Орбеліани также полагалъ, что „опека необходима по отношенію къ людямъ, дѣйствующимъ безсознательно". Опасливая нотка звучала кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ. Кромской, напримѣръ, комитетъ нашелъ, что „массовыя переселенія безъ плана и системы вредны для переселяющихся и для сельско-хозяйственной промышленности. Переселеніе, по его мнѣнію, должно сообразоваться съ количествомъ рабочихъ рукъ и площадью культурной земли. Приведя въ извѣстность количество рабочихъ силъ и культурную площадь, легко опредѣлить процентъ рабочихъ, который можетъ быть выселенъ изъ уѣзда". Не говоря уже о нежеланіи лишиться „вѣрной статьи дохода", какою малоземельный крестьянинъ издавна является для крупнаго землевладѣльца, нѣкоторымъ дѣятелямъ не чуждо было, повидимому, старое опасеніе, что „крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродять по Россіи" и что переселенческое движеніе получитъ при такихъ условіяхъ стихійный, безпорядочный характеръ. Для большинства мѣстныхъ дѣятелей совершенно очевидна однако была вся неосновательность этихъ опасеній на счетъ черезчуръ легкаго будто бы отношенія крестьянъ къ переселеніямъ. Не менѣе ясной представлялась мѣстнымъ людямъ и невозможность упорядочить переселенческое движеніе какими либо запретительными мѣрами. Рекомендовать послѣднія не рѣшались даже тѣ комитеты, которые отнеслись къ переселеніямъ отрицательно. Они сочли возможнымъ высказаться лишь противъ „поощренія" переселеній. Гайсинскій комитетъ даже прямо призналъ, что „ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ принимать никакихъ запретительныхъ мѣръ, ограничивающихъ личную свободу крестьянъ въ дѣлѣ переселенія".

Выдвигая переселеніе въ качествѣ основной мѣры въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные люди хорошо понимали однако, что одной свободы въ данномъ случаѣ недостаточно. Въ наши дни колонизаціонное дѣло уже нельзя всецѣло предоставить хозяйственному инстинкту населенія. Переселяться теперь нерѣдко приходится за тысячи верстъ, при чемъ переселенцамъ приходится идти въ совершенно невѣдомыя имъ земли и начинать новую жизнь въ совершенно чуждой имъ естественно-исторической и культурной обстановкѣ. Предоставить при такихъ условіяхъ малокультурное населеніе собственнымъ силамъ это значило бы обречь его на жертву всякаго рода случайностямъ. Еще большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ другое соображеніе. Хозяйственныя силы крестьянскаго населенія настолько уже подорваны, что справиться за свой счетъ съ труднымъ колонизаціоннымъ дѣломъ оно уже не въ силахъ. Для широкой и планомѣрной постановки переселенческаго дѣла необходимо поэтому активное участіе въ немъ общественныхъ силъ и государ-

ственной власти. Въ этомъ смыслѣ и высказалось громадное большинство комитетовъ. Если нѣкоторые дѣятели, какъ, напримѣръ, Г. С. Рекшинскій въ семеновскомъ комитетѣ, и считали возможнымъ ограничиться одною „свободою", то ссылаясь исключительно на недостатокъ средствъ, какія въ громадныхъ размѣрахъ потребуетъ активная переселенческая политика. Это соображеніе о средствахъ, несомнѣнно, оставило свой слѣдъ въ трудахъ комитетовъ, но и за всѣмъ тѣмъ ими былъ намѣченъ цѣлый рядъ неотложныхъ мѣръ въ интересахъ правильнаго хода переселенческаго дѣла.

Несравненно болѣе широкая, чѣмъ теперь, постановка землеустроительныхъ и землеотводныхъ работъ на мѣстахъ водворенія переселенцевъ является первымъ и непремѣннымъ условіемъ отвѣчающаго назрѣвшимъ потребностямъ жизни переселенческаго движенія. „Ассигнованія государственнаго казначейства на эти цѣли,—говоритъ въ своемъ докладѣ г. Туганъ-Барановскій,—должны опредѣляться не сотнями тысячъ, а милліонами". Не менѣе насущною потребностью является культурное оборудованіе колонизуемыхъ мѣстностей, т. е. прокладка дорогъ, постройка церквей, школъ, больницъ и т. д. Этими двумя задачами далеко не исчерпываются, однако, обязанности государства передъ переселенцами. Нѣкоторые комитеты прослѣдили всѣ стадіи переселенческаго движенія и для каждой изъ нихъ намѣтили наиболѣе цѣлесообразныя формы, въ которыхъ можетъ и должно выразиться государственное и общественное содѣйствіе ему. Уже сознательное отношеніе населенія къ самому вопросу о переселеніи, выборъ подходящаго для него мѣста и наиболѣе удобнаго момента требуютъ планомѣрной общественной работы. Нужно, далѣе, насколько это возможно, облегчить переселенцамъ разлуку съ родиной и обезпечить возможно безубыточную ликвидацію ихъ имущества. Необходимо ускорить, удешевить и облегчить ихъ путь. Еще нужнѣе имъ помощь на новомъ мѣстѣ, когда они будутъ обзаводиться новымъ хозяйствомъ и свыкаться съ новыми условіями существованія. Помощь необходима самая широкая и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Работы предстоитъ очень много и выполнить ее сколько нибудь удовлетворительно для государственной власти, при нынѣшнихъ бюрократическихъ формахъ ея организаціи, вовсе не подъ силу. Сознавая это, цѣлый рядъ комитетовъ (елецкій, саранскій, зѣньковскій, мелитопольскій и др.) рѣшительно высказался за привлеченіе къ участію въ переселенческомъ дѣлѣ общественныхъ силъ въ лицѣ земскихъ учрежденій.

Я не буду останавливаться на технической, если можно такъ выразиться, сторонѣ переселенческаго дѣла, получившей подробную разработку въ трудахъ нѣкоторыхъ комитетовъ. Въ интересахъ задачи, которую я себѣ поставилъ, несравненно болѣе важ-

ными представляются принципіальные вопросы, съ которыми пришлось встрѣтиться мѣстнымъ дѣятелямъ. Среди нихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ и слѣдовало ожидать, занялъ вопросъ о томъ, какія именно группы переселенцевъ должны имѣть преимущественное, если не исключительное, право на матеріальную помощь со стороны государства.

М. И. Туганъ-Барановскій въ упоминавшемся уже докладѣ, наряду съ положеніемъ о предоставленіи полной свободы переселенческому движенію, выставилъ тезисъ, что „всѣ фактическіе переселенцы должны пользоваться всѣми льготами, предоставляемыми переселенцамъ". Эта формула не встрѣтила, однако, сочувствія даже въ тѣхъ комитетахъ, которые работали подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его доклада. Въ частности лохвицкій комитетъ выдачу ссуды путевой и на водвореніе призналъ желательной лишь по отношенію къ „неимущимъ" переселенцамъ. Вообще большинство мѣстныхъ дѣятелей обнаружило несомнѣнное тяготѣніе къ иному отвѣту на поставленный вопросъ. „Переселеніе,—читаемъ мы въ постановленіяхъ радомысльскаго комитета.—должно преслѣдовать преимущественно цѣль устройства на новыхъ мѣстахъ крестьянъ безземельныхъ, неимущихъ, а не достаточныхъ, какъ это практикуется въ настоящее время". „Надо дать возможность,—говорилъ А. Н. Лебедевъ въ семеновскомъ комитетѣ,—переселяться тѣмъ, у кого здѣсь ничего нѣтъ; такіе хозяева охотно переселились бы, но у нихъ нѣтъ средствъ ни на переселеніе, ни на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ; имъ необходимо дать субсидію на то и на другое". „Ужъ если признать экономическимъ закономъ,—аргументировалъ ту же мысль въ тамбовскомъ комитетѣ В. М. Петрово-Соловово,—что богачу все легче достается, чѣмъ бѣдняку, то съ этимъ необходимо считаться и можно бороться, но ужъ никакъ не содѣйствовать развитію этого закона". „Нынѣ вопросъ о переселеніи, по мнѣнію опочецкаго комитета, поставленъ неправильно; переселяться разрѣшаютъ лишь наиболѣе состоятельнымъ, слѣдуетъ же выселять наиболѣе бѣдныхъ и оказывать имъ пособіе". Въ еще болѣе категоричной формѣ та же мысль была высказана г. Измайловымъ, записка котораго оставила замѣтный слѣдъ въ трудахъ довольно многихъ комитетовъ. „Переселенія, — читаемъ мы въ ней,—должны стать дѣломъ государства, совершаться по его иниціативѣ—разумѣется по ходатайству или съ согласія переселяющихся; выселяться должны не болѣе состоятельные, а, наоборотъ, самыя неимущія семьи, всецѣло за счетъ государства, которое должно давать всѣ нужныя средства какъ на самое переселеніе, такъ и на устройство и обзаведеніе переселенцевъ на новомъ мѣстѣ".

Высказываться въ этомъ смыслѣ, т. е. за возможно большія льготы для одной изъ категорій переселенцевъ, мѣстныхъ дѣятелей, какъ можно думать, заставило опасеніе, что въ надлежащей

мѣрѣ обезпечить всѣхъ ихъ государству было бы не подъ силу и что при такихъ условіяхъ уравненіе въ правахъ, понизивъ средній размѣръ льготъ и субсидій, оказываемыхъ каждому переселенцу, могло бы затруднить переселеніе и даже сдѣлать его недоступнымъ для наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянства, т. е. для тѣхъ именно, для которыхъ оно представляется особенно необходимымъ. Нѣкоторые въ своихъ опасеніяхъ шли еще дальше. Г. Петрово-Соловово, напримѣръ, допускалъ возможность „спекулятивнаго" переселенія, „основаннаго на разсчетѣ здѣсь продать землю подороже, съ тѣмъ, чтобы въ мѣстахъ переселенія купить ее дешево". Какъ бы то ни было, мѣстные дѣятели совершенно опредѣленно высказались за необходимость облегчить переселенія прежде всего для наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянскаго населенія. Общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ рѣзко разошлось съ общимъ направленіемъ переселенческой политики, все время стремившейся именно эти группы удержать отъ переселенія.

Въ своемъ желаніи закрѣпить государственныя земли за безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянствомъ, нѣкоторые дѣятели склонны были заходить даже дальше, чѣмъ слѣдовало бы. Цивильскій, напримѣръ, комитетъ проектировалъ „обязательное выселеніе" для малоземельныхъ крестьянъ. Съ проектомъ „принудительнаго" переселенія выступилъ также въ тамбовскомъ комитетѣ г. Устиновъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что предложенія ограничить съ этой стороны свободу переселеній были не многочисленны и въ общемъ очень мало встрѣчали въ комитетахъ сочувствія. Напротивъ, даже тѣ дѣятели, которые являлись горячими и убѣжденными сторонниками государственной иниціативы въ переселенческомъ дѣлѣ, настаивая на послѣдней, каждый разъ неизмѣнно почти прибавляли, что самыя переселенія должны совершаться не иначе, какъ „по ходатайству или съ согласія переселяющихся". При общемъ, несомнѣнно либеральномъ, направленіи общественной мысли, какое преобладало въ комитетахъ, такія оговорки были въ сущности излишни. Въ нихъ сказалось лишь недовѣріе мѣстныхъ дѣятелей къ тѣмъ условіямъ русской жизни, при которыхъ всякое попеченіе о трудящихся массахъ легко превращается въ опеку и даже въ прямое насиліе надъ ними.

Настаивая на широкой государственной поддержкѣ малоимущимъ группамъ крестьянскаго населенія въ переселенческомъ дѣлѣ, нѣкоторые комитеты пытались указать и тѣ внѣшніе признаки, которыми необходимо руководиться въ этомъ случаѣ. Саранскій, напримѣръ, комитетъ призналъ, что „съ крестьянской точки зрѣнія важно, чтобы министерство земледѣлія хотя бы принципіально разрѣшило вопросъ о нормѣ крестьянскаго надѣла съ тѣмъ, чтобы крестьяне, не имѣющіе такой нормы пользовались

бы правомъ на извѣстный процентъ выселенія". Бѣлозерскій комитетъ также полагалъ, что „единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія было бы опредѣленіе законодательнымъ путемъ минимальнаго размѣра душевого надѣла и отводъ для излишней части населенія земли въ иномъ мѣстѣ". По мнѣнію зѣньковскаго комитета, „процентъ населенія, подлежащаго ежегодному переселенію", надлежитъ опредѣлить „сообразно съ густотою населенія и степенью его обезпеченности". „Сообразно съ опредѣленнымъ процентомъ возможнаго, съ помощью государства, переселенія.—читаемъ мы дальше,—каждое сельское общество назначаетъ осенью, какія семьи, конечно съ ихъ согласія, будутъ имѣть право выселиться, и составляетъ о томъ приговоръ... Остальнымъ желающимъ переселиться, также не должно быть запрета, но безъ помощи правительства".

Въ одной изъ предыдущихъ статей мнѣ пришлось уже отмѣтить излишнее довѣріе, какое обнаружилось въ комитетахъ къ „нормальному" надѣлу, опредѣленному положеніемъ 1861 года. И въ данномъ случаѣ нѣкоторые дѣятели для облегченія задачи считали возможнымъ опереться на ту же норму. Едва ли, однако, такой выходъ можно считать цѣлесообразнымъ. Опредѣленные положеніемъ 19 февраля размѣры нормальнаго надѣла, какъ мы видѣли, уже въ свое время являлись явно недостаточными; руководиться ими теперь, при существенно измѣнившихся условіяхъ народной жизни, представляется прямо невозможнымъ. Въ трудахъ самихъ комитетовъ можно найти другія, болѣе устойчивыя и болѣе справедливыя основанія для нормировки правъ на государственную помощь при переселеніяхъ. Количество земли, которое крестьянская семья при данномъ хозяйственномъ уровнѣ, можетъ обработать собственными силами—это максимумъ, которымъ могутъ быть опредѣлены ея права; количество земли, которое необходимо, чтобы обезпечить ея существованіе,—это минимумъ, которымъ должны опредѣлиться обязанности государства. Найти эти предѣлы для каждой мѣстности и даже для каждой семьи не такъ уже трудно. Между тѣмъ только въ этихъ предѣлахъ и можетъ быть раціонально разрѣшенъ земельный вопросъ

II.

Постулировавъ полную свободу переселеній для всѣхъ желающихъ на ряду съ широкой государственной помощью всѣмъ безземельнымъ, малоземельнымъ, и неимущимъ, сельскохозяйственные комитеты подтвердили лишь отвѣтъ, данный въ свое время „свѣдущими людьми" по переселенческому дѣлу. Само собой понятно, что ясно обозначившаяся уже двадцать лѣтъ тому назадъ потребность народно-хозяйственной жизни, оставаясь такъ долго безъ

надлежащаго удовлетворенія, успѣла послѣ того вырости до громадныхъ размѣровъ: она распространилась почти на всю территорію европейской Россіи и охватила значительную уже часть крестьянскаго населенія. Мѣстнымъ дѣятелямъ, конечно, не чуждо было сознаніе, что для удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи теперь нужны громадныя силы и средства: на переселенческое дѣло, взятое во всемъ его объемѣ, нужны даже не милліоны, а сотни и быть можетъ, тысячи ихъ. Откуда же взять такіе ресурсы?

Сельско-хозяйственные комитеты должны были коснуться этого вопроса уже потому, что онъ былъ затронутъ въ перечнѣ, разосланномъ на ихъ разсмотрѣніе предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія. Подъ буквою *м. т. е.* въ самомъ концѣ этого длиннаго списка, значилось: „привлеченіе сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія и по выдачѣ необходимыхъ воспособленій лицамъ, изъ нихъ выселяющимся“. Во всей программѣ это былъ единственный пунктъ, касавшійся переселеній и очевидно, только въ этихъ предѣлахъ мнѣнія мѣстныхъ дѣятелей интересовали Особое Совѣщаніе. Самая формула предложеннаго имъ вопроса стремилась направить ихъ мысль въ опредѣленную сторону и даже предрѣшить до извѣстной степени возможный съ ихъ стороны отвѣтъ. Очень немногіе, однако, комитеты сочли возможнымъ дать его въ положительной формѣ.

Къ числу такихъ комитетовъ можно отнести, напримѣръ, чебоксарскій и козьмодемьянскій, которые полагали необходимымъ „оставшееся населеніе, сохранившее землю за собою, привлечь къ пособію переселяющимся путемъ образованія особыхъ общественныхъ капиталовъ, опредѣляемыхъ ежегоднымъ сборомъ съ каждой земельной души, изъ коихъ и выдавать переселенцамъ пособія по опредѣленію уѣзднаго съѣзда“. Золотоношскій комитетъ также призналъ, что „для поощренія къ добровольному выселенію прироста населенія и для облегченія выселенія необходимо учрежденіе общественныхъ сельскихъ кассъ, которыя выдавали бы выселяющимся безвозвратныя ссуды“. Другіе комитеты, какъ, напримѣръ, нижегородскій, климовичскій, полтавскій, гадячскій, прилукскій, новгородскій, ардатовскій (Симб. губ.), демянскій и др. высказались противъ привлеченія сельскихъ обществъ къ расходамъ по переселенію ихъ односельцевъ. „Въ виду бѣдности населенія, — читаемъ мы въ журналѣ опочецкаго комитета,—возлагать на общества расходы по выселенію невозможно“. Почти буквально тоже самое высказалъ въ своемъ заключеніи пронскій комитетъ. Помимо бѣдности населенія, нѣкоторые комитеты и по существу считали несправедливымъ возлагать колонизаціонные расходы на крестьянскія плечи. „Переселеніемъ,— читаемъ мы по этому поводу въ заключеніяхъ кузнецкаго комитета, — достигаются двѣ задачи: заселеніе свободной земли, что

создаетъ производительную площадь, ранѣе не приносившую дохода, и что уже составляетъ интересы всего государства, и кромѣ того устраняется густота населенія тамъ, гдѣ для излишка населенія не хватаетъ земли и что поэтому переселенцамъ желательна помощь правительства". Этотъ взглядъ на переселенія, какъ на государственное, а не сословное дѣло, несомнѣнно преобладалъ въ комитетахъ.

Необходимо, однако, замѣтить, что вопросъ, поставленный Особымъ Совѣщаніемъ, въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ породилъ довольно серьезныя недоразумѣнія. Одни комитеты подъ „привлеченіемъ сельскихъ обществъ къ расходамъ" разумѣли спеціальное въ той или иной формѣ обложеніе крестьянъ на нужды переселенческаго дѣла. Понимаемый въ этомъ смыслѣ, вопросъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано, рѣшался отрицательно. Другіе комитеты имѣли въ виду вознагражденіе, какое могли бы выдавать переселенцамъ земельныя общины за оставляемую въ ихъ распоряженіе землю. На этотъ счетъ сужденія мѣстныхъ людей оказались довольно разнорѣчивыми.

Нѣкоторые комитеты находили подобное вознагражденіе вполнѣ цѣлесообразнымъ и совершенно справедливымъ. „Требованіе,— говоритъ по этому поводу коммиссія смоленскаго уѣзднаго комитета,—чтобы переселяющійся крестьянинъ отказался безъ всякаго вознагражденія отъ права участія въ общественной землѣ, которая выкупалась тяжкимъ трудомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, является очень тяжелымъ и несправедливымъ требованіемъ, сильно стѣсняющимъ переселеніе и разселеніе крестьянъ". Желательные размѣры вознагражденія за надѣльную землю одни изъ комитетовъ (напримѣръ, радомысльскій, саранскій) опредѣляли стоимостью ея въ настоящее время; другіе— суммою внесенныхъ за нее выкупныхъ платежей (ардатовскій) или суммою погашеннаго уже выкупного долга (бѣлозерскій, козельскій); третьи проектировали установленіе съ этою цѣлью нормальныхъ оцѣнокъ (изюмскій). Помимо желанія возможно лучше обезпечить интересы переселенцевъ, въ этихъ постановленіяхъ, несомнѣнно, сказался частно-правовой взглядъ на землю, отрѣшиться отъ котораго для многихъ мѣстныхъ дѣятелей было трудно даже по отношенію къ общиннымъ землямъ.

Едва ли, однако, подобное рѣшеніе вопроса можно считать справедливымъ. Нѣкоторые дѣятели сами понимали, что ихъ взгляды въ этомъ случаѣ могутъ рѣзко разойтись съ крестьянскимъ правосознаніемъ. Аткарскій, напримѣръ, комитетъ полагалъ, что „выселяющіеся, оставляя свой надѣлъ въ пользу остающихся на мѣстѣ, имѣютъ нравственное право на полученіе извѣстной субсидіи отъ остающихся, хотя,—тутъ же прибавляетъ онъ,—и трудно ожидать въ такихъ случаяхъ добровольнаго соглашенія

на предметъ такого вознагражденія, принятіе же принудительныхъ мѣръ повело бы къ коренному измѣненію общины, такъ какъ земля есть собственность общины, а не отдѣльныхъ ея членовъ". Справедливость вознагражденія въ предположенныхъ мѣстными дѣятелями размѣрахъ и формахъ трудно аргументировать даже съ той точки зрѣнія, на которой стояли они сами. Участки надѣльной земли, которыми владѣютъ въ настоящее время отдѣльные крестьянскіе дворы, далеко не всегда соотвѣтствуютъ суммѣ выкупныхъ платежей, дѣйствительно уплаченныхъ ими. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ общинная жизнь представляется замершей, землепользованіе отдѣльныхъ семей съ момента выхода на выкупъ, могло существенно и, можетъ быть, не разъ измѣниться. Совсѣмъ безъ передѣловъ, хотя бы частныхъ,—въ видѣ свалокъ и навалокъ,—могли обойтись, какъ извѣстно, лишь рѣдкія общины. Въ тѣхъ же изъ нихъ, которыя практиковали общіе передѣлы, судить по нынѣшнему распредѣленію надѣльной земли о количествѣ уплаченнаго отдѣльными дворами выкупного долга и вообще о правахъ ихъ на землю, конечно, вовсе немыслимо. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что до самаго послѣдняго времени выкупные платежи и всѣ повинности отбывались крестьянами за круговою порукою. Фиксировать при такихъ условіяхъ за отдѣльными дворами право на вознагражденіе въ зависимости отъ количества надѣльной земли, какое будетъ находиться въ ихъ пользованіи въ моментъ переселенія, это значило бы совершить—и именно съ частно-правовой точки зрѣнія,—крупную несправедливость. Такой характеръ неизбѣжно будетъ носить всякая мѣра, стремящаяся привнести частно-правовыя понятія въ сферу общиннаго землевладѣнія. Общественное достояніе можетъ быть расхищено, но найти справедливыя основанія, на которыхъ его можно было бы обратить въ частную собственность, немыслимо. И если ужъ задаваться такою цѣлью по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, то необходимо отбросить всѣ разговоры о „нравственномъ правѣ" и заранѣе примириться со всѣми обидами и несправедливостями, какія будутъ учинены при этомъ надъ слабыми элементами деревни.

Столь же неудачной представляется предположенная комитетами мѣра и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Установить вознагражденіе за оставляемую переселенцами землю это значитъ въ сущности содѣйствовать поддержанію того несправедливаго „закона", согласно которому „богачу все легче достается, чѣмъ бѣдному". Многоземельные дворы получали бы въ такомъ случаѣ „воспособленіе" въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ малоземельные. Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ переселеніе было бы наиболѣе облегчено для тѣхъ группъ населенія, которыя наименѣе въ немъ нуждаются. Обязательный денежный выдѣлъ могъ бы сказаться еще худшими послѣдствіями. При немъ переселеніе

дѣйствительно могло бы получить „спекулятивный“ характеръ на возможность котораго указывалъ въ тамбовскомъ комитетѣ г. Петрово-Соловово. Въ конечномъ счетѣ проектированная или, правильнѣе, подсказанная комитетамъ мѣра могла бы въ корнѣ извратить задачи переселенческаго движенія.

Нельзя, конечно, отрицать, что съ уходомъ переселенцевъ положеніе ихъ однообщественниковъ можетъ улучшиться за счетъ оставляемой въ ихъ пользу земли. Но, вѣдь, переселеніе, разсматриваемое съ государственной точки зрѣнія, тѣмъ особенно и цѣнно, что оно открываетъ возможность лучше устроиться не только тѣмъ, кто уходитъ, но и тѣмъ кто остается. Взваливать на послѣднихъ новыя тягости, хотя бы и пропорціональныя тѣмъ выгодамъ, какія они получаютъ отъ переселенія, это значитъ въ сущности обезцѣнивать результаты послѣдняго.

Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что нѣкоторые дѣятели соглашаясь въ принципѣ съ обсуждаемой мѣрой, не особенно вѣрили въ ея осуществимость и потому допускали ее условно, сопровождая тѣми или иными оговорками. Саранскій комитетъ, напримѣръ, признавалъ ее возможной по отношенію къ тѣмъ лишь обществамъ, гдѣ нѣтъ недоимокъ. Карсунскій комитетъ допускалъ ее лишь „въ томъ случаѣ, если земля съ избыткомъ окупаетъ всѣ лежащія на ней повинности“, при чемъ вознагражденіе, по его мнѣнію, должно быть устанавливаемо „въ необременительномъ для крестьянъ размѣрѣ“. Предсѣдатель ардатовскаго комитета считалъ необходимымъ, чтобы это вознагражденіе выдавало правительства „съ послѣдующимъ взысканіемъ этой суммы съ общества“. Другіе дѣятели проектировали привлечь къ этой операціи крестьянскій банкъ. Изюмскій комитетъ при несогласіи общества вознаградить желающихъ выселиться предполагалъ предоставить имъ право продажи надѣловъ однообщественникамъ или постороннимъ лицамъ безъ согласія на то общества.

Едва ли нужно говорить, что послѣдній способъ вознагражденія переселенцевъ за оставляемую ими землю представляется особенно нежелательнымъ и даже опаснымъ. Допустить его это значитъ съ другого конца содѣйствовать развитію все того же несправедливаго „экономическаго закона“, борьба съ которымъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства. Землями переселенцевъ воспользовались бы въ такомъ случаѣ наиболѣе богатые и безъ того достаточно сильные элементы деревни. Но, вѣдь, не ихъ же интересами должны опредѣляться заботы государства въ аграрной сферѣ.

Слѣдуетъ, конечно, предвидѣть необходимость считаться въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ съ частно-правовыми воззрѣніями на землю, какія уже привнесены въ крестьянскую среду выкупною операціею и вообще крайне неустойчивымъ отношеніемъ всего нашего законодательства къ общинному землевладѣнію. Въ нѣ-

которыхъ мѣстностяхъ уже началъ устанавливаться обычай выдавать выселяющимся вознагражденіе за оставляемую ими землю, въ другихъ—уже практикуется продажа ими самими находившейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли. Возможно, что въ такихъ мѣстностяхъ придется прибѣгать къ тѣмъ или инымъ компромиссамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже указаны сельско-хозяйственными комитетами. Симбирскій губернскій комитетъ, напримѣръ, предложилъ, „чтобы выселяющемуся, въ теченіе 9 лѣтъ послѣ выселенія, какъ пособіе, выдавались доходы, за покрытіемъ податей и другихъ повинностей, съ причитавшейся ему въ обществѣ земли, которая должна сдаваться обществомъ въ аренду". Липецкій комитетъ въ своемъ журналѣ указываетъ, что въ 1897—1898 годахъ въ этомъ уѣздѣ „происходило довольно оживленное движеніе въ Сибирь, при чемъ всѣ безъ исключенія сельскія общества охотно помогали переселенцамъ". Помощь эта, между прочимъ, выражалась „въ разрѣшеніи по общественному приговору сдать въ аренду земельный надѣлъ срокомъ до новаго передѣла земли на наличныя души, при чемъ всѣ окладные денежные сборы обязывался платить арендаторъ, а остальныя деньги, такъ называемые „верхи", шли въ пользу переселенца". По мнѣнію комитета, такой порядокъ слѣдовало бы узаконить для всѣхъ случаевъ выселенія, ограничивъ право полученія „верховъ" 10-лѣтнимъ срокомъ. Другіе комитеты предлагали, чтобы надѣлы выселяющихся покупались государствомъ въ цѣляхъ предоставленія ихъ безземельнымъ и малоземельнымъ изъ числа остающихся. Можно, однако, думать, что при широкой и льготной постановкѣ переселенческаго дѣла даже въ такихъ компромиссахъ надобности не представится. За возможность получить въ достаточномъ количествѣ не только землю, но и необходимыя средства, чтобы устроиться на новомъ мѣстѣ, громадное большинство переселенцевъ охотно, конечно, поступится тѣми правами, съ какими они сжились по отношенію къ своимъ теперешнимъ землямъ *). Самая

*) Въ этомъ случаѣ далеко не безъинтересной представляется слѣдующая справка о государственныхъ крестьянахъ Елецкаго уѣзда. „Еще въ началѣ 19-го столѣтія землевладѣніе у большинства государственныхъ крестьянъ нашего уѣзда,—говоритъ въ своемъ докладѣ Н. А. Хвостовъ,—по преданію, было подворное. Въ началѣ 70-хъ годовъ еще живы были старики, которые это помнили. Служилые люди были надѣлены на дворы „по четвертямъ": столько-то четвертей въ полѣ, а „въ двухъ потомужъ"... Въ царствованіе Николая I съ образованіемъ министерства государственныхъ имуществъ бывшіе служилые люди, однодворцы, какъ они тогда назывались, вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ крестьянами другихъ наименованій. Съ увеличеніемъ народонаселенія четвертные надѣлы раздробились и стали тѣсны. Образовалась страшная дробность землевладѣнія, шли постоянные захваты, ссоры и тяжбы... Министерству государственныхъ имуществъ было ясно, что оставлять бывшихъ однодворцевъ при ихъ подворномъ владѣніи въ высшей степени вредно для нихъ самихъ въ виду его крайней раз-

выдача пособія и даже отводъ государственной земли, по нашему мнѣнію, долженъ быть обусловленъ отказомъ отъ прежняго надѣла въ пользу коллективности,—будетъ ли то община, земство или государство. Только при этомъ условіи переселенческое дѣло получитъ дѣйствительно раціональную постановку и государственныя земли съиграютъ роль могучаго фактора въ дѣлѣ реорганизаціи аграрныхъ отношеній страны.

Во всякомъ случаѣ перепродажей надѣльной земли самимъ крестьянамъ и даже распродажей ея на сторону нельзя получить средствъ, необходимыхъ для правильной постановки переселенческаго дѣла. Легко понять, что чѣмъ больше съ сельскихъ обществъ въ этой или иной формѣ будетъ взыскано „воспособленій“, тѣмъ труднѣе имъ будетъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы упрочить свое хозяйственное положеніе. Чѣмъ больше освободившейся земли будетъ распродано, тѣмъ больше въ тѣхъ же общинахъ окажется потомъ кандидатовъ на выселеніе. Въ худшемъ случаѣ это была бы спекуляція, разсчитанная на то, чтобы путемъ систематическаго обмѣна „дорогой“ земли на „ничего не стоющую“ не предотвратить, а лишь отсрочить раззореніе крестьянской массы; въ лучшемъ случаѣ это былъ бы своего рода circulus vitiosus, для выхода изъ котораго рано или поздно пришлось бы обратиться къ другимъ рессурсамъ.

Нельзя поэтому не согласиться съ тѣми довольно многочисленными комитетами и дѣятелями, которые рѣшительно высказались противъ привлеченія въ какой бы то ни было формѣ сельскихъ обществъ къ расходамъ на переселеніе и находили, что эти „расходы должны всецѣло лежать на государственной казнѣ“. Нѣкоторые изъ нихъ полагали, однако, при этомъ, что часть произведенныхъ государствомъ затратъ можетъ быть взыскана затѣмъ съ самихъ переселенцевъ. „Расходы по переселенію и устройству неимущей семьи,—читаемъ мы въ постановленіяхъ, напримѣръ, радомысльскаго комитета,—могли бы быть наложены на предоставленный такой семьѣ переселенческій участокъ въ качествѣ слѣдующей за этотъ участокъ выкупной ссуды, которая подлежала бы выплатѣ равными долями въ теченіе опредѣленнаго срока“. Мы думаемъ, однако, что это было бы грубой ошибкой и тѣмъ болѣе непростительной, что она была бы въ сущности повтореніемъ той, которая была допущена при первоначальномъ

дробленности и массы возникающихъ ежедневно тяжбъ, разобрать которыя почти немыслимо; поэтому вѣдомство государственныхъ имуществъ приняло за правило дѣлать широкой рукой прирѣзку казенной земли тѣмъ селеніямъ, которыя согласятся свою прежнюю четвертную землю цѣлить на души вмѣстѣ съ вновь нарѣзанной казенной... Этимъ путемъ большая часть государственныхъ крестьянъ перешла еще въ 40-выхъ годахъ 19 столѣтія къ общинному пользованію. Подворными владѣльцами осталось лишь незначительное меньшинство, преимущественно въ сѣверо-западной части уѣзда“.

надѣленіи крестьянъ и которая сказалась уже такими тяжкими послѣдствіями въ народномъ хозяйствѣ. На землю опять были бы возложены непосильныя обязательства и на этотъ разъ тѣмъ болѣе тяжелыя, что они распредѣлились бы какъ разъ обратно съ имущественной состоятельностью воспользовавшихся данною землею переселенцевъ. При самыхъ льготныхъ условіяхъ уплаты подобнаго долга, всегда останется рискъ, что именно онъ-то и помѣшаетъ переселенцамъ упрочить и развить свое хозяйство. Необходимо поэтому сразу идти на безвозвратные расходы. Само собой понятно, что они должны быть возмѣщены населеніемъ. Но пусть послѣднее платитъ пропорціонально своимъ силамъ, а не пропорціонально тѣмъ потребностямъ, въ удовлетвореніи которыхъ государство оказало или окажетъ ему свое содѣйствіе. И кто знаетъ, при такой разверткѣ, переселенческія хозяйства, воспользовавшіяся пособіемъ, не уплатятъ ли въ концѣ концовъ даже больше, чѣмъ сколько они могли бы уплатить съ долговой петлей на шеѣ.

Нѣкоторые комитеты пытались указать и тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть получены рессурсы, необходимые для широкой постановки переселенческаго дѣла. Лохвицкій, напримѣръ, комитетъ полагалъ, что „для означенной цѣли правительство могло бы продавать мелкими участками нѣкоторыя изъ своихъ земель въ мѣстахъ густонаселенныхъ, гдѣ продажная стоимость земли высока“. По мнѣнію зѣньковскаго комитета, „источникомъ средствъ могла бы быть прибавка 50 к. къ существующей цѣнѣ на ведро водки“. Членъ каневскаго комитета, волостной старшина Ищенко, проектировалъ „для разселенія и переселенія образовать особый правительственный капиталъ, наименовавъ его „переселенческимъ“, на образованіе и пополненіе котораго взыскивать при поземельномъ налогѣ по 2—3 коп. съ десятины крестьянскихъ, владѣльческихъ и другихъ частнаго владѣнія земель“.

Едва ли, однако, есть надобность входить въ обсужденіе такого рода проектовъ. Самая постановка вопроса представляется намъ неправильной. Русское государственное хозяйство давно уже пережило ту стадію, когда отдѣльныя потребности удовлетворялись за счетъ спеціально устанавливаемыхъ для нихъ налоговъ. И въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти лишь объ общегосударственныхъ рессурсахъ. Вопросъ поэтому долженъ разсматриваться какъ чисто финансовый и его нельзя разрѣшить внѣ связи съ общимъ государственнымъ бюджетомъ, который и безъ того нуждается въ коренномъ преобразованіи. Можно надѣяться, что необходимыя для аграрной реформы средства у страны найдутся. Вѣдь нашлись же они на желѣзныя дороги, на которыя за десять только лѣтъ было истрачено около двухъ милліардовъ. Если же общебюджетныхъ средствъ не найдется, то необходимо

прибѣгнуть къ займу. Мы должны уже болѣе 6 милліардовъ, но еще на одинъ или на два милліарда нашей кредитоспособности, конечно, хватитъ. Если же въ обычной формѣ намъ не повѣрятъ, то—что дѣлать!—надо прибѣгнуть къ средству, которое уже имѣлось въ виду нашими финансовыми дѣятелями: нужно заложить желѣзныя дороги. Останавливаться передъ этимъ не приходится: рѣчь идетъ о займѣ, который изъ всѣхъ займовъ, какіе когда либо заключало русское государство, будетъ самымъ производительнымъ.

III.

Предоставить полную свободу переселенческому движенію и даже передвинуть на государственный счетъ массы населенія за Уралъ это, конечно, еще не значитъ разрѣшить земельный вопросъ. Колонизаціей государственныхъ земель на окраинахъ можно устранить избытки населенія въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ, но нельзя достигнуть вполнѣ цѣлесообразнаго распредѣленія его на территоріи страны. Межи частнаго владѣнія, изрѣзавшія вдоль и поперекъ Россію, представляютъ въ этомъ отношеніи, какъ я указывалъ въ одной изъ предыдущихъ статей, не менѣе серьезное препятствіе, чѣмъ тѣ стѣсненія и ограниченія, какими обставлена сейчасъ колонизаціонная работа на окраинахъ. Нашъ земельный фондъ въ Европѣ,—писалъ я,— далеко еще не исчерпанъ, между тѣмъ населеніе въ поискахъ земли бѣжитъ за Уралъ и переплываетъ океаны. Можетъ ли считаться раціональнымъ переселеніе за многія тысячи верстъ, куда нибудь на Амуръ и въ Уссурійскій край, когда обширныя пространства земли на Сѣверномъ Кавказѣ, въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ обрабатываются пришлыми рабочими? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири крестьяне настолько уже стѣснены землей, что вынуждены переходить къ трехпольному и чуть ли не къ плодопеременному хозяйству; между тѣмъ въ тѣхъ же южныхъ и юго-восточныхъ, несравненно болѣе близкихъ къ рынку, степяхъ царитъ экстенсивная переложная система. Достаточно, я думаю этихъ явныхъ, бьющихъ въ глаза своими размѣрами, несообразностей, чтобы настаивать на крайне неправильномъ распредѣленіи сельско хозяйственнаго населенія по отдѣльнымъ областямъ имперіи. Едва ли нужно говорить, какое громадное вліяніе оказываетъ этотъ фактъ на сельско-хозяйственную промышленность, уже втянутую въ сферу мѣновыхъ отношеній, и на положеніе земледѣльческаго населенія, результаты хозяйственной дѣятельности котораго въ значительной уже мѣрѣ зависятъ отъ рынка. Мѣстные дѣятели, повидимому, понимали серьезное значеніе этой стороны колонизаціоннаго процесса. Рекомендуя переселеніе, нѣкоторые комитеты настаивали, чтобы оно происходило въ из-

вѣстномъ порядкѣ и чтобы ближайшія земли заселялись ранѣе отдаленныхъ. Нѣкоторые шли въ этомъ отношеніи еще дальше. Лохвицкій, напримѣръ, комитетъ призналъ необходимымъ, „чтобы крестьянскій банкъ былъ преобразованъ такимъ образомъ, чтобы дѣятельность его была приведена въ тѣсную связь съ разселеніемъ земледѣльческаго населенія въ имперіи соотвѣтственно степени земельной тѣсноты въ каждой отдѣльной мѣстности“, и „чтобы казна, при содѣйствіи крестьянскаго банка, въ видахъ болѣе правильнаго разселенія народонаселенія какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Россіи, продавала бы крестьянамъ принадлежащія ей земли въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ и взамѣнъ этого покупала бы земли въ менѣе населенныхъ мѣстахъ для продажи или для отдачи въ аренду переселенцамъ на льготныхъ условіяхъ“. Не входя въ оцѣнку предложенной лохвицкимъ комитетомъ мѣры по существу, мы во всякомъ случаѣ должны согласиться, что даже съ точки зрѣнія правильнаго хода колонизаціонной работы и цѣлесообразнаго, отвѣчающаго интересамъ сельско-хозяйственной промышленности, размѣщенія населенія на территоріи, земельный вопросъ нельзя разрѣшить при помощи только казенныхъ земель. Въ той или иной формѣ для этого необходимо затронуть межи частнаго владѣнія.

Еще болѣе важной въ данномъ случаѣ представляется другая сторона того же вопроса. Сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается не только въ томъ, что въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ замѣчаются избытки земледѣльческаго населенія, но и въ томъ, главнымъ образомъ, что нашъ крестьянинъ, благодаря недостаточному обезпеченію надѣльной землей, съ самаго начала былъ поставленъ и доселѣ остается въ двусмысленномъ положеніи не то самостоятельнаго хозяина, не то подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Стало быть и задача заключается не только въ болѣе правильномъ и свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи, но и въ томъ, чтобы вывести, наконецъ, крестьянина изъ этого нелѣпаго положенія. Для этого же необходимо снабдить его достаточнымъ количествомъ земли.

Можно думать, что государственныхъ земель для этого, даже безъ Манчжуріи, у насъ хватило бы. Въ крайнемъ случаѣ въ этихъ цѣляхъ могли бы быть предприняты обводнительныя и осушительныя работы, могущія дать неизмѣримыя еще пространства пригодной для культуры земли. Но и за всѣмъ тѣмъ разрѣшить исключительно этимъ путемъ задачу невозможно. Еслибы все необходимое для упроченія крестьянскаго хозяйства количество земли нарѣзать на окраинахъ, то для этого пришлось бы переселить туда громадную часть крестьянства, т. е. произвести полную пертурбацію въ размѣщеніи населенія. Это было бы равносильно новому переселенію народовъ. Не говоря уже о невыполнимости подобнаго плана рѣшенія задачи, онъ и по существу представ-

ляется нецѣлесообразнымъ до нелѣпости. Осуществить его—это значило бы отказаться отъ большей части того, что нажито тысячелѣтней культурой и, въ частности, промѣнять мягкія и удобренныя земли на безплодные солончаки и лѣсныя дебри. Ставя вопросъ въ этой формѣ, я желаю лишь рѣзко обозначить границы раціональнаго переселенія. Оно имѣетъ смыслъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для того, чтобы устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія. При самой широкой постановкѣ переселенческаго дѣла во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы все земледѣльческое населеніе, рабочія силы котораго могутъ быть цѣлесообразно использованы при возможномъ въ данный моментъ уровнѣ хозяйства, осталось на старыхъ мѣстахъ.

Въ качествѣ чего же оно останется? Въ качествѣ ли не вполнѣ обезпеченнаго землею крестьянства, вынужденнаго для пополненія своего бюджета обрабатывать земли сосѣднихъ лендлордовъ, или въ качествѣ экономически самостоятельныхъ производителей, свободныхъ отъ обязанности выполнять функціи „постояннаго работника?“ Легко понять, что въ первомъ случаѣ аграрная проблема не только не была бы разрѣшена, но и осталось бы почти не затронутой. Всѣ сельско-хозяйственныя отношенія страны попрежнему складывались бы подъ вліяніемъ тяжкой и разорительной для обѣихъ сторонъ борьбы помѣщичьяго хозяйства съ крестьянскимъ. Во второмъ случаѣ вопросъ о самомъ существованіи частновладѣльческихъ хозяйствъ предрѣшается въ отрицательномъ для нихъ смыслѣ: ихъ земли или должны перейти къ крестьянамъ, или остаться безъ рабочихъ.

Едва ли нужно даже говорить, что при данномъ составѣ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ эта дилемма представлялась для нихъ болѣе чѣмъ щекотливой. Немногіе сравнительно дѣятели рѣшились дать этому вопросу достаточно опредѣленную постановку даже съ принципіальной точки зрѣнія. Объ одномъ изъ такихъ дѣятелей мы уже упоминали. Н. А. Хвостовъ считалъ совершенно нормальнымъ такой порядокъ, при которомъ крестьяне живутъ „заработкомъ“. „Мы знаемъ—говорилъ онъ,—обширныя поля частныхъ владѣльцевъ, засѣянныя картофелемъ и свеклой, на нихъ имѣютъ хорошій заработокъ десятки сосѣднихъ деревень“. Онъ считалъ поэтому необходимымъ, чтобы покупки земель товариществами въ Елецкомъ уѣздѣ были „совсѣмъ прекращены. Покупка цѣлыми обществами, по его мнѣнію, можетъ быть допускаема только въ исключительныхъ случаяхъ“. Изъ лицъ, склонявшихся къ совершенно иному рѣшенію дилеммы, укажемъ, напримѣръ, члена нижегородскаго комитета г. Остафьева, который полагалъ необходимымъ „придерживаться того принципа, что собственникомъ земли долженъ быть тотъ, кто ее воздѣлываетъ“. Что касается практическихъ мѣропріятій, то мѣстные дѣятели

обнаружили склонность идти путемъ компромиссовъ, какіе уже намѣтились въ жизни. Во всякомъ случаѣ громадное большинство ихъ сознавало, что вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ нельзя разрѣшить однимъ переселеніемъ и что для этого необходимо въ той или иной формѣ передвинуть къ крестьянамъ не только „ничего не стоющія“, но и „дорогія“ земли. Въ трудахъ комитетовъ мы находимъ рядъ мѣръ, предложенныхъ ими въ цѣляхъ расширенія площади и облегченія условій крестьянскаго землепользованія за счетъ не только далекихъ окраинъ, но и ближайшихъ земель.

Нѣкоторую помощь въ этомъ случаѣ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, могутъ оказать казенныя земли, если таковыя имѣются въ малоземельныхъ районахъ. За дополнительную нарѣзку изъ казенныхъ и удѣльныхъ земель и за надѣленіе ими безземельныхъ крестьянъ высказался цѣлый рядъ комитетовъ (новомосковскій, устюженскій, бѣлозерскій, елецкій, лифляндскій, пермскій и др.) „Прирѣзка недостающей земли изъ сосѣднихъ не занятыхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей,—говоритъ г. Измайловъ,—была бы полезна не только для крестьянъ, но и для самой казны, такъ какъ это былъ бы самый простой и самый выгодный въ финансовомъ отношеніи способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ имуществъ, въ виду полученія казною отъ крестьянъ постояннаго оброка, взамѣнъ сдачи ихъ въ аренду, часто случайнымъ арендаторамъ, хищнически эксплуатирующимъ эти земли; при томъ исчезла бы необходимость въ спеціальномъ управленіи этими землями, что также доставило бы казнѣ значительныя сбереженія“. „Чтобы уплатить всѣ налоги,—читаемъ мы въ запискѣ кр. опочецкаго уѣзда К. Максимова,—крестьяне берутъ въ аренду землю у собственниковъ, думая что либо заработать, но такъ какъ арендная плата слишкомъ высокая, а урожаи стали плохи и не приносятъ того дохода, что за нее нужно платить, то приходится крестьянину находить заработокъ на сторонѣ, чтобы уплатить аренду, а потому, по моему мнѣнію, нужно бы ходатайствовать, чтобы лѣсныя и покосныя казенныя дачи отдавались крестьянамъ въ надѣлъ, конечно съ тѣмъ, чтобы взявшіе казенный надѣлъ уплачивали казнѣ повинности такъ же, какъ и крестьяне, надѣленные въ 1861 году, и этимъ казна не потерпитъ никакого ущерба, а, напротивъ, избавится отъ расхода, какъ, напримѣръ, найма лѣсныхъ сторожей и пр.“ Другіе комитеты и дѣятели проектировали въ этихъ же цѣляхъ облегченіе условій сдачи казенныхъ земель въ аренду. Наиболѣе сильныя жалобы на ненормальную постановку сдачи казенной и удѣльной земли мы находимъ въ трудахъ нѣкоторыхъ поволжскихъ комитетовъ. Въ интересахъ упорядоченія этого дѣла ставропольскій комитетъ (Самарской губ.) между прочимъ высказался за „желательность сдачи казенныхъ оброчныхъ участковъ наиболѣе нуждающимся

въ землѣ (надѣленнымъ т. н. нищенскими или дарственными надѣлами) на льготныхъ условіяхъ, преимущественно въ долгосрочную аренду, на правахъ поселенія и даже съ правомъ послѣдующаго выкупа отведенной земли". Комитетъ призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ „нежелательность слишкомъ формальнаго примѣненія контрактныхъ требованій" и, въ частности, рѣзко осудилъ принятый въ казнѣ и удѣлѣ обычай секвестровать весь хлѣбъ на участкѣ, въ случаѣ неуплаты въ срокъ арендной платы хотя бы однимъ лицомъ изъ группы мелкихъ арендаторовъ. Далѣе онъ призналъ желательнымъ, „чтобы въ казенномъ вѣдомствѣ при сдачѣ оброчныхъ участковъ, по аналогіи съ удѣлами, были отмѣнены торги, и чтобы какъ въ казенномъ, такъ и въ удѣльномъ вѣдомствахъ допускалось большее дробленіе участковъ въ цѣляхъ большаго доступа къ арендованію земли мелкимъ товариществамъ, образованіе которыхъ легче, чѣмъ крупныхъ". Камышинскій комитетъ находилъ, что казенная и удѣльная „земля должна сдаваться въ аренду только дѣйствительно занимающимся земледѣліемъ, а не перекупщикамъ. Предпочтеніе предъ частными лицами и товариществами, по его мнѣнію, должно отдаваться ближайшимъ сельскимъ обществамъ безъ требованія отъ нихъ залога", ибо сдача земли обществамъ „имѣетъ свои преимущества"; „главное изъ нихъ заключается въ томъ, что при такомъ порядкѣ въ число съемщиковъ попадаетъ и бѣднота, составляющая главную массу сельскихъ жителей". Какъ видно уже изъ этихъ немногихъ выписокъ, мѣстные дѣятели и въ данномъ случаѣ были озабочены, главнымъ образомъ, положеніемъ малоземельныхъ, неимущихъ группъ крестьянства.

Дополнительная нарѣзка казенной земли и льготная сдача ея въ аренду въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ можетъ имѣть во всякомъ случаѣ мѣстное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно ограниченное значеніе, такъ какъ не вездѣ эта земля имѣется въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ. Въ Елецкомъ, напримѣръ, уѣздѣ, какъ видно изъ записки члена уѣздной управы г. Цвиленева, пахатной земли имѣется у казны всего лишь 912 дес.; въ другихъ уѣздахъ и даже въ цѣлыхъ губерніяхъ такихъ земель нѣтъ вовсе. Что касается лѣсныхъ дачъ казны, то расчистка ихъ подъ покосъ и пашню далеко не всегда представляется цѣлесообразной. Нѣкоторые дѣятели находили даже желательнымъ, чтобы казна пріобрѣтала земли въ цѣляхъ обращенія ихъ подъ лѣсъ, которымъ и снабжала бы потомъ крестьянское населеніе. Для устраненія и даже для смягченія крестьянскаго малоземелья въ цѣломъ рядѣ мѣстностей необходимо, такимъ образомъ, обратиться къ землямъ частнаго владѣнія. Сознавая необходимость „прирѣзки" съ этой стороны, значительное число комитетовъ категорически высказалось за широкое государственное содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія частновладѣльческой земли кре-

стьянами. Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мѣстные дѣятели должны были, однако, считаться съ безусловно ненормальными отношеніями, какія успѣли сложиться у насъ въ сферѣ движенія земельной собственности. Частновладѣльческая земля,—какъ мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ статей,—давно уже „движется“ къ крестьянамъ, но движется черезчуръ медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ наростала и наростаетъ ихъ нужда въ ней. Самое движеніе происходитъ нерѣдко обходными путями и земля доходитъ къ крестьянамъ настолько обремененной платежами, что вмѣсто того, чтобы служить имъ средствомъ для приложенія свободнаго труда, является орудіемъ ихъ экономическаго порабощенія. Въ конечномъ счетѣ не хозяйственныя потребности земледѣльческаго населенія, а готовность и способность его платить дань правящимъ классамъ опредѣляютъ распредѣленіе частновладѣльческой земли по отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ. Мѣновой аппаратъ самъ по себѣ оказался при данныхъ условіяхъ крайне несовершеннымъ регуляторомъ земельныхъ отношеній. Считая необходимымъ опереться на него въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные дѣятели считали необходимымъ указать болѣе или менѣе существенные коррективы къ нему.

Нѣкоторые полагали, повидимому, достаточнымъ измѣнить для этого лишь организацію и условія дѣятельности крестьянскаго банка. „Есть законъ,—говоритъ въ своей запискѣ членъ симбирскаго комитета А. П. Андреяновъ,—на основаніи котораго крестьяне могутъ пріобрѣтать землю при посредствѣ крестьянскаго поземельнаго банка съ извѣстною доплатою. Къ сожалѣнію, крестьяне мало пользуются этимъ закономъ и случаи покупки рѣдки,—развѣ только гдѣ найдется добрый человѣкъ въ лицѣ земскаго начальника, который поможетъ крестьянамъ устроить это дѣло. Недостатки въ этомъ, очень важномъ для крестьянъ, дѣлѣ заключаются въ томъ, что они плохо знакомы съ этимъ закономъ, а затѣмъ—разныя формальности, которыми обставлена такая покупка...“ Гродненскій комитетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ въ дѣятельности банка также видѣлъ въ излишнихъ формальностяхъ и чрезмѣрной централизаціи всего дѣла. „Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ государства,—говоритъ въ своей запискѣ г. Измайловъ,—было бы весьма полезно установленіе прямой связи правительственныхъ органовъ, въ данномъ случаѣ крестьянскаго банка, съ земствами, путемъ уполномочія уѣздныхъ земствъ, стоящихъ гораздо ближе къ населенію, чѣмъ отдѣленія банка, на совершеніе всѣхъ подготовительныхъ для полученія ссуды переговоровъ и дѣйствій — пріемъ заявленій, осмотры и оцѣнки земли, опредѣленіе степени соотвѣтствія и необходимости извѣстнаго участка земли данному обществу и т. п.; пользованіе услугами банка явилось бы болѣе доступнымъ для населенія и обошлось

бы ему дешевле, еслибы посредничество между банкомъ и покупщиками было предоставлено земству; только въ послѣднемъ случаѣ явилась бы возможность значительно упростить различныя формальности по выдачѣ ссудъ, которыя ставятъ въ большое затрудненіе обычно неграмотныхъ кліентовъ банка".

Еще большее значеніе мѣстные дѣятели придавали другимъ сторонамъ въ дѣятельности крестьянскаго банка. Особенно рѣзкое осужденіе вызвала въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ система доплатъ. „Крестьянскій банкъ,—говорилъ въ гродненскомъ комитетѣ г. Семеновъ, — преслѣдуя цѣль воспособленія крестьянамъ по покупкѣ земли, тѣмъ способствуетъ государственной задачѣ устраненія кризиса, происходящаго отъ крестьянскаго малоземелья, но эта ясно опредѣленная тенденція крестьянскаго банка недостаточно достигаетъ своей цѣли, такъ какъ на практикѣ, благодаря необходимости доплатъ изъ личныхъ средствъ покупщиковъ земли, сверхъ опредѣляемой банкомъ ссуды, участниками земельныхъ сдѣлокъ при покупкѣ земли съ содѣйствіемъ банка являются болѣе зажиточные крестьяне, а бѣдняки, не имѣя средствъ къ доплатѣ, остаются въ пассивномъ состояніи по отношенію къ дѣятельности и помощи крестьянскаго банка, которая ихъ почти не задѣваетъ." „Требованіе доплаты,—говоритъ по тому же поводу въ своей запискѣ ярославская губернская земская управа,—идетъ въ разрѣзъ съ интересами самого банка, потому что для того, чтобы собрать необходимыя для доплаты средства, крестьяне продаютъ скотъ и инвентарь и тѣмъ лишаются оборотнаго капитала, безъ котораго нѣтъ рѣшительно никакой возможности вести хозяйство, да еще въ увеличенномъ масштабѣ, на участкѣ, пріобрѣтенномъ при помощи банка. Въ результатѣ крестьяне не въ силахъ разработать и привести въ надлежащее культурное состояніе купленный участокъ, доходность котораго не достигаетъ возможной высоты, и крестьяне легко могутъ оказаться несостоятельными плательщиками." „Доплаты—читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской земской управы,—представляютъ большое зло. Во-первыхъ, доплаты эти ведутъ къ значительному неравенству въ распредѣленіи между крестьянами, участвующими въ покупкѣ, купленной при помощи банка, земли; при различной степени зажиточности покупщиковъ, одинъ вноситъ на эту доплату больше, другой меньше; кто внесъ больше, тотъ считаетъ за собою право на большее количество земли и, дѣйствительно, въ виду трудности для крестьянъ внести требуемую банкомъ доплату, купленная земля распредѣляется между домохозяевами не поровну, а именно въ соотвѣтствіи съ величиною взноса каждаго домохозяина наличными для доплаты. Во вторыхъ, очень часто крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами,

при которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостоянія покупщиковъ банка, а напротивъ ведетъ ихъ къ неизбѣжному разоренію: такъ, одни продаютъ скотъ, лишая себя необходимаго орудія обработки земли; другіе дѣлаютъ займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ деревенскихъ кулаковъ, на самыхъ отяготительныхъ, а иногда прямо разорительныхъ условіяхъ. Въ третьихъ, въ первое время по пріобрѣтеніи земли крестьяне принуждены дѣлать истощающіе землю каждогодніе посѣвы, отступая даже отъ общепринятой трехпольной системы, все же представляющей извѣстную правильность и обезпечивающей естественное возстановленіе плодородія почвы, съ цѣлью возможно скорѣйшаго и возможно большаго извлеченія изъ купленной земли денежныхъ средствъ на покрытіе произведенной доплаты." По тѣмъ же соображеніямъ и, главное, въ видахъ предоставленія возможности участвовать въ покупкѣ земли бѣднѣйшимъ слоямъ крестьянскаго населенія, за отмѣну доплатъ высказался цѣлый рядъ другихъ дѣятелей и комитетовъ (камышинскій, елецкій, лебедянскій, хоперскій, ярославскій, симбирскій у., сызранскій, смоленскій и т. д.).

На ряду съ отмѣной доплатъ, многіе мѣстные дѣятели считали необходимымъ понизить взимаемый крестьянскимъ банкомъ процентъ роста и погашенія по выдаваемымъ имъ ссудамъ, а также предоставить заемщикамъ возможныя льготы по уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ платежей „Процентъ по займу,—говорятъ въ своей запискѣ земскіе дѣятели московской губ.,—крестьяне уплачиваютъ болѣе высокій, нежели въ дворянскомъ банкѣ, а между тѣмъ, если этотъ процентъ пониженъ для земель, закладываемыхъ въ дворянскомъ банкѣ. то очевидно, что само правительство считаетъ размѣръ его, платимый въ крестьянскій банкъ, обременительнымъ для заемщиковъ; пониженіе процента по ссудамъ, выдаваемымъ изъ крестьянскаго банка, является требованіемъ простой справедливости." Ярославская губернская управа также признала необходимымъ пониженіе процента „по крайней мѣрѣ до размѣровъ того же процента, взимаемаго съ заемщиковъ дворянскаго банка." Боровичскій комитетъ находилъ желательнымъ, чтобы банкъ взималъ по всѣмъ ссудамъ не болѣе 5%. Коммиссія смоленскаго комитета полагала необходимымъ, чтобы „въ первые 5 лѣтъ послѣ пріобрѣтенія земли платежи банку были по возможности уменьшены, такъ какъ въ эти годы крестьянамъ приходится усиленно затрачивать средства на покупку живого хозяйственнаго инвентаря и на разработку земли."

Облегченіе формальныхъ условій пользованія банковскимъ кредитомъ, отмѣна доплатъ и пониженіе процентовъ по займамъ—таковы наиболѣе часто предлагавшіяся въ комитетахъ и почти не встрѣчавшія въ нихъ возраженій мѣры въ интересахъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческой земли.

Не трудно, однако, понять, что сами по себѣ эти мѣры безсильны измѣнить характеръ мѣновыхъ отношеній, какія сложились въ сферѣ движенія поземельной собственности. Въ случаѣ осуществленія ихъ размѣры и условія этого движенія по прежнему опредѣлялись бы „добровольнымъ“ соглашеніемъ далеко неравносильныхъ въ соціальномъ отношеніи сторонъ. Частный землевладѣлецъ, пользуясь свободой выбора, по прежнему прибѣгалъ бы къ продажѣ земли въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда эта операція представлялась бы ему болѣе выгодной, чѣмъ иныя формы эксплуатаціи крестьянской земельной нужды. Крестьянинъ, поставленный въ положеніе подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора, по прежнему соглашался бы на всѣ условія, какія диктовались бы ему земельными спекулянтами. Добровольныя по имени сдѣлки по существу имѣли бы все тотъ же, несомнѣнно вынужденный для одной изъ сторонъ, характеръ.

Указанныя мѣры не только безсильны улучшить положеніе крестьянъ на земельномъ рынкѣ, но и могутъ значительно ухудшить его. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что болѣе льготныя условія выдачи ссудъ, установленныя новымъ уставомъ крестьянскаго банка, сопровождались замѣтнымъ усиленіемъ земельной спекуляціи. Бюро елецкаго комитета считаетъ даже крестьянскій банкъ главнымъ виновникомъ того „бѣшенаго ажіотажа земельной спекуляціи“, какой замѣчается въ послѣднее время. „Чрезвычайная нужда крестьянъ въ землѣ и отсутствіе у крестьянъ способности перспективнаго разсчета заставляютъ ихъ,—говоритъ оно,—соглашаться на *всякія*, нисколько *не оправдываемыя доходностью земли, цѣны*, лишь бы только имъ не приходилось много доплачивать наличными деньгами. Органы крестьянскаго банка часто предупредительно соглашаются въ такихъ случаяхъ на самыя высокія оцѣнки и выдаютъ ссуды въ высшемъ установленномъ закономъ размѣрѣ по отношенію къ покупной цѣнѣ. Этою ролью банка пользуются весьма часто ловкіе спекулянты, скупающіе землю у частныхъ владѣльцевъ и затѣмъ перепродающіе ее крестьянамъ по возвышенной цѣнѣ. Пользуются этимъ и частные ипотечные банки, которые, вслѣдствіе ограниченія закономъ ссудныхъ операцій подъ городскія имущества, обратили усиленное вниманіе на не-городскія земли и выдаютъ весьма высокія ссуды такимъ спекулянтамъ въ успокоительной увѣренности, что ссуды будутъ исправно и скоро погашены при посредствѣ государственнаго крестьянскаго банка... Такимъ образомъ крестьянскій банкъ изъ учрежденія, призваннаго приходить на помощь малоземельнымъ крестьянамъ, превращается часто въ пособника биржевой спекуляціи“... Это мнѣніе отнюдь нельзя считать единичнымъ. Само собой понятно, что новыя кредитныя льготы, которыя были бы предоставлены крестьянамъ, легко могутъ сказаться новымъ подъемомъ цѣнъ на землю. Чѣмъ больше будутъ

выдаваемыя банкомъ ссуды, тѣмъ шире для частныхъ землевладѣльцевъ будетъ возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства.

Говоря объ этихъ перспективахъ, не лишне будетъ отмѣтить, что нѣкоторые мѣстные дѣятели, предлагая отмѣнить доплаты, настаивали вмѣстѣ съ тѣмъ на повышеніи банковскихъ оцѣнокъ. Такъ, гродненскіе дѣятели, высказываясь за „предоставленіе окончательнаго утвержденія сдѣлокъ по покупкѣ земли компетенціи мѣстныхъ отдѣленій“, не скрывали, что такимъ путемъ имъ хотѣлось бы предотвратить на будущее время случаи, когда центральное управленіе банка признаетъ „сдѣлку для крестьянъ невыгодной и по цѣнѣ преувеличенной“. Бѣлозерскій комитетъ также находилъ, что „назначенныя крестьянами цѣны за покупаемыя земли на основаніи существующихъ условій не должны безъ всякихъ для этого основаній служить препятствіемъ къ выдачѣ ссудъ, что нерѣдко происходитъ теперь“. Основная мысль въ этомъ постановленіи несомнѣнно та же, что и въ предыдущемъ: члены бѣлозерскаго комитета тоже желаютъ, чтобы „преувеличенныя цѣны“ не служили препятствіемъ къ утвержденію сдѣлокъ. Чтобы облагородить это пожеланіе, они не прочь, съ одной стороны, снаивничать, увѣривъ себя и другихъ, что цѣны на землю будто бы „назначаются“ крестьянами, а съ другой—воспользоваться дипломатической уловкой, употребивъ такое ничего не говорящее выраженіе, какимъ являются въ данномъ случаѣ слова: „безъ всякихъ основаній“. Еще опредѣленнѣе высказалась на этотъ счетъ коммиссія смоленскаго комитета. „Для предоставленія крестьянамъ возможности пріобрѣтать отрѣзныя земли, необходимо, по ея мнѣнію, чтобы при оцѣнкѣ ихъ банкомъ принималась въ соображеніе степень нужды крестьянъ въ покупаемой землѣ“. Эти недвусмысленныя пожеланія, чтобы банкъ не стѣснялъ крестьянъ въ „назначеніи“ цѣнъ на землю и самъ опредѣлялъ ихъ „степенью нужды“ крестьянъ въ покупаемой ими землѣ—достаточно характерны. Они вскрываютъ истинный смыслъ того трогательнаго на первый взглядъ согласія по вопросу о кредитныхъ льготахъ крестьянамъ, какое наблюдалось въ комитетахъ между лицами самыхъ различныхъ направленій. Понимая необходимость поступиться частью своихъ земель, нѣкоторые землевладѣльцы, очевидно, желали бы возможно дороже продать свое „неприкосновенное право“ на нихъ и такимъ путемъ учесть въ свою пользу возможно большую долю будущихъ доходовъ крестьянскаго хозяйства.

Желая во что бы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ рентные доходы и сознавая въ то же время необходимость и неизбѣжность тѣхъ или иныхъ мѣръ въ цѣляхъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, нѣкоторые мѣстные дѣятели пытались

найти и другія, безубыточныя и даже выгодныя для помѣстнаго сословія, формы государственнаго вмѣшательства въ сферу аграрныхъ отношеній. Значительный въ этомъ случаѣ интересъ представляетъ выдвинутый нѣкоторыми комитетами проектъ государственнаго посредничества въ дѣлѣ арендованія помѣщичьихъ земель крестьянами. Такъ оренбургскій губернскій комитетъ, констатировавъ фактъ ненормальности существующей у насъ постановки дѣла земельной аренды, пришелъ къ заключенію, „что урегулировать это дѣло можетъ только правительство, становясь посредникомъ между землевладѣльцемъ и нуждающимся въ землѣ крестьяниномъ-землепашцемъ". „Такая дѣятельность, по мнѣнію комитета, не вызывала бы даже необходимости въ учрежденіи особаго органа". Для этого необходимо только, чтобы „крестьянскій банкъ принялъ на себя гарантію въ полученіи владѣльцемъ арендной платы, выдаваемой ему мѣстнымъ отдѣленіемъ банка въ установленные контрактомъ сроки". Что касается самыхъ арендныхъ платежей, то таковые должны взыскиваться банкомъ съ крестьянъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для взысканія выдаваемыхъ имъ ссудъ. Въ Оренбургѣ этотъ проектъ не только былъ единогласно одобренъ, но и получилъ детальную разработку въ формѣ правилъ, пятнадцатый параграфъ которыхъ предусматриваетъ, „что въ составъ отдѣленій крестьянскаго банка при разсмотрѣніи арендныхъ сдѣлокъ входитъ представитель отъ мѣстнаго землевладѣнія". Иниціаторъ этого проекта, г. Бялоблоцкій въ особомъ докладѣ *), внесенномъ имъ въ оренбургское общество сельскаго хозяйства, подробно излагаетъ и тѣ соображенія, которыми онъ руководился въ данномъ случаѣ. Въ ряду этихъ соображеній особый интересъ представляютъ обѣщанія многочисленныхъ благъ, какія извлекутъ представители помѣстнаго сословія отъ государственнаго посредничества.

„Правительственное посредничество въ дѣлѣ крестьянской аренды,—говоритъ г. Бялоблоцкій,—практикуясь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, принимая даже характеръ содѣйствія распространенію этой аренды, не только не можетъ вызывать явленій, нежелательныхъ въ общегосударственномъ смыслѣ, но, напротивъ, будетъ способствовать установленію прочныхъ цѣнъ на землю, замедляя мобилизацію земельной собственности, а для дворянскаго землевладѣнія составитъ надежнѣйшій оплотъ". „Весьма много дворянскихъ имѣній,—говоритъ онъ далѣе,—проданы лишь потому, что владѣльцы ихъ состоя на государственной или общественной службѣ, дающей имъ средства, къ жизни, не имѣли возможности лично вести хозяйство въ своихъ имѣніяхъ; хозяйничанье посредствомъ управителей или приказчиковъ оказывалось невыгоднымъ, благонадежнаго крупнаго съемщика имѣнія не находилось, а сдача въ аренду крестьянамъ представлялась слишкомъ рискованной". Необходимо поэтому дать такимъ землевладѣльцамъ „возможность сдать землю въ аренду крестьянамъ и обезпечить себѣ исправное полученіе аренд-

*) И. Бялоблоцкій. Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренбургъ, 1903 г.

ной платы правительственною гарантіею, что устранитъ необходимость продажи имѣнія. Связь служащаго дворянства съ землею будетъ такимъ образомъ сохранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечена ему возможность вернуться на свою землю при измѣнившихся обстоятельствахъ служебной карьеры".

„Но правительственное посредничество въ предлагаемой формѣ, — продолжаетъ г. Бялоблоцкій,—окажется выгоднымъ не только для владѣльцевъ, не живущихъ въ имѣніяхъ и сдающихъ таковыя въ полномъ составѣ въ аренду; воспользуются имъ съ выгодою и владѣльцы имѣній, ведущіе смѣшанное хозяйство, при которомъ часть лишь имѣнія сдается крестьянамъ. Эта категорія землевладѣльцевъ, весьма многочисленная, получитъ возможность изъ гарантированной крестьянской аренды образовать статью вѣрнаго и не колеблющагося дохода, что будетъ способствовать устойчивости доходнаго бюджета хозяйства, столь необходимой въ имѣніяхъ задолженныхъ и обремененныхъ срочными банковскими платежами".

„Наконецъ, къ выгодамъ землевладѣльцевъ, обращающихся къ правительственному посредничеству между ними и арендаторами ихъ земли—крестьянами, нужно причислить и то, что посредничество это оградитъ владѣльцевъ отъ многихъ непріятныхъ столкновеній съ крестьянами, возникающихъ на почвѣ арендныхъ сдѣлокъ и, какъ извѣстно, сильно обостряющихъ нынѣ взаимныя ихъ отношенія".

Въ томъ, что крестьяне, за правительственною гарантіею, будутъ однимъ землевладѣльцамъ выплачивать дополнительное содержаніе къ тому жалованью, которое они получаютъ за „государственную и общественную службу, дающую имъ средства къ жизни", въ случаѣ же неудачи ихъ „служебной карьеры" такую же гарантированную пенсію, а для другихъ землевладѣльцевъ составятъ „статью вѣрнаго и неколеблющагося дохода",—г. Бялоблоцкій съ „общегосударственной" точки зрѣнія ничего „нежелательнаго", конечно, не видитъ. Напротивъ, именно этимъ онъ больше всего и озабоченъ, тѣмъ болѣе, что землевладѣльцамъ интересующей его категоріи, „традиціонно привыкшимъ и нынѣ призываемымъ къ заботамъ о народномъ благосостояніи", по его словамъ, „практика земельнаго кулачества вообще не удается".

Правда, г. Бялоблоцкій сулитъ еще болѣе многочисленныя блага, въ случаѣ осуществленія его проекта, и крестьянамъ. Такъ, онъ обѣщаетъ, что „совершенное устраненіе риска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надобности прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ обезпеченія взноса арендныхъ платежей, къ мѣрамъ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ и непріятно, и сопряжено съ немалыми расходами, и даже не всегда безопасно, побудитъ владѣльцевъ, заключающихъ арендныя сдѣлки при посредничествѣ правительства, взамѣнъ получаемой гарантіи дѣлать значительныя уступки въ размѣрѣ арендной платы противъ установившихся нынѣ ея размѣровъ". Если не считать этой наивной надежды на то, что будто бы гарантія вѣрнаго дохода и безопасности „побудитъ" землевладѣльцевъ къ уступкамъ, то всѣ посулы г. Бялоблоцкаго сводятся въ конечномъ счетѣ къ обѣщанію облагодѣтельствовать крестьянъ за счетъ „барышей пересдатчиковъ земли". Что касается самихъ землевладѣльцевъ, то они могутъ быть спокойны. „Какъ бы

арендная плата ни понизилась, это ни въ какомъ случаѣ,—говоритъ г. Бялоблоцкій, -- не можетъ коснуться земельной ренты, которая, несомнѣнно, останется на очень высокомъ уровнѣ и будетъ оставаться на немъ до тѣхъ поръ, пока подъемъ интесивности крестьянскаго хозяйства не умѣритъ потребности его въ земельномъ просторѣ. А это, очевидно, можетъ случиться не скоро. Въ ближайшемъ же будущемъ, напротивъ того, слѣдуетъ ожидать усиленія земельной нужды крестьянскаго хозяйства"...

Едва ли нужно говорить, однако, что пока эта нужда остается, никакихъ благъ и ни за чей счетъ отъ проектированнаго г. Бялоблоцкимъ посредничества крестьяне не получатъ. Даже „барыши пересдатчиковъ" достанутся тѣмъ же землевладѣльцамъ въ качествѣ „вѣрнаго и не колеблющагося дохода". Это слишкомъ очевидно и напрасно поэтому г. Бялоблоцкій прикрываетъ свой проектъ авторитетомъ Н. А. Карышева съ его „Внѣнадѣльными арендами". Когда послѣдній, указывая на необходимость правительственнаго вмѣшательства въ область нашихъ арендныхъ отношеній, писалъ, что оно „вполнѣ своевременно и что размѣры его должны не уступать по энергіи и широтѣ размѣрамъ нуждъ многомилліонной массы русскаго земледѣльческаго населенія", то, несомнѣнно, онъ имѣлъ въ виду не это, выдвинутое теперь нѣкоторыми комитетами „посредничество". Послѣднее пригодно только для того, чтобы землевладѣльцевъ превратить въ гарантированныхъ рентьеровъ, а крестьянамъ предоставить хорошо извѣстныя имъ блага принудительнаго и безспорнаго взысканія платежей, какими ихъ съумѣютъ обложить землевладѣльцы.

IV.

Не всѣ, конечно, комитеты, высказывавшіеся за государственное вмѣшательство въ сферу земельныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, имѣли въ виду создать такимъ путемъ „надежнѣйшій оплотъ" для крупныхъ землевладѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, обезпечить имъ возможно выгодную реализацію ихъ „неприкосновеннаго права". Большинство мѣстныхъ дѣятелей, какъ можно думать, вполнѣ искренно и добросовѣстно старалось найти въ этомъ направленіи тѣ средства, которыми можно было бы упорядочить мѣновыя сдѣлки на землю и облегчить земельную нужду крестьянскаго населенія. И если многіе изъ нихъ останавливались на такихъ палліативахъ, какъ кредитныя льготы или благожелательное для обѣихъ сторонъ посредничество, то въ этомъ нельзя не видѣть, насколько еще „не додумана" въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ безспорно демократическая въ другихъ отношеніяхъ программа. Несомнѣнно однако, что общественная мысль, по скольку таковая сказалась даже въ комитетскихъ проектахъ, не

удовлетворяется уже этими палліативами и настойчиво ищетъ другихъ, болѣе надежныхъ средствъ для излѣченія нашихъ аграрныхъ недуговъ. Просматривая труды комитетовъ, мы видимъ, что многіе мѣстные дѣятели,—правда, въ большинствѣ случаевъ робко и неувѣренно,—высказались за необходимость болѣе активнаго и болѣе рѣшительнаго вмѣшательства государственной власти въ сферу аграрныхъ отношеній въ цѣляхъ какъ увеличенія количества переходящей къ крестьянамъ земли, такъ и облегченія условій на которыхъ она имъ достается.

Въ поискахъ формъ для такого вмѣшательства мѣстные люди склонны были, конечно, цѣпляться за то, что имѣется по этой части въ жизни, хотя бы и въ зачаточномъ видѣ. Такъ цѣлый рядъ дѣятелей и комитетовъ (боровичскій, бѣлозерскій, новомосковскій, елецкій, хоперскій, суджанскій и др.) высказался за покупку владѣльческихъ земель государствомъ и, въ частности, крестьянскимъ банкомъ для передачи ихъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ (т. е. на купчемъ правѣ, на правѣ аренды или надѣла) крестьянамъ. Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мѣстные дѣятели полагали, что государство, въ качествѣ покупателя, съумѣетъ занять на земельномъ рынкѣ несравненно лучшую позицію, чѣмъ какая доступна теперь крестьянамъ. Такъ, московскіе земскіе дѣятели въ своей запискѣ, внесенной въ губернскій комитетъ, указавъ на то, что „нужда крестьянъ въ землѣ сильно подняла цѣны на землю, не оправдываемыя ея доходностью, и вызвала спекулятивныя покупки ея, съ цѣлью дальнѣйшей перепродажи земля крестьянамъ“, находятъ необходимымъ, чтобы крестьянскій банкъ возможно шире пользовался своимъ правомъ „являться самостоятельнымъ пріобрѣтателемъ земли“, при чемъ, по мнѣнію лицъ, подписавшихъ записку, — онъ долженъ „оставаться собственникомъ ея и отдавать въ безсрочное пользованіе крестьянскимъ обществамъ“. Бюро елецкаго комитета также полагало, что „наиболѣе желательнымъ образомъ дѣйствій крестьянскаго банка было бы развитіе покупки земель за свой счетъ и продажа ея затѣмъ крестьянскимъ обществамъ. Такой способъ, предусмотрѣнный уставомъ крестьянскаго банка, по мнѣнію елецкихъ дѣятелей, естественно заставилъ бы банкъ интересоваться дѣйствительною стоимостью покупаемой земли“ и онъ пересталъ бы, благодаря этому, служить „пособникомъ биржевой спекуляціи“. Авторъ одного изъ докладовъ, внесенныхъ въ каменецъ-подольскій губернскій комитетъ, полагалъ, что „дѣятельность банка, именуемаго нынѣ крестьянскимъ, слѣдуетъ коренным образомъ реорганизовать. Банкъ этотъ долженъ покупать имѣнія съ торговъ и съ вольной руки въ собственность государства“. Пріобрѣтенныя банкомъ имѣнія, по мнѣнію докладчика, должны быть раздѣляемы затѣмъ на мелкіе участки, каковые и должны быть сдаваемы на

правахъ вѣчной аренды нуждающимся въ землѣ, съ обязательствомъ вести на нихъ трудовое хозяйство *). Новомосковскій комитетъ призналъ необходимымъ „расширеніе операцій государственнаго поземельнаго банка по пріобрѣтенію земель для надѣленія малоземельныхъ хозяевъ на льготныхъ условіяхъ, напримѣръ, по образцу рентныхъ имѣній, практикуемыхъ германскимъ правительствомъ въ восточныхъ провинціяхъ". Настаивая на „необходимости, по возможности, всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ и другихъ занимающихся земледѣліемъ надѣлить въ достаточномъ количествѣ землею", предсѣдатель нижегородской уѣздной управы г. Остафьевъ указывалъ въ своей запискѣ, что для этого „государство можетъ оставить за собою всѣ земли, остающіяся за земельными банками, и кромѣ того скупать земли отъ частныхъ владѣльцевъ, которые охотно продадутъ свои земли за маломальски подходящую цѣну, и образовать такимъ образомъ земельный фондъ, изъ котораго уже будетъ возможно надѣлять землею на льготныхъ финансовыхъ условіяхъ земледѣльцевъ, придерживаясь принципа, что собственникомъ земли долженъ быть тотъ, кто ее воздѣлываетъ".

Едва ли однако можно раздѣлять эту увѣренность г. Остафьева, что въ случаѣ пріобрѣтенія земли государствомъ владѣльцы „охотно" продадутъ ее. Во всякомъ случаѣ многіе мѣстные дѣятели понимали, что пока этотъ вопросъ будетъ предоставленъ добровольному соглашенію между государствомъ и помѣщиками, мобилизація будетъ идти туго или же за землю придется платить такія „мало-мальски подходящія цѣны", которыя будутъ ничѣмъ не лучше теперешнихъ „голодныхъ", какъ ихъ назвалъ балашовскій комитетъ. Само собою поэтому напрашивалась мысль о необходимости тѣхъ или иныхъ мѣръ воздѣйствія на частныхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ ускоренія и облегченія необходимой съ государственной точки зрѣнія операціи. Бѣлозерскіе дѣятели, повидимому, испугались этой мысли и нашли необходимымъ включить въ свое постановленіе оговорку, что пріобрѣтеніе земли у частныхъ владѣльцевъ должно происходить, „конечно, съ ихъ согласія". Бюро елецкаго комитета полагало за лучшее обойти этотъ щекотливый вопросъ. Указавъ на положеніе крестьянъ, получившихъ такъ называемые сиротскіе или дарственные надѣлы, оно нашло, что „недавнія печальныя событія въ Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерніяхъ заставляютъ серьезно подумать о примѣненіи къ такимъ малоземельнымъ крестьянамъ государственной прирѣзки надѣловъ". Однако, вопросъ о томъ, „какимъ образомъ должна быть осуществлена эта мѣра—путемъ

*) Русскія Вѣдомости, 8 іюля 1903 г.

ли обязательнаго отчужденія сосѣдней земли и передачей ея въ пользованіе крестьянъ, или какимъ-нибудь инымъ способомъ", бюро не нашло возможнымъ предрѣшать и полагало необходимымъ установить лишь „необходимость увеличенія въ законодательномъ порядкѣ надѣловъ крестьянъ, обдѣленныхъ въ 1861 г." Предсѣдатель рузскаго комитета П. Д. Долгоруковъ, высказываясь лично противъ обязательнаго государственнаго выкупа, также находилъ, что „вопросъ о мѣрахъ для удовлетворенія крестьянъ землею не слѣдовало бы обсуждать въ комитетѣ". Мензелинскій комитетъ, признавъ необходимымъ, чтобы „надѣлы были доведены до нормы въ 8 дес. на дворъ, состоящій изъ одной семейной пары, такъ какъ только при такихъ хозяйственныхъ участкахъ возможно будетъ прокормленіе семьи и содержаніе въ хозяйствѣ необходимаго живого и мертваго инвентаря", также благоразумно умолчалъ, откуда должны быть взяты необходимыя для этого земли. Г. Маллѣевъ полагалъ, повидимому, достаточнымъ въ указанныхъ выше цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія и предложилъ въ пермскомъ уѣздномъ комитетѣ „просить помѣщиковъ часть своихъ земель уступить крестьянамъ" Послѣдовавшія по этому предложенію пренія немедленно выяснили однако всю его утопичность.

Предсѣдатель совѣщанія М. Д. Брудинскій возразилъ, что нельзя заставить крупныхъ землевладѣльцевъ продавать землю, и они на это не согласятся. Въ доказательство своего мнѣнія онъ указывалъ на дороговизну дровъ въ Перми, не смотря на то, что она вся окружена лѣсами. Лѣса эти принадлежатъ крупнымъ владѣльцамъ, и они ограничиваются только извѣстной ежегодной вырубкой. Это уже отчасти указываетъ на то, что они едва ли будутъ согласны уступать свои земли.

Г. Десятовъ подтверждая мнѣніе предсѣдателя, привелъ въ примѣръ крестьянскій поземельный банкъ, который принужденъ былъ прекратить свои функціи, исключительно благодаря тому, что населеніе не имѣло возможности пріобрѣтать земли у владѣльцевъ, такъ какъ послѣдніе отказывались продавать *).

Какъ бы то ни было, нашлись во всякомъ случаѣ дѣятели, которые не только „додумали", но и „досказали", хотя бы въ части ея, нехитрую саму по себѣ мысль о необходимости въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ правовыхъ нормъ. Такъ бюро елецкаго комитета, обсуждая вопросъ объ арендѣ, проявило больше рѣшительности и признало необходимымъ „обязательный выкупъ тѣхъ земель, которыя безусловно необходимы крестьянамъ въ ихъ хозяйствѣ и въ то же время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльца, каковы такъ называемыя „отрѣзныя" земли, прогоны, разные „клинья" и т. п. участки и клочки, безъ арендованія которыхъ крестьяне не въ состояніи обойтись". При

*) Цитирую по отчету, который былъ помѣщенъ въ „Пермскомъ Краѣ".

особомъ мнѣніи по этому вопросу въ елецкомъ комитетѣ остался лишь одинъ г. Полѣновъ. Предсѣдатель рузской уѣздной земской управы г. Цыбульскій также находилъ „безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа“. Хотя рузскій комитетъ, по предложенію своего предсѣдателя, уклонился отъ обсужденія этого предложенія, однако по другому вопросу—для устраненія черезполосицы, происшедшей при надѣленіи крестьянъ въ 1861 г.,—долженъ былъ всетаки допустить элементъ принужденія въ сферу аграрныхъ мѣропріятій. Г. Заремба въ запискѣ, внесенной въ опочецкій комитетъ, для тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ быть удовлетворены путемъ переселенія или нарѣзки земли изъ казенныхъ дачъ, рекомендовалъ надѣленіе при посредствѣ „обязательнаго выкупа у мѣстныхъ владѣльцевъ“. Камышинскій комитетъ также находилъ „возможнымъ, чтобы для *исключительныхъ* случаевъ закономъ была допущена возможность экспропріаціи земли отдѣльными участками, съ особаго на каждый разъ разрѣшенія высшей власти и *при полномъ возмѣщеніи покупателями денежной стоимости земли*, на подобіе того, какъ это установлено въ нашемъ законодательствѣ относительно земель, отходящихъ въ пользу предпріятій, имѣющихъ общегосударственное значеніе“.

Для той среды, изъ которой вышли, главнымъ образомъ, дѣятели сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, уже мысль о томъ, чтобы нѣкоторыя необходимыя крестьянамъ земли признать имѣющими „общегосударственное значеніе“, приходится считать знаменательной. Насколько трудно мѣстнымъ людямъ данной категоріи освоиться съ этою мыслью, видно и изъ той нерѣшительности, съ какой они относились къ вопросу объ обязательномъ выкупѣ, и изъ тѣхъ многочисленныхъ оговорокъ, какія они дѣлали, когда имъ приходилось признавать его неизбѣжность. Поэтому же и допускать его они были склонны только въ „исключительныхъ случаяхъ“ и лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые необходимы для исправленія „историческихъ ошибокъ“, допущенныхъ при первоначальномъ надѣленіи крестьянъ. Постановленіе елецкаго комитета въ этомъ отношеніи представляется наиболѣе опредѣленнымъ и наиболѣе характернымъ и на немъ не лишне будетъ нѣсколько остановится, тѣмъ болѣе, что „отрѣзки“ въ намѣченныхъ елецкими дѣятелями размѣрахъ, встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ другой общественной программѣ, отъ которой, казалось бы, можно было ожидать гораздо большей рѣшительности.

Мысль о томъ, что отчужденіемъ и передачей крестьянамъ „отрѣзковъ“ можно уврачевать наши аграрныя затрудненія опирается, насколько я знаю, на слѣдующія соображенія. Въ сельско-хозяйственномъ производствѣ у насъ до сихъ поръ сохранились въ значительной своей части крѣпостныя отношенія. Въ

наглядной формѣ они даютъ о себѣ знать въ видѣ отработковъ, натуральныхъ арендъ и т. п. Крестьяне находятся въ зависимости отъ помѣщика и вынуждены за землю къ подневольной на него работѣ; хозяйство послѣдняго неизбѣжно при такихъ условіяхъ имѣетъ кабальный характеръ. Крестьяне лишены возможности развить свою предпріимчивость, такъ какъ всѣ возможные избытки утекаютъ изъ ихъ рукъ. Съ другой стороны, помѣщикъ не можетъ перейти къ болѣе совершеннымъ и интенсивнымъ формамъ хозяйства, такъ какъ наличность дешеваго рабочаго на рынкѣ дѣлаетъ невыгоднымъ введеніе машинъ и другихъ усовершенствованій. Причина же, почему крѣпостныя отношенія уцѣлѣли послѣ реформы и сохранились до сихъ поръ, заключается именно въ томъ, что у крестьянъ при освобожденіи были отрѣзаны необходимыя имъ земли. Стоитъ лишь вернуть крестьянамъ эти земли и цѣпь крѣпостныхъ отношеній окончательно порвется: и крестьянское, и помѣщичье хозяйства получатъ, наконецъ, дѣйствительную экономическую свободу, которая необходима имъ для преуспѣянія въ рамкахъ капиталистическаго строя. Для помѣщиковъ, конечно, будетъ тяжело лишиться этихъ „отрѣзковъ“, составляющихъ видную часть ихъ теперешняго дохода. Но въ конечномъ счетѣ эта операція, несомнѣнно, будетъ благодѣтельна для нихъ такъ же, какъ бываетъ благодѣтельна ампутація гангренознаго члена.

Я думаю, что можно и даже должно согласиться съ діагнозомъ нашего основного народно-хозяйственнаго недуга, какой мы находимъ въ этихъ разсужденіяхъ. Анализируя причины угнетеннаго состоянія русской сельско-хозяйственной промышленности, мы убѣдились, что въ основѣ ихъ лежитъ сознательно созданная при освобожденіи земельная зависимость крестьянина, сразу поставившая его въ положеніе подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Мнѣ пришлось говорить и о той роли, какую сыграли „отрѣзки“ въ этомъ пореформенномъ закрѣпощеніи крестьянина. Было бы, однако, слишкомъ опрометчиво думать, что „отрѣзки“, какъ ихъ понимаютъ елецкіе дѣятели или вдохновившіе ихъ „ученики“, были въ свое время единственною и до сихъ поръ остаются главною причиною живучести „крѣпостныхъ“ отношеній въ экономической жизни русской деревни.

Отрѣзки, вѣдь, были не вездѣ. Многіе крестьяне получили полностью пахотныя и сѣнокосныя земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; нѣкоторыя получили даже прибавку къ своему дореформенному надѣлу. Значительная часть „отрѣзныхъ земель“ уже пріобрѣтена крестьянами. Почему же вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ остается закрѣпощенной?

Да и что такое „отрѣзки“? При освобожденіи крестьяне лишились не только части земли, находившейся въ ихъ безраздѣль-

номъ пользованіи, но и существеннаго права пасти скотъ и рубить лѣсъ на владѣльческихъ земляхъ. Этого права лишились всѣ крестьяне. Должно ли и оно быть возвращено имъ? Если да, то и говорить, стало быть, нужно не только о „клочкахъ“ и „клиньяхъ“...

Главное же, количество земли, которымъ крестьяне пользовались при освобожденіи, было разсчитано на крѣпостной строй хозяйства. Крестьяне работали не только на себя, но и на помѣщика. Еслибы имъ даже было отдано все, чѣмъ они пользовались, то и въ такомъ случаѣ экономическая возможность веденія кабальнаго хозяйства сохранилась бы во всей своей неприкосновенности. Избытокъ своей рабочей силы крестьяне все равно должны были бы отчуждать на сторону. И не только вѣковая привычка, но и суровая жизненная необходимость заставила бы ихъ предоставить свой „свободный трудъ“ въ распоряженіе „своего господина или помѣщика“. Въ самомъ дѣлѣ, размѣры крѣпостного хозяйства, при которыхъ остались бы крестьяне, были достаточны для поддержанія лишь того жизненнаго уровня, какой былъ свойственъ закрѣпощенному человѣку, лишь того населенія, какое имѣлось въ наличности, и лишь при такихъ обстоятельствахъ, которыя считались „благополучными“. При крѣпостномъ правѣ каждому новому тяглу помѣщикъ нарѣзалъ землю, при невзгодахъ считалъ необходимымъ приходить на помощь. Послѣ реформы каждый вновь образовавшійся дворъ требовалъ уже отрѣзки у прежнихъ, каждый вновь народившійся ротъ посылалъ за хлѣбомъ на сторону, каждый неурожай заставлялъ прибѣгать къ ликвидаціи имущества...

За сорокъ лѣтъ много новыхъ ртовъ народилось, много новыхъ хозяйствъ образовалось и много невзгодъ пронеслось надъ русской деревней. Неужели же возстановленіемъ крѣпостныхъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія можно теперь исправить „историческую ошибку“? Ошибка эта много крупнѣе пресловутыхъ „отрѣзковъ“, и „клочками“ и „клиньями“ только исправить ее, конечно, невозможно.

Нельзя поэтому не согласиться съ тѣми мѣстными дѣятелями, которые, какъ г. Цыбульскій, считали необходимымъ практиковать въ болѣе широкихъ и менѣе случайныхъ размѣрахъ систему обязательнаго выкупа необходимыхъ для крестьянскаго населенія земель. Въ мензелинскомъ, напримѣръ, комитетѣ г. Татищевъ, „признавая, что для поднятія экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія необходимо обезпеченіе его землей, предложилъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для надѣленія до указанной нормы не окажется достаточно земельныхъ угодій, прибѣгать къ обязательному отчужденію земель у лицъ, владѣющихъ таковой въ значительныхъ размѣрахъ, при чемъ отчужденіе

должно производиться въ порядкѣ, примѣняемомъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ черезъ земли собственниковъ". Другіе мѣстные дѣятели шли въ этомъ направленіи еще дальше и считали необходимыми болѣе глубокія преобразованія въ самомъ строѣ земельныхъ отношеній. Мысль о нихъ, какъ мы видѣли, вполнѣ опредѣленно формулировалъ между прочимъ г. Богдановскій въ пермскомъ губернскомъ комитетѣ, находившій что „государство должно сохранить за собою высшее право владѣнія на землю". „Государство,—говорилъ онъ,—въ качествѣ выразителя общихъ интересовъ, должно уступать эту землю лишь въ пользованіе группамъ и лицамъ, предоставивъ имъ тѣ распорядки и условія, которые по существующимъ формамъ хозяйства являются наиболѣе удовлетворяющими интересамъ общимъ и согласованными съ интересами непосредственно пользующихся землею". Склонность къ этому принципу „огосударствленія" земли обнаружили многіе и другіе дѣятели. Она, несомнѣнно, сквозитъ между прочимъ и во многихъ изъ тѣхъ пожеланій о пріобрѣтеніи владѣльческихъ земель за счетъ государства, о которыхъ мы говорили выше. Признаніе всѣхъ земель имѣющими „общегосударственное значеніе" и передача правъ на нихъ той или иной коллективности, несомнѣнно, явились бы самыми вѣрными и самыми надежными шагами на пути разрѣшенія нашихъ аграрныхъ затрудненій.

Само собою понятно, что при данныхъ условіяхъ этотъ вопросъ представляется значительно осложненнымъ и передъ сложностью его склонны были отступать даже наиболѣе опредѣленные по своимъ воззрѣніямъ мѣстные дѣятели. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ осложняющихъ моментовъ являются права частныхъ лицъ на землю, съ которыми они сжились и поступиться которыми задаромъ, конечно, не пожелаютъ. Считаясь, очевидно, съ этимъ обстоятельствомъ, мѣстные люди, если и говорили, то только о выкупѣ. Но и въ этомъ направленіи они чувствовали себя связанными уже установившимися на земельномъ рынкѣ отношеніями. Хотя теперешнія цѣны на землю почти всѣми признавались явно ненормальными и даже спекулятивными, однако, очень немногіе члены комитетовъ, — и то по преимуществу изъ крестьянской среды,—рѣшились поднять вопросъ о необходимости такъ или иначе ограничить не въ мѣру широкую въ этомъ отношеніи „имущественную свободу".

Крестьянинъ И. К. Константиновъ предложилъ въ рузскомъ комитетѣ „возбудить ходатайство объ установленіи предѣльныхъ арендныхъ цѣнъ на тѣ земельныя угодья, въ которыхъ для извѣстнаго цѣлаго селенія вызывается необходимость по сельско-хозяйственному положенію его, а споръ по неподчиненію цѣнамъ — разрѣшали бы третейскіе суды". „Представители сельскихъ обществъ",

приглашенные въ хоперскій комитетъ, „предлагали въ цѣляхъ устраненія кулачества въ арендованіи владѣльческихъ земель и обузданія аппетитовъ этихъ скупщиковъ въ эксплуатаціи крестьянъ учредить такой органъ изъ представителей правительства, частновладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, который бы устанавливалъ періодическія арендныя цѣны или таксу на частновладѣльческія земли, при чемъ крестьяне единогласно заявили, что теперь, при безпомощности крестьянъ, при ихъ бѣдности... остается за ихъ трудъ только солома и мякина, сами же крестьяне изъ помѣщичьихъ крестьянъ обратились теперь въ крестьянъ данниковъ арендаторовъ-кулаковъ, на коихъ только и работаютъ теперь". Крестьянинъ Н. Т. Волковъ въ подробно обоснованной фактами и цифрами запискѣ, внесенной въ суджанскій комитетъ, описавъ земельную спекуляцію, какая происходитъ на почвѣ крестьянской нужды въ землѣ, просилъ признать „неотложно-необходимой" „нормировку цѣнъ на продаваемыя и арендуемыя земли". Однако, записка г. Волкова, какъ составленная по „матеріаламъ не мѣстной жизни", была признана кѣмъ то „не подлежащею обсужденію въ суджанскомъ комитетѣ". Обсужденіе хоперскихъ крестьянъ было отложено до вечерняго засѣданія, въ протоколѣ котораго мы уже не встрѣчаемъ никакого упоминанія о немъ. Предложеніе кр. Константинова было передано въ коммиссію, которая полагала отвергнуть его, „какъ нарушающее основной принципъ свободы владѣнія". До обсужденія же въ комитетѣ ни предложеніе г. Константинова, ни предположеніе коммиссіи, повидимому, не дошли вовсе. Вопросъ о законодательномъ воздѣйствіи на высоту земельныхъ цѣнъ обсуждался въ бюро елецкаго комитета, которое признало, что „при бюрократической постановкѣ дѣла и отсутствіи гласности и развитого общественнаго мнѣнія, легко можетъ случиться, что земельныя коммиссіи, подобныя ирландскимъ, не принесутъ никакой пользы и даже окажутся, наоборотъ, вредными". „Во всякомъ случаѣ,—читаемъ мы въ запискѣ бюро,—при теперешнихъ условіяхъ общественной жизни въ Россіи введеніе подобнаго способа регулированія нужно считать рискованнымъ".

Желаніе фиксировать цѣны на землю дѣйствительно можетъ показаться утопичнымъ, а мысль о томъ, чтобы установленіе ихъ было передано третейскимъ судамъ, или особымъ земельнымъ коммиссіямъ „при данныхъ условіяхъ" не только елецкому бюро представляется рискованной. Несомнѣнно, однако, что эта самая мысль о „справедливыхъ" цѣнахъ на землю уже проникла въ западно-европейское законодательство. У насъ потребность въ такихъ цѣнахъ особенно чувствительна и найти тотъ или иной путь къ нимъ необходимо.

Утвержденіе правъ коллективности на землю и установленіе

„справедливыхъ цѣнъ“ на нее для трудящихся—таковы должны быть главныя задачи необходимой для насъ земельной реформы. Разрѣшить ихъ можно, конечно, разными путями. Я позволю себѣ указать одинъ изъ нихъ, представляющійся мнѣ наиболѣе осуществимымъ и наименѣе болѣзненнымъ.

За послѣдніе годы у насъ въ печати и даже въ правительственныхъ кругахъ неоднократно поднимался вопросъ объ „огосударствленіи“ правъ на земельныя нѣдра, а также на силу рѣкъ и водопадовъ. Едвали нужно доказывать, что такая реформа могла бы быть проведена почти безболѣзненно. Пока владѣлецъ не знаетъ, что въ нѣдрахъ его земли лежитъ золото, онъ ни во что ихъ не цѣнитъ; пока еще не найденъ способъ выгодной эксплуатаціи силы рѣчекъ и ручьевъ, владѣлецъ даже и не думаетъ, что они могутъ быть источникомъ дохода. Но если завтра будетъ найденъ способъ съ достаточною выгодою утилизировать эту силу,—пусть найдетъ его даже лицо, не имѣющее въ своемъ распоряженіи ни одного ручья и ни одной рѣчки,—всѣ владѣльцы ухватятся за нее, какъ за свое кровное достояніе Нужно, быть можетъ, считаться съ этой психологіей, но нужно умѣть и пользоваться ею.

Пусть государство,—если ужъ это необходимо,—признаетъ неотъемлемою собственностью землевладѣльца все, что имъ пріобрѣтено „посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки“, и все, что онъ самъ вложилъ въ свою землю. Пусть оно не затрогиваетъ этого его „священнаго права“. Но пусть оно заявитъ—и для этого пришла уже пора,—что весь дальнѣйшій, „незаслуженный“ имъ приростъ цѣнности его земли, долженъ принадлежать не ему, а народу, коллективными усиліями или „нуждою“ котораго онъ будетъ создаваться и опредѣляться. Во избѣжаніе недоразумѣній пусть государство оцѣнитъ и фиксируетъ стоимость принадлежащаго землевладѣльцу имущества и тогда при окончательномъ разсчетѣ съ нимъ,—когда бы этотъ разсчетъ ни происходилъ,—государству придется оцѣнить лишь „не использованныя улучшенія“, какія произведены будутъ въ землѣ самимъ владѣльцемъ. Пусть государство даже не требуетъ,—если это оказывается при данныхъ соотношеніяхъ невозможнымъ,—чтобы послѣдній сейчасъ же поступился правами на свое имущество. Пусть только оно заявитъ о своемъ правѣ или предоставитъ это право другой коллективности (земству, общинѣ) оставлять за собою землю по фиксированной цѣнѣ, когда владѣлецъ самъ захочетъ продать ее или когда его кредиторы будутъ продавать ее съ публичнаго торга. Мобилизація земли происходитъ въ общемъ настолько быстро, что къ обязательному выкупу можно будетъ приступить и послѣ. Пусть государство установитъ его сначала по отношенію къ новымъ владѣльцамъ, которые будутъ пріобрѣтать

землю, зная, что она можетъ быть выкуплена. Потомъ и всѣ примирятся съ этою мыслью.

Но какъ государству оцѣнить, и при томъ безобидно оцѣнить, сто милліоновъ десятинъ частной поземельной собственности? Технически это вѣдь невыполнимая задача. Пусть въ такомъ случаѣ самъ владѣлецъ оцѣнитъ свой участокъ и опредѣлитъ стоимость принадлежащаго ему имущества. Но пусть его оцѣнка, — какъ предложилъ въ однородномъ случаѣ одинъ изъ думскихъ дѣятелей г. Москвы, — будетъ служить основаніемъ и для налогового обложенія. Несомнѣнно, нѣкоторые владѣльцы пожелаютъ обезпечить себѣ возможно высшія и даже преднамѣренно вздутыя цѣны. Но они очень скоро убѣдятся, что это невыгодно. Назначенную ими цѣну дать въ ближайшемъ будущемъ, можетъ быть, никто не захочетъ и въ видѣ налоговъ они въ конечномъ счетѣ заплатятъ даже больше, чѣмъ сколько сейчасъ припишутъ къ стоимости своего имущества. Наказывать ихъ за это, конечно, не слѣдуетъ: пусть имъ будетъ предоставлено право самимъ же и понизить произведенную оцѣнку...

Свою статью о „Земельныхъ нуждахъ деревни“ я началъ съ указанія на особую сложность и трудность аграрной проблемы и вмѣстѣ съ тѣмъ на особую важность и неотложность ея у насъ въ Россіи. Въ длинныхъ и, быть можетъ, утомившихъ читателя статьяхъ, я постарался опираясь на труды мѣстныхъ дѣятелей, разобраться въ одной лишь части этой задачи. Но эта часть самая существенная. Земельныя отношенія — это фундаментъ, на которомъ покоится вся народнохозяйственная жизнь страны. Объ этомъ фундаментѣ мы должны больше всего думать и съ этого фундамента необходимо начинать.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Иванъ Новиковъ. Исканія. Кіевъ, 1904.

Идеей почти всѣхъ разсказовъ и драматическихъ произведеній, объединенныхъ приведеннымъ заглавіемъ, служитъ недовольство чѣмъ-то, отреченіе отъ чего-то, стремленіе къ чему-то. Всѣ „исканія“ героевъ г. Новикова носятъ довольно странный характеръ. Чего ищутъ эти люди — даже сказать трудно: не то прочнаго взгляда на жизнь, который далъ бы этой жизни смыслъ и цѣль, не то нравственныхъ теоремъ, которыя руководили бы отношеніями между единицей и средою, между мужчиною и женщиною и т. п., не то просто цѣлительной вѣры въ какую нибудь положительную истину, которая позволила бы имъ выйти изъ ихъ мятущагося состоянія и шагать болѣе увѣренно по своей дорогѣ. Герои г. Новикова, говоря нѣсколько грубо, безвольные психопаты, добродѣтельные, но тяжелые и никуда не годные люди. И читателю въ большинствѣ случаевъ очень трудно понять, что заставляетъ ихъ „искать“ и что мѣшаетъ имъ „найти“. Въ юности многіе переживаютъ такой періодъ, когда идеалистически складывающееся міровоззрѣніе влечетъ человѣка въ невѣдомыя выси, мѣшая нормально воспринимать впечатлѣнія изъ окружающей среды. Когда періодъ этотъ минуетъ, одни пропадаютъ въ мутной обыденщинѣ, другіе кристализуются въ борцовъ и бойцовъ; но остаются въ такомъ настроеніи одни только психически ненормальные люди. У такихъ нытье обращается въ искусство для искусства; они роковымъ образомъ обречены быть тяжелымъ бременемъ себѣ и другимъ, не внося ровно ничего въ культурную работу своей общественной среды. Такіе люди всегда стремятся къ какому-то возрожденію, жаждутъ какихъ-то подвиговъ, желаютъ отъ чего-то отречься — и при этомъ страдаютъ сами и еще больше заставляютъ страдать окружающихъ ихъ людей.

Таковы герои г. Новикова. Ничего нельзя, конечно, возразить противъ выбора такихъ именно персонажей для беллетристическихъ произведеній. Бѣда, однако, въ томъ, что и самъ авторъ вмѣстѣ со своими героями окутанъ однимъ и тѣмъ же туманомъ психическихъ противорѣчій и недоумѣній. Его разсказы чрезвычайно субъективны, и если отъ этого, съ одной стороны, выигрываетъ ихъ искренность, то съ другой—авторъ не обладаетъ необходимою силой и литературною опытностью для того чтобы проектировать занимающую его идею на экранъ подобранной внѣшней фабулы. Отсюда получается, что его главные герои не имѣютъ ни мяса, ни костей и представляютъ собою ка-

кія-то безконтурныя тѣни, не отчетливыя ни для читателя, ни для самого автора. Въ общемъ можно было бы формулировать основную мысль разсказовъ г. Новикова такимъ образомъ: люди разочаровались въ звучной фразѣ и стремятся къ дѣлу. Но если мы поставимъ вопросъ: въ какой фразѣ они разочаровались и къ какому дѣлу стремятся — то отвѣтъ будетъ или совсѣмъ неясенъ или очень ужъ наивенъ. У автора чувствуется раздраженіе противъ фальшиваго либерализма на словахъ; съ другой стороны, когда онъ хочетъ выгодно освѣтить дѣйствующее лицо, заставить его найти искомое—онъ посылаетъ его либо кормить голодающихъ, либо бороться съ эпидеміей. Все это прекрасно. Но психическія раздвоенія и „исканія“ бываютъ и тогда, когда ни эпидеміи, ни голода нѣтъ, и мы боимся, что г. Новиковъ совершенно не нашелъ бы въ такомъ случаѣ, что дѣлать со своими героями. И либеральная фраза вовсе ужъ не такое общее явленіе, чтобы всякой алчущей душѣ суждено было на нее натолкнуться; томленія, отреченія и стремленія въ извѣстномъ возрастѣ возникаютъ совершенно помимо коллизій съ фальшивыми людьми, прикрывающими свою пошлость и пустоту извѣстными фразами. Между тѣмъ въ разсказахъ г. Новикова разочарованіе и отреченіе почти столь же часто являются результатомъ такихъ коллизій, какъ кормленіе голодающихъ — исходомъ и разрѣшеніемъ. Отъ этой схемы авторъ какъ-то не можетъ отдѣлаться, обнаруживая этимъ недостаточно богатую фантазію.

Одна черта въ разсказахъ г. Новикова невольно возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе - это большая чуткость къ чистому и хорошему, дѣвственному чувству въ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною. Но и эта черта въ той же мѣрѣ неопредѣленна и лишена твердыхъ контуровъ, какъ и другіе главные элементы душевнаго строя дѣйствующихъ лицъ. Въ общемъ, если за книжкой г. Новикова и нельзя признать сколько нибудь выдающагося литературнаго значенія, то все же она выгодно отличается отъ наводняющаго рынокъ книжнаго хлама задушевною искренностью и серьезностью отношенія автора къ своей задачѣ.

В. Я. Свѣтловъ. Всѣ цвѣта радуги. Спб. 1904 г.

Г. Свѣтловъ пріурочилъ названіе „Всѣ цвѣта радуги“ не только къ первому разсказу, но и ко всему сборнику, очевидно, имѣя въ виду разнообразіе его содержанія. Если это и радуга то во всякомъ случаѣ очень тусклая. Впрочемъ, авторъ находитъ что „современное утомленное зрѣніе не переноситъ ничего яркаго и предпочитаетъ... выцвѣтшее“. Въ угоду современникамъ съ ослабленнымъ зрѣніемъ у автора на протяженіи 500 страницъ не встрѣчается ни одного живого слова, ни одного сильнаго образа или оригинальнаго вывода, который бы говорилъ о сколько

нибудь своеобразномъ и вдумчивомъ отношеніи къ явленіямъ жизни. Все плоско, тускло, ненужно.

Внимательный читатель найдетъ, однако, нѣсколько философскихъ истинъ: драгоцѣннѣйшее изъ благъ есть чистая совѣсть, за нимъ слѣдуетъ здоровье, но заботиться о немъ чрезмѣрно отнюдь не слѣдуетъ, деньги же далеко не имѣютъ той цѣны, которую имъ приписываютъ играющіе въ карты и мечтающіе о тарантасахъ чиновники. Затѣмъ г. Свѣтловъ предпочитаетъ „отходящее и умирающее приходящему и нарождающемуся“, и, по его увѣренію, эту его склонность раздѣляетъ большинство современниковъ. Относительно женщинъ мнѣніе г. Свѣтлова вполнѣ опредѣленно: „душа женщины похожа на темную ночь безъ луны, безъ звѣздъ“; но авторъ тутъ же предлагаетъ остроумный способъ, чтобы не запутаться окончательно въ этомъ „неопредѣленномъ, смутномъ, таинственномъ, заманчивомъ“ хаосѣ: „прежде чѣмъ влюбиться въ женщину, посмотри, какъ она плачетъ: есть женщины, которыя плачутъ удивительно красиво. У такихъ женщинъ изящное въ организмѣ. Другія плачутъ жалостно и безпомощно, какъ дѣти, въ такихъ много прелестной женственности; третьи плачутъ, какъ мѣщанки: вульгарно и грубо—такихъ бойся!“

Кромѣ философіи у г. Свѣтлова есть наклонность къ поэзіи. Онъ говоритъ: „въ наше скучное будничное время въ балетѣ сосредоточена нѣмая поэзія жизни, дающая возможность уйти отъ прозы въ волшебный міръ грезъ. Балетъ это—островъ фантазіи среди бушующаго океана жизни“ и т. д. Если же читатель не раздѣляетъ художественнаго восторга автора передъ балетомъ, то ему „ничего не говоритъ ни волшебная мелодія, ни ароматъ цвѣтовъ, ни нѣжный колоритъ весенняго дня, ни обширная панорама необъятнаго моря“; онъ обреченъ на скучные житейскіе будни.

Авторъ не разъ возвращается къ своимъ поэтическимъ порывамъ: то „цвѣты кажутся ему блѣдными и измученными“, то, глядя на поѣздъ, который, конечно, „бѣшено мчится“, ему кажется, что „рычитъ укрощенная и побѣжденная Матерія Вселенной“, а въ это время героиня — о, ужасъ! вѣрное средство для распознанія женской души не всегда безошибочно,—спрашиваетъ его съ томно-печальнымъ видомъ, не сшить ли ей платье цвѣта дыма съ искрами? Описанія часто смахиваютъ на сочиненія институтокъ старшихъ классовъ: „озеро казалось грустнымъ“, „нѣжные звуки казались намъ смутными голосами нарождающейся ночи“, непремѣнно раздаются „звуки, призывающіе къ вечерней молитвѣ“, „тамъ и сямъ зажигаются огоньки“, и авторъ думаетъ „о тщетѣ человѣческихъ усилій отрѣшиться отъ земного“ и т. д.

Впрочемъ, книга написана легко, и, кто будетъ имѣть терпѣніе дочитать ее до конца, узнаетъ, что дружба чиновниковъ одного департамента, мѣтящихъ на одинъ и тотъ же постъ,—вещь

весьма непрочная; что не слѣдуетъ матерямъ оставлять дѣтей на попеченіе юнкеровъ, ибо юнкера улетучиваются, а дѣти съ горничной попадаютъ въ дворницкую; что баядерки привозятся въ Коломбо евреями изъ Одессы и Шклова; что въ балетѣ не всегда царитъ справедливость, и друзья сердца забываютъ и бросаютъ своихъ возлюбленныхъ, даже если „въ типѣ ихъ красоты есть нѣчто цыганское, экзотическое". Затѣмъ губернаторы изъ ожирѣвшихъ дѣлаютъ пріемъ новобранцамъ у себя на дому, причемъ читаютъ французскіе романы, а молодые люди въ костюмѣ Адама наталкиваются на губернаторшу съ дочкой. Авторъ напоминаетъ, что мужья измѣняютъ женамъ и наоборотъ; что деньщики воруютъ живность для своихъ господъ, а юнкера склонны ко всякимъ проказамъ... только стоитъ ли это читать?

Лучшіе разсказы всетаки изъ военнаго быта, очевидно, близко знакомаго автору,—въ нихъ онъ менѣе баналенъ и мѣстами проявляетъ нѣкоторое остроуміе.

Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. Переводъ съ англійскаго М. Н. Данилевской. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904.

Имя Джерома К. Джерома пользуется у насъ довольно широкой извѣстностью. Переводы его юмористическихъ очерковъ охотно печатаются періодическими изданіями, и часто выходятъ отдѣльными изданіями. Добродушный юморъ англійскаго писателя не отличается особою глубиною захвата, но Джеромъ обладаетъ замѣчательнымъ умѣніемъ очень тонко подмѣчать маленькія человѣческія слабости и такъ наглядно ихъ воспроизводить, что вы безъ труда вызываете въ своей памяти что-нибудь похожее изъ опыта собственныхъ наблюденій. Вотъ, напр., типъ разсказчика:

> У меня есть пріятельница, которая, насколько я знаю, еще никогда не доводила до конца ни одного изъ своихъ разсказовъ. Иногда, напримѣръ, бываетъ совершенно безразлично, какъ зовутъ ту личность, отъ которой она слышала то, что хочетъ разсказывать: Броуномъ, Джонсомъ или Робинзономъ. Но она непремѣнно пытается вспомнить его фамилію и доводитъ себя въ концѣ концовъ до лихорадки. „Боже мой, Боже мой!"—восклицаетъ она,—„вѣдь я хорошо знаю, какъ его зовутъ! И вдругъ забыла; какъ это глупо!" И она начинаетъ объяснять, почему именно она должна помнить его имя, и почему всегда его помнила, вотъ до этой самой минуты... Напрасно мы уговариваемъ, убѣждаемъ ее продолжать разсказъ, все напрасно.. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, она припоминаетъ, что его зовутъ Томкинсъ, и въ восторгѣ,—но не надолго: вскорѣ обнаруживается, что она забыла и т. д." (стр. 128).

Кому изъ насъ не приходилось испытывать свое терпѣніе въ разговорахъ съ такими собесѣдниками?

„За чашкой чая"—длинный разговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе Свѣтская Дама, Ученая Дѣвица, Старая Дѣва

Поэтъ Элегическаго Настроенія, Философъ и „Я.“ Разговоръ идетъ, что называется, de omni re scibili et quibusdam aliis: и о тайнахъ жизни, и о странностяхъ любви, и о красотахъ природы, и объ условіяхъ брачной жизни, и о значеніи музыки, и о дамскихъ нарядахъ и пр. и пр. Темы разговора мѣняются, какъ цвѣтныя изображенія въ калейдоскопѣ, и такъ же, какъ въ калейдоскопѣ, безъ всякой внутренней послѣдовательности, случайно цѣпляясь одна за другую. Остроумныя опредѣленія, тонкія характеристики и короткіе разсказцы, какъ послѣдніе дѣйствительно передаются въ разговорахъ, такъ и бѣгутъ одно за другимъ на всемъ пространствѣ книги. Въ общемъ эта пестрота дѣйствуетъ на читателя немного утомляюще и мы бы сказали, что очеркъ „За чашкой чая“ стоитъ ниже, чѣмъ другія произведенія англійскаго юмориста, какъ напр., „Трое въ одной лодкѣ,“ „Праздныя мысли лѣнтяя“ и „Новый способъ писать романы.“ Переводъ хорошъ.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Выпускъ I. Второе исправл. изданіе. Москва. 1903.

Библіографическія работы г. Языкова составляютъ необходимое пособіе для спеціалистовъ, которые пользуются ими за неимѣніемъ лучшаго. Это положеніе обязываетъ, и нельзя поэтому не выразить сожалѣнія, что трудолюбивый авторъ, повторяя изданіе своего труда, не воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы внести въ него необходимыя исправленія. Онъ называетъ его исправленнымъ и указываетъ, что внесъ въ него дополненія; но дополненій этихъ рѣшительно недостаточно. Мы не стояли бы за исчерпывающую полноту; мы предпочли бы, чтобы библіографическій указатель былъ также критическимъ, чтобы указанія дѣлались въ немъ по выбору, который опредѣлялся бы и достаточно широкой, но твердой и ясной точкой зрѣнія, и знакомствомъ съ содержаніемъ указываемыхъ сочиненій, и тактомъ, дающимъ возможность отвергнуть одно и принять другое. До такой библіографіи мы просто не доросли—и каждый новый указатель есть доказательство этого: нѣтъ въ нихъ ни исчерпывающаго знанія предмета, ни смѣлости занять въ его оцѣнкѣ какое либо положеніе, ни попытки дать внутреннее единство своей системѣ. Это недостатки не индивидуальные, а общественные; и оттого громадное большинство нашихъ библіографическихъ трудовъ представляетъ собою груду сырья, въ которой разобраться трудно и на которую положиться опасно, такъ что при всякой самостоятельной работѣ приходится начинать сначала.

Типичнымъ образцомъ этой библіографіи являются труды г. Языкова. Съ самаго начала останавливаешься предъ вопросомъ:

почему обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей распредѣленъ и выходитъ выпусками по годамъ ихъ смерти. Васъ интересуетъ, положимъ, литературная дѣятельность Ѳедора Миллера; вы ищете справокъ у г. Языкова: для этого вы должны предварительно узнать гдѣ-нибудь, въ какомъ году умеръ Миллеръ—иначе вы не узнаете, въ какой выпускъ обзора г. Языкова онъ попалъ, да и вообще попалъ ли. Затѣмъ, въ указаніяхъ литературы о писателяхъ мы находимъ лишь заглавія книгъ, вышедшихъ отдѣльно: заглавій статей нѣтъ; указано только, что въ такомъ-то нумерѣ журнала за такой-то годъ что-то напечатано о писателѣ; но что это такое,—большая ли статья, ничтожная ли замѣтка, неизвѣстно. При такой системѣ библіографическій трудъ, имѣющій цѣлью сберечь время изслѣдователя, можетъ легко произвести противоположное дѣйствіе. Это затрудняетъ также точную провѣрку того, что есть и чего нѣтъ въ указателѣ: слишкомъ ужъ легко проглядѣть что либо въ этой массѣ мелкихъ сокращеній, годовъ и нумеровъ безъ именъ авторовъ и заглавій ихъ статей. А провѣрка эта нужна, такъ какъ составитель отказывается отъ выбора: значитъ онъ хочетъ быть полнымъ. Середины вѣдь нѣтъ: или выборъ того, что считаешь достойнымъ вниманія, или исчерпывающая полнота: пусть въ ней ужъ разбирается, кто можетъ.

Но при первомъ взглядѣ на работу г. Языкова бросается въ глаза, что если она составлена безъ выбора, то ни о какой исчерпывающей ея полнотѣ и рѣчи быть не можетъ. Не ручаемся за указанія къ тѣмъ многочисленнымъ мелкимъ писателямъ, заниматься которыми мы не имѣемъ ни времени, ни охоты. Но въ работу г. Языкова вошли такіе дѣятели литературы, какъ Достоевскій и Писемскій—и что же мы видимъ? Указанія на громадную литературу о Достоевскомъ заняли *одну* страницу; обширная иностранная литература даже не упомянута; число пропущенныхъ статей превышаетъ число указанныхъ по меньшей мѣрѣ вдвое; нѣтъ возможности занимать ихъ перечисленіемъ страницы журнала, но, если составитель этого потребуетъ, мы укажемъ его многочисленные пропуски. Отдѣльныхъ книгъ указанъ десятокъ и ихъ число можно бы удвоить; припоминаемъ пропущенныя книги Евг. Соловьева, Андреевскаго, Леонтьева, Шестова, Волынскаго и т. д. Съ Писемскимъ тоже самое; небрежность и непослѣдовательность указаній удивительныя. А затѣмъ о томъ, какую пользу могутъ подчасъ принести даваемыя г. Языковымъ свѣдѣнія, мы могли судить по такому примѣру.

Необходимы свѣдѣнія о поэтѣ Симборскомъ, даровитомъ юмористѣ, умершемъ въ 1881 году. Ни года рожденія, ни дня смерти, ни имени и отчества въ обзорѣ г. Языкова не оказывается; но онъ указываетъ литературу—приходится обратиться къ ней. Итакъ, прежде всего журналъ „Мірской Толкъ“ 1881 г. № 9. Провинціальный читатель, конечно, сразу отказывается отъ надежды найти

гдѣ нибудь этотъ забытый еженедѣльникъ; столичный житель пытается, преодолѣваетъ трудности, теряетъ время и, наконецъ, драгоцѣнный фоліантъ передъ нимъ; что же онъ здѣсь находитъ? Перепечатанную изъ „Голоса“,—о которомъ у г. Языкова ни звука—телеграмму изъ Тифлиса о смерти Симборскаго и нѣсколько незначительныхъ добавленій. Между тѣмъ указаній на „Фалангу“, которую редактировалъ покойный и изъ за судьбы которой онъ покончилъ съ собою—нѣтъ. Конечно, такъ не трудно составлять указатели: указать, что знаешь и не постараться узнать то, чего не знаешь.

Книга мудрости. Составилъ **М. Л. Бинштокъ.** Спб. 1904.

Это обширное собраніе „мыслей, наблюденій и характеристикъ, извлеченныхъ изъ литературъ разныхъ эпохъ и народовъ“, какъ бы составлено въ доказательство того, какъ, въ сущности, трудно составить такую книгу, какъ слѣдуетъ. Оно называется „книгой мудрости“ и открывается эпиграфомъ изъ Гёте о томъ, что „каждый день слѣдуетъ прослушать хоть одну пѣсенку, посмотрѣть на хорошую картину и, если возможно, прочитать хоть какое нибудь мудрое изреченіе.“ Дѣйствительно, въ книгѣ собрано много мыслей въ значительной части принадлежащихъ если не безпорнымъ мудрецамъ, то людямъ самостоятельнаго и интереснаго ума. Но странное дѣло—ея перелистываніе рождаетъ одно недоумѣніе: неужто у этихъ мудрыхъ людей не нашлось мудрыхъ мыслей?

„Музыка — это другая планета,“ сказалъ Альфонсъ Додэ. „И самое жалкое, наиболѣе счастіемъ обиженное созданіе надѣется,“ сказалъ Шекспиръ. „Противъ всего есть лекарство кромѣ смерти,“ сказалъ Сервантесъ. „Война—величайшее бѣдствіе,“ говоритъ Бентамъ. „Женщина—милая нелѣпость“—сказалъ Достоевскій. „Для небеснаго могилы нѣтъ,“ сказалъ Лермонтовъ. Удручающей ненужностью, а то и пошлостью вѣетъ отъ этихъ мыслей, сказанныхъ несомнѣнно умными людьми. Точно цвѣты въ ботанической коллекціи, оторванные отъ стебля, классифицированные, высушенные и обезцвѣченные, умныя изреченія, выхваченныя изъ умныхъ книгъ, потеряли въ этомъ литературномъ гербаріѣ весь свой ароматъ, всю правду, а подчасъ и смыслъ. „Воспоминанія—какъ острый ножъ они,“ сказалъ Грибоѣдовъ. „Нѣтъ болѣе вѣрнаго признака дурного устройства городовъ, чѣмъ обиліе въ нихъ законовѣдовъ и врачей,“ сказалъ Платонъ. „Когда зимою ѣшь свѣжіе огурцы, то во рту пахнетъ весною,“ сказалъ Чеховъ. „Я называю кошку кошкой и Ролэ мошенникомъ,“ сказалъ Буало. „Прошлое—книга за семью печатями,“ сказалъ Гёте. Почему все это такъ пусто, плоско, безсодержательно? Потому что оно имѣло смыслъ только въ живой связи съ остальнымъ содержаніемъ, потому что многія изъ этихъ изре-

ченій совершенно лишены содержанія, когда ихъ вырываютъ не только изъ цѣльнаго произведенія, но и изъ устъ художественно созданной фигуры, характеръ которой сообщалъ имъ значеніе. „Человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета“: какой полнотой жизненнаго содержанія, какой значительностью перваго жизненнаго противорѣчія дышетъ этотъ „парадоксъ и афоризмъ“ въ устахъ страннаго и привлекательнаго калѣки и въ подхватившей его зарождающейся дѣтской мысли. Но за нумеромъ 602 и съ подписью „Короленко“ это изреченіе звучитъ уже не мудрымъ парадоксомъ, а пустой банальностью. Въ пустяки и банальности составитель обратилъ много собранныхъ имъ мыслей. Но многія и не нуждались въ такомъ превращеніи; ненужныя и пустыя въ самомъ подлинникѣ, онѣ мирно покоились въ неизвѣстности, пока не явился г. М. Л. Бинштокъ со своей книгой мудрости и не выставилъ ихъ здѣсь на позорище. У него есть слабость къ торжественной пошлости, къ великолѣпію пустословія, къ афористическому эмфазу. Быть можетъ, читателямъ знакомъ образъ мосье Прюдома, великолѣпнаго созданія Анри Монье, неподражаемаго въ своей филистерской ограниченности и знаменитаго своими разнообразными изреченіями, бездонная пошлость которыхъ превосходно оттѣняется тѣмъ риторическимъ паѳосомъ, съ которымъ они провозглашаются. „Лишите человѣка общества,—и онъ останется въ одиночествѣ,“—заявляетъ мосье Прюдомъ. „Замѣнить родную мать невозможно,“—поучаетъ онъ. „Наполеонъ I страдалъ честолюбіемъ; еслибы онъ захотѣлъ остаться простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, онъ былъ бы счастливымъ мужемъ и отцомъ и жилъ бы спокойно до нашихъ дней.“ И такъ далѣе.

Вотъ этой мудростью мосье Прюдома полна книга мудрости г. Бинштока, не смотря на всѣхъ Кантовъ и Конфуціевъ, которыхъ онъ для нея утилизировалъ. Правда, наряду съ Кантами и Конфуціями dii minores, а то и miniti и даже совсѣмъ не dii, въ компаніи которыхъ не мудрено и Канту поглупѣть. Особенно возлюбилъ среди мудрецовъ составитель одного русскаго мыслителя—каемся, неизвѣстнаго намъ—В. Н. Крачковскаго. Онъ взялъ у него гораздо больше изреченій, чѣмъ у кого бы то ни было, и надо признать, что эти изреченія поспорятъ въ мудрости съ афоризмами мосье Прюдома. „Мысль—тотъ Прометеевъ огонь, обладаніе которымъ сдѣлало человѣка могущественнымъ и несчастнымъ.“ „Не думайте, что со священникомъ можно говорить только о просфорахъ и о колоколахъ, а съ военными только о пушкахъ.“ „Смерть—второй, еще не открытый нами томъ нашего существованія.“ „Дураку кто-то сказалъ, что горцы свиней облаками кормятъ...“

Въ предисловіи составитель заявляетъ, что съ любовью извлекалъ изъ безконечно богатаго и разнообразнаго матеріала, пред-

магаемаго всемірной литературой все значительное и оригинальное и при этомъ „старался избѣжать общихъ мѣстъ.“ Въ этомъ можно ему повѣрить; но, очевидно, любви и старанія недостаточно...

Ив. Ивановъ. Вопросы молодости. Спб. 1904.

„Вопросы молодости“, которые имѣетъ въ виду г. Ивановъ, это—вопросы, волнующіе нашу учащуюся молодежь. Авторъ по профессіи своей педагогъ. Это даетъ намъ, повидимому, право ожидать отъ него цѣнныхъ и интересныхъ данныхъ, основанныхъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ. Но такія ожиданія быстро разсѣиваются при первомъ же знакомствѣ съ книжкой, представляющей собою типическій образчикъ „обывательскихъ“ сужденій о серьезныхъ матеріяхъ. Г. Ивановъ выступаетъ въ роли философа-проповѣдника, поучающаго молодежь правиламъ добропорядочности и „искусству быть счастливымъ“. Овладѣвъ этимъ „искусствомъ“, можно чувствовать себя счастливымъ при *всякихъ* внѣшнихъ условіяхъ, — которымъ г. Ивановъ вообще не склоненъ придавать значенія. Стоитъ только пожелать. „Нужно только умѣть желать сильно, умѣть вѣрить въ свои силы... надѣяться только на нихъ да на помощь Божію“. Если вѣрить автору, огромному большинству людей и теперь живется недурно. „Огромное большинство людей имѣетъ полную возможность *въ должной мѣрѣ* удовлетворять свои естественныя физическія потребности въ пищѣ, питьѣ и проч.“ Въ самомъ дѣлѣ, если статистика говоритъ намъ о сотняхъ лицъ вынужденныхъ, напр., въ Лондонѣ проводить ночь подъ открытымъ небомъ, то не происходитъ ли это оттого, что всѣ эти бездомные люди недостаточно сильно желаютъ имѣть постоянный кровъ? Если намъ говорятъ о многочисленной арміи безработныхъ, подвергающихся вмѣстѣ со своими семьями всѣмъ ужасамъ безработицы, то опять таки, надо думать, это происходитъ отъ недостаточно сильнаго желанія найти приложеніе для своихъ рукъ. Но такими примѣрами нашего философа-обывателя не смутишь и противъ нихъ у него имѣется въ запасѣ цѣлый арсеналъ другихъ неотразимыхъ фактовъ, позволяющихъ ему съ побѣдоноснымъ видомъ, напр., спрашивать: „развѣ не на нашихъ глазахъ, дѣти бѣдныхъ родителей составляли себѣ колоссальныя богатства?“ При томъ же „истинное счастье состоитъ... въ обладаніи искусствомъ *выкраивать и выковывать* его изъ (!) всякихъ внѣшнихъ условій!“... Мы всѣ почувствуемъ себя и счастливыми, и довольными, если, слѣдуя мудрому совѣту г. Ив. Иванова, будемъ оцѣнивать свое положеніе не сравнительно съ положеніемъ тѣхъ лицъ, которымъ живется лучше, а тѣхъ, кому живется хуже, „а такихъ людей,—по справедливому замѣчанію г. Иванова,—мы можемъ видѣть всюду около себя“. Дѣйствительно, какъ нѣтъ дурака, ко-

торый не нашелъ бы другого дурака, глупѣе себя, такъ нѣтъ и и бѣдняка, который не могъ бы вообразить бѣдняка, еще болѣе несчастнаго.

Къ такому же упрощенному способу рѣшенія вопросовъ авторъ прибѣгаетъ и въ другихъ случаяхъ, впадая порой въ курьезныя противорѣчія. Такъ, цѣлую (VII) главу онъ посвящаетъ доказательству того положенія, что физическія и моральныя страданія являются необходимымъ условіемъ физическихъ и моральныхъ наслажденій; „какъ физическая боль, такъ и моральныя страданія есть,—говоритъ онъ—наши лучшія друзья", и потому мы не только должны признать ихъ неизбѣжность, но и „радоваться" имъ. Но въ послѣдней (XII) главѣ книги онъ забываетъ объ этомъ положеніи и утверждаетъ уже нѣчто совершенно противоположное, считая болѣзнь „явленіемъ ненормальнымъ, патологическимъ", а сохраненіе и укрѣпленіе своего здоровья обязанностью всякаго, „кто серьезно желаетъ извлечь изъ жизни какъ можно больше радости". Вотъ и разбирайтесь: съ одной стороны, „будемъ радоваться посѣщающимъ насъ страданіямъ" и „еслибы не существовало страданій, ихъ необходимо было бы выдумать;" и съ другой—„кто серьезно желаетъ извлечь какъ можно больше радости", обязанъ сохранять и укрѣплять свое здоровье, т. е. ограждать себя по возможности отъ всякихъ страданій.

Такою же чудодѣйственною силою, какъ человѣческія желанія, г. Ивановъ одаряетъ и человѣческую любовь. „Попробуйте только относиться къ людямъ любовно"...—убѣдительно проситъ онъ своихъ читателей—и на землѣ наступитъ рай. О людяхъ онъ совѣтуетъ помнить только хорошее, и даже явно порочныхъ людей совѣтуетъ „не строго судить". „Самое лучшее вовсе не задаваться вопросомъ о томъ, достойны ли люди вашей любви, а попросту стараться любовно относиться ко *всѣмъ*". De mortuis aut bene, aut nihil—говорили древніе римляне; нашъ моралистъ предлагаетъ держаться того же правила и относительно живыхъ людей и заявляетъ, что „самое лучшее, конечно, говорить о людяхъ или хорошо, или ничего"...

Мы позволимъ себѣ привести еще только заключительную формулу счастья, предлагаемую г. Ивановымъ. Вотъ его идеалъ счастья: „здоровье, умѣренный трудъ, нравственная любящая жизнь, довольство скромными цѣлями и вѣра въ волю Творца". Не кажется ли вамъ эта формула цѣликомъ заимствованной изъ сочиненія благонравнаго гимназиста V-го класса? Въ качествѣ учителя словесности г. Ив. Иванову немало такихъ сочиненій пришлось перечитать на своемъ вѣку, и, думается намъ, немало позаимствованій онъ сдѣлалъ изъ нихъ для своей книги, которая въ сущности представляетъ собою ни что иное, какъ не въ мѣру

разросшееся гимназическое сочиненіе на тему: „Счастье человѣка зависитъ отъ него самого“.

Генрихъ Дюморларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904 г.

О Японіи въ послѣднее время заговорили на всѣхъ языкахъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства, при которыхъ эта любопытная страна заставила о себѣ говорить и которыя прямо или косвенно затрогиваютъ столько существенныхъ и разнообразныхъ интересовъ Стараго и Новаго Свѣта, мало способствовали возможности спокойнаго и безпристрастнаго сужденія. Далеко не всѣ изслѣдователи сумѣли отрѣшиться отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія и изобразить дѣйствительное положеніе современной Японіи, не затушевывая ни отрицательныхъ ея сторонъ, ни положительныхъ достоинствъ. Французскіе авторы новѣйшихъ трудовъ о Японіи особенно грѣшатъ односторонностью своихъ сужденій о новой культурной и цивилизаторской силѣ на Дальнемъ Востокѣ и, въ частности, авторъ лежащей передъ нами книги, Генрихъ Дюморларъ, бывшій профессоръ университета въ Токіо, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, повиненъ въ этомъ грѣхѣ. Въ своей книгѣ онъ становится намѣренно на одностороннюю точку зрѣнія. Почему-то ему „казалось болѣе полезнымъ освѣтить ихъ (японцевъ) недостатки“, вмѣсто того, чтобы, въ интересахъ полноты и объективности изложенія, подвергнуть добросовѣстному анализу, какъ тѣневые, такъ и свѣтовые моменты общественно-политической эволюціи, совершенной Страной Восходящаго Солнца въ теченіе послѣднихъ 30—35 лѣтъ. А между тѣмъ именно такое всестороннее освѣщеніе фактовъ новѣйшей исторіи было бы особенно нужно уже потому, что мы, какъ это ни странно, съ современнымъ состояніемъ Японіи знакомы гораздо меньше, нежели съ ея предшествующей исторіей. Само собою разумѣется, что избранный Дюморларомъ умышленно односторонній методъ изслѣдованія не могъ не привести его и къ одностороннимъ выводамъ и противорѣчіямъ, которыхъ въ его книгѣ можно отмѣтить не мало. Уже почтенный издатель книги въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя онъ предпослалъ русскому переводу, дѣлаетъ нелишнюю оговорку насчетъ разногласія между нѣкоторыми выводами французскаго автора и тѣми фактическими данными, на которыхъ они построены. Такихъ противорѣчій мы встрѣчаемъ въ книгѣ не мало. Укажемъ для примѣра хотя бы на то, какъ освѣщаетъ Дюморларъ самый переворотъ, приведшій Японію къ ея теперешнему государственному строю. Вотъ факты, приводимые самимъ же Дюморларомъ.

Въ 1868 г., расшатанная предшествующими внутренними потрясеніями, пала система шогуната и возстановлена абсолютная

власть микадо; но еще раньше произошло весьма важное событіе—прибытіе въ 1853 г. сѣверо-американскаго флота къ берегамъ Японіи. Это послѣднее обстоятельство вынудило Страну Восходящаго Солнца выйти изъ ея прежняго изолированнаго состоянія и вступить въ соприкосновеніе съ западною культурою. Возстановленіе императорской власти совпало съ принципіальнымъ требованіемъ конституціоннаго правленія. Требованіе это, очевидно, было совершенно серьезно, такъ что въ томъ же 1868 г. микадо далъ торжественную присягу въ томъ, что режимъ абсолютной власти вскорѣ будетъ замѣненъ новымъ порядкомъ, болѣе согласнымъ съ современными идеями. Опираясь на внутренній смыслъ этой присяги, группа политическихъ дѣятелей потребовала учрежденія сейма, но правительство сочло эту мѣру преждевременной и только въ 1875 г. сдѣлало первый шагъ навстрѣчу желаніямъ страны, учредивъ сенатъ, облеченный нѣкоторою законодательною властью. Однако, эта робкая уступка, совершенно не удовлетворившая общественнаго мнѣнія, не только не остановила, но еще усилила конституціоналистское движеніе, которое, разростаясь и развѣтвляясь все шире, вынудило, наконецъ, правительство къ рѣшительной мѣрѣ: въ 1881 г. микадо особымъ рескриптомъ объявилъ о составленіи комитета изъ юрисконсультовъ и государственныхъ людей для выработки конституціи, которая и была обнародована 11 февраля 1889 года. Не смотря, однако, на важность добытыхъ результатовъ, японскіе конституціоналисты чуть ли не на слѣдующій день послѣ введенія конституціи выступили съ рѣзкой критикой одного изъ основныхъ положеній конституціоннаго законодательства—избирательнаго закона, требуя пониженія избирательнаго ценза, увеличенія избирательныхъ коллегій и т. п. Послѣ неоднократныхъ представленій въ этомъ смыслѣ, въ 1900 г. былъ принятъ новый избирательный законъ, который, отвѣчая большей части выраженныхъ пожеланій, путемъ пониженія избирательнаго ценза значительно увеличилъ число избирателей и число депутатовъ парламента, при чемъ была установлена тайная подача голосовъ съ однимъ голосомъ для каждаго избирателя.

Такова фактическая сторона дѣла, обрисовываемая, повторяемъ данными же, приводимыми самимъ Дюмоларомъ. И тѣмъ не менѣе, задаваясь вопросомъ: было ли введеніе новаго строя въ Японіи результатомъ политической необходимости или же являлось лишь незрѣлымъ продуктомъ подражанія западно-европейскому образцу, нашъ авторъ рѣшительно склоняется къ послѣднему отвѣту. По его мнѣнію, японская конституція была просто актомъ ничѣмъ не вынужденной, добровольной уступки микадо, „который въ отвѣтъ на неоднократно выраженныя желанія націи согласился въ той или иной степени пріобщить къ своей власти извѣстные органы для осуществленія своихъ правъ“. Итакъ, выходитъ, что

тѣ конституціонныя ограниченія, которыя введены въ основной государственный законъ Японіи имѣютъ цѣлью—осуществленіе неограниченныхъ правъ микадо!

Еще болѣе односторонни сужденія автора относительно явленій внутренней, общественной и экономической, жизни Японіи. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что страна, обнаружившая за послѣднія десятилѣтія столь лихорадочную энергію въ организаціи своихъ природныхъ силъ по типу западно-европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, столь быстро и рѣшительно стряхнувшая съ себя вѣковыя традиціи предшествующей исторіи, не могла предупредить тѣ отрицательныя явленія, которыми неизбѣжно сопровождаются глубокія переходныя эпохи въ жизни каждаго народа. Но это именно и обязываетъ серьезнаго изслѣдователя къ соблюденію должной осторожности при оцѣнкѣ этихъ явленій, чтобы отличить тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно служатъ показателемъ грубаго извращенія сущности принциповъ цивилизаціи и прогресса, отъ тѣхъ, которыя обыкновенно называютъ болѣзнью роста. Этой-то осторожности часто и недостаетъ Дюмолару, настолько сгустившему мрачныя краски на изображенной имъ картинѣ современной Японіи, что подъ ними исчезаютъ даже тѣ немногія свѣтлыя стороны ея жизни, которыя онъ самъ же готовъ былъ признать. Такъ, при всей своей тенденціозности, Дюмоларъ не можетъ не признать крупныхъ успѣховъ, достигнутыхъ японцами въ области народнаго образованія. Но и здѣсь онъ обставляетъ свои выводы цѣлымъ рядомъ такихъ оговорокъ, которыя заставляютъ предполагать, что и въ этой области японцы пользуются незаслуженною славою. И опять таки эти оговорки мало гармонируютъ съ такими фактическими данными, какъ повышеніе цифры дѣтей, посѣщающихъ общественную школу, съ 1.700,000 въ 1874 г. до 5.000,000, насчитывающихся въ настоящее время, или увеличеніе издержекъ государственнаго казначейства на народное образованіе съ 8.000,000 фр. въ 1874 г. до 100.000,000 въ наши дни, къ которымъ нужно еще прибавить 67.000,000, затрачиваемыхъ на тѣ же потребности муниципалитетами и другими общественными учрежденіями. Неужели, спрашиваемъ мы, все это недостаточно краснорѣчиво говоритъ само за себя? Какъ извѣстно далѣе, на расширеніе дѣла народнаго образованія и на постройку школъ пошли и тѣ 250.000,000 военной контрибуціи, которую получила отъ Китая побѣдоносная Японія. По поводу упрека въ націонализмѣ, бросаемаго Дюмоларомъ японской школѣ, не лишне будетъ припомнить слова японца Кейо (Keio), основателя высшей школы, соперничающей съ государственными университетами: „Наша система образованія,—говоритъ Кеіо,—стремится отвести самое важное мѣсто современной западной наукѣ. Классическія науки Японіи и Китая не заключаютъ въ себѣ ничего

заслуживающаго вниманія. Важное значеніе западной науки заключается въ томъ, что она опирается на изученіе природы, объясняетъ причины и слѣдствія вещей, проливаетъ безконечный свѣтъ на человѣчество и дала жизни позитивное, точное и разумное направленіе". Впрочемъ, и самъ Дюмоларъ, на стр. 222 своей книги, признаетъ, что число японцевъ, „воспитавшихся на европейскій ладъ, ростетъ съ каждымъ днемъ", что „эти европейскіе японцы отказались отъ старыхъ вѣрованій, какъ отъ ненужнаго хлама, какъ отъ остатковъ варварской эпохи. Для нихъ отнынѣ единственной религіей является наука, единственнымъ руководящимъ началомъ—разумъ". Если мы къ этому прибавимъ, что въ противовѣсъ традиціямъ старой азіатской культуры на сцену выступаетъ ростущая сила демократіи, то у насъ едва ли можетъ остаться мѣсто для сомнѣнія въ томъ, что вовлеченіе современной Японіи въ процессъ міровой общественно-экономической эволюціи является безповоротно-совершившимся фактомъ, дѣлающимъ по меньшей мѣрѣ безплодными тѣ маниловскія воздыханія объ исчезновеніи въ Японіи патріархальныхъ отношеній „добраго стараго времени", къ которымъ такъ склоненъ нашъ авторъ. Въ этомъ отношеніи не лишена интереса VII глава книги, гдѣ приведены поучительныя данныя о развитіи индустріализма и обычныхъ его спутниковъ—пауперизма и рабочаго движенія.

Сильную сторону книги Дюмолара составляетъ обиліе фактическихъ данныхъ, въ ней сгруппированныхъ, и въ этомъ отношеніи она представляетъ безспорный интересъ для читателя, въ особенности теперь, когда общее вниманіе приковано къ событіямъ, происходящимъ на Дальнемъ Востокѣ. Но именно теперь-то и ощущается всего сильнѣе потребность въ безпристрастномъ и непредубѣжденномъ освѣщеніи всѣхъ сторонъ японской жизни. Этому послѣднему условію книга французскаго автора, какъ мы видѣли, совершенно не удовлетворяетъ.

И. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904.

Въ нашей исторической литературѣ до послѣдняго времени не было полной біографіи И. И. Бецкаго, этого оригинальнаго представителя просвѣщенія при блестящемъ и шумномъ дворѣ Екатерины II. Г. Майковъ задался цѣлью восполнить такой пробѣлъ и употребилъ для этого немало усилій, съ большимъ трудолюбіемъ воспользовавшись не только печатными, но и архивными источниками, касающимися жизни и дѣятельности Бецкаго. Тѣмъ не менѣе было бы рискованно сказать, что книга г. Майкова вполнѣ достигла намѣченной имъ цѣли. Біографія Бецкаго могла бы имѣть настоящій интересъ въ томъ случаѣ, еслибы она была представлена на опредѣленномъ историческомъ фонѣ. Между

тѣмъ въ книгѣ г. Майкова такой фонъ совершенно отсутствуетъ. Авторъ, правда, говоритъ кое-что о педагогическихъ теоріяхъ XVIII вѣка, но въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя едва ли могутъ что-либо разъяснить читателю. Объ условіяхъ же той общественной обстановки, въ которой Бецкой осуществлялъ свои благотворительныя предпріятія и производилъ свои просвѣтительные опыты, авторъ почти совершенно умалчиваетъ. Съ другой стороны, онъ не сумѣлъ вполнѣ уберечься отъ общей многимъ біографамъ ошибки и въ своей книгѣ явился не столько изслѣдователемъ, сколько апологетомъ дѣятельности того лица, жизнь котораго онъ взялся описывать. Къ этимъ особенностямъ труда г. Майкова присоединяется еще одна, не менѣе неблагопріятная по своимъ результатамъ. Щедрою рукою перенося въ свою книгу сырой матеріалъ изъ архивныхъ источниковъ, авторъ очень мало различалъ въ этомъ матеріалѣ важное отъ неважнаго и, благодаря этому, загромоздилъ свою работу большимъ количествомъ мелочей, плохо обработанныхъ и подчасъ ни къ чему не нужныхъ. То же самое приходится, впрочемъ, сказать и объ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ автора, нерѣдко способныхъ поразить читателя своимъ наивнымъ глубокомысліемъ. Ограничимся двумя примѣрами. Какъ извѣстно, происхожденіе Бецкаго, бывшаго побочнымъ сыномъ кн. Ив. Юр. Трубецкого и родившагося во время нахожденія его отца въ шведскомъ плѣну, остается въ точности неопредѣленнымъ: одни называютъ матерью Бецкаго баронессу Вреде, другіе—баронессу Спарре, третьи — просто даму высшаго шведскаго общества. „Подобныя, ничѣмъ не подкрѣпляемыя заявленія,—замѣчаетъ по этому поводу г. Майковъ,—опровергаютъ себя сами. Если, дѣйствительно, можетъ быть доказано, что Бецкой является плодомъ связи Трубецкого съ графиней Спарре, то этимъ самымъ опровергается совершенно заявленіе, что Бецкой родился отъ графини Вреде или отъ какой либо другой особы и обратно“ (3). Аргументъ поистинѣ непреоборимый, хотя никому, кромѣ самого г. Майкова, и не приходило, конечно, въ голову приписывать Бецкому двухъ или трехъ матерей разомъ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о стремленіи Бецкаго создать путемъ воспитанія „новую породу“ людей, г. Майковъ не менѣе глубокомысленно замѣчаетъ: „это выраженіе или, точнѣе, уподобленіе служило, какъ извѣстно, предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ надъ стремленіями Бецкаго, свидѣтельствующихъ, какъ и большая часть насмѣшекъ вообще, только о легкомысліи лицъ, отваживающихся насмѣхаться надъ предметами, достойными полнаго уваженія и сочувствія. Никогда Бецкой не выражалъ намѣренія въ чемъ либо измѣнять физическое строеніе человѣка и тѣмъ создать новую породу людей. Напротивъ того, онъ указывалъ необходимость правильнаго развитія того строенія, которымъ человѣкъ одаренъ отъ природы, но

вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на нравственномъ и умственномъ развитіи человѣка. Едва ли кто станетъ оспаривать, что человѣкъ нравственно и умственно развитой до того безконечно рѣзко отличается отъ грубаго дикаря-людоѣда, что являетъ собою какъ бы совершенно особую породу человѣка, водворить которую въ нашемъ отечествѣ и старался Бецкой" (56—57). Въ дѣйствительности, вопреки мнѣнію г. Майкова, никто изъ лицъ, указывавшихъ на увлеченія Бецкаго, конечно, не заподозривалъ послѣдняго въ намѣреніи „измѣнить физическое строеніе человѣка", но вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, никто до г. Майкова не предполагалъ также, что русское общество XVIII вѣка ранѣе дѣятельности Бецкаго состояло изъ „грубыхъ дикарей-людоѣдовъ". Такихъ глубокомысленныхъ разсужденій въ книгѣ г. Майкова немало, но едва ли они особенно возвышаютъ ея цѣнность. Въ общемъ же названная книга, благодаря указаннымъ ея особенностямъ, представляетъ собою скорѣе сборникъ небезъинтересныхъ подчасъ матеріаловъ для біографіи Бецкаго, нежели дѣйствительную біографію послѣдняго, способную удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ къ историческому изслѣдованію.

Изданія Товарищества „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону. №№ 1—61.—Б. С. Трудъ и Капиталъ. Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи. Переводъ съ польскаго В. Тучапской. Изд. т-ва „Донская Рѣчь". 1903. **В. Строевъ. Очерки Государства Московскаго передъ реформами.** Изданіе Т-ва „Донская Рѣчь". 1903 г

Товарищество „Донская Рѣчь" является однимъ изъ самыхъ молодыхъ издательствъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, но за короткое время своего существованія оно успѣло уже занять видное мѣсто въ ряду издательскихъ фирмъ, стремящихся путемъ выпуска дешевыхъ книгъ содѣйствовать сближенію литературы съ читательскою массой. Въ теченіе одного лишь прошлаго года названное товарищество выпустило болѣе шестидесяти книжекъ, заключающихъ въ себѣ беллетристическія и поэтическія произведенія, и кромѣ того издало нѣсколько книжекъ научно-популярнаго содержанія. Подборъ матеріала въ этихъ книжкахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ идейнымъ издательствомъ, ясно и широко понявшимъ свою задачу. Въ беллетристическія книжки „Донской Рѣчи" вошли, напримѣръ, такія произведенія, какъ „Пріемышъ", „Ночью" и „Черкесъ" Короленко (№№ 1, 23 и 55), „Искорка" и „Чортовъ Яръ" Мельшина (№№ 15 и 16), „Майна-Вира", „Ее всѣ знаютъ" и „Бѣлыя крылья" Дмитріевой (№№ 2, 11 и 44), „Мечтатели" Златовратскаго (№ 27), „За Щупленькаго" Станюковича (№ 12), „Ночная смѣна" Куприна (№ 28), „Баргамотъ и Гараська", „Гостинецъ", „Петька на дачѣ" и „Въ Сабуровѣ" Л. Андреева (№№ 4, 7,

18 и 20), переводъ „На днѣ“ Ив. Франко (№ 47) и другія. За немногими исключеніями, вполнѣ удачно подобраны въ изданіяхъ „Донской Рѣчи“ и менѣе извѣстныя беллетристическія произведенія. Очень удачно составлены также вошедшіе въ эти изданія сборники стихотвореній — „Избранныя стихотворенія Некрасова и Никитина“ (№ 41) и „Пѣсни труда“ (№ 59). Нужно замѣтить при этомъ, что всѣ книжки „Донской Рѣчи“, изданныя очень опрятно и подчасъ снабженныя хорошими иллюстраціями, выпущены по крайне дешевой цѣнѣ. Лишь въ немногихъ случаяхъ цѣна отдѣльной книжки поднимается выше 5 копѣекъ, тогда какъ большая часть книжекъ продается по 1 к., $1^1/_2$ к., 2 к., 3 к. и 4 к., что дѣлаетъ ихъ доступными даже для наименѣе состоятельныхъ читателей. Сравнительно менѣе развитымъ остается пока въ издательствѣ „Донской Рѣчи“ отдѣлъ научно-популярныхъ книжекъ, но тѣ первые шаги, которые уже сдѣланы издательствомъ для созданія такого отдѣла, въ свою очередь нельзя не признать вполнѣ удачными. Въ общемъ изданія „Донской Рѣчи“, несомнѣнно, завоюютъ себѣ широкое распространеніе и можно только пожелать, чтобы названное издательство и впредь вело свое дѣло въ такихъ же широкихъ размѣрахъ и съ такимъ же умѣніемъ.

Эсперовъ, П. Е. Какъ надо корреспондировать и что необходимо знать корреспонденту газетъ и журналовъ. Изданіе II-е. Спб. 1904.

Первое изданіе этой брошюры, въ количествѣ 1500 экземпляровъ, разошлось менѣе, чѣмъ въ полгода; при томъ, какъ заявлено въ предисловіи ко второму изданію, большинство требованій книжныхъ магазиновъ осталось не выполненнымъ. На основаніи этого можно думать, что брошюра отвѣчаетъ, какъ говорится, назрѣвшей потребности. Изъ ежегодно увеличивающейся массы газетнаго читателя, „который почитываетъ“, нарождается и писатель, „который попописываетъ“, въ самой элементарной писательской формѣ, въ формѣ газетнаго корреспондента. Этотъ „элементарный писатель“, подобно путешественнику въ неизвѣстной странѣ, обыкновенно плохо оріентируется въ незнакомыхъ для него условіяхъ газетной дѣятельности. Сплошь и рядомъ неудача первой посланной имъ корреспонденціи надолго, если не навсегда, охлаждаетъ въ немъ пылъ писательства и препятствуетъ ему выработаться въ полезнаго лѣтописца мѣстной жизни. Руководство для такого начинающаго корреспондента является первой необходимостью и онъ будетъ радъ всякому указанію, освѣщающему темный для него лабиринтъ газетнаго сотрудничества.

Брошюра г. Эсперова въ предѣлахъ той цѣли, которая выражена въ заглавіи, вѣроятно, во многомъ удовлетворитъ жаждущихъ указаній. Вкратцѣ авторъ касается и общихъ вопросовъ

корреспондентскаго дѣла (значеніе корреспонденцій, положеніе корреспондента въ обществѣ, отвѣтственность передъ закономъ и пр.), и чисто технической стороны писанія (содержаніе корреспонденцій, ихъ форма, различіе корреспонденцій въ столичныя и въ провинціальныя изданія и т. п.). Въ этихъ указаніяхъ можно, однако, отмѣтить кой-какіе довольно существенные недочеты. Такъ, авторъ подробно толкуетъ относительно корреспонденцій о засѣданіяхъ городскихъ думъ и совсѣмъ не упоминаетъ о земскихъ собраніяхъ. Вѣроятно, это простой недосмотръ. Въ главѣ „отвѣтственность корреспондентовъ передъ своимъ начальствомъ“ г. Эсперовъ говоритъ, что „въ законѣ нигдѣ не сказано о воспрещеніи кому бы то ни было корреспондировать въ газеты и журналы“. Не лишнее было бы упомянуть при этомъ о существующемъ для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, воспрещеніи пользоваться безъ разрѣшенія начальства для своихъ литературныхъ трудовъ тѣми матеріалами, которые доступны имъ только по служебной дѣятельности. Это требованіе, насколько намъ извѣстно, неоднократно подтверждалось со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ особыми циркулярами, которые и предъявлялись чиновникамъ подъ росписку. Въ брошюрѣ приводятся двѣ примѣрныхъ торговыхъ корреспонденціи. Почему бы не привести также образцовъ корреспонденцій и другого рода или хоть указать бы на таковыя, какъ, напр., указано, какъ на образецъ иностранныхъ корреспонденцій, на „заслуживающія особаго вниманія корреспонденціи берлинскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“? Всѣ отмѣченные недостатки легко могутъ быть исправлены авторомъ въ послѣдующихъ изданіяхъ брошюры, которой мы пожелали бы еще и уменьшенія ея теперешней цѣны (55 коп. безъ пересылки), ужъ черезчуръ дорогой для такой тоненькой книжечки.

Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ (Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Труды коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ). Выпускъ II. М. 1904.

Справочникъ по устройству медицинскихъ народныхъ чтеній. (Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Коммиссія по школьной гигіенѣ и распространенію гигіеническихъ знаній). М. 1904.

Образованная пятымъ пироговскимъ съѣздомъ „коммиссія“ продолжаетъ свою полезную дѣятельность по ознакомленію народа со здравыми медицинскими и гигіеническими понятіями. Первый выпускъ „рецензій“, какъ извѣстно, вышелъ еще въ 1898 году. (Отчетъ о немъ былъ данъ въ „Р. Б.“ за 1899 г., № 1, гдѣ вкратцѣ была сообщена какъ исторія возникновенія „коммиссіи“, такъ и выработанные ею руководящіе принципы). Второй выпускъ отличается тѣми же достоинствами, какъ и первый. Здѣсь приведены отзывы компетентныхъ рецензентовъ почти о сотнѣ книгъ и брошюръ, предназначенныхъ для ознакомленія народа съ вопро-

сами медицины и гигіены. Разсмотрѣнныя сочиненія расклассифицированы по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Анатомія и физіологія, 2) Гигіена, 3) Гигіена школьная и дѣтскаго возраста, 4), Половая гигіена, 5) Микроорганизмы, заразныя болѣзни, 6) Оспа и оспопрививаніе, 7) Сифилисъ, 8) Глазныя болѣзни, 9) Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, 10) Объ алкоголизмѣ, 11) Изданія различнаго содержанія.

Каждая работа разсматривалась нѣсколькими рецензентами и тамъ, гдѣ эти судьи были не вполнѣ согласны между собою, приводятся, обыкновенно, всѣ мнѣнія.

Идея второй брошюры (справочника) „вытекла изъ потребностей жизни и практики, выражавшихся въ обращаемыхъ къ коммиссіи запросахъ со стороны врачей, желающихъ устраивать медицинскія народныя чтенія". Къ сожалѣнію, первый иниціаторъ этой работы К. М. Языковъ скончался, но коммиссія, всетаки, закончила свои труды подъ предсѣдательствомъ д-ра А. Молькова Въ брошюрѣ помѣщены: 1) Списокъ популярныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ, 2) Свѣдѣнія объ изданіяхъ, разсмотрѣнныхъ коммиссіей, 3) Списокъ тѣневыхъ картинъ по медицинѣ и ветеринаріи, 4) Приложенія (о порядкѣ разрѣшенія народныхъ чтеній и проч.). Коммиссія заявляетъ, что она „охотно беретъ на себя исполненіе порученій какъ по изготовленію тѣневыхъ картинъ, вошедшихъ въ справочникъ, такъ и по закупкѣ и высылкѣ одобренныхъ ею, а равно и всякихъ другихъ популярныхъ изданій, разъ только послѣднія возможно найти въ московскихъ книжныхъ магазинахъ".

Новый способъ леченія. Начальная книга для здоровыхъ и больныхъ. Сочиненіе **М. Платена** преподавателя и практическаго представителя системы леченія цѣлебными силами природы. Полный переводъ Ѳ. Ѳ. Коврайскаго подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Томъ первый. Спб. (годъ не обозначенъ).

Въ этой книгѣ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что ея переводъ сдѣланъ подъ редакціей д-ра медицины и бывшаго консультанта клиническаго института. Лечебникъ написанъ не врачомъ, а переводится врачемъ, и такимъ образомъ переводчикъ открыто заявляетъ, что медицинское искусство составляетъ исключеніе изъ всѣхъ научно-обоснованныхъ искусствъ, въ которыхъ требуется предварительное усвоеніе всего, открытаго трудами предшествовавшихъ поколѣній... Дѣйствительно, редакторъ провозглашаетъ оригинальную теорію, согласно которой, „врачъ только тогда можетъ понять и оцѣнить значеніе своей дѣятельности, когда онъ временно перемѣнитъ роль цѣлителя на роль паціента или—другими словами—когда онъ превратится въ объектъ врачебныхъ дѣйствій" (стр. 11). Далѣе д-ръ Зеленковъ разсказываетъ, что, заболѣвъ неврастеніей, онъ вылечился „есте-

ственными силами природы", открытыми „не патентованными медиками, а неучеными знахарями" (стр. 11).

Но, прежде всего, что такое эти естественныя силы природы, которыми лечатъ наши „неученые знахари"? Развѣ „патентованные врачи" прибѣгаютъ къ содѣйствію чего либо иного, кромѣ тѣхъ же естественныхъ силъ природы? Развѣ они лечатъ колдовствомъ и чародѣйствомъ?

Посмотримъ, что понимаетъ авторъ подъ именемъ „естественныхъ силъ природы". „Новая система леченія, говоритъ онъ на стр. 7, примѣняетъ при болѣзняхъ только естественные, самою природою представленные цѣлебные факторы, каковы: воздухъ, свѣтъ, солнце, температура, вода, движеніе, покой, массажъ, врачебная гимнастика, магнетизмъ, электричество и діэта". Прежде всего мы замѣтимъ, что всѣми этими факторами широко пользуется и научная медицина, но объ этомъ будемъ говорить ниже, а здѣсь зададимъ лишь вопросъ, почему нашъ авторъ считаетъ, напр., электричество „естественнымъ" факторомъ, а химическое сродство—неестественнымъ? Лекарства дѣйствуютъ на человѣческое тѣло своимъ химическимъ сродствомъ, и мы никакъ не можемъ понять, почему химическій агентъ менѣе естественъ, чѣмъ физическій. Милліоны наблюденій показываютъ, напр., что хининъ дѣйствуетъ благодѣтельно при лихорадкѣ, и, всетаки, хининъ объявляется неестественнымъ агентомъ. Мало того, если даже допустить то, болѣе чѣмъ рискованное, предположеніе, что хининъ потому неестественъ, что является продуктомъ фабричной обработки, то и въ такомъ случаѣ всякому мыслящему человѣку не можетъ не броситься въ глаза слѣдующая несообразность. Съ одной стороны хининъ, вѣдь, есть лишь элементъ выдѣленный изъ хинной корки, которая ростетъ „вполнѣ естественно" на хинномъ деревѣ и которою сравнительно мало пользуются лишь потому, что она (не будучи создана со спеціальною цѣлью лечить людей отъ лихорадки) заключаетъ въ себѣ сверхъ благодѣтельнаго хинина и постороннія вещества. Ну, такъ если ужъ хининъ „неестественъ", то почему же неестественна и хинная корка? Это съ одной стороны. А съ другой—мы спросимъ, какъ добывается то „электричество", которое объявлено „естественнымъ" агентомъ? Вѣдь не представляетъ же г-нъ Платенъ своихъ больныхъ непосредственно подъ удары молніи? Нѣтъ, для добыванія электрической энергіи нужна машина, нужно пользоваться *химическимъ сродствомъ* цинка и какихъ нибудь кислотъ. И, всетаки, это электричество, добытое при содѣйствіи машинъ и химическаго сродства „естественно", а хинная корка „неестественна"! Такова путаница понятій у нашего автора.

Выше мы уже указали на то обстоятельство, что всѣми агентами „естественнаго метода леченія" давно и широко пользуется и научная медицина. Спеціально та неврастенія, отъ которой

вылечился редакторъ перевода, какъ ему самому должно хорошо быть извѣстно, лечится именно покоемъ, свѣтомъ, ваннами, хорошимъ воздухомъ и діэтой. Пресловутый „естественный“ методъ лѣченія заключается просто на просто въ томъ, что безъ всякаго основанія признаютъ лишь одну часть врачебнаго воздѣйствія и отрицаютъ другую. А такъ какъ за это естественное врачеваніе въ огромномъ большинствѣ случаевъ берутся люди совершенно невѣжественные и весьма часто недобросовѣстные, то дѣятельность этихъ „естественныхъ“ цѣлителей часто ведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, примѣромъ чему можетъ служить смерть Бобрищева-Пушкина въ „санаторіи“ Ламана (одного изъ авторитетовъ нашего автора), о которой такъ много писали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Проповѣдники „естественнаго“ леченія пользуются общеизвѣстными, азбучными истинами гигіены, вродѣ того, что свѣтъ и хорошій воздухъ полезны, что не слѣдуетъ объѣдаться (стр. 10), что слѣдуетъ держать свое тѣло въ чистотѣ (стр. 187) и т. п., и, затѣмъ, открывши такимъ образомъ (по учебникамъ гигіены) Америку, провозглашаютъ свой методъ „новымъ“, „естественнымъ“ въ противуположность „неестественному методу“ научныхъ врачей. На самомъ дѣлѣ нова у нихъ лишь одна неразборчивость въ примѣненіи цѣлебныхъ воздѣйствій. Напримѣръ, научная медицина очень широко пользуется водолеченіемъ во всѣхъ его видахъ. Вспомнимъ только, какая масса гидротерапевтическихъ заведеній имѣется во всѣхъ мало-мальски значительныхъ городахъ, какая масса больныхъ отсылается на морскія и рѣчныя купанья, на всевозможныя минеральныя воды; мы не говоримъ уже о томъ, не поддающемся учету, великомъ множествѣ всяческихъ обтираній, обливаній, душей, ваннъ и т. п., прописываемыхъ ежедневно практическими врачами своимъ паціентамъ на дому. Послѣ всего этого всякому станетъ ясно, что цѣлебное воздѣйствіе воды отнюдь не игнорируется научною медициною. Но научная медицина изучаетъ показанія и противупоказанія для примѣненія воды. Представители научной медицины написали тысячи томовъ для выясненія того, какъ вліяетъ вода извѣстной температуры на сердце, периферическіе сосуды, обмѣнъ веществъ, почки, кожу и т. п.; они изучали, напр., какъ вліяютъ углекислыя ванны на сердце, какой температуры ванна полезна при тифѣ, какъ вліяютъ тѣ или иныя воды на обмѣнъ веществъ. Но все это, видите ли, неестественные методы леченія. А естественнымъ методомъ является лишь тотъ, когда какой нибудь пасторъ Кнейпъ заставитъ *всѣхъ* своихъ паціентовъ безъ разбору ходить босыми ногами по водѣ и начнетъ опять-таки *всѣхъ ихъ* обливать водою. Конечно, при этомъ человѣкъ страдающій, напр., нефритомъ, несомнѣнно умретъ на много лѣтъ ранѣе, чѣмъ умеръ бы безъ

содѣйствія пастора, но всетаки онъ будетъ пользоваться вполнѣ „естественнымъ“ методомъ.

Итакъ, повторяемъ, и свѣтъ, и воздухъ, и вода, и электричество, и діэта, и массажъ, и покой, и движеніе,—все это давнымъ давно широко примѣняется научными врачами; а естественные цѣлители привносятъ сюда лишь неразборчивость въ примѣненіи этихъ средствъ, неразборчивость, основанную прежде всего на ихъ крайнемъ невѣжествѣ.

А насколько невѣженственъ авторъ разбираемой нами книги, читатель можетъ судить по тѣмъ немногимъ цитатамъ, которыя мы сейчасъ приведемъ (и которыя мы могли бы умножить чуть не въ сто разъ).

Вотъ, напр., образецъ знанія нашимъ авторомъ анатоміи: „Давленіе изъ нижней части живота гонитъ инородное вещество вверхъ мимо ушей къ скуламъ“ (стр. 231). А вотъ знанія по физіологіи пищеваренія: „Какъ доказали физіологи (?), въ человѣческомъ желудкѣ переваривается только чисто растительная пища, тогда какъ при употребленіи мяса только продолжается процессъ разложенія трупа животнаго“ (стр. 16). Или вотъ еще любопытное мѣсто: „Рекомендуется не кипятить молоко (какъ извѣстно, поясняетъ авторъ въ примѣчаніи, молоко кипятятъ, имѣя въ виду предотвратить процессы броженія), а только подогрѣвать его передъ употребленіемъ. Процессъ пищеваренія совершающійся въ человѣческомъ организмѣ, есть процессъ броженія, а потому, если отнять у молока заранѣе возможность подвергнуться броженію въ желудкѣ, то оно становится неперевариымымъ“ (стр. 28). Вотъ, наконецъ, въ заключеніе идеи автора по общей патологіи: „Послѣдователь естественнаго метода леченія, Луи Куне, своимъ знаменитымъ открытіемъ „единства всѣхъ болѣзней“, пролилъ лучъ свѣта на хаосъ мнѣній, гипотезъ и ученыхъ противорѣчій, касающихся происхожденія и сущности болѣзней. Онъ объясняетъ возникновеніе всякой болѣзни накопленіемъ въ тѣлѣ постороннихъ, чуждыхъ ему веществъ, которыя болѣе или менѣе долгое время пребываютъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, въ томъ или другомъ органѣ, вызывая этимъ порчу соковъ, разстройство кровообращенія и измѣненія въ тѣлѣ, пока, наконецъ, внѣшнее вліяніе, такъ называемый вызывающій моментъ, не подѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на организмъ и тѣмъ самымъ не обусловитъ броженія болѣзнетворныхъ веществъ“ (стр. 226). Такимъ образомъ, значитъ, когда человѣкъ заражается, напр., сыпнымъ тифомъ, или оспою, или дифтеритомъ, то это происходитъ лишь отъ того, что у него давно уже были постороннія вещества, а самый моментъ заразы въ лучшемъ случаѣ былъ лишь „вызывающимъ моментомъ“, обусловившимъ „броженіе болѣзнетворныхъ веществъ“! Думаемъ, что уже никакихъ комментарій не нужно къ слѣдую-

щему мѣсту: „Хроническія болѣзни могутъ быть излѣчены лишь тогда, когда онѣ будутъ приведены извнутри наружу (?!), т. е. вновь превращены въ острыя“ (стр. 246).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Н. Пружанскій. Во снѣ и на яву. Разсказы и эскизы. Изд. т-ва Трудъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Д. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало смерти. Книгоиздательство Скорпіонъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Гуревичъ. Сѣдокъ и др. разсказы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. IV. Чукотскіе разсказы. Кн. 2. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 1 р.

А. Стриндбергъ. Отецъ. Драма въ 3 дѣйств. Изд. С. Скирмунта М. 1904. Ц. 40 к.

Отголоски жизни. Литер. сборникъ. Изд. ***А. Я. Деминева***. Рыбинскъ. 1904. Ц. 50 к.

Конанъ-Дойлъ. Записки врача. Перев. съ англ. Н. д'Андрé. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Королевская кормилица. По ром. Ауэрбаха составила ***М. К. Цебрикова***. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Мире. Жизнь. Изд. Мукосѣева. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 1 р.

И. Теноромо. Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ. 1904. Ц. 25 к.

Максъ О'Реллъ. Правда о женщинѣ. Перев. съ англ. Н. d'Андрé. Спб. 1904. Ц. 65 к.

А. Л. Ш. Стихотворенія. М. 1904. Ц. 60 к.

Оскаръ Уайльдъ. Баллада Рэдингской тюрьмы. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта Книгоизд. Скорпіонъ. М. 1904. Ц. 50 к.

Ольга Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы. Изд. В. И. Раппъ, В. И. Потапова и С. Г. Лозинскаго. Кіевъ. 1904. Ц. 30 к.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографич. словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Съ алфав. указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904. Ц. 2 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій ***В. Г. Бѣлинскаго***. Подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Т. VII. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Я. Чимишлійскій. Женскіе типы въ произведеніяхъ Вербицкой. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Кобзари и лирники Кіевской губ. въ 1903 г. Изд. ***Кіевскаго Губ. Стат. Ком***. Кіевъ. 1904.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. 2-е дополн. изд. подъ ред. П. И. Вейнберга. Кн. III. Германія. Вып. VII и VIII. М. 1904.

Д. Н. Трескинъ Мѣщанскій вѣкъ. Кіевъ. 1904. Ц. 10 к.

Ив. Чистяковъ. Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики. М. 1904. Ц. 3 р.

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографич. очеркъ. Изд. ред. газеты „Восточное Обозрѣніе“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Программы чтенія для самообразованія. Изд. Отд. для содѣйств. самообразов. въ комитетѣ Педагогическ. музея военно-учебн. заведеній. Спб. 1904. Ц. 40 к.

А. Е. Крымскій. Филологія и погодинская гипотеза. I—IV. Кіевъ. 1904.

Н. Флеровскій. Критика основныхъ идей естествознанія. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

М. Чуносовъ. Этюды. Изд. и ред. І. Ясинскаго. Спб. Ц. 30 к.

Очерки по крестьянскому вопросу. Сборникъ статей подъ ред. ***А. А. Манулова***. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

А. Дамашке. Задачи городского хозяйства. Перев. съ нѣм. В. Я. Ка-

нель съ предисл. И. Х. Озерова. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности. Т. I. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, І. В. Гессена, М. И. Ипполитова, А. А. Леонтьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго, Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. Изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи ред. газ. „Право". Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Е. Бемъ-Баверкъ. Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ. Перев. съ нѣм. А. Санина. Изд. О. Н. Поповой. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

А. И. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса. 1904. Ц. 30 к.

Танъ. Изд. Н. Глаголева. Спб. Черный студентъ. Разсказъ. Ц. 4 к. Пашенькина смерть. Разсказъ. Ц. 7 к. Кто первый пролилъ кровь. Очеркъ. Ц. 4 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. О. Н. Поповой. ***А. Доде***. Военные разсказы. Ц. 8 к. Разсказы. Ц. 10 к. и 6 к. Моя мать Жакъ. Ц. 12 к. ***В. Гауффъ***. Избранныя сказки. Ц. 30 к. Спб. 1904.

Благотвор. об-во изданія дешевыхъ и полезныхъ книгъ. Наймычка. Поэма ***Тараса Шевченка***. Ц. 3 к. ***Немоловъскый Ф. И***. Бжильныцтво. Ц. 10 к. Мудрый учитель. Оповиданя про Сократа. Ц. 5 к. ***О. Русовъ***. Прыгода на хутори. Ц. 5 к. ***М. Загирня***. Якъ выгадано машыною йиздыты. Ц. 3 к. ***Михайло Ганько***. Якъ дбаешь, такъ и маешь. Ц. 3 к. ***Е. Чикаленко***. Розмова про сельске хозяйство. Ц. 6 к.

Алексѣй Плетневъ. Жизнь и мечты. Очерки, путев. замѣтки, критика и публицистика. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Г. Вейперзе. Японія въ наши дни. Соціолог. этюды. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ ***О. Франке***. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Пер. съ нѣм. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1904.

Карта театра русско-японской войны, вывѣренная по послѣднимъ даннымъ ***С. Н. Никитинымъ***. 21×15 вершк., въ 6 красокъ. Спб. Ц. 65 к.

Новая карта театра военныхъ дѣйствій. Изд. ***А. Ф. Маркса***. Спб. 1904. Ц. 80 к.

П. А. Голубевъ. 200-лѣтіе русской горной промышленности. Изд. Пермскаго научно-промышленнаго музея. Пермь. 1904.

М. А. Гитерманъ. Опытъ руководства къ самоизученію латинскаго яаыка. Одесса. 1904. Вып. I. Ц. 90 к.

Б. Б Искусство узнавать будущее. Гаданіе на картахъ. Севастополь. 1904. Ц. 50 к.

Ad. Fedorow. Die Firma Vogt und Meier. Leitfaden für den deutschen Unterricht. St.-Petersburg. 1904. Preis 1 R.

Сборникъ матеріаловъ объ экономич. положеніи евреевъ въ Россіи. Томы I и II. Изд. еврейскаго колонизац. общества. Спб. 1904. Ц. 6 р.

Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 годъ. Спб. 1904.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности Покровскаго приходскаго попечительства на Алтаѣ. Казань. 1903.

Постановленія девятаго Пироговскаго ***съѣзда***. Изд. о-ва врачей въ память Н. И. Пирогова. М. 1904.

Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1902 г. Спб. 1904.

Отчетъ Дворянскаго Земельнаго Банка за 1902 г. Спб. 1904.

Политика.

Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—На сушѣ. — У Портъ-Артура. — На морѣ.—Захватъ нейтральныхъ судовъ.

I.

Резюмируя ходъ военныхъ событій за первые четыре съ половиной мѣсяца войны (27 января до 14 іюня) въ прошломъ нашемъ обзорѣ, мы сказали слѣдующее (могущее послужить введеніемъ къ событіямъ отчетнаго мѣсяца):

„Если первые два мѣсяца войны главную роль играли событія на морѣ, то въ теченіе вторыхъ двухъ мѣсяцевъ первенствующее значеніе пріобрѣли событія на сушѣ. Выведеніе изъ строя „Ретвизана“, „Цесаревича“ и „Побѣды“, гибель „Петропавловска“, „Варяга“, „Енисея“, двухъ миноносцевъ и миннаго катера и обезоруженіе „Манчжура“ представляли собою рядъ событій, которыя утвердили за японцами морскую супрематію, превративъ нѣкоторое преобладаніе на морѣ въ господство. Японскія потери на морѣ за это время состояли изъ потопленія крейсеровъ „Такашихо“ и „Акаши“ (и быть можетъ „Ицукушима“) и нѣсколькихъ миноносцевъ и совершенно не соотвѣтствовали русскимъ потерямъ. Запереть русскія эскадры въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ японцамъ не удалось, но привести ихъ къ бездѣйствію и обезопасить отъ нихъ свои морскія сообщенія, это было японцами достигнуто и дало имъ возможность энергически повести сухопутное наступленіе, занявшее собою слѣдующій періодъ войны. Трудно сказать, завершился ли онъ уже сраженіями на перевалахъ хребта, долгое время раздѣлявшаго двѣ враждебныя арміи, или нѣкоторое время событія будутъ развиваться еще въ томъ же направленіи, но уже теперь можно сказать, что въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ (съ половины апрѣля до половины іюня) событія развивались въ сторону такого же преобладанія японцевъ на сушѣ, какъ ранѣе того въ сторону ихъ преобладанія на морѣ. Сраженія при Тюренченѣ, при Цзинъ-Чжоу, при Вафангоу и на перевалахъ обнаружили это сухопутное преобладаніе японцевъ“. О событіяхъ на морѣ за этотъ же двухмѣсячный періодъ (апрѣль до половины іюня) мы тогда же выразились: „Появленіе портъ-артурской эскадры и активныя дѣйствія владивостокской составляютъ крупное военное событіе, которое снова перемѣщаетъ интересъ борьбы съ суши на море“. Исходя изъ этихъ сжатыхъ резюме положенія дѣлъ на сушѣ и на морѣ мѣсяцъ тому назадъ, намъ предстоитъ теперь отвѣтить: развивались ли событія на сушѣ въ прежнемъ направленіи, возможность чего была выше

предвидѣна? И въ самомъ дѣлѣ на морѣ поколеблено ли господство японцевъ, какъ можно было думать мѣсяцъ тому назадъ?

Начнемъ съ событій на сушѣ.

Нашъ отчетъ о событіяхъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи мы закончили въ прошлой хроникѣ сообщеніями нашихъ военачальниковъ о движеніи второй арміи японцевъ (ген. Оку) отъ Сеньючена къ Гай-Чжоу и о занятіи третьей арміей (ген. Нодзу) Далинскаго перевала, а первою японскою арміей (ген. Куроки) переваловъ Модулинскаго и Фейшулинскаго. Донесеніе нашихъ военачальниковъ доводили изложеніе событій до 14—15 (27—28) іюня. Дальнѣйшія событія за слѣдующій мѣсяцъ изображаются тѣми же донесеніями *) въ слѣдующемъ видѣ:

21 іюня (ген.-лейт. Сахарова). „Въ ночь на 19-е іюня на фронтѣ южнѣе Гайчжоу противникъ (Оку) потѣснилъ нашу правофланговую заставу, стоявшую недалеко отъ берега моря въ селеніи Гуаньцзятунь. Утромъ 20-го іюня, подошедшія наши подкрѣпленія вновь заняли Гуаньцзятунь. Послѣ полудня отрядъ противника, силою до двухъ баталіоновъ и шести эскадроновъ при шести пулеметахъ, предпринялъ наступленіе. Главная масса противника (армія Оку) слѣдовала западнѣе желѣзной дороги и двѣ роты восточнѣе. Наши заставы, расположенныя южнѣе долины рѣчки Хо, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля стали отходить назадъ, кромѣ заставы у Сяохедзы. Начальникъ передовой кавалеріи, получившій донесеніе о происходящемъ, въ 2 часа 30 минутъ пополудни двинулся на рысяхъ съ отрядомъ къ Баосичжаю. Къ этому времени противникъ выставилъ пулеметы на высотѣ къ сѣверо-западу отъ Дуншхецзы, а пѣхотою занялъ опушки близъ лежащихъ деревень. Наша конная батарея выѣхала на позицію у Баосичжая, у желѣзной дороги, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ драгунъ и пограничниковъ. Подъ нашимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ противникъ поспѣшно очистилъ занятую имъ линію и сталъ отступать къ Сеньючену. Наша конница преслѣдовала японцевъ до ихъ передовой позиціи въ верстахъ шести на сѣверъ отъ Сеньючена, оказавшейся сильно укрѣпленной и весьма прочно занятой. Дер. Тамярлгоу 20-го іюня очищена японцами, но перевалъ Чапанлинъ остается занятымъ ихъ отрядомъ, равно какъ и Мадявайза, на сѣверной дорогѣ отъ Сюяня черезъ Уйдалинскій перевалъ (здѣсь уже войска ген. Нодзу). Небольшой передовой японскій отрядъ занялъ и укрѣпился въ селеніи Ліутятатырлъ. Повидимому, главныя силы противника нынѣ группируются у Вандзяпудза на Хайченскомъ направленіи (войска Куроки) и у Шихуйо

*) Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ стоятъ ковычки, сообщенія эти приведены дословно, при этомъ повсюду мы опускаемъ гипотезы (интересныя въ свое время, но не черезъ мѣсяцъ) и свѣдѣнія о потеряхъ (по ихъ неполнотѣ для русскихъ и совершенномъ отсутствіи данныхъ для японцевъ).

(Нодзу) въ 16 верстахъ на западъ отъ Сюяня, по дорогѣ въ Гайчжоу и Дашичао. Развѣдками 20-го іюня выяснено, что Далинскій перевалъ противникомъ укрѣпляется".

21 іюня (ген.-лет. Сахарова). „Къ 20-му іюня авангардъ отряда, находящагося къ востоку отъ Ляояна, занималъ позицію на перевалѣ Янзелинъ. Къ вечеру 20-го іюня развѣдками было выяснено, что передовой отрядъ противника силою до 1,500 человѣкъ занимаетъ передъ фронтомъ нашего расположенія деревни Тхавуанъ и Чакуменза, а главныя силы его остались позади на Фыншуйлинскомъ и Модулинскомъ перевалахъ. Къ этому же времени обнаружилось движеніе японскаго отряда силою до одного баталіона въ обходъ лѣваго фланга позиціи на Янзелинскомъ перевалѣ въ направленіи на Ляньдяньсянъ. Для противодѣйствія этому были высланы въ угрожаемомъ направленіи отряды общей силой въ пять ротъ, двѣ конныхъ охотничьихъ команды и полусотня казаковъ. Для выясненія силъ противника (Куроки), находящихся передъ Янзелинской позиціей, начальникъ отряда приказалъ произвести въ ночь на 21-е іюня усиленную развѣдку на Тхавуанъ, Чиндяпуза и Лидяпуза и кумирню на перевалѣ Сяокаолинъ въ составѣ десяти ротъ подъ начальствомъ полковника Лечицкаго. Для демонстраціи и для обезпеченія возвращенія отряда Лечицкаго три роты подъ начальствомъ подполковника Гарницкаго должны были слѣдовать на Макуменза (въ 2 хъ верстахъ южнѣе Тхавуана) и на перекрестокъ дорогъ на перевалы Синкайлинъ и Лахолинъ. Въ 1 часъ 15 мин. пополуночи 21-го іюня обѣ колонны двинулись по указаннымъ направленіямъ; въ 2 часа 30 минутъ началась перестрѣлка. Колонна подполковника Гарницкаго достигла перекрестка дорогъ на Синкайлинъ и Лахолинъ и сбила здѣсь заставу противника силою въ одну роту. Въ тоже время колонна полковника Лечицкаго безъ выстрѣла сбила передовые посты противника и подошла къ подошвѣ высотъ съ кумирней въ 6-ти верстахъ на востокъ отъ Тхавуана. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла начальникъ отряда доноситъ: „Пройдя Лидяпузу въ 3 часа 55 мин. наши кинулись на заставу, которая открыла съ сопки огонь, но была опрокинута. Наша колонна, наступая безъ выстрѣла и обстрѣливаемая съ фронта и фланга, подошла на 150 шаговъ до перевала, въ каковомъ мѣстѣ была встрѣчена сильнымъ огнемъ пачками. Передовыя части бросились въ штыки и послѣ штыковой свалки выбили японцевъ изъ окоповъ и перевалъ былъ занятъ. Въ виду того, что непріятель сталъ наступать съ фронта и съ фланговъ въ значительныхъ силахъ, начальникъ колонны, какъ ему было указано раньше, началъ отходить. Правая колонна подполковника Гарницкаго выступила изъ Тхавуана въ 2 часа ночи и направилась на Макуменза и къ перекрестку дорогъ отъ Лахолинскаго и Синкайлинскаго переваловъ. У Гарницкаго произошелъ также штыковой бой съ японской заставой, которая была

частью переколота, частью отброшена. Три роты Гарницкаго заняли указанное имъ мѣсто. Съ началомъ отхода Лечицкаго начался убійственный огонь съ сопокъ и съ перевала, занятаго японцами. Не смотря на это, колонна отходила въ блестящемъ порядкѣ, какъ на парадѣ. Молодецъ полковникъ Лечицкій, все время остававшійся въ цѣпи, съ замѣчательнымъ умѣніемъ и хладнокровіемъ руководилъ колонной и отошелъ послѣднимъ съ начальникомъ штаба капитаномъ Серебрянниковымъ и адъютантомъ поручикомъ Григорьевымъ. Всѣ части, входившія въ составъ этой колонны и три роты, составлявшія колонну Гарницкаго, вели себя одинаково блестяще, спокойно и безъ всякой суеты исполняя возложенныя на нихъ задачи".

23 іюня (ген.-л. Сахарова). „21 іюня на южномъ фронтѣ противникъ пытался оттѣснить линіи нашихъ заставъ, но попытки его не удались. Въ виду очищенія японцами деревень Вафангоу и Потайцза, а также свѣдѣній объ отходѣ ихъ передовыхъ частей на лѣвый берегъ рѣки Сеніокохе, нами 21 іюня была произведена усиленная развѣдка въ направленіи на Сеньюченъ (противъ Оку). Въ 9 часовъ утра небольшія передовыя части противника изъ пѣхоты и конницы съ двумя пулеметами были обнаружены на линіи деревень Ванцинпу—Янцанятунъ и Бацзяцзы по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, верстахъ въ шести на сѣверъ отъ Сеньючена. Огонь спѣшенной конницы и охотниковъ и обходъ лѣваго фланга заставили японцевъ очистить занимаемую ими линію и отойти на высоты у Хоушичана, въ четырехъ верстахъ на сѣверъ отъ Сеньючена. Наша батарея, ставшая на позицію, открыла огонь по конницѣ и коноводамъ противника, устраивавшимся на высотахъ; огонь былъ настолько удаченъ, что съ первыхъ же нашихъ выстрѣловъ японцы обратились въ бѣгство къ Сеньючену, побросавъ своихъ раненыхъ, лошадей, оружіе и амуницію. Наша охотничья команда овладѣла желѣзнодорожной станціей, но далѣе продвинуться не могла, ибо стѣны города Сеньючена оказались занятыми японской пѣхотой и горной артиллеріей, равно какъ и высоты въ пяти верстахъ на востокъ отъ Сеньючена. Въ то же время съ лѣваго берега рѣки Сеніокохе полевыя орудія противника открыли огонь по станціи и по высотамъ у Хоушичана, занятымъ нами. Усиленная развѣдка выяснила присутствіе довольно значительныхъ силъ противника на лѣвомъ берегу рѣки Сеніокохе и нахожденіе его передовыхъ частей въ Сеньюченѣ и на высотахъ восточнѣе этого города, въ томъ числѣ шесть эскадроновъ конницы съ пулеметами. Въ Сядянѣ противникъ занимаетъ постами южный склонъ перевала, имѣя заставу въ селеніи Шаньцзуй, въ шести верстахъ на югъ отъ Сядяня. Также заняты противникомъ Сыфантай и высоты къ югу отъ Потайцзы. Одинъ нашъ разъѣздъ, проникшій 22-го іюня за линію сторожевого охраненія противника до селенія Чжоуцзятунъ, въ горахъ, въ 26

верстахъ на востокъ отъ Сеньючена, разсѣялъ здѣсь японскій разъѣздъ, захвативъ оружіе, лошадей и аммуницію.

Въ общемъ развѣдки выяснили, что линія сторожевого охраненія противника (Оку) въ горномъ раіонѣ къ востоку отъ желѣзной дороги простирается отъ высотъ къ югу отъ Потайцзы до Шихуаляуза въ долинѣ лѣваго притока рѣки Чинстонъ черезъ селенія Сыфантай, Шаньцзуй, Яншуфанъ, Линцзяпу... Тамярглоу очищено японцами, равно какъ и Мадявайза (Нодзу) на пути отъ Кханза къ Сяхотану; перевалъ Чапанлинъ занятъ небольшимъ отрядомъ противника. 21-го іюня передовой отрядъ противника вытѣсненъ нами изъ Ліутятатырла и поспѣшно отошелъ къ Уйдалинскому перевалу; для развѣдки Уйдалинскаго перевала часть нашихъ войскъ направилась въ обходъ лѣваго фланга позиціи, но была встрѣчена японскими ротами, старавшимися отрѣзать ей путь отступленія, но остановленными огнемъ подоспѣвшей нашей конницы. За это время наши охотники, подошедшіе къ перевалу съ сѣвера, высмотрѣли позицію и силу противника, ее занимающія, (Нодзу) каковыхъ оказалось болѣе полка пѣхоты, полкъ кавалеріи, четыре орудія и нѣсколько пулеметовъ.

На направленіи Симученъ-Далинскій перевалъ японцы попрежнему занимаютъ линію сторожевого охраненія отъ Ланафана черезъ Сунтодзы до Танагоу".

Разбираясь въ этихъ деталяхъ, мы видимъ, что эти десять дней, съ 14 по 24 іюня (27 іюня—7 іюля), японцы не предпринимали ничего рѣшительнаго, усиливая свои позиціи и подводя подкрѣпленія. Со стороны русскихъ обнаружено было много энергіи въ усиленныхъ рекогносцировкахъ, порою переходившихъ въ небольшія битвы. Въ общемъ, однако, японцы нѣсколько продвинулись впередъ по всѣмъ четыремъ линіямъ ихъ наступленія: отъ Сеньючена на Гай-чжоу и Дашичао (Оку), отъ Сюяна на Дашичао (Нодзу), черезъ Модулинскій перевалъ на Семюченъ (къ Ляояну) (Куроки) и отъ Саймацзы по мукденской дорогѣ (12 я дивизія изъ войскъ Куроки). На всѣхъ этихъ линіяхъ развѣдками обнаружены значительныя силы японцевъ, превосходящія выставленныя противъ нихъ русскія силы. Такъ дѣло обстояло до 24 іюня, когда начали поступать сообщенія о новомъ движеніи японцевъ, серьезномъ и значительномъ съ юга и юго-востока и болѣе демонстративнаго характера по другимъ направленіямъ. Донесенія русскихъ военачальниковъ такъ изображаютъ эти событія:

24 іюня (ген.-л. Сахарова). „Съ семи часовъ утра 23-го іюня пѣшія и конныя части противника (Оку) появились на сѣверъ отъ Сеньючена, при чемъ группа конницы, силою въ пять эскадроновъ, направилась къ селеніямъ Луншуйхе—Цуйузятунь и Лунцзятунъ. Въ то же время съ пяти часовъ утра, отрядъ противника, силою до трехъ баталіоновъ, предпринялъ наступленіе въ горномъ раіонѣ

на востокъ отъ желѣзной дороги. Подполковникъ Запольскій задерживалъ наступленіе японцевъ до десяти часовъ утра, когда, обойденный съ лѣваго фланга, долженъ былъ отойти. Начальникъ отряда, слыша съ утра 23-го іюня разгорающуюся перестрѣлку въ горахъ, направилъ сначала на выстрѣлы къ Сяохецза, одну роту и охотничью команду, а самъ въ 9 часовъ утра выступилъ на югъ, намѣреваясь слѣдовать къ Сяохецза, но за это время противникъ, наступавшій съ юга вдоль линіи желѣзной дороги, успѣлъ занять баталіономъ пѣхоты и четырьмя эскадронами возвышенности у Таофапу на правомъ берегу рѣки Хо, вблизи желѣзнодорожной линіи; точно также двѣ роты и четыре эскадрона преградили наше движеніе на высотахъ, верстахъ въ четырехъ восточнѣе Баосичжая. Утромъ 23-го іюня японцы тоже повели наступленіе съ фронта отъ Шаньцзуй и дальнимъ обходомъ отъ верховьевъ долины рѣки Цилингоу на Ляогуво, въ 13 верстахъ отъ Гайчжоу въ юго-восточномъ направленіи, при чемъ одна наша рота защищала перевалъ къ югу отъ Сядяня весьма упорно и отошла подъ напоромъ противника. Къ 6 часамъ вечера 23-го іюня три баталіона противника съ артиллеріей расположились между Нантай и Чжунфуцзы, имѣя передовыя части въ окрестностяхъ Юйлинпу и Сяохецзы, при чемъ эти послѣдніе два пункта были очищены японцами къ утру 24-го іюня. Вообще въ теченіе 23-го іюня наблюдался переходъ въ наступленіе противника одновременно всѣмъ своимъ фронтомъ на пространствѣ отъ побережья до долины рѣки Чинстанъ.

Развѣдчики за 22-е и 23-е іюня выяснили начавшееся движеніе отъ Сеньючена на сѣверъ вдоль линіи желѣзной дороги и восточнѣе колонны противника, силою до одной дивизіи пѣхоты съ двумя полками конницы при 60 орудіяхъ. Утромъ 24-го іюня въ окрестностяхъ Сяохецза былъ обнаруженъ обширный непріятельскій бивакъ. 24-го іюня съ 4 часовъ 30 минутъ утра противникъ (Оку) возобновилъ наступленіе вдоль линіи желѣзной дороги и къ восьми часамъ утра занялъ высоты у Баосичжая".

25 *іюня* (ген.-л. Сахарова). „Съ утра 24-го іюня наша конница медленно отходила отъ Баосичжайскихъ высотъ къ Гайчжоу, задерживая наступленіе противника, который направилъ шесть эскадроновъ берегомъ моря для обхода нашего праваго фланга. Къ 2 часамъ дня три эскадрона противника заняли Сялацзы и здѣсь нѣкоторое время были задержаны огнемъ нашей батареи. Къ 5 часамъ дня, три баталіона японской пѣхоты съ 12 орудіями заняли высоты у Баосичжая вблизи желѣзной дороги. Пѣхотныя ихъ цѣпи показались на высотахъ къ востоку отъ желѣзнодорожной линіи до Юйлинпу въ то время, какъ 15 эскадроновъ конницы выдвинулись на линію деревень Сялацзы-Сяо-Атхайцзы. Противъ нашего отряда, стоявшаго въ окрестностяхъ Хэцзятунъ, въ 2 ч. 30 мин. дня открыла огонь непріятельская батарея съ перевала

къ югу отъ Юйлиньу, что заставило этотъ отрядъ отойти къ Ѣцзягоу (въ 6 верстахъ на югъ отъ Гайчжоу). Около 10 часовъ утра, четыре роты противника заняли Суншудися (въ 14 верстахъ отъ Гайчжоу въ юго-восточномъ направленіи), одновременно съ симъ, отрядъ противника къ вечеру тремя ротами занялъ французскую католическую миссію Янгуанькоу (въ 7 верстахъ отъ Гайчжоу въ юго-восточномъ направленіи); также къ вечеру было занято пятью ротами японцевъ селеніе Луамяопфуза. Обширные биваки противника были усмотрѣны на сѣверномъ склонѣ высотъ лѣваго берега долины рѣки Кантахе. Въ ночь на 25-е іюня послѣ полуночи противникъ, силою до двухъ ротъ, подбирался къ нашимъ заставамъ на лѣвомъ берегу Кантахе, но былъ обнаруженъ и отбитъ ружейнымъ огнемъ. Съ 5 часовъ утра 25-го іюня противникъ, общей силой до двухъ дивизій пѣхоты съ конной бригадой, возобновилъ наступленіе на Гайчжоу. Къ 8 часамъ утра, противникъ пріостановилъ наступленіе на склонахъ южнаго берега долины Кантахе.

Нашими развѣдками положительно выяснилось нахожденіе отъ одной до полуторы дивизій противника (Нодзу) съ главными силами у Хонцзяпуцзы (въ 12 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Кханза) и съ авангардами, выдвинутыми на перевалы Уйдалинъ и Чапанлинъ и на дороги изъ Кханза къ Ерлдагоу и Сяньдяю. Также точно опредѣлилось присутствіе на направленіе Ванцзяпуцзы — Далинскій перевалъ свыше двухъ японскихъ дивизій".

26 іюня (ген.-л. Сахарова). „Въ теченіе 25-го іюня нашъ отрядъ оставался у станціи Гайчжоу, имѣя заставы на правомъ берегу рѣки Кантахе. Противникъ занималъ высоты лѣваго берега рѣки, укрѣпляясь на нихъ. Наша батарея отъ желѣзнодорожнаго моста открывала огонь по появляющимся въ долинѣ Кантахе разъѣздамъ противника. Около 12 часовъ дня произошла перестрѣлка съ отрядомъ противника нашей роты, наблюдавшей бродъ у Мыньдяломо, къ западу отъ желѣзной дороги; противникъ отступилъ. Къ вечеру 25-го іюня противъ Гайчжоу на фронтѣ отъ берега моря до французской католической миссіи въ Янгуанькоу можно было опредѣлить силы противника въ четыре дивизіи съ конной бригадой. Съ разсвѣтомъ 26-го іюня, противникъ возобновилъ наступленіе противъ аріергарда нашего отряда, который около $6^1/_2$ часовъ утра, отошелъ отъ Гайчжоу на 4 версты на сѣверъ, къ позиціи на перевалѣ Шуанлунсы. Къ 10 часамъ утра, подъ сильнымъ напоромъ противника, нашъ аріергардъ отошелъ на позицію у Махунцзуйцзы и Яолинцзы, въ пяти верстахъ на сѣверъ отъ перевала Шуанлунсы. На этой позиціи аріергардъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, держался до 2 час. дня, когда въ полномъ порядкѣ медленно отошелъ, по приказанію начальника отряда, на третью позицію у Чжуцзяньдяньдзы. Въ то время какъ главныя силы нашего отряда сосредоточивались у

Дачапу, на позиціи у Махунцзуйцзы весьма сильный орудійный огонь противника продолжался безъ перерыва въ теченіе двухъ часовъ, но не смотря на это наша батарея состязалась, успѣшно дѣйствуя по перевалу Шуанлунсы и отошла почти безъ потерь. На нашемъ флангѣ конная батарея обстрѣливала японскую батарею, занимавшую позицію у Саньгойши, вблизи желѣзной дороги. Конница противника въ это время медленно подвигалась по прибрежной дорогѣ въ Инкоу".

Такимъ образомъ, японцами 26 іюня (9 іюля) былъ занятъ Гай-Чжоу (или Гай-Пинъ, когда объ немъ говорятъ, какъ о портѣ). Въ прошлой хроникѣ мы приводили свѣдѣніе, что вскорѣ послѣ высадки у Бицзыво второй японской арміи Гай-Пинъ (Гай-Чжоу) былъ обстрѣленъ японскою эскадрою и занятъ японскимъ десантомъ, безъ сопротивленія со стороны русскихъ. Японцы думали здѣсь высаживать свою четвертую армію, но потеря броненосца „Гацсусе", крейсеровъ „Іошино" и „Міако" и нѣсколькихъ миноносцевъ побудила ихъ измѣнить планъ и очистить Гай-Чжоу. Теперь они снова его заняли, но уже не безъ сопротивленія, хотя это сопротивленіе, повидимому, не имѣло намѣренія не допустить ихъ, но только задержать ихъ движеніе и не дать этого пункта даромъ, безъ потерь. Хотя такимъ образомъ русскіе военачальники не пожелали принять изъ за обладанія Гай-Чжоу серьезной битвы, тѣмъ не менѣе для японцевъ занятіе этого пункта имѣло серьезное значеніе. Теперь, когда они прочно, двумя арміями занимаютъ Ляодунскій полуостровъ, пріобрѣтеніе гавани, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является желѣзнодорожною станціей надо признать серьезнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ японцы высаживали подкрѣпленія и подвозили провіантъ и боевые припасы черезъ Дагушанъ, Бицзыво и другія гавани восточнаго берега Ляодунскаго полуострова и Южной Манчжуріи, а оттуда передвигали и людей, и клади по невозможнымъ манчжурскимъ дорогамъ, испорченнымъ вдобавокъ ливнями. Теперь изъ Гай-Пина они могутъ хоть часть необходимаго пути дѣлать по желѣзной дорогѣ. Мелководье гай-пинской гавани и отсутствіе портовыхъ приспособленій представляютъ, конечно, еще довольно серьезныя неудобства и потому Инкоу было бы предпочтительнѣе, но и тула дорогу открывало занятіе Гай-Чжоу. Инкоу и сталъ ближайшимъ объективомъ японцевъ вмѣстѣ съ Дашичао, той узловой станціей манчжурской желѣзной дороги, гдѣ инкоусская вѣтвь примыкаетъ къ главной линіи и безъ обладанія которой занятіе Инкоу не принесло бы ожидаемой выгоды

II.

Дальнѣйшій ходъ событій, донесеніями нашихъ военачальниковъ изображается въ слѣдующемъ видѣ:

1 іюля (ген.-лейт. Сахарова). „На южномъ фронтѣ 30 го іюня утромъ была произведена усиленная развѣдка въ долину рѣки Цинсахэ, праваго притока Кантахэ, отрядомъ полковника Леша. Въ долинѣ Цинсахэ, въ окрестностяхъ Цзицзятуня, верстахъ въ шести на сѣверо-востокъ отъ Гайчжоу, были захвачены врасплохъ на двухъ бивакахъ 5—6 баталіоновъ японской пѣхоты и до пяти эскадроновъ кавалеріи (арміи Оку). Огонь, открытый нашими орудіями, и залпы стрѣлковъ заставили противника отступить въ безпорядкѣ въ долину Кантахэ и къ Гайчжоу. Пущенныя для преслѣдованія противника лавой сотни были задержаны трудно проходимой мѣстностью. Къ 10 часамъ утра, по дорогѣ изъ Гайчжоу въ долину Цинсахэ, началъ выходить отрядъ непріятеля, силою около двухъ полковъ пѣхоты съ артиллеріей и до шести эскадроновъ конницы. Развѣдками нашей конницы установлено, что ближайшія къ намъ части противника, въ направленіи береговой дороги Гайчжоу—Инкоу, находятся въ окрестностяхъ Сяньгойши. Нашъ разъѣздъ, подходя къ крайней западной оконечности Гайчжоускихъ высотъ, имѣлъ перестрѣлку съ японцами, скрывшимися за стѣнкой, къ которой они подпустили на близкое разстояніе нашъ разъѣздъ, не обнаруживая себя. Того же числа инженеръ, капитанъ Санниковъ, обрекогносцировалъ виднѣвшіяся укрѣпленія японцевъ на высотахъ къ сѣверу отъ Гайчжоу, между линіей желѣзной дороги и селеніемъ Годзятунь. На высотахъ между желѣзнодорожнымъ путемъ и большой мандаринской дорогой изъ Гайчжоу въ Дашичао капитаномъ Санниковымъ усмотрѣны были три батареи, одинъ редутъ и болѣе десяти пѣхотныхъ окоповъ, на роту каждый, башня у дороги окружена окопами; къ востоку отъ мандаринской дороги обнаружена одна батарея у дороги; далѣе же на востокъ къ Годзятуню укрѣпленій не было открыто. Ночь на 1-е іюля прошла спокойно.

На направленіи Хайченъ-Далинъ (Куроки) нашими охотниками 30-го іюня было замѣчено передвиженіе двухъ японскихъ ротъ отъ Сяокушаня впередъ къ Мангоу, по дорогѣ и по склонамъ горъ японцы устроили засаду нашимъ охотникамъ, но были обнаружены. На направленіи Саймацзы-Ляоянъ (Куроки) въ 12-ти верстахъ къ югу отъ с. Мицзы японская застава, поддержанная хунхузами, была сбита головными частями нашего отряда; перевалъ къ селенію Фанцзяпуцзы оказался свободнымъ и нашъ авангардъ занялъ селеніе. Когда главныя силы отряда поднялись на пере-

валъ. японцы предприняли энергичное наступленіе противъ праваго фланга; наши конно-саперная и охотничья команды, направленныя на лѣвый флангъ и тылъ противника, заставили японцевъ поспѣшно отойти назадъ. Дѣло это началось въ 1 ч. 45 мин. дня и окончилось въ 2 ч. 30 мин. дня. Въ самомъ началѣ дѣла былъ раненъ генералъ Ренненкампфъ въ ногу на вылетъ".

Относительная бездѣятельность японцевъ съ 26 іюня по 3 іюля возбудила въ то время много вниманія. Иностранныя извѣстія были переполнены сообщеніями то объ ослабленіи арміи Оку для усиленія арміи, осаждающей Портъ-Артуръ, то объ ослабленіи ея же и арміи Нодзу для усиленія арміи Куроки для обхода русской арміи и взятія Мукдена, то напротивъ объ ослабленіи арміи Куроки и ея передвиженіи на югъ. Графу Келлеру, командиру 2-го сибирскаго корпуса, прикрывающаго Ляоянъ, было поручено выяснить послѣднее обстоятельство. Битва, явившаяся послѣдствіемъ этого порученія, описана въ депешѣ ген.-ад. Куропаткина отъ 4 (17) іюля:

„На восточномъ фронтѣ, послѣ занятія арміей Куроки перевваловъ Феньшуйлинскаго хребта наши свѣдѣнія о ея силахъ и расположеніи были въ общемъ недостаточны; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, она усилилась и даже Куроки притянулъ къ ней съ направленія на Саймадзы часть силъ, тамъ находившихся; по другимъ свѣдѣніямъ происходило передвиженіе войскъ къ Далинскому перевалу и къ Сюяню; было даже получено указаніе, что свою главную квартиру Куроки изъ Цхахегоу перенесъ въ Туинпу. По послѣдовательно собираемымъ свѣдѣніямъ и на основаніи развѣдокъ, составилось предположеніе, что главныя силы противника сосредоточены въ окрестностяхъ Ляньшангуаня, а авангарды утвердились на перевалахъ Сяокаолинъ, Уфангуанъ, Синкайлинъ, Лахолинъ, Цапанлинъ, а также и на перевалѣ Сыбейлинъ, верстахъ въ 4 хъ сѣверу отъ этапной дороги, на одной высотѣ съ Сяокаолиномъ. На 4-е іюля было назначено для выясненія силъ противника наступленіе противъ непріятельскихъ позицій по направленію къ Ляньжаньгуаню. Генералу графу Келлеру указано было не задаваться цѣлью овладѣть перевалами, а дѣйствовать въ зависимости отъ обнаруженныхъ боемъ силъ противника. Лѣвая колонна въ составѣ 3-хъ баталіоновъ была направлена на Сыбейлинскій перевалъ, средняя колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Кашталинскаго силою въ 14 баталіоновъ съ 12-ю орудіями назначалась для атаки перевала Сяокаолинъ, высотъ съ кумирней и перевала Уфангуанъ, правая колонна изъ одного баталіона должна была занять перекрестокъ дорогъ, ведущихъ на перевалы Синкайлинъ и Лахолинъ для обезпеченія праваго фланга колонны генерала Кашталинскаго. Общій резервъ

былъ оставленъ у Тхавуана и часть силъ занимала Тхавуанскую позицію.

Въ 10 часовъ вечера 3-го іюля голова колонны миновала Тхавуанъ, къ 11-ти часамъ вечера 3-го іюля баталіонъ 22-го полка штыками сбилъ японскую заставу у перекрестка дорогъ на перевалы Лахолинъ и Синкайлинъ. Дальнѣйшія точныя подробности происшедшаго за симъ боя пока не выяснены, но общій ходъ его, согласно телеграфныхъ донесеній генерала графа Келлера представляется въ слѣдующемъ видѣ: перевалы съ кумирней и Сяокаолинъ японцы за ночь очистили, оставивъ тамъ лишь заставы. Къ разсвѣту колонна генерала Кашталинскаго заняла эти перевалы, сбросивъ японскія заставы. Около $5^1/_2$ часовъ утра 4-го іюля японцы въ значительныхъ силахъ съ многочисленною артиллеріею заняли Уфангуанскій перевалъ и горные массивы южнѣе его. На флангѣ колонны генерала Кашталинскаго съ этой позиціи, равно какъ съ гребня горъ, лежащихъ къ востоку отъ высотъ съ кумирней, противникомъ былъ развитъ весьма сильный ружейный и артиллерійскій огонь по нашимъ войскамъ. Генералъ Кашталинскій для занятія горнаго массива выдвинулъ изъ своего частнаго резерва первоначально одинъ, а затѣмъ еще три баталіона, но попытка овладѣть имъ не удалась, не взирая на огонь конно-горной батареи, ибо полевыя орудія по условіямъ мѣстности не могли быть введены въ дѣло. Около 8-ми часовъ утра генералъ графъ Келлеръ, наблюдавшій за ходомъ боя у Тхавуанской башни, счелъ необходимымъ переѣхать въ колонну генерала Кашталинскаго, выдвинувъ изъ общаго резерва три баталіона на высоты у кумирни. Дабы удержаться на занятыхъ уже позиціяхъ, въ виду напора противника требовалось дальнѣйшее немедленное подкрѣпленіе резервами войскъ, введенныхъ въ бой. Между тѣмъ, позиціи эти по своему положенію не представлялись выгодными. Прибывшій въ передовую линію генералъ графъ Келлеръ опредѣлилъ силы противника настолько значительными, сравнительно съ нашими, что рѣшилъ боя не продолжать и резервовъ ни частнаго, ни общаго не расходовать, въ особенности въ виду того, что при дальнѣйшемъ наступленіи приходилось бы вести атаку безъ содѣйствія полевой артиллеріи. Поэтому генералъ графъ Келлеръ около $10^1/_2$ часовъ утра рѣшилъ отвести войска назадъ на прежнія позиціи на Янзелинскомъ перевалѣ. Войска отошли медленно, шагъ за шагомъ, въ полномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ огня вызванной на позицію полевой батареи.

Около полудня обозначилось наступленіе противника въ направленіи на правый флангъ Янзелинской позиціи, при чемъ у селенія Чудяпуза, въ верстахъ 4-хъ къ югу отъ Тхавуана, снялась японская горная батарея, которая послѣ 34-хъ выстрѣловъ 3-й батареи 3-й бригады, поставленной въ сѣдловинѣ южнѣе пе-

ревала Янзелинъ, была окончательно вынуждена замолчать. Къ 3-мъ часамъ пополудни бой прекратился, войска возвратились къ Тхавуану, наступленіе японцевъ было остановлено передъ долиной рѣки Ланхе на передовой занятой и удержанной нами позиціи".

Это сраженіе обнаружило, что на восточномъ фронтѣ японцы сохраняютъ перевѣсъ силъ. Дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій выясняется изъ слѣдующихъ донесеній нашихъ военачальниковъ:

6 іюля (ген.-ад. Куропаткина). „На южномъ фронтѣ (Оку и Нодзу) въ теченіе 4 го—6-го іюля особыхъ перемѣнъ не произошло. 5-го сего іюля съ пяти часовъ пополудни обнаружилось наступленіе значительныхъ силъ японцевъ (Куроки) къ Сихеяну, на дорогѣ изъ Ляояна въ Саймадзы, противъ нашего отряда. Послѣ двухдневнаго боя послѣдній отходитъ въ направленіи къ деревнѣ Гуцзяцзы, восточнѣе Аньпина". Это на крайнемъ сѣверо-востокѣ русской военно-операціонной линіи, на пути предполагаемаго, но мало вѣроятнаго обхода слѣва (съ сѣверо-востока).

9 іюля (ген.-ад. Куропаткина). „На южномъ фронтѣ (Оку) и на путяхъ отъ Сюяна (Нодзу) все спокойно и перемѣнъ нѣтъ. По моему приказанію, 8-го іюля произведено наступленіе отъ Тхавуана (противъ Куроки) на востокъ вдоль этапной дороги къ Чиндяпуза и на югъ вдоль по долинѣ рѣки Ланхе къ Суя-тямза. По достиженіи указанныхъ пунктовъ въ ночь на 9-е іюля, производились развѣдка и тревоженіе противника мелкими частями. Утромъ 9-го іюля началось дальнѣйшее наступленіе. Передовые посты противника отошли къ своимъ полевымъ укрѣпленіямъ на горахъ къ востоку отъ дороги, ведущей изъ Макухенза къ перевалу Лахолинъ. Въ 9 час. 30 мин. утра наша батарея открыла огонь по перевалу съ кумирней. Начавшія наступленіе наши роты продвинулись впередъ вдоль этапной дороги версты три-четыре, но противника въ этомъ пространствѣ не встрѣтили.

8-го іюля непріятель силою до 3-хъ баталіоновъ занялъ Сяосыръ, откуда направилъ свои передовыя части по лѣвому берегу Тайцзыхе" (на Мукденъ).

Въ дополненіе къ этому заимствуемъ изъ телеграммы ген.-л. Сахарова отъ 11 іюля:

„Въ восточномъ отрядѣ усиленная развѣдка, предпринятая генераломъ графомъ Келлеръ 9-го іюля, выяснила сравнительно слабое занятіе противникомъ переваловъ Сяокаолинъ и Уфангуанъ, близъ этапной дороги. На Мукденской дорогѣ перемѣнъ нѣтъ; въ окрестностяхъ Бенсиху, по лѣвому берегу рѣки Тайцзы-хе располагаются передовые отряды противника, силою до двухъ баталіоновъ съ пулеметами. По имѣющимся свѣдѣніямъ за ними по направленію къ Сихеяну и Фанцзяпуцзы эшелонированы довольно значительныя силы пѣхоты противника при 30 орудіяхъ".

Между тѣмъ, важное событіе подготовлялось на южномъ и юго вост. фронтѣ, о началѣ котораго вкратцѣ сообщала только что цитированная депеша ген Сахарова (это сообщеніе мы пропустили, какъ замѣненное болѣе подробнымъ), а болѣе обстоятельное изложеніе даетъ ген.-ад. Куропаткинъ въ нижеслѣдующей телеграммѣ:

12 іюля. „Развѣдки, производимыя за послѣднее время ежедневно къ сторонѣ Гайчжоу (Оку) и Сяхотану (Нодзу), установили весьма прочное занятіе и усиленіе въ инженерномъ отношеніи противникомъ гребня и склоновъ возвышенностей къ сѣверу отъ Гайчжоу, между линіей желѣзной дороги и лукой, образуемой долиной рѣки Цинсахе. 10 го іюля, съ 5-ти часовъ утра, противникъ, силою въ передовыхъ линіяхъ до двухъ дивизій, перешелъ въ наступленіе на фронтѣ отъ линіи желѣзной дороги (Оку) до долины рѣки Цинсахе, на томъ участкѣ, гдѣ теченіе ея имѣетъ въ окрестностяхъ Циэрлгоу меридіальное направленіе; съ юга противникъ развернулъ дивизію пѣхоты между линіей желѣзной дороги на западѣ и селеніемъ Гоцзятунь на востокѣ, сосредоточивая главныя силы въ направленіи на Дачапу и держа конницу на своемъ лѣвомъ флангѣ у желѣзной дороги. Наступленіе, веденное довольно медленно и съ перерывами, сопровождалось сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ 30 орудій, съ которыми съ успѣхомъ состязались наши батареи арьергарда. Огонь японскихъ батарей былъ первоначально направленъ на высоты, постепенно очищавшіяся нашими сторожевыми заставами. Противъ наступающей японской пѣхоты открыли огонь наши стрѣлки арьергарда. Полковникъ Лешъ своевременно отвелъ арьергардъ на новую позицію у Дачапу, при чемъ наши батареи, по нѣсколько разъ мѣняя позиціи, продолжали состязаться съ артиллеріей противника, направляя огонь и на его пѣхотныя колонны Со стороны Циэрлгоу (Нодзу) наступленіе открылось около $9^1/_2$ часовъ утра, сперва тремя баталіонами изъ долины Цинсахе. На этомъ направленіи нашъ отрядъ занялъ заранѣе укрѣпленныя позиціи.

Съ развитіемъ боя японцы развернули на этомъ направленіи до бригады пѣхоты, направя, кромѣ того, полкъ вверхъ по теченію рѣки Цинсахе черезъ Шаогопу къ Танчи. Къ тремъ часамъ пополудни между Мэнцзятунь и Шаогопу развернулись силы непріятеля до дивизіи пѣхоты.

Около того же времени съ юга, къ западу отъ желѣзной дороги, показались значительныя колонны, силою до бригады пѣхоты. Къ 4 часамъ непріятель (Оку) прекратилъ наступленіе. Съ юго-востока наступленіе (Нодзу) остановилось на линіи Танчи-Мэнцзятунь.

Къ вечеру 10-го іюля наши войска, оставивъ дежурныя части на укрѣпленной позиціи, расположились бивуаками противъ тѣхъ

участковъ, которые имъ назначены диспозиціей для арьергардного боя.

11-го іюля на южномъ фронтѣ противникъ (Оку) возобновилъ наступленіе. На лѣвомъ флангѣ (Нодзу) бой 11-го іюля начался съ разсвѣта перестрѣлкой передовыхъ частей у Танчи, засимъ въ теченіе 12-ти часовъ противникъ поддерживалъ сильнѣйшую артиллерійскую канонаду; артиллерійское состязаніе было благопріятно для насъ: японскія батареи, дѣйствовавшія противъ д.д. Тянь-цзятунь—Саньцзяцзы къ 4-мъ часамъ пополудни замолчали.

Около 4-хъ часовъ пополудни противникъ (Нодзу) повелъ энергичное наступленіе въ направленіи отъ Дафаншэна на Инфэнчжай, съ цѣлью прорвать центръ нашей позиціи. Войска наши отбили всѣ атаки противника и всѣ наши позиціи были нами удержаны; бой окончился въ $9^1/_2$ часовъ вечера 11-го іюля. Начальникъ отряда, два дня удерживавшій наступленіе противника, послѣ небольшого отдыха, не тревожимый противникомъ, началъ постепенно отходить къ сѣверу".

Куда отошли войска русскія, изъ этого донесенія не видно въ точности. Объясненіе даетъ депеша Россійскаго Телеграфнаго Агентства изъ Мукдена (т. е. одобренная штабною цензурою), сообщая, что „12 іюля нашимъ войскамъ приказано отойти и занять высоты верстахъ въ семи сѣвернѣе Дашичао, что и было выполнено въ полномъ порядкѣ". Соотвѣтственно всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, военный обозрѣватель „Русскаго Инвалида" такъ характеризуетъ исходъ этого двухдневнаго боя:

„Удержавъ въ теченіе 2 дней наступленіе значительно превосходныхъ силъ противника и успѣвъ нанести имъ несомнѣнно весьма тяжкій уронъ, начальникъ нашего отряда, послѣ небольшого отдыха постепенно сталъ отводить къ сѣверу за Дашичао части своего отряда, успѣшно выполнившаго возложенную на него задачу перваго періода кампаніи. Японцы въ теченіе ночи на 12-е іюля оставались неподвижными на позиціяхъ, занятыхъ ими при началѣ боя".

Все еще, какъ видно, и здѣсь встрѣчаются „значительно превосходящія силы противника", какъ и на восточномъ фронтѣ... 13 іюля армія Нодзу заняла Дашичао и соединилась съ Оку. Въ виду очищенія русскими Дашичао пріобрѣтаютъ интересъ слѣдующія телеграммы Росс. Телегр. Агентства:

Мукденъ, 13 го іюля. (Соб. кор.). По слухамъ, въ виду Инкоу крейсируетъ японская эскадра и замѣчено около 20 транспортовъ съ войсками.

Нью Чжуанъ, 13-го (26-го) іюля. (Рейтеръ). Телеграмма „Ллойда" сообщаетъ, что отрядъ изъ 50 японскихъ кавалеристовъ вошелъ въ городъ. На всѣхъ русскихъ зданіяхъ развѣваются французскіе флаги. Японскій авангардъ прибудетъ сегодня утромъ. Городъ спокоенъ".

Занятіе Дашичао и Инкоу дополняютъ собою занятіе Гай-Пина и Дальняго и дѣлаютъ изъ южной части манчжурской жел. дороги прекрасную коммуникаціонную линію японской арміи при ея наступленіи далѣе на сѣверъ, на Ляоянъ, Мукденъ и Харбинъ, дозволяя отдалиться отъ берега, что было очень затруднительно безъ хорошаго сообщенія съ моремъ. Если японцы имѣютъ достаточно войска для серьезнаго наступленія на русскія военныя силы, все возрастающія съ прибытіемъ новыхъ частей, то теперь они пріобрѣли наконецъ возможность такого наступленія, не будучи болѣе прикованы къ морю. Конечно, пріобрѣли эту возможность, если портъ-артурская эскадра не помѣшаетъ такому постоянному движенію японскихъ транспортовъ мимо Портъ-Артура и вообще если японская супрематія на морѣ не будетъ поколеблена.

III.

Однако, прежде, чѣмъ перейдемъ къ обзору дѣйствія на морѣ, остановимся на осадѣ Портъ-Артура, участь котораго, хотя и рѣшается на сушѣ, но имѣетъ первоклассное значеніе именно для морской войны. Еслибы Портъ-Артуръ палъ, то портъ-артурской эскадрѣ пришлось бы выйти въ море во всякомъ случаѣ и принять бой съ превосходящими силами японскаго флота. Да и это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы японцы не успѣли запереть узкаго и мелководнаго выхода изъ гавани. Поэтому ходъ событій у Портъ-Артура имѣетъ огромное значеніе, но именно объ этихъ событіяхъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Послѣднія вѣсти, полученныя съ „Лейтенантомъ Бураковымъ“, миноносцемъ, прорвавшимся изъ Портъ-Артура въ Инкоу, были приведены нами въ прошлой хроникѣ и относятся ко времени свыше мѣсяца назадъ. Тогда крѣпость была цѣла и эскадра тоже. Но мѣсяцъ большой срокъ. Вотъ какія за это время имѣемъ свѣдѣнія разныхъ агентствъ:

Тянь-Цзинь, 22-го іюня (5 іюля). (Рейтеръ, англ. агентство). Съ 14-го іюня главная японская эскадра высаживаетъ войска въ Дальнемъ для окончательнаго штурма Портъ-Артура.

Тянь-Цзинь, 23-го іюня (6-го іюля). (Рейтеръ). Миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, выйдя изъ Ньючжуана, прибылъ въ Портъ-Артуръ. Въ воскресенье, въ 9 час. японскіе миноносцы пытались форсировать входъ въ портъ-артурскую гавань, но были своевременно усмотрѣны съ береговыхъ батарей. Одинъ изъ нихъ потопленъ у подножія Золотой горы, другой—у батареи № 22, у третьяго снесена труба, четвертый ушелъ. Духъ гарнизона превосходный. Запасы продовольствія достаточны. Въ субботу были захвачены 50 японскихъ шпіоновъ безъ указанія мѣста ихъ ареста. Поѣзда ходятъ на 16 миль (17—18 верстъ) отъ крѣпости.

входа во внутренній рейдъ. Проходъ этотъ у подножія Золотой горы свободенъ, остальная часть прохода преграждена непроходимой для миноносцевъ эстакадой. Нѣкоторыя изъ атакъ японскихъ миноносцевъ были прямо фанатичны; миноносцы бросаются туда, гдѣ, очевидно, ничего невозможно сдѣлать; въ случаѣ гибели ихъ судовъ, команда отказывается отъ всякой помощи. Японскіе моряки распарываютъ себѣ животы или отталкиваютъ тѣхъ, кто хочетъ спасти ихъ.

Токіо, 27-го іюня (10-го іюля). (Рейтеръ). Въ пятницу ночью, во время грозы, флотилія миноносцевъ эскадры Того, приблизилась къ Портъ-Артуру. На разсвѣтѣ, одинъ изъ миноносцевъ усмотрѣлъ и атаковалъ крейсеръ „Аскольдъ“, результатъ атаки неизвѣстенъ. Во время схватки два японскихъ унтеръ-офицера тяжело ранены.

Шанхай, 28-го іюня (11-го іюля). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Русская Портъ-артурская эскадра произвела въ субботу вылазку, атаковала японскія сторожевыя суда и вернулась около 4 час. пополудни обратно въ гавань. („Daily Telegraph“).

Чифу, 28-го іюня (11-го іюля). (Рейтеръ). Европеецъ, выѣхавшій изъ Портъ-Артура въ воскресенье послѣ полудня, разсказываетъ, что въ воскресенье, въ 1 ч. ночи, японцы произвели отчаянную атаку съ цѣлью проникнуть во внутреннюю гавань. Атака отбита, при чемъ ни съ той, ни съ другой стороны потерь нѣтъ. 24-го іюня вокругъ Портъ-Артура происходили жаркія схватки. Русскіе утверждаютъ, что японцы отбиты повсюду.

Чифу, 28-го іюня (11-го іюля). (Рейтеръ). Здѣсь была слышна сегодня сильная канонада со стороны Портъ-Артура, продолжавшаяся съ 12 часовъ ночи до 3-хъ часовъ утра.

Токіо, 28-го іюня (11-го іюля). (Рейтеръ). 26 го іюня утромъ русскіе крейсеры „Баянъ“, „Діана“, „Паллада“ и „Новикъ“, въ сопровожденіи двухъ канонерокъ и 7 контръ-миноносцевъ, вышли изъ Портъ-Артура; имъ предшествовали нѣсколько пароходовъ, которые должны были уничтожить мины. Японская миноносная флотилія атаковала русскія суда, которыя послѣ полудня вернулись обратно въ гавань. По донесенію Того, японская флотилія не имѣла никакихъ поврежденій“.

Сообщеніе Главнаго Штаба. „По полученнымъ полевымъ штабомъ Намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ свѣдѣніямъ изъ японскихъ источниковъ, въ ночь на 28-е іюня была атака Портъ-Артурскихъ позицій, при чемъ японцы отбиты съ громаднымъ урономъ. Затрудняются привести даже приблизительную цифру потери непріятеля, которая будто бы достигаетъ громадной цифры—тридцати тысячъ человѣкъ“.

Это извѣстіе, однако, не подтвердилось и было офиціально японцами отвергнуто.

Агентскія телеграммы: Токіо, 29-го іюня (12-го іюля). (Сообщ.

чрезъ Берлинъ). По свѣдѣніямъ „Daily Chronicle“, русскіе упорно удерживаютъ перевалъ Човатъ-сико, находящійся на желѣзнодорожной линіи въ 14 миляхъ (24—25 верстахъ) къ сѣверу отъ Портъ-Артура. За этимъ переваломъ находится чрезвычайно сильная позиція, вооруженная 12-ти-дюймовыми орудіями и снабженная минными загражденіями.

Мукденъ, 29-го іюня. (Соб. корр. Росс. тел. аг.). По разсказамъ прибывшаго изъ Портъ-Артура одного служащаго, генералъ Фокъ 22-го іюня атаковалъ правый флангъ (западъ) японцевъ и сбилъ ихъ съ позиціи; наши охотники доходили до Нангалина. Японцы высаживали какія-то войска у Сяобиндао.

Токіо, 29-го іюня (12-го іюля). Полдень. (Рейтеръ). Того доноситъ: „въ понедѣльникъ, въ полночь миноносцы подошли къ загражденіямъ при входѣ въ портъ-артурскую гавань и атаковали минами сторожевое судно. Результатъ атаки неизвѣстенъ; японскіе миноносцы невредимы“.

Чифу, 29 го іюня (12 го іюля). (Рейтеръ). По слухамъ, 5 русскихъ крейсеровъ (*пять*, значитъ и „Аскольдъ“) и нѣсколько миноносцевъ въ субботу, въ 8 час. утра, вышли изъ Портъ Артура и бомбардировали непріятельскія позиціи на восточномъ побережьѣ. Суда возвратились въ 6 часовъ вечера.

Берлинъ, 4-го (17-го) іюля. (Соб. корр. Рос. аг.). Военный корреспондентъ „Local Anzeiger'a“ сообщаетъ изъ Тянь-Цзиня, что японцы съ 28-го іюня высадили, подъ прикрытіемъ всего ихъ флота, приблизительно 30.000 человѣкъ въ сосѣдствѣ Голубиной бухты, къ западу отъ Портъ-Артура.

Вашингтонъ, 5-го (18-го) іюля (чрезъ Берлинъ). Говорятъ, что Ойама высадился въ Дальнемъ съ двумя дивизіями общей численностью въ 30,000 чел. Такимъ образомъ, осаждающая армія достигаетъ 80,000 чел.

Чифу, 6-го (19-го) іюля. (Рейтеръ). Послѣ пятидневнаго пути сюда пришла вечеромъ джонка съ 8 русскими и 50 китайцами изъ Портъ-Артура. Русскіе не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній. Китайцы разсказываютъ, что 4,000 японцевъ захватили 28-го или 29-го іюня одинъ изъ фортовъ на востокъ отъ города, однако, до прибытія подкрѣпленій, русскіе окружили японцевъ и взорвали мины. Японцы всѣ погибли. Китайцы далѣе сообщаютъ, что наканунѣ отъѣзда русская миноноска атаковала около Портъ-Артура иностранный пароходъ, принявъ его за японскій транспортъ. Много китайцевъ утонуло. Русскіе спасли экипажъ.

Чифу, 7-го (20-го) іюля. (Рейтеръ). Лица, оставившія Дальній 6-го іюля, увѣряютъ, что 15 японскихъ транспортовъ прибыли туда 4-го іюля съ грузомъ продовольствія и военныхъ припасовъ. Японскія войска, осаждающія Портъ-Артуръ, не могутъ еще въ настоящее время начать наступленіе. Они ограничиваются защитой уже занятыхъ позицій. Величина осаждающей арміи доходитъ,

какъ говорятъ, до 80,000. Полагаютъ, что штурмъ произойдетъ въ концѣ іюля. („Standard“).

Тянь-Цзинь, 8-го (21-го) іюля. (Рейтеръ). Согласно полученному изъ Ньючжуана сегодня письму, командиръ русскаго миноносца сообщилъ, что онъ случайно попалъ миной въ англійскій пароходъ въ Печилійскомъ заливѣ; какъ полагаютъ, рѣчь идетъ о пропавшемъ безъ вѣсти пароходѣ „Hipsang“. Далѣе сообщаютъ, что вчера сильно бомбардировали Портъ-Артуръ.

Шанхай, 10-го (23-го) іюля. (Рейтеръ). Ожидаютъ важныхъ извѣстій изъ подъ Портъ-Артура, гдѣ японцы взяли укрѣпленіе на западѣ, расположенное по крайней мѣрѣ въ разстояніи одной мили ($1^3/_4$ версты) отъ главныхъ укрѣпленій крѣпости, которыя въ настоящее время подвергаются бомбардировкѣ („Standard“).

Чифу, 10-го (23-го) іюля. (Рейтеръ). Прибывшіе изъ Дальняго, говорятъ, что маршалъ Ойама находится тамъ въ главной квартирѣ 82 китайца, прибывшіе изъ Голубиной бухты, говорятъ, что русскія военныя суда стоятъ въ Портъ-Артурѣ; тамъ находятся также миноносцы и контръ-миноносцы въ полной исправности. („Daily Telegraph“).

Чифу, 10-го (23 го) іюля. (Рейтеръ). Джонки, прибывшія изъ Дальняго, сообщаютъ, что прошлой ночью японскій флотъ въ составѣ 20 военныхъ судовъ и 20 миноносцевъ и контръ-миноносцевъ бомбардировалъ въ продолженіе 3 часовъ Хуаншансонъ (Золотая гора); форты отвѣчали. („Daily Telegraph“).

Таковы всѣ телеграфическія свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Портъ-Артуромъ до 10 (23) іюля (до субботы) включительно. Если съ нѣкоторыми оговорками имъ довѣриться, то можно слѣдующимъ образомъ прорезюмировать развитіе портъ-артурской осады: японскій флотъ блокируетъ входъ въ портъ, но активныхъ дѣйствій предпринимаетъ мало. Одна попытка ворваться во внутреннюю гавань и двѣ попытки минной атаки (на „Аскольдъ“ и на сторожевую канонерку). Изъ русскаго флота крейсеры и миноносцы иногда выходятъ изъ гавани для развѣдокъ и для содѣйствія оборонѣ береговыхъ фортовъ съ суши. Японская осадная армія только въ послѣднее время сосредоточилась, получила осадную артиллерію и приступаетъ къ осадѣ. Генеральнаго штурма не было, но нѣсколько частныхъ приступовъ изъ за передовыхъ высотъ повидимому имѣли мѣсто, особенно на востокѣ.

Когда эти строки были уже написаны, получился номеръ „Руси“ съ корреспонденціей (по телеграфу, отъ 13 іюля) г. Черниховскаго, выѣхавшаго 1 (14) іюля изъ Портъ-Артура на китайской джонкѣ и прибывшемъ въ Ляоянъ. Заимствуемъ изъ этой телеграммы слѣдующее:

„Прежде чѣмъ приступить къ послѣдовательному изложенію артурскихъ событій, развертывавшихся на моихъ глазахъ, остановлюсь на наиболѣе свѣжихъ, затѣмъ суммирую остальныя и

выскажу соображенія въ общихъ чертахъ относительно положенія дѣлъ въ Портъ-Артурѣ.

Когда я вышелъ въ море на джонкѣ, уступленныя было японцамъ позиціи праваго фланга (востокъ) на Зеленыхъ семафорныхъ горахъ были отобраны назадъ послѣ штурма. Только высота Куинсанъ оставалась еще въ рукахъ непріятеля, отчаянно защищавшагося, но почти съ полной увѣренностью можно утверждать, что теперь и она возвращена, ибо наканунѣ моего отъѣзда, состоявшагося перваго іюля, поручикъ Дубаровъ началъ обстрѣливать Куинсанъ шестидюймовыми мортирами, при чемъ, по наблюденіямъ полковника Махмендарова, попаданія нашихъ снарядовъ въ японскія укрѣпленія были очень удачными и вызвали большое замѣшательство въ центрѣ расположенія противника, куда нѣсколько снарядовъ легло подрядъ. Въ общемъ, благодаря дѣламъ 20, 21 и 22 іюня, мы вернулись на сухопутномъ фронтѣ къ тому statu quo, которымъ отмѣченъ періодъ момента сдачи Цзинчжоускихъ позицій.

Главныя силы осаждающаго Портъ-Артуръ отряда находятся отъ него по всей линіи на разстояніи до тридцати верстъ. Авангардъ на правомъ флангѣ выдвинутъ приблизительно къ шестнадцатой верстѣ, на лѣвомъ держится около станціи Инчензы, удаленной отъ крѣпости на 27 верстъ. Желѣзная дорога работаетъ на протяженіи девятнадцати верстъ.

Есть основанія оперирующихъ подъ Портъ-Артуромъ японцевъ исчислять тысячъ въ сорокъ пять—пятьдесятъ. Ружейная перестрѣлка передовыхъ цѣпей обычное явленіе. Артиллерія безмолвствуетъ. Японцы, повидимому, ведутъ здѣсь медленную инженерную атаку. Часто утромъ на разныхъ пунктахъ видны свѣжіе, ночью выведенные окопы. Раньше были попытки работать и днемъ, но онѣ прекратились вслѣдствіе открываемаго нами огня.

Дѣйствія противника на морѣ почти ограничены ночными набѣгами минныхъ транспортовъ, миноносцевъ и вомерныхъ миноносокъ для разбрасыванія минъ и атаки сторожевыхъ судовъ. Набѣги эти приняли хроническую форму: рѣдкая ночь обходится безъ стрѣльбы береговыхъ батарей и брандвахтенныхъ судовъ по обнаруженному прожекторами непріятелю. Огонь длится обыкновенно недолго, противникъ спѣшно удаляется. Иногда, впрочемъ, завязываются и дневныя перестрѣлки, когда „Новикъ“, канонерки и минная флотилія выходятъ въ море для рекогносцировокъ и обстрѣливанія непріятельскихъ позицій. Временами еще нашъ караванъ, тралящій мины на внѣшнемъ рейдѣ, привлекаетъ на себя огонь развѣдчиковъ, шныряющихъ въ виду Портъ-Артура. Ни дѣлъ съ брандерами, ни бомбардированія береговыхъ фортовъ не было совсѣмъ. Наша эскадра цѣла“.

Къ нашему выше приведенному резюме теперь придется только добавить, что между 10 и 20 іюня (23 іюня — 3 іюля) японцы

успѣли овладѣть нѣкоторыми передовыми укрѣпленіями, но что въ бояхъ 20—22 іюня (3—5 іюля) русскіе вернули всѣ или почти всѣ потерянныя укрѣпленія. Точныя свѣдѣнія г. Черниховскаго кончаются 1 (14) іюля, такъ что уже вполнѣ достовѣрно можно сказать, что 28 іюня (11 іюля) японцы крѣпости не штурмовали. Хотя, какъ только что сказано, свѣдѣнія „Руси“ доходятъ до 1 іюля, но джонка встрѣтила на своемъ обыкновенно очень медленномъ пути 9 (22) іюля русскій миноносецъ „Стройный“, съ котораго сообщили, что въ Портъ-Артурѣ все попрежнему.

Конечно, нѣтъ и не было крѣпости, которая держалась бы вѣчно, но судя по приведеннымъ даннымъ, Портъ-Артуръ можетъ еще держаться долго и дождаться такого усиленія русской арміи, которое дозволитъ предпринять его освобожденіе. Для ускоренія дѣла японцы могутъ прибѣгнуть къ генеральному штурму, но это способъ обоюдоострый, потому что отбитый генеральный штурмъ нерѣдко ведетъ къ снятію осады. Съ другой стороны, вѣроятно, японцы были бы вынуждены снять осаду и въ томъ случаѣ, еслибы преобладаніе на морѣ перешло къ русскимъ... Тогда впрочемъ и всей войнѣ было бы уже указано окончаніе

IV.

„Государь Императоръ въ 12-й день іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ пріобрѣтенные пароходы „Донъ“, „Уралъ“, „Терекъ“, „Кубань“, „Иртышъ“, „Анадырь“ и „Аргунь“ зачислить въ списки судовъ флота, со включеніемъ первыхъ четырехъ—въ разрядъ крейсеровъ и послѣднихъ трехъ—въ разрядъ транспортовъ.“

Съ объявленіемъ о семъ по морскому вѣдомству, было предписано крейсера „Донъ“, „Уралъ“, „Терекъ“, „Кубань“ и транспорты „Иртышъ“ и „Анадырь“ зачислить, согласно постановленію адмиралтействъ-совѣта, по журналамъ сего года № 4576 ст. 38,876 и 38,902—во II рангъ, транспортъ же „Аргунь“—въ III рангъ судовъ флота.

О пріобрѣтенныхъ пароходахъ, нынѣ перевооруженныхъ въ крейсеры, полныхъ данныхъ имѣть невозможно, кромѣ того, что въ настоящее время судами II ранга считаются тѣ, коихъ водоизмѣщеніе колеблется между $2^1/_2$ и 5 тыс. тоннъ.

Водоизмѣщеніе вновь купленныхъ крейсеровъ должно равняться 15—20 тыс. тоннъ, такъ что даже, если въ виду далекаго перехода эскадру не будутъ сопровождать минныя суда, то и тогда одинъ тоннажъ второй тихоокеанской эскадры можетъ достичь 130 — 140 тыс. тоннъ. Тоннажъ незапертой владивостокской эскадры достигаетъ 45 тыс., такъ что въ Тихомъ Океанѣ только перечисленныя суда составили-бы силу въ 180—190 тыс., не считая

портъ-артурскаго флота. Тоннажъ всего японскаго флота первыхъ двухъ ранговъ въ настоящее время нѣсколько превышаетъ 200 тыс., такъ что 105 тыс. тоннъ портъ-артурскихъ судовъ I и II ранговъ составили бы почти цѣликомъ перевѣсъ русскихъ морскихъ силъ надъ японскими. Весь вопросъ, когда русскіе морскіе резервы подойдутъ къ театру войны? И вообще осуществимъ ли этотъ первый въ исторіи многомѣсячный походъ съ запасами собственнаго угля на весь путь? Задача, предстоящая нашимъ морякамъ, признается изъ самыхъ трудныхъ всѣми спеціалистами морского дѣла.

А пока наши тихо-океанскія эскадры обходятся собственными средствами, противополагая свои около 150 тыс. тоннъ мореходныхъ судовъ 200 тысячамъ тоннъ японскихъ. Эти двѣсти тысячъ держали до сихъ поръ въ бездѣйствіи 105 тыс. портъ-артурскія. Это дало возможность 45 тыс. владивостокскимъ развить напряженную дѣятельность. Русскія оффиціальныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ владивостокской эскадры за отчетное время доходятъ только до 21-го іюня (4-е іюля) и заключаются въ слѣдующихъ трехъ депешахъ вице-адмирала Скрыдлова:

I. „Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству. Усиленная рекогносцировка отряда миноносцевъ Владивостокскаго порта и транспорта „Лена“, отправленныхъ въ портъ Гензанъ подъ начальствомъ капитана 2-го ранга барона Радена, выяснила отсутствіе въ этомъ портѣ какихъ либо военныхъ судовъ; изъ торговыхъ на рейдѣ находились каботажный пароходъ и шкуна, сожженные по свозѣ съ нихъ командъ; также уничтожены многочисленныя шалаши, лежавшія на берегу. Въ японскомъ кварталѣ и на берегу обнаружены спѣшно собиравшіяся японскія войска, начавшія стрѣлять по миноносцамъ, которые открыли огонь, чѣмъ заставили людей удалиться. Миноносцы гранатами подожгли казармы. Съ нашей стороны потерь нѣтъ.

II. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству. Отрядъ крейсеровъ подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова 18 го іюня, пройдя Корейскій проливъ, въ 6 часовъ 20 минутъ вечера встрѣтилъ 7 большихъ судовъ, по виду 4 броненосныхъ крейсера, 3 эскадренныхъ броненосца, 1 или 2 эскадренныхъ миноносца. Нашъ отрядъ повернулъ назадъ. Непріятель началъ преслѣдовать, открывши совершенно безвредный огонь съ разстоянія 80 кабельтововъ: наши суда не отвѣчали. Въ 8 часовъ вечера спереди отряда атаковали 11 миноносцевъ. Атака для японцевъ оказалась совершенно неудачной. Адмиралъ Безобразовъ полагаетъ, что нашимъ огнемъ потоплено 2 миноносца. На слѣдующее утро непріятеля въ виду не оказалось. На отрядѣ нѣтъ потерь, ни поврежденій.

III. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству. 21-го сего іюня прибылъ во Владивостокъ, подъ коман-

дой лейтенанта Жерве, захваченный нашими крейсерами въ Японскомъ морѣ британскій пароходъ „Чельтенгамъ“ въ 6,000 тоннъ, шедшій изъ Отары въ Фузанъ, съ грузомъ шпалъ и дерева для Сеулъ-Фузанской желѣзной дороги“.

Затѣмъ слѣдуютъ агентскія извѣстія, главнѣйшія изъ которыхъ приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Лондонъ, 22-го іюня (5-го іюля). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). По свѣдѣніямъ изъ Токіо, владивостокская эскадра опять затопила нѣсколько японскихъ транспортовъ. Опасаются, что британское судно „Common Wealth“ захвачено русскими, такъ какъ иначе оно уже давно прибыло бы въ Сасебо.

Антверпенъ, 24-го іюня (7-го іюля). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Владивостокская эскадра потопила японскіе транспортные пароходы „Оцумару“ и „Фузенмару“, такъ какъ они везли военную контрабанду изъ Кобе въ Чемульпо.

Лондонъ, 24-го іюня (7-го іюля). (Рейтеръ). „Times“ высказываетъ, что, какъ кажется, невозможно оспаривать законность захвата владивостокской эскадрой англійскаго парохода „Cheltenham“.

Лондонъ, 24 го іюня (7-го іюля). (Рейтеръ). Извѣстіе о захватѣ парохода „Cheltenham“ получено въ Англіи въ слѣдующей печально-иронической телеграммѣ: „Владивостокъ, 22-го іюня. Пароходъ „Cheltenham“ прибылъ сюда“. Судно вышло изъ Отару въ Фузанъ, съ грузомъ желѣзнодорожныхъ шпалъ, которыя ранѣе уже объявлены военной контрабандой. Пароходъ застрахованъ противъ захвата въ плѣнъ въ суммѣ 40,000 фунт. стерл. Грузъ оцѣнивается въ 5,000—6,000 фунт. стерл. Общій убытокъ 60,000 фунт. стерл.

Токіо, 26-го іюня (9-го іюля). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Здѣсь ходитъ слухъ, что пропавшій уже нѣсколько дней тому назадъ безъ вѣсти пароходъ „Сяои-мару“ былъ затопленъ русской эскадрой въ водахъ о. Хоккандо (Іессо).

Затѣмъ около десяти дней о владивостокской эскадрѣ молчаніе и затѣмъ снова:

Токіо, 7-го (20-го) іюля. (Рейтеръ). „Россія“, „Рюрикъ“ и „Громобой“ прошли черезъ Сунгарскій проливъ (между Хоккандо или Іессо и Хондо или Ниппономъ) въ Тихій океанъ. Къ востоку отъ пролива они обогнали японскій пароходъ. Названіе этого судна и его дальнѣйшая судьба неизвѣстны.

Токіо, 7-го (20-го) іюля. (Рейтеръ). Въ виду полученнаго здѣсь извѣстія, что владивостокская эскадра прошла черезъ Сунгарскій проливъ, всѣмъ коммерческимъ пароходамъ, совершающимъ рейсы вдоль восточнаго побережья Японіи, дано оффиціальное предостереженіе. Суда ищутъ поспѣшно убѣжища въ защитныхъ портахъ.

Токіо, 7-го (20-го) іюля. (Рейтеръ). Въ 3 ч. 30 м. пополудни

Владивостокская эскадра отпустила захваченный ею сегодня японскій торговый пароходъ и ушла въ восточномъ направленіи, преслѣдуемая флотиліей японскихъ миноносокъ.

Токіо, 7-го (20-го) іюля. (Рейтеръ). „Tanachima Maru“ прибылъ въ полдень 7-го іюля въ Моуроранъ, послѣ задержки его и осмотра владивостокской эскадрой. Говорятъ, что послѣдняя продолжаетъ свой путь на всѣхъ порахъ къ юго-востоку, по направленію къ Сайгону. Возможно, что это направленіе взято для того, чтобы ввести въ заблужденіе японцевъ.

Токіо, 8-го (21-го) іюля. (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Русская эскадра затопила въ виду о. Хоккандо (Іессо) небольшое японское коммерческое судно; пассажиры и команда спасены („Lokal Anzeiger“).

Токіо, 9-го (22 го) іюля. (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Русскіе крейсеры были усмотрѣны въ 40 миляхъ къ востоку отъ Ямады (на восточномъ побережьи острова Хондо); они шли на югъ („Berliner Localanzeiger“). (*Хондо* японское названіе главнаго японскаго острова, обыкновенно въ Европѣ называемаго *Нипономъ*).

Токіо, 10-го (23-го) іюля (Рейтеръ). Въ 3 часа пополудни слышна была канонада въ открытомъ морѣ близъ Урага, находящемся при входѣ въ Іокогамскій заливъ.

Токіо, 10-го (23-го) іюля (Рейтеръ). Владивостокскую эскадру видѣли вчера въ полдень на высотѣ провинціи Хитачи. Эскадра шла на разстояніи 80 миль отъ берега, держа курсъ на югъ.

Іокогама, 12-го (25-го) іюля (Рейтеръ). Вчера близъ Идзу владивостокская эскадра пустила ко дну британскій пароходъ „Knight Commander“, шедшій изъ Нью Іорка. Команда была предварительно свезена на пароходъ „Tsinan“, сегодня прибывшій въ Іокогаму. Русскіе захватили германское судно, по всей вѣроятности „Arabia“, съ грузомъ муки и британскій пароходъ, названіе котораго неизвѣстно. Суда эти отправлены во Владивостокъ.

Токіо, 12-го (25-го) іюля. (Рейтеръ). Владивостокская эскадра замѣчена къ востоку отъ Кацира; она направляется на востокъ.

Санъ Франциско, 13-го (26-го) іюля. (Рейтеръ). Здѣсь очень безпокоятся въ морскихъ кругахъ объ участи парохода „Corea“, который везетъ милліонъ долларовъ золотомъ въ Японію, а также грузъ, состоящій изъ машинъ, продовольствія и др. предметовъ, составляющихъ несомнѣнную контрабанду. „Corea“ долженъ придти въ Японію 15 го іюля. („Daily Chronicle“).

Токіо („Daily Mail“) 13-го іюля. Здѣсь полагаютъ, что русскіе не потопили парохода „Tsinan“, потому что на немъ находились женщины и дѣти, которыхъ русскіе не могли устроить на своихъ судахъ.

Токіо („Standard“). Русскіе крейсера, повидимому, возвращаются на сѣверъ: ихъ видѣли близъ Шиба.

Іокогама („Daily Mail“). По слухамъ, русскіе крейсера все еще сторожатъ входъ въ Токійскій заливъ, поджидая пароходы: „Chalchas“, „Korea“, „Shawmut“.

Токіо, 14-го (27 го) іюля. (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Владивостокская эскадра отплыла въ сѣверномъ направленіи. Говорятъ, что послѣ потопленія „Knight Commander“ было затоплено еще японское судно.

Токіо, 14-го (27-го) іюля. (Рейтеръ). Владивостокская эскадра была сегодня утромъ на разсвѣтѣ въ 60 миляхъ отъ Токійской бухты. Она пошла на югъ.

Этотъ выходъ владивостокскихъ крейсеровъ изъ замкнутаго Японскаго моря на широкій просторъ Тихаго Океана, на всѣ сообщенія Японіи съ странами, изъ которыхъ она получаетъ продовольствіе и военные припасы, имѣетъ огромное значеніе. Въ виду серьезныхъ убытковъ, которые дѣятельность эскадры можетъ нанести американцамъ и англичанамъ, японцы могутъ питать нѣкоторыя надежды на ихъ заступничество, которое умѣрило-бы это по истинѣ бѣдствіе. Иначе, придется отозвать отъ Портъ-Артура значительную часть сосредоточенныхъ тамъ морскихъ силъ и дать возможность портъ-артурскому флоту выйти изъ состоянія бездѣйствія, въ которомъ онъ находится со дня гибели „Петропавловска“ и смерти вице-адмирала Макарова. При искусномъ маневрированіи, мужествѣ, энергіи и счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, этотъ выходъ портъ-артурцевъ можетъ привести къ переходу морского преобладанія отъ японцевъ къ русскимъ и до прибытія морскихъ подкрѣпленій. Поэтому же и это прибытіе облегчается присутствіемъ на его пути трехъ сильныхъ крейсеровъ. Что касается вопроса объ углѣ, то именно для „Громобоя“, „Россіи“ и „Рюрика“, составляющихъ крейсерскій отрядъ, вышедшій въ Тихій Океанъ, этотъ вопросъ рѣшенъ на продолжительное время, потому что они берутъ запасы угля (отъ 2300 до 2800 тоннъ), достаточные для безостановочнаго перехода изъ Кронштадта въ Владивостокъ, такъ что при умѣломъ расходѣ угля, они всѣ три, могутъ держаться въ морѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, смѣлая иниціатива владивостокской эскадры недавнее безспорное японское господство на морѣ сдѣлало снова спорнымъ. Японцамъ надо его отстаивать. Они для этого достаточно сильны, но гдѣ снова идетъ споръ и борьба, тамъ возможны всякія случайности.

Выходъ русскихъ добровольныхъ крейсеровъ въ Красное море, захватъ ими нѣсколькихъ англійскихъ судовъ и вышеупомянутое потопленіе англійскаго парохода владивостокскою эскадрою, вызвали сильное возбужденіе въ Англіи и серьезные дипломатическіе переговоры. Въ эту минуту, когда я пишу эти строки, результаты этихъ событій еще не достаточно выяснились и мы отложимъ объ нихъ бесѣду. Во всякомъ случаѣ, эти опасные

инциденты могли бы при развитіи отодвинуть на задній планъ событія Дальняго Востока. Будемъ надѣяться, что до этого не дойдетъ и война останется локализованною.

С. Южаковъ.

Къ вопросу объ оздоровленіи деревни.

I.

Вопросъ о санитарномъ положеніи деревни сравнительно мало интересуетъ наше общество. Другіе вопросы народнаго быта, какъ напр., экономическое положеніе населенія, народное просвѣщеніе, правовое положеніе крестьянства и др. пользуются у насъ гораздо большимъ вниманіемъ. Текущая журнальная и газетная литература тоже только изрѣдка касается вопросовъ народнаго здравія, и при томъ, большей частью, случайно, по поводу какихъ нибудь частичныхъ отраслей санитаріи. Модный вопросъ о деревенскихъ ясляхъ даетъ случай поговорить объ ужасающей дѣтской смертности, съѣздъ сифилидологовъ заставитъ вспомнить о распространенности сифилиса; комариная теорія лихорадки оживитъ на время интересъ къ маляріи, которой у насъ, оказывается, тоже „непочатый уголъ“ и т. д. *). А общіе вопросы народнаго здравоохраненія рѣдко выступаютъ на первый планъ... Оздоровляется ли, напр., русская деревня? улучшается ли за послѣдніе годы ея санитарное положеніе? нормально ли идетъ увеличеніе народонаселенія? измѣняется ли въ ряду лѣтъ его физическое состояніе? и т. п. На всѣ эти вопросы мы не находимъ отвѣтовъ въ печати... Если присмотрѣться къ дѣятельности общественныхъ учрежденій (поскольку она отражается на страницахъ повременной печати), то и тутъ мы не увидимъ особенно живого интереса къ вопросамъ народнаго здравія, по крайней мѣрѣ, такого, какой эти учрежденія обнаруживаютъ по отношенію къ другимъ отраслямъ своего хозяйства и вѣдѣнія. Для примѣра взгляните обзоръ оче-

*) Исключеніемъ изъ этого является живой интересъ печати и общества къ работамъ послѣдняго (IX) Пироговскаго съѣзда, въ значительной мѣрѣ посвященнымъ вопросамъ общественной медицины. „Никогда еще съѣзды, говоритъ „Журналъ Общ. русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“, не вызывали въ медицинской и *особенно общей* печати столько статей, замѣтокъ и отзывовъ, посвященныхъ общей оцѣнкѣ значенія работъ съѣзда, при чемъ важно отмѣтить то рѣдкое единодушіе и солидарность взглядовъ, которыми проникнуты всѣ эти многочисленные отзывы и отголоски... Это—голосъ того общественнаго мнѣнія, которое начинаетъ, наконецъ, понемногу складываться и въ Россіи“. („Журналъ“ 1904 № 1—2 стр. 102).

редныхъ земскихъ собраній сессіи 1902—1903 года въ первой книжкѣ „Народнаго Хозяйства“ за прошлый годъ *). По вопросамъ народнаго здравія обозрѣватель отмѣчаетъ только отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ собраній къ циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ съ проектомъ регламентаціи медицинскаго дѣла. Въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма широко смотрѣли на общее положеніе деревни, опять таки вопросы народнаго здравія оставались въ тѣни и врядъ ли гдѣ трактовались вполнѣ обстоятельно.

А межъ тѣмъ вопросы народнаго здравія должны бы, казалось, пользоваться большимъ вниманіемъ. Какъ для отдѣльнаго человѣка здоровое состояніе его тѣла является самымъ первымъ условіемъ всей его жизнедѣятельности, такъ и для цѣлаго государства здоровье его населенія должно въ значительной мѣрѣ оказывать вліяніе на всѣ другія стороны народнаго быта, начиная съ экономическаго благосостоянія и кончая политическимъ могуществомъ націи.

То, что болѣе или менѣе случайно приходится узнавать намъ о состояніи народнаго здравія въ Россіи, обыкновенно мало утѣшительно. Всѣмъ, напр., извѣстно, что со времени введенія всеобщей военной повинности тѣ нормы, которыя предъявлялись къ физическому развитію новобранцевъ въ началѣ, неоднократно понижались и въ настоящее время „въ концѣ концовъ пришлось отказаться почти отъ всякихъ нормъ для безпрепятственнаго пополненія арміи и довольствоваться только сноснымъ питаніемъ“ *). О томъ, что по величинѣ смертности наше отечество занимаетъ выдающееся, но нимало не завидное положеніе среди другихъ европейскихъ государствъ, это, вѣроятно, извѣстно „даже не бывавшему въ семинаріи“. Профессоръ Янсонъ говорилъ даже, что въ началѣ и въ первой четверти прошлаго столѣтія, смертность у насъ была ниже, чѣмъ теперь (20—23 на 1,000—тогда и выше 30—сейчасъ). Если это такъ, то выходитъ, что сто лѣтъ тому назадъ мы были въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Періодически повторяющіяся голодовки, само собой разумѣется, оказываютъ пагубнѣйшее — и при томъ à la longue—вліяніе на состояніе народнаго здравія. Самаго поверхностнаго взгляда на деревенскую избу въ любой мѣстности Россіи достаточно, чтобы убѣдиться, что та изба, которая воспѣта Никитинымъ: „душный воздухъ, дымъ лучины, подъ ногами соръ, соръ на лавкахъ, паутины по угламъ узоръ“ и пр., измѣнилась со времени написанія стихотворенія (1858 г.) развѣ

*) В. В. Хижняковъ „Очередныя земскія собранія сессіи 1902—1903 гг. стр. 132—157.

**) Изъ рѣчи В. И. Долженкова на общемъ собраніи VIII Пироговскаго съѣзда (Москва, 1902 г.) „Жизненныя задачи русской общественной санитаріи“.

только въ томъ, что мѣсто „дыма лучины“ заняла копоть керосиновой лампочки *).

Эти общіе факты, приведенные здѣсь, какъ наиболѣе извѣстные, не даютъ основанія строить особенно благопріятныхъ заключеній объ оздоровленіи деревни. Если прибавить къ этому, что состояніе народнаго здравія стоитъ въ неразрывной связи съ экономическимъ положеніемъ народа, то выводы получатся еще болѣе неутѣшительные, такъ какъ „оскудѣніе центра“ является, какъ извѣстно, фактомъ, признаннымъ даже оффиціально, а другіе роды „оскудѣнія“, если еще и не дождались такого признанія, то въ наличности и очевидности ихъ сомнѣваться не приходится.

Итакъ, положеніе народнаго здравія, если судить о немъ такъ, представляетъ и должно представлять очень мрачную картину. Тѣмъ интереснѣе поэтому представляются факты, которые мы позволимъ себѣ отмѣтить въ настоящей замѣткѣ.

II.

Въ концѣ прошлаго года вышла работа д-ра И. К. Кондорскаго: „Санитарное состояніе Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи по даннымъ годовыхъ отчетовъ гг. участковыхъ земскихъ врачей съ 1882 по 1900 г.“. Имѣя въ рукахъ такое изслѣдованіе санитарнаго состоянія уѣзда за 19 лѣтъ, весьма интересно прослѣдить, какъ и въ чемъ измѣнилось состояніе народнаго здравія въ уѣздѣ за указанный промежутокъ времени, ухудшилось оно или улучшилось, можно ли въ этомъ уѣздѣ наблюдать оздоровленіе деревни или нѣтъ.

По ознакомленіи съ работой д-ра Кондорскаго на эти вопросы приходится отвѣчать утвердительно: да, санитарное положеніе Александровскаго уѣзда за 19 лѣтъ, можно думать, улучшилось. Смертность (вычисленная авторомъ, впрочемъ, только за 11 лѣтъ 1891—1901 гг.), колеблясь по годамъ отъ 20,45‰ въ 1901 г. до 33,87, послѣ неурожая 1891—1892 года обнаруживаетъ наклонность къ пониженію. Средняя смертность за 10 лѣтъ исчисляется 26,35 на 1,000, но въ первое пятилѣтіе она равна 29,59‰, а во второе только 23,35‰. Другими словами, въ первое пятилѣтіе изъ 1,000 человѣкъ населенія умирало каждый годъ почти 30 человѣкъ, а во второе только 23—24. Въ значительной мѣрѣ это явленіе, можно думать, объясняется

*) Замѣна эта, между прочимъ, произошла не отъ „вѣянія культуры“, а въ силу чисто экономическихъ причинъ, такъ какъ „лучинушка березовая“ съ уменьшеніемъ лѣсовъ стала обходиться дороже керосина, да и самое заготовленіе ея и пользованіе ею, какъ освѣтительнымъ матеріаломъ, занимало лишнія рабочія руки. См. статью А. Смирнова „Керосинъ въ деревнѣ“ „Вѣстникъ Владимір. губ. земетва“ 1904 г.

вліяніемъ недородовъ, особенно сильныхъ въ первомъ періодѣ. При томъ же уменьшеніе смертности само по себѣ еще нельзя считать точнымъ мѣриломъ для оцѣнки санитарныхъ условій. Рождаемость, подвергающаяся обыкновенно меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ смертность, равнялась въ уѣздѣ въ среднемъ за 10 лѣтъ 53,65 на 1,000, что превышаетъ общерусскую рождаемость — 49,20‰ (за 1867—1891 гг.). Вслѣдствіе уменьшенія смертности и status quo рождаемости въ уѣздѣ обнаружился большой приростъ населенія—27,30 на 1,000; это вдвое больше соотвѣтствующей общерусской цифры прироста—13‰.

Болѣе опредѣленныя указанія даютъ свѣдѣнія о заболѣваемости. Въ 1882 году къ земскимъ врачамъ Александровскаго уѣзда обращалось за медицинской помощью 32,242 человѣка. Въ 1900 году число обращавшихся было 180,039 человѣкъ. Само собой разумѣется, что это нисколько не значитъ, что въ уѣздѣ за это время стали больше болѣть. Увеличеніе числа больныхъ означаетъ только, что увеличилась не заболѣваемость, а *обращаемость* больныхъ къ врачамъ. Стало больше врачей, увеличилось число пунктовъ подачи медицинской помощи, возросло народное довѣріе къ научной медицинѣ—и больныхъ вообще, можетъ быть, не прибавилось, не уменьшилось, но число больныхъ, *обращающихся* за помощью къ врачамъ или фельдшерамъ увеличилось. Но вотъ что представляется при этомъ въ высокой степени интереснымъ. Въ 1882 году на всѣхъ зарегистрированныхъ больныхъ приходилось 715 человѣкъ сифилитиковъ, а въ 1900 году число сифилитиковъ равнялось 398. На 1,000 человѣкъ больныхъ въ 1882 году ихъ приходилось 22,18, затѣмъ это число постепенно изъ году въ годъ падало и въ 1899 году дошло до 1,89 на 1,000. (Въ 1900—нѣсколько больше: 2,21‰). Затѣмъ авторъ изслѣдованія беретъ данныя о заболѣваемости 12 наиболѣе губительными инфекціонными болѣзнями (тифы, оспа, корь, скарлатина, сибирская язва, цинга) по годамъ съ 1882 по 1900. При этомъ обнаруживается, что и по отношенію къ этимъ болѣзнямъ можно видѣть несомнѣнное уменьшеніе заболѣваемости. Въ 1882 году изъ 1,000 человѣкъ больныхъ на долю инфекціонныхъ приходилось 106,92, а въ 1900 году 32,82. Число больныхъ, обращающихся къ медицинской помощи, возросло за 19 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ 5 разъ; въ то же время число болѣющихъ сифилисомъ и вышеперечисленными заразными болѣзнями частью абсолютно, но еще болѣе относительно уменьшилось. Что же означаетъ такое явленіе? При увеличеніи общей обращаемости къ медицинской помощи непремѣнно должна была увеличиться и обращаемость больныхъ съ инфекціонными болѣзнями, и если такихъ больныхъ съ каждымъ годомъ стало обращаться меньше, то это значитъ, что вообще населеніе стало менѣе подвержено заразнымъ заболѣваніямъ и самыхъ заболѣ-

ваній этихъ стало меньше. А между тѣмъ въ 19 лѣтній періодъ только два года не встрѣчалось въ уѣздѣ возвратнаго тифа и одинъ годъ оспы, во всѣ же остальные года, какъ эти болѣзни, такъ и всѣ другія заразныя появлялись ежегодно, т. е. возможность распространенія почти всѣхъ эпидемій все время существовала. Такимъ образомъ остается признать, что населеніе съ теченіемъ времени становится, такъ сказать, менѣе уязвимымъ по отношенію къ различнымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ. Въ частности крайне важно отмѣтить постепенное и неуклонное уменьшеніе заболѣваній сифилисомъ. Эта болѣзнь, называемая „дурной", въ массѣ крестьянскаго населенія распространяется главнымъ образомъ не половымъ, а внѣполовымъ способомъ. Незначительность признаковъ болѣзни въ началѣ, не обращающей на себя вниманія заболѣвшаго, совмѣстное пользованіе предметами домашняго обихода, близкое соприкосновеніе всѣхъ живущихъ въ одной избѣ и особая прилипчивость этой болѣзни дѣлаютъ то, что стоитъ заболѣть одному члену семьи, какъ въ скоромъ времени перезаражаются всѣ обитатели даннаго помѣщенія, а зачастую не только одни они, но даже сосѣди и родственники изъ другихъ домовъ. Нѣтъ нужды говорить, какъ губительно отражается эта болѣзнь на здоровьѣ заболѣвшаго, въ большинствѣ случаевъ слишкомъ поздно обращающагося къ медицинской помощи, и какъ послѣдствія зараженія продолжаютъ свое дѣйствіе на второмъ и даже на третьемъ поколѣніи. Вполнѣ понятно, что разъ въ Александровскомъ уѣздѣ заболѣваемость этой болѣзнью за 19 лѣтъ уменьшилась въ 10 разъ, то это слѣдуетъ считать очень большимъ шагомъ впередъ на пути оздоровленія населенія.

Какіе факторы съиграли въ данномъ случаѣ роль, т. е. улучшились ли жизненныя условія и населеніе въ общемъ сдѣлалось болѣе устойчивымъ, сказались ли въ данномъ случаѣ культурные успѣхи и въ частности съиграла роль земско-врачебная организація,—мы не знаемъ. Возможно, конечно, и то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ временными и мѣстными колебаніями, не упраздняющими общихъ тенденцій, какія могутъ быть свойственны народной жизни.

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другой санитарно статистической работы, появившейся почти одновременно съ предыдущей. Это—изслѣдованіе д-ра Г. И. Ростовцева, посвященное характеристикѣ физическаго развитія населенія Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи по даннымъ призывныхъ списковъ за 1875—1899 года и движенія населенія за 1854—1900 г. Авторъ разсматриваетъ собственно только два вопроса: доживаемость

мужского населенія до призывного возраста (20—21 годъ) и тѣлесное развитіе призываемыхъ.

За 25 лѣтній періодъ 1875—1899 г. въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ среднемъ доживало до призывного возраста только немного болѣе трети всѣхъ родившихся мальчиковъ (35,6%), а 64,4 изъ 100 на протяженіи жизни до 21 года умирало. Такой процентъ доживаемости призывныхъ крайне низокъ. Доживаемость призывныхъ вообще по Европейской Россіи колеблется отъ 43,5 до 49%, а въ Западной Европѣ она гораздо выше: во Франціи—69,39, въ Италіи — 61,67, въ Германіи — 60,76, въ Бельгіи — 70,87 (вдвое выше, чѣмъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ). Объ общемъ плохомъ санитарномъ положеніи уѣзда свидѣтельствуетъ и высокій коэффиціентъ смертности: 43,3 на 1000, чуть не въ полтора раза бо́льшій общерусскаго. Тѣлесное развитіе призываемыхъ, поскольку оно характеризуется высотой роста и окружностью грудной клѣтки, тоже обнаруживаетъ недочеты по сравненію съ призывными сѣверо-западнаго края и приволжскихъ губерній. Недочеты эти выражаются въ томъ, что призывные Дмитровскаго уѣзда обладаютъ при повышенномъ ростѣ относительно и абсолютно уменьшенной окружностью груди. Нормально у здоровыхъ людей дважды взятая величина окружности груди должна на *нѣсколько сантиметровъ* превышать высоту роста. А у призывныхъ Дмитровскаго уѣзда въ общей ихъ массѣ окружность груди превышаетъ полуростъ только на *сотыя* части сантиметра.

Всѣ эти данныя: низкая доживаемость до призывнаго возраста, высокая смертность населенія и плохое тѣлесное развитіе молодыхъ людей въ возрастѣ 20 — 21 года ясно свидѣтельствуютъ, что населеніе Дмитровскаго уѣзда живетъ въ крайне неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ.

Тѣмъ не менѣе населеніе Дмитровскаго уѣзда всетаки увеличивается. На протяженіи 25 лѣтъ (1875—1899 г.) число призываемыхъ постоянно, хотя и съ колебаніями, возрастало, что обусловливалось, конечно, прежде всего приростомъ населенія.

Доживаемость лицъ призывного возраста, хотя „слабо и нерѣшительно“, какъ говоритъ д-ръ Ростовцевъ, но всетаки повышалась въ теченіе этихъ 25 лѣтъ. Въ первое пятилѣтіе этого періода доживаемость равнялась 32,6%, а въ послѣднемъ—поднялась до 42,1%. Но самымъ интереснымъ фактомъ является устанавливаемое изслѣдователемъ несомнѣнное улучшеніе физическаго состоянія призываемыхъ въ періодъ времени 1890—1899 гг. Мы приведемъ здѣсь часть таблицы, изъ которой видно постепенное повышеніе роста и наростаніе окружности груди у средняго призываемаго въ теченіе десяти лѣтъ.

Годы.	Средній ростъ. арш.	верш.	Средній обхватъ груди. арш.	верш.	Отношеніе обхвата груди къ полуросту въ вершкахъ.
1890	2	5,09	1	1,27	— 1,27
1891	2	5,04	1	2,03	— 0,49
1892	2	5,26	1	2,01	— 0,63
1893	2	5,41	1	2,86	+ 0,15
1894	2	5,08	1	3,00	+ 0,46
1895	2	5,17	1	2,98	+ 0,40
1896	2	5,33	1	3,19	+ 0,53
1897	2	5,41	1	3,15	+ 0,44
1898	2	5,26	1	3,34	+ 0,71
1899	2	5,24	1	3,36	+ 0,74

Въ 1890 году средній призываемый, какъ говорится, не хваталъ въ груди на 1,27 вершка, его полуростъ на эту величину превышалъ обхватъ груди. Къ концу десятилѣтія средній призываемый уже дорось до нормы: отношеніе обхвата груди къ полуросту доходитъ до положительной величины въ 0,74 вершка. „Колебанія въ постоянствѣ увеличенія этого показателя есть, говоритъ изслѣдователь, но они такого характера, что въ общемъ не нарушаютъ впечатлѣнія прогрессивнаго увеличенія относительнаго периметра груди". Въ то же время увеличивается вмѣстѣ съ абсолютнымъ периметромъ груди и самый ростъ. Въ конечномъ результатѣ надо признать, что средній призываемый Дмитровскаго уѣзда за десять лѣтъ окрѣпъ и возмужалъ.

Анализъ данныхъ о физическомъ развитіи призываемыхъ и о доживаемости приводитъ д-ра Ростовцева къ заключенію, что улучшеніе физическаго развитія идетъ параллельно съ увеличеніемъ доживаемости. Такимъ образомъ оказывается, что „тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сохраняется больше родившихся, очевидно благотворно вліяютъ и на самую конституцію оставшихся въ живыхъ". Это подтверждается также и тѣмъ, что въ волостяхъ, гдѣ существуетъ бо̀льшая доживаемость, обнаруживается и лучшее тѣлесное развитіе призываемыхъ, и наоборотъ. Такъ какъ доживаемость лицъ призывного возраста находится въ прямой зависимости отъ величины дѣтской смертности, то легко заключить, что между дѣтской смертностью и тѣлеснымъ развитіемъ призываемыхъ существуетъ такое соотношеніе, что чѣмъ въ данной мѣстности выше дѣтская смертность, тѣмъ хуже въ ней и тѣлесное развитіе призываемыхъ. Цифры, дѣйствительно, подтверждаютъ это заключеніе. Этотъ послѣдній выводъ позволяетъ изслѣдователю распространить свое положеніе объ улучшеніи физическаго развитія и на женскую половину населенія, такъ какъ въ явленіяхъ смертности дѣтей грудного возраста (которая собственно и составляетъ самую бо̀льшую часть дѣтской смертности) замѣтить какихъ-либо различій между мужскимъ и женскимъ поломъ не удается.

Такимъ образомъ путемъ точныхъ статистическихъ операцій

надъ достаточно достовѣрнымъ матеріаломъ и при помощи строго-логическихъ заключеній изслѣдователь, признавая тѣлесное развитіе населенія Дмитровскаго уѣзда вообще недостаточнымъ (ниже нормальнаго), приходитъ всетаки къ выводу, что съ теченіемъ времени тѣлесное развитіе населенія все болѣе и болѣе улучшается.

Чѣмъ же обусловливается и отчего зависитъ это улучшеніе? Въ заключительной главѣ своего труда „Связь развитія культурности населенія и его доживаемости до призывного возраста съ тѣлеснымъ развитіемъ“ д-ръ Ростовцевъ даетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отвѣтъ, въ сущности, сводится къ тому, что культурность населенія способствуетъ его оздоровленію. Судить о культурности населенія приходится, однако, только по образованности и даже проще по грамотности. Въ процентныхъ отношеніяхъ числа грамотныхъ призывныхъ по пятилѣтіямъ за время 1875—1899 гг. представляются въ такомъ порядкѣ: въ первое пятилѣтіе грамотныхъ призывныхъ было 33,8%, во второмъ—41,2%, въ третьемъ—51,6% въ четвертомъ—61,4%, въ пятомъ—72,8%. Въ среднемъ каждое пятилѣтіе даетъ увеличеніе числа грамотныхъ призывныхъ приблизительно на 10%. Повышеніе числа грамотныхъ призывныхъ по уѣзду вообще совпадаетъ съ повышеніемъ доживаемости и улучшеніемъ физическаго развитія. Болѣе рельефно и доказательно это видно изъ сравненія доживаемости и грамотности по отдѣльнымъ группамъ волостей. Въ первой, наиболѣе неблагополучной въ санитарномъ отношеніи, группѣ процентъ доживаемости 29,6 приходится на 44,7% грамотности, въ слѣдующей это соотношеніе равно 35,9 на 48,9, и, наконецъ въ послѣдней съ повышеніемъ процента доживаемости до 43,2 оказывается и высшій процентъ грамотности—61,3. Къ числу другихъ культурныхъ вліяній, благопріятно дѣйствующихъ на оздоровленіе деревни, изслѣдователь относитъ широкую организацію правильной медицинской помощи, которая „незамѣтно, постепенно и неуклонно распространяетъ среди населенія санитарно-гигіеническія понятія“. Страхованіе жилищъ тоже косвеннымъ образомъ содѣйствуетъ поднятію культуры, такъ какъ благодаря ему „населеніе, лишенное крова послѣ такъ часто случающихся у насъ пожаровъ, сносящихъ съ лица земли половину или всю деревню, получаетъ возможность, если не улучшать состояніе своихъ жилищъ, то быстрѣе устраивать ихъ въ томъ же видѣ и не подвергать себя всѣмъ невзгодамъ нашего не очень благопріятнаго климата“. Даже такія чисто техническія мѣропріятія, какъ замѣна плугомъ сохи (ставшей анахронизмомъ въ уѣздѣ), тоже нужно считать не чуждымъ гигіенѣ, ибо легкій плугъ требуетъ гораздо меньше физическаго напряженія и траты силъ, чѣмъ тяжелая, неуклюжая соха. Понятно, что и увеличивающееся въ уѣздѣ съ каждымъ годомъ тра-

восѣяніе, позволяющее населенію держать бо̀льшее количество скота, черезъ одно это улучшаетъ его питаніе, не говоря уже объ увеличеніи благосостояніе вообще. Постепенное повышеніе грамотности тоже можетъ свидѣтельствовать объ улучшеніи экономическихъ условій, такъ какъ достаточная семья гораздо свободнѣе можетъ отказаться отъ работы малолѣтняго члена, занятаго въ школѣ, чѣмъ семья бѣдная, которая должна, что называется, выжимать соки и изъ стараго и изъ малаго. Прямыхъ указаній на развитіе экономическаго состоянія населенія д-ру Ростовцеву не удалось добыть. Единственный показатель, который онъ могъ добыть для этой цѣли, это—относительныя величины площади пола въ избахъ на одного обывателя. Можно допустить, что существуетъ извѣстное соотношеніе между величиной помѣщенія и степенью матеріальной обезпеченности. Возможно, что это соотношеніе не всегда строго выдержано, но несомнѣнно, что соотношеніе величины помѣщенія съ гигіеническими условіями обязательно существуетъ. Разбивая всѣ волости уѣзда на три группы, д-ръ Ростовцевъ получилъ слѣдующую табличку:

	на 1 чел. кв. арш. пола.	средній ростъ.	% доживаемости.
I группа	8,0	1,651 метра.	32,4
II „	9,2	1,652 „	39,2
III „	10,2	1,660 „	39,7 *)

Изъ этой таблицы видно, что тамъ, гдѣ больше пространственныя жилищныя условія, тамъ выше ростъ призываемыхъ и процентъ доживаемости.

IV.

Весьма возможно, что еслибы по Александровскому уѣзду имѣлись такія же свѣдѣнія относительно доживаемости и тѣлеснаго развитія населенія въ связи съ другими факторами народнаго быта, то можно бы было тоже установить причинную зависимость наблюдаемаго тамъ оздоровленія отъ общаго подъема культурности. Во всякомъ случаѣ точныя статистическія изслѣдованія, произведенныя хотя бы въ предѣлахъ земскихъ губерній, могли бы въ значительной мѣрѣ освѣтить и уяснить картину санитарнаго состоянія населенія. И это могло бы имѣть крайне серьезное не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Въ настоящее время (по смѣтамъ 1900 года) всѣ русскія земства отпускаютъ на медицинскую часть приблизительно 24—25 милліоновъ рублей. Громадная часть этой суммы пошла на цѣли чисто-лечебныя, на санитарныя мѣропріятія едва ли пришлось 1—$1^1/_2$ милліона. Оздоровительныя предпріятія на прак-

*) Безъ одной волости.

тикѣ пока еще очень скудны. О предупрежденіи болѣзней приходится только мечтать, потому что, располагая даже вѣрными предупредительными средствами противъ извѣстныхъ болѣзней, мы все еще не можемъ ограничить ихъ распространеніе. Такъ, напр., обстоитъ вопросъ объ оспопрививаніи. Если всѣмъ родившимся прививать оспу и если черезъ извѣстный промежутокъ времени производить повторныя прививки, то оспу можно совсѣмъ вывести. А у насъ по отчету медицинскаго департамента за 1893—1895 годы оспа даетъ около 100,000 только офиціально зарегистрированныхъ заболѣваній въ годъ, появляясь ежегодно не менѣе, чѣмъ въ 7,000 населенныхъ мѣстностей. И въ то время, какъ смертность отъ оспы въ Германіи равняется всего 2,3 на милліонъ, у насъ она доходитъ до 836,4 на то же число.

Санитарная дѣятельность земствъ не перешагнула пока порога санитарной статистики и рѣдко гдѣ вступила болѣе или менѣе серьезно въ область практическихъ мѣропріятій по гигіенѣ. Да къ такимъ мѣропріятіямъ и нельзя приступить ранѣе, чѣмъ не выяснены основныя санитарныя нужды той или другой мѣстности. Для выясненія этихъ нуждъ и служитъ санитарная статистика. Какъ въ дѣлѣ леченія врачи раньше, чѣмъ приниматься за леченіе, ставятъ діагнозъ болѣзни, такъ и въ дѣлѣ общаго оздоровленія населенія необходимо напередъ выяснить, чѣмъ именно и отчего недомогаетъ это населеніе во всей своей массѣ. Казалось бы, что это немудреное разсужденіе не можетъ возбуждать противорѣчій. На дѣлѣ оказывается однако не то.

Въ январѣ текущаго года на губернскомъ земскомъ собраніи въ Казани нашелся гласный — и что̀ всего удивительнѣе — профессоръ медицинскаго факультета, г. Засѣцкій, который блистательно провалилъ проектъ учрежденія при губернской управѣ санитарно-статистическаго бюро. По толкованію гласнаго-профессора работы медико-статистическихъ бюро совершенно безполезны и ихъ кромѣ автора да наборщика едва ли кто читаетъ; выводовъ изъ нихъ никакихъ сдѣлать нельзя, потому-де, что между временемъ собиранія свѣдѣній и ихъ обработкой проходитъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ условія жизни измѣняются и т. д. Для санитарной дѣятельности въ земствѣ, говорилъ г. Засѣцкій, нуженъ такой врачъ, „который обладалъ бы достаточной подготовкой и достаточными знаніями для практическихъ цѣлей, который зналъ бы, какъ помочь населенію въ водоснабженіи, этомъ источникѣ многихъ болѣзней, какъ устроить простую, но дѣйствительную дезинфекцію, какъ построить больницу, изслѣдовать почву и т. п.“ Собраніе согласилось съ доводами профессора (magister dixit!) и учредило въ Казани должность такого врача, (который будетъ лечить больного, не зная, чѣмъ онъ боленъ). „Не надо, разумѣется, быть пророкомъ, говоритъ по этому поводу „Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пи-

рогова (1904, № 1—2, стр. 141—142), чтобы съ полной увѣренностью напередъ сказать, что изъ этого начинанія Казанскаго земства ровно ничего путнаго выйти не можетъ, такъ какъ оно зиждется на безусловно неправильныхъ основаніяхъ, противорѣчащихъ всему опыту, накопленному уже въ достаточномъ объемѣ земскою жизнью въ вопросѣ объ устройствѣ санитарной части въ губерніяхъ".

Читателю, имѣвшему терпѣніе просмотрѣть эту замѣтку, на примѣрѣ двухъ разобранныхъ работъ не трудно убѣдиться, что санитарно-статистическія изслѣдованія, раскрывая глубоко сокровенныя закономѣрности народной жизни, могутъ, вопреки мнѣнію г. Засѣцкаго, представлять интересъ не для однихъ только типографскихъ наборщиковъ.

М. Камневъ.

Вокругъ да около.

Т. Циллеръ, проф. Страсбургскаго университета. „Очеркъ общей педагогики". Пер. съ нѣмецкаго М. Ефремовой, подъ ред. М. Лихарева. Изданіе ред. жур. „Образованіе". 1903 г.—Проф. *И. Скворцовъ*. „О воспитаніи и нравственности". Изданіе журнала „Русская Школа" 1903 г.

I.

Задачи и средства воспитанія всегда занимали одно изъ важныхъ мѣстъ въ ряду вопросовъ, особенно близко интересовавшихъ меня, и какъ мать, и какъ учительницу, и, наконецъ, какъ человѣка съ извѣстными общественными запросами. Никогда однако—ни теперь, ни прежде—меня не могла удовлетворить та постановка педагогическихъ вопросовъ и тѣ рѣшенія проблемъ воспитанія, съ какими мнѣ приходилось встрѣчаться въ педагогическихъ сочиненіяхъ и въ жизни.

Цѣлыя горы книгъ трактуютъ о томъ, какъ надо поставить физическое и нравственное воспитаніе подростающихъ поколѣній, какъ надо обучать тѣмъ или другимъ предметамъ. Тутъ очень много говорится о законахъ воспріятія впечатлѣній, образованія представленій и понятій, объ эмоціяхъ вообще и дѣтскаго возраста въ частности; говорится о факторахъ, обусловливающихъ то или другое самочувствіе ребенка; о наслѣдственности, подражаніи и внушеніи,—все это для того, чтобы воспитывающіе считались съ физической и психической природой воспитываемаго и обучаемаго. Одни педагогическія произведенія посвящены вопросу о воспитаніи здоровыхъ физически и умственно дѣтей, другія поучаютъ на счетъ воспитанія или, лучше сказать, перевоспитанія „ненормаль-

ныхъ" дѣтей—капризныхъ, лживыхъ, лѣнивыхъ, малоспособныхъ, грубыхъ, вороватыхъ и одержимыхъ какой нибудь хронической болѣзнью—слабосиліемъ, неврастеніей и т. п. Тамъ и тутъ къ воспитателю предъявляются категоричныя требованія: онъ *долженъ* дѣлать то-то и то-то, *не долженъ* дѣлать того-то и того-то. Въ числѣ многочисленныхъ обязанностей педагога обыкновенно фигурируетъ развитіе въ питомцѣ правильнаго мышленія, самостоятельности мысли, способности къ труду, правдивости, альтруизма, словомъ, всѣхъ добродѣтелей, вплоть до способности самопожертвованія и уваженія къ человѣческому достоинству. Обоснованія требованій въ большинствѣ случаевъ прекрасна, совѣты и предписанія—великолѣпны, хотя зачастую страдаютъ чрезмѣрной расплывчатостью, имѣютъ характеръ общихъ мѣстъ.

Возлагая такія громадныя обязанности на воспитателя, ученые педагоги обыкновенно умалчиваютъ объ одномъ, однимъ не интересуются: гдѣ эти воспитатели, способные нести такія необъятныя и страшно отвѣтственныя обязанности? Нѣкоторые, касаясь этого вопроса, настаиваютъ на томъ, что воспитаніе *должно* находиться въ рукахъ педагоговъ *по призванію*, а остальные, очевидно, полагаютъ, что стоитъ проштудировать нѣсколько педагогическихъ сочиненій, выслушать совѣты спеціалистовъ,—и роль воспитателя можетъ сдѣлаться emploi всякаго, по той или другой причинѣ поинтересовавшагося вопросами воспитанія. Конечно въ будущемъ,—въ томъ будущемъ, когда окажется возможнымъ осуществить общественную форму воспитанія подростающихъ поколѣній, начиная съ первыхъ лѣтъ, въ атмосферѣ солидарности свободно и широко развивающихся личностей,—можно будетъ говорить о предоставленіи роли воспитателя исключительно педагогамъ *по призванію*, т. е., людямъ, не только любящимъ дѣтей, не только понимающимъ человѣческую природу, и въ особенности дѣтскую, но и высоко развитымъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ;—людямъ, принципы и поступки которыхъ составляютъ одно гармоничное цѣлое, являющееся въ силу своей цѣлостности могучимъ факторомъ воспитанія. Но мудрено говорить объ этомъ теперь. Не надо забывать и того, что истинный воспитатель долженъ понимать общественную жизнь во всей ея сложности, такъ какъ его назначеніе—воспитывать пригодныхъ къ жизни, честныхъ, смѣлыхъ и счастливыхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательныхъ членовъ общества.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что даже въ самыхъ цивилизованныхъ и достигшихъ высокихъ формъ общественности странахъ такіе педагоги—явленіе исключительное, не говоря уже о Россіи, гдѣ какъ подготовка, такъ и дѣятельность спеціалистовъ этого рода обыкновенно обставлена условіями, въ корнѣ подрывающими самые элементарные принципы раціональнаго воспитанія: на нихъ смотрятъ, какъ на проводниковъ и опору началъ, кото-

рыми держится современный русскій общественный строй и которыя должны быть приняты ими безъ критики, безъ размышленія. Всякому извѣстно, что у насъ педагоги по призванію, педагоги, сколько нибудь удовлетворяющіе вышеуказаннымъ требованіямъ,— большая рѣдкость. Между тѣмъ воспитателей „по профессіи“ и воспитателей „по неволѣ“—милліоны. Отцы и матери, взрослые братья и сестры, учителя, учительницы, гувернеры, гувернантки, бонны, наконецъ, поэты и прозаики—авторы произведеній, которыми зачитываются дѣти и юноши, художники—геніальные, талантливые, посредственные и плохіе творцы картинъ, въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ распространяющихся по городамъ и селеніямъ цивилизованнаго міра, и т. д. и т. д., короче говоря, всѣ мы, взрослые, одни—больше, другіе меньше, въ зависимости отъ размѣровъ нашей иниціативы и силъ, такъ или иначе участвуемъ въ формированіи „человѣка“ и члена общества, всѣ мы оставляемъ тотъ или другой слѣдъ на внутреннемъ мірѣ подрастающихъ поколѣній. Но гдѣ и что обыкновенно подготовляетъ насъ къ отвѣтственной роли воспитателей? Вся жизнь разнообразными способами внѣдряетъ въ насъ самое узкое пониманіе личнаго и семейнаго блага и равнодушіе къ благу общественному; о человѣческомъ достоинствѣ только говорится и пишется, а на дѣлѣ оно попирается на каждомъ шагу; уважать и защищать свою, тѣмъ болѣе чужую, личность мало кто умѣетъ и смѣетъ; у насъ охотно разсуждаютъ о равенствѣ людей передъ Богомъ, передъ небесами, но здѣсь, на землѣ, лишь очень немногіе совершенно искренно видятъ братьевъ въ тѣхъ милліонахъ, которые вынесли и выносятъ на своихъ плечахъ современную цивилизацію.

Что сѣется, то и пожинается.

Я укажу всего два факта, выхваченные изъ русской провинціальной дѣйствительности за самое послѣднее время. Безъ сомнѣнія, читатель самъ сможетъ увеличить число ихъ чуть не до безконечности, особенно читатель изъ провинціи, гдѣ всѣ отрицательныя стороны нашего педагогическаго дѣла выступаютъ ярче и въ то же время труднѣе предаются гласности.

Въ пятомъ классѣ женской гимназіи вслѣдъ за звонкомъ оканчивается урокъ, учитель выходитъ. Классная дама — она же и учительница—„образцовая“ классная дама (гимназія гордится ею) быстро подходитъ къ одной изъ ученицъ, дѣвушкѣ лѣтъ 16-ти, и требуетъ, чтобъ она дала ей письмо, которое читала во время урока. Та не даетъ и на новое приказаніе отвѣчаетъ, что классная дама не имѣетъ права читать письма, получаемыя ученицами. Тогда начинается нѣчто, не поддающееся описанію; классная дама вырываетъ письмо изъ рукъ дѣвушки, послѣдняя въ свою очередь набрасывается и выхватываетъ его; безобразная борьба между раскраснѣвшимися учительницей и ученицей продолжается нѣ-

сколько минутъ, пока дѣвушкѣ удается разорвать въ клочки злополучное письмо... Въ результатѣ передъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи встаетъ ультиматумъ, предложенный „образцовой“ воспитательницей—или она, или дерзкая ученица,—и дѣвушка, осмѣлившаяся защищать свое достоинство, выгоняется изъ гимназіи.

Въ одной (быть можетъ, далеко не въ одной) мужской гимназіи среди учениковъ старшихъ классовъ творятся знаменательныя вещи: небольшая группа воспитанниковъ взяла на себя роль соглядатаевъ по отношенію къ остальнымъ своимъ товарищамъ. Гдѣ, кто, что и съ кѣмъ говорилъ или читалъ — все и даже больше докладывается директору или инспектору. Это ведетъ къ тому, что отношенія между учениками и начальствомъ сильно обостряются; нервы мальчиковъ совершенно изматываются въ глухой, порой и открытой, борьбѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ страшно смотрѣть. Достаточно ничтожнаго повода, чтобы будущее юноши,—быть можетъ, и его семьи,—было поставлено на карту и испорчено въ конецъ. Одинъ изъ учениковъ, мальчикъ 15 лѣтъ, въ каникулярное время, лѣтомъ, осмѣлился надѣть на прогулку синюю рубашку, вмѣсто форменной бѣлой блузы; чье-то всевидящее око увидало,—узналъ инспекторъ; мальчикъ призывается къ отвѣту и засаживается въ карцеръ на восемь часовъ. Отбывъ это удивительно соотвѣтствующее преступленію наказаніе, пробывъ 8 часовъ безъ пищи, гимназистъ настолько былъ возбужденъ и разозленъ вопіющей несправедливостью, что тотчасъ же снова надѣлъ злополучную рубаху и вышелъ на улицу. Опять его поступокъ не остался незамѣченнымъ: ему предложили взять свои бумаги изъ гимназіи.

Оставите ли вы учебныя заведенія и войдете въ интеллигентную или просто культурную семью—туда, гдѣ слышатся разговоры о воспитаніи, примѣняется та или другая педагогическая система,—въ большинствѣ случаевъ выводъ получается столь же безотрадный: тутъ ростутъ „геніи“, съ ними носятся, какъ съ писаной торбой, форсируютъ ихъ развитіе,—а выходятъ слабонервныя и до болѣзненности честолюбивыя посредственности; тамъ широчайшая свобода подготовляетъ эгоистовъ, не знающихъ другого закона, другихъ требованій, кромѣ своихъ желаній, слабохарактерныхъ и легко подпадающихъ подъ любое вліяніе; здѣсь, наоборотъ, каждый шагъ регламентируется,—и выростаютъ люди, или неспособные дѣйствовать не опираясь на кого либо, или, если сохранилась сильная отъ природы индивидуальность, при первой возможности разрывающіе цѣпи и, по реакціи, пользующіеся свободой со страстью, чаще всего неразумно; въ другомъ мѣстѣ занимаются культивированіемъ индивидуальности ребенка, оберегая его отъ общенія съ другими дѣтьми, при чемъ неосновательно полагаютъ, что если отгородить дитя, потомъ подростка отъ „нивел-

лирующаго вліянія толпы", то выйдетъ сильная индивидуальность, способная противустоять новымъ впечатлѣніямъ, новымъ вліяніямъ, съ которыми въ концѣ концовъ столкнетъ его жизнь; о томъ, какую прекрасную почву для развитія эгоизма представляетъ такая погоня за крайней индивидуализаціей,—объ этомъ и не заботятся.

Мы необыкновенно удивляемся, встрѣчая семью, не погруженную въ мелкіе, себялюбивые интересы, семью, гдѣ отецъ и мать не растеряли своихъ высокихъ идеаловъ, и дѣти воспитываются въ атмосферѣ широкихъ общественныхъ стремленій,—мы удивляемся, потому что привыкли къ господству вреднѣйшаго изъ всѣхъ видовъ эгоизма — эгоизма семейнаго. Привыкли мы и къ тому, что „отцы" съ утратой первой молодости утрачиваютъ и свои идеалы, мельчаютъ, не только не двигаются впередъ, но и забываютъ старое. И странно, мы еще печалимся при видѣ борьбы „отцовъ" и „дѣтей"; между тѣмъ, она свелась бы до minimum'а, еслибы „старшіе" не останавливались въ своемъ развитіи, когда „младшіе" развертываютъ свои силы и сложная жизнь начинаетъ работать надъ ихъ дальнѣйшимъ воспитаніемъ.

Наконецъ, развѣ не часто мы видимъ, какъ дѣти выростаютъ въ атмосферѣ, насыщенной ложью, сварой и рознью между родителями.

Оставьте интеллигентную и культурную среду, подойдите къ жизни мало и совсѣмъ некультурныхъ семей: тамъ нѣтъ никакихъ „принциповъ" въ воспитаніи, тамъ—царство непосредственныхъ насущнѣйшихъ интересовъ и чаще всего нѣтъ времени задумываться надъ педагогическими вопросами,—„какъ бы только выростить"; тамъ съ пеленокъ воспитываетъ сама жизнь—совокупность всѣхъ личныхъ и общественныхъ условій, воспитываетъ безъ плана, безъ системы, худо или хорошо—это уже зависитъ отъ тысячи случайностей. И къ этому мы тоже достаточно приглядѣлись...

Отмѣченныя условія воспитанія подростающихъ поколѣній слишкомъ обыденны, они извѣстны всякому, и говорить о нихъ лишне,—скажетъ, быть можетъ, иной читатель. Вотъ именно потому, что они такъ обыденны, что мы привыкли къ нимъ, они и *страшны*. Именно эта „обыденность" дѣлаетъ педагогику почти совершенно безполезной, пока она не займется серьезно вопросомъ *о воспитаніи воспитывающихъ*, пока она не приступитъ къ изученію и критикѣ условій, создающихъ *такихъ* воспитателей, и со своей педагогической точки зрѣнія не укажетъ средствъ устранить или, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени парализовать вліяніе этихъ условій. Между тѣмъ современные педагоги-теоретики вращаются почти исключительно около методовъ индивидуальнаго воспитанія, а если и касаются вопроса о причинахъ, обусловливающихъ недостатки воспитывающей среды, то

лишь немногіе и вскользь; вслѣдъ за ними и педагоги-практики, даже лучшіе изъ нихъ, закрываютъ глаза и зажимаютъ уши, когда имъ указываютъ на неразрывную связь положенія и успѣховъ воспитанія молодого поколѣнія съ другими сторонами общественной жизни; какъ бы часто ихъ благородныя усилія ни разбивались о послѣднія, они не разстаются съ иллюзіей самостоятельной роли педагогики и готовы лучше свести свои требованія до minimum'а, чѣмъ выйти за предѣлы своей узко понимаемой спеціальности.

Нельзя не считать непростительнымъ со стороны теоретической и практической педагогики игнорированіе бьющей въ глаза потребности,—потребности оздоровить среду воспитанія, подойти ближе къ общественной жизни, оцѣнить ея разныя стороны съ педагогической точки зрѣнія и по мѣрѣ силъ умѣрить ихъ отрицательное вліяніе.

II.

Передо мной двѣ книги по педагогикѣ, обѣ вышли въ Россіи въ 1903 году. Одна изъ нихъ—„Очеркъ общей педагогики"—лекціи проф. Страсбургскаго университета Т. Циглера, читанныя имъ въ 1892 г. во Франкфуртѣ-на Майнѣ и въ Гамбургѣ и появившіяся въ печати на нѣмецкомъ языкѣ въ 1901 г.; другая—принадлежитъ перу русскаго профессора И. П. Скворцова и называется „О воспитаніи и нравственности". Обѣ книги изданы редакціями журналовъ—„Образованіе" и „Русская Школа", изъ которыхъ первый до послѣдняго времени преслѣдовалъ почти исключительно педагогическія задачи и сейчасъ удѣляетъ имъ довольно значительное мѣсто, а второй—всецѣло посвящается педагогикѣ. Отсюда можно думать, что эти два произведенія вполнѣ достойны быть рекомендованными вниманію лицъ, интересующихся правильной постановкой воспитанія. Я подхожу къ нимъ съ вопросомъ: что́ даютъ они, кромѣ методовъ умственнаго и физическаго воспитанія, даютъ ли они указанія, какъ поставить народное воспитаніе въ смыслѣ *нравственно-соціальномъ* и какъ повысить нравственный и умственный уровень *воспитывающихъ?*

Пора перестать игнорировать эти кардинальные вопросы, пора бросить хожденіе вокругъ да около задачъ, безъ разрѣшенія которыхъ педагогика давно уже топчется на одномъ мѣстѣ, и вліяніе ея на практикѣ въ большинствѣ случаевъ сводится почти на нѣтъ.

„Воспитаніе,—говоритъ проф. Циглеръ,—есть планомѣрное воздѣйствіе взрослыхъ на развитіе подростающихъ". Это воздѣйствіе должно имѣть цѣль и стремиться чего-то достигнуть,—„педагогика должна быть телеологичной". Въ чемъ же заключается цѣль воспитанія? „Въ человѣкѣ воспитать человѣка", отвѣчаетъ

авторъ. Однако, имѣя въ виду будущее, не надо забывать и настоящее, т. е. потребностей и правъ дѣтскаго возраста: надо „въ ребенкѣ уважать и понимать ребенка“, какъ требовалъ еще Руссо. „Въ человѣкѣ воспитать человѣка“, это значитъ, во-первыхъ, подготовляя его къ тому или другому призванію, давать ему непремѣнно и общее образованіе: каждый человѣкъ является не только спеціалистомъ; его прямое назначеніе—стать прежде всего и всецѣло человѣкомъ, иначе получатся уродливыя существа—„рабочія руки“ и „дѣльцы“, но не люди; будутъ ученые и чиновники, офицеры и свѣтскіе люди, но не люди въ собственномъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, это значитъ — заботиться въ настоящемъ о счастьѣ ребенка, въ будущемъ стараться сдѣлать изъ него „нравственнаго и счастливаго человѣка“ и вполнѣ опредѣленную личность. При этомъ воспитатели должны знать и помнить, что счастье и нравственность невозможны безъ общаго благополучія: „каждый человѣкъ является членомъ общества и не можетъ быть мыслимъ безъ него“. Поэтому этика и говоритъ о всеобщемъ благополучіи, и вотъ здѣсь-то,—продолжаетъ авторъ,—„такъ побѣдоносно выступаетъ соціализмъ противъ индивидуализма, потому что этотъ послѣдній въ общемъ совершенно не выполнилъ своей задачи—изъ человѣка воспитать человѣка; онъ односторонне принялъ во вниманіе только высшій классъ общества, а всѣмъ остальнымъ предоставилъ быть простыми рабочими руками; точно такъ же и ницшеанская мораль господъ не выполнила этой задачи. Итакъ, всѣ должны быть счастливы, ни одинъ человѣкъ не долженъ быть средствомъ для другихъ; каждый имѣетъ право на существованіе, достойное человѣка, а такъ какъ для этого требуется общая работа всѣхъ, то всѣ и должны быть воспитываемы, для того, чтобы способствовать и помогать этому; это и есть соціальное воспитаніе, стремящееся къ сотрудничеству въ дѣлѣ всеобщаго благополучія и въ дѣлѣ содѣйствія культурѣ и ея задачамъ“.

Согласованіе счастья и широкаго развитія отдѣльныхъ индивидуальностей съ потребностями и счастьемъ общества—и есть высшая и конечная цѣль, идеалъ; въ дѣйствительности здѣсь возможны конфликты. Въ такихъ случаяхъ проф. Циглеръ совѣтуетъ отдавать предпочтеніе всеобщему передъ индивидуальнымъ, но при этомъ, — оговаривается авторъ, — должно сохранять свою силу основное положеніе педагогики: „при воспитаніи никогда не приноси индивидуума и настоящаго въ жертву безъ особенной нужды и необходимости, такъ какъ и они имѣютъ полное право на уваженіе“.

Общество должно быть не аггрегатомъ, не массой, а расчлененнымъ цѣлымъ; „флагъ индивидуализма долженъ быть поднятъ всегда, но только не въ грубомъ смыслѣ „господствующаго человѣка“ Ницше. Авторъ стоитъ за всеобщность образованія,

но онъ противъ шаблоннаго равенства въ этой области: образованіе должно принимать во вниманіе естественныя психо-физическія особенности дѣтей, — и „каждый долженъ быть человѣкомъ, но такимъ, какимъ онъ можетъ и долженъ быть сообразно своей индивидуальности". Всякій членъ общества, къ какому бы слою населенія онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право на образованіе. Отрицать это—значитъ охранять пропасть, которая образовалась между образованными и необразованными людьми и которая является роковой для всего народа и сильно затрудняетъ въ наше время рѣшеніе соціальнаго вопроса: „мы перестали понимать другъ друга". Всѣ дѣти единаго народа должны быть поставлены въ условія возможности физическаго, интеллектуальнаго, моральнаго, эстетическаго и религіознаго воспитанія; слѣдуетъ стремиться къ достиженію общности въ чувствахъ, мысляхъ и желаніяхъ. Возставая противъ кастового воспитанія, противъ принесенія счастья ребенка въ жертву сословнымъ предразсудкамъ, Циглеръ смѣется надъ тѣми отцами изъ высшаго сословія, которые считаютъ унизительнымъ для себя готовить сына къ физическому труду, хотя способности ребенка гораздо болѣе соотвѣтствуетъ этой отрасли дѣятельности, чѣмъ обязанностямъ юриста, врача и т. п. Въ виду „перепроизводства образованныхъ людей" и развитія „образованнаго пролетаріата", а также въ виду поднятія уровня правящихъ классовъ общества, авторъ рекомендуетъ, чтобы право на высшее образованіе давали *только выдающіяся способности*, все равно, кто ими обладаетъ—бѣдный или богатый; прибѣгать же къ увеличенію платы за образованіе въ высшихъ школахъ, съ цѣлью уменьшенія доступа къ нимъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ: „это—противообщественно".

Какъ во всякомъ искусствѣ, въ педагогикѣ есть свои геніи, для которыхъ воспитаніе является тѣмъ, чѣмъ творчество для художника; это—ихъ призваніе, ихъ жизнь. Таковы, напр., Песталоцци и Коменскій и, особенно, Сократъ, „со своимъ воспитывающимъ человѣкомъ Эросомъ". Такимъ педагогическимъ геніемъ долженъ обладать, хотя бы въ маломъ количествѣ, всякій воспитатель, иначе его обязанности будутъ для него тяжелымъ бременемъ, иначе „онъ совершенно не годится въ воспитатели". Отъ преподавателя проф. Циглеръ требуетъ разносторонности; личность учителя, говоритъ онъ, должна быть проникнута *цѣльнымъ міросозерцаніемъ и жизневоззрѣніемъ*. Истинное единство учебныхъ программъ лежитъ „въ философскомъ духѣ, дѣлающемъ учителя цѣльной личностью и указывающемъ ему педагогическое дѣйствіе и значеніе каждаго предмета и его участіе въ общемъ образованіи человѣка". Авторъ обращается къ учителю со словами Шиллера:

Immer strebe zum Ganzen!
Als dienendes Glied schliess an ein Ganzes dich an!

Профессоръ думаетъ, что во многихъ есть „искра педагогическаго Эроса и генія“, слѣдовательно, многіе въ состояніи воспитывать. Правда, въ дѣйствительности воспитаніе слишкомъ часто не выполняетъ своихъ великихъ задачъ, и своихъ цѣлей, но въ этомъ виноваты *всѣ — воспитывающіеся, воспитатели* и *среда*, въ которой они вращаются.

Таковы основы педагогическихъ воззрѣній проф. Циглера. Онѣ заслуживаютъ, на мой взглядъ, полнаго сочувствія и по существу и какъ протестъ противъ крайностей индивидуализма нашего времени и противъ аристократизма образованія. Однако, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ взгляды автора „Очерка общей педагогики“ страдаютъ серьезнымъ противорѣчіемъ. Съ одной стороны, онъ говоритъ, что надо уничтожить пропасть между образованнымъ и необразованнымъ, съ другой — рекомендуетъ допускать до высшаго образованія только лицъ, обладающихъ выдающимися способностями; мотивируетъ онъ свое предложеніе необходимостью, во-первыхъ, избѣгать перепроизводства образованныхъ людей и обилія образованнаго пролетаріата, и, во-вторыхъ, способствовать поднятію умственнаго уровня правящихъ классовъ,—послѣдній очень невысокъ, по увѣренію нѣмецкаго профессора. Но гдѣ и когда замѣчался *избытокъ* образованныхъ людей, когда и какая страна имѣла право жаловаться на „перепроизводство интеллигенціи“? Германская дѣйствительность, съ которой главнымъ образомъ считается авторъ, какъ видно изъ его же характеристики, не страдаетъ ничѣмъ подобнымъ: самъ Т. Циглеръ не разъ говоритъ о недостаточномъ образованіи германскихъ учителей. Одно время у насъ раздавались крики о „перепроизводствѣ интеллигентныхъ людей“, объ обиліи образованнаго пролетаріата,—и въ концѣ концовъ доступъ къ высшему образованію относительно сильно уменьшился, благодаря повышенію платы и ограниченію числа учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ извѣстными комплектами. Но это вытекало изъ соображеній, не имѣщихъ ничего общаго съ дѣйствительными интересами страны: не хватало и тогда, какъ и теперь не хватаетъ образованныхъ учителей, докторовъ, юристовъ и т. д. Происхожденіе и развитіе пролетаріата — результатъ, или лучше сказать, сопутствующее извѣстныхъ экономическихъ, производственныхъ отношеній, а вовсе не результатъ избытка образованія.

Затѣмъ, почему это высшее образованіе должно быть удѣломъ *только правящихъ классовъ*? Такъ можно возвратиться къ идеаламъ Платона и Ренана, къ правительству мудрецовъ, а остальной массѣ предоставить minimum знаній, необходимыхъ въ практической жизни. То всеобщее благополучіе, то развитіе всѣхъ и каждаго, которыя составляютъ идеалъ самого Циглера, и которыя онъ ставитъ цѣлью воспитанія,—неосуществимы безъ того, чтобы каждый изъ *управляемыхъ* имѣлъ право и возможность

достигать высшаго образованія; а послѣднее,—если оно свободно, если оно не преслѣдуетъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ истины и блага человѣчества,—возвышаетъ, облагораживаетъ и людей со средними способностями, дѣлаетъ ихъ болѣе цѣнными членами общества.

Ставя воспитанію соціально-нравственныя цѣли, требуя отъ воспитателей хотя нѣкотораго количества педагогическаго генія и признавая, что въ неудачахъ педагогической практики виноваты „*всѣ—и воспитывающіеся, и воспитатели, и среда, въ которой они вращаются*“, проф. Циглеръ выгодно отличается отъ множества современныхъ ученыхъ педагоговъ. Однако, онъ только ставитъ цѣль, предъявляетъ требованія и признаетъ фактъ частаго безсилія педагогики, даже находитъ виновниковъ его,—но не даетъ никакихъ существенныхъ указаній, слѣдуя которымъ дѣйствительно было бы можно достигать намѣченной имъ широкой и высокой цѣли. Выдвинувъ широкія задачи воспитанія и подойдя вплотную къ коренному вопросу практики „соціальной педагогики“, онъ бросаетъ его и ходитъ вокругъ да около, останавливаясь на частностяхъ, на методахъ физическаго и умственнаго воспитанія.

III.

Въ лекціяхъ, посвященныхъ религіозному и нравственному развитію дѣтей и роли школы „въ соціальномъ устройствѣ“, авторъ высказываетъ, впрочемъ, нѣсколько интересныхъ мыслей. Религіозное воспитаніе, говоритъ онъ, преслѣдуетъ двоякую цѣль: во-первыхъ пробужденіе религіознаго чувства и, во-вторыхъ, религіозное обученіе. Поскольку въ семьѣ существуетъ религіозная жизнь, постольку въ ней принимаютъ участіе дѣти. Во всякомъ случаѣ пробужденіе религіознаго чувства лежитъ на обязанности дома и церкви, но никоимъ образомъ не школы. Необходимо помнить, что характеръ дѣтской религіи не тотъ, что у взрослыхъ: религія взрослыхъ вытекаетъ изъ „чувства непосредственной зависимости и конечности, чувства собственнаго безсилія и слабости, нужды и грѣха“,—она не для дѣтей, потому что ребенокъ ищетъ и находитъ помощь въ окружающихъ и прежде всего у родителей, онъ оптимистически настроенъ, доволенъ собой и всѣмъ міромъ, не чувствуетъ себя смертнымъ и грѣшнымъ. Поэтому заставлять дѣтей произносить молитвы, въ которыхъ говорится о вещахъ, не испытанныхъ ими,—значитъ вносить неправду и лицемѣріе въ эту область; и школьныя молитвы, какъ внѣшнее лишь благочестіе, „скорѣе притупляетъ всякую религіозность, чѣмъ развиваетъ ее“.

Говоря о религіозномъ преподаваніи, проф. Циглеръ касается очень важнаго вопроса—о разладѣ между наукой и религіей,

разладѣ, отражающемся на цѣлостности міросозерцанія учащихся. Между религіозными представленіями и остальнымъ сообщаемымъ въ школѣ знаніемъ возникаетъ полный разрывъ. Такимъ образомъ, путемъ религіознаго обученія вносится противорѣчіе въ умственное образованіе. Между тѣмъ всѣ пріобрѣтаемыя въ школѣ знанія должны объединяться въ личности, образуя неразрывно-цѣльное міросозерцаніе. Чтобъ помочь бѣдѣ, нѣкоторые, напримѣръ, соціалъ-демократы, настаиваютъ на упраздненіи обученія религіи въ видѣ особаго предмета во всѣхъ школахъ Германіи. Авторъ энергично возстаетъ противъ этого требованія. Правда, говоритъ онъ, религія, какъ дѣло сердца и чувства,—частное дѣло, но какъ явленіе историческое, религія является общеобразовательною: „нашъ Богъ—Богъ соціальный; христіанство, какъ ученіе о царствѣ Божіемъ, носитъ общеобразовательный характеръ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже прямо соціалистическій“. Религія является *соціальнымъ*, культурнымъ и образовательнымъ элементомъ у всѣхъ народовъ. Кто желаетъ быть образованнымъ, „долженъ знать религію своего народа все равно—будетъ онъ ее потомъ исповѣдывать или нѣтъ“. Съ другой стороны, и наука не должна уступать. Она—прогрессивна, „религіозное же ученіе, вслѣдствіе свойственнаго ему, какъ предмету набожности и благочестія, чувственнаго характера, консервативно“. Результаты естествознанія и историческихъ изслѣдованій часто противорѣчатъ христіанскому вѣроученію. Противоположность между вѣрой и знаніемъ существуетъ, — устраните ее сегодня, она явится завтра снова. Единственно, что могло бы помочь въ этомъ случаѣ, это—„проникновеніе въ истинный характеръ религіозныхъ представленій, познаніе неизбѣжности существующаго разлада и ея психологическихъ причинъ въ самой противоположности прогрессивнаго знанія и упорно консервативной вѣры“. Здѣсь—дѣло философіи религіи,—но она не не для дѣтей. Поэтому педагогика не можетъ дать абсолютнаго рѣшенія этой проблемы; затрудненія существуютъ и останутся; ихъ возможно только немного уменьшить, если учитель образованъ въ области философіи религіи, если при обученіи религіи онъ будетъ сообщать лишь то, что имѣетъ религіозную цѣнность и совершенно откровенно бесѣдовать о существующихъ противорѣчіяхъ; наконецъ, большую роль можетъ сыграть полное знакомство съ исторіей не только своей, но и другихъ религій, особенно, буддизма и религіи Зороастра.

Преподаваніе религіи имѣетъ, кромѣ спеціальнаго и общеобразовательнаго значенія, значеніе средства нравственнаго воспитанія. Особенно исторія христіанства является богатѣйшимъ собраніемъ этическихъ примѣровъ и этическихъ предписаній. Проф. Циглеръ не закрываетъ глазъ на то обстоятельство, что о всякомъ религіозномъ ученіи, какъ нравственной системѣ,

можно найти крайне разнородные элементы: „тамъ мы можемъ найти и гетерономію, сильно выраженный трансцедентный эвдемонизмъ, доходящій до чисто внѣшняго исканія награды, извѣстную нетерпимость ко всѣмъ иновѣрцамъ; мѣстами обнаруживается идеалистическая односторонность и чрезмѣрность, а также черты экстаза и аскетизма“. Но задача преподавателя, по мнѣнію автора, „сводится къ тому лишь, чтобы *выбрать изъ христіанства нравственное и вѣчно-цѣнное, примѣнить его предписанія къ нашимъ современнымъ отношеніямъ и воззрѣніямъ и сдѣлать ихъ пригодными для тѣхъ и другихъ*“.

Не трудно видѣть, что исходъ, рекомендуемый Циглеромъ, далеко не разрѣшаетъ противорѣчія, имъ выдвигаемаго. Вѣдь вѣрить въ возможность при обученіи религіи замолчать, и такъ сказать, изъять изъ нея все то, что съ современной точки зрѣнія не можетъ считаться идеальнымъ, это — значитъ вѣрить въ возможность закрыть глаза учащихся на то, о чемъ они слышатъ и дома, и въ церкви и въ жизни вообще, какъ о составной части религіознаго ученія; это значитъ быть неосновательно убѣжденнымъ, что авторитетъ учителя совершенно покроетъ собою, превзойдетъ авторитетъ родителей, церкви, жизни. Гораздо послѣдовательнѣе было бы на основаніи изложенныхъ выше соображеній, вмѣсто выбора и отдѣленія (оно не всегда и возможно) „вѣчно-цѣннаго“ въ религіи, полное знакомство съ послѣдней сопровождать критической оцѣнкой.

Не одна религія можетъ служить этической цѣли воспитанія; вообще міровая исторія есть „иллюстрированная этика“, какъ ее назвалъ Шлейермахеръ; наконецъ, произведенія великихъ писателей всѣхъ странъ полны нравственнаго содержанія. Проф. Циглеръ категорически высказывается противъ особаго курса морали, особаго обученія морали, какъ оно практикуется во Франціи: оно неизбѣжно будетъ абстрактнымъ, теоретичнымъ, безжизненнымъ, скучнымъ и не ведущимъ къ цѣли. Важно другое, именно „нравственное пріученіе“. Выборъ средствъ „пріученія“ долженъ согласоваться со стремленіемъ человѣка, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, къ удовольствію,—и нравственное воспитаніе должно соединять съ добромъ—удовольствіе, а со зломъ—неудовольствіе; отсюда ясно полезное значеніе наградъ и наказаній. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что, рекомендуя стать на эвдемонистическую почву награды и наказанія, онъ оставляетъ за воспитаніемъ другую, болѣе высокую цѣль: человѣкъ долженъ быть такъ воспитанъ, чтобы могъ поступать не иначе, какъ только хорошо, „*чтобъ онъ отдалъ себя на служеніе добру, всеобщему благополучію, не задавался даже вопросомъ о личной пользѣ и выгодѣ, объ удовольствіи и наградѣ*“. Нравственный человѣкъ, прибавляетъ онъ, хорошо поступаетъ потому, что онъ нравственный, но онъ сдѣлался нрав-

ственнымъ только оттого, что его принуждали и этимъ самымъ пріучили поступать нравственно. Къ наградамъ надо прибѣгать рѣже, иначе выработается погоня за наградой; наказаніе полезнѣе,—и въ нѣкоторыхъ случаяхъ профессоръ ничего не имѣетъ даже противъ тѣлеснаго наказанія, если оно разумно и не слишкомъ часто примѣняется.

Тутъ, какъ читатель видитъ, нашъ авторъ опять противорѣчитъ себѣ. Онъ находитъ вредъ въ трансцедентномъ эвдемонизмѣ христіанства и въ то же время думаетъ, что рекомендуемый имъ эвдемонизмъ награды и наказанія здѣсь, на землѣ, не оставитъ на нравственномъ обликѣ воспитываемыхъ никакой тѣни, никакого слѣда, кромѣ привычки поступать нравственно. Такого рода поощренія добродѣтели выдуманы не проф. Циглеромъ. Уже первобытный человѣкъ, наблюдая грозныя и свѣтлыя явленія природы объяснялъ ихъ себѣ гнѣвомъ или благостью невидимыхъ могучихъ существъ и, стоя на эгоцентрической точкѣ зрѣнія, связывалъ ихъ со своими поступками. Съ тѣхъ поръ и вплоть до настоящаго момента награды и наказанія составляли и составляютъ существеннѣйшую сторону, какъ планомѣрнаго воспитанія, такъ и безсистемной педагогики. Но развѣ отъ этого стало больше безкорыстныхъ борцовъ за идею всеобщаго блага, т. е. за идею добра? Надо, наконецъ, не забывать и того, что въ жизни,—а она является все-таки главной воспитательницей,—истинныя добродѣтели слишкомъ часто ведутъ къ страданію, а то, что называется порокомъ въ нравственномъ отношеніи, прекрасно уживается съ благополучіемъ. Эти факты для всѣхъ видимы, *на нихъ смотритъ и подростающее поколѣніе*... Если совершающій высокій нравственный подвигъ, будучи награжденъ за него большими страданіями, находитъ полное удовлетвореніе въ сознаніи исполненнаго долга, то вѣдь этого никто или почти никто не видитъ, да и не многіе достигаютъ такой широты этическаго развитія. Я, вмѣстѣ съ авторомъ, думаю, что число людей, дѣятельно преданныхъ идеѣ общаго блага, „не задавая себѣ вопроса о личной пользѣ и выгодѣ“, увеличивается, но тутъ рѣшительно не при чемъ ни религіозный эвдемонизмъ, ни тѣмъ болѣе, грубый эвдемонизмъ автора: это—результатъ усложняющейся, расширяющейся и дѣлающейся болѣе интенсивной жизни отдѣльныхъ личностей и всего общества.

Лучшимъ воспитателемъ дѣтей, въ смыслѣ соціально-нравственномъ, является, по мнѣнію проф. Циглера, „организованное общежитіе“. Поэтому школа, при всѣхъ ея недостаткахъ (обыкновенно, она готовитъ среднихъ людей), является „первымъ жизненнымъ потокомъ, въ которомъ образуется характеръ, и въ то же время она является нравственнымъ организмомъ, въ которомъ впервые можетъ развиться духъ взаимной зависимости, корпоративный, вообще соціальный духъ“; и школьная дружба

имѣетъ свое этическое значеніе. „Пріученіе учениковъ исполнять свои обязанности относительно школьнаго общества служитъ лучшимъ введеніемъ „къ наукѣ о государственности“. Исключительно индивидуалистическое воспитаніе дома — плохое воспитаніе, потому что въ этомъ случаѣ ребенокъ чувствуетъ себя чрезчуръ значительнымъ, онъ занимаетъ слишкомъ центральное мѣсто, и изъ него легко можетъ вырости эгоистъ. Авторъ рѣшительно требуетъ, чтобы всѣ безъ исключенія бѣдные и богатые мальчики и дѣвочки первые годы своего школьнаго возраста проводили вмѣстѣ, на одной школьной скамьѣ,—„это является безсознательнымъ, хотя и очень слабымъ,—оговаривается онъ,—противоядіемъ противъ классовыхъ противорѣчій, отмѣчающихъ наше время и волнующихъ нашу народную жизнь“.

Сторонникъ совмѣстнаго ученія и совмѣстной жизни дѣтей, пропагандистъ школьныхъ корпорацій и единенія имущихъ и неимущихъ, высшихъ и низшихъ слоевъ общества на школьной скамьѣ, авторъ ограничивается примѣненіемъ ассоціаціоннаго начала, какъ развивающаго соціальный духъ, только къ человѣку въ школьномъ возрастѣ. Между тѣмъ самъ же онъ не разъ говоритъ въ своихъ лекціяхъ, что педагогика далеко не всесильна, что внѣ школы воспитываетъ *жизнь*, *среда*, — тѣмъ не менѣе и въ этой части своего труда онъ не останавливается надъ вопросомъ: нельзя ли принять какія нибудь мѣры противъ разлагающаго вліянія, оказываемаго современными общественными условіями на развитіе соціальнаго духа, воспитаніе котораго онъ справедливо выдвигаетъ на первый планъ.

Такимъ образомъ остаются не только открытыми, но даже и незатронутыми авторомъ вопросы — о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня воспитывающихъ и о борьбѣ съ отрицательными сторонами внѣ-школьнаго и послѣ-школьнаго воспитанія средой, жизнью.

IV.

Другое педагогическое произведеніе,—брошюра русскаго профессора И. Скворцова „О воспитаніи и нравственности“,—имѣетъ своей задачей преподать наставленія, какъ воспитывать дѣтей „ненормальныхъ“ въ физическомъ, или умственномъ, или нравственномъ отношеніи; большая ея часть посвящается выясненію основныхъ положеній педагогики, которыя интересуютъ и меня въ настоящую минуту.

Если европеецъ Циглеръ выдвигаетъ на первый планъ воспитаніе человѣка — гражданина, то русскій профессоръ ставитъ основной цѣлью воспитанія людей — „приготовленіе ихъ къ разумному самостоятельному труду, который только и придаетъ каждому человѣку самостоятельное значеніе и положеніе въ

средѣ другихъ людей". Чтобъ этотъ трудъ былъ успѣшенъ, необходимо физическое здоровье, крѣпкое тѣло; затѣмъ, необходимъ умъ, какъ сумма знаній, какъ механикъ, приводящій въ движеніе машину—тѣло; наконецъ, необходима нравственность, какъ сумма мотивовъ, обусловливающихъ наши сознательные поступки и какъ посредникъ „для приведенія машины въ дѣйствіе". Въ другомъ мѣстѣ авторъ поясняетъ: „при воспитаніи людей вообще рѣчь идетъ не о приготовленіи какихъ либо физическихъ или психическихъ машинъ, а объ образованіи годныхъ для жизни людей",—поэтому правильное воспитаніе должно имѣть въ виду всего человѣка.

Совершивъ обычныя для теоретика-педагога продолжительныя экскурсіи въ область физіологіи и психо-физіологіи, профессоръ останавливается на „основномъ фонѣ воспитанія вообще", на нравственности. Нравственное воспитаніе есть „воспитаніе воли, которая помогаетъ удерживаться отъ однихъ и производить другія дѣйствія, смотря по тому, какое отношеніе то или другое дѣйствіе можетъ имѣть къ другимъ людямъ". Оцѣнивать мысли и чувства, т. е. мотивы дѣйствій — дѣло совѣсти. Воля при выборѣ мотивовъ сознательной дѣятельности руководствуется: *ощущеніемъ удовольствія и неудовольствія*, какое доставляетъ тотъ или другой поступокъ, — это мотивы первичной нравственности, нравственности органической, неразрывно связанной съ тѣлесной природой человѣка; ея основы лежатъ въ безсознательныхъ глубинахъ всякаго живого существа; *представленіемъ пользы и вреда*, какъ результатовъ даннаго дѣйствія; наконецъ, *понятіемъ добра и зла*. Этотъ послѣдній, высшій критерій нравственности примѣняется въ дѣйствительности очень немногими,—онъ вырабатывается медленно вмѣстѣ съ духовнымъ ростомъ человѣка. Самое широкое приложеніе имѣетъ низшій критерій (удовольствія и неудовольствія, наслажденія и страданія), вытекающій изъ ощущенія; онъ присущъ всѣмъ и всегда, онъ—роковой. При совмѣстномъ дѣйствіи разныхъ критеріевъ, онъ обыкновенно бываетъ побѣдителемъ. Чтобъ достичь „серединности", необходимо или одну сторону ослабить, или другую усилить, или одновременно одну—ослабить, другую—усилить, тогда человѣкъ будетъ руководствоваться „разумнымъ и благороднымъ утилитаризмомъ, который допускаетъ жертву своей пользой для пользы общей". Проф. Скворцовъ очень энергично предостерегаетъ отъ утилитаризма „чистой крови", этого принципа „эгоистической нравственности", которая имѣетъ въ виду „удовлетвореніе *не чему нибудь* отвлеченному, не какой нибудь идеѣ, а лишь *кому нибудь*", т. е., имѣетъ въ виду „интересы отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ семействъ, обществъ, государствъ". Утилитаризмъ, по увѣренію профессора, есть „продуктъ англійской практической мысли: это нравственность завоевателей, пиратовъ, промышлен-

никовъ, торгашей, воровъ и всякаго рода честолюбцевъ по преимуществу и въ то же время это—нравственность „обыкновенной жизни“ въ предѣлахъ семьи и общества“ (стр. 15).

Ученый профессоръ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что обоснованіе того „благороднаго и разумнаго альтруизма“, который онъ рекомендуетъ, какъ нравственнаго руководителя, воспитатели и воспитываемые найдутъ именно у англійскаго мыслителя—утилитариста Дж. Ст. Милля.

Но это мимоходомъ. Возвращаемся къ существу разсужденій г. Скворцова.

Мирясь съ „разумнымъ и благороднымъ альтруизмомъ“, какъ неизбѣжной „серединностью“, г. Скворцовъ настоятельно совѣтуетъ воспитателямъ внѣдрять въ своихъ питомцевъ высшій нравственный критерій—критерій „чистаго понятія добра и зла“, т. е., нравственность, имѣющую въ виду интересы какой нибудь идеи, *чего нибудь отвлеченнаго*, но никоимъ образомъ *не конкретные* интересы *кого нибудь*.

Откровенно признаюсь, я не знаю того *отвлеченнаго нѣчто*, той идеи, которая могла бы служить нравственнымъ критеріемъ и въ то же время не имѣть никакого отношенія къ чему либо конкретному; я не знаю того „добра“, какъ и того „зла“, которыя не были бы такъ или иначе связаны съ чьими-либо интересами. Самъ г. профессоръ такъ опредѣляетъ нравственность: это—„сумма свойствъ и способовъ отношеній человѣка къ человѣку или вообще къ другимъ людямъ, какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности“ (стр. 8). При всей неудовлетворительности такого опредѣленія, оно свидѣтельствуетъ, что авторъ совершенно основательно признаетъ возможность нравственности или безнравственности только въ обществѣ, только между людьми; люди же объединяются или разъединяются тѣми или другими конкретными потребностями—матеріальными, умственными, религіозными и пр. Для чего же этотъ туманъ, которымъ г. Скворцовъ окутываетъ высшій критерій „чистаго понятія добра и зла“?

На первомъ планѣ, какъ средство нравственнаго воспитанія, проф. Скворцовъ ставитъ религіозное обученіе „при соотвѣтственной формѣ“ (?) При этомъ авторъ считаетъ, повидимому, возможнымъ, чтобы „воспитатель своею жизнью какъ бы говорилъ: поступайте такъ, какъ я говорю, но не дѣлайте того, что я самъ дѣлаю“. Немного дальше говорится о громадной роли подражанія въ жизни вообще и въ частности въ воспитаніи. Одно сопоставленіе этихъ двухъ мыслей наводитъ на грустныя размышленія насчетъ нашей педагогики.

Авторъ не обошелъ вопроса объ отношеніи личности и общества. Онъ совершенно резонно стоитъ за такія отношенія, при которыхъ личность, неся „извѣстные налоги въ пользу общественности“ (поступаясь частью своихъ личныхъ интересовъ), не

составляла бы общественнаго достоянія, не была бы рабомъ общества,—короче, онъ стоитъ за гармоничное сочетаніе личныхъ и общественныхъ интересовъ. Попутно онъ кидаетъ по адресу соціализма банальный упрекъ, который давно бы уже пора сдать въ архивъ. „Соціализмъ, а особенно коммунизмъ,—говоритъ проф. Скворцовъ,—въ полномъ противорѣчіи съ человѣческой природой, со всѣми ея высшими и низшими интересами, *стремится къ тому, чтобъ совсѣмъ обезличить людей*, превратить ихъ вполнѣ въ *общественное достояніе*".

Но возставая противъ обезличенія человѣка нашъ авторъ еще менѣе одобряетъ людей „съ рѣзко выраженной личностью". Это,—говоритъ онъ,—„оригиналы въ томъ или другомъ отношеніи, не слѣдующіе за модой ни въ одеждѣ, ни въ мысляхъ и вѣчно противъ всего протестующіе, критикующіе, негодующіе, отыскивающіе для всего новые пути, какъ, напримѣръ, современные „нигилисты" разнаго рода, декаденты, символисты, пессимисты, ультра-либералы и даже ультра-консерваторы и ретрограды". Какъ вамъ нравится это общество „рѣзко выраженныхъ личностей?"... Симпатіи профессора тяготѣютъ къ серединѣ между крайностями, „гдѣ находится вся остальная масса людей, представляющая своего рода балластъ морского корабля, обезпечивающій вѣрный и плавный его ходъ".

Однако и онъ, будучи „ни горячъ, ни холоденъ", не отрицаетъ того, что на кораблѣ не все благополучно. Поразсуждавъ на тему о законѣ случайныхъ причинъ Кетле, авторъ приходитъ къ выводу, что „постоянство общественныхъ явленій зависитъ отъ постоянства, такъ сказать, общественныхъ устоевъ, а, слѣдовательно, измѣненія первыхъ можно ждать только въ связи съ измѣненіями вторыхъ. Измѣнять же намѣренно мы можемъ только то, что мы знаемъ, почему знаніе общественныхъ устоевъ является положительной необходимостью во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы стремимся такъ или иначе ихъ измѣнить".

Почему именно знаніе общественныхъ устоевъ нужно только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы желаемъ ихъ измѣнить—это понять трудно. Казалось бы, что такое знаніе обязательно для всякаго сознательнаго члена общества, все равно—стремится онъ или не стремится „измѣнять устои"; вѣдь прежде, чѣмъ стремиться къ измѣненію чего либо, надо знать его. Въ частности педагогъ безъ знанія соціальныхъ явленій и соціальныхъ устоевъ, безъ пониманія отношенія разныхъ сторонъ и условій общественной жизни—не можетъ быть названъ и педагогомъ въ истинномъ значеніи слова: у него не будетъ „жизневоззрѣнія", какъ выражается проф. Циглеръ,—и не ему, конечно, готовить подростающія поколѣнія къ жизни, не ему воспитывать членовъ общества, людей-гражданъ.

Авторъ брошюры „О воспитаніи и нравственности", видя, какъ

зло торжествуетъ въ жизни, восклицаетъ: да и какъ можетъ быть иначе, когда въ настоящее время добрые люди въ загонѣ, когда вездѣ и всегда рисуется чуть не одно зло; „вседневные разговоры, литература, общественныя учрежденія, самая наука, особенно, конечно, такъ называемая гуманитарная, все и всѣ занимаются главнымъ образомъ разнаго рода отрицательными сторонами жизни“; изучаютъ психо-физіологію преступниковъ, а добродѣтельными людьми не интересуется ни одинъ ученый, жалуется г. Скворцовъ. Въ такомъ обществѣ совершенно естественно существованіе „ненормальныхъ дѣтей“. Итакъ, стоитъ опустить завѣсу на темныя стороны жизни, а свѣтлыя явленія, вмѣстѣ съ добродѣтельными людьми, вытащить на авансцену, какъ „зло“ это многообразное чудовище, смутится, ретируется на задній планъ, если не исчезнетъ совсѣмъ, то будетъ въ такомъ же загонѣ, въ какомъ находится сейчасъ „добро“. Вотъ что значитъ откладывать изученіе общественныхъ устоевъ и явленій до тѣхъ поръ, пока не придетъ желанія измѣнить то и другое...

Значительную долю недостатковъ современнаго воспитанія авторъ объясняетъ тѣмъ, что „большинство нашихъ женщинъ недовольно ограниченной ролью матери“. Между тѣмъ „мать—основа всей нашей общественности въ настоящемъ и будущемъ, какъ какъ основной тонъ для нея если не задается, то обязательно долженъ бы задаваться въ дѣтской съ ея грязными пеленками, съ ея дѣтскимъ плачемъ, дѣтскими „капризами“, дѣтской болтовней и смѣхомъ, дѣтскими игрушками и играми. Дитя играя учится жить и, слѣдовательно, творить исторію,—не забывайте этого, матери!“ восклицаетъ г. Скворцовъ.

Пусть тутъ есть доля правды, пусть, наконецъ, здѣсь—одна сплошная правда, но,—спросимъ мы ученаго профессора,—почему вы, не зададитесь вопросомъ: гдѣ причины „забывчивости“ матерей, гдѣ причины того, что, и не забывая, онѣ не умѣютъ или безсильны давать такое воспитаніе, которое подготовляло бы дѣтей къ разумному „дѣланію исторіи?“ Вѣдь и вы, и проф. Циглеръ и сотни другихъ ученыхъ педагоговъ, въ концѣ концовъ всегда признаете, что *жизнь сильнѣе* всѣхъ вашихъ теорій, что разъ искусственное воспитаніе заканчивается, юноша и дѣвушка дѣлаются всецѣло объектами вліянія жизни; вы, конечно, знаете тоже, — хотя рѣдко говорите объ этомъ,—что огромное большинство дѣтей воспитывается исключительно жизнью съ самаго момента появленія на свѣтъ Божій. Почему же вы не обращаете вниманія на *этого* воспитателя? Вы только говорите, да и то вскользь, что онъ плохъ,—но этого вѣдь мало. Почему вы не задаетесь вопросомъ: отчего онъ такъ дуренъ и какъ бы внести побольше разума и этики въ *это* воспитаніе? Вы, ученые педагоги, молчите и предпочитаете похаживать *вокругъ да около* самыхъ существенныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ, безъ посиль-

наго разрѣшенія которыхъ жизнь только смѣется надъ вашими теоріями и совѣтами. Подавляющему большинству вольныхъ и невольныхъ воспитателей и воспитательницъ надо знать: какъ сдѣлаться болѣе достойными этого назначенія и главное—какъ бороться съ тѣми отрицательными сторонами жизни, которыя калѣчатъ *и самихъ ихъ и дѣтей*. Имъ нуженъ хлѣбъ, а вы даете, если не камень, то во всякомъ случаѣ сухарь...

Что ихъ желанія и ихъ вопросы — не праздныя желанія, не праздные вопросы, объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ, который долженъ быть извѣстенъ ученымъ педагогамъ.

Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о провозглашеніи и осуществленіи новыхъ принциповъ, выводящихъ націи въ томъ или другомъ отношеніи на общечеловѣческую дорогу, иниціаторомъ и первымъ борцомъ всегда являлась Франція. Оттуда же на самомъ порогѣ настоящаго вѣка, три года тому назадъ, раздался первый призывъ къ реорганизаціи воспитанія народовъ, въ смыслѣ расширенія задачъ педагогики и постановки ея на новыхъ началахъ. По иниціативѣ группы интеллигентныхъ французовъ—педагоговъ, ученыхъ, юристовъ, врачей,—въ сентябрѣ 1900 г., во время всемірной выставки, въ Парижѣ состоялся международный конгрессъ по общественному воспитанію. На немъ участвовали выдающіеся ученые, педагоги—теоретики и практики, доктора, депутаты парламента, художники, аббаты, пасторы, студенты, журналисты, инженеры, судьи, представители рабочихъ союзовъ и т. д.,—словомъ, лица всѣхъ званій, всѣхъ профессій. Здѣсь читались и обсуждались многочисленные доклады. Труды конгресса изданы въ 1901 г. *). Задача „соціальной педагогики“—воспитаніе лицъ всѣхъ званій и *всѣхъ возрастовъ*, развитіе *въ отцахъ* и *дѣтяхъ* общественныхъ чувствъ, развитіе общественной солидарности и въ каждомъ никогда не покидающаго сознанія своей принадлежности къ человѣческой семьѣ. „Соціальная педагогика“ стремится къ осуществленію общественнаго идеала,—и она имѣетъ его, въ противоположность современной индивидуалистической педагогикѣ. Она выдвигаетъ на первое мѣсто воспитаніе воспитывающихъ. Ея методъ — воздѣйствіе на отцовъ и дѣтей путемъ организацій, въ основѣ которыхъ лежитъ солидарность; она при этомъ пользуется законами коллективной психологіи.

Изъ многочисленныхъ докладовъ, читанныхъ и обсуждавшихся на конгрессѣ, укажу лишь нѣсколько: „Солидарность, справедливость, свобода“—Леона Бурже, „Солидарность въ исторіи“ проф. Сейньобоса, „Идея общественной солидарности въ философіи“—Mabilleau, „Преподаваніе солидарности въ первоначальной школѣ“

*) „Congrés international de l'Education sociale“. 26—30 septembre 1900. Paris, Felix Alcan 1901.

Жюля Пейо, „Идея солидарности въ послѣ—и вокругъ—школьныхъ ассоціацій“—Шофура, „Музыка и соціальное воспитаніе“—Байна, „Федерации и биржи труда“—Бріа, „Воспитательная роль земледѣльческихъ ассоціацій“—Шарля Риста и т. д. Каждый изъ докладовъ заслуживаетъ вниманія, представляя огромный интересъ съ точки зрѣнія соціально-педагогической; но останавливаться на нихъ—не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Такимъ образомъ, XX столѣтіе обѣщаетъ постановку, развитіе и рѣшеніе новыхъ проблемъ въ педагогикѣ. Послѣдняя, можно надѣяться, выйдетъ изъ круга частностей, покинетъ свой аристократизмъ и пойдетъ рука объ руку съ наиболѣе передовыми теченіями общественной мысли на западѣ и у насъ.

Л. Л—о.

Случайныя замѣтки.

Нѣсколько итоговъ оффиціальнаго попеченія о трезвости. Предъ нами отчетъ о дѣятельности попечительствъ о народной трезвости въ 1901 г. *). Составленъ онъ по тому же образцу, какъ и за предыдущіе годы (см. отзывъ объ отчетѣ 1900 г. въ августовской книгѣ „Р. Б.“ за прошлый годъ)—и состоитъ главнымъ образомъ изъ цифровыхъ свѣдѣній и таблицъ, полнота которыхъ нарушается тѣмъ, что нѣкоторыя попечительства (херсонское, нижегородское, симбирское и тургайское) свѣдѣній о своей дѣятельности не представили. Къ началу отчетнаго года попечительства о народной трезвости были организованы въ 43 губерніяхъ и областяхъ, а къ концу года дѣятельность попечительствъ обнимала уже 64 губерніи, въ томъ числѣ всю Европейскую Россію за исключеніемъ Кавказа и Финляндіи. Пособій отъ казны попечительства получили около двухъ милл. рублей (1.955,807), кромѣ Петербурга, на попечительство котораго выдано особо 600,000 руб. Общій расходъ попечительствъ въ отчетномъ году равнялся 5,721 тыс. руб., приходъ былъ 5,869 тыс. руб. да кромѣ того, на остаткѣ отъ прошлаго года состояло 1,184 тыс. рублей. Большой остатокъ получился и къ началу 1902 года—1,332 т. р. Такія суммы ежегодныхъ остатковъ, равняющіяся примѣрно половинѣ получаемаго попечительствами казеннаго пособія, показываютъ, что попечительства не стѣснены въ средствахъ и имѣютъ возможность проявлять свою дѣятельность шире, чѣмъ это они

*) *Попечительства о народной трезвости въ 1901 году.* Изданіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Составилъ *Д. А. Тушинскій.* Спб. 1904.

дѣлали въ отчетномъ году. Излюбленнымъ дѣтищемъ попечительствъ являются, какъ извѣстно, чайныя, содержаніе которыхъ поглотило въ 1901 году 60,9% попечительскаго бюджета и дало за годъ 1.072,975 руб. чистаго убытка; въ частности петербургскія чайныя дали 51,228 руб. прибыли, а московскія—201,881 р. убытка. Просвѣтительная дѣятельность попечительствъ (читальни, библіотеки и народныя чтенія) потребовали въ отчетномъ году расхода въ 334,452 р., что составляетъ 8,4% всѣхъ расходовъ. Въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ число библіотекъ и читаленъ увеличилось на 12% (1,524 и 1,711), въ то время, какъ общій расходъ попечительствъ возросъ на 31%. Такимъ образомъ ростъ просвѣтительныхъ учрежденій, устраиваемыхъ попечительствами, значительно отстаетъ отъ развитія ихъ дѣятельности вообще.

Въ южныхъ губерніяхъ число библіотекъ въ 1901 году даже уменьшилось: закрыто 39 библіотекъ, въ томъ числѣ 28 библіотекъ въ Полтавской губерніи. Въ отчетѣ, къ сожалѣнію, не объясняется, чѣмъ было вызвано такое сокращеніе просвѣтительныхъ учрежденій... Да и вообще нужно сказать, что давая массу цифръ, отчетъ „на слова скупъ“, такъ что читателю очень трудно судить по нему объ истинной роли и дѣйствительномъ значеніи учрежденій, насаждающихъ трезвость. Въ этомъ отношеніи рѣдкія газетныя корреспонденціи и сообщенія о дѣятельности различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ попечительствъ въ „Вѣстникѣ Попечительствъ о народной трезвости“ даютъ болѣе живое, хотя и не систематическое представленіе о работѣ, совершаемой этими учрежденіями. Такія сообщенія при всей ихъ отрывочности бываютъ иногда въ высшей степени характерны. Такъ, напр., въ № 3 „Вѣстника Попечительствъ за нынѣшній годъ въ статьѣ „Темныя пятна“ приведены выдержки изъ отчета ревизіи попечительскихъ учрежденій въ Полтавской губерніи. Тутъ разсказываются удивительныя вещи: народные дома въ уѣздныхъ городахъ то оказываются выстроенными въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ не бываетъ народа, то тотчасъ послѣ постройки представляются „совершенно неудобными ни для чайной, ни для библіотеки“, хотя устройство такого неудобнаго дома обошлось уѣздному комитету болѣе 24 тыс. руб. (въ Лохвицѣ), то вновь построенный домъ на другой годъ оказывается уже совсѣмъ негоднымъ, съ обваливающейся штукатуркой и пр. Въ четырехъ уѣздахъ попечительскія чайныя содержатся частными лицами, которыя торгуютъ подъ фирмой попечительства, не неся расхода на торговые документы, да еще получая иногда отъ уѣздныхъ комитетовъ субсидіи до 200 руб. въ годъ. Въ одной деревнѣ Переяславскаго уѣзда попечительская библіотека, „нашедшая себѣ пріютъ въ домѣ участковаго попечителя, мѣстнаго земскаго врача... оказалась въ невозможномъ видѣ: книги валялись въ углу дѣтской комнаты, въ без-

порядочной кучѣ, вмѣстѣ съ хламомъ всякаго рода, ни шкафа. ни опредѣленнаго помѣщенія для нихъ нѣтъ".

По части просвѣщенія въ попечительствахъ происходятъ иногда замѣчательные курьезы.

Въ Кишиневѣ, напр., выискался членъ, который требовалъ удаленія изъ попечительскихъ библіотекъ *всѣхъ* сочиненій Л. Н. Толстого, хотя бы даже и трижды одобренныхъ всякими цензурами и особыми комитетами („Русск. Вѣд." 1903, ноября 25). Въ Ковровѣ, по сообщенію „Владимірской Газеты", одинъ земскій начальникъ доказывалъ на засѣданіи комитета вредъ для народа „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ". Въ 16 № „Вѣстника Попечительствъ" за текущій годъ есть такая выписка изъ отчета библіотеки-читальни ветлужскаго попечительства: „Ходатайство о выпискѣ мѣстной газеты „Костромской Листокъ" подлежащею властью было отклонено. Однако, этотъ пробѣлъ въ библіотекѣ читальнѣ могъ бытьпополненъ читателями въ сосѣдней пивной". И вѣдь на самомъ дѣлѣ попечительскимъ чайнымъ и читальнямъ по части просвѣщенія трудно бороться съ пивными: въ пивныя пока еще можно выписать всякое періодическое изданіе, а въ чайныя и читальни только по особому каталогу. Въ прошломъ году содержимые попечительствами книжные склады были лишены права продавать всѣ допущенныя къ продажѣ книги, какъ обыкновенные книжные магазины, а должны ограничиваться продажей только тѣхъ книгъ, которыя допущены въ безплатныя читальни. Въ такихъ условіяхъ попечительствамъ представляется мало простору „смѣло сѣять просвѣщеніе", и неудивительно, что въ средѣ ихъ членовъ находятся такіе ревнители' которые являются plus catholique que le pape lui-même... Съ другой стороны попечительства проявляютъ мало дѣятельности и въ такой области, въ которой имъ дана полная carte blanche. Мы говоримъ о надзорѣ за торговлей крѣпкими напитками. Эта сторона дѣятельности попечительствъ особенно подчеркивается въ ихъ „Уставѣ" и неоднократно подтверждалась особыми циркулярами министерства финансовъ. Въ отношеніи надзора члены-соревнователи уравнены въ правахъ съ дѣйствительными членами. Не смотря на все это, по отчету за 1901 годъ членами попечительствъ составлено всего 131 протоколъ, что при обиліи мѣстъ тайной продажи питей является, конечно, меньше, чѣмъ каплей въ морѣ. Сомнительно, чтобы и въ будущемъ эта сторона дѣятельности попечительствъ получила широкое развитіе: характеръ сыска, свойственный этимъ дѣламъ, въ достаточной мѣрѣ предохранитъ тайныхъ торговцевъ виномъ отъ предоставленнаго 55 тыс. попечителей права составлять протоколы. Всѣ почти данныя отчета говорятъ за то, что члены попечительствъ не съ большимъ рвеніемъ относятся къ своей дѣятельности. Какъ же относится къ дѣятельности попечительствъ само отрезвляемое населеніе? Скупой на слова составитель от-

чета и здѣсь огораживается отъ прямого отвѣта цифрами. „Отношеніе населенія къ дѣятельности попечительствъ, говоритъ онъ, лучше всего опредѣляется тѣми пожертвованіями, которыя отъ него поступаютъ. Всего денежныхъ пожертвованій за 1901 годъ поступило 36,733 руб., при чемъ 21,358 руб. могутъ быть распредѣлены по категоріямъ жертвователей слѣдующимъ образомъ: отъ частныхъ лицъ—13,978, отъ земствъ—3,641, отъ городовъ—1,575, отъ сельскихъ обществъ—1,664 р.“ Какъ же опредѣляютъ эти цифры отношеніе населенія? Трудно судить... Одно можно вывести, что по количеству пожертвованій попечительства въ гораздо большей степени пользуются симпатіями частныхъ лицъ, чѣмъ общественныхъ учрежденій. Непонятно еще и то, отъ кого же въ видѣ пожертвованія получено 14,375 руб.; не есть ли это просто на просто сумма членскихъ взносовъ, показанная въ таблицахъ равной 14,244 рублямъ и причисленная въ текстѣ тоже къ пожертвованіямъ? **М. К.**

Курскій проектъ устраненія желтой опасности. (*Китай или мы?* Курскъ, типогр. братьевъ Н. и И. Ваниныхъ. 1904). Все законченное и цѣльное имѣетъ свою привлекательность, даже законченная глупость. Съ этой точки зрѣнія мы очень благодарны нашему доброжелателю, приславшему въ редакцію брошюру, заглавіе которой выписано выше. Печатана она въ Курскѣ, цензурою разрѣшена въ Москвѣ, 16 февраля настоящаго года, и толкуетъ о самыхъ животрепещущихъ вопросахъ: о желтой опасности, о войнѣ и о свѣтломъ будущемъ нашего отечества. Автору можно отказать во многомъ, но никакъ не въ непосредственной цѣльности, даже, если хотите, смѣлости, съ какою онъ высказываетъ свои вожделѣнія, а вѣдь въ наше половинчатое время это чего нибудь стоитъ.

Для чего собственно мы ведемъ настоящую войну?

Брошюра, о которой идетъ рѣчь, выгодно отличается отъ квіетически-туманнаго патріотизма нѣкоторыхъ газетъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ. Невѣдомый курянинъ, написавшій „Китай или мы“, отлично знаетъ, зачѣмъ мы воюемъ. Мы воюемъ, по его мнѣнію, затѣмъ, чтобы завоевать Китай, во 1-хъ, а во 2-хъ, чтобы поправить дѣла, испорченныя освобожденіемъ крестьянъ. Онъ находитъ, что съ насъ уже довольно „свободы, равенства и братства“ (стр. 23), что мы уже ими, такъ сказать, пресытились, и намъ, просто на просто, „пора возстановить въ новыхъ формахъ старый государственный идеалъ, которымъ тысячелѣтіе прожилъ русскій народъ“ (ib). Если вы спросите,—какой же это идеалъ, то и на это авторъ отвѣтитъ просто, сжато и ясно: это есть рабство, въ смыслѣ прямого владѣнія человѣкомъ, какъ скотомъ или вещью. „Да это рабство“,—говоритъ онъ, нимало не обинуясь, но онъ находитъ, что „не пора ли намъ перестать смотрѣть на это слово, какъ на жупелъ“ (стр. 20).

Вотъ, что дѣйствительно, называется „откровенностію“. Правда, авторъ понимаетъ, что сорокъ лѣтъ, прошедшихъ такъ или иначе со времени освобожденія крестьянъ, уже развратили мужика, настолько, что вернуться къ „старому государственному идеалу“ онъ не пожелаетъ. Но... если нельзя уже сдѣлать русскій народъ рабомъ, то,—думаетъ нашъ авторъ,—есть еще возможность превратить его въ рабовладѣльца. Вотъ тутъ-то и поможетъ намъ война, которая должна закончиться завоеваніемъ Китая. Впрочемъ, дальше мы предоставляемъ слово самому автору, который излагаетъ свой планъ по пунктамъ слѣдующимъ образомъ:

Глава I. При взятіи *части Китая* (sic! другія части авторъ предоставляетъ Европѣ)—его населеніе слѣдуетъ переселить въ губерніи Европ. Россіи, гдѣ живетъ сплошное русское населеніе на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) ...въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно было *заказывать и получать* (!) китайскихъ рабочихъ.

2) Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей до сорока десятинъ, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ сорока дес., на каждыя 50 десятинъ можетъ покупать еще по одному семейству.

3) Всякій русскій князь, графъ и потомственный дворянинъ православнаго вѣроисповѣданія, родъ котораго записанъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ не менѣе, какъ въ 3 предыдущихъ поколѣніяхъ его предковъ и владѣющій до 21 дес. земли, имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство (съ правомъ покупать еще по одному семейству на каждыя лишнія 36 десятинъ; при этомъ, однако, „совершенно слѣдуетъ исключить изъ права китаевладѣнія баронскій титулъ, какъ ничего общаго съ коренной Россіей не имѣющій!“).

4) ...въ составъ полнаго китайскаго семейства обязательно должны входить всѣ три возраста, какъ мужскихъ такъ и женскихъ („также и въ дальнѣйшемъ будущемъ“,—предусмотрительно заявляетъ авторъ въ примѣчаніи,—„въ цѣляхъ полученія *правильнаго приплода* (sic!) китайскаго населенія, такое распредѣленіе семействъ будетъ самымъ нормальнымъ“).

8) Весь приростъ, получившійся отъ купленныхъ семействъ китайцевъ поступаетъ въ полную и неотъемлемую собственность хозяевъ...

11) Всякій, владѣющій китайцами, имѣетъ право надъ ними жизни и смерти...

Этими (значительно сокращенными) выписками мы ограничимъ изложеніе главнаго содержанія курской брошюры. Дальше идетъ проектъ переселенія русскихъ безземельныхъ крестьянъ на мѣсто китайцевъ, съ устройствомъ на мѣстахъ аракчеевскихъ поселеній, „на казачьемъ положеніи“, въ которыхъ „усилить дисциплину“ и принуждать нерадивыхъ къ работѣ. Какъ видите, надѣляя русскаго мужика завиднымъ правомъ „китаевладѣнія“, авторъ тоже баловать его не намѣренъ.

Написавъ рѣшительный пунктикъ относительно „права жизни и смерти“, авторъ считаетъ необходимымъ немного поспорить съ „либеральствующей кликой“, которая, какъ онъ предвидитъ, непремѣнно „подниметъ вопль“. Намъ кажется, однако, что авторъ ошибается и что „вопль“ въ данномъ случаѣ слишкомъ сильное слово. Мы думаемъ даже, что „либеральствующая клика“

можетъ быть только благодарна автору за его оригинальное произведеніе,—прежде всего „по человѣчеству“: въ наше сухое время такъ мало настоящихъ, непосредственныхъ, сочныхъ... проявленій непосредственности, что брошюра неизвѣстнаго курянина производитъ прямо освѣжающее впечатлѣніе. А во вторыхъ, скажемъ почтенному автору по секрету, — „либеральствующей кликѣ“ пріятны „послѣдовательные“ люди, которые имѣютъ мужество договаривать до конца замаскированныя другими и уже нѣсколько фальсифицированныя вожделѣнія отечественнаго ретроградства... И если въ чемъ мы можемъ упрекнуть автора, то это лишь въ томъ, что онъ скрылъ свое славное имя; мы напрасно осмотрѣли кругомъ всю брошюрку: нигдѣ ни намека, ни псевдонима, ни иниціала, ни значка. А это всетаки указываетъ на нѣкоторый недостатокъ „темперамента“ и рѣшимости. Это похоже на то, какъ если бы какой нибудь enfant terrible уѣзднаго или губернскаго захолустья рѣшился пробѣжать по улицамъ въ натуральномъ видѣ, даже безъ фиговаго листочка, но при этомъ тщательно скрылъ свое лицо подъ маской. Въ этомъ уже нѣтъ настоящей ширн. Дѣйствіе, правда, довольно безстыдное и требующее рѣшимости, но... лицо скрыто, и развѣ только близкіе знакомые изъ сосѣдей курянъ, могутъ, такъ сказать, по тѣлосложенію опредѣлить: „а вѣдь это пробѣжалъ въ натуральномъ видѣ Сидоръ Петровичъ... человѣкъ изъ такого-то хорошаго семейства“. Что же касается до широкой публики, то она такъ и не узнаетъ, кому принадлежитъ такая спѣлая, такая сочная, такъ хорошо вызрѣвшая на расчищенной курской почвѣ, такая самобытная... непосредственность... **О. Б. А.**

Теодоръ Герцль. Умеръ Теодоръ Герцль, создатель и вождь сіонистскаго движенія среди евреевъ. Всего восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ прошумѣла его брошюра, взывавшая къ окончательной ликвидаціи „еврейскаго“ вопроса посредствомъ созданія національнаго еврейскаго государства, — и на нашихъ глазахъ слабыя заявленія отдѣльныхъ теоретиковъ и группъ молодежи обратились въ значительное общественное движеніе, съ которымъ нельзя не считаться. Правда, этому успѣху въ чрезвычайной степени способствовали нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, легко измѣняющіяся и—какъ оказалось въ прошломъ году—оказывающія громадное вліяніе на напряженіе и распространенность сіонизма. Но невозможно отрицать, что въ кратковременной дѣятельности Герцля мы имѣли замѣчательный образецъ поразительнаго значенія, какое отдѣльная личность можетъ имѣть въ общественномъ движеніи. Даровитый и умный писатель Герцль, однако, не былъ теоретикомъ, и для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ неяснымъ національнстскимъ броженіемъ въ еврейской молодежи восьмидесятыхъ годовъ, „Iudenstaat“ Герцля по существу ученія не представлялъ ничего новаго. Герцль, подобно

своимъ слабымъ предшественникамъ, считалъ нужнымъ создать еврейское государство--и даже колебался въ выборѣ территоріи между Палестиной и Аргентиной. Новы были не его цѣли, но его средства.

Отъ смутныхъ пожеланій онъ предлагалъ перейти къ дѣйствію и для этого прежде всего съ необычайной силой убѣжденія онъ объявилъ утопію осуществимой. Сіонисты были до Герцля, но это были разсуждающіе мечтатели, терявшіеся въ предположеніяхъ, какъ будетъ достигнута ихъ великая цѣль, и уже поэтому безсильные собрать вокругъ себя болѣе или менѣе значительныя силы. Эта великая цѣль была идеаломъ, вожделѣннымъ, но недосягаемымъ по своему существу: къ нему должно стремиться, но его нельзя достигнуть. Какъ всякій большой историческій дѣятель, Герцль началъ съ того, что внушилъ вѣру. Ясный, практическій умъ, мало склонный къ теоретическимъ построеніямъ, но тѣмъ болѣе способный къ проведенію въ жизнь того, что должно быть проведено, онъ перевелъ абстрактный идеалъ въ міръ конкретныхъ цѣлей—и принялся за осуществленіе своей утопіи съ столь необычайнымъ умѣніемъ, настойчивостью и силой, что усилія его несомнѣнно увѣнчались бы успѣхомъ,—если бы утопіи были осуществимы. Это роковое обстоятельство было причиной того, что къ своей основной великой цѣли онъ не приблизился ни на шагъ; но тѣ частные успѣхи, которые были имъ достигнуты попутно, обезпечиваютъ ему мѣсто въ исторіи европейской общественности. Вѣрилъ онъ или не вѣрилъ, — онъ сумѣлъ увѣрить изстрадавшуюся еврейскую массу въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ ея многовѣковыя муки найдутъ успокоеніе въ родной землѣ—вожделѣнной святой землѣ предковъ. Онъ увлекъ за собой часть еврейской интеллигенціи, которая, уставъ ждать общаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, разувѣрившись въ томъ, что среди этихъ вопросовъ будетъ рѣшенъ вопросъ о достойномъ существованіи ихъ народа, рѣшила ступить на свой путь: тотъ *особый* путь, которымъ теперь идутъ всѣ европейскіе народы, охваченные кошмаромъ національнализма. За нѣсколько лѣтъ Герцль создалъ обширную организацію, стремящуюся къ осуществленію сіонистскаго идеала и увѣнчанную конгрессомъ—органомъ выраженія воли объединенныхъ сіонистовъ. Дипломатическая работа, посредствомъ которой Герцль старался добиться уступки евреямъ Палестины и обезпечить этому политическому акту сочувствіе правительствъ, была очень сильной и очень слабой стороной его дѣятельности. Съ одной стороны, еще вчера едва извѣстный за предѣлами родной Вѣны фельетонистъ сдѣлался какъ бы признаннымъ представителемъ народа. Важно было не то, что *его* признали представителемъ, но что признали за этимъ народомъ право имѣть представителя: до сихъ поръ, когда правительствамъ для ихъ цѣлей нужны были представи-

тели еврейства, они призывали финансовыхъ нотаблей; Герцль первый былъ избранникомъ хотя бы и малой доли еврейства. Въ качествѣ такового онъ добился того, что съ нимъ вели переговоры, ему дѣлали предложенія — и прошлогоднее предложеніе Англіи отвести евреямъ особую область въ Африкѣ на правахъ самоуправляющейся территоріи есть цѣнное пріобрѣтеніе всего еврейскаго народа, какъ бы ни относились сіонисты къ этой крупнѣйшей заслугѣ своего покойнаго вождя. По величайшей ироніи судьбы эта заслуга, которая впервые со всей силой показала въ Герцлѣ не только фанатика абстрактной цѣли, но внимательнаго и страждущаго человѣколюбца, была ему не только поставлена въ вину, но вызвала въ сіонистской средѣ бурное броженіе, быть можетъ, ускорившее безвременную смерть неутомимаго и самоотверженнаго народнаго дѣятеля.

Политика—какъ мы сказали—была также слабой стороной дѣятельности Герцля. Прежде всего она слишкомъ долго отвлекала его вниманіе отъ насущныхъ, вопіющихъ нуждъ его народа. Онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ общимъ духомъ сіонизма, для котораго еврейство важнѣе евреевъ. Во что бы то ни стало нужно сохранить распадающееся національное цѣлое: нѣтъ силъ, нѣтъ времени для выполненія такъ называемой Gegenwartsprogramm, для планомѣрной работы партіи надъ улучшеніемъ положенія евреевъ на мѣстахъ ихъ нынѣшняго пребыванія—все будетъ рѣшено тамъ, на старой, возрожденной родинѣ. Сперва Герцль отворачивался отъ этихъ нуждъ, насилуя себя, лишая партію сочувствія тѣхъ, кого могъ привлечь къ ней только неподдѣльный, опредѣленный, рѣшительный демократизмъ—демократизмъ не только программъ, но и дѣйствій. Затѣмъ, когда ужасы еврейской жизни заговорили слишкомъ властно, чтобы вождь еврейской партіи, которая искренно считаетъ себя народной, могъ оставаться на вершинахъ дипломатической работы, онъ отозвался на нихъ—и представилъ конгрессу проектъ „временного“ переселенія евреевъ въ Уганду. Въ скрытой формѣ это было отреченіе отъ идеала сіонизма, вовлекшее Герцля въ тяжелую и роковую борьбу съ главными представителями русскаго сіонизма. Лучше своего вождя они поняли, что сіонизмъ, оторванный отъ утопіи и поглощенный реальной помощью народу, теряетъ почву, теряетъ смыслъ. Это былъ компромиссъ, котораго не могли принять идейные руководители русскаго движенія: а компромиссъ былъ, можно сказать, трагедіей вождя сіонизма. Постоянный сотрудникъ оффиціоза австрійской буржуазіи, „Neue Freie Presse“, онъ не могъ выбиться изъ подъ гнета старыхъ пріемовъ. Его искренній демократизмъ сталкивался съ его властной натурой, слишкомъ настойчиво ломавшей индивидуальное разногласіе; могучій радикализмъ его замысла разбивался о пріемы его „реальной политики“, проклятіемъ которой былъ безысходный и безграничный оппорту-

низмъ. Вмѣсто того, чтобы опереться на небольшую группу настоящихъ единомышленниковъ, спаянныхъ полнымъ согласіемъ, онъ тяжелой и увѣренной рукой давилъ несогласно мыслящихъ, стараясь найти опору въ мало сознательныхъ, но неизмѣнныхъ симпатіяхъ безконечно разнообразной массы. Неизбѣжное столкновеніе съ дѣйствительностью должно было показать, какъ разнообразны и какъ въ сущности непримиримы различные идеалы различныхъ слоевъ сіонизма, прикрытые, но не исчерпываемые символомъ сіонистской вѣры—такъ называемой базельской программой. Между тѣмъ сіонизмъ долженъ былъ объединять все еврейство, а вождь его хотѣлъ быть въ мирѣ со всѣми: съ ортодоксами и прогрессистами въ средѣ еврейства, съ радикальными друзьями и съ вліятельными реакціонными врагами въ общественномъ мірѣ Европы. Раввинамъ онъ обѣщалъ возстановленіе храма, народу семичасовой рабочій день, однимъ охрану отъ культуры, другимъ блага этой культуры, христіанамъ свободу отъ евреевъ, евреямъ свободу отъ христіанъ. Чтобы обезпечить осуществленіе своимъ планамъ, онъ входилъ въ соглашеніе съ такими общественными элементами, отъ которыхъ его любимый народъ не можетъ и не долженъ ждать ничего, кромѣ безконечнаго зла—и это приводило къ компромиссамъ, унизительнымъ и постыднымъ. Благоговѣйное преклоненіе сіонистскаго конгресса предъ однимъ именемъ властелина Святой Земли, турецкаго султана,—было еще не худшимъ изъ этихъ компромиссовъ. Понемногу въ сіонизмѣ и вокругъ него скоплялась туча противорѣчій, которую могъ бы разсѣять лишь рѣшительный поворотъ. Трудно и не время опредѣлять теперь подробности этого поворота, но общее его направленіе, хотя бы и въ грубой формѣ, намѣчается ясно: отъ еврейскаго національнализма къ еврейскому народничеству. И лишь съ глубокой скорбью остается преклониться предъ свѣжей могилой того, кто былъ способенъ, проникнувшись этой мыслью, повернуть могучей рукой все движеніе на новую широкую дорогу.

Трудно подсчитать, что потеряла еврейская — а вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческая — общественность въ лицѣ Герцля. Это былъ, безъ преувеличенія, геній организаціоннаго дѣла. Блестящій ораторъ, увѣренный и находчивый руководитель собраній, умный и образованный собесѣдникъ, неутомимый работникъ, онъ въ высочайшей степени обладалъ рѣдкимъ, но необходимымъ условіемъ политическаго руководительства: умѣніемъ спаять нестройныя массы единомышленниковъ въ организованное цѣлое исполнителей. Не разъ при его жизни говорили, что на болѣе широкой политической аренѣ, — которая, конечно, была ему доступна въ конституціонной Австріи, — онъ добился бы успѣховъ, предѣлы которыхъ трудно предсказать. Но онъ сдѣлалъ лучшее и большее: признавъ, что всецѣло посвященная его небольшому народу его сила будетъ лучше использована,

онъ ступилъ на этотъ тернистый путь, невѣроятныя трудности котораго можетъ оцѣнить лишь тотъ, кто знакомъ съ условіями организаціонной работы въ еврейской средѣ. Теперь не время отмѣчать его ошибки: жизнь указываетъ ихъ сама съ достаточной настойчивостью. Но теперь же необходимо подчеркнуть, что даже работая въ движеніи, которое нельзя безъ оговорокъ назвать прогрессивнымъ и освободительнымъ, Герцль сдѣлалъ многое для подъема общественнаго самосознанія въ средѣ своихъ соплеменниковъ. Это большая заслуга предъ исторіей. При жизни Герцль принадлежалъ сіонистамъ, его могила принадлежитъ человѣчеству.

Что касается дѣла его жизни, оно, конечно, слишкомъ широко, чтобы умереть вмѣстѣ съ своимъ крупнѣйшимъ дѣятелемъ. Сіонизмъ былъ до Герцля и теперь переживетъ Герцля. Дѣятельность создателя сіонистской организаціи, банка, національнаго фонда и конгресса была лишь величественнымъ, но не всеобъемлющимъ эпизодомъ въ исторіи сіонистскаго движенія. И если сіонизму суждено теперь занять второстепенное мѣсто въ жизни еврейской общественности, то, это, конечно, не потому, что онъ потерялъ Герцля.

А. Г.

Памяти Антона Павловича Чехова.

2 іюля, въ Баденъ-Вейлерѣ, въ Шварцвальдѣ, умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ жилъ здѣсь три недѣли. Незадолго до смерти одному изъ друзей въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ онъ писалъ, что чувствуетъ себя очень хорошо, поправляется и „здоровье входитъ въ него пудами“. На этомъ основаніи газета напечатала замѣтку, которая сообщала о здоровьѣ Чехова самыя успокоительныя извѣстія. Но это было лишь обманчивое самочувствіе, нерѣдкое у чахоточныхъ. Вскорѣ процессъ въ легкихъ обострился, питаніе начало падать, вѣсъ тѣла быстро понижался. Во вторникъ (29 іюня) безъ видимой причины появилось ослабленіе дѣятельности сердца. Приходилось прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ. Въ часъ ночи на 2 іюля больной проснулся отъ сильнаго удушья, а къ 3 часамъ утра умеръ „безъ агоніи“, на рукахъ у жены.

Такъ быстро и неожиданно закончилась эта жизнь. Чеховъ умеръ только 44 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ таланта... Несомнѣнно, что смерть эта отзовется въ тысячахъ сердецъ щемящей грустью и, можетъ быть, особенно потому, что и жизнь его въ послѣдніе годы была тоже обвѣяна какою-то неутолимою печалью, къ которой, силою огромнаго „заразительнаго“ таланта, онъ сумѣлъ пріобщить своихъ читателей... А между тѣмъ этотъ человѣкъ начиналъ свою литературную карьеру такимъ же заразительнымъ, сверкающимъ и яркимъ весельемъ и смѣхомъ...

Какая порадоксальная судьба!..

Съ Чеховымъ я познакомился въ 1886 или въ началѣ 1887 г. (теперь точно не помню). Въ то время онъ успѣлъ издать два сборника своихъ разсказовъ. Первый, который я видѣлъ въ одно изъ своихъ посѣщеній на столѣ у Чехова, назывался „Сказки Мельпомены“ и, кажется, составлялъ изданіе какого-то юмористическаго журнала. Самая внѣшность его носила отпечатокъ, присущій нашей „юмористической“ прессѣ. На обложкѣ стояло: „А. Чехонте“ и былъ изображенъ мольбертъ, а передъ нимъ—карикатурная фигура длинноволосаго художника. Если память мнѣ не измѣняетъ, виньетку эту рисовалъ братъ Антона Павловича, художникъ, умершій въ самомъ концѣ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ, человѣкъ, какъ говорили, очень талантливый, но неудачникъ... Эту первую книжку Чехова мало замѣтили въ публикѣ, и теперь рѣдко кто ее, вѣроятно, помнитъ. Но нѣкоторые (кажется, не всѣ) разсказы изъ нея вошли въ послѣдующія изданія.

Затѣмъ, помнится, въ началѣ 1887 года появилась уже болѣе объемистая книга „Пестрыхъ разсказовъ“, печатавшихся

въ „Будильникѣ“, „Стрекозѣ“, „Осколкахъ“ и на этотъ разъ подписанныхъ уже фамиліей А. П. Чехова. Эта книга была замѣчена сразу широкой читающей публикой. О ней начали писать и говорить. Писали и говорили разно, но много, и въ общимъ это былъ большой успѣхъ. Въ газетныхъ некрологахъ и замѣткахъ упоминается о томъ, будто А. С. Суворинъ первый разсмотрѣлъ среди вороховъ нашего тусклаго россійскаго „юмора“ неподдѣльныя жемчужины Чеховскаго таланта. Это невѣрно. Первый обратилъ на нихъ вниманіе Д. В. Григоровичъ. Какъ кажется, онъ оцѣнилъ эти самородныя блестки еще тогда, когда онѣ были разбросаны на страницахъ юмористическихъ журналовъ или, быть можетъ, по первому сборнику „А. Чехонте“. Кажется, Григоровичъ же устроилъ изданіе „Пестрыхъ разсказовъ“ и едва-ли не отъ него узналъ о Чеховѣ Суворинъ, который и пригласилъ его работать въ „Новомъ Времени“. Въ первыя же свиданія мои съ Чеховымъ, Антонъ Павловичъ показывалъ мнѣ письма Григоровича. Одно изъ нихъ было написано изъ за границы. Григоровичъ писалъ о тоскѣ, которую онъ испытываетъ въ своемъ курортѣ, о болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. И я живо помню, какъ Чеховъ, взявъ у меня изъ рукъ прочитанное письмо, сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и извѣстность, и карьера, и большіе гонорары...

Эта пессимистическая нотка показалась мнѣ тогда случайной въ устахъ веселаго автора веселыхъ разсказовъ, передъ которымъ жизнь только еще открывала свои заманчивыя дали... Но впослѣдствіи я часто вспоминалъ и эти слова, и выраженіе, съ которымъ Чеховъ произнесъ ихъ, и они уже не казались мнѣ случайными...

Послѣ выхода въ свѣтъ „Пестрыхъ разсказовъ“ имя Антона Павловича Чехова сразу стало извѣстнымъ, хотя оцѣнка новаго дарованія вызывала разнорѣчіе и споры. Вся книга, проникнутая еще какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, нѣсколько легкимъ отношеніемъ къ жизни и къ литературѣ, сверкала юморомъ, весельемъ, часто неподдѣльнымъ остроуміемъ и необыкновенной сжатостью и силой изображенія. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной, печали, уже прокрадывавшіяся кое-гдѣ сквозь яркую смѣшливость,—еще болѣе оттѣняли молодое веселье этихъ, дѣйствительно „пестрыхъ“ разсказовъ.

II.

Въ то время въ Петербургѣ издавался журналъ „Сѣверный Вѣстникъ“. Издательницей его была А. М. Евреинова, редакція (первоначальная) составилась изъ бывшихъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“. Во главѣ ея стоялъ Ник. Конст. Михайловскій, близкое участіе принималъ Глѣбъ Ив. Успенскій и С. Н.

Южаковъ, а въ редактированіи беллетристическаго и стихотворнаго отдѣла участвовалъ А. Н. Плещеевъ. Меня приглашали тоже ближе примкнуть къ этому журналу, и я ѣхалъ въ Петербургъ между прочимъ и по этому поводу. Въ то время я уже прочиталъ разсказы Чехова, и мнѣ захотѣлось проѣздомъ черезъ Москву познакомиться съ ихъ авторомъ.

Въ тѣ годы семья Чеховыхъ жила на Садовой, въ Кудринѣ, въ небольшомъ, красномъ уютномъ домикѣ, какіе, кажется, можно встрѣтить только еще въ Москвѣ. Это былъ каменный особнячокъ, примыкавшій къ большому дому, но самъ составлявшій одну квартиру въ два этажа. Внизу меня встрѣтили сестра Чехова и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ, тогда еще студентъ. А черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сверху спустился и Антонъ Павловичъ.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впослѣдствіи, по моему—очень мѣтко, опредѣлила одна женщина, при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, не смотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской, непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его разсказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, не смотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было написано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя „свобода отъ партій“, казалось мнѣ, имѣетъ свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію не разрѣшившійся во что-нибудь реальное, и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго „пересмотра“, чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая „свобода“ Чехова отъ „партіи“ данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности,—казалась мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я,—это ненадолго... Среди его разсказовъ былъ одинъ (кажется, оза-

главленный „Встрѣча“): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающійся по свѣту тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русскій „искатель“ лучшаго. Типъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно напомнилъ мнѣ одного изъ значительныхъ людей, съ которымъ сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ беззаботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще неумершаго у насъ, долговѣчнаго рудинскаго типа... И мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста...

Когда въ Петербургѣ я разсказалъ въ кружкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ о своемъ посѣщеніи Чехова и о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ, — это вызвало много разговоровъ. Талантъ Чехова признавали всѣ единогласно, но къ тому, на что онъ направитъ еще не опредѣлившуюся большую силу,—относились съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Отношеніе къ Чехову Михайловскаго читателямъ извѣстно: онъ часто и съ большимъ интересомъ возвращался къ его работамъ, признавалъ огромные размѣры его таланта, но тѣмъ суровѣе относился къ нѣкоторымъ чертамъ, въ которыхъ видѣлъ неправильное отношеніе къ литературѣ и ея назначенію. Ни о комъ, однако, изъ сверстниковъ Михайловскій не писалъ такъ много, какъ о Чеховѣ, а въ послѣдніе годы, какъ это тоже извѣстно, онъ относился къ Чехову съ большой симпатіей... Во всякомъ случаѣ, въ то время, о которомъ я разсказываю, „Сѣверный Вѣстникъ“ Михайловскаго хотѣлъ бы видѣть Чехова въ своей средѣ, и мнѣ пришлось выслушать упрекъ, что во время своего посѣщенія, я (тогда еще новичокъ въ журнальномъ дѣлѣ) не позаботился о приглашеніи Чехова,—какъ сотрудника.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе я уже заговорилъ съ Чеховымъ объ этомъ „дѣлѣ“, но еще раньше меня говорилъ съ нимъ о томъ же А. Н. Плещеевъ, заѣхавшій къ нему проѣздомъ черезъ Москву на Кавказъ. Чеховъ самъ разсказалъ мнѣ объ этомъ свиданіи, подтвердилъ обѣщаніе, данное Плещееву, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ нѣкоторое колебаніе. По его словамъ, онъ начиналъ литературную работу почти шутя, смотрѣлъ на нее частію, какъ на наслажденіе и забаву, частію же, какъ на средство для окончанія университетскаго курса и содержанія семьи *).

*) Въ то время онъ былъ уже врачемъ, хотя и не практиковавшимъ, а братъ его, Михаилъ Павловичъ, начиналъ тоже печататься въ юмористич. журналахъ (подъ псевдонимомъ).

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе разсказы?.. Вотъ.

Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите,—завтра будетъ разсказъ, заглавіе: „Пепельница“.

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...

Теперь, когда я вспоминаю этотъ разговоръ, небольшую гостиную, гдѣ за самоваромъ сидѣла старуха-мать, сочувственныя улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, въ центрѣ которой стоялъ этотъ молодой человѣкъ, обаятельный, талантливый, съ такимъ, повидимому, веселымъ взглядомъ на жизнь,—мнѣ кажется, что это была самая счастливая, послѣдняя счастливая полоса въ жизни всей семьи,—радостная идиллія у порога готовой начаться драмы... Въ выраженіи лица и въ манерахъ тогдашняго Чехова мнѣ вспоминается какая-то двойственность: частію это былъ еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмѣяться между прочимъ надъ „умнымъ дворникомъ“, рекомендующимъ въ кухнѣ читать книги, и надъ парикмахеромъ, который во время стрижки узнаетъ, что его невѣста выходитъ за другого и потому оставляетъ голову кліента недостриженной... Образы тѣснились къ нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но рѣдко волнуя... Они наполняли уютную квартирку и, казалось, приходили въ гости заразъ ко всей семьѣ. Сестра Антона Павловича разсказывала мнѣ, что братъ, комната котораго отдѣлялась отъ ея спальной тонкой перегородкой, часто стучалъ къ ней ночью въ стѣнку, чтобы разсказать тему, а иной разъ и готовый уже разсказъ, внезапно возникшій въ головѣ. И оба удивлялись и радовались неожиданнымъ комбинаціямъ... Но теперь въ этомъ беззаботномъ настроеніи происходила замѣтная перемѣна: и самъ Антонъ Павловичъ, и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка, — но великая драгоцѣнность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. Кажется, въ то время была уже напечатана (въ „Нов. Времени“) „Святою ночью“, чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшливаго настроенія большинства „Пестрыхъ разсказовъ“. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ“, проступало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину назвали бы „первыми отблесками славы“... Я помню, что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ

Антономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой...

Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе...

Мы условились встрѣтиться въ Петербургѣ въ редакціи „Осколковъ“, гдѣ я дѣйствительно нашелъ Чехова въ назначенный день, въ кабинетѣ редактора, г-на Лейкина. Здѣсь, между прочимъ, произошелъ небольшой инцидентъ: наканунѣ г. Лейкинъ похвастался передъ Чеховымъ прекраснымъ разсказомъ, присланнымъ въ „Осколки“ неизвѣстнымъ еще, начинающимъ авторомъ, помнится, изъ Царскаго Села. Редакторъ пришелъ въ восторгъ и пригласилъ автора для личныхъ переговоровъ, съ цѣлью привлечь его къ журналу. Чеховъ захотѣлъ прочитать рукопись. Оказалось, однако, что это былъ просто на просто одинъ изъ его собственныхъ очерковъ, старательно переписанный съ печатнаго и подписанный невѣдомой фамиліей. Лучшій признакъ извѣстности: плагіатъ уже, очевидно, оцѣнилъ новое дарованіе и тянулся къ нему, какъ чужеядное растеніе...

III.

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный разсказъ А. П. Чехова былъ написанъ. Назывался онъ „Степью“. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ А. Н. Плещеевъ получилъ изъ Москвы письмо, въ которомъ Чеховъ писалъ, что работа у него подвигается быстро. „Не знаю, что выйдетъ, но только чувствую, что вокругъ меня пахнетъ степными цвѣтами и травами“,—такъ приблизительно (цитирую на память) опредѣлялъ Чеховъ настроеніе этой своей работы, и это же несомнѣнно чувствуется въ чтеніи. На этомъ первомъ „большомъ“ разсказѣ Чехова лежалъ еще правда отпечатокъ привычной ему формы. Нѣкоторые критики отмѣчали, что „Степь“ это какъ бы нѣсколько маленькихъ картинокъ, вставленныхъ въ одну большую раму. Несомнѣнно однако, что эта большая рама заполнена однимъ и очень выдержаннымъ настроеніемъ. Читатель какъ будто самъ ощущаетъ вѣяніе свободнаго и могучаго степного вѣтра, насыщеннаго ароматомъ цвѣтовъ, самъ слѣдитъ за сверканіемъ въ воздухѣ степной бабочки и за мечтательно-тяжелымъ полетомъ одинокой и хищной птицы, а всѣ фигуры, нарисованныя на этомъ фонѣ тоже проникнуты оригинальнымъ степнымъ колоритомъ. Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) говорилъ мнѣ, вскорѣ послѣ того, какъ разсказъ появился въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, что въ немъ очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній...

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая

казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ разсказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступаетъ онъ въ роли кучера, но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ темпераментѣ. Бричка съ путниками останавливается въ степи на привалъ, въ знойный, удушливый полдень. Горячіе лучи жгутъ головы, откуда-то несется пѣсня, „тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ“, или сама она, „вызженная, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя“... Въ это время Дениска просыпается первымъ изъ отдыхающихъ путниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, пьетъ, аппетитно умывается, плескаясь и фыркая. Не смотря на зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвѣстно откуда несущуюся и говорящую о неизвѣстной винѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осоки!—говоритъ онъ Егорушкѣ, главному герою разсказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этимъ, предлагаетъ также скакать обратно.

Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И дѣйствительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы. То и дѣло у него неизвѣстно откуда являлись разные проекты и притомъ какъ-то сразу, въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25 „и всѣ начинающіе, вообще молодые“. Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза съ выраженіемъ внезапно созрѣвающей мысли, онъ сказалъ:

— Слушайте, Короленко... Я пріѣду къ вамъ въ Нижній.

— Буду очень радъ. Смотрите же—не обманите.

— Непремѣнно пріѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли.

Я засмѣялся. Это былъ опять Дениска.

— Нѣтъ, Антонъ Павловичъ. Мнѣ за вами не ускакать... Драму вы пишите одинъ, а въ Нижній все-таки пріѣзжайте.

IV.

Онъ сдержалъ слово, пріѣхалъ въ Нижній и очаровалъ всѣхъ, кто его въ это время видѣлъ. А въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву я засталъ его уже за писаніемъ драмы. Онъ вышелъ изъ своего рабочаго кабинета, но удержалъ меня за руку, когда я, не желая мѣшать, собрался уходить.

— Я дѣйствительно пишу и непремѣнно напишу драму,— сказалъ онъ,—„Иванъ Ивановичъ Ивановъ“... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно въ воображеніи,—вдругъ пустота...

— Черезъ которую,—сказалъ я,—приходится строить мостки уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бываетъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься...

Онъ казался нѣсколько разсѣяннымъ, недовольнымъ и, какъ будто, утомленнымъ. Дѣйствительно, первая драма далась Чехову трудно и повлекла за собою первыя же серьезныя чисто литературныя волненія и огорченія. Не говоря о заботахъ сценической постановки, о терзаніяхъ автора, видящаго, какъ далеко слово отъ образа, а театральное исполненіе отъ слова,—въ этой драмѣ впервые сказался переломъ въ настроеніи Чехова. Я помню, какъ много писали и говорили о нѣкоторыхъ безпечныхъ выраженіяхъ Иванова, напр. о фразѣ: „другъ мой, послушайте моего совѣта: не женитесь ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на курсисткахъ“... Правда, это говоритъ Ивановъ, но русская жизнь такъ болѣзненно чутка къ нѣкоторымъ наболѣвшимъ вопросамъ, что публика не хотѣла отдѣлить автора отъ героя; да, сказать правду, въ „Ивановѣ“ не было той непосредственности и беззаботной объективности, какая сквозила въ прежнихъ произведеніяхъ Чехова. Драма русской жизни захватывала въ свой широкій водоворотъ вышедшаго на ея арену писателя: въ его произведеніи чувствовалось невольно вѣяніе какой-то тенденціи, чувствовалось, что авторъ и нападаетъ и защищаетъ, и споръ шелъ о томъ, что онъ защищаетъ и на что нападаетъ. Вообще, эта первая драма, которую Чеховъ передѣлывалъ нѣсколько разъ, можетъ дать цѣнный матеріалъ для вдумчиваго біографа, который пожелаетъ прослѣдить исторію душевнаго перелома, приведшаго Чехова отъ „Новаго Времени“, въ которомъ онъ охотно писалъ въ началѣ и куда не давалъ ни строчки въ послѣдніе годы,—въ „Русскія Вѣдомости“, въ „Жизнь“ и въ „Русскую Мысль“... Беззa-

ботная непосредственность роковымъ образомъ кончалась, начиналась тоже роковымъ образомъ рефлексія и тяжелое сознаніе отвѣтственности таланта.

Слѣдующій за „Степью“ разсказъ „Именины“ былъ тоже напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. За нимъ слѣдовалъ третій, заглавія котораго я теперь не помню. Его настроеніе значительно усложнялось, а пожалуй и омрачалось нѣсколько циничными, но еще болѣе грустно-скептическими нотами. Остальное памятно, безъ сомнѣнія всей читающей Россіи. За „Пестрыми разсказами“ послѣдовалъ сборникъ съ характернымъ названіемъ: „Въ сумеркахъ“. Затѣмъ „Хмурые люди“; затѣмъ въ „Русской Мысли“ появилась „Палата № 6-й“,—произведеніе поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какимъ выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я назвалъ бы настроеніемъ второго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и всѣмъ стала ясна неожиданная перемѣна: человѣкъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальномъ взглядѣ въ глубину жизни неожиданно почувствовалъ себя глубочайшимъ пессимистомъ. Къ третьему періоду я бы отнесъ разсказы, а пожалуй и драмы послѣднихъ годовъ, въ которыхъ звучитъ и стремленіе къ лучшему, и вѣра въ него, и надежда. Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой разъѣдающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозитъ, какъ куполы церквей дальняго города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути... И надъ всѣмъ царитъ меланхолическое сознаніе:

Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ...

V.

Послѣ этихъ первыхъ встрѣчъ, довольно частыхъ вначалѣ нашего знакомства, мы видѣлись съ Чеховымъ все рѣже и рѣже. Наши литературныя связи и симпатіи (я говорю о личныхъ связяхъ и симпатіяхъ въ литературной средѣ) въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были различны, и выходило такъ, что онѣ перекрещивались рѣдко также и впослѣдствіи, когда онъ сошелся съ родственными и мнѣ литературными кругами. Я тогда же (т. е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сдѣлалъ было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправились съ нимъ въ назначенный часъ въ Палерояль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже застали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впослѣдствіи издательницу журнала „Міръ Божій“). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло. Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки

сильной душевной усталости и, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ и даже Александра Аркадьевна, — человѣкъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный,—задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ, что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вышли отъ Михайловскаго, замѣтилъ, съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказалъ:

— Вы очень любите Чехова?

Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производитъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

— Это хорошо...—но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что веселость тогдашняго Чехова, Чехова „Пестрыхъ разсказовъ"—была чужда и непріятна Успенскому. Самъ онъ когда-то былъ полонъ глубокаго и своеобразнаго юмора, острота котораго очень рано перешла въ горечь. Михайловскій чрезвычайно вѣрно и чрезвычайно мѣтко обрисовалъ въ статьѣ объ Успенскомъ ту цѣломудренную сдержанность, съ какой онъ сознательно обуздывалъ свою склонность къ смѣшнымъ положеніямъ и юмористическимъ образамъ изъ боязни профанировать скорбные мотивы злополучной русской дѣйствительности. Хорошо это или плохо,— я здѣсь разсуждать не буду. Думаю, конечно, что было бы превосходно, еслибы люди съ такими природными залежами смѣха въ душѣ находили въ себѣ и въ окружающей атмосферѣ достаточно силы, чтобы побѣдить великое уныніе русской жизни своимъ еще болѣе сильнымъ смѣхомъ. Тогда мы имѣли бы, можетъ быть, міровые шедевры сатирической литературы. Но... мечтать можно о чемъ угодно, а фактъ все-таки состоитъ въ томъ, что современное русское уныніе само побѣждаетъ русскій юморъ, и это съ неизбѣжностью рокового закона отразилось,—къ сожалѣнію, даже слишкомъ скоро—на самомъ Чеховѣ. Но въ то время еще было иначе, и я помню, съ какимъ скорбнымъ недоумѣніемъ и какъ пытливо глубокіе глаза Успенскаго останавливались на открытомъ, жизнерадостномъ лицѣ этого талантливаго выходца изъ какого-то другого міра, гдѣ еще могутъ смѣяться такъ беззаботно и весело... Чеховъ тоже инстинктивно сторонился отъ назрѣвшаго уже въ Успенскомъ настроенія, которое сторожило его самого, и—они разошлись холодно, пожалуй съ безотчетнымъ нерасположеніемъ другъ къ другу.

Теперь нѣтъ уже обоихъ. Успенскій умеръ раньше, могила Чехова еще не закрылась, когда я пишу эти строки... Но оба сошли со сцены съ надеждой на будущее и со жгучей скорбью о настоящемъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ разговоръ съ Чеховымъ о Гар-

шинѣ. Не помню, было-ли это послѣ смерти Гаршина или подъ конецъ его омраченной жизни... Я недавно вернулся изъ Сибири и во мнѣ еще были живы и свѣжи глубокія впечатлѣнія отъ ея величаво угрюмой природы и ея людей. И мнѣ казалось, что, еслибы можно было отвлечь Гаршина отъ мучительныхъ впечатлѣній нашей дѣйствительности, удалить на время отъ литературы и политики, а главное—снять съ усталой души то сознаніе общей отвѣтственности, которое такъ угнетаетъ русскаго человѣка съ чуткой совѣстью... еслибы, взамѣнъ этого поставить его лицомъ къ лицу только съ первобытной природой и первобытнымъ человѣкомъ,—то, думалось мнѣ, больная душа могла бы еще расправиться. Но Чеховъ возразилъ съ категоричностью врача:

— Нѣтъ, это дѣло непоправимое: раздвинулись какія-то молекулярныя частицы въ мозгу, и ужъ ничѣмъ ихъ не сдвинешь...

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались эти слова. Черезъ годъ-два „раздвинулись частицы“ у Успенскаго и, сколько ни искалъ онъ исцѣленія во „врачующемъ просторѣ“ родины, какъ ни метался по степямъ и ущельямъ Южнаго Урала, по горнымъ хребтамъ Кавказа, по Волгѣ и „захолустнымъ рѣкамъ“ средней Россіи,—ему не удалось стряхнуть все глубже въѣдавшейся въ душу тоски, какъ и сознанія „общей отвѣтственности“ передъ правдой жизни за всѣ ея неправды. А затѣмъ—„раздвинулись частицы“ и у Чехова. Правда это были частицы легкихъ, а не мозга, ясность котораго онъ сохранилъ до конца. Но кто скажетъ, какую роль въ физической болѣзни играла та глубокая разъѣдающая грусть, на фонѣ которой совершались у Чехова всѣ душевные, а значитъ и физическіе процессы...

Мои встрѣчи съ Чеховымъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ уже были не часты и случайны. Въ періодъ уже опредѣлившейся болѣзни мы встрѣтились только 3—4 раза. Одинъ разъ, это было въ 1897 г., въ редакціи „Русской Мысли“. Въ то время я тоже былъ боленъ. Чеховъ разспрашивалъ меня со вниманіемъ товарища и врача и, выйдя изъ редакціи, на улицѣ задушевно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ничего... вы поправитесь, увѣряю васъ,—вы поправитесь.

— И вы тоже поправитесь, Антонъ Павловичъ!..—сказалъ я съ вѣрой, истекавшей изъ сильнаго желанія вѣрить.

— Да, да, надѣюсь... Мнѣ и теперь лучше,—отвѣтилъ онъ, и мы разстались.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года назадъ, въ Ялтѣ, куда я пріѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жили сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда Чеховъ

спустился по лѣстницѣ сверху. У меня сжалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще виднѣлось застывшее выраженіе грусти. Сестра разсказывала, что повременамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца, „Крестьянинъ“. Читали? Хорошая книга, — сказалъ онъ. — Вотъ еслибы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

Онъ умеръ раньше...

VI.

И опять невольно приходитъ въ голову сопоставленіе: Гоголь, Успенскій, Щедринъ, теперь—Чеховъ. Этими именами почти исчерпывается рядъ выдающихся русскихъ писателей съ сильно выраженнымъ юмористическимъ темпераментомъ. Двое изъ нихъ кончили прямо острой меланхоліей, двое другихъ безпросвѣтной тоской. Пушкинъ называлъ Гоголя „веселымъ меланхоликомъ“, и это мѣткое опредѣленіе относится одинаково ко всѣмъ перечисленнымъ писателямъ... Гоголь, Успенскій, Щедринъ и Чеховъ...

Неужели въ русскомъ смѣхѣ есть въ самомъ дѣлѣ что-то роковое? Неужели реакція прирожденнаго юмора на русскую дѣйствительность,—употребляя терминологію химиковъ,—неизбѣжно даетъ ядовитый осадокъ, разрушающій всего сильнѣе тотъ сосудъ, въ которомъ она совершается, т. е. душу писателя?..

Читатель проститъ мнѣ эти, можетъ быть, безсвязныя и безпорядочныя строки, лишенныя претензіи разобраться до конца въ характерѣ и размѣрахъ понесенной русскою литературою утраты. Разбираться придется еще много и процессъ этотъ большой и сложный. Эти строки продиктованы лишь непосредственнымъ ощущеніемъ тяжелой потери...

Вл. Короленко.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ А. Ф. Дурдуковской изъ Кіева—1 р.; Вл. Ф. Дурдуковскаго изъ Кіева—2 р.; С. А. Ефремова изъ Кіева—2 р.; А. Большаковой изъ Лукинскаго Стана—3 р.

Итого . . . 8 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.004 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ Л. Т.—2 р.; Н. А. Котляревскаго—25 р.

Итого . . . 27 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 819 р. 65 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ Бор. Лазаревскаго изъ Владивостока—10 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 78 р. 50 к.

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ Нижегородской губ.:

Отъ издателей „Русскихъ Вѣдомостей"—100 р.

Итого . . . 100 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.375 р. — к.*)

---

*) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля предсѣдателю Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., А. И. Ланину.

На школу имени А. П. Чехова:

От почитателей-юнкеровъ С.-Петербургскаго училища—23 р.

Итого . . . 23 р. — к.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Отъ Совѣта Общества содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію.

Въ началѣ сентября 1904 г. начинаются занятія на двухлѣтнихъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ, учрежденныхъ Обществомъ содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. На курсахъ изучаются главнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства и ихъ естественно-научныя основы. Занятія зимою будутъ происходить въ С.-Петербургѣ, лѣтомъ (въ теченіе всего лѣта) въ казенномъ Песочинскомъ имѣніи (въ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязанской губ.). Въ число слушательницъ принимаются окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій, институтовъ и эпархіальныхъ училищъ). Плата за ученіе 125 руб. въ годъ. За содержаніе лѣтомъ—по 25 руб. въ мѣсяцъ. Прошенія, съ приложеніемъ документовъ и краткаго жизнеописанія подаются до 10 августа, въ Совѣтъ Общества содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. (С.-Петербургъ, Маріинская площадь, Канцелярія Ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ).

НОВАЯ КНИГА:

Н. К. Михайловскій. ОТКЛИКИ

Томъ I.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство".

Цѣна 1 р. 50 к.

НОВАЯ КНИГА:

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

„КЪ СВѢТУ"

подъ редакціей **Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова.**

Изданіе Комитета Общества доставленія средствъ С-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ.

Въ составъ Сборника входятъ новыя произведенія слѣдующихъ авторовъ:

I. **По беллетристикѣ** (стихотворенія, очерки, повѣсти и разсказы): Allegro, К. Д. Бальмонта, П. Д. Боборыкина, М. В. Ватсонъ, П. И. Вейнберга, Г. А. Галиной, Л. Я. Гуревичъ, Ераковой-Даниловой, Влад. Г. Короленко, М. В. Крестовской, А. И. Куприна, Ек. П. Лѣтковой, А. А. Лугового, С. К. Маковскаго, А. М. Ѳедорова, О. Н. Чюминой, О. А. Шапиръ, Сем. С. Юшкевича, П. Я. (Мельшина).

II. **Статьи научныя и критическія:** Е. В. Балобановой, Ѳ. Д. Батюшкова, акад. Н. Н. Бекетова, проф. В. П. Бузескулъ, А. Ѳ. Кони, В. Каренина, проф. Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга, Е. Ю. Лозинскаго, Ник. К. Михайловскаго, акад. С. Ѳ. Ольденбурга, О. М. Петерсонъ, проф. М. И. Ростовцева, С. Русовой, проф. Е. В. Тарле, А. Н. Шабановой, П. Е. Щеголева.

Въ текстѣ (около 33 печ. лист.) иллюстраціи и приложеніе: отраженія женскаго движенія въ русской живописи за послѣднюю четверть вѣка (снимки съ картинъ художниковъ: Вл. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, бар. М. П. Клодта. Е. Д. Полѣновой, И. А. Матвѣева, А. Морозова, В. И. Сурикова, Н. А. Ярошенко и др.).

Цѣна **4** рубля.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывающіе черезъ Контору «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ уступка 25%

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

РУССКАЯ МУЗА.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи.

Составилъ **П. Я.**

Въ книгѣ **больше 30.000 стиховъ**. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Цѣна 1 руб. 75 к.

Д. Я. Айзманъ.

ЧЕРНЫЕ ДНИ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 руб.

А. В. Пѣшехоновъ.

НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ.

Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи.

Цѣна **1** р. **50** к.

Выписывающіе черезъ контору „Русскаго Богатства“ за пересылку не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 28 іюля 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

АВГУСТЪ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 25 августа. 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
	Высочайшіе манифесты	I—XVI
1.	**Переломъ.** (Разсказъ изъ рудничной жизни). *А. Дермана.*	3—25
2.	**Литературная дѣятельность декабристовъ.** V. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. *Н. Котляревскаго.* .	26—64
3.	**Маякъ.** Стихотвореніе *Леонида Б.*	64
4.	**За счастьемъ и правдой** (Очерки и наблюденія русскаго путешественника). Окончаніе. *П. Владычено*	65—91
5.	**Отъѣзжающему.** Стихотвореніе *В. Башкина.* . . .	91
6.	**Нашла коса на камень.** Романъ *Роды Броутонъ.* Перев. съ англійскаго К. И. Саблиной. Окончаніе	92—145
7.	**Старый городъ.** Стихотвореніе *Леонида Б.*	145
8.	**Эпоха великихъ реформъ въ Японіи.** *А. Николаева.* .	146—181
9.	*** Стихотвореніе *В. Башкина*	181
10.	**На лиманѣ.** Очеркъ. *Ив. Наживина.*	182—192
11.	**Болгарская конституція.** *П. Милюкова*	193—216
12.	**Диллетанты.** Романъ *Клары Фибигъ.* Переводъ съ нѣмецкаго В. С. (Въ приложеніи).	49—96
13.	**Къ переселенческому вопросу.** *А. А. Бѣлевскаго* . .	1—20
14.	**Новыя книги:** Танъ. Очерки и разсказы.—С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ.—Совѣтовъ, И. Г. Литературный указатель.—Ученіе о памяти. Н. В. Краинскаго.—Оливеръ Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Электролъ.—Голубевъ, П. А. Историко-статистическія таблицы по Пермской губерніи.—Л. Б. Хавкина. Библіотеки, ихъ организація и техника.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	21—42

(См. на оборотѣ).

СТРАН.

15. **Въ русскомъ кварталѣ.** (Письмо изъ Англіи). *Діонео.* 42— 73
16. **Хроника внутренней жизни:** I. Административныя распоряженія по дѣламъ печати за два послѣдніе мѣсяца.—II. Законодательство въ 1903—4 году.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія послѣдняго времени.—Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—IV. Смерть Н. Ѳ. Дубровина и В. А. Бильбасова. *В. А. Мякотина* . . . . . 74—111
17. **Государственное тягло и его роль въ крестьянской жизни.** (По трудамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ). *Н. Ѳ. Анненскаго* . . . . . 112—129
18. **О сборникахъ товарищества «Знаніе» за 1903 г.** (Литературная замѣтка). *Журналиста.* . . . . . 129—149
19. **Кое-что о молодости, жизнерадостности и... пустозвонствѣ.** *А. В. Пѣшехонова.* . . . . . 149—160
20. **Случайныя замѣтки:** Калужскій учитель и скопившіяся около него противорѣчія. *В. М.*—Служебная дисциплина въ Валдайскомъ земствѣ. *В. М.*—Евреи и война. *А. Г.* — Въ защиту фабричной работницы. *И. Вегера.*—«Ученый» споръ. *С. Ю.*—Памяти Василія Алексѣевича Бильбасова. *С. Ю.* . 161—179
21. **Отчетъ конторы редакціи.**
22. **Объявленія.**

Высочайшіе манифесты.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАИ ВТОРЫИ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр. и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30-й день сего іюля Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Сына, нареченнаго Алексѣемъ.

Пріемля сіе радостное событіе, какъ знаменованіе благодати Божіей на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего Первороднаго Сына, призываемаго быть Наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ Державы и великаго Нашего служенія.

Манифестомъ отъ 28 іюня 1899 года призвали Мы Любезнѣйшаго Брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ Сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ Законовъ Имперіи, Сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и титулъ Наслѣдника Цесаревича, со всѣми сопряженными съ нимъ правами.

Данъ въ Петергофѣ въ 30-й день іюля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр. и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Воздавъ благодареніе Всевышнему, устрояющему судьбы Царствъ и благословившему Домъ Нашъ дарованіемъ Намъ перворожденнаго Сына, Мы, въ радостный день Святаго Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, слѣдуя постоянному влеченію сердца, обращаемся мыслью ко ввѣренной Намъ Промысломъ великой семьѣ русскаго народа.

Переживаемая нынѣ година испытаній вызвала напряженіе силъ народныхъ, но и явила предъ лицомъ всего міра высокіе примѣры непоколебимой доблести и беззавѣтной любви къ родинѣ. Въ такое время Намъ особенно отрадно придти на помощь вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ,

независимо при томъ отъ мѣръ государственнаго благоустроенія, предуказанныхъ въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. и пріемлемыхъ въ общемъ порядкѣ управленія.

Прежде всего обратили мы вниманіе на сохранившееся въ сельскомъ быту примѣненіе крестьянскими и нѣкоторыми инородческими учрежденіями тѣлеснаго наказанія. Издавна принятыя въ нашемъ законодательствѣ наказанія этого рода постепенно изволеніемъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ исключены были изъ числа общихъ карательныхъ мѣръ. Нынѣ, въ довершеніе намѣреній Незабвенныхъ Дѣда и Родителя Нашихъ, Мы признаемъ за благо повелѣть отмѣнить и для сельскихъ обывателей и инородцевъ примѣняемыя къ нимъ по закону волостными судами и инородческими управленіями тѣлесныя наказанія. Да послужитъ сіе къ вящшему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ, уваженія къ законнымъ правамъ каждаго.

Принявъ такое рѣшеніе, Мы равномѣрно считаемъ необходимымъ прекратить впредь наложеніе тѣлеснаго наказанія въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ, хотя и допускавшееся лишь въ случаяхъ повторенныхъ нарушеній долга. Увѣренные, что такая отмѣна послужитъ къ поддержанію въ Нашихъ доблестныхъ войскахъ чувства воинской чести, Мы утвердили обнародуемыя нынѣ особыя по этому предмету постановленія.

Въ сознаніи важнаго въ государственной жизни значенія матеріальной обезпеченности многочисленнаго Нашего сельскаго населенія, Мы, въ истекшіе годы Царствованія, съ особою заботливостью отнеслись къ усовершенствованію порядка взысканія податныхъ платежей. Выработанныя съ этою цѣлью, по указаніямъ Нашимъ, финансовымъ вѣдомствомъ мѣры, въ связи съ послѣдовавшею отмѣной круговой поруки, обезпечивая исправныя поступленія сборовъ, устраняютъ въ то же время примѣненіе тягостныхъ и несправедливыхъ способовъ взысканій. Желая нерушимо закрѣпить достигнутую правильность податнаго строя, Мы, хотя и съ ущербомъ для казны, остановились на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся съ теченіемъ времени на крестьянскихъ надѣльнымъ земляхъ недоимки въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ.

Пріемля близко къ сердцу участь осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, запечатлѣвшихъ кровью на далекой окраинѣ пламенную преданность ихъ Россіи, Мы священною обязанностью Своею почитаемъ всемѣрно озаботиться изысканіемъ способовъ надлежащаго призрѣнія и воспитанія этихъ дѣтей.

На ряду съ этимъ Мы, по завѣту Предковъ, вознамѣрившись въ настоящій торжественный день явить милость всѣмъ, особенно въ ней нуждающимся, преклоняемъ заботу Нашу къ судьбѣ тѣхъ, которые, по бѣдности или временнымъ нуждамъ, оказались неисправными въ разныхъ платежахъ, а равно тѣхъ, кои, преступивъ велѣніе закона, искупили уже отчасти свою вину или, по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ снисхожденія.

Посему Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

I. 1) Тѣлесныя наказанія, установленныя по закону за проступки для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, отмѣнить, и ихъ впредь такимъ наказаніямъ не подвергать, замѣняя оныя въ потребныхъ случаяхъ другими взысканіями на основаніяхъ, указанныхъ въ подлежащихъ узаконеніяхъ.

2. Постановленія, изложенныя въ стт. 1261 и 1377 Свод. Зак. Т. XV

Улож. наказ., изд. 1885 г., а также стт. 281 и 282 Свод. Зак. Т. XI ч. II Уст. Торг., изд. 1903 г., относительно тѣлесныхъ наказаній отмѣнить.

II. Даровать нижеслѣдующія облегченія по разнаго рода сборамъ:

1. Сложить со счетовъ всѣ числившіяся къ 1-му января 1904 года и по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего непополненныя недоимки:

А. а) Выкупныхъ платежей и государственнаго поземельнаго налога съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

б) Оброчной, кибиточной и подушной податей.

в) Отмѣненныхъ казенныхъ сборовъ.

Б. Земскихъ поземельныхъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, оставивъ на обязанности государственнаго казначейства возмѣщеніе земскимъ учрежденіямъ означенныхъ недоимокъ на основаніяхъ, закономъ 10-го мая 1904 года опредѣленныхъ.

2. Установленный указомъ правительствующему сенату 11-го мая 1902 г. дополнительный окладной сборъ съ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ Полтавской и Харьковской губерній отмѣнить.

3. Сложить въ полной суммѣ числящіяся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего недоимки:

а) За всѣми переселенцами, водворенными на казенныхъ земляхъ, по наемной и оброчной платѣ за эти земли.

б) По казеннымъ сборамъ, числящимся по прежнимъ обществамъ и переведеннымъ по мѣсту новой приписки переселенцевъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе ст. 726—733 и приложенія къ ст. 706-й (прим. 2-е) Свода Зак. Т. IX Зак. Сост., изд. 1899 г.

4. Сложить всю сумму числящейся на сельскомъ населеніи Алтайскаго округа вѣдомства Кабинета Нашего недоимки по взимавшейся въ пользу Кабинета подушной и оброчной податей.

5. Простить всѣ причитающіяся по 1-е января 1904 года недоимки по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣдлыми инородцами Кабинету Нашему.

6. Сложить недоимки по поземельному оброку, образовавшіяся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего за крестьянами изъ бывшихъ горнозаводскихъ людей и ихъ семействъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по уставнымъ грамотамъ и за пользованіе землями вообще сверхъ уставныхъ грамотъ.

7. Сложить изъ причитающихся къ поступленію въ казну суммъ по основному промысловому налогу (ст. 366—559 Свода Зак. Т. V, Уст. прям. налог., изд. 1903 г.), зачисленныхъ до 1-го января 1904 г. въ недоимки, за исключеніемъ предпріятій, обязанныхъ публичною отчетностью, а равно предпріятій, означенныхъ въ ст. 521-й Свода Зак. Т. V, Уст. прям. налог., изд. 1903 г.,—тѣ, которыя не превышаютъ пятидесяти рублей; суммы же недоимокъ, превышающія означенный размѣръ, уменьшить на пятьдесятъ рублей каждую.

8. Сложить недоимки по сбору съ паровыхъ котловъ, числившіяся по 1-е января 1904 г.

9. Простить невзысканныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего суммы портовыхъ сборовъ съ товаровъ и съ судовъ не свыше шестисотъ рублей на каждое отдѣльное лицо.

10. Простить невзысканныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего суммы судоходнаго и шоссейнаго казенныхъ сборовъ, а также мостового и сплавного сборовъ по губерніямъ Царства Польскаго не свыше 600 р. на каждое отдѣльное лицо.

III. Простить причитающіеся, но еще не начтенные или не пополненные по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего:

1. Всякаго рода штрафы и пени по взимаемымъ въ казну прямымъ налогамъ (ст. 1 Свода Зак. Т. V, Уст. прям. налог., изд. 1903 г.), кромѣ упомянутыхъ въ п. 2-мъ сей статьи III, а также по пошлинамъ крѣпостнымъ и съ безмезднаго перехода имуществъ.

2. Взысканія, не превышающія 600 руб., за нарушенія правилъ о государственномъ промысловомъ налогѣ (ст. 526—536 Свода Зак. Т. V, Уст. прям. налог., изд. 1903 г.); взысканія же, превышающія означенную сумму, уменьшить на 600 р. каждое.

3. Штрафы, не превышающіе 600 р., съ владѣльцевъ горныхъ заводовъ и промысловъ за совершенныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего нарушенія статей 153—155 Устава о промышленности (т. XI., ч. 2, изд. 1893 г.) и правилъ о сборѣ съ паровыхъ котловъ (Высочайше утвержденное 14-го марта 1894 г. мнѣніе государственнаго совѣта); штрафы же, превышающіе означенную норму, уменьшить на 600 р. каждый.

4. Взысканія за совершенныя по день рожденія Наслѣдника Престола

Нашего нарушенія Устава о гербовомъ сборѣ въ размѣрѣ не свыше 600 р. по каждому нарушенію; по взысканіямъ, превышающимъ означенную сумму, сложить 600 руб. по каждому нарушенію; таковыя же взысканія по нарушеніямъ, совершоннымъ до введенія въ дѣйствіе Устава о гербовомъ сборѣ 10-го іюня 1900 года, простить на всякую сумму.

5. Пени, причитающіяся по стт. 166 и 168 Уст. о герб. сб. (т. V Уст. пошл., изд. 1903 г.).

6. Пени, начисленныя за несвоевременный взносъ пособій государственному казначейству, причитавшихся за прежнее до 1-го января 1900 года время.

7. Начтенныя на частныхъ горнопромышленниковъ: а) пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы за площади, отведенныя подъ разработку ископаемыхъ, и за несвоевременный взносъ подати за добытую руду, и б) штрафы за нарушеніе Горнаго Устава.

8. Пени за несвоевременный взносъ подесятинной платы съ пріисковъ, расположенныхъ какъ на казенныхъ земляхъ, такъ и въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ вѣдомства Кабинета Нашего, въ мѣстностяхъ, гдѣ частная золотопромышленность допущена на общихъ основаніяхъ.

9. Тѣ части взысканій, не свыше 600 руб. съ каждаго лица, наложенныхъ на нарушителей Уставовъ о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ въ водахъ Каспійскаго моря по 1-е января 1903 г. и въ восточной части Закавказскаго края по 1-е января 1904 г., кои на основаніи примѣчанія 2-го къ ст. 646 и 769 Устава сельскаго хозяйства (Св. Зак. т. XII ч. 2, изд. 1893 года) слѣдуютъ къ поступленію въ доходъ казны.

10. Штрафы за неправильное вчинаніе тяжебъ и исковъ и слѣдующую въ пользу казны половину штрафовъ за неправую апелляцію.

11. Денежныя взысканія, опредѣленныя за пять и болѣе лѣтъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего по ст. 395 Устава о воинской повинности (Св. Зак. т. IV, изд. 1897 г.) съ семействъ евреевъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, на всякую сумму; изъ тѣхъ же взысканій, опредѣленныхъ въ позднѣйшее время и не поступившихъ къ сему дню,—суммы, не превышающія 300 руб.

IV. Сложить изъ недоимокъ по неокладнымъ сборамъ, кромѣ гербоваго, и по казенной продажѣ питей, а также пошлинамъ разныхъ наименованій и взысканіямъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе предыдущихъ статей II и III, а также по издержкамъ на содержаніе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны на счетъ виновныхъ кормовыхъ, прогоновъ и суточныхъ денегъ, образовавшихся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего, какъ числящихся, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ,—тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей; по недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

V. Дѣйствіе даруемыхъ въ стт. II, III и IV льготъ не распространяется:

а) На суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе, за исключеніемъ суммъ портоваго сбора, указанныхъ въ п. 9 ст. II.

б) На взысканія по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

в) На недоимки по патентнымъ и акцизнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ.

г) На капитальныя суммы пособій государственному казначейству, и

д) На недоимки третного жалованья состоящихъ на службѣ лицъ, получающихъ оное.

VI. Простить всѣ образовавшіяся по 1-е января 1904 г. недоимки на лицахъ, перебравшихъ пенсіи изъ казны, а равно содержаніе и пенсіи изъ заводскихъ суммъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, и на лицахъ, виновныхъ въ неправильной выдачѣ таковыхъ пенсій и содержанія, если противъ означенныхъ лицъ не возбуждено обвиненія въ причиненіи ими ущерба завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью.

VII. Сложить со счетовъ убытки, причиненные казнѣ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего неправильными назначеніями и выдачами отставнымъ нижнимъ чинамъ, ихъ женамъ и вдовамъ установленныхъ единовременныхъ и пожизненныхъ пособій, а также пятирублевыхъ въ мѣсяцъ пенсій за службу при Императорѣ Николаѣ I.

VIII. 1. Сложить образовавшіяся на разныхъ лицахъ, обществахъ и учрежденіяхъ и невысканныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего недоимки за леченіе, призрѣніе и содержаніе больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ, лазаретахъ, лечебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ, дворцоваго вѣдомства и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего, а также въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи,

представляющихъ на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта свои смѣтныя расписанія.

2. Сложить со счетовъ суммы, израсходованныя консулами за границею по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего на содержаніе, леченіе и возвращеніе въ Россію русскихъ мореходцевъ и зачтенныя или подлежащія зачету въ недоимку какъ за сими мореходцами, такъ и за судохозяевами.

IX. 1. Оставить безъ взысканія и сложить со счетовъ:

а) Причитающіяся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего къ поступленію въ казну или въ спеціальныя средства казенныхъ учебныхъ заведеній деньги за обученіе и пользованіе въ нихъ казеннымъ помѣщеніемъ.

б) Числящіяся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего въ недоимкѣ суммы, слѣдующія въ возмѣщеніе расходовъ по содержанію и обученію въ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ казны лицъ, не прослужившихъ впослѣдствіи установленныхъ для освобожденія отъ обязанности пополненія этихъ расходовъ сроковъ.

в) Накопившіяся за время до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего и невзысканныя по сей день недоимки въ платѣ за обученіе и воспитаніе въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, представляющихъ на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта свои смѣтныя расписанія.

г) Недоимки, числящіяся на служащихъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ по взносу платы за ученіе и содержаніе дѣтей ихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, находившихся въ вѣдѣніи Кабинета Нашего.

2. Освободить лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ и подвергающихся экзаменамъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ по 31-е декабря 1905 г. отъ взноса платы (20 р.) за испытаніе, въ случаѣ представленія ими отъ подлежащаго университета удостовѣренія о бѣдности.

X. 1. Освободить содержателей удѣльныхъ, Государевыхъ и дворцовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканій въ нижеслѣдующихъ размѣрахъ:

а) Сложить въ полной суммѣ съ арендаторовъ земельныхъ оброчныхъ статей сельскохозяйственнаго пользованія недоимки арендныхъ платежей, числившіяся къ 1-му января 1900 г. и невзысканныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего, а изъ образовавшихся послѣ указаннаго срока и невзысканныхъ по 1-е января 1904 г. — недоимки арендныхъ платежей въ размѣрѣ не свыше шестисотъ рублей на каждое лицо, если же означенныя оброчныя статьи находятся въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе трехъ лицъ, то по двѣсти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества, съ товариществъ же изъ двухъ лицъ по триста рублей съ каждаго лица.

б) Простить невзысканные по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего убытки, начеты и штрафы за неисполненіе или нарушеніе контрактныхъ условій пользованія оброчными статьями, а именно: за неправильную или излишнюю распашку земли, за посѣвъ неподлежащихъ хлѣбовъ и растеній, неудобреніе земли, непосадку деревьевъ, порубку произрастающихъ на статьяхъ лѣсныхъ насажденій, за разстройство строеній и всякаго рода сооруженій, за неправильное веденіе хозяйственныхъ счетовъ, несдачу принадлежащаго къ оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и т. п., въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо, если же статьи находились въ содержаніи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, а также товариществъ въ составѣ не менѣе шести лицъ, то по пятидесяти рублей съ каждаго домохозяина или члена товарищества, при составѣ же товарищества изъ пяти или менѣе лицъ—триста рублей со всего товарищества. Равнымъ образомъ не налагать взысканій по перечисленнымъ въ настоящемъ пунктѣ нарушеніямъ, произведеннымъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего.

в) Не взыскивать убытковъ, происшедшихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего отъ недодержанія оброчныхъ статей до окончанія контрактныхъ сроковъ и послѣдовавшаго затѣмъ уменьшенія арендной платы за эти статьи при новой ихъ переоброчкѣ, а равно не взыскивать убытковъ, понесенныхъ по таковымъ же оброчнымъ статьямъ по причинѣ отказа съемщиковъ отъ заключенія контрактовъ, за исключеніемъ той части убытковъ, которую возможно покрыть удержаніемъ залоговъ содержателей.

г) Сложить съ бывшихъ и настоящихъ арендаторовъ оброчныхъ статей не взысканныя съ нихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего пени за несвоевременный взносъ какъ арендныхъ платежей, такъ и платы по содержанію соляныхъ источниковъ, смолокуренныхъ и дегтярныхъ заведеній.

2) Дарованныя б и г п. 1 настоящей статьи X льготы распростра-

нить и на содержателей казенныхъ имѣній всѣхъ наименованій и оброчныхъ статей.

3. Сложить числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего въ недоимкѣ штрафы, наложенные на пріобрѣтателей казенныхъ лѣсныхъ матеріаловъ за просрочку взноса причитающихся съ нихъ платежей, и возвратить этимъ лицамъ изъ представленныхъ ими залоговъ суммы, остающіяся свободными за покрытіемъ убытковъ, причиненныхъ ихъ неисправностью казнѣ.

XI. Предоставить по возврату ссудъ, произведенныхъ въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Сложить сполна долги, образовавшіеся за сельскимъ населеніемъ генералъ-губернаторствъ Степного, Иркутскаго и Приамурскаго и губерній Тобольской и Томской по ссудамъ, выданнымъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей изъ казны и общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Вмѣстѣ съ симъ предоставляемъ министру финансовъ совмѣстно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ войти въ ближайшее соображеніе о дарованіи сельскому населенію Имперіи дальнѣйшихъ облегченій по уплатѣ продовольственныхъ и по обсѣмененію полей долговъ и свои по сему предмету предположенія представить Намъ въ установленномъ порядкѣ.

2. Сложить со счетовъ до пятидесяти рублей на каждое семейство переселенцевъ по ссудамъ путевымъ и на хозяйственное устройство, выданнымъ переселенцамъ разныхъ наименованій.

3. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего:

а) Долги казнѣ и капиталу, оставшемуся послѣ бывшаго особаго комитета для оказанія вспомоществованія населенію, пострадавшему отъ неурожаевъ 1891 и 1892 гг., на лицахъ, коимъ по случаю неурожая выданы были въ ссуду отъ правительства лошади или деньги на покупку лошадей.

б) Долги казнѣ за розданныхъ пострадавшему отъ неурожая 1898 года населенію нѣкоторыхъ губерній лошадей и по ссудамъ, выданнымъ по случаю того же неурожая на прокормъ рабочаго скота, а также по ссудамъ, выданнымъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го марта 1900 г. населенію Бессарабской губерніи на покупку рабочаго скота.

4. Простить и со счетовъ сложить числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ вслѣдствіе неурожаевъ изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства арендаторамъ удѣльныхъ земельныхъ оброчныхъ статей въ 1891 и 1892 годахъ.

5. Сложить сполна числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего долги по ссудамъ, которыя были выданы изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства переселившимся на удѣльныя земли и нынѣ на нихъ проживающимъ въ качествѣ арендаторовъ лицамъ, товариществамъ и обществамъ въ видѣ пособія на переѣздъ съ прежняго мѣста жительства и на продовольствіе.

6. Ссуды, выданныя сельскому населенію Алтайскаго округа на продовольствіе и обмѣненіе полей, по случаю неурожаевъ 1900—1901 гг., въ части, остающейся непогашенною, простить и со счетовъ сложить.

7. Не подвергать взысканію неотработанные и невозвращенные ко дню рожденія Наслѣдника Престола Нашего задатки и припасы натурой, выданные впередъ рабочимъ и мастеровымъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно заводовъ, рудниковъ и пріисковъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего по разнымъ случаямъ и въ счетъ заработковъ, а также сложить образовавшіеся по сей день на мастеровыхъ и рабочихъ разныхъ сословій и нижнихъ служителяхъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ, равно заводовъ, рудниковъ и пріисковъ Алтайскаго и Нерчинскаго Округовъ вѣдомства Кабинета Нашего долги какъ по личному найму, такъ и по поставкамъ и перевозкамъ разнаго рода матеріаловъ и припасовъ на сумму не свыше ста пятидесяти рублей съ каждаго въ отдѣльности или съ каждой артели; по недоимкамъ же въ сихъ долгахъ на большую сумму исключить по ста пятидесяти рублей по каждой статьѣ.

8. Сложить по Алтайскому и Нерчинскому округамъ вѣдомства Кабинета Нашего долги съ подрядчиковъ, образовавшіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего при неисполненіи ими подрядовъ поставки матеріаловъ и припасовъ, земляныхъ работъ, перевозки рудъ, угля и проч., на сумму не свыше пятидесяти руб. съ каждаго въ отдѣльности.

9. Проценты, накопившіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего на стоимость выданнаго въ долгъ лѣса изъ имѣній вѣдомства Кабинета Нашего, простить и исключить изъ счетовъ.

10. По ссудамъ, выданнымъ изъ казны городамъ и земствамъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и по закону 8-го февраля 1899 г. на выполненіе смѣтныхъ расходовъ, на устройство и улучшеніе путей сообщенія, на постройку зернохранилищъ, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ и устройство

дамбъ и мостовъ, простить и со счетовъ сложить числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего проценты за просрочку платежей; по ссудамъ же, выданнымъ на борьбу съ эпидеміями и эпизоотіями, сложить, кромѣ процентовъ за просрочку, и всѣ недоимки.

11. Простить и изъ счетовъ исключить сумму пени, накопившуюся ко дню рожденія Наслѣдника Престола Нашего на владѣльцахъ подуховныхъ имѣній въ губерніяхъ Царства Польскаго за несвоевременный взносъ срочныхъ платежей по купчепродажнымъ долгамъ за означенныя имѣнія.

XII. Оставить безъ взысканія денежныя суммы, отпущенныя Главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства частнымъ лицамъ и обществамъ на выдачу денежныхъ и матеріальныхъ (медалями и вещами) премій и призовъ на выставкахъ рысистыхъ и скаковыхъ испытаній до 1903 г., въ израсходованіи коихъ не доставлено оправдательныхъ документовъ.

XIII. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ невзысканные еще по службѣ какъ казенные, такъ и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи начеты (зачисленные въ недоимку и не зачисленные), ущербы и утраты, а равно переборы, образовавшіеся отъ неправильной выдачи служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ лицамъ разныхъ видовъ личнаго денежнаго довольствія (жалованья, столовыхъ, квартирныхъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогоновъ и т. п.), когда сіи начеты, ущербы, утраты и переборы причинены такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего:

1. Тѣ начеты, ущербы, утраты и переборы, по которымъ дѣла ко дню рожденія Наслѣдника Престола Нашего еще окончательно не разсмотрѣны или не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составляетъ не болѣе шестисотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

2. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, кои ранѣе дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего уже предписаны ко взысканію и дѣла по коимъ окончательно разсмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ пополненіемъ, обращеніемъ взысканныхъ суммъ въ доходъ казны или сложеніемъ не превышаютъ какъ общею суммою, такъ и по раскладкѣ ихъ на отвѣтственныя лица, шестисотъ рублей съ каждаго лица.

3. Изъ начетовъ, ущербовъ, утратъ и переборовъ, превышающихъ означенную въ предыдущихъ пунктахъ 1 и 2 настоящей статьи XIII сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, шестьсотъ рублей.

4. Начеты за выдачи безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка наградъ и пособій всякаго рода какъ изъ остатковъ отъ канцелярскихъ и штатныхъ суммъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ, произведенные до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, оставить безъ преслѣдованія на всякую сумму. Дѣйствіе сего п. 4-го распространяется также и на случай выдачи наградъ и пособій изъ суммъ и не назначенныхъ на этотъ предметъ или имѣвшихъ иное спеціальное назначеніе, съ тѣмъ, чтобы сумма слагаемаго взысканія ограничивалась шестью стами рублями по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени.

5. По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ вдвое,—взыскать только одну капитальную сумму.

6. Процентовъ, гдѣ таковые за нарушеніе интересовъ казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи полагаются и кои еще не поступили, куда слѣдовало, не взыскивать за время до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, независимо отъ суммы ихъ, и ограничить взысканіе въ сихъ случаяхъ одною лишь капитальною суммой причиненнаго казнѣ или вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи ущерба.

7. Всѣ денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ, простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которыя, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

8. Всѣ начеты, подлежащіе пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности или неразысканія прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ, утратамъ и переборамъ, причиненнымъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, сложить безъ ограниченія суммы.

9. Всѣ по службѣ начеты, убытки, ущербы и переборы, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ, оставить безъ преслѣдованія.

10. Простить и не взыскивать начтенные на должностныхъ лицъ или съ нихъ причитающіеся, но еще не поступившіе до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, штрафы, независимо отъ суммы ихъ, за нарушеніе правилъ Устава о гербовомъ сборѣ, взыскавъ въ сихъ случаяхъ лишь ординарную сумму гербоваго сбора въ той части ея, которая не подходитъ подъ дѣйствіе п. п. 1—3 настоящей статьи XIII.

11. Сложить со счетовъ всѣ числящіеся по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего за служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, безъ ограниченія размѣра, начеты, возникшіе изъ дѣлъ по недоборамъ и вообще вслѣдствіе неправильнаго примѣненія тарифа и правилъ перевозки. Равнымъ образомъ, сложить со счетовъ всѣ, безъ ограниченія размѣра, числящіяся за тѣми же служащими суммы по выправкамъ службъ сборовъ по однороднымъ дѣламъ, касающимся перевозокъ, совершонныхъ до того же дня.

12. Простить и сложить начеты, образовавшіеся вслѣдствіе выдачи разныхъ видовъ усиленнаго личнаго денежнаго довольствія должностнымъ лицамъ, назначеннымъ на службу въ отдаленныя мѣстности Имперіи и не прослужившимъ впослѣдствіи въ сихъ мѣстностяхъ установленныхъ для пользованія такимъ довольствіемъ сроковъ.

13. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ денежныя взысканія по дѣйствіямъ или упущеніямъ, которыя послѣдовали до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего:

а) Суммы, числящіяся, на основаніи ст. 19-й закона 6-го января 1903 г. объ учрежденіи казенныхъ золотосплавочныхъ лабораторій, долгомъ на должностныхъ лицахъ за допущенныя послѣдними при разсчетахъ по выдачѣ ассигновокъ за представленное въ лабораторіи золото переплаты.

б) Штрафы, начтенные на должностныхъ лицъ по неправильному примѣненію таможеннаго тарифа.

в) Всѣ начеты, произведенные по казеннымъ и частнымъ спирто-очистительнымъ заводамъ по превышенію установленныхъ нормъ тратъ въ казенномъ спиртѣ, взыскавъ съ отвѣтственныхъ лицъ лишь причиненные казнѣ убытки по средней заготовительной цѣнѣ спирта, если при томъ будетъ доказано, что превышеніе нормъ таковыхъ тратъ произошло не по винѣ сихъ лицъ.

г) Начеты на всякую сумму, произведенные на администрацію казенныхъ винныхъ складовъ по превышенію при производствѣ казенной винной операціи нормъ тратъ спирта, вина, стеклянной посуды и другихъ матеріаловъ, если будетъ доказано, что превышеніе таковыхъ тратъ произошло не по винѣ администраціи склада.

14. Всякіе штрафы и пени по дѣламъ, не связаннымъ съ ущербомъ казны или вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, наложенные, но еще до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего не взысканные, а равно и тѣ, кои будутъ слѣдовать ко взысканію за неисправности и упущенія по службѣ, совершонныя до сего дня, въ томъ числѣ штрафы и пени за недоставленіе въ установленный срокъ отчетности, документовъ и проч., а равно слѣдующіе на основаніи ст. 30-й Положенія о контролѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи,—простить и не взыскивать.

15. Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи XIII не распространять: а) на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи правительства, но имѣющія спеціальное назначеніе, за исключеніемъ однако суммъ поступающаго въ спеціальныя средства министерства внутреннихъ дѣлъ процентнаго сбора съ гуртовъ рогатаго скота и сбора со скотовладѣльцевъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. По сборамъ этимъ оставить безъ преслѣдованія и взысканія начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ за произведеннымъ уже взысканіемъ или по раскладкѣ ихъ на разныя лица не превышаютъ съ каждаго шестисотъ рублей и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего; б) на благотворительные и спеціальные капиталы, на суммы, находящіяся въ распоряженіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, но ему не принадлежащія, составляющія частную собственность (залоги и пенсіи воспитываемыхъ, залоги подрядчиковъ и проч.); в) на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно; г) на причинившихъ ущербъ казнѣ или учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и д) на дѣй-

ствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню рожденія Наслѣдника Престола Нашего.

16. Всѣ начеты по ревизіи отчетности за китайскую экспедицію 1900 г. за переборъ жалованія, столовыхъ, морского довольствія, пассажирскихъ денегъ, суточныхъ, порціонныхъ, прогонныхъ денегъ и иныхъ видовъ личнаго довольствія, упадающіе на офицеровъ и врачей частей войскъ и флота, а также офицерскихъ и классныхъ чиновъ административнаго состава военнаго и морского вѣдомствъ, принимавшихъ въ сей экспедиціи участіе, —сложить безъ ограниченія суммы по дѣламъ, какъ окончательно разсмотрѣннымъ, такъ и находящимся въ производствѣ. Новыхъ дѣлъ по взысканію начетовъ этого рода за время означенной экспедиціи не возбуждать.

Изъ начетовъ за время той же экспедиціи по перетребованію разныхъ видовъ денежнаго и матеріальнаго довольствія войскъ и судовыхъ командъ, когда начеты сіи слѣдуютъ къ пополненію изъ экономическихъ или хозяйственныхъ суммъ частей войскъ и судовыхъ командъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, сложить тѣ, которые не превышаютъ 1,200 р. на каждую часть и по каждому виду довольствія. Изъ начетовъ, превышающихъ эту сумму, сложить по 1,200 р. съ каждой части войскъ по каждому виду довольствія.

Дѣла объ убыткахъ казны отъ неправильнаго или небрежнаго храненія казеннаго имущества въ продовольственныхъ, вещевыхъ и иныхъ матеріальныхъ складахъ на театрѣ бывшей китайской экспедиціи 1900 г. и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Имперіи, объявленныхъ на военномъ положеніи, прекратить, если по дѣламъ симъ не возникаетъ обвиненія въ растратѣ, а также въ причиненіи ущерба казнѣ завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью,—и убытки тѣ оставить безъ преслѣдованія.

17. Прекратить всѣ возбужденныя государственнымъ контролемъ дѣла объ убыткахъ казны, происшедшихъ вслѣдствіе отнесенія по существу правильныхъ расходовъ на неподлежащія смѣтныя подраздѣленія государственной росписи, если по симъ дѣламъ не возникаетъ обвиненій въ растратахъ или въ злоумышленіи съ причиненіемъ ущерба казнѣ съ завѣдомо корыстною или иною противозаконною цѣлью, и оставить означенные убытки безъ преслѣдованія.

18. Дарованныя пп. 7 и 8 настоящей ст. XIII милости распространяются на поименованныхъ въ нихъ лицъ, хотя бы и привлекаемыхъ къ отвѣтственности за похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ какого-либо рода собственность или причинившихъ казнѣ или симъ установленіямъ ущербъ съ завѣдомо корыстною или преступною цѣлью, но относительно наслѣдниковъ прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ прощаются тѣ лишь начеты, которые, за неимѣніемъ у нихъ иного имущества, падаютъ на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ; въ остальномъ такіе наслѣдники пользуются льготою, опредѣляемою ст. XXII сего Манифеста.

19. Дѣйствіе предыдущихъ пунктовъ настоящей ст. XIII распространить на лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, а также на частныхъ врачей, ветеринаровъ и студентовъ, командированныхъ временно для прекращенія эпидемій и эпизоотій и по другимъ случаямъ.

XIV. Принять на государственное казначейство расходы по воспитанію и обезпеченію судьбы осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ войну съ Японіей. Главнымъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ незамедлительно представить Намъ соображенія по осуществленію сего какъ мѣрами правительства, такъ и воспособленіемъ изъ средствъ казны благотворительной дѣятельности общественныхъ и частныхъ учрежденій, къ той же цѣли направленной.

XV. Семьямъ врачей, которые, состоя на общественной службѣ, принимали участіе въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями и, заразившись отъ нихъ, пожертвовали жизнь свою на пользу государства, предоставить право на полученіе пенсій изъ государственнаго казначейства на основаніяхъ, опредѣленныхъ ст. 608 Свод. Зак. т. III Уст. Пенс., изд. 1896 г.

XVI. Освободить отъ всякой отвѣтственности военнослужащихъ, вступившихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего въ бракъ съ нарушеніемъ установленныхъ на сей предметъ спеціальныхъ воинскихъ правилъ.

XVII. Дѣтямъ, рожденнымъ отъ законнаго брака лицъ, лишенныхъ по суду правъ состоянія, если эти лица возстановлены затѣмъ въ такихъ правахъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего или въ силу сего Манифеста, даруемъ тѣ же права состоянія, которыми они пользовались бы въ случаѣ рожденія ихъ послѣ помилованія ихъ родителей.

XVIII. Возстановить право на полученіе легитимаціонныхъ билетовъ лицамъ, лишеннымъ сего права на основаніи п. 2-го ст. 1510 Уст. Таможенн.

(Свод. Зак. т. VI, изд. 1892 г.), буде они въ теченіе 10-ти лѣтъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего не подверглись никакимъ взысканіямъ за нарушеніе постановленій Устава Таможеннаго.

XIX. Лицамъ, учинившимъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Всѣхъ совершившихъ преступныя дѣянія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше 300 руб., арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или служебныя взысканія, въ пп. 2—9 ст. 65-й Улож. Наказ. (Сводъ Зак. т. XV, изд. 1885 г.) исчисленныя, всѣхъ виновныхъ въ учиненіи лѣсоистребленій и другихъ нарушеній правилъ о лѣсахъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, постановленій о лѣсахъ княжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ Кабинета Нашего и правилъ о сбереженіи лѣсовъ (Свод. Зак. т. XV, Уст. Нак. стт. 57^2, 57^3, 57^4, 57^5 и 57^6, по прод. 1902 г. и Высочайше утвержденное 7-го апрѣля 1897 г. мнѣніе Государственнаго совѣта), хотя бы таковыя лица подлежали за сіи дѣянія денежнымъ взысканіямъ свыше трехсотъ рублей, противу коихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленныя за сіи дѣянія судомъ взысканія отъ суда и наказанія, равно и отъ предусмотрѣннаго статьею 158^1 Уст. Нак. (по прод. 1902 г.) взысканія двойной стоимости похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса, или противузаконно заготовленныхъ лѣсныхъ издѣлій,—освободить.

2. Простить всѣхъ совершившихъ присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше тысячи рублей, осужденныхъ за сіе преступленіе или отбывающихъ за оное наказаніе, если присвоенное и растраченное полностью возвращено ими до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего.

3. Освободить отъ суда и наказанія лицъ, виновныхъ въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ статьями 193, 194, 194^1 и 1575 Улож. о Наказ. (Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.).

4. Всѣмъ совершившимъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего болѣе тяжкія, чѣмъ указанныя въ п. 1 сей статьи XIX, преступныя дѣянія, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости безъ лишенія правъ состоянія или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно всѣмъ присужденнымъ къ симъ наказаніямъ и отбывающимъ оныя уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на двѣ трети.

5. Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего на основаніи судебнаго приговора (или по распоряженію ихъ начальства) взысканіямъ, въ пп. 2—9 ст. 65 Улож. Наказ. (Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 г.) исчисленнымъ, не считать таковыя взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службы и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службы и ордена св. Владиміра за выслугу лѣтъ.

6. Лицъ должностныхъ, исключенныхъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего изъ службы (п. 1 ст. 65-й Свод. Зак. т. XV, Улож. Наказ., изд. 1885 г.) за преступленія, не изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ содѣянныя, считать отрѣшенными отъ должности, а подлежащихъ исключенію изъ службы за такія же преступленія, совершонныя по указанный выше день, отрѣшить отъ должности.

7. Лицъ должностныхъ, осужденныхъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего за упомянутыя въ п. 6 настоящей статьи XIX преступныя дѣянія по службѣ къ временному заключенію въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 50-я Свод. Зак. т. XV, Улож. Наказ. изд. 1885 г.), независимо отъ сокращенія на одну треть срока заключенія, согласно п. 13-му настоящей статьи XIX, считать, взамѣнъ исключенія изъ службы, отрѣшенными отъ должности.

8. Лицамъ должностнымъ, коп за, учиненныя, ими по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего преступныя дѣянія, не подходящія подъ дѣйствіе предшествующихъ пп. 6 и 7 ст. XIX, будутъ присуждены къ исключенію изъ службы или понесли уже за означенныя дѣянія сіе наказаніе, а равно отрѣшеннымъ или удаленнымъ отъ должности, съ воспрещеніемъ впредь поступать на службу или занимать такія же или подобныя должности, предоставить, по истеченіи 10-ти лѣтъ со времени вступленія приговора о нихъ въ

законную силу, право вновь поступить на государственную и общественную службу или занять прежнія ихъ должности.

9. Освободить отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленіе или проступокъ, подсудные волостному суду, противъ коихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего не было возбуждено преслѣдованія или не послѣдовало рѣшенія суда, или рѣшеніе не приведено въ исполненіе, или кои нынѣ отбываютъ наложенное волостнымъ судомъ наказаніе.

10. Со всѣхъ приговоренныхъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего къ денежному взысканію, не превышающему трехсотъ руб. и поступающему въ пользу казны, удѣловъ, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, или въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія, о коихъ приговоръ вошелъ въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, сіе взысканіе сложить. Всѣмъ же совершившимъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего дѣянія, за которыя опредѣлено, какъ наказаніе, денежное взысканіе свыше 300 рублей, подлежащее обращенію въ тѣ же источники, назначать оное съ уменьшеніемъ на 300 рублей.

11. За совершонныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего дѣянія, подлежащія такимъ денежнымъ взысканіямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣловъ, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего, а равно въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія, б) мірскіе и в) образуемые на основаніи ст. 736 Уст. Горнаго (Свод. Зак. т. VII, по прод. 1902 г.) и ст. 861 Уст. Лѣсного (Свод. зак. т. VIII, ч. 1, изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, личному задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработки не подвергать; тѣхъ же, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взамѣнъ означенныхъ выше денежныхъ взысканій, отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

12. Милости, даруемыя пп. 1, 4, 5, 9, 10 и 11 настоящей статьи XIX, не распространяются на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, мздоимство и лихоимство, на впавшихъ по неосторожности въ торговую несостоятельность, на учинившихъ преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе, на подлежащихъ тюремному заключенію взамѣнъ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія, а равно на совершившихъ дѣянія (кромѣ нарушеній правилъ о сбереженіи лѣсовъ), по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣловъ, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы: а) на устройство мѣстъ заключенія и б) образуемый на основаніи ст. 736 Уст. Горнаго (Сводъ Зак. т. VII по прод. 1902 г.). Совершившимъ же по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего упомянутыя въ семъ п. 12 дѣянія, а равно осужденнымъ и отбывающимъ наказаніе за таковыя,—уменьшить назначаемые или опредѣленные судомъ размѣры наказанія на одну треть.

13. Учинившимъ преступныя дѣянія, за кои они по приговору суда будутъ подлежать заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ исправительномъ домѣ съ лишеніемъ и безъ лишенія правъ состоянія, или въ тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ состоянія, на основаніи постановленій Высочайше утвержденнаго въ 22-й день марта 1903 года Уголовнаго Уложенія, а равно всѣмъ, приговореннымъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего къ таковымъ наказаніямъ или уже отбывающимъ оныя, уменьшить размѣръ наказанія на одну треть.

14. Освобожденіе за силою сего Манифеста отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора, отъ уплаты присужденныхъ, въ возмѣщеніе расходовъ казны, судебныхъ издержекъ, если таковыя не подлежатъ сложенію вполнѣ или частью по предыдущимъ статьямъ сего Манифеста, и не освобождаетъ отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости, а также обязанности исправленія или уничтоженія всего допущеннаго вопреки требованіямъ закона. Дѣла о нарушеніяхъ Лѣснаго Устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію по установленнымъ для того правиламъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ при томъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

15. Освобожденнымъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего отъ заключенія, съ отдачею подъ особый надзоръ мѣстной полиціи, сократить опредѣленный по ст. 48-й и 49-й Улож. о наказ. (Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 г.) или на основаніи ст. 58[1] Улож. о наказ. Св. Зак. т. XV по прод. 1902 г. (п. 4 отд. III лит. А Высочайше утвержденнаго 10-го іюня

1900 года мнѣнія Государственнаго совѣта) срокъ такового надзора на одну треть.

16. Лицамъ, сосланнымъ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, даровать—для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, по истеченіи семи лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь, по истеченіи восьми лѣтъ со времени прибытія ихъ въ мѣсто ссылки, право свободнаго избранія мѣста жительства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, съ воспрещеніемъ имъ однако въ теченіе трехъ лѣтъ жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, но безъ возстановленія въ правахъ. Сосланнымъ на житье въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи съ заключеніемъ или. вмѣсто онаго, съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства мѣстѣ, сверхъ того, сократить время заключенія или безотлучнаго пребыванія на одну треть.

17. Лицамъ, учинившимъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, а равно приговореннымъ къ сему наказанію или отбывающимъ оное; лицамъ, перешедшимъ понынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, а равно имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ названный разрядъ, если они совершили преступленіе до указаннаго выше дня, сокращать 10-ти и 15 тилѣтній сроки для перечисленія въ крестьяне: первый—до четырехъ, а второй—до шести лѣтъ, а ссыльно-поселенцамъ, пробывшимъ въ ссылкѣ не менѣе девяти лѣтъ, разрѣшать избраніе мѣста жительства, съ воспрещеніемъ имъ въ теченіе пяти лѣтъ жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, съ отдачею ихъ на тотъ же срокъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые подлежатъ дѣйствію Уложенія о наказаніяхъ, изд. 1885 года, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43-й того же Уложенія всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, однако безъ возстановленія правъ по имуществу. Означенныя выше льготы не распространяются на лицъ, совершившихъ преступленія, предусмотрѣнныя ст. 197 и 200—204 Улож. о наказ., Свод. Зак. т. XV, изд. 1885 года.

18. Присужденнымъ къ временнымъ заводскимъ и каторжнымъ работамъ уменьшать назначенные судомъ сроки сихъ работъ на половину, безсрочную же каторгу замѣнять срочною на четырнадцать лѣтъ. Милость эта распространяется также на лицъ, которыя будутъ приговорены къ означенному наказанію за преступленія, учиненныя до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего.

19. Милости, дарованныя пп. 16, 17 и 18-мъ настоящей ст. XIX, распространить и на лицъ, понесшихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего послѣдовавшимъ, исчисленныя въ сихъ статьяхъ наказанія, взамѣнъ опредѣленныхъ имъ по суду болѣе строгихъ взысканій.

20. Осужденныхъ или подлежащихъ осужденію за преступленія, содѣянныя по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторгу на срокъ менѣе четырехъ лѣтъ, — отъ каторжныхъ работъ освободить, съ перечисленіемъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и съ примѣненіемъ къ нимъ милостей, дарованныхъ п. 17-мъ настоящей ст. XIX.

21. Ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, подлежащихъ на основаніи Устава о ссыльныхъ, за дѣянія, учиненныя до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, наказанію розгами или особымъ взысканіямъ, установленнымъ взамѣнъ тѣлесныхъ наказаній, ст. 464 Уст. ссыльн. (Св. Зак. т. XIV по прод. 1902 г.) и Высочайше утвержденнымъ 2-го іюня 1903 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, отъ сихъ наказаній освободить.

22. Ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, учинившихъ побѣгъ съ мѣста поселенія или съ каторги и не совершившихъ при этомъ, а равно во время нахожденія въ бѣгахъ, инаго преступленія, въ томъ случаѣ, если они въ теченіе года со дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего добровольно возвратятся изъ бѣговъ или же явятся съ повинною къ начальству въ мѣстѣ ихъ пребыванія, наказанію за побѣгъ не подвергать, а только обратить ихъ въ то положеніе, въ коемъ находились они до побѣга, съ зачисленіемъ въ срокъ опредѣленнаго имъ наказанія той части онаго, которая уже отбыта ими до побѣга, и съ примѣненіемъ къ нимъ милостей, дарованныхъ п. 17-мъ сей ст. XIX.

23. Лицамъ, коимъ дарованы уже предшествовавшими Всемилостивѣйшими манифестами облегченія участи, означенныя въ пп. 16, 17 и 18-мъ ст. XIX, сократить срокъ пребыванія въ ссылкѣ и въ каторжныхъ работахъ еще на одинъ годъ.

24. Льготы, даруемыя настоящимъ Манифестомъ каторжнымъ, ссыльно-

поселенцамъ, сосланнымъ на житье арестантамъ разряда исправительныхъ отдѣленій и отбывающимъ тюремное заключеніе, не ограничиваютъ правъ названныхъ лицъ на сокращеніе сроковъ и на преимущества, предоставленныя имъ Высочайше утвержденными 7-го мая 1894 г. и 9-го мая 1895 г. правилами о привлеченіи арестантовъ и ссыльныхъ на работы по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, а также Высочайшимъ повелѣніемъ, воспослѣдовавшимъ въ 4-й день марта 1904 г. о предоставленіи ссыльнымъ о. Сахалина, зачисленнымъ въ вольныя дружины, льготъ по отбыванію опредѣленныхъ имъ наказаній.

25. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію и кои учинены до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовными установленные, на одну треть, если только означенные сроки не были уже сокращены по силѣ предшествовавшихъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ.

26. Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ пп. 16, 17, 18, 19, 20 и 23 ст. XIX, предоставить, по принадлежности, Намѣстнику Нашему на Дальнемъ Востокѣ, иркутскому военному генералъ-губернатору и мѣстнымъ губернаторамъ, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

XX. Предоставляемъ министру внутреннихъ дѣлъ лицъ, опороченныхъ присужденіемъ ихъ къ тѣлесному наказанію по приговорамъ волостныхъ судовъ, состоявшимся до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, въ случаѣ послѣдующаго одобрительнаго ихъ поведенія возстановлять въ утраченномъ ими по ст. 182 п. 2 Свод. Зак. т. IX Особ. Прил. Зак. сост. (1 Общ. Пол.), изд. 1902 г., правѣ на занятіе должностей крестьянскаго общественнаго управленія.

XXI. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыя они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ, освободить отъ таковаго взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми же изъятіями, которые опредѣлены въ пунктахъ 1, 9 и 11 ст. XIX сего Манифеста, если только взысканія сіи не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

XXII. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ отъ денежной передъказной отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего истекло десять лѣтъ.

XXIII. Лѣсныхъ чиновъ и стражей лѣсовъ государственныхъ, лѣсного и горнаго вѣдомствъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, а равно лѣсовъ Княжества Ловичскаго и Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ Кабинета Нашего или, при несостоятельности сихъ послѣднихъ, крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ, за недосмотръ неизвѣстно кѣмъ совершонныхъ до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего лѣсопотребленій или другихъ нарушеній дѣйствующихъ по отношенію къ тѣмъ лѣсамъ законоположеній и правилъ,—отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому-либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

XXIV. Освободить отъ суда и наказанія учинившихъ, до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, самовольную добычу на земляхъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ вѣдомства Кабинета Нашего каменнаго угля, камней, песку, глины и пр.

XXV. Освободить какъ отъ взысканій, такъ и отъ слѣдствія и суда лицъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности, если они явились до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего или явятся не позднѣе какъ въ теченіе одного года отъ сего дня.

XXVI. Проживающихъ за границей русскихъ подданныхъ, подлежащихъ отвѣтственности по статьямъ 325 и 326 Улож. Наказ. (Свод. Зак. Т. XV, изд. 1885 г.), повелѣваемъ наказанію, опредѣленному сими статьями, не подвергать, подчинивъ лишь, по возвращеніи въ Россію, надзору полиціи на два года.

XXVII. Туземцамъ Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного края, высланнымъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего по распоряженію начальства за совершеніе общеуголовныхъ преступленій и порочное поведеніе и водворенныхъ въ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи, къ коимъ не были примѣнены предшествующіе Манифесты, даровать, при условіи одобрительнаго поведенія ихъ въ ссылкѣ: для высланныхъ безсрочно—по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, для высланныхъ на срокъ, превышающій пять лѣтъ,—по истеченіи пяти лѣтъ, а для высланныхъ на пять и менѣе лѣтъ—по истеченіи половины опредѣленнаго срока ссылки,—освобожденіе

отъ надзора полиціи и право избранія мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ губерній и края, откуда высланы (Кавказскаго, Туркестанскаго или Степного), для разрѣшенія жительства въ которомъ должно быть получено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное согласіе высшаго мѣстнаго начальства. Тѣмъ же изъ высланныхъ, коимъ срокъ ссылки уже сокращенъ за примѣненіемъ предшествующихъ Манифестовъ,— сократить срокъ таковой на одинъ годъ.

XXVIII. 1. Лицамъ, сосланнымъ за порочное поведеніе въ административномъ порядкѣ по приговорамъ сельскихъ обществъ, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшить дозволенный имъ закономъ (ст. 23 прилож. къ ст. 205 Т. XIV Уст. Пред. Прес. по прод. 1902 г.) переходъ въ другія губерніи и общества, не исключая и тѣхъ, изъ коихъ они были удалены, но при условіи, въ семъ послѣднемъ случаѣ, согласія министра внутреннихъ дѣлъ.

2. Лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ мѣщанскихъ обществъ, а равно непринятымъ сельскими и мѣщанскими обществами въ свою среду, по отбытіи наказанія за учиненныя ими преступленія, разрѣшить переходъ въ другія губерніи и общества, не исключая и тѣхъ, изъ коихъ они были высланы, но для крестьянъ — при условіи одобрительнаго поведенія и, въ случаѣ возвращенія въ ту губернію и крестьянское общество, изъ коихъ они были удалены, сверхъ того, съ дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ.

XXIX. Не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ пп. 1, 4, 13, 16—23 статьи XIX настоящаго Манифеста, лицамъ, учинившимъ общеуголовные преступленія и проступки:

1) Разрѣшаемъ министру юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, о тѣхъ, учинившихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего преступленія государственныя, кои, по свойству ихъ вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ, заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенныхъ пп. 1, 4, 13, 16—23 ст. XIX указанные, входить съ особыми всеподданнѣйшими докладами, а равно представлять на благовоззрѣніе Наше ходатайства о возстановленіи въ прежнихъ правахъ происхожденія тѣхъ бывшихъ ссыльныхъ, кои, по окончаніи срока обязательнаго пребыванія въ Сибири, отличались безупречнымъ поведеніемъ и трудовымъ образомъ жизни.

2) Примѣненіе милостей, указанныхъ въ пп. 16, 17, 18, 19, 20 и 23 ст. XIX, къ лицамъ, отбывающимъ наказанія за государственныя преступленія, предоставляемъ намѣстнику Нашему на Дальнемъ Востокѣ, иркутскому военному генералъ-губернатору и мѣстнымъ губернаторамъ, по принадлежности, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ, но безъ сокращенія срока воспрещенія жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, когда такое сокращеніе не установлено въ законѣ.

3) Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія (ст. 68 Угол. Улож. 1903 г.), кои по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повелѣваемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовнаго преслѣдованія не возбуждать.

4) Повелѣваемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ стт. 103, 104, 106 и 107 Угол. Улож. 1903 г., кои по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровавъ осужденнымъ къ лишенію правъ, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права, имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ по имуществу.

5) Лицъ, подвергнутыхъ въ порядкѣ ст. 1035 Уст. Угол. Суд. (Свод. Зак. т. XVI ч. 1 изд. 1892 г.) или стт. 32—36 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. 1-е къ ст. 1 (прим. 2-е) Свод. Зак. т. XIV, Уст. Пред. Прест., изд. 1890 г.) административнымъ взысканіямъ и не достигшихъ совершеннолѣтія по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего, повелѣваемъ отъ дальнѣйшаго отбыванія наказанія освободить.

6) Лицъ, подвергнутыхъ въ томъ же порядкѣ аресту, тюремному заключенію не свыше шести мѣсяцевъ, ограниченію въ правѣ избранія мѣста жительства не свыше одного года или гласному надзору полиціи также не свыше одного года,—повелѣваемъ отъ дальнѣйшаго отбыванія наказанія освободить.

7) Лицамъ, подвергнутымъ въ томъ же порядкѣ тюремному заключенію свыше шести мѣсяцевъ, ограниченію въ правѣ избранія мѣста жительства

свыше одного года или гласному надзору полиціи также свыше одного года, сократить срокъ взысканія на одну треть по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи отбывающаго взысканіе.

8) Примѣненіе милостей, указанныхъ въ п. 7. настоящей ст. XXIX, предоставляемъ Намѣстнику Нашему на Дальнемъ Востокѣ, главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, генералъ-губернаторамъ, войсковому наказному атаману Войска Донскаго, губернаторамъ и градоначальникамъ, по принадлежности.

9) Разрѣшаемъ министру внутреннихъ дѣлъ представлять на благовоззрѣніе Наше ходатайство тѣхъ самовольно по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего оставившихъ отечество, кои, удалившись за предѣлы государства вслѣдствіе совершонныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по ст. 99-й Угол. Улож. 1903 г., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и отечеству искупить свою прежнюю вину.

XXX. Состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, которые, за силою сего Манифеста, подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться предъ судомъ, могутъ, въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ опредѣленія судебнаго мѣста о прекращеніи производства о нихъ, просить о возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, совершонныя до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего, впослѣдствіи будетъ подлежать, по силѣ сего Манифеста, освобожденію отъ слѣдствія и суда и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, можетъ въ тотъ же срокъ просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XXXI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣніяхъ всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ 1-й департаментъ правительствующаго сената, а по начетамъ и взысканіямъ суммъ, слѣдовавшихъ къ поступленію въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи,—чрезъ главноуправляющаго Собственною Нашею канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи въ Опекунскій Совѣтъ. Правительствующій Сенатъ и Опекунскій Совѣтъ въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, испрашиваютъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XXXII. Обывателямъ Великаго Княжества Финляндскаго даровать милости и льготы на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Сложить всѣ подлежавшіе уплатѣ къ 1-му января 1904 г. и невзысканные по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего личныя (мантальныя) подати и поземельные оброки, числящуюся въ недоимкѣ плату по низшему разряду, причитающуюся съ содержащихся въ казенныхъ больницахъ на собственный счетъ или на счетъ другихъ частныхъ лицъ, и суммы до двухъ тысячъ четырехсотъ марокъ изъ казенныхъ суммъ, состоящія въ недоимкѣ по утвержденнымъ ко взысканію съ должностныхъ лицъ начетамъ, если начетъ сдѣланъ не менѣе чѣмъ за три года до дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего и если при томъ лицо, на которое сдѣланъ таковой начетъ, не было признано виновнымъ въ растратѣ казенныхъ или общественныхъ суммъ.

2. Простить четвертую часть первоначальнаго размѣра невозвращенныхъ ко дню рожденія Наслѣдника Престола Нашего ссудъ деньгами, зерномъ и мукою, выданныхъ на продовольствіе въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ; если же къ сему дню по такой ссудѣ остается въ долгу не болѣе одной четвертой части, то сложить этотъ остатокъ долга сполна.

3. Перечислить 3,000,000 марокъ изъ финляндскихъ казенныхъ средствъ въ неприкосновенный фондъ на нужды безземельныхъ, учрежденный во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 6-го (19) февраля 1901 года.

4. Сложить всѣ невзысканные по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего штрафы, наложенные на сельскія и городскія общины за невыборъ въ 1902 и 1903 годахъ членовъ въ призывныя по воинской повинности присутствія, если этими общинами означенная обязанность была исполнена въ 1904 году.

5. Тѣмъ изъ обывателей Финляндіи, которые безъ дозволенія отлучились изъ предѣловъ края или съ финляндскихъ судовъ въ иностранныхъ портахъ, не совершивъ исчисленныхъ ниже преступленій, предоставить, не опасаясь наказанія за такую недозволенную отлучку, въ теченіе года со дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего возвратиться въ Финляндію, съ тѣмъ, чтобы военнообязанные, кои по уставу о воинской повинности въ Финляндіи или

по особымъ распоряженіямъ подвергаются отвѣтственности за самовольную отлучку изъ предѣловъ края, немедленно по возвращеніи на родину добровольно явились въ мѣстное по воинской повинности присутствіе. Желающимъ удостоиться сей Нашей милости, кои лишены возможности возвратиться въ Финляндію въ вышеуказанный срокъ, надлежитъ до истеченія этого срока явиться для означенной цѣли къ пребывающимъ за границей Нашимъ посланникамъ, дипломатическимъ агентамъ или консуламъ.

6. Освободить отъ наказанія призванныхъ на службу военно-обязанныхъ, которые безъ законныхъ причинъ уклонились отъ воинской повинности, если они до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня рожденія Наслѣдника Престола Нашего явятся въ призывное по воинской повинности присутствіе.

7. Всѣхъ совершившихъ преступленія, за которыя опредѣлены въ законѣ, какъ высшее наказаніе, денежное взысканіе въ пользу казны не свыше 500 марокъ, заключеніе въ тюрьмѣ не свыше года, исключеніе изъ службы или отстраненіе отъ исполненія службы, противу коихъ по день рожденія Наслѣдника Престола Нашего не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебнаго приговора, или постановленный о коихъ обвинительный приговоръ не приведенъ въ исполненіе, или кои еще отбываютъ опредѣленныя за сіи дѣянія судомъ взысканія,—отъ суда и наказанія освободить. Настоящая милость не распространяется на лицъ, виновныхъ въ кражѣ, растратѣ, укрывательствѣ краденаго, грабежѣ, вымогательствѣ, мошенничествѣ, подлогѣ и вообще въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе гражданскаго довѣрія или объявленіе недостойнымъ состоять на службѣ края, а также на учинившихъ преступленія, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія. Совершившимъ же сіи преступленія или преступныя дѣянія, за кои по закону положены высшія противъ вышеуказанныхъ наказанія, уменьшить наказаніе на одну треть, а подлежащимъ пожизненному заключенію въ смирительномъ домѣ назначить сіе заключеніе на 14 лѣтъ. Освобожденіе, за силой сего Манифеста, отъ наказанія не избавляетъ виновнаго отъ обязанности вознаградить потерпѣвшаго за причиненные ему вредъ и убытки.

8. Не изъемля лицъ, нарушившихъ государственный порядокъ и общественное спокойствіе въ предѣлахъ Финляндіи, отъ дѣйствія льготъ, установленныхъ въ пп. 5, 6 и 7 ст. XXIX настоящаго Манифеста, поручаемъ финляндскому генералъ-губернатору войти въ соображеніе тѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты для смягченія участи лицъ, коимъ воспрещено пребываніе въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго, и представить предположенія свои на Наше усмотрѣніе.

9. Разрѣшеніе могущихъ возникнуть при примѣненіи пп. 1—7 настоящей XXXII статьи сомнѣній предоставить Нашему финляндскому сенату, по соглашенію съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Данъ въ Петергофѣ въ 11-й день августа въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его

Императорскаго Величества рукой подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Подписчики „Русскаго Богатства", обращающіеся за книгами непосредственно въ контору журнала письменно,— пользуются даровой пересылкой, лично — уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Д. Айзманъ. ЧЕРНЫЕ ДНИ. Очерки и разсказы. Изд. 1904 г.— 261 стр. Ц. 1 р.

На чужбинѣ.—Рабъ.—Земляки.—Объ одномъ злодѣяніи.—Немножечко въ сторону.—Саванъ.

С. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.— 150 стр. Ц. 80 к.

Предисловіе.—Народный читатель.—Лубочная литература.—Практическая дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы.—Печать о народной литературѣ.—Литерат. общества для народа.—Прогрессивная спеціально-крестьянская литература. — „Что читать народу?"—Духовно-нравственная книга.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Предисловіе.—I. Смѣна теченій.—II. Новый фазисъ. Имперіализмъ. Два промышленныхъ міра. Энциклопедія съ ключемъ. Капище мамоны. Герой биржи.—III. Политическая жизнь и общественные дѣятели. Палата общинъ. Палата лордовъ. Королева Викторія. Выборы.—IV. Литература и печать. Reviews. Левіаѳаны. Народная печать и уличныя газеты. Грэнтъ Алленъ. Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитманъ.—V. Народъ. Секты. Жизнь бѣдняковъ въ городахъ. Рабочій кварталъ. Уайтчепель. Фрэнки.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Десятое* изд. 1903 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга II. *Шестое* изд. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни (фантазія).—Судный день (Іомъ-Купиръ).—Малорусская сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗКАЗЫ. Книга III. *Второе* изд. 1903 г.— 349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд.—383 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. — 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Второе* изд. 1903 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора.—I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р

Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Таня.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Шепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изд. 1900 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ.—„Гласный судъ", „Современное обозрѣніе" Отеч. записки".—Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій. Некрасовъ какъ человѣкъ.—Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова Шелгуновъ и Поздышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. запискамъ.—Въ одной изъ толстовскихъ колоній Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны Г. Сементковскій нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса Кающіеся дворяне Идеалы и идолы Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изд. 1900 г.—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова.—Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ. — Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычкѣ вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.— О Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ II Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ.—Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ.—Современные аргонавты.—Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить.—Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.— Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ.—Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.* — Современная Миньона. *Н. Съверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.*—Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*— А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Кудрина.* Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.*—Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ» Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г. — 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ.—На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878 — 1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Продолжается подписка на 1904 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(XII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. Г. КОРОЛЕНКО.**

Подписная цѣна:

	На годъ.	На ½ года.
Съ доставкой и пересылкой	**9** р.	**5** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и въ Москвѣ .	**8** »	**4** »
За границу	**12** »	**6** »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Гагарина.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ПЕРЕЛОМЪ.

(Разсказъ изъ рудничной жизни).

„...Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса..."

(*Лермонтовъ*).

I.

Наканунѣ Рождества я получилъ приглашеніе холостыхъ товарищей, служащихъ на N—скомъ рудникѣ, — провести съ ними вечеръ сочельника. Это было на рудникѣ въ обычаѣ: холостые и „состоявшіе на холостомъ положеніи" собирались въ сочельникъ вмѣстѣ, ужинали, пили и разсказывали разные, болѣе или менѣе подходящіе къ случаю, событія своей жизни...

Въ этотъ вечеръ дѣло шло обычнымъ порядкомъ. Первымъ разсказчикомъ явился Василій Петровичъ Стешенко, помощникъ управляющаго, толстякъ съ рыжей квадратной головой, большими выпуклыми глазами и красноватыми бѣлками. Мы уже знали, что онъ разскажетъ о томъ, какъ лѣтъ восемь назадъ, на этомъ же рудникѣ, еще будучи конторщикомъ, онъ поѣхалъ подъ Рождество въ метель къ шурину, заблудился, чуть не погибъ и, въ концѣ концовъ, отморозилъ два пальца, которые пришлось отнять...

Всѣ выслушали разсказъ съ нѣкоторою почтительностію, хотя Василій Петровичъ обращался почти исключительно къ смотрителю больницы Никитѣ Семеновичу Желтышеву, еще недавно поступившему на службу и, значитъ не слыхавшему ранѣе исторіи о потерѣ пальцевъ... Желтышевъ, какъ намъ казалось, отнесся къ исторіи не съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживало, если не повѣствованіе, то хоть служебное положеніе разсказчика... Это былъ нѣсколько странный человѣкъ, съ сосредоточеннымъ и вмѣстѣ какъ бы отсутствующимъ взглядомъ... Всѣ мы, пока, знали его мало.

— Теперь кому же разсказывать?—спросилъ устроитель

вечера, конторщикъ Стелькинъ.—У насъ вездѣ правило по старшинству... Вамъ, Никита Семенычъ, сколько лѣтъ?..— спросилъ онъ у Желтышева.

— Мнѣ 34 года,—отвѣтилъ тотъ, какъ бы очнувшись.

— О-о?!. Я полагалъ, лѣтъ сорокъ, а то и больше. Морщины и тому подобное, даже сѣдина... А вы еще, выходитъ, молодой человѣкъ... Съ чего бы такое?—спросилъ Стелькинъ съ простодушной назойливостью.

— Хворалъ...—отвѣтилъ Желтышевъ угрюмо...—Ну, и еще многое...

— Значитъ, разсказывать-то выходитъ мнѣ?... Я всетаки моложе...

И Стелькинъ разсказалъ, какъ во время одного еврейскаго погрома, лѣтъ 10 назадъ, нянька пошла съ его дѣвочкой гулять и попала въ толпу погромщиковъ...

Разсказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе. Оказалось, что за Стелькинымъ, по возрасту, слѣдовалъ конторщикъ Ивановъ, но тотъ такъ растерянно посмотрѣлъ на слушателей, что всѣмъ стала ясна полная безнадежность—добиться отъ него какого бы то ни было связнаго разсказа.

— Ну, дѣлать нечего,—сказалъ Стелькинъ.—Значитъ, теперь, Никита Семенычъ, очередь за вами.

Желтышевъ опять, какъ будто, очнулся и посмотрѣлъ на собесѣдниковъ недоумѣвающимъ взглядомъ. Во время разсказа конторщика онъ проявилъ признаки живого вниманія, но потомъ впалъ въ обычную задумчивость, и теперь не сразу понялъ, чего отъ него требуютъ.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ, наконецъ...—Что-жъ, я готовъ. Разумѣется, каждый пережилъ что-нибудь такое, что... любопытно и другимъ... Однимъ словомъ, господа, я съ своей стороны готовъ... Не знаю,—будетъ ли интересно?..

Всѣмъ было интересно, тѣмъ болѣе, что Желтышевъ, какъ уже сказано, былъ человѣкъ новый и отчасти непонятный, какъ бы даже чужой въ нашей средѣ... Мы знали, что по образованію онъ штейгеръ, но занимался ли когда-нибудь этой профессіей и почему теперь не занимается—этого мы не знали. На рудникъ онъ поступилъ въ качествѣ больничнаго смотрителя на 40 рублей въ мѣсяцъ; штейгера получали гораздо больше, и это всѣмъ казалось отраннымъ... Впрочемъ, обязанности свои онъ исполнялъ исправно, и въ больницѣ имъ были довольны. Говорили, что во время прогулокъ онъ часто заводилъ разговоры съ рабочими, что́, въ свою очередь, наводило на разговоры о немъ и даже возбуждало въ нѣкоторыхъ мнительныхъ людяхъ подозрѣнія. Вообще, за короткое пребываніе на рудникѣ Желтышевъ успѣлъ внушить мысль, что онъ какъ-то *не нашъ*, и мы

не были даже увѣрены, что онъ приметъ наше приглашеніе... Однако, онъ пришелъ просто и безъ всякой неловкости, и теперь такъ же просто приступилъ къ своему разсказу.

II.

— По порядку я все это разсказать не сумѣю, — началъ онъ.—Исторія сложная и... многаго придется коснуться, иначе будетъ непонятно... Да оно, пожалуй, не совсѣмъ ясно даже мнѣ самому.

Родился я въ одномъ изъ малороссійскихъ городовъ, въ какомъ именно—безразлично. Топили въ этомъ городѣ дровами, и о горномъ дѣлѣ не имѣли понятія. Патріархальный былъ городокъ... Учился я въ гимназіи. До 7-го класса все шло почти гладко, и я уже мечталъ объ университетѣ... Да... ну, мечтами только и кончилось... Бываетъ такая минута въ молодости—критическая, что ли. Какъ бываютъ болѣзни съ кризисами и переломами... Растетъ юноша, силы накопляются, требуютъ исхода, и вмѣстѣ растетъ какая-то особенная чуткость и напряженность... И вдругъ—точно разрядъ электричества, иногда по ничтожному поводу... Въ это время, то есть вотъ въ такія минуты, нужно особенно заботливо относиться къ молодежи. Но это рѣдко понимаютъ. и во мнѣ, напримѣръ, этого момента не уберегли... Однажды въ гимназіи одинъ изъ воспитателей сказалъ мнѣ, что я солгалъ. А я говорилъ правду, и вообще... не люблю лжи. Вспыхнуло во мнѣ что-то. Я отвѣтилъ дерзостью. Потребовали, чтобы я смирился, а я чувствовалъ себя правымъ и не могъ смириться... И пошло... „Это, говорятъ, онъ отъ вредныхъ знакомствъ со студентами“... Однимъ словомъ—дѣло шло объ исключеніи. Отецъ узналъ и... тоже потребовалъ, чтобы я смирился и просилъ извиненія... А я не могъ, просто не могъ физически, какъ не можетъ человѣкъ поднять, скажемъ, двадцать пудовъ...

Отецъ кричалъ, мать плакала, оба говорили о своихъ надеждахъ, которыя я разрушаю, о тысячахъ недоѣденныхъ кусковъ, недоспанныхъ ночей. Дѣйствительно, изъ послѣдняго меня учили... Младшіе братишки и сестры тоже плакали и кричали, глядя на взрослыхъ... Отецъ даже ударилъ меня... Въ концѣ концовъ,—и только по просьбамъ отца,—мнѣ позволили выйти изъ гимназіи „по домашнимъ обстоятельствамъ“...

— И вотъ, мнѣ 18 лѣтъ; на рукахъ шестиклассное гимназическое свидѣтельство, надъ головой тяжелый, гнетущій, скрытый гнѣвъ родителей... Жить при такихъ усло-

віяхъ дома — невыносимо, и я какъ то озлобился: вышла молодая душа на авансцену, такъ сказать, жизни, а ее освистали, ошикали... Мечты объ университетѣ рухнули, да правду сказать, онѣ ужъ и не имѣли для меня прежняго высокаго смысла и интереса... Самому себѣ я уже казался обезличеннымъ, опошленнымъ, и все прежнее какъ-то понизилось, что ли... Настало это рѣзкое юношеское самоосужденіе... Собственно, это самое и есть вѣдь... моментъ...

Желтышевъ остановился и задумался, вперивъ тяжелый взглядъ въ окно, гудѣвшее отъ степного вѣтра.

— Припоминается мнѣ одинъ маленькій случай,—сказалъ онъ черезъ минуту,—такъ, маленькій эпизодикъ, какихъ бываютъ тысячи, но у меня онъ остался въ памяти навсегда... Жилъ я одно время въ приморской деревушкѣ. Тамъ была купальня, на чердакѣ которой поселилась семья голубей. Я любилъ слѣдить за ними... Нѣжная птица голубь. Заведутъ эту свою воркотню... Вотъ ворковали, ворковали и вывели голубятъ... И случилось мнѣ, какъ разъ, быть въ купальнѣ, когда одинъ голубеночекъ въ первый разъ летѣть пустился... Зашумѣлъ этакъ крылышками,—взмахнулъ разъ, два—полетѣлъ. Радуется... Глотнулъ, должно быть, свободнаго, вольнаго воздуха, пріятно показалось, опьянился... И полетѣлъ прямо въ открытое море... Свобода широка, море широко, силенокъ мало... А ужъ этого житейскаго опыта и совсѣмъ нѣтъ... Не соразмѣрилъ силъ съ условіями... И летѣлъ онъ, бѣдняга, впередъ, пока весь запасъ силы истратилъ... Повернулъ назадъ, а ужъ крылья-то не работаютъ.. Помню, море было великолѣпное... Истинная красота: сила, нѣжность, какая-то торжественность и спокойствіе полное. На горизонтѣ водяная гладь съ бѣлыми облаками сливается, а на берегъ лѣнивыми, жирными бархатными складками ползетъ... А надъ нимъ голубеночекъ крылышками трепыхаетъ... да далеко отъ берега... уже ровно не летитъ, а къ водѣ припадать сталъ... Туть къ нему голубь съ голубкой на помощь... И долетѣть къ нему успѣли, да ничего не могли подѣлать... Его бы съ самаго начала не оставлять одного, или по другому направленію пустить.. Такъ у нихъ на глазахъ и утопалъ. Подхватятъ его, поддержатъ... Чуть тронутся—онъ опять свалится, къ водѣ припадетъ.. А тутъ уже чайки слетаются кругомъ, хищнымъ крикомъ своимъ воздухъ наполняютъ, голубей пугаютъ... Настоящая птичья трагедія. Такъ и погибъ голубенокъ... Сомкнулись надъ нимъ чайки, а голуби назадъ возвратились... У нихъ вѣдь онъ не одинъ былъ... Понимаете: семейство большое, ртовъ много, надо и о другихъ позаботиться...

III.

Желтышевъ остановился и посмотрѣлъ на слушателей. Трудно было сказать, какое впечатлѣніе произвелъ его разсказъ. Всѣ молчали, и только Василій Петровичъ снисходительно крякнулъ и сказалъ:

— Гмъ... да. Конечно, жаль...

Желтышевъ продолжалъ:

— Да... Такъ я сказалъ, что въ то время я выбился изъ колеи. А главное: вѣру потерялъ и въ себя, и въ другихъ. И хотѣлось отомстить кому-то, сдѣлать что-нибудь гадкое, насмѣяться надъ чѣмъ-нибудь неприкосновеннымъ... Въ это самое время появился у насъ въ городѣ ученикъ Z—скаго горнаго училища. Форменная одежда довольно красивая, за барышнями ухаживаетъ—не безъ успѣха... Встрѣтились мы, поговорили. Подумалъ я:—дай попытаюсь. Все равно, идти некуда, а тутъ работа подъ землей... Соотвѣтствуетъ, такъ сказать, мрачному настроенію. Объявилъ отцу,—онъ не препятствовалъ... Поѣхалъ, поступилъ, учиться началъ. Помню, передъ началомъ занятій инспекторъ посовѣтовалъ намъ въ шахту спуститься, посмотрѣть: трудъ штейгера нелегокъ, опасенъ, и лучше не тратить времени и средствъ на ученье, чѣмъ, потративъ, оказаться банкротомъ на этомъ поприщѣ. А мнѣ именно это по душѣ пришлось!.. Еще когда подъѣзжалъ ночью,—думаю: что это? Горитъ, что-ли, поселокъ?.. Огонь, гулъ, шумъ, шипѣніе, а оказалось, что это его постоянное состояніе... адское... А въ поселкѣ—казармы, землянки, и на главной улицѣ—шахта... гудитъ, стучитъ, щелкаетъ... Вездѣ копоть, грязь, сажа, уголь... Лица черныя и... какъ будто свирѣпыя... По улицамъ пьяные, возлѣ кабаковъ—очередь... Воздухъ, какъ въ угарной комнатѣ, душитъ съ непривычки... И какъ это ни странно, мнѣ это все пришлось, такъ сказать, по настроенію.

Снарядили насъ десять человѣкъ, новенькихъ, дали десятника и спустили въ шахту. И опять мнѣ понравилось: чѣмъ хуже, тѣмъ пріятнѣй! „Руки убери, не то отхватитъ!“—въ ушахъ звенитъ, будто кто обухомъ по головѣ треснулъ. Головой о крѣпь съ непривычки ударился... Поглядѣлъ въ шахтѣ на лошадь:—дрожитъ, ушами стрижетъ и глазами такъ жалостливо коситъ по сторонамъ, а бѣлки при свѣтѣ лампочки огромными кажутся, выпуклыми, и съ такой, знаете, бѣлесоватой пленкой, какъ у человѣка передъ смертью...

Полѣзли мы по разнымъ выработкамъ. Товарищи, вижу,

поражены, которые первый разъ въ шахтѣ, а я ничего... Тѣснота, вонь, руками въ отвратительныя нечистоты попадаемъ... Съ лампочками не умѣемъ обращаться, обжигаемся, а зѣвать нельзя... На колѣняхъ полземъ, на локтяхъ... Рѣжетъ мелкій уголь... Потомъ полѣзли вверхъ, по какой-то крутой выработкѣ... Держаться не за что... Въ боковыя стѣнки еле достаешь—головой приходится вверху упираться. Оборвешься, назадъ сползешь... опять царапаешься... ногтями за почву цѣпляешься... какъ бы внизъ не загремѣть... Ужасъ увеличивается тѣмъ, что незнакомо все, да и утомительно съ непривычки... Доползли, наконецъ, до того мѣста, гдѣ уголь отбиваютъ. Посмотрѣлъ я — дрогнуло что-то въ груди... Стоятъ люди на колѣняхъ, до пояса голые... Тѣло черное, потное, съ этимъ особеннымъ матовомъ отливомъ... Грудь, какъ мѣхъ, ходитъ... Взмахнетъ кайлой, а въ груди — ахъ!.. Повелъ насъ десятникъ дальше къ шахтерскимъ работамъ. Опять пришлось ползти... Мнѣ одно время казалось, что вотъ-вотъ дыханіе совсѣмъ остановится. Копоть отъ лампочки, отъ неумѣнья держать ее, въ лицо идетъ—глотаешь... Лѣзешь, вдобавокъ, навстрѣчу вентиляціонной струѣ... Крѣпь вся такъ сажей обросла, что прямо мягкой кажется... Угарать стали нѣкоторые....

Наконецъ доползли мы до такого мѣста, гдѣ дышать возможно, отдохнули, и тогда повелъ насъ десятникъ въ глухой забой, куда воздушная струя не заходитъ... Сначала шли—ничего.. выработка, какъ выработка, не хуже другихъ. Потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все дышать труднѣе. лампочки тускнѣютъ, въ носу что-то щекочетъ... Далѣе, чувствую странное что-то со мной творится... будто кто острый, тонкій ножъ въ глотку суетъ и тихо тамъ поворачиваетъ... На глаза слезы невольныя навертываются, и ужъ совсѣмъ огоньки отъ лампочекъ потускнѣли... только мелькаютъ багровыя, холодныя пятнышки... Ноги подкашиваются... Наконецъ, ткнулся я о спину передняго, остановился... протискался дальше. Кое-какъ въ темнотѣ разглядѣлъ—человѣкъ сидитъ, уголь рубитъ... Движенія воздуха нѣтъ, и вся эта угольная мелочь неподвижно стоитъ въ воздухѣ, лѣзетъ въ ротъ, въ носъ, въ глаза, уши...

— Что, трудно дышать?—спросилъ одинъ изъ товарищей у рабочаго.

— Да какое тутъ дыханье,—уголь ѣдимъ... Ты вонъ здѣсь минуту пробудешь, а и то: выѣдешь на гора *)—погляди на себя—чистый арапъ!

Пошли мы назадъ, одинъ изъ товарищей разрыдался... Проходимъ мимо одного корридора, десятникъ говоритъ:—не-

*) „Выѣхать на гора"—вылѣзть на поверхность.

дѣлю назадъ на этомъ мѣстѣ шестерыхъ задавило. Но и это меня тогда не тронуло...

— Ну, о первыхъ годахъ ученья говорить не стану. Какъ разъ къ концу курса, получаю телеграмму отъ матери:— пріѣзжай, отецъ при смерти. Поѣхалъ, къ похоронамъ подоспѣлъ... Передъ смертью отецъ все обо мнѣ справлялся... Это меня нѣсколько смягчило. Вообще, въ то время душа какъ-то отходить начала... Встрѣтился со старыми товарищами, мать приняла меня любовно и нѣжно... Лѣто, отдыхъ, молодость, жизнь впереди, родная украинская природа... Всѣ эти холмики, тихая украинская рѣченка, домики, невидные изъ-за тополей, да всякая, однимъ словомъ, мелочь... А тутъ, вдобавокъ... ну, обычная исторія въ молодости...

Разсказчикъ запнулся и какъ-то застѣнчиво и растерянно посмотрѣлъ на слушателей. Взглядъ его упалъ на меня, и, замѣтивъ, вѣроятно, что я слушаю съ сочувственнымъ вниманіемъ, онъ совсѣмъ повернулся ко мнѣ и все остальное разсказалъ, какъ будто, мнѣ одному...

— Познакомился я съ одной дѣвушкой... Человѣкъ была она хорошій, но только по своему, по-женски... Мнѣ порой кажется, что женщина какъ-то уже мыслитъ, чѣмъ мужчина... Отдѣльное явленіе жизни она, быть можетъ, пойметъ даже глубже мужчины, но въ общую, такъ сказать, схему, въ философію жизни, что ли, она его не введетъ. Разумѣется, это не безъ причинъ, но я причинъ не касаюсь, беру самый фактъ... За то и отгадка эта женская тоже удивительна... Вспоминаю теперь, и мнѣ кажется, что была эта дѣвушка существо обыкновеннѣйшее, какъ очень многія дѣвицы. И, пожалуй, не умна,—такъ, изъ среднихъ. А между тѣмъ, что-нибудь, бывало, еще сказать только хочешь, ищешь слово, а она уже понимаетъ... И, будто, прямо въ душѣ видитъ,—скажетъ какъ разъ то, что нужно, какъ разъ то, отъ чего на душѣ становится и легче, и чище. Вы меня понимаете?..

— Кажется, понимаю,—отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ, значитъ, и мое настроеніе поймете, и мнѣ незачѣмъ распространяться ... Сходились мы, разговаривали, гуляли вмѣстѣ... Въ нашемъ городѣ существовала мода гулять на кладбищѣ... Дѣйствительно, привлекательны эти небольшія кладбища въ маленькихъ городишкахъ. Иной бѣднякъ при жизни такого простора не имѣетъ, какъ послѣ смерти. Зелень свѣжая, ясная... Привѣтливо все... дорожки чуть протоптанныя, поляночки... кресты бѣлые, деревянные, съ наивными, трогательными надписями... А надъ крестами такія же наивныя деревья вѣтвями своими могилки осѣняютъ... точно прислушиваются чутко къ еле внятному говору мертвецовъ... Такъ

и кажется, будто молодая листва на вѣтвяхъ лепечетъ этимъ спящимъ въ могилахъ людямъ что-то успокоительное, убаюкивающее, трогательное, чего они во всю свою убогую жизнь не слыхали... Сядешь гдѣ-нибудь на скамеечкѣ—и, кажется не ушелъ бы... И говорится такъ легко, слова такъ и льются изъ души... Особенно, когда рядомъ сидитъ милая дѣвушка и смотритъ прямо въ глаза и, какъ будто, все понимаетъ и все чувствуетъ, что у тебя въ умѣ, на душѣ и въ сердцѣ...

Вотъ этакъ же сидѣли мы разъ на кладбищѣ и говорили о чемъ-то, не помню ужъ о чемъ, а только по хорошему... И состояніе тоже было хорошее. Вдругъ, слышу—обращается кто-то ко мнѣ.

— Баринъ, дозвольте побезпокоить вашу милость!..

Гляжу, стоитъ передо мной человѣчекъ невысокій, шапка въ рукахъ, одежонка оборванная, испачканная, — по всѣмъ видимостямъ, рабочій. Лицо самое обыкновенное, даже немного смѣшное: носъ пуговицей, усы тараканьи, рѣденькіе. Бороденка маленькая, русявая, клочковатая; узкій лобъ съ полосой загара. Только глаза обратили сразу мое вниманіе: большіе, темнокаріе, умные, съ какой-то тревожной искоркой... Выраженіе вопроса: какъ будто, понять что-то хочетъ человѣкъ и не можетъ...

— Что скажешь?—спрашиваю.

Вопросъ у него оказался простой и, въ сущности, пустяшный, вызванный темнотой и, такъ сказать, полуграмотностью человѣка. Онъ ходилъ по кладбищу и встрѣтилъ на одномъ изъ памятниковъ надпись: „Блаженъ мужъ, ему-же не вмѣнитъ Господь грѣха...“ Это изъ псалма 31-го, второй стихъ... И вотъ, мысль его, очевидно, направленная на „божественное“, заработала надъ этимъ текстомъ и вызвала мучительныя сомнѣнія...

— Какъ же тутъ сказано „блаженъ“... вотъ тутъ... а дальше—„не смѣнитъ грѣха“... Съ грѣхомъ, и блаженъ... И опять,—неужто Господь не проститъ, „не смѣнитъ грѣха“? За грѣхъ человѣку—геенна огненная, а тутъ блаженъ... Вы, вотъ, ученые люди... Какъ же это?..

— Погоди, — сказалъ я, понявъ, наконецъ, причину его тревоги:—Тутъ вѣдь сказано „не вмѣнитъ“, а не „смѣнитъ“. Не посчитаетъ, значитъ, грѣха, проститъ... Понялъ?

— Вотъ оно что-ъ! — протянулъ мужикъ, сразу просвѣтлѣвъ лицомъ и машинально снимая шапку.—Ахъ Ты, Господи! И дѣло-то просто, а вѣдь у меня, баринъ, повѣришь ли, душа упала. Одно слово, а что можетъ значить! Ну, ну... Покорнѣйше благодарю, господинъ, во вѣки не забуду... Теперича ты мнѣ благодѣтель, право... Дай тебѣ Богъ... Дай Богъ вамъ обоимъ!

По его радостному тону было видно, что вопросъ имѣлъ для него какое-то особенное значеніе, гораздо болѣе глубокое, чѣмъ мнѣ казалось сначала. Онъ еще разъ окинулъ насъ обоихъ ласково сіяющимъ, счастливымъ взглядомъ и сказалъ, влагая, повидимому, особенный смыслъ въ свое пожеланіе:

— Дай вамъ Богъ, милые, дай Богъ вамъ... обоимъ...

Мы оба благодушно улыбнулись, и мужикъ ушелъ... И я конечно, тотчасъ же забылъ его лицо, не думая, что судьба можетъ свести меня еще разъ съ этимъ человѣкомъ... И только помнилъ, что онъ соединилъ насъ „обоихъ“ въ одномъ пожеланіи...

IV.

Впрочемъ, напрасно... Какъ и почему, кто виноватъ и виноватъ ли кто, — распространяться не стоитъ. Достаточно сказать, что счастье поманило и пасмѣялось, и что въ то время я считалъ, что тутъ была вина, и вина большая, со стороны человѣка, котораго цѣнилъ и ставилъ выше всего въ мірѣ. И значитъ — опять явилось холодное озлобленіе, душа еще разъ была отравлена,—казалось, уже смертельно...

Въ такомъ настроеніи я поступилъ на службу, на Г-скій рудникъ...

— Это который лѣтъ десять ужъ не работаетъ?..—сказалъ одинъ изъ слушателей.

— Да, тотъ самый. Не работаетъ онъ съ пожара. Но я поступилъ еще до пожара. Вы владѣльца не знавали?

— Знакомъ,—сказалъ Василій Петровичъ, — господинъ богатый, хорошій...

— И варваръ настоящій,—какъ то просто прибавилъ Желтышевъ.—Къ нему-то я и поступилъ. Жалованье онъ мнѣ назначилъ небольшое, но замѣтилъ, что отъ моего усердія зависитъ его увеличить. Сталъ я разузнавать на рудникѣ— что и какъ... Оказывается—система примѣняется такая: лѣтомъ цѣны рабочимъ не прибавляются, и оттого въ рабочихъ недостатокъ. Да они и вообще неохотно шли на этотъ рудникъ... За то зимою прижимали ихъ страшно, возмѣщая лѣтнія потери въ добычѣ. Платили мало, и тѣ больше не деньгами, а—ордерами на продукты въ конторскую кладовую... А цѣны въ этой кладовой были ужасныя... Уже впослѣдствіи я узналъ, что владѣлецъ кладовой, кромѣ арендной платы, давалъ конторѣ 10 процентовъ всей ордерной выручки... Все это очень возмутительно, но тогда встрѣчалось нерѣдко... А я на все это смотрѣлъ, въ тогдашнемъ своемъ настроеніи, съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ... Не жа-

лѣлъ себя, но не жалѣлъ и рабочихъ. Ну, разумѣется, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, скоро отношенія съ рабочими установились у меня совершенно звѣрскія... Настоящая война! Я ихъ донималъ, они—меня, и въ каждомъ новомъ фактѣ каждая сторона почерпала новый матеріалъ для вражды и ненависти. Конторѣ, разумѣется, было бы въ десять разъ прибыльнѣе, еслибы я въ десять разъ меньше старался. Но все-же видимое усердіе и прямые результаты войны—въ видѣ вычетовъ и штрафовъ—импонировали, и я былъ на отличномъ счету у начальства.

Чтобы ничего не скрыть, я долженъ признаться, что войну эту я велъ не только съ рабочими, но и... съ той дѣвушкой, о которой я говорилъ, или, вѣрнѣе, съ воспоминаніемъ о ней.. Я представлялъ себѣ, что она видитъ все это, и что я причиняю ей этимъ страданіе... Нужно сказать, что она пошла... своимъ путемъ, непохожимъ на мой... Я, не задумываясь, разочтя какъ семейныхъ рабочихъ, штрафовалъ цѣлыя артели, заботясь лишь о томъ, чтобы на моей сторонѣ было строго-формальное право. Я сталъ чѣмъ-то вродѣ конторской собаки не токмо за страхъ, но и за совѣсть... Жаловались на меня окружному инженеру... ну, да что! Извѣстно, кто такіе эти окружные инженеры... Къ тому же, я числился только помощникомъ, а главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ былъ тоже инженеръ, товарищъ окружнаго инженера, одного выпуска... Ну, разумѣется, не обидитъ товарища... И все мнѣ сходило, тѣмъ болѣе, что формально я почти всегда былъ правъ... Одинъ случай особенно ярко мнѣ запомнился... Дѣло было осенью... Я занимался въ конторѣ, и состояніе духа, помню, было убійственное, даже хуже обычнаго... Помню потому, что была опредѣленная причина: я въ тотъ день получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она, между прочимъ, писала, что дѣвушка эта замужъ вышла... И вотъ, о надеждахъ своихъ я вспомнилъ... какъ онѣ рухнули... И всѣ эти повседневныя гадости въ этотъ день, дѣйствительно, казались мнѣ гадостями, а не нормальными поступками... Въ этотъ вечеръ я самого себя какъ-то сильно не взлюбилъ... Въ конторѣ, кромѣ меня, находился еще бухгалтеръ. А съ этимъ человѣкомъ у меня, нужно сказать, въ послѣдніе мѣсяцы былъ глухой антагонизмъ изъ-за сферы вліянія на рудникѣ. Онъ, видите ли, былъ еще завѣдующимъ хозяйственной частью, и мы никакъ не могли разграничить своихъ правъ. Такъ вотъ, сижу я, черчу, слышу—отворилась дверь—сторожъ рудничный входитъ.

— Тамъ, говоритъ, подлѣ лѣсного мужики остановились. Темь, съ кручи спущаться опасно... съ кладью они... Дозволенія просятъ—переночевать съ возами. Дозволите, ай нѣтъ?

И вижу я—бухгалтеръ уже ротъ раскрылъ, хочетъ отвѣтить. Разумѣется,—отчего бы не позволить? Но я не далъ ему сказать и крикнулъ:

— Нѣтъ!.. Знаю эти ночевки... Непремѣнно пропадетъ что-нибудь на лѣсномъ дворѣ, а я за нихъ, за подлецовъ, отчитывайся... Скажи, чтобъ убирались!.. Не постоялый дворъ... Да смотри, чтобы лѣсной былъ запертъ, и чтобы ни одной подводы не осталось... Слышишь?!

— Слышу, Никитъ Семенычъ, ссею минут... [illegible]шелъ.

Взглянулъ я этакъ побѣдоносно на своего вра[illegible]днако, не смотря на побѣду, зашевелилось у меня что-то въ сердцѣ... ущемилась совѣсть, отозвалась... Я почти выбѣжалъ въ переднюю, нахлобучилъ фуражку, вскочилъ въ калоши и, какъ былъ, безъ пальто, сбѣжалъ съ крыльца и направился къ лѣсному... Что я хотѣлъ сдѣлать—не помню, да вряд ли и самъ тогда сознавалъ... Можетъ быть, я взялъ бы назадъ свое распоряженіе, или какъ-нибудь его измѣнилъ; только не успѣлъ я сдѣлать пяти шаговъ, какъ поскользнулся и упалъ въ грязь... И разомъ, бѣшеной волной, во мнѣ всколыхнулась вся злоба, накипавшая за цѣлые годы, все зло, безсмысленное и нелѣпое, которое я переносилъ и причинялъ другимъ... Съ какимъ-то упоеніемъ жестокости, полный дикой жажды мстить этому безсмысленному и фатальному врагу, я вскочилъ съ земли и побѣжалъ къ лѣсному... Мужичкамъ—ихъ было человѣкъ пятнадцать—уже передали мое приказаніе, и они, кряхтя, собирались трогаться.. Они сознавали нелѣпость моего приказанія, но подчинялись, и возы трогались въ темнотѣ...

Когда они двинулись окончательно, я возвратился и, стоя на крыльцѣ конторы, жадно ловилъ сквозь вой осенняго вѣтра скрипъ возовъ, спускавшихся въ густой тьмѣ съ изрытой оврагами кручи... Потомъ засѣялъ отвратительный, холодный дождь, но, дрожа отъ холода, я не уходилъ съ крыльца и радовался... Дома же я въ этотъ вечеръ пересматривалъ фотографическія карточки и сжегъ портретъ любимой дѣвушки... А ночью не могъ заснуть и рыдалъ, рыдалъ въ постели...

Этотъ случай произошелъ въ октябрѣ, а въ томъ же году, въ декабрѣ, случилось то, о чемъ я, собственно, хочу разсказать.

V

Мѣсяца за полтора до Рождества мы дѣлали на рудникѣ новый наборъ рабочихъ, готовясь къ усиленной добычѣ. Ежедневно въ контору являлись артели, одиночки. Выборъ, не смотря на низкія цѣны, былъ въ нашихъ рукахъ, потому

что зимой, какъ извѣстно, рабочему „дѣться некуда“; къ тому же, годъ былъ неурожайный.

Въ одинъ изъ такихъ дней сижу я въ конторѣ и записываю вновь нанимающихся. Записалъ уже нѣсколькихъ,— отворяется дверь, и входитъ небольшого роста мужичокъ, съ шапкой въ рукахъ... Сразу меня точно въ голову что ударило... Вспоминаю, встрѣчалъ гдѣ-то, и даже что-то, связанное съ этой, немного смѣшной, фигуркой, рѣетъ смутнымъ воспоминаніемъ... что-то пріятное, и мучительное и, какъ будто, дразнящее...

Вижу—и онъ на меня смотритъ.

— Что-й-то, говоритъ, Никитъ Семенычъ, приглядываетесь (имя, видно, узналъ у рабочихъ)? Не признаете?... А я—такъ сейчасъ васъ призналъ... — И въ большихъ умныхъ глазахъ сверкаетъ радость.

— Встрѣчались мы?... — спрашиваю, и не могу уловить начала воспоминанія...

— Такъ точно, встрѣчались. Помните, Никитъ Семенычъ, на кладбищѣ?.. Съ барышней вы тогда были...

Въ моемъ воображеніи съ поразительной ясностью воскресло уютное кладбище, со скамеечкой подъ пахучей липой; на скамейкѣ дѣвушка съ ясными глазами, и ея рука въ моихъ рукахъ... А поодаль отъ главной дорожки чья то могила, огороженная деревянной рѣшеткой, на могилѣ каменная плита, на плитѣ надпись: „блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха“, и около рѣшетки фигура недоумѣвающаго мужика съ его вопросомъ... Однако, я справился съ волнующимъ воспоминаніемъ и, стараясь быть спокойнымъ, сказалъ сухо:

— Да... вспомнилъ... Ну, что тебѣ: работы ищешь?

Мужикъ, какъ видно, не ожидалъ такого рѣзкаго перехода къ „очереднымъ дѣламъ“,—радость на лицѣ смѣнилась легкимъ недоумѣніемъ, но всетаки онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Такъ точно... На работу бы устрять... Вотъ, не чаялъ встрѣтить... — попытался было онъ опять перейти на путь личныхъ воспоминаній.

— Гдѣ раньше работалъ?...

— На Юзовскихъ.—И опять удивленный взглядъ.

— Крѣпить умѣешь?

— Крѣпилъ...

— Паспортъ есть?

— Какъ же, безъ пачпорта невозможно...

Подалъ мнѣ паспортъ. „Крестьянинъ Курской губерніи, такого-то уѣзда, такой-то волости и села, Алексѣй Петровъ Куликовъ, тридцати двухъ лѣтъ... особыхъ примѣтъ не имѣется“.

— Цѣны наши знаешь?

— Слыхалъ... Что-жъ, дѣло такое,—какъ люди, такъ и мы.

— Ну, ладно; завтра къ гудку на зданіе выходи, я тебя въ нарядъ назначу.

— Покорнѣйше благодаримъ,—повернулся и вышелъ.

Съ этихъ поръ мы съ Куликовымъ встрѣчались часто... Я немного боялся этихъ встрѣчъ, которыя бередили жуткія воспоминанія, а Куликовъ, разумѣется, не могъ понять моего настроенія. Повидимому, онъ приписывалъ мою сдержанность нежеланію говорить о сторонннхъ службѣ предметахъ въ присутствіи другихъ рабочихъ... Умный былъ мужикъ, понималъ, что на рудникѣ это считалось бы фамильярностью... Но за то, когда намъ случалось оставаться наединѣ, возобновлялъ свои попытки.

— Помните, Никитъ Семенычъ...—или:—Гляжу—„не смѣнитъ“, — что т-такое?... — Такими фразами онъ, какъ-то робко, начиналъ подходить къ общему воспоминанію, но я не поддавался... Я или уходилъ тотчасъ же, или обрывалъ его какими-нибудь замѣчаніями дѣлового свойства. Впрочемъ, иной разъ не уходилъ и не мѣшалъ ему говорить, но, съ своей стороны, ничего не спрашивалъ, а только слушалъ...

Порой, неожиданно, онъ задавалъ мнѣ вопросы, чаще всего, прямо или косвенно, богословскіе. Напримѣръ: какой вышины самая высокая церковь на свѣтѣ? Можно ли спастись въ міру? Сколько вѣръ на землѣ? Почему турки не нашей вѣры, и т. д. — Я обыкновенно отвѣчалъ очень сдержанно, хотя — странно: не могъ вовсе не отвѣтить... Онъ какъ-то особенно смотрѣлъ на меня своими большими глазами, и въ нихъ всегда читалась тревожная мысль, ищущая отвѣта...

Наконецъ, мнѣ все это надоѣло, и я рѣшилъ бросить „сантиментальничанье“, прекратить эти не вполнѣ оффиціальныя отношенія... За недѣлю до Рождества я былъ въ шахтѣ и особенно тщательно осматривалъ крѣпи. Въ то время, какъ я осматривалъ выработку, закрѣпленную Куликовымъ, онъ шелъ за мной слѣдомъ, пытаясь, какъ и всегда, заговорить о чемъ-то постороннемъ... У меня въ душѣ подымалось глухое раздраженіе...

— Дозвольте спросить, Никитъ Семенычъ, — по обыкновенію робко заговорилъ Куликовъ,—энта барышня, что тогда съ вами была... Сестрой она вамъ доводится, ай, можетъ, невѣста?

Въ эту самую минуту я сразу замѣтилъ цѣлый десятокъ косо поставленныхъ рамъ, до того времени стоявшихъ, какъ мнѣ казалось, совершено прямо...

— Лодырь!.. Мерзавецъ!..—закричалъ я какимъ-то чужимъ

голосомъ. — Ты мнѣ тутъ все зубы заговариваешь!.. Какое тебѣ дѣло до барышенъ! Ты, вотъ, смотри: какъ эта рама поставлена?

— Да она, Никитъ Семенычъ, давно такъ стоитъ,—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ,—вы ее давеча уже видали... Я нынче двѣ рамы только и поставилъ...

— А эта!.. А эта!.. Тутъ весь просѣкъ испорченъ!..

— Богъ съ вами, Никитъ Семенычъ, съ чего вы это взъѣлись?.. Просѣкъ, какъ просѣкъ... Слава-те Господи, крѣпили...

— А вотъ я тебѣ покажу, какъ ты крѣпишь: упряжка не въ зачетъ и рубль шрафу!..

И, не дожидаясь возраженій, я быстро отошелъ прочь...

Вечеромъ, когда я сидѣлъ въ конторѣ, явился, между прочимъ, и Куликовъ... Не взглянувъ на него, я спросилъ:

— Чего тебѣ?

— За что, Никитъ Семенычъ, обругали вы меня?.. За что наложили штрафъ?—сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ ясно зазвенѣли слезы...

— Тебѣ сказано, за что... Можешь жаловаться, если недоволенъ штрафомъ...

— Эхъ!—тяжело вздохнулъ онъ:—Что жалоба... Обида отъ васъ, во-о... Э-эхъ, обидѣли вы меня, кро-овно обидѣли...

Я невольно взглянулъ на Куликова, и меня поразилъ его убитый видъ... Невысказанная, тяжелая печаль, какъ видно, душила его... Но не успѣлъ я раскрыть ротъ, какъ онъ вдругъ громко всхлипнулъ, такъ что меня рѣзануло по сердцу, махнулъ рукой и вышелъ изъ конторы...

Это было, какъ я уже говорилъ, за недѣлю до Рождества. Дня три-четыре спустя мы должны были закончить работы, поэтому торопились съ генеральнымъ ремонтомъ шахты и гнали его, что называется,—„во всю“. Рабочихъ на рудникѣ оставалось уже немного. На утро послѣ того, какъ Куликовъ приходилъ въ контору, я былъ опять въ шахтѣ. Мнѣ не удалось избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, такъ какъ необходимо было пройти по его выработкѣ Но, замѣтивъ меня на самомъ близкомъ отъ себя разстояніи, онъ рѣзко отвернулся и не проронилъ ни слова... Весь этотъ день у меня было такое состояніе, будто я незаслуженно побилъ ребенка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то во мнѣ настойчиво твердило, что теперь уже никто не будетъ тревожить меня сладкими, но тяжелыми и какъ бы обличительными воспоминаніями... И, помню, я даже, какъ будто, радовался... Только радость эта была не успокоительная, а тоже тревожная и острая, какъ тонкій ножъ...

Ночью, несмотря на крайнее утомленіе, я долго ворочался съ боку на бокъ, не въ силахъ заснуть... И не заснулъ я, а просто забылся въ какомъ-то давящемъ кошмарѣ... И когда десятникъ изъ шахты, наклонясь надо мной, тормошилъ меня за плечо, крича: „вставайте, Никитъ Семенычъ, пожаръ въ шахтѣ!..“ — я смотрѣлъ ему прямо въ глаза и не вставалъ, потому что мнѣ казалось это продолженіемъ кошмара...

VI.

Наконецъ, прійдя въ себя, я сразу схватился и въ одно мгновеніе, кое-какъ одѣвшись, бросился къ шахтѣ... Сильно перепуганный десятникъ еле поспѣвалъ за мной и, громко стуча зубами, разсказывалъ вкратцѣ о несчастіи... По неосторожности камеронщика *), молодого парнишки, загорѣлись въ водоотливной камерѣ какія-то тряпки. Тутъ же находилась въ большомъ количествѣ пакля, которая сейчасъ же воспламенилась. Камеронщикъ растерялся и, вмѣсто того, чтобы постараться кое-какъ самому потушить огонь въ самомъ началѣ,—побѣжалъ звать на помощь, но десятникъ съ рабочими не могли уже подступиться къ камерѣ, потому что огонь усилился, и дымъ не пустилъ людей. Главная опасность заключалась въ томъ, что весь дымъ шелъ въ работы и грозилъ задушить всѣхъ, бывшихъ тамъ рабочихъ. Въ эту ночь ихъ было въ шахтѣ человѣкъ двадцать.

На шахтѣ раздавались зловѣщіе, рвущіе душу, гудки... Была гололедица; я нѣсколько разъ упалъ, пока добѣжалъ до шахты, и мнѣ казалось, что я бѣгу цѣлую вѣчность, и этому конца не будетъ... Отовсюду спѣшили рабочіе, дрожа отъ холода и ночного испуга, скользя, падая и спотыкаясь... Въ самомъ надшахтномъ зданіи они робко жались другъ къ другу, изъ какого-то суевѣрнаго страха даже не разговаривая о несчастіи. Лица ихъ были угрюмо-зловѣщи, какъ у испуганныхъ звѣрей, внезапно окруженныхъ охотниками... Пока я бѣжалъ къ шахтѣ—у меня была хоть тѣнь надежды: можетъ быть, десятникъ ошибся, и тревога окажется ложной.. Но, вбѣжавъ въ зданіе, я увидѣлъ валившій изъ шахты дымъ... Въ головѣ моей молніей блеснула мысль, что часть рабочихъ можно было бы спасти, перемѣнивъ направленіе вентиляціи. Но въ шахтѣ не имѣлось сильнаго вентилятора и другихъ приспособленій: они дорого стоили... Сдѣлать же это тѣми средствами, какія имѣлись подъ руками,—нужно было не меньше сутокъ...

---

*) Камеронщикъ -рабочій, управляющій водоотливной машиной—камерономъ.

Во что бы ни стало, я рѣшилъ проникнуть въ шахту. Сопровождать меня вызвались десятникъ и еще одинъ рабочій. Я наскоро отдалъ приказанія сдѣлать все необходимое для перемѣны направленія вентиляціи; мы надѣли респираторы *), захватили электрическую лампочку, и насъ опустили въ шахту... У меня была слабая надежда спасти хоть нѣсколькихъ, еще не задохшихся, рабочихъ... Я рѣшилъ пробѣжать по выработкамъ, возможно дальше, спасая встрѣчныхъ...

Около получаса мы шли по заполненнымъ дымомъ выработкамъ, не натыкаясь ни на живыхъ, ни на мертвыхъ. Рабочіе, находившіеся въ шахтѣ, были расположены далеко отъ ствола, и ихъ можно было считать погибшими... Но на томъ разстояніи, которое мы прошли,—намъ должны были встрѣтиться четыре человѣка: двѣ пары крѣпильщиковъ. Ихъ-то я и разсчитывалъ спасти,—во всякомъ случаѣ, найти живыми или задохшимися... Но вдругъ я почувствовалъ тошноту, сильную головную боль и всѣ симптомы близкаго обморока. Это же ощущеніе явилось вскорѣ и у моихъ товарищей,—обстоятельство, заставившее насъ повернуть назадъ. На нашу бѣду, мы отошли далеко отъ ствола и устали,—между тѣмъ, воздухъ становился все хуже, идти становилось все тяжелѣе. Мы еле подвигались. Я помню страшную силу, которая притягивала меня къ землѣ: хотѣлось просто по-дѣтски, по глупому опуститься на землю, прилечь и... уснуть... И приходилось напрягать всѣ усилія воли, чтобы не поддаться дразнящему призыву сна...

И мы непремѣнно погибли бы, если бы случайно десятникъ не замѣтилъ огоньковъ, мелькнувшихъ гдѣ-то сбоку... Измученные, близкіе къ обмороку, мы забыли, что на пути къ стволу шахты долженъ быть одинъ заброшенный, не работающійся корридорчикъ съ глухимъ забоемъ, куда не проникаетъ вентиляціонная струя,—свободный, слѣдовательно, и отъ дыма. Я увѣренъ, что если бы не случайный взглядъ десятника, мы прошли бы мимо... Но теперь мы напрягли, конечно, всѣ силы и поспѣшили туда.

Лампочки, свѣтъ которыхъ замѣтилъ десятникъ, принадлежали тѣмъ четыремъ крѣпильщикамъ, которыхъ мы искали и не могли найти... Среди нихъ былъ и Куликовъ...

Освободившись отъ респираторовъ и глотая не совсѣмъ свѣжій, но все же свободный отъ дыма воздухъ, мы скоро пришли въ себя.

Мѣшкать было нельзя. Я помнилъ свое приказаніе пере-

*) Респираторъ—приборъ, дающій возможность нѣкоторое время находиться въ атмосферѣ испорченнаго воздуха.

мѣнить направленіе вентиляціи; между тѣмъ, въ настоящемъ нашемъ положеніи это распоряженіе было для насъ равносильно смертному приговору... Дѣло въ томъ, что при перемѣнѣ вентиляціи долженъ наступить періодъ, когда теченіе воздуха останавливается, такъ сказать, на мертвой точкѣ, и нашъ корридоръ, поэтому, неминуемо долженъ былъ наполниться дымомъ. Впрочемъ, если бы направленіе вентиляціи и не мѣнялось, мы рано или поздно должны были все равно погибнуть отъ дыма и другихъ продуктовъ горѣнія, въ силу закона такъ называемой диффузіи газовъ.

Я и мои невольные товарищи отлично сознавали это... Тогда я рѣшилъ употребить еще одно средство, отдалявшее нашу гибель, въ неизбѣжности которой никто изъ насъ не сомнѣвался: нужно было отгородиться непроницаемой перегородкой (перемычкой) отъ всѣхъ остальныхъ выработокъ. Для того, чтобы дымъ не просасывался сквозь перемычку, я назначилъ мѣсто для нея не у самаго входа въ нашъ корридоръ, а немного углубившись въ него, такъ что должна была получиться камера, въ которой дымъ находился бы почти безъ движенія, какъ вода въ тихой рѣчной заводи... Нельзя было, впрочемъ, отступать и слишкомъ далеко, потому что каждая пядь корридора, оставленная для дыма, сокращала то количество воздуха, которымъ мы могли располагать въ нашемъ замкнутомъ помѣщеніи.

Такъ мы и поступили. Отступивъ сажени на двѣ, на три отъ устья корридора, мы принялись устраивать перегородку. Все нужное для этого было подъ рукой: доски, глина, вода... Куликовъ, спасаясь отъ дыма, не забылъ захватить съ собой и топоръ, которымъ работалъ. Вообще, я замѣчалъ: когда русскому рабочему приходится спасаться отъ гибели, онъ почти никогда не разстанется съ своимъ рабочимъ инструментомъ... Онъ дѣлаетъ все, что нужно въ такихъ случаяхъ, спокойно, какъ-то сознательно, почти философски...

Такимъ образомъ, черезъ часъ перемычка была уже готова. Теперь мы находилась въ длинномъ, узкомъ, сыромъ гробу... Только могила наша была глубиною не въ сажень, а въ 60 саженъ, и въ ней были похоронены не мертвецы, а живые люди... Положеніе было ясное: намъ предстояло жить столько, насколько могло хватить воздуха въ корридорѣ, и съ каждымъ вздохомъ нашихъ грудей количество „нашего“ воздуха уменьшалось... А сверхъ того, должно было явиться истощеніе отъ голода... Ожидать помощи извнѣ мы не могли по той простой причинѣ, что корридоръ былъ окончательно заброшенъ, и только мнѣ, штейгеру, десятнику да двумъ, работавшимъ здѣсь, крѣпильщикамъ, теперь тоже находившимся съ нами,—было извѣстно его существованіе. Правда

у меня было мелькнула мысль—оставить съ наружной стороны перемычки какія-нибудь вещи, респираторъ или что-нибудь изъ одежды, чтобы указать на то, что за перемычкой люди... Но... мысль эта явилась уже послѣ сооруженія перемычки, и потомъ показалась такой незначительной, что я даже не высказалъ ея вслухъ... Я не ожидалъ скорой помощи, а воздуху намъ могло хватить не надолго... И, наконецъ, наряду съ этой мыслью, явилась другая:—не все ли равно?... Пусть будетъ, что должно быть...

И странно: покуда я еще не отгородился—мнѣ страстно хотѣлось жить, и я все придумывалъ способы спасенія... Но послѣ того, какъ почувствовалъ себя заживо погребеннымъ—мнѣ уже ничего не хотѣлось дѣлать, ни двигаться, ни думать... Какъ теперь вспоминаю,—не мною однимъ, а всѣми нами овладѣла апатія, лѣнь, тяжелое безразличіе къ близкой, неизбѣжной смерти... И, пожалуй, эта апатія, ужаснѣе глухихъ криковъ, борьбы, стуковъ, попытокъ къ спасенію... Тупое равнодушіе къ смерти страшнѣе протеста противъ нея...

VII.

И вотъ, началось это наше „сидѣніе“... Сейчасъ послѣ того, какъ была сдѣлана перемычка, я приказалъ потушить всѣ лампочки, чтобы сократить расходованіе воздуха. Остался свѣтъ только отъ моей электрической... Это было мое единственное распоряженіе за все то время, что мы находились въ корридорѣ... Вначалѣ мы еще обсуждали наше положеніе,—больше, впрочемъ, со стороны близости смерти... Потомъ перестали, замолкли... Я даже не знаю, думалось ли кому изъ насъ... Впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи,—думалось... Я же, повторяю, какъ-то застылъ...

Первыя сутки дыханіе было хотя затруднительно, но все же не такъ ужасно, какъ потомъ...

Да, это было дѣйствительно ужасно!... Казалось, что виски, грудь, бока завинчиваютъ въ тиски... Въ головѣ такая боль, точно съ живого сдираютъ черепъ... Въ вискахъ стучитъ такъ, что, кажется, слышно для окружающихъ, и отдается этотъ стукъ во всемъ тѣлѣ, въ мозгу... Сердце при каждомъ вздохѣ, какъ будто, накалывается на тонкую, острую спицу... Стараешься дышать рѣдко и неглубоко... и кажется, что горло сузилось до того, что для полнаго вздоха нужна вѣчность... Ежеминутно подымается изъ желудка къ горлу теплая, отвратительная волна, отъ которой въ глазахъ мутится, и кажется, что какая-то желтая, тягучая, вязкая рѣка течетъ и перекатываетъ затягивающую волну черезъ голову...

Къ концу вторыхъ сутокъ, какъ потомъ оказалось, умеръ одинъ изъ рабочихъ, „напарникъ“ Куликова по крѣпленію... Онъ былъ не совсѣмъ здоровый парнишка, лѣтъ восемнадцати, и не выдержалъ... Въ темнотѣ мы не видѣли его агоніи... Слышали только, что хрипѣлъ онъ страшно, и вдругъ замолкъ... Мы не обратили сначала вниманія, и лишь когда трупъ въ этомъ ужасномъ воздухѣ сталъ быстро разлагаться, въ моей головѣ проплыло что-то похожее на мысль о смерти рабочаго... Такъ онъ и находился все время возлѣ насъ, гніющій нашъ товарищъ... Не было ни силы, ни мысли оттащить его или засыпать углемъ... Мнѣ кажется, если бы въ то время кто-нибудь сталъ рѣзать меня ножомъ по горлу, я не сдѣлалъ бы даже попытки спастись...

. . . . . .

Желтышевъ остановился, потомъ поднялся со стула и, шатаясь, прошелся по комнатѣ... Всѣ хранили мертвое молчаніе. Мнѣ бросилось въ глаза лицо Стелькина: онъ глядѣлъ прямо на разсказчика и, по вытянутому лицу его, очевидно для него самого незамѣтно, — текли слезы, попадая на усы и бороду, дробясь при этомъ въ мелкія капельки, придавая какую то наивность его обыкновенно мало выразительному лицу...

VIII.

— ...Это было, кажется, на третій день нашего „сидѣнія“, — продолжалъ разсказчикъ. — Я вдругъ почувствовалъ, что кто-то притрогивается рукой къ моей рукѣ и услышалъ какія-то слова... Они чуть долетали до моего слуха, очевидно притупленнаго и подавленнаго въ полумертвомъ тѣлѣ... Вообще, я не обратилъ вниманія на это, потому что... потому что ни на что уже не обращалъ вниманія и ни о чемъ не думалъ... Однако, меня кто-то усиленно тормошилъ за плечо, и я, открывъ глаза, различилъ при свѣтѣ электрической лампочки—Куликова... Онъ стоялъ на колѣняхъ, рука его лежала на моемъ плечѣ, и онъ что-то объяснялъ мнѣ... Почти инстинктивно я сказалъ, опять закрывая глаза:

— Не слышу... не понимаю...

Тогда онъ уже совсѣмъ близко нагнулся къ моему уху и руками обхватилъ мою шею:

— Слышьте,—почти закричалъ онъ мнѣ надъ самымъ ухомъ,—грѣхъ вѣдь, грѣхъ большой.. Вмѣнится!

— Ахъ, оставь!...—еле простоналъ я.

— Грѣхъ, говорю... Вашъ грѣхъ, что понапрасну меня наказали... И мой: злобу я имѣлъ, простить не могъ... Господь караетъ...

Я невольно открылъ глаза и при свѣтѣ лампочки увидѣлъ передъ собой лицо Куликова, почти прижатое къ моему. Тогда я ничего этого ясно не сознавалъ, и только впослѣдствіи во всѣхъ подробностяхъ припомнилъ выраженіе его глазъ и всего лица... И теперь вотъ, какъ закрою глаза,—вижу... На лицѣ его было страданіе, но вмѣстѣ и какая-то вдохновенная мысль, торжественность, какая бываетъ у сильно вѣрующихъ передъ сознательной смертью..

— Ну, что же дѣлать?..—спросилъ я вяло...

— Простить надо, по Божьи чтобы...—сразу и твердо отвѣтилъ онъ, но тотчасъ же сбился и заговорилъ неясно, видимо не умѣя высказать свою мысль:—Какъ вотъ тогда, на кладбищѣ... Душевно вы объяснили тогда... И теперь бы такъ же вотъ... Знáчитъ, грѣхъ у насъ былъ и злоба... А теперь передъ Господомъ.. Чтобы безъ грѣха...

— Какъ же это?—съ усиліемъ спросилъ я:—Что нужно?

— А такъ... очень просто: вы мнѣ штрафъ простите, а я вамъ—обиду... Оно конечно, штрафъ—пустое... а простить надо...

— Ладно,—пробормоталъ я,—прощаю...

— Вотъ и спасибо!. И больше ничего... И я вамъ прощаю... По Божьи, значитъ...

Я помню торопливую радость, съ которою, захлебываясь, онъ произнесъ послѣднюю фразу. Его руки, обвившія мою шею во время нашего объясненія, крѣпко потянули меня къ себѣ, и его голова прижалась на нѣсколько секундъ къ моей... Наконецъ, онъ отпустилъ меня и, сказавъ:—Прощай теперь!—исчезъ въ могильной темнотѣ...

IX.

...Я былъ почти безъ сознанія, когда ко мнѣ подошли какіе-то люди и понесли куда-то... И потомъ, какъ только вынесли въ струю свѣжаго воздуха, окончательно потерялъ сознаніе... Мнѣ влили въ горло какую-то острую, оживляющую струю, прошедшую по всему тѣлу. Это было вино... Я помню страшную, колоссальную волну жизни, которая, зародившись Богъ знаетъ гдѣ, хлынула и залила все мое существо, когда я различилъ слабый, синеватый, разсѣянный свѣтъ, скользнувшій по осклизлымъ бревнамъ крѣпи... Я помню эту изумительную борьбу жизни и смерти, я до сихъ поръ ощущаю ее и... помню побѣду жизни...

На поверхности я окончательно пришелъ въ себя... Меня поздравляли, обнимали, несмотря на протесты доктора, но я плохо сознавалъ, что́ вокругъ меня происходитъ, и только радовался солнцу... Радовался, и щурился и, кажется, смѣялся...

Потомъ, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемый, я вышелъ изъ зданія. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ трупъ Куликова... Онъ лежалъ прямо на снѣгу, лицомъ вверхъ, съ распростертыми руками... Какая-то важная, торжественная, значительная мысль лежала вѣчной печатью на его закоптѣломъ, сильно похудѣвшемъ лицѣ, съ остановившимся стекляннымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ... И важность была также въ опушенныхъ сажею вѣкахъ надъ глазами, и въ плотно зажатыхъ губахъ и даже въ этихъ раскинутыхъ рукахъ, казалось, готовыхъ заключить въ свои объятія весь міръ... Кругомъ же все было покрыто спокойной пеленой бѣлаго, нетронутаго снѣга... Природа, какъ будто, приготовила фонъ для этого маленькаго, испачканнаго человѣка...

Я никогда не могу отдѣлить впечатлѣнія этой картины отъ впечатлѣнія другой, впослѣдствіи мною видѣнной. Однажды, въ бурную погоду, приставалъ къ берегу моря баркасъ. На немъ было 14 турокъ. Какъ сейчасъ, вижу разбушевавшееся море и на немъ эту кучку отважныхъ людей... Огромныя, безпорядочныя волны, съ грознымъ перламутровымъ переливомъ на хребтѣ, буйныя, шумныя, пѣнистыя... Кипитъ море,—куда глазъ хватитъ... Стадами встаютъ волны, падаютъ, шумно разбиваются о берегъ, разбѣгаются по немъ длинной, широкой, бѣлой пѣнистой лентой; съ глухимъ ропотомъ, увлекая прибрежные камни, убѣгаютъ назадъ въ море... А на хребтѣ волнъ скользитъ и падаетъ баркасъ... Вотъ-вотъ опрокинется... Много народу на берегъ сбѣжалось... больше турки... Перекликаются съ тѣми, что на баркасѣ, а у тѣхъ глаза горятъ... гребутъ такъ, что весла ломаются... Якорь то забрасываютъ, то снова подымаютъ... Среди пловцовъ былъ одинъ старикъ въ зеленой чалмѣ, съ желтымъ и гладкимъ, какъ старый пергаментъ, лицомъ. Вначалѣ онъ сидѣлъ въ баркасѣ и, какъ мнѣ казалось, тоже принималъ участіе въ борьбѣ со стихіей: онъ то указывалъ на якорь, то на берегъ... Вдругъ, вижу, опустился всѣмъ тѣломъ на дно баркаса, положилъ подъ голову руки и даже глаза закрылъ... Я не могу себѣ представить позы болѣе спокойной, чѣмъ та, которую онъ принялъ... И, знаете, сразу мнѣ показалось, что и буря на морѣ, и волны, и кричащія чайки надъ волнами, и прыгающій баркасъ, и люди на немъ, и встревоженная, озабоченная толпа на берегу,—все это происходитъ на фонѣ безстрастно-спокойнаго, восточно-величаваго лица стараго турка...

Вотъ такой же фонъ всему окружающему давалъ тогда, казалось, трупъ Куликова... На шахтѣ шумно суетились люди, стучала машина, свистѣлъ паръ—и всему этому, даже, какъ будто, бѣлому снѣгу и свѣтлому солнцу въ огромномъ си-

немъ куполѣ чистаго неба, давалъ какой-то глубокій, значительный, примиряющій фонъ — смѣшной при жизни, невзрачный человѣчекъ...

Меня отвели домой, съ величайшими предосторожностями накормили, напоили, и я вскорѣ уснулъ. Спалъ я долго, и меня давило тяжелое, безпрерывно повторявшееся сновидѣніе... Мнѣ казалось, что я стою у входа въ какой-то корридоръ, куда непремѣнно долженъ войти... Но, какъ только я ступилъ впередъ нѣсколько шаговъ, корридоръ началъ суживаться позади и, втянувъ въ себя, замкнулся, какъ смыкается пищеводъ удава, проглотившаго кролика... И со всѣхъ сторонъ онъ смазанъ жирной глиной... Я уже ползу, и онъ облѣпилъ меня вплотную... Я въ глиняномъ футлярѣ, и во рту у меня образуется глиняная пробка.. Я ползу, какъ змѣя, задыхаюсь... Мгновеніе—и я вступаю въ свѣтлый, просторный, наполненный людьми залъ... И опять сначала, опять то же самое...

X.

Я проспалъ почти сутки. Потомъ, дня три еще прохворавъ, оправился. Только тогда я узналъ исторію своего спасенія. Куликовъ вынулъ изъ перемычки двѣ доски, пролѣзъ наружу, вытащивъ за собою доски, и приладилъ ихъ снаружи къ перемычкѣ, присыпавъ мелкимъ углемъ... наскоро... Онъ оставилъ лишь очень небольшое отверстіе. Затѣмъ, къ самому устью корридора подкатилъ вагончикъ, бывшій въ продольной, положилъ на него топоръ, немного дальше—свой картузъ, самъ же помѣстился возлѣ перегородки, засунулъ въ отверстіе руку, давая знать тѣмъ, которые его увидятъ, что за перемычкой—люди, и такъ, сидя, задохнулся въ дыму...

У него хватило силы придумать все это, и онъ не ошибся. Направляя струю свѣжаго воздуха посредствомъ перемычекъ и подвигаясь впередъ, увидѣли вагончикъ съ топоромъ на немъ, картузъ и у самой перемычки трупъ Куликова, съ просунутой въ нашъ корридоръ рукою. Поняли, что это неспроста... Сломали перемычку и нашли насъ къ концу третьихъ сутокъ „сидѣнія“... Изъ шести человѣкъ двое было мертвыхъ... Воздухъ въ корридорѣ былъ до того испорченъ, что у вошедшихъ потухли лампы, и насъ замѣтили, лишь благодаря моей электрической лампочкѣ. Всѣ удивлялись, какъ хватило силъ у Куликова обдумать и выполнить такой сложный планъ, требовавшій даже нѣкоторой физической силы. Оттого, можетъ быть, хватило, что онъ ни минуты не думалъ о себѣ, а только о другихъ...

Всѣхъ погибшихъ во время пожара оказалось пятнадцать человѣкъ. Ихъ похоронили въ двухъ общихъ могилахъ: въ одной семь, въ другой—восемь... Я не настаивалъ на томъ, чтобы Куликова хоронили отдѣльно: не хотѣлось отдѣлять его отъ товарищей... И все отличіе той могилы, гдѣ онъ похороненъ, отъ другой—въ томъ, что на крестѣ я сдѣлалъ надпись: „Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха“,—съ указаніемъ на псаломъ и стихъ... точь въ точь, какъ тамъ, на кладбищѣ, гдѣ мы встрѣтились въ первый разъ.

Вскорѣ послѣ того я въ послѣдній разъ спустился въ шахту, осмотрѣлъ корридоръ... тотъ самый... А затѣмъ—отказался отъ своей должности... Знакомые разно объясняли мое твердое рѣшеніе больше не служить штейгеромъ. Мнѣ и самому причина рѣшенія, пожалуй, не совсѣмъ ясна.. Но мысль—продолжать эту службу по-прежнему, или хоть иначе, но вообще продолжать—была уже дика... Я не могъ себѣ представить, какъ буду я назначать на работу: такого-то-туда, такого-то-сюда... Мнѣ казалось, что если рабочій скажетъ—„не хочу туда“—я ничего ему не отвѣчу... Я потерялъ способность „повелѣвать“ на этихъ подземныхъ работахъ. И, кромѣ того, отлетѣло у меня изъ души что-то такое, чѣмъ я до тѣхъ поръ властвовалъ и чему самъ подчинялся... Отлетѣла и злоба, вражда ко всему...

Съ тѣхъ поръ я какъ-то блуждаю, не пристроюсь все еще ни къ чему... Теперь вотъ смотрителемъ... Зла, кажется, не дѣлаю... Что могу для больныхъ... Ну, да это уже неинтересно... главное уже разсказалъ... Спасибо, что слушали... Легче мнѣ самому—только голова болитъ... Да, кажется, уже и поздно...

Было три часа ночи. Оставивъ на столѣ все, какъ было, въ безпорядкѣ, мы одѣлись и тихо разбрелись по домамъ.

На дворѣ стояла свѣтлая морозная ночь. Красивая, холодная луна равнодушно и загадочно глядѣла съ очищавшагося отъ облаковъ неба и милліонами фосфорическихъ блестокъ переливалась въ снѣжной степной пеленѣ...

А. Дерманъ.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

V. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

I.

Изъ всѣхъ писателей, которые въ 1825 году хотѣли видѣть свои вольнолюбивыя мечты осуществленными, Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ былъ наиболѣе замѣтной и признанной литературной силой. Въ литераторскихъ кружкахъ онъ пользовался извѣстностью, какъ издатель моднаго и много нашумѣвшаго альманаха „Полярная Звѣзда“, и въ особенности какъ авторъ „Думъ“ и поэмы „Войнаровскій“—двухъ литературныхъ новинокъ, очень заинтересовавшихъ читателей. На Рылѣева смотрѣли, какъ на надежду россійской словесности, слѣдили за нимъ, какъ за развивающимся талантомъ, и жалѣли о немъ больше, чѣмъ обо всѣхъ его товарищахъ, когда 13 іюля 1826 года эта молодая жизнь оборвалась такъ неожиданно. Трагизмъ и ужасъ его смерти также не мало способствовали его извѣстности, которая росла, не смотря на то, что сочиненія его и его имя стали надолго достояніемъ лишь частныхъ бесѣдъ и устныхъ воспоминаній.

Видное положеніе Рылѣева, какъ писателя, и его еще болѣе видная роль какъ общественнаго и политическаго агитатора, давно уже привлекали къ нему вниманіе изслѣдователей, и тотъ, кто въ настоящее время берется говорить о немъ, можетъ располагать богатымъ матеріаломъ. За исключеніемъ оффиціальныхъ документовъ по его „дѣлу“—всѣ матеріалы біографическіе и библіографическіе опубликованы, и сочиненія его собраны и комментированы. Существуютъ также біографіи, съ фактической стороны вполнѣ удовлетворительныя *).

Не вполнѣ законченной и ясной остается лишь литературная оцѣнка его сочиненій, весьма цѣнныхъ, несмотря на то, что ихъ

*) Какъ напр. *А. Н. Сиротининъ*: „К. Ѳ. Рылѣевъ—Историко-литературный очеркъ“. „Русскій Архивъ 1890. Іюнь 113—208. *М. Н. Мазаевъ* „К. Ѳ. Рылѣевъ. Біографическій очеркъ“. „Библіотека Сѣвера“ 1893. Ноябрь VII—XX.

художественная стоимость и не можетъ быть признана первоклассной. Сочиненія эти всѣмъ извѣстны. Это—лирическія пѣсни, стихи на „гражданскіе" мотивы, историческія баллады и поэмы съ той же, открытой или затаенной, политической и общественной мыслью.

За этими стихотвореніями давно признана историческая заслуга, и она не требуетъ провѣрки, а лишь кое-какихъ оговорокъ и историческихъ справокъ, которыя полнѣе выяснили бы ея значеніе.

Такъ какъ служеніе музамъ не было придаткомъ въ жизни Рылѣева, и отражало въ себѣ весь ростъ и все развитіе его духовныхъ силъ съ самаго ранняго дѣтства, то говорить объ его творчествѣ и умалчивать объ его жизни—значило бы говорить о признаніяхъ и убѣжденіяхъ искренняго человѣка, не упоминая о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ они сложились и были высказаны. Необходимо поэтому припомнить общеизвѣстное. Стихи Рылѣева—вплетенные въ разсказъ объ его жизни—много выиграютъ и въ смыслѣ, и въ силѣ.

II.

Краткая жизнь Рылѣева была полна впечатлѣній и тревогъ—внутреннихъ и внѣшнихъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ привыкалъ онъ къ напряженію ума и воли, и боевая склонность характера при мягкомъ сердцѣ обнаружилась и окрѣпла въ немъ очень рано.

Дѣйствительно, рѣдко кто изъ передовыхъ людей того времени обладалъ такимъ подвижнымъ, легко воспламеняющимся темпераментомъ, такой прямолинейностью въ достиженіи намѣченной цѣли; и эти качества съ общимъ сентиментальнымъ задумчивымъ складомъ его души составляли весьма оригинальное сочетаніе. Вся жизнь была порывомъ и мечтой, стремленіемъ и раздумьемъ, вспышкой, полной вѣры въ себя, за которой нерѣдко слѣдовала нервная усталость, похожая на смиренье.

Мирнаго, счастливаго дѣтства Рылѣевъ (родился въ 1795 г.) *) не зналъ. Дѣтская его жизнь въ семьѣ была омрачена отсутствіемъ отцовской любви и постояннымъ страхомъ и грустью при видѣ терпѣливой и пугливой заботливости о немъ матери. Кроткая женщина,—она, если вѣрить разсказамъ, отсиживала иногда

*) О годѣ рожденія Рылѣева въ свое время шли пререканія. Въ нихъ принимали участіе гг. *Ефремовъ* [въ предисловіи къ изданію сочиненій Рылѣева], г. *„Любитель старины"* [„Русская Старина" 1872. Октябрь, 438] и *Д. Кропотовъ* [„Русская Старина" 1872. Ноябрь 603—4]. Изъ предложенныхъ годовъ 1789, 1795, 1796 и 1797—1795-ый годъ оказался достовѣрнымъ [„Русская Старина" 1875. Сентябрь 70—74]. На него указываетъ и самъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ.

въ погребѣ собственной усадьбы за свои размолвки съ мужемъ. Она очень любила сына и защищала его отъ незаслуженной суровости отца.

Такъ говоритъ семейное преданіе, и оно находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ мальчика. Когда на 12-мъ году онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ корпусъ, и ему пришлось писать письма „виновнику своего бытія"—какъ онъ выражался—онъ въ самыхъ почтительныхъ словахъ давалъ понять отцу, какъ мало нѣжности и искренняго чувства въ немъ пробуждало его имя.

Забѣжимъ нѣсколько впередъ и остановимся на этихъ школьныхъ письмахъ Рылѣева. Случай это или нѣтъ, но во всѣхъ письмахъ вопросъ идетъ о деньгахъ,—конечно грошовыхъ—которыми „дражайшій родитель" совсѣмъ забывалъ снабжать своего покорнаго сына. А деньги нужны были мальчику на книги и бумагу, да на уплату за частные уроки по геометріи,—нужны были и ему, и его сводной сестрѣ Аннѣ, которая тогда также училась въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Родителя просьбы дѣтей не особенно трогали, хотя дѣти и писали ему, что „цѣлуютъ его ручки и ножки" *). Онъ не отвѣчалъ сыну года по три, и сынъ долженъ былъ пускать въ ходъ весь резервъ своего сентиментальнаго краснорѣчія, чтобы его разжалобить. Къ такому краснорѣчію прибѣгъ нашъ кадетъ съ особенной силой наканунѣ выхода изъ корпуса, когда понадобились деньги „сообразныя обстоятельствамъ": для покупки мундира, сюртука, троихъ панталонъ, жилетокъ, „хорошенькой" шинели, кивера съ серебряными кишкетами и прочихъ принадлежностей воинскаго туалета. Сынъ надѣялся, что „родитель не заставитъ его долго дожидаться отвѣта" и осторожно прибавлялъ, не накинетъ ли онъ еще 50 рублей, чтобы нанять учителя биться на саблях" **). Родитель читалъ это посланіе и сердился. Всѣ нѣжности и всѣ цвѣты краснорѣчія, какими его „милый Кондраша", какъ онъ выражался, уснащалъ свое посланіе, у него отклика не нашли, а проектъ пріобрѣтенія разныхъ мундировъ и хорошенькихъ шинелей казался ему оскорбительнымъ... „Ахъ, любезный сынъ, писалъ онъ ему въ отвѣтъ,—сколь утѣшительно читать отъ сердца написанное, буде то сердце во всей наготѣ неповинности откровенно и просто изливается! Сколь же, напротивъ того, человѣкъ дѣлаетъ самъ себя почти отвратительнымъ, когда говоритъ о сердцѣ и обнаруживаетъ при томъ, что оно наполнено чужими умозаключеніями, натянутыми и несвязными

*) Письмо неизвѣстнаго года (но раньше 1812 г.). *Н. Мазаевъ.* „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. Спб. 1893. 129. *NB* Всѣ тексты изъ сочиненій и писемъ Рылѣева взяты въ нашей статьѣ изъ этого изданія.

**) Письмо 1812 г. 17 декабря. [*Мазаевъ*, 129—132].

выраженіями, и что всего гнуснѣе, то для того и повторяетъ о сердечныхъ чувствованіяхъ часто, что сердце его занято однѣми деньгами"... и родитель совѣтывалъ своему сыну, вступая въ новое для него поприще, прежде всего броситься въ отцовскія объятія и... вмѣсто двухъ дорого стоющихъ мундировъ явиться къ нему въ одномъ „казной даемомъ", да и пріѣхать на родину къ любящему и благословляющему отцу на деньги, которыя благодѣтельная казна жалуетъ—такъ какъ „на что же и существуютъ щедроты общаго нашего отца, какъ не затѣмъ, чтобы ими пользоваться?" *).

Расписываясь въ полученіи этого выговора, сынъ, въ слѣдующемъ же своемъ письмѣ, писалъ родителю, что онъ и слезы проливалъ, и сокрушался сердцемъ, читая отцовскія строки, но что отецъ напрасно обвиняетъ его въ противорѣчіяхъ и малой разсудительности: онъ, *перечитывая копіи со своихъ писемъ*, ничего подобнаго въ нихъ не усматриваетъ; впрочемъ, зная „сколь неприлично оспаривать мнѣніе отца, хотя бы и несправедливое,—умолкаетъ". **).

Такая сыновняя нѣжность и предусмотрительность въ перепискѣ освѣщаютъ надлежащимъ свѣтомъ тѣ воспоминанія, какія ребенокъ вынесъ объ отцѣ изъ родного дома. „Правда твоя—говорила ему впослѣдствіи мать—что я не была счастлива; отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе; что дѣлать, Богу такъ угодно" ***).

Сознавая это „неспокойное" положеніе ребенка въ семьѣ, мать и рѣшилась рано разлучиться съ нимъ, и въ 1807 году свезла его въ Петербургъ, гдѣ онъ 23 января и поступилъ въ первый кадетскій корпусъ.

Изъ семейной атмосферы, пріучавшей ребенка къ ранней осмотрительности, быть можетъ, хитрости, но во всякомъ случаѣ не къ благодушнымъ впечатлѣніямъ тихаго огражденнаго дѣтства, ребенокъ попадалъ теперь въ военную школу очень своеобразную, которая могла лишь усилить въ немъ тотъ духъ самостоятельности и самообороны, который былъ въ немъ пробужденъ еще подъ отеческой кровлей.

III.

Первымъ кадетскимъ корпусомъ управлялъ въ тѣ годы, когда Рылѣевъ поступилъ въ него, знаменитый Максимиліанъ фонъ-Клингеръ, нѣкогда восторженный нѣмецкій буршъ, поэтъ, другъ

*) Письмо отца. 1813. г. 30 апрѣля. „Русская Старина" 1875. Сентябрь 71—73.

**) Письмо къ отцу 1813 г. Іюль [*Мазаевъ*, 132].

***) Письмо матери 1817 г. 19 октября (послѣ смерти отца) „Русская Старина" 1875. Сентябрь, 73.

Гете, поклонникъ свободы, одинъ изъ блестящихъ и даровитыхъ представителей эпохи бури и натиска, а съ 1801 года генералъ-маіоръ русской службы и директоръ военнаго заведенія. „На воспитаніе довѣреннаго ему юношества Клингеръ не обращалъ никакого вниманія и весьма часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ воспитанниковъ. Съ утра до ночи сидѣлъ онъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, занимаясь своими литературными произведеніями, которыя пересылалъ потомъ для напечатанія за границу. Почти о каждомъ изъ своихъ произведеній онъ предварительно сообщалъ въ министерство полиціи, завѣдывавшее тогда цензурой, для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ о непропускѣ ихъ въ Россію, такъ какъ сочиненія свои считалъ крайне опасными для малопросвѣщенной русской публики. Минуты отдохновенія своего онъ обыкновенно проводилъ со своими собаками, которыхъ имѣлъ множество, любилъ самъ ихъ кормить и училъ скакать черезъ палку“ *).

Со своими собаками онъ обращался, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ со своими воспитанниками, которыхъ, говорятъ, подвергалъ очень строгимъ тѣлеснымъ истязаніямъ. Жизнь въ корпусѣ могла бы, вѣроятно, и агнца обратить въ хищнаго звѣря, если бы ея не скрашивали нѣкоторые изъ подчиненныхъ свирѣпаго директора, скромные русскіе служаки, у которыхъ подъ военнымъ мундиромъ билось необычайно доброе и мирное сердце. Имена ихъ сохранили благодарные ученики, и кто пожелалъ бы узнать, сколько рыцарской смѣлости и честности было въ душѣ скромнаго инспектора (а затѣмъ директорѣ корпуса) Михаила Степановича Перскаго, сколько самоотверженной любви и доброты въ экономѣ и бригадирѣ Андреѣ Петровичѣ Бобровѣ и въ корпусномъ докторѣ Зеленскомъ—тотъ можетъ развернуть воспоминанія Н. С. Лѣскова **). Если изъ этихъ воспоминаній и исключить всякое невольное преувеличеніе—въ нихъ всетаки останется достаточно теплоты, которая свидѣтельствуетъ о томъ, какъ воспитанники любили этихъ безвѣстныхъ гуманныхъ труженниковъ и служителей нашей старой и жестокой системы воспитанія.

Свѣдѣнія о жизни Рылѣева въ корпусѣ—отрывочны и неполны. Говорятъ, что онъ былъ любимцемъ своихъ товарищей, предпріимчивымъ сорванцомъ, коноводомъ и атаманомъ въ разныхъ неизбѣжныхъ продѣлкахъ и шалостяхъ, часто принималъ вину товарищей на себя и сознавался въ проступкахъ, сдѣланныхъ другими; что однажды за чужую вину былъ даже жестоко наказанъ и чуть-чуть не исключенъ изъ корпуса, но что подъ ко-

*) *Д. Кропотовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1869. III. 231.

**) *Н. С. Лѣсковъ.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе Маркса. Спб. 1902, III, „Кадетскій монастырь“ 122—157.

нецъ корпусной жизни, однако, смирился и сдѣлался скроменъ *). Гречъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія, говоря, что Рылѣевъ велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками, что сѣкли его нещадно, но что онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру **). Все это легко допустимо.

Преподаваніе въ корпусѣ никакими достоинствами не блистало, хотя программа на бумагѣ и выглядѣла весьма прилично и казалась разнообразной и широкой. Если бы Рылѣевъ самъ не восполнялъ чтеніемъ пробѣлы преподаванія, онъ вышелъ бы изъ корпуса съ весьма скуднымъ умственнымъ багажемъ, хоть и окончилъ заведеніе по первому разряду. Но, какъ онъ признавался своему любезному батюшкѣ, „онъ былъ великій охотникъ до книгъ“ и не терялъ времени. Къ услугамъ его была довольно хорошая корпусная библіотека; онъ могъ читать по-французски и по-польски ***), но какія книги въ его рукахъ перебывали—неизвѣстно. По нѣкоторымъ мѣстамъ изъ его писемъ тѣхъ годовъ можно догадываться, что онъ почитывалъ французскихъ „философовъ“ и Руссо.

Когда впослѣдствіи, уже послѣ смерти Рылѣева, стали доискиваться, не коснулась ли его либеральная зараза еще въ корпусѣ, когда въ его память стали всѣмъ кадетамъ, которые грѣшили стихами, отмѣривать 50 ударовъ—было высказано предположеніе, что на образъ мыслей Рылѣева, еще на школьной семьѣ, имѣла вредное вліяніе одна историческая хрестоматія, изданная для воспитанниковъ корпуса П. Желѣзниковымъ, подъ заглавіемъ „Сокращенная Библіотека“ ****). Гречъ открыто обвинялъ „даровитаго, но пьянаго“ Желѣзникова въ томъ, что онъ былъ насадителемъ либерализма въ первомъ корпусѣ, гдѣ воспитывались нѣкоторые изъ декабристовъ (?). „Желѣзниковъ—говорилъ Гречъ—помѣщалъ въ своей „Библіотекѣ“ цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія и рѣчи изъ тогдашнихъ журналовъ, и заманчивыя идеи либерализма, свободы, равенства, республиканскихъ доблестей ослѣпили читателей“ *****). Былъ ли Желѣзниковъ „пьянъ,“ это теперь установить трудно, но книга его была очень трезво и умѣло

---

*) *Д. Кропотовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“ „Русскій Вѣстникъ“ 1869, III, 232.

А. Н. Сиротининъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ“ „Русскій Архивъ“ 1890, VI, 117.

**) *И. И. Гречъ.* „Записки о моей жизни“ 1886. Спб., 366.

***) *Д. Кропотовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 235.

****) „Сокращенная Библіотека въ пользу господамъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса“ 4 части 1800—4 издана П. Желѣзниковымъ. Въ 1821 году первая часть этой Библіотеки была переиздана.

*****) *Гречъ.* „Записки о моей жизни“, 368. А также „Отголоски 14 Декабря 1825 г.“ Изъ записокъ одного не декабриста, 9.

составлена, хоть ничего революціоннаго и республиканскаго въ себѣ не заключала. Это былъ подборъ хорошихъ образцовъ для чтенія изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія (географіи, этнографіи, исторіи, философіи, естественныхъ наукъ, иностранной словесности и т. п.), подборъ толковый и направленный къ тому, чтобы возбудить въ юношахъ интересъ къ серьезному чтенію вообще. Опредѣленнаго какого-нибудь направленія въ книгѣ не было *), но она обладала, безспорно, способностью заставить читателя шевелить мозгами, вслѣдствіе чего, вѣроятно, въ 1834 году и была изъята изъ школьныхъ библіотекъ.

Не будучи ни такой опасной, ни такой ничтожной, какой ее аттестуетъ одинъ изъ ея старыхъ читателей тридцатыхъ годовъ **), книга Желѣзникова, во всякомъ случаѣ, никакого рѣшающаго вліянія на образъ мыслей Рылѣева не имѣла.

Да и какой могъ быть тогда у Рылѣева образъ мыслей? Сентиментальный мальчикъ, съ очень живымъ темпераментомъ, останавливался, правда, передъ нѣкоторыми трудными вопросами жизни, рѣшалъ ихъ съ чужого голоса, декламировалъ при случаѣ по поводу ихъ въ тогдашнемъ повышенномъ и сладко-реторичномъ тонѣ—но во всѣхъ этихъ размышленіяхъ Рылѣева и его словахъ, кромѣ общей ихъ серьезности, не было и тѣни какого-либо „направленія". Пытливая и серьезная мысль просто находилась въ движеніи и ждала этого направленія, которое и было ей дано позже, когда Рылѣевъ попалъ заграницу.

Вопросы, о которыхъ онъ теперь думалъ, открываются намъ въ тѣхъ его письмахъ изъ корпуса, о которыхъ мы уже говорили. Прося у родителя денегъ, Рылѣевъ считалъ долгомъ не скрывать отъ него своихъ добродѣтелей, къ числу которыхъ относилъ и свою способность „философствовать". Эти размышленія 17-ти лѣтняго философа стоютъ того, чтобы на нихъ остановиться, такъ какъ — за вычетомъ напущеннаго на себя глубокомыслія, разсчитаннаго, конечно, на то, чтобы поразить родителя—въ этихъ размышленіяхъ всетаки открывается передъ

*) Вотъ списокъ наиболѣе выдающихся отрывковъ, за исключеніемъ стихотворныхъ: „Цицеронъ о Богѣ", „Сократъ", „Катонъ и Цезарь", „Вашингтонъ", „Сципіонъ", „Франклинъ", „Рѣчь Агриколы", „Рѣчь дикаго", „Уоллинъ", „М-де Севинье" „Аббадона", „Сюлли", „Борисъ Годуновъ", „Гердеръ", „Рѣчь Сенеки", „IX Дермосѳенова филлиппика", „Генрихъ IV, „Вольный городъ Гамбургъ", „Лейбницъ", „Шествіе разума Декартова", „Джефферсонъ", „Марѳа Посадница".

**) „Кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ повѣстей Карамзина, книга Желѣзникова заключала множество переводныхъ статей самаго невиннаго содержанія, принадлежащихъ по слогу ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Она находилась у всѣхъ въ какомъ-то пренебреженіи, никто и не бралъ ее въ руки, а если иногда и приводили изъ нея цитаты, то развѣ для потѣхи. Мы никогда и не подозрѣвали въ ней свойства орсиньевской гранаты". *Д. Кропотовъ*. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 235. Кропотовъ, очевидно, забылъ содержаніе старой хрестоматіи.

нами тайникъ души и мысли молодого мечтателя. Онъ, дѣйствительно, думалъ о томъ, что пишетъ, и, какъ образцовый сынъ своего сентиментальнаго времени, куда-то рвался, чѣмъ-то томился, чего-то боялся и жаждалъ для себя особаго жребія. „Та минута, писалъ онъ отцу передъ выпускомъ, которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашенный философами, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута—есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но, вѣрно, не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. Я знаю свѣтъ только по однѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи... Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій... обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе... Но сердце, вѣчно съ умомъ соперничествующее, учитъ меня противному: „Иди смѣло и презирай всѣ несчастія. всѣ бѣдствія, и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостью, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ“. Тутъ я восклицаю: „Быть героемъ, вознестися превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу. Кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? Умъ всѣ почти человѣческія страсти и предпріятія осуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая. Сердце же всегда готово наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами. Для него свѣтъ—прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель, и порокъ изрѣдка показывается въ немъ такъ, какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. Слѣдовать же уму—значитъ быть человѣконенавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Соразмѣрно ли силамъ человѣческимъ принять эту методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжной дружбой, не раздражать его самолюбія. не хулить чужихъ поступковъ,—и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты найдешь отраду въ состраданіи ближняго, и возвращеніе твое къ счастію будетъ неизъяснимо пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны всѣ умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ прежнее было—ничто. Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои

правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ слѣдовать я намѣренъ“ *).

Родитель былъ крайне взбѣшенъ этой сладкой риторикой, обозвалъ ее пустословіемъ съ чужихъ словъ и, какъ трезвый, пожившій человѣкъ, былъ, по своему, правъ. За напыщенной формой онъ не разглядѣлъ, однако, въ словахъ сына—затаеннаго смысла. Всѣ такія возвышенныя тирады, часто попадающіяся и въ позднѣйшихъ письмахъ Рылѣева, были неумѣлымъ выраженіемъ одного глубокаго и искренняго психическаго движенія. Экзальтированная, довѣрчивая и сентиментальная душа боролась въ мальчикѣ съ искушеніями скептическаго ума, вѣра въ людей сталкивалась съ подозрѣніемъ, надежды на „прелести“ жизни съ первымъ раздумьемъ объ ея опасностяхъ. Рылѣевъ стоялъ на распутьи между двумя міросозерцаніями,— сентиментально-благодушнымъ и критически-активнымъ, ожидая многаго отъ жизни „свѣтской“, т. е. въ данномъ случаѣ отъ жизни за стѣнами училища, которое онъ долженъ былъ скоро покинуть.

О литераторской славѣ онъ въ эти годы совсѣмъ не мечталъ **), и грезились ему подвиги бранные. Онъ хотѣлъ требовать для себя чинъ офицера артиллеріи, чинъ „льстящій молодыхъ людей до безумія“, хотѣлъ „пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли родной, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, надолюбиваго за тѣ попеченія, которыя были восприняты о немъ“ во время его долголѣтняго пребыванія въ корпусѣ.

И эти мечты Рылѣева исполнились—правда, не совсѣмъ такъ, какъ ему хотѣлось. Война 1812 года отшумѣла, прошелъ и кровавый 1813-ый годъ, и только зимой 1814 года Рылѣевъ надѣлъ эполеты прапорщика 1-ой резервной артиллерійской бригады и помчался за границу, чтобы быть свидѣтелемъ хотя бы послѣд-

*) Письмо къ отцу 1812, 17 Декабря [Мазаевъ, 130].

**) Въ корпусѣ онъ писалъ весьма слабые стихи на патріотическія темы [смт. изданіе *Ефремова*. 1875, 341]. Написалъ онъ также маленькую поэму на смерть нѣкоего Кулакова, помощника эконома въ корпусѣ. Эта „Кулакіада“ (напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1896 г. Мартъ, 506—510) была самымъ ординарнымъ гимназическимъ упражненіемъ въ стихахъ, описывала въ насмѣшливомъ тонѣ кончину эконома, слезы его начальника и погребальное шествіе на Смоленское кладбище, и въ общемъ подтверждала правильность сужденія о ней самого автора, который говорилъ:

„Я не поэтъ —а просто воинъ,
Въ устахъ моихъ нескладенъ стихъ...

(Разсказываютъ, что эту поэму Рылѣевъ подсунулъ главному эконому, вмѣсто рапорта, который тотъ ждалъ для подачи директору, и экономъ такимъ образомъ передалъ по начальству памфлетъ, въ которомъ самъ былъ осмѣянъ).

Во всякомъ случаѣ все, что намъ извѣстно о стихахъ, написанныхъ Рылѣевымъ въ корпусѣ, не даетъ права предположить, что мальчикъ придавалъ имъ какое-либо значеніе.

ихъ событій наполеоновской эпопеи, которая тогда была на исходѣ.

IV.

Походная жизнь Рылѣева продолжалась всего $1^1/_2$ года, и то съ перерывомъ. Необычайно быстро доѣхалъ онъ до Рейна и потомъ съ такой же быстротой вернулся въ Дрезденъ, гдѣ мы его и застаемъ въ сентябрѣ 1814 года.

Въ Дрезденѣ онъ живетъ при своемъ дядюшкѣ, комендантѣ города, М. Н. Рылѣевѣ, при которомъ и „почтеннѣйшая его супруга Марія Ивановна". Рылѣевъ очень веселъ, не смотря на то, что только что получилъ извѣстіе о кончинѣ своего родителя и о томъ, что денежныя дѣла послѣ покойника остались въ очень запутанномъ состояніи *). Отъ дядюшки онъ въ большомъ удовольствіи—„дядюшка добръ, обходителенъ, замѣняетъ ему умершаго родителя и даже выхлопоталъ ему какое-то мѣсто въ Дрезденѣ при артиллерійскомъ магазинѣ, и въ день его рожденія подарилъ ему на мундиръ лучшаго сукна. Почтеннѣйшая супруга дядюшки своей заботливостью и попеченіемъ превосходитъ также всякое описаніе" **).

Эта привольная жизнь Рылѣева въ Дрезденѣ закончилась какимъ-то крупнымъ скандаломъ. Не то его острый языкъ, не то какая-то выходка,—а можетъ быть и нѣчто большее, намъ неизвѣстное,—но только русскіе обыватели города Дрездена обратились къ начальнику его дяди, князю Репнину, съ просьбой убрать досадившаго имъ прапорщика изъ города — и Рылѣевъ, потерявъ мѣсто, долженъ былъ уѣхать ***), послѣ довольно бурной сцены съ комендантомъ ****).

*) Отецъ Рылѣева управлялъ имѣніями княгини В. Н. Голицыной и, кажется, управлялъ довольно неряшливо, такъ какъ она послѣ его смерти предъявила его наслѣдникамъ искъ въ 80.000 рублей. Вслѣдствіе этого иска имущество Рылѣева было конфисковано, и началась длинная тяжба, которая стоила большихъ хлопотъ Рылѣеву и заботила его еще въ 1826 году, когда онъ сидѣлъ въ равелинѣ.

**) Письмо къ матери 1814 г., 21 Сентября. [*Мазаевъ*, 133]. Дядюшкины ордена Рылѣеву, кажется, особеннаго уваженія не внушили, если судить по стихотворенію, которое онъ переслалъ матери изъ Дрездена въ 1814 г. 28 Февр. [*Мазаевъ*, 133].

На что высокій чинъ, богатства,
На что и множество крестовъ!
Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
Когда душевно нездоровъ.

***) *Сиротининъ*. „К. Ѳ. Рылѣевъ", 124.

****) Въ семьѣ Рылѣевыхъ сохранился разсказъ объ этомъ объясненіи дяди съ племянникомъ. Комендантъ приказалъ племяннику уѣхать въ 24 часа изъ Дрездена и съ сердцемъ сказалъ: „если ты осмѣлишься ослушаться, то пре-

Очутился онъ послѣ этого со своей бригадой въ Минской губерніи, гдѣ скучалъ и хандрилъ,—впрочемъ, очень недолго. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило его опять выступить въ походъ и спустя нѣсколько мѣсяцевъ Рылѣевъ былъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ пробылъ до осени 1815 года, когда побрелъ назадъ въ Россію.

Это, хоть и очень краткое, пребываніе за границей должно было оказать не малое вліяніе на образъ мыслей Рылѣева. Извѣстно, какія впечатлѣнія вынесены были нашей военной молодежью изъ ихъ знакомства съ западомъ въ періодъ войнъ за освобожденіе. Вѣроятно, и Рылѣевъ испыталъ эти впечатлѣнія и многое передумалъ; говоримъ—вѣроятно, потому что ни въ письмахъ его изъ заграницы, ни въ его замѣткахъ и наброскахъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на опредѣленную работу его мысли. Съ перомъ онъ за границей не разставался, и любовь къ писанію въ немъ возросла, но писалъ онъ на самыя разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ невинныя темы. Писалъ сатирическіе стихи на русскихъ сентиментальныхъ поэтовъ, которыхъ топилъ въ Летѣ *), описывалъ сраженія, переводилъ французскіе стихи, набросалъ историческое описаніе Шафгаузена, велъ дневникъ своихъ прогулокъ **) по Парижу; кажется, въ это же время написалъ и легкую комедію въ стилѣ французскаго водевиля ***).

Все это были опыты еще весьма неумѣлаго литератора, которому стихи совсѣмъ не давались. Среди этихъ набросковъ есть только одинъ съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ. Это какой-то отрывокъ, озаглавленный „Нѣчто о среднихъ временахъ“ ****) Рылѣевъ разсуждаетъ о мракѣ необразованности среднихъ вѣковъ, о суевѣріи, которое сковывало тогда умъ, о монашествѣ, которое изъ собственныхъ выгодъ старалось не выводить народъ изъ невѣжества и преслѣдовало всѣ оригинальные умы, погибавшіе нерѣдко ужасной смертью, пока не явился Лютеръ—„предпріимчивый, благоразумный Лютеръ“ *****).

дамъ военному суду и разстрѣляю“. — „Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ“, отвѣчалъ, будто бы, Рылѣевъ [„Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ“. „Русская Старина“, 1873. X, 441]. Разсказъ, вѣроятно, выдуманъ позднѣе.

*) „Путешествіе на Парнассъ“. Дрезденъ, 1814.

**) „Изъ писемъ изъ Парижа“, 1815. [*Мазаевъ*, 113, 114]. Въ письмахъ нѣтъ рѣшительно ничего любопытнаго. Рылѣевъ описываетъ Парижъ, декламируетъ на тему о величіи и паденіи Наполеона, мимоходомъ говоритъ о любви французовъ къ независимости и славѣ—и все это въ очень общей и шаблонной формѣ.

***) Сочиненія Рылѣева, изданіе *Ефремова* 1875, 343.

****) Написанъ по дорогѣ отъ Бреславля 15 Мая 1815 г.

*****) „Явился онъ—и гдѣ ярмо несчастныхъ? Великій, чудесный духъ! Удивляюсь тебѣ и благоговѣю“—восклицалъ въ концѣ отрывка восторженный авторъ.

Не богаты мыслями и частныя письма, которыя писалъ Рылѣевъ въ эти годы. „Великая нація и ея паденіе, ея войска, ставшія шайкой разбойниковъ и ихъ начальникъ — Донъ-Кихотъ", правда, поразили умъ юноши; „любопытство знать будущее снѣдало его", и онъ восклицалъ: „Время! время! Лѣта! Скорѣе удвойте полетъ свой"—но и только: въ дальнѣйшія размышленія, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, Рылѣевъ не вдавался. За то въ его письмахъ было вдоволь знакомой намъ сентиментальной риторики: „О вельможи, о богачи!—декламировалъ онъ, раздумывая надъ своимъ собственнымъ финансовымъ положеніемъ:— Неужели сердца ваши не человѣческія! Неужели они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждущаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостной надеждою на Спасителя, Который, въ противность варварства людей, гонимыхъ ими, всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой *).

По всѣмъ этимъ замѣткамъ и письмамъ нельзя, конечно, составить себѣ понятія ни объ умственныхъ интересахъ Рылѣева за это время, ни объ его настроеніи.

Впрочемъ, обиліе и новизна впечатлѣній заграничной жизни могли такъ на него подѣйствовать, что онъ сразу и не былъ въ силахъ въ нихъ разобраться, и выяснялъ ихъ въ тиши, не дѣлясь ни съ кѣмъ своими мыслями **). Во всякомъ случаѣ, мысль его начинала работать и притомъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ опредѣленномъ направленіи, отъ котораго онъ уже не отступалъ ***).

---

*) Письмо къ матери 1815 г. 6 Марта. (*Мазаевъ*, 135). Дѣло идетъ о тѣхъ вельможахъ, которые обвинили его отца въ растратѣ и настояли на секвестраціи его имущества. „О дрожайшая матушка, пишетъ онъ по этому же дѣлу:—Неужели Богъ не слышитъ тѣ ежедневныя пламенныя моленія, сопровождаемыя токомъ слезъ, которыя я ежедневно возсылаю къ Нему? Вы пишете, что не имѣется у васъ денегъ, дабы выкупить послѣднюю фамильную драгоцѣнность, сыновнее сокровище — вашъ портретъ! Не присылайте лучше ко мнѣ ни копѣйки, постарайтесь только выручить портретъ!"

**) Въ показаніи на судѣ онъ признавался, что свободомысліемъ первоначально заразился во время походовъ во Францію въ 1814 и 1815 годахъ.

***) Къ Парижской жизни Рылѣева относится и одинъ любопытный (если не вымышленный) эпизодъ, о которомъ разсказываетъ Ѳ. Тимирязевъ („Страницы прошлаго" „Русскій Архивъ" 1884," I) Отецъ Тимирязева, съ товарищами, среди которыхъ былъ и Рылѣевъ, забрелъ въ Парижѣ къ знаменитой прорицательницѣ Le Normand. Когда къ ней подошелъ Рылѣевъ, она, взглянувъ на его руку, оттолкнула ее какъ бы съ ужасомъ и отказалась предсказывать ему его судьбу. Онъ сталъ настаивать, и вся молодежь съ любопытствомъ окружила прорицательницу. Наконецъ, гадальщица уступила, долго вглядывалась и пробормотала: «Vous ne mourrez pas d'une mort naturelle». «Je serai tué à la guerre?»—«Non.»—«Alors en duél?»—«Non, non, bien pire que cela ne me questionnez plus, je ne vous dirai plus rien»—отвѣчала гадальщица.

V.

Послѣ Парижа Рылѣевъ со своей бригадой очутился въ дебряхъ Воронежской губерніи, на лѣтнихъ и зимнихъ квартирахъ. Здѣсь прожилъ онъ цѣлыхъ три года (съ 1817–1820 г.), весьма знаменательныхъ въ его жизни. Съ внѣшней стороны эта жизнь была, конечно, убійственно скучная и сѣрая, но для Рылѣева она протекала быстро и имѣла свою большую поэтическую прелесть.

Службой онъ былъ на первыхъ порахъ доволенъ, хотя и сталъ подумывать объ отставкѣ. „Если бы не обстоятельства, писалъ онъ матери, о которыхъ я неоднократно уже изустно и письменно съ вами объяснялся, то, конечно, никогда бы не подумалъ я объ оставленіи службы, которая доставляетъ молодому человѣку такое общество, въ коемъ, кромѣ образцовъ истиннаго благородства, дружескаго согласія и безкорыстной другъ къ другу любви, онъ ничего не видитъ *).

Этотъ панегирикъ русскому воинству имѣлъ, вѣроятно, свои вполнѣ законныя основанія. Военная молодежь александровскаго времени была, безспорно, передовымъ культурнымъ элементомъ въ глухой провинціи, куда она была заброшена послѣ походовъ 1813—1815 годовъ, и Рылѣевъ, одинъ изъ лучшихъ представителей этого сословія, отдавалъ своимъ товарищамъ въ данномъ случаѣ только должное. Если онъ собирался выйдти изъ ихъ среды, то тому были свои причины. Во-первыхъ, чисто экономическія: послѣ смерти отца, денежныя дѣла семьи Рылѣева были очень разстроены, и онъ былъ нуженъ для ихъ поддержки. Военная же служба только поглощала и безъ того небольшіе доходы и заставляла Рылѣева прибѣгать къ разнымъ увертками и хитростямъ, а иногда и терпѣть настоящую нужду **).

Главной причиной, впрочемъ, его рѣшенія покинуть службу были помыслы о собственномъ семейномъ очагѣ, о которомъ Рылѣевъ сталъ думать съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ семьей помѣщика Тевяшева, жившей по сосѣдству съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ квартировалъ его полкъ. Эти матримоніальныя мысли стали особенно сильно занимать Рылѣева съ августа 1817 года—какъ можно догадаться по необычайно чувствительному тону его писемъ къ матери, которую онъ осторожно подготовлялъ къ той новости, какой собирался съ ней подѣлиться.

---

*) Письмо къ матери 10 августа 1817. *Мазаевъ* 136.

**) — Я такъ обносился, писалъ онъ матери, что даже стыдно. Бѣлье скоро совсѣмъ нельзя будетъ носить, а въ платьѣ не знаю какъ и исправиться, потому что нѣтъ денегъ и сверхъ того, долженъ товарищамъ. «Письмо къ матери 18 іюня 1818, [*Мазаевъ*, 141].

„Вы желаете знать, писалъ онъ ей, каковы наши квартиры? Такіе, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ слободѣ Бѣлогорьѣ, въ полуверстѣ отъ Дона. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противуположномъ берегу растущаго, погружаемся въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и чрезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ — и, наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генералъ-маіоршу Анну Ивановну Бедрагу; у нея лечится теперь сынъ ея, подполковникъ гвардейскаго конно-егерскаго полка, раненый при Бородинѣ. Домъ весьма почтенный и гостепріимный, и мы въ ономъ приняты, какъ нельзя лучше *). Въ праздничные дни ѣдемъ къ другимъ помѣщикамъ, а я чаще на зимнія свои квартиры, въ село Подгорное, гдѣ также живетъ добрый, гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшевъ; въ семействѣ, его мы также приняты, какъ свои, и проводимъ время весьма весьма пріятно“ **)...

Спустя мѣсяцъ всѣ неясности и тонкіе намеки этого письма сразу разъясняются для родительницы, къ великому ея удивленію. Сынъ пишетъ ей, что давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ разсуждать, онъ все не могъ понять, почему ни она, ни онъ не пользовались счастіемъ. Наконецъ, онъ нашелъ причину этого, въ то мъ, что ихъ домашнія обстоятельства разстроены. „Ахъ! сколько разъ, увлекаемый порывомъ какой нибудь страсти, виновный сынъ вашъ предавался удовольствіямъ и могъ забывать тогда о горестяхъ и заботахъ своей матери!“—пишетъ онъ жалобно. Но теперь это больше не повторится.. Вотъ уже четыре года, какъ онъ все думаетъ, какъ бы поправить домашнія обстоятельства и сдѣлать прочнымъ спокойствіе своей матери. Прежде восторги пылкой и неопытной юности мѣшали ему рѣшить эту трудную задачу. Теперь случай открылъ и рѣшилъ все; чтобы дать своей матери спокойствіе и чтобы поправить ея дѣла, сынъ надумалъ... жениться.

Чувствуя, что это введеніе грѣшитъ нѣкоторой нелогичностью и

*) Это были очень близкіе Рылѣеву люди. Рылѣевъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1820 г. ч. IV маленькую статейку о жизни М. Г. Бедраги и, главнымъ образомъ, объ его подвигахъ въ отечественную войну [Статья озаглавлена „Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ“]. Среди стихотвореній Рылѣева есть нѣсколько писанныхъ этому лицу и его семейству. М. Г. Бедрагѣ посвящено и стихотвореніе „Пустыня“.

**) Письмо къ матери 10 августа 1817 [*Мазаевъ* 186, 137].

опасной недосказанностью. Рылѣевъ хочетъ „покороче“ объяснить родительницѣ въ чемъ дѣло: въ домѣ Тевяшева имѣлъ онъ пріятные случаи видѣть двухъ дочерей его, видѣть—и узнать милыя и добродѣтельнѣйшія ихъ качества, а особенно младшей. „Не будучи романистомъ—говоритъ онъ, какъ будто бы выписывая страницу изъ тогдашняго романа—не стану описывать ея милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ: скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, и не видѣвшая никогда большого свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по-французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи сдѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно“. Эти слова очень растревожили старуху, но особенно ее озаботилъ конецъ письма. Сынъ извѣщалъ ее, что для того, чтобы заняться счастьемъ ея и милой Наташи, онъ хочетъ выйти въ отставку. Онъ знаетъ, что неприлично въ такой молодости оставлять службу, что его четырехлѣтнія безпокойства еще недостаточная жертва съ его стороны отечеству и государю за всѣ благодѣянія, которыми онъ отъ нихъ осыпанъ... но что онъ можетъ и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ *)...

„Другъ мой, Кондратій Ѳедоровичъ, отвѣчала ему мать,—что пишешь въ разсужденіе женитьбы, я не запрещаю: съ Богомъ, только подумай самъ хорошенько. Жену надо содержать хорошо, а ты чѣмъ будешь ее покоить? Въ имѣніи только что и можно продать одинъ овесъ; и то не болѣе какъ 50 четвертей... Удивляюсь я, что тебѣ наскучила военная служба; что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? Чѣмъ займешься? Скоро все тебѣ наскучитъ и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшилъ отставкою; можешь и женатый служить... Посуди хорошенько, чтобъ не сдѣлать Наташу несчастной, и родителей ея не заставляй раскаяваться, что они дочь свою милую отдали за тебя. Ты говоришь, люблю ее и надѣюсь, что любовь продолжится вѣчно. Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь, какая это птица—любовь! Какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану—и его любовь улетѣла... Женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило“ **).

Опасенія матери насчетъ службы, однако, не очень опечалили Рылѣева; онъ сознавалъ, что служба утратила для него всякій интересъ съ тѣхъ поръ, какъ мечты о мирной семейной пристани имъ овладѣли

---

*) Письмо къ матери 1817 сентября 17.

**) Письмо матери 1817, 19 Октября „Русская Старина“ 1875 Сентябрь 73—74.

„Пользы служба не принесла мнѣ никакой, писалъ онъ матери, и съ моимъ характеромъ я вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны ..... *), а я, къ счастію, не могъ имъ быть и потому самому ничего не выиграю... А вотъ, любезная маменька, пришлите, сдѣлайте милость, книжку съ узорами для вышиванія по канвѣ, а также разноцвѣтнаго бисеру. Наталія Михайловна старалась сама достать въ Воронежѣ, но не нашла“ **).

Рылѣевъ былъ рѣшительно не въ воинственномъ и не въ походномъ настроеніи. Даже короткія отлучки въ Воронежъ наполняли его сердце „невыразимой тоской“, и въ письмахъ къ сестрѣ своей невѣсты онъ тянулъ самую сладкую любовную канитель, извѣшалъ, что бѣгаетъ по городу, выбираетъ разные узоры для вышиванія, самъ ихъ срисовываетъ и все думаетъ объ „Ангелѣ Херувимовнѣ“ и ея семьѣ, которую проситъ не забывать „разлученнаго съ милѣйшими для него существами воронежскаго труженика, отъ 6 часовъ утра до трехъ вечера безпрестанно мерзущаго въ коммиссаріатскихъ лабазахъ“. Наконецъ, освобожденіе его состоялось. Приказомъ Государя, отданнымъ отъ 26 декабря 1818 г. Конно-артиллерійской 12 роты прапорщикъ Рылѣевъ увольнялся отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ... Рылѣевъ былъ на седьмомъ небѣ, хоть и признавался матери откровенно, что не безъ сожалѣнія разстается со своими товарищами.

22 января 1820 г. Рылѣевъ женился на Наталіи Михайловнѣ Тевяшевой, дѣвицѣ необыкновенной красоты и превосходныхъ душевныхъ свойствъ ***). Бракъ обѣщалъ впереди много счастья. Какъ и слѣдовало ожидать, въ степного помѣщика Кондратій Ѳедоровичъ не обратился и, побывавъ съ женой у своей матери, проживъ затѣмъ нѣкоторое время въ Петербургѣ и проведя лѣтніе мѣсяцы 1820 года въ Малороссіи, съ осени 1821 г ****) основался въ Петербургѣ съ намѣреніемъ служить по гражданскому вѣдомству.

VI.

Эти поэтическіе годы въ жизни Рылѣева (1817—1821) были рѣшающей эпохой въ развитіи его дарованія, какъ поэта. Подъ наплывомъ искренняго чувства онъ овладѣлъ поэтическимъ настроеніемъ и формой; и прежде всего, любовь сдѣлала его недурнымъ лирикомъ.

Но одновременно съ этимъ развитіемъ мирныхъ лирическихъ чувствъ, въ немъ пробуждался и крѣпъ также и тотъ боевой

*) Слово пропущено во всѣхъ изданіяхъ.

**) Письмо къ матери 1818 г. апрѣля 7. (*Мазаевъ*, 140).

***) Какъ о ней говоритъ Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“ 239.

****) Объ этихъ годахъ жизни Рылѣева сохранилось очень мало фактическихъ свѣдѣній.

темпераментъ, который въ концѣ концовъ создалъ изъ него пѣвца гражданскихъ добродѣтелей.

Пересмотримъ же все, что было написано Кондратіемъ Ѳедоровичемъ за это время, когда въ литературномъ мірѣ имя его было еще совсѣмъ неизвѣстно.

Прежде всего отмѣтимъ его опыты въ лирическихъ любовныхъ тонахъ.

Быть можетъ, какъ утверждаетъ одинъ его біографъ *), онъ въ своихъ любовныхъ стихахъ и былъ несвободенъ отъ заимствованій у Парни, у котораго онъ могъ научиться, какъ пылкую любовь должно облекать въ поэзію,—но искренность его любовныхъ романсовъ и пѣсенъ нельзя приписать никому иному, кромѣ его самого. А стихи искренни и порой красивы. Въ нихъ мало оригинальнаго: все разные моменты любовной мелодрамы, неясное томленіе, страхи ожиданія, подозрѣніе въ измѣнѣ, жалобы на коварство, тоска разлуки, взыванія къ угрюмымъ Аквилонамъ, къ завистливому Сатурну, къ хладной длани Крона, прославленіе убогаго домика, отреченіе отъ мраморныхъ чертоговъ и „тучныхъ стадъ“ и вообще всякія классическія реминисценціи, безъ которыхъ тогда не обходилось ни одно любовное изліяніе. Классицизмъ увлекалъ иногда влюбленнаго молодого человѣка за предѣлы скромности и поэтъ заставлялъ Делію бросаться полунагой съ постели навстрѣчу супругу и страстно трепетать въ объятіяхъ счастливца, заставлялъ Лилу распускать небрежно волнистые власы по алебастровымъ плечамъ, обнажать и перси дѣвственны, и ноги, и наконецъ сбрасывать покровъ со всѣхъ тайныхъ прелестей... и много нескромнаго вообще заставлялъ этотъ классицизмъ говорить Рылѣева, который умѣлъ, однако, и иными, не столь страстными словами, воспѣвать свою любовь, какъ это видно, напр., изъ такого красиваго романса:

Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь
Изъ взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мнѣ ласками на ласки отвѣчаешь,
Какъ счастливъ я!
Какъ счастливъ я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,
Твердишь въ полголоса, что счастлива ты мною...
Какъ счастливъ я! и т. д.

Для всѣхъ такихъ чувствъ семейная, тихая обстановка въ деревнѣ была самая подходящая, и Рылѣевъ посвятилъ ей не мало рифмованныхъ строкъ. „Давно мнѣ сердце говорило“, писалъ онъ Булгарину послѣ перваго своего пребыванія въ Петербургѣ (въ 1820 г.):

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,

*) *Мазаевъ.* „К. Ѳ. Рылѣевъ. Біографическій очеркъ“ XVIII.

Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылый,
И смутный сонъ младой души
На лонѣ нѣги и свободы
И расцвѣтающей природы
Прогнать съ заботами въ тиши. *)

На этомъ лонѣ нѣги и свободы онъ проводилъ время и весело, и съ толкомъ. Въ стихотвореніи „Пустыня", посвященномъ его другу М. Г. Бедрагѣ, онъ даетъ обстоятельный отчетъ о томъ, какъ ему живется на Украйнѣ. Шумныя забавы смѣнилъ онъ на покой, отъ вина отказался и пьетъ воду, верглявою толпой налетѣли утѣхи въ его уютный домикъ, докучная печаль и угрюмая дума его покинули, и въ спокойный, счастливый уголокъ порой заглядываетъ боязливо лишь задумчивость... Встаетъ онъ до зари, идетъ потрудиться въ свой садикъ и копаетъ гряды, а когда устанетъ рыться, то подъ тѣнью деревъ сидитъ и читаетъ книги; къ полдню его ждетъ скромный обѣдъ, и пріятный ѳиміамъ курится отъ сочныхъ яствъ; потомъ онъ отдыхаетъ; подъ вечеръ идетъ на охоту, а затѣмъ пьетъ ароматный чай; потомъ пріѣзжаютъ гости. Поздно ночью, проводивъ ихъ на покой, онъ идетъ прогуляться въ садъ; кругомъ благоуханіе цвѣтовъ, трепетанье листочковъ, тишина ночная, и голубая пучина безоблачныхъ небесъ, и луна, какъ лебедь бѣлоснѣжный, и Филомелы гласъ...

Такъ юнаго поэта
Вдали отъ шума свѣта
Проходятъ дни въ глуши.
Ничто его души,
Мой другъ, не безпокоитъ,
И онъ въ нѣмой тиши
Воздушны замки строитъ.
Заботы никогда
Его не посѣщаютъ;
Напротивъ, завсегда
Съ нимъ вмѣстѣ обитаютъ
Свобода и покой
Съ веселостью безпечной...
Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно,
И часъ разлуки злой
Съ пустынею нѣмой
Мчитъ время быстротечно.
Покину скоро я
Украинскія степи,
И снова на себя
Столичной жизни цѣпи,
Суровый рокъ кляня,
Увы, надѣну я!
Опять подъ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи,
(Тогда какъ онъ покой
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей младой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая же нѣжно),
Съ растерзанной душой,
Съ главою преклоненной
Межъ челядью златой,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудитъ
Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудитъ
Въ полудни секретарь.
Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,

*) Письмо къ Ѳ. В. Булгарину 1821. 20 іюня (*Мизаевъ* 145).

Поэтовъ-эгоистовъ,
Или убійцъ—судей
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу—
О срамъ! о времена!
Поссорились за оду. (напечатано въ 1821 г. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“)

Уже конецъ этого стихотворенія показываетъ, что Рылѣевъ среди своей идилліи бывалъ настроенъ иногда не совсѣмъ идиллически, и что сатирическое настроеніе нарушало и мирный покой его „жизни анахорета“ какъ онъ выражался, и плавность и поэтичность его риѳмованной рѣчи.

„Лѣнивый полуцарь“ въ вицмундирѣ далъ ему себя знать еще въ первый пріѣздъ въ Петербургъ (въ 1820 г.), когда онъ хлопоталъ въ сенатѣ по дѣламъ своей матери, а годъ спустя, покидая Украйну, передъ окончательнымъ переселеніемъ въ Петербургъ (въ августѣ 1821 г.), Рылѣевъ писалъ Булгарину: „Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ меня ожидаютъ въ Петербургѣ мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ.

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
Онъ завсегда, какъ червь, точилъ...

Если бы ты видѣлъ приказныхъ въ русскихъ провинціяхъ — это настоящія кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь—со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей и женъ тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ

И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ *)...

Страхъ передъ столичной жизнью былъ у Рылѣева не напускной, а весьма искренній, но — какъ ему писала мать — онъ всетаки не былъ созданъ для жизни въ деревнѣ. Когда К(аховскій) прислалъ ему въ 1820 г. въ деревню стихи, въ которыхъ совѣтовалъ поселиться навсегда въ Малороссіи, Рылѣевъ отвѣчалъ ему такими словами: **)

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случиться...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души,
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.

Итакъ простите вы,
Краса благой природы,
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровъ уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ, горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ ***)
Безъ прихотливой нужды
[Къ К(аховскому) 1820].

Стихотвореніе знаменательное и по своему настроенію вообще, и по темному намеку на какія-то „знамена свободы", подъ которыя должно стать на „брегахъ Невы". Быть можетъ, это была простая поэтическая метафора, а можетъ быть, и отзвукъ свободолюбивыхъ помысловъ Рылѣева, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Какъ бы то ни было, внѣшняя мирная обстановка жизни въ деревнѣ не исключала для Рылѣева довольно серьезной работы мысли, ****) которая направлялась все больше и больше, постепенно и упорно, на общественные и политическіе вопросы.

---

*) Письмо къ Ѳ. В. Булгарину. 1821 августа 8. (*Мазаевъ*, 146—7)

**) Думаютъ, что это стихотворенія писано Каховскому, но если оно дѣйствительно написано въ 1820 г., то Каховскій здѣсь не при чемъ, такъ какъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что онъ съ нимъ познакомился въ началѣ 1825 г.

***) Годъ спустя послѣ этого стихотворенія было написано вышеприведенное стихотвореніе „Пустыня", въ которомъ Рылѣевъ бралъ, какъ будто, назадъ свое рѣшеніе „спѣшить подъ знамена свободы", но и оно кончалось, какъ мы помнимъ, обращеніемъ къ Греціи, которая тогда боролась за свою свободу.

****) Въ деревнѣ Рылѣевъ читалъ очень много. Въ стихотвореніи „Пустыня" онъ далъ списокъ всѣхъ тѣхъ авторовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ онъ „пилъ сладкіе восторги". Здѣсь рядомъ съ Ж. Ж. Руссо и „проказникомъ" Вольтеромъ переименованы всѣ русскіе писатели отъ Ломоносова до Владиміра Панаева.

Ходъ этой мысли можно приблизительно, хоть и очень неполно, прослѣдить по стихотвореніямъ и замѣткамъ Рылѣева, относящимся къ этимъ годамъ его жизни. Внѣшней отдѣлкой эти стихи и прозаическіе наброски не блещутъ, но они характерны по содержанію. Рядомъ съ очень ординарными темами *) встрѣчаются и серьезные замыслы. Къ этому, напр., времени безспорно относятся занятія Рылѣева русской исторіей и исторіей Малороссіи, занятія, которыя натолкнули его на мысль обработать этотъ историческій матеріалъ въ поэтической формѣ—что онъ и исполнилъ спустя нѣкоторое время, когда приступилъ къ созданію своихъ „Думъ“ и поэмъ. **) Впрочемъ, его интересъ не ограни-

*) Таковы, напримѣръ, стихотворенія „Къ Другу“ (напеч. 1820 въ „Невскомъ Зрителѣ“) на тему „carpe diem“; „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“ [напеч. 1821. въ „Сынѣ Отечества“ подражаніе Буало], въ которомъ говорится о геніи и зоилахъ и сказано много комплиментовъ по адресу Жуковскаго и Гнѣдича. [О послѣднемъ сказано очень удачно:

На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера].

Нѣсколько злыхъ эпиграммъ на пишущую братію [напечатаны въ „Благонамѣренномъ“ 1820 г.]; переводъ польскаго стихотворенія Булгарина „Путь къ счастію“ [на тему о неподкупности поэта, который желаетъ лучше въ осенніе дожди скитаться безъ шинели, чѣмъ торговать своей лирой], разныя мелкія стихотворенія на случай и шарады. Къ числу такихъ незатѣйливыхъ набросковъ относятся и прозой написанныя сатирическія статейки, въ которыхъ Рылѣевъ хотѣлъ дать образцы „Картинокъ нравовъ“, столь распространенныхъ тогда въ нашей журналистикѣ. Картинки эти [„Провинціалъ въ Петербургѣ“ и „Чудакъ“ напечатаны въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1821 г.] очень слабы по замыслу и блѣдны по выполненію (анекдоты о женскомъ легкомысліи, женской расточительности и о сюрпризахъ влюбленнаго сердца).

**) Въ черновыхъ тетрадяхъ Рылѣева сохранилось очень много программъ и стихотворныхъ отрывковъ историческаго содержанія. Темы въ большинствѣ случаевъ взяты изъ исторіи малороссійскаго казачества; но попадаются, впрочемъ, и другіе [напр. изъ эпохи Екатерины II.] Существуетъ также цѣлая программа русской исторіи отъ Рюрика до Александра подъ заглавіемъ „Судьба Россіи“. Опредѣлить съ точностью время, когда эти отрывки набросаны, нельзя; они тщательно описаны и перепечатаны въ статьѣ *В. Якушкина* [„Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ „Вѣстникъ Европы“ 1888 г. ноябрь и декабрь“].

Но къ этому времени относится, безспорно, замѣтка Рылѣева „Объ Острогожскѣ“—краткій историческій очеркъ города со свѣдѣніями объ его торговлѣ. Интересны въ этой замѣткѣ разсужденія Рылѣева о вредѣ, который вытекаетъ изъ захвата капиталистами свободы винокуренія, вслѣдствіе чего разорилась многочисленная часть дворянства и войсковые жители, для которыхъ это винокуреніе было главнымъ источникомъ дохода. [„Могу ошибаться, говоритъ нашъ статистикъ, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества“]. Любопытны также и свѣдѣнія, которыя даетъ Рылѣевъ о закрѣпощеніи этого края и о томъ, какъ казаки, не желая признать себя крѣпостными, въ отличіе отъ „крѣпаковъ“ называли себя только „подданными“.

чивался одной національной исторіей. Въ головѣ Рылѣева роились планы цѣлыхъ историко-философскихъ трактатовъ и философскихъ поэмъ. *) Одинъ изъ такихъ грандіозныхъ плановъ сохранился въ достаточно полномъ видѣ, и онъ очень характеренъ, какъ показатель умственнаго кругозора и идейныхъ интересовъ нашего мечтателя, который думалъ рѣшать самые сложные исторіософскіе вопросы единымъ размышленіемъ безъ помощи научнаго балласта. Программа дошла до насъ въ такомъ видѣ:

Духъ времени или судьба рода человѣческаго.

I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиной тому.
1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.
2. Покушенія деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религіи.
3. Грецiя. Свобода гражданская, философы, цари.
4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.
5. Римъ порабощенный.
6. Христосъ.

II. Человѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причина тому просвѣщеніе.
1. Гоненія на христіанъ распространяютъ христіанство. Распри ихъ.
2. Феодальная система и крестовые походы. Духъ времени.
3. Лютеръ. Свободомысліе въ религіи. Духъ времени.
4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.
5. Наполеонъ. Сверженіе его. Духъ времени.
6. Борьба народовъ. Начало соединенія религіи, нравственности и политики.

Рылѣевъ, кажется, началъ даже работать надъ выполненіемъ этой программы; по крайней мѣрѣ, какъ указалъ В. Якушкинъ **), въ его тетрадяхъ нашлись отрывочныя разсужденія на тему о „соотношеніи между нравственностью, свободой и просвѣщеніемъ“,

---

*) Такова, напр., программа какого-то „Прометея“ [1. Юпитеръ, Сверженіе Сатурна, Прометей обманутъ. 2. Прометей возмущаетъ Титановъ. Они побѣждены. 3. Прометей, прикованный къ Кавказу. Смерть его]; а также программа безъ заглавія: „Промыслъ, Духъ времени, Геній Греціи, Геній Рима, Геній Россіи, Геній Германіи, Геній Франціи, Геній Британіи, Геній Америки, Геній Азіи, Геній Африки, Геній Европы, Врагъ человѣческій, Духи зла“. Часть этой широкой программы была развита болѣе подробно подъ заглавіемъ „Духъ времени или Судьба рода человѣческаго“ [*Якушкинъ*, „Вѣстн. Европы“ 1888. ноябрь, 24].

**) Вѣстникъ Европы“ 1888 ноябрь 210—212.

замѣтки „о трагедіи жизни Наполеона“ *) и, наконецъ, отрывки изъ трактата „о свободѣ воли и Промыслѣ“ **).

Сопоставляя всѣ эти отрывки, планы, стихи и прозаическіе очерки, видимъ, въ какомъ направленіи работала мысль Рылѣева за эти годы (1819—1821), когда онъ имѣлъ всего больше права жить личными новыми ощущеніями и думать всего больше о своемъ личномъ счастіи.

Мысли о Прометеѣ и его борьбѣ съ богами, широкіе помыслы о цѣлой исторіи человѣческой культуры, мысли о движеніи человѣка отъ свободы къ деспотизму и отъ деспотизма къ просвѣщенной свободѣ, мысль схватить сущность „генія“ всѣхъ странъ и народовъ, проекты набросать цѣлую исторію „судебъ Россіи“, работа надъ вольной старинной запорожской—вплоть до сатирическихъ статеекъ и стиховъ съ современной общественной тенденціей—показываютъ намъ, какъ постепенно, но настойчиво, зрѣлъ въ Рылѣевѣ „гражданинъ“ - „либералистъ“, сынъ своего вольнолюбиваго вѣка, идеологъ съ малымъ запасомъ знаній, но съ большими стремленіями и весьма приподнятымъ настроеніемъ. Мыслей было много (хоть и навѣянныхъ извнѣ), но еще больше боевого темперамента.

Этотъ боевой темпераментъ заставлялъ Рылѣева въ тѣ годы особенно близко принимать къ сердцу борьбу Греціи за свою независимость, героическую борьбу, которая кружила головы

---

*) Эти замѣтки очень интересны по вѣрности историческаго взгляда. „Тебѣ (Наполеону), пишетъ Рылѣевъ, всѣ средства были равны—лишь бы они вели прямо къ цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цвѣта: каждый хорошъ... Ты старался быть превыше добродѣтелей и пороковъ: они для тебя были разноцвѣтныя тучи, носящіяся около Кавказа, который недосягаемымъ челомъ, прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами. Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, уничтоженные тобой, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ, но самовластіе съ тобою не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*“.

**) „Усовершенствованіе есть цѣль, говоритъ Рылѣевъ, къ которой человѣчество стремится по предназначенію Промысла. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семъ пути. Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліянія на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросятъ: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъявляется въ духѣ времени“.

всѣмъ нашимъ либераламъ. Въ его стихахъ нерѣдко слышны отзвуки этого возстанія за свободу, и мысль о вмѣшательствѣ русскихъ въ дѣло освобожденія Греціи была очень близка его сердцу *). Онъ, какъ и многіе, думалъ, что осуществить эту мечту будетъ призванъ нашъ кавказскій герой А. П. Ермоловъ, который былъ тогда вызванъ въ Петербургъ, и про котораго говорили, что онъ назначается нашимъ главнокомандующимъ на Балканахъ **). Рылѣевъ посвятилъ Ермолову цѣлое стихотвореніе, въ которомъ призывалъ его спасать сыновъ Эллады, дабы она, какъ молодой Фениксъ, воскресла изъ праха ***).

Этимъ же боевымъ настроеніемъ нужно объяснить и появленіе въ печати того стихотворенія Рылѣева, съ котораго началась его литературная извѣстность. Въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 года, въ четвертой книжкѣ, была за подписью Рылѣева напечатана ода „Къ Временщику“ съ добавкой, что она подражаніе Персіевой сатирѣ „Къ Рубеллію“. Ода была направлена—какъ догадывались — противъ всесильнаго Аракчеева. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ литературномъ событіи Н. Бестужевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ“ ****):

„Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ посты-

*) Рылѣевъ былъ, вообще, большимъ патріотомъ и оставался всегда неравнодушнымъ къ славѣ русскаго оружія, хотя самъ съ нимъ и разстался. И въ его стихахъ, и въ его „Думахъ“ много военнаго пафоса. Въ 1820 году онъ прислалъ въ редакцію „Невскаго Зрителя“ стихотвореніе своего друга П. Ракитина (?) „Польской“, рекомендуя это стихотвореніе для печати. Въ немъ мы читаемъ, между прочимъ, такія строфы:

На морѣ, сушѣ громы кинемъ,
Попремъ ногою самый адъ,
Десною мы Парижъ низринемъ,
А шуйцей потрясемъ Царь-Градъ.
Вели, премудрый царь, кѣмъ Россы
Дѣла великія творятъ,
Вели—полнощные колоссы
Вселенну въ прахъ преобратятъ!

„Невскій зритель“ 1820, IV, Октябрь 29—31.

**) Стр. *Мазаева* 111.

***) Стихотвореніе написано въ 1821 г. О Греціи вспоминалъ Рылѣевъ и въ своемъ деревенскомъ уединеніи, гдѣ, какъ онъ разсказываетъ (стихотвореніе „Пустыня“ 1821 г). его посѣтилъ какой-то отставной маіоръ, который кричалъ и жаловался на свою старость и на то, что не можетъ спѣшить въ Морею, „гдѣ, поднявъ свободы знамя, грекъ оттоману мститъ“.

****) „Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева“ Лейпцигъ, 1861, 9—10.

дился признаться явно; туча пронеслась мимо; оковы оцѣпенѣнія мало-по-малу расторглись, и глухой шепотъ одобреній былъ наградой юнаго правдиваго поэта. Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный". Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ преувеличилъ впечатлѣніе, произведенное этимъ стихотвореніемъ *). Оно могло имѣть большой успѣхъ въ извѣстномъ кругу, но въ мемуарахъ и перепискѣ современниковъ оно не заняло выдающагося мѣста. Однако, при всѣхъ ея внѣшнихъ недостаткахъ, при архаизмахъ стиха и общей прозаичности, эта ода все-таки необыкновенное явленіе: она необычайно рѣзка и смѣла по своему тону и очень характерна, какъ показатель темперамента автора, столь еще неопытнаго въ словесной битвѣ и все-таки столь рьянаго.

Припомнимъ нѣсколько строфъ этой знаменитой оды, чтобы имѣть представленіе о той высшей степени рѣзкости, до какой поднималась рѣчь Рылѣева въ печати. Онъ писалъ:

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь,
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!..
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ,—
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ...
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,—
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

Съ литературной стороны сатиру нельзя признать удачной: прозаическіе архаизмы, условныя метафоры, деревянный стихъ относятъ ее какъ-то изъ XIX вѣка въ вѣкъ XVIII-ый. Но она зла, непомѣрно зла... Тому, противъ кого она была направлена, оставалось, дѣйствительно, либо не замѣтить ее, либо обрушиться на автора всей своей карательной силой, а

*) Это отмѣтилъ еще *А. Сиротининъ*, „К. Ѳ. Рылѣевъ", „Русскій Архивъ", 1890, VI, 138.

этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ ода была всетаки сатирой слишкомъ общаго характера, и единственныя довольно прозрачныя слова о „селеніяхъ, лишенныхъ красоты“ могли быть истолкованы, какъ простая метафора изъ сельской жизни, хотя они, конечно, мѣтили въ военныя „поселенія“, которыя тогда всецѣло ставились въ вину Аракчееву *). Такъ воинственно былъ настроенъ Рылѣевъ въ эти еще вполнѣ мирные годы своей жизни.

VII.

Рылѣевъ прожилъ въ Петербургѣ, какъ мы уже сказали часть 1820 года и окончательно обосновался въ немъ въ 1821 году. Столицу, какъ таковую, онъ не любилъ, и часто тосковалъ по деревнѣ и Украйнѣ, даже въ самый разгаръ своей общественной и политической дѣятельности **).

Эта общественная жизнь съ перваго же года стала его затягивать и, хоть онъ и говорилъ при каждомъ удобномъ случаѣ,

*) За десять лѣтъ до появленія стихотворенія Рылѣева извѣстный писатель М. Милоновъ напечаталъ также сатиру „Къ Рубеллію“, приписавъ ее Персію. [По наведеннымъ г. Мазаевымъ справкамъ, между этими сатирами и сатирами Персія нѣтъ ничего схожаго. Со стороны русскихъ авторовъ указаніе на Персія было только обычнымъ пріемомъ для обхода цензуры (*Мазаевъ*, 111]. Эта сатира Милонова, написанная въ 1810 году, едва ли могла мѣтить въ Аракчеева и была простой, но ядовитой сатирой на общій типъ царскаго льстеца. Рылѣевъ почитывалъ въ деревнѣ Милонова (Въ стихотвореніи „Пустыня“—Милоновъ, „бичъ пороковъ“, упоминается въ числѣ собесѣдниковъ автора), и нѣтъ сомнѣнія, что именно сатира Милонова натолкнула Рылѣева на мысль вступить съ нимъ въ соперничество. На это указываетъ и сходство въ планѣ обоихъ стихотвореній.

[У Милонова:

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщённый,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!..
Ты думаешь сокрыть дѣла твои отъ міра.
Въ мракъ гроба? Но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,—
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!..

Есть и другія совпаденія, но въ сатирѣ Милонова нѣтъ воззванія къ народному гнѣву и суду].

**) „Непреодолимыя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу, тогда какъ слабость здоровья, расположеніе, душевное желаніе, поэзія и чувства влекутъ на Украйну“—писалъ онъ женѣ въ январѣ 1825 г.

„Петербургъ тошенъ для меня, онъ студитъ вдохновенье; душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что-либо достойное вѣка нашего, но какъ бы на зло желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу“—писалъ онъ Пушкину въ маѣ того же года [*Мазаевъ* 153, 161].

Лѣтомъ 1822 года онъ жилъ опять на югѣ, но безъ жены.

что онъ именно для нея и созданъ, но и его поэтическая натура, любившая уединеніе, и его любовь къ семейному тихому очагу нѣсколько тяготились этимъ шумомъ *). Вообще — какъ это ни странно — у Рылѣева не было настоящаго влеченія къ форуму, къ площади, и многія странности его агитаторской дѣятельности объясняются этимъ несоотвѣтствіемъ между тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, и тѣмъ, чѣмъ могъ быть въ силу своей природной организаціи.

Организація была въ основѣ своей сантиментальная, очень склонная къ тихой работѣ мысли и къ поэтическимъ порывамъ и раздумью. Либеральный образъ мысли Рылѣева и интересъ къ общественнымъ вопросамъ находилъ себѣ, поэтому, наиболѣе легкій и подходящій исходъ въ поэтическихъ образахъ, а въ дѣйствіи

---

*) Рылѣевъ былъ большой семьянинъ, и бракъ его былъ въ этомъ смыслѣ счастливый. Кажется, только однажды на весьма короткій срокъ его семейное счастіе было въ опасности. Н. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ [Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ 1861, 14 — 20] разсказываетъ, что ему случилось однажды читать Рылѣеву свою повѣсть на трогательный любовный сюжетъ. Рылѣевъ, у котораго слезы выступали обыкновенно при разсказѣ о благородномъ поступкѣ, при высокой мысли, даже при чтеніи какой-нибудь хорошо написанной повѣсти — заплакалъ, слушая разсказъ Бестужева, и признался, что самъ испытываетъ всѣ тѣ любовныя терзанія, о которыхъ ему повѣствовалъ его пріятель. Онъ оказался въ плѣну у одной дамы рѣдкой красоты, умной и ловкой, которая стремилась поддѣлать себя подъ его вкусы и идейные интересы. Рылѣевъ увлекся ею и долженъ былъ выдержать долгую и мучительную душевную борьбу, пока, наконецъ, не пересилилъ страсти. Дама эта оказалась впослѣдствіи шпіономъ. Разсказъ Бестужева нельзя принимать всецѣло на вѣру; онъ сочиненъ значительно позже, и въ немъ вымысла гораздо больше, чѣмъ правды. Но какой-то приливъ новой любви Рылѣеву, дѣйствительно, пришлось испытать въ 1824 году, какъ это видно изъ очень искреннихъ и красивыхъ элегій, которыя имъ тогда были написаны таинственной обольстительницѣ; онъ писалъ:

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ,
За страсть вполнѣ я награжденъ:
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ,
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ, ночью хладной
Полузавялый василекъ.

Но затѣмъ Рылѣевъ каялся и писалъ (должно быть, женѣ):

Когда душа изнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
Ты посѣтить, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой.
Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвратили счастье
И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни роковова
Я всталъ и бодръ, и веселъ вновь —
И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.
Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ костру, въ безуміи слѣпомъ.

Смотр. любопытный варіантъ этого стихотворенія ниже.

поражалъ быстротой, порывистой кипучестью, которая однако также быстро набѣгала, какъ и спадала.

Всѣхъ, кто зналъ его въ общемъ мирный нравъ, поражала иногда экцетричность нѣкоторыхъ его поступковъ. До насъ дошли свѣдѣнія о такихъ рѣзкихъ проявленіяхъ его темперамента, которыя въ свое время обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ. Разсказываютъ, напр., что поэтъ однажды наплевалъ въ лицо одному господину и избилъ его на улицѣ за то, что тотъ систематически уклонялся отъ дуэли съ его другомъ Бестужевымъ *). Извѣстно также, какую громкую роль игралъ Рылѣевъ въ надѣлавшей много шума дуэли Л.-Г. Семеновскаго полка подпоручика Чернова съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ. Причиной этой дуэли было не совсѣмъ корректное отношеніе Новосильцева къ сестрѣ Чернова, которая была его невѣстой. Дуэль кончилась очень печально, смертью обоихъ противниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и, кажется, подстрекалъ его **). Наконецъ, и ему самому пришлось поставить къ барьеру князя Ш., который въ чемъ-то провинился въ отношеніи Анны Оедоровны Рылѣевой — незаконной дочери

*) „Воспоминаніе Н. Бестужева“ 22. „Записки Н. Бестужева“, „Русская Старина“ 1881. Ноябрь, 616.

**) „Черновы на бѣду въ Петербургѣ были знакомы съ Рылѣевымъ, пишетъ одинъ современникъ. Рылѣевъ, заклятый врагъ аристократовъ, началъ раздувать пламя, и кончилось тѣмъ, что Черновъ вызвалъ Новосильцева“ „Воспоминанія Н. И. Шенига“ „Русскій Архивъ“ 1880, III, 320—1. Похороны Чернова, убитаго флигель-адъютантомъ, послужили предлогомъ цѣлой манифестаціи. Гробъ его провожала огромная толпа, и на его памятникъ было собрано 10,000 рублей. Однимъ изъ ревностныхъ организаторовъ этой манифестаціи былъ Рылѣевъ. Какой смыслъ въ глазахъ молодежи имѣла она—объ этомъ мы можемъ судить по стихотворенію, которое Рылѣевъ посвятилъ памяти Чернова:

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царя трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ насъ угнесть готовымъ.
Нѣтъ! не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,
Они отъ насъ отчуждены.
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновымъ!
На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить, полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ!

Если и признать, что Новосильцевъ подходилъ подъ категорію лицъ, предпочитавшихъ „говорить не русскимъ словомъ“, то только нелюбовь Рылѣева къ аристократамъ и вообще его граждански боевое настроеніе могли быть причиной того, что по поводу свѣтской дуэли онъ притянулъ къ суду и „временщиковъ“, и „трепещущихъ рабовъ царя“, и „тирановъ“ и „ненавидящихъ святую Русь“—людей, которые всѣ ни въ какомъ родствѣ съ покойнымъ Новосильцевымъ не состояли. Похороны Чернова были одной изъ первыхъ уличныхъ демонстрацій.

(О дуэли Чернова и Новосильцева Рылѣевымъ была составлена также отдѣльная записка).

его отца, проживавшей въ его домѣ. Шаховской остался невредимъ, а Рылѣевъ былъ раненъ. Всѣ эти скандалы и вызовы достаточно наглядно поясняютъ порывистый характеръ ихъ иниціатора или участника *).

При такомъ вспыльчивомъ и воинственномъ темпераментѣ, при такихъ мечтаніяхъ о служеніи обществу и о борьбѣ съ разными „утѣснителями", жизнь частнаго человѣка въ Петербургѣ не могла представлять большой прелести.

Для Рылѣева она протекала среди работы изъ-за куска хлѣба и работы литературной, которой онъ отдавался со страстью.

Съ первыхъ же шаговъ петербургской жизни онъ, впрочемъ, нашелъ себѣ чиновную работу по душѣ. Еще въ 1820 году онъ былъ избранъ дворянами въ засѣдатели петербургской палаты уголовнаго суда. Къ простому народу, съ которымъ онъ долженъ былъ столкнуться, исполняя эти обязанности засѣдателя, онъ всегда чувствовалъ влеченіе, и теперь получалъ возможность выступать защитникомъ его интересовъ **).

---

*) Любопытно, что и эта дуэль не обошлась безъ эксцентричностей. Въ февралѣ 1824 г.—писалъ А. А. Бестужевъ,—Рылѣевъ дрался на дуэли съ кн. Ш., который свелъ связь съ побочной сестрой Рылѣева, у него воспитанной, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣевой. Сначала онъ было отказался, но когда Рылѣевъ плюнулъ ему въ лицо — онъ рѣшился. Стрѣлялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило.... на вылетъ, но онъ хотѣлъ драться до повалу на трехъ шагахъ. Оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, и ихъ развели. Теперь онъ не опасенъ, и рана его идетъ очень хорошо [Письмо А. А. Бестужева къ неизвѣстному отъ 3 марта 1824. „Русская Старина" 1889 ноябрь 375—376]. Поведеніе Рылѣева въ этомъ дѣлѣ подтверждается и другимъ современникомъ. „Недавно выходилъ на дуэль издатель „Полярной звѣзды" Рылѣевъ—пишетъ А. Измайловъ И. И. Дмитріеву—только не за стихи, а за прозу, и не съ литераторомъ, а съ подпоручикомъ финляндской гвардіи кн. Ш., мальчикомъ лѣтъ 18 или 19-ти, который написалъ болѣе двухъ сотъ писемъ къ побочной сестрѣ Рылѣева, зрѣлой дѣвѣ и наскучившей своимъ дѣвствомъ. Богъ знаетъ, кто кого изъ нихъ соблазнилъ. Ш. не хотѣлъ было выходить на поединокъ, но Рылѣевъ, съ позволенья сказать, плюнулъ ему въ рыло, по правой, по другой, пинками... Друзья-свидѣтели розняли и убѣдили того и другого драться по формѣ. Три раза стрѣляли другъ въ друга: кн. Ш. остался невредимъ, а Рылѣевъ, какъ Ахиллъ, раненъ въ пяту. Бѣдный лежитъ теперь въ постелѣ, жена его, мать, побочная сестра и ея мать—также въ постелѣ, всѣ больны. [„Письма А. Измайлова къ И. И. Дмитріеву" отъ 7 марта 1824. „Русскій Архивъ" 1871, 943—4].

**) Онъ былъ большой демократъ по своимъ сердечнымъ симпатіямъ, и сама судьба какъ-то намѣтила его для этой роли. У его отца—какъ гласитъ семейное преданіе — было и раньше нѣсколько дѣтей, но всѣ умирали маленькими. Поэтому, когда родился Рылѣевъ, рѣшено было послѣдовать старинному русскому повѣрью: взять въ воспріемники новорожденному перваго встрѣчнаго. Такимъ образомъ, Рылѣева крестилъ какой-то отставной солдатъ съ нищей. Отъ своего крестнаго отца унаслѣдовалъ онъ и имя Кондратія *(Сиротининъ* „К. Ѳ. Рылѣевъ" 113).

Какъ помѣщикъ, онъ былъ очень мягокъ. Мужики его были бѣдны, но „избалованы" (смтр. письмо жены къ Рылѣеву 25 іюня 1826. *Мазаевъ*, 181).

О томъ, какъ успѣшно онъ отстаивалъ эти интересы, мы имѣемъ свидѣльство Н. Бестужева, который говоритъ, что состраданіе Рылѣева къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины—сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ и что даже между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу *). На этомъ отвѣтственномъ посту Рылѣевъ оставался четыре года и покинулъ палату уголовнаго суда въ 1824 г., по какимъ причинамъ—неизвѣстно **).

Въ этомъ же году онъ поступилъ на службу въ Россійско-Американскую компанію правителемъ канцеляріи. Идейнаго въ этой новой службѣ было очень мало: компанія управляла торговыми оборотами русскихъ колоній въ Америкѣ, и на Рылѣевѣ лежала скучная секретарская часть. Рылѣевъ велъ свое секретарское дѣло очень аккуратно и ревностно, такъ что въ видѣ награды ему была поднесена очень цѣнная енотовая шуба; но, конечно, во всемъ этомъ дѣлѣ для Рылѣева приманокъ было мало ***), и взялъ онъ эту должность, вѣроятно, потому, что послѣ смерти матери денежныя его дѣла еще больше пошатнулись, а служба въ компаніи была довольно прибыльна ****). На этой службѣ онъ оставался до самаго 14 декабря.

При обсужденіи крестьянскаго вопроса въ бесѣдахъ тайнаго общества Рылѣевъ стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только огородною, но и полевою землею.

*) Бестужевъ разсказываетъ, что однажды военный губернаторъ Петербурга Милорадовичъ пригрозилъ одному мѣщанину, котораго онъ подозрѣвалъ въ какомъ-то преступленіи — уголовнымъ судомъ, надѣясь вырвать признаніе; мѣщанинъ упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами сталъ благодарить за милость. Милорадовичъ спросилъ его, какую-же милость онъ оказалъ ему?—Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ тотъ, и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ: знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ.

Разсказъ, быть можетъ, вымышленный, но достаточно и того, что онъ могъ быть вымышленъ (*Н. Бестужевъ*. „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ". Собраніе сочиненій Рылѣева. Лейпцигъ 1861, 11).

**) *В. Е. Якушкинъ*. Новые матерьялы для біографіи Рылѣева „Вѣстникъ Европы" 1888, ноябрь, 207.

***) Кругъ его дѣятельности былъ довольно узокъ и точно опредѣленъ. Едва ли правъ Шницлеръ, который говоритъ о какомъ-то протестѣ Рылѣева противъ несмѣняемости директоровъ компаніи и о предложеніи выбирать ихъ ежегодно. *Schnitzler*. Histoire intime de la Russie II, 80.

****) Къ числу выгодъ этой службы относятъ иногда возможность, которая представлялась Рылѣеву, завязать связи съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, принимавшими въ дѣлахъ компаніи близкое участіе. Среди нихъ были Сперанскій и Мордвиновъ—два высшихъ сановника, игравшихъ нѣкоторую роль въ процессѣ 14 декабря, такъ какъ именно ихъ заговорщики прочили въ члены временнаго правительства. Оба они славились своей гражданской честностью и мудростью, и Рылѣевъ привыкъ уважать ихъ прежде чѣмъ съ ними познакомился. О Мордвиновѣ Рылѣевъ на судѣ казывалъ, что онъ всегда предлагалъ его въ члены временнаго правленія. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ Рылѣевъ не былъ, однако, въ близкихъ или въ ча-

VIII.

Литературныя связи Рылѣевъ завязалъ въ Петербургѣ еще въ первый свой пріѣздъ въ 1820 году, и затѣмъ эти связи быстро крѣпли и расширялись. Молодого даровитаго поэта петербургскіе литераторы быстро оцѣнили и гостепріимно открыли ему страницы всѣхъ видныхъ журналовъ. Въ два-три года онъ изъ „начинающихъ“ попалъ въ первые ряды словесныхъ работниковъ, а затѣмъ—съ выходомъ въ свѣтъ „Полярной Звѣзды“, которую онъ редактировалъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ, и въ особенности послѣ напечатанія „Думъ“ и „Войнаровскаго“—въ ряды литературныхъ аристарховъ. Впрочемъ, еще до этихъ побѣдъ „Вольное общество любителей россійской словесности“,—кружокъ молодыхъ литераторовъ, издававшихъ одинъ изъ лучшимъ тогдашнихъ журналовъ [„Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“]—избрало его въ декабрѣ 1822 года членомъ цензурнаго комитета на 1823 годъ,—что̀ свидѣтельствуетъ о довѣріи, какое къ нему—ничѣмъ еще себя не заявившему—питали собратья *).

Эти молодые собратья по перу, были почти всѣ — его пріятели, и онъ могъ гордиться дружбой лучшихъ людей того времени: быстро, какъ человѣкъ и какъ писатель, завоевалъ онъ себѣ симпатіи Пушкина, Грибоѣдова, Баратынскаго, Дельвига, не говоря уже о тѣхъ людяхъ, съ которыми, какъ напр. съ А. А. Бестужевымъ, его помимо дружбы связывала общность политическихъ интересовъ. Если среди этихъ близкихъ ему лицъ мы съ первыхъ же годовъ его жизни въ Петербургѣ встрѣчаемъ и Булгарина и Греча, то этому не слѣдуетъ удивляться. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ ихъ репутація, литературная и иная, еще не пострадала, за молодежью они ухаживали, и начинающіе писатели въ ихъ кабинетѣ назначали другъ другу нерѣдко свиданія. Рылѣевъ былъ близокъ съ Булгаринымъ и одно время питалъ къ

стыхъ сношеніяхъ, хотя шелъ слухъ о томъ, что эти отношенія выходили изъ ряда оффиціальныхъ (*В. Иконниковъ* „Гр. Н. С. Мордвиновъ“ Спб. 1873, 433—437). Дочь Мордвинова говоритъ опредѣленно, что Рылѣевъ былъ въ ихъ домѣ всего два раза („Воспоминанія о Н. С. Мордвиновѣ“ Записки гр. Н. Н. Мордвиновой. Спб. 1873, 85). Политическихъ сношеній у Рылѣева съ Мордвиновымъ никакихъ не было [*В. Иконниковъ* Гр. Н. С. Мордвиновъ, 440]. Товарищъ Рылѣева—Завалишинъ—утверждалъ, что Рылѣевъ сдѣлался извѣстенъ Мордвинову потому, что написалъ похвальные стихи въ его честь, за что Мордвиновъ вознаградилъ его поддержкой въ Р.-А. компаніи, когда недовольные Рылѣевымъ директоры хотѣли его уволить, такъ какъ онъ мало занимался дѣлами компаніи, а работалъ за него Сомовъ (И. М.) [*Завалишинъ* „Замѣтка относительно степени довѣрія какое можно имѣть къ Воспоминаніямъ“ „Русскій Архивъ“ 1876, X, 212]. Все, что говоритъ Завалишинъ, есть однако чистая выдумка [стр. *Сиротининъ* „К. Ѳ. Рылѣевъ“, 158].

*) „Соревнователь“ 1823 № II, 228—229.

нему, кажется, очень нѣжное чувство дружбы; оно продолжалось довольно долго, и — страшно — даже тогда, когда политическое и общественное міросозерцаніе Рылѣева вполнѣ опредѣлилось. Трудно понять, какъ они могли дружить и какъ бесѣдовать, когда одинъ въ своемъ отрицаніи существующаго порядка доходилъ до невѣроятныхъ крайностей, а другой разсуждалъ на эту тему приблизительно, какъ его пріятель Гречъ, который говорилъ: „Между царемъ и мной есть взаимное условіе: онъ оберегаетъ меня отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ разбойниковъ, отъ пожара, отъ наводненія, велитъ мостить и чи-

*) О степени этого чувства можно судить по очень характерному письму Рылѣева, которое онъ написалъ Булгарину въ 1823 г., узнавъ объ одной довольно неблаговидной его продѣлкѣ. „Я истинно любилъ тебя—писалъ онъ ему—и если когда противорѣчилъ тебѣ, то съ горячностью нѣжной дружбы. Упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воейкова (А. Бургаринъ хотѣлъ урвать у Воейкова право на изданіе газеты, которая была единственнымъ его доходомъ), я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ; я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло... Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка. Что иное, какъ не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и, вѣрно, непріятныя для него истины? Что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра?.. И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіи года былъ только два раза. Послѣ всего этого ты самъ видишь, что намъ должно разстаться... и я попрошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями. (Письмо Рылѣева къ Булгарину отъ 7 сентября 1823). Приподнятость тона въ этомъ письмѣ объясняется приподнятостью и восторженностью чувства Рылѣева. „На всѣхъ и на все, по удачному выраженію одного изъ своихъ пріятелей, смотрѣлъ онъ въ радужные очки своей прекрасной души“ (*Сочиненія* 144)— и въ томъ числѣ и на Булгарина.

Онъ помирился съ нимъ очень скоро, и въ началѣ 1825 года писалъ ему, нѣсколько подкупленный лестнымъ отзывомъ Булгарина объ его „Войнаровскомъ“: „Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ, и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и, вѣрно, не перестану любить тебя. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Прошу тебя, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о „Войнаровскомъ“, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредитъ мнѣ“. Это письмо Рылѣева Булгаринъ отослалъ ему назадъ съ такой припиской: „Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать — а я понимаю истинно“. Рылѣевъ вернулъ письмо обратно Булгарину и приписалъ съ своей стороны слѣдующее: „напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ Письмо—твое, и должно остаться у тебя“.

Какъ во всемъ этомъ проглядываетъ милая, наивная и сентиментальная душа Рылѣева!

стить улицы, зажигать фонари, а съ меня требуетъ только: сиди тихо! Вотъ я и сижу“ *).

IX.

Какъ литераторъ, Кондратій Ѳедоровичъ проявлялъ дѣятельность довольно разностороннюю. Онъ самъ творилъ, критиковалъ чужія творенія и, наконецъ, издавалъ ихъ.

Какъ издатель „Полярной Звѣзды“, онъ связалъ свое имя съ весьма успѣшнымъ и цѣннымъ литературнымъ предпріятіемъ, и намъ пришлось уже говорить о томъ, какое значеніе имѣлъ его альманахъ для развитія эстетическаго вкуса нашихъ читателей **). Если главная забота по изданію и лежала на близкомъ другѣ Рылѣева, на А. А. Бестужевѣ, то всетаки Рылѣевъ былъ его правой рукой и однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ.

Рылѣевъ пробовалъ свои силы и въ роли критика, слѣдуя примѣру почти всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, любившихъ при случаѣ пускаться въ теоретическія разсужденія объ искусствѣ.

Сущность своихъ взглядовъ на поэзію онъ набросалъ кратко въ одной статейкѣ, озаглавленной „Нѣсколько мыслей о поэзіи“ (отрывокъ изъ письма къ №№“) и затѣмъ часто пестрилъ свою переписку критическими сужденіями о литературныхъ новинкахъ дня. Оригинальнаго въ этихъ сужденіяхъ мало, и въ нихъ видны пріемы скорѣе вдохновляющагося, чѣмъ анализирующаго критика, какъ это вѣрно замѣтилъ И. Ивановъ ***). Ознакомимся же поближе съ этими взглядами.

Слѣдя за споромъ классиковъ и романтиковъ, т. е. за самымъ жгучимъ литературнымъ вопросомъ своего времени, Рылѣевъ приходитъ къ выводу, что люди спорятъ больше о словахъ, чѣмъ о существѣ предмета, и что нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная самобытная поэзія. Такой истинной поэзіей было творчество древнихъ. Неистинной стало подражаніе имъ. Подражатели всегда лишали себя своихъ силъ и оригинальности, и только случайно могли произвести что-нибудь превосходное. Наименованіе классиками безъ различія многихъ древнихъ поэтовъ не одинаковаго достоинства принесло ощутительный вредъ новѣйшей поэзіи, потому что на одну доску ставился поэтъ оригинальный съ подражательнымъ, какъ напр. Гомеръ и Виргилій, Эсхилъ и Вольтеръ. Но сила генія прокладывала себѣ всегда новый путь и, облетая цѣль, рвалась къ собственному идеалу.

---

*) *Н. И. Гречъ.* „Записки о моей жизни“ Спб. 1886, 371.

**) Рылѣевъ собирался также издать собраніе стихотвореній Е. А. Баратынскаго, но изданіе не состоялось. (*П. Ефремовъ.* Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева 1875, 307).

***) *И. Ивановъ.* „Исторія русской критики“ части I и II. Спб. 1898, 441—444.

Когда явились такіе геніи, потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзіей романтической, вмѣсто того, чтобы назвать просто новой поэзіей. Вотъ какимъ образомъ Данте, Тассо, Шекспиръ, Аріостъ Кальдеронъ, Шиллеръ и Гете оказались романтиками. Романтическою поэзіею окрестили всякую поэзію оригинальную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ и Пиндаръ могли бы также назваться романтиками. Развѣ это не есть докательство, что нѣтъ ни романтической, ни классической поэзіи?

Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появилась. И въ этомъ смыслѣ можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую.

Новая болѣе содержательна, нежели вещественна; вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ, у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Таковы Divina comedia Данте, чародѣйство въ поэмѣ Тассо, Мильтонъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями и, наконецъ, въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гете и особенно Байрона, въ коихъ живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному.

Понятія нашего времени о поэзіи, вообще, очень сбивчивы. Классики требуютъ слѣпого подражанія древнимъ, но формы древняго искусства, какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору *).

Въ этомъ смыслѣ романтики, отвергающіе все, что стѣсняетъ свободу генія—правы. Вообще, много вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сію пору никто еще не опредѣлялъ ея удовлетворительнымъ образомъ. Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзіи невозможно и кажется безполезно **). Если бы было можно опредѣ-

*) „Для Аѳинъ,—говоритъ нашъ критикъ—для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въ ономъ всѣ граждане безъ изъятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекала изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества“.

**) „Многіе, соображаяся съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, гово-

лить, что такое поэзія, то можно бы было достигнуть и до внѣшняго идеала оной, а когда бы въ какомъ-нибудь вѣкѣ достигли до него, то что бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?

„Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинство человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ".—Такъ заканчивалъ свою первую и единственную критическую статью Рылѣевъ, стараясь отстоять для современнаго писателя полную независимость и полную творческую свободу.

Статья эта, конечно, не рѣшала спора между классиками и романтиками и не давала никакого опредѣленія двухъ боровшихся тогда литературныхъ тенденцій, но въ основныхъ своихъ мысляхъ она была необычайно ясна, проста и вѣрна, такъ какъ на свѣтѣ, дѣйствительно, есть только одна истинная поэзія—общечеловѣческая и вѣчная. Эта простая мысль мелькала многимъ изъ современниковъ Рылѣева,—всѣмъ, кто былъ одаренъ настоящимъ художественнымъ чувствомъ, но никто не выразилъ ее такъ просто, такъ общепонятно *).

Художественное чутье и было единственнымъ критеріемъ, которымъ Рылѣевъ стремился руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ о современныхъ ему литературныхъ новинкахъ. Мы говоримъ „стремился", такъ какъ это не всегда ему удавалось.

Его свободному суду мѣшали въ данномъ случаѣ двѣ глубоко въ немъ коренившіяся симпатіи. Онъ, во-первыхъ, былъ большой патріотъ и, кромѣ того, любилъ въ искусствѣ общественную тенденцію.

Любовь къ народному, самобытному заставляла его быть не-

рятъ, что сущность романтической (т. е. истинной) поэзіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

*) Она же, какъ мы помнимъ, легла въ основаніе и той блестящей критической статьи, которую десять лѣтъ спустя (1835) посвятилъ ближайшій другъ Рылѣева—Бестужевъ тому же вопросу о классицизмѣ и романтизмѣ.

справедливымъ къ писателямъ, у которыхъ самобытность органически сливалась и сочеталась съ иноземнымъ вліяніемъ, какъ напр. у Жуковскаго. Сначала онъ цѣнилъ Жуковскаго очень высоко, называлъ любимымъ сыномъ Феба, счастливымъ властелиномъ сокровищъ языка, поэтомъ „возвышеннаго“ *), но затѣмъ онъ измѣнилъ о немъ рѣзко свое мнѣніе и писалъ Пушкину: „Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за *вліяніе его на духъ нашей словесности*, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны (!), растлили многихъ и много зла надѣлали“ **).

Въ этихъ словахъ слышенъ и голосъ патріота, которому непріятно, что иноземная туманность заволакиваетъ нашу словесность, а также и голосъ поэта съ общественной жилкой, который сердится на то, что мечтательность и неопредѣленность въ мысляхъ и чувствахъ мѣшаютъ писателю трезво и опредѣленно относиться къ окружающей его дѣйствительности.

Тѣ же опасенія патріота и гражданина сквозятъ и во всѣхъ сужденіяхъ Рылѣева о Пушкинѣ. Съ Пушкинымъ онъ сошелся очень скоро и сердечно, и былъ плѣненъ его талантомъ. Называлъ его и „чудотворцемъ“, и „геніемъ“, и неоднократно признавался ему въ самой нѣжной любви. На правахъ этой любви онъ и предостерегалъ его отъ подражанія и отъ соблазна тратить свой талантъ на незначащія, пустыя темы, которыя мало способствуютъ пробужденію въ читателѣ сознательнаго отношенія къ жизни ***).

„Пушкинъ! говорилъ онъ ему,—ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій, и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!“ ****)

На мысль, что Пушкину грозитъ опасность со стороны Байрона, Рылѣева навели поэмы его пріятеля, въ которыхъ не безъ

---

*) Въ стихотвореніи „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“ 1821 г.

**) Письмо къ А. С. Пушкину 12 февраля 1825 (*Мазаевъ*, 155).

***) Рылѣевъ попытался однажды даже навести Пушкина на тему. „Ты около Пскова—писалъ онъ ему—тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы,—настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы?“ Письмо къ Пушкину отъ 25 января 1825 (*Мазаевъ*), 153).

****) Письмо къ Пушкину отъ 12 мая 1825 (*Мазаевъ*, 161)

основанія онъ почуялъ не русскіе мотивы. Къ этимъ поэмамъ онъ отнесся холодно, и только одни „Цыгане“ его согрѣли. Онъ поздравлялъ Пушкина съ этой поэмой, говорилъ, что она оправдала мнѣніе объ его талантѣ, что онъ (Пушкинъ) идетъ шагами великана и радуетъ истино *русскія* сердца. „Отъ „Цыганъ“ всѣ безъ ума; „Разбойникамъ“, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также всѣ чрезвычайно обрадовались. „Цыганъ“ слышалъ я четвертый разъ—пишетъ онъ Пушкину—и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подъискивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше ли было сдѣлать его кузнецомъ?“ *)

Страннымъ можетъ показаться это увлеченіе „Цыганами“ и „Братьями разбойниками“, если вспомнить, что и въ этихъ поэмахъ байроническое настроеніе Пушкина было достаточно замѣтно; но это недоумѣніе разсѣется, если принять во вниманіе, что сравнительно съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ и „Кавказскимъ плѣнникомъ“ въ этихъ поэмахъ было больше національнаго самобытнаго колорита, такъ какъ и каторжникъ, и цыганъ были намъ болѣе близкими родственниками, чѣмъ черкесъ и татаринъ.

Любовь къ національному въ содержаніи должна была бы, кажется, заставить Рылѣева понять и оцѣнить „Онѣгина“, но именно это произведеніе Пушкина менѣе всего нравилось Рылѣеву.

„Онѣгинъ“, сужу по первой пѣснѣ,—писалъ онъ Пушкину—ниже и „Бахчисарайскаго фонтана“ и „Кавказскаго плѣнника“... Не знаю, что будетъ „Онѣгинъ“ далѣе; быть можетъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ; чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, но теперь онъ ниже „Бахчисарайскаго фонтана“ и „Кавказскаго Плѣнника“. Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія **).

Этотъ строгій и несправедливый судъ могъ быть вызванъ боязнью, что и въ „Онѣгинѣ“ Пушкинъ подчинится иноземному; но, помимо этого, Рылѣевъ имѣлъ еще и другія причины не любить Евгенія Онѣгина. Рылѣеву—какъ поклоннику „серьезныхъ и важныхъ темъ“—не нравился самый сюжетъ поэмы Пушкина: онъ считалъ его легковѣснымъ, и Пушкину пришлось напомнить своему пріятелю, что и свѣтское общество можетъ стать предметомъ художественнаго воспроизведенія. Рылѣевъ долженъ былъ согласиться съ этимъ, но отъ своей нелюбви къ Онѣгину не отказался. „Раздѣляю твое мнѣніе,—писалъ онъ ему,—что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. *Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ туда*: Я

*) Письмо къ Пушкину апрѣль 1825. (*Мазаевъ*, 160)

**) Письмо къ Пушкину, 12 февраля и 20 марта, 1825 [*Мазаевъ* 154, 158].

слышалъ теперь всю первую пѣснь Онѣгина: она прекрасна. Ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ" *).

Нелюбовь къ „подобному" предмету объясняется не однимъ лишь неудовлетвореннымъ художественнымъ впечатлѣніемъ; въ ней кроется и опасеніе за Пушкина, какъ писателя. На томъ, кто такъ высоко стоитъ, какъ Пушкинъ—думалъ Рылѣевъ—лежатъ и извѣстныя обязанности, тотъ не долженъ по пустякамъ тратить своей силы.

Эту тайную мысль Рылѣевъ довѣрилъ самому Пушкину, и судьба распорядилась такъ, что это было его прощальное привѣтствіе и пожеланіе другу. Въ ноябрѣ 1825 года онъ писалъ Пушкину по поводу его обиженнаго и расходившагося дворянскаго самолюбія: „Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самихъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ, ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. *На тебя устремлены глаза Россіи, тебя любятъ, тебя ѣдятъ, тебя подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ*" **).

Послѣднія слова въ этомъ письмѣ указываютъ ясно, какой мѣркой собирался Рылѣевъ измѣрять достоинство и значеніе сочиненій своего друга, и объясняютъ, почему онъ предпочиталъ всѣмъ поэмамъ Пушкина его „Цыганъ" и „Братьевъ Разбойниковъ", и почему Онѣгина ставилъ ниже этихъ произведеній.

Не оборвись жизнь Рылѣева такъ неожиданно, мы имѣли бы въ немъ одного изъ первыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ такъ называемой общественной критики.

Онъ и вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы знаемъ, и его другъ Бестужевъ—еще въ двадцатыхъ годахъ хотѣли дать критикѣ то направленіе, котораго она стала придерживаться лишь много, много лѣтъ спустя, когда интересъ къ общественнымъ вопросамъ всецѣло поглотилъ писателя.

Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, этотъ интересъ всецѣло начиналъ поглощать и Рылѣева, но только критика была для него дѣломъ случайнымъ, постороннимъ, и для своихъ общественныхъ идеаловъ онъ нашелъ иную, болѣе красивую и ходкую внѣшнюю форму.

Въ историческихъ балладахъ или, какъ онъ называлъ ихъ,

---

*) Письмо къ Пушкину отъ 12 февраля 1825. [*Мазаевъ*, 154].

**) Письмо къ Пушкину, ноябрь 1825. [*Мазаевъ*, 163].

въ „Думахъ“, въ поэмахъ и въ цѣломъ рядѣ лирическихъ пѣсенъ пожелалъ онъ высказать во всеуслышанье свои гражданскія чувства.

Н. Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЯКЪ.

Бушуетъ вѣтеръ, волны гнѣвно плещутъ,
Ревetъ, какъ звѣрь, огромный океанъ.
Вверху на маякѣ огни трепещутъ,
Отъ плеска волнъ вздымается туманъ.
Корнями охвативъ куски гранита,
Деревья гнутся, словно камыши;
Волна кипитъ и, пѣною обвита,
На берегъ съ шумомъ катитъ голыши.
Они ползутъ, подобно длинной цѣпи,
Вдругъ кинутой могучею рукой...
Маякъ трещитъ и стонетъ въ каждомъ скрѣпѣ,
Неравною измученный борьбой.
У стѣнъ его, отчаянія полны,
Двѣ сизыхъ чайки бьются въ темнотѣ,—
То съ дикимъ крикомъ опускаясь въ волны,
То вновь отъ нихъ спасаясь въ высотѣ.
Но гордо, будто великанъ въ пустынѣ,
Стоитъ маякъ среди возставшихъ водъ
И огонькомъ, горящимъ на вершинѣ,
Для ищущихъ—путь правый бережетъ.

Леонидъ Б.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

VI.

Нью-Іоркъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ.—„Почтовые агенты".—Маленькій инцидентъ въ табльдотѣ.—Поиски квартиры.—Я устраиваюсь.—Мои сокварти-ранты.—Бродвэй и уличная толпа.—Американскій почтамтъ.—Американизмъ и „чудачество" американцевъ.—Губернаторъ Альтдорферъ.—Полицейскій участокъ.—Боксъ „при исполненіи обязанностей".—Партикулярный характеръ „присутственныхъ мѣстъ" и строгія наказанія за злоупотребленія по службѣ.—„Условное осужденіе".

Довольно поздно проснулся я въ первое утро своего пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ: просторная, чистая, теплая постель, послѣ Прокрустова ложа тѣсной, душной, грязной койки междупалубнаго отдѣленія,—это ли не блаженство... И, послѣ здороваго, покойнаго отдыха,—еще одно, давно уже не испытанное, удовольствіе: вымыться въ чистой, свѣжей, прѣсной водѣ!.. И я мылся, мылся и полоскался, нещадно изводя воду и прекрасное, пѣнистое, душистое мыло..

Нельзя сказать, чтобы помѣщеніе обходилось въ Нью-Іоркѣ особенно дешево. За то въ платѣ за номеръ заключаются уже и другіе мелкіе расходы: мыло, освѣщеніе, постельное бѣлье, полотенца,—и вы избавлены отъ всякихъ сюрпризовъ, столь обычныхъ въ нашихъ гостинничныхъ счетахъ...

Комната моя была удобная, свѣтлая. Надоѣдали только поѣзда эстокадной дороги, то и дѣло мелькавшіе мимо оконъ съ грохотомъ и шумомъ, напоминая о торопливомъ темпѣ американской жизни...

Мнѣ тоже не приходилось долго отдаваться отдыху. Вчера, въ обмѣнъ на свои фунты стерлинговъ, я получилъ на Элисъ-Эйландѣ 55 долларовъ массивными золотыми монетами. Это была сумма, не позволявшая надолго откладывать „первые шаги" въ Новомъ Свѣтѣ... Но съ чего начать? Я рѣшилъ прежде всего заняться ознакомленіемъ съ новой мѣстностью и, даже не напившись чаю, направился къ набережной и здѣсь, въ низенькомъ га-

зетномъ павильонѣ, укромно пріютившемся у ногъ горделиваго и пасмурнаго кирпичнаго зданія, купилъ Map of the City of New-Jork, т. е. карту города Нью-Іорка, съ необходимыми замѣчаніями и поясненіями къ ней.

Да, это былъ не планъ, а именно—карта, обнимающая площадь свыше 160 кв. верстъ.

Островъ Менхетэнъ, на которомъ размѣстился почти весь Нью-Іоркъ *), представляетъ продолговатую, сравнительно узкую полосу земли не свыше 15—20 футовъ надъ уровнемъ моря. Лѣтъ полтораста назадъ на этой территоріи расположенъ былъ не одинъ городъ, а цѣлый десятокъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и доселѣ сохранившіяся названія, какъ Іорквилль, Карменсвилль, Гарнемъ, Менхетэнвилль, Моотхевенъ и др. Всѣ эти поселенія нѣкогда, точно крѣпости или древне русскіе „остроги“, окруженныя высокими палисадами, при приближеніи къ ихъ предѣламъ все разраставшагося вдоль широкой почтовой дороги (Бродуэй) гиганта, покорно, одинъ за другимъ, сносили свои частоколы и сливались съ нимъ въ одно цѣлое... Отъ иныхъ, при этомъ, уцѣлѣли хоть отдѣльныя зданія, отъ другихъ же не осталось даже названія, какъ, напр., отъ Новаго Амстердама, безслѣдно замѣщеннаго Нью-Іоркомъ.

Городъ раздѣляется на Верхній или Эптаунъ, въ которомъ, какъ и въ сосѣднемъ Бруклинѣ, находятся преимущественно жилые дома, парки и, какъ горделиво выражается авторъ сопровождающихъ карту „примѣчаній“, — „ряды дворцовъ королей промышленности современнаго міра“,—и Нижній или Доунтаунъ—резиденція главнѣйшихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, царство торговыхъ конторъ, банковъ, биржевыхъ и всякихъ другихъ, финансовыхъ и промышленныхъ агентуръ. По величинѣ занимаемой имъ территоріи, старый Доунтаунъ не составляетъ и $^1/_{12}$ части всего Нью Іорка, но отрѣжьте этотъ неправильно переплетающійся и расходящій лабиринтъ узенькихъ улицъ, и у васъ останутся только кормящіеся отъ его щедротъ пригороды.

Подчиняясь очертаніямъ своей территоріи и требованіямъ торговаго порта, старый Нью-Іоркъ протянулъ свои улицы параллельно сходящимся у южнаго мыса берегамъ, остальныя же, естественно, направились къ морю, съ одной стороны, и къ мѣсту расположенія главнѣйшихъ общественныхъ и административныхъ учрежденій, съ другой. Отсюда и возникла эта сѣть, большею частью, короткихъ, неправильныхъ линій, которую надо хорошенько изучить прежде, чѣмъ пускаться вглубь Нижняго города.

---

*) Кромѣ отчасти болотистаго, холмистаго и лѣсистаго сѣвернаго Нью-Іорка—North New-Iork, раскинувшагося на самомъ материкѣ.

Верхній городъ развивался при иныхъ условіяхъ, чѣмъ Нижній. Тамъ дѣйствовала исторія, здѣсь раціональный планъ. Когда въ старомъ городѣ стало тѣсно, и появились охотники селиться за его предѣлами, муниципальный совѣтъ постановилъ предварительно разбить подлежащую заселенію ровную мѣстность на правильные, безопасные въ пожарномъ отношеніи и удобные для сообщенія, кварталы.

Такъ и сдѣлали: въ длину провели двѣнадцать широкихъ—свыше 120 ф.—проспектовъ, а подъ прямымъ угломъ къ нимъ—свыше 200 болѣе узкихъ улицъ. Получивъ такимъ образомъ гигантскую сѣть проѣздныхъ путей, нужно было дать возможность оріентироваться въ ней, — задача очень и очень нелегкая... Легко ли, въ самомъ дѣлѣ, даже зная названіе улицы, отыскать въ ней данный домъ, если улица эта тянется добрыхъ четыре или пять верстъ? Къ какой ея части подъѣхать на конкѣ, чтобы оказаться на болѣе близкомъ разстояніи отъ искомаго дома? А между тѣмъ, эти вопросы играютъ огромную роль въ удобствахъ или неудобствахъ городской жизни. Американцы рѣшили ихъ удивительно просто: проспектамъ первой планировки они дали нумерацію по порядку ихъ расположенія, начиная съ востока на западъ, а проведенныя впослѣдствіи обозначили литерами по алфавиту: A, B, C, D и E, — уже съ запада на востокъ, въ порядкѣ ихъ образованія. На томъ же основаніи, улицы перенумеровали съ юга на сѣверъ, причемъ всѣ улицы отходящія къ востоку отъ Бродуэя въ Нижнемъ городѣ, или отъ Пятаго проспекта въ Верхнемъ—постановили считать восточными улицами, а отходящія отъ тѣхъ же ординатъ къ западу—западными. Поэтому, если, напр., на сообщенномъ вамъ адресѣ значится 118 east 137 street, то вы уже знаете, что данное лицо живетъ въ Верхнемъ городѣ (нумерованы улицы только въ Эптаунѣ), въ восточной части (east) на сѣверной сторонѣ (четный нумеръ дома—118), на сто тридцать седьмой улицѣ, въ домѣ нумеръ 118. Отсюда, руководствуясь картой или знакомствомъ съ сѣтью мѣстныхъ путей сообщенія, не трудно уже сообразить, какую именно линію трамвая нужно выбрать.

Такимъ-то путемъ возникли и были окрещены 223 улицы и семнадцать проспектовъ Эптауна, не считая нѣсколькихъ улицъ и проспектовъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ сохранившихъ или получившихъ собственныя наименованія. Система эта тѣмъ удобнѣе, что и Бродуэй, и Пятый проспектъ настолько своеобразны, что отыскать ихъ по описанію не трудно даже и малограмотному.

Если, затѣмъ, читателю угодно будетъ представить себѣ у устья довольно широкой (около $1^1/_2$ в.) и глубокой рѣки Хеузонъ, отдѣленную отъ океана островомъ Лонгъ Айландомъ, продолговатую полосу земли верстъ двадцать длиной и 5—$5^1/_2$ в. шириной, покрытую клѣтками продолговатыхъ кварталовъ съ Центральнымъ

Паркомъ посреди и треугольникомъ узкихъ кривыхъ улицъ Даунтауна или Нижняго города на югѣ,—то предъ нимъ будетъ общій абрисъ карты великаго города, которую я тогда изучалъ.

Меня неудержимо тянуло туда, на людныя улицы, обставленныя громадными домами. Во мнѣ зрѣло намѣреніе предпринять усиленную рекогносцировку и въ нѣсколько ближайшихъ дней исходить пѣшкомъ весь городъ вдоль, поперекъ и по окружности, а затѣмъ уже приступить и къ болѣе детальному съ нимъ ознакомленію.

Первая же попытка въ этомъ направленіи показала, что для исполненія такого плана потребуются не дни, а, быть можетъ, недѣли: направляясь къ сѣверу по неказистой, затѣненной эстокадою, Гринвичъ-стритъ, я прошелъ уже болѣе тридцати кварталовъ, успѣлъ проголодаться, и все еще не вышелъ изъ предѣловъ стараго или Нижняго города!

На обратномъ пути я зашелъ въ аптекарскій магазинъ, чтобы купить лепешекъ Виши.

Пожилой господинъ въ очкахъ, усахъ и бородѣ—прерогатива лицъ, прикосновенныхъ къ заокеанской медицинѣ—подалъ мнѣ полукоробочку, стоющую у насъ 40 к.

— Пятьдесятъ центовъ (93 к.)!—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, точно на похоронахъ.

— Можетъ быть, имѣются пакетики поменьше?—спросилъ я, удивленный этой дороговизной.

— Это самый меньшій... Я сказалъ уже: стоитъ ровно пятьдесятъ центовъ.

Я не купилъ. Дороговизна, обусловленная высокимъ покровительственнымъ тарифомъ и патріотическимъ желаніемъ выдвигать свои мѣстные препараты, обращала предметъ необходимости въ роскошь. Но еще болѣе, чѣмъ эта дороговизна, нѣсколько устрашавшая меня при ограниченности моихъ средствъ, смутилъ меня пренебрежительно-сухой тонъ американца, очевидно, сразу различившаго во мнѣ пріѣзжаго европейца.

Въ углу магазина, въ особомъ стеклянномъ кіоскѣ, сидѣла молодая дѣвушка въ очень простенькомъ платьѣ. Еще болѣе простая прическа придавала ея овальному лицу что-то библейское, одухотворенное особымъ выраженіемъ.

— Вамъ угодно что-нибудь отправить?—спросила она, перехвативъ мой любопытствующій взглядъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что этотъ кіоскъ—одно изъ отдѣленій мѣстной почтовой конторы.

— Нѣтъ,—проговорилъ я, слегка запинаясь,—но позвольте мнѣ двѣ заграничныхъ и одну мѣстную марку.

— Вы, вѣроятно, недавно въ Нью-Іоркѣ?—спросила она, улыбаясь.

— Это правда, но почему вы узнали?

— Американецъ сказалъ бы: двѣ—по пяти, одну—за два... У насъ нѣтъ марокъ спеціально для заграничной корреспонденціи.

Тутъ въ кіоскъ вошелъ плотный, гладко выбритый господинъ въ свѣтло-сѣрой двубортной курткѣ съ блестящими пуговицами, въ фуражкѣ съ позументомъ и короткимъ четырехугольнымъ козырькомъ. Очевидно, это былъ дежурный пріемщикъ корреспонденціи, потому что дѣвушка тутъ же вручила ему полученныя для перевода деньги, письма и бланки съ описью передаваемаго. Пока я покупалъ у прилавка чопорнаго дрогиста кусочекъ кокосоваго мыла, пріемщикъ быстро провѣрилъ опись, подписалъ дубликатъ (оригиналъ подписала сдатчица) и удалился, забравъ съ собой ввѣренные ему пакеты. Все это не заняло и десяти минутъ, и, очевидно, дѣло нисколько не страдало оттого, что почтовымъ агентомъ была миловидная молодая женщина. Пріемщикъ не жантильничалъ съ дамой: онъ даже не снялъ фуражки, а уходя, едва слышно проронилъ формальное—„good by!“—прощайте! Въ свою очередь, и сдатчица проявила лишь чисто дѣловое вниманіе.

При выходѣ моемъ изъ магазина, отъ него отъѣхалъ массивный, помѣстительный экипажъ, въ родѣ небольшого вагона, окрашеннаго въ свѣтло желтую краску, съ нумеромъ и литерами, свидѣтельствовавшими о принадлежности почтовой службѣ Соединенныхъ Штатовъ. Другой такой же экипажъ, болѣе темной окраски и побольше, подъѣхалъ къ аптекарскому магазину съ противоположной стороны. Едва онъ остановился у дверей, какъ изъ магазина стали выносить къ нему ящики, ящички, связки, свертки, узлы, даже цѣлые кули и тюки,—принятыя къ отправкѣ городскія и иногородніе посылки. Такъ просто поставлена здѣсь почтовая служба...

Впослѣдствіи я не разъ встрѣчалъ такихъ „почтовыхъ агентовъ“ въ небольшихъ магазинахъ, въ разныхъ частяхъ города. Часто эти дѣвушки состоятъ также бухгалтерами магазиновъ и, наряду съ пріемомъ почтовой корреспонденціи, ведутъ частное счетоводство.

Такой порядокъ, конечно, возможенъ лишь тамъ, гдѣ безконечная цѣпь всякой опеки, въ томъ числѣ опеки даже надъ самою процедурой работы чиновника, давно уже уступила мѣсто привычному сознанію отвѣтственности передъ самымъ дѣломъ. Разъ оно идетъ правильно, начальство, безъ всякаго вреда для службы, совершенно отказывается отъ всякихъ регламентацій, запретовъ совмѣстительства и другихъ ненужныхъ и вредныхъ путъ.

Съ запасомъ почтовыхъ марокъ вернулся я въ гостинницу какъ разъ во время: кудрявый лакей въ солидно-вѣжливыхъ выраженіяхъ далъ мнѣ понять, что общій обѣдъ готовъ, и кушанья могутъ перестояться.

Обѣдать позвали не въ ресторанъ, а въ небольшую свѣтлую

комнату, сообщавшуюся съ нимъ маленькой одностворчатой дверью. Комната носила видъ семейной столовой: столъ, застланный простенькой повседневнаго обихода скатертью поверхъ клеенки, висячая лампа съ матовымъ абажуромъ, стулья съ высокими прямыми спинками вокругъ, маленькій столикъ съ чьимъ-то недоконченнымъ гаруснымъ вязаньемъ,—все это располагало къ свободѣ отъ условныхъ свѣтскихъ приличій, столь надоѣдливыхъ въ европейскихъ отеляхъ...

Такое же выгодное впечатлѣніе производила и собравшаяся тутъ, скромная на видъ, публика: старикъ-нѣмецъ въ поношенной синей курткѣ съ аккуратно подшитыми замшей рукавами, сынъ его, плечистый малый лѣтъ тридцати, очень похожій на отца складомъ лица и коренастой фигурой, но уже—въ изящномъ городскомъ платьѣ, начисто выбритый, блѣдноватый и, какъ будто, утомленно разсѣянный, тогда какъ крупныя, обвѣянныя степнымъ вѣтромъ черты отцовскаго лица дышали свѣжимъ здоровьемъ и той особенной, сознающей свою силу, сосредоточенностью, какая присуща землевладѣльцамъ-фермерамъ; господинъ, лѣтъ подъ тридцать, полнолицый, съ матово-розовымъ загаромъ, въ усахъ, съ блестящими живыми глазами южанина,—должно быть, коммиваяжеръ, изъ множества наѣзжающихъ каждую урожайную осень въ Нью-Іоркъ для сбыта апельсиновъ, банановъ, ананасовъ и прочихъ деликатныхъ продуктовъ Луизіаны, Флориды и другихъ областей благодатнаго юга;—и наконецъ, благообразная дама не первой молодости, непринужденно смѣявшаяся каждой остроумной или просто веселой шуткѣ своего кавалера.

Здѣсь ждало меня небольшое комическое приключеніе. Когда я вошелъ, господинъ съ дамой пили уже свой послѣ-обѣденный чай, старый нѣмецъ доѣдалъ пуддингъ, а позже явившійся молодой заказалъ себѣ стэкъ почти одновременно со мною и сѣлъ со мной рядомъ.

Должно быть, въ этотъ день на кухнѣ имѣло мѣсто какое-нибудь замѣшательство, потому что прошло добрыхъ двадцать минутъ прежде, чѣмъ снова показался нашъ Меркурій съ продолговатымъ бѣлымъ блюдомъ отлично зажареннаго ароматнаго мяса, которое поставилъ между мной и моимъ сосѣдомъ. Нѣмецъ тотчасъ же переложилъ къ себѣ на тарелку кусокъ, навѣрное, съ три четверти фунта вѣсомъ. Это меня нѣсколько удивило: я заказалъ первый, и потому полагалъ, что лакей подалъ эту порцію мнѣ. Впрочемъ, трудно было допустить, чтобы такая гора мяса (не менѣе двухъ англійскихъ фунтовъ) могла предназначаться для одного. Итакъ,—подумалъ я про себя,—здѣсь ресторанный этикетъ не имѣетъ силы, и, вѣроятно, лакей принесъ наши обѣ порціи на одномъ блюдѣ... По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я послѣдовалъ примѣру сосѣда и положилъ себѣ такой же кусокъ мяса...

Не успѣлъ, однако, ароматный стэкъ коснуться моей тарелки,

какъ справа около меня кто-то точно сильно поперхнулся. Дама, вся красная, низко наклонила лицо надъ чашкой. Пышныя круглыя плечи ея тряслись отъ смѣха.

— Успокойтесь, дорогая, — нѣсколько тише обыкновеннаго проговорилъ ея кавалеръ,—успокойтесь: это близко къ природѣ, и папуасъ или готентотъ, пожалуй, проявилъ бы еще больше непосредственности.

— Ахъ, да, да! Конечно!..—согласилась дама, всѣмъ корпусомъ откидываясь на спинку стула и прикрываясь салфеткой.—И, затѣмъ, это такъ заманчиво: boeuf au naturel!..

Она не могла сдержать громко прорвавшагося смѣха, а кавалеръ ея смѣялся беззвучно, но такъ энергично, точно его щекотали подъ мышками.

На шумъ, изъ ресторана явился хозяинъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ причину безпорядка и побагровѣлъ.

— Но почему вы не подаете обѣдъ господину... господину русскому?—сердито спросилъ онъ еще съ порога, хотя не могъ не видѣть лакея, торопившагося ко мнѣ съ другой такой же горой жаренаго мяса.—Не заставляйте моихъ гостей голодать!.. Это просто безобразіе!—заключилъ онъ такимъ тономъ, что нельзя было угадать, относится ли его порицаніе къ виновникамъ голоданія, или къ ихъ жертвѣ.

Старикъ-нѣмецъ пріостановилъ поглощеніе пуддинга и суровоукоризненно, не моргая, глядѣлъ на меня въ упоръ, а его сынъ произнесъ съ искусственной любезностью:

— Сдѣлайте одолженіе, сударь, не стѣсняйтесь!

Мое положеніе понятно безъ комментаріевъ... Съ первыхъ же шаговъ я очутился въ роли дикаря: веселая парочка продолжала хохотать, обмѣниваясь остротами.

— Я нахожу излишней роскошью ѣсть изъ отдѣльныхъ приборовъ,—острилъ кавалеръ.

— Или носить каждому отдѣльную обувь,—тѣмъ же тономъ продолжала его дама, вставая.

— Какъ и обходиться отдѣльными носовыми платками..

Они говорили громко, очевидно, полагая, что я не все понимаю, но отъ этого мнѣ не было легче. Вдобавокъ, когда послѣ обѣда я вышелъ въ ресторанъ, чтобы выпить бутылку сельтерской воды, элегантный французъ-хозяинъ заявилъ мнѣ шипящимъ шопотомъ, что если я пожелаю, то „могу“ обѣдать въ своей комнатѣ. Намекъ былъ ясенъ до грубости, и я рѣшилъ отказаться и отъ стола, и отъ номера. Съ этой цѣлью я снова направился на поиски квартиры. Пройдя по Гринвичъ-Стритъ нѣсколько кварталовъ, я свернулъ вправо, по направленію къ центральнымъ улицамъ, затѣмъ влѣво и очутился на Хеузонъ-стритѣ, свѣтлой широкой улицѣ, посреди которой, дѣловито позванивая

колокольцами, бѣжали вагоны конки, запряженные рослыми, на-диво откормленными конями.

Я прошелъ нѣсколько кварталовъ, когда изъ ближней попе-речной улицы вдругъ повалила толпа чопорно-аккуратно одѣ-тыхъ мужчинъ и женщинъ съ саквояжами въ рукахъ. Я спра-вился у одного изъ встрѣчныхъ, что означаетъ это шествіе.

Онъ вскинулъ на меня бѣлесоватыми глазами, пожалъ плечами и бросилъ, проходя:

— Четыре часа, развѣ вы не знаете?.. Съ фабрики—домой!— Потомъ, оглянувшись, оскалилъ свои большіе бѣлые зубы и про-кричалъ, гнусаво растягивая слова:

— У насъ, мистеръ грин-горнъ, вось-ми-часовой рабочій день: это—Аме-ри ка!

Ближайшіе разсмѣялись, кое-кто послалъ „грингорну“ пару-другую обычныхъ насмѣшекъ; пробѣжавшій мимо мальчишка крикнулъ мнѣ подъ носъ:

— Экстра, мистеръ грингорнъ!

И тотчасъ же, отпрыгнувъ, высунулъ языкъ, за что получилъ отъ навернувшагося изъ-за угла чистильщика улицъ (въ профес-сіональной бѣлоснѣжной куркѣ и такихъ же штанахъ) здорове-нный шлепокъ по затылку.

Я перешелъ на противоположную сторону улицы, гдѣ уви-дѣлъ два билетика на дверяхъ длиннаго двухъэтажнаго зданія. На одной двери на билетикѣ значилось, что здѣсь отдается комната съ обстановкой, а по желанію и со столомъ.

Я позвонилъ.

Мнѣ отворила пожилая дама въ букляхъ, съ полушалью на широкихъ плечахъ.

— Что угодно?—отрывистымъ горловымъ голосомъ спросила она, окидывая испытующимъ взглядомъ мой довольно-таки не-взрачный нарядъ, испытавшій въ пути немало превратностей.

— Комнату, если позволите.

— Со столомъ?

— Безъ.

Дама еще разъ оглянула мой костюмъ и, должно быть, оста-лась имъ недовольна.

— Нѣтъ, безъ стола не отдается,—отрубила она, готовясь захлопнуть дверь.

— Значитъ, отдается у кого-нибудь другого въ этомъ домѣ: вотъ объявленіе!—попробовалъ возразить я.

Дама разсердилась, закачала головой и задвигала толстыми губами.

— Объявленіе—мое!—воскликнула она, перемежая фальцетомъ грубыя, басистыя ноты:—объявленіе мое. Думала сдавать такъ теперь думаю иначе. Хотѣла бы знать: въ правѣ ли я посту-пать такъ, какъ мнѣ угодно?..

И дверь стремительно, съ недамскою силой, захлопнулась буквально передъ моимъ носомъ...

Позвонилъ я у другой двери.

Ее отворили не сразу: кто-то подошелъ съ внутренней стороны, качнулъ дверной ручкой и удалился; потомъ послышались перемежающіеся звуки шаговъ двухъ или нѣсколькихъ лицъ, голоса, наконецъ, дверь распахнулась настежь, и на порогѣ ея, заслоняя своей широкой фигурой съ любопытствомъ оглядывавшую меня молодую рыжеволосую дѣвушку—появилась та же дама въ полушали...

На этотъ разъ ничего уже не спросила, но когда дверь захлопнулась такъ же громогласно, какъ и первая, до меня донесся визгливый фальцетъ:

— Трэмпъ (бродяга)!

Итакъ, первые мои шаги были рѣшительно неудачны: позади—язвительный французъ-ресторатеръ, здѣсь—какая-то разъяренная фурія. Дѣлать, однако, было нечего; я подошелъ къ другому дому, съ билетикомъ.

— Это у васъ отдается комната съ мебелью?—спросилъ я отворившаго мнѣ худощаваго, длиннолицаго субъекта съ просѣдью, который придерживалъ правою рукой обвязанную бѣлой косынкой щеку.

— О да, о да!—заговорилъ онъ, въ тактъ кивая головою и застегивая лѣвою рукой нижнія пуговки пальто.

Не смотря на то, что въ темноватыхъ узенькихъ сѣняхъ съ низкимъ потолкомъ было очень тепло, онъ былъ въ длинноломъ темномъ пальто и котелкѣ.

— Мнѣ нужна свѣтлая комната безъ стола.

— О, да!.. О, да!.. Пожалуйте наверхъ.

Мы поднялись по неистово скрипѣвшей, чистенькой и очень узкой лѣсенкѣ.

— Вы—иностранецъ?—спросилъ меня хозяинъ, поравнявшись съ площадкой перваго этажа.

— Да...

— Иностранецъ-репортеръ?.. Пожалуйте выше.

— Почему же непремѣнно—репортеръ?

— Либо художникъ, либо репортеръ: спрашиваете свѣтлую комнату, но на художника не похожи... О, репортеръ... Это очень хорошо: можно отлично дѣлать деньги... Пожалуйте выше... А художники—пустые люди... вродѣ бродягъ, и все почти европейцы... Пожалуйте еще выше...

Мы поднялись на вторую площадку. Тутъ я было остановился, заявивъ, что выше третьяго этажа снимать комнату не намѣренъ.

— О, это ничего не значитъ, право, ничего не значитъ,—проговорилъ мой проводникъ такимъ любезно-уступчивымъ тономъ, какъ будто не мнѣ, а ему высокая лѣстница явилась бы неудоб-

ствомъ, но онъ изъ деликатности мирится съ этимъ.—Это совсѣмъ пустяки, увѣряю васъ, увидите мою комнату, узнаете условія и немедленно займете... Проходите, прошу васъ, немного выше!

— Гдѣ же ваша комната?.. Въ четвертомъ этажѣ, что ли? —

— Еще немного выше... За то—свѣта и воздуху сколько!.. Въ гостинницѣ не найдете такой комнаты, и за такую ничтожную плату, увѣряю васъ...

Онъ говорилъ быстро, словно боясь, что я могу представить возраженія.

Тѣмъ временемъ, сѣни совсѣмъ исчезли, остался темный, съ обѣихъ сторонъ обшитый досками, проходъ еще болѣе сузившейся крутой лѣстницы, слабо освѣщенной откуда-то спереди разсѣяннымъ свѣтомъ... Наконецъ, мы вышли на слегка покатую сзади асфальтовую площадку, непосредственно покрывавшую собою переплетъ и настилку потолка пятаго этажа: чердака и крыши, въ нашемъ европейскомъ смыслѣ, не было.

Тутъ, саженяхъ въ двухъ отъ края, стояла сколоченная изъ толстыхъ досокъ, съ двойными стѣнами, мансарда, надъ которой чернѣла сильно закопченная дымовая труба. Одностворчатая подъ небольшимъ навѣсомъ дверь вела съ площадки въ маленькую полутемную прихожую, сообщавшуюся стеклянной дверью съ небольшой квадратной комнаткой.

— Видъ-то какой!—совершенно искренно восторгался за моею спиной проводникъ, когда, бросивъ бѣглый взглядъ на болѣе чѣмъ скромную обстановку комнаты, я снова вышелъ на площадку передъ дверью.

Видъ былъ, дѣйствительно, оригинальный, но далеко не привлекательный: ни пятнышка зелени до самаго горизонта, ни зеркала моря, ни изгиба холма, улыбки рѣки, озерка! Безграничное поле безпорядочно набросанныхъ плоскихъ крышъ—площадокъ, съ разставленными на немъ, точно полицейскіе на стражѣ, угрюмыми дымовыми трубами. Мѣстами, на площадкахъ, грузно сидѣли громадныя пузатыя кадки — резервуары, куда паровая машина, ютящаяся обыкновенно въ подвальномъ этажѣ, накачиваетъ воду изъ трубъ городского водопровода. Между ними вились кое-гдѣ бѣлыя струйки отработаннаго пара. И такъ всюду, до горизонта. Только церковные шпили, наполовину прикрытые гигантскими домами, силились кое-гдѣ подняться къ небу, вырваться изъ сжимавшихъ ихъ каменныхъ тисковъ. Да еще, высокіе, сухіе, безобразно-правильные, высились башнеобразные гиганты-зданія въ 20, 24 и 26 этажей. Въ видѣ лишь удивительнаго исключенія между ними красовался гордый многогранный куполъ Пулицеръ-Бильдинга, дворца газеты „World“. На западѣ, какъ и вчера, небо къ вечеру прочистилось, и косые лучи заходящаго солнца кое-гдѣ золотили выступы этого застывшаго каменнаго моря.

— И за такую теплую, тихую, спокойную квартирку... прислушайтесь: сюда не долетаетъ даже грохотъ элевейтэръ рейльроода... за такую рѣдкостную квартиру,—продолжалъ хозяинъ,—я возьму съ васъ всего.. ну, всего одинъ доларъ пятьдесятъ центовъ въ недѣлю, а?.. Что вы скажете? Пустая плата, особенно для репортера... Долженъ вамъ сказать, сэръ, что репортеры въ этой странѣ никогда не испытываютъ нужды въ деньгахъ, и я увѣренъ, плата не затруднитъ васъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—сказалъ я по возможности любезно, но я не могу взять вашей, дѣйствительно, прекрасной комнаты.

— Почему?.. Вы находите, что это дорого?.. Ну, я уступлю ее за долларъ двадцать пять центовъ: вы мнѣ понравились...

— Благодарю васъ, но я всетаки не могу взять вашей комнаты: врачи запретили мнѣ подымать тяжести и взбираться на высоту...

— Вотъ ка-акъ!—протянулъ онъ, качая головой:—Врачи!. Не угодно ли адресъ доктора, лѣчившаго моего покойнаго Доббина *): Джорджъ Маклеори, 4, Эбигдонъ-клэйсъ—рѣдкій врачъ; хирургъ и по внутреннимъ болѣзнямъ... Мы даже немного сродни...—И онъ принялся заботливо разъяснять мнѣ, какъ я могу попасть къ превосходному врачу мистеру Джорджу Маклеори...

Распростившись съ этимъ услужливымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, я направился дальше и скоро наткнулся на лавочку портного, въ которомъ, по нѣкоторымъ неуловимымъ признакамъ, предположилъ соотечественника. И я не ошибся: мистеръ Джонатанъ Мильнеръ, низенькій, съ смуглымъ, сильно заросшимъ, какъ будто закопченнымъ скуластымъ лицомъ и узенькими, усердно всматривавшимися глазками, переселился сюда, съ женой и двумя малолѣтними дѣтьми, изъ Кишинева, лѣтъ двадцать пять назадъ. Его старшій сынъ, худощавый, чахоточнаго вида молодой человѣкъ средняго роста, ни слова не говорилъ по русски; самъ же мистеръ Джонатанъ говорилъ съ трудомъ, видимо подъискивая полузабытыя слова и выраженія; однако, старикъ очень обрадовался, увидѣвъ русскаго, и сталъ уговаривать меня, чтобы я сейчасъ же направился на Истъ-Сайдъ къ „нашимъ“, гдѣ легко найти „приличную комнату“ доллара за три въ мѣсяцъ.

— Ну, допустимъ, что при этомъ у васъ будетъ въ комнатѣ товарищъ, такъ что же вы потеряете?.. За то васъ тамъ никто не обидитъ: все равно, какъ, вотъ, у отца и матери... Тамъ всѣ такъ будутъ рады, такъ будутъ рады,—охъ, вотъ увидите... И знаете, гдѣ наши евреи,—тамъ все дешево... Ну, а вамъ надо беречь деньги... Заходите ко мнѣ, если понадобится платье: для земляка отдамъ подешевле,—радушно повторялъ онъ на прощанье.

Въ его голосѣ чувствовалась искренняя радость и располо-

*) Уменьшительная отъ Роббертъ.

женіе. Я испытывалъ здѣсь, на чужбинѣ, при видѣ этого неподдѣльнаго радушія странное ощущеніе. Мнѣ, какъ будто, было за что-то совѣстно и чего-то стыдно, какъ будто и я былъ передъ нимъ виноватъ въ чемъ-то.

Перспектива жить въ одной комнатѣ съ товарищемъ мнѣ не улыбалась, и я отправился на дальнѣйшіе поиски. Въ результатѣ ихъ къ концу дня я нанялъ неважную комнатку на Уэстъ-Гаустонъ-стритѣ, 496, руководствуясь всетаки указаніями, данными словоохотливымъ домохозяиномъ. Вечеромъ я еще вернулся къ своему французу, а на слѣдующее утро съѣхалъ. Элегантный французъ представилъ мнѣ счетъ въ два доллара 75 центовъ...

Мой новый хозяинъ былъ полировщикъ на столярной фабрикѣ. Квартира состояла изъ пяти низкихъ комнатъ и кухни. Кухня была просторная и чистая. По срединѣ стояла „Долли“,—четырехугольная чугунная печь, съ плитой, духовками и приспособленіями для кипяченія воды. Печь натиралась графитовымъ порошкомъ и выглядѣла очень щеголевато.

За эту квартиру мистеръ Гарри Клайнъ платилъ самъ 200 долларовъ въ годъ. Хотя онъ заработывалъ 1000 долларовъ, но ютился съ женой и двумя малолѣтними дѣтьми въ одной комнатѣ, безъ оконъ, и въ кухнѣ. При этомъ еще кухня, по мѣстному обыкновенію, служила по вечерамъ какъ бы гостинной для всего сборнаго населенія квартиры.

Я съ любопытствомъ присматривался къ компаніи, которая собиралась въ этой кухнѣ. Тутъ были: старикъ Германъ Мюнцъ, тоже столяръ, его сынъ—юноша лѣтъ 14-ти, уже потягивавшій мѣстное водянистое пиво; миссисъ Герлахъ, жена содержателя сосѣдняго „салуна“ (т. е. пивной), женщина очень добродушная, но болѣзненная и преждевременно состарѣвшаяся отъ запоя; самъ мистеръ Ральфъ Макъ Герлохъ, ея мужъ, красавецъ-мужчина съ каштановыми, шелковистыми усами, лѣтъ тридцати пяти, съ исполненными достоинства, сдержанными манерами и гордой осанкой, какъ будто совсѣмъ не идущей кабатчику...

Вся эта компанія не обращала ни малѣйшаго вниманія на хозяевъ. Миссисъ Макъ Герлахъ вѣчно вязала какую-то фуфайку для мужа; мистеръ Германъ Мюнцъ, поужинавъ, тотчасъ же садился играть съ кѣмъ-нибудь въ карты. Макъ Герлахъ, приходилъ всегда поздно, передавъ компаньону бразды правленія въ „салунѣ“, и принимался очень недвусмысленно ухаживать за дебелой нѣмкой-хозяйкой. Тогда пучеглазый супругъ начиналъ тоже очень недвусмысленно выживать гостей, но такъ какъ тѣ не были достаточно воспріимчивы къ его подходамъ, то онъ просто уводилъ жену въ сосѣднюю каморку-спальню и откуда кричалъ, что гости, уходя, обязаны потушить лампу. Все это говорилось на очень ломанномъ англійскомъ языкѣ, такъ какъ мистеръ Гарри Клайнъ былъ

нѣмецъ, очень гордился этимъ и считалъ ниже своего достоинства капрала германской арміи—коверкать свой природный акцентъ.

— Я нѣмецъ,—говорилъ онъ,—и нашъ языкъ пошелъ по всему свѣту... Каждый образованный человѣкъ обязанъ знать нашъ языкъ.

Впрочемъ, по натурѣ это былъ очень добродушный, слабохарактерный и недалекій малый, несчастіе котораго заключалось въ томъ, что онъ когда-то былъ раненъ въ голову (за что, впрочемъ, получалъ пенсію) не только въ буквальномъ, но и переносномъ смыслѣ: былъ зараженъ идеями нѣмецкаго милитаризма... Это дѣлало его порой совершенно невыносимымъ, невыносимымъ какъ-то стихійно, какъ глупая пыль лѣтомъ или кошмарный туманъ осенью.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ компанія бывала въ сборѣ цѣлый день. Играли въ карты и пили пиво, которое юный Рудольфъ Мюнцъ ухитрялся доставать съ задняго хода, такъ какъ по воскреснымъ днямъ всѣ салуны закрыты и торговля напитками прекращается подъ опасеніемъ огромнаго штрафа. Мистеръ Мюнцъ при этомъ все болѣе розовѣлъ и объявлялъ себя другомъ каждаго,—будь онъ даже турокъ или русскій,—лишь бы онъ самъ добывалъ свой хлѣбъ, а мистеръ Клайнъ (хозяинъ), наоборотъ, блѣднѣлъ и становился вялъ и сонливъ. Часовъ въ 10 онъ, пошатываясь, уходилъ спать, и было слышно, какъ супруга упрекала его, а онъ божился, что ни капли не пьянъ...

По утрамъ, часовъ въ 8, эта почтенная женщина изгоняла меня въ кухню, а сама—почти всегда съ ребенкомъ у массивной бѣлой груди, которой она никогда не прикрывала,—принималась свободной рукой за уборку моей крохотной комнаты: открывала окно (для этого здѣсь достаточно легонько толкнуть нижнюю половину рамы кверху: она на шарнирахъ, скрытыхъ въ оконной коробкѣ), перемѣняла воду въ кувшинѣ, подметала, оправляла постель. Обѣдалъ я часа въ 2 въ какомъ-нибудь изъ дешевыхъ ресторановъ, гдѣ за 20 центовъ (36 копѣекъ) получалъ супъ изъ зелени, бифштексъ и большую чашку чаю или кофе. Остальное время дня я или ходилъ по городу, знакомясь съ новыми мѣстами, или приводилъ въ порядокъ свои замѣтки. Когда въ кухнѣ все стихало, я тоже ложился.

Съ городомъ я успѣлъ пріобрѣсти уже довольно основательное знакомство. Знаменитый Бродуэй, противъ ожиданія, именно въ той части, которою американцы наиболѣе гордятся, не произвелъ на меня особенно выгоднаго впечатлѣнія: вокругъ высились милліонныя зданія, граниты и мраморы, но не было одного—осмысленной красоты. Всмотритесь въ любой, самый заурядный домъ, домикъ, хижину, избу, даже юрту кочевника, чумъ сѣвернаго дикаря; каждое изъ зданій говоритъ что нибудь вашему сердцу, потому что жилище человѣка имѣетъ свою физіономію, тѣсно свя-

занную съ характеромъ борьбы за существованіе—угрюмую или веселую, спокойную или робкую, запуганную, серьезно-озабоченную...

Но напрасно всматривался я здѣсь въ лица архитектурныхъ гигантовъ, напрасно искалъ въ нихъ опредѣленной физіономіи, того, что даетъ зданію мысль и душу: предо мной были только облицованные бѣлымъ, синеватымъ, розовымъ мраморомъ, мѣстами—лабридоромъ, этажи и этажи, точно торопившіеся другъ передъ другомъ взобраться повыше...

Лучшій видъ имѣетъ Бродуэй по вечерамъ, когда темнота, испещренная лишь искорками огней, скрадываетъ дикую гордыню этого новаго столпотворенія и сглаживаетъ не въ мѣру длинныя черты этихъ чопорныхъ и сухихъ зданій. Уличное движеніе затихаетъ уже съ семи или восьми часовъ вечера, и на тротуарахъ, вмѣсто суетливо толкущихся и дѣловито торопящихся янки, появляются фланеры, больше всего иностранцы, любующіеся своеобразной иллюминаціей освѣщенныхъ оконъ, подымающихся огнями съ этажа на этажъ къ темному небесному своду.

Если Бродуэй мало импонируетъ красотой, зато его многолюдство рѣшительно подавляетъ новичка: такъ и отдаешься стихійному стремленію этого живого потока людей, передвигающихся сплошною, немолчно гудящей волной... И кого только нѣтъ въ этомъ городѣ? Не говоря уже о бѣлыхъ, вы легко встрѣтите тутъ и широколицаго патагонца, и круглоглазаго самоанца, и китайца, и негра и даже свѣтло-шоколаднаго уроженца Новой Зеландіи...

Попробуйте остановиться на перекресткѣ Бродуэйя и Бликеръ-стритъ. Тутъ, до самой Гаустонъ-стритъ, въ толпѣ преобладаютъ евреи, потому что эти улицы — главныя артеріи Истъ-Сайда, населеннаго тремя стами тысячъ сыновъ Израиля; дальше—перекрестокъ Принсъ, перекрестокъ Делансей-стритъ: здѣсь преобладаютъ итальянцы; еще дальше: Грандъ-стритъ—снова евреи, потомъ—китайцы и т. д.

Вотъ на углу Брумъ-стритъ какая-то платформа, а на ней кресло,—настоящій тронъ! На платформу всходитъ и усаживается въ кресло высокій, худой негръ въ цилиндрѣ и ослѣпительной манишкѣ, повязанной бѣлымъ широкимъ галстухомъ. Онъ протягиваетъ длинныя, какъ жерди, ноги на подставку и принимается читать поданную ему приземистымъ итальянцемъ газету, въ то время какъ тотъ усердно чиститъ ему башмаки. Рядомъ—молодой человѣкъ семитическаго типа собралъ толпу, показывая ей маленькую, не больше вершка, ящерицу, высовывающую языкъ, гибко извивающуюся въ его рукахъ. Это вновь изобрѣтенная игрушка, и публика быстро ее раскупаетъ. Вотъ, среди толпы движутся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга какіе-то плохо одѣтые, испитые люди съ громадными полотнами, натяну-

тыми на вертикально прикрѣпленныхъ къ плечамъ деревянныхъ рамахъ. На полотнахъ крупными красными буквами изображено:

на первомъ — *Знаете ли вы,*
на второмъ — *кто пріѣзжаетъ*
на третьемъ — *черезъ недѣлю*
на четвертомъ — *въ этотъ городъ?*
на пятомъ — *Нѣтъ, вы не знаете*

и т. д., вплоть до двадцатаго; на всѣхъ этихъ полотнахъ послѣдовательно и по частямъ развивается одинъ громадный анонсъ: о предстоящемъ пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ извѣстнаго артиста или лектора, о вновь изобрѣтенныхъ чернилахъ, ваксѣ и т. п.

Люди, цѣлый день марширующіе съ такими объявленіями,— сандвичмены или, короче, сандвичи, — бѣдняки, обязанные за долларъ въ день, не останавливаясь ни на минуту (кромѣ одного часа—на обѣдъ), мозолить глаза проходящимъ по улицѣ. Сандвичами они окрестили себя сами, потому что, до изобрѣтенія обтянутыхъ полотномъ рамъ, они носили на себѣ по двѣ доски съ надписями (одну на груди, другую на спинѣ) дѣлавшія ихъ похожими на бутерброды. Плата сандвичамъ подвержена колебаніямъ и доходитъ до $1^1/_2$ долларовъ, когда почему-либо является на нихъ усиленный спросъ; за то нерѣдко они сидятъ по недѣлѣ безъ ангажемента...

Бродуэй въ ширину не уже пятнадцати-восемнадцати саженъ, но, благодаря высотѣ окаймляющихъ его построекъ и, въ особенности, страшному многолюдству,—кажется, мѣстами, ущельемъ. Чтобы перейти черезъ улицу—нужно умѣнье: по мостовой, не считая пробѣгающихъ каждую минуту вагоновъ кабельной *) желѣзной дороги, непрерывный потокъ всякаго рода пассажирскихъ и тяжелыхъ грузовыхъ экипажей. Сплошь и рядомъ даже опытному въ подобныхъ переправахъ приходится минутъ по пяти ждать случая проскользнуть на другую сторону. Тутъ-то вступаетъ въ свою роль полисменъ: онъ не разгоняетъ толпу, а только служитъ ей, къ чему онъ и приставленъ. Если въ числѣ ожидающихъ есть дама, онъ галантно переведетъ ее подъ руку, прочихъ проситъ слѣдовать за собой. Вступивъ на мостовую, онъ подымаетъ надъ головой свою мускулистую въ бѣлой перчаткѣ руку — и моментально все это, казалось, неудержное движеніе останавливается, точно завороженное. Эту манеру тутъ знаютъ даже лошади: онѣ останавливаются, какъ вкопанныя,

*) Кабельная или канатная дорога—одно изъ интереснѣйшихъ примѣненій механической тяги къ городскимъ путямъ сообщенія. Центральная, вспомоществуемая двумя-тремя побочными, паровая станція приводитъ въ движеніе безконечную ленту стального проволочнаго каната, проложеннаго между рельсъ, въ землѣ. Особаго рода прочный зажимъ, прикрѣпленный ко дну вагона, входитъ въ щель надъ этимъ канатомъ,—по желанію, защемляетъ его, какъ щипцы, и такимъ путемъ пріобщается къ его движенію.

чуть только завидятъ предъ собой одну изъ этихъ мощныхъ фигуръ, затянутыхъ въ короткій темносиній мундиръ, перехваченный у таліи широкимъ кожанымъ ремнемъ, съ характерной двусторонней сѣрой каской на головѣ. Эта помощь полисмена при переправѣ—не простая любезность: это одна изъ главныхъ служебныхъ обязанностей. Для регулированія движенія по Бродуэйю служитъ спеціальная бригада, такъ и называемая — „Бродуэйскій отрядъ".

Зданіе Почтамта, которое сами американцы печатно объявляютъ съ художественной стороны не удавшимся, производитъ однако же на пріѣзжающаго гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ эти „подпиратели неба"—двадцати-этажные дома. Для зданія, котораго внѣшность до извѣстной степени подчинена условіямъ его публичнаго назначенія, оно даже изящно и не лишено величественности. Нѣсколько портитъ его множество узковатыхъ оконъ во всѣхъ пяти этажахъ, но общественное учрежденіе, разумѣется, требуетъ возможно большаго количества свѣта, а потому эстетическаго дефекта врядъ ли и можно было избѣжать. Трехгранный, увѣнчанный скромнымъ вѣнцомъ, куполъ, скопированный съ Луврскаго, придаетъ громадному гранитному зданію печать солиднаго изящества и величавой положительности...

Но еще большее впечатлѣніе производитъ оно изнутри. Начать съ того, что зданіе, расположенное въ самой людной части города, выходитъ на три улицы: Бродуэй, Паркъ-Роу и Мэлъ-стритъ, вдоль которыхъ въ его нижнемъ этажѣ тянется длинный корридоръ, куда выходятъ безчисленныя окошечки сдатчиковъ и пріемщиковъ предметовъ почтовой экспедиціи. Десятки дверей позволяютъ вамъ войти съ любой изъ этихъ улицъ и тутъ же, сдѣлавъ всего пять-шесть шаговъ, сдать или получить вашу корреспонденцію въ любое время дня вплоть до поздняго вечера *). Корреспонденція считается закончившей свой путь лишь при условіи врученія получателю; за неотысканіемъ послѣдняго, она направляется въ отдѣленіе „Мертвыхъ писемъ", „Dead letters", въ Вашингтонъ, гдѣ хранится до востребованія въ теченіе года; объ этомъ производится установленная публикація, послѣ чего письмо сжигается. Это позволяетъ вамъ на оборотной сторонѣ всякаго простого письма дѣлать надпись: „въ случаѣ неотысканія адресата въ теченіе такого-то времени — возвратить такому-то, туда-то", и подобныя письма, посланныя даже за предѣлы Штатовъ, напр., въ Канаду, всегда и безъ всякой приплаты аккуратно возвращаются отправителю.

Прекрасно поставленъ также отдѣлъ справокъ. Ожидая найти въ Нью-Іоркѣ письмо изъ дому „до востребованія", я, за отсутствіемъ его, подалъ на четвертый день своего пребыванія соот-

*) Почтовый штатъ раздѣленъ на три смѣны, по 8 ч. каждая.

вѣтственное заявленіе—„application“, для чего меня предупредительно проводили въ одну изъ комфортабельно обставленныхъ комнатъ верхняго этажа, усадили въ удобное кресло и предложили печатный бланкъ „заявленія“, въ которомъ оставалось лишь проставить необходимыя даты и подпись. Недѣли черезъ три я получилъ обратно свое „Заявленіе“, съ помѣтками французской почтовой экспедиціи въ Гаврѣ и германской, кажется, въ Страсбургѣ, о томъ, что сказанная корреспонденція за указанное время чрезъ эти пункты не проходила... Другой случай со мною же говоритъ о томъ, до какого упрощенія доведены здѣсь формальности при полученіи даже заказной корреспонденціи и денегъ. Ветеранъ 1863 г., Петеръ В. Лаченгъ, проживалъ въ 168 Кристоферъ-стритъ, откуда перебрался на Уэстъ Гаустонъ 498, второй этажъ. Раннимъ утромъ хозяйка моя, миссисъ Клайнъ, получивъ заказной пакетъ, адресованный лицу, имя и фамилія котораго „такъ близко подходили“ къ моимъ, расписалась въ полученіи и, стукнувъ мнѣ два-три раза въ дверь, просунула письмо въ щель. Помнится, было часовъ $7^1/_2$ дождливаго сѣраго утра. Я вскочилъ, схватилъ пакетъ и, не умывшись даже, заторопился вскрыть... Удержала меня только необычная форма пакета, длиннаго съ тупыми углами, и качество бумаги—плотной, какъ картонъ. Вглядѣвшись пристальнѣй, я обнаружилъ ошибку, а повернувъ конвертъ, прочелъ на оборотѣ:

„Триста долларовъ штрафа или мѣсяцъ тюремнаго заключенія тому, кто настоящій бонъ употребитъ не по принадлежности“.

Въ конвертѣ былъ указъ департамента пенсій о выдачѣ помянутому въ немъ лицу девяноста долларовъ пенсіи за послѣднее полугодіе,—такъ объяснилъ мнѣ почталіонъ, которому часа два спустя я поторопился возвратить грозный пакетъ...

Великолѣпно налаженная, чудесно обставленная средствами, мѣстная почта могла бы служить образцомъ любому изъ почтовыхъ вѣдомствъ Европы. Подумайте только: чрезъ Нью-Іоркскій почтамтъ, въ среднемъ, проходитъ въ годъ не меньше 543.000.000 предметовъ почтовой экспедиціи въ 3.250.000 тюкахъ, вѣсящихъ 7.500.000 пудовъ!. Марокъ и штемпельныхъ конвертовъ продается тутъ на сумму около десяти милліоновъ рублей въ годъ, не считая еще платы за посылки, денежные переводы, собственные ящики разныхъ фирмъ и проч. Операція съ переводами доходитъ до ста восьмидесяти милліоновъ рублей въ годъ или, въ среднемъ, около полумилліона въ день!.. Число заказныхъ пакетовъ и писемъ превосходитъ 7.800.000; непринятыхъ получателями доплатныхъ писемъ — 47.000; не истребованныхъ адресатами писемъ, направленныхъ до востребованія въ разныя гостинницы города около 43.000.

Крайне интересна также высокая организація справочно-розыскной части: ежегодно свыше 600.000 писемъ получаются съ

неправильными или неполными адресами; изъ нихъ не больше одной пятой попадаютъ въ отдѣлъ „Мертвыхъ Писемъ“, прочія же, благодаря удивительной смѣткѣ и энергіи „постменовъ“, въ концѣ концовъ попадаютъ въ руки адресатовъ. Интересны и цифры, характеризующія заграничную корреспонденцію: въ нихъ проявляется относительная предпріимчивость Стараго и Новаго Свѣта. Въ то время, какъ изъ Нью-Іорка ежегодно уходитъ не меньше 26 милліоновъ всякаго рода почтовыхъ отправокъ (не считая посылокъ), туда приходитъ изъ Европы около 22 милліоновъ, т. е. почти на 20% меньше. Правда, въ этомъ отчасти сказывается и вліяніе обильно пользующейся почтою иммиграціи: тѣ, что уѣзжаютъ, всегда глубже и дольше помнятъ тѣхъ, что остаются...

Американцы съ гордостью говорятъ, что почтовое вѣдомство ихъ является наилучше организованною, наиболѣе удовлетворительно дѣйствующею и, не смотря на колоссальные расходы, наиболѣе экономною изъ всѣхъ отраслей американскаго государственнаго управленія. Слишкомъ ужъ все это непохоже на то, къ чему наша россійская дѣйствительность пріучаетъ насъ съ дѣтства... Кажется, не ошибусь, утверждая, что въ организаціи всѣхъ вообще американскихъ учрежденій, а въ особенности въ организаціи почты, самымъ яркимъ и совершеннымъ образомъ отразился духъ ихъ государственнаго устройства. Американцу совершенно чуждо глубоко укоренившееся въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ представленіе объ отечествѣ, какъ о какой-то отвлеченной „вещи въ себѣ“, жестокомъ и мрачномъ Молохѣ политической метафизики, требующемъ себѣ безпредѣльныхъ жертвъ и не несущемъ никакихъ отвѣтственныхъ обязанностей. По мнѣнію американца, нѣтъ людей—нѣтъ и государства, а есть лишь такъ или иначе ограниченная земная поверхность; нѣтъ гражданъ—нѣтъ и отечества... Слѣдовательно,—разсуждаетъ американецъ,—не человѣкъ долженъ служить государству, а оно людямъ, потому что оно есть ихъ созданіе и существуетъ лишь для блага того, кто его создалъ. Поэтому, американецъ требуетъ отъ учрежденія заботливости объ его интересахъ. И нужно сказать правду: здѣсь вы встрѣтите со стороны „чиновниковъ“ не показную, а настоящую предупредительность и вниманіе... Здѣсь чиновникъ является настоящимъ слугою государства, которое само имѣетъ цѣлью обезпеченіе настоящаго конкретнаго блага живыхъ, конкретныхъ личностей.

Блестящимъ выраженіемъ американскаго взгляда служитъ безсмертное вступленіе въ Конституцію Соединенныхъ Штатовъ, подписанную всѣми 13 штатами 29 мая 1790 года:

„Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, въ цѣляхъ сдѣлать „болѣе совершеннымъ нашъ Союзъ, установить справедливость

„обезпечить внутреннее спокойствіе, положить прочное основаніе „защитѣ государства, поднять общее благосостояніе и гарантиро„вать благодѣянія свободы намъ самимъ и нашимъ потомкамъ,— „учреждаемъ и устанавливаемъ настоящую Конституцію Соеди„ненныхъ Штатовъ".

Съ этого достопамятнаго времени прошло уже около 115 лѣтъ; вмѣсто 13 штатовъ—въ Союзѣ ихъ 49; въ развитіе основныхъ статей Конституціи разновременно издано и обнародовано 15 статей „Дополненій", и однако же духъ, проникающій великія слова вступленія, духъ, укрѣпляющій существованіе разумной государственной власти, остался все тотъ же, попрежнему гарантируя незыблемую устойчивость всего этого своеобразнаго для насъ уклада...

Вотъ почему, въ то время, какъ въ Европѣ все еще идетъ острая, мѣстами кровопролитная борьба *изъ-за идей* общественнаго переустройства, въ Америкѣ медленно, но неустанно и прочно осуществляются онѣ на дѣлѣ, властно захватывая и пересоздавая даже такія области жизни, на которыя мы, европейцы, привыкли смотрѣть, какъ на неподвижно-консервативныя... И—странная вещь!—эти органическія нововведенія не вызываютъ никакихъ особенныхъ потрясеній, не пробуждаютъ сколько-нибудь замѣтныхъ тревогъ даже среди тѣхъ, чьимъ классовымъ интересамъ они угрожаютъ: американецъ вѣритъ, во-первыхъ, что прочно прививаются лишь тѣ измѣненія, какія порождены самою жизнью, интересами направляющей ее массы, и, во-вторыхъ,—что противъ таковыхъ, все равно, ничего не подѣлаешь, какъ противъ force majeure; съ другой стороны, онъ знаетъ, что среди свободно развивающихся людей не можетъ и не будетъ имѣть успѣха никакая шумиха громкихъ фразъ, никакія обольщенія туманныхъ приманокъ, и потому всякія „надлежащія мѣры къ предупрежденію и пресѣченію", въ его глазахъ—просто безсмыслица.

Вотъ почему Америка не только предоставляетъ полную свободу проповѣдникамъ самыхъ крайнихъ ученій, но совершенно спокойно и устойчиво переноситъ даже активныя проявленія самаго бурнаго анархизма.. И если иной разъ то или другое увлеченіе способно отразиться временно на настроеніи общества, то все же привычные взгляды скоро опять вводятъ все въ спокойное русло.

Вотъ яркій примѣръ, о которомъ много говорили какъ разъ въ первые дни моего пребыванія на почвѣ Новаго Свѣта.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ обострившаяся пропаганда анархистскихъ идей вызвала нѣкоторое безпокойство въ кругахъ крупныхъ собственниковъ и фабрикантовъ штата Мичиганъ. Это, разумѣется, отразилось прежде всего на дѣйствіяхъ и на поведеніи полиціи, которая, подъ разными благовидными предлогами, стала стѣснять свободу рѣчи ораторовъ, даже препятствовать созыву и веденію народныхъ собраній. Нѣсколько не въ мѣру горячихъ

головъ на такой скрыто-неконституціонный образъ дѣйствій полиціи сочли нужнымъ отвѣтить явнымъ насиліемъ. И вотъ, на одномъ изъ многолюдныхъ митинговъ произошла свалка, причемъ въ кучку полицейскихъ, принявшихся разгонять толпу ударами клоба (коротенькой толстой кленовой палки), брошена была бомба, взрывомъ которой одинъ полицейскій былъ убитъ наповалъ, а другой тяжело раненъ. Состоявшійся затѣмъ судъ присудилъ двухъ изъ обвиняемыхъ къ смерти, а шесть человѣкъ — къ пожизненному одиночному заключенію.

Прошло семь лѣтъ. Избранный на второе четырехлѣтіе губернаторъ Альтендорферъ, пересматривая очередныя донесенія тюремныхъ властей о поведеніи подвѣдомственныхъ имъ заключенныхъ, остановилъ вниманіе на трагической судьбѣ „смирныхъ и скромныхъ“, какъ аттестовалъ ихъ отчетъ, осужденныхъ по дѣлу „о насильственномъ сопротивленіи представителямъ исполнительной власти“. Онъ посѣтилъ тюрьму, гдѣ они содержались, говорилъ съ ними, посѣтилъ въ другой разъ, въ третій, потребовалъ къ себѣ и самое „дѣло“ и... рѣшилъ всѣхъ помиловать.

Исполнительной власти Соединенныхъ Штатовъ Конституція предоставляетъ широкое право помилованія. Но Альтендорферъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: изучивъ внутреннюю и процессуальную сторону всего эпизода, онъ нашелъ, что въ процессѣ и приговорѣ сказалось не безстрастное правосудіе, а въ значительной степени классовый страхъ, а отчасти и классовая месть, исказившая въ данномъ случаѣ начала правосудія свободной страны настолько, что не могло быть увѣренности въ справедливости строгаго приговора.

Въ виду этого, прибѣгая къ формѣ помилованія, губернаторъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, по существу, считаетъ этотъ актъ лишь возстановленіемъ справедливости. Заключенные были немедленно освобождены...

Это публичное заявленіе губернатора въ свое время произвело огромное впечатлѣніе и множество толковъ за и противъ Альтендорфера. Общественное мнѣніе было взволновано и потрясено. Выступило на сцену оскорбленное національное самолюбіе, такъ какъ американцы привыкли гордиться независимостью своихъ судовъ... Во всякомъ случаѣ, однако, нельзя не признать, что въ этомъ актѣ, бросившемъ такой жестокій упрекъ американскимъ судамъ,—сказался съ особенною силою тотъ „духъ“, который органически проникаетъ всѣ учрежденія великой страны.

Съ этой точки зрѣнія не трудно найти очень простое объясненіе и многимъ экстравагантнымъ фактамъ и явленіямъ, помощью которыхъ разные фельетонные писатели привыкли рисовать намъ чудаковатыхъ янки, не то помѣшанныхъ, не то дикарей...

Американецъ не можетъ не казаться чудаковатымъ намъ, европейцамъ, взросшимъ подъ другими вліяніями. Онъ, напр.,

рѣзко-вспыльчивъ и готовъ полѣзть въ форменную драку тамъ, гдѣ европеецъ, привыкшій соразмѣрять самую чувствительность своего самолюбія съ рангомъ и общественнымъ положеніемъ обидчика, не всегда почувствуетъ себя даже уколотымъ. Но не слѣдуетъ забывать, что для американца не существовало того обильнаго пантеона земныхъ божковъ, которыхъ такъ много въ европейской исторіи и въ европейскомъ укладѣ. Американецъ и въ себѣ, и въ представителѣ какого хотите ранга знаетъ, прежде всего, „человѣка“, и если проститъ вамъ обиду, нанесенную ему, какъ Джону или Джиму, то моментально вспыхнетъ, когда въ немъ будетъ оскорбленъ человѣкъ... На третій или четвертый день по пріѣздѣ я, напр., былъ свидѣтелемъ такой сцены: чистильщикъ улицъ, разогрѣвшись на работѣ, снялъ свой бѣлоснѣжный камзолъ *); подъѣхавшій на велосипедѣ надсмотрщикъ приказалъ ему снова надѣть его. Рабочій повиновался, но едва начальство завернуло за уголъ,—опять снялъ камзолъ. Надсмотрщикъ, оказалось, схитрилъ: объѣхалъ кругомъ квартала и, возмущенный нарушеніемъ своего приказанія, подтвердилъ его небольшимъ толчкомъ въ спину ослушника. Послѣдній, стремительно одѣвшись (повинуюсь, молъ!), далъ начальнику сдачи и за это сильнымъ ударомъ въ плечо былъ сбитъ съ ногъ. Загорѣлся форменный боксъ тутъ же, у обочины троттуара. Высокій, худощавый, мускулистый надсмотрщикъ три раза сшибалъ приземистаго ирландца-чистильщика съ ногъ и три раза тотъ, весь красный, сверкая глазами, снова лѣзъ въ драку. Въ послѣдній разъ, упавъ навзничь и сильно ударившись затылкомъ о камень, бѣдняга поблѣднѣлъ, какъ полотно, и на секунду оставался какъ бы въ обморокѣ, безъ всякаго движенія; двѣ-три секунды спустя, онъ уже снова былъ на ногахъ и снова яростно наскакивалъ на ловкаго и сильнаго противника, который, наконецъ, схватилъ его за обѣ руки, повыше локтей, и такъ сильно сдавилъ большими пальцами артеріи, что у обезумѣвшаго отъ ярости человѣка руки повисли безжизненно, какъ плети... Теперь оба противника были уже посреди троттуара, отчасти затрудняя движеніе, — поэтому полисменъ, который до этого времени безучастно смотрѣлъ на столкновеніе, какъ на партикулярное дѣло, совершенно его не касающееся, вступилъ въ свои права: видя, что только что отпущенный противникомъ ирландецъ готовъ снова ринуться въ бой, онъ взялъ его за шиворотъ и энергичнымъ жестомъ пригласилъ обоихъ къ „джеджу“, т. е. къ участковому судьѣ. Спустя полчаса, ирландецъ былъ присужденъ за драку на троттуарѣ, стѣснявшую свободу уличнаго движенія, къ аресту на трое сутокъ; надсмотрщикъ же, дѣйствовавшій все время оборонительно, былъ оправданъ...

*) Чистильщики улицъ здѣсь обязательно носятъ на работѣ бѣлый костюмъ, снимать который въ рабочее время запрещается.

Трое сутокъ спустя, того же чистильщика я видѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, и тотъ же надсмотрщикъ, объѣзжая районъ, давалъ ему необходимыя по службѣ указанія. Послѣдствія взаимнаго столкновенія подчиненнаго и начальника „при исполненіи обязанностей“ ограничились рамками судебнаго приговора, не вліяя на дальнѣйшія служебныя отношенія.

Вообще, американецъ смотритъ просто на многое, изъ чего европейцы склонны дѣлать кумиры; фетишъ расоваго и вѣроисповѣднаго господства, фетишъ сословныхъ привилегій, фетишъ служебныхъ личныхъ привилегій, наконецъ, фетишъ престижа присутственнаго мѣста, такъ энергично запугивающій и отдѣляющій отъ административнаго или служебнаго мѣста простой народъ въ Европѣ—все это совершенно отсутствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря все тому же, сто десять лѣтъ назадъ опредѣлившемуся, государственному устройству. „Чудаковатый“ янки относится къ любому присутственному мѣсту совершенно такъ же просто и дѣловито, какъ къ любой частной конторѣ; декорумъ власти его не итересуетъ, хотя янки готовъ строго карать тамъ, гдѣ усмотритъ не простое пренебреженіе къ формѣ, а злоупотребленіе дѣломъ...

Возвращаясь, на четвертый день по пріѣздѣ, изъ публичной библіотеки Куперъ-Института, гдѣ я пристально знакомился съ американской конституціей, я наткнулся на углу Либерти и Черчь-стритъ на полицейскій участокъ. Былъ довольно теплый солнечный день; окна нижняго этажа были немного приподняты. Проходя, я заглянулъ и на минуту остановился: за большимъ письменнымъ столомъ, характерно изогнувъ правую руку, писалъ клеркъ въ черномъ цивильномъ костюмѣ; на другомъ столѣ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ въ форменной сѣрой курткѣ здоровенный субъектъ лѣтъ подъ тридцать; передъ нимъ, въ фуражкѣ съ позументомъ на головѣ и съ сигарой въ зубахъ, покачивался на каблукахъ господинъ лѣтъ подъ сорокъ, видимо полнокровный, хорошо упитанный, какъ подобаетъ начальству. Оба непринужденно разговаривали, перемежая разговоръ веселымъ смѣхомъ, явственно долетавшимъ на улицу.

Обернувшись, чтобы взять протянутую ему клеркомъ бумагу, старшій изъ чиновниковъ замѣтилъ меня и подошелъ къ окну.

— Галло, Падди, въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Я почувствовалъ въ себѣ европейца и, молча, отошелъ („отъ грѣха—подальше“).

— О-о-у! куда же вы такъ торопитесь, мой другъ?.. Слышите, Падди, ступайте сюда.

— Я не ирландецъ!—отвѣчалъ я неохотно, не приближаясь на зовъ.

— Кто же? Нѣмецъ?

— Оставьте его, мистеръ Хаверстроу,—отозвался другой „чиновникъ“,—это, должно быть, гринеръ.

Въ это время насупротивъ, на порогѣ яичной лавки, показался пожилой человѣкъ въ фартукѣ. Онъ заслонился рукой отъ солнца, чтобы получше разглядѣть, кто это высунулся изъ окна участка.

— О, мистеръ Харстроу!—крикнулъ онъ, глотая слоги:—Ну, что, прислать вамъ яицъ?

— А почемъ?

— Одиннадцать на куортеръ (25 центовъ).

— Дорого! Подожду, пока станутъ дешевле.

— И куда вы копите деньги? Получаете 3000, и жалѣете 2½ цента за яйцо!

— Разсказывайте!.. Впрочемъ, давайте дюжину!

— Нѣтъ, дюжины не дамъ...

— Ну, такъ и не надо...

И окно захлопнулось... „Господинъ приставъ“ исчезъ, неуступчивый владѣлецъ яицъ вернулся въ лавку, а я, наивный Гринеръ, вспоминалъ величественныя фигуры „господъ приставовъ“ на моей родинѣ...

Кромѣ мелкихъ почтовыхъ отдѣленій, ютящихся по разнымъ лавкамъ, есть тутъ и болѣе крупныя, окружныя—Branch-Offices, гдѣ засѣдаютъ уже форменные чиновники. Одно изъ такихъ отдѣленій находилось недалеко отъ моей новой квартиры, и я направился туда, чтобы сдать заказное письмо. Пришелъ я въ самый развалъ работы: отдѣленіе торопилось затюковать груды всякаго рода корреспонденціи, подлежавшей немедленной отправкѣ. Чиновники работали безъ сюртуковъ, набросивъ ихъ тутъ же на спинки стульевъ. Одновременно со мной вошло человѣкъ восемь новыхъ отправителей, въ томъ числѣ двѣ или три дамы. Чиновникъ, ничтоже сумняся, продолжалъ взвѣшивать письма и писать росписки,—повѣрьте, такъ же ловко и быстро (если еще не быстрѣе), какъ чиновники тѣхъ странъ, гдѣ ношеніе формы установленнаго и тщательно описаннаго образца имѣетъ такое важное значеніе...

О томъ, съ какой суровостью караютъ янки дѣйствительныя злоупотребленія по службѣ, т. е. нарушеніе общественнаго довѣрія, можетъ дать понятіе слѣдующій случай, происшедшій незадолго до моего пріѣзда.

По эстокадной желѣзной дорогѣ, въ числѣ прочихъ пассажировъ, возвращались домой въ сѣверный Нью-Іоркъ два чиновника сортировочнаго отдѣла одного изъ почтовыхъ отдѣленій Эптауна. Старшій изъ нихъ, Робертъ Брайнъ, состоялъ кандидатомъ президента мѣстнаго отдѣленія нью-іоркской масонской ложи и пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ своемъ кружкѣ. На ст. Тремонтъ, при выходѣ на перронъ, кандидатъ этотъ

какъ-то оступился и выронилъ пакетъ, который, разорвавшись, обнаружилъ десятка два оклеенныхъ желтовато-коричневыми марками писемъ. Одного взгляда на нихъ было достаточно, чтобы понять, что они свидѣтельствуютъ о преступленіи, о невѣроятномъ преступленіи въ Америкѣ: адресованныя за границу, письма эти были заштемпелеваны видимо лишь для формы: марки на нихъ оставались нетронутыми штемпелемъ... Очевидно, почтенный чиновникъ намѣревался отклеить ихъ у себя дома. .

— Слушай, Боби!—сказалъ младшій пріятелю и родственнику:—ты женатъ на моей сестрѣ, я не въ силахъ нанести ей ударъ. Но знай: или завтра тебя уже не будетъ въ Нью-Іоркѣ, или послѣ завтра ты предстанешь предъ слѣдственнымъ судьей!

Цѣлую ночь прошатался преступникъ по городу, не рѣшаясь придти домой; на утро ему пришла въ голову нелѣпая мысль, что шуринъ, вѣроятно, только шутитъ, хочетъ напугать его и отучить отъ опасной продѣлки: мы всегда готовы увѣрить себя въ томъ, что намъ выгодно... „Къ тому же“, разсуждалъ онъ, „если Фреди, и въ самомъ дѣлѣ, способенъ погубить зятя—время у меня еще впереди: скажусь больнымъ, получу жалованье и—на поѣздъ!..“

Послѣ безсонной ночи тѣло жаждало покоя; часамъ къ девяти, измятый, издерганный, но улыбающійся, явился онъ въ контору, гдѣ... уже ждалъ его приказъ объ арестѣ, а недѣли три спустя Робертъ Брайнъ, уважаемый гражданинъ и масонъ, числился уже въ спискѣ конвиктовъ-окружной тюрьмы,—онъ былъ присужденъ къ безсрочнымъ принудительнымъ работамъ!

Это, впрочемъ, не означаетъ еще вѣчной каторги: послѣднюю кару американскій законъ примѣняетъ лишь къ участникамъ предъумышленныхъ убійствъ, разбоя и государственной измѣны *). Безсрочность или, вѣрнѣе, неопредѣленность срока работъ—новый примѣръ своеобразности американскихъ учрежденій.

Когда я въ общихъ еще только чертахъ ознакомился съ нарождающейся американской пенитенціарной системой, она произвела на меня по-истинѣ головокружительное впечатлѣніе: съ самаго дѣтства меня всегда мучила мрачная и дикая жестокость, лежащая въ самомъ основаніи кары, хладнокровнаго и разсчитаннаго уголовнаго возмездія. Я не понималъ, какъ это среди великихъ писателей и общественныхъ дѣятелей не явится человѣкъ, который бы сказалъ людямъ, что, имѣя полное право защищаться и устранять вредныя, преступныя дѣйствія злого человѣка, они все-таки не имѣютъ нравственнаго права его мучить. А вѣдь кара, прежде всего,—обдуманное мучительство... Мнѣ казалось страннымъ, что люди съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ охотника,

*) Смертная казнь полагается за убійство во всѣхъ Штатахъ, кромѣ Мэна Висконсина и Родъ-Айланда, гдѣ она запрещена закономъ.

который вздумалъ бы истязать раненаго имъ тигра, льва, медвѣдя, и въ то же самое время хладнокровно подвергаютъ осужденнаго длительнымъ ужасамъ каторги,—на годы, иной разъ на всю жизнь...

Въ Америкѣ я, наконецъ, встрѣтилъ отраженіе этихъ юношескихъ взглядовъ не въ теоріи только, а и въ учрежденіяхъ: въ то время движеніе въ пользу „условнаго осужденія“ разросталось, завоевывая штатъ за штатомъ. По мнѣнію сторонниковъ новаго института, объектомъ суда долженъ быть не мертвый фактъ преступленія, при которомъ личность обвиняемаго является лишь второстепенной, служебной вещью, а живой человѣкъ, проступокъ котораго есть несчастіе для него самого, для его жертвы и для общества, среди котораго произошло преступленіе. Поэтому судъ долженъ не карать, не мстить, нерѣдко тѣмъ самымъ повергая семью осужденнаго въ нищету—лучшую воспитательницу пороковъ и преступленій, а улучшать, устранять вредныя для общества условія, приведшія къ проступку. Съ этой точки зрѣнія „осужденный“ еще не означаетъ „рѣшенный“, выброшенный изъ общества, а, наоборотъ, означаетъ человѣка, нуждающагося въ надзорѣ и воспитаніи его поведенія.

И вотъ, наряду съ избраніемъ прочихъ должностныхъ лицъ графства, въ Штатахъ, гдѣ введена система условнаго осужденія, производятся выборы въ „комитеты наблюденія“. Сюда попадаютъ, конечно, только люди, пользующіеся безупречной нравственной репутаціей. Въ бюро комитета въ опредѣленные сроки поступаютъ отъ тюремнаго начальства свѣдѣнія о поведеніи отбывающихъ наказанія, и если окажется, что данное лицо усердіемъ трудомъ и стойкостью предъ соблазнами обнаруживаетъ признаки прочнаго исправленія,—комитетъ инспекторовъ постановляетъ уменьшить заключенному срокъ заключенія, или даже совершенно освободить его.

Рѣшеніе это, по утвержденіи его губернаторомъ, немедленно же приводится въ исполненіе, причемъ криминальное прошлое помилованнаго предается полному забвенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комитетъ инспекторовъ состоитъ при завѣдующихъ тюрьмами и непосредственно вліяетъ на весь бытъ и обстановку заключенныхъ; при этомъ главныя усилія его направляются къ тому, чтобы пробудить стремленіе къ взаимному перевоспитанію среди самихъ же опекаемыхъ. Ниже я надѣюсь дать статистическія свѣдѣнія о дѣятельности этихъ комитетовъ, теперь же скажу только, что наблюдавшіеся среди помилованныхъ случаи рецидивизма отнюдь не вводятъ публику въ сомнѣніе: здѣсь понимаютъ, что всякій опытъ труденъ, и что вопросъ не въ абсолютномъ совершенствѣ новой системы, а лишь въ ея огромныхъ преимуществахъ передъ старой. А эти преимущества несомнѣнны.

Параллельно съ оффиціальными опытами по введенію и уста-

новленію новой пенитенціарной системы, идетъ здѣсь и развитіе т. наз. „Тюремныхъ Ассоціацій“—частныхъ обществъ, имѣющихъ двоякую цѣль: 1) пропагандировать и добиваться тюремной реформы и 2) лечить зло, обнаруженное фактомъ преступленія, и затѣмъ бороться съ его послѣдствіями, что, къ слову сказать, останавливаетъ на себѣ такъ удивительно мало вниманія даже среди нашихъ лучшихъ людей. Вотъ краткое содержаніе программы такого общества, съ замѣтнымъ успѣхомъ дѣйствующаго въ Нью-Іоркѣ.

Цѣлью дѣятельности ассоціаціи служитъ:

1-ое. Добиваться улучшенія, а затѣмъ и переустройства старой системы наказанія, въ тѣхъ видахъ, чтобы справедливой, осмысленной и гуманной дисциплиной перевоспитывать заключенныхъ, а не развращать ихъ еще больше, что составляло главныя слѣдствія системы, дѣйствовавшей до сихъ поръ.

2-ое Добиваться переустройства самихъ тюремъ, изъ которыхъ многія все еще являются оскорбленіемъ человѣчества и язвой на тѣлѣ христіанской цивилизаціи.

3-ье. Оказывать всяческое содѣйствіе стремящимся къ нравственному возрожденію и, въ особенности, тѣмъ изъ бывшихъ заключенныхъ, кто, благодаря общественнымъ предразсудкамъ, встрѣчаетъ глухую вражду, закрывающую предъ ищущими арену честнаго труда.

4-ое. Являться на помощь несправедливо арестованнымъ, не имѣющимъ средствъ для защиты или, по невѣжеству своему и незнанію законовъ, лишенныхъ возможности лично защитить себя передъ судомъ.

5-ое. Помогать совѣтомъ, утѣшеніемъ, содѣйствіемъ и матеріальной поддержкою семействамъ, кормильцы которыхъ впали въ преступленіе, отчего они оказываются брошенными на произволъ горькой нищеты, лучшаго разсадника и воспитателя новыхъ преступленій.

6-ое. Снабжать здоровымъ и полезнымъ чтеніемъ заключенныхъ, проводить среди нихъ правильные взгляды на ихъ положеніе, способствовать свободному пробужденію среди нихъ стремленія къ самовоспитанію.

7 ое. Бороться за нравственное и духовное оздоровленіе тѣхъ сторонъ жизни, которыя доставляютъ населеніе тюремъ.

Члены общества дѣлятся на 1) почетныхъ, внесшихъ единовременно 1000 р., 2) дѣйствительныхъ, пожизненныхъ—внесшихъ 200 р. единовременно и 3) дѣйствительныхъ временныхъ,—вносящихъ по 10 р. въ годъ. Всѣ члены общества пріобрѣтаютъ право получать повременныя и другія его изданія и участвовать въ общихъ собраніяхъ съ правомъ рѣшающаго голоса.

Сказанныя общества являются не исключительно благотворительными: они наблюдаютъ за ходомъ тюремной жизни, за дѣя-

тельностью тюремной администраціи, полиціи и даже—слѣдственныхъ судей. Члену-попечителю такого общества, являющемуся представителемъ даннаго обвиняемаго, или назначенному по требованію послѣдняго адвокату (солиситору) судебныя мѣста обязаны открывать всѣ акты производства. Очевидно, и въ этомъ случаѣ фетишъ отвлеченной юридической догмы, столь еще живучей и дико жестокой въ Европѣ, уступаетъ здѣсь мѣсто болѣе справедливымъ и человѣчнымъ нормамъ.

П. Владыченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Ихъ пророкамъ, ихъ вождямъ,
Новымъ пѣснямъ, старымъ ранамъ;
А когда вернешься къ намъ,
Принеси въ нашъ въ сумракъ сѣрый
Вольной жизни красоту,
Счастьемъ юности и вѣры
Опьяненную мечту!

Полюби ихъ путь безкровный,
Кровью взятый у судьбы,
Научись работѣ ровной, —
Буднямъ медленной борьбы.
Будетъ утро: солнце наше
Воздухъ свѣтомъ напоитъ,
Вспыхнетъ ярче, встанетъ краше,
Мирный трудъ благословитъ.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Снѣжнымъ шапкамъ ихъ вершинъ,
Ихъ морямъ и океанамъ —
Отъ тоскующихъ равнинъ.

В. Башкинъ.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Романъ Роды Броутонъ.

Переводъ съ англійскаго *К. И. Саблиной.*

XIII.

„Живи и жить давай другимъ!“ Повидимому, чего проще? Кажется, не трудно исполнить и мужчинѣ, и женщинѣ... Но мы по опыту знаемъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего труднѣе. И „жить“-то не легко, а жить давать другимъ“—для многихъ натуръ просто немыслимо. Мы не хотимъ вѣрить, что люди, съ которыми свела насъ судьба, и которые рѣзко отличаются отъ насъ взглядами, поведеніемъ, вкусами, цѣлями и привычками, не сами въ томъ виноваты, не на зло намъ дѣйствуютъ, а просто созданы природой по совершенно иному образцу. Видѣть себя такими, какими насъ видятъ другіе,—завидный даръ; но видѣть другихъ, какими они сами себя видятъ, пожалуй, еще большее дарованіе! Влѣзть въ чужую шкуру невозможно; но легче ли забраться въ душевный міръ ближняго?

Молодая миссисъ Трентъ вѣрна себѣ, что и доказываетъ не только днями, но и недѣлями. Она никогда не отстаиваетъ своихъ слабостей, но и не извиняется за нихъ; только иногда развѣ, вскользь, объяснитъ ихъ происхожденіе.

— Я не привыкла ложиться спать до разсвѣта!—говоритъ она разъ.—Когда умерла дорогая наша мама, отецъ былъ страшно убитъ и любилъ, чтобъ мы съ нимъ посидѣли. Онъ страдалъ безсонницей, и наше присутствіе облегчало его. Вотъ я и привыкла полунощничать!

Объясненіе относилось къ мужу, но отозвалась золовка.

— Не удивительно, что вы встаете въ полдень.

Она старалась произнести эту фразу помягче, но свистокъ городового былъ всетаки слышенъ, и лѣвый глазъ Мери (или это почудилось Летиціи?) лукаво подмигнулъ Джиму.

Со всѣми своими недостатками, миссисъ Трентъ, по крайней мѣрѣ, самобытна и тверда въ своихъ привычкахъ. Она неизмѣнно опаздываетъ къ обѣду и не обнаруживаетъ ни малѣйшаго интереса къ дѣламъ управленія домомъ; въ филантропію золовки тоже не вмѣшивается. Вопросъ, кому сидѣть на хозяйскомъ мѣстѣ, остается пока открытымъ. Мери покинула свое мѣсто, подъ предлогомъ, что любитъ сидѣть спиной къ камину и поближе къ „своему медвѣдю“. Но Летиція тоже не заняла торжественнаго мѣста.

Согласно желанію госпожи, чтобы ее оставили въ покоѣ, весь хозяйственный механизмъ продолжаетъ дѣйствовать по изстари заведенному порядку. Колокола съ неукоснительною точностью дѣлаютъ свое дѣло, а небольшое подкрѣпленіе въ непоказные часы, котораго иногда требуетъ молодая (кстати сказать, она не капризна и не разборчива!)—не представляетъ особеннаго затрудненія: лакей доставляетъ подносъ къ дверямъ ея будуара, а тамъ горничная принимаетъ его, и дѣло съ концомъ. Удивительнѣе всего, что неожиданныя причуды Мери, нарушающія рутину и заставляющія прислугу дѣлать лишнее, ни въ комъ, повидимому, не вызываютъ обиды.

Миссисъ Трентъ имѣетъ способность, таинственную, не поддающуюся и никогда не поддававшуюся ни анализу, ни точному опредѣленію,—привлекать сердца, очаровывать.

Летиція поражена, но не признать этого факта не можетъ. „Чѣмъ?“ спрашиваетъ она себя въ недоумѣніи,—и отвѣта не находитъ. Не одной же красотой! Въ умѣ и добротѣ золовка ей положительно отказываетъ. Неужели она всѣхъ плѣняетъ своей вульгарной простотой и несовмѣстимой съ достоинствомъ „знатной“ леди фамильярностью? И почему своимъ предосудительнымъ обращеніемъ со всѣми, безъ разбора, не вызываетъ она на отвѣтныя вольности? Изумительно! Надо допустить, что она знаетъ „слово“, или обладаетъ приворотнымъ корешкомъ!

Чрезъ нѣкоторое время Летиція убѣждается, что и сынъ садовника, и жена кучера предпочитаютъ „домашнія средства“ Мери, приправленныя фамильярными шутками самозванца-врача, ея правильному лѣченію и визитамъ настоящаго доктора.

Мери вовсе не отличалась ни профессіональной, выработанной добротой филантропки, ни сдержанностью, ни ровностью или мягкостью характера; она и сама отреклась бы отъ этихъ достоинствъ, если бы кто вздумалъ наградить ее ими. Она просто, какъ будто для собственнаго удовольствія, съ неисчерпаемымъ интересомъ пичкала больныхъ пилюлями (иногда собственнаго приготовленія), налѣпляла пластыри, выпытывала тайны паціентовъ и принимала въ нихъ горячее

участіе. Напримѣръ, нарывъ на рукѣ маленькаго Сиднея Плэнта, который Летиція должна осмотрѣть по обязанности (причемъ ее невольно тошнитъ) — въ Мери вызываетъ лишь желаніе поскорѣе вылечить его „своими“ способами: она, съ видимымъ интересомъ, водитъ пальцемъ вокругъ отвратительной болячки, чтобъ убѣдиться, какъ близко можно къ ней прикоснуться, не причиняя боли паціенту.

— Я прозѣвала свое призваніе! говоритъ она разыскавшему ее за этимъ занятіемъ Джиму.—Почему ты, чудакъ, никогда не похвораешь? Ну, хоть бы занозилъ себѣ руку, что ли! Я бы съ такимъ удовольствіемъ тебя лѣчила!

Мери не придерживается ровно никакихъ теорій относительно равенства и братства, но всегда забываетъ соціальное положеніе тѣхъ, съ кѣмъ говоритъ; на вершокъ ли оно ниже, или на столько же выше,—кажется, ей все равно. Можетъ, это и есть тотъ волшебный ключъ, которымъ она отпираетъ всѣ сердца?

— Какимъ образомъ Гроукоты разсказали вамъ про несчастную и... позорную исторію Анни?—рѣшилась однажды спросить Летиція.

— Я спросила ихъ сама.

— Спросили ихъ? Никто никогда не произносилъ имени несчастной дѣвушки!

— А я произнесла, да еще прибавила, что она ровно ничего не проиграла въ моихъ глазахъ.

— Не можетъ быть! Вы не могли этого сказать! Это небывалый въ приходѣ случай безнравственности!

— Я еще прибавила, что, навѣрно, сдѣлала бы то же самое на мѣстѣ Анни; когда-же мнѣ показалось и это слишкомъ слабымъ утѣшеніемъ, я сослалась на васъ, сказавъ, что и вы, по всей вѣроятности, поступили бы точно такъ же. Тогда они замѣчательно ожили духомъ!

И Мери вылетѣла изъ комнаты, раньше чѣмъ взбѣшенная слушательница успѣла отдѣлать ее по заслугамъ.

Первые успѣхи Мери Трентъ пожинаетъ среди низшихъ, то есть прислуги, фермеровъ, арендаторовъ, пенсіонеровъ и тому подобнаго люда, находящагося, такъ сказать, въ зависимости отъ помѣщика; такъ ли повезетъ ей въ высшемъ свѣтѣ?—Вотъ вопросъ, который неоднократно задаетъ себѣ Летиція, не безъ душевной тревоги. Разумѣется, если жена Джима окажется не на высотѣ своего положенія, сестрѣ его будетъ очень обидно.

Между тѣмъ, въ глубинѣ души молодая дѣвушка чувствуетъ, что ей (къ стыду ея!) будетъ отчасти пріятно услышать неодобреніе поведенію и манерамъ невѣстки!

Сосѣди не медлятъ съ визитами, побуждаемые къ тому

не только вѣжливостью, но и любопытствомъ. Они приглашаютъ молодыхъ къ обѣду, и тѣ ѣдутъ (Мери, неизбѣжно, съ опозданіемъ, такъ какъ всегда засунетъ куда-нибудь приглашеніе и потомъ,—совершенно, впрочемъ, равнодушно,—сомнѣвается, въ этотъ ли день ихъ звали). Ѣдетъ она неизмѣнно съ воркотней, насмѣшками, призывая шутливыя проклятія на головы приглашающихъ, а возвращается неизмѣнно съ новой пищей для своего живого воображенія и ненасытной любознательности относительно ближнихъ.

Летиція на другой день утромъ, сидя съ братомъ за чаемъ, осторожно зондируетъ почву.

— Хорошо провели время?

— Гм! приблизительно, какъ и всегда.

— Поздно вернулись домой?

— Мери увлеклась разговоромъ съ французомъ-гувернеромъ: онъ лично зналъ Коклэна,—поясняетъ Джимъ съ снисходительной улыбкой.—Это ее такъ заинтересовало, что она не замѣтила, какъ всѣ гости разъѣхались.

— Довольно неловкое положеніе.

— Почему же? Нисколько. Дѣти всѣ обступили ее, къ нимъ присоединился и сэръ Джонъ съ миледи. Это была самая пріятная часть всего вечера.

— О! И имъ было весело? Мери ихъ не удивила?

— Если и удивила, то они не подѣлились со мной своими впечатлѣніями.

Какъ и всегда послѣ женитьбы, Джимъ угрожаетъ подняться на дыбы, и разспросы прекращаются.

Летиціи вскорѣ предстоитъ самой дѣлать наблюденія и выводить заключенія, не прибѣгая къ разспросамъ. Тренты намѣрены отвѣтить сосѣдямъ цѣлой серіей обѣдовъ.

Приглашенія разосланы, и всѣ необходимыя приготовленія сдѣланы самой Летиціей. Невѣстка категорически отказывается принимать въ этомъ участіе, и охотно соглашается на всѣ предложенія.

— Я умываю руки!—кричитъ она, высоко поднимая руки съ клавишъ рояля, у котораго сидитъ:—А потому, если случится катастрофа...

— Этого ужъ я не боюсь!—самоувѣреннымъ тономъ перебиваетъ ее Летиція.

— И слава Богу. Мнѣ не придется испытывать легкаго волненія при мысли, что кухарка, за десять минутъ до обѣда, окажется подъ столомъ, мертвецки пьяная, или что кому нибудь не хватитъ порціи. А всетаки въ этомъ было бы разнообразіе неожиданности!..

— Подумали ли вы, въ какомъ порядкѣ пойдутъ гости къ столу?—освѣдомляется Летиція послѣ завтрака, въ зва-

ный день:—У нѣкоторыхъ есть неоспоримыя права на почетъ, но претензіи вѣдь у всѣхъ бываютъ...

Мери зѣваетъ.

— А нельзя-ли мнѣ сказать: „господа, я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, кто изъ васъ знатенъ! Идите обѣдать, какъ кому заблагоразсудится!“

— Вы не пожелаете осрамить Джима.

— Вотъ какъ? А дома мы всегда такъ дѣлали. Вы, навѣрно, скажете, что параллель неподходящая?.. Ну, значитъ, вамъ и книги въ руки. Распоряжайтесь!—новый зѣвокъ.

Летиція сдерживаетъ свое раздраженіе, находя, что затронута честь Трентъ-Голля, и слѣдуетъ, по возможности, спасти ее. Взглянувъ на программу обѣда, она говоритъ:

— Джимъ, разумѣется, поведетъ леди Клаппертонъ, а васъ—лордъ Клаппертонъ.

— Обмѣнъ мужьями. Ловко! — небрежно откликается Мери.—А что мнѣ надо говорить этому лорду Клапперкло?

Въ умышленномъ перевираніи именъ есть что-то особенно оскорбительное, — Клаппертоны очень дороги Летиціи! Они вѣками дружили съ Трентами, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и до сихъ поръ взаимная симпатія не поколебалась.

— Лордъ Клаппертонъ, — внушительно отвѣчаетъ Летиція,—самый блестящій собесѣдникъ. Многіе полагаютъ, что онъ будетъ лордомъ-канцлеромъ.

— Это не все равно, что лордъ Чэмберлэнъ? — наивно освѣдомляется Мери:—Если все равно, такъ я бы его спросила, почему онъ велѣлъ снять со сцены „Крысы“, когда эта комедія шла всего три раза?

Летиція предпочитаетъ промолчать.

Общество сѣло за столъ по всѣмъ правиламъ этикета. Мери, въ концѣ концовъ, не стала настаивать, чтобы гости сразу же ринулись въ столовую, какъ голодныя собаки. Опоздала она всего на четверть часа; но такъ какъ Клаппертоновъ задержала неисправность поѣзда, съ которымъ долженъ былъ пріѣхать самъ лордъ, то они почти одновременно съ хозяйкой вошли въ комнату.

Мери начала болтать съ обычной своей непринужденностью, какъ бы не сознавая, что находится въ присутствіи мѣстныхъ тузовъ, не понижая голоса и ни въ чемъ не измѣняя своего обхожденія.

Летицію коробитъ .. Бѣдный Джимъ! Старинные друзья не замедлятъ убѣдиться, какое чудище неотесанности онъ избралъ замѣстительницей своей покойной матери!

Рандэль Чэвнингъ сидитъ за обѣдомъ возлѣ своей возлюбленной и бросаетъ взгляды, полные гнѣва и ненависти, на болтающую хозяйку дома. Даже Летиція пугается страстности

его непріязненныхъ чувствъ, и находитъ нужнымъ слегка заступиться за невѣстку.

— Она совсѣмъ не въ своей роли! Она терпѣть не можетъ парада.

— Она, должно быть, терпѣть не можетъ всего, что входитъ въ кругъ ея обязанностей!—сурово дополняетъ онъ.

— Сегодня она старательнѣе занялась своимъ туалетомъ и прической,—говоритъ Летиція примирительно. Осужденіе Рандэля доставило ей минуту удовольствія, и ей теперь совѣстно, она ищетъ, чѣмъ бы загладить свою вину.—На ней навѣшано гораздо меньше блестящихъ балаболокъ, чѣмъ всегда. Ахъ, если бы навѣки погибъ этотъ ужасный браслетъ, съ портретами двѣнадцати артистовъ, о которыхъ никто никогда не слыхалъ!

— Зачѣмъ Джимъ не запретитъ ей сидѣть съ локтями на столѣ?—продолжаетъ Рандэль свои недружелюбныя замѣчанія.

Локти на столѣ, хоть и неприличная въ глазахъ свѣта поза, но не такая ужъ вина, чтобъ оправдать злобный тонъ священника, и Летиція съ удивленіемъ глядитъ на него.

— Однако, сильно вы ее недолюбливаете! Что дурнаго она вамъ сдѣлала? Не давайте волю злымъ чувствамъ!

— Несимпатична она мнѣ, вотъ и все. Въ недобрый часъ пріѣхала сюда...

— Мало кто раздѣляетъ ваше мнѣніе!—Летиція крѣпится и не хочетъ злословить про жену брата, по-мѣщански отводя душу, хотя бы и съ женихомъ.

— Для меня невыносимо видѣть ее на вашемъ мѣстѣ!—оправдывается Рандэль.

— Если вамъ не нравятся условія, въ которыхъ я теперь живу, отъ васъ зависитъ взять меня отсюда!

Она сама не вѣритъ, что рѣшилась выговорить эту фразу; но вѣдь искренняя любовь не нуждается въ ложной скромности.

— Вы не можете себѣ представить,—продолжаетъ она,—какъ меня тяготитъ, что я скрываю наши отношенія отъ Джима. Тѣмъ болѣе, что *она* (Летиція взглядомъ указываетъ на невѣстку) догадывается... и подтруниваетъ... со свойственной ей неделикатностью.

— Вы сведете меня съ ума, если не перестанете такъ говорить!—страстно шепчетъ онъ.—Неужели вы думаете, что мнѣ легко таить и откладывать мое счастье? Но я долженъ имѣть что-нибудь въ виду, раньше чѣмъ просить у брата вашей руки! Я слишкомъ гордъ, чтобы взять все и не дать взамѣнъ ничего! Начало моей карьеры—20 числа, проповѣдь въ Свиндфордѣ.

— Какія надежды возлагаете вы на эту проповѣдь!—съ безпокойствомъ откликается она.—Скорѣй бы этотъ искусъ кончился!

— Вы боитесь за меня, какъ за дебютирующаго актера, какъ выразилась бы ваша невѣстка!—презрительно смѣется онъ.

— Какъ выразилась бы невѣстка?—звонко кричитъ черезъ весь столъ Мери, разслышавшая послѣднюю фразу Рандэля:—Навѣрно, удачно выразилась бы, во всякомъ случаѣ!—и, не дожидаясь отвѣта, тутъ же возобновляетъ прерванный разговоръ съ лордомъ Клаппертономъ. Она оживленно объясняетъ ему происхожденіе театральнаго браслета, который такъ дѣйствуетъ на нервы корректной Летиціи. Лордъ съ серьезнымъ вниманіемъ слушаетъ біографію каждаго актера и съ живѣйшимъ интересомъ смотритъ на тонкую, маленькую ручку, приставленную почти къ самымъ близорукимъ глазамъ его.

Леди Клаппертонъ, сквозь лорнетъ, съ улыбкой наблюдаетъ за этой сценой съ другого конца стола, — и миссъ Трентъ мысленно обвиняетъ ее въ лицемѣріи. Важная гостья ужъ обо всемъ переговорила съ Джимомъ, и уже давно готова выйти изъ-за стола; но Мери долго этого не замѣчаетъ; наконецъ, снабдивъ лорда интересными свѣдѣніями о своихъ актерахъ, она нехотя поднимается и говоритъ своему кавалеру:

Жаль, что вы должны еще тутъ оставаться!

XIV.

Летиція разсчитывала, въ отсутствіе мужчинъ, хоть полчаса побесѣдовать съ леди Клаппертонъ въ гостиной; бесѣда эта облегчила бы ее, такъ какъ, навѣрно, давнишняя союзница сумѣла бы деликатными, сочувственными намеками выказать полное пониманіе и соболѣзнованіе по поводу отношеній миссъ Трентъ къ неподходящей невѣсткѣ; Летиція, съ своей стороны, сдержанно, въ предѣлахъ благовоспитанности и любви къ брату, кое съ чѣмъ молчаливо бы согласилась, кое о чемъ великодушно умолчала бы,—и собесѣдницы поняли бы другъ друга. Но вскорѣ Летиціи пришлось убѣдиться, что надежды ея не исполнятся. Мери (о ужасъ!) предлагаетъ леди Клаппертонъ свой портсигаръ, и та, вмѣсто того, чтобы изобразить на лицѣ недоумѣніе и благородное негодованіе, снисходительно смѣется и качаетъ головой; затѣмъ обѣ усаживаются на диванъ. И опять Летиція видитъ, не безъ содроганія, что знаменитый браслетъ выступаетъ на сцену.

Летиція, конечно, не обнаруживаетъ состоянія своей души;

она мило, какъ всегда, занимаетъ прочихъ гостей, стараясь никого не обойти вниманіемъ. Но взоры гостей постоянно скользятъ по направленію къ хозяйкѣ дома, которая съ дивана спустилась на полъ, къ ногамъ леди Клаппертонъ; а дворецкій согнулъ почтительно спину подъ прямымъ угломъ и наливаетъ ей кофе.

На какую бы тему миссъ Трентъ ни заговаривала съ гостями, разговоръ непремѣнно сворачивается на невѣстку. Даже миссисъ Тэйлоръ поглощена ею! Выѣзды миссисъ Тэйлоръ въ свѣтъ совершаются довольно рѣдко, благодаря упорнымъ мигренямъ, служащимъ для викарія предметомъ печальной гордости; но ужъ когда она выѣзжаетъ, то отъ души веселится.

— Вы слышали проектъ миссисъ Трентъ свезти меня въ оперетку? — со смѣхомъ спрашиваетъ она Летицію: — Неправда ли, оригинальная мысль? Даже мой строгій мистеръ Тэйлоръ находитъ, что у нея все выходитъ очень мило и наивно!

Входятъ мужчины. Викарій садится возлѣ Летиціи.

Рандэль, повинуясь звонкому приказанію Мери, открываетъ рояль, приноситъ ея гитару, получаетъ выговоръ за то, что принесъ съ этажерки не тѣ ноты; лордъ Клаппертонъ берется исправить его ошибку и роется въ нотахъ, затѣмъ переворачиваетъ листы романса, который Мери исполняетъ.

Сердце Летиціи болитъ за Рандэля. Какъ противно, должно быть, прислуживать антипатичной особѣ! Тѣмъ не менѣе, къ ея удивленію, онъ присоединяется къ кучкѣ мужчинъ, окружившихъ пѣвицу... Вскорѣ неугомонная Мери звонко отдаетъ приказъ:

— Господа, припѣвъ хоромъ! — и начинаетъ извѣстную глупую шансонетку изъ оперетки, подъ названіемъ: „Сорви-голова.“

Мужчины хоромъ подхватываютъ припѣвъ, и... (Летиція не вѣритъ ушамъ!) голосъ Ранделя принимаетъ участіе въ этомъ пѣніи! Право, самоотверженіе священника заходитъ слишкомъ далеко...

Наконецъ, гости разъѣзжаются, на цѣлый часъ позже обыкновеннаго; и то хозяйка не хочетъ отпускать ихъ, упрашивая всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно остаться и избавить ее отъ отвратительной необходимости ложиться спать.

Въ самую послѣднюю минуту Летиціи удается перекинуться парой словъ съ леди Клаппертонъ, однако вовсе не того характера, котораго она ожидала.

— Милочка, да она просто волшебница! Покорительница сердецъ! За глаза я была предубѣждена противъ нея, сознаюсь, но она положительно неотразима! И какъ хороша собой!

Она говоритъ, будто у нея сестра на сценѣ, и гораздо красивѣе ея, можетъ ли это быть? Да, не мѣшаетъ намъ всѣмъ встряхнуться!

— Джимъ раздѣляетъ ваше мнѣніе, но я... не особенно...

Во время дороги, леди Клаппертонъ добродушно замѣчаетъ мужу, что ожидала большаго благоразумія отъ умной Летиціи! Фактъ уже совершился, и надо бы съ нимъ помириться!

— Разумѣется, у жены Джима невозможныя манеры,— прибавляетъ миледи,—но такому хорошенькому личику все можно простить.

— Ну, что тамъ манеры!—отзывается супругъ:—Цыганочка просто прелесть! Я влюбленъ въ нее по уши!

. . . . . .

Миссъ Тини Вилье заболѣла-таки инфлуэнцой. Но, увы! пользы Эсмеральдѣ отъ этого не вышло. Пьесу неожиданно сняли со сцены, а въ замѣнившей ее комедіи подходящей роли для миссъ Поппи Делафильдъ не нашлось. Пространно и громогласно жаловалась Мери всѣмъ желающимъ слушать ее на эту неудачу. Съ пылкимъ и несомнѣннымъ сочувствіемъ отнеслась къ ея горестямъ жена викарія; съ интересомъ внимала и леди Клаппертонъ, случайно завернувшая навѣстить Трентовъ въ тотъ самый день, какъ получилась роковая вѣсть.

— Во всемъ этомъ есть одна хорошая сторона!—восклицаетъ Мери, и глаза ея блестятъ:—Вы увидите сестру мою гораздо раньше, чѣмъ при другихъ условіяхъ! Она теперь свободна, и можетъ пріѣхать на Пасху! Я ужъ говорила вамъ, что жду своихъ на Святой, — и папу, и дѣвочекъ, и мальчиковъ, всѣхъ... кромѣ бѣднаго Габріеля.

Присутствующая при этомъ разговорѣ Летиція спокойно, повидимому, занимается рукодѣліемъ, но у нея сильно бьется сердце, въ ожиданіи отвѣта леди Клаппертонъ, которой хорошо извѣстна скандальная исторія похищенія, сожительства и женитьбы Кергуэта-отца. Въ высшемъ обществѣ преданія о позорѣ и порокѣ—своеобразны и жестоки; блюстители чистоты нравовъ никогда не забываютъ „паденій“ ближняго: доказательствомъ тому служитъ миссисъ Ферфаксъ, не прощенная и не признаваемая „обществомъ“ послѣ десяти лѣтъ безупречной жизни.

Съ секунду длится молчаніе.

— Прекрасная сторона, разумѣется!—говоритъ миледи привѣтливо:—Благодаря вашимъ разсказамъ, я очень желаю познакомиться съ вашей сестрой-артисткой!

— И познакомитесь!—кричитъ Мери, тономъ особы, обѣщающей заслуженную и завидную награду.—Болѣе того, вы увидите ея игру на сценѣ! Я все время думала что-нибудь

поставить къ пріѣзду дѣтей,—мы всѣ актеры, это у насъ, знаете ли, въ крови! Ея спеціальность—комедія, и талантъ у нея несомнѣнный.

. Леди Клаппертонъ выражаетъ полную въ томъ увѣренность и уѣзжаетъ, очарованная непосредственностью и прямодушіемъ хорошенькой „оригиналки", хотя и чрезвычайно довольная, что это жена Джима Трента, а не одного изъ ея собственныхъ сыновей. Ей немножко смѣшно, и жаль бѣдной Летиціи, съ ея мрачнымъ выраженіемъ лица во время артистическихъ восторговъ невѣстки.

Между прочимъ, Летиція узнаетъ отъ викарія, что Мери очень усердно посѣщаетъ больныхъ прихода и часто встрѣчается на этомъ поприщѣ съ Рандэлемъ; послѣдній не разъ упоминалъ викарію о своеобразныхъ „домашнихъ средствахъ" миссисъ Трентъ.

При слѣдующемъ свиданіи съ возлюбленнымъ, Летиція мелькомъ спрашиваетъ у него, почему онъ никогда не говорилъ ей о своихъ встрѣчахъ съ Мери у постели больныхъ прихожанъ.

— Неужели вамъ не надоѣло вѣчно слышать о ней, и вы хотите, чтобъ она торчала между нами, даже когда мы остаемся съ глазу на глазъ? Есть разговоры поинтереснѣе!

Летиція спѣшитъ перемѣнить тему.

24-го числа Чэвнингу предстоитъ Свиндфордская проповѣдь... Наканунѣ онъ такъ нервничаетъ, что она старается подбодрить его:

— Не думайте о слушателяхъ,—серьезно совѣтуетъ она,—только о вашей проповѣди... И... не забывайте, кто говоритъ вашими устами!

— Вы правы,—говоритъ онъ смиренно:—съ вашей поддержкой я всегда одержу побѣду!

Но быстро проходитъ роковой день; Летиція съ точностью знаетъ, съ какимъ поѣздомъ долженъ вернуться съ искуса ея возлюбленный, и съ трепетомъ ждетъ его. Проходитъ томительный часъ послѣ срока... Другой... Его все нѣтъ. Ужъ не уговорили ли его высокопоставленные хозяева Свиндфорда остаться еще на денекъ?

Но вотъ и онъ!.. На лицѣ не написано торжества, скорѣе унынie.

— Ну?

— Ну... Я жалкій неудачникъ! Можете указать мнѣ на дверь!

— Неужели неудача? Церковь была пуста?

— Нѣтъ... но герцогъ во время моей проповѣди... дремалъ!..

— А герцогиня?..

— Ея не было. Она уѣхала слушать Степнэйскаго епископа.

Влюбленные находятся съ глазу на глазъ въ гостинной Летиціи; о тайной помолвкѣ всѣ въ домѣ догадываются, и прислуга прямо ведетъ Чэвнинга на половину миссъ Трентъ.

Летиція нѣсколько минутъ молча глядитъ на потерпѣвшаго пораженіе проповѣдника, который, въ позѣ отчаянія, полулежитъ на диванѣ. Ей становится жалко его... и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ ея шевелится что-то весьма похожее на презрѣніе. Какое малодушіе! Первая неудача—и онъ уже раскисъ, потерялъ энергію!

— Вы, кажется, принимаете всю исторію слишкомъ близко къ сердцу!—говоритъ она, укоряя себя за недостатокъ сочувствія къ жениху и дотрогиваясь до его рукава:—просто вы не сумѣли хорошо взяться за дѣло!

Онъ неожиданно выпрямляется.

— Вы полагаете,—говоритъ онъ, вновь попрежнему сверкая глазами,—что я страдаю отъ удара, нанесеннаго моему самолюбію? Болѣе пылкая симпатія, конечно, угадала бы и болѣе достойную причину моего неудовольствія... Но, быть можетъ, вы и правы...

Если раненое животное огрызается на васъ, когда вы хотѣли приласкать его, то вамъ остается отойти. Въ первый моментъ Летиція такъ и поступаетъ. Но, разумѣется, не надолго. „Развѣ искренняя любовь не всепрощающее чувство?“ укоряетъ она себя и садится на ручку дивана, обнявъ рукою его шею.

— Не ссориться же намъ между собою, въ довершеніе всего, Рандэль! Я только хотѣла сказать, что мы слишкомъ раздули значеніе этой проповѣди... видя въ ней ступеньку къ нашему счастью!

Близость невѣсты смягчаетъ расположеніе его духа, и онъ отвѣчаетъ ей горячими и продолжительными ласками.

— Мы не будемъ больше гнаться за блестящими перспективами!—говоритъ она.—Онѣ сами подвернутся, когда нужно будетъ, повѣрьте! А пока... пока мы найдемъ утѣшеніе другъ въ другѣ!

XV.

Число желающихъ пользоваться совѣтами и „домашними средствами“ Мери настолько увеличивается въ деревнѣ, что она, презирая, по обыкновенію, всякіе „часы“, сдѣлалась (если это только возможно) еще неаккуратнѣе, чѣмъ прежде.

Когда Джимъ на охотѣ, Летиціи зачастую приходится и завтракать, и обѣдать одной.

Въ довольно минорномъ настроеніи духа, сидитъ она разъ послѣ завтрака въ гостинной и прихлебываетъ кофе; вдали слышится вдругъ шумъ и гулъ, неизмѣнно возвѣщающій приближеніе хозяйки дома. Дѣйствительно, черезъ минуту Мери влетаетъ, какъ ураганъ, въ гостинную и, гибкая и проворная, опускается на коверъ у ногъ Летиціи.

— Это возмутительно! Просто скандалъ! — кричитъ она, внѣ себя отъ негодованія.

— А между тѣмъ, вы не особенно боитесь скандаловъ! — недружелюбно откликается золовка, съ недовѣріемъ и удивленіемъ глядя на Мери.

— Я говорю о томъ, какъ они съ нимъ обошлись!

Летиція начинаетъ смутно понимать въ чемъ дѣло, но отвѣчаетъ:

— Вы забываете, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія, о комъ и о чемъ вы говорите!

Мери черезчуръ быстра на соображеніе, чтобы не замѣтить со стороны золовки гордаго усилія отстранить ее вмѣстѣ съ непрошеннымъ сочувствіемъ, и черезчуръ вспыльчива, чтобы не вскипѣть. Она моментально мѣняетъ свой первоначальный, сочувственный тонъ.

— Я говорю о Рандэлѣ Чэвнингѣ и о томъ, какъ съ нимъ обошлись ваши высокопоставленные друзья! — выпаливаетъ она сердито.

— Разумѣется, теперь я понимаю, въ чемъ дѣло, — съ напускнымъ спокойствіемъ говоритъ Летиція,—меня только удивляетъ, откуда могли вы это узнать.

— Мы встрѣтились съ нимъ въ паркѣ. Онъ немного проводилъ меня и все разсказалъ. Сюда не зашелъ, потому что слишкомъ разстроенъ.

Летиція не знаетъ, что ей и подумать. Какимъ образомъ могъ Рандэль такъ разоткровенничаться съ ненавистной ему женой Джима?

Между тѣмъ, впечатлительная Мери уже проникается жалостью къ невѣстѣ неудачника; слѣдующія фразы она уже говоритъ добродушно:

— Всѣ эти господа на одинъ покрой! Мнѣ кажется, нѣтъ худа безъ добра: по крайней мѣрѣ, онъ съ ними развязался. А теперь надо по возможности развеселить его. Я постараюсь заставить его что-нибудь прочесть на нашемъ представленіи.

Должно быть, на лицѣ золовки отразилось презрительное неудовольствіе, потому что Мери снова вспылила.

— Конечно, ему не надо бы такъ раскисать, но ужъ если

Богъ обидѣлъ характеромъ, такъ ничего съ этимъ не подѣлаешь. Отъ тряпки, разумѣется, твердости не жди!

Отчеканивъ эти слова, она уходитъ.

Вскорѣ приступили къ „профанаціи Рэчель-Голля“ (по выраженію Летиціи). Эстрада, съ которой до сихъ поръ держали рѣчь поборники абстиненціи и чаепитія, заступники сиротъ и вдовъ,—быстро превращается въ сцену; живо примащивается сбоку уборная; съ утра до вечера раздается громкій стукъ молотковъ и топоровъ. Музыкой звучитъ этотъ стукъ въ ушахъ Мери, и она всѣхъ тащитъ послушать ея: и викарія, который съ требы спѣшитъ домой, и жену его, и смиренную миссисъ Ферфаксъ; всѣмъ волей-неволей приходится подчиниться и высказать свое мнѣніе по поводу новой затѣи, совѣтъ или критику.

Даже явное неодобреніе Летиціи не дѣйствуетъ ни на кого охлаждающимъ образомъ; миссисъ Тэйлоръ—и та съ увлеченіемъ толкуетъ о пристройкахъ и надстройкахъ, ходахъ и выходахъ.

— Надо думать, у меня всегда была склонность къ театру,— говоритъ она, не смущаясь: — но мнѣ не представлялось случая удовлетворить ее!

— Вы намѣрены принимать участіе въ представленіи?— насмѣшливо освѣдомляется Летиція.

— Ну, нѣтъ!—добродушно смѣется жена викарія:—Миссисъ Трентъ очень просила меня быть суфлеромъ. Но я не надѣюсь на свои нервы и боюсь все перепутать.

Сердце Мери переполнено радостью (вѣдь вся затѣя сдѣлана исключительно въ виду пріѣзда родныхъ), и она добра ко всѣмъ окружающимъ; вотъ, вѣроятно, почему она, не смотря на прежнія неудачныя попытки, еще разъ старается взять приступомъ холодную непріязнь золовки.

— Боюсь, вамъ не нравятся эти перемѣны!—говоритъ она:— Но утѣшьтесь: какъ только Джимъ выстроитъ мнѣ настоящій маленькій театръ, я оставлю Рэчель-Голль въ покоѣ!

Должно быть, Мери принимала живѣйшее участіе въ работахъ,—ей жарко, лицо ея разгорѣлось; въ одной рукѣ у нея молотокъ, въ другой свертокъ съ гвоздями; платье и волосы покрыты густымъ слоемъ пыли, а одна щека вымазана известкой.

Не обращая вниманія на суровый взглядъ золовки, она подступаетъ на два шага ближе, нервно размахивая молоткомъ.

— Джимъ думаетъ,—говоритъ она, понижая тонъ,—что ваша мать не была бы на это въ претензіи: по его словамъ, она любила, чтобы людямъ было весело!

Губы миссъ Трентъ дрожатъ.

— Доказать это едва ли возможно, а потому нечего и спорить.

Слушательница почему-то выноситъ изъ этихъ словъ заключеніе, что ей не пристало даже упоминать имя покойной свекрови. Настроеніе ея быстро мѣняется, и она со злостью стучитъ молоткомъ по ближайшей скамьѣ.

— Въ концѣ концовъ, вѣдь все это временное!—она описываетъ сверткомъ полукругъ въ воздухѣ: — Все исчезнетъ, какъ мимолетное видѣніе, и господа филантропы, снова вступивъ въ свои права, даже забудутъ, для какихъ низкихъ цѣлей было приспособлено ихъ помѣщеніе!

Летиція ничего не возражаетъ. Въ эту минуту появляется Чэвнингъ.

— Пожалуйте!—кричитъ ему хозяйка. — Давайте-ка, не теряя времени, прорепетируемъ „Да, товарищъ...“ — Она направляется къ подмосткамъ и зоветъ его за собой. — Вы станьте вотъ здѣсь, на самой серединѣ, и вовсе не думайте о публикѣ. Да, кстати, не размахивайте руками. Я покажу вамъ необходимые жесты.

— Я вамъ уже говорилъ, что не разъ декламировалъ въ Оксфордѣ!—нѣсколько обиженно возражаетъ Рандэль, однако повинуется и идетъ къ эстрадѣ.

— И считаете себя непогрѣшимымъ артистомъ, не такъ ли?—рѣзко перебиваетъ Мери:—А я нахожу много погрѣшностей въ вашей декламаціи, и намѣрена поучить васъ.

— Не сегодня!—отказывается онъ, отводя глаза отъ маленькой растрепанной красавицы, жестомъ приглашающей его взобраться на подмостки, и глядя вслѣдъ величаво удаляющейся невѣстѣ.

Мери и не думаетъ задерживать его.

— Все равно, въ другой разъ. До Пасхи дней еще много... къ сожалѣнію!

Рандэль откланивается и быстро спѣшитъ догнать Летицію.

— Вы были удивлены, увидавъ меня тамъ?—спрашиваетъ она его.

— Д...а...а... Конечно...

— А зачѣмъ вы туда зашли?

— Изъ праздныго любопытства, разумѣется...

— Что это за „Да товарищъ...“ о которомъ говорила Мери?

— А это названіе стихотворенія. Она велѣла мнѣ продекламировать его на знаменитомъ представленіи.—Онъ говоритъ саркастически.

— И вы согласились?

— Не заводить же скандала! Кромѣ того, я полагаю, мое участіе въ вечерѣ возвыситъ его характеръ. А стихотвореніе

прекрасное. Чрезвычайно сильное, драматичное. Позвольте, однако, и мнѣ предложить вопросъ: какъ вы попали туда?

— Джимъ затащилъ меня почти силой, когда я проходила мимо, въ больницу. Его я огорчать ни подъ какимъ видомъ не хочу.

Чэвнингъ молчитъ.

— Сегодня утромъ я была очень тронута его участіемъ. Онъ сказалъ мнѣ: „со старикомъ Грентомъ сегодня случился второй ударъ, а третьяго никто не переживаетъ.“

— Что же въ этомъ трогательнаго?

— Эпльтонъ, приходъ мистера Грента, зависитъ отъ Джима.

— А!

— Онъ тонко далъ мнѣ понять (вы знаете, какой онъ врагъ многословія), что онъ догадывается... признаетъ фактъ... и готовъ съ своей стороны помочь...

— Смѣлый выводъ изъ сообщенія объ ударѣ съ священникомъ!

— Я понимаю Джима съ полуслова.—Ее коробитъ саркастическій тонъ молодого человѣка и его презрительно приподнятыя брови. — За послѣднее время я часто слышала отъ него фразы, въ родѣ слѣдующей: „время измѣняетъ мнѣнія!“ Или: „каждый понимаетъ счастье по своему“.

Рандэль злобно смѣется.

— И первый, разумѣется, онъ!

— Конечно. Не къ чему возвращаться къ этому. Вернемся къ Эпльтону. Приходъ глухой; прихожане — преимущественно крестьяне. Блестящимъ началомъ, понятно, назвать этого нельзя. Какого вы мнѣнія?...

— Съ блестящими началами я уже покончилъ!—мрачно отвѣчаетъ онъ.—Да и не все ли равно, гдѣ жить, разъ вы будете со мной!

Она молчитъ, и взглядъ ея холоденъ.

— Подождемъ третьяго удара! —продолжаетъ онъ, принужденно улыбаясь.

. . . . . .

Пылкость, съ которой молодая миссисъ Трентъ принялась за приготовленіе къ встрѣчѣ своихъ родныхъ, привела къ тому результату, что театръ былъ готовъ гораздо раньше Святой.

Для сокращенія времени, Мери ѣдетъ съ мужемъ въ Лондонъ, чтобы запастись необходимыми бутафорскими принадлежностями и пригласить знакомыхъ артистовъ.

Рѣшено было поставить мелкія пьески и разнообразный дивертисментъ, чтобы дать возможность каждому члену семейства Кергуэтъ проявить присущій ему талантъ.

Летиція не снисходитъ до любопытства и даже не спрашиваетъ, войдетъ ли „Да, товарищъ...“ въ общій сумбуръ.

Съ временнымъ отъѣздомъ шумливой хозяйки дома, въ усадьбѣ водворяется мертвая тишина.

— Неправда ли, здѣсь стало теперь похоже на рай?— спрашиваетъ Летиція своего поклонника, передавая ему чашку чая; они, по обыкновенію, сидятъ въ ея гостинной.

Священныя кресла стоятъ по-прежнему, массивныя, безобразныя и неприкосновенныя, на своихъ почетныхъ мѣстахъ; румяная прабабка съ розой улыбается имъ изъ своей рамы надъ каминомъ; попугай бормочетъ что-то спросонья; Керсти, безъ намордника (его сняли уже давно, такъ какъ собака Летиціи поняла, что дипломатія предписываетъ ей дружбу съ Лулу), сидитъ, настороживъ уши и ожидая сухариковъ.

— Я просто съ трудомъ вѣрю, что не такъ давно еще любила театръ!

— Говоритъ же Джимъ, что взгляды мѣняются! — сухо откликается священникъ.

Дня черезъ два, они незамѣтно возвращаются къ прежнимъ привычкамъ: появляются Браунингъ, Маркъ Аврелій, даже Ѳома Кемпійскій; она опять становится ученицей и проникается уваженіемъ къ наставнику, отъ чего за послѣднее время, какъ будто, отвыкла. Все было бы по старому если бы... не одна существенная разница.

Летиція старается убѣдить себя, что перемѣна къ лучшему, пытается до нѣкоторой степени разжечь въ себѣ минутное увлеченіе, которое повело къ помолвкѣ, но даже воспоминаніе о немъ какъ-то выдохлось и полиняло. Ей не удается обмануть ни себя, ни Рандэля,—это она ясно видитъ: онъ частенько упрекаетъ ее въ холодности, въ пассивномъ отношеніи къ его ласкамъ... Больше ему не въ чемъ упрекать ее,—сопротивленія она не оказываетъ. Измученная подъ конецъ его укорами, она начинаетъ защищаться:

— Не могу понять, на что вы жалуетесь? Я искренно люблю васъ... Но у меня неласковый характеръ... Вы сами называли меня снѣжинкой, льдинкой...

— Я не виноватъ, что воспоминаніе о томъ мгновеніи преслѣдуетъ меня! Вы, такая недоступная, именно снѣжинка, холодная и дѣвственно-чистая, отвѣтнымъ поцѣлуемъ отдались мнѣ навѣки! Почему же это мгновеніе съ тѣхъ поръ никогда не повторилось, несмотря на „искренность“ вашей любви?

Искренность любви! Ея собственная фраза, избитая и потерявшая смыслъ отъ частаго употребленія... Въ самомъ

дѣлѣ, на что же похожа, въ такомъ случаѣ, любовь не искренняя?

XVI.

Кергуэты явились. Постъ пришелъ таки къ концу, и восточный вѣтеръ (самый непріятный съ этихъ поръ въ глазахъ Летиціи) — пригналъ долго-жданный корабль въ гавань Трентъ-Голля.

Хотя на станцію поѣхали за прибывшими два безупречно-приличныхъ экипажа, но пріѣздъ гостей сильно напоминаетъ почему-то прибытіе странствующаго цирка.

Мери, посадивъ рядомъ съ собой Эсмеральду, сама правитъ парой бойкихъ пони и гонитъ ихъ по дорогѣ во весь опоръ, съ торжествомъ размахивая длиннымъ бичемъ и распѣвая: „привѣтствуемъ героевъ—побѣдителей!“

За шарабаномъ слѣдуетъ бригъ, съ Сибиллой вмѣсто кучера; рядомъ съ нею предусмотрительно помѣстился Джимъ, во избѣжаніе катастрофы: углы, пеньки и тумбы пользуются полнымъ невниманіемъ юнаго возницы въ полудлинной юбочкѣ. За ними сидятъ Мюріель, Луи и самъ смиреннѣйшій Кергуэтъ-отецъ; а на заднихъ мѣстахъ—лакей и кучеръ.

Изъ окна гостинной пара холодныхъ, недружелюбныхъ глазъ слѣдитъ за пріѣздомъ гостей. Вотъ они подъѣхали, вошли на крыльцо, проникли въ домъ... Не смотря на громадное помѣщеніе и толстыя стѣны, тишина мигомъ нарушается; новоприбывшіе радостно носятся по дому, точно ворвавшійся въ цитадель непріятель. Взрывы хохота, топотъ ногъ, хлопанье дверьми, торжествующіе клики тѣхъ, кто сдѣлалъ какое-либо новое открытіе, вопли отставшихъ или отстраняемыхъ — явственно доходятъ до ушей Летиціи.

Наконецъ, изслѣдователи наводнили ея корридоръ; гвалтъ и шумъ совсѣмъ уже близко у дверей ея гостинной; послѣ небольшой паузы, двери распахиваются настежь, и на порогѣ появляется отважная предводительница Сибилла; остальныя особы молодого поколѣнія виднѣются сзади.

— Я совѣтовала ей постучаться! — добродушно говоритъ Эсмеральда.—Широко улыбаясь, она подходитъ къ Летиціи и крѣпко пожимаетъ ей руку, по обыкновенію пребывая въ счастливой увѣренности, что другіе раздѣляютъ ея радостное настроеніе.

Глаза артистки слегка подведены, лицо напудрено, сама она закутана въ бѣлый мѣхъ.

Летиція вѣжливо пожимаетъ протянутую руку, равно какъ и множество другихъ, радуясь, что избавилась хоть отъ поцѣлуевъ, но маленькій Фрэнкъ успѣваетъ-таки чмокнуть ее.

— Какъ я рада видѣть васъ!—восклицаетъ актриса.—А мы осматривали домъ. Какая прелесть! Какое великолѣпіе! „Дѣйствіе происходитъ въ старинномъ англійскомъ замкѣ“— да и только!

Мери стоитъ на заднемъ планѣ; она никогда не проникаетъ во владѣнія золовки; не по ея желанію, милая ей буйная орава попала сюда... Воображеніе ли это, или она дѣйствительно настолько отвыкла отъ своей семьи, но ее слегка даже коробятъ манеры сестры...

— Ну, довольно!—повелительно кричитъ она:—Проваливайте отсюда! Не торчать же все время въ домѣ! Пойдемте въ театръ.

Магическія слова производятъ желанное дѣйствіе: Мюріель швыряетъ на столъ фотографическую карточку, которую разсматривала; Сибилла перестаетъ свистомъ дразнить Керсти. Всѣ исчезаютъ, а къ дверямъ робко подходитъ Кергуэтъ-отецъ.

— Честь имѣю кланяться, миссъ Трентъ! Дѣти тутъ нашумѣли... Не взыщите... Бѣдовыя...

Но онъ не можетъ кончить фразу, такъ какъ Мери ласково, но властно беретъ его подъ руку.

— Пойдемъ, папочка, взгляни на мой театръ!

Въ домѣ сразу водворяется тишина. Надо полагать, что они, по обыкновенію, на ходу закусили и попили чаю, потому что черезъ полчаса экипажъ снова поданъ, и Мери съ Эсмеральдой уѣзжаютъ. Остальные, съ Джимомъ во главѣ, гикая, школьничая, перегоняя другъ друга, идутъ по парку,— вѣроятно, въ театръ.

Возвращаются очень поздно. Мери совершенно позабыла, что пригласила къ обѣду викарія съ женой. Явился и Рандэль.

Сумбуръ такъ великъ, что число обѣдающихъ заранѣе никогда неизвѣстно — и около Летиціи оказалось пустое мѣсто. Рандэль очутился рядомъ съ Эсмеральдой. Тутъ ужъ было вообще не до выбора мѣстъ: пріѣзжіе ринулись безпорядочной толпой въ столовую (за исключеніемъ тишайшаго Кергуэта-отца, который только и боится, какъ бы не обезпокоить кого) и разсѣлись, какъ попало.

— Сразу видно, что актриса,— говоритъ Летиціи миссисъ Тэйлоръ, съ живѣйшимъ интересомъ наблюдая за вновь прибывшими и останавливая вниманіе на Эсмеральдѣ, безъ умолку болтающей съ Чэвнингомъ.—Съ какимъ тонкимъ умѣньемъ она подкрашена! Просто прелесть!

— Вамъ нравится?

— Очень оригинально! Маленькому мальчику слѣдовало бы ужъ идти спать. Дѣтямъ вредно поздно обѣдать.

— Вѣрно онъ къ этому привыкъ въ заграничныхъ гостинницахъ... Тамъ...

Фразѣ ея не суждено быть оконченной, — удивленіе лишаетъ ее языка. Всѣ вскакиваютъ, въ комнатѣ происходитъ суматоха—только Тэйлоры, Летиція и Чэвнингъ остаются за столомъ.

— Кто это?—спрашиваетъ жена викарія.

— Это, это старшій братъ Мери, Габріэль Кергуэтъ.

Габріэль, поздоровавшись со всѣми, получилъ отъ хозяйки разрѣшеніе переодѣться и исчезъ. Вернулся онъ, когда уже подавали дессертъ; объявивъ, что обѣдать не хочетъ, и замѣтивъ пустое мѣсто рядомъ съ Летиціей, онъ спокойно на него усѣлся.

— Правда ли, что вы уже обѣдали?—освѣдомляется Летиція, и въ голосѣ ея нѣтъ обычной холодной увѣренности: она чувствуетъ, что двѣ пары глазъ слѣдятъ за нею. Мери недовольна, что братъ ея оказался сосѣдомъ золовки; по другимъ причинамъ, видимо, недоволенъ этимъ фактомъ и Рандэль.

— Увѣряю васъ, что правда!—Габріэль радостно смотритъ на свою сосѣдку и, не скрывая, любуется ею. Съ какой изящной простотой она одѣта! На корсажѣ пучекъ ландышей; полное отсутствіе блестящихъ побрякушекъ.

Эсмеральда черезъ столъ осыпаетъ брата вопросами; Габріэль ласково, но разсѣянно отвѣчаетъ ей; все вниманіе его къ услугамъ сосѣдки.

— Вы удивлены, что я все еще здѣсь?—тихо говоритъ ему Летиція:—Я вѣдь увѣряла васъ, что уйду... Но вы, можетъ быть забыли мои слова?

— Нѣтъ, не забылъ.

— Въ то время я говорила искренно... Но вскорѣ послѣ того... обстоятельства такъ сложились, что... не стоитъ заводить никакихъ перемѣнъ!

Она сама не можетъ понять, къ чему пускается въ такія объясненія, похожія на оправданія; но чувствуетъ потребность высказаться.

Габріэль почему-то долго не отвѣчаетъ; Летиція съ удивленіемъ и гнѣвомъ поднимаетъ на него глаза и видитъ, что взглядъ его прикованъ къ Чэвнингу, который презрительно отвѣчаетъ на какую-то шутку Эсмеральды.

— Это онъ?—тихо спрашиваетъ Габріэль, наклоняясь къ Летиціи.

— Да.

— Онъ все еще находитъ, что у васъ мало воображенія?

— Вы и это помните?

— И это помню.

Тонъ его приводитъ Летицію въ смутное безпокойство.

— Мои недостатки остались при мнѣ!—съ усмѣшкой отвѣчаетъ она.

Габріэль молчитъ и снова пристально смотритъ на Чэвнинга.

— И... событіе должно скоро совершиться?

— Я... думаю... Не... знаю еще...

Губы Летиціи дрожатъ.

— Надѣюсь, что вы будете счастливы!..—со вздохомъ говоритъ онъ.

Она поднимаетъ кверху свои тонкія брови.

— Да развѣ есть счастливые люди на свѣтѣ?

Какъ бы въ отвѣтъ на ея вопросъ, Мери заливается звонкимъ хохотомъ, въ которомъ принимаетъ участіе и Джимъ.

Серьезные глаза Габріеля оживляются.

— Нуженъ ли вамъ другой отвѣтъ?

Послѣ нѣкотораго молчанія, Летиція обращается къ Габріелю съ вопросомъ:

— Мери не разсказывала вамъ, какъ плохо мы съ нею ладимъ?

— Я такъ рѣдко ее видѣлъ...

— Она могла написать вамъ.

— Въ письмахъ ко мнѣ она ни разу не упомянула вашего имени.

Поникнувъ головой, она молчитъ.

— А... ея присутствіе испортило вашу жизнь?

Глаза ея сверкнули.

— Безусловно!

Съ этимъ словомъ она встаетъ; обѣдъ конченъ.

Въ гостинной, у камина, столпилась группа сестеръ Кергуэтъ; Эсмеральда освѣдомляется объ имени, положеніи въ свѣтѣ и т. д. своего сосѣда за столомъ.

— Еслибъ не его костюмъ, я бы голову прозакладывала, что онъ актеръ!—восторженно кричитъ она:—Какой профиль! Сколько огня и игры въ глазахъ!

— Онъ священникъ,—поясняетъ Мери, схватывая въ то же время за руку Сибиллу, которая полѣзла было за папиросами: — онъ помощникъ мистера Тэйлора, нашего викарія. Но... стремится перевестись въ самостоятельный приходъ.

Летиція слышитъ все это. Значитъ, онъ повѣрялъ Мери свои планы и надежды? Женщинѣ, которую онъ съ трудомъ переноситъ,—до того она ему антипатична!..

— Изъ него вышелъ бы хорошій первый любовникъ, — продолжаетъ Эсмеральда съ профессіональнымъ жаромъ: —

Я сказала бы по виду, что онъ можетъ замѣнить Мартина Гарвея, неправда ли?—обращается она къ Летиціи, добродушно желая вовлечь и ее въ интересный разговоръ.

Но Мери (глаза у нея блестятъ насмѣшливымъ огнемъ) поспѣшно мѣняетъ разговоръ.

Наивная Эсмеральда, въ блаженномъ невѣдѣніи, продолжаетъ болтать, наслаждаясь звукомъ собственнаго голоса, роскошной обстановкой и слушателями, которые, по ея мнѣнію, испытываютъ одинаковое съ ней удовольствіе.

— Какъ вы нашли Габріэля?—спрашиваетъ она, снова обращаясь къ Летиціи.—Вы вѣдь знали, что онъ пріѣдетъ? Нѣтъ? То-то вы такъ удивились! Мистеръ... Чэвнингъ (такъ, кажется, его зовутъ?) спросилъ у меня, почему у васъ такое лицо, будто вы увидали привидѣніе?

— Просто я была удивлена. Мери ничего не говорила...

— Развѣ? Я, должно быть, думала, что это васъ мало интересуетъ.

Эсмеральда хохочетъ.

— А, всетаки, какъ вы его нашли?—не унимается она.

— Да никакъ!—холодно отзывается Летиція.—Развѣ онъ былъ боленъ?

— Не то что боленъ, а переутомленъ. Служба у него не легкая. Онъ же, вообще, канцелярщину терпѣть не можетъ. Онъ только и взялъ это мѣсто (теперь она обращается къ миссисъ Тэйлоръ) только потому, что не хотѣлъ быть у отца на шеѣ, а другого мѣста въ виду не было. Не правда ли, какъ это хорошо съ его стороны?

Миссисъ Тэйлоръ задушевно восклицаетъ:

— Разумѣется!

— Кромѣ того, уходъ за отцомъ подрываетъ его силы! Видъ у него измученный, не правда ли? Отецъ вѣдь былъ очень боленъ послѣднее время, инфлуэнца съ осложненіемъ. Габріэль ходилъ за нимъ, какъ сестра милосердія. Каковъ отецъ, на вашъ взглядъ? Ахъ, да, вы его никогда прежде не видали! Ну, а вы какъ его нашли (снова обращеніе къ Летиціи)?

Но Летиціи не приходится отвѣчать: въ противуположномъ углу комнаты раздается взрывъ хохота,—дѣти что-то разсматриваютъ и неистово смѣются.

— Что имъ еще попалось въ руки?—кричитъ Мери, до сихъ поръ въ непривычномъ молчаніи попыхивавшая папироской, и бѣжитъ къ дѣтямъ:—О!!!—она сама немножко смѣется, тѣмъ не менѣе отнимаетъ у младшихъ предметъ ихъ насмѣшекъ.—Это портретъ бѣдной старухи Клаппертонъ въ придворномъ костюмѣ!

Расшалившіяся дѣти стараются снова завладѣть карточкой и вопятъ:

— Дай взглянуть еще разокъ! Что за шея! Точно у жирафы! А платье какое богатое! Точно на сценѣ у миссъ Уильсонъ, въ Генрихѣ VIII!

— Жирафа въ придворномъ костюмѣ!—всѣ повторяютъ и покатываются со смѣху; даже маленькій Фрэнкъ, картавя, слѣдуетъ примѣру старшихъ. Но Мери топаетъ, наконецъ, ногой.

— Молчать! Будетъ! Она славная старушенція! Не смѣть больше надъ ней издѣваться!

Когда старшая сестра говоритъ такимъ тономъ, дѣти понимаютъ, что шутки надо прекратить.

Тѣмъ временемъ входятъ мужчины. Рандэль занимаетъ мѣсто рядомъ съ Летиціей.

— Кто это всѣхъ тутъ потѣшалъ?

— Они изощряли свое дешевое остроуміе надъ милѣйшей леди Клаппертонъ!—съ отвращеніемъ отвѣчаетъ она.

— А вновь прибывшій старшій братецъ—достойный членъ своей семьи?

— Судите объ этомъ сами.

— Почему же вы такъ взволновались его пріѣздомъ?

— Это что еще за выдумки! Я не замѣтила въ себѣ никакого волненія...

— Почему вы такъ измѣнились въ лицѣ? Покраснѣли?

Летиція встаетъ.

— Такой допросъ я считаю дерзостью.

Между тѣмъ, Мюріель раздобыла фонографъ и приглашаетъ желающихъ запечатлѣть на валикѣ свой голосъ. Летиція присоединяется къ группѣ, обступившей фонографъ; но оказывается, что воображеніе у всѣхъ изсякло! Викарій, напримѣръ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ пожелать полнолунія въ день спектакля; жена его выразила надежду, что нынѣшнее веселье будетъ повторяться ежегодно; замѣчанія, то глупыя, то дерзкія, то просто незначительныя сыплются, смотря по характеру говорящаго. Луи окончательно теряется; но Сибилла даетъ ему тумака и совѣтуетъ сказать: „Леди Клаппертонъ — жирафа въ придворномъ костюмѣ!“

XVIII.

— Это еще что за глупость? Кто такая леди Клаппертонъ?

Летиція, въ негодованіи, хочетъ удалиться и оказывается лицомъ къ лицу съ Габріэлемъ, который только что вошелъ въ комнату.

— Леди Клаппертонъ мой старинный другъ!—съ волненіемъ говоритъ Летиція.

Габріэль тотчасъ же разсылаетъ преступниковъ по спальнямъ. Затѣмъ онъ подходитъ къ Летиціи, которая сидитъ на круглой отоманкѣ.

— Вы отправили ихъ спать?

— Выслалъ изъ комнаты, вотъ и все. А лягутъ ли они спать, утверждать не берусь. Они отдыха не признаютъ.

— Такъ же, какъ и Мери!—мрачно вставляетъ Летиція и, немного погодя, добавляетъ: Можетъ быть, теперь вамъ болѣе понятно, почему жизнь моя *безусловно* испорчена.

Габріэль молчитъ.

— Я вовсе не ищу вашего сочувствія,—продолжаетъ она, смутно чувствуя, что пересолила, и поддаваясь обычному въ такихъ случаяхъ раздраженію:—Было бы странно, если бы вы стали на мою сторону. Я бы и вообще промолчала, еслибъ вы сами не заговорили объ этомъ за обѣдомъ. Безпрерывный рядъ уколовъ моему самолюбію не можетъ украсить жизнь. Это дѣйствуетъ гибельно на характеръ... Вы думаете, я сама не замѣчаю, насколько измѣнилась къ худшему?

— Вы почти то же говорили въ прошлый разъ.

— Благодарю васъ!—она гнѣвно смѣется.—Намекъ слишкомъ прозраченъ: я не стала хуже, потому что это невозможно!

Габріэль только глядитъ съ упрекомъ.

— Вы говорили мнѣ, что все обойдется! — продолжаетъ она сердитымъ тономъ, точно обвиняя его.

— Развѣ? А впрочемъ, кажется, говорилъ. Но вѣдь тогда я былъ знакомъ лишь съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ: я зналъ только Мери. Ну, и ошибся въ разсчетахъ.

Капля переполняетъ; Летиція принимаетъ это за умышленную грубость и говоритъ глубоко-оскорбленнымъ тономъ:

—·Понимаю! Всѣ видятъ двѣ условныя фигуры: угнетенную невинность, страдающаго ангела и злобнаго демона. Всѣ симпатіи на одной сторонѣ...

Голосъ ей измѣняетъ.

— А на другой?..

— Одно порицаніе!...

— Вы ошибаетесь!—горячо протестуетъ онъ:— Когда я вижу васъ въ нашей средѣ, то вполнѣ понимаю, что вы считаете минуты и секунды, остающіяся до нашего отъѣзда!

. . . . . .

На другое утро веселая гурьба вваливается въ церковь,—разумѣется, не къ началу службы. Дѣло никогда не обходится безъ опозданія. И такъ пришлось подняться въ неслыханные для Кергуэтовъ часы,—подвигъ немалый!

Летиція выходитъ съ молитвенникомъ въ паркъ и видитъ Кергуэта-отца съ Габріелемъ; они тихонько бредутъ по дорожкѣ, должно быть, просто гуляютъ, наслаждаясь дымомъ сигары и свѣжимъ воздухомъ. Родитель опирается на руку сына; между ними, очевидно, существуютъ самыя дружескія отношенія. При видѣ Летиціи, оба идутъ къ ней навстрѣчу.

— Доброе утро! А мы, вотъ, наслаждаемся съ Габріелемъ свѣжимъ воздухомъ. Вы изволите идти въ церковь? Не прикажите ли проводить васъ?

— Какъ вамъ угодно. По парку пріятно погулять...

— Папа, тебѣ довольно гулять!—ласково говоритъ Габріэль.—Надо все еще опасаться рецидива. Миссъ Трентъ извинитъ тебя. Я одинъ провожу ее въ церковь.

Мистеръ Кергуэтъ, кажется, радъ, что избавился отъ тягостной обязанности, раскланивается по всѣмъ правиламъ этикета и отправляется домой.

— Вы, можетъ быть, предпочитаете одиночество? Или разрѣшите мнѣ проводить васъ?—спрашиваетъ Габріэль и, должно быть, получаетъ отвѣтъ движеніемъ головы, потому что пристраивается рядышкомъ съ молодой дѣвушкой.

Долгое время царитъ молчаніе, не тяготящее ни Летицію, ни ея спутника. Такое молчаніе бываетъ признакомъ извѣстной духовной близости.

— Вы считаете меня ужасно злой,—говоритъ она, наконецъ,—вамъ представляется, что я только и ищу случая кого-нибудь задѣть...

— Вы хотите сказать, что я побаивался за отца?

— Д-а-а!—смущенно сознается она.

— Я думалъ, что вы, по всей вѣроятности, не знаете, какъ онъ былъ опасно боленъ, и до какой степени его нервы расшатаны.

Летиція вспыхиваетъ, и мысленно рѣшаетъ быть полюбезнѣе со старикомъ... ради сына.

По окончаніи богослуженія, вся компанія идетъ вмѣстѣ по парку.

— Какая чудная проповѣдь!—восхищается Эсмеральда:—Мистеръ Чэвнингъ великолѣпенъ! А какая игра... то есть,—спохватывается она,—манеры, жесты! Навѣрно, бралъ уроки у артиста.

— Неужели бралъ?—небрежно повторяетъ Мери, обращаясь къ Летиціи.

— Надѣюсь, нѣтъ! Я считаю профессіи артиста и проповѣдника столь различными, что все пригодное для одного становится неприличнымъ для другого.

— Разумѣется, разумѣется! — соглашается Эсмеральда,

смутно сознавая, что сказала глупость:—Онъ изумительно краснорѣчивъ и говоритъ такія трогательныя вещи!

— За то постомъ онъ громилъ аристократовъ въ пухъ и прахъ,—подхватываетъ Мери, съ опаснымъ огонькомъ въ глазахъ:—Жаль только, что ихъ не было на лицо! Если не считать насъ, конечно...

Она весело хохочетъ, какъ будто предположеніе, что семья Трентовъ подходитъ къ указанной категоріи, донельзя смѣшитъ ее; родственники наивно вторятъ ей и хохочутъ во все горло.

Стрѣла, конечно, попадаетъ въ цѣль. Летиція пытается нѣсколько отстать отъ компаніи, но Эсмеральда не даетъ ей привести это намѣреніе въ исполненіе; актриса простодушно задается цѣлью занимать ее.

— Знаете, намъ всѣмъ страшно пріятно видѣть, какъ Мери привыкла къ новой своей жизни. Право, ей, кажется, ничуть не жаль прошлаго! Изъ этого видно, что всѣ вы къ ней очень добры. Тини Вилье говорила: „она этой жизни не вынесетъ, убѣжитъ черезъ полгода!“ Напишу ей, что она совершенно ошиблась.

Она умолкаетъ, какъ бы ожидая отъ слушательницы сочувствія и одобренія; но, не дождавшись ничего подобнаго, продолжаетъ благодушно журчать дальше.

— Какое чудное мѣстоположеніе для сценъ изъ деревенской жизни! Оркестръ можно бы помѣстить вонъ тамъ, за деревьями, а вонъ здѣсь устроить партеръ... А, мистеръ Чэвнингъ! Я и не замѣтила, какъ вы подошли! Мы только что восхищались вашей проповѣдью!...

Она обдаетъ его кокетливымъ взглядомъ и, очевидно, посвященная въ семейную тайну, спѣшитъ присоединиться къ остальнымъ.

— Это правда?

— Что правда?

— То, что вы восхищались моею проповѣдью?

— Миссъ Кергуэтъ усиленно восхищалась сю!—сухо отвѣчаетъ Летиція.

— А вы?

— Мнѣ не было надобности и даже возможности вставить свое слово.

— Даже въ настоящую минуту?—съ негодованіемъ спрашиваетъ Рандэль.—Неужели вы все сердитесь на вчерашнюю вспышку раздраженія? Мыслимо ли серьезно вообразить, что я приревновалъ васъ, и къ кому же? Къ какому-то Кергуэту?! Я слишкомъ хорошо помню, что вы добровольно отдались мнѣ, отвѣтивъ на мой поцѣлуй!

Летиція не въ состояніи говорить. Неужели ей суждено

вѣкъ слышать напоминаніе объ этомъ ужасномъ поцѣлуѣ? Увы! Фактъ неоспоримъ, и ничѣмъ его не уничтожишь! Онъ воздвигъ непреодолимую преграду между нею и всѣми остальными мужчинами, кромѣ вотъ этого...

. . . . . .

— Надо прорепетировать „Да, товарищъ!“—повелительно заявляетъ за завтракомъ Мери. — Не успѣете до урока въ школѣ? Глупости. На это потребуется всего двадцать минутъ. Эсмеральда томится желаніемъ послушать васъ. Она увѣрена, судя по вашей игрѣ на каѳедрѣ, что вы учились у актера.

Блѣдное лицо молодого священника вспыхиваетъ.

— Это довольно сомнительный комплиментъ.

— Начать съ того, что это вовсе не комплиментъ, а простое мнѣніе. Ну-съ, а репетиція необходима. Вы грѣшите излишнимъ растягиваньемъ словъ, когда трупъ ребенка извлекаютъ изъ шахты.

Разумѣется, все устраивается по желанію Мери; Чэвнингъ сопротивленія не выказываетъ и слѣдуетъ, безъ видимаго отвращенія, за хозяйкой дома и ея сестрой въ гостинную, откуда вскорѣ съ позоромъ вылетаетъ бѣдная Керсти, принявшая непрошенное и горячее участіе въ декламаціи.

— Что это за „Да, товарищъ?“—спрашиваетъ Габріэль Летицію, когда они остались вдвоемъ.

— Стихотвореніе, которое мистеръ Чэвнингъ прочтетъ на вечерѣ,—насмѣшливо объясняетъ она.

— Зловѣщаго содержанія, кажется?

— Не знаю, право.

— Вы не слыхали?—изумленно спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ. Берегу свѣжесть впечатлѣній до пресловутаго вечера.

— Простите, если я помѣшалъ вашему разговору,—говоритъ, входя въ эту минуту, Кергуэтъ-отецъ: — Нашъ любезный хозяинъ предлагаетъ мнѣ посѣтить его фермы; но я не рискую пуститься въ путь, если ты, Габріэль, не позволишь мнѣ опереться на твою руку.

XVIII.

Нѣсколько разъ въ теченіе слѣдующаго дня Летиція задаетъ себѣ вопросъ, не жалѣетъ ли иногда Габріэль, что обладаетъ двумя руками,—до такой степени силенъ на нихъ спросъ со стороны всѣхъ членовъ его семьи. Недавняя болѣзнь заставляетъ злополучнаго отца почти постоянно нуждаться въ поддержкѣ старшаго сына. Если Сибилла не хватаетъ его за рукавъ, прося быть посредникомъ въ

горячемъ спорѣ, то Луи робко тянетъ его за руку, жалуясь на сестеръ. Мери властно беретъ его подъ руку, заявляя на старшаго брата безусловныя права, — и такъ далѣе. Но ни взглядомъ, ни словомъ Габріэль не обнаруживаетъ ни скуки, ни раздраженія.

День спектакля быстро приближается, а приготовленія все еще не закончены, актеры не всѣ на лицо. Наконецъ, комплектъ полонъ; Мери требуетъ ежедневныхъ репетицій и строго слѣдитъ за ними. Габріэль (хоть и не участвуетъ непосредственно) суфлируетъ, критикуетъ, подаетъ реплики желающимъ повторить, укрощаетъ хохочущую Мюріэль, унимаетъ слишкомъ развязную Сибиллу. Его дѣятельность среди этой обстановки внушаетъ удивленіе нѣмой зрительницѣ, рѣшившейся, наконецъ, посмотрѣть на репетицію. Летиція, снизошедшая до этой уступки, благодаря просьбамъ Габріэля, сидитъ въ сторонкѣ на опрокинутомъ ящикѣ, рядомъ съ восторженной миссисъ Тэйлоръ.

Актеры, для сбереженія времени, закусываютъ и пьютъ чай на сценѣ; Кергуэты въ своей сферѣ—и чувствуютъ себя превосходно. Мери, дойдя до полнаго умиленія, предлагаетъ даже тостъ: „За былыя времена!“

Подоспѣвшій Чэвнингъ не вѣритъ своимъ глазамъ, встрѣтивъ Летицію.

— Вы здѣсь?? Вотъ ужъ не ожидалъ!

Она отвѣчаетъ лаконически:

— Да, я здѣсь.

— Я думалъ, что вы рѣшили послушать меня лишь въ день спектакля!—наивно говоритъ онъ.

— Какъ видите, я перемѣнила рѣшеніе.

— Только, знаете... Я не люблю совѣтовъ... Они сбиваютъ, путаютъ...

— Я и не имѣю намѣренія давать ихъ.

— Я ужъ и такъ получаю ихъ слишкомъ много... непрошенныхъ...—онъ головой указываетъ на Мери, въ эту минуту упрашивающую жену викарія принять на себя роль перваго любовника (который можетъ явиться только наканунѣ представленія) и облегчить обязанность суфлера.

Дѣло улажено, и Мери вскорѣ кидается на шею миссисъ Тэйлоръ, восклицая:

— Ты былъ и останешься моимъ единственнымъ возлюбленнымъ!

— Но я съ ней повернулъ дѣло по своему,—продолжаетъ Рандэль,—объявилъ категорически: или я читаю стихи по своему, или вовсе не читаю!

— И эта угроза заставила ее опомниться?—иронически освѣдомляется Летиція.

Онъ надменно выпрямляется.

— Вы отлично знаете, что не я рвался участвовать въ этой дурацкой затѣѣ. И затѣя, и *она* сама мнѣ до крайности противны!

— Рандэль! Рандэль!—со сцены, въ видѣ неожиданнаго опроверженія, раздается безцеремонный крикъ хозяйки.

И декламаторъ опрометью спѣшитъ на зовъ.

На сценѣ перерывъ и суматоха. Габріэль подходитъ къ Летиціи и говоритъ, понижая голосъ:

— Она это дѣлаетъ безъ злого умысла. Она всѣхъ называетъ по именамъ, а онъ вѣдь скоро будетъ... родственникомъ.

Молодая дѣвушка вздрагиваетъ, пораженная чуткостью Габріэля.

— Развѣ я уполномочила васъ читать мои мысли? Она, конечно, права, что называетъ его Рандэлемъ! Онъ скоро будетъ ея родственникомъ!

Послѣдняя фраза выговорена глухо, сквозь стиснутые зубы.

. . . . . .

Габріэль получилъ очень коротенькій отпускъ, и онъ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы продлить его самовольно.

Вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда (ему предстоитъ ѣхать на станцію на разсвѣтѣ), въ гостинной сидятъ: Мери, Летиція и самъ отъѣзжающій. Всѣ остальные уже разошлись, а послѣднимъ, какъ-то нехотя, удалился Рандэль.

Мери беретъ брата подъ руку и ведетъ въ оранжерею.

— Побудь со мной вдвоемъ послѣдніе часы, Гэбби! Быть можетъ, мы долго не увидимся... Твоя противная служба... Да ты меня вовсе не слушаешь? Норовишь улизнуть? Вотъ ужъ правда: на вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ!

Она прекрасно знаетъ, что упрекъ ея не лишенъ основанія, а онъ и не думаетъ оправдываться.

— Ну, хорошо, хорошо! Она будетъ твоя!—Мери дружески обнимаетъ брата.—Мнѣ, лично, она не нравится, ты знаешь... Но, разъ тебѣ она по душѣ, пусть будетъ твоею!

— Благодарю!—онъ разсѣянно цѣлуетъ сестру въ лобъ:—Не снимешь ли ты для меня заодно и луну съ нѣсколькими звѣздочками, чтобы я могъ положить ихъ къ себѣ въ карманъ?

— И сняла бы, ради твоего счастья!—сквозь слезы говоритъ Мери.—Но онѣ тебѣ не нужны. Ты каждый разъ вытаскивалъ бы ихъ вонъ, вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ!

Онъ молча обнимаетъ ее.

— Впрочемъ, и то сказать,—продолжаетъ Мери нѣсколько веселѣе,—тебя она не такъ ужъ презираетъ, какъ всѣхъ

насъ. Какіе взгляды бросаетъ она на бѣднаго папу! Надменная, гордая принцесса-недотрога!.. Противная!.. Ну, да все можетъ измѣниться... допускаю. Случаются вещи еще невѣроятнѣе... Препятствіемъ можетъ служить тотъ проповѣдникъ... Онъ не изъ покладистыхъ... но устранить и его возможно.

— Что ты хочешь сказать?—онъ повертываетъ сестру лицомъ къ себѣ и порывисто дышетъ:—Ты намекаешь на то, что онъ ея не любитъ? Такъ, что ли?

Наступившее молчаніе нарушается визгами Сибиллы и Мюріэль, которыя и не думали ложиться спать и дурачатся въ сосѣдней комнатѣ. Но старшіе такъ заняты своимъ разговоромъ, что не обращаютъ на это вниманія.

— Я думаю,—продолжаетъ хмуро Габріэль,—что ты наживешь бѣды съ этимъ человѣкомъ. Будь осмотрительнѣе.

— Развѣ я когда-нибудь попадала въ просакъ?—вспыхиваетъ Мери:—Неужели я съ какимъ нибудь Чэвнингомъ не справлюсь? Смѣшно даже предполагать!

— Тише!.. За тебя я и не боюсь. Но что будетъ съ *нею*?..

— Какъ ты ее любишь!—со вздохомъ говоритъ Мери.

XIX.

Наступила недѣля суматохи и шума, совершенно нарушившая весь домашній строй; содомъ получился почти равносильный тому, который происходилъ передъ свадьбой Мери. Недостатокъ времени для необходимыхъ приготовленій внесъ бы значительную суету и безпорядокъ даже въ самую благоустроенную профессіональную труппу, въ данномъ же случаѣ безпорядокъ усугублялся присущей семьѣ Кергуэтъ способностью все путать и забывать,- хаосъ получился невообразимый!

Списокъ пьесъ и дивертисмента расположенъ въ такомъ порядкѣ, что Эсмеральда оказывается, напр., участвующей въ нѣсколькихъ нумерахъ подрядъ; въ типографіи прямо приходятъ въ отчаяніе отъ безпрестанныхъ измѣненій, которыя требуется сдѣлать въ баснословно короткій срокъ, такъ какъ афиши подлежатъ разсылкѣ и раздачѣ; телеграфистъ готовъ ноги протянуть отъ усталости: ему поминутно приходится то отправлять отчаянныя требованія бутафорскихъ принадлежностей, крайне нужныхъ, но всѣми забытыхъ до послѣдней минуты, то наводить справки относительно актеровъ, перепутавшихъ поѣзда; телеграмма летитъ за телеграммой, безъ толку и передышки...

До послѣдняго часа остается подъ сомнѣніемъ, освобо-

дить ли антрепренеръ перваго любовника, а потому, когда онъ, наконецъ, появляется на горизонтѣ, его встрѣчаютъ бурнымъ залпомъ привѣтствій; оказывается, онъ привезъ съ собой великолѣпный гардеробъ и даже электро-техника, чтобы освѣщать его электричествомъ въ эффектные моменты,—но, увы, ни слова не знаетъ изъ своей роли!

— Только запомните реплики, чтобы другихъ не сбить!— умоляетъ Эсмеральда:—Въ остальномъ мы вамъ поможемъ. Недавно подобный случай былъ въ нашемъ театрѣ.. (слѣдуетъ разсказъ).

Въ общемъ, всѣмъ артистамъ ужасно весело, и всѣ они возлагаютъ несокрушимыя надежды на свои силы.

И надо сказать правду, надежды ихъ оправдываются самымъ блистательнымъ образомъ. Генеральная репетиція, какъ и всегда, разумѣется, прошла отвратительно: всѣ спорили, препирались, дурачились, и не было Габріэля, чтобъ усмирить ихъ; суфлеръ охрипъ, стараясь перекричать актеровъ; ролей, казалось, никто не знаетъ... Но самое представленіе удалось, какъ нельзя лучше. Шумные аплодисменты во время опусканія (вѣрнѣе, сдергиванья въ сторону) занавѣса— вполнѣ заслужены. Даже Летиція принуждена внутренно согласиться съ этимъ.

Эсмеральда превзошла самое себя: въ одной пьесѣ она играла двѣ роли, мѣняла костюмъ и гримъ съ такой невѣроятной быстротой, что возбудила бы зависть въ престидижитаторѣ; болѣе простодушные изъ публики даже не узнали ея; исполнила она же классическій танецъ; наконецъ, спѣла весьма недурно остроумные куплеты.

Сибилла тоже спѣла, по французски; большинство слушателей ни слова не поняли, но шумно аплодировали.

Маленькій Фрэнкъ, по смыслу пьесы, пробѣжалъ по сценѣ въ ночной рубашонкѣ и произвелъ настоящій фуроръ.

Сравнительное равнодушіе самой хозяйки къ сценическимъ лаврамъ и желаніе выдвинуть прочихъ членовъ семьи,—не могутъ остаться незамѣченными.

Герцогиня Свиндфордская почтила спектакль своимъ присутствіемъ; да, сама герцогиня, хоть и съ опозданіемъ!

А заручиться присутствіемъ такой высокопоставленной особы—чего-нибудь да стоитъ.

Летиція, сидя по правую руку отъ нея, терзалась сомнѣніями: какое впечатлѣніе произведетъ на Рандэля присутствіе этой знатной особы въ первомъ ряду?.. Не провалится ли онъ отъ стыда, увидавъ передъ самымъ носомъ важную даму, оскорбившую его невниманіемъ во время проповѣди въ Сфиндфордѣ? Но опасенія неосновательны!

Онъ продекламировалъ безукоризненно. Глаза его горѣли

мрачнымъ огнемъ; каждое слово отчетливо слышно было во всѣхъ углахъ комнаты; жесты полны были достоинства, красоты и силы. Обличеніе безсердечныхъ богачей было столь грозно, что холодъ пробѣгалъ по спинамъ слушателей, и слезы навертывались у всѣхъ на глаза.

Рандэля трижды вызывали, и онъ каждый разъ съ холоднымъ достоинствомъ раскланивался.

—Ахъ, какъ это дивно хорошо!—восклицаетъ герцогиня, все время прибѣгающая къ носовому платку.—Надо какъ-нибудь залучить его ко мнѣ въ Лондонъ. Какъ вы думаете, душечка, онъ не откажется, если я приглашу его декламировать на одномъ изъ моихъ благотворительныхъ вечеровъ? Какъ его фамилія (взглядъ въ афишу)? Чэвнингъ! Ба! да я слышала это имя! Говорятъ, чудный проповѣдникъ! Но мнѣ ни разу не пришлось слышать его.

Очевидно, она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія (попросту забыла) о нанесенномъ ему оскорбленіи въ Свиндфордѣ.

— Онъ не далѣе, какъ въ эту зиму, говорилъ проповѣдь въ Свиндфордѣ!—напоминаетъ спокойно Летиція.

— Да полноте! Неужели?.. Ахъ, постойте, припоминаю! Онъ говорилъ въ пользу моихъ „матерей“. А меня отвлекли какія-то скучныя обязанности... Да, да.. Помню, какъ мнѣ было тогда досадно.

Во время антракта состоялось представленіе молодого декламатора герцогинѣ. „Рука, нанесшая раны, сама пролила на нихъ цѣлительный бальзамъ...“ — иронически подумала Летиція, прослѣдивъ на лицѣ Рандэля всѣ стадіи исцѣленія.

Словомъ, все идетъ, какъ по маслу. Первому любовнику, не совсѣмъ знавшему роль, всѣ участвующіе незамѣтно подсказывали, а костюмы его и электричество произвели фуроръ.

Всѣ нумера были шумно одобрены: и пьесы, и танецъ Эсмеральды и куплеты Сибиллы; и звонкая пощечина, отпущенная Эсмеральдой, въ качествѣ хорошенькой горничной, черезчуръ предпріимчивому юному Клаппертону (не даромъ она такъ билась съ нимъ на репетиціяхъ, уча его развязности!); и Фрэнкъ, въ рубашонкѣ, спасающій свою мать (Мери) отъ злодѣя; но все поблѣднѣло передъ окончательнымъ появленіемъ на сценѣ Мери съ живымъ (взятымъ на прокатъ) младенцемъ на рукахъ: Богъ благословилъ ее прибавленіемъ семейства между первымъ и вторымъ дѣйствіями.

И вотъ, все кончено. Послѣдніе аплодисменты прозвучали въ ушахъ актеровъ, послѣдняя карета отъѣхала отъ театра, увозя гостей, мечтающихъ объ ужинѣ. Широко распахнулись старинныя двери Трентовскаго дома, и все общество вошло въ столовую. Мери напригласила самое смѣшанное

собраніе: и аристократовъ, и горожанъ, и провинціаловъ, и мелкопомѣстныхъ сосѣдей; миссисъ Ферфаксъ, по смиренію, сама не пріѣхала...

И странное дѣло! Никто въ претензіи не былъ. Герцогини и графини весело говорили: „миссисъ Трентъ такая оригиналка!"—и этимъ все объяснялось.

Слушая эту фразу на всѣ лады, Летиція внутренно протестовала. Почему это для Мери не существуютъ свѣтскіе законы? Почему ей все прощается?

— Развѣ Джимъ собирается выступить кандидатомъ на слѣдующихъ выборахъ?—спрашиваетъ за ужиномъ Летицію лордъ Клаппертонъ, окидывая вопросительнымъ, но отнюдь не неодобрительнымъ взглядомъ пестрое собраніе:—Почему я это думаю? Да потому что его жена ищетъ популярности, на мой взглядъ. Она для него незамѣнимая помощница! — старикъ при этомъ ласково смотритъ въ сторону хозяйки, рядомъ съ которой, по этикету, усадили герцога Свиндфордскаго.

Какъ бы то ни было, старыя дѣвы, миссъ Смитъ, миссъ Браунъ и миссъ Ламотъ, пивоваръ и виноторговецъ съ женами, техникъ и скромный фермеръ—до конца дней своихъ восторженно будутъ разсказывать, что ужинали за однимъ столомъ съ герцогомъ и герцогиней и собственными глазами видѣли, какъ красавица-хозяйка дома встала и, съ бокаломъ въ рукѣ, провозгласила тостъ „за милыхъ гостей" и „за процвѣтаніе драматическаго искусства".

. . . . . .

Второе и третье представленія сошли такъ же удачно и отошли въ вѣчность. Ни на одномъ изъ нихъ не удалось присутствовать бѣдной миссисъ Тэйлоръ: свирѣпые приступы мигрени выпускаютъ ее на свободу лишь тогда, когда рабочіе разбираютъ пристройки и подмостки по частямъ и увозятъ на фурахъ всѣ декораціи.

Мери почти такъ же огорчена неудачей, постигшей жену викарія, какъ и сама страдалица; она старается утѣшить ее яркими описаніями, разсказами и фотографическими снимками артистовъ въ костюмахъ. Жена викарія узнаетъ о тріумфѣ Чэвнинга, декламація котораго вызывала всѣ три раза усиленное извлеченіе носовыхъ платковъ въ публикѣ; герцогиня подавала примѣръ чувствительности. Знатная особа эта, впродолженіи всего ужина, милостиво разговаривала съ Рандэлемъ, забывъ другого сосѣда—Джима. Впрочемъ, это его вѣчная участь: сосѣдки его неизмѣнно ласковы съ нимъ, но разговаривать предпочитаютъ съ другими кавалерами... Онъ же, съ обычными терпѣніемъ и добродушіемъ, подчиняется этому

Рандэль спрашиваетъ Летицію, какого она мнѣнія объ его декламаціи.

— Нѣтъ сомнѣнія, что вы имѣли большой успѣхъ!—сухо отвѣчаетъ миссъ Трентъ.

— Я бы желалъ знать ваше личное мнѣніе!—настаиваетъ онъ.

— Вы отлично исполнили вашу роль.

— А! теперь я вполнѣ удовлетворенъ и вѣрю въ свой талантъ!—восклицаетъ онъ съ неумѣстнымъ (по ея мнѣнію) восторгомъ.

— Васъ пригласили продѣлать ту же процедуру въ Лондонѣ?—съ сомнительнымъ сочувствіемъ освѣдомляется она.

— А вы откуда это знаете?

— Герцогиня говорила мнѣ, что боится вашего отказа.

— Да... она намекала... просила... Но, кажется, я не соглашусь.

— Надѣюсь.

— Вы совсѣмъ позабыли пренебреженіе ея свѣтлости къ вашей проповѣди?—кричитъ насмѣшливо Мери, вошедшая въ комнату при послѣднихъ фразахъ: — Она очаровала васъ за ужиномъ! Я видѣла сама...

— Я чрезвычайно польщенъ, что вы соблаговолили удѣлить мнѣ частичку вашего драгоцѣннаго вниманія! — говоритъ Рандэль, не то иронически, не то обиженно.

— Увы! Его свѣтлость не приглашалъ меня участвовать въ его концертахъ, а ея свѣтлость усиленно приглашала васъ!—съ явной насмѣшкой говоритъ Мери.

— Что это у васъ, что ни слово, то „свѣтлость!“— раздражительно замѣчаетъ Летиція.

— Такъ что-жъ? Цивилизуюсь. Вы должны бы радоваться. Я за ужиномъ все время почтительно сыпала герцогу: „ваша свѣтлость“... Или этого не слѣдовало? Я изъ кожи лѣзу, чтобы не отстать отъ этикета!

XX.

Кергуэты прожили цѣлыхъ двѣ недѣли послѣ спектакля. Подъ конецъ Летиція сама себя не узнаетъ. Она не можетъ оставаться простой зрительницей суматохи и всяческихъ продѣлокъ; школьники обоихъ половъ втягиваютъ въ кутерьму и ее. Ничто не можетъ заставить младшихъ членовъ семьи проникнуться убѣжденіемъ, что она ихъ не переваритъ; также не признаютъ они ея гостинной за „святая святыхъ“— и, носясь по корридору, дѣлаютъ туда постоянные набѣги. Эсмеральда, хотя и извиняется, и сту-

чится, но въ глазахъ чопорной миссъ Трентъ представляетъ не меньшее зло: она заглядываетъ поминутно, чтобъ развлечь „милую миссъ Трентъ“ въ ея одиночествѣ избранными отрывками изъ театральныхъ воспоминаній, которыми биткомъ набита голова актрисы. Визиты начались съ того, что Эсмеральда попросила Летицію прослушать ея роль.

— Я туна на зубренье!—весело сознается артистка: — Но ужъ разъ что заучу, то прочно засядетъ въ моей памяти. Всѣ роли, твердо заученныя, я всегда могу повторить отъ начала до конца. Хотите провѣрить на дѣлѣ?..

— О, нѣтъ!—поспѣшно откликается Летиція: — Я и такъ вѣрю вамъ.

Летиція, конечно, не при чемъ, если Мюріэль и Сибилла, совершивъ рядъ вызывающихъ съ ея стороны крайнее неодобреніе подвиговъ, съ разбѣга кидаются ей же на шею и клянутся, что онѣ „такъ... такъ счастливы, какъ никогда еще не были!“

— Вы ужасно любите все преувеличивать и прибѣгать къ клятвамъ!—въ первый разъ говоритъ она, съ неудовольствіемъ высвобождаясь изъ ихъ объятій.

— Неужели?—удивляется Мюріэль и съ сожалѣніемъ добавляетъ:—По-англійски мы божиться почти не умѣемъ... Но за то по-французски! Никто насъ не перещеголяетъ!

Также невиновата Летиція и въ томъ, что Луи, склонный къ нытью и жалобамъ, дѣлаетъ ее повѣренной всѣхъ обидъ, которыя наносятъ ему шалуньи-сестры. Послѣднія, съ своей стороны, безцеремонно при немъ же высказываютъ Летиціи свои чувства къ брату.

— Фрэнка мы любимъ... Но Луи намъ не нравится. Онъ святоша и ябедникъ.

Нѣжное, хорошенькое личико Луи вспыхиваетъ.

— Я васъ, во всякомъ случаѣ, больше ненавижу, чѣмъ вы меня!—кричитъ онъ со слезами на глазахъ, сбиваясь отъ волненія на французскій языкъ.

Дѣвочки зачастую переходятъ всякія границы дозволенной рѣзвости: покупаютъ въ деревенской лавочкѣ дешевый табакъ и курятъ; въ садовой сторожкѣ открываютъ запасъ дорогихъ цвѣточныхъ луковицъ и мелко шинкуютъ ихъ сѣчкой; на вопросъ, къ чему потребовалось имъ совершить этотъ вандализмъ,—онѣ отвѣчаютъ, что играли въ „свое хозяйство“ и хотѣли сдѣлать луковый соусъ.

Всюду зачинщицей является Сибилла, безстрашная, непобѣдимая, безчувственная и безсовѣстная. Летиція не можетъ надивиться на нее и, въ концѣ концовъ, удѣляетъ ей, помимо своего желанія, извѣстную долю сочувствія за своеобразный героизмъ. Озорница поминутно то сорветъ кожу

на ногѣ, то прищемитъ до крови палецъ въ дверяхъ, то загонитъ себѣ въ ладонь такую занозу, что ее приходится извлекать пинцетомъ,—и все это, не сморгнувъ, съ яснымъ лицомъ, приговаривая: „Пустяки! Ничего!“ Къ концу второй недѣли, не смотря на усиленную починку испорченныхъ семьей Кергуэтовъ вещей, Летиція съ удивленіемъ сознается себѣ, что относится къ нимъ много дружелюбнѣе, чѣмъ вначалѣ. Они такъ искренно жизнерадостны, такъ настойчиво твердятъ о выпавшемъ на ихъ долю счастьи, такъ непринужденно цѣлуютъ и обнимаютъ „милую миссъ Трентъ“ (не смотря на ея недоступность), такъ безнадежно слѣпы до конца къ проявленіямъ антипатіи и непріязни съ ея стороны, что эти чувства въ ея душѣ незамѣтно начинаютъ утрачивать первоначальную силу. Эти ужасныя школьницы, эти непріятныя и неблаговоспитанныя дѣвчонки,—удивительное дѣло! — начинаютъ приступомъ проникать въ твердыню ея сердца и подкупать его въ ихъ пользу...

— Вотъ и на вашей улицѣ праздникъ!—говоритъ Мери, входя въ гостиную, гдѣ сидитъ золовка.—Семью Кергуэтъ только что проводили на станцію.

Слезы стоятъ въ глазахъ Мери.

— Вы думаете?—холодно отзывается Летиція, задѣтая за живое. Но, при взглядѣ на прекрасные, заплаканные глаза, ей становится немножко жалко невѣстки, и она продолжаетъ мягче:—Ко всему можно привыкнуть!

Уступка не особенно удачно выражена; но миссъ Трентъ улыбается и поясняетъ:

— Я хочу сказать, что ко всякому шуму можно привыкнуть.

Мери грустно смотритъ черезъ окно въ садъ и, помолчавъ немного, неохотно, словно повторяя затверженный урокъ, говоритъ:

— Отецъ мой велѣлъ поблагодарить васъ.

— Поблагодарить? За что?

— Отецъ мой всегда вѣжливъ. Вы прослушали роль Эсмеральды... Чуть не оглохли отъ дѣтскаго шуму... Съ Габріэлемъ были довольно учтивы. Вотъ и благодаритъ. Вѣрно, не ожидалъ!

Но тутъ слезы одолѣваютъ ее, и она поспѣшно идетъ вонъ изъ комнаты.

Летиція не знаетъ, огорчаться ей или сердиться, — но на душѣ у нея тяжело. Чтобы разсѣяться, она выходитъ изъ дому, припомнивъ обѣщаніе навѣстить одну больную въ приходѣ.

Тутъ она еще разъ убѣждается, что больная, хоть и ста-

рается изъ вѣжливости скрыть свое разочарованіе, лучше хотѣла бы видѣть Мери.

На обратномъ пути тоска ея еще болѣе усиливается, а дома ей докладываютъ, что мистеръ Чэвнингъ давно уже поджидаетъ ее въ гостинной. Ей не становится ничуть веселѣе, когда она туда входитъ.

За послѣднее время юные Кергуэты своими вторженіями (за это, по крайней мѣрѣ, она благодаритъ ихъ!) лишили ее возможности видѣться съ Рандэлемъ съ глазу на глазъ и подчиняться его нѣжнымъ ласкамъ, сопровождаемымъ страстными изліяніями. Сегодня между „влюбленными“ нѣтъ болѣе живой преграды, и Летиція съ неудовольствіемъ читаетъ послѣдствія этой перемѣны во взглядѣ Рандэля.

— Я пришелъ васъ поздравить!

— Съ чѣмъ?

— Буря миновала (объятія)! Въ воздухѣ стало чище (поцѣлуй)!

— Да...

— Хвала Творцу!

— Да...

Она не успѣла еще снять шляпу, и чтобы высвободиться изъ его объятій, начинаетъ снимать съ шеи боа изъ перьевъ.

— Я сегодня чувствую себя ужасно скверно... Такъ что хвалить за что-нибудь Творца едва ли въ состояніи.

Онъ въ недоумѣніи глядитъ на нее.

— Что съ вами?

— Не знаю!—уныло говоритъ она.

— Это, должно быть, послѣдствіе одолѣвшаго васъ нашествія варваровъ!

— Мое настроеніе не имѣетъ къ нему никакого отношенія.

— Вы нездоровы (новыя объятья)? Но нѣтъ! Взглядъ вашъ ясенъ! Цвѣтъ лица...

— Ахъ, ничего не дѣлается ни взгляду моему, ни цвѣту лица!—нетерпѣливо перебиваетъ она, отстраняясь, насколько позволяютъ приличія.

— Но что же съ вами? Имѣю же я право интересоваться?

— Я сейчасъ навѣстила Мери Бергъ. Она, по моему, не выживетъ... Вы, по ея словамъ, дней уже десять, какъ не навѣщали ее...

Рандэль выходитъ изъ себя.

— Вы упрекаете меня въ небрежномъ отношеніи къ моимъ обязанностямъ? Принимаете на себя роль цензора?

Наступаетъ молчаніе. Рандэль овладѣваетъ собою.

— Можетъ быть, вы и правы. Возможно, что я подчинился всеобщей распущенности, водворившейся въ приходѣ...

— Если вы намекаете на Мери, то это недобросовѣстно. Она гораздо дѣятельнѣе васъ посѣщаетъ больныхъ...

Онъ такъ ошеломленъ этимъ заступничествомъ Летиціи за ненавистную особу, что просто лишается языка. Глубокое молчаніе прерываетъ неожиданно Керсти, сидящая на подоконникѣ: она усмотрѣла въ паркѣ мальчишку-почтальона, съ которымъ состоитъ въ непримиримой враждѣ, и заливается громкимъ лаемъ; Летиція рада случаю встать и выпустить собаку за дверь. Тѣмъ временемъ „влюбленные“ приходятъ въ себя и въ состояніи болѣе спокойно возобновить разговоръ.

— Мы оба распустились за послѣднее время!—печально говоритъ Летиція:—Оба измѣнились къ худшему въ духовномъ отношеніи. И въ этомъ никто, кромѣ насъ самихъ, не виноватъ.

— Во всякомъ случаѣ, отношенія наши сильно измѣнились! Вамъ, навѣрно, теперь даже вѣрится съ трудомъ, что когда-то (не такъ давно!) вы уважали меня, какъ друга и наставника, смотрѣли на меня снизу вверхъ!

Она не противорѣчитъ.

— Могу я спросить,—обидчиво продолжаетъ онъ,—какую цѣль преслѣдуете вы, открывая мнѣ всѣ эти горькія истины (если можно назвать ихъ истинами)?

— Какую?—задумчиво повторяетъ она.

— Да, какую? Вы, можетъ быть, желаете сказать мнѣ, что отказываетесь отъ меня навсегда? Но нѣтъ, разумѣется, я говорю вздоръ!—онъ смотритъ на нее взглядомъ побѣдителя, почти для нея невыносимымъ:—Такія рѣчи неумѣстны между нами. Послѣ того священнаго поцѣлуя, запечатлѣвшаго...

— Да будетъ ли этому конецъ?—съ отчаяніемъ перебиваетъ она.—Благодаря тому, что я разъ въ жизни совершила неприличіе... Нѣтъ, не то... Неприличія никакого не было!—она гордо выпрямляется:—Неприличія не было, разъ я вѣрила въ искренность своего чувства!

— А теперь пришли къ заключенію, что искренняго чувства не было? Вы желаете взять свое слово обратно? Но этого вы не можете, не посмѣете сдѣлать! Воспоминанія о вашемъ добровольномъ поцѣлуѣ не изгладишь ужъ ничѣмъ! Знайте: я запрещаю вамъ идти дальше въ вашихъ сомнѣніяхъ! Не пришла ли вамъ охота полюбить кого другого?

— Если вы неспособны обсудить вопросъ, не оскорбляя меня...—сдержанно замѣчаетъ она, хотя и блѣднѣетъ отъ гнѣва.

— Я не хотѣлъ оскорбить васъ!—кричитъ онъ, въ порывѣ раскаянія падая на колѣни.

— Я только хотѣла сказать,—продолжаетъ она отрывисто,—что даже если допустить.. Я этого и не отрицаю... будто я, поцѣловавъ васъ... связала себя навѣки... Ну да, это такъ... Но вѣдь можетъ же случиться впослѣдствіи... что мы сознаемъ свою ошибку... и то, что мы считали залогомъ вѣчной любви... станетъ лишь цѣпью, сковывающей двухъ рабовъ!

— Цѣпью, сковывающей двухъ рабовъ?! Вотъ до чего уже дошло!

Летиція до нѣкоторой степени сознаетъ свою вину передъ женихомъ. Она тревожно глядитъ на него, стараясь, при помощи зрѣнія и воображенія, возстановить въ памяти образъ того человѣка, котораго она подарила отвѣтнымъ поцѣлуемъ... „Можно ли въ чемъ-либо отказать мужчинѣ съ такимъ профилемъ?“—припоминается ей шутка Мери, и это озлобляетъ ее еще больше. Какая пошлость! Не за красоту же цѣловала она его! А другое гдѣ же? Но вина не его, во всякомъ случаѣ!..

— Я не сказала, что дошло до этого...—тихо возражаетъ она:—Я только высказала предположеніе...

— Три мѣсяца назадъ оно не пришло бы вамъ въ голову!

Она колеблется, мысленно стараясь провѣрить, съ какого именно момента начала она критически относиться къ своему избраннику.

— Мы оба измѣнились!—уклончиво говоритъ она.—Развѣ мы поддержали, облагородили, возвысили другъ друга, какъ мечтали? Я, по крайней мѣрѣ, откровенно сознаюсь, что никогда въ жизни не дѣлала такъ мало добра и не давала волю такимъ нехристіанскимъ чувствамъ, какъ за послѣднее время.

— И вы во всемъ обвиняете меня?—кипя негодованіемъ, спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, это было бы несправедливо. Во многомъ виновата Мери. Но даже тутъ... если бы вы держались иного тона, болѣе снисходительнаго... проявляли бы меньше горечи и предубѣжденія... не подстрекали бы меня къ дальнѣйшей нетерпимости...

Она внезапно умолкаетъ: хорошо иногда поговорить съ другомъ по душѣ, но не надо же пересаливать! „Другъ“ падаетъ на стулъ, закрываетъ лицо руками и рыдаетъ!

Глаза Летиціи расширяются, какъ у испуганнаго ребенка, разбившаго китайскую вазу. Послѣ минутнаго колебанія, молодая дѣвушка подходитъ къ Рандэлю и дотрогивается до его плеча. Легкое прикосновеніе заставляетъ его моментально вскочить на ноги; онъ съ достоинствомъ глядитъ на нее,—минутная слабость исчезла.

— Вы, по обыкновенію, чистосердечны и, какъ всегда, прямо идете къ цѣли!—говоритъ онъ.—Мнѣ остается только поблагодарить васъ за три мѣсяца призрачной надежды на счастье...

Желанная свобода близка! Но имѣетъ ли Летиція право наказывать его за свою собственную опрометчивость?

— Вы не теряете ни минуты!—говоритъ она, въ отвѣтъ на его тираду.

— А вамъ желательно нѣкоторое промедленіе?

— Да. Вы ужъ очень торопитесь. Только потому, что я имѣла смѣлость найти, что наша помолвка не вполнѣ оправдала наши ожиданія, вы сразу выводите заключеніе, будто я отъ васъ отказываюсь!

— А вы не отказываетесь?

Ускоренное дыханіе и отрывистая рѣчь указываютъ на то, что въ его сердцѣ опять возродилась надежда,—и на молодую дѣвушку это производитъ, нужно сознаться, отталкивающее впечатлѣніе.

— Я хотѣла бы поступить по совѣсти!—говоритъ она, отходя къ окну.

Но Рандэль объясняетъ ея слова по своему и неожиданно снова заключаетъ ее въ свои объятія.

— Если это дѣло совѣсти, то я рѣшу его за васъ!—страстно шепчетъ онъ:—Раньше, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, вы обращались ко мнѣ...

Намекъ неудаченъ. Ей становится очевидна перемѣна, происшедшая въ ея чувствахъ; но и совершенно отречься отъ прошлаго она еще не считаетъ себя вправѣ.

— Я пришла къ заключенію,—говоритъ она, стараясь отстраниться отъ него, не оскорбляя въ то же время рѣзкимъ движеніемъ,—что продолжительныя помолвки всегда дѣйствуютъ на нервы. Я давно предлагала вамъ все сказать Джиму и повѣнчаться.

— Такъ вы укоряете меня въ томъ, что я еще не вполнѣ утратилъ чувство собственнаго достоинства?—онъ еще крѣпче обнимаетъ ее.

— Ни въ чемъ не укоряю (она отворачивается и, такимъ образомъ, избѣгаетъ поцѣлуя).—Но за послѣднее время мы имѣли другъ на друга нехорошее вліяніе. Мери служитъ живымъ доказательствомъ...—Тутъ Летиція чувствуетъ себя свободной отъ объятій.—Мы оба чувствовали къ ней антипатію... и подзадоривали другъ друга въ этомъ чувствѣ. Не знаю, кто изъ насъ былъ хуже. По этой причинѣ и по многимъ другимъ, я начала думать, что было бы лучше... для насъ обоихъ, разумѣется... если бы мы... если бы мы разстались на короткое время.

Ей кажется, что онъ слегка вздрогнулъ.

— Не надолго,—повторяетъ она, зондируя почву,—совсѣмъ не надолго... Почему бы мнѣ не съѣздить къ тетѣ въ Лондонъ?

Новая пауза. Съ его стороны ни звука.

— А когда я вернусь...

Онъ поворачивается къ ней лицомъ и направляетъ на нее цѣлую батарею взглядовъ—укоризненныхъ, грустныхъ, подозрительныхъ и гнѣвныхъ.

— А когда вы вернетесь?..

— Когда я вернусь... быть можетъ... вѣроятно, все обойдется.

Она вовсе не то хотѣла сказать.

— И вы хотите бросить меня здѣсь одного—бороться противъ вреднаго вліянія?

Она нервно смѣется.

— Вредныя вліянія? Здѣсь, въ нашей сонной долинѣ?

Лицо Рандэля омрачается.

— Въ писаніи сказано, что бѣсы вселяются внутрь людей, а не вліяютъ на нихъ извнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, они всюду будутъ съ нами!—отвѣчаетъ она съ неумолимой логикой.

XXI.

Вечеромъ этого дня, какъ уѣхала семья Кергуэтовъ, наступила въ домѣ поразительная, даже жуткая тишина. Звонкій голосъ хозяйки—и тотъ притихъ; если звать некого, что за охота кричать! Видъ трехъ приборовъ въ столовой вызываетъ слезы на глаза Мэри; на блестящее замѣчаніе Джима, что сегодняшнее число обѣдающихъ значительно разнится отъ вчерашняго—она отвѣчаетъ нервнымъ молчаніемъ, но героически высиживаетъ до конца обѣда,—уступка, которую она нѣсколько недѣль кряду дѣлаетъ мужу.

Послѣ обѣда она печально бродитъ по гостинной, задумчиво останавливаясь возлѣ кресла, на которомъ предпочтительно сиживалъ ея отецъ, читая газету, или прикасаясь къ костяному ножу, которымъ онъ разрѣзалъ новый журналъ.

Въ первый разъ въ сердцѣ Летиціи пробуждается искреннее сочувствіе къ нелюбимой невѣсткѣ.

— Какъ опустѣлъ домъ!—говоритъ она, дѣлая попытку выказать посильное участіе.

— Не правда ли?—съ живостью откликается Мери и, по обыкновенію, бросается на коверъ у ея ногъ.—Но...—подозрительно нахмурясь, добавляетъ она:—Вы, вѣрно, говорите это въ насмѣшку?

— Нисколько. Мнѣ сегодня очень скучно.

— Я боялась, что они надоѣдали вамъ шумомъ и возней! Дѣти иногда черезчуръ рѣзвились... Но они всѣ добрыя, славныя...

Между тѣмъ, христіанскія чувства миссъ Трентъ уже истощились.

— Да, если ихъ взять хорошенько въ руки,.. При надлежащей дисциплинѣ...—начинаетъ она возражать.

— Падлежащая дисциплина! Надлежащая чепуха!—выпаливаетъ обиженно Мери, вскакиваетъ и уходитъ къ себѣ.

Впродолженіи слѣдующихъ дней враждующія стороны до нѣкоторой степени, какъ будто, помышляютъ о примиреніи: оливковая вѣтвь то протягивается, то отвергается обѣими сторонами, но безъ излишней ядовитости. Мери положительно уже не такъ часто и настойчиво старается изводить золовку вульгарными оборотами рѣчи и развязностью манеръ, и только въ крайнихъ случаяхъ ехидно прохаживается насчетъ „высокопоставленныхъ“ друзей Трентовъ.

Можетъ быть (какъ знать?), непріязненныя чувства Летиціи къ врагу смягчаются по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ отвращеніе къ другу... Какъ бы то ни было, она съ облегченіемъ переводитъ духъ по мѣрѣ того, какъ лошади приближаются къ станціи (она ѣдетъ къ теткѣ въ Лондонъ), увеличивая разстояніе между нею и его объятіями.

Тѣмъ не менѣе, нравственныя цѣпи связываютъ ихъ. Какъ она (по справедливости) можетъ сбросить съ себя тягостные для нея теперь оковы? Какой отвѣтъ (по чести и совѣсти) могла она дать на его несносные вопросы?

— Что я сдѣлалъ? Чѣмъ я разнюсь отъ того человѣка, котораго вы поцѣловали? И какъ поцѣловали! Отдаваясь безъ завѣтно!!

Она содрогается при этомъ воспоминаніи... Да, онъ правъ.

Онъ говоритъ ужасную, унизительную, непоправимую истину! Затѣмъ онъ говорилъ еще:

— Кто такъ нуждается въ васъ, какъ я? Кто вообще нуждается въ васъ, если не я? Не Джимъ же! Не эта цыганка, канатная плясунья...

Но тутъ Летиція рѣшительно оборвала его.

— Замолчите! Довольно мы изощрялись въ этомъ направленіи.

Онъ, противъ всякаго ожиданія, сконфуженно сказалъ:

— Вы правы. Я теряю почву подъ ногами, теряю даже голову, когда вижу, что она вездѣ заняла ваше мѣсто, вытѣснила васъ... Не будемъ больше говорить о ней. Но дайте мнѣ отвѣтъ по чистой совѣсти: кто во всемъ свѣтѣ въ васъ

нуждается, кромѣ меня? О, еслибъ вы могли заглянуть въ мое сердце!..

Онъ, несомнѣнно, искрененъ! Онъ пропадаетъ безъ нея!

— Вернитесь скорѣе!!—молилъ онъ, прощаясь, когда она неохотно подставила ему щеку для поцѣлуя:—вы моя путеводительница, моя совѣсть, мое спасеніе!!

. . . . . .

И вотъ теперь его путеводительница, совѣсть и спасительница не помнитъ себя отъ радости, уѣзжая отъ него подальше.

Только добравшись до дома тетки въ Лондонѣ, постигаетъ невѣста Рандэля, до какой степени она рада своей временной свободѣ! Сколько недѣль кряду не придется ей слышать зловѣщей фразы: „Мистеръ Чэвнингъ въ гостинной, миссъ". Цѣлыми недѣлями, въ полной безопасности, можетъ она склонять голову надъ книгами: никто не застанетъ ее врасплохъ и не запечатлѣетъ на ея шеѣ горячій поцѣлуй; много дней пройдетъ,—и талію ея будетъ охватывать лишь поясъ, да развѣ ласковыя руки кузинъ, а на губы ея никто покушаться не будетъ!

Мудрая тетка встрѣчаетъ Летицію съ обычнымъ умѣреннымъ, но несомнѣннымъ радушіемъ и освѣдомляется, ладитъ ли племянница съ Мери, и не ждутъ ли молодые супруги потомства. Впрочемъ, на первый вопросъ она немедленно сама же и отвѣчаетъ.

— Но даже если вы и не сходитесь, это все равно. Ты скоро выйдешь замужъ, и дороги ваши пойдутъ врозь. Не выйдешь, пока онъ не получитъ прихода? А скоро это можетъ быть? Говорятъ, удивительный проповѣдникъ! Да, Мадлена (обращается она къ своей дочери): въ дамскомъ бѣлошвейномъ обществѣ мнѣ сказали, что батистовыхъ кофточекъ надо двѣ дюжины.

Мадлена, хорошенькая дѣвушка, выходитъ замужъ по любви за богатаго винодѣла одной изъ южно-американскихъ республикъ; мать шьетъ ей приданое, скрѣпя сердце отпуская дочь въ дальнюю сторону.

Отношенія Мадлены съ женихомъ, съ первыхъ же дней, приводятъ Летицію въ изумленіе: она не можетъ постичь, какъ можетъ дѣвушка постоянно желать остаться съ женихомъ съ глазу на глазъ и, для достиженія этой цѣли, совершать рядъ хитроумныхъ подвиговъ эгоизма, опрометчивости и нетерпѣнія? Это превышало всякое вѣроятіе, по мнѣнію разсудительной и .. нелюбящей своего жениха Летиціи! Мало того: всѣ прочіе члены семьи, словно сговорившись, оставляютъ влюбленныхъ наединѣ, обѣгаютъ гостинную, гдѣ онѣ сидятъ, точно зачумленную комнату! Летиціи это ка-

жется и противнымъ, и позорнымъ. По счастью, ей не придется испытывать ничего подобнаго на себѣ: она строго на строго запретила Рандэлю являться въ домъ тетки!

Но запрещенія не всегда выполняются. Разъ утромъ Летиція, съ вытянутой физіономіей, говоритъ теткѣ:

— Я получила отъ Рандэля извѣстіе, что онъ пріѣдетъ сегодня.

— Что-жъ, душа моя,—привѣтливо откликается тетка,— этого и слѣдовало ожидать. Дѣвочки мои отдохнутъ отъ занятій въ своей комнатѣ, mademoiselle съѣздитъ навѣстить родныхъ, а классная поступитъ въ твое распоряженіе.

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности! съ поспѣшнымъ негодованіемъ возражаетъ племянница: — Мы вовсе не стремимся сидѣть съ глазу на глазъ. То есть, я хочу сказать, что мы и дома достаточно часто видѣлись... Однимъ словомъ, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ не исключительно ради меня, а по приглашенію герцогини Свиндфордской. Она телеграммой проситъ его декламировать завтра у нея на вечерѣ. Должно быть, кто-нибудь изъ ея исполнителей заболѣлъ, и надо заполнить недостающій номеръ...

— Ахъ, хорошо, что ты напомнила! Вѣдь герцогиня и мнѣ навязала билеты. Какая обуза эти филантропическіе концерты! Итакъ, Рандэль участвуетъ?

— Да.

— Комическая, или драматическая декламація?

— Конечно, драматическая... Трагическая даже!

— Ну, слава Богу! Комическій жанръ способенъ усыпить слушателя пошлостью сюжетовъ. А драматическій хоть иногда насмѣшитъ.

Нельзя сказать, чтобы невѣста мистера Чэвнинга встрѣтила его съ распростертыми объятіями.

— Вы поступаете противъ уговора,—говоритъ она строго, протягивая ему руку.

Но онъ имѣетъ такой взволнованный видъ, что она продолжаетъ уже мягче.

— Вы въ тревогѣ? Участіе ваше въ концертѣ такъ внезапно... неожиданно...

— Вы хотите сказать, что меня вызвали, чтобъ замѣнить кого-нибудь? Но цѣль концерта настолько благородна, возвышенна...

— Да, да, разумѣется.

— Вы не сочувствуете моему участію въ вечерахъ... Я знаю... Но, всетаки, вы придете?..

Слѣдуетъ взрывъ страстныхъ увѣреній, что она его опора, его маякъ, его путеводная звѣзда и тому подобное.

Она соглашается быть на концертѣ; но словно ледяная

глыба ложится ей на сердце при мысли, что онъ такъ сильно въ ней нуждается.

Великосвѣтская лондонская публика падка на новинки; Чэвнингъ безусловно пожинаетъ лавры. Успѣхъ его обусловленъ, главнымъ образомъ, пикантнымъ контрастомъ между меланхолическимъ благородствомъ лица, бѣлизной выхоленныхъ рукъ, красотой жестовъ чтеца — и яростнымъ соціализмомъ стихотворенія: „Да, товарищъ“. Онъ, съ подмостковъ, брякнулъ свѣтскимъ красавицамъ и ихъ корректнымъ кавалерамъ, что они всѣ похожи на раззолоченные гробы, съ гнилью внутри! Какъ ново, какъ оригинально! И какой у него профиль! Какіе выразительные глаза! И маленькія ручки въ изящныхъ перчаткахъ апплодируютъ декламатору; и джентльмены находятъ его корректнымъ и талантливымъ.

— Какъ, по вашему, сошла моя декламація? — спрашиваетъ Чэвнингъ, когда на другой день является проститься съ невѣстой (кузины, къ крайней досадѣ Летиціи, поспѣшно разбѣгаются, при его приходѣ, во всѣ стороны).

Торжествующій тонъ Рандэля ужасно ей не нравится.

— Понравилась ли вамъ новая интонація, съ которой я сказалъ: „ты хорошая дѣвушка!“

— Успѣхъ вашъ былъ полный...

— Нѣкоторые изъ гостей герцогини просили меня повторить стихотвореніе въ ихъ домахъ, на благотворительныхъ концертахъ.

Глаза Летиціи выражаютъ неподдѣльный испугъ. Значитъ, онъ безпрестанно будетъ сновать взадъ и впередъ по салонамъ, повинуясь призыву модной филантропіи?!

— Не дѣлайте этого!—рѣзко говоритъ она.

— Почему?

— Я не желаю, чтобы вы изъ вдохновеннаго апостола превратились въ пошлаго салоннаго декламатора!

XXII.

Въ глазахъ миссъ Трентъ время проходитъ съ нежелательной быстротой: она оттягиваетъ свой отъѣздъ изъ Лондона до послѣдней возможности.

Рандэль больше ни разу не нарушалъ договора и не писалъ ей, такъ какъ она и этого просила не дѣлать. При ней раза два упоминали объ его участіи въ концертахъ и всегдашнихъ успѣхахъ...

Въ случайно попавшейся въ руки газетѣ, въ некрологѣ, она вычитала новость: съ мистеромъ Грентомъ, викаріемъ изъ Эпльтона, случился третій ударъ, унесшій его въ могилу.

Затѣмъ, по почтѣ она получила коротенькое письмо отъ Чэвнинга, писавшаго въ необычайномъ волненіи: онъ получилъ отъ нотаріуса извѣщеніе, что неизвѣстная старушка, недавно отошедшая въ лучшій міръ, завѣщала ему, Рандэлю, тридцать тысячъ фунтовъ, въ благодарность за пользу, которую принесли ея душѣ его проповѣди. Кромѣ того, Рандэль извѣстилъ свою невѣсту телеграммой, что ему предлагаютъ мѣсто въ модной церкви, въ Мейферѣ.

Летиція нервно мнетъ въ рукахъ телеграмму, и на губахъ ея играетъ сардоническая улыбка: 30,000 фунтовъ и приходъ въ Мейферѣ! Что больше послужило ему на пользу: краснорѣчивыя проповѣди, или салонная декламація?

Припоминая все это и стараясь разобраться въ своихъ собственныхъ ощущеніяхъ, подъѣзжаетъ Летиція къ воротамъ родного дома.

Въ памяти ея всплываетъ послѣднее возвращеніе сюда, послѣ свадьбы Джима: тогда на столбахъ развѣвались ленты, переплетались гирлянды, красовались транспаранты съ привѣтствіями новобрачнымъ; тогдашнее отвращеніе ея къ событію кажется ей теперь преувеличеннымъ... Неужели и ея бракосочетаніе будетъ такъ же чествоваться?..

Но что это? Или уже готовъ отвѣтъ на ея иронической вопросъ?.. Летиція протираетъ глаза... Надъ послѣдними воротами красуются гирлянды изъ осеннихъ цвѣтовъ, а надъ ними бѣлый транспарантъ съ ярко-красной надписью:

„Добро пожаловать домой!“

Она догадывается, что Кергуэты снова осчастливили Трентъ-Голль своимъ нашествіемъ... „Домой!“—вотъ ужъ до чего дошло дѣло. Довольно откровенно!

Въ прихожей прислуга сообщаетъ ей, что все общество въ саду; Летиція направляется туда.

Направо и налѣво клумбы; небо такое чистое, воздухъ такой мягкій; кругомъ тишь и благодать... Въ душу молодой дѣвушки нисходитъ миръ,—и легкое раздраженіе, причиненное надписью на транспарантѣ, исчезаетъ безслѣдно.

За живой изгородью, на крокетной площадкѣ, виднѣется все общество. Да, Кергуэты здѣсь. Визжитъ, вѣрно, Луи: Сибилла, по обыкновенію, донимаетъ его щипками... Присутствіе въ Трентъ-Голлѣ Кергуэтовъ далеко не такъ раздражаетъ Летицію, какъ она могла бы ожидать! Въ будущемъ вторженіе юной орды въ ея гостинную можетъ даже сослужить ей нѣкоторую службу!..

Дѣвочки первыя замѣчаютъ ея появленіе въ аллеѣ, бѣгутъ къ ней навстрѣчу и съ такой бурной нѣжностью кидаются на шею, что чуть не сшибаютъ ее съ ногъ Подо-

спѣвшій Лун галантно цѣлуетъ ей руку, а Фрэнкъ тянется губами къ ея щекѣ.

Тѣмъ временемъ приближается остальное общество. Мери покидаетъ руку мужчины въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ—только это не Джимъ! — чтобъ еще за нѣсколько шаговъ привѣтствовать ее рукой, а Джимъ весело говоритъ:

— Вотъ и ты, Летти!

Габріэль, молча, снимаетъ шляпу.

— Давно ли вы здѣсь? — спрашиваетъ Летиція у одной изъ льнущихъ къ ней дѣвочекъ.

— Мы пріѣхали ровно недѣлю назадъ.

— Недѣлю? Арка ваша замѣчательно сохранилась.

— Наша арка?—хоромъ повторяютъ юные Кергуэты.

— Да, арка изъ цвѣточныхъ гирляндъ, надъ воротами.

— Такъ это ваша арка!—кричитъ Сибилла, и хоръ подхватываетъ:—Мы воздвигли ее въ честь вашего возвращенія! Мери намъ велѣла!

— Мери?!

Такъ вотъ, къ кому относились слова: „Добро пожаловать домой!“

— Идея, въ сущности принадлежитъ не мнѣ, а Габріэлю!—застѣнчиво поясняетъ невѣстка.

Въ первую минуту Летиція растерянно глядитъ вокругъ; но, встрѣтивъ серьезный, умоляющій взглядъ Габріэля, повинуется великодушному порыву и горячо цѣлуетъ невѣстку. При этой неожиданной ласкѣ, обѣ теряются и, для отвода глазъ, обращаютъ усиленное вниманіе на двинувшуюся къ дому молодежь: тамъ, по обыкновенію, толкаются, дерутся, визжатъ; Летиція, добродушно смѣясь, затыкаетъ уши, будто оглушенная.

Наступило неожиданное перемиріе. Летиція не нарушаетъ его даже тогда, когда освѣдомляется о Лулу, дряхлой любимицѣ Мери, и узнаетъ, что собачонка покончила свою земную жизнь.

— Бѣдная! Жаль ее!—любезно говоритъ Летиція.

Она не сочла нужнымъ увѣдомить Рандэля о точномъ днѣ своего пріѣзда; собравшись въ гостиной, вся семья готовится ужъ идти обѣдать, когда Летиція обращается съ вопросомъ къ Мери:

— Будетъ... ждете вы кого-нибудь къ обѣду?

— Вы подразумѣваете Тэйлоровъ? Нѣтъ. У нея — мигрень. А мистеръ Тэйлоръ не хотѣлъ оставить ее одну.

— Полагаю, что Летиція подразумѣвала вовсе не Тэйлоровъ!—вмѣшивается догадливый Джимъ:—Ты хотѣла спросить, будетъ ли къ обѣду Чэвнингъ? Ты увѣдомила его, что пріѣдешь сегодня?

Летиція отрицательно качаетъ головой.

— Ну, такъ этимъ все и объясняется!—пожимаетъ плечами Джимъ.—То-то викарій сказалъ мнѣ, что сегодня Рандэль собирается въ Свиндфордъ... Я такъ удивился этому!

За обѣдомъ, среди общихъ оживленныхъ разговоровъ, Летиція находитъ нужнымъ спросить невѣстку:

— А какъ поживаетъ... миссъ Поппи Делафильдъ?

Всѣ, кромѣ Габріэля и Мери, отвѣчаютъ въ одинъ голосъ:

— Дѣлаетъ артистическое турнэ въ труппѣ Краулея. Онъ даетъ ей видныя роли. Теперь она играетъ въ Глазго, и театръ всегда полонъ. Рецензіи объ ней замѣчательныя... Мери всѣ ихъ вырѣзала изъ газетъ! Мы ихъ покажемъ вамъ!

— Ничего вы не покажете!—кричитъ Мери.—Никто, кромѣ насъ, рецензіями этими не интересуется.

— Напротивъ, мнѣ интересно прочесть ихъ!—говоритъ Мери своему сосѣду Габріэлю.

За весь вечеръ перемирію не угрожаетъ опасность.

— За послѣднюю недѣлю мы рѣдко видѣли Рандэля,—говоритъ Джимъ,—развѣ въ церкви, гдѣ онъ съ каѳедры высказалъ намъ нѣсколько горькихъ истинъ.—Джимъ добродушно смѣется. Странный онъ какой-то! Передъ этимъ каждый вечеръ торчалъ тутъ, не правда ли, Мери?

Вмѣсто отвѣта, Мери отворачивается къ отцу.

— Не правда ли, Мери?—съ неумѣстнымъ терпѣніемъ настаиваетъ Джимъ. Жена окидываетъ его недовольнымъ взглядомъ.

— Я не слыхала, о чемъ ты говорилъ.

Летиція въ недоумѣніи смотритъ то на Мери, то на Габріэля, повидимому, углубленнаго въ созерцаніе своей тарелки.

XXIII.

Когда попозже вечеромъ Габріэль присоединяется къ ней на садовой скамейкѣ, Летиція спрашиваетъ его:

— А гдѣ же мистеръ Кергуэтъ?

— Онъ ушелъ къ себѣ. Утомляется за день.

— Однако, видъ у него лучше, чѣмъ былъ на Пасхѣ. Я это ему сказала.

При этомъ сообщеніи, Габріэлю кажется, что Летиція воплощенный ангелъ.

Минуты двѣ они молчатъ; она разсѣянно смотритъ на лиліи, освѣщенныя луной; онъ откинулъ назадъ голову и задумчиво наблюдаетъ за звѣздами. .

— Не показалось ли вамъ... Не замѣтили ли вы... что Мери не долюбливаетъ Рандэля?—нерѣшительно спрашиваетъ вдругъ она.

— Почему пришло вамъ это въ голову? Но даже если и такъ, развѣ это можетъ повліять на ваше будущее?

Наступаетъ продолжительное молчаніе.

— Сегодня я въ такомъ настроеніи,—тихо говоритъ она,—что отношусь хорошо... почти ко всѣмъ!

— Почти?..—чуть слышно повторяетъ онъ.

Ей вдругъ страстно захотѣлось посвятить его во всѣ свои дѣла, впустить его въ свой внутренній міръ, и она медленно переводитъ на него свой задумчивый взглядъ.

— Прошу извинить меня за позднее посѣщеніе!—раздается вдругъ по близости голосъ.

Собесѣдники разомъ вздрагиваютъ: никто изъ нихъ не слыхалъ, какъ подкрался Рандэль... Но, взглянувъ на невѣсту, онъ и самъ пораженъ не меньше.

— Летиція!..

— Чему вы такъ удивились? За кого вы меня приняли? Не за привидѣніе-ли?—Отъ страха или волненія, голосъ ея дрожитъ.

— Я... я не зналъ, что вы вернулись... Вы не увѣдомили меня!

— За кого же, однако, вы меня приняли? Ахъ, вы, вѣрно, извинялись за позднее посѣщеніе передъ Мери?

Габріэль мысленно рѣшаетъ, что онъ лишній, встаетъ и уходитъ. Летиція тоскливо смотритъ ему вслѣдъ. „Начинается!"—думаетъ она, отодвигаясь въ уголъ скамейки и сваливая въ кучу возлѣ себя платки и плэды, принесенные услужливой камеристкой.

— Эта баррикада предназначается для меня?—съ нервнымъ смѣхомъ спрашиваетъ Рандэль.—Почему не воздвигли вы ея нѣсколькими минутами раньше?

Она выпрямляется, презрительнымъ молчаніемъ отвѣчая на его выходку.

— Я никому не навязываю своей близости!—обиженно продолжаетъ онъ.

— Я думала, вы здѣсь узнаете о днѣ моего пріѣзда...—примирительно начинаетъ она.

— Я ужъ съ недѣлю не переступалъ здѣшняго порога!—угрюмо заявляетъ онъ.—И зачѣмъ мнѣ здѣсь бывать?

Фраза Джима, что Рандэль въ первые дни послѣ ея отъѣзда неотлучно торчалъ здѣсь, припоминается Летиціи и окончательно сбиваетъ ее съ толку.

— Братъ говорилъ, что раньше вы здѣсь каждый день бывали...

Молодой священникъ сѣлъ, умышленно подчеркивая, что садится на самомъ концѣ скамьи.

— Должно быть, — неохотно поясняетъ онъ, — мы всѣ склонны возвращаться туда, гдѣ жили и умерли наши лучшія надежды... Но я уѣзжалъ.

— Да, я слышала. Вы ѣздили въ Свиндфордъ. Однако, судьба милостива къ вамъ. Подсчитаемъ итоги: Эпльтонъ...

— Эпльтона можете не считать. Имѣю теперь возможность не хоронить себя заживо.

— Вы отказались?

— Безусловно.

— А отъ Мейферскаго прихода не отказались?

— Къ чему же?

— Вотъ именно: къ чему!

Наступившее молчаніе нарушаетъ приближающійся говоръ и смѣхъ; на аллейкѣ показываются три женскихъ фигуры подъ ручку; въ средней можно узнать Мери.

— Габріэль! Ко мнѣ пріѣхали Флорри и Кэтти! Иди сюда! Ахъ, это вы (она узнаетъ Рандэля и мѣняетъ тонъ)? Издали я приняла васъ за брата.

Рандэль раскланивается. Мери, сухо отвѣтивъ на поклонъ, поворачивается спиной и уходитъ со своими подругами. Между тѣмъ, баррикада изъ платковъ дала тонъ свиданію: Рандэль, не дѣлаетъ попытокъ подвинуться къ невѣстѣ поближе.

Летиція, однако, замѣчаетъ, что онъ похудѣлъ, и глаза его пріобрѣли какое-то трагическое выраженіе .. „Какіе ужасные глаза!—думаетъ она:—Что особеннаго находятъ въ нихъ великосвѣтскія дамы?“

. . . . . .

Въ этомъ году сентябрь стоитъ исключительно прекрасный. Ни разу не приходится юнымъ Кергуэтамъ играть въ „звѣринецъ“ по корридорамъ, и гостинная Летиція не превращается въ разбойничью пещеру. Вообще, Летиціи находитъ, что дѣти Кергуэтъ менѣе зловредны, чѣмъ она думала раньше. Они ушибаются и наносятъ себѣ изъяны попрежнему, падаютъ съ лѣстницъ, дерутся и рвутъ на себѣ платья; но Габріэль умѣетъ справляться съ ними,—даже съ неугомонной Сибиллой.

Къ Мери пріѣхали погостить восемь дѣвицъ (изъ клуба балеринъ), и она веселится отъ души; въ весельи ея принимаютъ косвенное участіе и миссъ Смитъ, и миссъ Броунъ, и миссъ Деламотъ, и застѣнчивая миссисъ Ферфаксъ и впечатлительная миссисъ Тэйлоръ.

— Мери единственная убѣжденная радикалка, какую я

когда-либо встрѣчала! — съ удивленіемъ говоритъ Летиція Габріэлю.

— Она просто любитъ человѣчество, умытое и неумытое!—поясняетъ тотъ.

Что еще удивляетъ Летицію, такъ это странная манера невѣстки украдкой взглядывать на нее. Враждебнаго въ ея взглядѣ нѣтъ ничего, но какая-то новая, пытливая, недоумѣвающая тревога. Еслибъ Летиція могла подслушать отрывки разговора между братомъ и сестрой, она перестала бы удивляться.

— Тебя это, повидимому, сильно безпокоитъ?—отрывисто говоритъ Мери.

— А тебя?—рѣзко возражаетъ Габріэль.

— Не отпираюсь. Даже мучаетъ. Но что же толку? Ты думаешь, она начинаетъ догадываться?.. Подозрѣвать?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ.

— Она, вообще, не очень чутка. Я бы сейчасъ же все расчухала.

— Она такъ чиста и правдива сама, что всѣхъ судитъ по себѣ!

— Очень ли это ее огорчитъ?

— Огорчитъ ли?—онъ рѣзкимъ движеніемъ выдергиваетъ свою руку изъ-подъ руки сестры.—Человѣкъ, который, какъ она думаетъ, привязанъ къ ней всей душой... который на колѣняхъ долженъ бы цѣловать край ея платья и вѣкъ благодарить судьбу за незаслуженное счастье... И онъ.. онъ...

— Какъ ты ее любишь! — ревнивый вздохъ вырывается изъ груди Мери.—Однако, надо бы ее предупредить!

— Ты не намекала Джиму?

— Сохрани Боже! Зачѣмъ тревожить моего стараго медвѣдя!

— Я говорилъ тебѣ, что надѣлаетъ хлопотъ... этотъ господинъ!

— Развѣ я могла предполагать?

— Она, дѣйствительно, имѣетъ право благословлять нашу семью!—съ горечью говоритъ Габріель.—Что мы могли еще отнять у нея? Домъ, положеніе хозяйки, брата, а наконецъ...

Мери начинаетъ плакать.

— Если я отняла у нея брата, то она отплатила мнѣ тѣмъ же.

— Вздоръ болтаешь!

— Скажи, что ты меня обвиняешь! Скажи! — Мери съ мольбой смотритъ ему въ глаза.

— Я знаю, что злого умысла у тебя не было!—уже ласково успокаиваетъ онъ сестру.—Докажи это... Предупреди ее!

— Ни за что! Лучше убей меня! Мы съ ней... все время

были врагами... Я не могу! Тебѣ, вотъ, другое дѣло... Тебя она не ненавидитъ... напротивъ!

— Въ умѣ ли ты? Она заподозритъ меня въ клеветѣ изъ личныхъ выгодъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ пусть будетъ, что будетъ! Не она первая, не она послѣдняя!

XXIV.

Чэвнингъ не имѣетъ возможности такъ усидчиво ухаживать за своей невѣстой, какъ прежде, и не удручаетъ ея больше своими ласками и объясненіями. Можетъ быть, баррикада изъ платковъ отчасти умѣрила его пылъ; но, кромѣ того, у него много оказалось заботъ и хлопотъ по поводу перехода на другое мѣсто и возни съ процессомъ: родственники старушки, завѣщавшей ему въ видѣ платы за духовную пищу матеріальное благосостояніе, не желаютъ добровольно отказаться отъ наслѣдства. Повѣренный Чэвнинга обнадеживаетъ своего кліента (и впослѣдствіи оказывается правымъ), — но хлопотъ и поѣздокъ въ Лондонъ всетаки не оберешься.

Кромѣ того, что они рѣдко видятся, Летиція замѣчаетъ, что Рандэль сталъ какъ-то холоднѣе обращаться съ нею, и приписываетъ это своей неотзывчивой натурѣ и его оскорбленному самолюбію. Въ душѣ она рада и, разумѣется, ничуть не стремится измѣнить такое положеніе вещей. На лицѣ Рандэля ясно видны признаки душевной борьбы: говоритъ онъ нервно, отрывисто, часто впадаетъ въ глубокую задумчивость.

Разъ вечеромъ Летиція возвращается отъ Тэйлоровъ; Габріэль сопровождаетъ ее.

— Что это за парочка бесѣдуетъ у калитки?—спрашиваетъ она, всматриваясь въ сумерки.—Ахъ, да это Рандэль! А съ нимъ Мери... Она насмѣшливо хохочетъ... Кажется, они опять ссорятся. Что имъ за охота, право? Пройдемте лучше другой дорогой... Скучно разбирать ссоры!..

Габріэль съ трепетомъ глядитъ на нее. Неужели до сихъ поръ эти прозрачные, какъ горный хрусталь, глаза не прочли на блѣдномъ лицѣ молодого священника роковую тайну?

— Любопытствовали ли вы когда-нибудь, изъ-за чего они ссорятся?—робко освѣдомляется онъ.

Но не успѣваетъ Летиція раскрыть ротъ, чтобы заявить, что причина ссоры весьма умѣренно интересуетъ ее, какъ ее подхватываютъ сзади сильныя руки, приподнимаютъ дюйма на два отъ земли и опять ставятъ на ноги.

— Мюріэль держала со мной пари, что я васъ не подниму... А? Что взяла?—хвастается Сибилла, запыхавшись отъ быстраго бѣга.—Удивительно трудно! Она легка, какъ перышко!

Летиція журитъ дѣвочку и вмѣстѣ смѣется... Случай открыть ей глаза опять упущенъ! Габріэль поворачиваетъ назадъ и идетъ навстрѣчу сестрѣ.

— Онъ выслѣдилъ меня въ деревнѣ! Принудилъ выслушать его... умолялъ... Просилъ прощенія... Ну, ужъ и отдѣлала-жъ я его! Всю жизнь помнить будетъ!—разсказываетъ Мери брату, задыхаясь отъ волненія и сжимая кулаки.—Видѣла она? Все поняла? Нѣтъ?! Можно ли быть такой тупоголовой! И ты опять промолчалъ? Не раскрылъ ей глаза? Ахъ, Гэбби! Что же намъ дѣлать?!

Напрасно Габріэль ищетъ второго удобнаго случая. Летиція сидитъ со всѣми въ гостинной и безмятежно шьетъ; въ 11 часовъ складываетъ работу и уходитъ къ себѣ.

Въ прихожей слуга подаетъ ей объемистый пакетъ, принесенный посыльнымъ. Если бы Габріэль зналъ, что пакетъ этотъ навсегда освободитъ его отъ необходимости искать „случая"—онъ лучше спалъ бы въ эту ночь.

. . . . . .

Летиція не торопится распечатать пакетъ. Узнавъ почеркъ на адресѣ, она не ждетъ ничего интереснаго и умышленно затягиваетъ процедуру раздѣванья; наконецъ, беретъ пакетъ и ломаетъ печать, безцѣльно соображая, почему онъ запечатанъ сургучемъ, и почему такъ толстъ.

Отвѣтъ не заставляетъ себя ждать: изъ конверта сыплются записки и письма, писанныя ея собственной рукой...

И вдругъ она все поняла... Поняла, что это знакъ разрыва!

Она беретъ два листка, исписанные рукою Рандэля, и начинаетъ ихъ читать:

„Хотя я и утратилъ право на ваше чувство, но и теперь еще испытываю боль при мысли, что возвращеніе вашихъ немногочисленныхъ писемъ наполнитъ душу вашу облегченіемъ и радостью, по связанному съ этимъ поступкомъ смыслу! Да, вы свободны. Я обязанъ вернуть вамъ ваше слово назадъ. Вы никогда меня не любили, даже тогда, когда добровольно подставили мнѣ ваши уста для поцѣлуя... Вы обманули и себя, и меня. Если бы вы меня любили, все случилось бы, вѣроятно, иначе. Я могъ бы выйти изъ борьбы побѣдителемъ, а не потерпѣть, какъ теперь, полное, позорное пораженіе."

Летиція въ толкъ не можетъ взять: что все это значитъ? О чемъ онъ пишетъ? Не съ ума ли сошелъ? Она снова подхватываетъ листокъ, который, въ своемъ замѣшательствѣ, чуть было не уронила и углубляется въ чтеніе.

„Я поддался искушенію, овладѣвшему мной съ той минуты, какъ впервые ее увидѣлъ...“

Наконецъ-то, повязка падаетъ съ глазъ Летиціи! Это Мери!!.. Она поспѣшно читаетъ дальше:

„Нѣсколько недѣль назадъ, покинутый вами, Богомъ и подстрекаемый сидящимъ во мнѣ дьяволомъ, я обезумѣлъ, заговорилъ... Зналъ, что она меня терпѣть не можетъ, и все-таки заговорилъ... Мнѣ нѣтъ ни извиненія, ни оправданія...“

Послѣднія строки написаны крайне неразборчиво; она съ трудомъ читаетъ:

„Каждый день послѣ вашего возвращенія я ждалъ, что вы спросите меня по поводу происшедшей во мнѣ перемѣны, которая (я въ этомъ убѣжденъ) была очевидна для всѣхъ, кромѣ васъ. Но вы,—холодная, чистая, лишенная воображенія, не склонная къ подозрѣніямъ, мало наблюдательная,—вы ничего не замѣтили. Такъ узнайте же все теперь!“

Нѣкоторое время въ головѣ молодой дѣвушки царитъ полный хаосъ. Затѣмъ, постепенно, сознаніе ея озаряется ослѣпительнымъ свѣтомъ. Какъ она была слѣпа! Мери!! Одинъ за другимъ, всплываютъ въ ея памяти указанія, намеки, взгляды, интонаціи, жесты, слова... Мери!! Только ея, Летиціи, несообразительность, да мало развитой инстинктъ, могли держать ее въ заблужденіи! Тайное безпокойство, сквозившее въ пытливыхъ взглядахъ невѣстки, очевидное желаніе Габріэля о чемъ-то предупредить ее,—теперь ей все понятно!

Она съ трудомъ поднимается со стула, тушитъ электричество и ложится. Мысли ея начинаютъ работать въ иномъ направленіи. Почему не чувствуетъ она никакой злобы къ Мери? Принимая во вниманіе, что всякая пустяшная обида со стороны невѣстки, бывало, оскорбляла ее, — почему теперь, когда та причинила ей непоправимое зло, Летиція не испытываетъ по отношенію къ ней ни малѣйшаго враждебнаго чувства?

Вѣроятно, въ концѣ концовъ, категорическій и ясный отвѣтъ найденъ, потому что на зарѣ Летиція засыпаетъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ...

. . . . . .

Въ первый разъ въ жизни Летиція опаздываетъ къ завтраку: камеристка застала свою барышню почивающей такимъ сладкимъ сномъ, что у нея не хватило духу ее разбудить.

Когда же, наконецъ, миссъ Трентъ спускается внизъ, она находитъ всю семью Кергуэтовъ и Джима уже собравшимися въ столовой.

Маленькій Фрэнкъ, завидя ее, кричитъ:

— Почтальонъ сказалъ, что Рандэль уѣхалъ! Когда же онъ вернется?

Летиція уголкомъ глаза видитъ, что двое изъ присутствующихъ явственно вздрагиваютъ. Но она ласково кладетъ руку на голову мальчика и, спокойно глядя то на Габріэля, то на Мери, просто говоритъ:

— Думаю, что никогда!

КОНЕЦЪ.

СТАРЫЙ ГОРОДЪ.

Люблю тебя, о Новгородъ Великій,
Люблю твой грустный видъ:
Твой кремль, поросшій павиликой,
О многомъ говоритъ!
Вечерній часъ. Луна плыветъ надъ садомъ.
Я у твоей стѣны...
Въ душѣ моей тѣснятся длиннымъ рядомъ
Преданья старины.
Мнѣ чудится, что воины на башняхъ
Досель еще стоятъ
И смотрятъ въ даль, а тамъ, вдали, на пашняхъ
Костры враговъ горятъ!
Мнѣ чудится, что твой народъ на вѣче
Сбирается опять,
Готовый умереть въ кровавой сѣчѣ, —
За волю жизнь отдать!
Но тихо все... И только мутно-бѣлый,
Въ разливѣ вешнихъ водъ,
Твой Волховъ, словно конь оторопѣлый,
Весь въ пѣнѣ, льды несетъ.
Ты спишь спокойно, всѣми позабытый,
Надъ мутною рѣкой,
Какъ остовъ корабля, въ волнахъ разбитый,
О милый городъ мой!

Леонидъ Б.

Эпоха великихъ реформъ въ Японіи *).

Быстрый и шумный выходъ Японіи на арену всемірной исторіи, совершенный ею за послѣднее полстолѣтіе, привлекаетъ къ ней вниманіе всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь интересуется жизнью современнаго человѣчества. Особенно любопытнымъ является тотъ сравнительно очень короткій періодъ ея исторіи, во время котораго Японія перешла изъ области феодально-крѣпостныхъ отношеній въ область правового режима современныхъ конституціонныхъ государствъ. Что выиграла Японія отъ этого перехода? Какъ дорого обошлась ей ломка и замѣна стараго порядка другимъ? Что толкнуло ее на путь быстрыхъ и коренныхъ реформъ? Откуда она взяла силы на такую огромную общественную работу? Кто были творцами этой новой Японіи? Какіе историческіе процессы сформировали ихъ и подготовили почву, которую они такъ глубоко вскопали за короткій періодъ реформъ? Какъ переплетались въ этой сложной борьбѣ соціальныхъ силъ активное начало человѣческаго разума и слѣпыя, но властныя тенденціи стихійныхъ историческихъ теченій? Какъ формовались идеи и убѣжденія самихъ реформаторовъ новой Японіи въ процессѣ этихъ реформъ? — Вотъ тѣ вопросы, которые невольно напрашиваются, когда подходишь къ матеріаламъ по исторіи Японіи. А матеріалы эти въ западной литературѣ, чуткой къ запросамъ минуты, растутъ очень быстро. Опираясь на нѣкоторыя изъ вновь появившихся работъ въ этой области, мы и постараемся набросать здѣсь картину только что минувшей эпохи реформъ въ Японіи, имѣя въ виду по возможности освѣтить хотя бы часть выдвинутыхъ вопросовъ.

I.

Что представляло японское общество и государство къ серединѣ XIX столѣтія, когда началась быстрая смѣна однѣхъ

*) *Brinkley*, «Japan; its History, Arts and Literature» 8 томовъ, London, 1903—1904. — *Maurice Courant*, «Okubo», Paris 1904 г. (изъ серіи Ministres et Hommes d'état).—*David Murray*, «The Story of Japan», 5-е, изд. London. 1904 (War edition). — *O. Eltzbacher*, «How Japan reformed herself», «The Nineteenth century and after», Іюль 1904.

государственныхъ формъ на другія? Намъ все равно, съ чего начинать свою характеристику, — съ верхушки ли общественной пирамиды или съ ея основанія. Начнемъ хотя бы съ верхушки...

Японія съ самой отдаленной исторической эпохи и до настоящаго времени была имперіей. Но имперіей совершенно своеобразной: за исключеніемъ короткихъ и немногочисленныхъ моментовъ, когда на престолѣ оказывались личности, особенно даровитыя и энергичныя, Японія не знала абсолютной монархической власти. Источникъ власти—императоръ, сынъ боговъ, предметъ поклоненія и божескихъ почестей на землѣ среди своихъ подданныхъ, — но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ правителемъ имперіи, не былъ въ состояніи проводить свою волю въ жизнь народа, налагать отпечатокъ своихъ воззрѣній на ходъ государственной работы. Реальная власть была отдѣлена отъ него. Почти на всемъ протяженіи японской исторіи мы встрѣчаемъ постоянную узурпацію верховныхъ прерогативъ императора лицами и группами, не имѣющими на это прямого права, постоянное игнорированіе правъ императора на реальную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное преклоненіе передъ божественнымъ происхожденіемъ императора, цѣлый культъ особы императора. Всѣ исполнительныя функціи въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ вѣковъ всецѣло находились въ рукахъ генералиссимуса японской арміи— шогуна. Шогунъ пользовался административной и законодательной властью во всей ихъ полнотѣ, совершенно не считаясь съ личностью императора. Онъ являлся фактическимъ правителемъ страны, за благосостояніе и спокойствіе которой и былъ отвѣтственнымъ лицомъ. Ни одно распоряженіе императора не могло стать закономъ до тѣхъ поръ, пока оно не было скрѣплено подписью одного изъ чиновниковъ шогуна,—таковъ былъ обычный порядокъ отношеній между императоромъ и его народомъ.

Права шогуна были наслѣдственными, и родъ, захватившій ихъ въ свои руки, нелегко уступалъ ихъ другому, столь же честолюбивому и сильному роду. Такія смѣны въ исторіи Японіи бывали не часто. Шогунатъ почти все время принадлежалъ наиболѣе аристократическимъ родамъ Японіи. Одни изъ нихъ вели свое происхожденіе непосредственно отъ боговъ, другіе находились въ ближайшемъ родствѣ съ императорской фамиліей.

Но фактическій правитель—шогунъ—такъ же рѣдко проявлялъ въ жизни японскаго народа свою личность и свою волю, какъ и фиктивный представитель власти—императоръ. Окруженный пышнымъ дворомъ, совѣтниками и министрами, должности которыхъ въ большинствѣ случаевъ были также наслѣдственными, шогунъ слишкомъ мало соприкасался не съ жизнью, чтобы играть въ ней какую нибудь активную роль. Фактическая власть посредственно оказывалась въ рукахъ у той многочисленной бюрократіи, которая окру-

жала дворъ шогуна, а организація управленія представляла *наслѣдственно-аристократическую бюрократію.*

Подобная организація власти, существовавшая въ теченіе ряда вѣковъ, должна была глубоко внѣдрить въ умѣ народа идею объ отдѣленіи отъ императорской власти всѣхъ ея административныхъ и законодательныхъ функцій или, по крайней мѣрѣ, значительной ихъ части и о передачѣ этихъ функцій другимъ, только номинально зависящимъ отъ него учрежденіямъ. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно въ извѣстной степени поможетъ намъ разобраться въ томъ сложномъ клубкѣ фактовъ, который представляетъ эпоха великихъ реформъ Японіи.

Послѣдній родъ, которому принадлежала власть шогуната, былъ родъ Токугава, который и далъ свое имя цѣлому періоду, заключительному для исторіи феодализма въ Японіи.

Тронъ и въ эпоху Токугава, какъ и всегда, былъ непосредственно окруженъ наслѣдственной знатью, самую верхушку которой занимали четыре княжескихъ семьи, которымъ принадлежала исключительная привилегія наслѣдовать престолъ въ случаѣ, если отъ императора не останется наслѣдниковъ по прямой нисходящей линіи. За ними стояли роды, которымъ въ наслѣдственное обладаніе были переданы права занимать тѣ или другія высокія придворныя должности: такъ, напримѣръ, регентъ на время малолѣтства императора назначался всегда изъ одного рода, государственный канцлеръ—изъ другого и т. д. Но въ сущности, всѣ эти придворныя должности, не смотря на весь ихъ блескъ, были столь же фиктивны, какъ и положеніе императора, такъ какъ фактическая власть принадлежала шогуну и тѣмъ родамъ, которые составляли его дворъ.

Финансовое положеніе двора и самого микадо въ это время было очень тяжелымъ. Бюджетъ императорскаго двора не превышалъ 300.000 рубл. въ годъ, въ дополненіе къ которымъ шогунъ ежегодно же ассигновывалъ сумму отъ 350.000 до 450.000 рубл., кромѣ случайныхъ небольшихъ добавокъ по поводу какихъ-нибудь экстраординарныхъ событій. Годовой доходъ придворной знати считался въ 700.000 рубл. Дѣло доходило до того, что многіе изъ придворныхъ должны были поддерживать свое существованіе разнымъ мелкимъ заработкомъ ремесленнаго характера: разрисовывать игральныя карты, дѣлать зонтики, зубочистки и т. п. Самъ императоръ очень часто нуждался въ небольшихъ суммахъ на самыя неотступныя нужды. Бывали случаи, напримѣръ, когда тѣло императора оставалось не похороненнымъ по нѣскольку недѣль только потому, что у двора не имѣлось необходимой суммы для выполненія всѣхъ погребальныхъ обрядовъ.

Микадо жилъ, окруженный, главнымъ образомъ, женщинами, на которыхъ были возложены всѣ заботы о повседневномъ обиходѣ жизни императора. Доступъ во дворецъ былъ обставленъ неимовѣрными затрудненіями. Но этого мало. Для того, чтобы святилище,

обитаемое этимъ земнымъ богомъ, было какъ можно дальше отъ всѣхъ земныхъ интересовъ, выходъ изъ дворца для придворныхъ дамъ былъ обставленъ цѣлымъ рядомъ затрудненій; выѣздъ же къ себѣ, на родину, имъ разрѣшался не болѣе трехъ разъ въ годъ, причемъ онѣ обязывались клятвой ничего не разсказывать о придворной жизни.

Дворъ шогуна съ внѣшней стороны во многихъ отношеніяхъ являлся копіей императорскаго двора. Но здѣсь сосредоточивались и дѣйствительная политическая сила, и дѣйствительныя богатства. Феодалы, находившіеся при дворѣ шогуна, занимали всѣ крупные административные посты и, въ большинствѣ случаевъ, какъ мы уже говорили, закрѣпили ихъ въ качествѣ наслѣдственныхъ привилегій за своими родами. Такимъ образомъ, было обезпечено въ значительной степени ихъ вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ и богатая знать. Такъ, 255 феодаловъ, находившихся среди придворныхъ шогуна имѣли ежегоднаго дохода отъ 60.000 до 1.000.000 рубл.; у четырнадцати ежегодный доходъ колебался отъ одного до двухъ милліоновъ рублей; у пятнадцати отъ двухъ до шести милліоновъ. Доходы самого шогуна далеко превосходили даже эти огромныя суммы: въ сороковыхъ годахъ XIX ст. они достигали до 20.000.000 рубл. въ годъ.

Правда, далеко не всѣ эти суммы составляли частную собственность шогуна и феодаловъ его двора. Имъ приходилось тратить значительныя средства на военныя нужды государства и на администрацію своихъ леновъ. Такъ, самый захудалый феодальный князекъ долженъ былъ выставить, въ случаѣ войны, отрядъ въ 27 человѣкъ разнаго рода оружія, а на обязанности барона, получавшаго ежегодно доходъ въ 600.000 рубл., было въ любой моментъ явиться съ отрядомъ въ 750 человѣкъ, вооруженныхъ за его счетъ. Но и на долю самихъ феодаловъ оставались все же очень крупныя суммы, тѣмъ болѣе что указанные доходы представляли въ то время въ Японіи бо́льшую цѣнность, чѣмъ это выходило бы по европейскому масштабу. Вотъ почему дворъ шогуна могъ тратить большія суммы на то, чтобы обставить свое существованіе роскошью и блескомъ. И онъ, дѣйствительно, тратилъ на себя огромныя средства. Дворецъ, въ которомъ живетъ въ настоящее время японскій императоръ, не стоитъ и трети той суммы, которая потребовалась бы для того, чтобы возстановить одинъ флигель того замка, гдѣ въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія жилъ шогунъ. Шогуну было легко пополнять недостающія ему средства. Такъ, при постройкѣ названнаго замка онъ обложилъ феодаловъ, обладавшихъ ежегоднымъ доходомъ свыше тысячи рубл., добавочнымъ принудительнымъ сборомъ: эта контрибуція дала ему около десяти милліоновъ руб.; кромѣ того, почти пять милліоновъ руб. было собрано феодалами и духовенствомъ добровольно, не считая подарковъ строительными матеріалами. Такимъ образомъ, шогунъ

являлся большой финансовой силой, въ распоряженіе которой легко стекались денежныя средства страны.

Какъ же сорганизована была эта «фамильная бюрократія» шогуната къ началу реформаціоннаго движенія?

Кабинетъ шогуна состоялъ изъ премьера и пяти министровъ или «старшихъ совѣтниковъ»; кромѣ того, былъ совѣтъ шести «младшихъ совѣтниковъ». Между этими-то лицами и были раздѣлены всѣ важнѣйшія административныя функціи. Отвѣтственны они были только передъ шогуномъ и многія изъ крупныхъ должностей сохраняли въ своихъ родахъ, какъ наслѣдственную привилегію.

Въ провинціи, на мѣстахъ, были двѣ категоріи крупныхъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ шогуна или отъ мѣстныхъ феодальныхъ князей: въ городскихъ округахъ—*bugyo*, въ деревенскихъ—*daikwan*. Первые были старшими гражданскими чинами: имъ принадлежало право ревизіи мѣстныхъ учрежденій, и они же представляли одну изъ высшихъ инстанцій мѣстнаго суда. Дайкваны должны были близко стоять къ народу. Они являлись, по схемѣ административнаго механизма, какъ бы попечителями и защитниками народныхъ интересовъ. Податное управленіе, продовольственное дѣло, земельныя мелиораціи и другіе вопросы, касающіеся сельско-хозяйственнаго производства—все это входило въ сферу ихъ компетенціи. Кромѣ того, административныя права ихъ перепутывались съ судебными, увеличивая ихъ власть и усиливая ихъ опеку надъ народомъ. А опека эта, въ силу установившихся къ началу революціи обычаевъ и законовъ, была крайне назойливой и тяжелой. Государство самымъ невоздержнымъ образомъ позволяло себѣ вмѣшиваться въ частную жизнь своихъ гражданъ. Достаточно вспомнить хотя бы законы, изданные противъ роскоши. Такъ, напримѣръ, крестьянамъ воспрещено было употреблять на одежду какую бы то ни было иную матерію, кромѣ хлопчато-бумажной. Въ 1685 г. имъ запрещено было имѣть дома всякую дорогую посуду и утварь. Въ 1668 г. было предписано употреблять въ пищу поменьше рису и побольше другого, болѣе дешеваго хлѣба; дома имъ позволялось ставить лишь извѣстныхъ размѣровъ; позднѣе закономъ указывалось, въ какомъ размѣрѣ различными общественными классами должна употребляться рисовая водка, даны точныя указанія относительно обыденнаго меню и т. д. Правда, всѣ эти запрещенія часто носили характеръ обязательный для всего общества, но главною тяжестью, конечно, они обрушивались на низшіе классы. Вотъ почему сравнительно нерѣдки были случаи недовольства народа своими дайкванами.

Были на мѣстахъ и еще органы надзора и суда: это—такъ называемое «цензоры» (metsuke). Главный metsuke съ тремя bugyo и однимъ или нѣсколькими совѣтниками образовали высшее судебное учрежденіе. Подобно тому, какъ всѣ крупныя должности въ

верху правительственнаго механизма являлись наслѣдственнымъ достояніемъ выдающихся феодаловъ, такъ и низшія провинціальныя должности раздавались неизмѣнно только тѣмъ лицамъ, которыя близко стояли или къ семьямъ феодаловъ, или къ самому шогуну.

Вся эта организація фамильной бюрократіи и этикетъ двора шогуна далеко оттирали шогуна отъ народа и отъ живой жизни. Ему приходилось смотрѣть на все глазами людей, его окружавшихъ и подѣлившихъ между собой административную власть. Однако, въ рукахъ шогуна было одно средство, при помощи котораго онъ могъ при желаніи заглянуть въ современную ему дѣйствительность и черезъ головы окружающей его феодальной знати. Средствомъ этимъ являлся ящикъ петицій, поставленный на мѣстѣ, для всѣхъ доступномъ. Сюда всякій желающій могъ опустить свое обращеніе къ шогуну. Цѣлый рядъ предосторожностей былъ выработанъ для того, чтобы ничто не пропадало изъ содержимаго ящика. Для тайнаго разслѣдованія дѣлъ, возбуждаемыхъ петиціями и жалобами, при дворѣ шогуна имѣлась особая организація. Благодаря этому, въ обществѣ широко установилась привычка обращаться по многимъ вопросамъ непосредственно къ высшей фактической власти съ увѣренностью въ томъ, что эти обращенія не будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Эта система петицій, какъ мы увидимъ ниже, сыграла выдающуюся роль въ послѣдней эпохѣ реформъ: она отстранила отъ японскаго народа цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и освободила исторію Японіи отъ цѣлаго ряда мрачныхъ, кровавыхъ страницъ.

Но вліяніе центральной власти на мѣстную жизнь подвергалось большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ того, насколько крѣпкую и сильную историческую фигуру представлялъ самъ шогунъ. Захвативъ административную власть при дворѣ шогуна въ видѣ организаціи фамильной бюрократіи, феодалы, само собою разумѣется, не проявляли особенной склонности ограничивать свои права въ своихъ ленныхъ отношеніяхъ. И очень долгое время они оставались полновластными хозяевами своихъ владѣній, сохраняя за собой здѣсь чуть ли не всѣ суверенныя права: и въ финансовой, и въ судебной области во взаимныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Отношеніе къ шогуну исчерпывалось обязанностью доставлять по его требованію извѣстное количество вооруженныхъ людей. Но счастье центральной власти и горе народа заключалось въ томъ, что эти самостоятельные князьки вели другъ съ другомъ нескончаемыя войны, разоряя своихъ подданныхъ и ослабляя другъ друга. Время отъ времени въ раздоры ихъ вмѣшивался шогунатъ и производилъ коренныя перетасовки въ распредѣленіи леновъ: совсѣмъ лишалъ феодальныхъ правъ, переводилъ на новые лены, сокращалъ или увеличивалъ границы владѣній, создавалъ новые роды владѣтельныхъ князей, заставлялъ отрекаться отъ своихъ правъ въ пользу тѣхъ или другихъ наслѣдниковъ и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ междоусобныхъ распряхъ; подчеркнемъ только, что случаи отреченія отъ сюзеренныхъ правъ подъ давленіемъ ли внѣшнихъ обстоятельствъ, по сознанію ли личной непригодности и неприспособленности къ данному моменту, добровольно и насильственно—очень часто попадаются на страницахъ японской исторіи, и не только въ исторіи феодальныхъ князьковъ, но и въ исторіи шогуната и императорской власти. Съ этимъ пріемомъ прекращенія общественной сумятицы японскій народъ вполнѣ сжился и видѣлъ въ немъ удобную форму для предотвращенія всякаго рода гражданскихъ раздоровъ. На эту особенность японской государственной мысли мы опять-таки обращаемъ вниманіе, такъ какъ и ей пришлось сыграть извѣстную роль въ теченіе послѣдней японской революціи.

Столкновенія между шогуномъ и феодалами въ конечномъ результатѣ привели къ нѣкоторому усиленію власти шогуната. Права феодальныхъ князей были значительно ограничены, и ихъ значеніе въ государственномъ механизмѣ ослаблено. Такъ, ихъ обязали испрашивать разрѣшеніи шогуна всякій разъ, когда имъ надо было вступать въ бракъ, возводить новый замокъ, построить большой корабль, приступить къ военнымъ приготовленіямъ, основать новый храмъ. Имъ запрещено было переходить отъ одного феодальнаго князя къ другому, что такъ часто дѣлали мелкіе феодальные владѣльцы. Ихъ обязали проводить черезъ годъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Іеддо, столицѣ шогуна; они должны были оставлять здѣсь навсегда своихъ сыновей заложниками въ знакъ своей вѣрности. Но, не смотря на все это, феодальные бароны и князья въ періодъ, предшествующій реформамъ второй половины девятнадцатаго столѣтія, представляли большую экономическую и административную, силу.

Политическая сила всѣхъ этихъ феодальныхъ князьковъ и бароновъ (daimyo, hatamoto, kanin,—какъ назывались они, смотря по размѣрамъ своихъ леновъ и богатствъ) опиралась, главнымъ образомъ, если не исключительно, на самураевъ,—японское дворянство.

Японское дворянство тѣсно связано съ ростомъ и развитіемъ военнаго дѣла въ Японіи въ началѣ среднихъ вѣковъ. Раньше военный классъ не былъ отдѣленъ отъ народа. Солдатами были всѣ; право носить оружіе не было наслѣдственнымъ; военное занятіе опредѣлялось исключительно лишь физической пригодностью лица къ этому дѣлу; третья часть всѣхъ способныхъ носить оружіе составляла армію. Оружіе было собственностью государства; оно хранилось въ его арсеналахъ.

Первымъ шагомъ къ выдѣленію военнаго класса былъ захватъ разными родами различныхъ оффиціальныхъ постовъ, причемъ на долю нѣкоторыхъ феодальныхъ семействъ пришлись военныя должности, которыя они стали сохранять въ своихъ родахъ, какъ на-

слѣдственную привилегію. Такимъ образомъ сложилось ядро военнаго класса, на которомъ лежала обязанность отражать нападенія чужеземцевъ, охранять порядокъ въ столицахъ и большихъ городахъ, подавлять возстанія... Все это стало требовать людей, которые бы спеціально посвятили себя военному дѣлу, стали солдатами по профессіи. Появившіеся такимъ образомъ дружинники подражали во всемъ, и во взглядахъ, и въ привычкахъ, тѣмъ знатнымъ феодаламъ, которые стояли во главѣ всей военной организаціи. Они стали выдѣляться понемногу изъ толпы, передавать и занятія свои, и привычки по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Они,—эти солдаты по происхожденію,—уже окончательно оторвались отъ народа, получая все нужное для существованія отъ своихъ князей и бароновъ. Естественно, что такое положеніе самураевъ заставляло ихъ стоять на стражѣ интересовъ родовой аристократіи, которая въ то же время являлась и денежной аристократіей. Это взаимное довѣріе и взаимная поддержка самураевъ и владѣтельныхъ князей обусловила и благосклонное отношеніе законодательства и администраціи къ этому новому военному классу. Законъ обезпечилъ за ними исключительное право на ношеніе оружія, далъ имъ цѣлый рядъ административныхъ и соціальныхъ преимуществъ. Но, при всемъ томъ, дворянство японское все-таки являлось плотью отъ плоти японской народной массы, его привилегіи опирались на временныхъ профессіональныхъ отличіяхъ, а не опредѣлялись какими-нибудь расовыми или кастовыми особенностями, не вытекали изъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ. Вотъ почему, когда къ половинѣ минувшаго столѣтія назрѣли новыя соціальныя условія, самураи,—по крайней мѣрѣ, часть ихъ,—такъ легко слились съ народомъ, изъ котораго сравнительно совсѣмъ недавно, вышли ихъ предки.

Самураи, какъ общественный классъ, складывались въ періодъ военной, подвижной, полной опасности жизни. Профессія наложила на ихъ характеръ цѣлый рядъ типичныхъ черточекъ, которыми они отличались, какъ отъ придворной знати, такъ и отъ народныхъ массъ. Воздержность, преданность своему долгу, смѣлость, презрѣніе къ деньгамъ и ко всѣмъ занятіямъ, связаннымъ съ добываніемъ денегъ, заносчивость, жестокость, равнодушное отношеніе къ смерти и страданіямъ упоминаются почти всегда при характеристикѣ самураевъ наиболѣе воинственнаго періода японской исторіи. Но въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій передъ послѣдней японской революціей Страна Восходящаго Солнца жила тихой и мирной жизнью. Отсутствіе всякихъ военныхъ волненій дѣлало самураевъ совершенно безполезными членами общества, не давая никакого оправданія дальнѣйшему содержанію ихъ на общественный счетъ, вызывая упреки среди народа за всѣ тѣ привилегіи, которыми они пользовались сотни лѣтъ. Да и на самихъ самураевъ въ массѣ эта праздная жизнь, построенная по принци-

цинамъ, уже не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, оказывала далеко не облагораживающее вліяніе: дурныя стороны ихъ характера разростались и принимали часто нелѣпыя формы, хорошія — затушевывались. Разложеніе и обѣдненіе этой общественной группы шло быстрыми шагами впередъ.

Но если условія молодой Японіи въ большинствѣ случаевъ выбивали самураевъ изъ ихъ исторической колеи, то, съ другой стороны, надо помнить, что самураи, какъ разъ были тѣмъ общественнымъ слоемъ, изъ котораго выдѣлялась японская интеллигенція того времени. Всѣ оффиціальные посты въ провинціи принадлежали самураямъ, для нихъ однихъ былъ открытъ университетъ, они располагали большимъ досугомъ. Все это помогало выдвигаться людямъ, которые стояли выше среды, ихъ вскормившей и воспитавшей, которые стали вдумываться въ окружающія общественныя условія, чутко относиться ко всей массѣ зла и несчастья народной жизни, которые, наконецъ, захотѣли въ эту жизнь внести новый распорядокъ, болѣе соотвѣтствующій тому, что они считали правдой и справедливостью. Однимъ словомъ, именно самураи выдвинули главный контигентъ тѣхъ интеллигентныхъ реформаторовъ-революціонеровъ, которые такъ много сдѣлали для того, чтобы обезпечить Японіи новое, болѣе правильное теченіе жизни.

Но если, съ одной стороны, самураи выдѣляли дѣятелей, сознательно вступавшихъ въ борьбу съ существующимъ порядкомъ и становившихся вожаками движенія, то съ другой—многія обѣднѣвшія семьи военнаго дворянства принимались за ремесленный трудъ и сливались съ народными массами, внося туда новыя идеи, новыя настроенія, новыя преданія. Они увеличивали, такимъ образомъ, живую силу народныхъ массъ.

Эти процессы «опростѣнія» поневолѣ и созиданія интеллигенціи, конечно, захватывали лишь крайнія группы самураевъ (самураи составляли въ XIX ст. приблизительно около 5% всего населенія). Многіе изъ нихъ продолжали жизнь привилегированнаго класса, оставались вѣрными и прежнимъ взглядамъ на жизнь, и прежнимъ требованіямъ къ ней, не замѣчая, что сама жизнь ушла далеко впередъ и не соотвѣтствуетъ ихъ идеаламъ. Это несоотвѣтствіе между идеалами и дѣйствительностью, между старыми привычками, требованіями и измѣнившимися условіями жизни не могло не отразиться на общемъ настроеніи самураевъ. Оно создавало постоянную неудовлетворенность, дѣлало настроеніе возбужденнымъ, неспокойнымъ и неустойчивымъ. Незадолго до періода революціи это возбужденное настроеніе достигаетъ особаго напряженія. Объ этомъ можно судить уже по тому значенію, которое стали пріобрѣтать въ это время такъ называемые ронины. Имя рониновъ (ronin), «людей-волнъ», носили первоначально тѣ самураи, военные вожди которыхъ,—феодальные князья и бароны,—потеряли свои лены. Такимъ образомъ, эти самураи

становились вольными, бродячими воинами, которые готовы были нести свою жизнь и свое знаніе военнаго дѣла туда, гдѣ окажется это для нихъ выгоднымъ. Ихъ ряды пополнялись и тѣми самураями, которые въ силу тѣхъ или другихъ причинъ сами бросали своихъ феодальныхъ начальниковъ и пускались въ жизнь, полную всякихъ приключеній. Ронины были всегда однимъ изъ самыхъ опасныхъ для общественнаго спокойствія элементовъ, и шогуны не разъ пытались уничтожить или ограничить ихъ путемъ различныхъ законодательныхъ нормъ, но всѣ мѣры оказались недостаточными. Въ годы, предшествующіе коренной ломкѣ правительственнаго механизма Японіи, ронины особенно заставляютъ о себѣ говорить: убійства выдающихся государственныхъ дѣятелей, нападенія на иностранцевъ и на ихъ посольства, сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ заключенію торговыхъ договоровъ—все это было дѣломъ ихъ рукъ.

Въ это же время на историческую сцену Японіи начинаютъ выступать и новыя группы населенія. Правда, онѣ были еще немногочисленны и не сумѣли еще выработать новыхъ общественныхъ идеаловъ, оставаясь во всемъ слѣпыми подражателями дворянства, но онѣ хорошо поняли, что и онѣ теперь не послѣдняя спица въ государственной колесницѣ. Это были разбогатѣвшіе купцы. Тѣ же самыя экономическія и бытовыя причины, которыя вели къ разоренію самураевъ, выдвигали торговый классъ и помогали ему сосредоточивать въ своихъ рукахъ большія денежныя средства. Такихъ причинъ было много: и ростъ городского населенія, и безумная роскошь феодаловъ, и безтолковая финансовая политика шогуновъ, и быстрое увеличеніе цѣнъ на рисъ... Какъ бы то ни было, въ XIX столѣтіи, съ самаго начала его, мы видимъ значительное количество разбогатѣвшихъ купцовъ, которые вели роскошную жизнь феодаловъ и держали въ рукахъ значительное количество самураевъ, оказавшихся ихъ должниками. Эта новая плутократія держалась теперь на равной ногѣ съ самураями, легко вступая съ ними въ родственныя отношенія—то путемъ выдачи замужъ въ дворянскія семейства своихъ дочерей, то путемъ усыновленія купеческихъ сыновей самурайскими фамиліями. Такими путями встревоженный и выбитый изъ колеи классъ самураевъ распространялъ свое безпокойное настроеніе на все большія и большія массы населенія.

Таковы были главнѣйшіе актеры исторической драмы въ Японіи къ началу реформаціоннаго движенія. Конечно, они составляли сравнительно довольно небольшую долю всего населенія Страны Восходящаго Солнца, но «народъ», въ широкомъ смыслѣ этого слова — не привыкъ еще здѣсь выступать на историческую сцену и обыкновенно очень спокойно принималъ всѣ тѣ измѣненія въ правительственномъ механизмѣ, которыя производились группами, подѣлившими между собой фактическую власть. Правда, бывали случаи

массовыхъ возстаній, когда какой-нибудь феодалъ, черезчуръ зарвавшись въ своей алчности, налагалъ непосильные налоги и прибѣгалъ при сборѣ ихъ къ всевозможнымъ жестокостямъ. Такъ, напримѣръ, огромное возстаніе фермеровъ вспыхнуло въ семнадцатомъ столѣтіи во владѣніяхъ феодальнаго барона Аримы. Но все это были отдѣльные, немногочисленные, не систематизированные случаи. Гнѣвъ возставшихъ обрушивался не противъ общаго порядка, а лишь противъ частичныхъ злоупотребленій.

Однако, въ XVIII ст. и въ началѣ XIX-го крестьянскія возстанія стали повторяться все чаще и чаще, такъ какъ налоги, установленные расточительными феодалами, сдѣлались положительно невыносимы. Понемногу сталъ измѣняться и самый характеръ протеста. Крестьяне начали обращаться съ жалобами къ верховной власти. Первый изъ такихъ случаевъ, когда собралось около 2000 крестьянъ, чтобы отправиться въ Іедо и принести жалобу самому шогуну, вызвалъ очень тяжелыя репрессіи. Но «зачинщики» погибли не напрасно, такъ какъ ихъ примѣръ вызвалъ подражателей, къ протестамъ которыхъ правительство иногда находило необходимымъ прислушиваться.

Положеніе простого народа—земледѣльцевъ и ремесленниковъ—съ давнихъ поръ было очень тяжелымъ. Бывали періоды, когда они спускались до положенія простыхъ рабовъ. Но нерѣдко возставшій и волновавшійся народъ встрѣчалъ вниманіе къ своей участи со стороны императорскаго двора. И у того, и у другого, у народа и императора, былъ одинъ общій врагъ: аристократическая наслѣдственная бюрократія. Она всѣми силами принижала значеніе императорскаго дома и оттирала его отъ фактической власти; съ другой стороны, она грубо и жестоко относилась къ народу, который облагала огромными налогами. Вотъ почему, когда на императорскомъ престолѣ появлялись люди большого ума и сильной воли, они искали опоры въ народныхъ массахъ. Въ силу тѣхъ же условій и шогуны, когда имъ хотѣлось хоть нѣсколько высвободиться изъ-подъ стѣснявшей ихъ бюрократической опеки могучихъ клановъ, пускали въ свою политику сильную демократическую струю. Особенно теченія эти были сильно замѣтны въ послѣднее время передъ революціей—въ эпоху Токугава. Такимъ образомъ ни жестокія усмиренія крестьянскихъ возстаній, въ которыхъ принимали участіе войска шогуна, ни тяжелыя репрессіи, налагаемыя правительствомъ отъ имени императора на непокорныхъ плательщиковъ, не вытравили въ народныхъ массахъ извѣстныхъ симпатій къ императорскому дому. Благодаря этому, имя императора, сдѣлавшись однимъ изъ лозунговъ реформаціоннаго движенія, способствовало объединенію разношерстныхъ элементовъ оппозиціи противъ феодально-крѣпостническаго строя того времени.

Мы видѣли, что ко времени революціи выдвинулся на сцену

японской жизни торговый классъ, который въ лицѣ своихъ наиболѣе богатыхъ представителей сталъ въ значительной степени перемѣшиваться съ дворянскими слоями японскаго общества. Но это теченіе опредѣлилось отчетливо лишь за самое послѣднее передъ революціей время и свидѣтельствовало о глубокихъ измѣненіяхъ въ экономической структурѣ японской имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ соціальная лѣстница японскаго общества располагала свои ступеньки и приступки въ совершенно иномъ порядкѣ. Сейчасъ же за феодальной знатью слѣдовалъ тогда военный классъ (*shi*), за нимъ земледѣльческій (*no*), еще дальше промышленный (*ko*) и, наконецъ, торговый (*sho*). Такимъ образомъ купеческій классъ находился въ самомъ низу общественной пирамиды; прямо подъ ними лежали уже вязкіе, почти неподвижные слои разныхъ отверженныхъ профессій и рабовъ. Такое предпочтеніе, оказываемое въ то время земледѣльческому населенію, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ, что земледѣльцы были главными плательщиками всякаго рода податей и налоговъ, и на нихъ же лежала главная тяжесть натуральныхъ повинностей.

Мы видѣли, что бюрократія шогуна вмѣшивалась самымъ безцеремоннымъ образомъ въ частную жизнь крестьянства, пытаясь регулировать самыя интимныя стороны его существованія: она указывала матерію, изъ которой должна быть сдѣлана одежда крестьянина, опредѣляла размѣры его построекъ, высчитывала, что онъ можетъ употреблять въ пищу. Но во всѣхъ этихъ мѣрахъ сквозитъ единственно желаніе оградить интересы фиска, сохранивъ возможно крѣпкое экономически крестьянство, этого главнаго своего плательщика. Политика эта началась очень рано и тѣсно связана со всей исторіей землевладѣнія.

На зарѣ японской исторіи мы видимъ землю подѣленной между отдѣльными кланами и короной. Но въ седьмомъ столѣтіи нашей эры, когда императоры взяли временно всю власть въ свои руки, въ жизнь была проведена иная теорія. Вся земля признавалась собственностью государственной. Этой землей императоръ надѣлялъ лицъ императорской фамиліи; болѣе или менѣе значительныя имѣнія раздавались крупнымъ и мелкимъ чиновникамъ вмѣсто жалованья и наградъ за особыя услуги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ широко было распространено убѣжденіе въ правѣ всякаго на такой клочекъ земли, съ котораго онъ могъ бы получать средства для существованія и уплаты налоговъ.

Государство считало себя обязаннымъ давать соотвѣтственные клочки земли каждому изъ своихъ гражданъ: каждому ѣдоку мужского пола назначалось $^2/_3$ акра, женскаго $^1/_3$. Черезъ шесть лѣтъ производились общіе передѣлы. Такая государственная община, однако, не привилась. Земли выпахивались, на мелорацію ихъ не обращалось никакого вниманія. Государство, всегда ревниво отно-

сившееся къ земледѣлію, какъ главному источнику своихъ средствъ, не могло не замѣтить невыгоднаго вліянія общинныхъ порядковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они нашли свое выраженіе въ японской дѣйствительности того времени. Мало по малу начала насаждаться частная собственность. Но и при институтѣ частной собственности государство, конечно, не могло отрѣшиться отъ того взгляда, что каждый изъ частныхъ собственниковъ получилъ землю отъ него, государства, только для того, чтобы онъ могъ и самъ существовать, и доставлять государству необходимыя средства. Отсюда въ японскомъ законодательствѣ появляется цѣлый рядъ ограничительныхъ, по отношенію къ крестьянству, мѣръ. Такъ, свободному крестьянину позволялось продавать свою землю только съ согласія соотвѣтствующихъ чиновниковъ, а затѣмъ такая продажа была и вовсе воспрещена. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эпоху Токугава оставить землю невспаханной—для крестьянина было уголовнымъ преступленіемъ. За уклоненіе отъ уплаты податей налагались тяжелыя наказанія не только на родственниковъ бѣжавшаго, но и на его сосѣдей. Переходъ въ другія общественныя группы былъ также крайне затрудненъ: фермеру запрещено было, напримѣръ, заниматься торговлей. Въ случаѣ болѣзни фермера его земля, по требованію закона, должна быть раздѣлана сосѣдями. Крестьянинъ, который относился къ своей землѣ небрежно, могъ потерять ее путемъ конфискаціи и быть изгнаннымъ изъ округа. Старательнымъ же отношеніемъ къ землѣ и исправной уплатой податей въ теченіе 20 лѣтъ онъ получалъ право на постоянную аренду ея. При продажѣ земли подвергался тяжелымъ наказаніямъ не только продавецъ—крестьянинъ, но и покупатель.

Крестьянинъ, такимъ образомъ, былъ прикрѣпленъ въ интересахъ фиска къ землѣ, но онъ никогда не былъ рабомъ. Онъ никогда никому не принадлежалъ, не былъ ничьей собственностью. Напротивъ, не смотря на всю назойливую и мелочную регламентацію со стороны бюрократіи шогуната, крестьяне все время обладали извѣстными общественными правами, которыя пріучали къ самодѣятельности широкіе слои населенія. Этому содѣйствовала въ значительной степени и административная группировка домохозяевъ, учрежденная первоначально опять-таки ради интересовъ фиска. Каждые пять домохозяевъ образовывали группу, которая была связана круговою порукой въ дѣлѣ уплаты податей и выполненія повинностей. Если кто-нибудь изъ членовъ этой группы бѣжалъ, не исполнивъ своихъ обязательствъ передъ казной, то за бѣжавшаго отвѣчали оставшіеся члены группы. Они держали въ теченіе трехъ лѣтъ его землю, неся вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ обязательства, связанныя съ пользованіемъ этой землей; по прошествіи же этого срока земля возвращалась государству. Когда подати и повинности становились слишкомъ тяжелыми, начиналось бѣгство «пятками». Съ мѣста снималась сразу вся группа, не оставляя въ ру-

кахъ государства никого своимъ заложникомъ. Мало по малу административныя права этихъ группокъ разростались, и въ концѣ концовъ онѣ оказались тѣми организаціями, черезъ посредство которыхъ правительство въ эпоху Токугава возложило отвѣтственность за порядокъ страны на самый народъ. Такъ, напр., ни одинъ домохозяинъ не могъ оставить на ночлегъ у себя путника, не оповѣстивъ объ этомъ свою группу; безъ такого же оповѣщенія онъ не имѣлъ права хотя бы на время переселиться въ другую деревню. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка и оскорбленія общественной нравственности наказанію подвергалась вся группа. Иногда же такая круговая отвѣтственность простиралась на цѣлые округи со всѣми ихъ выборными старшинами. Такія наказанія налагались, напр., за обращеніе запрещенной монеты, за перевозку подозрительныхъ лицъ и т. д. Эти же группы являлись отвѣтственными за лѣность и расточительность своихъ членовъ. На нихъ лежала обязанность прекращать по собственному почину всякія противоправительственныя организаціи. Наконецъ, онѣ играли выдающуюся роль во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ поручалъ самому народу слѣдить, чтобы сборщики податей не брали съ плательщиковъ ничего лишняго.

Итакъ, крестьяне не были рабами. Рабы представляли совершенно особый классъ, который заключалъ въ себѣ сравнительно небольшую часть (около 5%) всего населенія. Кадры рабовъ пополнялись, во-первыхъ, военноплѣнными,—воинами, захваченными въ Кореѣ или въ многочисленныхъ экспедиціяхъ противъ туземцевъ дальнихъ острововъ; во-вторыхъ, въ рабское состояніе обращалось потомство всѣхъ тѣхъ, кто былъ обвиненъ въ возстаніи или заговорѣ противъ верховной власти; далѣе, рабское состояніе становилось наслѣдственнымъ: всѣ дѣти раба были рабами; наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ рабами дѣлались неоплатные должники. Были еще временные рабы, которые были присуждены къ этому состоянію за извѣстное преступленіе; были и незаконные рабы, которые создавались путемъ преступнаго похищенія дѣтей и женщинъ, но такія похищенія преслѣдовались закономъ.

Обращеніе съ рабами въ Японіи никогда не отличалось жестокостью. Они раздѣлялись на пять классовъ: стража императорскихъ гробницъ, слуги въ различныхъ административныхъ учрежденіяхъ, домашняя прислуга, государственные рабы и частные рабы. Первые два класса мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ подданныхъ и очень часто отпускались на свободу. У нихъ были свои установленія, и они могли пріобрѣтать свою собственность. Положеніе частныхъ рабовъ было гораздо тяжелѣе: ихъ могли продавать и покупать, какъ и всякую другую собственность. Но мы видимъ, что эти несчастные элементы общества составляли лишь незначительную долю населенія, а потому и не могли играть

сколько-нибудь выдающейся роли въ крупныхъ историческихъ событіяхъ японской имперіи.

Замѣтимъ еще, что, кромѣ перечисленныхъ классовъ японскаго общества, существовало еще большое количество лицъ, которыя находились въ положеніи, промежуточномъ между рабами и низшими классами свободныхъ гражданъ. Это были лица, занимавшіяся разными отверженными и нечистыми профессіями, какъ ихъ квалифицировали суевѣрія того времени. Сюда относились нищіе, уличные клоуны, дрессировщики животныхъ, всѣ, кому приходилось въ своей работѣ имѣть дѣло съ трупами животныхъ и человѣка и т. д., и т. д. Число такихъ профессій было весьма значительно. Гражданскія права лицъ, занимавшихся ими, были ограничены. Такъ, всѣ они были лишены права судиться общими судами, а были подчинены отдѣльному чиновнику, рѣшенія котораго были для нихъ обязательны. Имъ также строго было запрещено вступать въ бракъ съ другими классами общества. Какъ рабы, такъ и «отверженные» стояли отъ государственной жизни страны очень далеко и не оказали эпохѣ реформъ никакихъ существенныхъ услугъ.

Что касается культурнаго развитія страны, то оно достигало въ разсматриваемую эпоху очень высокаго уровня. Японія—страна старой и своеобразной культуры. О высотѣ японской культуры еще въ очень раннія эпохи говоритъ множество фактовъ. Быть можетъ, однимъ изъ самыхъ интересныхъ между ними надо считать установленіе всенародныхъ переписей еще въ то время, когда почти вся Европа представляла дикую страну. Первая перепись населенія, по императорскому приказу, была произведена въ 86 г. до Р. Хр. Спустя семь столѣтій было установлено, чтобы переписи производились правильно черезъ каждые 6 лѣтъ. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, значеніе этого факта, припомнимъ, что первая перепись въ Великобританіи была произведена лишь въ 1801 г., и то послѣ большихъ затрудненій. Еще до Александра Македонскаго, за семь столѣтій до Р. Хр., японцы были морской націей, такъ какъ корабли ихъ свободно ходили до береговъ Кореи. Уже въ 202 году въ Японіи были установлены правильныя почтовыя сношенія, которыя въ послѣдующія столѣтія лишь получили дальнѣйшее развитіе. Въ VII и VIII столѣтіяхъ нынѣшней эры Японія пережила періодъ великаго возрожденія. Принцъ Шотоку открылъ эпоху блестящаго и всеобщаго прогресса. Знаменитый путешественникъ Марко Поло, возвратившійся въ 1295 г. изъ своего путешествія въ Китай, писалъ о японцахъ: «это цивилизованный и хорошо одаренный народъ».

Правда, въ теченіе почти двухъ столѣтій передъ революціей Японія прожила за закрытыми дверями, не пуская къ себѣ представителей западной культуры. Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ

тѣхъ причинъ, которыя заставили Японію замкнуться въ себя: онѣ, во всякомъ случаѣ сложны, и не такъ неразумны (конечно, съ точки зрѣнія тогдашней Японіи), какъ это можетъ показаться при поверхностномъ просмотрѣ фактовъ исторіи этого любопытнаго народа. Достаточно здѣсь будетъ сказать, что этотъ періодъ отчужденія отъ другихъ націй,—эпоха Токугава,—былъ періодомъ расцвѣта матеріальныхъ силъ Японіи и прогресса среднихъ классовъ ея населенія. За закрытыми дверями въ Японіи шла напряженная умственная работа: малозамѣтная, но глубокая перестройка молекулъ общественнаго организма.

Но замкнутость Японіи никогда не была полною. Съ глубокой древности она усвоивала отъ сосѣдей все, что могло принести странѣ большую или меньшую пользу. Но она соприкасалась въ то время только съ Китаемъ, культура котораго тогда высоко стояла на шкалѣ всемірной исторіи. И Японія не боялась учиться у этой чуждой ей культуры. Она заимствовала у Китая шелководство, она познакомилась у него съ разведеніемъ чайнаго дерева. Насаждая у себя буддизмъ, японскіе императоры широко открыли двери своей имперіи для китайской литературы, исторіи, философіи. Самый фактъ покровительства буддизму съ высоты престола страны шинтоизма—религіи, обоготворявшей императора и императорскій домъ,—является весьма знаменательнымъ. Императоры Японіи видѣли, что буддизмъ связанъ съ болѣе высокой культурой, чѣмъ та, которою тогда обладала Японія, и они безстрашно принялись насаждать эту вѣру, не обращая вниманія на то, что она въ корнѣ противорѣчила ученію объ ихъ божественномъ происхожденіи.

Наряду съ матеріальной культурой и моральное развитіе народа тоже имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ Японіи. Еще въ VII вѣкѣ принцъ Шотоку училъ, что отсутствіе довѣрія между государемъ и его подданными ведетъ государство къ вѣрной гибели, что человѣкъ долженъ умѣть приносить свои частные интересы въ жертву общественному благу, что эгоизмъ мѣшаетъ сотрудничеству, а безъ сотрудничества не можетъ быть совершено ни одно великое дѣяніе и т. д. Въ его ученіи отражались тогдашніе этическіе идеалы японскаго общества; эти идеалы были руководящими принципами въ дѣлѣ воспитанія многихъ десятковъ послѣдующихъ поколѣній японскаго населенія. На нихъ народъ воспитывался болѣе, чѣмъ тысячу лѣтъ, и они не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ на его характерѣ и на складѣ его воззрѣній.

Такимъ образомъ, незадолго до революціи Японія представляетъ такую картину: своеобразная и высокая культура глубоко пустила свои корни въ народныя массы, не знавшія въ большей своей части личнаго рабства и привыкшія въ большей или меньшей степени (въ зависимости отъ своего общественнаго положенія) къ взаимопомощи и самодѣятельности. Глубокія экономическія

и бытовыя измѣненія, накопившіяся къ этому моменту въ жизни японскаго народа, лишали устойчивости ту общественную структуру, которая объединяла въ одинъ государственный организмъ различные общественные интересы и различныя историческія наслоенія. Наслѣдственная аристократическая бюрократія, составлявшая остовъ этого организма, перестала удовлетворять всѣхъ: императоръ и придворная знать жили, оттертые отъ фактической власти и богатствъ, феодалы были сокращены въ своихъ притязаніяхъ на суверенитетъ, самураи обѣднѣли, потеряли всякое основаніе для своего существованія, какъ обособленной военной организаціи, и для сохраненія тѣхъ правъ, которыя раньше логически вытекали изъ положенія вещей; новая сила,—представители капитала,—не находили себѣ ни достаточнаго простора, ни достаточно почетнаго положенія въ обществѣ; крестьянство,—эта основа всего финансоваго благополучія Японіи, — волновалось, обремененное тяжелыми налогами. Весь государственный организмъ имперіи былъ расшатанъ, но не потому, чтобы его соціальное тѣло было поражено какой-нибудь тяжелой болѣзнью. Нѣтъ, оно было здорово и дѣятельно, надо было только иначе приладить его основныя части. Для этой внутренней работы нужны были силы. Этими живыми силами и явились самураи, составлявшіе, главнымъ образомъ, японскую интеллигенцію того времени. А путь, который надо было выбрать, оказался намѣченнымъ тогдашнимъ идейнымъ движеніемъ.

Большую роль въ этомъ движеніи сыграла философія Ванга, гонимая правительствомъ и жадно изучаемая японской интеллигенціей эпохи Токугава. Мы не будемъ здѣсь излагать ея основы; для насъ достаточно будетъ указать, что философія эта говорила о полномъ равенствѣ всѣхъ людей, что она предписывала безъ малѣйшихъ колебаній исполнять внутреннія велѣнія долга и воплощать ихъ въ дѣйствія, что она рекомендовала критическое отношеніе къ государственнымъ и общественнымъ формамъ съ точки зрѣнія внутренней правды и справедливости, сознаваемой человѣкомъ. О томъ, что она сыграла выдающуюся роль въ исторіи Японіи, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ именъ крупныхъ дѣятелей, послѣдователей этой доктрины. Такимъ образомъ, философія Ванга демократизировала японское дворянство и толкала его на путь активнаго вмѣшательства въ государственную жизнь.

Съ другой стороны, первые опыты исторической науки вынесли существующей политической системѣ осужденіе съ точки зрѣнія опять-таки права и справедливости. Въ 1715 г. Комонъ, одинъ изъ крупныхъ и образованныхъ феодаловъ, закончилъ большой трудъ, предпринятый имъ при помощи окружавшихъ его ученыхъ, по обозрѣнію японскихъ лѣтописей. Первое же соприкосновеніе съ историческими источниками показало японской интеллигенціи, что система шогуната опирается на грубой узурпаціи власти, что источникомъ дѣйствительной власти является императоръ, и ему должны

принадлежать прерогативы верховнаго управленія. Сначала это теченіе имѣло только академическій характеръ, но мало по малу оно сдѣлалось ядромъ политическаго ученія—имперіализма. Теченіе это быстро росло, не смотря на гоненія, которыя шогунатъ открылъ противъ историческаго труда Комона. Dai-Nihon-Shi,—такъ назывался этотъ трудъ,—распространялся въ массѣ рукописныхъ, запрещенныхъ экземпляровъ.

Это оживленіе имперіалистическихъ теорій отразилось и на настроеніи широкихъ народныхъ массъ, продолжавшихъ исповѣдывать шинтоизмъ, который за время шогуната долженъ былъ обратиться въ академическую вѣру, такъ какъ его земное божество—императоръ Японіи—лишенъ былъ всякой дѣйствительной власти и силы. Имперіализмъ оживилъ эту древнюю религію народа. И народнымъ массамъ былъ близокъ и понятенъ кличъ японскихъ имперіалистовъ: «Да здравствуетъ императоръ! Долой шогуна!»

Такимъ образомъ къ серединѣ девятнадцатаго столѣтія все—и общественная группировка, и идейныя теченія — было противъ стараго феодальнаго порядка и наслѣдственной бюрократіи. Недоставало только такого толчка, который двинулъ бы всѣ эти силы и забродившія народныя массы въ одномъ и томъ же направленіи, хотя бы на самое короткое время. Такимъ толчкомъ оказалось вмѣшательство въ жизнь Японіи западно-европейскихъ государствъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

II.

Съ внѣшней стороны вмѣшательство представителей западно-европейской культуры въ жизнь японскаго народа отмѣчается слѣдующими историческими фактами.

Соперничество голландцевъ съ португальцами и интриги ихъ другъ противъ друга привели въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія къ тому, что португальцамъ было запрещено вовсе появляться въ Японіи, а голландцамъ разрѣшено останавливаться лишь въ Нагасаки. Этимъ и ограничивались всѣ отношенія Японіи къ западно-европейскому міру въ теченіе болѣе, чѣмъ полуторастолѣтія передъ эпохой реформъ.

Но уже съ самаго начала XIX столѣтія въ запертую дверь Японіи начинаютъ усиленно стучаться безпокойные сосѣди. Первымъ появился русскій корабль, который явился къ Іезо подъ предлогомъ водворенія на родину нѣсколькихъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Правительство шогуна вѣжливо дало почувствовать русскимъ, что оно не имѣло и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія завязывать какія-либо отношенія съ чужой націей. Но новые гости не обратили на этотъ пріемъ ни малѣйшаго вниманія и въ слѣдующія двѣнадцать лѣтъ повторили свои посѣщенія

шесть разъ подъ различными предлогами. Наполеоновскія войны отвлекли вниманіе Россіи отъ Дальняго Востока, и ей пришлось оставить въ покоѣ Японію, которая, между тѣмъ, приступила къ кое-какимъ военнымъ приготовленіямъ для того, чтобы силой оружія положить конецъ дальнѣйшему любопытству русскихъ. Но военные рессурсы Японіи были въ то время настолько жалки, что на это бряцаніе оружіемъ едва ли кто обратилъ вниманіе. Незатѣйливые пріемы русской агрессивной политики, однако, внушили японцамъ нѣкоторую увѣренность въ себѣ, и когда затѣмъ у сѣверныхъ береговъ Японіи все чаще и чаще стали появляться англійскіе корабли, правительство шогуна распорядилось, чтобы крѣпости и флотъ отнынѣ обстрѣливали каждое иностранное судно, которое подойдетъ къ берегамъ на разстояніе выстрѣла. Не смотря на это, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ различными націями былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ завязать съ японскимъ правительствомъ правильныя сношенія; но всѣ эти попытки оказались совершенно безуспѣшными.

Первая брешь въ иностранной политикѣ Японіи была пробита въ 1853 г. американцами. Къ тому времени Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты оказались крайне заинтересованными въ томъ, чтобы Японія открыла для иностранныхъ судовъ хотя бы нѣкоторыя изъ своихъ гаваней. Добиваться выполненія этого желанія С.-А. Штаты побудили, главнымъ образомъ, слѣдующія причины: ростъ китобойнаго промысла, при которомъ американскимъ гражданамъ часто приходилось соприкасаться съ берегами Японіи и въ который Америкой были вложены большіе капиталы; открытіе Китая для иностранной торговли послѣ войны изъ за опіума и, наконецъ, разработка въ Калифорніи золотыхъ розсыпей и развитіе въ этомъ краѣ торговыхъ отношеній. Для того, чтобы пароходы изъ С.-Франциско могли проходить прямо къ Гонконгу, имъ нужно было за одинъ пріемъ сдѣлать 6.149 морскихъ миль и захватывать съ собой для такого пути огромные запасы угля. Существенно облегчить пароходное движеніе могло бы устройство угольной станціи на одномъ изъ острововъ японскаго архипелага, но для этого приходилось заставить Японію отказаться отъ своей политики изоляціи.

Эскадра, назначенная съ этой цѣлью въ японскія воды, была поручена адмиралу Перри, который тщательно подготовился къ экспедиціи, изучивъ всѣ главнѣйшіе матеріалы о Японіи, имѣвшіеся въ то время въ распоряженіи культурныхъ націй. Онъ рѣшилъ явиться со своими кораблями не въ Нагасаки, какъ это дѣлали до сихъ поръ иностранцы, а прямо въ Урагу, гавань Іедо. Порученія, данныя адмиралу правительствомъ, исчерпывались слѣдующими пунктами *):

*) См. Léon Metchnikow. «L'empire japonais».

1) «Заключить такой договоръ съ японскимъ правительствомъ, въ силу котораго американскіе граждане, потерпѣвшіе кораблекрушеніе у береговъ Японіи или зашедшіе въ ея порты подъ давленіемъ какого-нибудь несчастья, пользовались бы, равно какъ и собственность ихъ, защитой со стороны японскаго правительства.

2) «Получить позволеніе для кораблей Соединенныхъ Штатовъ заходить въ одинъ или нѣсколько японскихъ портовъ для того, чтобы запасаться тамъ водой, топливомъ и т. д., а въ случаѣ какихъ-либо поврежденій производить необходимую починку. Было бы желательно устроить склады каменнаго угля, если не на главныхъ островахъ, то на тѣхъ мелкихъ островкахъ, которые во множествѣ находятся у береговъ Японіи.

3) «Получить позволеніе кораблямъ Соединенныхъ Штатовъ заходить въ одинъ или нѣсколько японскихъ портовъ для того, чтобы совершенно свободно выгружать тамъ свою кладь и имѣть право пріобрѣтать продукты страны».

Перри, кромѣ того, везъ съ собою весьма любезное собственноручное письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ «императору» Японіи, причемъ этимъ титуломъ совершенно ошибочно величали шогуна.

Японское правительство было предупреждено голландцами о предстоящемъ посѣщеніи японскихъ береговъ американской эскадрой. И тѣмъ не менѣе, появленіе въ 1853 г. въ гавани Урага огромныхъ военныхъ американскихъ судовъ произвело и на народъ, и на правительство сильное впечатлѣніе. Эскадра Перри состояла всего изъ четырехъ кораблей съ 560 человѣкъ экипажа. Но народная фантазія увеличила эти силы во много разъ: такъ, въ Іедо говорили о десяти корабляхъ съ пятью тысячами человѣкъ, а въ Кіото даже о ста корабляхъ съ ста тысячами людей. Народъ и правительство, не привыкшіе къ такимъ смѣлымъ поступкамъ со стороны «варваровъ», были страшно возмущены и взволнованы. Всѣ попытки убѣдить Перри уйти въ Нагасаки и оттуда вести переговоры черезъ голландцевъ или китайцевъ оказались тщетными. Тогда, наконецъ, японское правительство согласилось принять письмо президента Соединенныхъ Штатовъ, прославъ для этого чиновное лицо соотвѣтственнаго ранга. Исполнивъ первую часть своего порученія, адмиралъ Перри покинулъ японскіе берега, намекнувъ, что въ ближайшемъ будущемъ онъ снова здѣсь появится за полученіемъ отвѣта.

13-го февраля 1854 г. адмиралъ Перри, дѣйствительно, снова явился въ гавани Іедо. Теперь у него уже было десять судовъ. Японскому правительству, не смотря на всѣ его воинственныя приготовленія, не оставалось ничего другого, какъ принять предложенія Соединенныхъ Штатовъ, и 31-го марта того же года былъ заключенъ первый договоръ съ чужеземцами. Брешь въ иностранной политикѣ Японіи была, такимъ образомъ, пробита. Государствамъ

Западной Европы оставалось только расширять ее. И, дѣйствительно, осенью того же года аналогичный договоръ былъ заключенъ съ Великобританіей, въ 1855 г. съ Россіей, въ 1856 съ Нидерландами.

Посмотримъ теперь, какъ реагировала внутренняя жизнь Японіи на эти факты внѣшней ея политики.

Не смотря на всѣ препятствія, поставленныя оффиціальной Японіей западно-европейской культурѣ, наука и идеи этой послѣдней, капля за каплей, уже давно начали просачиваться въ японскую жизнь черезъ ту узкую щель, которая въ Нагасаки была оставлена для голландцевъ. Уже въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія японская интеллигенція выдѣлила небольшую группу молодежи, которая, не взирая на жестокія угрозы закона, принялась за изученіе голландскаго языка и ученыхъ голландскихъ книгъ. Одинъ изъ такихъ рьяныхъ адептовъ западной науки—Оно Ріушихеи—составилъ замѣчательную книгу, въ которой описывалъ обычаи, законы и военную организацію западныхъ государствъ. Въ своей работѣ онъ предупреждалъ Японію, что въ одинъ прекрасный день на ея сѣверныхъ берегахъ объявится страшный врагъ—Россія, а потому онъ совѣтовалъ правительству заняться увеличеніемъ флота и укрѣпленіемъ береговъ. Правительство шогуна въ Іедо признало это произведеніе лживымъ и вреднымъ, отобрало всѣ его экземпляры, предало сожженію, а автора подвергло тюремному заключенію. Первое взаимодѣйствіе двухъ общественныхъ силъ, правительства страны и ея интеллигенціи, завершилось, такимъ образомъ, обычными въ подобныхъ случаяхъ результатами. Не успѣлъ, однако, Оно Ріушихеи просидѣть въ тюрьмѣ и пяти мѣсяцевъ, какъ у береговъ Японіи впервые появился упомянутый выше русскій корабль. Предсказанія несчастнаго автора, такимъ образомъ, блестяще подтвердились, получили всеобщее признаніе, и онъ былъ освобожденъ изъ тюремнаго заключенія.

Первое же столкновеніе съ чужеземцами поставило правительство шогуната въ крайне затруднительное положеніе. Съ одной стороны, оно вынуждено было относиться съ полнымъ уваженіемъ къ традиціонной изоляціи Японіи въ международныхъ отношеніяхъ, къ которой привыкли десятки поколѣній управляемой имъ страны; съ другой стороны, у него не было ни средствъ, ни силъ, чтобы поддержать эти традиціи въ жизни. Но оно, какъ мы видѣли, все-таки рѣшилось на первыхъ порахъ попробовать бороться съ новыми историческими факторами и удержать старыя формы общественныхъ отношеній, выгодныхъ именно для данной организаціи правительства. Начались различныя военныя приготовленія.

Просвѣщенные поклонники западной культуры ясно видѣли, что отсталой Японіи нечего и думать вступать въ борьбу съ западными государствами. Среди японской интеллигенціи опять нашлись смѣлые люди, которые рискнули выступить съ порицаніемъ правитель-

ственной политики. Среди молодежи, увлекавшейся западно-европейской наукой, образовался тѣсный кружокъ, который продолжалъ свои занятія, не смотря на угрозы закона, сулившаго за соприкосновеніе съ «варварской» наукой и жизнью тяжелыя кары, и не смотря на презрѣніе окружающихъ, которые называли ихъ «варварскимъ обществомъ». Видя, что правительство шогуна готовится къ борьбѣ съ западными чужеземцами, молодые энтузіасты не нашли возможнымъ молчать и рѣшились громко заявить свой протестъ противъ неразумной и опасной политики правительства. Двое изъ руководителей этого кружка составили книгу, въ которой совершенно откровенно и обстоятельно высказали свои взгляды на данное положеніе вещей. Копіи этой книги они разослали всѣмъ лицамъ, занимавшимъ въ то время крупные административные посты въ Японіи. Конечно, всѣ выдающіеся члены этого кружка были по распоряженію правительства схвачены и брошены въ тюрьмы. Но самоотверженный подвигъ ихъ не прошелъ даромъ. Ихъ идеи захватили широкій кругъ вліятельныхъ лицъ и сыграли замѣтную роль въ тотъ моментъ, когда пришлось ликвидировать сложившійся вѣками порядокъ. Между тѣмъ, внѣшнія осложненія, съ которыми должно было считаться правительство, осложнились еще внутренними неурядицами. Финансовыя силы страны политикой шогуната были почти въ конецъ разстроены. Это отразилось, между прочимъ, на финансовомъ положеніи феодальной знати, все болѣе и болѣе запутывавшейся въ долгахъ. Трехлѣтній голодъ (1833—1835 гг.), свирѣпствовавшій въ странѣ, сдѣлалъ еще болѣе невыносимымъ положеніе народныхъ массъ и въ конецъ истощилъ ихъ платежныя силы. Между тѣмъ, поборы все росли. Въ 1838 году сгорѣлъ роскошный замокъ шогуна, и для его возстановленія народъ былъ обложенъ новыми налогами.

Въ странѣ росло и зрѣло все большее и большее недовольство правительствомъ. Лозунгомъ оппозиціи сдѣлался императоръ, въ пользу котораго общественное мнѣніе все болѣе и болѣе настойчиво требовало ограниченія власти шогуна. Нуженъ былъ лишь толчекъ, чтобы нарушить сложившееся вѣками равновѣсіе. Такимъ толчкомъ и явились американцы. Шогунатъ оказался между двухъ огней и, не чувствуя себя достаточно сильнымъ, сразу вступилъ на путь компромиссовъ.

Огромные военные корабли американцевъ, окованные желѣзомъ, вооруженные крупными пушками и переполненные ловкими и сильными матросами, произвели глубокое впечатлѣніе на правительство шогуна. Оно, какъ мы видѣли, уступило требованіямъ американцевъ. Отчасти оно уже было подготовлено къ этому новыми идейными теченіями своего времени. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно вынуждено было сдѣлать уступки и въ другую сторону. Чувствуя подъ своими ногами далеко уже не такую прочную почву, какъ это было раньше, и понимая, какую бурю негодованія вызовутъ въ народѣ

уступки дерзкимъ требованіямъ иностранцевъ, автократическая бюрократія шогуната не посмѣла взять на себя всю отвѣтственность за этотъ рѣшительный историческій шагъ. Она обратилась за совѣтомъ ко всѣмъ крупнымъ феодаламъ. Всѣмъ дайміосамъ были разосланы копіи съ письма президента С. А. С. Штатовъ къ шогуну съ просьбой откровенно высказаться по данному вопросу. Большая часть феодальной знати высказалась противъ всякихъ договоровъ съ чужеземцами. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтовали заключить временные договоры на три, пять, десять лѣтъ съ тѣмъ, чтобы за это время подготовиться въ военномъ отношеніи и затѣмъ изгнать варваровъ со священной земли Японіи. И лишь немногіе были за мирные договоры съ иностранцами.

Другимъ крайне опрометчивымъ актомъ со стороны правительства шогуна былъ оффиціальный рапортъ императорскому двору въ Кіото о событіяхъ, вызванныхъ появленіемъ въ самомъ сердцѣ Японіи американскихъ кораблей. Цѣлый рядъ послѣднихъ шогуновъ совершенно оттѣснилъ и императора, и императорскій дворъ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Теперь же шогунъ Іійеноши счелъ необходимымъ въ опасный моментъ укрыться въ тѣни, падающей отъ престола. Правительство шогуна обнаружило, такимъ образомъ, полную неспособность справиться собственными силами съ тяжелыми событіями, выпавшими на долю страны. Это ободрило довольно многочисленную уже въ это время партію имперіалистовъ. Придворная знать сумѣла оцѣнить значеніе минуты: она убѣдила императора воспользоваться промахомъ шогуната, отказать ему въ желаемомъ имъ согласіи императора на договоръ съ иностранцами и этимъ поставить правительство шогуна въ необходимость—или идти завѣдомо и открыто противъ воли императора, или нарушить заключенный договоръ и подвергнуть страну всѣмъ опасностямъ неравной борьбы.

Отказъ императора дать свое согласіе на заключенный уже договоръ наносилъ шогунату еще одинъ ударъ: онъ разрывалъ связь между шогуномъ и прогрессистами, стоявшими за сближеніе съ иностранцами и видѣвшими въ этомъ сближеніи залогъ будущаго благосостоянія страны. Паролемъ оппозиціи того времени, какъ уже мы сказали, былъ имперіализмъ. Разладъ между шогуномъ и императоромъ въ данномъ вопросѣ заставилъ прогрессистовъ отказаться на время отъ своихъ «западническихъ», если можно такъ выразиться, стремленій. Два различныхъ, казалось бы, теченія—противъ чужеземцевъ и противъ шогуната—слились. Всѣ оппозиціонныя силы сосредоточились на борьбѣ съ правительствомъ, оказавшимся по данному вопросу въ двусмысленномъ положеніи. Шогунатъ никакъ не могъ занять какое-нибудь опредѣленное положеніе. Двойственность и нерѣшительность характеризовали всѣ его дѣйствія: правительство не санкціонировало появленія чужеземцевъ, но и не рѣшалось въ то же время противопоставить имъ вооружен-

ную силу; оно явно хотѣло сорганизировать оборонительныя силы страны, и въ то же время не давало ни малѣйшаго намека на то, что окончаніе этихъ приготовленій послужитъ сигналомъ къ изгнанію чужеземцевъ.

Правда, и политика большинства оппозиціи въ то время не успѣла еще отлиться въ ясныя и опредѣленныя формы. Большинство ея все еще надѣялось, что дѣло обойдется безъ коренной ломки, путемъ простого «объединенія двухъ знатей»—двора императора и двора шогуна. Само собою разумѣется, что императору, у котораго фактически власть была отнята давно, уже не чѣмъ было поступиться въ пользу шогуна, и общественное мнѣніе ждало и требовало уступокъ со стороны послѣдняго. Однако, обстоятельства не сразу сложились въ пользу этого общественнаго теченія.

Шогунату удалось привлечь въ свою среду нѣсколькихъ талантливыхъ администраторовъ. Начался рядъ реформъ: была быстро развита береговая оборона, открыты военная школа въ Іедо и школа мореплаванія въ Нагасаки; устранены многія административныя злоупотребленія, преобразована финансовая система. Движеніе противъ шогуната начинало понемногу успокоиваться, тѣмъ болѣе, что правительство старалось представить дѣло открытія портовъ иностранцамъ, не какъ уступку передъ ихъ силой, а какъ актъ милосердія, дающій возможность укрыться и отдохнуть мореходамъ, измученнымъ въ борьбѣ со стихіями. Такимъ образомъ убаюкивалась и національная гордость. Одному изъ горячихъ защитниковъ шогуната—Ии удалось даже вырвать у императорскаго двора декретъ, въ которомъ императоръ соглашался на всѣ мѣры, предпринятыя шогуномъ въ иностранной политикѣ и предоставлялъ ему полную свободу дѣйствія въ дальнѣйшемъ. Однако, свѣтлые дни шогуната, видимо, прошли. Часть придворной знати возстала противъ этого декрета, и онъ не былъ обнародованъ.

Но шогунатъ все еще не сдавался. Лѣтомъ 1858 г. энергичный Ии былъ назначенъ регентомъ больного и молодого шогуна. Придворная партія, вокругъ которой группировались имперіалисты и прогрессисты, была разбита натискомъ регента: нѣсколько принцевъ и важныхъ придворныхъ были подвергнуты строгому домашнему аресту; пятьдесятъ шесть лицъ менѣе знатнаго происхожденія, которыя принадлежали къ различнымъ кланамъ и служили агентами у дайміосовъ и придворной знати, были арестованы, разсажены по тюрьмамъ, подвергнуты пыткамъ и казнены. Дворъ былъ терроризированъ и склонилъ смиренно голову передъ шогуномъ.

Усиленіе шогуната, однако, означало и укрѣпленіе прежней его иностранной политики. Въ томъ же 1858 г. подъ вліяніемъ американскаго генеральнаго консула Гарриса и угрозъ англійскаго флота были даны иностраннымъ торговцамъ новыя льготы. Для страны и приверженцевъ изолированной Японіи стало совершенно

ясно, что шогунатъ, дѣйствительно, или не хочетъ, или не можетъ противиться притязаніямъ иностранцевъ. Волна оппозиціи поднялась и опять всколыхнула широкіе слои общества. Литературныя произведенія того времени были переполнены самыми хвастливыми эпитетами по отношенію къ Японіи и самыми бранными выраженіями по адресу иностранцевъ.

Хотя гоненіе со стороны шогуна на прогрессистовъ и имперіалистовъ разбило ихъ партію и выбросило ихъ въ большинствѣ случаевъ за бортъ государственнаго управленія, но оно же заставило ихъ внимательнѣе и вдумчивѣе отнестись къ своимъ программамъ; оно показало ту эфемерность надеждъ, которыя возлагались на объединеніе «знати двора императора и двора шогуна». Вопросъ обострился; многіе стали переходить на сторону тѣхъ, кто требовалъ уничтоженія шогуната и возврата императору полной власти, и административной, и законодательной. Компромиссныя формы перестали удовлетворять значительную часть общества. Стали выдвигаться планы насильственной дворцовой революціи: на терроризмъ шогуна нѣкоторые желали отвѣчать терроризмомъ имперіалистовъ. Хотя послѣдніе планы вожаками партіи, въ концѣ концовъ, были отброшены, однако, этимъ не былъ устраненъ ударъ, занесенный надъ головой всесильнаго и ни передъ чѣмъ не останавливавшагося регента Іи. Двадцать четвертаго марта 1860 г. Іи былъ убитъ. Почти всѣ убійцы принадлежали къ клану Мито. Всѣ они были самураи, и всѣ почти погибли на эшафотѣ. Въ письмѣ, въ которомъ перечислялись преступленія регента, за которыя онъ былъ преданъ смерти, между прочимъ, указывалось на его произвольные аресты и преслѣдованія, на назначеніе чиновниковъ, отвѣчающихъ только его интересамъ, на заключеніе договора съ иностранцами противъ воли императора.

Въ ближайшіе мѣсяцы пало еще двѣ жертвы: самураи, принадлежавшіе къ клану убитаго Іи, отмстили клану Мито насильственной смертью ихъ феодальнаго князя. Далѣе было совершено довольно удачное покушеніе на одного изъ министровъ шогуна. Все это показывало, что смута разрослась. И дѣйствительно, самураи съ каждымъ днемъ все больше и больше покидали свои кланы, приставали къ шайкамъ рониновъ и наполняли страну криками: «да здравствуетъ императоръ! Долой варваровъ!» Шогунатъ, потерявшій главную свою опору въ лицѣ убитаго Іи, ослабилъ давленіе на общество, и началъ возвратъ гонимыхъ передъ этимъ элементовъ. Несомнѣнно, что вожаки оппозиціи сдѣлали бы въ это время и болѣе рѣшительные шаги, если бы имъ не приходилось опираться въ своихъ насильственныхъ актахъ, главнымъ образомъ, на рониновъ, неустойчивость которыхъ могла бросить страну въ ужасный періодъ анархіи.

Отношеніе правительства шогуна къ иностранцамъ продолжало запутываться все больше и больше. Съ одной стороны, усиленіе

движенія самураевъ, которые считали изгнаніе чужеземцевъ дѣломъ своей чести и совѣсти, сопровождалось цѣлымъ рядомъ покушеній на представителей западно-европейскихъ государствъ. Съ другой стороны, и сами европейцы, не умѣя какъ слѣдуетъ разобраться во всемъ, что происходило въ новой и чуждой имъ средѣ, прибавляли много лишняго ко всей этой путаницѣ. Такъ, напр., тотъ фактъ, что посольства и представители ихъ тщательно охранялись японской администраціей отъ возможныхъ въ каждую минуту покушеній со стороны рониновъ, истолковывался европейцами за желаніе со стороны японцевъ установить за ними постоянный сыскъ и надзоръ, которые бы сдѣлали невыносимымъ пребываніе европейцевъ въ этой странѣ. Самыя покушенія приписывались многими европейцами тайнымъ махинаціямъ японскаго правительства, которое-де стремится терроризировать европейское общество. Наконецъ, въ самый торговый договоръ 1858 г. вкралась весьма невыгодная для Японіи недомолвка, которой воспользовалось европейское купечество.

Дѣло въ томъ, что этимъ договоромъ было допущено обращеніе въ Японіи иностранной монеты, причемъ не было принято во вниманіе то обстоятельство, что отношенія благородныхъ металловъ между собою въ Европѣ и въ тогдашней Японіи выражались различными величинами (въ Европѣ золото относилось къ серебру, какъ 15 : 1, въ Японіи же,—какъ 5 : 1), и разница всецѣло учитывалась въ свою пользу европейскими торговцами. Когда правительство замѣтило свою ошибку и приняло рядъ мѣръ въ цѣляхъ устраненія допущеннаго недосмотра, европейскіе торговцы подняли шумъ, обвиняя Японію въ нарушеніи договора. Далѣе, европейскіе торговцы оказались крайне недовольны тѣми обрядностями (дѣйствительно, докучными), которыя были установлены японцами съ давнихъ временъ для всѣхъ иностранныхъ товаровъ, поступавшихъ на японскую территорію. Такимъ образомъ, все это разстраивало и усложняло только что установленныя отношенія съ иностранцами и не обѣщало мирнаго разрѣшенія взаимныхъ недоразумѣній.

Между тѣмъ, осенью того же 1860 г. правительство шогуна понесло еще одну очень тяжелую для себя потерю. Умеръ принцъ феодальнаго округа Мито, который, не смотря на свое враждебное настроеніе къ шогунату, тѣмъ не менѣе, имѣлъ огромное вліяніе на самураевъ и рониновъ, удерживая ихъ отъ различныхъ насильственныхъ актовъ, а главнымъ образомъ, отъ нападенія на иностранцевъ.

Сознавая всю затруднительность положенія, правительство стало подумывать о пресловутомъ объединеніи обоихъ дворовъ—императорскаго и шогунатскаго. Сначала этого думали достигнуть бракомъ шогуна съ сестрой императора. Но время оказалось слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы теперь можно было достигнуть чего-

нибудь существеннаго подобными палліативами. Тогда правительство, желая ослабить оппозицію и успокоить ту ея часть, которая волновалась больше всего отношеніями къ иноземцамъ, пообѣщало изгнать послѣднихъ изъ Японіи въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ, т. е. стало опять-таки на скользкую почву оттяжекъ и двойной игры.

Между тѣмъ, политическій центръ все болѣе и болѣе перемѣщался въ Кіото, мѣстопребываніе императорскаго двора, куда стекались и тѣ, которые искренне хотѣли одного—изгнанія варваровъ, и тѣ, которые думали воспользоваться этимъ движеніемъ съ цѣлью уничтоженія двоевластія и ниспроверженія шогуната. Самъ дворъ, увлекаемый теченіемъ, игралъ въ данномъ случаѣ скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль, и даже, какъ увидимъ сейчасъ, побаивался нѣкоторыхъ изъ сторонниковъ императорской власти.

Какъ бы то ни было, кіотская оппозиція, воспользовавшись обѣщаніемъ шогуна изгнать чужеземцевъ, нанесла правительству рѣшительный и сильный ударъ. Она убѣдила императора издать эдиктъ, въ которомъ тотъ, перечисливъ всѣ несчастья, сопряженныя съ появленіемъ въ Японіи иностранцевъ, объявлялъ ко всеобщему свѣдѣнію объ обѣщаніи шогуна закончить въ десять лѣтъ всѣ приготовленія для изгнанія варваровъ. Этотъ эдиктъ ставилъ шогуна въ очень тяжелое положеніе по отношенію къ иностранцамъ и развязывалъ руки всѣмъ гражданамъ въ дѣлѣ организаціи заговоровъ противъ чужеземцевъ.

Въ это же время и болѣе широкіе круги оппозиціи начинаютъ дѣйствовать энергичнѣе, чѣмъ прежде. Наиболѣе могучими феодальными ленами были тогда Сатзума и Хошіу. И князья, и ихъ вассалы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ проявляли духъ особенной непокорности по отношенію къ шогуну. И шогуну было трудно заставить ихъ подчиняться своимъ требованіямъ: географическое положеніе обоихъ леновъ дѣлало затруднительными всякія военныя экспедиціи, направляемыя туда, и обезпечивало за ихъ князьями большую долю независимости. Теперь, въ смутное время японской исторіи, оба эти лена начинаютъ играть выдающуюся роль. Хошіу примкнулъ къ крайнимъ радикаламъ, требовавшимъ немедленнаго изгнанія варваровъ и ниспроверженія шогуната. Сатзума стоялъ на сторонѣ умѣренныхъ, не раздѣлявшихъ крайнихъ мѣръ по отношенію къ иностранцамъ и мечтавшихъ не объ уничтоженіи, а лишь о реформированіи шогуната. При помощи Сатзумы умѣренные рѣшились на активное вмѣшательство въ политику страны. Въ апрѣлѣ 1862 г. вооруженный отрядъ самураевъ изъ Сатзумы подъ предводительствомъ своего феодальнаго князя двинулся въ Кіото. Какъ мало былъ подготовленъ императорскій дворъ къ политическимъ реформамъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Неподалеку отъ Кіото къ самураямъ изъ Сатзумы присоединился отрядъ рониновъ, которые хотѣли черезъ Хизамитзу, феодальнаго князя

Сатзумы, подать императору петицію съ крайними требованіями по адресу шогуна и иностранцевъ. Борьба съ этими повстанцами могла бы невыгодно отразиться на ходѣ всей экспедиціи, и Хизамитзу, скрѣпя сердце, принялъ надъ ними начальство и обѣщалъ довести ихъ желанія до свѣдѣнія императора. Дворъ, получивъ эту петицію, былъ пораженъ ея революціоннымъ характеромъ, и хотя желаніемъ повстанцевъ было полное уничтоженіе шогуната и сосредоточеніе всей власти въ рукахъ императора, этотъ послѣдній велѣлъ Хизамитзу принять на себя охрану дворца и постараться успокоить рониновъ, оставленныхъ въ окрестностяхъ Кіото. Переговоры эти кончились кровавой стычкой, послѣ которой отрядъ рониновъ долженъ былъ разсѣяться. Получалось удивительное положеніе. Дворъ настолько отвыкъ отъ фактическаго вмѣшательства въ дѣла страны, что готовъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ защищаться отъ тѣхъ своихъ рьяныхъ сторонниковъ, которые хотѣли, чтобы вся власть перешла въ руки императора.

Умѣренные, опираясь на вооруженную силу самураевъ изъ Сатзумы, выработали слѣдующій планъ: императоръ долженъ послать въ Іедо къ шогуну торжественное посольство, сопровождаемое частью военныхъ силъ Сатзумы, съ требованіемъ—во-первыхъ, чтобы шогунъ самъ явился въ Кіото для переговоровъ съ главнѣйшими феодальными князьями о лучшихъ мѣрахъ для успокоенія націи (въ основѣ этого требованія лежала надежда на реализацію пресловутаго «объединенія двухъ знатей»); во-вторыхъ, чтобы пять приморскихъ крупныхъ феодаловъ были включены въ совѣтъ шогуна; и въ третьихъ, чтобы двумъ лицамъ, указаннымъ въ этомъ требованіи, были предоставлены крупныя административныя должности въ въ Іедо.

Правительство шогуна согласилось на первое и третье изъ этихъ требованій; а второе отвергло, какъ слишкомъ опасное. Но опасной для шогуната была вся процедура подачи этой петиціи. Она создавала для него очень опасный прецедентъ и предвѣщала полное крушеніе шогуната. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ здѣсь прямое обращеніе къ императорской власти феодальныхъ князей, что строго было воспрещено въ теченіе всей эпохи Токугава; мы видимъ, далѣе, прямое вмѣшательство въ фактическое управленіе страны со стороны императорскаго двора и какъ бы признаніе правъ на такое вмѣшательство со стороны шогуната, — это было опять-таки нарушеніемъ самыхъ основъ послѣдняго.

На обратномъ пути этого знаменитаго въ исторіи Японіи посольства произошло еще и другое чреватое послѣдствіями событіе. Навстрѣчу блестящему кортежу феодальнаго князя попалось нѣсколько англичанъ, которые не оказали обычныхъ въ этомъ случаѣ почестей. За такое неуваженіе, по правамъ того времени, каждому японцу грозила тутъ же на мѣстѣ смертная казнь. Въ силу этого обычая, самураи Сатзумы напали на иностранцевъ, причемъ

двое изъ нихъ были ранены и одинъ убитъ. Англія, конечно, потребовала удовлетворенія. Князь Сатзумы отказался выдать виновныхъ, а шогунъ не имѣлъ достаточно силы принудить его къ этому. Въ результатѣ послѣдовала бомбардировка англійскими кораблями Кагошимы, столицы Сатзумы. Это примѣненіе военной силы произвело на японское общество подавляющее впечатлѣніе, но къ этому мы еще возвратимся.

Экспедиція вождя Сатзумы въ Іедо сопровождалась еще цѣлымъ рядомъ болѣе второстепенныхъ мѣръ. Хизамитзу воспользовался смущеніемъ правительства шогуна и убѣдилъ его объявить амнистію за всѣ политическія преступленія, совершенныя съ 1858 г.; затѣмъ былъ произведенъ цѣлый рядъ перемѣщеній различныхъ крупныхъ чиновниковъ, а также приступлено къ усиленію береговой обороны. Была проведена, наконецъ, еще одна мѣра, а именно: крупнымъ феодаламъ приказано было держать гарнизоны въ Кіото, а для того, чтобы эта новая обязанность не отразилась слишкомъ тяжело на ихъ матеріальномъ положеніи, ихъ освободили отъ обязанности содержать свои семьи и проживать извѣстное количество мѣсяцевъ каждые два года въ Іедо. Эта невинная, на первый взглядъ, мѣра нанесла, однако, шогунату тяжелый ударъ: почти тотчасъ же феодальные князья разослали свои семейства по своимъ ленамъ, и столица шогуна быстро опустѣла. Эти перемѣны во внѣшней обстановкѣ Іедо служили для народной массы, которая не могла считаться со всѣми тонкостями политики, явнымъ доказательствомъ, что для шогуната пробили послѣдніе часы.

Итакъ, умѣренные со своей политикой примиренія «двухъ знатей» и реформированія сохраненнаго шогуната подрылись, противъ своей воли и ожиданія, подъ самые основы шогуната, послѣ чего существованіе его стало безусловно недолговѣчнымъ. Но умѣренные совершенно не замѣчали глубины своей работы. Они думали, что они въ значительной мѣрѣ достигли желаннаго «равновѣсія», и, по возвращеніи посольства изъ Іедо, отпраздновали въ Кіото свою побѣду, которая не стоила имъ ни капли крови.

Между тѣмъ, соотношеніе партій въ столицѣ за тѣ два мѣсяца, которые ушли на только что указанные переговоры, значительно измѣнилось. Отрядъ самураевъ изъ Сатзумы, на который опирались умѣренные, былъ значительно ослабленъ, такъ какъ часть его сопровождала посольство, назначенное въ Іедо. Этимъ воспользовались ронины, которые проникли въ Кіото, совершили рядъ политическихъ убійствъ и сорганизовались вокругъ одного изъ феодальныхъ князей — Мори Мотонори изъ Мито, одного изъ рьяныхъ приверженцевъ крайней партіи того времени. Императорскій дворъ и раньше больше сочувствовалъ крайнимъ въ той части ихъ программы, которая касалась немедленнаго изгнанія варваровъ. Крайніе взяли верхъ при дворѣ императора. Немедленная священная война съ варварами стала центромъ политики императорскаго

двора. Въ концѣ апрѣля 1863 г. шогунъ торжественно вступилъ въ Кіото и попалъ въ атмосферу самого крайняго шовинизма. Крайніе закусили удила; по ихъ настоянію, изгнаніе варваровъ было назначено на 25 іюня того же года; императоръ не позволилъ шогуну выѣхать изъ Кіото; этому послѣднему едва-едва удалось уклониться отъ торжественной церемоніи вручения при алтарѣ меча, какъ символа начала рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій противъ враговъ. Наступилъ рѣшительный моментъ; правительство шогуна не могло уже долѣе вести своей двойственной игры съ императорскимъ дворомъ и представителями иностранныхъ державъ: оно наотрѣзъ отказалось исполнить повелѣніе императорскаго двора и начать несправедливую войну съ иностранцами. Этотъ глубоко-патріотическій шагъ правительства шогуна повелъ, однако, къ тому, что умѣренные потеряли всякое вліяніе на императорскій дворъ, и Кіото осталось въ рукахъ крайнихъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ событій появился императорскій приказъ, которымъ назначался день для изгнанія варваровъ. Правда, этотъ приказъ исходилъ прямо отъ императора и не имѣлъ скрѣпы со стороны правительства шогуна, т. е. шелъ въ разрѣзъ со всей установившейся административной и законодательной практикой Японіи, но на эту сторону дѣла многіе теперь уже перестали обращать вниманіе. Феодальный князь лена Хошіу нашелъ нужнымъ немедленно же подчиниться этому приказу, и по его распоряженію въ принадлежащей ему укрѣпленной гавани Симоносеки былъ открытъ по американскимъ, французскимъ и голландскимъ судамъ артиллерійскій огонь, которымъ были произведены поврежденія судовъ и убито нѣсколько человѣкъ иностранцевъ. Правительство шогуна при такихъ обстоятельствахъ рѣшило силой освободить шогуна, задержаннаго въ Кіото. Съ этой цѣлью въ столицу императора было отправлено два батальона самурасвъ. Но до кровопролитія дѣло не дошло: шогунъ былъ отпущенъ въ Іедо.

Между тѣмъ, бомбардировка Кагошимы англичанами произвела на императора и его дворъ, какъ и на все японское общество, прямо-таки потрясающее впечатлѣніе и показала, съ какими жалкими силами и средствами думаетъ Японія вступить въ борьбу съ могучими военными организаціями Запада. Императорскій приказъ объ изгнаніи варваровъ былъ объявленъ подложнымъ; вину за это преступленіе возложили на крайнихъ, и Мори со всѣми своими вассалами и подчиненными былъ изгнанъ изъ Кіото. Вліяніе опять перешло въ руки умѣренныхъ, и общественное мнѣніе, повидимому, окончательно отвернулось отъ всякихъ проектовъ изгнанія варваровъ. Крайніе, наконецъ, заставили отказаться отъ союза съ ними и императорскій дворъ. Самураи изъ Хошіу для того, чтобы возстановить свое вліяніе на императора, двинулись на Кіото, сожгли его большую часть и только съ большимъ трудомъ были отбиты. Такимъ образомъ, недавніе союзники императора въ его политикѣ

ненависти къ варварамъ стали мятежниками и порвали всякую связь съ императорскимъ дворомъ. Агитація противъ варваровъ потеряла одинъ изъ самыхъ крупныхъ своихъ козырей—санкцію императора.

Мы не останавливаемся на подробностяхъ этой борьбы возмутившагося клана Хошіу съ императорскимъ дворомъ и шогуномъ. Достаточно сказать, что она затянулась почти на два года и дала нѣсколько кровавыхъ столкновеній. Для насъ важно отмѣтить лишь тѣ теченія, которыя продолжали начавшееся разложеніе стараго порядка и созиданіе новыхъ общественныхъ отношеній. На первомъ мѣстѣ здѣсь мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что вожди Хошіу въ неравной борьбѣ съ войсками шогуна рѣшились переступить старый коренной законъ, — одну изъ основъ всего феодальнаго строя, — по которому оружіе разрѣшалось носить лишь самураямъ, составлявшимъ дѣйствующую армію. Феодальный князь Хошіу нашелъ такой порядокъ не соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ и сталъ принимать въ ряды своихъ войскъ людей всѣхъ классовъ и всѣхъ общественныхъ положеній. Такъ,—почти безсознательно,—нанесенъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ феодальному строю.

Съ другой стороны, нападеніе въ гавани Симоносеки на европейскіе корабли съ батарей Хошіу, конечно, не прошло для Японіи даромъ. Соединенная эскадра европейскихъ державъ и Америки подвергла берега Симоносеки жестокой канонадѣ, которая убѣдила Хошіу въ полной невозможности оказать какое-либо сопротивленіе военнымъ силамъ Америки и Европы и еще больше уронила въ общественномъ мнѣніи идею объ изгнаніи варваровъ. Кромѣ того, правительству шогуната пришлось заплатить огромную контрибуцію за дѣйствія феодала Хошіу, который поступалъ въ данномъ случаѣ прямо въ разрѣзъ съ распоряженіями изъ Іедо. Это обстоятельство еще сильнѣе заставляло задумываться многихъ изъ активныхъ дѣятелей того времени о необходимости сосредоточить политическую власть и отвѣтственность въ однѣхъ рукахъ и сократить многія вольности феодаловъ. Такъ подрывался все глубже и глубже потокъ событій подъ устои государственнаго права Японіи.

Какъ бы то ни было, шогунатъ вышелъ, пока, изъ затруднительныхъ обстоятельствъ побѣдителемъ. Положеніе умѣренныхъ окончательно укрѣпилось при дворѣ. Однако, событія продолжали развиваться и привели къ окончательной исторической развязкѣ раньше, чѣмъ это можно было, повидимому, ожидать.

Представители иностранныхъ державъ давно уже чувствовали, что отсутствіе императорской санкціи заключенныхъ ими договоровъ является источникомъ цѣлаго ряда волненій въ странѣ и дѣлаетъ ихъ положеніе здѣсь неустойчивымъ. Естественно, что они были серьезно озабочены тѣмъ, чтобы такъ или иначе заручиться подобной санкціей. Кромѣ того, необходимо было уладить нѣкото-

рые тарифные вопросы и добиться открытія двухъ портовъ Хіого и Осака. Особенно удобнымъ для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей представителямъ иностранныхъ державъ показался моментъ послѣ Симоносекской бомбардировки. На японское правительство была возложена контрибуція болѣе, чѣмъ въ два милліона рублей. Гарри Паркесъ, представитель Великобританіи, убѣдилъ заинтересованныя въ данномъ случаѣ державы отказаться отъ этой контрибуціи подъ условіемъ, что вышеприведенныя требованія будутъ японскимъ правительствомъ выполнены немедленно. Но, полагая, что на востокѣ иностранная политика должна опираться на военную силу, державы согласились прежде, чѣмъ предложить свои условія, произвести въ Хіого морскую демонстрацію. И, дѣйствительно, въ ноябрѣ 1866 г. въ указанной гавани стали на якорь восемь боевыхъ кораблей различныхъ государствъ. Впечатлѣніе на общество отъ этой демонстраціи оказалось огромное. Движеніе противъ иностранцевъ, которое начало затихать, вспыхнуло съ новой силой. Дѣло въ томъ, что Хіого является гаванью для Кіото. Такимъ образомъ, «варвары» оказались у самыхъ воротъ императорской столицы. Это была дерзость, превосходившая ту, которую позволилъ себѣ адмиралъ Перри, когда нѣсколько лѣтъ назадъ остановился въ гавани Іедо. Въ виду такого дерзкаго отношенія со стороны варваровъ, внутреннія раздоры между феодалами были забыты. Ростъ агитаціи противъ иностранцевъ сопровождался опять новымъ взрывомъ негодованія противъ шогуната, который и на этотъ разъ оказался неспособнымъ избавить страну отъ подобнаго униженія. Министры же шогуна продолжали свою обычную политику затяжекъ: иностранцевъ они успокаивали полуобѣщаніями, а императорскій дворъ старались склонить къ частичнымъ уступкамъ.

Императорскій дворъ и самъ императоръ, крайне взволнованные всѣмъ происшедшимъ, снова подпали подъ вліяніе крайнихъ. Императоръ распорядился объ удаленіи министровъ, которые вели переговоры отъ имени шогуната съ представителями иностранныхъ державъ. Это было уже прямое посягательство на административныя права іедскаго правительства. Но правительство шогуна не посмѣло протестовать и исполнило распоряженіе императора, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая добиваться санкціи заключеннаго имъ договора. Императоръ далъ, наконецъ, свое согласіе, но потребовалъ, чтобы договоры были подвергнуты пересмотру при участіи феодальныхъ властителей, и чтобы требуемыя гавани не были открыты иностранцамъ. У шогуна и на этотъ разъ не хватило смѣлости отвѣчать отказомъ на требованія императорскаго двора. Онъ призналъ ихъ, но все-таки обѣщалъ отъ себя иностранцамъ одну изъ нужныхъ имъ гаваней. Покончивъ съ тарифнымъ вопросомъ и заручившись санкціей императора на договоры и обѣщаніемъ шогуната на открытіе въ ближайшее время Хіого, иностранныя суда отплыли, увозя

съ собой сознаніе побѣды и не отказавшись ни отъ копѣйки контрибуціи.

Послѣ отъѣзда соединенной эскадры правительство шогуна рѣшило продолжать свою борьбу съ непокорнымъ Хошіу. Но обстоятельства измѣнились коренным-образомъ. Вожди умѣренныхъ убѣдились въ необходимости реформировать всю административную и законодательную машину шогуната теперь же. Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи имъ представлялась такая организація, при которой шогунатъ считался бы со взглядами и требованіями объединенныхъ феодаловъ. Эта идея сдѣлала особенные успѣхи за время послѣдней морской демонстраціи иностранныхъ державъ, и когда теперь войска шогуна выступили противъ Хошіу, они нашли на сторонѣ этого непокорнаго лена многихъ своихъ прежнихъ союзниковъ и общественное мнѣніе страны. Самураи Хошіу одержали теперь рядъ побѣдъ надъ правительственными войсками и тѣмъ совершенно подорвали военный авторитетъ шогуна. Военныя операціи были прекращены съ той и другой стороны по требованію императора. Въ это время умеръ совсѣмъ еще юношей шогунъ; прямыхъ наслѣдниковъ на шогунскій престолъ не было; шогунатское достоинство было передано Хитотсубази, который былъ признанъ главой дома Токугава и принялъ теперь имя Токугава-Іосинобу.

Новый шогунъ долгое время до этого момента стоялъ во главѣ управленія. Онъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и прекрасно понималъ, что послѣдніе часы шогуната близки. Согласился же онъ на этотъ высокій постъ только послѣ настоянія со стороны императора и завѣреній со стороны нѣсколькихъ крупныхъ феодаловъ въ самой серьезной поддержкѣ.

Самая личность новаго шогуна представляетъ крупный интересъ для характеристики тѣхъ глубокихъ измѣненій, которыя произошли за послѣднія десять лѣтъ въ сознаніи японскаго общества. Новый шогунъ былъ выдвинутъ кандидатомъ на этотъ постъ еще за девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1857 г., со стороны наиболѣе рѣшительныхъ сторонниковъ «изгнанія варваровъ». И вотъ теперь, въ 1866 г., онъ оказывается шогуномъ послѣ девятилѣтней работы въ самомъ центрѣ правительственнаго механизма. И что же мы видимъ? Этотъ кандидатъ партіи, враждебной иностранцамъ, успѣлъ за это время передѣлать армію по французскому образцу, пригласить англійскихъ офицеровъ для организаціи флота, послать своего брата на парижскую выставку и приспособить цѣлый рядъ обычаевъ и церемоній шогунскаго двора къ западно-европейскимъ образцамъ. Такъ духъ времени сломилъ самыхъ непримиримыхъ, когда имъ пришлось столкнуться съ живой дѣйствительностью и вдуматься хорошенько въ условія текущей жизни.

Мы не будемъ останавливаться на короткомъ управленіи Токугавы Іосинобу. Мы видѣли, что предыдущія событія успѣли рас-

шатать всѣ устои шогуната: шогунатъ фактически потерялъ всѣ свои главнѣйшія права; онъ не чувствовалъ уже подъ собой почвы; онъ существовалъ, какъ учрежденіе, но не какъ политическая сила. Оставалось нанести ему послѣдній ударъ—формально признать удаленіе его съ исторической сцены. Развязка не заставила себя ждать.

Изъ первыхъ же столкновеній съ феодалами и ихъ самураями новый шогунъ вынесъ впечатлѣніе, что на его сторонѣ самое незначительное меньшинство, а всѣ остальныя силы сплотились вокругъ имперіалистской программы, отбросившей всѣ свои шовинистическія требованія и планы относительно изгнанія иностранцевъ.

Въ октябрѣ 1867 г. одинъ изъ феодальныхъ князей обратился къ шогуну съ откровеннымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «причина постигшихъ насъ неурядицъ заключается въ томъ, что административныя распоряженія исходятъ изъ двухъ центровъ, заставляя глаза и уши имперіи вращаться по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Событія движутся къ революціи, и старый порядокъ не можетъ быть сохраненъ на будущее время. Вы должны возвратить всю власть управленія въ руки государя и заложить фундаментъ, на которомъ Японія можетъ подняться на такую же высоту, какой достигли другія страны». Это письмо было послѣдней каплей, переполнившей чашу сомнѣній и колебаній шогуна. Шогунъ созвалъ феодаловъ и высшихъ чиновъ имперіи, сообщилъ имъ о своемъ рѣшеніи передать всю власть въ руки императора и просилъ ихъ совѣта. Рѣшеніе его было одобрено, и 14 октября 1867 г. шогунатъ пересталъ существовать, а на историческую сцену выдвинулась японская имперія, представлявшая пока что, еще абсолютную монархію.

Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить этого рѣдкаго и не даромъ вызывающаго восторгъ у историковъ факта отреченія отъ власти. Надо помнить, что въ рукахъ у шогуна все-таки еще былъ весь правительственный механизмъ; у него были огромныя матеріальныя средства: войско и деньги. Правда, противъ него было общественное мнѣніе страны; его армію могли противопоставить свои войска отдѣльные феодалы. Его дѣло по существу, конечно, было проиграно, но онъ могъ бы еще потягаться съ новыми теченіями въ гражданской войнѣ и, быть можетъ, протянуть еще нѣсколько лѣтъ у кормила правленія. Но онъ не захотѣлъ прибавлять нѣсколько кровавыхъ страницъ къ исторіи своей родины и покорно ушелъ прочь, все взвѣсивъ и обдумавъ.

Окидывая теперь общимъ взглядомъ описанное нами четырнадцатилѣтіе (1853—1867 гг.) японской исторіи, мы должны признать, что этотъ періодъ перестройки стараго государственнаго порядка представляетъ здѣсь много своеобразнаго.

Накоплявшіяся въ долгомъ и постепенномъ историческомъ процессѣ молекулярныя измѣненія общественнаго организма немедленно дали знать о себѣ подъ вліяніемъ энергичнаго толчка, полученнаго извнѣ. Быстро выдвинувшіяся на историческую сцену силы сгруппировались въ необычномъ видѣ. Въ завязавшейся борьбѣ партій наблюдателя прежде всего поражаетъ отсутствіе сколько-нибудь выдержаннаго консерватизма. Въ самомъ дѣлѣ, если партія шогуна и умѣренные хотѣли, во что бы то ни стало, сохранить шогунатъ, хотя бы въ реформированномъ видѣ, то они же, съ другой стороны, склонялись къ политикѣ открытыхъ дверей, къ сближенію съ западной культурой, къ уничтоженію той изоляціи, въ которой Японія прожила около двухъ столѣтій и къ которой привыкло нѣсколько десятковъ поколѣній, т. е., по существу, требовали прогрессивно-радикальныхъ измѣненій во всемъ жизненномъ строѣ страны. Съ другой стороны, если императоръ и партія крайнихъ съ ненавистью относились къ иностранцамъ и упорно искали малѣйшей возможности загнать Японію въ ея прежнее замкнутое существованіе, то они столь же страстно стремились къ уничтоженію шогуната, этой сложной и законченной системы государственнаго управленія, просуществовавшей безъ малѣйшихъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій. Съ этой точки зрѣнія, императоръ и крайніе были радикалами и прогрессистами, такъ какъ ихъ стремленія были направлены къ замѣнѣ отжившихъ общественныхъ отношеній новыми, болѣе соотвѣтствующими запросамъ времени. Жизнь заставила обѣ партіи примириться на компромиссѣ: одни навсегда потеряли шогунатъ, другіе навсегда должны были отказаться отъ надежды избавиться отъ вмѣшательства западноевропейской культуры и западныхъ государствъ въ мирное теченіе японской исторіи.

Но во всемъ этомъ періодѣ не только много своеобразнаго, но много и поучительнаго. Здѣсь повторилось то, что происходитъ и въ другихъ общественныхъ движеніяхъ. Въ то время, какъ въ глубинѣ народныхъ массъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ, происходили существенныя и глубокія, но еще незамѣтныя измѣненія, на сцену уже выдвинулась интеллигенція, первая почувствовавшая и понявшая, что старый режимъ отжилъ и долженъ быть подвергнутъ коренной перестройкѣ. Она первая стала говорить объ этомъ, указывать на это, настаивать на этомъ. Она первая приняла на себя гнѣвные удары стараго порядка, не хотѣвшаго склониться передъ новыми побѣдами жизни и не чувствовавшаго своей дряхлости, хотя и осужденнаго уже исторіей. Нуженъ былъ внѣшній толчокъ, чтобы вдвинуть въ движеніе болѣе широкіе круги общества. Послѣ того процессъ ломки старыхъ формъ пошелъ неуклонно и стихійно. Пускай главнѣйшіе дѣятели исторической драмы искали среднихъ путей, желая проскользнуть безъ большихъ страданій и потрясеній,—этихъ среднихъ путей не оказалось. То

что они дѣлали для примиренія стараго порядка съ новымъ ложилось дробящими ударами на старый режимъ и служило къ созиданію фундамента для новаго общественнаго строя—и дѣлалось это часто безсознательно, совершенно незамѣтно для самихъ актеровъ исторической сцены. Жизнь отвернулась отъ мечтаній среднихъ людей о среднихъ путяхъ: она залѣчила свои раны крайними мѣрами, радикальными средствами: у однихъ она взяла свободу сношеній Японіи со всѣмъ остальнымъ міромъ, у другихъ коренную ломку государственнаго строя.

А. Николаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Юный садъ, въ жемчужно-матовомъ цвѣту,
Утомленною невѣстою стоитъ.
Оправляя подвѣнечную фату,
Тихо вѣтеръ шелкомъ листьевъ шелеститъ.

Бѣлокудрый май возлюбленной своей
О любви и свѣтлой радости поетъ
И вѣнецъ изъ нѣжно-пламенныхъ лучей,
Очарованный, къ ногамъ ея кладетъ.

Ароматный цвѣтъ ложится на траву,
Покрываетъ мелкимъ жемчугомъ песокъ,
И что счастье распустилось на яву—
Говоритъ отъ счастья тающій цвѣтокъ.

В. Башкинъ.

НА ЛИМАНѢ.

Очеркъ.

Старый рэбъ Лейзеръ устало опустился на высокую неудобную скамейку, устроенную рядомъ съ покосившейся, разбитой калиткой для отдыха больныхъ. Бронзовая грудь его, едва прикрытая жалкими лохмотьями невѣроятнаго сюртука и большой бѣлой бородой, съ трудомъ дышала этимъ сухимъ, раскаленнымъ воздухомъ; все тѣло, изможденное, изношенное въ долгихъ лишеніяхъ, ныло, а грустные, ушедшіе подъ сѣдыя нависшія брови глаза неподвижно смотрѣли куда-то въ безвѣстную глубину...

Передъ нимъ, въ блѣдной рамкѣ безконечныхъ песковъ, разстилалась, ослѣпительно сверкая на заходящемъ солнцѣ, широкая гладь неподвижныхъ, мертвыхъ водъ лимана. Справа, далеко на горизонтѣ, мутно темнѣла изъ-за сѣрыхъ, безнадежно унылыхъ холмовъ узкая полоска моря; слѣва, среди чахлой, пыльной, едва живой зелени безпорядочно раскинулись жалкіе домишки мѣстечка; надъ ними, замыкая горизонтъ, поднимались невысокіе, обрывистые утесы, сѣрые, блѣдные, будто больные... И ни звука вокругъ, ни движенія — ни на землѣ, ни въ этомъ поблѣднѣвшемъ отъ зноя, сухомъ небѣ, — точно все застыло въ глубокомъ, мертвомъ снѣ, полномъ тяжелыхъ, мучительныхъ видѣній... Вотъ, откуда-то вышли двое больныхъ, стали медленно спускаться къ мертвой водѣ, и усталыя, надломленныя фигуры ихъ еще болѣе усилили скорбную тоску лимана...

Рэбъ Лейзеръ былъ человѣкъ святой жизни. Строго, какъ никто, исполнялъ онъ всѣ предписанія закона и, несмотря на то, что жизнь его была одной сплошной голодовкой, однимъ сплошнымъ мученіемъ, несъ покорно тяжкое бремя ея. Никогда не ропталъ на Бога, — не ропталъ, когда смерть унесла старшаго сына, единственную опору многочисленной семьи, не ропталъ, когда самого его разбилъ параличъ,

и семья очутилась на мостовой безъ куска хлѣба, не ропталъ, когда двѣ молоденькія внучки, Ханна и Миндль, одна за другой, попали въ „домъ“, куда ходили по ночамъ разные образованные господа, студенты, офицеры, гимназисты... Никогда не ропталъ, напротивъ, всегда славословилъ имя Господне!. Не ропталъ онъ и теперь, когда, пріѣхавъ на „заработанные“ внучками гроши на лиманъ, очутился почти безъ копѣйки, не имѣя возможности ни лѣчиться, ни вернуться домой; тѣмъ не менѣе, надо сознаться, — мысль умереть здѣсь, на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, заставляла его невыразимо страдать...

А въ довершеніе бѣды, на мертвый лиманъ прилетѣлъ безобразный, наводящій трепетъ слухъ о новомъ горѣ, постигшемъ родной городъ... Рабъ Лейзеръ задрожалъ, какъ тяжело раненая птица... Ахъ, если-бъ крылья!.. Какъ рванулся бы онъ домой, чтобы поскорѣй убѣдиться, увидѣть собственными глазами, что всѣ его живы! Но, увы, нѣтъ ни крыльевъ, ни денегъ,—только пара старыхъ, едва носящихъ больное тѣло ногъ...

Поголодавъ одинъ день, онъ купилъ на сбереженныя деньги марку и послалъ домой письмо... И вотъ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ отвѣта, и при свѣтѣ дня, и во мракѣ длинныхъ безсонныхъ ночей мерещились ему ужасы, ужасы...

— За что, за что?!—горько шепталъ онъ, вспоминая неизгладимыя картины пережитого въ молодости подобнаго же ужаса, на память о которомъ сохранился глубокій синій шрамъ на его вискѣ, прикрытый теперь сѣдыми волосами.—За что?..

Отвѣта не было...

Ему было тяжело оставаться одному съ своей тоской, съ своимъ холоднымъ страхомъ, и онъ, кряхтя, всталъ и, отворивъ калитку, вошелъ въ небольшой чахлый садъ, гдѣ на землѣ валялись въ разныхъ позахъ люди. Слѣва виднѣлось выжженное пятно и куча обгорѣлыхъ бревенъ, разбитыхъ кирпичей, ржаваго, судорожно исковерканнаго желѣза, — слѣды сгорѣвшей въ прошломъ году дачи... Раньше хозяинъ сдавалъ эту дачу вмѣстѣ съ садомъ богатымъ больнымъ, но теперь, послѣ пожара, не имѣя достаточно средствъ для постройки новой дачи, сколотилъ изъ тонкаго теса на скорую руку нѣсколько убогихъ, похожихъ на курятники, сарайчиковъ, куда и пускалъ непокрытую бѣдноту. Скоро, однако, онъ убѣдился, что эти сарайчики даже выгоднѣе дачи. Лиманъ пользовался большой извѣстностью, особенно почему-то среди евреевъ, и купальный сезонъ привлекалъ такую массу народа, что, не смотря на бѣшеныя цѣны, всѣ помѣ-

щенія разбирались на расхватъ... Сарайчики, выросшіе подобно грибамъ, на мѣстѣ сгорѣвшей дачи, были переполнены пріѣзжими; даже полузасохшіе кустики и деревца сада служили пріютомъ. Больной клалъ въ тѣни вѣтокъ, на землю, какое-нибудь тряпье, сверху набрасывалъ старое, порыжѣвшее пальто или кусокъ грязнаго, дыряваго холста и, сидя въ этомъ импровизированномъ шалашѣ, мокъ на дождѣ, жарился на солнцѣ, задыхался въ тучахъ пыли, платя хозяину за это удовольствіе гривенникъ въ сутки.

Рэбъ Лейзеръ пробрался къ своему кустику, росшему на краю выжженнаго мѣста, и, опустившись на грязныя лохмотья, служившія ему постелью, уперся подбородкомъ въ согнутыя колѣни и сталъ смотрѣть вокругъ, безсознательно пытаясь заглушить внѣшними впечатлѣніями смертельную внутреннюю тоску и страшныя воспоминанія.

Тутъ были чуть не столѣтніе старики и старухи, годовалыя малютки, мужчины въ рабочемъ возрастѣ, дѣвушки, похожія на полузасохшія больныя деревца... Тутъ были пріѣхавшіе, какъ и онъ, издалека, на послѣднія крохи; среди нихъ были злые и добрые, отчаявшіеся и полные надеждъ, умирающіе и, повидимому, выздоравливающіе; но было одно, что объединяло этотъ разноликій и разнохарактерный сбродъ,— страданіе, страданіе физическое, вырывающее изъ измученной груди нетерпѣливые крики, и страданіе душевное, которое молча глядитъ изъ этихъ большихъ воспаленныхъ глазъ, лишь изрѣдка выливаясь въ безсильныхъ жалобахъ или холодныхъ слезахъ отчаянія... За то постоянно говорятъ о немъ — эта сухость и жесткость озлобленныхъ голосовъ, эти частыя безсмысленныя ссоры по пустякамъ...

Отправляясь на лиманъ, большинство позаботилось заручиться рекомендательнымъ письмомъ—то отъ мѣстнаго раввина, то отъ какой-нибудь мягкосердой m-me Гольденбергъ, не отказавшейся удостовѣрить, что податель Зелихъ Зильбершатцъ человѣкъ очень почтенный, заслуживающій всякаго сочувствія и помощи. Но, добравшись кое-какъ до чудотворнаго лимана, бѣдняки, къ великому удивленію своему, узнали, что съ письмомъ m-me Гольденбергъ, адресованнымъ въ пространство, обратиться здѣсь не къ кому, и что нужны здѣсь только деньги, самыя простыя серебряныя и бумажныя деньги, тѣ самыя, которыхъ у нихъ, къ сожалѣнію, не было... И вотъ, съ завѣтнымъ письмомъ въ карманѣ (бѣдняки никакъ не могли разстаться съ нимъ!), злополучные пилигриммы оказывались въ какомъ-нибудь сараѣ или въ саду подъ кустомъ, безъ крова, безъ пищи, оторванные отъ всего родного, одинокіе, потерявшіеся... Многіе, поздоровѣе, бросались на поиски работы, но, конечно, никакой работы въ глу-

хомъ мѣстечкѣ, живущемъ только больными, не находилось. Лиманъ блестѣлъ предъ ихъ глазами, дразня и распаляя наивную вѣру въ то, что спасеніе—здѣсь, въ двухъ шагахъ, и что отдѣляетъ отъ этого спасенія единственная преграда — полтинникъ, который нужно заплатить за ванну! И это съ нихъ только, съ бѣдныхъ, требуютъ полтинникъ, для нихъ дѣлаютъ такое снисхожденіе, — богатые должны платить цѣлый рубль. Одно горе: нельзя воспользоваться снисхожденіемъ, потому что нѣтъ полтинника... Тщетно предъявляютъ они въ сотый разъ измятое, порыжѣвшее отъ пота письмо m-me Гольденбергъ и увѣряютъ, что они, дѣйствительно, больны, очень больны, очень страдаютъ и просятъ дать одну только ванну,—они и отъ одной выздоровѣютъ,—ну, что такое одна ванна?!. „Я Зелихъ Зильбершатцъ, человѣкъ честный, я ничего чужого не хочу... M-me Гольденбергъ...“ Но тутъ дверь захлопывается—и Зелихъ остается одинъ передъ неприступной стѣной. Стоя въ глубокой задумчивости на мосткахъ, ведущихъ въ грязелечебное заведеніе, онъ смотритъ на мертвую сверкающую воду лимана, и въ его неподвижномъ взглядѣ, во всей его обтрепанной, лохматой фигурѣ есть что-то такое, отъ чего внимательному зрителю стало бы страшно...

Зелихъ Зильбершатцъ бросается по богатымъ дачамъ, умоляя дать ему, бѣдному, честному человѣку, котораго знаетъ сама m-me Гольденбергъ, немного денегъ на проѣздъ домой. Онъ пріѣхалъ сюда лечиться, но у него нѣтъ денегъ, и все, чего онъ теперь хочетъ, это скорѣе уѣхать домой... Но едва въ карманѣ Зелиха набирается полтинникъ, рубль, какъ сломя голову онъ несется въ грязелечебное заведеніе... Какъ уѣхать? Вѣдь вотъ, вотъ оно спасеніе! Онъ беретъ ванну, другую... Никакого результата!.. Правда, ему говорили, что двухъ ваннъ мало, что надо взять ихъ не одинъ десятокъ, да кромѣ того, не надо изъ экономіи голодать во время лѣченія по два, по три дня, не надо спать подъ дождемъ, а онъ не послушался... Онъ понадѣялся, что лиманъ-благодѣтель войдетъ въ его положеніе... И вотъ, снова судорожная, съ замирающимъ отъ страха, стыда и отчаянія сердцемъ, бѣготня по богатымъ дачамъ, униженныя просьбы, ссылки на m-me Гольденбергъ... Иногда его узнаютъ и выгоняютъ вонъ, какъ обманщика; иногда, забывъ, что онъ уже являлся за помощью — мало ли ихъ бѣгаетъ, этихъ Зелиховъ! — даютъ ему снова четвертакъ или полтинникъ, и снова цѣлительная грязь лимана поглощаетъ ихъ, не давая взамѣнъ ничего, и снова Зелихъ стоитъ на мосткахъ и неподвижно глядитъ страннымъ взглядомъ на мертвую равнодушную воду...

И часто душнымъ, жаркимъ полднемъ, когда все такъ ярко и тихо кругомъ, или звѣздной ночью, подъ прекрасное пѣніе цикадъ, изъ-подъ куста, украшеннаго рыжимъ пальто съ бахромой на рукавахъ и по подолу, переселяется онъ въ иной лучшій міръ. Велиха Вильбершатца зарываютъ въ горячій песокъ лимана, гдѣ, отдыхая, лежитъ уже немало другихъ уставшихъ страдать людей, и тотчасъ же подъ этимъ кустомъ поселяется другой Велихъ, замѣнивъ лишь рыжее пальто какимъ-нибудь дырявымъ мѣшкомъ или просто прѣлой рогожей...

Вотъ, отворилась разбитая калитка, и въ садикъ, шатаясь, вошла старая, маленькая, худая еврейка съ шестнадцатилѣтнимъ паралитикомъ-сыномъ на рукахъ: каждый день она относитъ его такимъ образомъ въ ванну... Дойдя до своего куста, старуха бережно положила юношу на кучу лохмотьевъ и, какъ подрѣзанная, повалилась рядомъ на землю. Измученное лицо ея было страшно блѣдно; неестественно расширенные глаза безсмысленно смотрѣли впередъ; изъ полуоткрытаго рта съ шумомъ вылетало короткое, горячее дыханіе... Сынъ, кудрявый, стройный юноша съ тонкимъ профилемъ, съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ на мать прекрасными глазами, похожими на глаза раненаго оленя, и что-то тихо говорилъ ей.

— Ишь, какъ заморилась, несчастная! — мягкимъ грудянымъ голосомъ проговорилъ молодой, блѣдный извозчикъ-штундистъ.—На-ка, вотъ, испей маленько!

Изъ добрыхъ синихъ глазъ его струился мягкій, ласкающій свѣтъ; онъ протянулъ старухѣ помятый, жестяной чайникъ съ водой.

Подъ сосѣднимъ кустомъ чинила лохмотья рыжая, рослая еврейка съ краснымъ лицомъ и широкой рабочей спиной; рядомъ съ ней лежало трое больныхъ дѣтей, съ худенькими кривыми ножками и распухшими животами; четвертый, старшій, мальчикъ лѣтъ девяти, съ недѣтски-серьезнымъ лицомъ, сидѣлъ въ сторонкѣ и ржавой желѣзкой стругалъ палочку. Это была вдова, пріѣхавшая на лиманъ на послѣднія крохи. Долго, съ злобнымъ упорствомъ, искала она здѣсь работы, но, не смотря на ея сильную, прекрасную фигуру и мускулистыя, мозолистыя руки, никто не бралъ ея, и это приводило женщину въ дикую ярость, заставляло нерѣдко разражаться страшными проклятіями... Когда дѣти съ плачемъ просили ѣсть, а ѣсть было нечего, и бѣдная мать ничѣмъ не могла ихъ успокоить, она вдругъ вскакивала на ноги, поднимала голову къ небу и съ угрозой потрясала своими сильными кулаками; но потомъ, будто сама испугавшись своего дикаго порыва, бросалась къ дѣтямъ и

начинала дрожащими руками ласкать ихъ, испуганно шепча:

— Тсс... Тише... Городовой... Вонъ, вонъ идетъ!.. И околодочный съ нимъ... Смотрите, услышатъ — тогда бѣда... Тс...

Ближе всѣхъ къ рэбъ Лейзеру сидѣла молодая женщина съ прозрачнымъ, восковымъ лицомъ и огромными черными глазами. Видимо, изнемогая, она держала на рукахъ трехлѣтняго ребенка. Его маленькое, блѣдное личико, тонкая шейка, тонкія, безжизненно висящія изъ-подъ лохмотьевъ ручки и ножки, все это было такъ нѣжно и слабо, точно вмѣсто костей внутри маленькаго тѣльца была вата, и все держалось вмѣстѣ только какимъ-то чудомъ, готовое ежемгновенно растаять, разсѣяться вмѣстѣ съ этими безпрерывными тихими, но хватающими за душу стонами, вылетающими изъ сухого полуоткрытаго ротика съ посинѣвшими губами...

За заборомъ послышался слабый шипящій звукъ колесъ, медленно катящихся по глубокому песку, и фырканье лошади.

— Іойне ѣдетъ!—крикнулъ какой-то шустрый мальчуганъ, похожій на бойкаго воробья, и, спрыгнувъ съ тесоваго забора на землю, бросился отворять ворота.

Всѣ встрепенулись.

Въ садъ, на выжженное пространство, въѣхала небольшая запыленная телѣжка булочника, запряженная лохматой, изжелена-желтой кляченкой, еле живой, похожей на тѣнь...

— Тпру... Стой, красавица!..—спрыгивая на землю, прогоговорилъ булочникъ, худощавый мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ рыжими курчавыми волосами и черными глазами на живомъ, смышленомъ лицѣ.

Со всѣхъ сторонъ потянулись къ телѣжкѣ больные. Іойне открылъ дверцы, и на жадно тѣснившуюся толпу пахнуло пріятнымъ запахомъ свѣже-испеченнаго хлѣба...

— Полфунта.. Фунтъ...—слышались нетерпѣливые голоса, и къ Іойне со всѣхъ сторонъ протягивались грязныя руки, крѣпко державшія деньги,—точно имъ было жаль выпустить эти стертые, грязные мѣдяки.

— Сейчасъ, сейчасъ... Всѣмъ хватитъ...—говорилъ Іойне, ловко и энергично разрѣзая мягкій, душистый хлѣбъ. — Держите... Вамъ сколько?..

— Отдамъ, говорю, отдамъ!.. Какъ найду работу, такъ и отдамъ... — раздался вдругъ раздраженный голосъ рыжей здоровой еврейки-вдовы... — Что же, издыхать съ голоду, что ли? Гершель, Зисель, Ривке, Бэмль, всѣ ревутъ, всѣ плачутъ,—что я имъ дамъ, ну? О, чтобы вамъ распухнуть!..

— Не ори... Хаве, не ори...—послышались со всѣхъ сторонъ голоса.—Хуже будетъ..

— Га!.. Вамъ хорошо говорить! — бушевала Хаве. — А я что буду дѣлать? Одинъ хлѣба не даетъ, другіе въ ванны не пускаютъ. Одну, только одну ванну, говорю...— „Одна все все равно не поможетъ!“—Это вамъ, богачамъ, не поможетъ, а намъ поможетъ... Ахъ, чтобъ вамъ...

И она снова разразилась проклятіями.

Іойне, вопреки строгому приказанію хозяина, уже два раза отпустилъ Хаве въ долгъ. Чтобы пополнить нехватку, онъ долженъ былъ обвѣсить одну богатую дачницу, и больше помочь ужъ былъ не въ силахъ—на обвѣшиваніи далеко не уѣдешь! Нынче и богачи стали держать ухо востро!.. Лицо Іойне затуманилось. Проклятія Хаве, неотвязныя просьбы другихъ больныхъ,—то объ отпускѣ въ долгъ „до завтра“, то о „довѣсѣ“—тяготили его, но всего тяжелѣе было ему видѣть молодую еврейку, неподвижно сидѣвшую неподалеку съ блѣднымъ разслабленнымъ ребенкомъ на рукахъ и упорно окаменѣвшимъ, мертвымъ взглядомъ... Въ ея надломленной фигурѣ, въ стонахъ ребенка было что-то до такой степени безнадежное, что Іойне не выдерживалъ и отводилъ глаза въ сторону, чтобы черезъ минуту снова взглянуть на нее... Казалось, въ немъ происходила внутренняя борьба...

— Ну, кажется, всѣ?.. — проговорилъ булочникъ, оставшись одинъ у опустѣвшей наполовину телѣжки, и, снова взглянувъ на молодую еврейку, крикнулъ:

— А вы что же, ничего не возьмете?.. Эй вы, какъ васъ?..

Женщина, вздрогнувъ, подняла глаза.

— Берите, что ли, скорѣй... — крикнулъ онъ еще разъ, глядя въ сторону.—Ѣхать надо...

— У меня... денегъ нѣтъ... — неохотно отвѣчала она слабымъ и, какъ будто, равнодушнымъ голосомъ.

— А-а!..

И, звонко захлопнувъ дверцы ящика, Іойне тронулъ лошаденку.

Но, проѣзжая мимо еврейки, онъ вдругъ рѣшительнымъ „тпру!“ остановилъ телѣжку, быстро досталъ изъ ящика большой ломоть хлѣба и протянулъ его женщинѣ.

— Возьмите!—быстро проговорилъ онъ.—Деньги отдадите потомъ...

Робко, точно боясь, что ее обманутъ, женщина приблизилась, взяла хлѣбъ и прошептала тихое „спасибо“... Іойне сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ двухъ крупныхъ слезъ, задрожавшихъ подъ ея рѣсницами и, вскочивъ на козлы, съ самымъ развязнымъ видомъ задергалъ вожжами:

— Н-но, поѣхали съ орѣхами...

Но лицо его свѣтилось счастьемъ...

— Ну, ничего... какъ нибудь... — подумалъ онъ, вспом-

нивъ о собственной многочисленной семьѣ. — Н-но, пошевеливайся!..

И жизнь садика снова вошла въ обычную колею злобы, отчаянія и дикихъ надеждъ... Кое-гдѣ подъ кустами ужинали, пили жидкій чай съ только-что купленнымъ хлѣбомъ. Слышались возбужденные разговоры о погромѣ. Временами наступало короткое, тяжелое молчаніе, полное сѣрыхъ, безотрадно-печальныхъ думъ. И эти думы, и эти люди среди тихой радости золотого вечера казались какими-то тѣнями изъ царства скорби, неизвѣстно откуда и зачѣмъ появившимися подъ безоблачно-яснымъ, волшебнымъ небомъ...

Рэбъ Лейзеръ тоже купилъ было фунтъ хлѣба, но пища не шла ему въ горло и, отдавъ свой хлѣбъ дѣтямъ Хаве, онъ снова положилъ голову на согнутыя колѣни и сталъ смотрѣть вокругъ, мучительно стараясь опять сосредоточить вниманіе на чемъ-нибудь внѣшнемъ, чтобы позабыть хоть на время то, что происходило въ душѣ... Но внѣшнее сливалось съ внутреннимъ и порождало смертельную тоску...

Подошло время вечерней молитвы, и рэбъ Лейзеръ сталъ молиться, вкладывая всѣ оставшіяся силы измученной души въ святыя слова; но, вмѣсто величаваго покоя молитвы, въ душѣ все слышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ и дикіе крики озвѣрѣвшей толпы, и въ воображеніи мелькали дорогія лица, смертельно блѣдныя, искаженныя ужасомъ..

Онъ дочиталъ, однако, молитву и попытался вступить въ разговоръ кое съ кѣмъ изъ сосѣдей, но онъ не слышалъ, что ему говорили, не понималъ, что говоритъ самъ, и опять потащился, какъ раненый, истекающій кровью звѣрь, на свое мѣсто. Заря уже потухала, и чѣмъ больше синій сумракъ охватывалъ засыпающую землю, скрывая окружающее, тѣмъ ярче, бѣшенѣе, нестерпимѣе разгорались въ душѣ мучительные образы...

Онъ легъ, желая забыться сномъ, но тотчасъ же опять всталъ, полный безконечнаго томленія. Очевидно, и эту ночь онъ не будетъ спать, какъ не спалъ прежнія!.. И дрожащими старческими руками нащупалъ онъ въ своихъ лохмотьяхъ маленькій огарокъ и, добывъ у сосѣдей спичку, зажегъ его; потомъ, изъ холщевой сумки досталъ большія очки въ грубой черепаховой оправѣ и толстую книгу въ истертомъ кожаномъ переплетѣ. И, положивъ ее на колѣни, началъ читать вполголоса...

Душный, жаркій воздухъ былъ безъ движенія, и пламя свѣчи горѣло ярко, какъ звѣзда, освѣщая измученное лицо стараго еврея и ветхія пожелтѣвшія страницы святой книги... Больные, утомленные безконечнымъ жаркимъ днемъ и страданіями, уже почти всѣ спали, и въ спокойной тишинѣ

ночи, подъ неумолчное пѣніе цикадъ, тихо рѣяли только странныя, торжественныя слова. И голосъ старика все крѣпъ, въ немъ слышалось что-то пророческое, грозное...

— „И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови... Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову"...

Все величавѣе и грознѣе становился голосъ старика, все больше и больше загоралось его сердце огнемъ, тысячелѣтія тлѣющимъ въ могучихъ словахъ великой книги. И притаилась синяя звѣздная ночь и молчала, будто съ трепетомъ ожидая отъ затравленнаго стараго жида какихъ-то новыхъ великихъ откровеній...

Изъ-подъ сосѣдняго куста поднялось блѣдное, обрамленное темной вьющейся бородкой лицо молодого извозчика-штундиста, и серьезные, полные мягкаго свѣта глаза пристально и пытливо вперились въ стараго Лейзера... Старикъ на мгновеніе остановился, перевертывая страницы книги.

— Что это ты читаешь?—тихо спросилъ штундистъ.

— Законъ...—торжественно, неостывшимъ еще голосомъ, отвѣчалъ рэбъ Лейзеръ, и глаза его были полны святого огня.

— А какой вашъ законъ?..—проговорилъ, поднимаясь съ земли и подходя къ еврею, извозчикъ. — Почитай, сдѣлай милость, только по-нашему...

Рэбъ Лейзеръ кивнулъ головой. Тотъ опустился рядомъ на землю и склонился надъ пожелтѣвшими страницами, по которымъ тянулись странныя, непонятныя строчки.

— Ну, слушай...—серьезно проговорилъ старикъ, сознавая всю важность, всю святость проповѣди слова Господня невѣрному гою, и продолжалъ чтеніе по-русски, съ большимъ стараніемъ и трудомъ подыскивая чужія слова. Онъ запинался, тянулъ по десяти разъ одно и то же слово, подолгу, со свистомъ, втягивая въ себя воздухъ, отчаянно жестикулируя и прищелкивая пальцами; но передъ слушателемъ, точно сквозь густой туманъ очертанія знакомой мѣстности, проступали въ неумѣломъ переводѣ знакомые величавые образы...

— „...И ждалъ Онъ правосудія, но вотъ—кровопролитіе; ждалъ правды, и вотъ — вопль... Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ!.. Горе вамъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ; и цитра, и гусли, тимпанъ и свирѣль, и вино на пиршествахъ ихъ, а на дѣла Господа

они не взираютъ и о дѣяніяхъ рукъ Его не помышляютъ! Горе вамъ, которые зло называютъ добромъ и добро—зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ и свѣтъ—тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ и сладкое — горькимъ! Горе вамъ, которые постановляютъ несправедливые законы и пишутъ жестокія рѣшенія, чтобы устранить бѣдныхъ отъ правосудія и похитить права у малосильныхъ изъ народа Моего, чтобы вдовъ сдѣлать добычею своею и ограбить сиротъ!..“

И по мѣрѣ того, какъ старикъ читалъ, на тихомъ лицѣ его слушателя выражалось все большее и большее изумленіе.

— Да неужели это и у васъ есть?.. — тихо проговорилъ онъ, наконецъ, пораженный, глядя на рэбъ Лейзера во всѣ глаза.—Это нашъ законъ... это Исаія...

— Какъ вашъ?.. — съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него старикъ.

— Нашъ... Мы это завсегда читаемъ.. —продолжалъ сектантъ со страннымъ чувствомъ, глядя то на старика, то на черные, странные знаки книги.

Легкій бризъ, прилетѣвшій съ моря, колыхнулъ пламя свѣчи и перевернулъ нѣсколько страницъ.

— А ну, почитай вотъ тутъ... — показалъ онъ пальцемъ на страницу.

— „Поникнутъ гордые взгляды человѣка, — началъ рэбъ Лейзеръ, — и высокое людское унизится, и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день...“

— „Ибо грядетъ день Господа на все гордое и высокомѣрное...“ — перебилъ его сектантъ и продолжалъ наизусть своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ:—...„и на все превознесенное, и оно будетъ унижено, и на всѣ кедры Ливанскіе, высокіе и превозносящіеся, и на всѣ дубы Вассанскіе...“

Изумленный, въ свою очередь, рэбъ Лейзеръ слѣдилъ по книгѣ, подсказывая потихоньку:

— ...„И на всѣ высокія горы, и на всѣ возвышенные холмы, и на всякую высокую башню, и на всякую крѣпкую стѣну, и на всѣ корабли Ѳарсисскіе, и на всѣ украшенія ихъ... И падетъ величіе человѣческое, и высокое людское унизится; и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день...“

Оба разомъ остановились, посмотрѣли другъ другу въ глаза, и что-то свѣтлое вдругъ обвѣяло ихъ... Сектантъ, чтобы удобнѣе видѣть, подвинулся ближе къ еврею.

— А ну, вотъ тутъ?.. — какъ бы все еще не вѣря, показалъ онъ на новое мѣсто въ книгѣ.

— „И будетъ Онъ судить народы и обличитъ многія племена...“—началъ опять старикъ.

— ...„И перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои на серпы...“

— Вотъ такъ...—говорилъ рэбъ Лейзеръ. — ...„Не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать...“

— А ну, тутъ?..

— „Онъ будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ и дѣла страдальцевъ земли по истинѣ...“—читалъ еврей.

— „И будетъ препоясаніемъ чресль Его правда, — перебилъ сектантъ,— и препоясаніемъ бедръ Его—истина...“

— „Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, — продолжали они вмѣстѣ, перебивая другъ друга, торопясь каждый сказать первымъ, — и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море...“

Опять оба разомъ остановились, — сомнѣнія больше не было: законъ одинъ!..

Въ головѣ рэбъ Лейзера снова огненнымъ вихремъ пронеслись ужасныя видѣнія.. Пристально, недоумѣвая, жидъ поглядѣлъ въ серьезные, кроткіе глаза врага-гоя, и изъ взволнованнаго сердца его вырвалось:

— Какъ же такъ?.. За что же?!.

— Что „за что?..“—удивился тотъ.

Старикъ заговорилъ горячо, страстно, со слезами въ голосѣ, приподнявъ сѣдые волосы, показывая синій шрамъ на вискѣ.

— Ахъ, какой грѣхъ!.. Господи, какой грѣхъ!.. — качалъ головой сектантъ.

Свѣчка, догорѣвъ, потухла, а въ синемъ сумракѣ ночи долго еще слышались тихіе, взволнованные голоса... Иногда разгорался страстный споръ, потомъ снова голоса стихали, и слова мира и любви, какъ ангелы, рѣяли при свѣтѣ звѣздъ надъ спящей землей...

Ив. Наживинъ.

Болгарская конституція.

Мнѣ кажется своевременнымъ предложить вниманію публики этотъ небольшой опытъ характеристики болгарскихъ политическихъ учрежденій въ теоріи и на практикѣ. Къ „парламентаризму“ и къ политическому эксперименту „братушекъ“ мы все еще слишкомъ склонны относиться свысока. Не говорю тутъ о тѣхъ, уже немногихъ теперь, у которыхъ это высокомѣріе вытекаетъ изъ странной славянофильской обиды, что „братушки“ предпочли политическій опытъ Запада политической мудрости Востока. Но и внѣ славянофильскихъ круговъ, и не въ одномъ только Московскомъ Сборникѣ и въ брошюрахъ Льва Тихомирова, можно еще натолкнуться на общее недовѣріе къ тому, что европейскій парламентаризмъ можетъ дать сносные результаты на такой, повидимому, мало подготовленной почвѣ, какъ болгарская. Вытекаетъ ли это недовѣріе изъ отрицательнаго отношенія къ парламентаризму, или изъ увѣренности, что болгарскій народъ „не созрѣлъ“ для политической свободы,— во всякомъ случаѣ мнѣ оно кажется черезчуръ преждевременнымъ. Интересъ болгарскаго эксперимента, конечно, состоитъ какъ разъ въ этомъ противопоставленіи—особенно въ Болгаріи: въ контрастѣ очень передовыхъ конституціонныхъ учрежденій и очень элементарнаго общественнаго и культурнаго строя, къ которому эти учрежденія прилагаются. Мы слишкомъ готовы оперировать аргументомъ „незрѣлости“ — и слишкомъ забываемъ слова Милля, что народное представительство никогда не можетъ придти слишкомъ рано, такъ какъ оно само въ себѣ носитъ достаточно воспитательныхъ элементовъ, чтобы ускорить и регулировать политическое „созрѣваніе“. Если кому-нибудь, то именно намъ слѣдовало бы обращаться съ аргументомъ „незрѣлости“ особенно осторожно. Созрѣлъ или „не созрѣлъ“ болгарскій народъ для своей демократической конституціи, и вообще слѣдуетъ ли предварительно запастись аттестатомъ зрѣлости, чтобы получить право на такой политическій экспериментъ, какой русское правительство дало возможность совершить болгарамъ въ широкихъ размѣрахъ, и каковы практическіе результаты произведеннаго тамъ экспери-

мента—все это, мнѣ кажется, вопросы достаточно интересные, чтобы оправдать появленіе настоящаго этюда.

Читатель увидитъ, что я нисколько не стѣснялся рисовать отрицательныя стороны болгарской политической жизни и не только не затушевывалъ слабостей и болѣзней болгарскаго парламентаризма, но, напротивъ, на нихъ обратилъ особенное вниманіе. Есть люди,—о нихъ только что упоминалось,—для которыхъ одинъ перечень этихъ слабостей и недостатковъ парламентаризма составляетъ уже достаточный аргументъ противъ самой идеи народнаго представительства. Я не принадлежу къ ихъ числу и не раздѣляю ихъ дѣтскихъ или старческихъ страховъ.

Результаты, къ которымъ привело насъ самое, надѣемся, реалистическое изображеніе болгарской политической жизни, дѣйствительно, ничѣмъ не оправдываютъ того скептицизма и высокомѣрія, о которомъ мы говорили выше. Напротивъ, внимательный читатель, можетъ быть, найдетъ, что въ короткомъ политическомъ опытѣ маленькаго, родственнаго намъ, балканскаго народа заключается гораздо болѣе поучительнаго для насъ самихъ, чѣмъ было поучительнаго для „братушекъ“ въ наивномъ глубокомысліи „Письма къ сербамъ“ Хомякова или менѣе извѣстномъ, но не менѣе политически-дѣтскомъ письмѣ И. Аксакова къ первому болгарскому князю. Въ самой этой перемѣнѣ роли непрошеныхъ совѣтниковъ-покровителей на роль любознательныхъ наблюдателей заключается знаменательный и серьезный урокъ жизни и исторіи. Благо намъ, если мы поймемъ его смыслъ.

Нашъ очеркъ дѣлится на три части. Въ первой мы излагаемъ исторію выработки текста болгарской конституціи, въ связи съ той обстановкой, въ которой эта выработка производилась, и съ источниками, изъ которыхъ болгарскій конституціонный документъ былъ почерпнутъ. Во второй части сдѣланъ очеркъ исторіи болгарскихъ партій: ихъ первоначальнаго образованія, ихъ позднѣйшихъ раздѣленій и коалицій, ихъ роли въ политической жизни страны. Можетъ показаться, что въ этой части мы чрезчуръ удаляемся изъ области политической жизни въ область болгарской исторіи вообще. Но, помимо необходимости сообщить нѣкоторые историческіе факты, которыхъ обыкновенный читатель не можетъ знать, мы принуждены были къ этимъ отступленіямъ также и той тѣсной связью, въ которой конституціонная исторія партій стояла съ внѣшней исторіей страны, особенно въ первый періодъ политической жизни Болгаріи при первомъ князѣ. Третья часть очерка посвящена систематическому изображенію практики болгарскаго конституціонализма: отношеній между прерогативой и народовластіемъ, устройства политическихъ партій, системы выборовъ, состава народнаго собранія, практики нѣкоторыхъ основныхъ правъ и т. п.

Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ довести изученіе во-

проса до той степени основательности, какой я бы желалъ. Но, во всякомъ случаѣ, то, что здѣсь изложено, основано почти исключительно на личномъ изученіи первоисточниковъ. Списокъ употребленныхъ въ дѣло пособій приложенъ въ концѣ очерка. Не могу не упомянуть, въ заключеніе, что очень значительной части работы я не могъ бы сдѣлать безъ дружескаго и просвѣщеннаго содѣйствія всѣхъ тѣхъ болгаръ, къ которымъ я обращался за пособіемъ и указаніями. Особенно я обязанъ Пенчо Славейкову, поддиректору народной библіотеки, извѣстному болгарскому поэту и публицисту; г. Василеву, главному начальнику министерства внутреннихъ дѣлъ; г. Германову, директору статистическаго бюро; г. Дерманчеву, автору цѣнныхъ изслѣдованій о болгарскомъ конституціонализмѣ; наконецъ, моему ученому другу М. Д. Шишманову. Мое положеніе иностранца дѣлало для меня болѣе возможнымъ, чѣмъ для мѣстнаго изслѣдователя, остаться внѣ партій; но это самое обстоятельство, навѣрное, вызоветъ возраженія всѣхъ партій противъ моего изложенія. Я увѣренъ, однако, что мои многочисленные друзья изъ разныхъ партій не припишутъ тѣхъ ошибокъ и невѣрностей оцѣнки, какія они могутъ замѣтить въ этомъ очеркѣ,— никакимъ личнымъ пристрастіямъ или антипатіямъ. Былъ бы очень радъ, если бы въ моихъ замѣчаніяхъ они согласились признать кое-что и вѣрное.

I.

Конституція была обезпечена вновь созданному княжеству Болгарскому тѣмъ же самымъ международнымъ актомъ, который декретировалъ и самое созданіе княжества. Въ параграфахъ 4 и 5 Берлинскаго договора содержатся по этому поводу слѣдующія опредѣленія: „Собраніе нотаблей Болгаріи, которое будетъ созвано въ Тырновѣ, выработаетъ передъ избраніемъ князя Органическій Уставъ княжества. Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгаре смѣшаны съ турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими населеніями, права и интересы этихъ народностей относительно выборовъ и выработки Органическаго Устава будутъ приняты во вниманіе. Въ основу публичнаго права Болгаріи будутъ положены слѣдующія распоряженія: различіе вѣры и вѣроисповѣданія не можетъ служить основаніемъ для исключенія или ограниченія кого бы то ни было во всемъ, что касается пользованія гражданскими и политическими правами, допущенія къ общественнымъ должностямъ, званіямъ и почестямъ или занятія какими бы то ни было профессіями и промыслами, въ какой бы ни было мѣстности". „Свобода и публичное отправленіе всѣхъ культовъ обезпечивается всѣмъ болгарскимъ подданнымъ и иностранцамъ" *).

*) Эти постановленія перешли въ текстъ Берлинскаго трактата изъ С.-Стефанскаго договора.

Содержащіяся здѣсь основныя положенія развиты далѣе британскимъ правительствомъ въ инструкціи, данной сентября 30, 1878 г. *) генеральному комиссару Пальгреву. „Однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, на которыя нужно будетъ обратить вниманіе“ (комиссарамъ державъ въ Константинополѣ), говорится здѣсь, „будутъ тѣ мѣры, которыя слѣдуетъ принять для обезпеченія, чтобы собраніе нотаблей, имѣющее быть собраннымъ въ Тырновѣ, надлежащимъ образомъ представляло желанія и интересы всѣхъ классовъ населенія... и чтобы созванное такимъ образомъ собраніе пользовалось надлежащей свободой сужденія и преній и имѣло бы полную возможность изслѣдовать тѣ вопросы, которые будутъ подлежать его рѣшенію“.

Если отъ этихъ выписокъ, характеризующихъ ту международную атмосферу, которая опредѣлила характеръ и дѣятельность Тырновскаго собранія, обратимся къ внутреннему положенію дѣлъ въ княжествѣ, то увидимъ, что и здѣсь цѣлый рядъ причинъ сложился такъ, что болгарскимъ „нотаблямъ“ дана была возможность очень свободно обсудить и рѣшить въ демократическомъ духѣ вопросы о политическомъ устройствѣ ихъ новорожденнаго государства.

Прежде всего, необходимо принять въ разсчетъ самое настроеніе этихъ „нотаблей“. Для большинства изъ нихъ обсужденіе болгарской конституціи было далеко не началомъ политической и національной дѣятельности. Политическая независимость Болгаріи, раздробленной Берлинскимъ конгрессомъ, была для нихъ только однимъ звеномъ—и они рѣшительно не хотѣли считать его послѣднимъ звеномъ—въ цѣпи успѣховъ, добытыхъ ихъ собственными упорными усиліями въ долгой и стойкой борьбѣ за возрожденіе болгарской народности. Предыдущимъ крупнымъ успѣхомъ этой борьбы было завоеваніе самостоятельной болгарской церкви, и всякій, кто ознакомится съ ходомъ и исходомъ болгарскаго „собора“ 1871 года въ Константинополѣ, долженъ будетъ признать, что уже тамъ, за восемь лѣтъ до Тырновскаго собранія, вполнѣ обнаружился своеобразный, можно сказать, инстинктивный, непосредственный болгарскій демократизмъ. Царьградскій соборъ 1871 года широко провелъ избирательный и демократическій принципъ мірского контроля и управленія въ самомъ устройствѣ церкви, благополучно обойдя церковные каноны и связавъ руки архіереямъ,—чтобы они не соблазнялись привычками и традиціями архіереевъ греческой церкви. Тотъ же самый духъ мы встрѣтимъ и въ Тырновскомъ собраніи. Одинаково ошибочно было бы выводить этотъ демократизмъ какъ отъ русскихъ „нигилистовъ“, такъ и отъ болгарскихъ революціонеровъ. „Нотабли“ Тырновскаго собранія не были ни „апостолами“

*) Turkey, № 53, 1878.

букурештскаго комитета, ни послѣдователями Писарева и Чернышевскаго: они, въ самомъ дѣлѣ, были „нотаблями"—т. е. авторитетными руководителями національно-религіозныхъ болгарскихъ общинъ, весьма слабыми по части теоретическихъ познаній, но весьма сильными по части „народолюбія". Въ ту же начальную эпоху болгарскаго возрожденія мы еще не видимъ рѣзкихъ соціальныхъ дѣленій: „нотабли" въ собственномъ смыслѣ, т. е. видные торговцы, шли во главѣ крѣпкой городской демократіи старыхъ цеховъ и были весьма вліятельными и общепризнанными вождями во всемъ, что касалось „общенароднаго дѣла", которое они съ неподражаемымъ для европейца искусствомъ природныхъ дипломатовъ и левантинцевъ, съ добродушнымъ лукавствомъ и съ восточной хитростью, уже провели благополучно сквозь мели и подводные камни Стамбула и Фенера. Цанковы и Каравеловы явились въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ учениками Чомаковыхъ и Славейковыхъ. Считать этихъ людей безсознательными орудіями въ рукахъ русскаго комиссара, кн. Дондукова-Корсакова, можно только по невѣдѣнію или по наивности.

Тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что проектъ Тырновской конституціи обсуждался при кн. Дондуковѣ, а не при его предшественникѣ, кн. Черкасскомъ, умершемъ еще въ день заключенія Санъ-Стефанскаго перемирія,—и обсуждался при совершенно измѣнившемся международномъ положеніи, — имѣло огромное вліяніе на исходъ этого обсужденія. Вліяніе это было одинаково съ первымъ отмѣченнымъ факторомъ, т. е. съ инстинктами болгарскаго народолюбія: оба фактора одинаково благопріятствовали усиленію демократическаго элемента будущей конституціи. Кн. Дондуковъ, какъ извѣстно, самъ имѣлъ весьма опредѣленные виды на болгарскій престолъ и дѣлалъ все, чтобы заслужить себѣ широкую популярность и подготовить, такимъ образомъ, свое избраніе. Онъ держался очень опредѣленной линіи по главному вопросу, волновавшему тогда болгарскихъ патріотовъ: по вопросу о возстановленіи „цѣлокупной Болгаріи", разрушенной Берлинскимъ конгрессомъ. Вмѣстѣ съ многими офицерами русскаго оккупаціоннаго корпуса онъ не прочь былъ затянуть оккупацію дальше срока, опредѣленнаго конгрессомъ, и, повидимому, однимъ изъ средствъ для этой цѣли считалъ распущеніе Тырновскаго собранія,—на что одно время соглашались и радикалы изъ „нотаблей" (Каравеловъ и Славейковъ). Какъ увидимъ, болгарская осторожность и здравый смыслъ въ данномъ случаѣ побѣдили, давъ перевѣсъ умѣренному, среднему мнѣнію въ собраніи. Положительныя приказанія изъ Петербурга также скоро положили конецъ агитаціи Дондукова. Тырновскій конгрессъ принужденъ былъ примириться съ фактомъ раздробленія Болгаріи и мирно приступилъ къ выработкѣ Устава. Но, въ этой стадіи, уже установившіяся добрыя отношенія русскаго комис-

сара къ либеральной партіи собранія, повидимому, продолжались, что и отразилось на допущеніи полной свободы рѣшеній. Надо, впрочемъ, замѣтить, что свобода обсужденія въ будущемъ собраніи была обѣщана уже въ концѣ 1878: тогдашняя газета „Марица“ уже въ это время (№ 43, 22 дек.) сообщаетъ читателямъ содержаніе будущей рѣчи Дондукова при предстоявшемъ открытіи собранія. Мы видѣли, что свобода преній находилась также и подъ международнымъ контролемъ — и формально была признана Петербургомъ. Въ виду всего этого, совершенно неосновательно предположеніе, будто Дондуковъ далъ волю либераламъ собранія только тогда, когда его собственная кандидатура была устранена петербургскимъ правительствомъ, и что его цѣлью при этомъ было — испортить положеніе будущему князю. Сторонники этого мнѣнія подчеркиваютъ разницу между первоначальнымъ—будто бы консервативнымъ—проектомъ конституціи и ея окончательнымъ—радикальнымъ—содержаніемъ, послѣ обсужденія проекта въ собраніи. Дѣйствительно, какъ увидимъ, разница есть—и довольно большая; но, не смотря на всю важность внесенныхъ собраніемъ поправокъ, необходимо признать, что уже первоначальный проектъ былъ сравнительно либераленъ—настолько либераленъ, что вызвалъ рѣшительныя возраженія болгарскихъ консерваторовъ. Этотъ первоначальный характеръ русскаго проекта является—наряду съ настроеніемъ нотаблей и поддержкой Дондукова—третьимъ элементомъ, который обезпечилъ Болгаріи демократическую конституцію.

Припомнимъ опять общее положеніе дѣлъ въ моментъ созыва Тырновскаго собранія. Европейская коммиссія въ это самое время вырабатывала Органическій Уставъ для Восточной Румеліи. Въ самомъ началѣ 1879 г. извѣстія о содержаніи этого устава появились въ болгарскихъ газетахъ. Общее раздраженіе противъ самаго факта отдѣленія Восточной Румеліи сказалось и на отношеніи къ Уставу, встрѣченному очень враждебно. Русскій уставъ для Болгаріи, подготовлявшійся въ это же время (осенью 1878), въ общемъ мнѣніи противопоставлялся румелійскому уставу, какъ болѣе либеральный. Въ № 46 „Марицы“ читаемъ, напримѣръ, слѣдующую выдержку изъ „Русской Правды“. Русское правительство, по мнѣнію газеты, хочетъ показать своей конституціей, что оно стоитъ за свободу и прогрессъ, между тѣмъ какъ Англія поддерживаетъ деспотизмъ и угнетеніе. Въ виду аргумента, будто Болгарія не доросла до настоящей конституціи, русское правительство хотѣло опровергнуть фактически „нелѣпость того предразсудка“, что „народы на низшей ступени культуры должны пройти черезъ какое-то чистилище, чтобы войти въ рай западно-европейскихъ учрежденій“. Мѣстные русскіе дѣятели, работавшіе въ канцеляріи Дондукова, должны были особенно быть проникнуты этимъ чувствомъ соревнованія съ

европейской коммиссіей, что и отразилось на ихъ работѣ. Но, кромѣ непосредственнаго желанія — удовлетворить ожиданіямъ болгарскаго общественнаго мнѣнія, русскіе составители проекта несомнѣнно руководились и тѣмъ соображеніемъ, которое высказалъ очень умѣренный болгаринъ Тодоръ Икономовъ, въ слѣдующемъ замѣчаніи: „Такъ какъ князь можетъ быть избранъ изъ лицъ инороднаго происхожденія и даже неправославнаго исповѣданія, то княжеская власть непремѣнно должна быть ограничена такой конституціей, которая обезпечивала бы интересы страны самымъ полнымъ и положительнымъ образомъ“. Какъ увидимъ, даже часть консервативныхъ возраженій противъ демократизма конституціи сводилась къ тому, что черезчуръ демократическія учрежденія не могутъ представить достаточно надежнаго противовѣса волѣ князя.

Отсюда, конечно, еще далеко до того „имаккіавелизма“, который иногда приписывается учредителямъ болгарской конституціи по поводу ихъ мѣръ въ пользу народовластія. Но нельзя отрицать, что идея воспользоваться широтой народныхъ правъ противъ князя, въ случаѣ если онъ окажется слишкомъ самостоятельнымъ, существовала уже въ то время у русскихъ дипломатовъ *). Эта идея могла предрасположить ихъ заранѣе въ пользу либеральнаго проекта и еще болѣе либеральныхъ измѣненій его въ собраніи „нотаблей“.

Наконецъ, послѣднее обстоятельство, которое естественно объясняетъ либерализмъ конституціоннаго проекта и его дальнѣйшихъ измѣненій, заключается въ томъ готовомъ матеріалѣ, изъ котораго черпали составители проекта и возражатели противъ него. Конституція болгарскаго княжества явилась послѣдней въ ряду балканскихъ конституцій, и естественно было искать для нея прецедентовъ и образцовъ въ политическомъ устройствѣ другихъ государствъ полуострова. Такая идея казалась достаточно славянофильской, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе въ руководящихъ сферахъ; а въ своемъ примѣненіи эта мысль казалась достаточно передовой, чтобы удовлетворить всѣ желанія мѣстнаго общественнаго мнѣнія. По мѣрѣ того, какъ выяснялся матеріалъ, изъ котораго предстояло соорудить болгарское государственное зданіе, туманныя идеи народнаго „самоуправленія“ въ славянофильскомъ вкусѣ сами собой уступили мѣсто лучшимъ продуктамъ европейской государственной мудрости; и подъ прикрытіемъ и при содѣйствіи всѣхъ вышеуказанныхъ благопріятствующихъ обстоятельствъ болгарская конституція явилась однимъ изъ самыхъ передовыхъ документовъ европейскаго государственнаго права.

*) Ср. прямое заявленіе ген. Соболева, что „конституція была введена, чтобы не отдавать Болгаріи въ неограниченное управленіе нѣмецкому князю“.

Предшествующими ей балканскими конституціями были: греческая 1864 г., румынская 1866 г. и сербская 1869 г. Основнымъ источникомъ для всѣхъ трехъ послужила бельгійская конституція, одна изъ самыхъ передовыхъ въ Европѣ. По отношенію къ этому основному образцу румынская конституція стоитъ всего ближе, сохраняя и текстъ, и порядокъ статей: греческая конституція уходитъ впередъ, а сербская остается позади. Характерное для бельгійской конституціи ученіе объ основныхъ правахъ сохраняется при этомъ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ во всѣхъ подражаніяхъ. Но греческая конституція идетъ дальше по двумъ кореннымъ вопросамъ: объ избирательномъ правѣ и о двухпалатной системѣ; именно Греція, смѣло принимаетъ одну камеру и всеобщее избирательное право. Наоборотъ, сербская конституція вводитъ по обоимъ этимъ пунктамъ гораздо большія ограниченія, чѣмъ сама бельгійская конституція, донуская, рядомъ съ депутатами избранными по цензу, также и депутатовъ назначенныхъ государемъ.

Предупреждая наше дальнѣйшее изложеніе, скажемъ теперь же, что наибольшая умѣренность составителей проекта болгарской конституціи проявилась въ томъ, что они выбрали основнымъ источникомъ — текстъ именно *сербской* конституціи, тогда какъ наибольшая крайность „нигилистовъ“ Тырновскаго собранія состояла въ томъ, что они предпочитали порядки *греческой* конституціи или, по крайней мѣрѣ, старались вернуть проектъ къ первоначальному тексту *бельгійской*, для чего заимствовали соотвѣтствующія постановленія или прямо изъ бельгійскаго текста, или изъ соотвѣтствующихъ параграфовъ румынской конституціи, или, можетъ быть, даже и изъ соотвѣтственнаго текста румелійскаго устава. Выдать полученный такимъ образомъ результатъ за что-то совсѣмъ небывалое и невиданное по демагогической дерзости— можно было, опять таки, только по невѣдѣнію и предубѣжденію.

Подготовительная работа по составленію проекта производилась въ канцеляріи кн. Дондукова уже въ 1878 г. Лѣтомъ этого года нѣкимъ г. Юзефовичемъ былъ приготовленъ переводъ на русскій языкъ сербской конституціи 1869 г. съ параллельными выписками изъ румынской. Сравнивая окончательный русскій проектъ съ этой работой, можно замѣтить, что вся работа первоначальныхъ составителей сводилась къ переписыванію въ проектъ соотвѣтственныхъ статей перевода,—иногда въ легкой перефразировкѣ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Составители, во-первыхъ, обратилась съ вопросами по поводу скомпилированнаго ими проекта къ выдающимся болгарамъ. Отвѣтъ (можетъ быть, одинъ изъ отвѣтовъ) на такое обращеніе напечатанъ въ посмертныхъ „Мемуарахъ“ Т. Икономова (стр. 99—103). Нѣкоторые изъ совѣтовъ Икономова приняты составителями проекта; но вообще въ его указаніяхъ уже „вѣетъ духъ“ того „разумнаго консерватизма“,

съ которымъ онъ и его группа потомъ выступили въ собраніи. Духъ русскаго проекта (т. е. сербской конституціи) либеральнѣе. Второй стадіей въ исторіи русскаго проекта была отсылка его Дондуковымъ въ Петербургъ на усмотрѣніе государя. Въ этой стадіи проектъ разсматривался и измѣнялся особой коммиссіей кн. Урусова, въ составѣ товарища этого послѣдняго (по II отд. собственной е. в. канцеляріи), ст. секр. Бруна, вице-директора азіатскаго департамента д. с. с. Мельникова и проф. Градовскаго. Послѣдній, впрочемъ, снялъ съ себя нравственную отвѣтственность въ обсужденіи проекта, подавъ особое мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что, будучи весьма мало знакомъ съ бытомъ и положеніемъ Болгаріи, считаетъ себя совершенно некомпетентнымъ въ рѣшеніи вопроса, какая форма правленія и организація требуются условіями народной жизни въ этой странѣ *), Другіе члены коммиссіи тоже, повидимому, отнеслись къ своей задачѣ совершенно формально. Единственными измѣненіями, которыя, можно предполагать, были сдѣланы въ Петербургѣ, было внесеніе параграфовъ о православной вѣрѣ, соотвѣтствующихъ русскимъ основнымъ законамъ.

Вернувшись изъ Петербурга въ концѣ января съ этими незначительными исправленіями и съ одобреніемъ императора, проектъ былъ немедленно переведенъ на болгарскій языкъ и незадолго до открытія Тырновскаго собранія напечатанъ въ Софіи. Подробнѣе объ его содержаніи мы будемъ говорить по поводу преній въ Великомъ Тырновскомъ собраніи.

Составъ этого собранія былъ намѣченъ уже въ концѣ 1878 г. Выраженіе „нотабли“ оставляло полный просторъ для опредѣленія того способа, какимъ будутъ приглашены народные представители. Просторъ этотъ былъ нѣсколько стѣсненъ, однако, ревнивымъ вниманіемъ англійской дипломатіи (см. выше, инструкція Пальгрева). Какъ бы то ни было, рѣшеніе было въ русскихъ рукахъ, и представитель русскаго коммиссара Лукьяновъ былъ фактически правъ, когда заявилъ собранію, претендовавшему на право провѣрки выборовъ, что въ немъ имѣютъ право присутствовать тѣ, за кѣмъ это право признано кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ. Послѣдній же допустилъ въ собраніе депутатовъ четырехъ категорій. Большая часть, именно 118 изъ 231, приглашены были въ Тырново на основаніи занимаемыхъ ими должностей: сюда именно относятся 11 митрополитовъ, муфтій и раввинъ; два члена суда высшей инстанціи; 5 предсѣдателей губернскихъ судовъ (по числу губерній), 3 предсѣдателя губернскихъ совѣтовъ; 1 предсѣдатель коммерческаго суда; 94 предсѣдателя окружныхъ совѣтовъ, окружныхъ судовъ и городскихъ совѣтовъ. Второе мѣсто по численности принадлежало депутатамъ, выбран-

*) Матвѣевъ, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, Спб. 1887.

нымъ отъ 32 округовъ, по одному представителю на каждыя 10.000 душъ населенія. Третья группа состояла изъ 3 депутатовъ отъ учрежденій и обществъ (просвѣтительно-благотворительныхъ) и, наконецъ, четвертая—21 членъ—явилась по назначенію комиссара: категорія, которою Дондуковъ имѣлъ въ виду воспользоваться, чтобы дать мѣсто въ собраніи представителямъ отъ мусульманъ. Но, помимо 11 назначенныхъ имъ турокъ, въ этой категоріи оказываются и такіе видные представители болгарства, какъ П. Славейковъ и Г. Волковичъ. Вообще говоря, не смотря на далеко не демократическій способъ составленія собранія, въ него попалъ весь цвѣтъ болгарской интеллигенціи: всѣ лица, сколько-нибудь выдвинувшіеся своей общественной дѣятельностью въ предыдущее время, были выбраны или назначены членами Тырновскаго Великаго собранія.

Компетенція собранія была опредѣлена совершенно точно Берлинскимъ трактатомъ: оно должно было свободно обсудить органическій уставъ и подготовить избраніе князя. Тѣмъ не менѣе, какъ по вопросу о компетенціи, такъ и по вопросу о составѣ, собраніе обнаружило сильныя стремленія къ самостоятельности. Оно сдѣлало попытку провѣрить законность выборовъ и пробовало удержать за собой права выбора „предметовъ“ для обсужденія. Въ виду, однако, рѣшительныхъ заявленій Лукьянова, собраніе принуждено было ограничиться констатированіемъ своего несомнѣннаго права—обсуждать будущее устройство княжества *внѣ* зависимости отъ представленнаго на обсужденіе собранія проекта. Мало по малу оно присвоило себѣ и другое право: по предметамъ второстепеннаго значенія постановлять рѣшенія, которыя, хотя и были записаны лишь въ протоколъ, получали, тѣмъ не менѣе, силу одинаковую съ постановленіями введенными въ конституцію. Вообще, незнакомое съ тонкостями государственнаго права, собраніе безнадежно смѣшивало свою учредительную функцію съ законодательной, которая казалась ему верхомъ всякаго права и власти.

Но центральнымъ предметомъ, около котораго сосредоточилась борьба за болѣе полный составъ и за болѣе обширную компетенцію, былъ вопросъ о „цѣлокупной Болгаріи“. Многіе депутаты заявляли, что въ виду неполноты представительства (т. е. отсутствія депутатовъ отъ Румеліи, Македоніи, Трна и Брезника) и въ виду невозможности обсудить вопросъ о способахъ возстановленія цѣлости политическаго тѣла Болгаріи—они не могутъ приступить къ обсужденію устава. Внѣ залы засѣданій, въ помѣщеніи училища при церкви св. Николы, стали собираться особыя, неоффиціальныя собранія, пополненныя многими румелійскими и нѣсколькими македонскими депутатами: и они постановляли рѣшенія, которыя считали обязательными для оффиціальнаго собранія. Такимъ образомъ, нашло свое выраженіе то на-

строеніе, о которомъ мы упоминали выше и которое ярко отражается во всѣхъ документахъ и матеріалахъ того времени. Въ „Марицѣ“ отъ 21 января (т. е. передъ самымъ открытіемъ собранія) это настроеніе характеризуется слѣдующимъ образомъ. „Младоболгарская партія“, по словамъ газеты, объявляетъ, что только „необоримая сила“ можетъ заставить болгаръ подчиниться Берлинскому трактату. Эта партія увѣряетъ, что у нихъ уже есть 30.000 чел. мѣстной военной организаціи, и что они рѣшились защищать единство Болгаріи и Румеліи противъ всѣхъ, исключая подавляющей военной власти Европы. Эта партія совѣтуетъ (Каравеловъ призналъ этотъ фактъ въ самомъ собраніи) немедленно отсрочить собраніе, если представители Румеліи не будутъ допущены присутствовать на открытіи засѣданій. Они увѣряютъ—аргументъ хорошо выбранный для болгарина—что Болгарія между Дунаемъ и Балканами слишкомъ бѣдна, чтобы поддерживать князя съ его дворцомъ, министровъ и весь правительственный механизмъ. Эта партія состоитъ изъ образованной части народа и въ дѣйствіяхъ своихъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ „чиновники“ и вообще тѣ, кто составляютъ другую партію.

Мы, дѣйствительно, присутствуемъ здѣсь при зарожденіи первыхъ болгарскихъ партій, почему я и долженъ былъ остановиться на всемъ этомъ эпизодѣ. Каравеловъ, Славейковъ, Цанковъ,—всѣ, кто говорилъ горячія и задорныя патріотическія рѣчи,—съ этого момента открыто составляютъ центръ „либеральной“ партіи: напротивъ, Грековъ, Стоиловъ, Икономовъ—люди, совѣтовавшіе собранію благоразуміе—такъ же открыто составляютъ центръ „консервативной“ партіи. Огромное большинство собранія позволяетъ себя увлечь „либераламъ“ въ собраніяхъ у Св. Николы, но возвращается къ голосу разсудка въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ. У всѣхъ точно гора спадаетъ съ плечъ, когда Лукьяновъ напоминаетъ о некомпетентности собранія: дипломаты собранія спѣшатъ представить это напоминаніе, какъ запрещеніе,—какъ полное вето. Снявъ съ себя, такимъ образомъ, нравственную отвѣтственность передъ неосвобожденными братьями, собраніе успокоивается и переходитъ, наконецъ, къ обсужденію устава Но совершившееся раздѣленіе уже не сглаживается: напротивъ, самыя бурныя сцены, полный разгаръ страстей—еще впереди: расколъ закрѣпляется и становится непоправимымъ при обсужденіи коренныхъ вопросовъ будущей конституціи *).

Разногласіе обнаруживается уже по самому первому вопросу:

*) Вопросъ о происхожденіи и соціальномъ матеріалѣ первыхъ болгарскихъ партій дебатировался въ болгарской литературѣ между соціалистами и ихъ противниками (см. „Ново Време“, год. II, кн. 1: Политическитѣ партии въ Бѣлгария отъ *Радева* (1898) и отвѣтъ г. Янко Саказова г. Б. Минцесу въ „День“, 1896, IV година, 2 статья, подъ заглавіемъ „Професорската наука и проф. шарлатания“). Но серьезнаго изученія вопроса не было представлено.

какимъ порядкомъ разсматривать русскій проектъ конституціи. „Ученые“ люди въ собраніи рекомендуютъ выбрать коммиссію которая разсмотрѣла бы проектъ въ его цѣломъ, установила бы основные принципы будущаго устройства и изъ нихъ развила бы свой контръ-проектъ. Вѣрное своей солидности, собраніе выбираетъ „ученыхъ людей“ въ пятнадцатичленную коммиссію. Но старые „родолюбцы“, какъ Славейковъ, боятся отвлеченныхъ теорій молодыхъ адвокатовъ и предпочитаютъ всенародное обсужденіе реальныхъ нуждъ. Каравеловъ умышленно отказывается отъ выбора въ коммиссію, приготовляясь заранѣе раскритиковать ея работу. И собраніе—пока еще нейтральное—скоро пойдетъ за испытанными народолюбцами, за своими старыми „даскалами“, не смущаясь ихъ мнимымъ „нигилизмомъ“, и откажетъ въ своемъ довѣріи „ученымъ людямъ“, находящимся въ подозрительной близости съ богачами—„чорбаджіями“.

Когда пятнадцатичленная коммиссія представила собранію свой докладъ, Каравеловъ, не входя въ подробный разборъ его, нѣсколькими рѣзкими фразами забраковалъ работу коммиссіи. Собраніе рѣшило разсматривать непосредственно проектъ устава по статьямъ, игнорируя докладъ коммиссіи. Впрочемъ, цѣлый рядъ поправокъ, предложенныхъ коммиссіей въ ея докладѣ, былъ при этомъ почленномъ обсужденіи внесенъ отдѣльными членами коммиссіи и принятъ собраніемъ.

Первыя главы проекта, слѣдовавшаго порядку сербской конституціи, не вызвали особыхъ возраженій въ собраніи. Параграфы о территоріи и о положеніи князя (главы I—VIII) въ общемъ были приняты такъ, какъ предложили составители проекта. Между прочимъ, опредѣленія конституціи о положеніи князя дали тоже поводъ обвинять составителей проекта въ „маккіавелизмѣ“: утверждалось, именно, что конституція нарочно оставила права князя неопредѣленными—и фактически очень широкими,—чтобы создать, въ случаѣ надобности, коллизію между ними и правами народныхъ представителей. Ниже мы вернемся къ вопросу о прерогативѣ князя, но уже теперь замѣтимъ, что обвиненія основаны на недоразумѣніи и на недостаточномъ знакомствѣ съ источниками болгарской конституціи. Постановка вопроса о князѣ въ болгарской конституціи совершенно такая же, какъ въ бельгійской конституціи и другихъ заимствованныхъ изъ нея: если въ нихъ и есть „макіавелизмъ“, то лишь какъ историческій продуктъ развитія европейскаго конституціоннаго права, а никакъ не спеціальный результатъ злоумышленности составителей болгарской конституціи. Ни одна изъ этихъ конституцій не содержитъ опредѣленныхъ постановленій относительно обязанности государя держаться т. наз. „системы кабинета“: система эта создана не закономъ, а конституціонной практикой, и составляетъ своего рода конституціонную

этику, тѣмъ болѣе обязательную, чѣмъ выше политическое развитіе страны.

Измѣненія, внесенныя собраніемъ въ эту часть проекта, немногочисленны, но очень характерны. Тырновскіе представители очень ревниво отнеслись ко всему, что напоминало зависимое положеніе Болгаріи, и постарались подчеркнуть національную самостоятельность страны. Въ самомъ заглавіи терминъ „уставъ“ они замѣнили терминомъ „конституція“, выраженіе, что Болгарія „находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Блистательной Портѣ“, было вычеркнуто; къ государственному гербу, проектированному уже русскимъ проектомъ. прибавлено болгарское трехцвѣтное народное знамя; родственники будущаго князя исключены изъ перечня лицъ, имѣющихъ права быть избираемыми въ регенты; русскій терминъ „губернія“ замѣненъ болгарскимъ „окружіе“ (въ параграфѣ о дѣленіи территоріи). Другія измѣненія, тоже характерныя, состояли въ ограниченіи права престолонаслѣдія мужскимъ, и при томъ лишь прямымъ нисходящимъ потомствомъ князя. Право князя выбирать себѣ наслѣдника, существующее въ бельгійской и румынской конституціяхъ, выброшено было уже составителями проекта. Вѣроятно, тырновскіе представители не замѣтили, что право князя вести международныя отношенія было ограничено, примѣнительно къ положенію Болгаріи, одними только „особыми соглашеніями по *дѣламъ управленія страны*, требующимъ участія и содѣйствія сосѣднихъ державъ“. Государственная практика Болгаріи, во всякомъ случаѣ, этимъ ограниченіемъ никогда не стѣснялась—и едва ли даже часто вспоминала о его существованіи. За то много споровъ возбудило опредѣленіе цивильнаго листа князя, который, послѣ долгихъ преній, былъ уменьшенъ съ милліона до 600.000 франковъ. Постановленіе проекта, что князь будетъ надѣленъ землями изъ государственныхъ имуществъ княжества, собраніе единодушно и рѣшительно отвергло.

Слѣдующій отдѣлъ проекта, „о вѣрѣ“, удовлетворилъ требованію Берлинскаго трактата, признавъ свободу вѣроисповѣданія, но въ предѣлахъ „существующихъ законовъ“, и самоуправленіе иновѣрческихъ религіозныхъ общинъ, но, опять таки, въ предѣлахъ законовъ и „подъ высшимъ надзоромъ надлежащаго министра“. По счастью, „существующіе законы“ оказались въ Болгаріи не противорѣчащими свободѣ вѣроисповѣданія, а иновѣрческія общины, т. е. греки, турки, цыгане, евреи—если и не всегда чувствовали себя хорошо подъ охраной болгарскихъ законовъ, то причиной этого былъ, во всякомъ случаѣ, не вѣроисповѣдный вопросъ. Принявъ эти пункты проекта въ предложенной русскими формѣ, тырновскіе представители за то потратили много усилій на опредѣленіе положенія собственной церкви. Вслѣдствіе раздробленія Болгаріи на Берлинскомъ конгрессѣ, національная роль церкви, какъ представительницы единства болгарской націи, да-

леко не была сыграна съ учрежденіемъ княжества. Трудность заключалась теперь въ томъ, чтобы подчеркнуть единство церкви, не подчиняя въ то же время церковную организацію освобожденной болгарской области—тому устройству церкви, которое должно было сохраниться въ мѣстностяхъ, оставшихся подъ турецкой зависимостью. Задачу эту тырновскіе представители разрѣшили блестяще, признавъ св. синодъ высшей духовной властью болгарской церкви въ ея цѣломъ и фактически сохранивъ представительство этого высшаго авторитета въ турецкихъ областяхъ — за „экзархомъ“ и его свѣтскими совѣтниками. Полученная изъ столицы Румеліи (Филиппополя) телеграмма привѣтствовала рѣшеніе собранія, какъ формальное провозглашеніе принципа „нераздѣльности болгарскаго народа“, и этимъ подчеркнула національное значеніе постановленія.

Слѣдующая глава X, „о законахъ“, довольно неудачно выдѣленная въ одно цѣлое, опредѣляла права народнаго представительства относительно законодательства, а также и (§ 47) экстренное право князя, въ случаѣ „опасности внѣшней и внутренней“—„издавать постановленія и дѣлать распоряженія, которыя имѣютъ силу наравнѣ съ закономъ“—до ближайшаго слѣдующаго народнаго собранія. Вмѣстѣ съ этой послѣдней вставкой, цѣликомъ взятой изъ сербской конституціи и встрѣтившей лишь робкія и плохо обоснованныя возраженія, вся глава была принята почти безъ всякихъ измѣненій, какъ и слѣдующая маленькая глава о „государственныхъ имуществахъ“. Гораздо смѣлѣе распорядилось собраніе со слѣдующей главой проекта, „о гражданахъ“, заключавшей тотъ отдѣлъ объ основныхъ правахъ, который въ бельгійской и румынской конституціи стоялъ на первомъ мѣстѣ. Повидимому, около этого времени въ собраніи окончательно сплотилось большинство, руководимое Каравеловымъ, который мало по малу превратился въ безсмѣннаго предсѣдателя собранія, замѣнивъ фактически какъ престарѣлаго Антима, оффиціальнаго предсѣдателя, такъ и своего болѣе умѣреннаго коллегу—подпредсѣдателя Тодора Икономова. Сторонники Каравелова собирались въ частныя засѣданія на его квартирѣ, и намѣченныя тамъ предложенія вносились затѣмъ въ засѣданія отъ имени отдѣльныхъ членовъ. Повидимому, и содержаніе, и порядокъ большей части поправокъ внушены были текстомъ бельгійской и заимствованныхъ изъ нея балканскихъ конституцій: цѣль поправокъ, такимъ образомъ, заключалась въ возстановленіи пробѣловъ и умолчаній русскаго проекта и сербской конституціи сравнительно съ ихъ болѣе либеральнымъ первоисточникомъ и другими балканскими копіями.

Очень характерны для болгарскаго демократизма уже первыя измѣненія, предложенныя М. Балабановымъ, очевидно, подъ вліяніемъ текста румынской конституціи. Послѣ постановленія, что „раздѣленіе на сословія въ Болгаріи не допускается“, этотъ—

очень умѣренный—депутатъ *) предложилъ вставить: „Титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена, въ болгарскомъ княжествѣ не допускаются“. Послѣ преній собраніе согласилось сдѣлать одну уступку: „Князю предоставляется право учредить одинъ знакъ отличія, исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны“. Съ тѣхъ поръ настроеніе сильно измѣнилось въ Болгаріи: чиновники свободно разгуливаютъ въ орденахъ „за гражданскія заслуги“, и только что приведенная статья во время Стамбулова (1893) замѣнена въ конституціи другой: „князь имѣетъ право раздавать ордена“. Времена болгарскихъ цинциннатовъ прошли, и новое поколѣніе съ улыбкой прочтетъ разсужденія Балабанова: „Если хотимъ изъ Балканскаго полуострова создать вторую Бельгію, блестящихъ мундировъ допускать не слѣдуетъ“, орденовъ же „не слѣдуетъ ни давать, ни получать, потому что отъ нихъ порождается неравенство въ гражданахъ“.

На основаніи греческой конституціи тотъ же Балабановъ предложилъ вставить и слѣдующую статью: „Торговля людьми не допускается въ Болгарскомъ княжествѣ. Всякій рабъ, какого бы вѣроисповѣданія, пола и племени онъ ни былъ, вступая на территорію болгарскаго княжества, становится свободнымъ“. „Такой параграфъ,—говоритъ депутатъ,—будетъ честью для нашей конституціи“.

Болѣе конкретное значеніе имѣла дальнѣйшая вставка, предложенная тѣмъ же депутатомъ, на основаніи румынской и сербской конституціи: „Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, не установленному въ законахъ: пытки и конфискаціи имуществъ воспрещаются“. Однако, слѣдующая (76) статья, пріостанавливающая постановленія конституціи о неприкосновенности личности и жилища „въ виду событій, грозящихъ нарушеніемъ общественной безопасности“, была принята въ томъ видѣ, какъ предложена русскимъ проектомъ.

Долгія пренія возбудила статья объ обязательности всеобщаго обученія, въ которой было возстановлено опущенное русскимъ проектомъ постановленіе (бельгійской и румынской конституцій) относительно „безплатности обученія“. Но, такъ какъ недоразумѣнія собранія были тутъ, главнымъ образомъ, техническія и послѣдующимъ ходомъ дѣла не оправдались, то мы перейдемъ прямо къ слѣдующей статьѣ, о свободѣ печати. Русскій текстъ статьи былъ: „Печать свободна подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія, на основаніи особаго закона“. Собраніе очень единодушно возстало противъ такой

*) Марко Балабановъ постоянно колебался между либерализмомъ и консерватизмомъ, но въ рѣшительныя минуты обыкновенно примыкалъ къ болѣе консервативнымъ группамъ.

формулировки, какъ слишкомъ „эластической“ и неопредѣленной. „Слово: злоупотребленіе, говорили они, не имѣетъ никакого юридическаго значенія“, а „особый законъ“ еще неизвѣстно какой будетъ принятъ. По предложенію д-ра Странскаго, принятъ былъ, вмѣсто русскаго, текстъ статьи, взятой прямо изъ бельгійской конституціи: „Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Если авторъ извѣстенъ и находится въ княжествѣ, то издатель, типографщикъ и распространитель не могутъ быть подвергаемы преслѣдованію“ *).

Однако, принятіе пункта въ этой редакціи вызвало дополнительное предложеніе относительно духовной цензуры, внесенное митроп. Мелетіемъ и подписанное десятью членами: „Сочиненія духовнаго и догматическаго содержанія, Св. Писаніе и богослужебныя книги могутъ быть печатаемы и распространяемы только послѣ предварительнаго одобренія Св. Синода“.

Внесенное предложеніе вызвало горячіе споры. Слово „догматическій“ представлялось депутатамъ слишкомъ неопредѣленнымъ. „Сегодня вы запретите богословское сочиненіе, завтра философское, а послѣ завтра и до физики доберетесь“, говорилъ Каравеловъ. „Я могу указать сочиненія, которыя запрещались тамъ, гдѣ существуетъ цензура, только потому, что написаны свѣтскими лицами“. „Покажите мнѣ русскія сочиненія догматическаго содержанія, которыя бы были напечатаны безъ воли синода“, спрашивалъ, съ своей стороны, высокопреосвященный Григорій.—„Гдѣ есть цензура“, возражалъ Каравеловъ, „тамъ развивается атеизмъ и происходятъ революціи, а гдѣ нѣтъ цензуры, люди религіознѣе. Я могу вамъ доказать, что цензура была однимъ изъ главныхъ факторовъ, произведшихъ французскую революцію“. Духовенство, однакоже, не сдавалось,—даже когда собраніе отвергнуло ихъ предложеніе. Положеніе сдѣлалось напряженнымъ: за кулисами собранія произведено было давленіе на депутатовъ со стороны русскихъ представителей. Тогда Цанковъ возобновилъ свое предложеніе, прошедшее незамѣченнымъ въ жару спора,—чтобы подвергать духовной цензурѣ только книги, предназначенныя для употребленія въ церквахъ, и учебники по Закону Божію для православныхъ. Это предложеніе и было принято, въ видѣ особой статьи конституціи.

*) Позднѣйшіе комментаторы замѣтили ошибку, допущенную Странскимъ въ переводѣ: именно, союзъ *и*, употребленный вмѣсто *или* французскаго текста (между „типографщикъ“ и „распространитель“) подвергалъ отвѣтственности лицъ перечисленныхъ трехъ категорій—одновременно, тогда какъ бельгійскій текстъ, при юридическомъ толкованіи, сводится къ преслѣдованію „по каскадамъ“ т. е. въ порядкѣ постепенности, въ какой они названы,—отвѣтственность переходитъ отъ одного къ другому: отвѣчаетъ *или* издатель, *или* типографщикъ, *или* распространитель.

Дальнѣйшая статья русскаго проекта устанавливаетъ право собраній и митинговъ. За этой статьей, цѣликомъ заимствованной изъ бельгійской и румынской конституцій, въ обѣихъ послѣднихъ слѣдуетъ пропущенная проектомъ статья о правѣ союзовъ. Эту послѣднюю статью депутатъ Молловъ и предложилъ прибавить къ проекту, въ формѣ: „Болгарскіе граждане имѣютъ право составлять дружество безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія *). На прямой вопросъ Стоилова, какія дружества здѣсь разумѣются, Молловъ отвѣчалъ, что „дружества, противныя интересамъ государства и общественному порядку, исключаются". Собраніе приняло предложеніе Моллова безъ этого поясненія, что вызвало письменный протестъ десяти духовныхъ и семи свѣтскихъ членовъ собранія, а также сильный шумъ въ газетахъ, объявлявшихъ собраніе сборищемъ нигилистовъ и коммунистовъ. Толки эти произвели сильное впечатлѣніе и вызвали съ русской стороны „совѣты умѣренности". Дѣйствительно, при окончательномъ чтеніи текста конституціи — тогда же, когда Цанковъ ввелъ въ текстъ упомянутую выше уступку относительно духовной цензуры,—введена была и въ статью о дружествахъ оговорка: „Если только цѣль и средства этихъ дружествъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ".

Послѣдній параграфъ отдѣла объ основныхъ правахъ былъ тоже урѣзанъ въ русскомъ проектѣ сравнительно съ текстомъ бельгійской и румынской конституціи, и по предложенію того же Моллова также былъ возстановленъ, причемъ неточный переводъ Моллова далъ этому параграфу даже болѣе широкое значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ въ оригиналѣ. Рѣчь идетъ о правѣ петицій. Бельгійскій и румынскій тексты устанавливаютъ, что петиціи могутъ быть подписаны однимъ или нѣсколькими лицами, но могутъ говорить только отъ имени подписавшихъ ихъ лицъ, и что только надлежащимъ образомъ установленныя *учрежденія* могутъ обращаться съ *коллективными* петиціями. Русскій проектъ (вслѣдъ за сербской конституціей) оставлялъ право петицій *только* за отдѣльными лицами, противополагая имъ „учрежденія и общества", которымъ разрѣшалось просить лишь „относительно предметовъ, входящихъ, по закону, въ кругъ ихъ дѣятельности". Формула Моллова, принятая собраніемъ, была: „Каждый болгарскій подданный имѣетъ право подавать надлежащимъ властямъ прошенія, подписанныя однимъ и нѣсколькими лицами (коллективно). Учрежденія, установленныя по закону, имѣютъ право подавать прошенія чрезъ своихъ представителей". Послѣдняя фраза, конечно,

**) Послѣдній терминъ представляетъ важную юридическую неточность перевода: въ бельгійской конституціи говорится о всякой „превентивной мѣрѣ", а не только о предварительномъ разрѣшеніи",—т. е. вопросъ ставится шире и общѣе.

теряла въ переводѣ всякій опредѣленный смыслъ, послѣ того какъ терминъ „коллективный“ былъ отнесенъ къ петиціямъ нѣсколькихъ лицъ, вмѣсто петицій „учрежденій“, какъ стояло въ оригиналѣ.

Мы теперь подошли къ главѣ „о народномъ представительствѣ“, по поводу которой консервативное меньшинство дало генеральное сраженіе послѣдователямъ Цанкова и Каравелова; и, проигравъ его, стало и къ собранію, и къ выработанной имъ конституціи въ отношенія рѣзко-враждебныя. Какъ увидимъ, этотъ разрывъ повелъ за собой очень важныя послѣдствія для конституціонной жизни страны.

Русскій проектъ въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, близко держался текста сербской конституціи, но измѣнилъ ее, — какъ увидимъ, въ консервативномъ смыслѣ—по вопросу о выборахъ въ собраніе. Главныя черты устройства народнаго представительства были проектированы слѣдующія: 1) народное собраніе (обыкновенное и великое), составленное по тому же образцу, какъ Тырновское собраніе, т. е., кромѣ выборныхъ депутатовъ, изъ *назначенныхъ* и изъ представителей *по должности*. 2) Народное собраніе лишено было права законодательной иниціативы. 3) Наконецъ, въ качествѣ *совѣщательнаго и кодификаціоннаго* учрежденія для подготовки законопроектовъ и для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ судебныхъ и финансовыхъ дѣлъ въ высшей инстанціи учреждался государственный совѣтъ. Докладъ пятнадцатичленной коммиссіи, забракованный собраніемъ, предлагалъ измѣнить первую черту проекта въ болѣе либеральномъ смыслѣ, составивъ собраніе изъ *однихъ* только выборныхъ членовъ (но выбранныхъ путемъ *двустепенныхъ* выборовъ, избирателями съ имущественнымъ и образовательнымъ *цензомъ*). Члены коммиссіи не прочь были также дать участіе членамъ собранія въ законодательной иниціативѣ. Но по третьему вопросу — о государственномъ совѣтѣ — они не удовлетворились русскимъ предложеніемъ и настаивали на превращеніи совѣта въ настоящую *верхнюю палату*, составленную изъ назначенныхъ пожизненно княземъ 10—15 членовъ и 9 представителей высшаго духовенства, магистратуры и ученаго сословія. По этому-то послѣднему пункту—о двукамерной системѣ—и разгорѣлась главная борьба между собраніемъ и членами отвергнутой имъ коммиссіи.

Главнымъ ораторомъ со стороны коммиссіи выступилъ принципіальный защитникъ системы двухъ палатъ и главный теоретикъ консервативной группы, Т. И. Икономовъ. Въ своей длинной рѣчи онъ развилъ обычныя доказательства въ пользу второй камеры: необходимость устойчивости, послѣдовательности, всесторонности и безпартійности законодательства; преимущество имѣть посредствующее учрежденіе между княземъ и народнымъ представительствомъ, чтобы смягчать и устранять конфликты между

ними; наконецъ, примѣръ большинства другихъ конституціонныхъ странъ. Но ораторъ указалъ также и на мѣстныя условія, дѣлавшія, по его мнѣнію, учрежденіе сената необходимымъ въ Болгаріи, и сдѣлалъ это въ такой формѣ, которая не могла не задѣть за живое членовъ собранія. „Не будемъ скрывать отъ себя, говорилъ онъ,—что элементовъ для устроенія и укрѣпленія у насъ слишкомъ мало, и что по воспитанію мы скорѣе пріучены разрушать, чѣмъ созидать. Если къ этому прибавить слабую умственную подготовку тѣхъ изъ насъ, которые могутъ быть членами будущихъ нашихъ народныхъ собраній, и необдуманное увлеченіе всякой новой идеей, то станетъ очевидно, что такое народное собраніе не удержится отъ увлеченій, отъ поспѣшныхъ и односторонніхъ рѣшеній". „Большинство собранія будетъ состоять, съ одной стороны, изъ горячей молодежи, съ другой—изъ самодовольныхъ горожанъ, представителей цеховъ *). Молодежь будетъ увлекать впередъ, а остальные послѣдуютъ за ней по невѣдѣнію или добродушію... При нашемъ упорствѣ... дѣло неизбѣжно дойдетъ до столкновенія между законодательной и исполнительной властью, и страна подвергнется потрясеніямъ"...

Собраніе почувствовало намекъ на себя и обидѣлось. Рядъ ораторовъ выступилъ на защиту „народа". „Цѣлый свѣтъ знаетъ,—говорилъ Стояновъ,—что все, что имѣетъ нашъ народъ, онъ добылъ себѣ самъ, кромѣ свободы, которою онъ обязанъ царю-освободителю. Если есть у насъ училища, народъ самъ ихъ устроилъ и поддерживаетъ; если есть національная церковь, самъ народъ добылъ ее, а не архіереи и другія личности. Было и единство, которое Берлинскій трактатъ разрушилъ и котораго, опять таки, самъ народъ добьется". „Итакъ, нельзя говорить, что мы умѣемъ только разрушать". „Обидно для цѣлаго народа,—говорилъ главный ораторъ по вопросу, Славейковъ, — согласиться съ такимъ предвзятымъ мнѣніемъ о полной его неспособности и некомпетентности въ рѣшеніи народныхъ дѣлъ и признать способными и компетентными только нѣкоторыхъ привиллегированныхъ лицъ... Нѣтъ большей глупости, какъ считать себя умнѣе всѣхъ и претендовать на руководство другими. Какъ бы ни были умны и образованы единичные руководители, они скорѣе могутъ заблудиться, ошибиться и напутать, чѣмъ зрѣло обдуманное общее или народное мнѣніе. Поэтому-то руководители, нужные въ единона-

*) Въ этихъ послѣднихъ словахъ достаточно ярко подчеркнута соціальная подкладка партій Тырновскаго собранія. „Народъ", шедшій за своими демократическими вождями (учителями и публицистами),—это были, главнымъ образомъ, представители городской демократіи цеховъ („еснафовъ"), тогда какъ небольшая кучка консерваторовъ состояла изъ „чорбаджійскаго" элемента — бывшихъ турецкихъ чиновниковъ, адвокатовъ и крупныхъ торговцевъ, пытавшихся, какъ увидимъ, опереться на совершенно еще незатронутую борьбой крестьянскую массу.

чаліи, излишни тамъ, гдѣ цѣлый народъ принимается думать о своей судьбѣ, гдѣ много умовъ составляютъ одно мнѣніе. И, увѣряю васъ, гораздо лучше и вѣрнѣе думаетъ самъ за себя народъ, который несетъ тяжести и понимаетъ, гдѣ его обираютъ, чѣмъ могутъ думать за него лица привиллегированныя, которыя, даже при доброй волѣ и при полномъ желаніи быть полезными, иной разъ чешутъ его тамъ, гдѣ и не свербитъ. Оставьте народу самому искать лѣкарства отъ своихъ болѣзней, и будьте увѣрены, что онъ скорѣе найдетъ ихъ и сумѣетъ употребить въ дѣло... Имѣйте, господа, побольше вѣры въ народъ, въ его благоразуміе; вглядитесь въ него получше, изучите положительнѣе его качества и свойства,—и будьте увѣрены, вы составите лучшее мнѣніе о немъ и скорѣе положитесь на него, чѣмъ на неумѣстныхъ и ненужныхъ избранныхъ людей. ...Вы боитесь горячихъ головъ въ камерѣ и стараетесь создать государство въ государствѣ—царство стариковъ. Химерическій страхъ и безцѣльныя мѣры! Чтобы бояться тамъ, гдѣ нѣтъ страха, нужно не знать народа, а прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ—значитъ не знать человѣчества. Не забудьте, что Викторъ Гюго въ восемьдесятъ лѣтъ—самый буйный между депутатами французской палаты. Основательнѣе было бы бояться, что палата будетъ наводнена адвокатами-„скакальцами“ *)—самыми безпокойными людьми въ мірѣ, которые всего больше шумятъ въ собраніи, чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе. Но, къ счастью, у насъ еще такихъ немного“...

Здѣсь Славейковъ былъ прерванъ. Грековъ, Стоиловъ—главные противники — были именно адвокатами, и они подхватили личный намекъ. Начевичъ крикнулъ: „Что дѣлаетъ предсѣдатель? Насъ ругать начали: пусть приметъ мѣры!“ Среди общихъ криковъ: „долой предсѣдателя“, „пусть ораторъ продолжаетъ“ — Каравеловъ закрылъ засѣданіе на нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ большинство сторонниковъ двухкамерной системы демонстративно покинуло залу засѣданій. По возобновленіи засѣданія Славейковъ кончилъ свою рѣчь—самую длинную, какую онъ когда либо произносилъ—при громѣ рукоплесканій. Собраніе рѣшило, вопреки протесту Грекова, что пріемъ обструкціи—путемъ удаленія—есть „не парламентаризмъ, а деспотизмъ“, и большинствомъ отвергло предложеніе о сенатѣ. Это дало главный поводъ меньшинству представить тотъ протестъ противъ дальнѣйшихъ рѣшеній собранія, а также и противъ рѣшеній о духовной цензурѣ и о свободѣ союзовъ, о которомъ мы упоминали выше.

Мы остановились на безыскусственной рѣчи Славейкова и

*] Слово «скакальцы» содержало также намекъ на бессарабское происхожденіе Грекова.

на всемъ этомъ эпизодѣ, потому что то и другое ярко характеризуетъ болгарскій демократизмъ и даетъ ключъ ко многимъ послѣдующимъ событіямъ. Это былъ моментъ, когда консерваторы-„адвокаты“ готовы были искать конституціонныхъ гарантій и противовѣсовъ, а либералы, въ лицѣ Славейкова, заявляли, что гораздо легче народу прямо, безъ всякихъ посредниковъ, столковаться съ княземъ-„отцомъ“ и составить, такимъ образомъ, „сильное и крѣпкое правительство“. Вѣра въ „народъ“ опиралась еще тогда на свѣжія преданія національной борьбы, и „еснафы“—мелкая городская буржуазія—смѣло шли за „буйными головами“, вродѣ Каравелова, разъ имъ покровительствовалъ такой испытанный боецъ, какъ Славейковъ. Эти люди боялись только одного: довѣриться „привиллегированнымъ“ интеллигентамъ такого типа, какъ Стоиловъ или Грековъ, въ умственномъ аристократизмѣ которыхъ они инстинктивно чувствовали пренебреженіе къ „народу“, а еще болѣе—хитрость дѣльцовъ, готовыхъ поживиться насчетъ народнаго кармана при устройствѣ новаго режима. Таковъ смыслъ горячихъ рѣчей Славейкова и полнаго сочувствія имъ со стороны собранія.

Возвращаемся къ обсужденію проекта народнаго представительства. На очереди стоялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ—объ избирательномъ правѣ. Русскій проектъ въ данномъ случаѣ измѣнилъ правилу переписывать статьи изъ сербской конституціи, и ввелъ для выборовъ въ обыкновенное народное собраніе тотъ же порядокъ, который былъ примѣненъ для выбора депутатовъ Тырновскаго великаго собранія. Въ составъ обыкновеннаго народнаго собранія должна была входить половина митрополитовъ и управляющихъ экзархіями, половина предсѣдателей и членовъ суда высшей инстанціи, половина предсѣдателей судовъ окружныхъ, губернскихъ и коммерческихъ; депутаты въ количествѣ по одному на каждые 10.000 населенія, выбранные прямой подачей голосовъ; наконецъ, лица, назначенныя княземъ, въ количествѣ одного на двухъ (по сербской конституціи на трехъ) представителей остальныхъ категорій. Въ Великомъ собраніи должно было засѣдать двойное количество депутатовъ. Собраніе единодушно возстало противъ такого порядка назначенія депутатовъ. „Если мы хотимъ, чтобы дѣйствія собранія уважались, необходимо, чтобы представители избирались исключительно народомъ“, говорилъ одинъ депутатъ. „Правда, предсѣдатели городскихъ и окружныхъ совѣтовъ тоже лица выборныя,—говорилъ другой,—но они выбраны на особенную должность, они могутъ быть хорошими администраторами, но плохими представителями“. Въ результатѣ, собраніе почти безъ споровъ приняло предложеніе, внесенное 17-ю членами, взамѣнъ русскаго параграфа: „Обыкновенное народное собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избранныхъ прямой подачей голосовъ по одному на 10.000

жителей обоего пола *). Депутаты избираются на три года (первоначально предложено было четыре **). Право быть избирателями принадлежитъ всѣмъ болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и пользующимся гражданскими и политическими правами. Избираемыми могутъ быть всѣ болгарскіе граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами, которые имѣютъ больше 30 лѣтъ (первоначально предложено 25) и грамотны".

Такимъ образомъ, тырновскіе представители не захотѣли увѣковѣчить тотъ порядокъ, которымъ они сами были призваны. Они ввели всеобщее избирательное право, доставшееся Болгаріи еще легче, чѣмъ однокамерная система — исключительно благодаря той свободѣ рѣшеній, какая обезпечена была Великому собранію Берлинскимъ конгрессомъ и инструкціями русскаго правительства своему коммиссару.

Далѣе, собраніе отвергло статью проекта (взятую изъ сербской конституціи), по которой предсѣдатель и вице-предсѣдатель собранія должны были назначаться княземъ изъ шести кандидатовъ, представленныхъ ему собраніемъ. Измѣнены также сербскія статьи объ исключительномъ правѣ князя вносить законопроекты; право законодательной инціативы признано и за собраніемъ съ тѣмъ, чтобы вносимые депутатами законопроекты были подписаны четвертью присутствующихъ депутатовъ (распоряженіе совершенно оригинальное). Собраніе ввело также въ число своихъ функцій право назначать слѣдственныя коммиссіи по управленію. Осторожность собранія выразилась также и въ томъ, что въ статьяхъ о правѣ князя, въ исключительныхъ случаяхъ, дѣлать чрезвычайные займы собраніе возстановило максимальныя цифры, имѣвшіяся въ сербскомъ текстѣ, но выпущенныя въ русскомъ, и притомъ уменьшило эти максимумы дозволенныхъ князю экстренныхъ займовъ вчетверо и кредитовъ вдвое (1.000,000 и 300.000 франковъ вмѣсто 200.000 и 30.000 червонцевъ). Собраніе, характернымъ образомъ, обнаружило бережливость и по отношенію къ собственному времени, опредѣливъ для обычной сессіи два мѣсяца въ году и выбравъ ихъ такъ, чтобы не мѣшать сельскимъ работамъ (15 окт.—15 дек.) Изъ экономіи, оно сократило предложенное число министерствъ съ семи на шесть. Наконецъ, оно рѣшительно отвергнуло предложенное проектомъ учрежденіе государственнаго совѣта, приведя противъ него тѣ же возраженія, какія имѣло противъ верхней палаты. Государственный совѣтъ, говорили нѣкоторые депутаты, есть суррогатъ народнаго представительства, и тамъ, гдѣ есть это представительство, онъ излишняя роскошь. Функціи государственнаго совѣта были распредѣлены между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ министровъ.

*) Впослѣдствіи измѣнено на 20.000.

**) Съ 1893—на пять лѣтъ.

Послѣдняя характерная поправка, сдѣланная собраніемъ въ русскомъ проектѣ, касается вопроса о пересмотрѣ конституціи. Русская статья (оригинальная) гласила: „Настоящій уставъ имѣетъ силу и дѣйствіе въ теченіе пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ имѣетъ быть пересмотрѣнъ (Великимъ собраніемъ)". Противъ этого предложенія высказались одинаково сторонники самыхъ противоположныхъ мнѣній: одни, потому что находили излишнимъ гарантировать такимъ образомъ неприкосновенность конституціи отъ измѣненій, какія могутъ понадобиться немедленно; другіе потому, что находили и такую гарантію недостаточной и даже опасной, такъ какъ она обязывала,—во что бы то ни стало и, можетъ быть, безъ всякой надобности,—черезъ пять лѣтъ пересмотрѣть конституцію. Характернымъ образомъ, и тѣ и другіе, въ своей политической наивности, были одинаково далеки отъ мысли, что конституціи предстоитъ какая-либо иная опасность, кромѣ перемѣнчивости „народной" воли, а гарантировать конституцію противъ воли народа казалось не либеральнымъ. „Если мы свободолюбивы, такъ будемъ и послѣдовательны", говорилъ одинъ ораторъ. „Не удивительно, если при первомъ обсужденіи мы допустили какія-нибудь ошибки: нельзя же запретить будущему собранію перемѣнить, по законной нуждѣ, тотъ или другой параграфъ". „Съ другой стороны", говорилъ тотъ же ораторъ (Помяновъ, докладчикъ пятнадцатичленной комиссіи),—„нельзя обязать народъ непремѣнно измѣнить конституцію черезъ пять лѣтъ; это было бы деспотизмомъ". Противъ назначенія срока высказался и Цанковъ; и только Каравеловъ, по своему обыкновенію, бросилъ собранію отрывочную и энигматическую фразу, которой на этотъ разъ суждено было оказаться пророческой: „Въ такомъ случаѣ можетъ случиться, что конституція будетъ уничтожена, прежде чѣмъ ее введутъ въ дѣйствіе" *). Закрывая 16 апрѣля 1879 г. Тырновское собраніе, кн. Дондуковъ говорилъ, между прочимъ: „Неизбѣжныя недоразумѣнія — впрочемъ, весьма естественныя при поспѣшности новаго дѣла и важности задачи, — ни на минуту не поколебали, однако, постояннаго моего къ вамъ довѣрія и той вѣры, которую всегда питалъ я въ нравственный и политическій смыслъ родного намъ болгарскаго народа. Послѣднія и окончательныя рѣшенія ваши по вопросамъ органическаго устава, подавшимъ, среди самаго собранія, поводъ къ недоразумѣніямъ (Дондуковъ разумѣетъ уступки, сдѣланныя большинствомъ по вопросамъ о духовной цензурѣ и свободѣ союзовъ), должны были окончательно разсѣять сомнѣнія недоброжелателей

*) Собраніе, очевидно, этой возможности не боялось и не предвидѣло: но оно могло инстинктивно чувствовать опасность всякаго *формальнаго* обязательства—черезъ короткій срокъ пяти лѣтъ снова поставить подъ вопросъ весь государственный строй только-что созданнаго княжества.

вашихъ и устранить всѣ поводы къ обвиненію васъ въ незрѣлости или неподготовленности къ предоставленной вамъ свободной политической жизни. . Будущее покажетъ, насколько составленная вами конституція соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны и служитъ выраженіемъ истинныхъ стремленій болгарскаго народа; горячее и искреннее побужденіе, руководившее патріотизмомъ вашимъ, я увѣренъ, въ томъ состоитъ, чтобы новая конституція послужила оплотомъ благоразумной свободы и законности". Императоръ Александръ II, въ прокламаціи 11 апрѣля, напутствовалъ новую конституцію слѣдующими благожелательными словами: „Выработавъ органическій уставъ объ управленіи княжествомъ, вы положили основу вашего внутренняго устройства и удержали для себя значительную часть участія въ дѣлахъ этого управленія. Я не сомнѣваюсь, что вы сумѣете усвоить себѣ начала, положенныя въ основу устава и употребите ихъ съ пользою для вашего развитія".

Если въ этихъ словахъ императора и его коммиссара и проглядываетъ нѣкоторое опасеніе за судьбу провозглашенныхъ болгарской конституціей началъ, то опасеніе это направлено въ сторону, совершенно обратную той, съ которой опасность, дѣйствительно, угрожала. Враги „благоразумной свободы и законности" оказались не въ рядахъ болгарской демократіи, а въ правительственномъ лагерѣ...

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ переселенческому вопросу.

I.

Переселеніе—это одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ русской жизни.

Для центральной Россіи—это, во-первыхъ, вопросъ объ утилизаціи милліоновъ рукъ, не находящихъ себѣ, благодаря всему строю государственной и экономической жизни, приложенія; во-вторыхъ, это вопросъ о голодныхъ ртахъ, требующихъ ежегодныхъ затратъ государственныхъ средствъ на прокормленіе. Кромѣ этого извѣстно, что голодные рты—въ то же время безпокойныя головы...

Для Сибири вопросъ о приливѣ населенія, пожалуй, еще значительнѣе и важнѣе. Переставъ быть ссыльной колоніей, она не стала равноправной сестрой метрополіи. Русское населеніе ея не имѣетъ земства, не имѣетъ суда присяжныхъ; количество школъ и врачей ничтожно; дорогъ, кромѣ небольшого числа трактовыхъ,—никакихъ.

Не играя въ жизни Россіи крупной экономической роли, Сибирь въ той борьбѣ интересовъ, которая идетъ между различными областями страны, всегда является побѣжденной стороной. Вспомнимъ только, какъ недавно небольшая группа крупныхъ русскихъ заводчиковъ и торговцевъ,—мы почти можемъ сказать: какъ Крестовиновъ, — перевѣсила на вѣсахъ министерства финансовъ ходатайства трехъ сибирскихъ городовъ, просившихъ, во имя интересовъ всей западной половины Сибири, охраны морского пути къ устью сибирскихъ рѣкъ.

И такъ будетъ всегда, до тѣхъ поръ, пока Сибирь, населенная и потому экономически окрѣпшая, не разовьетъ своихъ производительныхъ силъ и не займетъ виднаго мѣста, какъ въ области національнаго труда, такъ и въ покрытіи государственныхъ расходовъ. Вопросъ о заселеніи Сибири есть вопросъ о ея совершеннолѣтіи.

Но громадному значенію переселенческаго дѣла вполнѣ соотвѣтствуетъ и громадная трудность его удовлетворительной организаціи.

Не безполезно поэтому разобраться въ причинахъ неудовлетворительнаго состоянія переселенія. О неудовлетворительности же его свидѣтельствуетъ уже самая анархичность движенія (громадный % самовольныхъ иммигрантовъ) и всего больше — значительное число возвращающихся обратно въ Россію, неудачныхъ и раззоренныхъ въ конецъ колонистовъ.

Основную причину всѣхъ неудачъ мы видимъ въ нецѣлесообразности господствующихъ до сихъ поръ принциповъ переселенческой политики. Цѣлесообразными они могутъ считаться только въ томъ случаѣ, если удовлетворяютъ и причиннымъ моментамъ эмиграціоннаго движенія. Разъ люди, сотни тысячъ людей, во всѣхъ концахъ Россіи, бросая насиженныя мѣста и знакомыя условія жизни, ликвидируютъ хозяйство и задешево распродаютъ всю немудрую „худобу“, чтобы пуститься въ тысячеверстныя странствія, — это значитъ, что дома жить нельзя, что дома въ глаза смотритъ нищета, что дома даже изумительно низкій уровень потребностей русскаго крестьянства оказывается неудовлетворимо-высокимъ.

Распространено мнѣніе, — по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сферахъ, — что стремленіе къ переселенію вызывается не этими насущными причинами, а нелѣпыми толками о молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ, распространяемыми разными смутьянами,— толками, создающими родъ эпидеміи, которую нужно всячески сдерживать, а не поощрять. Вѣрно, несомнѣнно, къ сожалѣнію, вѣрно, что при томъ повальномъ невѣжествѣ, изъ котораго народъ, не смотря на все свое желаніе не можетъ выбиться, у него нѣтъ достаточныхъ знаній ни своего отечества, ни тѣмъ болѣе отдаленной Сибири, ея климата и хозяйственныхъ условій. Вѣрно, что изголодовавшійся человѣкъ становится падкимъ ко всякимъ слухамъ и толкамъ, сулящимъ ему жизненныя блага. Но, конечно, въ современномъ движеніи въ Сибирь эти факторы не играютъ никакой почти роли: Сибирь исхожена ходоками вдоль и поперекъ; вернувшіеся неудачники пускаютъ про нее худую славу, которая какъ извѣстно не лежитъ а бѣжитъ—и движеніе тѣмъ не менѣе ростетъ и ростетъ. Существуютъ, слѣдовательно, вѣскія для того причины.

Народу, стѣсненному дома землею, надо дать землю тамъ, гдѣ она есть въ избыткѣ; людямъ, голодающимъ дома, надо дать возможность быть сытыми въ новыхъ мѣстахъ. Въ этомъ и только въ этомъ вся раціональная государственная переселенческая политика; раціональная и потому, что она удовлетворитъ законнымъ и правомѣрнымъ желаніямъ переселенцевъ, и потому, что создастъ достаточное, зажиточное населеніе и тѣмъ самымъ— прочный базисъ и для развитія промышленности и для государственнаго бюджета.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, съ начала 60-хъ, и до начала

90-хъ годовъ прошлаго вѣка переселеніе рѣшительно тормазилось, отчасти въ угоду помѣстному классу, отчасти вслѣдствіе смутнаго опасенія, что, при наличности русскихъ экономическихъ условій, народъ, — дай ему свободу передвиженія, — разбѣжится. Повторилась, такимъ образомъ, исторія; и тотъ же страхъ опустѣнія центра, который въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за присоединеніемъ Заочья и Поволжья, заставилъ московское правительство прикрѣпить къ землѣ крестьянина, бѣжавшаго отъ московской руки на Украйну,—тотъ же страхъ закрылъ и въ XIX вѣкѣ передъ крестьяниномъ дверь въ Сибирь. Извѣстно тоже, что съ постройкой сибирской магистрали въ переселенческой политикѣ произошелъ нѣкоторый поворотъ. Переселеніе начали разрѣшать въ цѣляхъ заселенія желѣзнодорожной полосы. Здѣсь важно то, что мотивомъ происшедшей перемѣны въ переселенческой политикѣ послужили нужды желѣзной дороги, а не населенія, жаждущаго земли. Отсюда, какъ логическое развитіе основной посылки, вытекла и вся существующая переселенческая практика: и участіе въ эмиграціонномъ дѣлѣ комитета сибирской дороги, и обильныя стѣсненія и ограниченія движенія, и требованіе представленія переселенцами денежныхъ средствъ, достаточныхъ для переѣзда и устройства на мѣстѣ, и скудость домообзаводственныхъ пособій. Совершая заселеніе сибирской магистрали на средства и за счетъ нищихъ мужицкихъ кармановъ, эта политика создала и величайшее зло современнаго эмиграціоннаго дѣла: обратное переселеніе. Обратное переселеніе! Надо дать себѣ отчетъ во всемъ ужасномъ значеніи этого явленія. Сравнительно достаточный хозяинъ русскихъ губерній, уступивъ обществу свой полувыкупленный надѣлъ, продаетъ за полцѣны на сносъ свои постройки, скотъ, инвентарь; сколотивъ, такимъ образомъ, требуемые 300 руб., онъ пускается съ семьею въ путь. Все лѣто онъ ѣдетъ въ переполненныхъ скотскихъ вагонахъ и баржахъ, тѣснится въ перенаселенныхъ переселенческихъ пунктахъ, или въ дырявыхъ шалашахъ, мокнетъ, голодаетъ, болѣетъ эпидемическими болѣзнями, хоронитъ дѣтей и, наконецъ, добирается до своего участка,—въ послѣдніе годы таежнаго и бездорожнаго. Здѣсь онъ нищенствуетъ, батрачитъ, побирается и вмѣстѣ съ тѣмъ строитъ домъ и чиститъ на поле вѣковую тайгу. Первый урожай побилъ морозъ, первый уцѣлѣвшій урожай нельзя продать за отсутствіемъ выѣзда и проѣзда, или умеръ въ семьѣ работникъ, или пала отъ язвы лошадь,—или еще сто мелкихъ, казалось бы, причинъ, и—всѣ труды переселенца пропали даромъ: жить нечѣмъ, нѣтъ энергіи, нужной въ этомъ сверхкаторжномъ трудѣ и остается одно: идти, Христовымъ именемъ домой, чтобы батрачить и побираться тамъ. Для человѣка—это избытокъ злоключеній; для государства это потерянные 2—3, иногда и больше лѣтъ производительнаго труда десятковъ тысячъ семей.

Не надо думать, что мы сгущаемъ краски. Ихъ не надо и бояться. Гораздо вреднѣе всякіе розовые флеры въ вопросахъ такой большой важности.

Высокій % обратныхъ переселеній обратилъ на себя вниманіе и высшей правительственной власти. Это необходимо и естественно въ той фазѣ развитія, въ которую вступилъ переселенческій вопросъ въ настоящее время. Хроническіе недороды въ Россіи и обусловленный ими промышленный кризисъ съ одной стороны и безпокойное состояніе населенія, съ другой — вызвали къ жизни попытки упорядочить сельскохозяйственную жизнь населенія (комитеты о нуждахъ с.-хоз. промышленности), заставили и на переселеніе смотрѣть не только какъ на средство заселить пустующую окраину, пріобрѣтающую государственное значеніе, но и какъ на средство удовлетворить потребность русскаго крестьянскаго населенія въ землѣ.

Въ этой новой фазѣ дѣла анархическій характеръ переселеній и его современная организація, какъ нецѣлесообразные и даже, болѣе того—вредные, подлежатъ измѣненію и устраненію, о чемъ вполнѣ опредѣленно заявлено и министромъ внутреннихъ дѣлъ въ его програмной рѣчи, сказанной еще во время празднованія столѣтія министерства. Въ ней переселенческое дѣло признано дѣломъ государственнаго значенія и указано, что оно должно быть взято всецѣло въ руки государства. Въ самое послѣднее время поднятъ вопросъ о расширеніи домообзаводственнаго кредита переселенцамъ на мѣстахъ поселенія, кредита почти отсутствовавшаго до послѣдняго времени.

Мы приближаемся такимъ образомъ къ воззрѣніямъ на дѣло, господствовавшимъ во время управленія Киселевымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ—въ 30-хъ—40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Тогда впервые началась систематическая колонизація окраинъ, а слѣдовательно и систематическое выселеніе крестьянъ изъ мѣстностей, страдавшихъ малоземельемъ; все дѣло находилось всецѣло въ рукахъ министерства государственныхъ имуществъ и носило строго бюрократическій характеръ.

По донесеніямъ палатъ государственныхъ имуществъ, изъ мѣстностей, въ которыхъ размѣръ надѣла падалъ ниже 5 десятинъ на душу и слабо развиты были подсобные промыслы и сторонніе заработки, часть населенія по опредѣленію властей переселялась на окраины, при чемъ мѣсто поселенія опредѣлялось тоже министерствомъ. Самое переселеніе совершалось за счетъ правительства, при чемъ палаты государственныхъ имуществъ по пути слѣдованія партій, впередъ озабочивались заготовленіемъ провіанта, наличностью медицинской помощи и т. д. На мѣстахъ поселенія, тоже за счетъ правительства, заготовлялись строительные матеріалы, рабочій скотъ, сѣмена, запасы сѣна и продовольствія для людей до перваго урожая, земледѣльческія орудія·

Кромѣ того отпускалось заимообразно до 50 руб. на семью и переселенцы освобождались цѣликомъ отъ податей на 4 года, на слѣдующіе 4 года отъ половины ихъ; на 3 года отъ рекрутской повинности, и на 6 лѣтъ отъ постойной. Всѣ старыя недоимки переселенцевъ слагались.

Методъ этотъ, какъ мы видимъ, обладалъ многими хорошими сторонами. Изъ 270 тысячъ человѣкъ, переселенныхъ съ половины 30-хъ до конца 50-хъ годовъ въ Сибирь и южнорусскія губ.,—почти всѣ безъ исключенія устроились на мѣстахъ хорошо и достигли значительнаго благосостоянія. Это и неудивительно: министерство государственныхъ имуществъ брало на себя не только иниціативу переселенія, но и всѣ связанные съ нимъ расходы и обставляло переселеніе такими удобствами, а первые годы пребыванія на мѣстахъ—такими льготами, которыя окупали и неизбѣжные убытки и усиленныя нужды, связанныя съ ликвидаціей одного хозяйства и заведеніемъ новаго.

Насколько такой порядокъ могъ бы быть удобопримѣнимъ и цѣлесообразенъ въ настоящее время?

Допуская его осуществимость, нельзя прежде всего не указать на вполнѣ измѣнившіяся съ того времени условія жизни. Тогда было время крѣпостного права. Казна была такимъ же помѣщикомъ, какъ и всякій другой, отличаясь отъ частныхъ лицъ лишь большей благожелательностью къ своимъ крѣпостнымъ, заботливостью объ ихъ интересахъ и „хозяйственностью“. Подобно тому, какъ хорошій хозяинъ пересаживаетъ изъ своего питомника въ садъ подросшую яблоню, или усиленной прополкой разрѣжаетъ посѣвъ рѣпы, такъ точно и казна брала такую же свою вещь, какою является и яблоня,—мужика—за хохолъ, выдергивала его осторожно изъ гряды, гдѣ онъ выросъ, и сажала въ новую яму.

Мыслимо ли это теперь? Не поведетъ ли это къ многимъ и многимъ недоразумѣніямъ, а иногда и бѣдствіямъ? Опасаться этого весьма и весьма возможно. Всегда можно и должно опасаться послѣдствій мѣръ, не согласныхъ съ духомъ времени, соціально нелогичныхъ. Это опасеніе еще усилится, если мы спросимъ себя,—кто, какой органъ правительственной власти явится, въ концѣ концовъ, вершителемъ этого вопроса? Во времена Киселева и послѣдующія, — имъ были палаты государственныхъ имуществъ. Онѣ возбуждали ходатайства, онѣ мотивировали ихъ. Роль министерства сводилась къ общей установкѣ нормъ и къ контролю. Это необходимо такъ бываетъ всегда и иначе быть не можетъ. Теперь возбужденіе вопроса о переселеніи можетъ быть передано только „учрежденіямъ, образованнымъ по закону 12 мая 1889 года“, учрежденіямъ, какъ извѣстно, сословнымъ,—въ противоположность областнымъ органамъ министерства государственныхъ имуществъ. Никто не скажетъ, чтобы на Руси не суще-

ствовало въ настоящее время сословной розни, возникающей на почвѣ антагонизма интересовъ дворянъ-землевладѣльцевъ и крестьянъ-работниковъ. Поставить переселеніе крестьянъ въ зависимость, хотя и неполную, отъ органовъ дворянско-земледѣльческихъ,—это значитъ внести въ вопросъ, насущнѣйшій для всей крестьянской массы и имѣющій общегосударственное значеніе, такой усложняющій и искажающій моментъ, который можетъ надѣлать много бѣды.

Наконецъ еще одно соображеніе: въ былое время число ежегодно переселяемыхъ крестьянъ было относительно совершенно ничтожно, maximum, котораго оно достигло, составлялъ — 28,000 душъ въ 1857 году. Теперь же придется переселять сотни тысячъ,—до милліона въ годъ, если слѣдовать разсчету г-на Витте. Не говоря о громадной стоимости для государственнаго казначейства переселенія въ такихъ размѣрахъ,—заготовка провіанта въ пути и лазаретовъ, сѣна, строительныхъ матеріаловъ и хлѣба, орудій и сѣмянъ—на мѣстахъ потребуетъ цѣлаго особаго интендантства и цѣлой арміи поставщиковъ. При условіяхъ вполнѣ бюрократическаго веденія дѣла,—гдѣ гарантія что здѣсь не повторится исторія всѣхъ другихъ поставокъ и грандіозныхъ казенныхъ хозяйственныхъ операцій? Если въ послѣднюю турецкую войну Малкіели, Грегеры и Горвицы и другіе поставщики раздѣли, разули и держали на гнилой пищѣ нашу военную армію, какъ о томъ свидѣтельствуетъ послѣдовавшій за войной рядъ интендантскихъ процессовъ,—то гдѣ гарантія, что будетъ сыта, обстроена и устроена великая мирная армія переселенцевъ?

Если же казна освободитъ себя отъ этой тяжелой обузы, предоставивъ переселенцамъ устраиваться самимъ, лишь увеличивъ размѣръ домообзаводственныхъ ссудъ,—то что останется отъ киселевской системы?

II.

За киселевской—по ея автору,—или крѣпостной—по принципу — системой переселенія послѣдовалъ періодъ искусственнаго удержанія населенія на мѣстахъ, потерпѣвшій частичное измѣненіе съ начала 90-хъ годовъ. Это періодъ анархическаго и полуанархическаго переселенія. Образцомъ онъ служить не можетъ,—иначе и не поднятъ былъ бы и вопросъ о реорганизаціи миграціоннаго дѣла; но поучительность этого періода велика: въ немъ мы найдемъ немало „аргументовъ отъ противнаго“ въ пользу той организаціи дѣла, которая осуществится рано или поздно.

Итакъ, какова дѣйствовавшая до послѣдняго времени система. Начнемъ съ перваго момента,—съ выдачи разрѣшенія на переселеніе. Оно, какъ извѣстно, зависитъ отъ воззрѣнія на дѣло

высшей губернской администраціи, мнѣнія которой, при всей обоснованности, во-первыхъ—индивидуальны, а во-вторыхъ—едва ли свободны отъ давленія той среды, изъ которой она происходитъ и въ которой вращается. Къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ иногда индивидуальныя различія не только въ мнѣніяхъ губернской администраціи, но и даже различія въ пріемахъ при проведеніи принятой миграціонной системы,—можетъ иллюстрировать слѣдующій фактъ. Въ 1894 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были выработаны правила разрѣшенія переселенія. Эти послѣднія поставлены въ зависимость отъ согласія губернаторовъ, наличности у переселяющагося извѣстной суммы на дорожные расходы (отъ 300 до 500 руб., смотря по отдаленности мѣста новаго поселенія), отсутствія за нимъ недоимокъ и т. д. Цѣль правилъ очевидна: упорядочить переселеніе, а, главное, сдержать движеніе. Въ Могилевской губерніи означенныя правила были опубликованы путемъ вывѣски въ волостныхъ правленіяхъ. Дѣйствіе этой, ограничительной по цѣли, публикаціи было довольно неожиданно. Со всѣхъ концовъ губерніи въ Могилевъ потянулись люди, чтобы получить разрѣшеніе на переселеніе. Одно печатное слово, касавшееся, видимо, наболѣвшаго мѣста и исходившее отъ власти, вызвало пожаръ, точно искра упавшая въ горючій матеріалъ. Содержаніе этого слова было искажено, перетолковано. Вѣрнѣе—дѣйствительнымъ содержаніемъ мало интересовались; влагали свое содержаніе. Фактъ же, что власть сама говоритъ о переселеніи, а не воспрещаетъ ихъ безусловно, очаровалъ крестьянина и разбудилъ затаенныя мечты. Пошли обычные фантастическіе толки, напримѣръ, что государыня купила себѣ въ Сибири большое имѣніе и вызываетъ теперь крестьянъ, которые получатъ надѣлы по 50 десятинъ на душу; причемъ въ Сибири не будетъ помѣщиковъ и крестьянъ не будутъ сѣчь. То обстоятельство, что для полученія разрѣшенія надо было представить дорожныя деньги—смущало мало. На деньгахъ нѣтъ отмѣтокъ, и однѣ и тѣ же деньги поочередно представлялись десятками просителей. Создалась такимъ образомъ эпидемія. Число семей, желавшихъ переселиться, достигло нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Въ результатѣ значительное число разрѣшеній; но еще несравненно большее число отказовъ, ростъ самовольныхъ уходовъ, громадное волненіе въ населеніи и много недовольства.

Намъ въ томъ же 1895 году пришлось говорить по этому поводу съ однимъ изъ высшихъ чиновниковъ сосѣдней Минской губерніи. Тамъ правила 1894 года не были объявлены, чтобы не порождать толковъ и безпокойствъ. Ими конечно руководствовались и тамъ, но для зантересованнаго населенія они составляли канцелярскую тайну. Населеніе было такимъ образомъ удержано на мѣстахъ.

Тайна въ дѣлѣ, которое казалось бы требуетъ полной гласно-

сти и возможно большаго количества свѣта... Но иначе нельзя, такъ какъ попытки освѣтить вопросъ ведутъ къ смутѣ и безпорядку. Очевидна глубокая методологическая ошибка въ самой постановкѣ вопроса, въ самомъ принципѣ колонизаціонной политики, въ этомъ исконномъ непусканіи и удержаніи, мало считающимися съ народными потребностями.

Вопросъ о странствованіи переселенцевъ мы оставимъ въ сторонѣ. Газеты полны матеріалами, рисующими порядокъ и условія передвиженія въ крайне мрачныхъ краскахъ, не смотря на существованіе переселенческихъ пунктовъ и приливъ къ дѣлу помощи переселенцамъ лучшихъ общественныхъ силъ, идейныхъ работниковъ, какими, въ большинствѣ случаевъ, являются переселенческіе чиновники, переселенческія фельдшерицы и т. д. Дѣло недостаточно организовано и скудно обставлено матеріальными средствами. Но эта сторона извѣстна и мы на ней останавливаться не будемъ.

Переходимъ къ условіямъ поселенія эмигрантовъ и ихъ устройству на мѣстахъ.

Участки для будущихъ поселенцевъ, какъ извѣстно, отводятся особыми землеотводными партіями. Выборъ мѣста для поселенія, въ орографическомъ, гидрографическомъ, почвенномъ отношеніи, прирѣзка къ отводимому участку различныхъ угодій не только въ достаточномъ количествѣ, но и въ томъ соотношеніи однихъ угодій къ другимъ, котораго потребуетъ будущая система хозяйства поселенцевъ, система обусловленная всей совокупностью хозяйственныхъ условій мѣстности, — является естественно основнымъ условіемъ успѣшности хозяйства переселенцевъ. Каковъ же порядокъ отвода переселенческихъ надѣловъ и каковы гарантіи его доброкачественности? Этотъ моментъ дѣла весьма хорошо освѣщается полемикой между г. С. О. и г. Кауфманомъ,— руководителемъ, если не ошибаемся переселенческаго дѣла въ Забайкальѣ,—завязавшейся на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ въ 1902 году (№№ 286, 325, 332, 363). Г. С. О. ставитъ переселенческому дѣлу упрекъ, что надѣлы отводятся спѣшно, безъ достаточнаго изслѣдованія; что вслѣдствіе той-же спѣшности планы не соотвѣтствуютъ натурѣ, дороги оказываются запроектированными по болотамъ, внутренняя ситуація плановъ произвольна; что, контроль надъ работами землеотводныхъ партій ничтоженъ; что, наконецъ, участіе въ землеотводныхъ работахъ спеціалистовъ-агрономовъ иногда совершенно отсутствуетъ, такъ какъ многіе завѣдующіе партіями не имѣютъ спеціальнаго образованія. Въ отвѣтахъ своихъ г. Кауфманъ выяснилъ слѣдующій порядокъ землеотводныхъ работъ. Партія производитъ предварительно „рекогносцировку, съ проложеніемъ инструментальнымъ способомъ системы рекогносцировочныхъ линій“. Въ 1902 г. такія предварительныя изслѣдованія только въ пяти губерніяхъ

и областяхъ Сибири захватили 6.000,000 десятинъ земли. Затѣмъ „слѣдуетъ болѣе или менѣе подробная, смотря по мѣстнымъ условіямъ, съемка площадей, которыя при рекогносцировкѣ признаны заслуживающими вниманія въ колонизаціонномъ отношеніи, при чемъ за правильностью съемки слѣдятъ и производители работъ, и особые завѣдующіе технической частью. Одновременно съ производствомъ съемки, такія площади подробно осматриваются производителями работъ, которые затѣмъ, съ данными личнаго осмотра и съемочными планшетами въ рукахъ,—проектируютъ участки и составляютъ ихъ хозяйственное описаніе". Эти проекты, до внесенія въ пріемныя коммиссіи, провѣряются и иногда переработываются завѣдующимъ партіей и затѣмъ поступаютъ въ уѣздныя коммиссіи, состоящія, подъ предсѣдательствомъ производителя работъ, изъ исправника, крестьянскихъ начальниковъ, переселенческаго чиновника, гдѣ таковой имѣется, податного инспектора и лѣсничихъ. Опротестованные коммиссіей проекты разсматриваются въ губернскомъ совѣтѣ, или въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи съ участіемъ производителя работъ, *а съ осени 1902 года* и переселенческаго чиновника. *Съ 1902 года* крестьянскимъ начальникамъ и переселенческимъ чиновникамъ вмѣнено въ обязанность осматривать зарегистрированные участки въ натурѣ; до этого времени, какъ уѣздныя коммиссіи, такъ и губернскія присутствія утверждали участки, исключительно руководствуясь представленными планами.

Едва-ли можетъ подлежать спору предположеніе, что контроль участковъ и опредѣленіе ихъ пригодности для сельскаго хозяйства, произведенные крестьянскими начальниками и переселенческими чиновниками, не могутъ имѣть большой цѣнности. Не подготовленные, въ большинствѣ случаевъ, къ такого рода технической дѣятельности, заваленные собственными дѣлами, они, конечно, обладаютъ и меньшею компетентностью въ дѣлѣ, чѣмъ контролируемые ими органы, и самою малою возможностью взвѣсить всѣ данныя и дать цѣнное заключеніе. Мы думаемъ поэтому, что и впредь утверждаться участки будутъ на основаніи плановъ. На сколько же вѣрны дѣйствительности *могутъ быть* эти планы? На основаніи данныхъ самого г-на Кауфмана 5 землеотводныхъ партій обслѣдовали рекогносцировочно въ одномъ 1902 году около 6 милліоновъ десятинъ. 6 милліоновъ десятинъ были „обслѣдованы", выдѣлены пригодные для колонизаціи участки, пробиты инструментально системы просѣкъ. Вѣдь это на каждую партію свыше милліона десятинъ! Затѣмъ слѣдуетъ детальная съемка; на каждую партію, въ составѣ одного производителя работъ, 2—3 помощниковъ и десятка съемщиковъ, приходятся вновь сотни тысячъ десятинъ: ихъ нужно въ глухой тайгѣ обслѣдовать детально, выдѣлить и вычислить будущія угодья, снять на планъ. Производитель работъ долженъ всю эту

работу осмотрѣть, *провѣрить* и, наконецъ, скомбинировать съемочные участки въ хозяйственно удобные и приноровленные къ нуждамъ будущаго хозяйства переселенческіе участки. Нечего и говорить, что при такомъ громадномъ обремененіи работой землеотводныя партіи, при всемъ усердіи, не могутъ сдѣлать эту работу иначе какъ поверхностно. Это тѣмъ болѣе неизбѣжно, что по даннымъ г. С. О. изъ числа 10 производителей работъ только 5 спеціалисты агрономы, 3—естественника, 1 земскій статистикъ и 1 филологъ по образованію. Половина производителей работъ состоитъ слѣдовательно изъ лицъ, не подготовленныхъ спеціально къ возложенной на нихъ обязанности. Здѣсь нельзя, къ тому же, не отмѣтить того, что и аттестатъ высшаго сельско-хозяйственнаго заведенія самъ по себѣ вовсе не является гарантіей подготовленности завѣдующаго землеотводными работами къ лежащей на немъ задачѣ. Вѣдь не отдадутъ же строить желѣзную дорогу или мостъ черезъ большую рѣку, даже большой и дорогой домъ не отдадутъ первому инженеру, только потому, что онъ имѣетъ инженерный аттестатъ. Для исполненія отвѣтственныхъ работъ требуется долгая подготовительная работа и опытность, ею пріобрѣтаемая. Землеотводная дѣятельность не можетъ и не должна составлять исключенія, тѣмъ болѣе, что дѣло это во многихъ мѣстностяхъ Сибири представляетъ спеціальныя трудности, вытекающія изъ недостаточнаго знакомства нашего съ общими почвенно-климатическими и мѣстными сельско-хозяйственными условіями многихъ районовъ. Только этимъ недостаткомъ знанія землеотводчиковъ и объясняются тѣ, ставшіе общеизвѣстными, случаи неудачнаго отвода земель въ Уссурійскомъ краѣ и на Амурѣ, гдѣ покосы и посѣвы во многихъ селеніяхъ гибли отъ лѣтнихъ разливовъ рѣкъ.

Выше было указано на то, что производители работъ не имѣютъ возможности внимательно проконтролировать работу съемщиковъ. Доброкачественность проектируемыхъ участковъ зависитъ, такимъ образомъ, въ весьма значительной степени отъ подготовленности къ дѣлу межевщиковъ-таксаторовъ. Едва ли ее, однако, можно поставить высоко. По образовательному цензу всѣ таксаторскія школы стоятъ между низшими и средними учебными заведеніями. Программы ихъ по общеобразовательнымъ предметамъ приближаются къ программамъ 6 классовъ гимназіи, но фактически онѣ уже и, главное, преподаваніе въ этихъ школахъ хуже. Это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что таксаторскія школы, какъ не дающія своимъ воспитанникамъ выгоднаго и почетнаго соціальнаго положенія, являются послѣднимъ прибѣжищемъ различныхъ школьныхъ неудачниковъ, заканчивающихъ въ нихъ долгій рядъ годовъ, посвященныхъ сидѣнію въ одномъ классѣ и кочеванью изъ заведенія въ заведеніе.

На основаніи всего вышесказаннаго мы думаемъ, что для того чтобы поставить землеотводныя работы правильно, необходимо

увеличить часто партій, привлечь къ нимъ лицъ не только съ широкимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, но и съ мѣстной сельско-хозяйственной опытностью, повысить спеціальный образовательный цензъ съемщиковъ, обосновать, наконецъ, отводъ участковъ не на соображеніяхъ „отъ собственнаго разума", подкрѣпленныхъ „рекогносцировками съ проложеніемъ инструментальныхъ линій", а на планомѣрной дѣятельности опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій.

Такъ, или иначе—но участки, наконецъ, отведены, утверждены и планы ихъ, съ обозначенными на нихъ, но еще не существующими дорогами—переданы переселенческому чиновнику для предъявленія ходокамъ. Я представляю себѣ то ужасное затрудненіе, въ какое неизбѣжно они попадаютъ при этомъ выборѣ. Начать съ того, что у переселенческаго чиновника ходоки могутъ получить только самыя общія и неопредѣленныя свѣдѣнія о предлагаемыхъ участкахъ, такъ какъ они основаны въ сущности только на данныхъ самихъ плановъ, часто не безупречныхъ. Дѣлу, конечно, можетъ пособить осмотръ ходокомъ земли и опросъ мѣстныхъ жителей. Но къ даннымъ и осмотра, и опроса надо умѣть отнестись критически. А этого то умѣнья у ходока часто и не хватаетъ. Переселенецъ, напримѣръ, изъ верхняго Приднѣпровья привыкъ у себя на родинѣ классифицировать землю по дикой, преимущественно лѣсной, растительности. Выше всего онъ цѣнитъ смѣшанныя лиственныя насажденія съ примѣсью лещины (орѣшника), затѣмъ смѣшанные же лѣса съ прокидывающимся липнякомъ, рябиной и малинникомъ. Сосновые лѣса онъ считаетъ легко разработываемыми, но мало плодородными; вяникъ—это холодная, тяжелая земля, но разработать ее гораздо труднѣе; березняки—это слабыя земли; осинники онъ презираетъ—это подзолье. И вотъ съ запасомъ такихъ-то эмпирическихъ знаній ему приходится разобраться въ сибирской тайгѣ, гдѣ главными породами являются лиственница и береза, нѣтъ ни лещины, ни липняка, почвы иной формаціи. Между тѣмъ онъ долженъ опредѣлить и годность земель и стоимость ихъ разработки. Сдѣлать это онъ можетъ лишь весьма несовершенно, а иногда и совсѣмъ неудачно, тѣмъ болѣе что мѣстные жители, если таковые имѣются, зачастую сознательно вводятъ его въ заблужденіе, такъ какъ антагонизмъ интересовъ между старожилами и новоселами существуетъ и все обостряется, благодаря возникающей, вслѣдствіе заселенія, земельной тѣснотѣ. Мы видимъ, что шансы неудачнаго выбора участка значительны. Но участокъ тѣмъ не менѣе ходокомъ выбранъ и переселенцы, преодолѣвъ всѣ трудности пути, основываются на немъ. Средства ихъ, по прибытіи на мѣсто, въ среднемъ, ничтожны. Кругомъ тайга, которую надо корчевать, чтобъ имѣть мѣсто подъ усадьбу, поля и луга. Если участокъ богатъ лиственницей—

корчевка представляетъ громадную трудность, и тянется долго. Между тѣмъ для обзаведенія новаго хозяйства средствъ нѣтъ, казенный кредитъ скуденъ и единственный выходъ въ батрачествѣ. Но это значитъ отрываться отъ собственнаго хозяйства, это значитъ рубить сукъ, на которомъ сидишь. Часто, однако, и наняться негдѣ; тогда остается—побираться. Если ко всему этому прибавить обязательныя хозяйственныя неудачи на новомъ мѣстѣ, рискованность вообще сельско-хозяйственнаго промысла, зависящаго такъ много отъ естественныхъ условій,—то должно изумляться не величинѣ процента обратныхъ переселенцевъ, а его незначительности. Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что о числѣ потерпѣвшихъ крушеніе переселенцевъ никакъ нельзя судить по числу обратниковъ; неизвѣстный, но значительный процентъ ихъ бродитъ съ мѣста на мѣсто по Сибири въ поискахъ за лучшими мѣстами или за работой, и не возвращается на родину.

Среди условій, гибельно вліяющихъ на молодое, обосновывающееся хозяйство новоселовъ, должно отмѣтить: для таежныхъ мѣстностей — отсутствіе расчищенныхъ и годныхъ подъ посѣвъ участковъ и бездорожье; для степныхъ, заселенныхъ инородцами, мѣстностей—враждебныя отношенія съ инородцами.

Остановимся на этихъ моментахъ подробнѣе.

Вѣковая, особенно лиственичная тайга разработывается крайне трудно и медленно; поэтому для расчистки потребнаго количества земли для усадьбы, поля и огорода, а также и луговъ переселенческой семьѣ нужно нѣсколько,—иногда до 10—лѣтъ. Семьи, пришедшія на мѣсто даже ранней весной, успѣваютъ до зимы расчистить лишь ничтожные клочки земли, такъ что посѣвная площадь слѣдующей весны тоже ничтожна. Урожай съ площади расчищеннаго во 2-ой годъ можетъ быть снятъ только осенью 3-го года. До этого момента слѣдовательно семья новосела принуждена питаться покупнымъ хлѣбомъ. Такъ какъ въ теченіе этого-же времени должны быть возведены жилыя и хозяйственныя постройки, а иногда и дороги,—то и къ осени 3-го года площадь расчистокъ рѣдко достигаетъ требуемыхъ размѣровъ и прикупъ хлѣба, правда все въ уменьшающихся размѣрахъ, имѣетъ мѣсто и въ 4-й, и въ 5-й годы. Это при условіи, что семья переселенца богата рабочими силами и что годы обзаведенія проходятъ безъ экстраординарныхъ неудачъ. Въ противномъ случаѣ—время устройства хозяйства затягивается на гораздо болѣе долгій срокъ.

Громадный интересъ представляло бы точное статистическое исчисленіе стоимости переселенцу того 15-десятиннаго душевого надѣла, который онъ получаетъ взамѣнъ оставляемаго въ Россіи. Къ сожалѣнію мы не обладаемъ необходимыми для этого данными, тѣмъ болѣе, что разсчетъ необходимо вести отдѣльно для различныхъ районовъ, какъ Россіи, такъ и Сибири. Но и грубый, примѣрный разсчетъ показываетъ, что пустыя, дешевыя земли Сибири

достаются переселенцу по весьма дорогой цѣнѣ. Оставляемый въ Россіи земельный надѣлъ (причитающійся въ дѣйствительности на мужскую душу) едва ли можетъ быть оцѣненъ ниже 300—500 р., такъ какъ почти нигдѣ не спускается ниже $1^1/_2$ десятинъ (за исключеніемъ, конечно, дарственниковъ), $1^1/_2$-же десятины земли, включая сюда огородную и усадебную, въ черноземной полосѣ стоятъ конечно болѣе 300 руб. а въ нечерноземной — едва-ли ниже. На распродажѣ построекъ и инвентаря терпится крупный, огуломъ, правда, неопредѣлимый убытокъ. Затѣмъ идутъ дорожные расходы; пропитаніе семьи (при среднемъ составѣ ея въ 5 душъ), въ теченіе 2 minimum лѣтъ, считая по 5 руб. въ мѣсяцъ — не менѣе 600 руб.; наконецъ, расчистка десятинъ 5 на надѣлъ для поля, огорода, луга и усадьбы—рублей 500. Получаемый переселенцемъ пятнадцати-десятинный надѣлъ въ Сибири обходится переселенцу едва-ли менѣе полуторы тысячи рублей. Какъ ни приблизителенъ нашъ разсчетъ, какъ ни много въ немъ упущеній,— тѣмъ не менѣе даже цифра, только приближающаяся къ нашему итогу, совершенно несообразна. Платить 100 рублей за десятину сибирской таежной земли, въ бездорожной и малонаселенной мѣстности, такъ дико, что согласиться на такія условія пріобрѣтенія земли можетъ только человѣкъ припертый дома къ стѣнѣ.

Нельзя также думать, что преувеличенная цѣна на землю компенсируется высокой урожайностью цѣлинныхъ свѣжихъ земель. Сама по себѣ въ благопріятные годы эта урожайность дѣйствительно высока, но вообще въ Сибири наблюдаются весьма большія погодныя колебанія урожайности, въ зависимости отъ климатическихъ условій: засухъ, весеннихъ утренниковъ, лѣтнихъ инеевъ и раннихъ осеннихъ заморозковъ. Суровыя климатическія условія съ особой силой сказываются, въ таежныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, обиліе лѣса кругомъ, и болота, и общая некультурность земной поверхности на многія сотни верстъ вокругъ, задерживаютъ наступленіе и безъ того поздней весны и ускоряютъ приходъ зимы.

Такимъ образомъ, разсматривая дѣло съ новой стороны, мы опять можемъ сказать, что колонизація Сибири, имѣющая общегосударственное значеніе, ложится всею и при томъ непосильною тяжестью на плечи колонистовъ.

По мнѣнію лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ новоселовъ,— мнѣнію, проникшему также и въ сибирскую печать, главнымъ условіемъ успѣшности таежныхъ поселеній является наличность въ надѣлѣ хотя бы небольшихъ расчищенныхъ и годныхъ немедленно подъ посѣвъ площадей. Что это требованіе, по существу, вполнѣ правильно,—въ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Другое дѣло—какъ его осуществить. *Предварительныя* расчистки (кѣмъ? наемными партіями спеціальныхъ рабочихъ, средствами казны?) организовать крайне трудно, въ малонаселенныхъ мѣ-

стахъ почти невозможно. Во вторыхъ, стоимость расчитокъ была бы чрезвычайно высока, такъ какъ кромѣ платы рабочимъ пришлось бы оплачивать громадный штатъ исполнительныхъ и контролирующихъ чиновниковъ. Наконецъ, можно думать, что многіе расчищенные участки не были бы заняты поселенцами, какъ неудачно выбранные и заростали бы лѣсомъ; трудъ и деньги оказались бы потерянными. Проще казалось бы предоставить расчистку самимъ переселенцамъ, признавъ за ними, въ возмѣщеніе, право на безвозвратную субсидію, достаточную для прокормленія семьи въ теченіе времени, необходимаго для приведенія участка въ требуемый видъ.

Вторымъ условіемъ, устраненіе котораго въ таежныхъ мѣстностяхъ необходимо, является бездорожье. Запроектировываемыя на планахъ дороги въ натурѣ, конечно, не существуютъ. Строить гати, расчищать и вырубать лѣсъ приходится самимъ новоселамъ. Это является громаднымъ накладнымъ расходомъ для ихъ не окрѣпшихъ хозяйствъ. Намъ извѣстны случаи, когда новоселы, пробившись 2—3 года, бросали полу-устроенныя хозяйства, такъ какъ къ нимъ по таежнымъ болотамъ не было ни проѣзду, ни выѣзду. И это естественно. Современное хозяйство, даже въ глухихъ углахъ, не можетъ быть строго натуральнымъ. Рынокъ, а слѣдовательно и дорога на рынокъ тѣмъ болѣе необходимы новоселу, который только еще устраивается на мѣстѣ и питается сначала покупнымъ, а затѣмъ усиленно обращаетъ въ деньги все, что возможно продать изъ урожая.

Чѣмъ болѣе усвоивается, поэтому, точка зрѣнія на переселеніе, какъ на дѣло государственное, тѣмъ болѣе основанія смотрѣть и на проложеніе дорогъ въ колонизируемыхъ округахъ какъ на дѣло государства, какъ на способъ одновременнаго удовлетворенія интересовъ и этого послѣдняго и колонистовъ. Извѣстно, что заселеніе С.-Американскихъ Штатовъ шло по линіямъ желѣзныхъ дорогъ,—слѣдовало за проложеніемъ путей сообщенія, а не предшествовало ему. До Штатовъ намъ, конечно, далеко, о желѣзныхъ путяхъ мы не мечтаемъ,—но изъ этого не слѣдуетъ, что возможно забрасывать людей въ глухую тайгу и оставлять ихъ совсѣмъ безъ дорогъ. Конечно, проложеніе за счетъ казны хотя бы небольшого числа главныхъ дорогъ въ натурѣ, вмѣсто проектовъ ихъ на планахъ,—потребовало бы значительныхъ расходовъ. Но, обезпечивая успѣхъ поселеній, устраняя ту будущую путаницу, которая явится слѣдствіемъ обязательнаго несовпаденія дѣйствительныхъ дорогъ съ плановыми, — и, наконецъ, давая новоселамъ заработокъ, а слѣдовательно сокращая потребность ихъ въ кредитѣ на обзаведеніе,—постройка дорогъ за государственный счетъ окупила бы своими положительными сторонами всѣ значительныя затраты настоящаго.

Въ степныхъ мѣстностяхъ успѣхъ поселенія тормазится враж-

дебными отношеніями новоселовъ съ инородцами, зачастую возникающими вслѣдствіе того, что надѣлы переселенцевъ отводятся изъ земель, находившихся до послѣдняго времени въ пользованіи инородцевъ. Земельныя права инородцевъ опредѣляются вообще уставомъ объ инородцахъ 1822 года. Согласно § 26 устава каждый родъ („поколѣніе“) получаетъ во владѣніе земельный надѣлъ. Надѣлъ этотъ долженъ былъ быть установленъ путемъ размежеванія (полюбовнаго) съ сосѣдними инородческими обществами. Вопросъ о томъ вся ли земля, находившаяся въ пользованіи инородцевъ, подлежитъ отводу имъ, или только часть ея—тогда и не поднимался. Но всѣ правительственныя мѣропріятія, начиная съ первой ясачной коммиссіи (въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка), доказываютъ, что правительство и не помышляло о выдѣлѣ изъ инородческихъ земель части ихъ въ государственную собственность. Старанія правительства были направлены лишь на установленіе границъ между обществами, уравненіе земель между ними пропорціонально ихъ численному составу, и на прекращеніе земельныхъ споровъ. Если бы размежеваніе и точное установленіе границъ инородческихъ владѣній было бы своевременно произведено, то инородческія земли были бы, несомнѣнно, прочно укрѣплены за ними. Но этого по различнымъ причинамъ не произошло; инородцы продолжали владѣть землею „по старинѣ“, ихъ юридическія отношенія къ землѣ долго не получали ближайшаго опредѣленія. Между тѣмъ для удовлетворенія возникавшихъ потребностей правительству приходилось отчуждать участки инородческихъ земель—напр., для надѣленія церквей и ихъ причтовъ, казаковъ и т. д. Право на такое отчужденіе надо было оформить. Такимъ образомъ и благодаря умолчаніямъ и темнотѣ соотвѣтственныхъ статей устава, во второй половинѣ XIX вѣка возникло толкованіе, сообразно которому инородческія земли являются государственной собственностью, изъ которой надлежитъ еще надѣлить инородцевъ въ размѣрахъ, зависящихъ отъ обстоятельствъ. Такими обстоятельствами являются, во-первыхъ, избытокъ земли и размѣръ потребностей въ ней русскаго населенія, и, во-вторыхъ, принадлежность инородцевъ къ тому или другому изъ разрядовъ, на которые ихъ дѣлитъ законъ—т. е. къ кочевникамъ или осѣдлымъ. Распредѣленіе по разрядамъ зависитъ отъ правительства. Это толкованіе вошло въ жизнь понемногу и сначала лишено было юридической санкціи, но, наконецъ, было утверждено рѣшеніемъ сената.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, какъ въ Акмолинской и Семипалатинской, такъ и въ Якутской области, всякій разъ, когда правительству требуется участокъ инородческой земли, для переселенцевъ ли, для школъ или церквей, эти участки выдѣляются изъ состава земельныхъ владѣній многоземельныхъ родовъ. Въ глазахъ инородцевъ такіе выдѣлы носятъ характеръ

правонарушеній, такъ какъ противорѣчатъ ихъ традиціямъ и вредно отзываются на ихъ хозяйственномъ бытѣ. Къ новоселамъ инородцы относятся, какъ къ незваннымъ гостямъ, и отношенія зачастую обостряются въ высокой степени. Изгнанные хозяева земли мстятъ пришельцамъ повальнымъ воровствомъ скота и потравами, и жизнь новоселовъ становится до крайности тяжела.

Ограниченіе площади инородческаго землевладѣнія имѣетъ послѣдствіемъ стѣсненіе скотоводства, и ведетъ, достигнувъ извѣстнаго предѣла, къ переходу отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому, отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Такая ломка самыхъ основъ быта и хозяйственной жизни не совершается безъ боли, особенно, если совершается насильственно. Но она не совершается и безъ вреда для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, если населеніе, принуждаемое къ перемѣнѣ образа жизни,—не встрѣчаетъ на новомъ пути многообразной и просвѣщенной помощи и поддержки.

Естественно, что для улучшенія положенія новоселовъ въ заселяемыхъ ими инородческихъ земляхъ необходимо облегчить переходъ инородцамъ къ земледѣлію же, необходимо внести въ эту еще полудикую среду свѣтъ знаній и придти къ нимъ на помощь во всеоружіи учрежденій, созданныхъ русскимъ земствомъ для нуждающагося русскаго населенія.

Подведя итогъ всему сказанному, мы находимъ, что дѣйствовавшая до сихъ поръ система, возлагая на переселенца всю тяжесть колонизаціи, очень мало дѣлала въ смыслѣ обезпеченія успѣшности всѣхъ этихъ громадныхъ затратъ энергіи и средствъ переселенцевъ.

III.

Мы не беремъ на себя задачи представить разработанный планъ организаціи переселенческаго дѣла уже потому одному, что отдѣльное частное лицо и не въ силахъ справиться съ задачей такого большого государственнаго значенія. Но разсмотрѣніе дѣйствовавшихъ до сихъ поръ системъ переселенія и переселенческой дѣйствительности приводитъ насъ къ ряду основныхъ положеній, которыя, казалось бы, должны быть положены въ основу всякаго плана, желающаго обезпечить дѣлу успѣхъ.

Начнемъ съ отвода переселенческихъ участковъ.

Дѣло это должно быть основано на точномъ изученіи экономическихъ и спеціально сельско-хозяйственныхъ условій мѣстности. Оно должно быть поставлено въ зависимость отъ выводовъ спеціалистовъ-агрономовъ, снабженныхъ всѣми средствами изслѣдованія дѣйствительности и всѣми данными климатологическими и агрономическими,—и отъ заключеній мѣстныхъ людей, близко знакомыхъ съ мѣстными хозяйственными условіями. Земле-

отводныя партіи должны быть только исполнителями инструкцій и указаній, данныхъ имъ учрежденіями, включающими и спеціалистовъ и мѣстныхъ людей, какова бы ни была организація этихъ органовъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы организація этихъ органовъ не имѣла значенія. Оставляя въ сторонѣ различіе въ духѣ учрежденій различнаго типа, укажемъ на то, что наемныхъ спеціалистовъ-агрономовъ привлечь къ этому дѣлу удастся при всякой его организаціи; и, если имъ будутъ даны нужныя средства въ видѣ сѣти опытныхъ агрономическихъ станцій и метеорологическихъ наблюдательныхъ пунктовъ,—то, надо думать, они свою задачу выполнятъ успѣшно. Но найти на такихъ же условіяхъ экспертовъ по вопросамъ экономической жизни едва ли удастся. Въ дѣлахъ текучей и измѣнчивой экономической жизни—дѣйствительно компетентны только участники ея, а никакъ не сторонніе наблюдатели. Затѣмъ экспертиза по столь жизненнымъ вопросамъ должна быть поставлена подъ возможно свободный и полный контроль и общества, и печати. Выводъ изъ этихъ соображеній ясенъ: къ участію въ дѣлѣ землеустройства колонистовъ должны быть привлечены мѣстные люди. Русская жизнь выработала одну лишь форму представительства мѣстныхъ людей въ цѣляхъ наилучшаго удовлетворенія мѣстныхъ хозяйственныхъ задачъ,—именно земство. И введеніе земства въ Сибири, необходимое для нея во многихъ отношеніяхъ,—необходимо и для упорядоченія колонизаціоннаго дѣла. Дѣйствительно, колонисты нуждаются въ многообразныхъ видахъ помощи. Но дѣло хозяйственной помощи населенію даже въ Европейской Россіи, гдѣ администрація обладаетъ гораздо большими средствами проведенія въ жизнь своихъ начинаній, поставлено болѣе или менѣе серьезно лишь въ земскихъ губерніяхъ. Только въ нихъ широко развились и прижились такія учрежденія, какъ опытныя и показательныя поля, склады сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ; только тамъ существуютъ различныя формы мелкаго кредита на скотъ, строительные матеріалы, матеріалы для ремесла, орудія труда и меліораціи; только тамъ изслѣдуется мѣстная хозяйственная жизнь, дѣлаются успѣшныя попытки улучшить, какъ земледѣльческую, такъ и промысловую технику; только въ земствахъ создался и особый органъ этихъ хозяйственно-матеріальныхъ воздѣйствій—такъ называемые экономическіе совѣты. Во всѣхъ этихъ видахъ поддержки и во многихъ другихъ нуждаются и переселенцы и нуждаются еще сильнѣе, чѣмъ коренное населеніе. Должно по этому думать, что передача землеустройства и заботы о переселенцахъ въ первое время ихъ жизни на новыхъ мѣстахъ сибирскимъ земствамъ была бы вполнѣ цѣлесообразна.

Само собою разумѣется, что колонизаціонная дѣятельность сибирскихъ земствъ не можетъ быть предоставлена на ихъ пол-

ное усмотрѣніе, а подлежитъ общей законодательной нормировкѣ и, совершаясь подъ контролемъ высшей мѣстной власти, должна объединяться и регулироваться высшимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ все переселенческое дѣло въ государствѣ. Это слѣдуетъ изъ общегосударственнаго значенія переселенческаго дѣла и того обстоятельства, что ни одно изъ сибирскихъ земствъ не будетъ въ силахъ вести дѣло попеченія о новоселахъ на собственныя средства. Для этого потребуются крупные расходы изъ общегосударственныхъ суммъ.

Земству должны быть, по нашему мнѣнію, переданы слѣдующія функціи: изслѣдованіе мѣстности въ естественномъ и хозяйственномъ отношеніи; опредѣленіе участковъ, удобныхъ для заселенія; проложеніе къ нимъ дорогъ; посредничество по кредиту на обзаведеніе изъ суммъ государственнаго казначейства; опредѣленіе—совокупно съ земствами тѣхъ мѣстностей, откуда колонисты эмигрировали, и въ зависимости отъ частныхъ условій заселяемаго участка—размѣра безвозвратныхъ субсидій; организація агрономической помощи (опытныхъ и показательныхъ полей, складовъ орудій и матеріаловъ и т. п.); заготовленіе продовольственныхъ запасовъ для переселенцевъ; и, наконецъ, сношенія съ русскими земствами по вопросамъ, связаннымъ съ выселеніемъ избыточнаго русскаго населенія.

Мѣстной высшей власти и центральному переселенческому управленію придется оставить за собою контроль, опредѣленіе цифры населенія, подлежащаго ежегодному вселенію въ каждый изъ колонизаціонныхъ раіоновъ Сибири, и общій высшій надзоръ за дѣломъ...

Движеніе, несомнѣнно, нужно организовать: выселенію, какъ и вселенію, надо придать планомѣрность и осмысленность; надо, чтобы эмиграція дѣйствительно улучшала положеніе людей и вызывалась только настоятельной необходимостью, безпристрастно оцѣненной; необходимо чтобы въ дѣло былъ внесенъ полный свѣтъ; чтобы выборъ мѣстности вселенія былъ цѣлесообразенъ; чтобы природныя и хозяйственныя условія ея были точно извѣстны переселенцамъ и взвѣшены ими; чтобы впередъ была опредѣлена хозяйственная сила переселяющейся семьи и точно опредѣленъ размѣръ необходимаго ей, въ опредѣленныхъ мѣстныхъ условіяхъ, пособія и кредита.

Всю эту сложную работу низшая администрація,—волостныя правленія, уѣздная полиція и земскіе начальники, заваленные и безъ того дѣломъ и канцелярской работой,—будетъ выполнять, если и это дѣло перейдетъ къ ней, только формально, по шаблонамъ. А дѣло это живое, и шаблоны въ немъ мало полезны. Напримѣръ, какую норму можно установить даже относительно небольшого раіона,—напр. уѣзда—для количества земли, дающаго право на переселеніе? Между тѣмъ количество земли

является только однимъ изъ факторовъ, обусловливающихъ доходность хозяйства; рядомъ съ нимъ имѣютъ значеніе плодородіе земли, распредѣленіе ея по угодьямъ, конфигурація надѣла, наличность черезполосицы, обиліе сторонніхъ заработковъ, наличность или отсутствіе кустарныхъ промысловъ и т. д., и т. д. Только детальный разборъ каждаго даннаго случая, разборъ, покоящійся на точномъ знаніи фактовъ и экономическихъ условій жизни каждаго селенія, разборъ, доступный контролю населенія чрезъ своихъ предсгавителей,—можетъ дать рѣшеніе желательной цѣнности.

Какое же изъ русскихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій обладаетъ и всѣми указанными данными и нужными силами въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ земство? Кто, наконецъ, стоитъ дѣйствительно ближе его къ населенію?

Опредѣленіе размѣровъ потребности въ выселеніи и размѣра необходимаго пособія всего правильнѣе, поэтому, было бы передать самому населенію, въ лицѣ его представительныхъ учрежденій. Эти учрежденія—земства—могли бы войти въ предварительныя сношенія съ сибирскими земствами, выяснить такимъ образомъ себѣ и заинтересованному населенію условія новыхъ мѣстъ, и взять на себя заботу о переселенцахъ до момента ихъ отправки (ликвидація имущества и пр.), а, быть можетъ, отчасти и послѣ. Такая совмѣстная дѣятельность русскихъ и сибирскихъ земствъ и полная напередъ освѣдомленность во всѣхъ отношеніяхъ довели бы до minimum'a возможность неожиданностей, исключили бы тотъ элементъ случайности, которымъ окруженъ въ настоящее время переселенецъ и который создаетъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ попеченія о послѣднемъ, высокій процентъ неудачныхъ и обратныхъ переселеній.

Передача переселенческаго дѣла земству имѣла бы еще и ту хорошую сторону, что дала бы возможность новоселамъ, чрезъ посредство своихъ земскихъ представителей, заявлять о своихъ нуждахъ и участвовать какъ въ разработкѣ способовъ ихъ удовлетворенія, такъ и въ этомъ послѣднемъ; она сгладила бы противорѣчіе интересовъ новоселовъ и старожиловъ, такъ какъ это противорѣчіе обостряется той безпризорностью, въ которой живетъ въ настоящее время и сибирскій крестьянинъ и, еще болѣе, сибирскій инородецъ; наконецъ, она поставила бы переселенца въ связь съ учрежденіемъ, которому онъ уже дома привыкъ довѣрять. Мы помнимъ, какъ еще въ 1894 году переселявшіеся полтавцы, при опросѣ произведенномъ нами во время долгой остановки ихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, говорили намъ, что „всѣмъ хорошо въ Сибири, да, вотъ, земства нѣтъ“.

Участіе земства въ переселенческомъ дѣлѣ не можетъ ограничиться мѣстной дѣятельностью. Необходимо, мы думаемъ, участіе представителей отъ русскихъ и сибирскихъ земствъ и въ цен-

тральномъ переселенческомъ управленіи. Нѣтъ, кажется, ничего вреднѣе передачи одного дѣла въ вѣдѣніе двухъ вполнѣ разнородныхъ по составу и происхожденію органовъ—это порождаетъ антагонизмъ и непониманіе, вредные для дѣла.

Финансовая сторона вопроса подлежитъ особой разработкѣ. Несомнѣнно, что переселеніе въ большомъ масштабѣ, что превращеніе пустынь Сибири въ населенную, культурную площадь—потребуетъ громадныхъ затратъ. Также вѣрно, однако, что это будетъ громаднымъ приростомъ національнаго богатства. Какъ ни громадны будутъ эти затраты, онѣ будутъ поэтому производительны. Наше государственное хозяйство вообще не боится—чтобы не сказать больше — производительныхъ затратъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ желѣзнодорожное строительство; нѣтъ основаній ему остановиться и передъ производительными колонизаціонными затратами, тѣмъ болѣе, что какъ показалъ крестьянскій банкъ, крестьянинъ вѣрный плательщикъ и затраты на его нужды окупаются полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ имѣющія въ виду другіе классы.

Долженъ быть поэтому основанъ колонизаціонный фондъ, средства для котораго могутъ быть получены, въ той или другой формѣ, займомъ; такимъ образомъ ежегодные колонизаціонные расходы не лягутъ всѣмъ своимъ бременемъ на текущій бюджетъ.

Мысль объ участіи земствъ въ переселенческомъ дѣлѣ уже возникала и высказывалась въ земскихъ сферахъ. Если не ошибаемся, елецкое земство въ прошломъ году обсуждало этотъ вопросъ, при чемъ было высказано желаніе, чтобы русскія земства были бы надѣлены въ Сибири участками земли, на которые они могли бы пересаживать избытки своего населенія, не разрывая съ нимъ связи, а продолжая свою попечительную дѣятельность до тѣхъ поръ, пока колонисты не станутъ на ноги.

Намъ кажется, что попечительство за тысячи верстъ практически не осуществимо.

Введеніе земства въ Сибири поставитъ вопросъ на иную почву и создастъ возможность его разрѣшенія.

А. А. Бѣлевскій.

Новыя книги.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ первый. 2-ое изданіе Н. Глаголева. Спб. 1904 г.

Принято думать, что г. Тана сдѣлали этнографомъ внѣшнія пертурбаціи его судьбы: путешествовалъ и оттого описывалъ разныя человѣческія группы, съ которыми встрѣчался — то чукчей, то духоборцевъ, то русскихъ ссыльныхъ, то американцевъ. На самомъ дѣлѣ къ этому групповому изображенію его вели свойства его таланта, особые пріемы его наблюденія—и это лучше всего видно на его очеркахъ изъ хроники далекаго сибирскаго города Пропадинска.

Г. Танъ этнографъ по преимуществу, этнографъ не только извнѣ, не только потому, что его произведенія суть описанія его путешествій: онъ этнографъ потому, что формы быта и отраженная въ нихъ групповая психика привлекаютъ его вниманіе въ гораздо большей степени, чѣмъ психика индивидуальная.

Онъ просто слабъ въ изображеніи отдѣльной личности; онъ рисуетъ ее мелкими, то фотографически скопированными, то съ натугой придуманными чертами. Только что всѣ эти разнообразные люди—то полярные дикари, то русскіе ссыльные—мелькали предъ вами, занимая если не своимъ внутреннимъ міромъ, то своими заботами и дѣлами, въ которыхъ такъ отчетливо отразились общія черты окружающей ихъ группы; но вотъ онѣ промелькнули, вы огошли отъ разсказа—и въ вашей мысли остались не эти блѣдныя схематическія фигуры, а общее—и довольно сильное и ясное—впечатлѣніе той среды, изъ которой хотѣлъ и не сумѣлъ выкристаллизовать ихъ авторъ. Но дѣло, конечно, не въ томъ, что ему мало удается; надо ему отдать справедливость: онъ знаетъ свойства своего дарованія и, умѣя ихъ использовать, почти не тянется понапрасну къ тонкостямъ психологическаго изображенія. Изрѣдка его соблазняетъ эта задача, и не мудрено: душевный міръ культурнаго человѣка, насильно перенесеннаго въ среду дикарей и поставленнаго лицомъ къ лицу съ суровой и жестокой природой, такъ своеобразенъ, полонъ такихъ психологическихъ проблемъ, что нельзя сѣтовать на наблюдателя, который, хоть и съ слабыми средствами, попытался изобразить намъ эту странную среду людей, еще столь близкихъ намъ по общимъ воззрѣніямъ, но уже безконечно далекихъ по быту, по формамъ жизни, а затѣмъ и по формамъ духа. Одно дурно: характеристики г. Тана какъ бы сплошь состоятъ изъ „особыхъ примѣтъ“—точно у его героевъ нѣтъ иной индивидуальности кромѣ той, которая находитъ выраженіе въ ихъ странностяхъ. Предъ нами какая то

галлерея чудаковъ—и не трудно видѣть, что это чудачество есть только внѣшній и единственно доступный автору способъ индивидуализаціи.

Настоящій поэтъ находитъ своеобразныя черты въ обыкновенномъ, изобразитель безсильный громоздитъ сфотографированныя или выдуманныя странности: чудачество всегда индивидуально. „Ястребцовъ съ юности поставилъ себѣ правиломъ поступать не такъ, какъ другіе люди, и мало по малу до такой степени привыкъ выбирать своеобразный способъ дѣйствій, что теперь ему трудно было подойти подъ общій уровень даже въ самыхъ ничтожныхъ пустякахъ. Онъ ѣлъ, одѣвался и спалъ иначе чѣмъ люди, которые составляли его общество. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ какъ будто задавалъ себѣ вопросъ: „какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ обыкновенный средній человѣкъ?“ и поступалъ какъ разъ наоборотъ“. „Шиховъ, посвятивъ себя изученію философіи и отдавая ей все свое время съ немалымъ ущербомъ для своего разстроеннаго хозяйства, не страдалъ отъ недостатка подходящихъ пособій и все перечитывалъ немногія имѣвшіяся у него книги, даже не обращая вниманія на качество этихъ книгъ, и съ одинаковымъ интересомъ переходилъ отъ этики Спинозы къ очерку матеріализма какого-то Лефебра. Умозрѣнію онъ также посвящалъ не мало времени, но въ своихъ философскихъ построеніяхъ отличался замѣчательнымъ непостоянствомъ и то и дѣло переходилъ отъ крайняго идеализма къ такому же крайнему сенсуализму. Амплитуда его колебаній заключала въ себѣ все разстояніе отъ Ѳалеса Іонійскаго до Авенаріуса и Риля...“ Веревцовъ „среди безплодной страны, не знающей культурныхъ растеній и замѣняющей хлѣбъ рыбой, былъ убѣжденнымъ вегетаріанцемъ, тратилъ на покупку дорогой муки всѣ свои рессурсы, запасалъ ягоды, грибы, дикій лукъ“. Кириловъ „въ противоположность Веревцову, тоже по принципу, не употреблялъ растительной пищи и питался по преимуществу различными смѣсями рыбьяго и мясного жировъ и коровьяго масла. Онъ не носилъ бѣлья и ходилъ покрытый звѣриными шкурами, какъ троглодитъ. Лѣтомъ и зимой онъ ходилъ съ открытой головой и только въ самые сильные морозы надѣвалъ вязаный шерстяной капоръ собственной работы“. Подъ всѣмъ этимъ чувствуется жизнь: не преображенная творчествомъ, не обобщенная, а сырая дѣйствительность такъ, какъ она была. Герои г. Тана, вѣрно, списаны съ живыхъ лицъ. Это дѣлаетъ ихъ одновременно и очень живыми и очень мертвенными; только что вы жили одной жизнью со всѣми этими Кранцами, Шиховыми, Веревцовыми, Кириловыми, Ястребовыми; вы представляли ихъ себѣ съ полной ясностью, а изысканность индивидуальныхъ особенностей, которыми снабдилъ ихъ авторъ, заставляла васъ даже заподозрить въ ихъ изображеніяхъ портреты. Но вотъ вы захлопнули книжку, отошли на нѣ-

которое разстояніе отъ этихъ страшныхъ людей—и они смѣшались въ одну общую массу, на поверхности которой и не замѣтно, какъ много человѣческой оригинальности она поглотила. Однако, общее впечатлѣніе эта масса оставляетъ—впечатлѣніе конкретное и устойчивое. Передъ нами какъ бы громадный психологическій опытъ, страшный experimentum in anima vili: молодые, энергичные культурные люди брошены въ сказочную глушь, поставлены въ необходимость выдержать самую элементарную борьбу съ природой. Чудовищно страшны страницы, посвященныя авторомъ разсказу о томъ, въ какихъ условіяхъ болѣлъ его товарищъ противной болѣзнью, безъ врача, безъ лѣкарствъ, безъ надеждъ подняться, безъ бѣлья умирая на звѣриной шкурѣ, прогнившей и смрадной отъ его гнойниковъ, потому что не хватало уже ни полотна для перевязки, ни мыла для мытья. А вѣдь физическія лишенія, въ сущности, наименѣе трагическая сторона этой жизни. „Какъ онъ жилъ въ эти долгіе годы?—вспоминаетъ возвращающійся на родину абстрактный „Странникъ“ г. Тана: „вокругъ него была пустота, безвоздушное пространство. Въ окружавшемъ мірѣ не было ничего, что занимало бы его вниманіе. Даже если и были тамъ какія-то смутныя точки, опираясь на которыя онъ могъ бы создать себѣ неуклюжее подобіе интересовъ и занятій, онъ отворачивался отъ нихъ почти съ пренебреженіемъ... Онъ жилъ воспоминаніями, пока они жили въ его душѣ, пока ихъ образы не стерлись и не потускнѣли. Потомъ онъ попытался жить отблесками, проникавшими сквозь далекія сумерки, откликами вѣстей, достигавшими сквозь тройныя завѣсы... Но вѣсти, достигавшія къ нему, были смутны и непонятны, и скоро онъ потерялъ ключъ къ ихъ пониманію ..“ Почти невозможно представить себѣ, какъ въ этихъ условіяхъ люди, уже разслабленные культурной жизнью, неустойчивые и—надо это помнить—молодые, не падаютъ въ низы нравственнаго бытія, не звѣрѣютъ. Поистинѣ—велика сила культурности: она даетъ возможность взять у дикой жизни лишь то, что у нея есть хорошаго и не уступить ей ни одной пяди своего высшаго бытія. Правда, съ виду эти молодые люди какъ будто дичаютъ; они женятся на дикаркахъ, они ѣдятъ не только перегнившую сырую рыбу, но и лепешки изъ полугнилыхъ комьевъ муки, поджаренныхъ на жиру изъ сальныхъ свѣчей, они подчасъ готовы благословлять велѣніе судьбы, поставившей ихъ лицомъ къ лицу съ безжалостной природой полярныхъ равнинъ. „Эта пустыня стала моей родиной — говоритъ одинъ изъ нихъ:—не даромъ я изъѣздилъ ее изъ одного глухого угла въ другой... Что я зналъ, когда пришелъ сюда? Нѣсколько одесскихъ улицъ, да нашъ гимназическій садъ, какъ онъ открывается изъ класснаго окна... Природы я и не нюхалъ. Я не видѣлъ, какъ течетъ рѣка или ростетъ трава на полѣ... И дѣлать я ничего не умѣлъ... Здѣсь я сталъ человѣкомъ!“ „Что такое го-

рожанинъ? Какой-то безполезный выродокъ, умѣющій только царапать перомъ, да мѣрять аршиномъ, для котораго другіе люди должны запасти и пищу, и топливо, и одежду, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Здѣшняя жизнь даетъ намъ практическіе уроки и учитъ въ постоянной борьбѣ вырывать у природы все необходимое. Борьба создаетъ силу и закаляетъ ее... Кто умѣетъ бороться съ морозомъ и пургой, сумѣетъ потомъ пригодиться и на что-нибудь другое!..“

Одни остаются на новой родинѣ, большинство возвращается; читатель легко смѣшаетъ тѣхъ и другихъ, легко забудетъ, чѣмъ Барскій отличается отъ Хрептовскаго, Веревцовъ отъ Кирилова. Но общее настроеніе, оставленное знакомствомъ съ этими людьми, будетъ прочно и устойчиво. Высота ихъ идеаловъ—не только ихъ личная высота, сила ихъ самоотверженія—не въ ихъ индивидуальной добродѣтели: хорошъ каждый изъ нихъ отдѣльно или плохъ, они въ общемъ представители высшаго типа. Ихъ сила есть сила культуры, это убѣжденіе есть лучшее въ общемъ впечатлѣніи, оставляемомъ интересной „хроникой города Пропадинска“.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ VI. Спб. 1897—1904.

Послѣ семилѣтняго промежутка читатели получаютъ новый томъ полезнаго изданія, на продолженіе котораго едва ли надѣялись многіе. Словаремъ оно перестало быть давно, а съ этого тома оно, по заявленію составителя, „прямо превращается въ историко-литературный сборникъ, дающій матеріалъ самого различнаго рода, какъ въ обработанномъ, такъ и въ сыромъ видѣ“. Нельзя не пожалѣть объ этомъ превращеніи, не только лишающемъ насъ необходимаго пособія для историко-литературныхъ справокъ, но пагубно отражающемся на самомъ составѣ сборника, на подборѣ матеріаловъ, на отношеніи къ сборнику критики. Работа строго систематическая заставляла самого составителя быть строже; онъ долженъ былъ добиваться полноты въ именномъ спискѣ писателей, въ ихъ біографіи и библіографіи; пропуски вызывали указанія и поправки; система подлежала критикѣ. Теперь ничего этого нѣтъ: нѣтъ системы, никто не ищетъ полноты, нечего исправлять, потому что никто не обязался предъ нами быть точнымъ. Мы имѣемъ груду случайнаго сырья, надъ которымъ будущему литературному работнику придется продѣлать тяжелую работу, отъ каковой его избавлялъ первый томъ „Словаря“ С. А. Венгерова.

Это сырье поистинѣ очень цѣнно. За послѣдніе годы появилось немного сборниковъ историко-литературныхъ матеріаловъ, которые могли бы по занимательности сравниться съ лежащимъ предъ нами сборникомъ. Очень интересенъ его первый—такъ

сказать, монографическій—отдѣлъ, гдѣ мы находимъ рядъ законченныхъ статей о разнообразныхъ—пожалуй, слишкомъ разнообразныхъ—дѣятеляхъ русской науки и литературы, отъ Нила Сорскаго до Рѣшетникова, отъ педагога барона Корфа до математика Чебышова, отъ академика Янжула до критика шестидесятыхъ годовъ Варѳоломея Зайцева. Статьи эти полны совершенно новыхъ свѣдѣній, особенно послѣдняя, написанная близкимъ къ Зайцеву лицомъ и возстановляющая главнѣйшіе факты изъ жизни этого полузабытаго дѣятеля бурной эпохи. Здѣсь опредѣленно указано разногласіе, столь рѣзко отдѣлявшее Зайцева отъ прочихъ представителей русской эмиграціи семидесятыхъ годовъ. Рѣчь идетъ объ отношеніи къ „французскому соціалистическому взгляду, отрицающему значеніе политическихъ формъ для соціализма и потому рекомендующему соціалистамъ невмѣшательство въ политическую борьбу, какъ въ дѣло для нихъ безразличное“; въ противоположность большинству тогдашнихъ эмигрантовъ, Зайцевъ „для Россіи считалъ вопросъ о представительствѣ однимъ изъ важнѣйшихъ, хотя и находилъ „забавною“ мысль о томъ, что парламентаризмъ есть вѣнецъ общественнаго развитія, за которымъ уже нечего желать и добиваться... Въ своемъ признаніи важности политическихъ правъ и вопросовъ онъ возставалъ противъ земства, какъ системы, утверждая, что оно не пріучаетъ, а отвлекаетъ отъ политической борьбы тѣмъ, что даетъ кажущееся удовлетвореніе въ извѣстномъ призракѣ принципа мѣстнаго самоуправленія и вслѣдствіе того лишаетъ революціонную партію той опоры, которую она могла бы найти въ политическихъ гарантіяхъ т. е. въ свободѣ слова, печати, собраній и сходокъ“. Въ какой степени эта оцѣнка политическаго момента знаменательна для всего облика В. Зайцева и лишена элемента случайности, показываетъ дальнѣйшая характеристика этого писателя, отъ котораго наша короткая память сохранила лишь знаменитую по своей нелѣпости оцѣнку „офицерской“ поэзіи Лермонтова.

Еще любопытнѣе третій отдѣлъ сборника, въ которомъ г. Венгеровъ начинаетъ систематически знакомить читателей съ богатыми данными своего обширнаго автобіографическаго архива. Большинство автобіографій принадлежитъ, какъ и слѣдовало ожидать, современнымъ писателямъ, но есть также интереснѣйшія признанія дѣятелей, отошедшихъ въ исторію. Содержательно и живо разсказалъ свою жизнь покойный казанскій историкъ русской литературы Н. И. Буличъ, былой гегеліанецъ, пріятель Грановскаго и Кавелина, конкурренть П. Л. Лаврова въ соисканіи каѳедры философіи въ петербургскомъ университетѣ, одинъ изъ лекторовъ „Пассажа“, уже на склонѣ дней обвиненный въ атеизмѣ. „Не далѣе, какъ въ прошломъ (1891) году,—разсказываетъ онъ—я случайно прочелъ „Бесѣду“, кажется, послѣднюю, покойнаго одесскаго архипастыря Никанора, гдѣ онъ сильно на-

падаетъ на свѣтскую науку и много говоритъ о Чернышевскомъ. Тамъ онъ нашелъ возможнымъ вспомнить и о моей актовой рѣчи въ университетѣ, которую онъ выслушалъ въ званіи ректора Академіи въ 1870 году: „О миѳическомъ преданіи"... по его словамъ я доказывалъ публично, что люди выдумали Бога за 500 лѣтъ до Р. Хр., какой то вздоръ въ этомъ родѣ, вѣроятно, сидѣвшій въ его головѣ 20 лѣтъ со времени казанскихъ впечатлѣній и тамошнихъ сплетней... Я перечиталъ нарочно свою рѣчь, чего со мною вообще не случается, и право не нашелъ въ ней ничего того, о чемъ говоритъ архіерей". Забавную противоположность достойному тону воспоминаній Булича мы находимъ въ автобіографіи другого университетскаго дѣятеля—одного изъ „знаменитыхъ" братьевъ Баршевыхъ, увѣнчавшаго этимъ своеобразнымъ памятникомъ человѣческаго тщеславія свою печальную славу; посмѣшимъ читателя одной выдержкой изъ этого великолѣпнаго разсказа *о себѣ*: „Отличенный школою и приближенный начальствомъ, Баршевъ, однакожъ, имѣлъ и недоброжелателей, и немудрено, что они были у него. Школа не знаетъ зависти и гладитъ и отличаетъ своихъ учениковъ, служба не можетъ обойтись безъ дѣльныхъ служакъ, но товарищи и сослуживцы не долюбливаютъ и не терпятъ выдающихся между ними. Къ тому же Баршевъ родился неспособнымъ заискивать, поддѣлываться, сгибаться передъ кѣмъ бы то ни было; да онъ же сторонился всегда отъ партій; за это партійные мудрецы всегда были противъ него. Въ литературный міръ Баршевъ внесъ нѣсколько произведеній, не толстыхъ по объему, но цѣнныхъ по содержанію и результатамъ, которыми они сопровождались". Скорѣе изложеніе философской системы, чѣмъ автобіографію представляетъ статья извѣстнаго соціолога В. В. Берви (Флеровскаго). Онъ живъ, но литературная его дѣятельность принадлежитъ болѣе прошлому, и оттого ничего нельзя имѣть противъ появленія его автобіографіи. Наоборотъ, съ автобіографіями современниковъ, еще поглощенныхъ перипетіями общественно-литературной борьбы, можно бы, намъ кажется, повременить. Эти интересныя сообщенія могли бы полежать въ архивѣ С. А. Венгерова хоть бы до тѣхъ поръ, пока опредѣлятся въ большей степени судьбы и физіономіи авторовъ. Изъ такихъ сообщеній отмѣтимъ для примѣра автобіографіи г.г. Амфитеатрова, Аничкова, Арабажина, Ашешова, Бальмонта, Бердяева. Все это очень любопытно, но какъ-то преждевременно и едва ли у кого-либо найдется достаточно историческаго безстрашія, чтобы sine ira et studio отнестись, напримѣръ, къ сдержанно-патетическому заявленію г. Арабажина: „О замѣчательныхъ событіяхъ жизни пока умолчу. Съ юности принималъ участіе въ живыхъ общественныхъ интересахъ". Не говоритъ ли это признаніе слишкомъ мало—и слишкомъ много? Полны интереса живой современности заключительныя слова автобіографіи г. Амфи-

театрова: „Въ 1897 г. поѣздка въ Польшу сильно поколебала его довѣріе къ охранительству и національнизму; съ этого срока начинается охлажденіе между нимъ и „Новымъ Временемъ“, кончившееся, во время мартовскихъ студенческихъ безпорядковъ 1899 года конечнымъ разрывомъ и основаніемъ „Россіи“. Періодъ этотъ стоилъ Амфитеатрову мучительнаго нравственнаго перелома... „Я тогда денно и нощно читалъ Герцена... Дорога моя опредѣлилась... Буду идти по ней, покуда живъ“. Курьезы автобіографіи г. Бальмонта, кажется, уже, были гдѣ-то отмѣчены. Производя свою родословную по женской линіи отъ князя Бѣлаго Лебедя Золотой Орды, поэтъ сводитъ къ этому первоисточнику ту „необузданность и страстность“, которыя, по его мнѣнію, унаслѣдовалъ отъ матери. Какъ жаль, что эти свойства не нашли выраженія тамъ, гдѣ они могли бы быть наиболѣе цѣнны: въ поэзіи г. Бальмонта. Въ его жизни были „событія“: „изъ 7-го класса въ 1884 году онъ былъ исключенъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи (принадлежность къ революціонному кружку), но черезъ два мѣсяца былъ принятъ во Владимірскую гимназію“. Вѣроятно, преступленіе было не особенно тяжкое. „Въ 1887 году, какъ одинъ изъ главныхъ организаторовъ студенческихъ безпорядковъ, былъ привлеченъ къ университетскому суду, исключенъ и, послѣ трехдневнаго тюремнаго заключенія, высланъ въ Шую“. Но это, конечно, пустяки. „Самыми замѣчательными событіями своей жизни я считаю тѣ внутренніе внезапные просвѣты, которые открываются иногда въ душѣ по поводу самыхъ незначительныхъ фактовъ. Я затрудняюсь поэтому отмѣтить, какъ болѣе „значительныя“, какія либо событія изъ личной жизни. Однако, попытаюсь перечислить. Первая страстная мысль о женщинѣ (въ возрастѣ пяти лѣтъ). Первая настоящая влюбленность (девяти лѣтъ). Первая страсть (четырнадцати лѣтъ). Впервые сверкнувшая, до мистической убѣжденности, мысль о возможности и неизбѣжности всемірнаго счастья“. И такъ далѣе. Изъ прочихъ „просвѣтовъ“ г. Бальмонта отмѣтимъ: Первая женитьба (двадцати одного года, черезъ пять лѣтъ развелся). Вторая женитьба (двадцати восьми лѣтъ). Самоубійства нѣсколькихъ моихъ друзей во время моей юности. Моя попытка убить себя, бросившись черезъ окно на камни съ высоты третьяго этажа (разные переломы, годъ лежанія въ постели и потомъ небывалый расцвѣтъ умственнаго возбужденія и жизнерадостности)“. Данныя, поистинѣ драгоцѣнныя для грядущаго автора солиднаго трехтомнаго труда: „Бальмонтъ и его поэзія“.

Мы еле затронули богатое содержаніе сборника. Отмѣтимъ еще любопытное дополненіе къ біографіи умершаго харьковскаго профессора Безсонова, напечатанной во II томѣ „Словаря“, которое находимъ на стр. 428, лежащаго передъ нами тома. „Въ архивѣ нашемъ—сообщаетъ С. А. Венгеровъ—имѣется сообщеніе

одного весьма почтеннаго ученаго, вполнѣ совпадающее съ показаніями другихъ извѣстныхъ ученыхъ, что Безсоновъ посылалъ въ Петербургъ „*сообщенія*“ относительно „политической неблагонадежности своихъ сослуживцевъ. Это всегда было клеветой, но производило всетаки свое дѣйствіе. Въ разное время Безсоновъ дѣлалъ „сообщенія“ относительно А. И. Кирпичникова, И. И. Дитятина, Н. Ѳ. Сумцова, Э. М. Диллена, Г. Ѳ. Шульца и И. В. Нетушила. Главнымъ образомъ въ силу этихъ *сообщеній* Дитятинъ и Диллень потеряли мѣста“.

Совѣтовъ, И. Г. Литературный Указатель. Свѣдѣнія о писателяхъ, литераторахъ, издателяхъ, литературныхъ учрежденіяхъ, періодическихъ изданіяхъ, заведеніяхъ печатнаго дѣла, — свѣдѣнія, необходимыя для издателей, редакторовъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ, читателей, учащихся и вообще для дѣятелей и любителей литературы. Изданіе 4-е. Москва. 1904.

Всѣмъ, перечисленнымъ въ заглавіи лицамъ, можно настоятельно посовѣтовать никогда не прибѣгать за справками къ литературному указателю, изданному г. Совѣтовымъ. Доброй половины свѣдѣній о писателяхъ, издателяхъ и разныхъ учрежденіяхъ они совсѣмъ не найдутъ въ этомъ указателѣ, а то, что тамъ найдется, тоже больше, чѣмъ на половину, окажется неполно, неточно или невѣрно. Во всемъ указателѣ, навѣрное, нѣтъ страницы, гдѣ бы хоть немного образованный человѣкъ не нашелъ пропуска, ошибки, недосмотра или свѣдѣнія, совершенно ненужнаго. Не касаясь свѣдѣній о писателяхъ иностранныхъ — свѣдѣній болѣе, чѣмъ мизерныхъ, — достаточно сказать, что изъ покойныхъ русскихъ писателей въ указатель не попали такія извѣстныя имена, какъ Денисъ Давыдовъ, Дельвигъ, Полежаевъ, Рѣшетниковъ, Розенгеймъ, Чаадаевъ, Жадовская, Подолинскій, Сологубъ, Пальмъ, Панаевъ, Н. Станкевичъ, Петрашевскій и мн. др. Изъ нынѣ здравствующихъ писателей въ указателѣ нѣтъ Максима Горькаго, Леонида Андреева, Елпатьевскаго, Бальмонта, Вересаева, Эртеля, свящ. Петрова, Лохвицкой, Леонтьева (Щеглова), Фруга, Шапиръ, Крестовской (М. В.), Чирикова и массы другихъ. И въ то же время указатель находитъ мѣсто для живыхъ и покойныхъ редакторовъ губернскихъ вѣдомостей, большинство которыхъ и литераторами-то состоитъ по назначенію отъ губернатора; упоминаются въ указателѣ и „ревностные сотрудники“ епархіальныхъ вѣдомостей (и губернскія, и епархіальныя вѣдомости перечислены, хотя далеко не всѣ); даются указанія и о такихъ литературныхъ дѣятеляхъ, которые по праву могли бы найти себѣ мѣсто развѣ только ужъ въ очень обширныхъ энциклопедіяхъ. Какъ на образецъ недосмотровъ и пропусковъ можно указать на то, что въ указателѣ даются свѣдѣнія о супругахъ проф. А. И. Бабухина, Н. И. Греча, А. В. Никитенко, Ѳ. А. Кони

тогда какъ сами эти лица въ указателѣ не упоминаются. За то другіе попали по два раза. Булгаринъ описанъ сперва подъ именемъ Ѳедора, а потомъ Ѳаддея, Ѳ. И. Тютчевъ помѣщенъ и въ самомъ указателѣ и въ дополненіи къ нему. Также дважды описаны „Petit Journal“, „Punch“ „пенсіи“ и др. Самыя указанія составлялись, повидимому, безъ всякаго плана. Нѣкоторыя до чрезвычайности кратки. Такъ, напр.: „*Картавцевъ*, Евг. Эпифрод. Спб.“—и ничего больше. „*Свободинъ*, Нав. Матв. † 9 окт. 1892“—и все. „*Замеръ-Мозохъ*, писатель † 26 февр. 1895“ и т. п. Болѣе пространныя объясненія нерѣдко курьезны: *Д. Н. Анучинъ*, „авторъ научныхъ сочиненій и рефератовъ, а также статей въ „Русск. Вѣдом.“. Есть и просто „авторъ сочиненій“ (Ив. Степ. Некрасовъ). „*Марксъ*, Карлъ-Генрихъ, соціологъ, экономистъ и политич дѣятель, род. 1818; сынъ крещенаго еврея“. „*Тидеманъ*, Елена, современная нѣмецкая поэтесса... Одно изъ стихотвореній начинается: „Noch bin ich jung, noch will ich leben...“ Портретъ удостовѣряетъ это“. Саловъ И. А. именуется „знаменитый беллетристъ“, а Л. Н. Толстой названъ „извѣстный русскій писатель“. Ошибокъ — не перечесть и большихъ, и маленькихъ. Л. Ф. Маклакова оказывается редакторомъ „Міра Божьяго“, псевдонимъ П. И. Вейнберга „Гейне изъ Тамбова“ переходитъ къ А. М. Жемчужникову, издатель „Русской народной бытовой медицины“ кн. В. Н. Тенишевъ превращается въ автора этой книги, стихотворенія Тредьяковскаго впервые появляются въ 1817 году и т. д. и т. д. Свѣдѣнія о повременныхъ изданіяхъ, книжныхъ магазинахъ, библіотекахъ составлены по тому же образцу. Прекратившіяся изданія („Жизнь“, „Начало“, „Общественно-Санитарное Обозрѣніе“ и мн. др.) продолжаютъ издаваться и принимаютъ подписку по старому адресу. Издается и не издававшійся совсѣмъ „Вѣстникъ Земскаго и Городского Хозяйства“. Книжныхъ магазиновъ насчитывается только 24 (въ томъ числѣ московскій магазинъ Готье считается вдвойнѣ, сперва по-русски, а потомъ, черезъ десять строкъ, по-французски). Перечислить всѣ ошибки, недосмотры и пропуски, встрѣчающіеся даже при бѣгломъ просмотрѣ указателя положительно нѣтъ возможности, да нѣтъ, пожалуй, и надобности, такъ какъ и изъ приведеннаго ясно, что это макулатура.

Но что является воистину непонятнымъ, это стоящія въ заглавіи слова: изданіе 4-е. Не опечатка ли это? Ибо трудно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обидно допустить предположеніе, чтобы такая макулатура могла выдержать четыре изданія. Какъ бы низко не цѣнилъ составитель русскихъ „дѣятелей и любителей литературы“, все-таки они не настолько ужъ невзыскательны и неразборчивы, чтобы раскупать по четыре изданія совершенно ни для кого непригодной книги.

Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. **Н. В. Крайнскаго.** Спб. 1904.

Брошюра г-на Крайнскаго была первоначально напечатана въ „Юбилейномъ сборникѣ“, посвященномъ академику В. М. Бехтереву. Она является попыткой приложить къ вопросу о памяти теорію „психической энергіи“, какъ самостоятельнаго и своеобразнаго вида міровой энергіи. Эту теорію психической энергіи нашъ авторъ защищалъ еще въ 1897 г. въ статьѣ „Законы сохраненія энергіи, въ примѣненіи къ психической дѣятельности человѣка“. Въ настоящей брошюрѣ онъ вновь излагаетъ свои взгляды по этому вопросу, но мы не будемъ касаться этой стороны его брошюры уже по тому одному, что соображенія автора отличаются слишкомъ большою бѣглостью, особенно сравнительно съ громадностью вопроса. Для насъ достаточно знать, что авторъ принимаетъ существованіе „психической энергіи“, которая „представляетъ собой особый видъ общей міровой энергіи и проявляется, какъ и во всѣхъ физико-химическихъ процессахъ, въ двухъ формахъ—живой и потенціальной“ (стр. 1).

Мы разсмотримъ лишь приложеніе ученія о психической энергіи къ вопросу о памяти. Согласно автору, „память есть тотъ запасъ представленій, который откладывается въ мозговой корѣ въ формѣ потенціальной энергіи, величина которой опредѣляется, согласно закону Вебера-Фехнера, разностью между силою раздраженія и силою ощущенія“ (стр. 57). „Мы можемъ, говоритъ авторъ на стр. 29, во всякое время выразить всю сумму нашей психической энергіи, обозначая ее черезъ P, въ видѣ $P = S - Y$, гдѣ S есть все количество энергіи, когда либо воспринятой нами черезъ посредство органовъ чувствъ, а Y количество энергіи, израсходованной въ теченіе всей жизни, въ видѣ образовавшихся представленій, которая далѣе идетъ на возбужденіе всѣхъ видовъ движеній въ формѣ психическаго импульса“ (стр. 29). Такимъ образомъ, память въ каждомъ частномъ случаѣ есть то количество потенціальной психической энергіи, которое связано съ даннымъ объектомъ воспоминанія. А „самый процессъ оживленія въ сознаніи образовъ воспоминанія состоитъ въ превращеніи потенціальной энергіи въ живую силу представленія“ (стр. 32).

Эта концепція памяти ведетъ къ двумъ парадоксальнымъ выводамъ, изъ которыхъ одинъ смѣло дѣлаетъ самъ авторъ. А именно, онъ говоритъ: „Такъ какъ потенціальная энергія, лежащая въ основѣ памяти, расходуется каждый разъ, когда данное воспоминаніе возникаетъ въ сознаніи, то всякій образъ памяти можетъ быть вызванъ лишь предѣльное число разъ и совершенно исчезаетъ, когда его потенціальная энергія израсходована. Субъективно такое положеніе дѣла соотвѣтствуетъ полному забвенію. Нѣсколько парадоксальный и неожиданный выводъ изъ этихъ положеній состоитъ въ томъ, что воспоминаніе должно израсхо-

доваться тѣмъ скорѣе, чѣмъ чаще мы вызываемъ его въ своей душѣ. Въ обыденной жизни и даже въ психологіи принято думать какъ разъ обратно, а именно, будто-бы повторное вызываніе укрѣпляетъ образъ въ памяти" (стр. 34—5). Такимъ образомъ, согласно ученію нашего автора, если я, положимъ, узналъ, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ, и затѣмъ, чтобы не забыть этой истины, ежедневно по много разъ въ день припоминаю эту теорему Пиѳагора, то я иду вѣрными шагами къ тому, чтобы, въ концѣ концовъ, забыть свою теорему. Намъ кажется, что авторъ могъ бы избѣгнуть такого затрудненія, еслибы не считалъ, какъ это онъ дѣлаетъ, источникомъ психической энергіи лишь внѣшнія ощущенія, еслибы, напримѣръ, согласно съ Фехнеромъ и другими учеными, видѣлъ источникъ этой энергіи и въ физико-химическихъ процессахъ мозга (что авторъ рѣшительно отрицаетъ, напр., на стр. 4). Тогда укрѣпленіе памяти повторными воспоминаніями объяснялось бы просто — приливомъ крови къ данной части мозга. Намъ непонятно, почему авторъ думаетъ, что человѣкъ „заряжается психической энергіей только чрезъ посредство органовъ чувствъ" (стр. 4), т. е. отрицаетъ возможность перехода химико-физическихъ процессовъ мозга въ процессъ психической энергіи и въ то же время признаетъ, что сама психическая энергія можетъ превращаться въ физико-химическіе процессы мозга. „Весьма возможно, говоритъ авторъ на (стр. 44), что послѣ смерти весь запасъ памяти переходитъ при процессахъ разложенія въ другіе виды энергіи, минуя психическую форму, ибо иначе представлялось-бы возможнымъ посмертное переживаніе воспоминаній, не израсходованныхъ при жизни". Такимъ образомъ оказывается, что для накопленія психической энергіи нужны непремѣнно лишь органы внѣшнихъ чувствъ, а физико-химическіе процессы мозга не могутъ играть никакой роли, тогда какъ для расходованія этой энергіи внѣшніе органы чувствъ не нужны, и дѣло обходится съ одними физико-химическими процессами мозга.

Другой парадоксальный выводъ, необходимо вытекающій изъ теоріи автора, состоитъ въ томъ, что разъ память есть разница между раздраженіемъ и ощущеніемъ, то, слѣдовательно, память должна быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе раздраженіе (ибо, согласно закону Вебера-Фехнера, ощущеніе ростетъ лишь какъ логарифмъ раздраженія). Конечно, тутъ еще нѣтъ ничего парадоксальнаго, и авторъ самъ это утверждаетъ; но опасность оказывается далѣе. А именно, болевое ощущеніе, которое является какъ результатъ сильнаго раздраженія, должно запоминаться лучше всего; а между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, и нашъ авторъ тоже утверждаетъ, что памяти физической боли нѣтъ. Если даже это объяснить тѣмъ, что боль разрушаетъ физіологическіе элементы, то, всетаки, почему плохо воспоминаются тѣ непріятныя

физическія ощущенія, которыя лежатъ на границѣ боли? Но это еще не все. Согласно нашему автору, пріятныя ощущенія — это ощущенія средней силы, а очень сильныя ощущенія непріятны. Но если при каждомъ воспоминаніи количество энергіи уменьшается, тогда должно было бы имѣть мѣсто такое парадоксальное явленіе: непріятное воспоминаніе, послѣ нѣсколькихъ воспроизведеній, *ослабѣвъ*, должно бы сдѣлаться пріятнымъ. А этого мы, вѣдь, не наблюдаемъ. Мы не отрицаемъ остроумія и нѣкоторой основательности ученія г. Краинскаго, но думаемъ, что его теорія слишкомъ узка, односторонняя и требуетъ значительной переработки.

Оливеръ Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Перев. А. І. Багинскаго, просмотрѣнный профессоромъ Н. А. Умовымъ. М. 1904.

Оливеръ Лоджъ. Электролъ. Переводъ съ англійскаго В. М. Филиппова. Спб. 1904.

Мы живемъ наканунѣ громаднаго переворота въ области физики (а вслѣдъ за этимъ и въ области химіи), переворота, который могущественно отразится и въ области философіи. Современное ученіе объ электричествѣ, еще не нашедшее своего центральнаго пункта, еще ожидающее своего Ньютона, все-таки уже ясно показало намъ возможность совершенно новаго пониманія міровыхъ явленій.

Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ и важныхъ пунктовъ новаго ученія (о которомъ мы здѣсь только и будемъ говорить) является электрическая теорія матеріи. Оказалось, что „электрическій зарядъ обладаетъ самымъ основнымъ и характернымъ свойствомъ матеріи, именно, массой или инерціей, такъ что еслибы кто-либо заговорилъ о миллиграммѣ или унціи, или тоннѣ электричества, то этотъ способъ выраженія былъ бы, конечно, необыченъ, но онъ не былъ бы ошибоченъ“ („Современные взгляды“, стр. 5). Дальнѣйшимъ шагомъ является созданіе гипотезы электрическаго атома—электрола. Этотъ „электролъ является основной, наиболѣе опредѣленной и простой монадой, какую только мы знаемъ въ природѣ“ (Совр. взгл. стр. 13). Онъ такъ малъ, что „еслибы земля представляла собою элекролъ, то (матеріальный) атомъ оказался бы шаромъ, котораго центромъ было бы солнце, а радіусъ равнялся бы упятеренному разстоянію отъ него земли“ („Электролъ“, стр. 95). Электрическая теорія матеріи состоитъ въ утвержденіи, „что всякій атомъ есть не что иное, какъ система положительныхъ и отрицательныхъ электроловъ, при чемъ іонъ (заряженный электричествомъ атомъ) имѣетъ одинъ электролъ лишній или недостающій, у нейтральнаго же атома число положительныхъ электроловъ равно числу отрицательныхъ“ (Совр. взгл., стр. 13). Матеріальный атомъ аналогиченъ солнечной системѣ, въ которой вращаются многочисленныя планеты—электролы. Считается

что атомъ водорода заключаетъ въ себѣ 700 электроловъ; атомъ натрія—15,000 электроловъ; атомъ ртути—100,000 электроловъ; атомъ радія—160,000 электроловъ.

Центральнымъ пунктомъ обѣихъ разсматриваемыхъ нами брошюръ Лоджа является ученіе объ электролахъ. При чемъ различіе между этими брошюрами таково: первая (Современные взгляды) говоритъ лишь объ электрической теоріи матеріи; затѣмъ она, являясь воспроизведеніемъ публичной лекціи Лоджа въ оксфордскомъ университетѣ, вполнѣ доступна пониманію всякаго образованнаго человѣка; вторая же брошюра (Электролы) излагаетъ ученіе объ электролахъ болѣе подробно, но, будучи воспроизведеніемъ лекцій автора въ „Обществѣ инженеровъ-электриковъ“, требуетъ для своего пониманія знаній, которыхъ нельзя предполагать у средняго читателя.

Голубевъ, П. А. Историко-статистическія таблицы по Пермской губерніи. Пермь. 1904.

Историко-статистическія таблицы по Пермской губерніи являются седьмымъ по счету сборникомъ, издаваемымъ г. Голубевымъ. Ранѣе онъ составилъ такіе же сборники по губерніямъ: Саратовской, Оренбургской, Вятской, Владимірской, Уфимской и Ярославской, а въ будущемъ рѣшилъ издать такія же таблицы по всѣмъ вообще губерніямъ. Таблицы обнимаютъ собой въ хронологическомъ порядкѣ, со времени крестьянской реформы до 1902 — 1903 гг., слѣдующіе факторы и явленія: 1) физическіе (урожаи), 2) экономическіе (цѣны, промышленность, торговля, кредитъ), 3) административно-политическіе (подати, выкупная операція, лѣсное хозяйство казны), 4) общественно-хозяйственные (земское и городское хозяйство) и, какъ результатъ вліянія всѣхъ этихъ факторовъ, 5) демографію (движеніе населенія, наличный составъ его, культурность, преступность, насильственная смертность). Источниками собранныхъ свѣдѣній автору служили прежде всего различныя оффиціальныя изданія — центральнаго статистическаго комитета, министерствъ: финансовъ, земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ, государственнаго контроля, горнаго департамента и др.; за ними идутъ матеріалы, полученные на мѣстѣ, и мѣстныя же, главнымъ образомъ, земскія изданія; послѣ этого слѣдуютъ нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія („Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“,—сборникъ редактированный Чупровымъ и Посниковымъ, „Опытъ горной статистики Россійской Имперіи“ Боголюбскаго, „Желѣзодѣлательная промышленность“ А. А. Радцига, „Сельское хозяйство Россіи въ XIX вѣкѣ“ Лохтина и др.). Матеріалъ, собранный г. Голубевымъ, какъ видно уже изъ перечисленія источниковъ, разсѣянъ въ различныхъ, большей частью мало доступныхъ для публики изданіяхъ. Хронологическая картина этого матеріала воз-

становляетъ передъ глазами имъ пользующагося „немногословную, но краснорѣчивую исторію“ Пермскаго края за сорокъ послѣднихъ лѣтъ. Если автору въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда приходилось пользоваться не вполнѣ точнымъ матеріаломъ въ родѣ напр., полицейско-волостной статистики, то все-таки можно согласиться съ нимъ, что неточность этого матеріала искупается въ извѣстной мѣрѣ продолжительностью того періода, за который этотъ матеріалъ дается. Въ текстѣ послѣ таблицъ слѣдуютъ историческія примѣчанія и дополненія, съ помощью которыхъ значительно уясняются и всѣ предшествующія статистическія данныя. Здѣсь отдѣльно указываются нѣкоторые источники и цифровыя свѣдѣнія дополняются мѣстами данными за все XIX столѣтіе. Тутъ, между прочимъ, данъ краткій, но обстоятельный очеркъ развитія горной промышленности и исторіи таможенныхъ пошлинъ; хорошо изложены историческія справки о податяхъ и сборахъ, о питейныхъ доходахъ казны и объ измѣненіяхъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Въ размѣрахъ журнальнаго отзыва нельзя передать, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, все богатство интересныхъ и важныхъ выводовъ, истекающихъ изъ разсмотрѣнія собраннаго г. Голубевымъ историко-статистическаго матеріала. Для образца мы сдѣлаемъ все-таки нѣсколько выписокъ, чтобы дать читателю возможность судить о степени интереса, представляемаго „немногословной исторіей“. Вотъ, напр., таблица, показывающая количество вина потребляемаго на одну душу наличнаго населенія, въ шкаликахъ ($^1/_{100}$ ведра) безводнаго спирта, по Россіи и по Пермской губерніи:

	По Росс.	По Перм. г.		По Росс.	По Перм. г.		По Росс.	По Перм. г.
1882 г.	30,8	26,0	**1889** г.	25,2	20,0	**1896** г.	20,4	17,2
1883 „	30,0	—	**1890** „	23,2	19,0	**1897** „	20,0	17,6
1884 „	28,0	25,0	**1891** „	21,2	16,0	**1898** „	20,0	18,0
1885 „	26,0	23,0	**1892** „	20,0	14,5	**1899** „	21,2	18,4
1886 „	24,8	24,0	**1893** „	19,8	16,2	**1900** „	20,8	19,6
1887 „	25,2	20,0	**1894** „	21,2	16,2	**1901** „	—	20,4
1888 „	24,8	20,0	**1895** „	21,2	15,6	**1902** „	—	20,6

Изъ этой таблицы видно, что потребленіе спирта въ Пермской губерніи было всегда ниже средняго обще-русскаго и въ то время какъ въ домонопольный періодъ душевое потребленіе спирта въ губерніи постепенно падало и съ 26 шкаликовъ (1882 г.) дошло до 14,5 въ 1892 году, съ началомъ казенной продажи питей оно начинаетъ повышаться и съ 15,6 шкаликовъ доходитъ въ 1902 году до 20,6.

Вотъ еще выписка о количествѣ окладныхъ сборовъ съ крестьянскихъ земель (по даннымъ 1899 года). На одну десятину въ годъ, въ среднемъ по губерніи, приходилось сборовъ: казен-

ныхъ 41,4 коп., земскихъ—20,5, мірскихъ—17,5, страховыхъ—5,6, а всего съ десятины въ годъ 85 коп. Въ то же время количество сборовъ съ частно владѣльческихъ земель равнялось всего 8 коп. съ десятины: 7,8 земскихъ и 0,2 казенныхъ. Давая преимущественно только погодный статистическій матеріалъ, г. Голубевъ рѣдко дѣлаетъ общія или частичныя сводки. А насколько интересны и важны могутъ быть такія сводки, показываетъ, напр., подсчетъ по пятилѣтіямъ (1881—1900) несчастныхъ случаевъ въ горной промышленности. Пользуясь цифрами автора, мы высчитали, что на Уралѣ приходился:

	1 смерт. случай.	1 случай увѣч.
въ 1881—85 гг.	на 4885 раб.	на 1109 раб.
„ 1886—90 „	„ 3908 „	„ 534 „
„ 1891—95 „	„ 3256 „	„ 119 „
„ 1896—00 „	„ 3761 „	„ 63 „

а вообще по Россіи:

	1 смерт. случай.	1 случай увѣч.
въ 1881—85 гг.	на 2162 раб.	на 738 раб.
„ 1886—90 „	„ 1963 „	„ 313 „
„ 1891—95 „	„ 1408 „	„ 57 „
„ 1896—00 „	„ 1135 „	„ 36 „

Всѣ эти цифры (за исключеніемъ цифры смертей на Уралѣ за послѣднее пятилѣтіе) показываютъ, какъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ опасность для жизни и для здоровья рабочихъ въ горной промышленности и невольно наводятъ на вопросы о причинахъ такого явленія... Въ общемъ такія сводки изъ историко-статистическихъ таблицъ могли бы значительно повысить интересъ сборника и сдѣлать еще нагляднѣй его богатое содержаніе. Въ интересахъ наглядности было бы желательно видѣть въ немъ еще и діаграммы, воплощающія статистическія данныя, такъ сказать, въ ощутимыя формы. Мы высказываемъ эти пожеланія, но нисколько не ставимъ ихъ въ упрекъ автору, положившему и безъ того много добросовѣстнаго и кропотливаго труда въ созданіе своихъ глубоко-интересныхъ и въ высокой степени поучительныхъ таблицъ. Помимо теоретическаго и научно-историческаго достоинства этого труда, онъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ и для рѣшенія вопросовъ чисто-практическаго характера.

Л. Б. Хавкина. Библіотеки, ихъ организація и техника. 376+VIII стр. Изд. А. Суворина. Спб. 1904 г.

Въ Россіи существуетъ въ настоящее время около полуторы тысячи публичныхъ библіотекъ, не считая клубныхъ и народныхъ. Какъ извѣстно, библіотечное дѣло находится далеко не въ блестящемъ видѣ, и разработка теоретическихъ и практическихъ

вопросовъ, съ нимъ связанныхъ, а также вопросовъ библіотечной техники—одна изъ насущныхъ задачъ времени. Г-жа Хавкина угадала эту задачу и взяла на себя трудъ составить руководство для библіотекарей, „изложить основы библіотечной техники и указать пріемы, которые практикуются въ наилучше поставленныхъ библіотекахъ“. Судя по тому, что авторъ говоритъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги о себѣ самомъ и о матеріалахъ, которые находились въ его распоряженіи, съ перваго взгляда, пожалуй, можетъ показаться, что слѣдуетъ лишь радоваться появленію труда г-жи Хавкиной. Она работаетъ въ харьковской общественной библіотекѣ, которая, благодаря энергіи проф. Д. И. Багалѣя и многихъ другихъ безкорыстныхъ работниковъ, стала одною изъ лучшихъ общественныхъ библіотекъ провинціи; г-жа Хавкина работала и въ народной библіотекѣ и осматривала „рядъ библіотекъ въ Россіи“ и даже „за границей“; въ ея распоряженіи были обширные матеріалы, поступившіе для спеціальнаго отдѣла библіотековѣдѣнія, устраиваемаго при харьковской библіотекѣ; наконецъ, г-жа Хавкина печатала кое-гдѣ и кой-какія статейки о библіотекахъ. Къ сожалѣнію, ознакомившись съ книгой г-жи Хавкиной, читатель, мало-мальски свѣдущій въ библіотечномъ дѣлѣ, разочаруется съ первыхъ же страницъ. Онъ увидитъ, что имѣетъ дѣло не съ руководствомъ, составленнымъ, дѣйствительно, свѣдущимъ человѣкомъ, знающимъ и понимающимъ свое дѣло, а съ самымъ шаблоннымъ компиляторомъ, который не далъ себѣ даже труда усвоить, какъ слѣдуетъ, тотъ богатый матеріалъ, который находился въ его распоряженіи. Въ каждомъ дѣлѣ есть двѣ стороны,—идейная и техническая. Первая должна обусловливать вторую; если отсутствуетъ и страдаетъ первая, то обезсмысливается и вторая. Основа библіотечнаго дѣла,—сознательное, широкое служеніе наростанію критически мыслящихъ и сознательно дѣйствующимъ интеллигентныхъ читателей въ возможно широкихъ слояхъ населенія, а съ этой цѣлью, необходима всевозможная помощь распространенію лучшихъ книгъ посредствомъ ихъ выдачи на прочтеніе. Эта задача осмысливаетъ все библіотечное дѣло, и если библіотекарь не понимаетъ ее, онъ перестаетъ быть библіотекаремъ, и превращается въ машинку для пріобрѣтенія, храненія и выдаванія книгъ. Такая машинка—не помощь дѣлу, а тормазъ ему. Первая задача руководства для библіотекарей—борьба съ такими машинками. Вторая задача разработка теоріи *выбора книгъ* для библіотеки, систематизація ея, приспособленіе ея къ системѣ всего цикла наукъ, съ одной стороны и къ уровню знаній читающей толпы, съ другой. Въ основѣ подбора книгъ въ библіотекахъ должна лежать классификація наукъ. Чтобы вести къ наукѣ толпу читателей, нужно найти книги, которыя могли бы и заинтересовать и удовлетворить *всякаго* читателя, на какомъ бы уровнѣ развитія онъ ни стоялъ, и

къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ. Библіотекарь долженъ выработать способность *угадывать читателя*, искусно выбирая книги *лично* для него, давать или указывать ему именно такія, которыя *заставятъ* его идти впередъ. Третья задача библіотеки—изученіе *читающей толпы*, той самой, изъ нѣдръ которой выходятъ или въ нѣдрахъ которой скрыты до поры до времени наиболѣе дѣятельные и наиболѣе сознательные общественные элементы. Чтобы изучать эту толпу, чтобы собирать возможно болѣе точные, документальные матеріалы для ея изученія, необходима научная выработка библіотечной статистики, приспособленной къ вышеуказанной цѣли. Далѣе, необходима выработка возможно точнаго, совершеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно упрощеннаго механизма накопленія, регистрированія, рекомендаціи и выдачи книгъ, при чемъ терминъ „рекомендація“ слѣдуетъ понимать широко, не только въ смыслѣ указыванія книгъ, но и напоминанія о ихъ существованіи путемъ цѣлаго ряда опредѣленно составленныхъ каталоговъ-указателей. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что библіотечное дѣло имѣетъ свою *душу*, которую долженъ же понимать человѣкъ, берущійся поучать другихъ.

Къ сожалѣнію, прочтя внимательно отъ доски до доски книгу г-жи Хавкиной, мы нигдѣ не замѣтили идейнаго отношенія автора къ дѣлу. О задачахъ библіотеки авторъ молчитъ. Вопросъ о выборѣ книгъ онъ излагаетъ чрезвычайно поверхностно, даже не приводитъ ни одной мало-мальски практичной схемы библіотечнаго каталога, если не считать схемъ Брюно и Дьюи, не вполнѣ удобныхъ даже для громадныхъ книгохранилищъ. Авторъ не взялъ на себя труда познакомиться даже съ каталогами лучшихъ русскихъ библіотекъ. Далѣе, вопросъ о пріобрѣтеніи и подборѣ книгъ совсѣмъ почти не занимаетъ г-жу Хавкину. О покупкѣ книгъ она совсѣмъ молчитъ и даже не приводитъ мало-мальски порядочнаго списка рекомендательныхъ каталоговъ и библіографическихъ указателей. Она лишь вскользь упоминаетъ о „Программахъ домашняго чтенія“. Другими словами, г-жа Хавкина не понимаетъ самой сути библіотечнаго дѣла. Казалось бы, эту послѣднюю она имѣла полную возможность разъяснить въ первой главѣ книги, посвященной исторіи и развитію библіотечнаго дѣла въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Къ сожалѣнію, глава эта можетъ служить лишь образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать компиляціи, — она написана поверхностно, спѣшно и обнаруживаетъ полное незнакомство автора даже съ тѣми книгами и журнальными статьями, которыя онъ самъ указываетъ на стр. 99. Вопросъ о типахъ библіотекъ тоже не выясненъ и всѣ онѣ свалены въ одну кучу — и народныя, и казенныя, и общественныя, и школьныя, и даже уличныя. Г-жа Хавкина не понимаетъ совсѣмъ громаднаго преимущества нѣкоторыхъ библіотечныхъ организацій, напр., по типу пензенской,

херсонской и даже харьковской, гдѣ она сама работаетъ. Юридическая сторона дѣла разработана еще хуже: авторъ удовольствовался выпиской нѣкоторыхъ статей закона да выдержками изъ циркуляровъ, относящихся по большей части до народныхъ библіотекъ. Вопросъ о значеніи министерскаго каталога затронутъ лишь мимоходомъ, а о спискѣ книгъ, изъятыхъ въ 1884 г. изъ публичныхъ библіотекъ, г-жа Хавкина даже не упоминаетъ, словно его нѣтъ и не было, тогда какъ онъ помѣщенъ чуть ли не во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ 1884 г. и въ журналѣ „Книговѣдѣніе“ 1892 г. Въ отдѣлѣ о библіотечной статистикѣ читатель не найдетъ ничего новаго, кромѣ механическаго описанія нѣсколькихъ системъ ея. И въ довершеніе всего г-жа Хавкина какъ будто пытается даже отрицать значеніе статистики, ссылаясь на практику нѣкоторыхъ библіотекъ (стр. 274). Еще слабѣе отдѣлъ бухгалтеріи библіотечной. Этой весьма важной сторонѣ дѣла г-жа Хавкина посвящаетъ чуть ли не нѣсколько строкъ. Говоря о томъ, кѣмъ долженъ быть библіотекарь, г-жа Хавкина не нашла ничего лучше, какъ привести слова Сопикова, написанныя въ 20-хъ годахъ XIX вѣка что библіотекарь долженъ быть чуждъ всѣхъ „философическихъ, богословскихъ, политическихъ и историческихъ предразсудковъ“ (стр. 105), но „кромѣ того,—добавляетъ отъ себя г-жа Хавкина,—библіотекарю нужны извѣстныя административныя способности, достаточная эрудиція и спеціальная подготовка“ (стр. 106). Послѣдней авторъ посвящаетъ около 20 страницъ, но на этихъ страницахъ просто напросто выписываетъ программы заграничныхъ курсовъ для подготовки библіотекарей.

Библіографическія познанія г-жи Хавкиной поразительны. Она не упоминаетъ даже о каталогахъ и указателяхъ А. Мезьеръ, о „Спискахъ“, постоянно печатающихся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, а затѣмъ выходящихъ отдѣльными изданіями, о „Книжномъ Вѣстникѣ“, и т. д.; на стр. 99 приведены лишь жалкія указанія литературы по библіотековѣдѣнію; на стр. 88 указывается, что каталоги библіотеки Л. Т. Рубакиной снабжены какими-то „библіографическими примѣчаніями“, — изъ этого слѣдуетъ, что авторъ не видалъ и этихъ каталоговъ. Не знаетъ онъ и того, что схема библіотечнаго каталога, изложенная въ „Этюдахъ о русской читающей публикѣ“ Н. Рубакина, давнымъ давно осуществлена на дѣлѣ посредствомъ изданій цѣлаго ряда указателей. Не знаетъ г-жа Хавкина и объ указателяхъ журнальныхъ статей, которые отъ времени до времени появляются въ каждомъ журналѣ. Вообще, отдѣлъ справочныхъ книгъ совершенно отсутствуетъ въ книгѣ г жи Хавкиной, если не считать нѣсколькихъ указаній на стр. 91 и слѣд. Цѣлый рядъ улучшеній, уже введенныхъ въ библіотечномъ дѣлѣ, г-жѣ Хавкиной совершенно не извѣстенъ, напр., коллективные абонементы, подписка на одни

новые журналы, библіографическія бюро при библіотекахъ, доставка книгъ на домъ, подписка потребительскихъ обществъ для своихъ членовъ съ обмѣномъ книгъ въ помѣщеніи общества и т. д., и т. д. На стр. 281 г-жа Хавкина даже выдачу нотъ выставляетъ, какъ нѣчто новое. На стр. 287—8 приводятся совсѣмъ невѣрныя свѣдѣнія, что по одному абонементу въ Россіи выдаютъ не болѣе 5 книгъ. Все это показываетъ, что г-жа Хавкина совсѣмъ не дотрогивалась до того богатаго матеріала, который, по ея словамъ, былъ въ ея рукахъ. Это видно и изъ схемы „отчета", который г-жа Хавкина приводитъ на стр. 328. Общественнаго значенія библіотечныхъ отчетовъ, какъ это видно на стр. 326—7, г-жа Хавкина совсѣмъ не понимаетъ. Что такое *читаемость* данной книги (т. е. математическое отношеніе опредѣленныхъ библіотечныхъ данныхъ),—ей тоже неизвѣстно. Г-жа Хавкина даже не задумывается, что для подсчета подписчиковъ тоже должна быть принята *опредѣленная* единица (обыкновенно *мѣсячный* абонементъ *одного* подписчика) и рекомендуетъ складывать годовыхъ подписчиковъ съ мѣсячными. Лучшіе библіотечные отчеты обыкновенно указываютъ, рядомъ съ цифрами выдачъ, приходящихся на сочиненія даннаго автора, число томовъ этихъ сочиненій, имѣющихся въ библіотекѣ (напр. херсонскій отчетъ), что представляетъ изъ себя весьма существенныя данныя, позволяющія привести читаемость книги къ опредѣленной единицѣ

Г жа Хавкина очень любитъ общія мѣста, при чемъ высказываетъ обыкновенно самыя безспорныя истины. „Въ различныхъ отдѣлахъ библіотеки работа не одинакова: въ одномъ труднѣе, въ другомъ легче, и служащіе поставлены въ неравныя условія. Для устраненія этого неудобства рекомендуется увеличивать оклады тѣмъ служащимъ, которые несутъ большую работу". (Стр. 124). Или: „Въ виду сложности завѣдыванія библіотекой, весьма желательно, чтобы въ правленіи присутствовали представители разныхъ профессій: архитекторы, инженеры, финансовые дѣятели, юристы и т. д., которые своими познаніями могутъ принести библіотекѣ большую пользу". Такихъ безспорныхъ истинъ—великое множество. Но ужъ совсѣмъ возбуждаютъ недоумѣніе слѣдующія соображенія: „Вопросъ о допущеніи дѣтей въ народныя читальни вызывалъ не мало дебатовъ среди общественныхъ дѣятелей. Однако, опытъ показалъ, что эта мѣра (допущеніе дѣтей въ *читальни*) является вполнѣ раціональной". До этого идетъ все хорошо. Но дальше читаемъ: „Что касается абонемента (т. е. выдачи книгъ на домъ), то здѣсь необходимъ контроль надъ дѣтьми и подростками, такъ какъ они часто спрашиваютъ совершенно не подходящія для ихъ возраста книги" (стр 290). Какой же контроль? Чей контроль? Г-жа Хавкина даетъ понять объ отвѣтахъ на эти вопросы слѣдующими своими словами: „Этимъ (вышесказаннымъ) обусловливается тотъ фактъ, что у насъ въ нѣкото-

рыхъ округахъ воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній запрещается брать книги изъ публичныхъ библіотекъ" (стр. 290). Очевидно, г жа Хавкина, сочувствующая этой мѣрѣ, совершенно не знаетъ, что она преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли и находится въ связи съ стремленіемъ ограничить чтеніе гимназистовъ предѣлами министерскаго каталога, того самаго, которому г-жа Хавкина не сочувствуетъ.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что руководство г-жи Хавкиной далеко не удовлетворяетъ своему назначенію, и со стороны автора выступленіе съ такимъ руководствомъ нельзя не назвать по меньшей мѣрѣ изрядною смѣлостью. Этотъ „трудъ"—ничто иное, какъ жиденькая, мало обработанная компиляція, не проникнутая единствомъ жизненной идеи и, разумѣется, не способная оказать большой помощи библіотекарю въ дѣлѣ служенія общественному просвѣщенію. Правда, въ книгѣ г-жи Хавкиной можно найти и кой-какія полезныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ библіотечной техники. Въ большомъ складѣ матеріала каждый что-нибудь найдетъ, но складъ всетаки остается складомъ.

Издана книга превосходно, но такая внѣшность изданія чрезвычайно удорожаетъ его стоимость. Если бы книга была издана покомпактнѣе, попроще и вмѣсто $23^1/_2$ листовъ заключала бы всего 14—15, она могла бы продаваться по 75 коп. или по 1 руб. вмѣсто 3 руб., какъ теперь. Не такой ужъ шедевръ книга г-жи Хавкиной, чтобы ее издавать такъ роскошно и брать съ покупателя по 13 к. за листъ разгонистой печати.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Н. П. Стремоуховъ. Въ Бухару. Романъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Евгеній Барановъ. Легенды. Баку. 1904. Ц. 15 к.

Тоска по вѣчности. Стихотворенія ***Н. Васильева.*** Казань. 1904. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Дафнисъ и Хлоя. Спб. 1904. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к.

Обновленная земля. Ром. ***Теодора Герцля.*** Перев. А. Даманской. Изд. ред. журн. „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 1 р.

Изд. т-ва „Донская Рѣчь". Ростовъ-на-Дону. 1904. ***А. Серафимовичъ.*** На льдинѣ. Ц. 3 к. ***Л. Мельшинъ.*** Маленькіе люди. Ц. 4 к. ***И. П. Бѣлоконскій.*** Какъ живутъ японцы. Ц. 8 к. ***Н. Д. Телешовъ.*** Хлѣбъ-соль. Ц. $1^1/_2$ к. ***И. П. Бѣлоконскій.*** Корея. Ц. 4 к. ***В. Г. Короленко.*** Соколинецъ. Ц. 7 к. ***Е. Н. Чириковъ.*** Коля и Колька. Ц. 2 к. ***С. Елеонскій.*** Грубіянъ. Ц. 7 к. ***С. Русова.*** Друзья римскаго народа—братья Гракхи. Ц. 3 к. ***Н. Д. Телешовъ.*** Нужда. Ц. $1^1/_2$ к. Избранныя стихотвор. ***А. К. Толстого*** и др. Ц. 3 к. ***К. Н. Боженко.*** На войну. Ц. 5 к. ***В. Г. Короленко.*** Мгновеніе. Ц. 3 к. ***Пѣсни мира.*** Сборникъ стихотвор. Ц. 2 к. ***И. П. Бѣлоконскій.*** Страшное мѣ-

сто. Ц. 1½ к. ***О. Мирбо.*** Бродяга. Ц. 1 к. ***Ѳ. Поступаевъ.*** Пѣсни рабочей жизни. Ц. 10 к. ***И. Наживинъ.*** Волосъ Мадонны. ***А. А. Кизеветтеръ.*** Протопопъ Аввакумъ. Ц. 8 к. ***Н. Карышевъ.*** Экономическія бесѣды. Ц. 20 к. ***А. А. Кизеветтеръ.*** Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX в.в. Ц. 15 к.—Кузнецъ-гражданинъ. Ц. 15 к.

На вичну пам'ять Котляревскому. Литературный збирнык. Выдавныцтво „Викъ". Кыивъ. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Разсказы ***Вл. Пржевалинскаго.*** Спб. 1904. Ц. 50 к

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. ***Ц. Балталона.*** Изд. 5. М. 1904. Ц. 70 к.

В. А. Гольцевъ. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. М. 1904. Ц 6 к.

Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Ю. Г. Малисъ. Больничное дѣло. Спб. 1904. (Оттискъ изъ „Врачебнаго Вѣстника").

Алексѣй Рафаловичъ. Промышленные синдикаты за границей и въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Книга для чтенія по руской исторіи, составленная при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. профес. ***М. В. Довнаръ-Запольскаго.*** Т. I. М. 1904. Ц. 3 р.

Краткая географія. Для низшихъ училищъ. Состав. ***В. Гречушкинъ.*** Изд. В. В. Думнова. М. 1904. Ц. 30 к.

Г. М. Пилипенко. На Дальній Востокъ. Путевые очерки. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Дальній Востокъ. Очерки. Составилъ ***С. М. Гольдвейзеръ.*** Ц. 10 к.

Альфредъ Р. Уоллесъ. Мѣсто человѣка во вселенной. Перев. съ англ. Л. Лакіера. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Врадій. Опьяняющіе напитки китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и инородцевъ Уссурійскаго края. Спб. 1904.

Ариѳметическій задачникъ. Изд. 2. Составилъ ***П. Татариновъ.*** Симферополь. 1904. Ц. 30 к.

Міръ Божій. Третья и четвертая книга для чтенія къ школахъ. Состав. ***С. И. Гречушкинъ.*** Изд. В. В. Думнова. М. 1904. Ц. 80 к.

Складовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Перев. съ франц. С. Н. Петрова, подъ ред. А. С. Попова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Dr. Донатъ. Радій. Перев. съ нѣмецк. А. Соловьева. Изд. И. И. Базлова. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Чудеса науки и техники. ***В. Лункевича.*** Спб. 1904. Изд. Павленкова. Ц. 25 к.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена подъ ред. ***Г. Гельмольта.*** Перев. съ дополн. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Т. II, в. 1. Ц. 50 к.

Жизнь моря. Сочин. проф. ***К. Келлера.*** Изд. 2-е А. Ф. Девріена. В. 3-й. Спб. 1904. Ц. 1 р. 60 к.

Царство минераловъ. Сочиненіе д-ра ***Браунса.*** Перев. съ нѣмецк. В. Н. Лемана, съ дополн. А. П. Нечаева и П. П. Сущинскаго, подъ ред. А. А. Иностранцева. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1904. В. 2-й. Ц. 2 р. 75 к.

Отличительныя черты еврейской націи. Состав. ***М. Б. Крецмеръ.*** Изд. Рашкеса. Двинскъ. Ц. 15 к.

Венерическія болѣзни и сифилисъ. ***П. А. Павлова.*** Изд. 2-е. М. 1904.

Ю. Б. Левикъ. Собраніе формулъ элементарной и аналитической математики. Бердичевъ. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Т. I. Перев. А. И. Сомова. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб.

В. В. Лункевичъ. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Германскіе университеты. ***Фр. Паульсена.*** Перев. съ нѣмецк. Г. Гроссмана. Изд. ред. журн. „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

О. Даммеръ. Доступные опыты по химіи. Перев. съ нѣм. А. П. Нечаева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р.

П. И. Куркинъ. Земская санитарная статистика. (Опытъ библіографіи). В. 1-й. М. 1904. Ц. 1 р.

200-лѣтіе русской горной промышленности. ***П. А. Голубева.*** Изд. Пермскаго научно-промышленнаго музея. Пермь. 1904.

Антонъ Павловичъ Чеховъ. Издан. А. И. Короленко и С. М. Гольдвейзера. Одесса, Ц. 10 к.

Памяти Т. Герцля. Составилъ ***С. М. Гольдвейзеръ.*** Изд. А. И. Короленко. Одесса. Ц. 8 к.

Журналы И. И. Мартынова: „Сѣв. Вѣстникъ" 1804—1805 г.г. и „Лицей" 1806 г. Истор.-библіограф. изсл. ***А. Г. Максимова.*** Спб. 1904. Ц. 30 к.

Le Procès du Libre Echange en Angleterre. ***Daniel Crick.*** Mich et Thron Bruxelles et Leipzig. 1904.

Первое прибавленіе къ книгѣ: „Фарфоръ и фаянсъ". Составилъ ***А. В. Селивановъ.*** Владиміръ. 1904. Ц. 1 р.

Пища больныхъ въ военныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ **Ф. А. Зеестъ** и **П. П. Игнатьевой-Александровой**. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Ф. Ратцель. Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Перев. подъ ред. П. И. Кротова. Спб. 1904. Т. I; в. 1, 2—4 и 5—7. Ц. 50 к. за выпускъ.

Западно-европейскіе курорты и лечебницы. Составили **М. Г. Вечеславъ** и **Ѳ. Тарасевичъ**. Berlin. Изд. Нѣмецко-русск. изд. об-ва.

Зубы, ротовая полость и ея заболѣванія. Составилъ **Р. Н. Поляковъ**. Одесса. 1904. Ц. 75 к.

Третій всероссійскій шахматный турниръ. Подъ ред. М. И. Чигорина. Изд. „Шахматнаго Обозрѣнія". М. 1904. Ц. 3 р.

Записки Иваново-Вознесенск. Отд. Русскаго Технич. Об-ва. 1904. В. 2-й. Иваново-Вознесенскъ. 1904.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона. В. XVIII.

Курская казенная палата Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 г.г. Курскъ. 1904.

Сводъ товарныхъ цѣнъ за 1903 г. Изд. Минист. Финанс. Спб. 1904.

Статистика по казенной продажѣ питей. Изд. Главн. Упр. неокл. сбор. В. III. Спб. 1904.

Обзоръ дѣятельности Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ за десятый годъ его существованія. Спб. 1904.

Отчетъ Петровской колоніи Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла за 1903 г. Спб. 1904.

Труды съѣзда судоходныхъ дѣятелей 1904 г. Спб. 1904.

Въ русскомъ кварталѣ.

(Письмо изъ Англіи).

I.

Въ концѣ мая 1903 г. *) громадный грузовой пароходъ *Блюхеръ* отправился изъ Гамбурга въ Лондонъ. На кораблѣ были лошади и люди. Лошади крайне цѣнный грузъ и легко подвержены морской болѣзни, отъ которой сильно страдаютъ, поэтому на *Блюхерѣ* имъ отвели самое лучшее мѣсто. Люди тоже страдаютъ отъ морской болѣзни, но пассажиры на *Блюхерѣ* были такого рода, съ которыми не церемонятся. Это были, большею частью, выходцы изъ сѣверо-западныхъ мѣстечекъ, запуганные, маленькіе, некрасивые, очень плохо одѣтые, отмѣченные печатью хроническаго голоданья въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Дюжіе матросы кричали на нихъ, когда загоняли въ черную глубь трюма. Мужчины, женщины и дѣти послушно лѣзли туда, волоча за собою громадные узлы и грязныя перины. Никто, конечно, не могъ бы сказать, зачѣмъ они забрали съ собою на новую родину эти грязныя лохмотья, не представлявшія никакой цѣны. Между тщедушными, курчавыми, горбоносыми выходцами изъ сѣверо-западнаго края виднѣлись эмигранты изъ другой полосы Россіи, большею частью,

*) Въ этомъ году въ Англіи большое впечатлѣніе произвелъ „билль объ иностранцахъ", который внесенъ былъ въ палату общинъ, а затѣмъ снятъ съ очереди вслѣдствіе рѣзкаго отпора со стороны радикаловъ и многихъ тори.

свѣтловолосые, великаны въ сравненіи съ литовскими заморышами. Евреи преобладали, но было тутъ также не мало эстонцевъ и поляковъ. Нѣкоторые уже на границѣ или въ Гамбургѣ разстались съ національными кафтанами и „суконями“, но были и упорные консерваторы. Въ числѣ ихъ—высокій, широкоплечій малороссъ, въ смушковой шапкѣ, въ черной свиткѣ, перехваченной цвѣтнымъ поясомъ и въ громадныхъ сапогахъ. Этотъ пассажиръ казался особенно растеряннымъ, когда эмигрантовъ загоняли въ Гамбургѣ въ трюмъ.

— Кажить, чи терезъ іидемо!—допытывался онъ отчаянно у матроса.

— Vorwärts! Schneller!—крикнулъ матросъ.

— Та мні треба знаты, чи хутко поідемо?—повторялъ пассажиръ.

Вмѣсто отвѣта, матросъ толкнулъ въ шею малоросса. Тотъ разъярился, бросилъ мѣшокъ, который онъ держалъ въ рукахъ, заскрежеталъ зубами, быстро обернулся и размахнулся громаднымъ, увѣсистымъ кулакомъ. Но въ этотъ моментъ кто-то схватилъ малоросса за руку и быстро заговорилъ:

— Бросьте ихъ! не поднимайте исторію! Онъ васъ не понялъ. Я спрошу за васъ. Ей-Богу лучше успокойтесь! пойдемте! ляжемъ рядомъ,—говорилъ маленькій очень нервный, очень подвижной молодой человѣкъ. Малороссъ вздохнулъ, взялъ свой мѣшокъ и спустился въ трюмъ.

— Um wie viel Uhr fährt das Dampfschiff?—спросилъ съ еврейскимъ выговоромъ маленькій человѣчекъ у другого матроса въ глубинѣ трюма. Матросъ отвѣтилъ.

— Вотъ видите, все потому, что васъ не поняли. Вы русскій, вы не привыкли, чтобы васъ толкали, потому сердитесь. А мы себѣ еврейчики, когда намъ не выпускаютъ кишекъ и не выбиваютъ полѣномъ зубовъ мы говоримъ: „спасибо, слава Богу“. Какъ васъ зовутъ?

— Овиско Благовістныкъ, столяръ зъ Широкой Гребли.

— А я Хацкель Балтянскій, портной изъ Кишинева. Будемъ знакомы.

Многіе воспѣвали бурное море. Обыкновенно поэтъ стоитъ у мачты и, вперивъ взоръ въ кипящіе валы, восклицаетъ: „Ты мо-

---

Такъ какъ билль касается, въ значительной степени, выходцевъ изъ Россіи, которыхъ въ восточномъ Лондонѣ около 60.000 человѣкъ, то мнѣ хотѣлось познакомить съ нимъ читателей. При собираніи матеріала, мнѣ пришла мысль, что, быть можетъ, нѣкоторый интересъ можетъ представить общая картина жизни нашихъ земляковъ въ Лондонѣ, покуда они еще не вошли въ теченіе и покуда они еще плывутъ „между двухъ береговъ“. Такимъ образомъ мое письмо приняло полубеллетристическую форму. Въ слѣдующей статьѣ я подробно коснусь билля и постараюсь выяснить, почему онъ возникъ. Тогда я приведу весь статистическій матеріалъ, тщательно изгнанный изъ настоящаго очерка.

гучъ, океанъ, но и я вмѣщаю въ груди всю вселенную. Кто кого!“ Кромѣ Байрона, ни одинъ поэтъ, кажется, не дерзнулъ отступить отъ шаблона и воспѣть морскую болѣзнь. Донъ Жуанъ оплакивалъ на кораблѣ разлуку съ доньей Джуліей, когда, вслѣдствіе килевой качки

«He felt that chilling heaviness of heart,
Or rather stomach, which, alas! attends,
Beyond the best apothecary's art,
The loss of love, the treachery of friends».

(„Почувствовалъ ту леденящую тяжесть въ сердцѣ, или, точнѣе, въ желудкѣ, которая лучше всякихъ лѣкарствъ заставляетъ насъ забыть про утраченную любовь и про измѣну друзей“).

Теперь нужно представить себѣ, что испытали эмигранты, загнанные въ трюмъ *Блюхера* на бурномъ Нѣмецкомъ морѣ. Всѣ они никогда не видали моря, и многіе заболѣли, какъ только сѣли на корабль, отъ смѣшаннаго запаха масла, пара и смолы. Когда же *Блюхеръ* вышелъ въ море и запрыгалъ по волнамъ—въ трюмѣ заболѣли всѣ. Корабль валился изъ стороны въ сторону. Волны, какъ чугунныя, били въ бока. Отъ ударовъ ихъ *Блюхеръ* подскакивалъ, кряхтѣлъ и трещалъ. Въ трюмѣ плакали дѣти, кричали женщины, стонали мужчины. Были такіе, которыхъ не стошнило бы отъ качки, но они заболѣли при видѣ, какъ мутило другихъ. И безъ того тяжелый воздухъ въ трюмѣ испортился еще сильнѣе отъ противнаго запаха послѣдствія морской болѣзни. Маленькому портному Хацкелю казалось, что его привязали къ громадному колесу и вертятъ внизъ головой. Онъ чувствовалъ сперва холодъ въ желудкѣ, потомъ вдоль всей спины, какъ будто колесо, къ которому его привязали, было вырублено изъ громадной, ледяной глыбы. Когда ему на нѣсколько секундъ становилось легче, онъ со стономъ говорилъ: „Хоть бы и меня убили тогда полѣномъ! Не такъ мучился бы теперь“! Ониско Благовѣстныкъ тоже страдалъ, но крѣпился и молчалъ. Какъ ни бурно Нѣмецкое море, но въ маѣ и оно бываетъ тихо. Къ утру вѣтеръ упалъ совершенно, а къ обѣду море выравнялось, какъ будто кто провелъ по немъ гигантскимъ стругомъ. Изъ душнаго, вонючаго трюма выползли всѣ. У эмигрантовъ лица были зеленыя, щеки втянулись, носы заострились; у всѣхъ были страдальчески-кислыя выраженія, которыя можно видѣть послѣ хорошей качки. Еще черезъ часъ публика повеселѣла и съ интересомъ слѣдила за рыбачьими шхунами, которыя медленно скользили мимо *Блюхера* на своихъ слабо вздутыхъ, выкрашенныхъ дегтемъ парусахъ. Съ чистаго блѣдно-синяго неба, только что начинавшаго еще пріобрѣтать лѣтнюю глубину, на чуть-чуть морщившуюся поверхность моря, какъ ртутный дождь, падали ослѣпительные лучи свѣта. Свѣжій, соленый вѣтерокъ ласково дулъ въ лицо и тихо нашептывалъ что-то эмигрантамъ. И отъ этого шопота на душѣ становилось весело,

сильнѣе приливала кровь къ щекамъ. Рождались надежды, что все печальное и мрачное осталось позади, а впереди — новая жизнь, ослѣпительная, какъ этотъ ртутный дождь, отъ котораго глазамъ такъ больно. Какъ бы желая подтвердить надежду, пробудившуюся въ груди эмигрантовъ, отчаянно кричали мартыны, которые то поднимались, то падали на сверкающее море. Хацкель знакомился со всѣми и заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ эмигрантомъ. Познакомился онъ съ двумя миловидными дѣвушками, которыя, закутавшись въ одинъ платокъ, сидѣли на самомъ носу корабля, на свернутомъ канатѣ. Онъ узналъ, что родомъ онѣ изъ маленькаго мѣстечка Подольской губерніи и ѣдутъ „за счастьемъ".

— У насъ въ мѣстечкѣ ѣсть нечего, — сказала одна изъ дѣвушекъ. На одну блузку, которую можно сшить попадьѣ, женѣ пристава или дочери управляющаго, — десять швеекъ. И кромѣ ожиданія заказа на эту блузку, ничего, ничего впереди, до самой старости, если смерть не придетъ раньше. Самое тяжелое еще то, что на насъ, какъ на паршивыхъ собакъ смотрятъ. За что? Что мы имъ сдѣлали? Мы только работу хотѣли. Намъ бы до Америки добраться! Изъ нашего мѣстечка тамъ ужъ есть люди. Пишутъ, если работать, то тамъ скоро станешь человѣкомъ. Бѣда только, гдѣ взять денегъ на дорогу? Работали мы, собирали, у родныхъ выпросили и вотъ только до Лондона хватило.

— Ой, наплачетесь, дѣвушки, въ новомъ мѣстѣ,—вмѣшалась въ разговоръ старая еврейка, прижимавшая къ груди больную внучку,—голодать будете.

— А мы не голодали, что-ли? Развѣ можетъ быть хуже, чѣмъ было? За то хоть людьми насъ будутъ считать! Развѣ полѣно въ голову лучше?

Хацкель одобрительно кивнулъ головой.

— Будемъ знакомы. Какъ васъ зовутъ?

Дѣвушки оказались не сестрами, а подругами. Одну звали Голда, другую Перлъ.

— Теперь вы будете уже миссъ Голда, а вы—миссъ Перлъ,— галантно сказалъ Хацкель. Онъ подобрался и къ Благовѣстнику, который одиноко, въ сторонѣ отъ всѣхъ, стоялъ у борта. Хацкеля интриговалъ вопросъ, какъ очутился на эмигрантскомъ пароходѣ этотъ дюжій столяръ изъ глухаго, лѣсного мѣстечка. Секретъ разъяснился очень просто.

Въ Широкой Греблѣ ѣсть было нечего, въ особенности ему, Онискѣ Благовѣстнику, выучившему столярному ремеслу у нѣмца, котораго несчастная судьба забросила въ Винницу. Пріѣхавъ разъ изъ Широкой Гребли въ городъ, Ониско на базарѣ узналъ отъ пріятеля, что Макаръ Гнибѣда, учившійся вмѣстѣ съ нимъ у нѣмца и приставшій лѣтъ пять тому назадъ къ партіи эмигрантовъ,—объявился. Онъ прислалъ своей женѣ деньги и письмо, въ

которомъ сообщалъ, что до Америки не доѣхалъ, а остался въ городѣ Лондонѣ, гдѣ русскихъ много. Тутъ онъ работаетъ въ мастерской и получаетъ по двадцати шиллинговъ въ недѣлю, „а на наши деньги то будетъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ“. Извѣстіе это поразило Ониску. Макаръ работалъ хуже его, а вотъ получаетъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ, когда знакомый управляющій изъ Бурмачины—только двадцать пять. Между тѣмъ мѣсто управляющаго казалось Онискѣ высшимъ счастьемъ, какого только можетъ добиться человѣкъ.

— Якъ Макарові, то чемъ же не мені?—мелькнуло въ головѣ Ониски.

Онъ зашелъ къ женѣ Макара, которая сообщила ему, что ѣдетъ въ Лондонъ. Ониска не пожалѣлъ пятачка и попросилъ грамотнаго человѣка списать ему на бумажку адресъ Макара. Бумажку, исписанную карандашемъ, Ониска спряталъ въ кисетъ съ табакомъ. Съ тѣхъ поръ мысль попытать счастье гвоздемъ засѣла въ голову столяра. Наконецъ онъ осуществилъ ее; но въ несчастный часъ выѣхалъ, должно быть. На границѣ онъ отбился отъ знакомой партіи эмигрантовъ, присталъ къ другой и вмѣстѣ съ ней угодилъ на пароходъ *Блюхеръ*.

— Та ще добре, що шматокъ паперу не загубівъ, — закончилъ Благовѣстныкъ. — Ось де винъ, прочитайте, якъ буде ваша ласка.

Хацкель повертѣлъ въ рукахъ пожелтѣвшій отъ табаку лоскутокъ бумаги, который столяръ вытащилъ изъ кисета и посвисталъ.

Отъ времени и отъ табаку каракульки, написанныя карандашемъ, почти стерлись.

— Ну, будетъ намъ рахуба разобрать адресъ! Но, ничего, станемъ одинъ за другого держаться! Только вотъ я вамъ посовѣтую: снимите вашу свиту, ваши чоботы и шапку. Нужно на всѣхъ походить...

Ониско согласился. Тутъ же на кораблѣ, при содѣйствіи Хацкеля, Благовѣстныкъ вымѣнялъ себѣ довольно таки старенькій пиджачекъ, „котелокъ“ и штаны на выпускъ.

Наступила ночь, тихая, ясная. Эмигранты спустились въ трюмъ. Только два—три человѣка остались на палубѣ и смотрѣли на цвѣтные сигнальные огни, которыми обозначена была громадная мель.

Онискѣ взгрустнулось. Онъ вспомнилъ жену и дѣтей, Широкую Греблю, громадный лѣсъ, тянущійся до самой Цесарской границы и запѣлъ вполголоса, потомъ погромче.

— Какъ вы хорошо поете, Благовѣстныкъ, сказалъ расчувствовавшійся Хацкель,—плакать хочется...

II.

Когда утромъ эмигранты высыпали на палубу, *Блюхеръ* былъ уже давно въ Темзѣ и подходилъ къ Лондону. По обоимъ берегамъ рѣки, какъ прибрежный камышъ, возвышались мачты различныхъ судовъ. Затѣмъ пошли громадныя законченныя зданія, съ потемнѣвшими золотыми надписями. Надъ рѣкой стоялъ гулъ отъ свиста пароходовъ, отъ стука машинъ, отъ звона паровыхъ лебедокъ, отъ воя сиренъ и отъ человѣческаго крика. Эмигранты стояли, какъ окаменѣлые. Эта лихорадочная энергія, эта поразительная дѣятельность ошеломила ихъ. Чувствовалось смутно, что въ этой сутолокѣ нужно быть такимъ же энергичнымъ, такимъ же сильнымъ, какъ всѣ, иначе жизнь швырнетъ далеко въ сторону. И у каждаго эмигранта зарождалась болѣе или менѣе оформленная мысль: „дадутъ ли и мнѣ возможность гнаться за хлѣбомъ, или сразу толкнутъ въ сторону?“ Вотъ на блѣдномъ небѣ вырисовался громадный разводной мостъ съ высокими башнями. Въ глубинѣ парохода задребезжалъ сигнальный колоколъ, *Блюхеръ* дрогнулъ и остановился.

Когда перебросили мостки, на палубу вбѣжали какіе-то люди, которые стали быстро объяснять что-то эмигрантамъ.

Отъ звуковъ незнакомаго скрипучаго языка, пріѣхавшіе совсѣмъ растерялись. Кое къ кому вышли родственники. Хацкель, Благовѣстникъ, Перлъ и Голда держались вмѣстѣ, не зная, куда пойти. Но вотъ къ нимъ подошелъ сытый, румяный и хорошо одѣтый мужчина, въ золотомъ пенснэ и въ цилиндрѣ. Онъ осмотрѣлъ нашихъ знакомыхъ, затѣмъ снисходительно заговорилъ по-русски съ характернымъ акцентомъ.

— Изъ Россіи?

Хацкель и остальные страшно обрадовались.

— Работу знаете?—продолжалъ господинъ въ цилиндрѣ. Хацкель за всѣхъ отвѣтилъ, что онъ хорошій портной, что дѣвушки умѣютъ шить, „вотъ они—отличный столяръ“.

— А знакомые у васъ есть? — продолжалъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Нѣтъ.

— Денегъ много привезли?

На этотъ вопросъ отвѣта не послѣдовало. У Хацкеля въ карманѣ было семьдесятъ копеекъ русскими деньгами, у дѣвушекъ еще меньше, а у Благовѣстника—серебряный рубль.

— Ну, что дѣлать,—снисходительно продолжалъ господинъ, поправляя золотое пенснэ,— нужно помочь землякамъ. У меня есть работа для всѣхъ. Вы, молодой человѣкъ, будете шить прикроенныя уже брюки, вамъ, барышни, я дамъ выметывать петли

а вы, если хотите, можете сколачивать ящики для упаковки. Я вамъ дамъ квартиру, столъ, а жалованья (тутъ господинъ покосился въ сторону) по три шиллинга въ недѣлю. Если принимаете, вотъ мой адресъ. Тутъ мой человѣкъ. Онъ вамъ привезетъ вещи.

Вся партія съ восторгомъ приняла условія мистера Кауна, какъ назвался господинъ. Прибывшихъ повели по лабиринту грязныхъ и шумныхъ улицъ въ громадный, мрачный домъ. Мужчинамъ показали уголъ въ одной комнатѣ, на полу, а дѣвушкамъ—въ другой. Имъ дали обѣдъ: по селедкѣ, по куску бѣлаго хлѣба и чай. На другой день, съ шести часовъ утра, началась работа и продолжалась до восьми вечера. Англичане пришли бы въ ужасъ отъ громаднаго рабочаго дня, отъ ничтожной заработной платы, отъ помѣщенія и отъ пищи. Но все это не только не казалось ужаснымъ нашимъ землякамъ, а, наоборотъ, они находили „для начала“ условія недурными. Спать на полу они привыкли, въ мѣстечкахъ питались гораздо хуже, а заработная плата по 6 рублей въ мѣсяцъ казалась дѣвушкамъ даже великолѣпной.

Я познакомился съ Хацкелемъ и Благовѣстнымъ въ концѣ лѣта 1903 г., на русскомъ спектаклѣ въ Уайтчепелѣ. Спектакль былъ самъ по себѣ очень интересенъ и чреватъ массой маленькихъ инцидентовъ. Наталья Степановна Чубукова, напр., (въ пьесѣ „Предложеніе“) въ самомъ интересномъ мѣстѣ забыла роль, побѣжала за сцену справиться съ тетрадкой, оставивъ своего жениха на произволъ судьбы. Ломову пришлось сидѣть минутъ двадцать, такъ какъ тетрадка куда то затерялась. Сценаріусъ заспорилъ съ режиссеромъ по поводу программнаго вопроса и такъ увлекся, что забылъ задернуть занавѣсъ, хотя Чубуковъ, покричавъ: „шампанскаго!“—сталъ подавать отчаянные сигналы. Наконецъ, кто-то изъ публики сжалился и задернулъ коленкоровый занавѣсъ. Сценаріусу устроили нагоняй за кулисами и объяснили, что все имѣетъ свое время. Результатомъ было то, что въ слѣдующей пьесѣ, „Медвѣдь“, онъ проявилъ уже слишкомъ много усердія и опустилъ занавѣсъ за долго до конца, какъ только Лука сталъ молить Смирнова. Но всѣ эти мелочи не помѣшали уайтчепельской публикѣ наслаждаться спектаклемъ.

Благовѣстникъ и Хацкель (въ особенности послѣдній) уже отчасти привыкли къ Лондону и къ новой жизни. Хацкель умѣлъ уже склеить нѣсколько фразъ по-англійски. Оба знали теперь, что „мистеръ Каунъ“ не благодѣтель, а грубый „свэтеръ“, эксплуатировавшій новичковъ, или „гринеровъ“. Они уже давно оставили берлогу Кауна, который нашелъ другихъ „гринеровъ“. Теперь Хацкель и Благовѣстникъ получали по восьми шиллинговъ въ недѣлю и знали, что англичане берутъ въ три и въ четыре раза больше, но сами они не дошли еще до сознанія необходимости дѣйствовать дружно, всѣмъ вмѣстѣ. До сихъ поръ имъ казалось вполнѣ нормальнымъ подряжаться потихоньку за меньшую

плату, чѣмъ англичане. Хацкель только теперь начиналъ понимать, почему англичане столяры ругательски ругали Благовѣстника, когда онъ нанялся разъ на фабрику по 18 шил. въ недѣлю. Благовѣстнику условія показались великолѣпными, хотя товарищи его получали по 38 шил. Благовѣстникъ былъ очень огорченъ, когда остальные столяры, узнавъ за сколько подрядился Ониско, потребовали отъ хозяина, чтобъ иностранца разсчитали. Наши пріятели все пытались мѣрить новую жизнь старой мѣркой и терялись каждый разъ, когда убѣждались, что мѣрка не подходитъ совершенно.

III.

Теперь мнѣ хочется разсказать исторію про то, какъ появилась „труппа русскихъ танцоровъ и пѣвцовъ Самоварова", которая въ настоящее время имѣетъ большой успѣхъ въ одномъ изъ наиболѣе модныхъ мюзикъ-холловъ Лондона.

Великія идеи приходятъ въ голову всегда неожиданно. Это давно уже сказано; но наши герои Хацкель Балтянскій и Ониско Благовѣстникъ собственнымъ опытомъ убѣдились въ этомъ. Дѣло было прошлой зимой, послѣ Рождества. Всѣ лондонскія газеты были полны разсказами про безработицу. Десятки и сотни мастерскихъ или закрылись совершенно, или значительно сократили число „рукъ". Люди какъ будто сговорились не шить себѣ новыхъ сюртуковъ и не покупать мебели, чтобы наши земляки сидѣли безъ работы. На придачу, мелкая, уличная пресса кричала въ каждомъ нумерѣ: „Какъ же не голодать нашимъ работникамъ, если иностранцы отбиваютъ у нихъ хлѣбъ!"

„Иностранецъ отнялъ работу у британскихъ работниковъ, — доказывалъ экономистъ изъ „Daily Express".—Онъ можетъ жить при такихъ условіяхъ, которыя уважающій себя британецъ находитъ невозможными. Иностранецъ привыкъ спать цѣлой семьей въ одной комнатѣ. Онъ можетъ обходиться безъ постелей, безъ матрасовъ и безъ простынь. На своей родинѣ иностранецъ привыкъ питаться такой пищей, которую у насъ не станутъ ѣсть свиньи. Люди, отнявшіе грабежомъ у нашихъ работниковъ заработокъ, умѣютъ жить однимъ чернымъ хлѣбомъ, жидкимъ чаемъ да селедкой. Они соглашаются работать по двѣнадцати и четырнадцати часовъ въ сутки и довольствуются шестью и восьмью шиллингами въ недѣлю" *).

Авторъ доказывалъ дальше, что Англію спасти можетъ только одно: запрещеніе иностраннымъ работникамъ селиться въ Англіи. Въ печати происходила жаркая борьба.

*) Всѣ эти аргументы повторены въ книгѣ „Alien Immigration" by Frederick Bradshaw, London, 1901, p. 74—82.

Правительство обѣщало работникамъ пенсіонъ для престарѣлыхъ, — писали министерскія газеты. „Оно, конечно, охотно исполнило бы это; но возможно ли это въ настоящее время, когда въ Англію, какъ въ Мекку, со всѣхъ сторонъ безконтрольно тянутся эмигрантскіе корабли. Если министерство дастъ пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ, налѣзетъ еще больше иностранцевъ и завладѣютъ пенсіономъ. Нужно, поэтому, сперва провести въ парламентѣ законъ о сокращеніи иммиграціи въ Англію. Тогда матеріальныя условія британскихъ работниковъ сразу улучшатся. Работы хватитъ на всѣхъ. Заработная плата повысится. Число рабочихъ часовъ сократится. Министерство настроитъ хорошіе дома для работниковъ и обезпечитъ судьбу стариковъ“.

Либеральныя и радикальныя газеты утверждали, что все это только одна болтовня. До восьмидесятыхъ годовъ иммиграціи въ Англію почти не было совершенно, а между тѣмъ положеніе британскихъ работниковъ было еще хуже, чѣмъ теперь. Въ настоящее время абсолютное число иностранцевъ въ Англіи, въ сравненіи съ Германіей или съ Франціей, не говоря уже объ Америкѣ, — ничтожно. Иностранцы-работники живутъ колоніями только въ двухъ округахъ Лондона, да въ одномъ округѣ въ Лидсѣ. Только здѣсь и слышатся жалобы на конкуренцію. Во всей остальной Англіи вопросъ объ иностранцахъ совершенно не существуетъ. Законъ, который далъ бы право административной власти останавливать пріѣзжихъ переселенцевъ, принесъ бы только неимовѣрный вредъ. Исполнительная власть получила бы тогда гораздо больше полномочій, чѣмъ желательно. Администрація вышла бы изъ подъ строгаго общественнаго контроля и это имѣло бы гибельныя послѣдствія. Необходимымъ результатомъ закона о контролѣ надъ иммигрантами явилась бы паспортная система, одна мысль о которой внушаетъ ужасъ, какъ радикаламъ, такъ и тори. Оппозиціонныя газеты саркастически спрашивали, кромѣ того, съ какихъ это поръ тори стали интересоваться сокращеніемъ рабочаго дня. Не выступалъ ли еще недавно „Times“ съ грозными передовыми статьями противъ трэдъ-юніоновъ и не дѣлалъ ли онъ ихъ отвѣтственными за гибель англійской промышленности путемъ отстаиванія короткаго рабочаго дня?

Газетная борьба кипѣла по всей линіи. Въ черныхъ отъ непогодъ и копоти домахъ Флитстрита каждый день десятки „передовиковъ“ разбирали рабочій вопросъ по косточкамъ. Выяснялись законы заработной платы, анализировались результаты фритрэдерства и протекціонизма, перерывались громоздкія синія книги, цитировались Адамъ Смитъ, Милль и Рикардо, ставились научные прогнозы; но безработица увеличивалась съ каждымъ днемъ. На улицахъ Лондона все чаще и чаще появлялись процессіи безработныхъ. Шли старики, шли молодые люди. Такъ

какъ демонстрація въ Англіи не можетъ обойтись безъ трехъ вещей: музыки, знаменъ и пѣсенъ, то безработные шли подъ звуки барабановъ и дудокъ, вслѣдъ за хоругвью, на которой значилось: „Купите силу нашихъ мышцъ или дайте намъ хлѣбъ“, и распѣвали: „Нѣтъ работы!“ Страшная пѣсня эта сложена еще дѣдами и отцами настоящаго поколѣнія, въ Ланкаширѣ, во время хлопковаго голода, когда милліоны веретенъ замолкли и сотни тысячъ работниковъ выпрашивали милостыню на большихъ дорогахъ. Плохо приходилось Смизсамъ, Джонесамъ, Пальмерамъ и Тэйлорамъ; но эти могли хоть, какъ британцы, протестовать и грозить. Хацкелю Балтянскому, Онискѣ Благовѣстнику и еще многимъ Хацкелямъ и Онискамъ приходилось гораздо хуже. Они сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ квартиры и могли только стонать. Чтобы они сказали этому богатому городу, еслибы тоже вышли съ барабанами и знаменами? Какъ сказать, если нѣтъ языка? Не отвѣтили ли бы имъ: — Зачѣмъ вы явились? Кто васъ просилъ?

Быть можетъ, никто бы такъ не сказалъ; но Хацкели и Онискі привезли съ собой глубокую боязнь предъ полиціей. Когда они встрѣчали на улицѣ процессію съ барабанами и знаменами, то поспѣшно сворачивали въ переулокъ, чтобы быть подальше отъ грѣха. Наши пріятели удивлялись только, что все такъ тихо, что не слышно тревожныхъ свистковъ, а затѣмъ крика, плача, ругательствъ и топота бѣгущихъ въ разсыпную.

Стоялъ январь. Густой туманъ, какъ шапкой, накрылъ Уайтчэпель. Трудно было опредѣлить время дня. Всюду горѣли фонари, свѣтъ которыхъ расплывался во мглѣ, но фабричные гудки возвѣщали только полуденный перерывъ. По липкимъ тротуарамъ, засунувъ глубоко руки въ карманы, бродили сотни печальныхъ, голодныхъ и озябшихъ людей. Въ числѣ ихъ были Ониско и Хацкель.

— Погано, Татьяно! — мрачно сказалъ Благовѣстникъ. — Що теперь діяты? Нема надіи. Хочь здыхай!

— Люди сказали мнѣ теперь *слэкъ*, но онъ заразъ кончится, потому весна идетъ,—отвѣтилъ Хацкель, мѣшая къ своему ломанному языку, какъ всѣ эмигранты, англійскія слова. Надія есть.

— Яка надія? Здохнуть, чи що! — прежнимъ погребальнымъ тономъ замѣтилъ Ониско.

— А въ Широкой Греблѣ какая у васъ была надія? Пойдетъ здѣсь работа, такъ развѣ столько будете получать, какъ тамъ? Съ Макаромъ говорили? — Сколько онъ получаетъ въ своей *ферничеръ-шопъ*? (Furniture shop, т. е. въ мебельной мастерской).

— Двадцять шыльниківъ у ныділю, — сказалъ повеселѣвшій Ониско.

— Это десять карбованцевъ. Люди говорятъ, мало еще. *Джойнеръ* (столяръ) берётъ тутъ тридцать пять и сорокъ шиллинговъ въ недѣлю. Что скажете, Ониско, когда будете имѣть восемьде-

сять карбованцевъ въ мѣсяцъ. А? Только *слэкъ* переждать! Пойдемъ покуда грѣться. Просто терпѣть нельзя. Мороза нѣтъ, а я себѣ совсѣмъ замерзъ. Пойдемъ, Ониско.

Благовѣстникъ привыкъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ Хацкелемъ, слушаться его, вполнѣ убѣжденный, что тотъ „дуже хитрый на выгадки“ и всегда найдетъ средство вывернуться. Онъ, по старой привычкѣ, поправилъ, вмѣсто смушковой шапки, котелокъ и побрелъ за Хацкелемъ.

— Чудно какъ, Ониско,—заговорилъ Хацкель, который органически не выносилъ молчанія. Въ Кишиневѣ я бы васъ боялся, какъ погромщика. Вы, Ониско, очень хорошій человѣкъ, а не утерпѣли бы и тоже пошли бы за другими. Не такъ ли? Потому тамъ я былъ для васъ не человѣкъ, а собака, которую надо бить. Вы справедливый человѣкъ, Ониско, а поломали бы всю мою мебель и весь мой струментъ, хоть я такой же бѣдный рабочій, какъ и вы. А тутъ мы познакомились, узналъ я васъ, а вы меня. И ничего, совсѣмъ товарищи. Помогаемъ одинъ другому. Чудно, Ониско?

Благовѣстникъ утвердительно мотнулъ своею большою головою, съ которой безпрерывно сползалъ котелокъ, но не сказалъ ни слова.

IV.

Съ большой улицы пріятели свернули въ боковую, еще болѣе грязную и мрачную, обстроенную покривившимися, черными домами, съ окнами, стекла которыхъ стали радужными отъ времени. Кое-гдѣ стеколъ совсѣмъ не было, а вмѣсто нихъ виднѣлась подушка въ ситцевой наволокѣ. Дома эти доживали послѣдніе дни. Предпріимчивые люди сняли ихъ и сдавали отдѣльными комнатами и даже углами перекатной голи изъ иностранцевъ. Никакой англичанинъ въ такую трущобу не пошелъ бы. Каждый уголъ сдавался тутъ по три шиллинга въ недѣлю. Иногда одна и та же постель имѣла трехъ „жильцовъ“. Каждый изъ нихъ поочередно спалъ въ ней по восьми часовъ. Когда одинъ постоялецъ приходилъ съ работы, другой уходилъ. Такимъ образомъ, постель никогда не остывала. Въ общемъ, полуразрушенныя мурьи, сдаваемыя по угламъ иностранной, нетребовательной и безотвѣтной голи, приносили предпринимателю въ шесть-семь разъ больше, чѣмъ хорошіе, новые и комфортабельные дома, сданные въ респектабельныхъ кварталахъ зажиточнымъ людямъ. Изъ раскрытыхъ дверей доносился стукъ молотковъ, визжаніе напильниковъ и шипѣніе утюговъ. Иностранцы работали въ тѣхъ самыхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ спали. У себя на родинѣ они привыкли къ этому, какъ къ нормальному явленію; но англичанъ приводила въ ужасъ подобная нетребовательность. На стѣнахъ, какъ бѣлыя, красныя и желтыя

заплатки на угольномъ мѣшкѣ, нестрѣли афиши на еврейскомъ и кое-гдѣ на русскомъ языкахъ. Въ нихъ сообщалось о митингахъ, о спектакляхъ на жаргонѣ, о вновь возникшемъ кооперативномъ союзѣ хлѣбопековъ. На мостовой, въ грязи, между капустными кочерыжками, старыми газетами и всякой другой дрянью, гомозились ребятишки. Тутъ вся восточная Европа имѣла своихъ представителей. Старая итальянка, съ высохшимъ, потрескавшимся лицомъ, перевязанная шалью, углы которой образовали громадный узелъ на согнутой спинѣ, какъ автоматъ, вертѣла разбитую шарманку. Десятокъ дѣвочекъ, грязныхъ, со спутанными волосами, падавшими изъ подъ соломенныхъ шляпокъ или засаленныхъ спортсменскихъ шапочекъ плясали подъ музыку на мостовой *кэйкъ-уокъ*, танецъ, занесенный изъ негритянскихъ плантацій въ аристократическіе салоны вэстъ-энда, а оттуда—въ Уайтчэпель.

— Смотрите, Онисько,—сказалъ вдругъ Хацкель, остановившись предъ лавочкой, — наши еврейчики привезли съ собою въ Лондонъ весь Кишиневъ.

Въ лавочкѣ, толстая еврейка въ подтыканной красной фланелевой юбкѣ торговала гречневой крупой, чернымъ хлѣбомъ, солеными огурцами, маковниками на меду съ орѣхами, селедками, словомъ, всѣми тѣми продуктами, которые англичанъ приводятъ въ ужасъ. Переселенцы изъ сѣверо-западнаго края сравнительно быстро приспособляются къ новой обстановкѣ, къ чужому языку, къ необычному укладу жизни; но желудокъ ихъ остается консерваторомъ и предъ „котлами съ мясомъ“ тоскуетъ по кашѣ, селедкамъ и соленымъ огурцамъ.

— А вотъ еврейскій Кукъ, — показалъ Хацкель на жалкую контору, въ окнѣ которой виднѣлся плакатъ съ изображеніемъ океанскаго парохода и съ подписью подъ нимъ на еврейскомъ языкѣ. Хотите, онъ вамъ дастъ *шифкарту* (билетъ) въ Нью-Іоркъ, въ Аргентину или въ Южную Африку! Можетъ желаете жену и дѣтей выписать къ себѣ изъ Широкой Гребли? Только зайдите и скажите: „вотъ деньги, привезите мнѣ мадамъ Химу Благовѣстныкъ съ дѣтьми Панасыкомъ, Грицемъ, Ганусей, Мотрей и Хиврей“. И все готово. Еврейскій Кукъ напишетъ своему агенту въ Винницу или въ Проскуровъ, какой городъ ближе къ Широкой Греблѣ. Агентъ поѣдетъ, соберетъ дѣтей, уложитъ бебехи, выправитъ паспортъ. А то и безъ паспорта можно, если три рубля лишнихъ заплатить. Потомъ мадамъ Химу присоединятъ къ партіи, пошлютъ особымъ поѣздомъ въ Гамбургъ, а оттуда въ Лондонъ, прямо къ господину Онискѣ. Пожалуйте получить товаръ въ исправности!— Болтая, такимъ образомъ, Хацкель подошелъ съ пріятелемъ къ покачнувшемуся дому, стѣну котораго выпучило впередъ. Надъ дверями красовалась синяя вывѣска съ надписью: „Русскій Одесскій ресторанъ“. Подъ русской надписью на еврейскомъ языкѣ сообщалось, что кушанья тутъ готовятся изъ коширнаго мяса.

Пониже этой вывѣски была другая, на ней значилось: „Русская безплатная библіотека“.

— Вотъ тутъ мы и согрѣемся! — сказалъ Хацкель, указывая на эту вывѣску. — Есть ли у васъ въ Широкой Греблѣ что-нибудь подобное?—хвастливо спросилъ Хацкель. Нужно сознаться, однако, что входъ въ библіотеку былъ совершенно не презентабельный. Пріятели шли ощупью темнымъ корридоромъ, въ который, должно быть, изъ „Одесскаго ресторана“ невыносимо несло капустой и жареной на постномъ маслѣ рыбой.

— Осторожнѣе поднимайтесь!—крикнулъ кто-то сверху пріятелямъ, — ногу сломите. Предостереженіе было не лишнее. На лѣстницѣ кто-то пролилъ воду или помои. Многихъ перилъ не доставало. Ихъ вытащили въ холодныя ночи бѣдные жильцы, чтобы развести огонь въ каминахъ. На каждую площадку выходили двери изъ грязныхъ комнатъ, въ которыхъ работали сапожники и портные.

— Видѣли ли вы что-нибудь такое въ Широкой Греблѣ, — продолжалъ восторгаться Хацкель. — Смотрите: стѣны оклеены обо-о-оями! Развѣ эти люди въ Шепетиловкѣ или въ Смѣлѣ жили когда-нибудь въ комнатахъ, оклеенныхъ обоями.

Ониско молча согласился съ этимъ. Налѣпленная на дверяхъ бумажка сообщала, что именно здѣсь помѣщается безплатная библіотека. На площадкѣ стояло человѣкъ пять очень бѣдно одѣтыхъ русскихъ евреевъ. Одни изъ нихъ молча курили. Другіе жарко обсуждали какой-то вопросъ.

— Что, Бенціонъ, попрежнему? — окликнулъ Хацкель тщедушнаго молодого человѣка съ мрачнымъ землистымъ лицомъ, съ втянутыми щеками.

— Попрежнему.

— Работы нѣтъ?

— Нѣтъ.

— *Страйкъ?* (Strike).

— Нѣтъ, *слэкъ* (мертвый сезонъ).

— На долго?

— До *истеръ*. (Easter, т. е. пасха).

— Скверный *джобъ*! (job, т. е. дѣло).

— Что и говорить, Хацкель, просто помирать надо! Здѣсь хоть грѣться можно, а то прямо лежалъ бы на улицѣ.

— А чомъ же вы липше не мандруете до дому? — вставилъ вдругъ Ониско.

— Зачѣмъ? Здѣсь хоть у меня надежда есть. Къ *истеръ* (пасхѣ) *слэкъ* (заминка) кончится, тогда все отлично будетъ, а *тамъ* у меня ничего впереди нѣтъ. Здѣсь я самъ себѣ господинъ. Мнѣ никого не нужно бояться. А тамъ дрожи передъ всѣми. Меня тамъ и за человѣка не считаютъ.—Хацкель побѣдоносно взглянулъ на Ониску.

— Сапожникъ Бенціонъ работу найдетъ! — хвастливо, какъ будто про себя самого, началъ Хацкель. — Онъ только годъ тутъ, а по-англійски жаритъ, какъ настоящій англичанинъ. Все сказать можетъ и все понимаетъ!

Только крайнимъ увлеченіемъ Англіей объясняется восторженный вопросъ Хацкеля: „есть ли у васъ что-нибудь подобное?“ Въ дѣйствительности, безплатная русская библіотека, поддерживаемая доброхотными пожертвованіями очень небогатыхъ людей, производила удручающее впечатлѣніе. Печать отчаянной, лютой бѣдности, точнѣе нищеты, лежала на всемъ: на ободранной комнатѣ, на жалкихъ столахъ и грубыхъ скамьяхъ, а, въ особенности, на многочисленной публикѣ, которая зарылась въ газеты и книги. Публика эта, большею частью, безработная, плохо одѣтая, блѣдная, по всей вѣроятности, голодная, тихо шелестила листами русскихъ и еврейскихъ газетъ. Вдоль стѣнъ, на самодѣльныхъ, грубо-сколоченныхъ полкахъ, тянулись ряды книгъ. На далекой чужбинѣ онѣ представляли посѣтителямъ библіотеки дорогой осколокъ родины. Эти бѣдняки, выгнанные крайней нищетой, а иногда и страшными, кровавыми катастрофами изъ гето осѣдлости,—жили и дышали интересами родины, берегли русскій языкъ, хотя большинство плохо знало его. Въ особенности, громадный спросъ въ читальнѣ былъ на провинціальныя газеты, на различные „Вѣстники“ и „Листки“, выходящіе въ большихъ центрахъ юго и сѣверо-западнаго края. Такіе „Листки“ прочитывались отъ строчки до строчки. Изъ большой комнаты дверь вела въ маленькую, еще болѣе грязную и душную, заваленную до потолка книгами и связанными, запыленными пачками старыхъ газетъ. Тутъ, скорчившись за простымъ столомъ, рыжій молодой человѣкъ съ очень добрымъ и очень болѣзненнымъ лицомъ усердно переплетничалъ. Безапелляціоннымъ авторитетомъ, повидимому, въ обѣихъ комнатахъ былъ библіотекарь, высокій, широкоплечій мужчина, съ большой черной бородой.

Среди всѣхъ этихъ малорослыхъ, болѣзненныхъ выходцевъ изъ гето библіотекарь казался гигантомъ. Онъ могъ бы помѣряться ростомъ даже съ Благовѣстникомъ.

Компанія едва нашла себѣ мѣсто. Любознательный Хацкель тотчасъ же потянулся къ „*Одесскому Листку*“. Онъ внимательно прочиталъ корреспонденцію изъ Кишинева, затѣмъ отложилъ газету, такъ какъ органически не вынесилъ молчанія. Рядомъ съ Хацкелемъ сидѣлъ не молодой уже, длиннобородый мужчина, который держалъ передъ собою въ сильныхъ мозолистыхъ рукахъ нумеръ газеты на древне-еврейскомъ языкѣ. Должно быть чтеніе сильно волновало его, потому что онъ качалъ головой, вздыхалъ, откладывалъ газету, затѣмъ опять принимался за нее. Въ одинъ изъ моментовъ, когда номеръ газеты былъ отложенъ, Хацкель шопотомъ заговорилъ съ сосѣдомъ:

— Нехорошія вѣсти?

Вмѣсто отвѣта, сосѣдъ Хацкеля, поднявъ глаза, сталъ цитировать на память, слегка качаясь корпусомъ, стихи изъ библіи на древне-еврейскомъ языкѣ:

— И сказалъ Господь: Я увидѣлъ бѣдствіе народа Моего и услышалъ вопль его отъ приставниковъ его; потому что знаю страданія его... Я увидѣлъ угнетеніе, какимъ угнетаютъ ихъ.

Хацкель понялъ только, что это изъ библіи; но на всякій случай вздохнулъ сочувственно и, помолчавъ, перемѣнилъ тему.

— Откуда вы?

— Изъ Веприка, Полтавской губерніи.

— Тс-с-съ! Не близко отъ Лондона! Имѣете ремесло въ рукахъ?

— Я — Зельманъ Соловейчикъ, жестянщикъ и лудильщикъ, только у насъ въ мѣстечкѣ больше лудильщиковъ, чѣмъ самоваровъ. Нѣтъ тамъ работы, хоть умирай! По субботамъ я канторомъ былъ въ нашей маленькой синагогѣ. Ой, бѣда евреямъ: ѣсть нечего!

— Давно здѣсь?

— Четвертый мѣсяцъ. Я таскалъ пароходы на лямкѣ въ докахъ, вертѣлъ машину, козырки пришивалъ къ шапкамъ. За все брался. Теперь—*слэкъ*... Руки есть. Ремесло имѣю. Охота работать тоже есть, а хожу голодный. Вотъ тутъ въ библіотекѣ хоть грѣюсь... Ой, бѣда, бѣда! Въ Веприкѣ—дѣти, дочка съ ребенкомъ. Мужа ея въ солдаты угнали. Всѣ ждутъ отъ меня помощи, а моихъ рукъ никто не покупаетъ! — Лудильщикъ закачалъ головой.

На разговаривающихъ стали коситься остальные читатели, поэтому Хацкель, лудильщикъ и Бенціонъ вышли на площадку. Вызвали и Благовѣстника, къ немалому удивленію его.

— Слушайте, пойдемте тутъ къ одной барышнѣ, — предложилъ Бенціонъ, — она очень добрая и много помогаетъ работой. У ней среди богатыхъ англичанокъ много знакомыхъ. — Такъ какъ ни Хацкелю, ни лудильщику, ни Благовѣстнику дѣлать было нечего, то предложеніе приняли безъ возраженій. По дорогѣ Хацкель сталъ допытывать, кто эта сердобольная барышня. Онъ узналъ, что англійскіе евреи устроили ясли для ребятишекъ, матери которыхъ, пріѣзжія изъ Россіи, заняты цѣлый день работой. Ребятишекъ приносятъ утромъ и оставляютъ на весь день. Въ ясляхъ ребятъ сейчасъ же купаютъ, переодѣваютъ въ чистое, кормятъ и играютъ съ ними до самаго вечера. Барышня и завѣдуетъ яслями.

Ясли помѣщались чуть ли не въ самомъ грязномъ и бѣдномъ переулкѣ бѣднаго и грязнаго Уайтчепеля. Поразительнымъ кон-

трастомъ съ общимъ видомъ улицы являлась удивительная чистота каждаго уголка въ ясляхъ.

Нашей компаніи навстрѣчу высыпало нѣсколько маленькихъ дѣтей. Изъ передней Хацкель увидалъ громадную комнату, въ которой гомозилось около сорока дѣтей. Одни изъ нихъ постигали еще искусство хожденія на двухъ ногахъ, а не на четверенькахъ. Другія качались на деревянныхъ лошадкахъ. Третьи съ необыкновенной серьезностью въ лицѣ чинно сидѣли въ рядъ на маленькихъ стульчикахъ, справляя свои приватныя дѣлишки. Нѣсколько сидѣлокъ въ форменныхъ синихъ платьяхъ ловко и споро возились съ ребятишками. „Барышня", тоже въ форменномъ платьѣ, ласково встрѣтила компанію; но тутъ случился маленькій инцидентъ. Одинъ изъ мальчиковъ, предпріимчивый трехлѣтній Сэми, соблазнившись открытой дверью, выбѣжалъ на улицу и изчезъ. Поднялась страшная суматоха. Барышня въ отчаяніи ломала руки и все твердила, что Сэми, навѣрно, переѣхали.

Спокойныя сидѣлки-англичанки предложили отправиться въ полицію. И, дѣйствительно, къ великому ликованію барышни, Сэми доставили скоро изъ ближайшаго участка, маленькаго бродягу принесъ на рукахъ „бобби". Сэми явился съ громаднымъ кускомъ хлѣба съ масломъ, которымъ снабдилъ его полисменъ.

— Нѣтъ работы! — огорченно заявала барышня, выслушавъ пріятелей. Быть можетъ, что-нибудь узнаю, тогда скажу, а теперь—нѣтъ.

— Хотите сегодня супъ ѣсть? — спросилъ Бенціонъ, когда пріятели вышли на улицу. — Такъ пойдемъ ночью на Стрэндъ. Тамъ армія спасенія раздаетъ супъ безработнымъ. Только теперь еще рано. Посидимъ покуда въ теплѣ, въ библіотекѣ.

V.

Библіотеку закрыли, и компанія, подъ предводительствомъ Бенціона, отправилась искать даровой супъ, который раздаетъ армія спасенія. На главной улицѣ Уайтчепеля было еще людно. Народъ, правда, порѣдѣвшими группами, толпился у лотковъ, освѣщенныхъ трепетавшими въ туманѣ, сильно коптившими керосиновыми факелами и прислушивался къ завываніямъ продавцевъ.

— Тоже, поди, не знаютъ, гдѣ имъ ночевать!—сказалъ Хацкель, указывая на группу печальныхъ людей, которые, поднявъ для тепла воротники пиджаковъ, внимательно слушали, что кричалъ взобравшійся на телѣжку господинъ въ цилиндрѣ, въ очкахъ и въ черномъ сюртукѣ. Господинъ отчаянно жестикулировалъ, надрывался отъ крика и все показывалъ какую-то маленькую коробочку.

— Чего онъ хочетъ, вы знаете?—спросилъ лудильщикъ.

— Пилюли отъ всѣхъ болѣзней продаетъ,—отвѣтилъ Бенціонъ, усмѣхнувшись. Больныхъ тутъ много, а доктора звать—нужно деньги имѣть. Вотъ и покупаютъ.

— Тоже ѣсть хочетъ!—вставилъ реплику Хацкель.

— Бідный працює, а якъ надирветься, то не ма кому й ратовати!—вздохнулъ Ониско.

Нѣсколько дальше, на небольшой лужайкѣ, компанія наткнулась на нѣсколько сотенъ людей, которые тѣснымъ кольцомъ окружили оратора, взобравшагося на рѣшотку. Возлѣ оратора, съ одной стороны, стоялъ человѣкъ съ краснымъ флагомъ, а съ другой—два старика держали палки громадной разрисованной хоругви. На ней изображены были Адамъ и Ева въ передникахъ изъ фиговыхъ листьевъ, потомъ два человѣка, безъ сюртуковъ, взявшіеся за руку. Надъ всѣмъ сверкала золотомъ длинная надпись.

— Что это такое? —спросилъ лудильщикъ.

— Юніонъ кэнтелмэйкеровъ (союзъ портныхъ, изготовляющихъ непромокаемые плащи),—отвѣтилъ Бенціонъ. *Middlemen* (посредники) предлагаютъ имъ теперь новыя *conditions*, такъ вотъ *branch* (отдѣленіе) *S. D. F.* говоритъ имъ, чтобъ они не слушали *bamboozlers* (обманщиковъ), а сдѣлали бы *strike*.

Ониско изъ всего отвѣта повялъ только слово *strike*. Онъ боязливо оглянулся и потянулъ лудильщика за полу.

— Ходімъ хутко: воні тутъ про *штрайкъ* базікають! Ось й *десятський*!

Но, къ великому удивленію Благовѣстныка, „десятскій“, т. е. „бобби“, подошелъ къ толпѣ, флегматично постоялъ минуты двѣ и пошелъ дальше. Ониско долго охалъ бы, еслибы его не потянули за пиджакъ и не сказали, что время идти дальше. У ярко освѣщенной таверны *Гресъ Монахинь* оживленная улица кончилась. Дальше потянулись совершенно пустыя въ тотъ часъ ночи улицы Сити. Банки и торговыя конторы, въ которыхъ днемъ кипѣла жизнь и составлялись отвѣты на письма, полученныя изъ отдаленныхъ австралійскихъ и южно-американскихъ городовъ, теперь стояли черные и мертвые. Трудно было повѣрить, что тутъ днемъ кипитъ жизнь ключемъ и что въ этихъ банкахъ рѣшаютъ судьбу цѣлыхъ народовъ и опредѣляютъ политику величайшаго государства въ мірѣ. Смутно вырисовывались въ сырой мглѣ мѣдныя таблички съ черными надписями: „Австралійскій банкъ“, „Русскій банкъ для внѣшней торговли“, „Китайскій банкъ“ и пр. Банковъ было такъ много, что таблицами пестрѣли всѣ окна громадныхъ шестиэтажныхъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ Хацкель насчиталъ не меньше пятнадцати банковъ. Съ банками чередовались конторы громадныхъ пароходныхъ обществъ, правильно посылающихъ почтовые корабли въ Австралію, въ Южную Америку, на Крайній Востокъ. Гулко отдавались шаги въ пустынныхъ,

старинныхъ и извилистыхъ улицахъ. Смутное чувство страха порождалъ этотъ дѣловой городъ, охваченный мертвымъ сномъ послѣ лихорадочнаго рабочаго дня. Наконецъ компанія подошла къ громадному зданію съ колоннами. Передъ порталомъ, на гранитномъ пьедесталѣ, смутно виднѣлась въ туманѣ колоссальная бронзовая фигура всадника.

— Биржа,—лаконически объяснилъ Бенціонъ,—а это знаменитый англійскій генералъ. Всѣхъ побѣдилъ, даже Наполеона. Смотрите, какіе англичане практичные люди: генерала они очень почитаютъ, между тѣмъ, посмотрите, что подъ памятникомъ!

Съ мостовой подъ пьедесталомъ вела лѣстница въ подземелье. На дверяхъ виднѣлась прибитая табличка съ нарисованной рукой и съ надписью: „Gentlemen".

Компанія переглянулась. Хацкель фыркнулъ. Лудильщикъ сформулировалъ свои впечатлѣнія нѣсколько болѣе пространно.

— Когда человѣкъ рождается,—сказано въ талмудѣ,—руки у него сложены. Когда онъ умираетъ, руки его раскинуты. Вступая въ жизнь, человѣкъ желаетъ схватить и забрать все. Оставляя міръ, онъ отбрасываетъ всѣ земныя богатства. Бѣднымъ и нагимъ является онъ на свѣтъ. Бѣднымъ и нагимъ оставляетъ онъ жизнь. Вы говорите, этотъ человѣкъ завоевалъ всѣхъ? Въ талмудѣ сказано про другого воина, про Александра Га-Могденъ (Македонскаго). Онъ обошелъ весь свѣтъ, наконецъ добрался до райскихъ воротъ и постучался туда мечемъ.

— Кто стучитъ?—спросилъ ангелъ, охраняющій входъ.

— Александръ.

— Кто это Александръ?

— Александръ, великій Александръ, покоритель всего міра.

— Мы его здѣсь не знаемъ. Тутъ живутъ только праведники. Ступай.

Александръ попросилъ, чтобы ему дали на память что-нибудь. Га-Могденъ хотѣлъ имѣть вещь, которая напоминала бы ему, что онъ доходилъ до райскихъ воротъ. И ангелъ далъ ему кусокъ человѣческаго черепа. Показалъ Александръ кость своимъ мудрецамъ, которые положили ее на чашку вѣсовъ. И царь на другую чашку положилъ все свое золото и серебро, но кость перетянула. Тогда Александръ прибавилъ еще свою корону и всѣ самоцвѣтные камни, которые добылъ въ походахъ; но кость все перетягивала И подошелъ одинъ изъ мудрецовъ, взялъ щепоть праха и посыпалъ имъ кость. И чашка вѣсовъ съ нею тотчасъ же поднялась высоко. Кость была глазница завоевателя. Ничто не можетъ насытить глазъ, кромѣ праха, который покроетъ его въ могилѣ... Вотъ и этотъ на конѣ. Вы говорите, самого Наполеона побѣдилъ! А теперь подъ нимъ отхожее мѣсто.

Часы пробили двѣнадцать.

— Теперь рано еще. Супы раздаютъ въ два часа ночи,—ска-

залъ Бенціонъ. — Выйдемъ покуда на набережную, тамъ люди есть.

Люди дѣйствительно были. Вдоль гранитной набережной, тянувшейся версты на три, какъ ночныя животныя, тихо бродили мужчины, женщины и дѣти. Люди сидѣли на всѣхъ скамьяхъ подъ голыми деревьями, съ которыхъ капала вода. На одной скамьѣ спала, повидимому, цѣлая семья: мужъ, надвинувшій котелокъ на глаза, жена и двое дѣтей, закутанныя въ шаль. Раздались тяжелые шаги полисмэна; но „бобби", проходя мимо спавшихъ, отвернулся въ другую сторону, какъ будто высматривалъ что-то въ туманѣ, струившемся надъ громадной рѣкой.

— Полисмэнъ показываетъ видъ, что не видитъ спящихъ,— объяснилъ Бенціонъ, а то онъ долженъ разбудить ихъ и прогнать.

— Боже! Боже! Сколько бездомныхъ!—вздохнулъ лудильщикъ.

Полисменъ внимательно слѣдилъ за то за тѣми, которые, какъ застывшіе стояли у каменнаго парапета. Тамъ, гдѣ газовые фонари, прорѣзавъ мглу, освѣщали рѣку, вода сверкала, какъ чьи-то тусклые глаза. И этотъ свѣтъ, повидимому, представлялъ что-то неотразимое для глядѣвшихъ черезъ парапетъ. Былъ приливъ. Внизу вода шипѣла и плескалась о тесанные камни. Казалось, тамъ кто-то манитъ голодныхъ и иззябшихъ людей, суля имъ, во всякомъ случаѣ, покой...

— Смотрите сюда, — шепнулъ вдругъ Хацкель и указалъ на одну изъ скамей, на которой лежалъ какой-то мужчина. Для тепла онъ, какъ въ одѣяло, завернулся въ нѣсколько номеровъ газеты.

Набережная кончилась колоссальнымъ, великолѣпнымъ зданіемъ; на высокой башнѣ его, какъ будто сотканной изъ каменнаго кружева, ярко сверкалъ громадный, электрическій фонарь. Свѣтъ этотъ показывалъ англичанамъ, что представители ихъ бодрствуютъ и обсуждаютъ въ парламентѣ государственные вопросы.

Началась ярко-освѣщенная улица центральнаго Лондона. Театры и модные мюзикъ-холлы, которыхъ очень много въ этомъ кварталѣ, уже закрылись; но богатые, ночные рестораны были еще открыты. У дверей ихъ громадные швейцары въ расшитыхъ ливреяхъ высаживали изъ каретъ и усаживали дамъ въ бальныхъ туалетахъ, въ бѣлыхъ накидкахъ, обшитыхъ лебяжьимъ пухомъ и мужчинъ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ. По широкому тротуару, пошатываясь, брели господа въ цилиндрахъ и во фракахъ, которые виднѣлись изъ подъ разстегнутыхъ пальто. Тутъ были и юноши, но ихъ попадалось меньше, чѣмъ сѣдыхъ, гладкихъ, плотныхъ стариковъ. И молодые люди, и старики то пѣли, то ругались. Въ особенности скверно ругались старики, когда встрѣчались съ нарядно одѣтыми, накрашенными женщинами, которыя парами бродили по тротуару. Женщины заискивающими глазами смотрѣли на стариковъ и, чтобы понравиться имъ, отвѣчали тоже руганью по-англійски, французски и по нѣмецки. Среди этихъ женщинъ

встрѣчались совсѣмъ молодыя, почти дѣти. И на нихъ плотоядно заглядывались старики.

Лудильщикъ тяжело вздохнулъ и сталъ читать нараспѣвъ стихи Екклезіаста:

— Опять видѣлъ всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и отъ руки угнетающихъ ихъ насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ... Счастливъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ худыхъ дѣлъ, какія совершаются подъ солнцемъ.

Хацкель, между тѣмъ, былъ занятъ другимъ. Онъ уже нѣкоторое время смотрѣлъ на громадныя, во всю стѣну, разрисованныя афиши, которыя встрѣчались тамъ и сямъ. Смѣлые, изящные и загадочные рисунки интриговали Хацкеля. На одной афишѣ виднѣлся, напримѣръ, громадный быкъ, плачущій надъ маленькой бутылочкой съ надписью: „Bovril“. Снизу что-то было напечатано.

— Что это такое, Бенціонъ?—не выдержалъ, наконецъ, Хацкель.

— Объявленіе о мясномъ экстрактѣ. Быкъ плачетъ и говоритъ: „Бѣдный братъ мой, какъ они ухитрились тебя всунуть въ такую маленькую бутылочку!“ Хорошія дѣла дѣлаютъ! Тотъ человѣкъ, который придумалъ слово „Bovril“, получилъ отъ фирмы большой капиталъ. Видите, въ англійскомъ языкѣ и слова такого нѣтъ, а означаетъ оно многое. Есть романъ такой. Въ немъ описываются люди будущаго, которые все могутъ сдѣлать, потому что нашли жизненную силу всего — *вриль*. Вотъ *bovril* и означаетъ *вриль*, т. е. вся сущность изъ быка, изъ *bovisa*.

— А это что означаетъ?—указалъ Хацкель на картинку, на которой изображенъ былъ жизнерадостный старичекъ, съ косичкой, прыгающій черезъ заборъ.

— Попросту, объявленіе объ овсянкѣ. Фабрикантъ говоритъ, она даетъ столько силъ, что даже старикъ становится, видите, какимъ прыткимъ.

Хацкель теперь спрашивалъ объясненія по поводу каждаго яркаго рисунка, покуда компанія не подошла къ разрушенному кварталу. Тутъ прежде были лабиринты темныхъ, мрачныхъ, бѣдныхъ улицъ и переулковъ, воспѣтыхъ Диккенсомъ. Въ этомъ кварталѣ находилась „Лавка рѣдкостей“, принадлежавшая дѣвушкѣ Нелли. Городъ скупилъ всѣ мурьи, выселилъ голытьбу въ новыя квартиры, снесъ старые дома и рѣшилъ прокладывать новый, великолѣпный проспектъ. Всюду торчали кучи мусора, ямы отъ старыхъ подваловъ, полуразваленныя стѣны съ выбитыми стеклами. Будущія улицы были обозначены деревянными щитами, облѣпленными цвѣтными афишами. Теперь, не смотря на поздній часъ, развалины кипѣли жизнью. Со всѣхъ сторонъ ползли черныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Откуда-то доносился рѣзкій стукъ барабана и ревъ мѣдныхъ инструментовъ.

На площади стояло нѣсколько громадныхъ жаровень, набитыхъ пылающимъ каменнымъ углемъ, распространявшимъ вокругъ себя тепло. Къ этимъ жаровнямъ тѣснились иззябшіе люди. Въ сторонѣ, на трехъ рельсахъ подвѣшенъ былъ котелъ, въ которомъ шипѣло и бурлило что-то. Возлѣ котла стояли мужчины и женщины въ форменныхъ платьяхъ. У однихъ въ рукахъ были мѣдные инструменты и барабаны, у другихъ—полинялыя знамена изъ синяго и краснаго полотна съ желтой надписью: „Огонь или кровь! Что выберете вы: геену огненную или вѣчное спасеніе!“

Армія спасенія въ это время безработицы собрала много денегъ у щедрыхъ и сердобольныхъ людей, чтобы раздавать ночью голоднымъ по чашкѣ овсянки. Но заботясь о спасеніи потерявшихъ работу, армія угощала ихъ очень большими проповѣдями и очень маленькими чашками супа.

— Ликуйте и пойте! — крикнулъ запѣвало, толстый старикъ въ синей курткѣ, поверхъ красной рубашки. Мѣдные инструменты заревѣли. Солдаты стали изо всѣхъ силъ колотить въ барабаны. Чѣмъ дальше, тѣмъ темпъ становился живѣе. Дѣвицы тянули на плясовой мотивъ религіозный гимнъ. На языкѣ арміи спасенія это называется „упрощать евангеліе“. Плясовой мотивъ имѣетъ цѣлью поднять духъ грѣшника и вселить въ него надежду.

— Живѣе, живѣе! — командовалъ между тѣмъ запѣвало. Онъ моталъ головой, размахивалъ руками, затѣмъ сталъ подплясывать, вывертывая жирныя ляшки.

Безработные стояли чинно и тихо. Они дожидались супа и боялись, что если пошевельнутся, то останутся при одной молитвѣ и пляскѣ, но безъ овсянки. Оркестръ умолкъ. Толпа вздохнула облегченно и пододвинулась на шагъ къ котлу; но она поспѣшила: ей предстояло еще предварительно прослушать проповѣдь.

Запѣвало заговорилъ, какъ всѣ англійскіе священники, съ завываніями, съ выкрикиваніями слова *Lord* (Господь), съ утомительными повтореніями на различные лады одного и того же предложенія. Проповѣдь заключалась въ комментированіи исторіи Самсона. Сперва запѣвало разсказалъ про жизнь библейскаго героя и перечислилъ всѣ подвиги его.

— Ну, а теперь посмотримъ, какой урокъ можно извлечь изъ жизни Самсона. Вы взгляните сперва на него, какъ на воина Господня, потому онъ, безъ сомнѣнія, былъ и воиномъ, и офицеромъ. Правда, на личности Самсона лежитъ нѣсколько большихъ, уродливыхъ пятенъ; но такъ какъ прошли уже съ тѣхъ поръ тысячи лѣтъ, то мы не должны быть особенно строги... Вотъ мы и разобрали по косточкамъ грѣхи Самсона. А теперь я вамъ поставлю вопросъ: какой подвигъ вы свершили? Сдѣлали ли вы такое великое дѣло, которое удалось вамъ выполнить только съ

помощью Духа Господня. А? — Проповѣдникъ остановился. Печальная, громадная толпа молчала, какъ будто боялась неудачнымъ отвѣтомъ потерять надежду на супъ.

— Знаютъ ли сосѣди,—продолжалъ ораторъ,—что-нибудь хорошее про васъ? Сдѣлали ли вы добро, про которое стоитъ говорить? Убили ли вы какого-нибудь филистимлянина? Разгромили ли вы враговъ Господнихъ? Одержали ли вы какую-нибудь побѣду надъ филистимлянами, которые живутъ въ вашей душѣ? Что вы сдѣлали съ ними? Если вы еще не убили этихъ враговъ, они живутъ еще внутри васъ. Вы дозволяете имъ, какъ Голіаѳу, гулять свободно и надсмѣхаться надъ воинствами Господними. Вы должны выбрать одно изъ двухъ: либо огонь, либо кровь, т. е. или геену огненную, или вѣчное спасеніе.

Въ печальной толпѣ послышался глубокій вздохъ. Тамъ ждали, когда же будетъ, наконецъ, супъ.

— Пойте гимнъ номеръ 42,—крикнулъ проповѣдникъ.— Затрещали барабаны, заревѣли мѣдныя трубы. Солдаты и солдатки арміи спасенія запѣли по книжечкамъ:

„There is a fountain filled with blood,
Drawn from my Saviour's veins;
And sinners plunged beneath that flood,
Lose alle their guilty stains".

(Есть ручей, наполненный кровью, вытекшей изъ жилъ Спасителя. Грѣшникъ, который погрузится въ этотъ потокъ, омывается отъ всѣхъ пятенъ грѣха). Пѣвцы усердствовали. Музыканты дули такъ, что у нихъ посинѣли лица. Проповѣдникъ то прищелкивалъ пальцами, то чмокалъ губами, то пожималъ плечами и наконецъ, къ великому негодованію Ониски,—сталъ подплясывать.

— Тю-тю, дурный!—крикнулъ онъ. Хацкель дернулъ пріятеля за пиджакъ. По просьбѣ товарищей, маленькій сапожникъ перевелъ имъ проповѣдь.

— Нѣтъ, не надо мнѣ супа,—заволновался лудильщикъ.—Я уйду. Мнѣ стоять здѣсь нельзя.

— Почему?—спросилъ на жаргонѣ съ изумленіемъ Бенціонъ.

— Ваше имя означаетъ *сынъ Сіона*—съ упрекомъ сказалъ старикъ, и вы должны знать, что въ талмудѣ сказано про дочь Сіона. Былъ нѣкогда мужъ,—продолжалъ онъ нараспѣвъ,—поклявшійся въ любви прекрасной и вѣрной дѣвѣ. Нѣкоторое время дѣва жила счастливо, и полное согласіе было между женихомъ и невѣстой. Но пришло время, когда жениху пришлось оставить свою невѣсту и онъ уѣхалъ. И долго ждала она; но женихъ не возвращался. Друзья жалѣли ее, а соперницы смѣялись надъ ней. Съ глумленіемъ указывали онѣ на нее и говорили: „онъ оставилъ тебя и никогда не вернется. И дѣва уда-

лилась отъ всѣхъ и тайкомъ перечитывала письма, что женихъ писалъ ей, тѣ письма, въ которыхъ обѣщалъ вѣрность и преданность. И съ рыданіями перечитывала она эти письма, и въ нихъ находила она утѣшеніе, и вытирала она тогда слезы, и утѣшалась.

И наступилъ для нея радостный день. Ея возлюбленный возвратился. И узналъ онъ, какъ другіе сомнѣвались въ его возвращеніи и спросилъ онъ дѣву, какъ сохранила она вѣру въ него. И показала она ему письма, въ которыхъ женихъ клялся такъ въ вѣрности.—У лудильщика задрожали губы; слеза покатилась по изрытой щекѣ и, какъ овечка въ лѣсу, исчезла въ сѣдой бородѣ.

— Израиль!—продолжалъ онъ,—въ нищетѣ, въ неволѣ надъ тобой глумились всѣ народы. Надъ твоими надеждами на возрожденіе смѣялись. Твоихъ мудрецовъ презирали, на твоихъ праведниковъ—плевали. Дочь Сіона удалилась въ свои школы и синагоги. Она читала писанія, что далъ ей Господь и вѣрила святымъ обѣтамъ Его. Придетъ день, когда Господь освободитъ тебя, дочь Сіона. И когда Онъ спроситъ, какъ могла ты остаться вѣрной, когда всѣ народы глумились надъ тобой, она укажетъ на библію. „Развѣ Твой Завѣтъ не былъ единственной радостью моей?—скажетъ дѣва.—Не погибла ли бы я давно уже безъ него отъ скорби?“—Лудильщикъ заплакалъ и дрожащимъ голосомъ закончилъ: Могу ли я ради ѣды слушать, какъ поносятъ эти шуты Завѣтъ? Я ухожу.

Хацкель, которому показалась скучной непонятная проповѣдь, заинтересовался между тѣмъ громадной, разрисованной афишей, занявшей весь деревянный щитъ. На афишѣ изображенъ былъ громадный китаецъ, окруженный кольцомъ присѣвшихъ на корточкахъ китайчатъ.

— Что это такое, скажите пожалуйста?—спросилъ онъ Бенціона.

— Афиша мюзикъ-холла, кафе-шантана, значитъ. Тамъ показываютъ труппу китайскихъ пѣвцовъ и танцоровъ.

— И что же? — съ напряженнымъ любопытствомъ спросилъ Хацкель.

— Большія деньги дѣлаютъ эти китайцы. Я въ газетѣ читалъ. Хорошій *джобъ*! (дѣло).

Хацкель глядѣлъ на китайца, затѣмъ какая-то внезапная мысль сверкнула у портного въ головѣ, должно быть, пріятная, потому что онъ захохоталъ, привскочилъ и хлопнулъ себя по колѣну!

— Ой, что я придумалъ!—крикнулъ онъ.—Идемъ скорѣе, господа! Ну, ихъ къ чорту всѣхъ этихъ шарлатановъ съ ихъ супомъ!

Компанія пошла за Хацкелемъ, который восторженно теръ руки.

— Ой, что я придумалъ!—повторялъ онъ.—Я читалъ въ книжкѣ, что одинъ грекъ или турокъ, а можетъ армянинъ, не помню уже,—залѣзъ въ ванну и придумалъ какое-то умное дѣло. Чтобы не забыть, онъ выскочилъ сейчасъ и такъ себѣ голый прямо побѣжалъ изъ бани домой и кричалъ по улицѣ: „нашелъ! нашелъ!“ Ну, вотъ я тоже нашелъ!

— Да кажить вже!—допытывался Ониско.

— Если могутъ быть китайскіе танцоры, то почему же не быть русскимъ? Если китайцы дѣлаютъ деньги въ мюзикъ-холлѣ, то почему же намъ ихъ не дѣлать?—отвѣтилъ Хацкель вопросомъ же.—Я пою. Танцовать тоже умѣю. Бенціонъ поетъ. Благовѣстныкъ совсѣмъ хорошо поетъ. На *Блюхерѣ* его ночью заслушивались. А раби Зельманъ, я знаю, канторомъ былъ, такъ, значитъ, тоже голосъ есть. Составимъ русскую труппу пѣвцовъ и танцоровъ. Паршивыхъ китайцевъ идутъ смотрѣть. А чѣмъ мы хуже ихъ?

Проектъ Хацкеля поразилъ всѣхъ своею неожиданностью и эксцентричностью.

— Мы малороссійскія пѣсни пѣть будемъ. Вотъ у насъ и учитель есть,—указалъ Хацкель на Благовѣстныка, который отъ изумленія раскрылъ даже ротъ.

— Какъ же мнѣ, старому человѣку, комедію играть?—спросилъ, наконецъ, лудильщикъ.

— Когда хочется кушать, тогда не то что по малорусски, а и по-гусиному запоешь!—сентенціозно отвѣтилъ Хацкель.—Да, наконецъ, зачѣмъ же быть постоянно на сценѣ? Пройдетъ зима, кончится *слэкъ* (заминка), найдется работа, тогда вы, раби Зельманъ, поступите въ мастерскую, вы, Ониско,—въ *ферничеръ шопъ*. Театръ тогда бросимъ. Только бы зиму перебѣдовать. Развѣ ходить по улицамъ лучше, чѣмъ танцовать на сценѣ? Мы дурного ничего не сдѣлаемъ, если будемъ пѣть.

Логика Хацкеля показалась убѣдительной. Не смотря на всю эксцентричность проекта, даже на упрямаго Ониску подѣйствовалъ доводъ: „если китайцамъ можно, то почему намъ нельзя“.

— Слушайте, Хацкель,—нерѣшительно замѣтилъ полусдавшійся лудильщикъ,—но я по русски очень плохо говорю.

— Э, пустяки! А кому до этого дѣло? Кто васъ пойметъ? Вы только пойте хорошо, а вмѣсто словъ говорите: „ла-ла-ла“.

Практичный Ониско замѣтилъ, что нужны „гроши“, нужно „справить добру одежу“; но у Хацкеля на все былъ готовъ отвѣтъ. Костюмы, дѣйствительно, нужны; но денегъ можно добыть у „миддлмэна“ Кауна, къ которому они попали съ корабля. Каунъ,—прямо сказать, мошенникъ, но у него зоркій глазъ, гдѣ касается *business*. Если обѣщать ему хорошую часть сбора, и если онъ увидитъ, что дѣло выгодное, то дастъ деньги на костюмы.

— И денегъ нужно немного, - развивалъ свой планъ Хацкель,—только на матеріалъ. Тутъ онъ дешевый. Я вѣдь портной, такъ самъ сошью какіе угодно костюмы. Сапоги намъ смастеритъ Бенціонъ. Ура! Только бы утро скорѣе! Мы найдемъ Кауна. Увидите, мы у него еще перехватимъ два-три шиллинга на ѣду. Какъ думаете, Ониско, хорошо будетъ утромъ съ холоду выпить въ *кофишопъ* горячаго чаю? А?

Я не стану разсказывать подробно о переговорахъ съ мистеромъ Кауномъ, у котораго, дѣйствительно, оказался очень зоркій глазъ на *business*. Мистеръ Каунъ устроилъ предварительно экзаменъ: Хацкель вихремъ откололъ казачка, причемъ Ониско глубокимъ басомъ пѣлъ.

„Ой чомъ не прійшевъ,
Якъ я говорила,
Цілый вечеръ у сінныку
Свічка прогоріла“.

Лудильщикъ пѣлъ тоже очень хорошо, правда, на восточный ладъ, съ тягучими переливами, но чисто и пріятно. Мрачный Бенціонъ подавалъ большія надежды стать такимъ же плясуномъ, какъ и Хацкель. Послѣ экзамена мистеръ Каунъ внушительно сморщилъ брови и оттопырилъ губы.

— Да!—сказалъ онъ, наконецъ. — Ничего, но только пѣвицы нужны. Хотя бы двѣ. Безъ нихъ антрепренеръ не возьметъ труппы. Найдите пѣвицъ и покажите мнѣ ихъ. Если подойдутъ, я дамъ на костюмы три фунта и съ антрепренеромъ поговорю.

Труппа пришла было въ полное отчаянье; но тутъ Хацкель вспомнилъ про миссъ Голду и миссъ Перлъ, съ которыми вмѣстѣ прибылъ въ Лондонъ.

У дѣвицъ, какъ разъ, кончалась работа: сдана была громадная партія жилетовъ и въ будущемъ вырисовывался *слэкъ* со всѣми ужасами голода. Дѣвицы сразу согласились принять участіе въ труппѣ. Хацкель повелъ ихъ къ мистеру Кауну. Онъ остался вполнѣ доволенъ ихъ пѣніемъ и танцами (дѣвицы прошлись вмѣстѣ съ Хацкелемъ), но тутъ дѣло чуть-чуть не разстроилось.

— Нужно, миссесъ, сшить себѣ для сцены не такіе костюмы, въ которыхъ русскія ходятъ: нужны юбки до колѣнъ, и чтобы сверху кофточки открыты были до этихъ поръ.

Миссъ Голда и миссъ Перлъ категорически заявили, что онѣ „честныя дѣвушки“ и лучше будутъ голодать, чѣмъ покажутся съ открытыми плечами и въ короткихъ юбкахъ. Произошелъ упорный торгъ за лифы и юбки и, наконецъ, сошлись на компромиссѣ: дѣвушки отстояли закрытыя до горла блузы, за то приняли короткія юбки. Все уладилось.

— Ну, а какъ же ваша труппа называется?—спросилъ Каунъ, когда выговорилъ себѣ по 30% съ каждаго выхода.

— Вы у насъ старшій, раби Зельманъ,—отвѣтилъ Хацкель — Вы лудили самовары, пусть и будетъ поэтому „русская труппа Самоварова“. Съ этимъ всѣ согласились.

На другой день начались репетиціи. А черезъ двѣ недѣли мистеръ Каунъ переговорилъ съ антрепренеромъ, и „труппа Самоварова“ получила ангажементъ въ мюзикъ-холлѣ на Кэмбриджъ-Роодъ, въ Уайтчепелѣ.

VI.

— Когда хочется кушать, тогда не то что по-малорусски, но по-гусиному запоешь!—Этотъ афоризмъ Хацкеля припомнился всѣмъ участникамъ „труппы русскихъ пѣвцовъ и танцоровъ Самоварова“, когда они съ бьющимися сердцами, прижимая къ груди узелки съ костюмами, подходили къ актерскимъ дверямъ мюзикъ-холла на Кэмбриджской улицѣ.

— Танцюй, враже, якъ панъ каже! — махнулъ рукой и прищелкнулъ языкомъ Ониско.

— А вы думаете что? — сразу угадалъ его мысль лудильщикъ. — Будешь танцовать, когда никому мои руки не нужны! Я очень хорошо васъ понимаю, пане Благовістникъ! Вы думаете, мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, честному ремесленнику и не послѣднему талмудисту, легко танцовать и быть шутомъ? У меня, пане, внучка есть уже!—Лудильщикъ скорбно покрутилъ головой.

Миссъ Голда и миссъ Перлъ дрожали, какъ въ лихорадкѣ, шли съ опущенными глазами и робко жались другъ къ другу. Бенціонъ былъ мраченъ, злобно сдвигалъ брови, и нижняя губа его вздрагивала постоянно. Одинъ только Хацкель былъ необыкновенно развязенъ.

Къ актерскимъ дверямъ нелегко было добраться. Рядомъ, за угломъ, находились двери, ведущія въ „питъ“, т. е. въ глубь партера, гдѣ наиболѣе дешевыя мѣста въ англійскихъ народныхъ театрахъ. У этихъ дверей стоялъ уже, выстроившись парами, безконечный хвостъ зрителей. Большею частью, то были молодые люди, въ твидовыхъ шапочкахъ, съ яркими шелковыми шейными платками, замѣнявшими и галстухъ, и воротнички. Стояли тутъ также матросы, солдаты въ яркихъ красныхъ курткахъ и парни, явившіеся, повидимому изъ доковъ. Мужчины явились со своими „душеньками“, sweethears, дѣвицами въ громадныхъ шляпкахъ, съ яркими перьями невѣроятныхъ цвѣтовъ. Дѣвицы взвизгивали часто отъ остротъ своихъ молодыхъ людей или просто отъ восторга.

Полилъ дождикъ, частый, какъ изъ лейки. Толпа раскрыла зонтики, но жизнерадостное настроеніе нисколько не уменьши-

лось. Явились желающіе пожать что-нибудь у этой благодушной публики, собравшейся веселиться.

Подошли четыре „минестреля“, выряженные неграми, и, коверкая языкъ, запѣли шуточные куплеты. Какой-то чисто одѣтый, гладкій, хорошо откормленный мужчина съ актерскимъ лицомъ сталъ изображать Наполеона, Чэмберлэна, лорда Биконфильда, Гладстона, затѣмъ старуху, которая заснула въ церкви и проглотила муху. Весь свой реквизитъ, т. е. старую шляпу, чепчикъ и нѣсколько накладныхъ бородъ и усовъ мужчина вытаскивалъ изъ бокового кармана.

— Вы что горюете? — нервно заерзалъ Хацкель. — Вы на этого человѣка смотрите! Это, говорятъ люди,—настоящій актеръ. Деньги хорошія получалъ на сценѣ. Теперь безъ работы. Квартиры не имѣетъ. И вотъ паясничаетъ на улицѣ. Ввa! Что за машина Лондонъ! Если ты смѣлый человѣкъ, выждалъ моментъ и хорошо прыгнулъ, — на самый верхъ поднимешься. Не потрафилъ чуть-чуть — колесо тебя изрѣжетъ въ куски, выброситъ, какъ тряпку, и никто даже не замѣтитъ, что человѣкъ пропалъ!—Но тутъ сентенція оборвалась.

Открыли двери въ „питъ“, хвостъ сталъ вползать туда. Явилась возможность добраться до актерскихъ дверей. Черезъ двѣ минуты труппа Самоварова была уже въ уборной, а еще черезъ нѣсколько минутъ загриммирована и переодѣта. Теперь она жалась кучкой за кулисами, дожидаясь сигнала режиссера. Пѣвцы и пѣвицы жестоко робѣли, прислушиваясь къ смѣху, женскимъ взвизгиваніямъ и свисткамъ, доносившимися изъ-за занавѣса изъ полуосвѣщенной залы. Даже храбрившійся все время Хацкель теперь дрожащей рукой гладилъ все время громадные казацкіе усы, которые ему только что налѣпили. Благовѣстникъ раздвинулъ ноги, понурилъ голову и выражалъ всей фигурой полную безпомощность. Лудильщикъ, которому сильно нарумянили щеки, вычернили бороду и надѣли лохматый парикъ, качался, какъ на молитвѣ, и шепталъ что-то. Миссъ Голда и миссъ Перлъ дрожали отъ страха и, въ то же время, сгорали отъ стыда: онѣ все присѣдали, чтобы юбки, едва прикрывавшія колѣни, казались длиннѣе. Бенціонъ, попрежнему былъ мраченъ, какъ туча. О костюмахъ труппы стоитъ сказать нѣсколько словъ. Лудильщика вырядили въ кучерскую плисовую безрукавку, обшитую позументами, въ широкія бархатныя шаровары съ золотыми позументами и въ высокіе лакированные сапоги. На остальныхъ мужчинахъ были фантастическіе малороссійскіе костюмы, на которые, для блеска, нашили много галуновъ. Дѣвицамъ дали гусарскіе сапоги со шпорами, короткія юбки, испанскія болеро, обшитыя галунами и бубенчиками, а на головы—родъ громадныхъ кокошниковъ, вершковъ въ десять въ вышину.

Мимо проходили готовые къ выходу акробаты, накинувшіе для

тепла поверхъ трико большіе платки, красноносые клоуны въ безконечныхъ шароварахъ и сюртукахъ, съ крошечными цилиндрами на рыжихъ парикахъ; какіе-то люди, выряженные не то турками, не то маврами: въ бѣлыхъ балахонахъ, въ зеленыхъ атласныхъ шароварахъ и въ красныхъ курткахъ. Толстый курносый режиссеръ, во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, суетившійся на сценѣ, замѣтивъ пріунывшую „труппу Самоварова“, бросилъ имъ на ходу нѣсколько словъ, изъ которыхъ Хацкель понялъ только—„Cheer up!“ (Смѣлѣе!).

— Що вінъ каже?—спросилъ Благовістныкъ.

— Говоритъ, нечего робѣть. Нужно быть смѣлѣе, потому мы, навѣрное, будемъ имѣть успѣхъ,—перевелъ Бенціонъ.—Режиссеръ говоритъ еще, что пѣніе миссъ Голды и миссъ Перлъ особенно понравится.

— Боже мій!—вздохнулъ Благовістныкъ, — ліпше мні було-бъ, колибъ тутъ сиділи не англичане, а турки зъ рушницями! Воювать, мабудь, не такъ важко, якъ танцювать тай співать!

Но вотъ за кулисами сразу стало свѣтлѣе. Занавѣсъ поднялся, и въ залѣ засверкали всѣ люстры. У труппы Самоварова отъ страха ноги подогнулись, какъ будто онѣ были изъ ваты. Прямо предъ собою изъ-за кулисъ танцоры видѣли громадный залъ, тысячи внимательныхъ глазъ и потныя лица, выраженіе которыхъ казалось Хацкелю необыкновенно злобнымъ и выжидающимъ. „Насъ дожидаются!“—сверкнуло почему-то въ головѣ Хацкеля. Публика была, дѣйствительно, нѣсколько раздражена. Во-первыхъ, многіе въ „питѣ“ не нашли мѣстъ, во-вторыхъ, между матросами и солдатами произошло легкое недоразумѣніе. Сгущалась та атмосфера, которая на континентѣ, гдѣ полиція дежуритъ въ театрѣ, разражается противъ нея скандаломъ съ протоколомъ, а въ Англіи, гдѣ „бобби“ (городовые) не имѣютъ права входить въ театры,—обыкновенно кончается нѣсколькими лишними свистками.

Нѣсколько раздраженныхъ людей, безъ всякой причины, стали свистать восточному фокуснику, когда одна тарелка, которую онъ пустилъ по раскрытому зонтику, слека зашаталась. Но остальная публика крикнула свистѣвшимъ.

— It is not fair play. Give him a chance! (Это несправедливо. Дайте ему возможность показать себя!) И фокусникъ, дѣйствительно, показалъ себя! По раскрытому зонтику покатилось нѣсколько тарелокъ, изъ которыхъ, поочередно, то лилась вода, то вылеталъ огонь. Свѣчи въ канделябрахъ то загорались, то потухали, то превращались въ растенія или въ живыхъ голубей. Тѣ, которые кричали: „give him a chance!“ — теперь апплодировали,—въ особенности, когда подручникъ фокусника, красноносый клоунъ въ безконечномъ сюртукѣ, забралъ и съѣлъ всѣ свѣчи. Недовольные молчали. Они не свистали, но и не апплодировали. Раздраженіе не разсѣялось; оно только вошло во

внутрь. Слѣдующій выходъ еще меньше далъ возможность недовольнымъ свистать. По программѣ номеръ назывался: „Самый лѣнивый жонглеръ въ мірѣ“. Дѣйствительно, когда занавѣсъ поднялся, жонглеръ лежалъ въ постели, закутавшись съ головой въ одѣяло. Задребезжалъ стоявшій у постели на столикѣ будильникъ. „Самый лѣнивый жонглеръ въ мірѣ“ проснулся, высунулъ голову изъ одѣяла, схватилъ туфлю, шлепнулъ ею по будильнику, такъ что тотъ разлетѣлся въ дребезги, и опять залѣзъ подъ одѣяло. Въ залѣ раздались апплодисменты. Женщины даже взвизгнули отъ восторга. Затѣмъ жонглеръ разстался, наконецъ, съ постелью и, въ бѣльѣ, сталъ отыскивать что-то подъ кроватью и въ шкафу ночного столика. Снова раздался визгъ. Жонглеръ, наконецъ, нашелъ, что искалъ—туфлю и сталъ подбрасывать сперва умывальную лоханку, потомъ кувшинъ и тарелки. Дѣло не спорилось. Жонглеру хотѣлось спать, и онъ, каждый разъ къ великому удовольствію зрителей, забирался подъ одѣяло. Лоханка и кувшинъ падали на землю, а жонглеръ, выпрыгнувъ изъ постели, разбивалъ ихъ молоткомъ. И чѣмъ больше появлялось черепковъ на сценѣ, тѣмъ бѣшенѣе становился восторгъ публики. Лѣнивый жонглеръ потомъ нацѣпилъ усы и бороду изъ крученой проволоки, подбросилъ нѣсколько рѣпокъ и поймалъ ихъ на усы. Затѣмъ онъ предложилъ кому-нибудь изъ публики бросить ему рѣпку, чтобы и ее поймать на усы. Рѣпка, однако, вмѣсто усовъ, попала въ лобъ жонглеру, который свалился, при чемъ все бѣлье треснуло, такъ что жонглеръ остался въ трико. При этомъ въ оркестрѣ загудѣли всѣ барабаны. Жонглеръ, придерживая спадавшее бѣлье, полѣзъ подъ одѣяло. Раздались продолжительные апплодисменты.

А въ „питѣ“ недоразумѣніе между солдатами и матросами увеличивалось. Какой-то бритый морякъ, въ широчайшихъ штанахъ, болтавшихся надъ башмаками, какъ подолы юбки, все доказывалъ солдату, затянутому, какъ въ корсетѣ, что отбивать „душенекъ“—подлость. Матросъ только что возвратился изъ Вальпарайзо и встрѣтилъ въ мюзикъ-холлѣ свою душеньку объ руку съ солдатомъ. Были такіе, которые приняли сторону матроса. Были и такіе, которые заступились за солдата. На улицѣ или на площади недоразумѣніе быстро разрѣшилось бы поединкомъ, т. е. хорошимъ боксомъ; но въ „питѣ“ драться не позволяла корпоративная честь и присутствіе „душенекъ“. Недовольство копилось и искало выхода. Матросы и солдаты хотѣли бы теперь, чтобы кто-нибудь на сценѣ осрамился, провалился съ позоромъ, такъ, чтобы можно было затюкать его, оглушить свистками, забросать яблоками, картофелемъ, гнилыми яйцами и томатами. А между тѣмъ, и третій номеръ не явился громоотводомъ. Выступили два борца, въ трико, въ коротенькихъ штанишкахъ, вродѣ купальныхъ. У одного борца штанишки были сшиты изъ

американскаго знамени, у другого—изъ краснаго полотна съ полулуніями. То были герои лондонскихъ народныхъ мюзикъ-холловъ: американскій силачъ Билли Пипкинъ и „страшный турокъ“ Ахметъ Мадрили, „чэмпіонъ его величества султана Абдулъ-Гамида“. Бойцы пожали другъ другу руки, затѣмъ сплелись и стали жать одинъ одного. Англійскій народъ можетъ часами любоваться на борьбу. Солдаты и матросы на время забыли про ссору и, затаивъ дыханіе, слѣдили за борьбой. Раздавались только отрывистыя восклицанія:

— Впередъ, Билли.

— Нажимай, Ахметъ! Не робѣй.

Но вотъ Билли сжалъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, турка, поднялъ его, причемъ отъ страшнаго напряженія лицо американца посинѣло, а двуглавыя мышцы напружились, какъ шары, и бросилъ на полъ.

— Побѣжденъ!—крикнули въ залѣ.

— Нѣтъ еще! Какое! Одно только плечо касается пола.

Билли всею своею громадною тяжестью навалился на турка, стараясь прижать его, по правиламъ, обоими плечами къ землѣ. Ахметъ барахтался. Черные глаза его сверкали злобой, зубы оскалились. Казалось, два троглодита ведутъ между собою смертельный бой. Но вотъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Турокъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, подкинулъ американца, повалился на него и придавилъ къ полу. Билли вынесли за кулисы, такъ какъ онъ упалъ въ обморокъ, и здѣсь отлили водой.

Въ залѣ апплодировали, кричали *ура* въ честь турка, женщины визжали отъ восторга...

— Труппа Самоварова, готовься! — крикнулъ режиссеръ. У мужчинъ и женщинъ сердце, какъ будто, оборвалось сразу. Между тѣмъ, занавѣсъ снова подняли, и музыка заиграла ритурнель. Подъ эти звуки вся труппа Самоварова должна была выскочить съ гикомъ (режиссеру казалось, что русскимъ пѣвцамъ, какъ и краснокожимъ, приличествуетъ военный кличъ) и присвистомъ. Впереди долженъ были пойти въ присядку отъ кулисъ къ рампѣ Хацкель, за нимъ Бенціонъ, потомъ Благовѣстныкъ, далѣе лудильщикъ съ большимъ бубномъ въ рукахъ. Мужчины имѣли наказъ выстроиться у рампы и дожидаться миссъ Голды и миссъ Перлъ, которыя, подбоченившись и игриво мотая головой, должны были подбѣжать къ нимъ. Затѣмъ уже слѣдовало пѣть. Все это репетировалось много разъ и, не смотря на жестокій страхъ, не вывалилось изъ памяти труппы. Когда ритурнель кончилась, и дирижеръ стукнулъ палочкой, Хацкель съ отчаянной рѣшительностью зайца, который знаетъ, что ему неминуемо слѣдуетъ выпалить изъ пистолета, зажмурилъ глаза, гикнулъ и, подбоченившись, выскочилъ на сцену. Онъ не слышалъ ни гика Бенціона, ни бубна лудильщика. Всѣ эти звуки потонули, какъ заглушается топотъ

коня громовыми раскатами. Случилось нѣчто ужасное. Объектъ для ненависти у недовольныхъ матросовъ и солдатъ сразу нашелся. Затаенное раздраженіе, накоплявшееся весь вечеръ, вылилось. Оно сконденсировалось еще зрѣлищемъ дерущихся людей. И когда труппа Самоварова показалась на сценѣ, въ залѣ раздался отчаянный, злобный вопль: „долой! Не нужно!“ Кричавшіе смутно понимали, что необходимъ какой-нибудь мотивъ, чтобы злобно обрушиться на этихъ странно наряженныхъ людей, которые только что выскочили изъ-за кулисъ. И поводъ такъ же быстро нашелся, какъ вырвался потокъ злобы.

Хацкель топтался на одномъ мѣстѣ. Благовѣстникъ широко раскрылъ руки, какъ бы спрашивая у аудиторіи: „за что?“ Лудильщикъ стоялъ, какъ пораженный громомъ, и только тихо бормоталъ слова молитвы: „внемли, Израиль, Господь нашъ — Господь единый!“ А публика входила все больше и больше во вкусъ скандала. Тысяча глотокъ тянули: „долой со сцены!“ Яблоки, апельсины и печеный картофель летѣли градомъ.

Кто-то швырнулъ на сцену палку. Кто-то метнулъ раскрытый складной ножъ, какой носятъ обыкновенно англійскіе матросы. Дѣло могло принять серьезный оборотъ, и занавѣсъ опустили. Запыхавшійся режиссеръ велѣлъ музыкѣ играть „Rule, Britannia.“ Сперва ничего нельзя было разслышать; но потомъ звуки патріотической пѣсни подѣйствовали успокоительно. Когда публика затихла, режиссеръ заявилъ, что „Труппа Самоварова“, согласно желанію зрителей, не выступитъ. Это сообщеніе было встрѣчено громкими аплодисментами.

А за кулисами труппа Самоварова стояла, какъ оцѣпенѣлая. Потомъ миссъ Голда и миссъ Перлъ стали горько плакать.

— За що? Хиба мы имъ щось зробылы? — наконецъ, началъ Ониско.

— Вы, Благовѣстникъ, христіанинъ, поэтому допытываетесь, когда бьютъ, за что именно,—горько началъ Хацкель.—А мы вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ привыкли къ этому.

— Что они кричали?—спросилъ и лудильщикъ.

— Видите ли,—саркастически объяснилъ Бенціонъ,—въ Кишиневѣ насъ били за то, что мы евреи, а здѣсь бьютъ за то, что хотятъ заступиться за насъ.

Дѣвушки плакали все сильнѣе и сильнѣе. Русскую труппу окружили клоуны, гимнасты и фокусники. Всѣ они сочувствовали горю товарищей, которыхъ прогнали со сцены, не давъ даже себя показать.

— Cheer up!—крикнулъ подкатившійся толстый режиссеръ.—Дѣло еще поправится. Антрепренеръ говоритъ, что если бы публика не взбѣсилась вы имѣли бы большой успѣхъ. Cheer up, misses! Cheer up, old chap!—хлопнулъ онъ по плечу лудиль-

щика, который все еще не рѣшался разстаться съ бубномъ.—У меня для васъ нѣчто хорошее. Завтра вы выступите въ другомъ нашемъ мюзикъ-холлѣ, въ сѣверномъ Лондонѣ. Тамъ вы, навѣрное, будете имѣть успѣхъ. А теперь антрепренеръ велитъ вамъ идти въ кассу получать по 10 шил. Cheer up!

И труппа Самоварова дѣйствительно воспрянула духомъ. Десять шиллинговъ, во всякомъ случаѣ, представляло уже нѣчто, что даже съ плохимъ знаніемъ англійскаго языка нетрудно было превратить въ ужинъ и въ ночлегъ. А впереди рисовались еще обезпеченные ужины и еще ночлеги....

Опытный антрепренеръ не ошибся. Труппа Самоварова, дѣйствительно, имѣла большой успѣхъ. Въ настоящее время, впрочемъ, изъ стараго состава остались въ ней только Хацкель, миссъ Голда и миссъ Перлъ. Хацкель теперь одѣтъ щеголемъ, питаетъ пристрастіе къ краснымъ жилетамъ съ черными мушками и каждый разъ ввертываетъ: „мы, артисты“. Ониско Благовѣстникъ работаетъ въ мебельной мастерской, получаетъ 35 шил. въ недѣлю, вполнѣ счастливъ, завелъ книжку въ сберегательной кассѣ и ведетъ переговоры съ „еврейскимъ Кукомъ“ о томъ, чтобы выписать жену и дѣтей изъ Широкой Гребли. Лудильщикъ нашелъ работу на фабрикѣ, гдѣ готовятся жестяныя коробки для консервовъ.

По субботамъ его можно видѣть въ черномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ. Съ Благовѣстникомъ онъ въ большой дружбѣ. Бенціонъ на первыя скопленныя деньги купилъ билетъ и уѣхалъ въ Канаду. У него свои широкіе планы, о которыхъ, быть можетъ, я разскажу когда-нибудь.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

I. Административныя распоряженія по дѣламъ печати за два послѣдніе мѣсяца.—II. Законодательство въ 1903—4 году.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія послѣдняго времени.—Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—IV. Смерть Н. Ѳ. Дубровина и В. А. Бильбасова.

I.

Возвращаясь къ своей, временно прервавшейся было, бесѣдѣ съ читателемъ о событіяхъ русской жизни, я долженъ прежде всего отмѣтить состоявшіяся за послѣднее время административныя распоряженія по дѣламъ печати. Распоряженія эти заключаются въ слѣдующемъ.

1) 19-го іюня 1904 г.: „на основаніи ст. 178 устава о цензурѣ и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости“.

2) 19 го іюля 1904 г.: „за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 19-го іюня текущаго года“.

Какъ сообщаетъ „Полтавскій Вѣстникъ“, харьковскимъ цензоромъ были вычеркнуты изъ каталога книгъ для внѣкласснаго чтенія учениковъ земскихъ школъ произведенія Гоголя, Марко-Вовчка, Станюковича и другихъ подобныхъ авторовъ. Полтавская уѣздная управа обжаловала дѣйствія цензора въ главное управленіе по дѣламъ печати, указавъ, что произведенія, зачеркнутыя цензоромъ, разрѣшены для внѣшкольнаго чтенія министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣ того управою было получено отъ харьковскаго цензора увѣдомленіе, что, согласно распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, „права“ зачеркнутыхъ авторовъ возстановляются, и сочиненія ихъ разрѣшаются для чтенія учениковъ земскихъ школъ *).

Въ „Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано предложеніе генералъ-губернатора сѣверо-западнаго края виленскому губернатору объ оказаніи содѣйствія распространенію среди мѣстнаго населенія издаваемаго съ 1884 года подъ редакціей директора виленской 1-й гимназіи „Виленскаго Календаря“, который „по направленію своему и содержанію помѣщаемыхъ въ ономъ статей имѣетъ весьма существенное значеніе для населенія края, такъ какъ изданіе это, съ одной стороны, имѣетъ цѣлью устранить

*) Цитирую по „Н. Времени“, 27 іюня 1904 г.

изъ обращенія среди народа появляющіеся въ достаточномъ количествѣ польскіе календари, распространеніе которыхъ не можетъ не быть признано нежелательнымъ, а съ другой—стремится къ разоблаченію всякаго рода вредныхъ вѣяній посредствомъ статей и очерковъ, по преимуществу мѣстнаго бытового и историческаго характера, дающихъ народу ясныя и точно опредѣленныя въ русскихъ интересахъ свѣдѣнія" *).

Въ Тифлисѣ мѣстный полицеймейстеръ сообщилъ чинамъ полиціи для соотвѣтствующихъ распоряженій, что министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178-й и п. 3-го примѣчанія къ ст. 175-й устава о цензурѣ и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., призналъ необходимымъ воспретить обращеніе въ публичныхъ библіотекахъ, общественныхъ читальняхъ и къ продажѣ на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, а равно чрезъ ходебщиковъ и офеней отпечатаннаго въ 1903 г. въ типографіи Гацегильдзе въ м. Квирилахъ Кутаисской губерніи съ разрѣшенія кавказскаго цензурнаго комитета грузинскаго календаря на 1904 годъ **).

Наконецъ, по словамъ „Бессарабца", главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило начальника Бессарабской губерніи, что министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить обращеніе изданной съ дозволенія предварительной цензуры брошюры „Китай или мы", отпечатанной въ 1904 г. въ г. Курскѣ въ типографіи бр. Н. и И. Ванныхъ. Съ своей стороны бессарабскій губернаторъ далъ знать объ этомъ полицеймейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ и предписалъ имъ отобрать всѣ экземпляры названной брошюры отъ книгопродавцевъ, изъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія и проч. ***).

Помимо того, по сообщеніямъ „Финляндской Газеты", главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Финляндіи за послѣдніе два мѣсяца приняты слѣдующія мѣры: 1) изданіе выходящей въ г. Гельсингфорсѣ газеты „Peivälehti" пріостановлено навсегда за помѣщенную въ № 121 названной газеты отъ 24 іюня текущаго года статью подъ заглавіемъ „Inhannuksena"; 2) газетѣ „Hufvudstadsbladet" дано предостереженіе, и на одинъ мѣсяцъ воспрещена выдача ея воскреснаго нумера: 3) изданіе выходящей въ г. Таммерфорсѣ газеты „Aamulehti" пріостановлено на одинъ мѣсяцъ; 4) выходящей въ г. Сенъ-Михелѣ газетѣ „Mikkel" дано письменное предостереженіе, и 5) выходящей въ г. Улеаборгѣ газетѣ „Kaiku" дано письменное предостереженіе.

---

*) Цитирую по „Н. Времени" 1 іюля 1904 г.
**) „Р. Вѣдомости", 16 іюля 1904 г.
***) Цитирую по „Кіевскимъ Откликамъ", 31 іюля 1904 г.

II.

Лѣтніе мѣсяцы обыкновенно являются у насъ временемъ опубликованія главнѣйшихъ законовъ, выработанныхъ въ теченіе зимней законодательной сессіи. Этотъ порядокъ былъ сохраненъ и въ настоящемъ году, и минувшее лѣто принесло съ собою обнародованіе нѣсколькихъ новыхъ законовъ, касающихся различныхъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни. Среди этихъ законовъ нѣтъ, правда, такихъ, которые имѣли бы особенно важное значеніе, но, взятые всѣ вмѣстѣ, они даютъ вполнѣ достаточный матеріалъ для сужденія о цѣляхъ и пріемахъ современнаго законодательнаго творчества. Съ этой точки зрѣнія мы и попытаемся разобраться въ опубликованныхъ до сихъ поръ итогахъ законодательства текущаго года.

Наиболѣе видное мѣсто среди послѣднихъ занимаютъ законодательные акты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ порядку государственнаго управленія. На нихъ мы прежде всего и остановимся и начнемъ съ измѣненій, созданныхъ въ органахъ центральнаго управленія.

Высочайше утвержденнымъ 22 марта мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ упразднены хозяйственный департаментъ съ состоявшими при немъ совѣщаніемъ по земскимъ дѣламъ и страховыми комитетомъ и отдѣломъ, медицинскій департаментъ съ эпидемическимъ отдѣломъ и одно изъ отдѣленій департамента общихъ дѣлъ. На мѣсто упраздненныхъ учрежденій тѣмъ же закономъ въ составѣ названнаго министерства созданы новыя—совѣтъ и главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленіе главнаго врачебнаго инспектора. Въ вѣдѣніе послѣдняго учрежденія отошли дѣла по медицинскому управленію и врачебно-санитарному надзору, тогда какъ вопросы, требующіе спеціальныхъ познаній, переданы въ вѣдѣніе медицинскаго совѣта, въ устройствѣ котораго въ свою очередь произведены нѣкоторыя, не особенно, впрочемъ, существенныя перемѣны. Что касается совѣта и главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, то на нихъ возложены „обязанности по высшему руководству, согласованію и направленію въ предѣлахъ, подлежащими законоположеніями установленныхъ, дѣятельности мѣстныхъ учрежденій по удовлетворенію хозяйственныхъ пользъ и нуждъ населенія“.

Проектъ указанныхъ перемѣнъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ оглашенъ въ печати еще въ концѣ прошлаго года, и на страницахъ „Русскаго Богатства“ тогда же было отмѣчено небольшое значеніе этихъ перемѣнъ, сводящихся къ чисто технической перестройкѣ административ-

ныхъ органовъ *). Тотъ же самый отзывъ приходится повторить и теперь, когда проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ обратился въ детально разработанный законъ, нисколько не измѣнивъ однако своей первоначальной сущности. Въ послѣднемъ не трудно убѣдиться, присмотрѣвшись къ главнымъ постановленіямъ, заключающимся въ законѣ 22 марта.

Вновь учреждаемый въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, согласно упомянутому закону, распадается на общее и особыя присутствія. Въ общемъ присутствіи совѣта предсѣдательствуетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго могутъ, впрочемъ, замѣнять его товарищъ или начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Въ составъ же общаго присутствія совѣта входятъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, его помощникъ, управляющіе отдѣлами главнаго управленія, непремѣнный членъ совѣта, главный врачебный инспекторъ, одинъ членъ отъ министерства финансовъ и одинъ отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, губернаторы по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ и члены изъ мѣстныхъ дѣятелей, въ числѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати. Члены совѣта изъ мѣстныхъ дѣятелей приглашаются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства, городскихъ головъ, ихъ товарищей и членовъ городскихъ управъ и земскихъ и городскихъ гласныхъ; въ званіи своемъ эти члены совѣта утверждаются высочайшею властью на три года каждый. Кромѣ того, въ засѣданія совѣта, по общему и по особымъ его присутствіямъ, могутъ, по усмотрѣнію предсѣдателя, быть приглашаемы всѣ вообще лица, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ для дѣла указаній, при чемъ эти лица участвуютъ въ рѣшеніи дѣлъ совѣтомъ на одинаковыхъ съ прочими его членами основаніяхъ. Общее присутствіе совѣта собирается ежегодно по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ назначаемые послѣднимъ сроки, и разсматриваетъ: 1) „предположенія объ изданіи новыхъ законовъ, инструкцій и общихъ распоряженій, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ законовъ, инструкцій и распоряженій по предметамъ хозяйственныхъ нуждъ и пользъ населенія, подвѣдомственнымъ, согласно дѣйствующему закону, министерству внутреннихъ дѣлъ и отнесеннымъ къ обязанностямъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства“, и 2) всѣ тѣ вопросы и дѣла, касающіеся дѣятельности мѣстныхъ учрежденій по удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ населенія, въ томъ числѣ и ходатайства земскихъ, городскихъ и иныхъ учрежденій, по какимъ министръ

*) „Русское Богатство“, 1903 г., № 11, „Хроника внутренней жизни“, стр. 183—6.

внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ имѣть заключеніе совѣта.

Особыхъ присутствій совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства учреждено четыре: по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по дѣламъ о народномъ здравіи и общественномъ призрѣніи, по дорожнымъ дѣламъ и по дѣламъ страхованія и противопожарныхъ мѣръ. Членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей въ этихъ особыхъ присутствіяхъ уже не полагается и въ составъ ихъ, помимо спеціально приглашаемыхъ предсѣдателемъ совѣта лицъ, входятъ лишь чины министерства внутреннихъ дѣлъ и представители вѣдомствъ, по соглашенію съ которыми названное министерство должно рѣшать нѣкоторыя изъ возложенныхъ на него дѣлъ мѣстнаго хозяйства. Главною задачею особыхъ присутствій и является разсмотрѣніе такого рода дѣлъ.

Въ свою очередь, главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства заключаетъ въ себѣ пять отдѣловъ: земскаго хозяйства, городского хозяйства, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, дорожнаго и пожарно-страхового. Дѣятельность всѣхъ этихъ пяти отдѣловъ должна объединяться властью начальника главнаго управленія, который пользуется правами и преимуществами товарища министра, завѣдующаго отдѣльною частью.

Какъ видно изъ сказаннаго, главное и, въ сущности, даже единственное значеніе закона заключается въ возможности нѣкотораго сокращенія междувѣдомственной переписки по дѣламъ мѣстнаго хозяйства путемъ установленія этой области непосредственныхъ сношеній между представителями министерства внутреннихъ дѣлъ и другихъ правительственныхъ вѣдомствъ. Что касается участія въ общемъ присутствіи совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства мѣстныхъ дѣятелей, то подобное участіе въ формѣ, намѣченной закономъ 22 марта, само по себѣ, конечно, не измѣнитъ бюрократическаго характера названной коллегіи и не внесетъ въ ея дѣятельность какихъ-либо новыхъ принциповъ. Занимая свои мѣста въ совѣтѣ по приглашенію центральной администраціи, мѣстные дѣятели и въ работахъ названнаго учрежденія, очевидно, явятся лишь помощниками администраціи, ею же избранными, а никакъ не выразителями и защитниками взглядовъ мѣстнаго общества. При такихъ условіяхъ, какъ практиковавшійся до сихъ поръ порядокъ „высшаго руководства, согласованія и направленія дѣятельности мѣстныхъ учрежденій“, такъ и результаты этого порядка, несомнѣнно, не испытаютъ сколько-нибудь серьезныхъ измѣненій, благодаря перемѣнамъ, произведеннымъ въ центральныхъ органахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ, принципъ, положенный въ основу этихъ перемѣнъ, за послѣдніе годы нашелъ себѣ широкое примѣненіе въ организаціи не только центральныхъ, но и мѣстныхъ учрежденій. Еще 2 апрѣля прошлаго года получилъ высочайшее утвержденіе

прошедшій черезъ Государственный Совѣтъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ земское дѣло въ девяти западныхъ губерніяхъ. Согласно этому закону, для управленія земскимъ хозяйствомъ въ каждой изъ названныхъ губерній должны быть образованы губернскій и уѣздные комитеты и губернская и уѣздныя управы по дѣламъ земскаго хозяйства, причемъ губернскимъ комитетамъ присвоивается въ этой области распорядительная власть, уѣзднымъ комитетамъ передается обсужденіе важнѣйшихъ дѣлъ, а исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніи на губернскую управу и въ уѣздахъ—на уѣздныя. Комитеты составляются изъ представителей всѣхъ правительственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и изъ „земскихъ гласныхъ“ въ числѣ двухъ отъ каждаго уѣзда; впрочемъ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, по ходатайствамъ комитетовъ, увеличивать въ случаѣ надобности число гласныхъ отъ отдѣльныхъ уѣздовъ до пяти. На каждую должность земскаго гласнаго губернаторъ, по соглашенію съ губернскимъ и уѣздимъ предводителями дворянства, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ не менѣе двухъ лицъ изъ среды мѣстныхъ жителей, состоящихъ плательщиками земскихъ сборовъ, т. е. изъ владѣльцевъ недвижимостей или промышленныхъ и торговыхъ заведеній. Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ назначать земскихъ гласныхъ какъ изъ числа лицъ, представленныхъ ему губернаторомъ, такъ и изъ другихъ лицъ, удовлетворяющихъ указаннымъ выше условіямъ. Губернская управа по дѣламъ мѣстнаго хозяйства составляется изъ предсѣдателя и трехъ или пяти членовъ, причемъ и предсѣдатель, и члены ея назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ лицъ, пользующихся правомъ государственной службы. Наконецъ, уѣздныя управы по дѣламъ земскаго хозяйства, согласно закону 2 апрѣля 1903 г., образуются, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго исправника, одного изъ податныхъ инспекторовъ уѣзда по назначенію управляющаго казенною палатою, двухъ земскихъ гласныхъ отъ уѣзда изъ числа входящихъ въ составъ губернскаго комитета по назначенію послѣдняго и непремѣнныхъ членовъ управы, число которыхъ въ каждомъ уѣздѣ опредѣляется особо. Такимъ образомъ, законъ 2 апрѣля 1903 г. оставилъ дѣло земскаго хозяйства въ западныхъ губерніяхъ въ завѣдываніи бюрократическихъ коллегій, подвергнувъ лишь послѣднія нѣкоторому преобразованію и усиливъ ихъ составъ небольшимъ числомъ мѣстныхъ жителей по выбору губернской или центральной администраціи.

Въ теченіе прошлаго года порядокъ, созданный закономъ 2 апрѣля, былъ примѣненъ въ губерніяхъ Витебской, Могилевской и Минской. Въ настоящемъ году Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о введеніи

въ дѣйствіе названнаго закона въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, положилъ ввести его въ дѣйствіе въ этихъ губерніяхъ съ 1 мая 1904 года. 26 апрѣля это мнѣніе Государственнаго Совѣта получило высочайшее утвержденіе, и минувшимъ лѣтомъ въ губерніяхъ юго-западнаго края уже начали дѣйствовать вновь образованныя учрежденія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. „Важное значеніе новыхъ органовъ для губерній юго-западнаго края—писалъ по этому поводу кіевскій корреспондентъ „Н. Времени"—не подлежитъ сомнѣнію. Они должны внести новую струю въ мѣстную жизнь и способствовать разрѣшенію множества вопросовъ, стоящихъ на очереди. При добромъ желаніи новые органы могутъ принести краю громадную пользу. Хотя гласные въ губерніяхъ юго-западнаго края не выборные, но имъ предоставлена полная возможность вникать во всѣ нужды мѣстнаго населенія и содѣйствовать разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ. Кто знаетъ юго-западный край, прекрасно знакомъ съ плохимъ состояніемъ дорогъ, слабой постановкой дѣла начальнаго образованія, неудовлетворительной постановкой медицинской, санитарной, ветеринарной частей. Въ этомъ отношеніи земскія губерніи до послѣдняго времени имѣли громадное преимущество надъ губерніями юго-западнаго края. Новые органы призваны заполнить всѣ эти пробѣлы. Нужно надѣяться, что они оправдаютъ эти ожиданія" *).

Большая часть органовъ мѣстной прессы далеко не раздѣляетъ, однако, этихъ розовыхъ надеждъ и упованій легко воспламеняющейся столичной газеты, и надо сознаться, что въ дѣйствительности для такихъ надеждъ имѣется очень мало основаній. Главнымъ стимуломъ къ преобразованію учрежденій, вѣдавшихъ дѣло мѣстнаго хозяйства въ западныхъ губерніяхъ, послужило крайне неудовлетворительное состояніе этого хозяйства въ западномъ краѣ по сравненію съ тѣми губерніями коренной Россіи, въ которыхъ дѣйствуютъ выборныя земскія учрежденія. Но послѣднія все-таки не были введены въ западномъ краѣ, и его мѣстное хозяйство въ результатѣ совершеннаго преобразованія по прежнему осталось въ рукахъ бюрократическихъ учрежденій, лишь нѣсколько переиначенныхъ и перестроенныхъ, но во всякомъ случаѣ поставленныхъ внѣ всякой связи съ массою мѣстнаго населенія. Даже большинство „земскихъ гласныхъ" въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ юго-западныхъ губерній оказалось назначеннымъ изъ среды мѣстныхъ чиновниковъ. Такой характеръ новыхъ учрежденій, призванныхъ быть своего рода суррогатомъ земства, несомнѣнно, предопредѣлитъ собою и направленіе ихъ дѣятельности въ сферѣ мѣстнаго хозяйства. Лишенные всякой прямой и непосредственной связи съ массою мѣст-

*) „Н. Время", 6 іюля 1904 г.

наго населенія, они едва ли смогутъ вполнѣ войти въ ея нужды и интересы и самостоятельно разобраться въ нихъ, но тѣмъ съ большею энергіей, надо думать, будутъ слѣдовать указаніямъ тѣхъ лицъ и органовъ администраціи, въ исключительную зависимость отъ которыхъ они поставлены закономъ. Съ другой стороны, не трудно предугадать, что такого рода указанія направятъ дѣятельность вновь организованныхъ учрежденій на путь, во многомъ отличный отъ того, какимъ идетъ работа выборнаго земства. Въ признакахъ этого уже и теперь нѣтъ недостатка.

Въ виду введенія въ юго-западномъ краѣ новаго порядка управленія земскимъ хозяйствомъ по закону 2 апрѣля 1903 г. кіевскій генералъ-губернаторъ счелъ нужнымъ въ особомъ циркулярѣ на имя кіевскаго, подольскаго и волынскаго губернаторовъ преподать новымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ основныя руководящія указанія относительно предстоящей имъ дѣятельности. Задача названныхъ учрежденій, по словамъ этого циркуляра, будетъ выполнена „только тогда, когда будутъ приняты всѣ мѣры къ общему культурному развитію населенія въ связи съ развитіемъ его промышленной дѣятельности“. Обращаясь къ ближайшему опредѣленію путей, ведущихъ къ такой цѣли, авторъ циркуляра, слѣдуя тому правилу, что „лучшимъ учителемъ для всякаго вновь возникающаго учрежденія является исторія дѣятельности аналогичнаго съ нимъ учрежденія“, прежде всего вспоминаетъ сорокалѣтній опытъ земскихъ учрежденій въ центральныхъ губерніяхъ. „Исторія дѣятельности этихъ учрежденій—говорится въ циркулярѣ—поучительна. На долю первыхъ земскихъ учрежденій выпала крупная созидательная работа. Первому земству приходилось создавать заново учрежденія, вѣдающія благоустройство и благосостояніе ввѣренныхъ ему мѣстностей, и первые дѣятели земства создали огромную работу общественно-административнаго характера. Путемъ вдумчивой и обоснованной на точномъ знаніи мѣстныхъ условій дѣятельности имъ удалось создать соотвѣтствующую организацію земской медицинской помощи населенію, народнаго образованія, народнаго продовольствія, страхового дѣла, ветеринарнаго, дорожнаго и т. д. Въ дальнѣйшемъ, начиная съ 80-хъ годовъ, почти всѣ земства приступили къ статистико-экономическому обслѣдованію подлежащихъ губерній для выясненія состоянія промышленной дѣятельности населенія таковыхъ. Эта работа земства указала на неотложность мѣропріятій, направленныхъ къ широкому и всестороннему развитію промышленной дѣятельности. Правильность такого вывода особенно подтвердилась послѣ 90-хъ годовъ, когда значительный недородъ хлѣбовъ въ большинствѣ губерній обнаружилъ экономическую безпомощность населенія въ самостоятельной борьбѣ

съ постигшимъ его бѣдствіемъ и потребовалъ отъ правительства чрезвычайныхъ затратъ на продовольственныя нужды".

Сочувственное отношеніе къ дѣятельности земскихъ учрежденій не соединяется, однако, въ циркулярѣ кіевскаго генералъ-губернатора, какъ этого можно было бы ожидать, съ предложеніемъ слѣдовать примѣру названныхъ учрежденій. Напротивъ, для хозяйственныхъ учрежденій юго-западнаго края въ циркулярѣ генералъ-губернатора намѣчается нѣсколько иной путь. Этимъ учрежденіямъ, по словамъ циркуляра, „не предстоитъ той огромной первоначальной работы, которая выпала на долю земскихъ учрежденій въ земскихъ губерніяхъ". Новому управленію земскимъ хозяйствомъ въ юго-западномъ краѣ „надлежитъ лишь развивать таковое въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни", такъ какъ въ краѣ имѣются уже школы и больницы, существуютъ страховые капиталы и сельскіе пожарные обозы, есть мощеныя и шоссированныя дороги. Наряду съ этимъ циркуляръ предлагаетъ первымъ дѣятелямъ управленія земскимъ хозяйствомъ въ юго-западномъ краѣ обратить „особое вниманіе" на „воспособленіе мѣстному сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности", причемъ для достиженія этой цѣли рекомендуются организація при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ по дѣламъ земскаго хозяйства агрономическихъ совѣтовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, при участіи опытныхъ агрономовъ, оказаніе широкой нравственной и матеріальной поддержки организаціи мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, устройство сельско-хозяйственныхъ школъ, снабженіе оборотнымъ капиталомъ земскихъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ и, наконецъ, принятіе мѣръ къ организаціи мелкаго народнаго кредита *).

Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ земскихъ губерніяхъ дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія почти всецѣло исходитъ изъ признанія необходимости прежде всего поднять общій культурный уровень массы населенія, въ далеко отставшихъ по своему развитію юго-западныхъ губерніяхъ главное вниманіе новыхъ хозяйственныхъ учрежденій предполагается сосредоточить на профессіональномъ образованіи и на мѣрахъ спеціальнаго характера. Въ виду общей постановки названныхъ учрежденій такого рода программа не является, конечно, чѣмъ-либо неожиданнымъ, но отъ осуществленія ея во всякомъ случаѣ нельзя ожидать тѣхъ плодовъ, какіе принесла съ собою въ другихъ мѣстахъ дѣятельность земства. Спеціальныя мѣры къ поднятію благосостоянія деревни могутъ получить настоящее значеніе только при наличности извѣстныхъ общихъ условій, которыя въ продиктованной новымъ хозяйственнымъ учрежденіямъ юго-западнаго

*) „Кіевскіе Отклики", 14 іюля 1904 г.

края программѣ остаются забытыми почти въ такой же мѣрѣ, въ какой были забыты они и при дѣйствіи въ этомъ краѣ прежнихъ учрежденій. Поэтому надо думать, что введеніе въ юго-западныхъ губерніяхъ новаго порядка управленія земскимъ хозяйствомъ не внесетъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ строй и характеръ послѣдняго въ указанной мѣстности и, тѣмъ болѣе, не создастъ въ общественной жизни этой мѣстности какихъ-либо новыхъ явленій.

По отношенію къ выборному земству настоящій годъ принесъ съ собою лишь одно узаконеніе въ видѣ высочайше утвержденнаго 2 февраля мнѣнія Государственнаго Совѣта объ измѣненіи порядка возбужденія ходатайствъ земскими учрежденіями. Согласно земскому положенію 1890 г., представленіе правительству, черезъ губернатора, ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ было отнесено къ вѣдомству губернскихъ земскихъ собраній, тогда какъ уѣздныя собранія могли лишь представлять губернскому свои предположенія о такихъ ходатайствахъ. Законъ 2 февраля нѣсколько измѣняетъ этотъ порядокъ въ смыслѣ предоставленія уѣзднымъ земствамъ большей самостоятельности, давая уѣзднымъ собраніямъ непосредственное право возбуждать передъ правительствомъ „ходатайства, касающіяся исключительно мѣстныхъ пользъ и нуждъ уѣзда“, и обязывая уѣздныя управы представлять такія ходатайства прямо губернатору, который будетъ направлять ихъ съ своимъ заключеніемъ въ подлежащія министерства. Цѣль новаго закона, несомнѣнно, заключается въ ослабленіи вліянія губернскаго земства на уѣздныя, но практическое значеніе вводимой перемѣны врядъ ли будетъ особенно серьезнымъ и едва ли она во многомъ измѣнитъ нынѣшнюю судьбу земскихъ ходатайствъ.

Помимо изложенныхъ преобразованій въ органахъ центральнаго и мѣстнаго управленія текущій годъ ознаменованъ еще дальнѣйшимъ усиленіемъ нѣкоторыхъ изъ существующихъ административныхъ органовъ. Высочайше утвержденнымъ 19 апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, состоявшимся по представленію министерства внутреннихъ дѣлъ, постановлено учредить въ 22 губерніяхъ Европейской Россіи 95 новыхъ должностей земскихъ участковыхъ начальниковъ, въ томъ числѣ 29 должностей съ 1 іюля 1904 года и 29—съ 1905 года. Другимъ узаконеніемъ, изданнымъ въ тотъ же самый день и составляющимъ также высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, введены, согласно представленію министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ дѣйствующія постановленія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, причемъ главная сущность этихъ измѣненій заключается въ пониженіи ценза, требуемаго отъ лицъ, желающихъ занять должность земскаго начальника.

Согласно изданному въ 1889 г. положенію о земскихъ участ-

ковыхъ начальникахъ, названная должность могла быть занята лицами, достигшими 25-лѣтняго возраста и получившими высшее образованіе или же прослужившими не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ предводителя дворянства, мирового судьи, мирового посредника или непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Лишь при недостаткѣ лицъ, удовлетворяющихъ такимъ требованіямъ, упомянутое положеніе разрѣшало замѣщать должности земскихъ начальниковъ лицами, обладающими только среднимъ образованіемъ. На практикѣ однакоже и это, значительно уже ослабленное, требованіе оказалось невыполнимымъ, благодаря недостатку соотвѣтствующихъ кандидатовъ на мѣста земскихъ начальниковъ. Тогда въ положеніе о земскихъ начальникахъ была введена, въ видѣ примѣчанія къ одной изъ его статей, новая серьезная оговорка. Согласно ей, министру внутреннихъ дѣлъ „временно, впредь до болѣе полнаго выясненія опытомъ затрудненій въ точномъ примѣненіи постановленій положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ объ условіяхъ для занятія сей должности", было предоставлено назначать на нее и такихъ лицъ, которыя не получили ни высшаго, ни средняго образованія, „но, по имѣющимся у министра свѣдѣніямъ, оказываются достойными занять должность земскаго начальника и обладающими достаточными познаніями для исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей". Какъ извѣстно, это право, предоставленное министру внутреннихъ дѣлъ, въ послѣдующіе годы нашло себѣ широкое примѣненіе при замѣщеніи должностей земскихъ начальниковъ. Въ настоящее время, послѣ 15-лѣтняго опыта, министерство внутреннихъ дѣлъ, повидимому, окончательно установило свой взглядъ на тѣ требованія, какимъ долженъ удовлетворять кандидатъ въ земскіе начальники, и результатомъ этого явился законъ 19 апрѣля.

Только что упомянутый законъ существенно понижаетъ размѣръ всѣхъ видовъ ценза, требуемаго отъ земскихъ начальниковъ. Лица, получившія высшее образованіе и имѣющія обусловленный новымъ закономъ служебный цензъ, могутъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, быть назначаемы на должность земскаго начальника уже по достиженіи ими 21 года. Съ другой стороны, новымъ закономъ имущественный цензъ, требуемый отъ мѣстныхъ дворянъ, получившихъ лишь среднее образованіе, приравнивается къ такому же цензу лицъ, обладающихъ высшимъ образованіемъ, тогда какъ по положенію 1889 г. первые должны были располагать вдвое большимъ имущественнымъ цензомъ, чѣмъ вторые. Еще болѣе существенному пониженію подверглись требованія служебнаго ценза, замѣняющаго для кандидатовъ въ земскіе начальники цензъ образовательный. Согласно новому закону, на должности земскихъ начальниковъ, помимо лицъ, имѣющихъ образовательный цензъ, могутъ быть назначаемы лица, слу-

жившія въ губерніи предводителями дворянства, причемъ срокъ этой службы въ законѣ вовсе не опредѣленъ, или лица, прослужившія не менѣе года въ должностяхъ мирового посредника, мирового или городского судьи, предсѣдателя земской управы, предсѣдателя губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства, непремѣннаго члена губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдателя уѣзднаго съѣзда, коммиссара или чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, крестьянскаго начальника либо непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, или, наконецъ, лица, состоявшія не менѣе года кандидатами на должность земскаго начальника. Кромѣ того, такое же право имѣютъ лица, которыя „достигли на государственной службѣ положенія, свидѣтельствующаго о достаточной подготовкѣ ихъ для исполненія обязанностей земскаго начальника“. За отсутствіемъ въ законѣ всякихъ указаній на то, каково именно должно быть это „положеніе“, оно, очевидно, будетъ опредѣляться тѣми лицами, отъ которыхъ зависитъ назначеніе земскихъ начальниковъ, и такимъ образомъ къ этимъ лицамъ перейдетъ то самое полномочіе, какое прежнимъ закономъ было временно предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. Въ конечномъ же итогѣ законъ 19 апрѣля, еще болѣе понизивъ и безъ того скромныя требованія, предъявлявшіяся къ кандидатамъ въ земскіе начальники, тѣмъ самымъ открываетъ еще болѣе широкій доступъ къ этой должности лицамъ, не обладающимъ ни образованіемъ, ни сколько-нибудь серьезнымъ опытомъ въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ.

Наряду съ этимъ въ законѣ 19 апрѣля имѣется и нѣсколько постановленій иного характера. Новый законъ упраздняетъ существовавшія до сихъ поръ должности кандидатовъ къ земскимъ начальникамъ, состоявшихъ въ числѣ не болѣе двухъ при уѣздныхъ съѣздахъ. На мѣсто упраздненной должности создана, впрочемъ, другая, въ значительной мѣрѣ аналогичная прежней: при губернскихъ присутствіяхъ и при уѣздныхъ съѣздахъ, по новому закону, состоятъ кандидаты на должность земскихъ начальниковъ, причемъ количество подобныхъ кандидатовъ въ законѣ не установлено, и, слѣдовательно, будетъ опредѣляться администраціей. Такими кандидатами, по общему правилу, могутъ быть назначаемы лица, получившія только среднее образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ лицо, прослужившее годичный срокъ въ должности кандидата, пріобрѣтаетъ право на занятіе должности земскаго начальника. Вообще кандидатамъ не полагается постояннаго жалованья, но „за усердную и полезную службу“ имъ могутъ быть присваиваемы штатные оклады содержанія. Въ свою очередь земскимъ начальникамъ за усердную и полезную службу могутъ быть назначаемы дополнительные оклады содержанія. Для этой цѣли уже съ 1 іюля 1904 г. устанавливается 100 штатныхъ окла-

довъ содержанія кандидатовъ на должность земскаго начальника по 800 руб. въ годъ каждый. Кромѣ того, въ ближайшемъ будущемъ устанавливаются еще 72 штатныхъ оклада содержанія кандидатовъ на должность земскаго начальника по 800 руб. и 850 дополнительныхъ окладовъ содержанія земскихъ начальниковъ по 600 руб. каждый. Въ связи съ указаннымъ выше увеличеніемъ числа земскихъ начальниковъ, эта мѣра должна увеличить ежегодный расходъ государства на содержаніе мѣстныхъ административныхъ органовъ болѣе, чѣмъ на 700.000 руб. Наконецъ, помимо возможнаго увеличенія жалованья, законъ 19 апрѣля обѣщаетъ земскимъ начальникамъ и другого рода выгоды. Согласно этому закону, мѣста вице-губернаторовъ, равно какъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ и по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій и губернскихъ присутствій по воинской повинности, впредь должны замѣщаться по преимуществу лицами, прослужившими не меньше трехъ лѣтъ въ качествѣ земскаго начальника или въ одной изъ слѣдующихъ должностей: предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, предсѣдателя управы по дѣламъ земскаго хозяйства и совѣтника губернскаго правленія.

Послѣднія постановленія, очевидно, предназначены къ тому, чтобы повысить привлекательность должности земскаго начальника. Врядъ ли, однако, такая цѣль можетъ быть достигнута при ихъ посредствѣ. Установленіе прибавокъ къ жалованью „за усердную и полезную службу“, несомнѣнно, сдѣлаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должность земскаго начальника болѣе выгодною въ матеріальномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой порядокъ еще болѣе усилитъ зависимость лицъ, занимающихъ эту должность, отъ ихъ непосредственнаго начальства, а это обстоятельство едва ли подниметъ ея престижъ въ глазахъ людей, дорожащихъ служебной самостоятельностью. Съ другой стороны, разсчитывать на дѣйствительную возможность занятія вице-губернаторской должности будутъ въ состояніи, конечно, лишь очень немногіе изъ земскихъ начальниковъ. Въ виду этого льготы, обѣщаемыя земскимъ начальникамъ закономъ 19 апрѣля, врядъ ли окажутъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе на личный составъ названнаго института въ смыслѣ поднятія уровня этого состава, тѣмъ болѣе, что установленное тѣмъ же закономъ пониженіе ценза, требуемаго отъ кандидатовъ въ земскіе начальники, будетъ дѣйствовать въ совершенно противоположномъ направленіи.

Чтобы закончить перечень законодательныхъ актовъ текущаго года, имѣющихъ отношеніе къ порядку управленія, намъ остается упомянуть еще о двухъ постановленіяхъ. Высочайше утвержденнымъ 25 іюня положеніемъ комитета министровъ срокъ дѣйствія введенной въ Екатеринославской губерніи усиленной охраны продолженъ еще на одинъ годъ, до 4 сентября 1905 года. Другимъ

положеніемъ комитета министровъ, получившимъ высочайшее утвержденіе въ тотъ же самый день, города Витебскъ и Двинскъ съ ихъ уѣздами также оставлены въ состояніи усиленной охраны до 4 сентября 1905 года. Къ охранѣ государственнаго порядка относится также и высочайше утвержденное 7 іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, но объ этой новеллѣ, не имѣющей въ сущности принципіальнаго значенія, мы не будемъ говорить здѣсь, разсчитывая, что читатели „Русскаго Богатства“ будутъ ознакомлены съ нею въ особой статьѣ.

Какъ видно изъ сдѣланнаго перечня, въ сферѣ вопросовъ государственнаго управленія законодательство текущаго года не отличалось особенно широкимъ размахомъ. Заботы законодателя въ этой средѣ сводились, главнымъ образомъ, къ дальнѣйшему усиленію существующей мѣстной администраціи, къ созданію новыхъ бюрократическихъ органовъ для завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ и къ поддержанію порядка путемъ продленія силы принятыхъ ранѣе мѣропріятій экстреннаго характера. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ законодательная политика настоящаго года составляетъ лишь прямое и непосредственное продолженіе такой же политики предшествовавшихъ лѣтъ, не заключая въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго.

Не болѣе богатые результаты дала законодательная сессія 1903—1904 года и въ области финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ. Къ этой послѣдней области относятся три вновь изданныхъ закона, изъ которыхъ два, касающіеся собственно финансовыхъ вопросовъ, были предварительно разработаны министерствомъ финансовъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и одинъ — особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Всѣ эти три закона имѣютъ ближайшее отношеніе къ жизни сельскаго населенія имперіи, причемъ первые два устанавливаютъ порядокъ взысканія недоимокъ по земскимъ сборамъ и продовольственнымъ долгамъ, а третій посвященъ „разъясненію узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни“. Въ такомъ порядкѣ мы и изложимъ содержаніе этихъ законовъ.

Высочайше утвержденнымъ 10 мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта недоимки земскихъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель объединены съ казенными недоимками. Согласно только что упомянутому закону, въ земскихъ губерніяхъ всѣ такого рода недоимки земскихъ сборовъ, числившіяся къ 1 января 1904 года, признаются казенными и, за исключеніемъ суммъ, начисленныхъ неправильно, числящихся неизвѣстно за какими обществами и явно безнадежныхъ къ поступленію, возмѣщаются подлежащимъ земствамъ изъ средствъ государственнаго казначейства въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ настоящаго

года. При этомъ постановлено въ 1904 году отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на возмѣщеніе такихъ недоимокъ наиболѣе нуждающимся въ средствахъ земствамъ одинъ милліонъ рублей, а дальнѣйшіе кредиты на эту цѣль, начиная съ 1905 года, отпускать въ смѣтномъ порядкѣ въ зависимости отъ состоянія средствъ государственнаго казначейства. Небольшая величина суммы, предназначенной къ отпуску земствамъ въ текущемъ году и не превышающей шести процентовъ всѣхъ недоимокъ земскаго сбора, лежащихъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, объясняется, надо думать, затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства въ виду событій русско-японской войны. Но земское хозяйство, въ свою очередь, крайне нуждается въ средствахъ и, чѣмъ бы ни вызывалась указанная недостаточность отпуска денегъ, предназначаемыхъ для возмѣщенія земству крестьянскихъ недоимокъ въ текущемъ году, она, по всей вѣроятности, чувствительно отразится на развитіи земскихъ мѣропріятій въ ближайшемъ будущемъ. Что касается общаго содержанія изложеннаго закона, то оно представляется естественнымъ выводомъ изъ установленнаго еще въ 1899 г. и подтвержденнаго въ 1903 г. правила, согласно которому земскіе сборы съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель вносятся нераздѣльно съ государственными. Порядокъ, установленный для взиманія земскихъ сборовъ, вполнѣ естественно было распространить и на недоимки, накопившіяся по этимъ сборамъ. Другой вопросъ, насколько такой порядокъ соотвѣтствуетъ интересамъ плательщиковъ данныхъ сборовъ. По сравненію съ бюрократическими органами мѣстной и центральной администраціи земскія учрежденія, несомнѣнно, обладаютъ значительно большей освѣдомленностью относительно хозяйственныхъ средствъ и платежныхъ силъ населенія. Между тѣмъ, законъ 10-го мая предоставляетъ земству лишь нѣкоторое участіе въ опредѣленіи той суммы недоимокъ земскихъ сборовъ, какая подлежитъ возмѣщенію въ его пользу, и затѣмъ совершенно устраняетъ земскія учрежденія отъ всякаго участія въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ мѣръ, принимаемыхъ по отношенію къ тѣмъ недоимкамъ, которыя признаны подлежащими взысканію. Съ другой стороны, и тѣ выгоды, какія обѣщаетъ новый законъ, если не въ этомъ, то въ слѣдующихъ годахъ, земскому хозяйству, избавляя послѣднее отъ необходимости считаться въ своемъ бюджетѣ съ невзысканными недоимками, не такъ значительны, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что земству, помимо крестьянскихъ недоимокъ, по большей части остававшихся невзысканными лишь вслѣдствіе полнаго разстройства хозяйства плательщиковъ, приходится имѣть дѣло и съ недоимками частныхъ землевладѣльцевъ, которые очень часто имѣютъ полную возможность уплатить ихъ, но не дѣлаютъ этого исключительно

въ виду отсутствія у земства средствъ понужденія къ такой уплатѣ. Эти недоимки, являющіяся, въ сущности, наиболѣе отяготительными для земскаго бюджета, и послѣ изданія закона 10 мая, касающагося только крестьянскихъ надѣльныхъ земель, остаются въ прежнемъ положеніи и по прежнему будутъ давить собою земское хозяйство.

Другой законъ текущаго года, касающійся недоимокъ и представляющій собою высочайше утвержденное 25 іюня положеніе комитета министровъ, говоритъ о порядкѣ взысканія продовольственныхъ долговъ по ссудамъ, выданнымъ до 1 января 1901 года, съ сельскихъ обывателей тѣхъ губерній, въ которыхъ введены временныя правила 12 іюня 1900 года. Подобно названнымъ правиламъ, новый законъ даетъ продовольственнымъ долгамъ преимущество передъ всѣми прочими сборами съ сельскихъ обывателей, исключая лишь страховыхъ платежей, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на сельскихъ обывателяхъ числятся продовольственные долги по ссудамъ, выданнымъ изъ разныхъ источниковъ, суммы, поступающія въ уплату этихъ долговъ, обращаются прежде всего въ возвратъ ссудъ изъ общественныхъ капиталовъ, затѣмъ въ капиталы губернскіе и, наконецъ, въ общеимперскій продовольственный капиталъ. Размѣръ же и сроки взысканія долговъ съ сельскихъ обывателей во всѣ продовольственные капиталы по ссудамъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, изъ какихъ бы источниковъ такія ссуды ни были выданы, по новому закону опредѣляются уѣздными съѣздами или съѣздами мировыхъ посредниковъ, сообразно платежной способности должниковъ и размѣру урожая даннаго года. При этомъ размѣръ взысканія устанавливается съ каждаго сельскаго общества, составляющаго особую окладную единицу по взиманію казенныхъ и земскихъ сборовъ, и такой размѣръ не долженъ превышать 25% причитающагося съ общества годового оклада названныхъ сборовъ. Впрочемъ, „при исключительно благопріятныхъ условіяхъ“ размѣръ взысканія разрѣшается увеличивать и до 50% оклада. Кромѣ того, въ отличіе отъ порядка, установленнаго временными правилами 1900 г., губернскимъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ предоставляется, по ходатайствамъ уѣздныхъ съѣздовъ и съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, съ обществъ, не платящихъ выкупныхъ платежей за полевую землю, разрѣшать взысканіе продовольственныхъ долговъ и въ размѣрѣ, превышающемъ 50% годового оклада казенныхъ и земскихъ сборовъ. Такимъ образомъ новый законъ какъ бы предполагаетъ господство исключительнаго благосостоянія въ средѣ крестьянскихъ обществъ, не обязанныхъ выкупными платежами за землю. „Но надо знать,—замѣчаютъ по этому поводу „Р. Вѣдомости“—что общества, не платящія выкупныхъ платежей, состоятъ по преимуществу изъ крестьянъ, получив-

шихъ минимальный дарственный надѣлъ и принадлежащихъ въ большинствѣ къ наиболѣе обездоленной части нашего сельскаго населенія" *). Въ свою очередь, и для остальныхъ группъ крестьянскаго населенія уплата недоимокъ по продовольственнымъ долгамъ въ размѣрѣ 50% и даже 25% годового оклада податей является весьма ощутительнымъ бременемъ. Къ тому же, главная часть этихъ недоимокъ накоплена еще при дѣйствіи закона о круговой порукѣ, тогда какъ въ настоящее время, за отмѣною этого закона, уплачивать ихъ приходится отдѣльнымъ домохозяевамъ, что едва ли можно признать вполнѣ справедливымъ. При такихъ условіяхъ единственно правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы сложеніе съ крестьянскаго населенія всей массы недоимокъ, не приносящей особой пользы государственному хозяйству и безцѣльно обременяющей собою хозяйство народное.

Громадная масса недоимокъ, тяготѣющихъ на крестьянскомъ населеніи, служитъ, быть можетъ, однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ показателей до-нельзя низкаго уровня благосостоянія современной русской деревни. Фактъ глубокаго разстройства русскаго крестьянскаго хозяйства является, впрочемъ, за послѣднее время общепризнаннымъ, но наряду съ этимъ нѣтъ недостатка и въ попыткахъ быстро поднять расшатавшееся благосостояніе деревни путемъ чрезвычайно простыхъ и легкихъ средствъ. Между прочимъ, и текущій годъ принесъ съ собою новую и крайне оригинальную попытку такого рода въ видѣ закона, изданнаго по почину особаго совѣщанія о сельскохозяйственныхъ нуждахъ и посвященнаго „разъясненію узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни". Законъ этотъ, въ противоположность обычно практикуемому у насъ порядку, опубликованъ вмѣстѣ съ вызвавшими его изданіе мотивами, благодаря чему является возможность оцѣнить намѣренія законодателя и провѣрить ихъ соотвѣтствіе съ текстомъ созданнаго для ихъ осуществленія закона.

Изъ мотивировки законодательнаго акта, о которомъ идетъ рѣчь, выясняется и его исторія. Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ внесъ на обсужденіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности вопросъ о вредномъ вліяніи, оказываемомъ на производительность земледѣльческаго труда въ Россіи чрезмѣрнымъ количествомъ праздниковъ, соблюдаемыхъ въ деревнѣ. Особое совѣщаніе нашло этотъ вопросъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія и передало въ Государственный Совѣтъ свои предположенія о необходимости разъяснить соотвѣтствующія статьи закона, въ цѣляхъ устраненія возможности неправильнаго ихъ толкованія. Съ своей сто-

*) „Р. Вѣдомости", 28 іюля 1904 г.

роны Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ это дѣло, „принялъ во вниманіе, что затронутый въ немъ вопросъ имѣетъ свою важность“. „Число празднуемыхъ сельскимъ населеніемъ дней—разсуждало послѣднее учрежденіе—дѣйствительно, чрезмѣрно. Считая работу въ такіе дни недозволенною, крестьяне проводятъ въ бездѣйствіи не только установленные церковью и высокоторжественные гражданскіе дни, но также и многочисленные мѣстные праздники, значительная часть коихъ даже не имѣетъ для себя основаній въ церковномъ уставѣ. При этомъ, по сложившимся въ крестьянской средѣ бытовымъ условіямъ, празднованіе нерѣдко соединяется съ разгуломъ, продолжающимся иногда далеко за предѣлы празднуемаго дня. Отсюда понятно, что число нерабочихъ дней достигаетъ въ сельскихъ мѣстностяхъ до 120 – 140 и даже болѣе въ годъ, причемъ на самое цѣнное для сельскохозяйственныхъ работъ время, съ апрѣля по сентябрь включительно, приходится до 77 праздниковъ. Невыгодныя для экономическаго преуспѣянія страны послѣдствія чрезмѣрнаго количества праздниковъ усугубляются у насъ еще тѣмъ, что во многихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе климатическихъ условій, весь оборотъ полевыхъ работъ долженъ быть завершенъ въ короткій срокъ. Между тѣмъ, всякое промедленіе въ ходѣ этихъ работъ, всякій въ неурочную пору перерывъ ихъ наноситъ неисчислимые убытки сельскому хозяйству, являющемуся главною основою народнаго благосостоянія. Такое явное пренебреженіе къ своимъ хозяйственнымъ выгодамъ и неправильное пониманіе населеніемъ, въ чемъ должно заключаться истинное почитаніе христіанскихъ праздниковъ, съ постепеннымъ расширеніемъ умственнаго кругозора народа отойдетъ, надо надѣяться, въ область минувшаго. На правительствѣ же лежитъ забота всемѣрно содѣйствовать распространенію въ средѣ сельскаго населенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія. Въ дѣйствительности, однако, ближайшіе къ народу представители власти не только не противодѣйствуютъ излишнимъ празднованіямъ, а напротивъ того, считаютъ своею обязанностью ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни никакихъ работъ не производилось. Такое отношеніе представителей власти къ работѣ въ праздничные дни объясняется неправильнымъ пониманіемъ дѣйствующаго закона“, въ которомъ „нѣтъ положительнаго постановленія, обязывающаго населеніе воздерживаться отъ производства въ праздничные дни по своей доброй волѣ какихъ-либо работъ“. Точный смыслъ толкуемыхъ иногда такимъ образомъ статей 23 и 24 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и статьи 300-й общаго учрежденія губернскаго въ сущности—„не допускаетъ предъявленія на основаніи ихъ какихъ-либо требованій объ обязательномъ воздержаніи отъ труда въ праздничные дни“. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, „широко распространенное не-

правильное пониманіе упомянутыхъ постановленій закона свидѣтельствуетъ о недостаточной ясности ихъ изложенія", и „эта неясность должна быть устранена въ законодательномъ порядкѣ".

Исходя изъ такихъ соображеній, Государственный Совѣтъ вполнѣ согласился съ существомъ намѣченнаго особымъ совѣщаніемъ правила, по которому „добровольное занятіе работою въ праздничные дни предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить въ семъ трудящимся какихъ-либо препятствій", и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ полезнымъ изложить это правило „такъ, чтобы оно не оставляло никакихъ сомнѣній въ томъ, что работать каждый воленъ во всѣ дни, и что, посвящая по свободному побужденію праздничный день не досугу, а труду, работающій не становится ни ослушникомъ церкви, ни нарушителемъ закона". Для большей же ясности, признано было также полезнымъ „исключить изъ пересматриваемыхъ статей закона правило о воспрещеніи производства въ праздничные дни публичныхъ работъ, такъ какъ оно, хотя и безъ всякихъ къ тому основаній, понимается многими въ смыслѣ недозволенія внѣшнихъ, производимыхъ на виду у всѣхъ, работъ, къ числу коихъ относятся почти всѣ сельскохозяйственныя работы", и „если бы оставить это постановленіе безъ измѣненія, то имѣющаяся въ виду цѣль не была бы достигнута". Въ виду всего изложеннаго Государственный Совѣтъ въ концѣ концовъ пришелъ къ мнѣнію, сформулированному въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: „добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданскіе предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся въ семъ какихъ-либо препятствій"; 2) исключить изъ статей 300-й общаго учрежденія губернскаго и 24-й устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій содержащееся въ нихъ указаніе на воспрещеніе производства въ воскресные и праздничные дни публичныхъ работъ. 10 мая текущаго года это мнѣніе Государственнаго Совѣта получило высочайшее утвержденіе и обратилось въ дѣйствующій законъ.

Нѣкоторые органы нашей прессы склонны придавать этому закону немаловажное положительное значеніе. При этомъ, такая оцѣнка дается новому закону одновременно съ двухъ, если не противоположныхъ, то во всякомъ случаѣ и не тожественныхъ, точекъ зрѣнія. „Новое Время" привѣтствуетъ законъ 10 мая, какъ попытку борьбы съ деревенскимъ празднолюбіемъ. „Чрезмѣрное обиліе праздниковъ и способъ ихъ празднованія—говоритъ газета г. Суворина—составляютъ такое ненормальное явленіе, что какъ-нибудь съ нимъ надо бороться. Каковъ бы ни былъ практическій результатъ новаго закона, этотъ послѣдній важенъ уже тѣмъ, что

онъ свидѣтельствуетъ о назрѣвшемъ сознаніи этой необходимости" *). Съ другой стороны, одна изъ серьезныхъ провинціальныхъ газетъ, „Кіевскіе Отклики", находитъ, что законъ 10 мая, „предоставляя каждому свободу располагать своимъ временемъ, какъ кому угодно, снимаетъ одно изъ тѣхъ лишнихъ путъ, которыя безъ нужды лежали на личности русскаго человѣка" **).

Въ дѣйствительности, однакоже, оба указанные взгляда на возможное значеніе новаго закона едва ли имѣютъ за себя достаточно серьезныя основанія. Существованіе въ народномъ быту такихъ явленій, какъ большее или меньшее количество праздниковъ, зависитъ не отъ какой-либо легко устранимой прихоти или случайности, а отъ цѣлаго строя жизни, который мудрено поколебать однимъ голымъ велѣніемъ закона, направленнымъ въ ту или другую сторону. Русскій крестьянинъ, несомнѣнно, празднуетъ больше крестьянина западно-европейскаго, но онъ и питается гораздо хуже послѣдняго. Оба эти явленія стоятъ въ тѣсной причинной связи другъ съ другомъ, причемъ такая связь носитъ характеръ, прямо обратный тому, какой предположенъ въ мотивахъ особаго совѣщанія и Государственнаго Совѣта. Изнурительный трудъ, соединенный съ крайне недостаточнымъ питаніемъ, создаетъ въ организмѣ работника непреодолимую потребность отдыха, которая и находитъ себѣ выраженіе въ деревенскихъ праздникахъ. Серьезное улучшеніе матеріальнаго благосостоянія русской деревни, которое позволило бы крестьянину работать безъ истощенія силъ, скорѣе всего уменьшило бы любовь ея къ праздникамъ, но создать такое улучшеніе, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ просто декретировать сокращеніе числа праздниковъ. Можно только думать, что подобное декретированіе въ виду указанной причины не будетъ сопровождаться особеннымъ успѣхомъ, и суровыя требованія жизни окажутся сильнѣе благожелательныхъ совѣтовъ законодателя.

Не болѣе удачнымъ представляется законъ 10 мая и въ томъ случаѣ, если разсматривать его не съ народно-хозяйственной, а съ правовой точки зрѣнія. Если бы законы заключали въ себѣ перечисленіе дѣйствій, дозволенныхъ гражданамъ государства, то, надо думать, ни у кого не хватило бы времени и возможности ни составить законодательные кодексы, ни запомнить ихъ содержаніе. Сообразно этому, въ основѣ всякаго законодательства лежитъ правило, по которому всѣ незапрещенныя закономъ дѣйствія считаются дозволенными. Между тѣмъ, законъ 10 мая какъ разъ нарушаетъ указанное правило, содержа въ себѣ лишь дозволеніе опредѣленныхъ дѣйствій—работы въ праздники,—и цѣль этого нарушенія остается не совсѣмъ ясной даже при знакомствѣ съ

*) „Новое Время", 28 мая 1904 г.
**) „Кіевскіе Отклики", 30 мая 1904 г.

опубликованными мотивами закона. Въ послѣднихъ указывается, правда, на широкое распространеніе неправильнаго пониманія прежней редакціи закона въ смыслѣ воспрещенія ею праздничныхъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщается, что строгое соблюденіе праздниковъ тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто со стороны самого крестьянскаго населенія, вызывалось не этимъ неправильнымъ пониманіемъ закона, а „явнымъ пренебреженіемъ къ своимъ хозяйственнымъ выгодамъ и неправильнымъ пониманіемъ, въ чемъ должно заключаться истинное почитаніе христіанскихъ праздниковъ". Во многихъ мѣстностяхъ, однако, сами крестьяне считали возможнымъ въ случаѣ необходимости работать и въ праздники, но такого рода работамъ ревностно препятствовали „ближайшіе къ народу представители власти", и въ этихъ-то случаяхъ выступало на сцену „неправильное пониманіе закона". Такимъ образомъ, въ разъясненіи послѣдняго нуждалось, собственно, не крестьянское населеніе, а органы мѣстной администраціи. Но разъясненіе, направленное въ эту сторону, едва ли требовалось облекать въ форму законодательнаго акта, тѣмъ болѣе, что и успѣхи новаго закона ожидаются, главнымъ образомъ, отъ „указаній, которыя будутъ преподаны мѣстнымъ властямъ въ порядкѣ управленія". Такого рода указанія, конечно, могли быть даны и при дѣйствіи прежняго закона, а еще болѣе вѣрнымъ путемъ къ прекращенію дѣйствій мѣстной администраціи, навязывавшей сельскому населенію неправильное пониманіе закона, было бы соотвѣтственное измѣненіе отношеній между нею и обывателями въ смыслѣ расширенія правъ послѣднихъ.

На замѣчаніяхъ относительно формы разъясненія закона можно было бы, конечно, не останавливаться, если бы эта форма не была тѣсно связана съ самымъ существомъ дѣла. Но въ данномъ случаѣ такая связь представляется совершенно несомнѣнной. Пойдя по пути, указанному особымъ совѣщаніемъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ, Государственный Совѣтъ придалъ своему разъясненію или, точнѣе говоря, вновь изданному закону такую форму, которая на практикѣ неизбѣжно должна породить серьезныя недоразумѣнія. Согласно тексту закона 10 мая, „добровольное занятіе работой" во всякаго рода праздничные дни предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо препятствій въ этомъ. Но съ точки зрѣнія юриста всякій трудъ, совершаемый на основаніи гражданскаго договора, является добровольнымъ, а право обязывать кого-либо принудительнымъ трудомъ при современномъ строѣ общества сохраняетъ за собою только государство. „Для большей ясности" новаго закона и этотъ принудительный трудъ, возлагаемый на арестантовъ, разрѣшается примѣнять въ праздничные дни. Такимъ образомъ, можно, какъ будто, заключить, что сила новаго закона распространяется на всѣ виды труда, и что всѣ власти обязаны отказаться отъ попытокъ какой-либо

охраны праздничнаго отдыха трудящихся. На дѣлѣ, однако, это не совсѣмъ такъ. Нѣкоторыя группы трудящихся, состоящія изъ фабрично-заводскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, не подпадаютъ подъ дѣйствіе новаго закона, такъ какъ ихъ право на праздничный отдыхъ охранено спеціальными узаконеніями, которыя остаются не отмѣненными и съ изданіемъ закона 10 мая. Кромѣ того, и изъ мотивировки названнаго закона ясно, что онъ имѣетъ въ виду только трудящихся въ сферѣ сельскаго хозяйства. Но среди этихъ послѣднихъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между лицами, работающими въ собственномъ хозяйствѣ, и наемными рабочими. И если въ средѣ первыхъ новый законъ можетъ разсчитывать лишь на весьма ограниченное дѣйствіе, то на судьбу вторыхъ онъ рискуетъ оказать крайне серьезное и при томъ рѣшительно неблагопріятное вліяніе. Уже очень скоро послѣ опубликованія закона 10 мая въ южныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что въ Таврической губерніи при наймѣ на сельскохозяйственныя работы обязательно требуется согласіе нанимающихся работать въ воскресные и праздничные дни, несоглашающихся же на такое условіе или вовсе не берутъ на работы, или нанимаютъ крайне дешево *). Вполнѣ возможно, что такія же явленія повторятся и въ другихъ мѣстностяхъ, и не будетъ, пожалуй, ничего особенно удивительнаго, если „ближайшіе къ народу представители власти“, получивъ соотвѣтствующія указанія относительно необходимости уваженія къ „добровольному занятію работой“, станутъ содѣйствовать заключенію такого рода договоровъ. Но даже и безъ подобнаго содѣйствія экономическая безпомощность значительной части сельскаго населенія вынудитъ ее соглашаться на отказъ отъ праздничнаго отдыха при наемныхъ работахъ, разъ требованіе такого отказа не будетъ встрѣчать себѣ никакого противодѣйствія въ законѣ. Рѣзкое противорѣчіе порядка, устанавливаемаго такимъ путемъ для многочисленнаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, съ принципомъ извѣстной охраны труда, болѣе или менѣе твердо установленнымъ уже въ нашемъ законодательствѣ по отношенію къ рабочимъ промышленныхъ заведеній, вызвало въ нѣкоторыхъ органахъ прессы догадки, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ выраженіемъ истинныхъ намѣреній законодателя, сколько съ недомолвкой закона, вызванной неясной его редакціей. Возможно, однако, и то, что по отношенію къ этимъ двумъ группамъ рабочихъ признается полезнымъ установить различные принципы въ зависимости отъ тѣхъ интересовъ, какіе обслуживаются данными отраслями народнаго хозяйства. Какъ бы то ни было, при существующей редакціи закона 10 мая главнымъ его результатомъ является возможность уничтоженія праздничнаго отдыха для сельскохозяйственныхъ

*) „Од. Новости“, 24 іюня 1904 г.

рабочихъ и для арестантовъ. Такой результатъ трудно, однако, признать положительнымъ пріобрѣтеніемъ, и отъ осуществленія его въ жизни мудрено ждать подъема производительности народнаго труда въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства.

Экономическую дѣятельность населенія до извѣстной степени затрогиваетъ и еще одинъ законъ текущаго года, имѣющій своимъ непосредственнымъ предметомъ опредѣленіе права евреевъ на жительство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Еще въ 1858 г. былъ изданъ законъ, разрѣшавшій жительство въ 50-верстной полосѣ, лежащей вдоль западной границы имперіи, лишь тѣмъ евреямъ, которые до выхода этого закона были приписаны къ мѣстнымъ обществамъ, а всю остальную часть еврейскаго населенія названной мѣстности обязывавшій къ выселенію изъ послѣдней. Высочайше утвержденное 7 іюня настоящаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта отмѣнило силу этого ограничительнаго закона и установило новое правило, согласно которому „въ западныхъ пограничныхъ губерніяхъ и въ губерніи Бессарабской, на пятидесятиверстномъ отъ границы пространствѣ, евреи подчиняются всѣмъ узаконеніямъ о жительствѣ указанныхъ лицъ, дѣйствующимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости“. Чрезвычайно любопытны при этомъ оглашенные въ печати мотивы, послужившіе къ изданію новаго закона. Какъ видно изъ нихъ, соединенные департаменты Государственнаго Совѣта нашли, что воспрещеніе евреямъ селиться въ разстояніи 50 верстъ отъ границы является одной изъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ для борьбы съ контрабандою. Опытъ примѣненія указанной мѣры показалъ, однако, что она не достигаетъ намѣченной цѣли. Въ виду этого еще въ 70-хъ годахъ бывшій министръ финансовъ Рейтернъ признавалъ необходимымъ отмѣнить ограничительныя правила о 50-верстной полосѣ. Въ позднѣйшее время къ такому же заключенію пришли министръ финансовъ Бунге и министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново. Наконецъ, въ послѣднее время министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, вошло съ представленіемъ объ отмѣнѣ упомянутыхъ ограничительныхъ правилъ, указывая на то, что они, „не принося ожидавшейся отъ нихъ пользы, оказались стѣснительными для населенія и трудно примѣнимыми на практикѣ“. Съ своей стороны министръ финансовъ заявилъ, что эти правила, установленныя для противодѣйствія усиленному развитію контрабаднаго промысла на западной границѣ, не отвѣчаютъ своему назначенію, такъ какъ борьба съ контрабандою требуетъ въ настоящее время иныхъ, болѣе совершенныхъ пріемовъ. Главные руководители этого промысла проживаютъ внѣ 50-верстной полосы, и обнаруженіе ихъ находится внѣ зависимости отъ законовъ, дѣйствующихъ въ этой полосѣ. При такихъ условіяхъ воспрещеніе евреямъ доступа въ пограничную полосу не вліяетъ на уменьшеніе контрабанды, а

вмѣстѣ съ тѣмъ поражаетъ, главнымъ образомъ, лицъ, къ ней совершенно непричастныхъ. Такимъ образомъ, законъ, уже очень скоро послѣ своего изданія признанный недостигающимъ намѣченной для него цѣли и безъ нужды стѣсняющимъ значительную часть населенія, тѣмъ не менѣе, просуществовалъ около полувѣка, пока, наконецъ, дождался своей отмѣны. Это обстоятельство, конечно, можетъ найти себѣ объясненіе только въ особомъ отношеніи къ той части населенія, интересы которой ближе всего затрогивались даннымъ закономъ.

Сама по себѣ отмѣна послѣдняго могла бы быть привѣтствуема, какъ нѣкоторый шагъ въ сторону измѣненія подобнаго отношенія. Но этотъ шагъ является не особенно значительнымъ и во всякомъ случаѣ далеко не равносиленъ установленію равноправности между евреями и другими національными группами, входящими въ составъ населенія имперіи, хотя бы въ предѣлахъ правъ на жительство въ пограничной полосѣ. Мало того,—таково запутанное положеніе еврейскаго вопроса, что состоявшаяся отмѣна ограничительныхъ правилъ въ этой полосѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ способна даже ухудшить положеніе мѣстнаго еврейскаго населенія Съ вступленіемъ въ силу новаго закона, отмѣнившаго собою воспрещеніе евреямъ селиться въ 50-верстной пограничной полосѣ, евреи въ указанной мѣстности подчиняются все-таки не общимъ законамъ, а спеціальнымъ узаконеніямъ, дѣйствующимъ относительно лицъ еврейскаго происхожденія въ чертѣ ихъ осѣдлости. Между тѣмъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости дѣйствуетъ законъ 3 мая 1882 г., который воспрещаетъ евреямъ жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ. Согласно данному въ 1903 г. сенатомъ разъясненію, законъ этотъ ранѣе не распространялся на пограничную полосу, и евреи, имѣвшіе право жительства въ ней, т. е. приписанные къ мѣстнымъ обществамъ, могли свободно жить здѣсь, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Теперь же дѣйствіе правилъ 1882 г. распространено и на пограничную полосу. Законъ 7 іюня, установившій такой порядокъ, не получаетъ, правда, обратнаго дѣйствія и оставляетъ въ сельскихъ мѣстностяхъ пограничной полосы тѣхъ евреевъ, которые поселились въ нихъ ранѣе его опубликованія, но на будущее время поселеніе внѣ городовъ и мѣстечекъ, равно какъ переходъ изъ однихъ сельскихъ мѣстностей въ другія и въ этомъ раіонѣ для евреевъ становятся запретными. Этотъ результатъ отмѣны ограничительнаго закона какъ нельзя яснѣе показываетъ, что положеніе вещей, создавшееся въ области еврейскаго вопроса, не можетъ быть сколько-нибудь существенно измѣнено путемъ частныхъ поправокъ, не исходящихъ изъ одной общей идеи и уничтожающихъ одно ограниченіе для того, чтобы замѣнить его другимъ.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора главныхъ законода-

тельныхъ актовъ текущаго года намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ законѣ, внесшемъ нѣкоторыя измѣненія въ область семейственнаго права. Законъ этотъ, состоявшійся согласно опредѣленію синода отъ 18 марта—30 апрѣля настоящаго года и получившій высочайшее утвержденіе по докладу синодальнаго оберъ-прокурора 28 мая, измѣнилъ редакцію ст. 253 устава духовныхъ консисторій, уничтоживъ содержавшееся въ ней постановленіе, осуждавшее тѣхъ лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по нарушенію ими супружеской вѣрности прелюбодѣяніемъ, на безбрачіе. Во вновь установленной редакціи названная статья консисторскаго устава читается слѣдующимъ образомъ: „если будетъ доказана неспособность отвѣтствующаго лица къ супружескому сожитію или нарушеніе имъ святости брака прелюбодѣяніемъ, то бракъ расторгается, и истцу, бывшему въ первомъ или второмъ бракѣ, предоставляется право вступить въ новый бракъ, а лицо отвѣтствовавшее, признанное неспособнымъ къ супружескому сожитію, осуждается на всегдашнее безбрачіе; отвѣтчику же по иску о нарушеніи святости брака прелюбодѣяніемъ, если онъ былъ въ первомъ или второмъ бракѣ, также предоставляется право вступить въ новый бракъ, причемъ, прежде вступленія въ новое супружество, онъ подвергается, соотвѣтственно степени виновности и раскаянія, церковной епитиміи по усмотрѣнію духовнаго суда, согласно церковнымъ правиламъ; въ случаѣ же нарушенія прелюбодѣяніемъ святости и новаго брака, вторично виновный въ семъ супругъ осуждается на всегдашнее безбрачіе и подвергается церковной епитиміи".

Приведенное постановленіе, казалось бы, должно было получить въ условіяхъ русской жизни довольно серьезное значеніе, открывая возможность легализаціи для многихъ семей, не входившихъ въ рамки прежняго законодательства о бракахъ. Это значеніе новаго закона обѣщало принять тѣмъ болѣе широкіе размѣры, что при скудости признаваемыхъ въ нашемъ законодательствѣ поводовъ къ разводу послѣдній всего чаще совершается у насъ въ формѣ развода изъ-за прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, хотя бы фактически такого прелюбодѣянія и не существовало. Осужденіе того изъ супруговъ, который при такой формѣ развода принималъ на себя „вину", на вѣчное безбрачіе во многихъ случаяхъ составляло немаловажное препятствіе для полученія развода, и уничтоженіе этого препятствія, очевидно, должно было до извѣстной степени облегчить и самый разводъ. Такъ именно и взглянули на этотъ вопросъ многіе органы русской прессы при появленіи закона 28 мая. Но вскорѣ послѣ опубликованія названнаго закона въ печати появилось „разъяснительное опредѣленіе" св. синода, заставившее, если не совсѣмъ отступиться отъ такого взгляда, то, по крайней мѣрѣ, сильно смягчить его. Въ своемъ „разъяснительномъ опредѣленіи" си-

нодъ, „въ цѣляхъ единообразнаго и правильнаго примѣненія“ закона 28 мая, преподаетъ епархіальнымъ начальствамъ „руководственныя указанія“ для рѣшенія дѣлъ по этому закону. Согласно первому пункту этихъ указаній, „просьба лица, бракъ коего расторгнутъ по винѣ его прелюбодѣянія, о дозволеніи ему вступить въ новое супружество разрѣшается, по надлежащемъ разсмотрѣніи, епархіальнымъ начальствомъ по мѣсту жительства просителя“. Второй пунктъ указанія гласитъ, что „таковая просьба можетъ быть возбуждаема и подлежитъ удовлетворенію не прежде, какъ по выполненіи супругомъ, виновнымъ въ нарушеніи прежняго его брака прелюбодѣяніемъ, наложенной за таковое преступленіе, согласно 87 правилу VI вселенскаго собора, 20 правилу собора Анкирскаго и 77 правилу св. Василія Великаго, семилѣтней церковной епитиміи, но при этомъ семилѣтній срокъ епитиміи, на основаніи 102 правила VI вселенскаго собора, можетъ быть, по тщательномъ испытаніи духовникомъ совѣсти епитимійца и удостовѣреніи имъ степени его раскаянія и исправленія, сокращаемъ тѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи коего состоитъ духовникъ епитимійца, съ тѣмъ, однако, чтобы общій срокъ подлежащей выполненію епитиміи былъ не менѣе двухъ лѣтъ“. Не трудно видѣть, что это разъясненіе, устанавливающее между разводомъ признаннаго виновнымъ въ прелюбодѣяніи лица и новымъ его бракомъ срокъ отъ 2 до 7 лѣтъ и ставящее какъ точное опредѣленіе этого срока, такъ и признаніе самаго права разведеннаго по указанной причинѣ лица на новый бракъ въ зависимость отъ рѣшенія приходскаго священника и епархіальнаго начальства, весьма серьезно суживаетъ содержаніе закона 28 мая и ограничиваетъ возможное значеніе вводимаго этимъ закономъ порядка очень скромными предѣлами. Такое ограниченіе является тѣмъ болѣе важнымъ, что возникшіе было одно время слухи о готовящейся передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскіе суды за послѣдніе мѣсяцы совсѣмъ затихли и смѣнились слухами о сохраненіи бракоразводнаго процесса въ прежнемъ его видѣ.

Такимъ образомъ, если въ сферѣ вопросовъ управленія законодательство текущаго года, слѣдуя пробитому въ предыдущіе годы руслу, главную свою заботу полагало въ сохраненіи и поддержаніи существующаго порядка, то и во всѣхъ другихъ областяхъ оно не выходило особенно далеко за предѣлы такой заботы. Поскольку же въ немъ и проявлялись реформаторскія попытки, онѣ, во всякомъ случаѣ, не проникали въ глубь тѣхъ явленій государственной и общественной жизни, которыхъ онѣ касались, и не ставили затрогиваемыхъ ими вопросовъ въ ихъ общей формѣ, а ограничивались измѣненіемъ нѣкоторыхъ частностей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющимъ особаго значенія

и лишь наглядно подчеркивающимъ настоятельную необходимость болѣе глубокихъ и крупныхъ реформъ.

III.

Приводимъ важнѣйшія изъ опубликованныхъ за послѣдніе два мѣсяца правительственныхъ распоряженій и сообщеній:

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 25 день марта 1904 года, высочайше соизволилъ на предоставленіе ему, министру, права пріостановить въ 1904 году собираніе земскими учрежденіями, путемъ мѣстныхъ опросовъ, статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ примѣненіе этой мѣры вызывается мѣстными условіями“.

Какъ сообщаютъ газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ самарскую губернскую земскую управу, что онъ не находитъ возможнымъ разрѣшить самарскому земству продолжать на мѣстахъ оцѣночно-статистическое обслѣдованіе губерніи *).

Томскимъ губернаторомъ издано, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 13 февраля 1904 года, а также ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16-й положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Воспрещается распространеніе въ предѣлахъ Томской губерніи изустно, письменно или печатно волнующихъ умы слуховъ съ намѣреніемъ нарушать обычное спокойное теченіе жизни населенія и тѣмъ возбуждать его противъ правительства. 2) О всякомъ лицѣ, замѣченномъ или заподозрѣнномъ въ распространеніи вышеуказанныхъ (п. 1) слуховъ, всѣмъ вмѣняется въ обязанность безъ замедленія доводить до свѣдѣнія подлежащей полицейской власти. 3) Лица, виновныя въ нарушеніи правилъ настоящаго обязательнаго постановленія, будутъ подвергаемы въ административномъ порядкѣ денежному штрафу въ размѣрѣ до 500 руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ“ **).

Въ „Прибалтійскомъ Краѣ“ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе рижскаго губернатора ген.-лейт. Пашкова: „1) Всякія сходбища и собранія какъ на улицахъ, площадяхъ и въ садахъ, такъ и въ другихъ общественныхъ и частныхъ мѣстахъ и зданіяхъ, безъ надлежащаго на то разрѣшенія, воспрещаются. 2) Образовавшіяся случайно или по уговору сборища должны по первому требованію полицейскихъ чиновъ прекратиться и участники ихъ немедленно разойтись. 3) Виновные въ нарушеніи выше-

*) „Спб. Вѣдомости“, 9 іюня 1904 г.

**) „Вост. Обозрѣніе“, 9 іюня 1904 г.

указанныхъ постановленій подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу въ размѣрѣ до 500 руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ. 4) Таковому же взысканію подвергаются и лица, изобличенныя въ подстрекательствѣ и попустительствѣ по проступкамъ, предусматриваемымъ настоящими постановленіями, въ томъ числѣ квартирохозяева и лица, фактически завѣдующія всякими помѣщеніями, въ коихъ будутъ обнаружены неразрѣшенныя сходбища или собранія. 5) Таковому же взысканію будутъ подвергаться и тѣ обыватели, которые окажутся виновными въ сопротивленіи дѣйствіямъ и распоряженіямъ чиновъ полиціи, направленнымъ къ поддержанію и сохраненію общественнаго порядка, или же позволятъ себѣ вмѣшательство въ означенныя распоряженія и дѣйствія. 6) Настоящія обязательныя постановленія входятъ въ силу съ 18-го сего іюня. 7) Съ изданіемъ настоящихъ обязательныхъ постановленій изданное 11 мая 1902 года, на основаніи 421 ст. I ч. II т. св. зак. и распространенное 30 іюля 1902 г. и на г. Ригу обязательное о сходбищахъ постановленіе утрачиваетъ для жителей г. Риги свою силу“ *).

Въ свою очередь виленскимъ генералъ-губернаторомъ издано, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 25 августа 1903 г., слѣдующее обязательное постановленіе для жителей г. Бѣлостока и его предмѣстій: „1) Всѣ домовладѣльцы г. Бѣлостока и его предмѣстій или лица, заступающія ихъ мѣсто, а также содержатели гостинницъ, заѣзжихъ домовъ и меблированныхъ комнатъ, въ казенныхъ же и общественныхъ домахъ лица, завѣдующія сими послѣдними, обязываются вести въ полной исправности домовыя книги по установленному образцу. 2) Содержатели гостинницъ, заѣзжихъ домовъ и меблированныхъ комнатъ обязываются давать знать въ мѣстное участковое полицейское управленіе о всякомъ прибывшемъ или выбывшемъ лицѣ не позже 12-ти часовъ послѣ прибытія или выбытія его, а всѣ прочія лица, на коихъ возложено веденіе домовыхъ книгъ,—не позже сутокъ. 3) Швейцары и дворники, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, домовладѣльцы или ихъ управляющіе обязаны безъ всякаго промедленія давать знать полиціи о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ, случившихся въ завѣдываемыхъ ими домахъ и дворахъ, а равно о всякихъ сходкахъ и сборищахъ въ домахъ. 4) Квартиронаниматели обязаны сообщать владѣльцу дома или управляющему онымъ списокъ всѣхъ жильцовъ занимаемой ими квартиры, а равно о всѣхъ перемѣнахъ въ убыли или прибыли своихъ жильцовъ. 5) Виновные въ неисполненіи указанныхъ требованій, а также въ подстрекательствѣ къ нарушенію ихъ подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 500 р.“ **).

---

*) Цитирую по „Новому Времени“, 18 іюня 1904 г.

**) „Сѣв.-Зап. Край“. Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 26.

Нижегородскимъ губернаторомъ издано, на основаніи ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16-й положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Воспрещаются всякія собранія безъ надлежащаго разрѣшенія. 2) Воспрещаются сходбища народа для дѣйствій или совѣщаній, направленныхъ противъ общественнаго порядка, спокойствія и благочинія, а равно всякое вообще нарушеніе порядка, спокойствія и благочинія въ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ. 3) При возникновеніи уличнаго безпорядка скопленіе сторонней публики на мѣстѣ происшествія или вблизи его воспрещается. 4) Равнымъ образомъ воспрещаются всякія вообще невызываемыя необходимостью сборища и остановки народа въ общественныхъ мѣстахъ. 5) Вышеупомянутыя собранія (§ 1), сходбища (§ 2), сторонняя публика (§ 3) и не вызываемыя необходимостью сборища (§ 4) обязаны по первому требованію полиціи разойтись. 6) Воспрещается ношеніе и храненіе огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, кастетовъ и т. п. орудій безъ установленнаго на то разрѣшенія. *(Примѣчаніе.* Правило это не распространяется на лицъ, имѣющихъ по закону право носить оружіе). 7) Воспрещается распространеніе ложныхъ слуховъ, могущихъ возбудить въ населеніи тревогу или опасеніе за личную или имущественную безопасность. Виновные въ нарушеніи сего постановленія, а также въ подстрекательствѣ къ нарушенію его подвергаются, независимо отвѣтственности по суду, въ административномъ порядкѣ аресту до 3-хъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 500 р. Настоящее обязательное постановленіе входитъ въ законную силу со дня распубликованія его и распространяется на Нижегородскую ярмарку, Макарьевскую часть г. Нижняго-Новгорода и козинскую и кардѣевскую волости, балахнинскаго уѣзда“ *).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатано слѣдующее постановленіе и. д. одесскаго градоначальника Нейдгарта отъ 17 іюля с. г.: „Въ цѣляхъ охраненія общественнаго порядка и безопасности и на основаніи ст. 15 правилъ о положеніи усиленной охраны, я призналъ необходимымъ распространить дѣйствіе изданнаго 20 ноября 1896 г. обязательнаго постановленія объ учрежденіи дворниковъ при недвижимыхъ имуществахъ г. Одессы на нижеслѣдующіе заселенные земельные участки: 1) по Канатной ул. отъ Павловскихъ зданій дешевыхъ квартиръ до дачи Руфа, 2) по линіи парового трамвая на Большой Фонтанъ отъ дачи Руфа до 16 станціи включительно, 3) по Средне-Фонтанской дорогѣ отъ казеннаго спиртоочистительнаго склада № 1 до дачи Руфа, 4) по Больше-Фонтанской дорогѣ отъ дома Хаита по Старопортофранковской ул. до желѣзнодорожнаго переѣзда и 5) по Мало-Фонтанской дорогѣ отъ дачи Вальтуха до

*) „Нижегор. Листокъ“, 16 іюля 1904 г.

дачи Дунина включительно. Виновные въ нарушеніи обязательнаго постановленія, на основаніи п. 2 ст. 15 правилъ положенія объ усиленной охранѣ, будутъ подвергнуты взысканію до 3-хъ мѣсяцевъ ареста или денежному штрафу до 500 руб. Настоящее обязательное постановленіе входитъ въ законную силу съ 1-го августа 1904 года" *).

Согласно помѣщенному въ газетахъ сообщенію, „главное управленіе почтъ и телеграфовъ, въ видахъ устраненія случаевъ пересылки изъ-за границы въ закрытыхъ письмахъ печатныхъ произведеній, изданныхъ за границей на русскомъ или смѣшанномъ съ русскимъ языкѣ, равно воспроизведенныхъ на тѣхъ же языкахъ при помощи гектографа, литографіи и тому подобными способами, оповѣстило черезъ международное почтовое бюро въ Бернѣ почтовыя управленія странъ всемірнаго почтоваго союза, что въ случаѣ обнаруженія въ закрытыхъ конвертахъ при таможенномъ ихъ досмотрѣ такихъ изданій, письма эти не будутъ выдаваться по назначенію, а возвращаться въ мѣста подачи, на основаніи ст. 16 (§ 3 п. 2 в. и § 4) вашингтонской конвенціи о всемірномъ почтовомъ союзѣ" **).

Въ „Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано: „Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 3 день сего іюля высочайше соизволилъ на закрытіе тульской общественной библіотеки съ тѣмъ, чтобы все имущество закрываемой библіотеки, примѣнительно къ постановленіямъ § 43 устава оной, было передано мѣстному городскому общественному управленію, если оно обязуется продолжать дѣло библіотеки, въ противномъ же случаѣ какому-либо изъ общественныхъ учрежденій г. Тулы, по испрошеніи на то, въ установленномъ порядкѣ, надлежащаго разрѣшенія" ***).

Въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" напечатанъ циркуляръ канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ губернаторамъ, начальникамъ областей и округовъ Кавказскаго края отъ 31 мая настоящаго года. Какъ сообщается въ этомъ циркулярѣ, ген.-ад. кн. Голицынъ, на основаніи 7 пункта именного высочайшаго указа правительствующему сенату 3 марта 1897 г. и согласно съ заключеніемъ совѣта главноначальствующаго, призналъ нужнымъ: „1) мѣщанину г. Тифлиса Георгію Филія, 2) жителю г. Батума Левану Гетошія, 3) жителю Озургетскаго уѣзда, сел. Чахатури, Алистро Берзеднишвили, 4) жителю сел. Амаглеба Селивану Кобидзе, 5) жителю мѣст. Хони, Кутаисскаго

---

*) Цитирую по „Од. Новостямъ", 21 іюля 1904 г.
**) Цитирую по „Нижегор. Листку", 14 іюля 1904 г.
***) Цитирую по „К. Откликамъ", 31 іюля 1904 г.

уѣзда, Александру Чхенкели, 6) жителю Озургетскаго уѣзда, сел. Ацана, Мириману Чамтурашвили, 7) жителю Зугдидскаго уѣзда, сел. Хорга, Зосиму Джибава, 8) жителю Озургетскаго уѣзда, сел. Хидистави, Михаилу Ломтазидзе, 9) жителю сел. Нигоити, Мате Горгиладзе и 10) жителю Тифлисской губерніи и уѣзда, сел. Дигоми, Георгію Марямули воспретить, какъ лицамъ, вреднымъ для общественнаго порядка и безопасности, жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края“ *).

Въ оффиціальномъ „Кавказѣ“ помѣщено слѣдующее сообщеніе: „Исполняющій обязанности предсѣдателя правленія кавказскаго экономическаго офицерскаго общества полковникъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго батальона Г. З. Кутлоевъ 17 іюня заявилъ полиціи, что въ этотъ день имъ была получена отъ нѣкоего Вартанова изъ г. Баку посылка вѣсомъ около 7 фунтовъ; при вскрытіи этой посылки въ ней оказалось нѣсколько пачекъ динамита, шнуръ и капсюли“ **).

Изъ г. Шавлей „Виленскому Вѣстнику“ пишутъ: „21 іюня, въ 12-мъ часу ночи, на жизнь мѣстнаго исправника Л. М. Сосновскаго было произведено покушеніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Закончивъ занятія въ полицейскомъ управленіи, г. Сосновскій подошелъ къ окну и началъ одѣвать шашку. Въ это время раздался выстрѣлъ, и пуля угодила въ верхній карнизъ окна. Стрѣлявшій успѣлъ скрыться“ ***).

Въ петербургскихъ газетахъ была помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Аджикента отъ 5 іюля: „Управляющій Елисаветпольской губерніей вице-губернаторъ Андреевъ 4 іюля вечеромъ во время прогулки въ лѣтней резиденціи губернской администраціи, въ урочищѣ Аджикентѣ, былъ убитъ на дорогѣ, ведущей отъ Нижняго Аджикента въ Верхній, возлѣ зданія губернскаго правленія. Многіе видѣли убійцу и бросились за нимъ, но не успѣли догнать“. Позднѣйшія телеграммы извѣстили, что по этому дѣлу задержаны трое подозрѣваемыхъ лицъ, всѣ трое—армяне ****).

Какъ сообщаетъ „Новое Обозрѣніе“, въ м. Игдырѣ, Эриванской губерніи, 10 іюля, въ 2 часа ночи, выстрѣломъ убитъ на базарѣ сурмалинскій уѣздный начальникъ подполковникъ Богуславскій. Убійца неизвѣстенъ *****).

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„15 іюля, въ 10 часовъ утра, когда министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Плеве, направляясь на Балтійскій вокзалъ

---

*) Цитирую по „Руси“, 11 іюля 1904 г.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 30 іюня 1904 г.
***) Цитирую по «К. Откликамъ», 29 іюня 1904 г.
****) «Н. Время», 6 іюля 1904 г.
*****) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 31 іюля 1904 г.

для слѣдованія въ Петергофъ, проѣзжалъ по Измайловскому проспекту, подъ карету его стоявшимъ около тротуара человѣкомъ былъ брошенъ разрывной снарядъ. Послѣдовавшимъ взрывомъ были убиты министръ и кучеръ его кареты, крестьянинъ Иванъ Филипповъ; изъ находившихся случайно вблизи тяжело раненъ капитанъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Цвѣцинскій и получили поранения: нестроевой рядовой штаба 37-й пѣхотной дивизіи Фризенбергъ, конторщикъ Лейба Мошковскій, извозчикъ Филиппъ Крайновъ, маляръ Иванъ Хромцовъ, артельщикъ Аѳанасьевъ, служащій въ контролѣ Николаевской желѣзной дороги Лаврентьевъ, Ольга Тимофеева и ея внучка 3-хъ лѣтъ и запасный рядовой Фридрихъ Гартманъ.

„Убійца, получившій при взрывѣ нѣсколько неопасныхъ ранъ, задержанъ на мѣстѣ преступленія и отказался назвать себя.

„По дѣлу производится слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ с.-петербургскаго окружнаго суда по важнѣйшимъ дѣламъ“.

Приведемъ еще опубликованныя за послѣднее время правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.

17 іюня состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ правительствующему сенату: „Состоящему при министрѣ внутреннихъ дѣлъ шталмейстеру Двора Нашего, генералъ-лейтенанту по адмиралтейству, князю Оболенскому—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, съ оставленіемъ шталмейстеромъ Двора Нашего“.

Въ тотъ же день на имя кн. Оболенскаго былъ данъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Иванъ Михайловичъ.

„Великое Княжество Финляндское со времени присоединенія къ Россійской Державѣ пользуется особымъ строемъ мѣстнаго управленія и внутренняго законодательства. Я питаю увѣренность, что строй этотъ, отвѣчающій бытовымъ условіямъ страны, можетъ быть сохраненъ для блага Финляндіи и на будущее время, и что гнусное злодѣяніе, недавно омрачившее общественную жизнь въ краѣ, дѣло рукъ безумца и немногихъ его соумышленниковъ, къ преступленію коихъ финскій народъ не причастенъ.

„Забота о тѣснѣйшемъ единеніи Финляндіи съ остальною Имперіею всегда составляла неуклонную задачу государственной власти; таковою она должна остаться и впредь. Постепенное достиженіе указанной цѣли было вмѣнено Мною въ первѣйшую обязанность покойному финляндскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Бобрикову. Съ разумною твердостью исполнялъ почившій государственный дѣятель возложенный на него долгъ, пока безвременная кончина не прервала его самоотверженнаго

служенія, стяжавшаго ему почетное имя въ лѣтописяхъ утвержденія русской государственности на сѣверной окраинѣ.

„Признавъ за благо призвать васъ на должность финляндскаго генералъ-губернатора, Я ожидаю отъ вашей преданности и вашихъ дарованій, что въ управленіи ввѣреннымъ вамъ краемъ вы будете ревностнымъ исполнителемъ Моихъ предначертаній. Особому попеченію вашему поручаю укрѣпить въ сознаніи финскаго народа убѣжденіе, что историческія судьбы его неразрывны съ судьбами Россіи, и что дальнѣйшее преуспѣяніе Финляндіи подъ сѣнью Русскаго Государства и дарованныхъ ей учрежденій зависитъ отъ прочнаго водворенія въ странѣ мирнаго теченія жизни.

„Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ.

„На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „НИКОЛАЙ“.

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго обстоятельствъ розыска, производящагося по дѣлу объ убійствѣ генералъ-адъютанта Бобрикова, въ 17-й день сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ возложить дальнѣйшее руководство розыскомъ по сему дѣлу на департаментъ полиціи. Вслѣдствіе сего состоялось распоряженіе сената объ оказаніи всѣми вѣдомствами управленія Великаго Княжества Финляндскаго законнаго содѣйствія тѣмъ чинамъ департамента полиціи, кои будутъ командированы для организаціи розыска по сему дѣлу“.

Въ той же газетѣ опубликованы слѣдующія высочайшія повелѣнія, состоявшіяся въ теченіе настоящаго года въ отмѣну соотвѣтствующихъ узаконеній Финляндіи:

„Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго представленія Императорскаго финляндскаго сената по вопросу о порядкѣ приведенія къ присягѣ финляндскихъ новобранцевъ и заключенія по оному военнаго министерства, 5 (18) февраля 1904 г. Высочайше соизволилъ повелѣть, въ видѣ временной мѣры, финляндскихъ новобранцевъ евангелическо-лютеранскаго и методистскаго вѣроисповѣданій приводить къ присягѣ по ихъ вѣроученію безъ содѣйствія духовныхъ лицъ, непосредственно чрезъ подлежащее военное начальство, съ тѣмъ, чтобы новобранцы помянутыхъ вѣроисповѣданій приносили присягу обязательно при самомъ пріемѣ ихъ на службу, въ мѣстахъ призыва, и чтобы при семъ соблюдалась форма, установленная въ войскахъ Имперіи“.

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ и министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ Селѣ 27 мая

(9 іюня) 1904 года, Высочайше соизволилъ утвердить нижеслѣдующее постановленіе о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго: 1. Россійская золотая монета въ рубляхъ, изъ коихъ каждый равенъ одной пятнадцатой части имперіала и содержитъ въ себѣ 17,424 долей чистаго золота, наряду съ финляндскою золотою монетою въ маркахъ, составляетъ законное средство платежа въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. 2. Россійская золотая монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, какъ въ правительственныя кассы, такъ и при разсчетахъ частныхъ лицъ между собою, обязательно принимается въ неограниченномъ количествѣ. 3) Россійская серебряная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, означенные въ статьѣ 2, кромѣ платежей, указанныхъ въ статьѣ 4, обязательно принимается: достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и въ двадцать пять копѣекъ —въ количествѣ не свыше трехъ рублей семидесяти пяти копѣекъ, а достоинствомъ въ двадцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ — въ количествѣ не свыше семидесяти пяти копѣекъ, при каждомъ платежѣ. 4. Россійскіе государственные кредитные билеты и серебряная и мѣдная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ: а) на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, при таможенномъ сборѣ и въ уплату казенныхъ податей и б) въ почтовыхъ и телеграфныхъ установленіяхъ и на каналахъ, а также при всѣхъ платежахъ, производимыхъ по таксамъ, утверждаемымъ казенными, городскими и общественными установленіями, обязательно принимаются въ слѣдующихъ размѣрахъ: кредитные билеты и серебряная монета достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и въ двадцать пять копѣекъ— въ неограниченномъ количествѣ; серебряная монета достоинствомъ въ двадцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ — не свыше трехъ рублей, а мѣдная монета — не свыше двадцати пяти копѣекъ, при каждомъ платежѣ. 5. Россійскіе монета и государственные кредитные билеты въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ во всѣ упомянутые въ предыдущихъ статьяхъ платежи обязательно принимаются по расчету двухъ марокъ шестидесяти шести двухъ третьихъ пенни (2 марки $66^2/_3$ пенни) за одинъ рубль и тридцати семи съ половиною копѣекъ ($37^1/_2$ копѣекъ) за одну марку. 6. Срокъ введенія настоящаго постановленія въ дѣйствіе опредѣляется министромъ финансовъ по соглашенію съ Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ".

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, 10 (23) іюня с. г., всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть финляндскому сенату, при составленіи проектовъ росписей по Великому Княжеству Финляндскому, руководствоваться нижеслѣдующими правилами: 1) Составляющія собственность финляндской казны

средства, кромѣ фонда кассы военнаго дома, распредѣляются между фондомъ казеннымъ и фондомъ земскихъ средствъ, при чемъ въ составъ перваго входятъ упраздняемые фонды: статный, милиціонный, благотворительныхъ и рабочихъ заведеній и фондъ сбереженій Абоской губерніи, а въ составъ второго — фонды временныхъ налоговъ и налога на винокуреніе, а также фондъ коммуникаціонный. 2) Изъ фонда казенныхъ средствъ покрываются издержки: а) по пособіямъ, платимымъ государственному казначейству, какъ доля участія финляндской казны въ общегосударственныхъ расходахъ; б) по содержанію правительственныхъ органовъ управленія и суда; в) по постройкѣ и содержанію имѣющихъ общегосударственное значеніе желѣзнодорожныхъ путей, а также по переустройству финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ въ видахъ установленія прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между сѣтями Имперскою и финляндскою; г) по обезпеченію землевладѣніемъ неосѣдлаго населенія края; д) по содержанію высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также отчасти по медико-санитарному дѣлу. 3) На фондъ земскихъ средствъ возлагаются не отнесенные на фондъ казенныхъ средствъ расходы по сооруженію и содержанію желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія, по народному образованію, по медико-санитарной части, а также по общественному благоустройству. 4) Въ фондъ казенныхъ средствъ отчисляется ежегодно по 475,000 м. изъ поступленій гербоваго сбора и по 660,000 марокъ изъ доходовъ винокурнаго налога. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше поручить сенату ускорить дальнѣйшимъ направленіемъ выработаннаго уже проекта реформы прямого обложенія".

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію финляндскаго генералъ-губернатора, въ присутствіи своемъ въ Петергофѣ 8-го (21-го) іюля 1904 года, въ измѣненіе и дополненіе Высочайшаго постановленія отъ 31-го мая 1867 года о печати въ Финляндіи и другихъ подлежащихъ узаконеній Высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее постановленіе: 1) Принадлежащія по закону о печати финляндскимъ гражданамъ права по изданію повременныхъ произведеній печати, а также по содержанію типографій, книжныхъ лавокъ, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія и т. п. предоставляются на одинаковыхъ съ финляндскими гражданами основаніяхъ всѣмъ русскимъ подданнымъ. 2) Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ пунктами 7 и 8 мъ § 12-го высочайшаго постановленія отъ 31-го мая 1867 г. въ редакціи законовъ 18-го іюня 1891 г. и 29-го января 1900 г., главному управленію по дѣламъ печати и генералъ-губернатору предоставляется: 1) объявлять повременному изданію въ лицѣ его отвѣтственнаго редактора предварительное предостереженіе, которое изданіе обязано помѣстить во

главѣ перваго имѣющаго послѣ того выйти въ свѣтъ нумера безъ всякихъ добавленій; 2) требовать перемѣны отвѣтственнаго редактора, подъ условіемъ прекращенія изданія въ случаѣ неисполненія сего требованія въ назначенный срокъ; 3) прекращать въ повременномъ изданіи печатаніе частныхъ объявленій на срокъ до восьми мѣсяцевъ, или на тотъ же срокъ воспрещать розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ такого же изданія и 4) пріостанавливать изданіе временно или прекращать его навсегда. 5) Произведенія печати объемомъ болѣе пяти печатныхъ листовъ предоставляются подлежащему цензору для просмотра не позже, какъ за три недѣли до выпуска въ свѣтъ. 6) На каждомъ экземплярѣ печатнаго произведенія, выпускаемаго въ свѣтъ съ одобреніемъ цензуры, должна быть поставлена на оборотѣ заглавнаго листка отмѣтка о дозволеніи печатать означенное произведеніе, выражаемая словами: „Дозволено цензурою, число, мѣсяцъ, годъ и мѣсто“. 6) Къ производству торговли произведеніями печати въ разносъ допускаются только лица, получившіе на сіе разрѣшеніе мѣстнаго губернатора. 8) Разрѣшеніе на публичныя представленія драматическихъ произведеній дается во всѣхъ мѣстностяхъ края главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. 9) Когда въ доставленномъ изъ-за границы произведеніи печати предосудительными оказываются только нѣкоторыя части, произведеніе можетъ быть допущено къ обращенію, за исключеніемъ таковыхъ частей посредствомъ вырѣзыванія отдѣльныхъ страницъ или наложенія клейма на предосудительныя мѣста. 10) Главному управленію по дѣламъ печати предоставляется воспрещать ввозъ въ край иностранныхъ повременныхъ изданій, кои постоянно обнаруживаютъ вредное направленіе“.

Какъ сообщаетъ та же газета, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта опредѣлено учредить въ составѣ управленія петербургскаго учебнаго округа должности директора русскихъ учебныхъ заведеній Великаго Княжества Финляндскаго и дѣлопроизводителя при ономъ. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено: 1) Завѣдываніе русскими учебными заведеніями Великаго Княжества Финляндскаго возлагается на директора сихъ заведеній, коему подчиняются всѣ русскія среднія, низшія и начальныя учебныя заведенія названнаго края, независимо отъ источника ихъ содержанія. Права и обязанности директора по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ ближайшимъ образомъ опредѣляются особой инструкціей, утверждаемой министромъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. 2) Директоръ русскихъ учебныхъ заведеній Великаго Княжества Финляндскаго входитъ въ составъ состоящаго при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ совѣщательнаго комитета по дѣламъ русскихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ непремѣннаго члена. 3) Директоръ русскихъ учебныхъ за-

веденій Великаго Княжества Финляндскаго назначается установленнымъ порядкомъ по постановленію попечителя петербургскаго учебнаго округа и по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія и финляндскимъ генералъ-губернаторомъ изъ числа лицъ, получившихъ высшее образованіе и опытныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ.

Кромѣ того, въ „Финляндской газетѣ“ напечатано: „Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министромъ статсъ-секретаремъ исполняющаго должность финляндскаго генералъ-губернатора 24-го іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: уволить отъ службы ассессоровъ вазасскаго гофгерихта, Линдберга, Хасельблята и фогъ-Селіуса и повелѣлъ финляндскому сенату объ увольненіи отъ службы бывшаго секретаря, нынѣ адвокатъ-фискала того же гофгерихта Бергера и нотаріуса онаго Хеммера. Во исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія 7-го іюля настоящее дѣло сенатомъ заслушано, и Бергеръ и Хеммеръ уволены отъ службы“.

IV.

Смерть коситъ въ 1904 году обильную жатву среди русскихъ писателей. Не прошло и полугода послѣ похоронъ Н. К. Михайловскаго, какъ умеръ А. П. Чеховъ. Около этого же времени, одинъ за другимъ, сошли въ могилу два видные русскіе историка: 12 іюня скончался Н. Ѳ. Дубровинъ, 24 іюля—В. А. Бильбасовъ.

Н. Ѳ. Дубровинъ, родившійся въ 1837 г., получилъ образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и уже 22-лѣтнимъ юношей выступилъ на литературное поприще, напечатавъ въ 1859 г. первые свои опыты въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“ и въ „Разсвѣтѣ“—небольшомъ журналѣ, въ которомъ находили въ тѣ годы пріютъ многіе начинающіе писатели. Съ тѣхъ поръ Н. Ѳ. Дубровинъ, не покидая военной службы, до конца жизни продолжалъ работать въ литературѣ, помѣщая свои повѣсти и статьи въ различныхъ журналахъ, печатая изслѣдованія, посвященныя общей и военной исторіи Россіи, и издавая историческіе памятники XVIII и XIX вѣковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ, кромѣ того, редакторомъ „Русской Старины“. Среди нѣсколькихъ крупныхъ работъ Н. Ѳ. Дубровина наиболѣе видное мѣсто занимаетъ изданный имъ въ 1884 г. трехтомный трудъ „Пугачевъ и его сообщники“, въ которомъ покойный историкъ собралъ обильный матеріалъ и далъ первое болѣе или менѣе обстоятельное изображеніе сложнаго движенія, извѣстнаго въ исторіи XVIII вѣка подъ именемъ пугачевщины.

В. А. Бильбасовъ—по возрасту сверстникъ Дубровина, родившійся лишь годомъ позже его,—на литературную арену выступилъ почти одновременно съ нимъ, но къ занятіямъ русской исто-

ріей обратился значительно позднѣе. Окончивъ въ 1861 г. курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета, онъ первоначально посвятилъ свои силы изученію западно-европейской исторіи и въ 1866 г. выступилъ приватъ-доцентомъ въ петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, а въ 1867—1871 гг. занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ. За это время имъ было напечатано нѣсколько изслѣдованій по средневѣковой западно-европейской и славянской исторіи, но главную свою извѣстность въ качествѣ историка онъ пріобрѣлъ, какъ среди спеціалистовъ, такъ и въ широкихъ кругахъ читающей публики уже въ послѣднюю эпоху своей жизни, перейдя къ изученію новой русской исторіи. Наиболѣе капитальнымъ трудомъ его въ этой области явилась широко задуманная „Исторія Екатерины II“. Названная книга должна была, по плану автора, заключать въ себѣ двѣнадцать томовъ, но изъ нихъ лишь немногіе увидѣли свѣтъ при жизни Бильбасова. Первый томъ „Исторіи Екатерины II“ появился въ 1890 г., второй былъ отпечатанъ въ 1891 г., но не былъ выпущенъ въ продажу, и вслѣдъ за тѣмъ въ изданіи книги наступила продолжительная заминка. Наконецъ, въ 1897 г. вышелъ въ свѣтъ послѣдній, двѣнадцатый, томъ „Исторіи“, раздѣленный на двѣ части и содержавшій въ себѣ критическій „обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ II“, причемъ въ предисловіи авторомъ было указано, что „появленіе въ свѣтъ двѣнадцатаго тома вслѣдъ за первыми двумя объясняется исключительно цензурными затрудненіями“. Насколько можно судить по вышедшимъ томамъ названной книги, авторъ ея главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на придворной и дипломатической исторіи XVIII вѣка, удѣляя сравнительно мало мѣста явленіямъ внутренней жизни Россіи. Такимъ образомъ, область, взятая В. А. Бильбасовымъ для его изслѣдованія, не особенно широка, но въ этой области онъ сумѣлъ дать значительное количество свѣжаго матеріала, добытаго изъ архивовъ и тщательно разработаннаго, благодаря чему его книга является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской исторической науки, въ то время какъ блестящее литературное изложеніе обезпечиваетъ этой книгѣ широкое распространеніе среди рядовыхъ читателей. Судя по промелькнувшему въ газетахъ сообщенію о завѣщаніи В. А. Бильбасова, предназначившемъ 5.000 р. на изданіе „Исторіи Екатерины II“, можно думать, что въ рукописи „Исторія“ была доведена авторомъ до конца. Если это такъ, то можно только пожелать, чтобы талантливый трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни покойнаго ученаго возможно скорѣе увидѣлъ свѣтъ въ полномъ своемъ объемѣ.

В. Мякотинъ.

Государственное тягло и его роль въ крестьянской жизни.

(По трудамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ).

Когда мы приступаемъ къ выясненію того вліянія, какое оказываетъ государственное хозяйство данной страны на общій ходъ ея экономической жизни, предъ нами прежде всего возникаетъ вопросъ: насколько соотвѣтствуютъ экономическимъ силамъ населенія этой страны *размѣры тѣхъ требованій*, которыя предъявляетъ къ нему государство. Величина государственнаго бюджета, сама по себѣ, независимо отъ того, изъ какихъ элементовъ она слагается, имѣетъ въ этомъ отношеніи существенное значеніе. Когда государство выростаетъ до такихъ размѣровъ, что бюджетъ его поглощаетъ собою львиную долю годового дохода страны,—государственное хозяйство по необходимости дѣлается хищническимъ и вся хозяйственная жизнь неизбѣжно получаетъ тяглый характеръ. Въ условіяхъ русской дѣйствительности, при нашемъ громадномъ государственномъ бюджетѣ и слабой производительности народнаго хозяйства—вопросъ о посильности для населенія государственнаго тягла властно выдвигается впередъ самою жизнью.

Не могли не встрѣтиться съ этимъ вопросомъ и мѣстные сельско-хозяйственные комитеты.

Къ тому времени, когда происходили ихъ совѣщанія, цифра государственнаго бюджета приближалась къ 2 милліардамъ рублей. По послѣдней заключенной росписи 1901 г. общій итогъ „обыкновенныхъ“ государственныхъ доходовъ, получаемыхъ отъ населенія путемъ налоговъ и частно-хозяйственныхъ предпріятій казны, составлялъ 1.799 милл. руб. „Чрезвычайныя“ поступленія давали еще 164 милл. Уже однѣ эти общія цифры въ сопоставленіи съ офиціальными исчисленіями общей цѣнности всего земледѣльческаго и фабрично-заводскаго производства страны, дававшими въ итогѣ менѣе 4 милліардовъ рублей, должны были наводить на очень серьезныя размышленія.

Но помимо этого государственный бюджетъ обнаруживалъ еще и постоянную тенденцію къ быстрому и непрерывному росту. Итогъ обыкновенныхъ доходовъ 1901 года по отношенію къ первому году десятилѣтія, имъ закончившагося, возросъ почти вдвое (на 86,5%); за двадцать лѣтъ (съ 1882 г.) этотъ приростъ составлялъ 155%, т. е. общая сумма доходовъ государственнаго казначейства увеличилась за это время слишкомъ въ $2^1/_2$ раза. И конечно, не было никакого основанія думать, чтобы такое возра-

станіе государственнаго бюджета не продолжалось и въ будущемъ. Въ дѣйствительности такъ и оказалось, и уже въ слѣдующемъ, 1902, году итоги бюджетныхъ оборотовъ перешли за 2 милліарда рублей.

Когда возрастаютъ размѣры требованій, долженъ увеличиваться и источникъ, на счетъ котораго они покрываются, и притомъ увеличиваться съ такою же приблизительно быстротою: иначе неодинаковое движеніе того и другого рода неизбѣжно должно рано или поздно закончиться кризисомъ. Существуетъ ли такой параллелизмъ между процессами, происходящими въ русскомъ государственномъ и народномъ хозяйствѣ?

По воззрѣніямъ, господствующимъ въ руководящихъ финансовыхъ сферахъ (насколько можно, по крайней мѣрѣ, судить о нихъ по печатаемымъ во всеобщее свѣдѣніе сообщеніямъ), вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Достаточно вспомнить неоднократныя и подробныя разъясненія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по государственнымъ росписямъ за послѣднее десятилѣтіе, пытавшіяся найти въ самыхъ бюджетныхъ цифрахъ указанія на параллельное росту бюджетныхъ поступленій прогрессированіе народнаго хозяйства въ его общемъ и цѣломъ, несмотря на временныя и частныя, для отдѣльныхъ группъ населенія, отступленія отъ этого прогрессивнаго движенія.

Мѣстные комитеты оказались очень далекими отъ этого оффиціальнаго оптимизма. Если выдѣлить отдѣльныя заявленія, шедшія по преимуществу, если не исключительно, отъ участниковъ комитетовъ, принадлежавшихъ къ составу мѣстной администраціи—въ сужденіяхъ комитетовъ единодушно и опредѣленно подчеркивается не параллельность, а, наоборотъ, полный антагонизмъ между движеніемъ государственнаго и народнаго хозяйства. Государственный бюджетъ растетъ не на почвѣ сопутствующаго ему роста народнаго благосостоянія, а на почвѣ прогрессирующаго народнаго *оскудѣнія*. Это оскудѣніе въ значительной степени и обусловливается именно *непосильностью такихъ требованій*, которыя не въ мѣру экономическихъ силъ страны разросшееся государство ставитъ массѣ недостаточнаго деревенскаго населенія.

„Оскудѣніе деревни“ предоставляется мѣстнымъ людямъ настолько очевиднымъ и безспорнымъ, что въ подробныхъ доказательствахъ его едва ли настоитъ какая-нибудь надобность.

Доказывать въ настоящей запискѣ оскудѣніе крестьянскаго населенія—читаемъ мы въ заявленіи земскихъ преставителей *Новгородскому* губернскому комитету—нѣтъ надобности, ибо фактъ этотъ настолько уже рѣзко выразился, что сталъ неизбѣжно общепризнаннымъ“.—„Полагаю—говоритъ въ своей запискѣ членъ *Харьковскаго* губернскаго комитета Н. Н. Ковалевскій—что никто не потребуетъ отъ меня доказательства тому, что наша деревня хиреетъ. Процессъ этотъ не сегодня начался: онъ развивается на нашихъ глазахъ, быстро прогрессируя; мы, живя въ деревнѣ, непосредственно мо-

жемъ наблюдать, какъ съ одной стороны, бѣднѣетъ и опускается крестьянское хозяйство, какъ вырождается и мельчаетъ крестьянское населеніе, благодаря дурному питанію, негигіеничности жилищъ, трахомѣ и проч. и какъ, съ другой стороны, опускается болѣе крупное землевладѣніе...

Для лицъ, не живущихъ въ деревнѣ и не имѣющихъ возможности дѣлать непосредственныя наблюденія, — говорится далѣе въ той же запискѣ— картина всеобщаго оскудѣнія обрисуется вполнѣ ярко изъ обозрѣнія оффиціальныхъ свѣдѣній о правильно возрастающей недоимочности, о прогрессивномъ увеличеніи числа безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, о суммахъ, затрачиваемыхъ правительствомъ и частными лицами для кормленія голодающихъ, объ экспедиціяхъ Краснаго Креста для борьбы съ цынгой и голоднымъ тифомъ и, наконецъ, показателемъ вырожденія служитъ пониженіе требованій размѣра груди и роста у новобранцевъ.

Поголовная бѣдность деревни—говорилъ въ *Мензелинскомъ у.* комитетѣ земскій начальникъ Красовскій—бьетъ въ глаза всѣмъ укладомъ крестьянской жизни. Если мы посмотримъ, чѣмъ питается крестьянинъ, то увидимъ, что въ его пищѣ нѣтъ ни мяса, ни молока, ни яицъ; есть только, да и то не всегда, черный хлѣбъ и жидкій кирпичный чай. Эта пища особенно тяжело отзывается на дѣтяхъ, изъ которыхъ выживаютъ только двужильные экземпляры. Милліоны пудовъ хлѣба и милліоны штукъ яицъ отправляются за границу, а рядомъ съ этимъ, при недостаткѣ питанія, различныя заболѣванія, какъ сельскій пожаръ, съ удивительною быстротою распространяются среди населенія. Нельзя допустить, чтобы крестьяне не понимали питательности и вкуса мяса, молока, яицъ и другой человѣческой пищи,—но эта человѣческая пища для нихъ недоступна. Дѣло спеціалистовъ—продолжаетъ г. Красовскій

выяснить причинную связь между такими крайними явленіями, какъ, напр. хроническое недоѣданіе русской деревни, не исключая и урожайные годы, дороговизна предметовъ первой необходимости, страшно высокая смертность дѣтей въ русской деревнѣ, превышающая дѣтскую смертность въ концентраціонныхъ лагеряхъ во время англо-бурской войны, смертность, ужасавшую весь міръ, — а съ другой стороны, покровительственная политика и льготы фабрично-заводской промышленности за счетъ сельскаго хозяйства, облагаемаго все новыми и новыми, за послѣднее время косвенными, налогами, — но во всякомъ случаѣ представляется совершенно очевиднымъ, что выходъ изъ тяжелаго положенія деревни не возможенъ безъ уменьшенія бремени платежей, лежащихъ на сельскомъ населеніи *).

Мы могли бы продолжить подобныя приведеннымъ выдержки безъ конца: указанія на деревенское оскудѣніе и на связь этого оскудѣнія съ непосильнымъ для населенія налоговымъ бременемъ встрѣчаются къ огромномъ числѣ комитетовъ. Идутъ они и изъ черноземной и изъ промышленной областей, съ Поволжья и изъ степной полосы, съ окраинъ и изъ центра **). Правда, каждая

*) Цитируемъ по отчету въ „Спб. Вѣдом.“, 31 окт. 1902.

**) Заявленія въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ работахъ цѣлаго ряда уѣздныхъ комитетовъ губерній: Архангельской, Вологодской, Новгородской,

группа мѣстныхъ дѣятелей говоритъ преимущественно о своемъ ограниченномъ районѣ, но такъ какъ подобныя заявленія мы слышимъ со всѣхъ концовъ страны, то указываемые въ нихъ факты пріобрѣтаютъ уже не мѣстное только, а и общее значеніе.

Представить хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ общій обзоръ всѣхъ относящихся къ данному вопросу указаній, сдѣланныхъ мѣстными комитетами, мы не имѣемъ возможности. Ограничимся поэтому нѣсколькими примѣрами, на выдержку, взятыми изъ разныхъ областей. Выбираемъ при этомъ такіе, въ которыхъ высказываемыя заключенія подкрѣпляются мѣстными цифровыми данными о соотношеніи между приходами и обязательными платежами крестьянскаго хозяйства. Начнемъ съ центра не-земледѣльческаго, населеніе котораго считается обыкновенно стоящимъ въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, нежели крестьянство типичной земледѣльческой средне-черноземной полосы.

Въ запискѣ 18 земскихъ дѣятелей, поданной въ *Московскій* губернскій сельско-хозяйственный комитетъ, мы находимъ любопытные разсчеты, опредѣляющіе, сколько приходится нести всѣхъ налоговыхъ платежей средней крестьянской семьѣ московской губерніи.

Разсчеты эти—читаемъ мы въ упомянутой запискѣ—основаны на данныхъ бюджета такой семьи, причемъ близость къ дѣйствительности отдѣльныхъ статей расхода въ этомъ бюджетѣ опредѣляется тѣмъ, что онѣ выведены не по воспоминаніямъ, какъ это дѣлается обыкновенно при опросѣ, а взяты изъ расходной книжки крестьянина, въ которой онъ изо дня въ день записывалъ всѣ расходы въ теченіе цѣлаго года—съ сентября 1900 по сентябрь 1901 г. — при чемъ не упускались и такіе мелочные расходы, какъ, напр., „спички—1 к.“, „нитки — 12 к.“ и т. д. Весь годовой расходъ его въ денежной формѣ опредѣлился при этомъ весьма близко къ среднему расходу крестьянской семьи, а именно въ 390 р. 21 к., а приходъ въ 386 р. 21 к.—при чемъ рукою крестьянина приписано: „сколько денегъ не хватаетъ—долги“.

Изъ общей суммы расхода, расходъ на такіе предметы, которые облагаются акцизомъ или несутъ таможенныя пошлины, составлялъ 101 р. 20 к., т. е. нѣсколько болѣе $^1/_4$ (25,9%) всего расхода.

Слагался онъ изъ такихъ статей:

Водка .	29 р. 10 к.	Сукно . . .	6 р. 40 к.
Сахаръ .	26 „ 86 „	Керосинъ. .	4 „ 51 „
Чай . .	21 „ 11 „	Табакъ . .	1 „ 68 „
Ситецъ .	10 „ 89 „	Спички . .	— „ 65 „
			101 р. 20 к.

Псковской, Пермской, Вятской, Тверской, Московской, Смоленской, Владимірской, Ярославской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской, Витебской, Эстляндской, Енисейской.

Принимая для вычисленія суммы, падающей изъ этого расхода на долю налога, тѣ разсчеты и основанія, которыя приведены въ изданіяхъ департаментовъ таможенныхъ и неокладныхъ, сборовъ и пользуясь тѣмъ, что во всѣхъ записяхъ показано, сколько фунтовъ или долей фунта куплено чаю и сахару, — получаемъ, что при данномъ расходѣ уплачено *приблизительно* налога:

На водкѣ . .	21 р. — к.	На керосинѣ .	1 р. 50 к.
„ сахарѣ .	7 „ — „	„ табакѣ . .	— „ 30 „
„ чаѣ . . .	10 „ 40 „	„ спичкахъ .	— „ 21 „
„ ситцѣ . .	3 „ 80 „		
			44 р. 21 к.

Вычисленная здѣсь общая сумма косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ платежей, уплачиваемая данной семьей, является однако—по объясненію составителей записки—преуменьшенною.

Во-первыхъ, тутъ не опредѣлена доля цѣнности, обусловленная таможенною пошлиною, падающей на сукно; далѣе, тутъ подсчитаны не всѣ расходы на предметы, несущіе налогъ; расходъ, напр., на водку, чай и сахаръ долженъ быть нѣсколько выше, такъ какъ въ записяхъ той книжки, которая служитъ основаніемъ вычисленія, ежемѣсячно, и не всегда только разъ въ мѣсяцъ, значится, что при поѣздкѣ въ Москву израсходовано столько-то (иногда свыше 1 р.), причемъ въ этомъ расходѣ несомнѣнно есть расходъ, произведенный въ трактирѣ, т. е. на водку, чай, сахаръ. По невозможности опредѣлить, что здѣсь относится на эти статьи, расходъ этотъ вовсе не подсчитанъ, а общая сумма его составляетъ 11 р. 75 к. По той же причинѣ, т. е. по невозможности выдѣлить расходъ на водку и чай, не принята во вниманіе запись: „израсходовано на праздникъ Николы 5 р.“; очевидно, въ этихъ 5 р. водка и чай составляютъ не малую долю, такъ какъ расходъ на свѣчи и плату духовенству выдѣленъ на этотъ праздникъ особо. Независимо отъ опущенія этихъ расходовъ, слѣдовало бы въ расходѣ на сахаръ считать переплату, вызываемую покровительствомъ, не менѣе 15 р., такъ какъ куплено сахару болѣе 150 ф. при цѣнѣ 15—17 к. за фунтъ, а между тѣмъ заводчику онъ обходится въ 2 р. пудъ или 5 к. фунтъ, и стало быть потребитель уплачиваетъ на фунтѣ сахара до 10 к., вызываемыхъ акцизомъ и нормировкою. Сверхъ того, въ данномъ году у этой семьи не случилось затратъ на покупку какихъ либо желѣзныхъ орудій или частей ихъ; иначе и тутъ появились бы переплаты въ пользу промышленности. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду еще тотъ накладной расходъ, который несетъ крестьянинъ-потребитель, въ силу переложенія на него прямыхъ налоговъ, падающихъ на промышленность и % на капиталъ, уплачиваемый промышленностью за акцизный взносъ.

Но преуменьшенная такимъ образомъ сумма налоговъ составляетъ всетаки не менѣе 44 р. 21 к.

Это значитъ — читаемъ мы въ запискѣ,—что почти 12% всего своего годового дохода крестьянинъ уплачиваетъ въ казну и въ пользу поощренія промышленности, не въ силу того, что извлекъ какой нибудь доходъ, а за то только, что пилъ, ѣлъ, одѣвался и не сидѣлъ въ потьмахъ.

Но сверхъ косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ на крестьянинѣ лежатъ еще и прямые налоги. Величина ихъ, приходящаяся на среднюю крестьянскую семью, опредѣляется такъ: въ Московской губ., надѣлъ такой семьи (въ 3 мужскихъ души) составляетъ 9 десятинъ. Каждая десятина несетъ на себѣ около

$2^1/_2$ р. прямыхъ сборовъ (60% которыхъ приходится на выкупной платежъ),—при чистомъ доходѣ не свыше 5 р. На 9 десятинъ причитается, такимъ образомъ, 22 р. 50 к., а общая сумма всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые несетъ на себѣ средняя крестьянская семья, опредѣляется суммою *около 70 рублей* (44 р. 21 к.+22 р. 50 к.).

Какъ видимъ, не дешево обходится московскому мужику поддержаніе блестящаго государственнаго бюджета!

Аналогичные разсчеты налоговой тяжести, основанные также на бюджетныхъ данныхъ, находимъ мы въ трудахъ *Клинскаго* уѣзднаго комитета, той же Московской губерніи. Экономическою коммиссіею уѣзднаго комитета, при содѣйствіи Клинскаго общества сельскаго хозяйства, собраны были подробныя свѣдѣнія о приходахъ и расходахъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ крестьянскихъ семей разнаго достатка, ведущихъ сельское хозяйство. Въ результатѣ обработки этихъ свѣдѣній получились такіе выводы:

Сводя во едино—читаемъ мы въ докладѣ коммиссіи—налоги прямые, косвенные и по натуральной повинности, за исключеніемъ военной службы и случайныхъ статей расходнаго бюджета, на крестьянскій дворъ самой бѣдной группы падаетъ расходовъ,—при бюджетѣ 200—240, въ среднемъ 220 р.:

	Р.	К.	% къ доходу.
1) Пастушьихъ (деньгами 3 р., натурой 2 р. 10 к.)	5	10	2,3
2) Натуральныхъ повинностей (конныхъ 2 р. 50 к., пѣшихъ 3 р.) .	5	50	2,5
3) Налоговъ прямыхъ, съ выкупными и страховыми	18	80	8,5
4) По содержанію церквей и духовенства	16	—	7,3
5) Налоговъ косвенныхъ	29	50	13,4
	74	90	34,0

Т. е. крестьянину наиболѣе распространенной группы бѣдныхъ хозяевъ приходится болѣе трети (34%) энергіи и производительныхъ силъ тратить только на уплату разнаго вида и наименованій налоговъ.

Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ не только невозможны никакія „сбереженія“, но даже и сведеніе концовъ съ концами является трудно разрѣшимою задачею. „Экономическое положеніе деревни—говоритъ коммиссія—такъ напряженно, что дальнѣйшее обложеніе невозможно безъ риска полнаго разоренія хозяйства со всѣми пагубными его послѣдствіями“.

Если изъ центральнаго промышленнаго района мы перейдемъ въ центральный черноземный, то и здѣсь положеніе дѣлъ окажется никакъ не лучше. Воспользуемся прежде всего обстоятельными цифровыми данными, которыя имѣются въ матеріалахъ мѣстныхъ комитетовъ Орловской губерніи.

Орловская губернская земская управа, въ спеціальномъ докладѣ губернскому комитету, дѣлаетъ попытку вычислить размѣры обложенія сельскаго населенія восточныхъ, земледѣльческихъ, уѣздовъ губерніи и сопоставить ихъ съ величиной дохода, извлекаемаго этимъ населеніемъ изъ земледѣльческаго промысла. Въ исчисленіяхъ своихъ орловская управа идетъ путемъ, отличнымъ отъ того, который имѣлъ мѣсто въ приведенныхъ выше разсчетахъ, относящихся къ Московской губерніи—она исходитъ не отъ бюджетныхъ данныхъ о дѣйствительныхъ приходахъ и расходахъ отдѣльныхъ семей, а отъ общихъ итоговъ, относящихся ко всему изучаемому району, съ крестьянскимъ населеніемъ около 1.100,000 душъ обоего пола. Итогъ всѣхъ *прямыхъ* налоговъ, уплачиваемыхъ этимъ населеніемъ (считая здѣсь и страховые платежи), составлялъ, по вѣдомостямъ орловской казенной палаты въ 1891 г. 3.508,000 руб. Приблизительная цифра главнѣйшихъ косвенныхъ налоговъ исчисляется управою, по соображенію съ размѣрами потребленія въ губерніи обложенныхъ продуктовъ и съ нормами обложенія: въ 3 милліона рублей для акциза и вина и въ 500 тыс. руб. для акцизовъ съ керосина, спичекъ, сахара и пошлины на чай *). Такимъ образомъ, общая сумма всѣхъ этихъ видовъ обложенія, прямого и косвеннаго, опредѣлится около 7.000,000 р.; на каждую наличную душу это даетъ болѣе 6 р., а на средній крестьянскій дворъ въ $6^1/_2$ душъ около 40 руб.

Эта цифра менѣе той, какая выведена выше для типичной крестьянской семьи Московской губ. (около 70 р.), главнымъ образомъ по отношенію къ косвенному обложенію. Помимо того, что въ орловскомъ учетѣ взяты далеко не всѣ статьи этого обложенія, разница въ данномъ случаѣ обусловливается и меньшимъ потребленіемъ орловскаго крестьянина земледѣльческой полосы сравнительно съ промысловымъ московскимъ. Но это не показываетъ еще, конечно, чтобы налоговая тяжесть была для него легче, чѣмъ для этого послѣдняго, такъ какъ въ его хозяйствѣ меньше не одинъ расходъ, но и приходъ также. Орловская управа не имѣла возможности опредѣлить весь доходъ, извлекаемый изъ земли и отъ продажи рабочей силы крестьянскимъ населеніемъ губерніи, и приводитъ два примѣрныхъ разсчета, чтобы найти данныя для сужденія о платежныхъ его силахъ.

Средняя высота арендной платы въ 7 восточныхъ уѣздахъ губерніи составляетъ для владѣльческихъ земель 9—11 р., для крестьянскихъ—8 р. Если измѣрить арендною платою примѣрный доходъ отъ земли, то получимъ 8 милл. рублей для вла-

*) Исчисленія эти сдѣланы въ общемъ весьма осторожно, и полученные итоги обложенія скорѣе *ниже*, чѣмъ выше дѣйствительности.

дѣльческихъ и 10 мил. рубл. для крестьянскихъ земель. По отношенію къ послѣдней цифрѣ итогъ крестьянскихъ платежей, въ формѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, составитъ $^{7}/_{10}$. Параллельно съ этимъ въ докладѣ управы сдѣланъ и другой разсчетъ; именно — какъ велика сумма дѣйствительнаго *денежнаго* дохода *отъ земли*, получаемаго крестьянами и частными владѣльцами *вмѣстѣ*. Разсчетъ этотъ построенъ такъ: деньги для уплаты налоговъ—разсуждаетъ управа—получаются

землевладѣльцами посредствомъ продажи продуктовъ, добытыхъ ими въ своихъ хозяйствахъ, а земледѣльцами — частью только что указаннымъ путемъ, частью же посредствомъ отчужденія своего труда, въ формѣ найма. Но наемная плата, — если только наемъ совершается въ предѣлахъ даннаго района, а не внѣ его (отхожіе промыслы), вызываетъ для землевладѣльца необходимость реализаціи извѣстныхъ денежныхъ суммъ, опять же посредствомъ продажи своихъ продуктовъ. Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ вся сумма платимыхъ населеніемъ налоговъ (если пока не принимать въ разсчетъ денегъ, добываемыхъ населеніемъ на сторонѣ, путемъ отхожихъ промысловъ) взносится за счетъ отчужденія извѣстной суммы продуктовъ, вырабатываемыхъ населеніемъ данной мѣстности.

Руководствуясь этими общими соображеніями, управа вводитъ въ приходъ составляемаго ею разсчетнаго баланса семи черноземныхъ уѣздовъ губерніи суммы, получаемыя земледѣльческимъ населеніемъ этого района изъ трехъ источниковъ: 1) „отъ производительнаго потребленія продуктовъ сельскаго хозяйства на мѣстныхъ заводахъ; 2) отъ потребленія ихъ мѣстнымъ внѣземледѣльческимъ населеніемъ, главнымъ образомъ, городскимъ и 3) отъ продажи ихъ для экспорта изъ даннаго района".

Въ результатѣ тщательнаго учета трехъ названныхъ статей получается общая сумма прихода въ 12 милл. рублей приблизительно. Эта цифра ниже оцѣнки земледѣльческаго дохода по арендным цѣнамъ (18 милл.), но не слѣдуетъ забывать, что не весь земледѣльческій доходъ извлекается въ формѣ денегъ; часть получаемыхъ продуктовъ идетъ на потребленіе или обмѣнивается внутри района непосредственно, натурой.

Куда же расходуются населеніемъ получаемые имъ 12 милл. рубл.? Около 4 милл. (3.956,988 р. — по вѣдомостямъ казенной палаты) идетъ на уплату прямыхъ налоговъ разныхъ категорій и 2 милл. приблизительно на уплату процентовъ въ поземельные банки. „Такимъ образомъ отъ чистаго денежнаго дохода, по уплатѣ платежей, лежащихъ на землѣ, остается всего 6 милл., что на населеніе въ 1,149 тыс. (по переписи 1897 г.) составляетъ около 5 р. 20 к. на жителя. Эти суммы могутъ, такъ сказать, свободно расходоваться населеніемъ". При свободномъ расходованіи этихъ денегъ населеніе встрѣчается, однако, съ косвенными налогами, и изъ 6 милл. 3 милл. рубл. ему приходится уплачивать въ видѣ акциза на вино и болѣе $^{1}/_{2}$ милл. въ видѣ акциза на керосинъ, сахаръ, спички, табакъ и пошлины на чай.

Въ результатѣ въ свободномъ распоряженіи населенія остается лишь $2^1/_2$ милл. или 1 р. $30^1/_2$ коп. на жителя.

Намъ скажутъ—говоритъ управа—что мы пришли къ абсурдному выводу. Если населеніе уплачиваетъ акцизъ, то оно покупаетъ облагаемые продукты, значитъ, оно должно имѣть и деньги для этой покупки. Кромѣ того оно дѣлаетъ и другія траты; откуда же берутся для нихъ деньги? Но такое недоумѣніе безъ труда устраняется, если принять въ соображеніе, что при установленіи общей земской доходности сельскаго хозяйства (въ силу недостатковъ матеріала) не могло быть сдѣлано расчлененія долей этой доходности между классомъ землевладѣльцевъ и классомъ земледѣльцевъ. Въ связи съ этимъ, на правой сторонѣ баланса пришлось принять въ общей суммѣ и платежи, лежащіе на населеніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности платежная тягота ложится главнѣйшимъ бременемъ на низшіе слои населенія. Съ другой стороны, на ихъ долю приходится и меньшая часть денежной доходности сельскаго хозяйства: хозяйство самихъ крестьянъ работаетъ не столько для продажи, сколько для непосредственнаго потребленія, а получаемая отъ владѣльцевъ заработная плата, при существующихъ условіяхъ, не можетъ быть высока. Если принять въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, то „придется придти къ выводу, что землевладѣльцы въ цѣломъ должны имѣть нѣкоторый избытокъ. Что же касается крестьянъ, то у *огромнаго большинства ихъ бюджетъ сводится съ дефицитомъ*, который пополняется частью отхожими промыслами, частью же хронической недоплатой прямыхъ налоговъ“...

Всѣ приведенныя данныя, — говоритъ управа въ заключеніи своего доклада,—позволяютъ дать только одинъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, возможенъ ли успѣхъ сельскаго хозяйства при томъ финансовомъ бремени, которое на него наложено:

> Если населенію приходится выплачивать въ видѣ важнѣйшихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ порой даже болѣе $^3/_4$ всего денежнаго дохода, который даетъ сельское хозяйство, то едва ли умѣстно говорить о возможности для него дѣлать сбереженія, направленныя на поддержаніе хозяйства въ годину бѣдствія и на его усовершенствованіе.

Спеціально къ крестьянскому хозяйству этотъ выводъ, конечно, примѣнимъ въ особенности. Въ томъ же докладѣ орловской управы мы встрѣчаемъ фактическія указанія на кризисъ, который оно уже переживаетъ. Одинъ изъ 7 черноземныхъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь въ приведенномъ выше разсчетѣ,—Кромской—былъ подвергнутъ дважды сплошному подворному обслѣдованію: въ 1887 и въ 1901 году. Вотъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ измѣненія въ положеніи крестьянскаго хозяйства за этотъ промежутокъ времени. Въ 1887 г. на 100 дворовъ приходилось 115 лошадей, 86 коровъ и 554 овцы; черезъ 14 лѣтъ эти среднія

давали уже всего 94 лошади, 82 коровы и 523 овцы. Средній крестьянскій дворъ въ этомъ исключительно земледѣльческомъ уѣздѣ обѣднѣлъ всѣми видами скота,—въ особенности же рабочими лошадьми. Это обѣднѣніе *средняго* двора зависѣло отъ общаго пониженія уровня зажиточности *всей массы* дворовъ, а не одного какого-нибудь ея слоя. Если сравнимъ относительныя числа дворовъ разной степени состоятельности (по числу лошадей — признаку для земледѣльческаго раіона достаточно характеристическому) по переписямъ 1897 и 1901 г., то получимъ такіе ряды.

На 100 дворовъ приходилось:	въ 1897	въ 1901
дворовъ безлошадныхъ	30,6	38,2
„ съ 1 лошадью	37,2	38,2
„ съ 2 лошадьми.	23,0	18,1
„ съ 3 лошадьми.	6,7	2,6
„ съ 4 и болѣе лошадьми.	2,5	1,1

Возросла замѣтно группа дворовъ безлошадныхъ и группа дворовъ съ 1 лошадью—всѣ же группы болѣе зажиточныя сократились въ численности.

Характерны и относительныя цифры прироста и убыли дворовъ разной зажиточности.

Приростъ (+) и убыль (—) въ %

безлошадныхъ	+ 35,6
съ 1 лошадью	+ 10,4
съ 2 лошадьми	— 14,6
съ 3 лошадьми	— 34,4
съ 4 лошадьми	— 36,9

Мы видимъ здѣсь — говоритъ цитируемый докладъ — совершенно правильный рядъ цифръ; чѣмъ данная группа зажиточнѣе, тѣмъ относительно больше сократилось въ ней число хозяйствъ за протекшія 14 лѣтъ; наоборотъ, чѣмъ бѣднѣе группа, тѣмъ относительно меньшимъ сокращеніемъ, а въ самыхъ бѣдныхъ группахъ большимъ приростомъ хозяйствъ она характеризуется. И такъ—заключаетъ управа—если и происходитъ въ крестьянской средѣ нѣкоторая хозяйственная дифференціація, то *она тонетъ въ общемъ массовомъ ихъ обѣдненіи.*

На тотъ же процессъ обѣднѣнія указываютъ и оффиціальныя данныя, относящіяся ко всему раіону. Сопоставленіе данныхъ 3 военно-конскихъ переписей, 1888, 1893 и 1899 года, даетъ такія итоговыя цифры количества лошадей у крестьянскаго населенія 7 черноземныхъ у. Орловской губерніи:

1888 — 221,989
1893 — 188,908
1899 — 177,539

Если цифру 1888 года мы возьмемъ за 100, то получится такой убывающій рядъ: 100; 85,1; 79,9.

Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ это паденіе уровня крестьянскаго хозяйства, несомнѣнно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *непосильность* для населенія лежащаго на немъ налоговаго бремени. Объ этой непосильности свидѣтельствуетъ помимо всего прочаго уже фактъ быстраго роста податныхъ недоимокъ. Въ 1896 г. недоимокъ по всѣмъ видамъ платежей числилось за крестьянскимъ населеніемъ орловской губ. 4,9 милл. р.; въ 1902 г. уже 8,87 милл., не считая 300 тыс. р. разсроченной земской недоимки, т. е. почти вдвое болѣе—и вдвое же болѣе годового оклада всѣхъ платежей.

Приблизительный разсчетъ актива и пассива крестьянскаго хозяйства находимъ мы и въ трудахъ *елецкаго* уѣзднаго комитета той же Орловской губерніи. Изъ этого разсчета оказывается, „что, не считая весьма значительнаго сельскаго общественнаго обложенія, каждая десятина крестьянской земли несетъ всякихъ податей и сборовъ не менѣе 6 р. 33 к., между тѣмъ чистая доходность ея (за вычетомъ стоимости обработки, включая и личный трудъ крестьянина) равняется въ среднемъ 7 р. 28 коп. На удовлетвореніе всѣхъ личныхъ потребностей крестьянина и его семьи остается слѣдовательно съ одной десятины—95 коп.“ Поддерживать свое существованіе крестьянину приходится только сторонними заработками.

При такомъ положеніи дѣла податное бремя нельзя не признать несоразмѣрно тяжелымъ.

Налоговая тяжесть—говоритъ экономическая коммиссія елецкаго комитета — истощаетъ народное благосостояніе не только непосредственно, но и косвенно: сознаніе матеріальной необезпеченности, увѣренность, что сколько ни работай, все уйдетъ на покрытіе текущихъ податей или всепоглощающей недоимки, деморализуетъ населеніе. Это сознаніе безплодности экономическихъ усилій влечетъ за собою крайнее ихъ ослабленіе, безпечную и безразсчетную растрату даже необходимаго для хозяйства минимума средствъ. Отсюда огромная и не уменьшающаяся цифра питейнаго дохода, который не минуетъ, правда, государственнаго казначейства, но гибельно отзывается на благосостояніи преобладающаго класса населенія...

Балашовскій уѣздный комитетъ Саратовской губерніи такъ опредѣляетъ общіе итоги доходовъ и платежей крестьянскаго населенія уѣзда.

Годовой сборъ хлѣбовъ и картофеля въ уѣздѣ, по среднему разсчету за 10 лѣтъ, составляетъ 16.895 тыс. пуд. Изъ этого количества нужно отчислить: на продовольствіе населенія (по нормѣ 21,6 пуд. въ годъ на 1 душу) 6.092 тыс. пуд. зерна и 1.450 т. пуд. картофеля и на посыпку и зерновой кормъ скоту 2.382 т. п. Свободный остатокъ хлѣба на продажу опредѣляется такимъ образомъ въ 6.971 тыс. пуд., стоимостью—по десятилѣтнимъ среднимъ цѣнамъ—въ 4.396 тыс. рублей. Изъ этой суммы необходимо, однако, вычесть: арендную плату (1.543 т. р.), платежи крестьян-

скому банку (325 т.) и страховые (93 т. р.), въ общей суммѣ 1.961 тыс. руб. За этими вычетами свободный остатокъ опредѣляется въ 2.435 тыс. руб. Прибавивъ сюда доходъ отъ обработки помѣщичьихъ земель и отъ батрачества (исчисляемый приблизительно въ 2.685 т. руб.), получимъ общій доходъ въ 5.120 т. р. На 1 душу обоего пола это составляетъ 18 р. 15 к., а на 1 дворъ (въ среднемъ 6,3 душъ)—114 р. 35 к.

Сколько же приходится балашовскому крестьянину выплачивать изъ этого дохода?

Общая сумма прямыхъ налоговъ, лежавшихъ въ 1900 г. на крестьянахъ Балашовскаго уѣзда, составляла 1.042 тыс. р. (госуд. поземельный налогъ—23 т. р.; выкупные платежи—499 т. р.; земскіе сборы—197 тыс. р.; сельскіе и волостные—323 тыс. р.). Затѣмъ идутъ косвенные налоги. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ *акцизъ на водку*, составляющій 11,5 коп. на градусъ спирта или 4 р. 60 к. на ведро водки въ 40 градусовъ.

Въ Балашовскомъ у. — читаемъ мы въ журналѣ уѣзднаго комитета— передъ введеніемъ винной монополіи потреблялось 193 тыс. ведеръ въ годъ, что на одну душу сельскаго и городского населенія уѣзда составляетъ 0,6 ведра (24 градуса). Такъ какъ приписное наличное населеніе уѣзда равно 282 тыс., то, слѣдовательно, на долю крестьянъ приходится 169 тыс. ведеръ водки, съ которыхъ берется акциза 777 тыс. руб. Помимо этого, введеніе винной монополіи сопровождалось повышеніемъ цѣнъ на водку: за годъ введенія ея въ среднемъ по Балашовскому уѣзду водка продавалась 7 р. за ведро; въ настоящее же время (1902 г.) цѣна на нее повышена до 7 р. 60 к., т. е. на 60 к. Принимая во вниманіе количество ведеръ, потребляемыхъ крестьянствомъ, мы опредѣлимъ общее повышеніе въ 101 тыс. руб. Но это еще не все. Крестьяне Балашовскаго у. до введенія монополіи получили до 180 тыс. руб. за право продажи вина. Этого дохода они въ настоящее время лишились, что равносильно увеличенію обложенія на такую же сумму. Такимъ образомъ винный налогъ складывается: изъ акциза—777 тыс. р., изъ повышенія цѣны—101 т. р., изъ потерь сельскихъ обществъ—180 тыс., всего 1.058 тыс. руб.

Остальные косвенные налоги могутъ быть учтены только приблизительно. Уѣздный комитетъ дѣлаетъ имъ такой примѣрный разсчетъ. Въ 1900 г. таможенный, спичечный, сахарный, табачный и нефтяной налоги дали 348,2 м. р. На душу населенія это составляетъ 2 р. 70 к.

Примѣнить, однако, эту норму для сельскаго населенія было бы рискованно: хозяйство крестьянина еще въ большой мѣрѣ имѣетъ характеръ натуральнаго, потребности его довольно низки, по степени зажиточности крестьянинъ значительно уступаетъ городскому жителю. Въ виду всего этого ясно, что городское населеніе принимаетъ относительно большее участіе въ денежномъ хозяйствѣ страны, а поэтому и въ уплатѣ косвенныхъ налоговъ. Предположимъ—говоритъ комитетъ—что городской житель покупаетъ товаровъ, обложенныхъ налогами, въ 5 разъ больше, чѣмъ крестьянинъ. Тогда, зная распредѣленіе населенія на городское и сельское и общую сумму налоговъ, мы найдемъ, что на душу крестьянскаго населенія приходится 1 р. 80 к. косвенныхъ налоговъ, а на городское 9 руб..

На все крестьянское населеніе Балашовскаго у. по этому разсчету причтется налоговъ таможеннаго, сахарнаго, спичечнаго, нефтянаго и табачнаго—507 тыс. руб.

Такимъ образомъ крестьяне Балашовскаго у. уплачиваютъ въ общей суммѣ: прямыхъ налоговъ—1.042 т. р., винnаго налога—1.058 т. р. и 5 косвенныхъ налоговъ 507 т. р., а всего 2.607 т. р.—На 1 душу населенія это составляетъ 9 р. 24 к., а на 1 дворъ 58 р. 21 к., при общемъ доходѣ въ 18 р. 15 к. на душу и 114 р. 35 к. на дворъ,—слѣдовательно, налоги поглощаютъ болѣе половины свободнаго остатка крестьянина.

Но обложеніе въ дѣйствительности еще болѣе тягостно, чѣмъ это явствуетъ изъ приведенныхъ цифръ... Съ одной стороны, разсчетъ доходовъ крестьянъ слѣдуетъ считать нѣсколько преувеличеннымъ, съ другой—

не принятъ во вниманіе цѣлый рядъ налоговъ, какъ, напр., государственный промысловый налогъ: хотя этотъ налогъ и падаетъ на торговопромышленный классъ, однако, въ значительной своей части онъ перелагается и на потребителей, а слѣдовательно и на крестьянъ; въ уплатѣ различныхъ пошлинъ (гербовыхъ, судебныхъ и др.) крестьянинъ также принимаетъ участіе; вноситъ крестьянинъ и свою долю пассажирскаго налога и т. д.

Такимъ образомъ на удовлетвореніе различнаго рода личныхъ и хозяйственныхъ потребностей изъ свободнаго остатка у крестьянина Балашовскаго уѣзда, за покрытіемъ налоговъ, остается *меньше 56 р. 14 к.* на дворъ или менѣе *8 р. 91 к.* на душу. Изъ этой ничтожной суммы онъ долженъ удовлетворить свою потребность въ одеждѣ и обуви, произвести ремонтъ строеній, хозяйственныхъ принадлежностей, живого и мертваго инвентаря; долженъ уплачивать долги и проценты по нимъ, долженъ произвести сбереженіе на случай пожара и другихъ несчастій, долженъ удовлетворить и свои культурныя потребности.

Въ результатѣ оказывается дефицитъ, покрываемый лишь недоѣданіемъ и вообще сокращеніемъ потребностей.

При неравномѣрномъ распредѣленіи дохода и налоговъ въ самой крестьянской средѣ, дѣло обстоитъ еще хуже; по меньшей мѣрѣ 50% крестьянскаго населенія Балашовскаго уѣзда имѣютъ значительно менѣе 8 р. свободнаго остатка на душу и находятся въ состояніи хроническаго голоданія.

Приведенныя фактическія данныя доказываютъ полную невозможность искать основныя причины тяжелаго положенія крестьянскаго хозяйства въ его низкомъ техническомъ уровнѣ. Какое бы большое значеніе ни придавать сельско-хозяйственной техникѣ, не она—по мнѣнію балашовскаго комитета—является первопричиной экономическаго упадка крестьянства. Она и не можетъ быть высока, когда „налоги изъ года въ годъ высасываютъ изъ крестьянскаго населенія огромную часть его дохода, не давая взамѣнъ почти ничего“. Какія затраты на улучшеніе техники возможны въ хозяйствахъ, которыя даютъ постоянные дефициты, покрываемые лишь хроническимъ голоданіемъ?

Цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, указывающихъ на не-

посильность государственнаго тягла для оскудѣвшаго крестьянскаго населенія находимъ мы и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ Нижегородской губерніи.

„Экономическое положеніе Нижегородской губерніи—говоритъ въ своемъ подробномъ докладѣ *нижегородская* губернская земская управа—являясь тяжелымъ вообще, обнаруживаетъ несомнѣнную наклонность къ дальнѣйшему ухудшенію". По земской переписи 1887—90 г.г. на каждые 100 крестьянскихъ дворовъ въ губерніи насчитывалось 42 безлошадныхъ. Если взять въ разсчетъ исключительно дворы земледѣльческіе (т. е. имѣющіе посѣвъ), то и среди нихъ оказывается болѣе $^1/_4$ (26,3%) неимѣющихъ лошадей и вынужденныхъ такимъ образомъ обработку пашни производить наймомъ. Почти половину всѣхъ земледѣльческихъ дворовъ (46,9%) составляютъ дворы однолошадные, положеніе которыхъ весьма неустойчиво, такъ какъ одного случайнаго несчастья достаточно для превращенія однолошаднаго двора въ безлошадный. Среднихъ дворовъ (съ 2 лошадьми) значительно меньше, чѣмъ безлошадныхъ (19,8%), и совсѣмъ ничтожно (7%) число дворовъ состоятельныхъ, имѣющихъ по 3 и 4 лошади. Мало обезпеченное рабочей силой крестьянское хозяйство недостаточно обезпечено и продуктивнымъ скотомъ: въ среднемъ по губерніи, не приходится на дворъ и одной цѣлой коровы (91 корова на 100 дворовъ; въ сѣверныхъ, промысловыхъ, уѣздахъ это число поднимается до 112, но за то въ южныхъ, земледѣльческихъ, падаетъ до 84). Недостатокъ продуктивнаго скота влечетъ за собою и недостаточность удобрительныхъ средствъ, вслѣдствіе чего удобреніе примѣняется не ко всей пашнѣ и въ меньшихъ, чѣмъ бы слѣдовало, размѣрахъ. По разсчетамъ, приведеннымъ въ докладѣ управы, запасъ удобрительныхъ средствъ составляетъ едва $^1/_5$ нормальнаго, при чемъ въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ находится южная, земледѣльческая, часть губерніи. Въ зависимости отъ указанныхъ причинъ и урожаи на крестьянскихъ земляхъ получаются ниже, чѣмъ могли бы быть при примѣненіи болѣе совершенныхъ пріемовъ хозяйства. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе урожаевъ однихъ и тѣхъ же хлѣбовъ на владѣльческихъ и на крестьянскихъ земляхъ. Въ общемъ по губерніи, крестьяне собираютъ съ своихъ земель ржи и овса на 6 пудовъ менѣе съ каждой десятины, чѣмъ частные владѣльцы. И здѣсь опять разница не въ пользу крестьянъ всего значительнѣе въ тѣхъ именно (южныхъ) уѣздахъ, гдѣ земледѣліе пользуется наибольшимъ преобладаніемъ среди занятій населенія. Поставленное въ такія неблагопріятныя условія, крестьянское хозяйство должно вмѣстѣ съ этимъ нести на себѣ очень тяжелое налоговое бремя. На каждую десятину крестьянской земли въ Нижегородской губерніи падаетъ въ среднемъ болѣе 2 р. однихъ только земельныхъ платежей, государственныхъ, земскихъ и мір-

скихъ,—не считая страховыхъ сборовъ и многочисленныхъ повинностей, отбываемыхъ натурою. Изъ чистаго земледѣльческаго дохода эти платежи поглощаютъ болѣе половины, въ среднемъ по всей губерніи; по отдѣльнымъ уѣздамъ это отношеніе еще выше, достигая 72, 79 и даже 86%.

Съ каждымъ годомъ это тяжелое положеніе нижегородскаго крестьянства дѣлается все бѣдственнѣе. Доказательствомъ этого можетъ служить непрерывный и систематическій ростъ его податной задолженности. Съ 1 янв. 1882 по 1 янв. 1892 г. недоимки по окладнымъ государственнымъ сборамъ, числившіяся за сельскимъ населеніемъ губерніи, возросли на 237%. Ростъ этотъ продолжался и далѣе. За девятилѣтіе 1891—1900 гг. недоимка увеличилась еще вдвое (возростая ежегодно въ среднемъ на 14%). Къ 1 янв. 1901 г. за крестьянскимъ населеніемъ числилось въ недоимкѣ по однимъ только казеннымъ сборамъ болѣе 9 милл. р., т. е. свыше четырехъ окладовъ этихъ сборовъ. На каждую душу приходилось, въ среднемъ по губерніи, 6 р. 22 к. недоимки; въ лукояновскомъ уѣздѣ эта средняя составляла 11 р. 86 к., а въ арзамасскомъ 13 р. 16 к. При этомъ, сверхъ казенной недоимки, за населеніемъ Нижегородской губерніи, числятся еще крупныя недоимки по земскимъ и страховымъ сборамъ и огромный продовольственный долгъ по ссудамъ, выданнымъ въ голодные года.

Въ ряду причинъ, вызвавшихъ подтверждаемое всѣми этими данными обѣднѣніе нижегородскаго крестьянства, губернская управа на первомъ мѣстѣ ставитъ совершенную неносильность для него того налогового бремени, которое оно теперь несетъ. Облегченіе этого бремени должно быть поэтому первымъ шагомъ на пути ко всякому сколько нибудь серьезному улучшенію крестьянскаго хозяйства. „Можетъ ли—говоритъ управа—вестись съ выгодой земледѣльческое хозяйство, когда одни налоги, не считая натуральныхъ повинностей, поглощаютъ въ большинствѣ уѣздовъ свыше половины чистаго дохода?“

Къ аналогичнымъ выводамъ приходитъ и другой докладъ, посвященный главнѣйшимъ нуждамъ крестьянскаго населенія Нижегородской губерніи и представленный въ губернскій комитетъ уполномоченнымъ министерства земледѣлія г. Садовенемъ. Въ этомъ докладѣ г. Садовень между прочимъ дѣлаетъ попытку учесть главныя статьи земледѣльческаго бюджета *средняго* крестьянскаго двора въ губерніи—пользуясь для этого, главнымъ образомъ, данными губернскаго земства и провѣряя и частью дополняя ихъ указаніями другихъ официальныхъ источниковъ.

Средній крестьянскій дворъ въ Нижегородской губерніи,—какъ онъ опредѣляется цифрами земской переписи,—состоитъ изъ 5,4 душъ, въ томъ числѣ 1,14 мужскихъ рабочихъ душъ и 1,3 женскихъ рабочихъ душъ, и имѣетъ 2,22 душевого надѣла.

На дворъ приходится земли: усадебной 0,33 дес., пашни 6,01 дес., покоса 1,15 десят., выгона 0,2 дес. и лѣса 0,78 дес. Кромѣ того дворъ арендуетъ на сторонѣ 1 дес. пашни (за 3 р. 80 к.) и 0,3 дес. покоса (по цѣнѣ 10 р. за десятину). Всего скота, въ переводѣ на крупный, приходится на дворъ 2,66 головы. Отъ каждой головы получается навоза 20 возовъ по 25 пуд. каждый, а всего 53 воза, которые вывозятся ежегодно на паровое поле. Хозяйство ведется по трехпольной системѣ и, слѣдовательно, у крестьянскаго двора занято ежегодно, считая и арендованную пашню, по 2,336 десят. въ каждомъ полѣ.

Принимая въ разсчетъ среднюю для Нижегородской губ. пропорцію различныхъ культуръ въ яровомъ клину и среднія же нормы: густоты посѣвовъ, величины урожая, натуры хлѣбовъ и продажной ихъ цѣны,—мы получимъ общую оцѣнку всего чистаго сбора съ пашни (за вычетомъ сѣмянъ) въ 75 р. 83 к.

Затѣмъ извѣстный доходъ въ хозяйствѣ получается отъ скотоводства. Величину этого дохода для „средняго" двора г. Садовень, на основаніи очень тщательнаго расчисленія, опредѣляетъ въ 44 р. 53 коп. На содержаніе 2,66 головъ скота, кромѣ сѣна, соломы и мякины, получаемыхъ въ своемъ хозяйствѣ, нужно положить еще 15 мѣръ ржи и 25 мѣръ овса, стоимость которыхъ, около 15 р., слѣдуетъ вычесть изъ названной выше суммы валового дохода зернового хозяйства въ 75 р. 83 к. Такимъ образомъ весь валовой доходъ отъ полеводства и скотоводства, въ переводѣ на деньги, составитъ: 75 р. 83 к.—15 р. + + 44 р. 53 к.—6 р. 80 к. (за аренду земли) = 98 р. 56 к.

Нужно ли доказывать подробно, что эти средства недостаточны для поддержанія даже самаго скромнаго существованія крестьянской семьи?

Допустивъ, говоритъ г. Садовень, что взрослый крестьянинъ на то, чтобы только прокормиться, обуться, одѣться и т. п. тратитъ всего 3 руб. въ мѣсяцъ—цифра, ниже которой врядъ ли можно принять и которая, конечно, въ дѣйствительности, мала—мы видимъ, что на содержаніе только взрослыхъ членовъ семьи нужно въ годъ 87 р. 84 к. Допустивъ далѣе, что на содержаніе съ одеждой и обувью подростка нужно только 2 р. въ мѣсяцъ, мы видимъ, что на содержаніе ихъ въ годъ нужно крестьянской семьѣ 71 р. 04 к. Всего же на содержаніе семьи нужно въ годъ 158 р. 88 к.,—и это при тѣхъ нищенскихъ денежныхъ нормахъ, какія мы приняли и которыя врядъ ли можно еще сократить, не уклоняясь отъ истины. Итакъ, крестьянская семья безъ уплаты всякихъ текущихъ повинностей и податей, не уплачивая никакихъ долговъ... на свою личную жизнь не можетъ затратить менѣе 158 р. 88 к., а имѣетъ отъ своего хозяйства, въ переводѣ на деньги, только около 99 р., — т. е. для того только, чтобы существовать, обуваться и одѣваться, крестьянская семья должна добыть внѣземледѣльческими занятіями или во всякомъ случаѣ работой внѣ своего надѣла и арендованной земли около 60 руб. въ годъ,

т. е. такую сумму, которая, какъ показываютъ всѣ имѣющіяся данныя, превышаетъ среднюю величину дѣйствительнаго заработка нижегородскаго крестьянина, ведущаго земледѣльческое хозяйство

Такимъ образомъ среднему крестьянину мудрено свести концы съ концами въ своемъ бюджетѣ даже и при самомъ скромномъ уровнѣ потребностей. А между тѣмъ на его хозяйствѣ лежитъ еще нелегкое бремя податей и повинностей. По разсчету на 1900 годъ общая ихъ сумма составляла, не считая недоимокъ, около 22 рублей на каждый дворъ (въ томъ числѣ около 10 р. выкупныхъ платежей и государственнаго налога, около 3,7 р. земскихъ сборовъ, около 2,2 страховыхъ платежей и до 6 р. мірскихъ сборовъ). Совершенно естественно, что значительная часть этихъ платежей остается въ хронической недоимкѣ, ростущей изъ года въ годъ, рядомъ съ все болѣе и болѣе глубокимъ упадкомъ крестьянскаго хозяйства. Общая сумма задолженности населенія Нижегородской губерніи по недоимкамъ всѣхъ (казенныхъ и земскихъ) окладныхъ сборовъ и по продовольственнымъ ссудамъ къ 1 янв. 1901 г. исчисляется г. Садовенемъ, на основаніи указаній офиціальныхъ источниковъ, въ 15.508,107 рублей.

Распредѣляя продовольственныя и страховыя недоимки на всѣ наличные дворы губерніи, а остальныя—на надѣльные, мы видимъ—говоритъ г. Садовень, –что въ среднемъ задолженность крестьянскаго двора выражается суммою около 64 рублей. Если мы вспомнимъ, что весь возможный валовой доходъ отъ крестьянскаго двора вмѣстѣ съ возможнымъ для него стороннимъ заработкомъ равняется суммѣ около 160 руб. въ годъ и что вся эта сумма при возможно минимальномъ, нищенскомъ потребительномъ уровнѣ уходитъ на питаніе, одежду, обувь и другія неотложныя нужды семьи, — то намъ станетъ ясно, какую громадную, неоплатную задолженность крестьянскаго двора рисуетъ эта цифра.

Что накопленіе недоимокъ является результатомъ именно неносильности для населенія налогового бремени, а не слѣдствіемъ другимъ какихъ-либо причинъ, лучше всего видно, если разсмотрѣть недоимочность по раіонамъ губерніи. Изъ сравненіи схемъ хозяйства отдѣльныхъ раіоновъ—приводимыхъ въ докладѣ г. Садовеня, въ дополненіе къ среднему разсчету по губерніи—видно, что въ сѣверной части губерніи итогъ всего трудового заработка семьи является наиболѣе благопріятнымъ; въ юго-западной и юго-восточной частяхъ онъ будетъ приблизительно одинаковъ, если допустить, что семьи заработываютъ внѣ своего надѣла и арендованной земли одинаковое количество денегъ, 50—60 руб. въ годъ. Но въ дѣйствительности такой заработокъ возможенъ только въ юго-западномъ раіонѣ съ развитыми промыслами; на юго-востокѣ, въ раіонѣ исключительно земледѣльческомъ, онъ долженъ быть значительно ниже. Въ томъ же порядкѣ распредѣляется и задолженность раіоновъ: недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, текущихъ и разсроченныхъ, къ концу 1900 г., въ среднемъ на 1 дворъ, числилось: въ сѣверномъ раіонѣ около 18 р., въ юго-западномъ около 39 рублей и въ юго восточномъ около 51 рубля.

Въ *Курской* губерніи стоимость всего урожая съ крестьян-

скихъ надѣльныхъ земель, по разсчету мѣстной казенной палаты, оцѣнивается въ 32 милл. рублей, стоимость же продовольствія крестьянскаго населенія и обсѣмененія полей въ 28 милл. руб. слишкомъ. Чистый доходъ отъ земли опредѣляется, такимъ образомъ, въ 3.800,000 руб., а сумма всѣхъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ въ 7.794,624 р.—т. е. остаткомъ стоимости урожая (за вычетомъ на обсѣмененіе и на продовольствіе) крестьянское населеніе можетъ покрыть только половину лежащихъ на немъ прямыхъ налоговъ.

Въ *Корочанскомъ* уѣздѣ, той же Курской губ., по исчисленіямъ уѣзднаго комитета, на каждую десятину крестьянской земли падаетъ однихъ только *казенныхъ* налоговъ (считая и главнѣйшіе косвенные) не менѣе 5 р. 50 к. „Надо только удивляться,—замѣчаетъ комитетъ—какъ можетъ нашъ крестьянинъ выносить подобные налоги,—въ среднемъ до 50 р. на дворъ,—не обладая достаточнымъ количествомъ земли, неграмотный, не знающій ремеселъ, которыя позволяли бы ему использовать продолжительный зимній досугъ".

Мы не будемъ продолжать далѣе нашихъ выдержекъ. Думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно для иллюстраціи вывода о несоразмѣрности общей тяжести государственнаго тягла съ платежными силами населенія, несущаго на себѣ главную его долю.

Н. Анненскій.

О сборникахъ товарищества „Знаніе"

за 1903 г.

(Литературная замѣтка).

I.

Товарищество „Знаніе" выпустило въ теченіе первой половины 1904 года два сборника разсказовъ, появленіе которыхъ составило нѣкоторымъ образомъ событіе на нашей литературной аренѣ. Въ нихъ приняли участіе выдающіяся беллетристическія силы разныхъ возрастовъ и, пожалуй, разныхъ настроеній. Нельзя вообще сказать, чтобы обѣ книги, вышедшія подъ однимъ общимъ заглавіемъ, объединенныя нумераціей (первый, второй) и указаніемъ, что они выпускаются „за такой-то годъ" — представляли что-нибудь и внутренне однородное, объединенное ка-

кимъ-нибудь общимъ мотивомъ, который выдѣлялъ бы данныхъ авторовъ въ цѣльную и явно отдѣльную группу, а читателю позволялъ бы сразу догадаться: вотъ чего они хотятъ, вотъ то *особенное*, только данной группѣ принадлежащее, чему до сихъ поръ не находилось мѣста въ литературѣ и что, поэтому, прокладываетъ свою особенную тропку среди обычныхъ литературныхъ путей. Обычный путь отъ писателя къ публикѣ пролегалъ и до сихъ поръ пролегаетъ черезъ журналы (а иногда и газеты). При этомъ, по особымъ условіямъ русской литературы и общественности, сложилось такъ, что уже самымъ выборомъ журнала беллетристъ до нѣкоторой степени выражалъ свою солидарность съ той или иной группой борющихся въ данное время литературно-общественныхъ взглядовъ и направленій. Даже покойный Чеховъ, какъ извѣстно въ началѣ своей дѣятельности довольно безразличный къ направленіямъ, подъ конецъ жизни, когда его взгляды углубились, а симпатіи сдѣлались опредѣленнѣе,—совершенно отошелъ отъ „Новаго Времени“, гдѣ часто появлялся ранѣе. Разсказы его печатались въ „Жизни“, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и уже затѣмъ выходили отдѣльными сборниками.

Теперь, повидимому, „Знаніе“ стремится нарушить эту традицію, и еслибы опытъ „Знанія“ утвердился, то мы имѣли бы вмѣсто прежнихъ этаповъ отъ литературы въ публику (журналъ и сборникъ даннаго автора) — новые: сборникъ нѣсколькихъ авторовъ-беллетристовъ и отдѣльный сборникъ даннаго автора. Нетрудно видѣть, что „новость“ заключается лишь въ первомъ этапѣ: прежде беллетристика выступала въ союзѣ съ тѣми или иными широкими общественно-политическими теченіями, теперь она порываетъ эту связь. Беллетристы „Знанія“ какъ бы считаютъ для себя болѣе удобнымъ выступать самостоятельно, легкимъ строемъ безъ вагенбурга, тяжелой артиллеріи и другихъ родовъ литературнаго оружія. Что-жъ... У „Знанія“ могутъ быть на то свои основанія. Иной разъ простое „удобство“ указываетъ на какія-нибудь назрѣвающія новыя формы. Все это допущенія возможныя, хотя и довольно гадательныя. Будущее укажетъ степень ихъ основательности, а пока, глядя изъ своего журнальнаго лагеря на изолированныя эволюціи недавно союзной беллетристики, мы слѣдимъ за ними съ нѣкоторымъ сложнымъ чувствомъ: удобно ли это для самихъ беллетристовъ, — объ этомъ лучше всего судить имъ самимъ. Что это неудобно для журналистики, — охотно признаемъ, идя навстрѣчу возможнымъ упрекамъ въ журнальномъ эгоизмѣ. Если это и эгоизмъ, то эгоизмъ, такъ сказать, групповой, эгоизмъ извѣстнаго „рода оружія“, въ которомъ стыдно заподозривать низменныя побужденія. Намъ просто пріятнѣе прежняя добрая традиція боевого союза и, еслибы „Знанію“ удалось ее разрушить, то пока еще мы не ви-

димъ основанія признать собственно въ этомъ особую заслугу передъ русской литературой...

II.

Всѣ эти соображенія, такъ сказать, формальнаго свойства не мѣшаютъ намъ, разумѣется, привѣтствовать два сборника „Знанія“, какъ чисто литературное явленіе выдающагося значенія.

Прежде всего, вѣроятно, большинство читателей открываютъ книгу на очеркѣ М. Горькаго „Человѣкъ“. На этотъ разъ, впрочемъ, это не художественный разсказъ, а лирико-философскій эскизъ, въ которомъ авторъ прославляетъ „Человѣка“ за его „мысль“. „Въ часы усталости духа“... такъ начинаетъ авторъ свой очеркъ... И нужно сказать, что нѣкоторая печать несомнѣнной усталости духа лежитъ на всемъ произведеніи. Тѣмъ не менѣе, біографу Горькаго придется отмѣтить основной мотивъ „Человѣка“: прославленіе мысли и притомъ *одной мысли*, какъ двигателя человѣчества по пути „впередъ и выше“. До сихъ поръ, пожалуй, въ произведеніяхъ г-на Горькаго можно было замѣтить скорѣе превознесеніе сильныхъ непосредственныхъ импульсовъ и темпераментовъ.

Со стороны чисто философской противъ концепціи „Человѣка“ можно возразить очень много: самъ авторъ нѣсколько разъ упоминаетъ о „гармоніи“, какъ цѣли стремленій самой мысли. А съ этой точки зрѣнія безчувственный умъ, какъ и безумное чувство равно лишены значенія. И вообще, кажется, эту старинную тяжбу между „умомъ (мыслію) и чувствомъ“ давно пора бросить, какъ совершенно безплодную и ничего не дающую ни уму, ни чувству.

Самый образъ „Человѣка“, о которомъ говоритъ г. Горькій,— несовсѣмъ ясенъ. Когда-то Гёте сказалъ, что „великаго человѣка мы познаемъ только въ совокупности человѣчества“. Въ этой фразѣ, особенно характерной въ устахъ геніальнаго писателя, цѣлая философія, цѣлое направленіе мысли, чувства, настроенія, совершенно противуположное представленію о ницшеанскомъ „сверхъ-человѣкѣ“. Могутъ быть ничтожные люди, очень много ничтожныхъ людей, но человѣчество не ничтожно, передъ всѣмъ человѣчествомъ самый великій человѣкъ — только атомъ, только одна капля, лишь потому несущаяся на верхушкѣ волны, что ее вмѣстѣ съ волной подняла величайшая и самая могучая изъ стихій, вся состоящая изъ порывовъ мысли, изъ кипѣнія чувства, изъ милліардовъ стремленій, сливающихся въ безграничный океанъ, и создающихъ *въ совокупности* представленіе о величіи все совершенствующейся человѣческой природы. Это представленіе глубоко демократично: все, что литература создала лучшаго, наиболѣе реальнаго и вмѣстѣ наиболѣе

идеалистическаго, покоилось, сознательно или безсознательно, на этомъ представленіи, и самъ г. Горькій въ лучшихъ и наиболѣе жизненныхъ своихъ произведеніяхъ служилъ этой же идеѣ: въ „совокупности человѣчества“ участвуютъ не одни великіе, живущіе на освѣщенныхъ вершинахъ. На днѣ, въ глубокихъ трущобахъ тоже есть черты, нужныя для созданія великаго образа коллективнаго человѣка; заслуга реалистовъ-художниковъ состоитъ въ изученіи „человѣка“ всюду, гдѣ онъ проявляется. Среди нихъ заслуга г-на Горькаго въ томъ, что онъ нашелъ черты „человѣчности“ еще въ одномъ темномъ и мало вскрытомъ до него закоулкѣ жизни. Человѣкъ же Ницше, или, какъ его принято вульгаризировать, „Сверхъ-человѣкъ“ есть понятіе глубоко аристократическое и регрессивное. Онъ тоже участвовалъ въ творчествѣ г-на Горькаго, искажая и извращая его образы. Теперь, въ лирико-философскомъ очеркѣ нашего автора, онъ выступаетъ безъ художественныхъ прикрытій: „Человѣкъ“ г-на Горькаго, насколько можно разглядѣть его черты,—есть именно человѣкъ ницшеанскій: онъ идетъ „свободный, гордый, *далеко впереди людей* (значитъ — не съ ними?) и *выше жизни* (даже самой жизни?), *одинъ*, среди загадокъ бытія...“

И мы чувствуемъ, что это „величаніе“, но не величіе. Великій человѣкъ Гёте какъ Антей почерпаетъ силу въ общеніи съ родной стихіей человѣчества; ницшеанскій „Человѣкъ“ г-на Горькаго презираетъ ее даже тогда, когда собирается облагодѣтельствовать. Первый — сама жизнь, второй — только фантомъ. И если всѣми своими сильными произведеніями г. Горькій (быть можетъ, безсознательно, какъ истинный художникъ), обязанъ демократической, гетевской концепціи великой „совокупности человѣчества“, то всѣ искаженія его яркихъ и сильныхъ образовъ должны быть, какъ намъ кажется, отнесены насчетъ ницшеанскаго сверхъ-человѣка, который воображаетъ, что капля, хотя бы и самая большая изъ капель, можетъ быть больше и глубже всего океана...

III.

Самымъ выдающимся произведеніемъ обоихъ сборниковъ безспорно является разсказъ Леонида Андреева „Жизнь Василія Фивейскаго“. Въ этомъ произведеніи обычная, уже обозначившаяся (напримѣръ въ „Мысли“) манера этого писателя достигаетъ наибольшаго напряженія и силы, быть можетъ потому, что и мотивъ, взятый темой для даннаго разсказа, значительно общѣе и глубже предыдущихъ. Это вѣчный вопросъ человѣческаго духа въ его исканіи своей связи съ безконечностію вообще и съ безконечной справедливостію въ частности. Свою задачу авторъ ставитъ въ

подходящія условія, при которыхъ душевный процессъ долженъ развернуться въ наиболѣе чистомъ и ничѣмъ не усложненномъ видѣ. Его Василій Ѳивейскій, немудрый сельскій священникъ, не отличается особенно глубокой мыслью. Онъ скорѣе человѣкъ туповатый, но за то является такъ сказать „геніемъ вѣры", ждущимъ только подходящихъ условій для полнаго расцвѣта. И авторъ въ своемъ разсказѣ, съ нѣкоторой сухостью психолога и анатома, обставляетъ своего героя этими условіями. На его немудрую, крѣпкую и вихрастую голову обрушивается цѣлый потокъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій, источникомъ которыхъ не только Ѳивейскій, но, какъ кажется, и самъ авторъ считаетъ какую-то „зловѣщую и таинственную преднамѣренность". Сначала у него случайно тонетъ единственный и страстно любимый сынъ. Съ горя его молодая жена начинаетъ пить, чтобы забыться, а затѣмъ у нея, пьяной и полубезумной, является мечта о новомъ материнствѣ, которое должно вернуть имъ обоимъ прежнее счастье и прежній покой. Ребенокъ рождается, и его называютъ, какъ и перваго, Васей, но онъ, зачатый въ болѣзни и безуміи, оказывается слабоумнымъ уродомъ. Такимъ образомъ мечта о возрожденіи превращается въ настоящій кошмаръ, и ребенокъ является чѣмъ-то въ родѣ олицетворенія „суроваго и загадочнаго рока", центромъ, отъ котораго на всю семью вѣетъ чисто мистическимъ ужасомъ. „Куда бы эти люди ни шли, что-бы ни дѣлали,—говоритъ авторъ,—они ни на минуту не забывали, что тамъ, въ полутемной комнатѣ, сидитъ нѣкто неожиданный и страшный, безуміемъ рожденный". Уродъ всецѣло овладѣваетъ настроеніемъ семьи, наполняя жизнь ея ощущеніемъ остраго кошмара, проникающаго собою и отравляющаго даже минуты досуга и развлеченія: „иной разъ садились они играть въ веселую и смѣшную игру"... Но и при этомъ „страшно было смотрѣть на двѣ пары нѣмыхъ костлявыхъ рукъ, безшумно и медленно двигавшихся по столу, какъ будто только однѣ эти руки были живыя и не было людей, которымъ онѣ принадлежатъ... Два холодныхъ, два блѣдныхъ, два угрюмыхъ лица одиноко выдвигались изъ темноты и качались въ странной нѣмой пляскѣ, два холодныхъ, два угрюмыхъ лица" (23). Когда попадья въ первый разъ замѣтила, что идіотъ начинаетъ „двигать ножкой", то попъ въ невольномъ ужасѣ возражаетъ „неправда"... Попадья опять начинаетъ пить, чтобы забыть и о мертвомъ ребенкѣ и о живомъ уродѣ, и однажды, въ припадкѣ запоя, сжигаетъ домъ, обгораетъ сама и умираетъ, а надъ попомъ продолжаетъ тяготить тотъ же „рокъ", таинственный и зловѣщій. Этого мало: роковая „преднамѣренность", преслѣдующая Василья Ѳивейскаго, какъ зараза переходитъ и на людей, съ нимъ соприкасающихся... Изъ желанія сдѣлать доброе дѣло онъ рекомендуетъ работника Мосягина торговцу Копрову,—и вскорѣ Мосягинъ гибнетъ, задавленный на работѣ обваломъ глинистаго обрыва. Въ

глазахъ окружающихъ на суровой фигурѣ неудачника-попа явно лежитъ какой то перстъ карающей или просто преслѣдующей его таинственной силы, но самъ Ѳивейскій только крѣпнетъ отъ этихъ испытаній и все болѣе утверждается въ своей вѣрѣ. А вѣра эта состоитъ въ томъ, что цѣпь страданій, *преднамѣренно* обрушиваемыхъ на его голову, есть результатъ сознательной и разумной воли, для которой самое страданье въ этомъ мірѣ есть благо, необходимое для равновѣсія съ блаженствомъ другого міра. Страницы, гдѣ г. Андреевъ рисуетъ это настроеніе Ѳивейскаго, мучительно разыскивающаго сокровенный смыслъ своихъ и чужихъ страданій, проникнуты большой силой и изображенія, и чувства. Смерть Мосягина, оставившаго большую семью, волею „случая“ обреченную на горе и бѣдствія,—завершаетъ въ глазахъ Ѳивейскаго „разумный“ процессъ его испытаній, и у него созрѣваетъ мысль, что все это послано лишь для того, чтобы закалить его вѣру и дать ей оправданіе: съ этихъ поръ его вѣра засіяетъ передъ всѣми, и бѣдный міръ, преступный, страдающій, смятенный, будетъ спасенъ, потому что страданія освѣтятся глубокимъ и разумнымъ смысломъ. И вотъ, во время заупокойной службы, когда тѣло Мосягина лежитъ въ церкви въ гробу, Василій Ѳивейскій, проникнутый непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своей идеѣ, говоритъ мертвецу:

— Семенъ! Тебѣ говорю встань.

Мертвецъ, разумѣется, лежитъ неподвижно, толпа въ ужасѣ бѣжитъ изъ церкви. „Было смятеніе и шумъ, и вопли, и крики смертельнаго испуга... Люди въ паническомъ страхѣ превратились въ стадо: они цѣплялись другъ за друга, угрожали оскаленными зубами, душили и рычали. И выливались въ дверь такъ медленно, какъ вода изъ опрокинутой бутылки...“ Василій Ѳивейскій остается одинъ со своей вѣрой и съ мертвымъ тѣломъ, которое онъ пытался оживить. „Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?—спрашиваетъ онъ.—Зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Все однимъ Тобою! Все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же,—я жду...“ Но на вопросъ нѣтъ отвѣта. Между тѣмъ надвигается буря, впечатлѣніе которой въ помраченномъ умѣ священника перемѣшивается съ впечатлѣніями его собственной несчастной жизни. „Внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздирается маска (о. Василію всюду видится лицо идіота сына), и хохотъ, подобный грому, наполняетъ всю тихую церковь. Грохочетъ, разгрызаетъ каменные своды, бросаетъ камни и страшнымъ гуломъ своимъ обнимаетъ одинокаго человѣка...“

Отецъ Василій сходитъ съ ума.

Такова, въ сухомъ и блѣдномъ изложеніи тема новаго разсказа г. Андреева. Впечатлѣніе всей картины глубоко и значительно: тема—одна изъ важнѣйшихъ, къ какимъ обращается че-

ловѣческая мысль въ поискахъ за общимъ смысломъ существованія. Исполненіе суховато, сурово и полно нервнаго захвата: читатель какъ бы попадаетъ въ какой-то вихрь, палящій и знойный. Но въ концѣ-концовъ,—всетаки впечатлѣніе сложно. Во время чтенія читатель часто находится во власти напряженнаго авторскаго лиризма, но затѣмъ, особенно при перечитываніи разсказа, выступаютъ черты нѣкоторой неудовлетворенности, пожалуй, недоумѣнія. Настроеніе Ѳивейскаго типично даже въ своей исключительности, но въ фонѣ, на которомъ выступаетъ эта фигура, т. е. въ собственномъ настроеніи художника, которое при лиризмѣ андреевской манеры то и дѣло проступаетъ наружу,—чувствуется нѣчто, такъ сказать, „родственно противуположное“ настроенію героя. Въ этомъ выраженіи—не случайный парадоксъ, а совершенно опредѣленное значеніе. Бываютъ идеи, „бываютъ люди, связанные такой родственной противуположностью при видимомъ взаимномъ отрицаніи: тамъ, гдѣ одна сторона говоритъ *да*, другая говоритъ *нѣтъ*, но обѣ стороны не выходятъ изъ круга, очерченнаго этими положеніями и отрицаніями“. Такая взаимная связь невольно чувствовалась намъ при чтеніи даннаго разсказа. Настроеніе Василья Ѳивейскаго глубоко и остро мистическое: во всемъ сцѣпленіи его злополучій и въ каждомъ отдѣльномъ ихъ звенѣ онъ чувствуетъ чью-то напряженно чуткую волю, безъ устали располагающую эти звенья въ одну цѣпь страданій, которыя должны и составить, и объяснить основной тонъ и смыслъ земной жизни. Но, признавая „преднамѣренность“ въ своихъ страданьяхъ, Василій Ѳивейскій говоритъ себѣ, что за ними скрыта чья-то воля, разумная и благая. И онъ хочетъ, чтобы побороть голосъ сомнѣнія, стать лицомъ къ лицу съ этимъ невѣдомымъ благомъ и потому вызываетъ его на чудо. Настроеніе, повторяемъ, типично при всей исключительности и г. Андреевъ, съ суровостью анатома и психолога, вскрываетъ его передъ читателемъ. Въ конечныхъ результатахъ этого анализа нельзя не видѣть противуположенія. „Того, что ищетъ этотъ бѣдный безумецъ,—нѣтъ“,—какъ бы говоритъ намъ авторъ своей заключительной сценой,—„и чудо не придетъ на самые страстные призывы“. Но... или мы сильно ошибаемся, или,—настроеніе самого художника родственно мистическому настроенію Ѳивейскаго.

Во всякомъ случаѣ художественные пріемы г-на Андреева даютъ много основаній для такого предположенія. Уже въ нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ разсказовъ молодого автора чувствуется легкое вѣяніе мистики: припомните хотя бы превосходный и проникнутый глубокимъ юморомъ разсказъ „Большой шлемъ“, въ которомъ, однако, въ случайной игрѣ карточныхъ комбинацій какъ бы чувствуется чья-то таинственная сознательность, насмѣшливая и злая. Въ данномъ разсказѣ эта черта уже выступаетъ съ полною ясностью и безъ прикрытія. „Надъ всей жизнью

Василья Ѳивейскаго,—говоритъ авторъ въ самомъ началѣ,—тяготѣлъ суровый и загадочный *рокъ*". И какъ бы для того, чтобы показать, что это не субъективное ощущеніе темнаго сельскаго попа, авторъ говоритъ нѣсколькими строками ниже: „Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, и *долго не замѣчалъ* той зловѣщей и таинственной *преднамѣренности*, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую, вихрастую голову..." Итакъ, преднамѣренность является какъ бы объективнымъ моментомъ, еще даже не замѣчаемымъ ея пассивною жертвой, но составляющимъ основной фонъ дальнѣйшаго разсказа. Даже въ тѣ минуты, когда, повидимому, настроеніе Ѳивейскаго радостно и спокойно,—авторъ уже видитъ, что „ко лбу его, гдѣ-то между бровями, безмолвно прилегаетъ тѣнь великой скорби. Ибо и въ эти дни покоя и отдыха надъ жизнью его тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ". (стр. 16). И это замѣчаютъ всѣ: торговецъ Копровъ, сослуживцы, мужики, бабы, даже... клопы: „они лѣзли изъ всѣхъ щелей, на глазахъ ползали по стѣнѣ, и ничѣмъ нельзя было остановить ихъ отвратительнаго нашествія" (17). Идіотъ-ребенокъ въ изображеніи г-на Андреева не простой идіотъ, нецѣлесообразно реагирующій на впечатлѣнія дѣйствительности... Это — олицетвореніе и символъ. Мы почти не видимъ его, не представляемъ себѣ его наружности, онъ почему-то сидитъ „въ полутемной комнатѣ", наводя на всѣхъ ужасъ именно своей таинственностью и мистической сознательностью, которая опять невольно чувствуется въ изображеніи г-на Андреева. Такъ, напримѣръ, уже послѣ смерти попадьи, въ минуту, когда Василій Ѳивейскій выковалъ въ своемъ тяжеломъ умѣ стройную систему своей вѣры, пріурочилъ ее къ грядущему чуду, и говоритъ съ одушевленіемъ: „Вѣрую, Господи, вѣрую!"—за нимъ раздается вдругъ смѣхъ идіота. „И тихо стало. И громкій, скачущій хохотъ прорвалъ тишину, ударилъ въ спину попа, и онъ со страхомъ обернулся... Идіотъ смѣялся. Безсмысленный, *зловѣщій* смѣхъ разодралъ до ушей неподвижную *огромную маску* *), и въ широкое отверстіе рта неудержимо рвался пустой, прыгающій хохотъ" (77)... Теперь припомнимъ заключительную сцену въ церкви, когда среди сгустившагося надъ разлагающимся трупомъ сумрака раздаются первые раскаты грозы: „внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздирается до самыхъ ушей *неподвижная маска*, и хохотъ, подобный грому, наполняетъ всю тихую церковь..." Итакъ—передъ Василіемъ Ѳивейскимъ раскрывается то самое, что, повидимому, было уже заранѣе извѣстно автору. Что кто-то таинственный *сознательно и преднамѣренно* обрушивалъ на голову бѣднаго попа цѣлые потоки бѣдствій—въ этомъ онъ, очевидно, не ошибался.

*) Курсивы, разумѣется, всюду наши.

въ этомъ авторъ готовъ съ нимъ согласиться. Но въ то время, какъ онъ угадывалъ за всѣмъ этимъ чью-то разумную волю, чьи-то планы, которые должны были разрѣшиться въ великое благо явнаго чуда,—въ дѣйствительности изъ зловѣщей пустоты за нимъ слѣдила только „зловѣщая“ маска идіота, олицетворяющая мистически-злую преднамѣренность природы...

Такова та „родственная противуположность“ настроеній, о которой мы говорили выше. Таковы ли дѣйствительно *сознательные* взгляды г-на Андреева? Этого мы не знаемъ. Имѣли ли мы право выдѣлить эту концепцію міра, какъ фонъ, сквозящій (быть можетъ и несознательно) изъ подъ его художественныхъ пріемовъ? Несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что эта концепція, только полярно-противуположная міровоззрѣнію Ѳивейскаго, ничуть не шире и не выше его и глубоко ему родственна. Перечитайте этотъ (несомнѣнно сильный и значительный) разсказъ, и вы согласитесь, что весь онъ проникнутъ, часто до глубокихъ искаженій самыхъ образовъ, этимъ мистическимъ тономъ. Вотъ, напримѣръ, описаніе ночи, которое невольно останавливаетъ вниманіе всякаго читателя своей трудно объяснимою странностью (стр. 72 и слѣд.). „Она бѣсновалась у дверей, мертвыми *руками* ощупывала стѣны, дышала холодомъ...“ „безграничнымъ кольцомъ она облегала домъ, давила на него сверху, искала отверстія, куда бы пропустить свой *сѣрый коготь*...“ „а потомъ, бѣсноватая, отбѣгала въ поле, кувыркалась, пѣла и плашмя бросалась на снѣгъ, *крестообразно обнимая* закоченѣвшую землю.“ Потомъ „поднималась, *садилась на корточки* и долго, и тихо смотрѣла на освѣщенныя окна, *поскрипывая зубами*. И снова съ визгомъ бросалась на домъ, выла въ трубѣ голоднымъ воемъ ненасытимой злобы и тоски, и обманывала: *у нея не было дѣтей, она сожрала ихъ и схоронила* въ полѣ, въ полѣ, въ полѣ...“ И далѣе: „она играла. Она садилась на бревна покинутаго сруба, качалась и бахалась въ снѣгъ и тихо кралась въ уголъ, и рыла тамъ могилу—для чужихъ, для чужихъ... И пѣла: „для чужихъ, для чужихъ“. А еще далѣе „она играетъ съ колоколомъ. Она ловитъ его гулкіе, толстые звуки, обливаетъ ихъ шипѣньемъ и свистомъ, рветъ, разбрасываетъ—тяжело катитъ ихъ въ поле, зарываетъ въ снѣгъ и прислушивается, *склонивъ голову на бокъ*. И снова бѣжитъ навстрѣчу новымъ звукамъ, неутомимая, злая и такая *хитрая, какъ бѣсъ*...“

Если вы всмотритесь со вниманіемъ въ это описаніе, которое мы значительно сократили, то легко увидите, въ чемъ именно заключается его основная нота. Многіе художники описываютъ природу терминами человѣческихъ ощущеній: буря стонетъ, плачетъ, злится, печалится, груститъ. Это и неизбѣжно, и правдиво: подъ условными выраженіями вы чувствуете связь, извѣчную, неразрывную, скажемъ даже, таинственную, между природой и

душой человѣка, которая есть вѣдь тоже явленіе природы и потому тѣсно связана съ нею милліонами своихъ живыхъ ощущеній... Но въ этихъ художественныхъ описаніяхъ современныхъ намъ людей уже давно исчезла фетишисткая концепція міра, сознательно или безсознательно превращаясь все болѣе въ пантеистическую. Для современнаго человѣка ночь всетаки есть лишь та же природа, т. е. тотъ же просторъ полей, та же даль, то же небо, тѣ же лѣса и рѣки, только прикрытые пологомъ тьмы и обвѣянные тѣми же ощущеніями легкой неувѣренности въ чемъ-то, догадки о чемъ-то, печали, которыя тьма навѣваетъ на человѣческую душу... И это та степень *художественной* правды, которую искусство проводитъ посредствомъ образовъ въ нашу жизнь, вѣчно ищущую познанія, на смѣну старымъ напластованіямъ давно отжившихъ міровоззрѣній. Въ описаніи г-на Андреева ночь *совершенно отдѣляется* отъ реальной природы. Она—не природа, задернутая тьмою, не ночной вѣтеръ, не холодная мятель, а отдѣльное существо, совершенно не сливающееся съ природой, а только живущее въ данной обстановкѣ своею особою жизнью. Ея свойства не имѣютъ даже ничего общаго съ нашими представленіями о ночной природѣ: вмѣсто того г. Андреевъ сообщаетъ намъ объ ней очень подробныя „личныя“ и даже „посемейныя“ данныя: она сѣрая, у нея есть коготь, она сожрала и зарыла своихъ дѣтей, или хочетъ кого-то увѣрить, что у нея были дѣти, она любитъ садиться на корточки и склонять голову на бокъ, она „злая и такая хитрая, какъ бѣсъ ..“ И это странное описаніе опять не можетъ быть объяснено субъективными ощущеніями Василья Ѳивейскаго, потому что его міровоззрѣніе совсѣмъ другое,—по своему одухотворенное и по своему цѣльное... Ночь г-на Андреева даже не Nox древнихъ, ступавшая безшумными стопами среди темноты. Это—какое то кувыркающееся злое животное, пробуждающее въ душѣ современнаго человѣка давно погребенныя подъ другими психологическими напластованіями старые страхи фетишизма... И отъ этого описаніе производитъ впечатлѣніе двойственное и странное, впечатлѣніе того художественнаго диссонанса и фальши, которое мы встрѣчаемъ на иныхъ картинахъ импрессіонистовъ, нарочно извращающихъ перспективу. Г-нъ Андреевъ настолько человѣкъ XX столѣтія, что, конечно, не можетъ вложить достаточно непосредственности въ образы темнаго фетишизма. Но онъ настолько художникъ, что подъ его образомъ порой какъ будто всетаки шевелится что-то давно и по достоинству забытое, отжившее, мы сказали бы даже, психически-реакціонное... А такъ какъ читатель—человѣкъ XX вѣка и не можетъ сколько-нибудь цѣльно перенестись на эту точку зрѣнія, то описаніе производитъ на него впечатлѣніе раздвоенности, мѣстами близкое

къ сухой риторикѣ съ условностями и неискренностью символической стилистики...

Такимъ образомъ, читатель стоитъ въ данномъ случаѣ передъ двумя родственными, хотя и полярно-противуположными концепціями міра. Василій Ѳивейскій зоветъ его къ признанію законности страданія и къ чуду, какъ проявленію неустанной преднамѣренности великаго и разумнаго личнаго начала въ природѣ. Г. Андреевъ жестоко смѣется надъ мечтой бѣднаго попа и при помощи своего крупнаго дара и странныхъ символовъ—подставляетъ другую концепцію съ сознательнымъ началомъ неосмысленнымъ, злымъ и дикимъ .. Но читатель, какъ человѣкъ XX вѣка, чувствуетъ съ большей или меньшей ясностью, что между этими полярными концепціями располагаются еще тысячи возможностей, весь безконечно разнообразный реальный міръ, какъ онъ познанъ его при помощи вѣковой мысли безчисленныхъ поколѣній. И онъ легко можетъ сказать обоимъ, т. е. и Василію Ѳивейскому, и автору: „Ваши концепціи довольно закончены, но очень узки. Я знаю еще слишкомъ мало для того, чтобы на мѣсто вашихъ поставить свою систему, которая охватила бы всѣ частности жизни однимъ предчувствіемъ, одной міровой гипотезой, великой, цѣльной и живой. Но, съ другой стороны, я знаю слишкомъ много для того, чтобы серьезно принять вашу персонификацію. Поэтому ночью я испытываю самое большее смутную неувѣренность, но не мистическій ужасъ, а при видѣ уродства или слабоумія мое сердце сжимается отъ жалости и боли, но опять не отъ мистическаго страха. И я знаю, что стою среди міра, въ которомъ наибольшее чудо—его устойчивые законы, подлежащіе познанію, а не чей-то фантастически злой и безсмысленный произволъ, а также, что страданіе есть то, съ чѣмъ мы и должны, и, главное, *можемъ* бороться... И потому я не признаю, какъ Василій Ѳивейскій, преднамѣренности страданія и не стану вымогать благого чуда, но я не вижу также основаній на мѣсто одной преднамѣренности ставить другую. Я просто буду жить и бороться за то, что уже теперь *сознаю* своимъ умомъ и ощущаю чувствомъ, какъ несомнѣнные элементы предчувствуемаго мною великаго, живого, безконечнаго блага. Эти элементы я вижу пока въ своемъ сознаніи, но оно нераздѣльно со всей природой... И значитъ они есть въ природѣ, хотя бы въ томъ ея углу, который и называется „человѣческимъ духомъ...“ И потому долой злые фантомы отжившихъ міровоззрѣній и пугающіе призраки злой и бѣшеной ночи...“

И намъ кажется, что такой средній человѣкъ будетъ правъ и что концепція Л. Андреева, которую онъ сознательно, какъ мыслитель, или безсознательно, по художественному темпераменту, подставляетъ на мѣсто концепціи Василія Ѳивейскаго, сильно искажаетъ правдивость и „реальность“ его образовъ.

Жизнь, та самая жизнь, въ которой Василій Ѳивейскій видитъ одно, а г. Андреевъ другое,—могла бы предъявить къ нашему автору искъ о клеветѣ и диффамаціи. Выводы, разумѣется, дѣло личное, но факты должны быть установлены правильно. А факты говорятъ, дѣйствительно, что жизнь въ сущности добрѣе ея изображенія въ данномъ разсказѣ. Такъ для самыхъ глубокихъ несчастій у нея есть два смягчающихъ момента. Это, во 1-хъ, привычка и, во 2-хъ, любовь. Тотъ кошмаръ испуга при рожденіи урода, который г. Андреевъ растягиваетъ все въ той же его первоначальной остротѣ на цѣлые годы,—въ сущности никогда годы тянуться не можетъ. И точно такъ же въ жизни, дѣйствительной, а не пугающей злою сознательностью,—матери не *боятся* своихъ дѣтей, хотя бы и слабоумныхъ. Материнское сердце можетъ истечь кровью, медленно и мучительно сочащейся цѣлые годы, и всетаки первое „движеніе ножкой“ у неподвижнаго урода-ребенка матери не испугаетъ, а доставитъ проблескъ радости и надежды... И не только у матери: мы знаемъ, что попытки раздуть искру сознанія въ помраченномъ умѣ, составляютъ теперь задачу даже общественныхъ учрежденій, проникнутыхъ трезвымъ знаніемъ и тѣмъ почти религіознымъ началомъ любви, въ которой г. Андреевъ отказываетъ даже материнскому сердцу. И это, конечно, потому, что современное человѣчество, еще далекое отъ окончательныхъ рѣшеній окружающей его безконечной міровой тайны, всетаки освѣтило ее настолько, чтобы не бояться ни мрака физической ночи, въ которой для него нѣтъ уже фетишей, ни ночи психической. Оно давно оставило позади мистическіе страхи „одержимости“ и „бѣсноватости“, и для него слабоуміе есть лишь нецѣлесообразность, а не таинственно злая сознательность. Смѣхъ идіота для любящаго врача и учителя можетъ быть проявленіемъ умственной тьмы, но не „зловѣще сознательной“ насмѣшкой. И потому именно этотъ смѣхъ для любящаго человѣка нерѣдко перестаетъ быть даже безсмысленнымъ: тьма побѣждается и освѣщается любовью, которая только возрастаетъ при свѣтѣ трезвой мысли и трезваго познанія міра...

Мы сказали такъ много отрицательнаго по поводу разсказа г-на Андреева, что это можетъ подать поводъ къ невѣрному представленію о нашей оцѣнкѣ. Повторяемъ поэтому, что мы говоримъ не объ эстетической, а, такъ сказать, о философской подкладкѣ разсказа, о той основной формулѣ, которую художникъ развертываетъ въ частичныхъ образахъ. На вопросъ, который принято обыкновенно ставить относительно авторовъ—сдѣлалъ ли онъ шагъ впередъ или назадъ,—мы отвѣтимъ рѣшительно, что „жизнь Василія Ѳивійскаго“ есть несомнѣнно наиболѣе значительное изъ произведеній г-на Андреева, произведеніе, въ которомъ его художественная манера достигаетъ большой опредѣленности и силы. Въ немъ онъ смѣло берется за одну изъ важ-

вѣйшихъ проблемъ человѣческаго духа, и страницы, гдѣ Өивейскій въ своихъ тяжелыхъ и тревожныхъ исканіяхъ пытается установить связь между своимъ горемъ и темнымъ горемъ исповѣдующихся у него мірянъ,—производятъ очень глубокое впечатлѣніе... Но именно потому, что это—самое значительное произведеніе молодого художника,—оно, какъ намъ кажется, даетъ матеріалъ для постановки тѣхъ вопросовъ, которые мы и пытались поставить въ этой бѣглой замѣткѣ. Цѣльность художественнаго настроенія, художественная искренность вся цѣликомъ зависитъ отъ гармоніи между образомъ и сознательно или безсознательно присутствующей въ душѣ художника концепціей природы и міра. И потому разсказъ г-на Андреева силенъ односторонне и, такъ сказать, отрицательно: мы видимъ заблужденіе бѣднаго священника, но психическій и лирическій тонъ этой картины, составляющій принадлежность самого автора, производитъ впечатлѣніе тревожное, дразнящее, болѣзненное. Разсказъ захватываетъ жгучимъ исканіемъ въ очень важной и возвышенной области. Но впечатлѣніе неровно, и порой несомнѣнно чувствуется, что для своей мистической, сухой и мрачной, формулы авторъ приноситъ значительныя жертвы реальной правдой изображенія...

III.

Въ той же книжкѣ, гдѣ помѣщенъ разсказъ г-на Андреева, читатель встрѣчаетъ очеркъ г-на Гусева-Оренбургскаго: „По приходу“. Героемъ его является опять священникъ и опять передъ нимъ стоитъ, только въ болѣе частныхъ и болѣе реальныхъ формахъ—коренной вопросъ его призванія.

Въ приходѣ, который объѣзжаетъ о. Викторинъ,—какъ всюду въ жизни,—есть сильные и слабые, притѣснители и притѣсняемые, грабители и ограбляемые, есть пассивно подчиняющіеся и протестующіе. И среди нихъ—пастырь со своимъ служеніемъ и своей проповѣдью... Пастырь г-на Гусева,—увы,—опять какъ это бываетъ нерѣдко въ жизни—человѣкъ обыкновенный, далеко не герой и довольно спокойно выбираетъ ту сторону, на которую ему приходится стать въ житейской борьбѣ. Г. Гусевъ рисуетъ свою картину съ грустнымъ юморомъ. Всѣ его фигуры набросаны быть можетъ слишкомъ бѣгло, но правдиво и жизненно, а нѣкоторые эпизоды,—напримѣръ, ночная встрѣча попа, благополучно возвращающагося со сбора, съ кузнецомъ Зосимой, деревенскимъ протестантомъ, пытающимся бороться, своими наивными средствами, съ притѣснителями деревенскаго міра,—производятъ очень сильное впечатлѣніе. Зосима—фигура трагическая: всѣ его попытки впередъ обречены на неудачу, и онъ отчасти предчувствуетъ свою судьбу. Онъ разсказываетъ попу сонъ, въ которомъ

онъ видѣлъ себя въ совершенно небываломъ положеніи: „Иду я... И смотрю на звѣзды... И слезы... Плачу... Вдругъ пѣніе... Въ сердце, знаешь, такъ и ударило, какъ молотомъ! И побѣгъ я... бѣгу и плачу... скушно мнѣ... сердце рвется!“... И Зосима приходитъ въ городъ, гдѣ его встрѣчаютъ криками: „Кузнецъ идетъ, кузнецъ идетъ“. И даютъ въ руки молотъ, а на наковальнѣ—золотая подкова“. „Поднялъ я молотъ, ахнулъ и ударилъ... И все ахнуло кругомъ—земля и небо“... Но пока сбудется этотъ сонъ, бѣдный Зосима скитается бѣглецомъ по лѣсу, преслѣдуемый сильною властью нѣкоего Флегонта, бывшаго лакея, а теперь деревенскаго воротилы. Зосима глубоко правъ въ своемъ заступничествѣ за міръ и въ своей борьбѣ, но средства осуществленія этой правды наивно неумѣлы и незаконны. Флегонтъ—явный грабитель и насильникъ, но онъ правъ юридически, и между этими двумя „правами“ или „правдами“ (какъ хотите) стоитъ о. Викторинъ, у котораго для деревенскаго мечтателя и борца не находится ничего, кромѣ совѣта покориться Флегонтовой силѣ... И въ заключеніе ночного разговора о. Викторинъ проситъ:

— Ну, а ты вотъ что... Ты слушай-ка Зосима. Ты тамъ ни кому ни слова, понимаешь?... По настоящему-то я тебя представить долженъ, какъ бѣгуна... Смотри же.

— Не бойсь, батюшка, не выдамъ...

„О. Викторинъ тронулъ возжами и поѣхалъ дальше. Ему думалось, что въ самомъ дѣлѣ такъ жить нельзя, какъ живутъ курычанцы. На его глазахъ они совсѣмъ отощали! „Бьется народъ“... И ища причины этому, онъ со вздохомъ подумалъ, что пало древлее благочестіе и Господь посылаетъ кары народу... Онъ даже подумалъ, что не дурно бы сказать проповѣдь на эту тему“...

Уже изъ этихъ коротенькихъ выдержекъ читатель видитъ, что въ разсказѣ г-на Гусева взята тоже своего рода трагедія. Въ жизни Василія Ѳивейскаго мы имѣемъ дѣло съ общей формулой,—здѣсь съ ея частнымъ примѣненіемъ, будничнымъ, обыкновеннымъ, пожалуй, избитымъ. Тамъ—большой вопросъ „духа“, здѣсь—частный случай маленькой житейской правды, и конечно, мы не сравнимъ этихъ двухъ разсказовъ по значенію и силѣ впечатлѣнія. Но намъ невольно приходитъ въ голову, что, еслибы суровая сила изображенія, глубина въ постановкѣ вопросовъ, присущая г-ну Андрееву, соединялись съ простотой, которую мы видимъ у г-на Гусева, еслибы обстановка Ѳивейскаго была нарисована такъ же сильно, какъ у г-на Андреева, но и такъ же непосредственно и правдиво, какъ обстановка Викторина, безъ излишней аффектаціи, безъ символическихъ условностей и „страховъ“,—вотъ когда трагедія выступила бы выпукло и просто, и вотъ когда мы имѣли бы литературное явленіе того огромнаго значенія, на которое теперь лишь намекаетъ разсказъ г-на Андреева своими величавыми, но схематичными и не вездѣ правильными [illegible].

У г-на Гусева нѣтъ особенной глубины, но очень много задушевной правды. У г-на Андреева есть глубина и широта захвата. Пожелаемъ ему побольше простоты и реальности изображенія, т. е. именно правды, правды и правды...

IV.

То же пожеланіе, но только еще въ гораздо большей степени, слѣдуетъ высказать по поводу произведенія г-на Юшкевича—„Евреи“. Рамка, которую взялъ г. Юшкевичъ, очень широка, тема тоже интересна и значительна. Повидимому, авторъ имѣлъ въ виду изобразить пробужденіе самосознанія и человѣческаго достоинства въ страдающей и забитой средѣ своихъ соотечественниковъ,—болѣе страдающей и болѣе забитой, чѣмъ какая бы то ни была другая среда. Задача большая и важная, и, конечно, художнику, который за нее берется, слѣдуетъ пожелать всякаго успѣха. Въ сборникѣ напечатаны пока только „отрывки изъ повѣсти“, которые представляютъ лишь матеріалъ для будущей широкой постройки. Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ главъ чрезвычайно неопредѣленно, и отзывъ еще затрудняется нѣкоторыми побочными обстоятельствами. Внѣшній, такъ сказать, типографскій, видъ повѣсти г. Юшкевича рождаетъ въ умѣ невольное представленіе о полѣ, надъ которымъ промчался сильный вихрь. Нѣкоторыя страницы напечатаны разрядкой, мѣстами онѣ меньше другихъ. Повидимому, текстъ подвергался запоздалой и торопливой передѣлкѣ... Это, конечно, сильно затрудняетъ критическое сужденіе, которое мы и произносимъ поэтому съ оговоркой. Но и при всей, вызываемой этимъ обстоятельствомъ, осторожности, — намъ всетаки кажется, что автору можно сдѣлать упрекъ въ значительной неряшливости и неотдѣланности работы. Нѣкоторые періоды, особенно въ первой трети — производятъ впечатлѣніе элементарной неумѣлости, а иной разъ прямо неграмотности. „Ничтожнѣйшій товаръ, какимъ-то непостижимымъ чудомъ оказывался нужнымъ, превращался въ хлѣбъ, и кусокъ стараго желѣза, отъ котораго кормились тысячи семей, вдохновлялъ мысль, вызывалъ свѣтъ надежды, и на его алтарь (алтарь куска желѣза!) бросались человѣческія жертвы“ (II. 176)... „Не было предѣла *своему* истязанію (ib). Лопалась кожа на рукахъ, на плечахъ, темнѣло въ глазахъ, терялось дыханіе, — все шло въ желѣзный тюкъ вмѣстѣ съ алканіемъ лучшаго будущаго. Погруженн*ые* по сердце въ трудъ, измученн*ые*, въ длинныхъ сюртукахъ, какъ армія безсмысленныхъ рабовъ, служившая хозяину, — *никто* не бросалъ на мигъ дѣла“... Или: „Нахманъ еще не понималъ ясно, что случилось, что происходитъ съ нимъ, но одна искра обжигала его неустанно, шли дни за днями, и гнѣвъ его незамѣтно выды-

хался. И то, что онъ начиналъ свыкаться съ неизбѣжностью безумнаго труда, который раздавилъ и разсѣкъ его, что со всѣхъ сторонъ чужая жизнь билась въ его душу и вызывала у нея участіе, онъ самъ пришелъ къ нормѣ, какъ приводится къ правильному бѣгу молодая лошадь, если перегрузить ее тяжестью (177)". Мы взяли эти безсвязные обрывки рѣчи наудачу всего лишь на двухъ страницахъ. Но такими описаньями, въ которыхъ „алтари куска желѣза" перепутываются въ шероховатыхъ періодахъ съ какими-то непрестанно обжигающими искрами (отъ которыхъ однако „выдыхается гнѣвъ") или съ трудомъ, который „раздавилъ и разсѣкъ" человѣка, чѣмъ и „привелъ его къ нормѣ"—авторъ наполняетъ цѣлыя страницы. Яркія, колючія и жгучія слова мелькаютъ въ какомъ-то безпорядочномъ изобиліи, оставляя впечатлѣніе взволнованной торопливости, но не давая представленія объ общей картинѣ этого загадочнаго труда (рѣчь, повидимому, идетъ о мелкой торговлѣ старьевщиковъ), ни о средѣ. За то, когда авторъ рисуетъ тотъ періодъ жизни своего героя, когда онъ былъ чернорабочимъ, то тутъ мы встрѣчаемся съ преувеличеніями уже въ другую сторону. Это время „казалось (Нахману) временемъ гигантовъ. Всѣ люди были сильными, здоровыми, насмѣшливыми, какъ будто не существовало страданій, и они не знали мученій. Тягота царила, но никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, въ которомъ солнце должно было быть большимъ, горячимъ, а работа широкимъ размахомъ души, бродившихъ силъ, радостью тѣла"... „*Чудно и упоительно* было работать съ партіей поденщиковъ... *Какъ сладокъ* былъ черный хлѣбъ послѣ труда! Разстегнутая косоворотка открывала крѣпкую молодую грудь, легко дышавшую. Сильныя челюсти съ зубами, подобными жерновамъ и топорамъ, чудно работали. И хороши были ночи въ небольшой комнатѣ, гдѣ въ повалку спали десятки людей, съ теплыми тѣлами, *которыя грѣли, какъ ласка*" (!).

„Вспоминалъ ли онъ время, когда ѣздилъ извощикомъ, и въ тяжеломъ армякѣ съ твердой, какъ желѣзо, шапкой на головѣ, носился пѣлыя ночи до утра, — все теперь казалось въ пѣсняхъ(?) Пахнулъ армякъ, широкій и свободный, тяжелая шапка мнилась изъ золота, а холодныя ночи... были, какъ не отъ міра..." Повидимому, у г-на Юшкевича совсѣмъ нѣтъ на палитрѣ нейтральныхъ цвѣтовъ, а въ голосѣ среднихъ тоновъ. Отъ этого авторъ впадаетъ въ постоянныя противорѣчія, то увѣряя насъ, что среда, которую онъ изображаетъ, не думаетъ ни о чемъ, кромѣ хлѣба и хлѣба, то изображая людей, говорящихъ книжнымъ языкомъ объ однѣхъ высокихъ и отвлеченныхъ матеріяхъ. Правда, приблизительно со второй трети разсказъ становится болѣе живымъ, болѣе связнымъ и порой прямо интереснымъ. Но все же и здѣсь впечатлѣніе далеко не однородно: мотивъ сильный, изложеніе проникнуто яркимъ одушевленіемъ. Но фигуры ка-

жутся взятыми не съ натуры. Нахманъ сильно напоминаетъ нѣкоторыхъ героевъ Горькаго. Неся, дѣвушка изъ бѣдной семьи говоритъ, какъ героиня Ауэрбаха... Ее влечетъ городъ съ его огнями, блескомъ и развратомъ.

— Смотрите, Нахманъ,—говоритъ она:—оглядите меня... Не лгите. О, будьте смѣлы, хоть теперь! Подумайте, — продать это негодное тѣло, которое здѣсь никому не нужно, отдать живого человѣка, надъ которымъ издѣвается отецъ, преслѣдуютъ нищіе-бѣдняки, и на мигъ стать сильной, крѣпкой, какъ золото, ходить среди гордыхъ, богатыхъ людей и хоть одинъ разъ сказать „я“,—что можетъ меня удержать?..

И затѣмъ, когда ея паденіе уже совершилось, она говоритъ тому же Нахману:

— Вотъ я смотрю на городъ, и опять что-то бьется въ груди попрежнему и хочется крыльевъ, чтобы полетѣть на огонь. Не городъ звалъ меня,—скажите, кто?.. И т. д.

Неся дочь бѣдняка-торговца изъ полунищей семьи. Еслибы намъ описали, такимъ образомъ, русскую дѣвушку изъ какого-нибудь предмѣстія,—мы сказали бы опредѣленно, что это описаніе не правдоподобно... Тотъ же, быть можетъ, психическій мотивъ сказался бы не такъ книжно, не такъ приподнято и искусственно. Но здѣсь рѣчь идетъ объ еврейской средѣ. Можетъ быть, думаетъ читатель, *у нихъ* это и такъ... Можетъ быть между ними и ведутся всѣ эти разговоры, и произносятся красивые монологи. Мы теперь очень чутки къ проявленіямъ всякой новой силы и намъ такъ хочется вѣрить, что эти новыя силы уже нарождаются, что онѣ уже есть и должны сказаться въ скоромъ времени. И потому мы чутки также къ мотивамъ, разработываемымъ, съ большой, повидимому, вѣрой и одушевленіемъ, въ разсказѣ г-на Юшкевича. Но одного одушевленія мало: намъ нужна жизненность и простота образовъ, такая жизненность, при которой не приходилось бы дѣлать предположенія—„такъ ли это дѣйствительно?“ и есть ли такіе люди,—а оставалось бы только смотрѣть: вотъ они, живые, достовѣрные въ художественно правдивомъ изображеніи. Пока этого на основаніи работы г-на Юшкевича мы сказать не можемъ. Его герои и ихъ монологи производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто это не картина изъ жизни, а какая-то романтическая феерія при искусственномъ освѣщеніи... Вообще,—„отрывки изъ повѣсти“ г-на Юшкевича представляютъ пока матеріалъ, возбуждающій интересъ, но надъ которымъ автору слѣдовало много и серьезно поработать прежде, чѣмъ отдавать на судъ читателя...

V.

„Вишневый садъ“ покойнаго Чехова вызвалъ уже цѣлую литературу. На этотъ разъ свою тоску онъ пріурочилъ къ старому мотиву—дворянской безпечности и дворянскаго раззоренія, и потому впечатлѣніе пьесы значительно слабѣе, чѣмъ отъ другихъ чеховскихъ драмъ, не говоря о разсказахъ. Главнымъ героемъ этой послѣдней драмы, ея центромъ, вызывающимъ, пожалуй, и наибольшее сочувствіе—является вишневый садъ, разросшійся когда-то въ затишьи крѣпостного права и обреченный теперь на срубъ, благодаря неряшливой распущенности, эгоизму и неприспособленности къ жизни эпигоновъ крѣпостничества. Въ драмѣ есть много чисто чеховскихъ черточекъ, и общій тонъ, обвѣянный знакомою намъ печалью, долженъ производить (особенно въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ и при томъ въ сценическомъ исполненіи) свое обычное обаяніе, но въ общемъ, все-таки это вещь болѣе для сцены, чѣмъ для чтенія, и въ цѣломъ представляетъ что-то экзотическое. А фигура „облѣзлаго студента“, въ которомъ должны звучать ноты бодрости и надежды, производитъ впечатлѣніе невыясненности и недоумѣнія: почему надежда на будущее ассоціирована съ внушающей унынію полинялостью и безнадежною тусклостью...

Въ посмертныхъ замѣткахъ, посвященныхъ глубоко-симпатичной памяти покойнаго писателя, мы встрѣтили между прочимъ упоминаніе, что ему очень нравились очерки г. Бунина, озаглавленные „Черноземъ“ и помѣщенные въ первомъ сборникѣ „Знанія“. Мы можемъ понять это: очерки г-на Бунина разработываютъ тотъ же запоздалый мотивъ и проникнуты той-же печалью о призракахъ, когда то жившихъ, радовавшихся и любившихъ среди уюта „дворянскихъ гнѣздъ“, которые мы встрѣчаемъ и въ послѣдней драмѣ Чехова. Къ сожалѣнію, намъ приходится сказать, что мы не раздѣлаемъ этой оцѣнки по отношенію къ даннымъ очеркамъ г-на Бунина. Его „Черноземъ“ — это легкія виньетки, состоящія преимущественно изъ описаній природы, проникнутыхъ лирическими вздохами о чемъ-то ушедшемъ... Эта внезапно ожившая элегичность намъ кажется запоздалой и тепличной. Прежде всего,—мы уже имѣли ея такъ много и въ такихъ сильныхъ образцахъ. Въ произведеніяхъ Тургенева этотъ мотивъ, весь еще трепетавшій живымъ ощущеніемъ свѣжей раны, жадно ловился поколѣніемъ, которому былъ близокъ и родственъ, но и тамъ онъ составлялъ всегда фонъ, а не содержаніе тургеневскихъ картинъ, полныхъ живыми образами. Потомъ на смѣну тургеневскаго поколѣнія художниковъ, пришли люди, которые сами не имѣли ни дворянскихъ гнѣздъ, ни вишневыхъ садовъ, и по-

тому могли смѣяться надъ этой элегіей „насмѣшкой горькою обманутаго сына“ или даже смѣхомъ совсѣмъ чужихъ людей... И они смѣялись то весело, то язвительно и горько въ произведеніяхъ Слѣпцова, Успенскихъ (Николая и Глѣба), Щедрина, Сергѣя Атавы и другихъ помельче. И не странно ли, что теперь, когда цѣлое поколѣніе успѣло родиться и умереть послѣ катастрофы, разразившейся надъ тѣнистыми садами, уютными парками и задумчивыми аллеями, насъ вдругъ опять приглашаютъ вздыхать о тѣняхъ прошлаго, когда-то наполнявшихъ это нынѣшнее запустѣніе. Но вѣдь съ тѣхъ поръ въ русской жизни проложили или пытались проложить столько новыхъ аллей и проспектовъ, насадили или пытались насадить столько садовъ... И столько ихъ запустѣло, заглохло или пало подъ ударами топоровъ,—что право намъ нужно экономить наши вздохи... „Вишневый садъ“ у г-жи Раневской, „Золотое дно“ у сестры разсказчика въ „Черноземѣ“—были и прошли, и Богъ съ ними, тѣмъ болѣе, что г-жа Раневская благополучно ѣдетъ за границу къ своему другу-альфонсу... Вотъ то, что г-нъ Бунинъ только намѣчаетъ среди своихъ элегическихъ картинокъ (второй очеркъ: „Сны“), тѣ толки угрюмымъ шопотомъ о старомъ и новомъ, которыми дѣлятся въ сумракѣ вагона III класса неясныя сѣрыя фигуры,—могло бы быть интересно. Но... случайно или не случайно, г. Бунинъ ихъ не дослушалъ...

VI.

Совершенно другое впечатлѣніе—живое, суетливое, довольно яркое, но и довольно пестрое—производитъ „деревенская драма“ въ 4-хъ дѣйствіяхъ г-на Гарина. Драмы, собственно, нѣтъ или, вѣрнѣе—тутъ столько драмъ въ одно время, что эти бѣглые наброски едва ли можно считать одной драмой. Всѣ фигуры намѣчены талантливой и бойкой рукой, языкъ—живой, образный, подлинно народный. Но въ общемъ—всетаки впечатлѣніе получается пестрое и непрочное (не беремся судить, что вышло бы на сценѣ). Есть у г-на Гарина убійство, отравленіе женою мужа, иллюстраціи „разложенія общины“. Всякій эпизодъ въ отдѣльности—живая сцена, все въ цѣломъ—калейдоскопъ и мельканіе. И это потому, что картинки г-на Гарина составляютъ какъ бы подражаніе „Власти тьмы“ Л. Н. Толстого. Но „Власти тьмы“ подражать нельзя. Это уникъ въ своемъ особомъ родѣ, огромное зданіе, воздвигнутое геніальной рукой въ литературномъ тупикѣ, откуда нѣтъ дальше хода для литературнаго подражанія и школы. По поводу этого произведенія у г-на Гарина завязалась полемика съ критикомъ „Русскихъ Вѣдомостей“. Въ своемъ возраженіи на нѣкоторыя замѣчанія критика (г-на И.) авторъ говорилъ о темнотѣ народной среды, о необходимости вскрывать ея

язвы и о вредномъ значеніи общины. Разумѣется, нельзя спорить съ тѣмъ, что народная среда темна, и съ тѣмъ, что язвы вскрывать необходимо. Но даже спорность вопроса о современномъ значеніи общины еще не говоритъ въ пользу художественнаго значенія данной драмы. Намекъ на дѣйствительную драму есть только въ эпизодѣ съ отравленіемъ молодой женой „гнилого“ мужа. Но, во-первыхъ, мотивъ этотъ далеко не новъ: мы можемъ указать, напримѣръ, прекрасный разсказъ г-на Мамина („Отрава“), гдѣ это явленіе народной жизни освѣщено во всемъ его простомъ и мрачномъ трагизмѣ. А, во-вторыхъ, этотъ эпизодъ лишь намѣченъ и идетъ параллельно съ другими, затронутыми такъ же бѣгло и такъ же „мимоходно“. И въ концѣ концовъ—драма можетъ подать поводъ къ обмѣну мнѣній на извѣстныя „маркситскія“ темы о мужикѣ, деревнѣ и вредномъ вліяніи общины, но—и только. А это жаль, потому что, несомнѣнно, въ работѣ видна талантливая рука и бойкая умѣлая манера.

VII.

Наша замѣтка такъ разрослась, что теперь намъ остается лишь кратко упомянуть о другихъ разсказахъ двухъ сборниковъ „Знанія“. Во второй книгѣ г-нъ Чириковъ, въ просто и безпритязательно написанномъ разсказѣ „На порукахъ“, затрогиваетъ старый вопросъ „Отцовъ и дѣтей“, въ тѣхъ новыхъ формахъ, которыя созданы особенностями нашей современной жизни и такъ широко популяризованы въ послѣдніе годы. По свойству своего дарованія г. Чириковъ беретъ вопросъ не въ самыхъ острыхъ и трагическихъ его формахъ. Его „ссыльный студентъ“, невольно пріѣзжающій къ родителямъ въ глухой городишко,—еще почти ребенокъ, и потому драма предстаетъ въ формахъ полукомическихъ и сравнительно благодушныхъ. Но вся картинка набросана задушевно и правдиво. Въ „Мирномъ житіи“ А. Куприна характерными чертами изображена фигура доносчика по призванію. „Въ пути“ А. Серафимовича—основной мотивъ (внезапное пробужденіе зависти и вражды къ велосипедисту со стороны замученнаго жизнію труженика) нѣсколько загруженъ обиліемъ деталей. Разсказъ г-на Вересаева—„Передъ завѣсой“—интересная попытка изобразить смутное ощущеніе или вѣрнѣе предчувствіе чего-то, что должно освѣтить особымъ свѣтомъ явленія жизни... Но это „что-то“ не находитъ формы и исчезаетъ, какъ туманъ. Въ очеркѣ г. Телешова „Межъ двухъ береговъ“—путевой эскизъ съ попыткой нѣкоторыхъ обобщеній. Одинъ изъ пассажировъ сибирскаго парохода волею отечественныхъ судебъ поставленъ въ такое положеніе, что „можетъ присутствовать только на этой вотъ сторонѣ рѣки, а вонъ на той—не мо-

жетъ. Ѣдетъ хотя посередкѣ того и другого, межъ двухъ береговъ, но контрабандой". И другіе собесѣдники находятъ, что его положеніе очень типично.

Пожалуй, это и правда...

Журналистъ.

Кое-что о молодости, жизнерадостности и... пустозвонствѣ.

„Все законченное и цѣльное имѣетъ свою привлекательность, даже законченная глупость"... *) Очарованный своего рода тоже „законченностью и цѣльностью", я не могу пройти мимо статьи г. Іорданскаго, только что появившейся въ журналѣ „Образованіе". Я долженъ остановиться. И читатель,—я увѣренъ,—извинитъ мнѣ эту полемическую замѣтку.

За послѣдніе годы мнѣ довольно часто приходится служить объектомъ нападенія; удары, можно сказать, такъ и сыплются на меня изъ сосѣдняго лагеря. И въ книгахъ, и въ журналахъ, и даже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ переводамъ нѣмецкихъ изслѣдованій мнѣ частенько приходится встрѣчать свое имя. Я рѣдко, однако, отвѣчаю своимъ оппонентамъ. Болѣе уже полгода у меня на столѣ лежитъ книга: „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія", въ которой мнѣ удѣлено много страницъ сплошь, не считая полемическихъ выпадовъ въ разнобивку. До сихъ поръ я не собрался, однако, написать объ этой книгѣ даже страницы, да едва ли и соберусь. Когда передъ фронтомъ находятся цѣлыя полчища несомнѣнныхъ враговъ, то какъ-то не хочется отвлекать вниманіе своихъ читателей къ флангамъ, гдѣ оперируютъ какъ-никакъ „друзья-соперники". Да и утомительно возвращаться къ темамъ, уже затронутымъ, къ мыслямъ, уже высказаннымъ... Въ самомъ дѣлѣ, встанетъ г. Масловъ въ позу и, чуть не приставивши пальца ко лбу, глубокомысленно вопрошаетъ:

— „Почему увеличеніе надѣловъ упрочитъ крестьянскія хозяйства, а не поведетъ къ паденію значительной ихъ части?"... **)

Неужели же это достаточный поводъ, чтобы вновь заставлять читателей блуждать въ дебряхъ изслѣдованій г. Маслова? А тутъ еще приходится самыя писанія гг. Маслова, Клейнборта, Авилова

---

*) О. Б. А.—Курскій проектъ устраненія желтой опасности. Случайныя замѣтки, Р. Б. 1904 г., іюль.

**) Очерки реалистическаго міровоззрѣнія, стр. 433.

и т. д. дешифрировать, съ трудомъ нерѣдко добираясь до ихъ смысла...

Г. Іорданскій въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ—статья особая. Не только къ „глубокомыслію“ à la г. Масловъ, но и вообще къ оригинальнымъ изысканіямъ онъ пристрастія не имѣетъ. Онъ вполнѣ довольствуется разъ усвоеннымъ шаблономъ. За то языкъ его отчетливый, стиль сильный, изложеніе прямо талантливое. И впечатлѣніе получается цѣльное и законченное...

О, это не глупость!... Г. Іорданскій достаточно умный человѣкъ. Это, если можно такъ выразиться, настроеніе и при томъ настроеніе не столько лица, сколько направленія. Такъ и кажется, что эта сама молодость, сама жизнерадостность...

I.

Хорошая это вещь жизнерадостность и на людей она производитъ обаятельное впечатлѣніе. Мнѣ припоминается уличная сценка, которую я какъ-то видѣлъ. По улицѣ въ невозможныхъ до неприличія костюмахъ шли два золоторотца, подъ хмѣлькомъ, обнявшись, припѣвая и приплясывая. Настроеніе у нихъ, очевидно, было такое чудное и дѣйствовало оно такъ заразительно, что вся публика остановилась и съ улыбкой удовольствія смотрѣла на эту сцену. Даже уличный стражъ ухмылялся, не сразу, очевидно, сообразивъ, что это безпорядокъ и что золоторотцу даже безпричинно радоваться не полагается... Я былъ тоже въ числѣ улыбавшихся.

Въ г. Іорданскомъ жизнерадостность бьетъ прямо черезъ край. Возьмите въ самомъ дѣлѣ уже заглавіе статьи, посвященной имъ моей книгѣ: „Въ тискахъ идейной растерянности“. „Въ тискахъ... растерянности“—согласованіе не совсѣмъ удачное, образа не получается. Но за то прямо видно, что человѣкъ сейчасъ въ литавры ударитъ. И вы дѣйствительно тотчасъ же слышите ликующіе звуки, которые не оставляютъ уже васъ до конца. На первой страницѣ вы видите „побѣдоносную борьбу марксизма съ народничествомъ“; на послѣдней для васъ констатируютъ, „что народничество находится въ состояніи полнаго разложенія“; въ серединѣ чернымъ по бѣлому написано: „весело жить“.

И въ моей книгѣ г. Іорданскому больше всего не нравятся „мрачныя краски“, въ какихъ мнѣ рисуется, по его словамъ, „общій фонъ русской современной жизни“. Онъ даже сравниваетъ меня съ однимъ изъ героевъ Гл. Успенскаго, который въ эпоху реформъ, когда казалось, что весь старый строй рушится, слезливо подпѣвалъ за церковнымъ хоромъ: „Конецъ приближается“. Я готовъ былъ бы преклониться передъ этою находчивостью автора, если бы тотъ же самый образъ,—правда, по отно-

шенію къ совсѣмъ инымъ силамъ,—не былъ уже два раза использованъ въ моей книгѣ.

Дѣло однако не только въ избыткѣ, но и въ свойствахъ той жизнерадостности, какою охвачены г. Іорданскій и нѣкоторые его единомышленники. У нихъ она... не скажу безпричинная, а какая-то особенная.

Обѣдненіе многомилліоннаго крестьянства, увеличеніе числа безземельныхъ, безлошадныхъ, безхозяйныхъ...

— Да, вѣдь, это же пролетаризація массъ, прямая дорога ко всеобщему благополучію.

Кулачество, ростовщичество...

— Первоначальное накопленіе капитала—и все тутъ; лучшаго даже желать нельзя.

Синдикаты, нормировки, новыя и новыя формы эксплуатаціи...

— Превосходно, поспѣваемъ, стало быть, за Европой.

Вѣдь, вотъ какія реплики подчасъ приходится не только чувствовать въ тонѣ, но и слышать въ отчетливой рѣчи. Взять хотя бы пресловутое „разслоеніе“ крестьянства...

— „Мы не поемъ ему гимновъ, но и не видимъ основаній проливать надъ нимъ слезы“,—говоритъ г. Румянцевъ *).

Кромѣ гимновъ и плача, унынія и восторга могутъ, казалось бы, быть, и другія, не менѣе сильныя чувства... хотя бы вражды и ненависти. Да и всегда ли марксисты по отношенію къ „разслоенію“ занимали такую спокойную позицію, на какой сумѣлъ остановиться въ этотъ разъ г. Румянцевъ. Можно вѣдь было бы указать не мало случаевъ, когда въ полемическомъ увлеченіи они доходили чуть не до восторга передъ нимъ. Читаешь иное ученое изслѣдованіе и прямо диву даешься. Откроетъ человѣкъ, что тамъ или здѣсь небольшая кучка обогатилась за счетъ раззоренія массы,—и радуется. Двусмысленная побѣда надъ литературнымъ противникомъ какъ будто совсѣмъ заслоняетъ передъ нимъ вскрытую имъ самимъ картину народной нужды и народныхъ страданій.

Встрѣчаясь съ такою жизнерадостностью, я уже не могу удержать на своемъ лицѣ улыбку. Вѣдь это жизнерадостность за чужой счетъ,—за счетъ народа, чувство кровнаго родства съ которымъ оказывается какъ будто вовсе утраченнымъ. Между тѣмъ эти парадоксы чувства неизбѣжно сказываются парадоксами въ мысли. Вѣдь договорились же люди въ своихъ программныхъ построеніяхъ до того, что главная ихъ задача по отношенію къ деревнѣ заключается сейчасъ въ томъ, чтобы „расчистить почву“ въ ней для буржуазнаго строя. Для крестьянства, когда имъ захотѣлось ввести его въ свою программу, они не искали, да и не желали найти лучшей доли, чѣмъ пролетаризація. Соціальныя

*) Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Стр. 547.

язвы, которыя предстоитъ уврачевать, они считаютъ своимъ долгомъ углубить и расширить...

Вотъ и г. Іорданскій тоже. Въ самомъ дѣлѣ, какія это „мрачныя краски“, которыми я окрасилъ „общій фонъ русской жизни“, оказались въ дисгармоніи съ его жизнерадостнымъ настроеніемъ?

Крестьянская реформа,—говорю я въ своей книгѣ,—не обезпечила труду такихъ экономическихъ и правовыхъ условій, „при которыхъ онъ пошелъ бы на пользу самого народа, а не какого либо отжившаго института, не какой либо маленькой группы, ранѣе или полнѣе трудящейся массы выбившейся изъ крѣпостной опеки“...

Въ дальнѣйшемъ,—говорю я въ другомъ мѣстѣ,—„государственная власть, отчасти органически, въ силу свойственнаго ей строенія, отчасти сознательно—изъ нежеланія чѣмъ-либо стѣснять людей смѣлаго почина, воздерживалась, на сколько это было возможно, отъ активнаго вмѣшательства въ пользу труда въ его борьбѣ съ капиталомъ“...

... „Передъ Сибирью, начавшей новую жизнь, открылась заманчивая перспектива: опираясь на „послѣднее слово“ многовѣковой культуры и научнаго знанія, не повторяя чужихъ ошибокъ и не страдая отъ тяжкихъ ихъ послѣдствій, сдѣлать новый шагъ на пути къ высокимъ идеаламъ человѣческой жизни“. Разсматривая съ этой точки зрѣнія законъ 8 іюля 1901 г. о насажденіи крупной поземельной собственности въ Сибири, я отношусь къ нему въ своей книгѣ критически, предвидя, что онъ впутаетъ молодую страну „въ узлы, завязанные для насъ исторіей“, и „вложитъ въ колесо крестьянскаго хозяйства новую палку“.

Въ средѣ аграріевъ, въ которой „по увѣренію нѣкоторыхъ мы должны были встрѣтить представителей прогрессивной силы капитала и въ ихъ увѣренныхъ рѣчахъ почерпнуть успокоеніе на счетъ будущаго“, въ дѣйствительности „мы встрѣтили -резюмирую я одну изъ своихъ статей,—аргонавтовъ, собравшихся въ знакомый имъ походъ за золотымъ руномъ и героевъ современной идилліи“...

„Не жалую я“, какъ выражается г. Іорданскій, „и мелкой буржуазіи“, темнаго міра ремесленниковъ съ „звѣриною правдою“ сложившихся въ немъ отношеній...

Даже къ интеллигентному обывателю я отношусь скептически. „Плевковъ въ его сторону и стоновъ вокругъ него—пишу я въ своей книгѣ—черезчуръ ужъ много, а гнѣва оскорбленной чести и скорби наболѣвшей совѣсти, какъ будто, въ немъ и вовсе нѣтъ“...

Таковы „мрачныя краски“ и таковы цитаты, сдѣланныя для ихъ иллюстраціи г. Іорданскимъ.

Самому ему явленія, о которыхъ я говорю въ цитированныхъ статьяхъ, представляются, очевидно, для „общаго фона русской жизни“ не характерными и не кажутся мрачными. Встрѣчаясь съ ними, онъ не испытываетъ ни гнѣва, ни горечи. Видя въ нихъ лишь „прогрессивное наростаніе условій лучшаго будущаго“, онъ бьетъ въ литавры и радостно восклицаетъ: „весело жить...“

Жизнерадостность, поистинѣ, изумительная.

II.

Я говорю о *писателѣ* Іорданскомъ и о его *литературныхъ* единомышленникахъ. Говорить здѣсь о „практикахъ“ я не имѣю возможности. Скажу только, что здоровое молодое чувство, къ счастію, еще удерживаетъ ихъ отъ жизнерадостныхъ парадоксовъ ихъ литературныхъ вождей и теоретиковъ. Усилія ихъ направлены къ тому, чтобы уменьшить разстояніе между классами и стереть соціальное неравенство, а не къ тому, чтобы его углубить и расширить. Классовый антагонизмъ, — это могучее орудіе, которое дала намъ жизнь, — не сдѣлался и, будемъ надѣяться, не сдѣлается въ ихъ глазахъ самодовлѣющею цѣлью. Однако, и въ ихъ средѣ не рѣдки, — можетъ быть даже слишкомъ часты,—случаи, когда почти весь запасъ активности уходитъ на борьбу съ родственными фракціями, въ ущербъ родному народу...

Молодости, конечно, многое простить можно. „Въ дѣтяхъ“,— пишетъ на своихъ книжкахъ г. Радецкій, —„будущее человѣчества“. Изъ драчливыхъ ребятъ, можетъ быть, выростутъ потомъ славные воины. Направленіе же, о которомъ мнѣ приходится сейчасъ говорить, молодое...

Однако и молодость его литературныхъ представителей какая-то сомнительная, вродѣ молодости... непомнящихъ родства. Взять хотя бы того же г. Іорданскаго, который между прочимъ пишетъ: „Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, гдѣ впервые раздались внятныя рѣчи о необходимости простора мѣстной самодѣятельности, о расширеніи общественныхъ правъ, съѣздъ, который, какъ теперь очевидно даже г. Пѣшехонову, бывшій предтечею современнаго оживленія въ земской средѣ...“ Видите какъ: „впервые“ и „очевидно даже г. Пѣшехонову“. Что касается Пѣшехонова, то г. Іорданскій, вообще склонный въ затруднительныхъ случаяхъ къ небылицамъ, просто на просто сочинилъ: ничего подобнаго мнѣ и не снилось. *) Что же касается съѣзда, который будто бы

*) Изъ многихъ „небылицъ“ позволю себѣ отмѣтить еще одну, лично до меня относящуюся. „Г. Пѣшехоновъ—пишетъ г. Іорданскій,—не говоритъ о болѣе важномъ измѣненіи. Масса изъ субъекта товарища, какимъ она являлась для первыхъ народниковъ, для ихъ эпигоновъ превратилась въ объектъ жалости, скорби или ужаса, изъ активнаго агента стала предметомъ культурнаго воздѣйствія, народолюбивыхъ заботъ со стороны общества“. Между тѣмъ въ статьѣ, въ которой я настаиваю на необходимости призвать саму деревню къ „планомѣрной работѣ“ надъ улучшеніемъ ея быта и хозяйства и которую неоднократно цитируетъ г. Іорданскій, говоря объ отношеніи русскаго общества къ голодающимъ, я пишу буквально слѣдующее: „Самъ мужикъ въ голодныхъ кампаніяхъ неизмѣнно играетъ пассивную роль. Для всѣхъ— это объектъ для экспериментовъ или попеченій, а не живая личность, сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, заинтересованная въ собственномъ благополучіи. Никому и въ голову не приходитъ самого мужика привлечь къ борьбѣ

„впервые“ и т. д., то не лишнее будетъ напомнить, что это тотъ самый съѣздъ, на которомъ обильные лавры пожалъ г. Шараповъ со своимъ бумажнымъ рублемъ и выступалъ современный Очищенный—г. Брещинскій съ проектомъ страхованія дворянъ за счетъ мужицкихъ рублевиковъ. Вотъ что значитъ порвать метрики: если нужно, то и съ г. Шарапова и даже съ Очищеннаго можно новую эру начать.

Плохо освѣдомленный относительно другихъ общественныхъ теченій, г. Іорданскій и насчетъ собственнаго происхожденія имѣетъ представленія, какія свойственны обыкновенно Иванамъ Непомнящимъ. Выходитъ такъ, что какъ будто бы кулакъ и марксистъ появились въ русской жизни одновременно. Во всякомъ случаѣ, только марксисты разсмотрѣли кулачество и другія „классовыя противорѣчія“ въ жизни русской деревни. Старые народники, создавшіе „громадное нѣкогда общественное движеніе“, имѣли дѣло съ „мірскимъ человѣкомъ, съ былиннымъ Ильей Муромцемъ“, или—говоря менѣе образно—съ „дореформеннымъ крестьянствомъ“, съ „однородной массой“, еще не разслоившейся „на различные и противоположные по интересамъ классы“. Что касается „эпигоновъ народничества“, то за исчезновеніемъ „дореформеннаго крестьянства“ они остались передъ пустымъ мѣстомъ и теперь только примазываются къ движенію, „пытаясь принять участіе въ постройкѣ общественнаго зданія, зная, что планъ строенія находится въ чужихъ рукахъ“. Этотъ планъ, конечно, у марксистовъ. „Они очистили умы отъ пережитковъ устарѣлаго прошлаго, съ успѣхомъ доказали развитіе капиталистическихъ отношеній въ Россіи, популяризировали идеи экономическаго матеріализма, выяснили прогрессивное значеніе растущаго городскаго уклада“. „Въ хаосѣ распадавшагося историческаго зданія они умѣли уловить камни для новой постройки“. „Русская жизнь, оплодотворенная марксистской мыслью, заиграла въ послѣдніе годы болѣе яркими красками и подняла энергію всѣхъ теченій русской общественности. Капли живой воды упали и на народниковъ“. Вообще заслуги марксистовъ прямо неисчислимы. „Марксистская мысль неустанно работала и надъ крестьянскимъ вопросомъ... Сложность вопроса увеличивала трудность задачи, но теперь она разрѣшена (!), и г. Пѣшехонову не мѣшало бы упомянуть объ этомъ, перепечатывая свои декламаціи противъ марксистовъ“.

Итакъ, люди не только сами себѣ слагаютъ гимны, но еще

съ невзгодами, въ немъ самомъ найти опору для лучшаго будущаго. Его стараются спасти, какъ спасаютъ утопающаго, не за руку, а за волосы, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не помѣшалъ собственному спасенію“... Правда я ничего не упоминаю о „народникахъ“. Но не могу же я, какъ это дѣлаетъ г. Іорданскій, сваливать въ одну кучу и крестить однимъ именемъ всѣхъ, несогласно съ нимъ мыслящихъ.

и обижаются, если другіе ихъ не похвалятъ. Что жъ! я готовъ загладить свою вину. Сначала, однако, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно „старыхъ народниковъ“. Кѣмъ, казалось бы, какъ не ими даны классическіе образы Колупаевыхъ, Разуваевыхъ, Деруновыхъ и т. д.? Какъ же это такъ, если передъ ними была „однородная масса“ и они видѣли только „былиннаго Илью Муромца“? Или г. Іорданскій „запамятовалъ“? Въ такомъ случаѣ я ему напомню, что заслуга марксистовъ въ этомъ отношеніи была нѣсколько иного рода. Въ кулачествѣ и ростовщичествѣ они дѣйствительно первые разсмотрѣли „процессъ движенія впередъ“, „прогрессивное наростаніе условій лучшаго будущаго“. Это они — въ лицѣ хотя бы г. Гвоздева — воспѣли Колупаева. Ни раньше, ни позже никто на это не отваживался.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ другими „классовыми противорѣчіями“, какія имѣются въ деревнѣ. Матеріалы о нихъ почти цѣликомъ собраны „старыми народниками“ и въ ихъ именно трудахъ марксисты „ловили камни для новой постройки“. Марксистская литература не дала ни одного сколько-нибудь яркаго образа... Даже цифры марксисты до сего дня главнымъ образомъ, если не исключительно, берутъ у „народниковъ“. Еслибы г. Іорданскій прочиталъ Гл. Успенскаго въ подлинникѣ, а не довольствовался цитатами изъ вторыхъ рукъ, то онъ узналъ бы и еще кое-что интересное.

„...Разъ дѣло коснется интересовъ обыкновеннаго жизненнаго обихода,— сказалъ бы ему „старый народникъ“ устами Лиссабонскаго,—нѣтъ того, что называется „масса“, нѣтъ сплошной толпы, нѣтъ мысли, проникающей всѣхъ и вся однообразнымъ сочувствіемъ ей или несочувствіемъ... Въ сотый, въ тысячный разъ убѣдился я, что, если народъ носитъ одинаковые полушубки, одинаковыя бороды, пашетъ одинаковыми сохами и т. д., то это вовсе не означаетъ, что онъ—„масса“, что онъ одинаково думаетъ, исполненъ одинаковыми желаніями, что вообще нельзя „любить“ сплошь всю деревню...

...Въ деревнѣ, куда я пошелъ, развѣ нѣтъ *такихъ же самыхъ* враговъ... Развѣ въ деревнѣ нѣтъ охотниковъ властвовать надъ слабымъ, пользуясь нуждою, бѣдностью? Развѣ въ деревнѣ нѣтъ враговъ справедливости, развѣ здѣсь нѣтъ деспотовъ, міроѣдовъ, „живорѣзовъ“ и прочихъ безчисленныхъ типовъ человѣкообразныхъ хищниковъ?.. Развѣ нѣтъ въ деревнѣ бѣдныхъ, нищихъ, безпомощныхъ, и, съ другой стороны, развѣ тамъ нѣтъ воровъ, грабителей, людей легкой наживы, ростовщиковъ, ханжей? Все есть, все на лицо...

...Я преслѣдовалъ въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ *ту же самую* тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освобожденіи милліоновъ крѣпостныхъ людей. *Ту же* новую тенденцію я старался по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ примѣнить, а главное *отстоять* въ глухой, далекой деревнѣ...“ *).

Г. Іорданскій узналъ бы, что „старые народники“ не только

*) Сочиненія Гл. Успенскаго. Изд. Павленкова. Т. II. Своекорыстный поступокъ.

видѣли, понимали, но и пользовались „разслоеніемъ“ деревни. Только кумира себѣ изъ него они не создавали.

Крестьянскаго вопроса „старые народники“, правда, не рѣшили; и „эпигоны народничества“ этимъ не похваляются. „Крестьянскій вопросъ—пишу я въ своей книгѣ—не разрѣшенъ“. Оказывается, однако, что я проглядѣлъ, и задача эта уже разрѣшена марксистами. Чтобы исправить свою оплошность, я приведу ихъ рѣшеніе полностью. „Путы гражданскаго безправія,—формулируетъ его г. Іорданскій,—должны пасть и, въ числѣ ихъ, тѣ остатки крѣпостныхъ отношеній, которыя, какъ показываютъ статистическія изслѣдованія, мѣшаютъ правильному развитію крестьянскаго хозяйства: отрѣзки, спеціальные налоги, падающіе исключительно на крестьянство, какъ на „податное“ сословіе, стѣсненія крестьянъ въ распоряженіи землей и т. п.“. Вотъ и все тутъ.

„Это,—говоритъ г. Іорданскій,—обычныя нынѣ требованія, можно сказать, голосъ жизни. За нихъ высказываются и юристы, и агрономы, и практики-хозяева, какъ это было на засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ“. Да, это дѣйствительно обычныя требованія... отчасти русскаго либерализма вообще, отчасти того экономическаго либерализма, который является *правымъ* крыломъ „Вѣстника Европы“. Отъ себя марксисты прибавили только „отрѣзки“. Къ этой подачкѣ, которую съ превеликими потугами выдавила изъ себя марксистская программа, я могу не возвращаться, такъ какъ о желаніи облагодѣтельствовать крестьянъ возстановленіемъ крѣпостныхъ размѣровъ ихъ хозяйства мнѣ пришлось говорить не далѣе, какъ въ предыдущей книжкѣ „Русскаго Богатства“.

Такова „плодотворная“ работа марксистской мысли, такова сооруженная ею „новая постройка“. На камняхъ, „выловленныхъ“ у „старыхъ народниковъ“, марксисты водрузили либеральное зданіе, увѣнчавъ его „отрѣзками“. Заслуга поистинѣ громадная, вполнѣ достойная Ивановъ Непомнящихъ. И, конечно, имъ, поднявшимся уже во весь свой ростъ, принадлежитъ не только будущее, но и настоящее.

Что касается „великаго движенія“, то его можно теперь пустить на смарку. Г. Іорданскій уже видитъ его „умирающимъ“ и онъ въ восторгѣ отъ того, что „народничество находится въ состояніи полнаго разложенія“. „Чѣмъ скорѣе,—пишетъ онъ въ самомъ концѣ своей статьи,—распадется это странное „товарищество на вѣрѣ“ на свои составныя части, тѣмъ больше выиграютъ и эти части, и даже сама священная общечеловѣческая правда, т. е., въ переводѣ на простой языкъ, нѣкая совокупность демократическихъ принциповъ. Да будетъ!“

„Да будетъ!“ Какой вѣщій языкъ! хотя бы и ветхозавѣтному пророку впору. А еще говорятъ, будто пророковъ въ наши дни

нѣтъ и что встрѣчаются, да и то рѣдко, одни лишь чревовѣщатели...

III.

Отходная нашему направленію пишется не первый разъ. Журналъ „Образованіе“, сдѣлавшій послѣ превращенія своего въ общелитературный органъ нѣсколько широкихъ размаховъ—отъ Л. Н. Толстого, котораго онъ „не совсѣмъ точно“ анонсировалъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ, до г. Брянчанинова, которому онъ оказалъ свою авторитетную поддержку въ его намѣреніи просвѣтить Россію за счетъ кабацкихъ доходовъ,—еще продолжаетъ качаться, какъ маятникъ. За послѣднее время онъ чувствуетъ, однако, потребность на чемъ-либо остановиться и намѣренъ, повидимому, сдѣлать своею спеціальностью отходныя по нашему адресу. Еще на дняхъ, можно сказать, г. Изгоевъ похоронилъ наше направленіе въ лицѣ покойнаго Н. К. Михайловскаго. Теперь въ моемъ лицѣ отпѣваетъ его г. Іорданскій. Что жъ! счастливаго успѣха! Уже многіе отъ нашей печки танцовать начинали. Мы можемъ сказать только:

И по громче васъ были витіи...

И этихъ витій г. Іорданскому забывать, казалось бы, не слѣдовало. Между тѣмъ и ближайшихъ своихъ родственниковъ онъ, оказывается, совсѣмъ запамятовалъ.

Такъ онъ, утверждаетъ между прочимъ, что съ „идеалистами“ я полемизирую въ своей книгѣ по недоразумѣнію. „Сердитые укоры,—говоритъ онъ,—которыми г. Пѣшехоновъ осыпалъ идеализмъ, просто-таки—черная неблагодарность, потому что самъ г. Пѣшехоновъ, въ нынѣшней стадіи своей эволюціи, живетъ капиталомъ, принесеннымъ въ „сокровищницу русской мысли“ гг. Булгаковыми, Бердяевыми и другими апостолами новаго теченія“. Итакъ, новые апостолы—это наши родственники. Сами, однако, они на этотъ счетъ иного мнѣнія. Г. Булгаковъ, напримѣръ, утверждаетъ, что въ идеализмъ ушли „наиболѣе жизненные элементы марксизма“. Даже свою книгу онъ озаглавилъ: „Отъ марксизма къ идеализму“ и его никто не могъ уличить въ запамятованіи. Другіе идеалисты и по сей день продолжаютъ считать себя марксистами.

Гг. Бердяевъ и Булгаковъ—это были въ свое время, конечно, только „надежды“ марксизма, хотя и очень большія. Но вѣдь были же столпы и вожди. Гдѣ же они?

Г. Туганъ-Барановскій—знаменитый когда-то авторъ „Русской фабрики“—насаждаетъ нынѣ кустарные промыслы въ Лохвицкомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ этотъ „столпъ“ оказывается въ числѣ тѣхъ „рачительныхъ хозяевъ“, дѣйствующихъ „въ дѣловито распо

рядительномъ тонѣ", которыхъ—все подъ тѣмъ же именемъ „народниковъ"—такъ жестоко „разноситъ" теперь г. Іорданскій. Другой и самый видный литературный вождь марксизма является сейчасъ центральнымъ лицомъ въ томъ „романѣ третьяго элемента съ мѣстными людьми", за который г. Іорданскій шлетъ „сердитые укоры" все тѣмъ же „эпигонамъ народничества" *). Если я напоминаю объ этихъ близкихъ родственникахъ современныхъ марксистовъ, то вовсе не ради укора тѣмъ или другимъ...

Наше направленіе никогда не относилось презрительно къ культурной работѣ и всегда считало возможнымъ опираться на „общество", поскольку ему понятны и близки „высокіе идеалы". Никогда, однако, оно не отказывалось отъ участія въ жизни широкихъ массъ и отъ другихъ методовъ дѣйствія. Предоставляя своимъ адептамъ въ томъ и другомъ отношеніи достаточно широкій просторъ, направленіе неизмѣнно, однако, требовало отъ нихъ „принципіальной чистоты и практической твердости". Я думаю достаточно напомнить Н. К. Михайловскаго, до конца остававшагося во главѣ направленія, чтобы устранить даже мысль о возможности какихъ-либо въ этомъ отношеніи колебаній и поблажекъ.

Въ жизни направленія бывали, конечно, разные моменты. Рѣдѣли ряды его приверженцевъ; отпадали—и отъ нихъ отрекались, не ограничиваясь „запамятованіемъ",—одни дѣятели за другими; притокъ новыхъ силъ падалъ до минимума. Бывали періоды, когда небольшой кучкѣ „эпигоновъ великаго движенія" почти всѣ свои силы приходилось тратить на то, чтобы отстоять свою позицію подъ напоромъ всевозможныхъ теченій, „побѣдоносно" врывавшихся въ русскую жизнь. Цѣлыя области жизни оставались не охваченными, многіе методы дѣйствія—неисполь-

---

*) Мой оппонентъ дѣлаетъ видъ, что эти фигуры побѣжденныхъ побѣдителей онъ совсѣмъ запамятовалъ. Я позволю, однако, себѣ въ этомъ ему не повѣрить. Иначе мнѣ была бы непонятна та нервозность, которая охватываетъ г. Іорданскаго, когда заходитъ рѣчь вообще о вождяхъ, хотя бы и противнаго лагеря. Такъ, упомянувъ о моей статьѣ, „представляющей попытку обработать адреса, полученные Н. К. Михайловскимъ въ день его юбилея", онъ пишетъ, что статья эта „исходитъ изъ болѣе, чѣмъ смѣлой мысли, будто бы привѣтствовавшая покойнаго публициста группа интеллигенціи не только цѣнила его выдающуюся сорокалѣтнюю работу, но и считала его своимъ вождемъ и важнѣйшимъ теоретикомъ". Я понимаю горечь, которую испытываетъ г. Іорданскій. Мнѣ понятно и то, что онъ такъ судорожно цѣпляется въ данномъ случаѣ за авторитетъ г. Изгоева, который „превосходно выяснилъ", что Михайловскій давно уже изъ „вождя" превратился въ „критика", т. е. измѣнилъ, если не позицію, то роль въ движеніи. Напрасно, однако, я думаю, г. Іорданскій старается отклонить тѣни, омрачающія эпигоновъ марксизма. „Болѣе чѣмъ смѣлую мысль" скрѣпили, вѣдь, и при томъ за свой счетъ многія тысячи своими подписями. И чтобы ни писали гг. Изгоевъ и Іорданскій, роль Михайловскаго, до конца оставшагося на своемъ „славномъ посту", въ глазахъ этихъ тысячъ не измѣнится.

зованными... Никогда, однако, программа не утрачивала своей широты, цѣлостности и рѣшительности.

И вотъ теперь—въ іюлѣ 1904 г.—является г. Іорданскій. Смѣшавъ въ одну кучу—подъ именемъ „эпигоновъ народничества“ и „народолюбиваго общества“—самые разнообразные элементы, онъ пишетъ:

„...Роль почтенныхъ весталокъ сводилась только къ народолюбивому пустословію. Никто изъ храбраго на словахъ народническаго лагеря не доказалъ на дѣлѣ справедливость своихъ упрековъ и правоту своихъ совѣтовъ, никто не попытался, въ опроверженіе „узкихъ“ марксистовъ, проложить тропу къ сознанію крестьянства... Менторство и опекунство смѣнили прежнюю вѣру въ задатки красоты и правды, скрытыхъ въ народѣ подъ корою грубости и невѣжества... Народолюбивая демократія мечтаетъ о „хозяйскомъ“ положеніи въ великой запущенной „усадьбѣ“ Россіи. Не бѣда, что на дѣлѣ ей приходится довольствоваться ролью третьестепеннаго приказчика, она болтаетъ какъ власть имущая въ дѣловито-распорядительномъ тонѣ... Такъ перерождается старое народничество. Эффектная фразеологія — какъ наслѣдіе прошлаго, и мелкое доброхотство—какъ дѣло настоящаго...“

Мы уже видѣли, откуда „капли живой воды упали и на народниковъ“. Оживленія въ ихъ средѣ г. Іорданскій не отрицаетъ, но они по его мнѣнію, только и дѣлаютъ, что, „довольно ловко производятъ по своему дѣлу шумъ“. „Да!—говоритъ онъ.—Жажда строительства, стремленье занять мѣсто среди руководящихъ зодчихъ, и въ ихъ рядахъ какъ бы втихомолку, невзначай поработать и на себя, охватило народолюбивую демократію“...

Отвѣчать на это, я, конечно, не буду. Скажу только, что читая эти строки, я краснѣлъ за автора и за журналъ, въ которомъ онъ печатается...

Однимъ „запамятованіемъ“, однако, такихъ вещей объяснить невозможно. Вопросъ этотъ меня тревожитъ тѣмъ болѣе, что г. Іорданскій пишетъ, вѣдь, о моей книгѣ. Что же такое въ ней есть, что дало ему поводъ дойти до... неистовства? Оказывается, что такимъ поводомъ явилась моя статья: „Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи“ *). „Разсказавъ,—пишетъ г. Іорданскій,—обычную деревенскую исторію о крестьянскомъ безправіи, сопровождающемся обычнымъ такъ называемымъ сопротивленіемъ властямъ, г. Пѣшехоновъ нашелъ возможнымъ прибавить только указаніе на необходимость „просвѣщенія“ и „призыва къ планомѣрной работѣ“ деревни“. По его мнѣнію, это равносильно тому, какъ еслибы я предложилъ на удѣ Левіафана вытащить...

Мнѣ хотѣлось бы въ серьезъ спросить г. Іорданскаго: какое бы *онъ* нашелъ возможнымъ прибавить „указаніе“ въ данномъ случаѣ? соблюдая, конечно, обязательную для русскаго писателя

*) Статья, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, написана, какъ у нея значится подъ заголовкомъ, въ 1900 г., но въ печати она появилась лишь въ 1904 г. и при томъ въ книгѣ, а не въ журналѣ.

осторожность въ выборѣ терминовъ. Неужели что-нибудь иное, кромѣ „просвѣщенія“, которое онъ назвалъ бы, можетъ быть, „тропою къ сознанію“, и „призыва къ планомѣрной работѣ“, для котораго при нѣкоторомъ остроуміи, конечно, можно было бы найти тоже какое-нибудь образное выраженіе? Какіе-такіе другіе методы онъ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ запасѣ? Неужели онъ или его читатели могутъ собственными силами, — безъ „просвѣщенія“ и „планомѣрной работы“ самой деревни, — обогатить и инымъ образомъ осчастливить народныя массы?

И когда г. Іорданскій по поводу моего „указанія“ восклицаетъ: „такъ перерождается старое народничество“, то не означаетъ ли это просто на просто, что, не довольствуясь литаврами, онъ ударяетъ еще въ бубны? И не затѣмъ ли онъ это дѣлаетъ, чтобы оглушить своихъ читателей, заставивъ ихъ думать, что у марксизма имѣется въ запасѣ еще цѣлый оркестръ... методовъ дѣйствія.

Я не знаю, достигъ ли г. Іорданскій нужнаго ему эффекта. Но самъ онъ... Несчастный!—я понимаю теперь,—онъ оглушенъ собственнымъ звономъ...

Г. Іорданскій говоритъ между прочимъ, что „на пятистахъ почти страницахъ г. Пѣшехоновъ поетъ не то Лазаря, не то пѣсню Еремушки“. О Лазарѣ я говорить уже не буду. Что касается „пѣсни Еремушки“, то, очевидно, г. Іорданскій знаетъ о ней лишь по наслышкѣ. Не Еремушка ее пѣлъ, а Еремушкѣ ее пѣли. И если моя книга дѣйствительно напоминаетъ пѣсню, какую пропѣлъ Еремушкѣ проѣзжій, то лучшаго я не желаю. Да, я желалъ бы ею пробудить въ своихъ читателяхъ

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Съ одною вѣрою въ „прогрессивное наростаніе условій лучшаго будущаго“ далеко не ускачешь. Нужна еще и „ненависть великая“. И только

Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой

люди могутъ бодро и радостно идти на встрѣчу невзгодамъ, съ какими связано активное участіе въ общественной жизни. Что касается „мрачныхъ красокъ“, то...

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—страданія народа...
. . . . . .
Не вѣрьте, юноши: не старѣетъ она!

и знайте, что никакой „шумъ“ по этому поводу никогда не былъ и не будетъ пустозвонствомъ.

А. Пѣшехоновъ.

Случайныя замѣтки.

Калужскій учитель и скопившіяся около него противорѣчія. Калужское губернское земство разсчитывало текущимъ лѣтомъ устроить общеобразовательные курсы для земскихъ учителей и учительницъ своей губерніи, но разсчеты его не оправдались. Инцидентъ этотъ настолько любопытенъ, что на немъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Задумавъ устроить курсы для учителей и пригласивъ лекторовъ, калужская губернская управа еще въ началѣ марта представила мѣстному губернатору программы предполагаемыхъ чтеній съ просьбой разрѣшить эти программы къ печати, чтобы можно было тотчасъ же разослать ихъ всѣмъ учащимъ губерніи. Однакоже, никакого отвѣта на эту просьбу не послѣдовало, а черезъ нѣкоторое время управа получила увѣдомленіе, что и самые курсы ей не разрѣшены согласно мнѣнію попечителя московскаго учебнаго округа, при чемъ это мнѣніе было мотивировано „выборомъ слушателей, который могъ быть случайнымъ, такъ какъ слушатели заблаговременно не были ознакомлены съ характеромъ курсовъ“, и „подборомъ лекторовъ, въ число которыхъ вошли: секретарь губернской земской управы Журавлевъ, не имѣющій педагогическаго ценза, и преподаватель московскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Балталонъ, литературные взгляды котораго не соотвѣтствуютъ положительнымъ требованіямъ отъ литературнаго развитія русскаго народнаго учителя“.

Управѣ оставалось лишь доложить о своей неудачѣ собравшемуся въ началѣ лѣта губернскому земскому собранію и предложить ему обсудить этотъ вопросъ. Во время такого обсужденія въ собраніи было указано, что потребность въ курсахъ для народныхъ учителей въ Калужской губерніи крайне велика. Судить объ этомъ можно уже по числу поступившихъ въ управу заявленій земскихъ учителей и учительницъ о желаніи быть на курсахъ. Послѣдніе первоначально были предположены лишь для 100 учащихъ, а на дѣлѣ кромѣ 100 лицъ, приглашенныхъ инспекторами народныхъ училищъ, подали заявленія о желаніи слушать курсы еще 138 учащихъ и такихъ заявленій было бы, вѣроятно, еще больше, еслибы пріемъ ихъ не былъ прекращенъ вслѣдствіе отказа въ разрѣшеніи устроить курсы. Съ другой стороны, земство имѣло основанія, какъ это и было объяснено въ ходатайствѣ о разрѣшеніи курсовъ, разсчитывать на серьезную пользу отъ нихъ. Дѣло въ томъ, что въ Калужской губерніи, вслѣдствіе низкаго размѣра жалованья для учащихъ въ земскихъ школахъ, очень мало учи-

телей, обладающихъ образованіемъ въ объемѣ полнаго курса среднихъ учебныхъ заведеній, и съ теченіемъ времени число такихъ учителей все болѣе уменьшается. Въ 1900 г. въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ состояло во всей губерніи 474 училища; въ нихъ было учащихъ 131 мужчина и 494 женщины, изъ нихъ окончившихъ курсъ въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—29 и учительницъ со спеціальной подготовкой—78. Въ 1901 г. училищъ было—473, учащихъ же мужчинъ—131 и женщинъ—484, въ томъ числѣ окончившихъ курсъ въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—22 и женщинъ со спеціальной подготовкой—65. Въ 1902 г. училищъ было—473, учащихъ: мужчинъ—131 и женщинъ—500, изъ нихъ окончившихъ курсъ въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ—17, а женщинъ со спеціальной подготовкой—85. Такимъ образомъ въ Калужской губерніи наблюдается ослабленіе педагогическихъ силъ земской школы и особенно незначительнымъ является въ ней процентъ учителей, окончившихъ учительскія семинаріи, тогда какъ спросъ на такихъ учителей постоянно увеличивается. Однимъ изъ лучшихъ средствъ повліять на улучшеніе состава учителей было бы увеличеніе ихъ жалованья, но при скудости средствъ калужскаго земства и необходимости ограничивать, согласно закону 12-го іюня 1900 г., увеличеніе обложенія лишь тремя процентами въ годъ, земство не могло разсчитывать на проведеніе этой мѣры въ такомъ объемѣ, чтобы она замѣтно отразилась на составѣ учащихъ. Тѣ же соображенія мѣшаютъ и учрежденію въ Калугѣ учительской семинаріи съ содержаніемъ при ней земскихъ стипендіатовъ.

При указанныхъ условіяхъ, по мнѣнію земства, для него оставался только одинъ способъ повысить образовательный уровень земскихъ учителей Калужской губерніи и этотъ способъ заключался въ устройствѣ для нихъ общеобразовательныхъ курсовъ. Слушателями на нихъ могутъ быть сразу 100 и болѣе человѣкъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на курсахъ могли бы перебывать всѣ учащіе въ губерніи. Конечно, за полтора мѣсяца нельзя пройти полнаго курса ни одного предмета, но это обстоятельство, по мнѣнію земства, не умаляетъ значенія курсовъ, такъ какъ и въ учебномъ заведеніи только тотъ пріобрѣтаетъ прочныя и основательныя знанія, кто не пассивно воспринимаетъ преподаваемое, а работаетъ и самъ. Истинное образованіе всегда основано на самообразованіи. Стремленіе же къ послѣднему, несомнѣнно, существуетъ и среди учителей земскихъ школъ. Но это стремленіе безъ вліятельной поддержки и ободренія со стороны, безъ авторитетнаго руководства и указаній болѣе свѣдущихъ лицъ или глохнетъ, или принимаетъ ложное направленіе. Курсы же тѣмъ и важны, что они не даютъ заглохнуть въ земскихъ учителяхъ стремленію къ самообразованію, напротивъ, усиливаютъ это стремленіе, пробуждаютъ любознательность, даютъ учителямъ

руководящую нить въ ихъ дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятіяхъ и указываютъ имъ, гдѣ можно найти наиболѣе вѣрное и ясное изложеніе того или иного предмета.

Въ виду всего этого губернское земское собраніе признало, что „отказъ въ разрѣшеніи устройства курсовъ лишаетъ калужское земство единственнаго посильнаго ему и дѣйствительнаго способа повысить образовательный уровень земскихъ учащихъ, тогда какъ такое повышеніе и дирекціей народныхъ училищъ считается настоятельно необходимымъ. Отказъ допустить въ число лекторовъ на курсахъ г. Балталона въ глазахъ собранія не вяжется съ выраженнымъ учебнымъ вѣдомствомъ въ лицѣ директора народныхъ училищъ желаніемъ, чтобы въ земскихъ школахъ увеличивалось число учащихъ съ среднимъ образованіемъ. Если были основанія допустить г. Балталона въ число преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ признаются со стороны учебнаго вѣдомства желательными кандидатами въ народные учителя, то, казалось бы, тѣ же основанія говорятъ и въ пользу допущенія его въ число лекторовъ на курсахъ непосредственно для народныхъ учителей“. Руководясь такими соображеніями и принимая во вниманіе, что „безъ общаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія въ смыслѣ облегченія условій приглашенія руководителей и лекторовъ на учительскіе курсы не можетъ быть увѣренности и на будущее время, что всѣ усилія земства не сведутся къ безплодной тратѣ времени и труда“, губернское собраніе поручило своей управѣ возбудить передъ правительствомъ ходатайство, чтобы впредь лица, состоящія на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, безпрепятственно допускались въ руководители и лекторы курсовъ, устраиваемыхъ земствомъ для народныхъ учителей.

Трудно сказать съ увѣренностью, получитъ ли успѣхъ ходатайство калужскаго земства и будетъ ли устранено то странное противорѣчіе взглядовъ учебнаго вѣдомства, на какое указывается въ этомъ ходатайствѣ. Во всякомъ случаѣ народнымъ учителямъ Калужской губерніи за послѣднее время пришлось познакомиться съ подобными противорѣчіями не въ одной только исторіи съ земскими курсами. Когда существующее въ Калугѣ общество взаимопомощи учащихъ въ народныхъ училищахъ задумало устроить въ уѣздахъ библіотеки для учителей и учительницъ, его предположеніе не смогло осуществиться, благодаря неутвержденію въ званіи завѣдующихъ всѣхъ восьми лицъ въ губерніи, изъявившихъ согласіе взять на себя трудъ завѣдыванія библіотечными отдѣленіями, и общество оказалось вынужденнымъ ограничиться устройствомъ одной центральной библіотеки въ губернскомъ городѣ. Состоявшееся на послѣднемъ общемъ собраніи названнаго общества обсужденіе доклада объ участіи учащихъ въ школьныхъ совѣтахъ при зем-

скихъ управахъ, закончившееся постановленіемъ о возбужденіи ходатайства въ этомъ смыслѣ передъ всѣми уѣздными земствами Калужской губерніи, вызвало со стороны мѣстнаго губернатора указаніе, что „обсужденіе вопросовъ, подобныхъ вопросу о школьныхъ совѣтахъ при земскомъ и городскомъ самоуправленіяхъ, совершенно не относится къ задачамъ общества". Еще болѣе энергичная попытка ограниченія дѣятельности общества была сдѣлана въ томъ же засѣданіи однимъ изъ его участниковъ, директоромъ народныхъ училищъ Калужской губерніи г. Богдановымъ. Послѣдній, по прочтеніи журнала предыдущаго засѣданія общества, выступилъ съ требованіемъ, чтобы при печатаніи этого журнала изъ него были исключены тѣ слова заключительной рѣчи предсѣдательствовавшаго въ собраніи, которыя касались труднаго положенія народныхъ учителей въ матеріальномъ и правовомъ отношеніяхъ. Предсѣдатель собранія замѣтилъ было, что предложеніе г. Богданова можетъ быть разсмотрѣно на годичномъ общемъ собраніи, когда будетъ утверждаться для печати годичный отчетъ общества, въ настоящемъ же собраніи рѣчь идетъ исключительно о правильности журнала прошлаго засѣданія, а не о редакціи его для печати. Но это замѣчаніе вызвало со стороны г. Богданова лишь угрозу, что въ томъ случаѣ, если его предложеніе не будетъ обсуждено и принято теперь же, онъ немедленно закроетъ собраніе и обратится къ мѣстной администраціи съ представленіемъ о закрытіи самаго общества. Подъ давленіемъ такой угрозы собраніе сочло за лучшее покориться своему властному сочлену и исключить смутившее его мѣсто изъ журналовъ своихъ засѣданій.

Такимъ образомъ общество взаимопомощи учащихъ въ народныхъ училищахъ не можетъ устраивать библіотекъ для тѣхъ изъ народныхъ учителей и учительницъ, которые наиболѣе нуждаются въ духовной пищѣ, не можетъ обсуждать проекты болѣе близкаго участія учителей въ школьныхъ дѣлахъ, не можетъ даже упоминать о тѣхъ или иныхъ тяжелыхъ условіяхъ судьбы народнаго учителя. Такое положеніе трудно назвать нормальнымъ. Но въ дѣйствительности оно можетъ развиваться въ томъ же самомъ направленіи еще и дальше. Въ минувшемъ маѣ правленію названнаго общества было предложено мѣстнымъ губернаторомъ обсудить нѣсколько „предположеній", касающихся измѣненія устава общества, и представить свое заключеніе по этому поводу не позднѣе 15 іюня, съ такимъ разсчетомъ, чтобы измѣненный уставъ можно было ввести въ дѣйствіе съ началомъ новаго учебнаго года. Согласно первому пункту этихъ „предположеній", предсѣдатель и члены правленія общества должны быть утверждаемы въ своемъ званіи попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ калужскимъ губернаторомъ, какъ это практикуется относительно членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій. По второму пункту директоръ народныхъ училищъ, директоръ

мужской гимназіи, начальница женской гимназіи и директоръ реальнаго училища обязательно должны входить, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, въ составъ правленія общества. Наконецъ, согласно третьему пункту, директору народныхъ училищъ должно принадлежать право представлять на утвержденіе попечителя учебнаго округа предсѣдателя и членовъ правленія, избираемыхъ обществомъ на три года, примѣнительно къ § X-му положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія *). Довольно трудно понять, почему въ изложенныхъ „предположеніяхъ“ общество взаимопомощи учащихъ приравнивается къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ. За то легко предвидѣть, что въ случаѣ осуществленія этихъ предположеній названное общество потеряетъ всякую возможность сколько-нибудь самостоятельнаго существованія, если только не прекратитъ совершенно своей дѣятельности. Въ виду неизбѣжности такихъ результатовъ остается думать, что въ Калужской губерніи, въ прямую противоположность взгляду мѣстнаго земства, всякая, даже самая скромная, самодѣятельность народныхъ учителей считается нежелательной и недоступной. **В. М.**

Служебная дисциплина въ Валдайскомъ земствѣ. Валдайскій уѣздъ Новгородской губерніи съумѣлъ за послѣдніе годы составить себѣ громкую и во многихъ отношеніяхъ любопытную репутацію.

Земское хозяйство въ названномъ уѣздѣ находится почти въ первобытномъ состояніи. Земскихъ школъ крайне мало и онѣ далеко не удовлетворяютъ потребностямъ крестьянскаго населенія, вынужденнаго довольствоваться частью церковно-приходскими школами, частью услугами вольнонаемныхъ учителей. Земскихъ врачей на 100.000 населенія уѣзда имѣется всего три, при чемъ и ихъ мѣста нерѣдко пустуютъ. Приблизительно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ другими отраслями земскаго хозяйства. Но за то руководители послѣдняго въ Валдайскомъ уѣздѣ неослабно охраняютъ свой авторитетъ и высоко держатъ знамя „служебной дисциплины“. Насколько плодотворною оказывается такая дѣятельность, можно видѣть на примѣрѣ нѣсколькихъ исторій, разыгравшихся въ уѣздѣ за послѣдніе четыре года.

Въ маѣ 1901 года ветеринарный врачъ новгородскаго губернскаго земства по Валдайскому уѣзду, г. Ельмановъ, обратился въ валдайскую управу съ бумагой, въ которой заявлялъ, что въ виду „грубыхъ, придирчивыхъ и прямо некультурныхъ отношеній“ къ нему уѣздной управы, въ лицѣ ея предсѣдателя А. А. Попова и члена Н. М. Тимаева, онъ не находитъ болѣе возможнымъ для себя оставаться на службѣ земства по Валдайскому уѣзду, о чемъ увѣдомляетъ также и губернскую управу. Упомянутыя въ бумагѣ

*) „Р. Вѣдомости“, 21 мая 1904 г.

г. Ельманова лица сочли себя оскорбленными его отзывомъ о нихъ и возбудили противъ него дѣло въ новгородскомъ окружномъ судѣ за ложныя и клеветническія обвиненія. На судѣ однакоже изъ документовъ и свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что гг. Поповъ и Тимаевъ дѣйствительно практиковали „грубыя и придирчивыя“ отношенія къ г. Ельманову, предъявляя къ нему въ крайне грубой формѣ требованія, на которыя не имѣли никакого права, и неправильно обвиняя ветеринарнаго врача передъ губернской управой въ неисполненіи всѣхъ распоряженій уѣздной управы. Въ качествѣ же свидѣтельства „культурности“ предсѣдателя валдайской управы на судѣ былъ оглашенъ слѣдующій фактъ: 30 августа 1900 г., въ день своихъ именинъ, г. Поповъ, состоявшій тогда командиромъ вольной пожарной дружины въ г. Валдаѣ, послѣ обѣда произвелъ тревогу, собралъ пожарную дружину и, направивъ ее къ зданію ветеринарной лѣчебницы, распорядился обливать послѣднее водой изъ пожарныхъ трубъ; не довольствуясь этимъ, г. Поповъ взялъ самъ рукавъ пожарнаго насоса и, направивъ струю воды въ окно аптеки, разбилъ стекла и залилъ внутренность аптеки водою. Въ виду такихъ фактовъ судъ оправдалъ г. Ельманова, отказавшись признать въ его отзывѣ о гг. Поповѣ и Тимаевѣ наличность ложныхъ и клеветническихъ обвиненій.

Но этого урока, въ свое время отмѣченнаго прессой, для валдайской управы оказалось недостаточно. Правда, предсѣдатель валдайской управы больше не обливалъ водою лѣчебницъ, но своихъ отношеній къ земскимъ служащимъ онъ не счелъ нужнымъ перемѣнить. Это обстоятельство скоро вызвало въ Валдайскомъ уѣздѣ новый и крайне тяжелый для населенія конфликтъ. Въ сентябрѣ 1901 года валдайской управой былъ приглашенъ на мѣсто земскаго врача для завѣдыванія рождественскимъ пріемнымъ покоемъ врачъ А. М. Шустеръ. Прослуживъ на этомъ мѣстѣ $8^1/_2$ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ энергично работалъ и пріобрѣлъ уже немалую популярность среди населенія, г. Шустеръ 1 іюня 1902 г. совершенно неожиданно получилъ отъ валдайской управы сообщеніе, что она уволила его отъ должности врача рождественскаго пріемнаго покоя, такъ какъ „не одобряетъ его отношеній къ представителямъ мѣстной правительственной власти, состоящимъ въ то же время и земскими дѣятелями, и такъ какъ прямыя его служебныя обязанности выполняются имъ не всегда достаточно точно и аккуратно, вслѣдствіе чего дальнѣйшее его пребываніе въ занимаемой имъ должности является мало полезнымъ для земскаго дѣла“. На запросъ удивленнаго и возмущеннаго такимъ сообщеніемъ г. Шустера, просившаго объяснить, когда онъ исполнялъ свои обязанности недостаточно точно и аккуратно, кто эти обиженные имъ „земскіе дѣятели“, заступиться за которыхъ сочла нужнымъ управа, почему они не

привлекли его сами къ судебной отвѣтственности, если дѣйствительно оскорблены имъ, и въ чемъ выразились его „отношенія“, послужившія поводомъ къ увольненію его, управа отвѣтила лишь, что г. Шустеръ уволенъ ею на основаніи ст. 105 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, не имѣющей, къ слову сказать, ни малѣйшаго отношенія къ земскимъ врачамъ, и что „давать г. Шустеру какія-либо объясненія и входить съ нимъ въ дальнѣйшія сношенія по этому поводу управа не считаетъ себя обязанной въ виду крайне дерзкаго и неприличнаго запроса съ его стороны“ *). Такимъ образомъ простое и, казалось бы, довольно естественное желаніе врача узнать истинныя причины своего увольненія въ глазахъ валдайскихъ громовержцевъ являлось ни болѣе, ни менѣе, какъ „дерзостью и неприличіемъ“. Очевидно, земскіе служащіе Валдайскаго уѣзда должны были понять, что они имѣютъ дѣло не съ какой-либо скромной уѣздной управой, а съ совѣтомъ грозныхъ олимпійцевъ, не имѣющихъ ни нужды, ни желанія объясняться съ обыкновенными смертными.

Къ сожалѣнію, не всѣ могли согласиться съ такимъ взглядомъ, обязывавшимъ вдобавокъ земскихъ служащихъ заботиться не столько о своемъ прямомъ дѣлѣ, сколько о сохраненіи хорошихъ отношеній съ „земскими дѣятелями“, и на этой почвѣ не замедлило разыграться новое столкновеніе, опять-таки тяжело отразившееся на интересахъ населенія. Въ концѣ 1900 года мѣсто врача при земской больницѣ въ г. Валдаѣ занялъ, по приглашенію управы, докторъ М. Л. Сергіевскій. Молодой, талантливый и энергичный врачъ быстро завоевалъ себѣ симпатіи населенія г. Валдая и окрестныхъ деревень и поднялъ сильно запущенную передъ тѣмъ земскую больницу. Правда, послѣднее далось ему не легко. Уже черезъ два мѣсяца послѣ принятія въ свое вѣдѣніе валдайской больницы г. Сергіевскій вынужденъ былъ настоять на увольненіи прежняго ея смотрителя, а черезъ нѣкоторое время ему пришлось ходатайствовать о перемѣнѣ всего почти прежняго служебнаго персонала больницы. До поры, до времени просьбы врача, пользовавшагося все возраставшей популярностью, исполнялись управой, но, когда разыгралась исторія съ д-ромъ Шустеромъ, г. Сергіевскій не счелъ нужнымъ скрывать своего отношенія къ поведенію управы и скоро испыталъ на себѣ послѣдствія этого. Въ концѣ 1902 года онъ получилъ отъ управы извѣщеніе, что ею приняты на освободившіяся въ валдайской больницѣ вакансіи фельдшера и акушерки два лица, ранѣе занимавшія уже тѣ же самыя должности и уволенныя съ нихъ по настоянію г. Сергіевскаго. Напомнивъ управѣ этотъ фактъ и указавъ на то, что упомянутыя лица, во время своей службы въ земской больницѣ крайне небрежно относившіяся

*) „Русскій Врачъ“, 1902, № 30.

къ своимъ обязанностямъ, являются непригодными для отправленія возлагаемыхъ на нихъ должностей и вредными для земско-медицинскаго дѣла, г. Сергіевскій просилъ управу или измѣнить свое рѣшеніе, или же принять его отставку. Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ ясно и управа уступила требованію врача. При этомъ, однако, бумага послѣдняго какимъ-то образомъ изъ управы попала въ руки тѣхъ лицъ, о которыхъ шла въ ней рѣчь, и они возбудили противъ врача судебное преслѣдованіе по обвиненію въ оскорбленіи и клеветѣ. Городской судья г. Валдая, разбиравшій это дѣло въ апрѣлѣ 1903 года, оправдалъ г. Сергіевскаго, найдя, что въ его бумагѣ не заключалось никакого оскорбленія, что не было въ ней и клеветы, такъ какъ на судѣ г. Сергіевскій доказалъ справедливость своихъ обвиненій, и, наконецъ, что названная бумага, въ качествѣ отзыва начальника о подчиненныхъ, не подлежала оглашенію. Какъ выяснилось на судѣ, бумага эта была выдана обвинителямъ предсѣдателемъ валдайской управы г. Поповымъ, дѣйствія котораго въ этой исторіи находили себѣ одобреніе не у всѣхъ его товарищей. „Врачъ Сергіевскій,—показывалъ на судѣ членъ управы Н. В. Паливода,—благодаря своему самостоятельному и критическому отношенію къ дѣлу, многимъ не нравился, въ особенности послѣ инцидента, бывшаго въ управѣ по поводу увольненія врача Шустера. Одной части управы г. Сергіевскій былъ неудобенъ и желателенъ былъ его уходъ, но его служебная дѣятельность и стремленіе къ порядку не давали законныхъ поводовъ и основаній къ его увольненію. Въ концѣ 1902 года однимъ лицомъ изъ состава управы было написано къ врачу Сергіевскому письмо, въ которомъ спрашивалось, дѣйствительно-ли Сергіевскій уходитъ изъ Валдайскаго уѣзда, и выражалось опасеніе остаться безъ врача. На это Сергіевскій отвѣтилъ, что, если онъ захочетъ уйти, то поставитъ управу въ извѣстность объ этомъ и не оставитъ управу безъ врача. Въ это же время одной частью состава управы былъ, такъ сказать, законтрактованъ врачъ, которому было дано увѣреніе, что онъ займетъ мѣсто г. Сергіевскаго; увѣреніе это было настолько категорическимъ, что названный врачъ подалъ въ отставку на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Но законныхъ причинъ къ увольненію г. Сергіевскаго всетаки не нашлось и онъ остался въ своей должности“. На этой почвѣ, по объясненію г. Паливоды, возникло и самое судебное дѣло противъ г. Сергіевскаго.

Благополучное окончаніе этого дѣла не избавило, однако, г. Сергіевскаго отъ дальнѣйшихъ испытаній. Осенью 1903 года земское собраніе постановило, въ видахъ улучшенія больничнаго дѣла, передать въ вѣдѣніе г. Сергіевскаго, какъ врача валдайской больницы, наемъ и увольненіе больничной прислуги, равно какъ и вообще завѣдываніе хозяйственной частью больницы, лежавшее раньше на обязанности смотрительницы. Но всякая попытка

врача воспользоваться предоставленными ему земскимъ собраніемъ правами встрѣчала упорное противодѣйствіе со стороны управы, изъ состава которой тѣмъ временемъ вышелъ г. Паливода. На каждомъ шагу врача ожидали мелкія придирки и несправедливыя требованія управы. Когда же онъ пытался отстоять и объяснить свои дѣйствія, управа немедленно прибѣгала къ угрозамъ, доходя до заявленій, что „если г. Сергіевскій желаетъ продолжать службу въ валдайскомъ земствѣ, то онъ долженъ подчиняться распоряженіямъ управы, а не глумиться надъ таковыми". При подобныхъ условіяхъ работа врача становилась все болѣе тяжелой и непріятной, но г. Сергіевскій, дорожа дѣломъ и интересами населенія, не рѣшался еще удовлетворить желанію управы и добровольно покинуть свою должность. Съ своей стороны управа, повидимому, находила все-таки не совсѣмъ удобнымъ разстаться съ популярнымъ среди населенія врачемъ безъ всякаго повода и, хотя однажды предложила г. Сергіевскому подать къ опредѣленному сроку прошеніе объ увольненіи, обѣщая неисполненіе этого предложенія счесть за „нежеланіе добровольно оставить службу", но на дѣлѣ не нашла въ себѣ рѣшимости исполнить эту угрозу. Къ назначенному сроку г. Сергіевскій не подалъ прошенія объ увольненіи, но и уволенъ не былъ. Въ концѣ концовъ судьба сжалилась однакоже надъ валдайской управой и послала ей давно ожидавшійся случай. Въ началѣ текущаго года д-ру Сергіевскому представилась необходимость на короткое время экстренно отлучиться изъ Валдая. Уѣзжая, г. Сергіевскій извѣстилъ врача, замѣнявшаго его въ больницѣ во время его отлучекъ и поѣздокъ по уѣзду, но второпяхъ не сообщилъ о своей поѣздкѣ управѣ. Между тѣмъ дѣло, потребовавшее его поѣздки, затянулось и онъ смогъ вернуться только черезъ четыре дня. Управа не замедлила воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и на другой же день послѣ своего возвращенія г. Сергіевскій получилъ отъ нея слѣдующее извѣщеніе: „Валдайская уѣздная земская управа, усмотрѣвъ, что врачъ валдайской земской больницы г. Сергіевскій вновь позволилъ себѣ игнорировать управу и, самовольно, безъ вѣдома и согласія управы, оставилъ ввѣренную ему больницу, отлучась по собственнымъ дѣламъ за предѣлы уѣзда съ 7 по 11 февраля, послѣдствіемъ чего было, что жители Ивантѣевской волости лишены были возможности получить врачебную помощь, такъ какъ врачъ Ивановъ, исполняя вслѣдствіе отъѣзда врача Сергіевскаго обязанности врача по больницѣ, посѣтить Ивантѣевскій фельдшерскій пунктъ въ опредѣленный для того день не могъ, и принимая во вниманіе, что дальнѣйшее пребываніе г. Сергіевскаго на службѣ валдайскаго земства, въ виду неоднократныхъ его неподчиненій распоряженіямъ управы, терпимо быть не можетъ, постановила: уволить врача Сергіевскаго отъ службы въ валдайскомъ земствѣ".

Такимъ образомъ, „служебная дисциплина“ еще разъ восторжествовала въ Валдайскомъ уѣздѣ. Правда, немалая часть населенія осталась на счетъ этого торжества при особомъ мнѣніи. Г. Сергіевскому, немедленно получившему приглашеніе на службу новгородскаго уѣзднаго земства, были устроены въ Валдаѣ полные теплаго сочувствія проводы, данъ по подпискѣ обѣдъ, въ которомъ приняли участіе около тридцати мѣстныхъ обывателей, и поднесенъ покрытый многочисленными подписями адресъ. И въ этомъ адресѣ, и въ рѣчахъ говорившихъ на обѣдѣ ораторовъ указывалось, что въ лицѣ г. Сергіевскаго Валдайскій уѣздъ теряетъ „врача-идеалиста“, служившаго дѣлу, а не лицамъ, съ беззавѣтной готовностью несшаго свой трудъ туда, гдѣ онъ былъ наиболѣе нуженъ, и успѣвшаго оказать серьезныя услуги населенію. Потеря такого врача, надо думать, явилась не особеннымъ выигрышемъ для населенія. Съ другой стороны, послѣднее вынуждено было нѣкоторое время считаться и съ прямымъ недостаткомъ медицинской помощи, такъ какъ послѣ увольненія г. Сергіевскаго должность земскаго врача въ валдайской больницѣ оказалось возможнымъ замѣстить лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но все это, конечно, не могло интересовать управу, всецѣло посвятившую свое вниманіе охранѣ личнаго престижа и поддержанію строгой дисциплины въ рядахъ земскихъ служащихъ. Неуклонное преслѣдованіе этихъ задачъ, несомнѣнно, исключаетъ возможность сколько-нибудь энергичной и плодотворной работы органовъ мѣстнаго самоуправленія и валдайская управа, повидимому, задалась стремленіемъ дать лишнее доказательство этой простой истины. Можно только пожалѣть, что такого рода доказательства даются за счетъ населенія. **В. М.**

Евреи и война. Это сопоставленіе дѣлалось не разъ съ начала роковыхъ событій, переживаемыхъ нынѣ Россіей. Сперва „Новое Время“ пыталось освѣжить отечественный антисемитизмъ, обвиняя русскихъ евреевъ въ томъ, что они навлекли на наше отечество войну, въ которой они виноваты, конечно, меньше „Новаго Времени“. Не было недостатка также въ дикихъ попыткахъ уличить русскихъ евреевъ въ дѣятельной помощи японцамъ. Затѣмъ другія газеты сообщили нѣсколько фактовъ изъ области отношеній между евреями и войной. Сопоставленіе этихъ фактовъ не лишено интереса.

О количествѣ евреевъ, сражающихся въ рядахъ русскихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ, подымался вопросъ не разъ. Какъ извѣстно, не смотря на разговоры объ уклоненіи евреевъ отъ исполненія воинской повинности, евреевъ въ арміи не меньше, а больше, чѣмъ слѣдовало бы, сообразно относительному количеству еврейскаго населенія въ Россіи. Особенно много евреевъ было приписано къ сибирскимъ полкамъ и это обстоятельство еще болѣе повышаетъ процентъ евреевъ въ рядахъ дѣйствующей

арміи. Петербургскій раввинъ, наводившій по этому предмету справки, съ мѣсяцъ назадъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Бирж. Вѣд.“ исчислилъ количество сражающихся евреевъ тысячъ въ пятнадцать по меньшей мѣрѣ, теперь это число надо повысить. Газеты, читающія въ сердцахъ, старались также предсказать, что еврейскія пожертвованія на нужды военнаго времени достанутся по преимуществу японцамъ. Факты показали, конечно, противное; еврейская буржуазія жертвуетъ столько же, сколько и прочіе. Къ этому петербургскій раввинъ присовокупляетъ, что „помимо непосредственныхъ пожертвованій, евреями жертвуется не мало денегъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ, купцы жертвуютъ въ купеческихъ обществахъ, подрядчики въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они занимаются подрядами и поставками, и т. д.“.

О поведеніи евреевъ на войнѣ также получены газетами свѣдѣнія, которыхъ слѣдовало ожидать. Особенно много на войнѣ, какъ извѣстно, евреевъ-врачей; первыя партіи врачей, отправленныя на войну, состояли чуть не сплошь изъ евреевъ, что совершенно естественно: ихъ не ограждала отъ мобилизаціи государственная служба, на которую ихъ не принимаютъ. Непригодные для работы въ войскахъ въ мирное время, они оказались пригодными для военной службы какъ разъ тогда, когда на каждомъ членѣ арміи лежитъ особенно тяжелая отвѣтственность. Одинъ изъ эпизодовъ, характеризующихъ дѣятельность этихъ пасынковъ военной медицины, сообщаетъ одна южная газета. „Отправившійся на Дальній Востокъ, въ первую очередь, мѣстный запасный врачъ г. Лурье былъ прикомандированъ къ 3-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ сраженіи у Вафангоу, гдѣ былъ раненъ въ правую ключицу. На дняхъ отъ г. Лурье получено письмо, въ которомъ онъ описываетъ нѣкоторые эпизоды этого тяжкаго боя. Д-ръ Лурье со своими помощниками-санитарами работалъ въ передовой цѣпи, оказывая первоначальную помощь раненымъ. Работа происходила подъ огнемъ непріятеля. Санитарный отрядъ такъ увлекся своей работой, что не замѣтилъ, какъ наши начали отступать, и вскорѣ Лурье съ товарищами очутился въ близкомъ сосѣдствѣ японцевъ. Замѣтивъ свою „оплошность“, отрядъ началъ спѣшно уходить. Разбились на кучки, и д-ръ Лурье остался съ двумя санитарами, которые во время дальнѣйшаго отступленія были убиты на глазахъ доктора. Г. Лурье, уже раненый, брелъ дальше, какъ могъ, и прошелъ верстъ 15, пока не упалъ, потерявъ сознаніе. Сколько времени пролежалъ д-ръ Лурье, онъ не помнитъ. Между тѣмъ, деньщикъ его, рядовой Махалкинъ, энергично разыскивалъ своего „барина“, хотя въ полку доктора считали уже безъ вѣсти пропавшимъ или взятымъ въ плѣнъ. Лишь черезъ два дня д-ръ Лурье былъ подобранъ нашими и доставленъ въ Вафандзянъ въ полевой лазаретъ. Деньщикъ Махалкинъ тотчасъ сообщилъ объ этомъ женѣ доктора.

Вообще, этотъ Махалкинъ все время проявлялъ трогательную заботливость не только о д-рѣ Лурье, но и о его семьѣ, которой аккуратно посылалъ письма при первой возможности. До сихъ поръ больной докторъ не могъ писать собственноручно, и Махалкинъ, будучи грамотнымъ, исполнялъ обязанности его секретаря. Письма Махалкина дышатъ непосредственной простотой и даже нѣжностью.

„Раненаго д-ра Лурье посѣтилъ главнокомандующій манчжурской арміей ген.-адъют. Куропаткинъ, который очень тепло бесѣдовалъ съ нимъ, разспрашивая о подробностяхъ „отступленія“. По приказанію главнокомандующаго, д-ру Лурье выдано единовременное пособіе въ размѣрѣ 400 руб., такъ какъ докторъ лишился всего своего багажа. Сверхъ того, главнокомандующій арміей ген.-адъют. Куропаткинъ представилъ д-ра Лурье къ наградѣ орденомъ“.

О мужествѣ, съ которымъ еврейскіе солдаты исполняютъ свой долгъ телеграфировалъ уже „Русскому Слову“ дѣятельный В. И. Немировичъ-Данченко, при чемъ обѣщалъ въ письмѣ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, но не исполнилъ своего обѣщанія—быть можетъ, по той же причинѣ, которую отмѣчалъ въ своихъ корреспонденціяхъ Н. Г. Гаринъ-Михайловскій: не захватилъ съ собою пишущей машинки; рука въ вагонѣ дрожитъ, многаго въ рукописи разобрать нельзя, и корреспонденціи появляются въ печати въ весьма неполномъ видѣ...

Солдатская храбрость людей, привыкшихъ подчиняться, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но есть стимулы, которые могли бы поднять эту храбрость на степень идейнаго самоотверженія и которые нашли удобнымъ какъ разъ теперь отнять у еврея солдата. Тяжелой ироніей судьбы звучитъ послѣ вышеприведенныхъ извѣстій сообщеніе газетъ, что въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее приказаніе начальника военно-окружныхъ управленій и временно-командующаго войсками Гиринской и Хейлундзянской провинцій и Забайкальской области:

„Харбинъ, 20 мая 1904 г. Временно командующій войсками приказалъ: воспретить въѣздъ въ Манчжурію евреямъ, за исключеніемъ крупныхъ подрядчиковъ управленій и учрежденій, расположенныхъ въ раіонѣ военно-окружныхъ управленій, имѣющихъ надлежащій пропускъ отъ штаба военно-окружныхъ управленій.

Подписалъ: За и. д. начальника штаба генеральнаго штаба, подполковникъ *Конге*“.

Жизнь не даетъ опередить себя вымыслу. Еще въ началѣ мобилизаціи народный юморъ создалъ сценку, которая слишкомъ быстро оказалась блѣднѣе дѣйствительности: сельское „начальство“ приноситъ еврею распоряженіе присоединиться къ войскамъ, отправляющимся на охрану русской государственной чести на Дальній Востокъ. „Да вѣдь намъ тамъ нельзя жить“ — говоритъ

еврей. „Дуракъ—возражаетъ начальство:—жить нельзя, умирать можно“.

Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ нашимъ отечествомъ, уже мало механическаго и подневольнаго исполненія тѣхъ обязанностей, которыя въ силахъ наложить на человѣка законъ: теперь болѣе чѣмъ когда-либо умѣстно не однимъ только словомъ, но и дѣломъ призвать къ свободному самопроизвольному дѣйствію каждаго отдѣльнаго гражданина на благо цѣлаго. Отъ подданнаго можно требовать только исполненія: починъ способны проявить лишь граждане. Въ этомъ починѣ заключается истинный патріотизмъ — и этотъ патріотизмъ питается только сознаніемъ тѣхъ правъ, которыя обезпечиваетъ намъ общежитіе. Если въ подданныхъ нѣтъ этого сознанія, вина въ той единственной жизненной школѣ, которая способна воспитывать взрослыхъ людей: въ формахъ окружающей ихъ общественности. А. Г.

Въ защиту фабричной работницы. Русская фабричная работница не читаетъ и не узнаетъ, какое тяжелое обвиненіе выставлено противъ нея въ нашей литературѣ.

Е. М. Дементьевъ въ статьѣ „Женскій фабричный трудъ въ Россіи“ (журналъ „Промышленность и Здоровье“ № 3) говоритъ: „Условія фабричной жизни и работы какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ этой легкости нравовъ, при которой семья становится только потѣхой“.

Огульныя массовыя обвиненія вообще коробятъ. Мнѣніе о „легкости нравовъ“ фабричной работницы становится у насъ ходячимъ. Но отъ солиднаго автора „Фабрики“ позволительно ожидать и солидно обоснованныхъ мнѣній. Свое суровое мнѣніе о нравахъ женскаго фабричнаго труда въ Россіи почтенный авторъ высказалъ на основаніи матеріала, собраннаго опросомъ работницъ на одной фабрикѣ въ Москвѣ, при чемъ самый опросъ былъ произведенъ администраціей фабрики. Г. Дементьевъ нашелъ, что среди рожавшихъ работницъ этой фабрики было много дѣвицъ „и были онѣ матерями уже нѣсколько разъ“... „Это представляется не ошибками молодости,—говоритъ онъ,—а нормальнымъ явленіемъ, какъ бы обычаемъ“... „Результатомъ такихъ нравовъ является то, что изъ 596 рожавшихъ женщинъ 127, пятая часть, 21,3%, приходится на мимолетныя связи дѣвицъ“.

Таковы основанія для обвиненія.

И имя автора, и значеніе фактическаго изслѣдованія, и наличность цифръ могутъ придать словамъ г. Дементьева видъ солиднаго вывода—и, того гляди, фраза о „легкости нравовъ“ фабричной работницы начнетъ фигурировать, не какъ ходячее мнѣніе, а ужъ какъ нѣчто доказанное, или какъ „мнѣніе знатока“ фабричной жизни. И это еще болѣе побуждаетъ насъ выступить въ защиту чести фабричной работницы, сдѣлать къ словамъ г. Дементьева необходимую поправку.

Прежде всего цифры 596 и 127, приведенныя г. Дементьевымъ, совершенно недостаточны для такихъ серьезныхъ и обобщающихъ выводовъ.

Затѣмъ, здѣсь не обращено вниманіе на то чрезвычайно важное обстоятельство, что фабрика, давшая г. Дементьеву этотъ матеріалъ, находится въ *Москвѣ*, гдѣ, какъ въ крупномъ городскомъ центрѣ, существуетъ много причинъ „легкости нравовъ“, не относящихся спеціально къ фабрикѣ и фабричной работницѣ. Оставляя въ сторонѣ шокирующій и не отвѣчающій существу дѣла терминъ „легкость нравовъ“ и принявъ спокойный обычный терминъ „внѣбрачныя рожденія“, мы видимъ, что вообще въ Москвѣ процентъ внѣбрачныхъ рожденій очень великъ и въ нѣсколько разъ превышаетъ процентъ внѣбрачныхъ рожденій въ Россіи. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи незаконныя рожденія составляютъ 2,7%, а въ Москвѣ незаконныя рожденія составляютъ 22,63% общаго числа рожденій.

Далѣе, на фабрику въ городахъ уходитъ, напр., много совращенной домашней прислуги. Г. Дементьевъ самъ отмѣчаетъ, что въ числѣ 1225 работницъ этой фабрики „встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, и служившія въ качествѣ прислуги“. Встрѣчаются очень рѣдко, но, сколько именно, авторъ не говоритъ, а между тѣмъ это очень важно въ данномъ случаѣ. Допустимъ, напр., что этой бывшей домашней прислуги было только 20 человѣкъ—число очень малое въ общей суммѣ 1225 работницъ фабрики („очень рѣдко“), но если эти 20 человѣкъ находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ числѣ злополучныхъ 127 рожавшихъ фабричныхъ дѣвицъ, то эта маленькая цифра 20 вноситъ ужъ значительную поправку въ выводъ автора о процентномъ отношеніи „легкости нравовъ“ собственно фабричныхъ работницъ.

Таково, между прочимъ, возможное значеніе Москвы въ этомъ вопросѣ.

Произведенное мной нѣсколько лѣтъ назадъ и тогда же напечатанное изслѣдованіе касалось, между прочимъ, 657 рожавшихъ фабричныхъ работницъ въ г. Шуѣ Владимірской губ. Рожавшихъ дѣвицъ среди нихъ оказалось только 6 (0,9%). У г. Дементьева же среди 596 рожавшихъ работницъ оказалось 127 дѣвицъ (21,3%). Изъ сопоставленія этихъ цифръ во всякомъ случаѣ ясно, что московскія 6 сотенъ фабричныхъ работницъ и шуйскія 6 сотенъ дали совершенно различные результаты. Третья, четвертая, пятая группы по 6 сотенъ могутъ дать еще другіе выводы на счетъ „легкости нравовъ“ фабричной работницы, а потому и вывода никакого тутъ дѣлать нельзя, пока нѣтъ достаточно большого матеріала для опредѣленія удѣльнаго вѣса нравовъ „женскаго фабричнаго труда въ Россіи“.

Во всякомъ случаѣ, излагая свой суровый выводъ о „легкости нравовъ“ фабричной работницы, авторъ долженъ былъ, без-

пристрастія ради, упомянуть, что имѣются объ этомъ и другія цифры, дающія другое процентное отношеніе.

Что матеріалъ, данный г. Дементьеву московской фабрикой, и нѣкоторые сдѣланные имъ изъ него выводы нельзя считать средними, типичными, характерными для „женскаго фабричнаго труда въ Россіи", можно видѣть еще изъ того, что полученный имъ выводъ о количествѣ выкидышей и мертворожденныхъ (4,5% общаго числа 1815 живорожденій) также значительно превышаетъ имѣющійся въ литературѣ выводъ (3,3% изъ 2520 живорожденій у фабричныхъ работницъ).

Какъ бы то ни было *одна* фабрика въ *Москвѣ* съ *600* работницъ не даетъ права судить о нравахъ *многотысячной* арміи „женскаго фабричнаго труда въ *Россіи*". И, повторяю, высказанное г. Дементьевымъ мнѣніе о „легкости" этихъ нравовъ остается совершенно недоказаннымъ.

Мысль статьи автора—доказать необходимость ограждающаго женскій фабричный трудъ законодательства—можетъ быть доказана и безъ ссылки на „легкость нравовъ". Огромная смертность дѣтей фабричныхъ рабочихъ, особенно грудныхъ, значительно превышающая даже очень высокую смертность дѣтей въ Россіи вообще; весьма ранняя инвалидность самой фабричной работницы, которая къ 40 годамъ изнашивается и выбрасывается за ворота фабрики, какъ негодная къ труду,—эти явленія достаточно грозны и достаточно извѣстны для того, чтобы на основаніи ихъ однихъ говорить о необходимости у насъ внимательнаго ограждающаго женскій фабричный трудъ законодательства.

Но говорить о „легкости нравовъ" фабричной работницы... нѣтъ, на это у насъ пока нѣтъ достаточныхъ основаній.

Да и можно ли внѣбрачныя рожденія отождествлять съ „мимолетными связями?" Не есть ли это своего рода тоже „легкость нравовъ", опускаться до которой серьезному изслѣдователю не слѣдовало бы? **И. Вегеръ.**

«Ученый» споръ. Передо мною лежитъ филологическое изслѣдованіе А. Е. Крымскаго „Филологія и погодинская гипотеза". „Даетъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малороссовъ?" Эта брошюра невольно наводитъ на нѣкоторыя размышленія... Но сначала два-три слова объ „ученомъ спорѣ", въ ней трактуемомъ. Погодинъ нѣкогда высказалъ предположеніе, что въ эпоху татарщины кіевская земля опустѣла и ея населеніе, поскольку не было истреблено, переселилось на сѣверо-востокъ. Сама же страна послѣ того, какъ возстановилась нѣкоторая безопасность, населилась съ запада колонистами волынскими и галицкими. Предположеніе это, основанное на очень шаткихъ историческихъ данныхъ, было скоро опровергнуто и забыто. Въ настоящее время проф. Соболевскій снова пробуетъ возродить по-

годинскую гипотезу, строя ее уже не на историческихъ, а на филологическихъ данныхъ. Разбирая древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, на Волыни и на Сѣверѣ, г. Соболевскій желаетъ установить тотъ фактъ, что древніе кіевскіе памятники отличаются великоруссизмомъ, тогда какъ волынскіе и галицкіе малоруссизмомъ. Г. Крымскій старается это опровергнуть и дѣлаетъ это съ успѣхомъ. Все это превосходно и до сихъ поръ никакихъ особыхъ размышленій не вызываетъ. Ученые спорятъ для выясненія научнаго вопроса. Можно пожелать имъ всяческаго успѣха и, при совершенной, казалось-бы, академичности спора, не сомнѣваться въ полной ихъ объективности. Однако, это только „казалось бы", полемика же ведется съ далеко не объективною холодностью. Знакомясь съ нею, вы легко замѣчаете, что спорящіе заинтересованы въ томъ или другомъ рѣшеніи и что при разборѣ правописанія Святославова Изборника разбираются въ сущности національныя права малорусской народности. Просматривая аргументацію и доводы обѣихъ сторонъ, мы съ удовольствіемъ видимъ, что побиты, повидимому, посягавшіе на малорусскія права: малороссы суть прямые потомки тѣхъ кіевлянъ, которые имѣли своими князьями двухъ Владиміровъ и городъ которыхъ былъ стольнымъ городомъ Руси. Они ни въ какомъ случаѣ не потомки тѣхъ древлянъ, что убили Игоря и которымъ мстила Ольга. Однако, еслибы современные украинцы были потомками оныхъ древлянъ и ихъ князя Мала, то почему бы это ихъ унизило? Развѣ современное населеніе Волыни должно стыдиться своихъ предковъ древлянъ?

Конечно, обитателямъ Волыни нечего стыдиться своихъ предковъ, а обитателямъ Поднѣпровья можно относиться гораздо хладнокровнѣе къ вопросу о томъ, въ XII в. ихъ предки жили-ли уже по Днѣпру, или западнѣе, по Бугу?

Несомнѣнно одно, что теперь именно они живутъ въ Поднѣпровьѣ, что это ихъ родина и что они имѣютъ прямое право и называть ее своей родиной, независимо отъ того, когда и гдѣ жили ихъ предки. Гипотеза Погодина совсѣмъ невѣроятна, ея новая обработка г. Соболевскимъ обнаружила много совершенно необъективныхъ натяжекъ, все это такъ, но если помнить, что все это совершенно неправильныя старанія лишить украинцевъ ихъ родины, потому что, древляне они или поляне, они все же обитатели и уроженцы Украйны, то, думается мнѣ, всѣ хитросплетенія ученыхъ гипотезъ представятся въ свѣтѣ, далеко не столь ужасномъ. „Оставимъ астрономамъ доказывать", а сами будемъ помнить, что не отъ теченія планетъ зависятъ наши житейскія дѣла и наша исторія, очень тягостная, очень страдная, но не до такой же степени, чтобы можно было съ опасеніемъ смотрѣть на такіе „ученые" походы, какъ эта и подобныя гипотезы. **С. Ю.**

Памяти Василія Алексѣевича Бильбасова. Послѣ такихъ горестныхъ и невознаградимыхъ утратъ, понесенныхъ въ этомъ году русскою литературою, какъ кончина Н. К. Михайловскаго и А. П. Чехова, выбывшихъ изъ строя, еще ими не покинутаго, кончина В. А. Бильбасова, уже около двадцати лѣтъ выбывшаго изъ строя, прошла мало замѣченною и еще менѣе отмѣченною. А между тѣмъ въ свое время Бильбасовъ сыгралъ крупную роль, въ исторіи русской журналистики и русской общественности. Создатель и руководитель „Голоса", первой по времени частной политической газеты въ Россіи, долгое время господствовавшей на газетномъ рынкѣ и пріобрѣвшей обширное вліяніе, займетъ свое замѣтное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго движенія шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ.

Отъ того умственнаго движенія, которое наполняло собою русскую жизнь въ эти три десятилѣтія, нельзя быть дальше, чѣмъ былъ „Голосъ" и его авторитетный руководитель В. А. Бильбасовъ, но рядомъ съ литературнымъ движеніемъ, своимъ богатствомъ и глубиною оказавшимъ великое вліяніе на все будущее русской мысли и русской литературы, рядомъ съ этимъ величіемъ и красотою, текла будничная жизнь, чуждая идеаловъ, но тѣмъ неразрывнѣе прикованная къ своимъ будничнымъ интересамъ... А интересы, затронутые колоссальными реформами и напуганные еще болѣе грандіозными идеалами и ожиданіями, стали, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, очень сложными и взаимно антагоничными. Они требовали своихъ органовъ и своихъ защитниковъ... Прежде всего, это были интересы недавно всевластныхъ слоевъ, помѣстнаго дворянства и стараго чиновничества. Только что сбитые съ позиціи реформами, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ они начали оправляться и возстановлять свое значеніе. За эти интересы выступали „Московскія Вѣдомости", съ 1863 года ставшіе газетою Каткова. Съ того же года „С.-Петербургскія Вѣдомости" перешли подъ редакцію В. Ѳ. Корша и сгруппировали вокругъ себя силы, всѣ свои надежды и упованія возлагавшія на „наши еще не окрѣпшія молодыя учрежденія", какъ они называли земство, муниципалитеты, автономные университеты, выборный судъ, вообще органы самоуправленія. И эти защитники самоуправленія стояли внѣ главнаго русла умственнаго движенія эпохи, какъ и органы, пытавшіеся выступить представителями нарождающейся торгово-промышленной буржуазіи. Такими пробовали быть „Страна" Л. Полонскаго и „Молва" Полетики. Эти опыты были не изъ удачныхъ, потому что чистокровной русской буржуазіи либерализмъ, ими предлагавшійся, былъ совершенно не нуженъ. Однако, либерализмъ былъ нуженъ не только самоуправленію. Еще другіе крупные интересы, созданные эпохою преобразованій, нуждались въ либе-

рализмѣ, а по общему складу тогдашней жизни и въ органѣ печати.

Дѣло въ томъ, что рядъ реформъ не только освободилъ однихъ и далъ самоуправленіе другимъ, но и самую власть непередвинулъ въ нѣкоторой степени изъ однѣхъ рукъ въ другія. Судебная власть была отнята у администраціи и передана независимому вѣдомству; другія отрасли были переданы вновь созданнымъ вѣдомствамъ, акцизному и контрольному, институту мировыхъ посредниковъ. Словомъ, рядомъ съ дороформеннымъ чиновничествомъ создался обширный классъ чиновничества пореформеннаго, большею частью съ высшимъ образованіемъ, презиравшаго старыхъ приказныхъ, независимаго отъ администраціи, заинтересованнаго въ сохраненіи этой независимости и въ дальнѣйшихъ реформахъ, открывавшихъ талантамъ и труду новаго чиновничества все новыя поприща и все новые успѣхи Можно сказать, что это новое чиновничество и было самою значительною и вліятельною силою, интересы которой склоняли ее къ либерализму своего рода. Органомъ именно этой либеральной бюрократіи и явился „Голосъ“. Отсюда и его огромные успѣхи, и его безспорное серьезное вліяніе, и та особая ненависть, которую онъ заслужилъ со стороны стараго чиновничества и которая привела его къ крушенію.

Либеральная бюрократія была либеральною, конечно, только до тѣхъ поръ, покуда было ей это дозволено. Замѣтивъ, что время для бюрократическаго либерализма прошло, новое чиновничество протянуло руку старому, многому у многоопытнаго научилось и, кажется, устроилось отлично, къ общему того и другого чиновничества удовольствію... Кто этого не понялъ, тѣхъ устранили, въ томъ числѣ былъ устраненъ и „Голосъ“. Онъ потерялъ raison d'être.

Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ не стало „Голоса“. Измѣнились обстоятельства, улеглись острыя антипатіи, умерли люди, непосредственно замѣшанные въ дѣло прекращенія газеты Бильбасова, но возродить ее не удалось, хотя, повидимому, Бильбасовъ не терялъ на это надежды. „Голосъ“ былъ не нуженъ, какъ не нужны стали и „Молва“, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (коршевскія), и сами катковскія „Моск. Вѣдомости“. „Наши молодыя еще неокрѣпшія учрежденія“ оказались очень слабыми; буржуазія ищетъ покровительства бюрократіи; а бюрократія не раздѣлена болѣе на старую и новую... Броженіе интересовъ, вызванное реформами, прекратилось и остались, попрежнему, какъ было до реформъ, умственное движеніе, исполненное идеаловъ и упованій, и сѣрая будничная жизнь подъ опекою солидарной бюрократіи, а потому и въ печати мы видимъ: или представителей литературной мысли, или безпринципные органы, ничему не служащіе, кромѣ собственныхъ интересовъ. Высоко

впрочемъ и кое-что новое, но это уже не народной нивѣ. Во всякомъ случаѣ и это новое, и это возродившееся старое, прошло *мимо* В. А. Бильбасова, оставшагося памятникомъ иной эпохи, столь близкой къ намъ по времени и столь далекой по содержанію, теперь даже мало понятному для не бывшихъ свидѣтелями той неоконченной эволюціи, гдѣ однимъ изъ видныхъ звеньевъ была газета Бильбасова. **С. Ю.**

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ М. О. Штильмана изъ Химокъ—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.007 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ группы служащихъ Конторы Матеріальной Службы Китайской Восточной ж. д. изъ Харбина—41 р.; ветеринарнаго врача Акулова изъ Свенцянъ—1 р.

Итого . . . 42 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 861 р. 65 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ І. И. Годлевскаго изъ Челябинска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.

Отъ Л. А. Преображенской изъ Москвы—5 р.

Итого . . . 5 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.548 р. 76 к.*)

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ Н. С. Бабашева изъ Тулы—1 р. 50 к.

Итого . . . 1 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 303 р. 35 к.

Поступило на учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ В. Сав.—100 р.; О. Корсакъ-Кулаженко—2 р.; П. Савичъ—3 р.; С. Копѣйчикова—1 р.; Макухина—1 р.; Е. Гричаниченко—1 р.; И. Кавалерова—1 р.; Г. Радченко—1 р. 50 к.; А. Кривошеенко—2 р.; В. Ольховикъ—1 р.; Кровченко—1 р.; Х. Дигтяренко—1 р.; В. Подлуцкой—1 р.; П. Ромашко—1 р.; П. Хомовскаго—1 р.; С. Матерій—3 р.; А. Бондаренко—2 р.; В. Штирнеръ—1 р.; М. Маляргукъ—1 р.; А. Мыльникова—1 р.; М. Кижунь—1 р.; А. Кандыбиной—1 р.; И. Савенко—1 р.; П. Курочкина—25 р.; Я. Остапенко—1 р.; итого 155 р. 50 к. **)

Итого . . . 155 р. 50 к.

---

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую Губернскую Земскую Управу.

**) Редакція покорнѣйше проситъ жертвователей указать адресъ, по которому она могла бы снестись съ ними.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Довв. ценз. Спб., 25 августа 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.